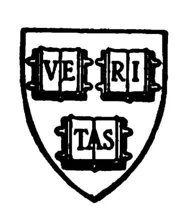

VE
RI
TAS

XI. 1902.

ОБРАЗОВАНІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 20 Апрѣля 1902 года.

Загадка.

(ПОВѢСТЬ).

I.

Когда по широкой улицѣ села, раскинувшагося по берегу узкой, неглубокой, но богатой камышами и вербами рѣки, или въ базарный день по торговой площади уѣзднаго города двигалась высокая, плечистая, величественная фигура отца Василія Смиренскаго, то всякій, взглянувъ на него, сейчасъ же понималъ, что этотъ благообразный и на всѣхъ производившій чрезвычайно пріятное впечатлѣніе батюшка, провелъ жизнь на хорошемъ приходѣ.

Съ львиной головой, съ густыми, вьющимися, достигавшими до плечъ и далеко еще не бѣлыми волосами, съ превосходной длинной, богатой бородой, съ здоровыми, сильно загорѣвшими щеками и съ яснымъ, открытымъ, свободнымъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ, отецъ Василій на всѣхъ производилъ впечатлѣніе человѣка, жизнь котораго прошла на волѣ среди деревенской природы, вдали отъ попечительнаго глаза благочиннаго, консисторскихъ чиновниковъ и прочихъ духовныхъ начальствъ, возсѣдающихъ обыкновенно въ городахъ.

Такъ это и было. Отецъ Василій началъ свою карьеру въ селѣ и тамъ свершалъ ее уже въ продолженіе тридцати лѣтъ съ лишнимъ. Мѣсто ему сразу досталось хорошее, а онъ своимъ мягкимъ, покладистымъ характеромъ сумѣлъ сдѣлать его еще лучшимъ.

Впрочемъ, это мѣсто не всегда было хорошимъ, его предшественникъ всю жизнь жаловался на недостатокъ благочестія прихожанъ и на, зависѣвшее отъ этого недостатка, малое количество приношеній. И онъ говорилъ правду, что и доказалъ, когда дѣйствительно умеръ въ бѣдности.

Но у него былъ дурной характеръ. Онъ былъ холоденъ, необщителенъ и надмененъ. На прихожанъ своихъ онъ смотрѣлъ свысока и обращался съ ними горделиво. Прихожане его боялись, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, издалека почтительно снимали передъ нимъ шапку, останавливались и отвѣшивали низкіе поклоны, но по части приношеній воздерживались.

Отецъ Василій, какъ только вступилъ на приходъ еще молодымъ попикомъ, только что покинувшимъ семинарскую скамью, вчера только женившимся и носившимъ еще на головѣ короткіе волосы, которые не успѣли отрости, тотчасъ обнаружилъ необыкновенно общительный характеръ: сталъ звать мужиковъ къ себѣ въ гости, сталъ ѣздить къ нимъ самъ, разумѣется, выбирая для этого болѣе зажиточныхъ между ними, и приходъ вдругъ самъ собой, безъ всякихъ съ его стороны мѣропріятій и хлопотъ, сдѣлался хорошимъ.

Прихожане вдругъ оказались благочестивыми, стали часто посѣщать церковь, приношенія ихъ сдѣлались обильными, конечно, по мѣрѣ силъ—все пошло, какъ нельзя лучше.

Правда, отецъ Василій за тридцать лѣтъ служенія на приходѣ ничего не нажилъ. Онъ даже не сумѣлъ построить собственнаго домика, въ которомъ послѣ его смерти могла бы спокойно проживать его вдова. Жилъ онъ въ церковномъ домѣ, правда, съ хорошимъ достаткомъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая, но ни въ какомъ банкѣ—это можно сказать по совѣсти — у него не лежало ни одной тысячи, ни одной даже сотни.

Но винить въ этомъ кого нибудь посторонняго нельзя. Виноватъ въ этомъ былъ самъ отецъ Василій, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ винить кого нибудь другого въ томъ, что отецъ Василій купно съ своей матушкой Авдотьей Филипповной такъ размножился, что, напримѣръ, въ настоящее время въ губерніи не было ни одного уѣзда, гдѣ не числилось бы среди церковнаго причта его потомства, въ видѣ ли молодого батюшки или попадьи, вышедшей за богослова.

У отца Василія съ Авдотьей Филипповной было одиннадцать дѣтей, изъ нихъ Богъ прибралъ къ себѣ въ самомъ маломъ возрастѣ только двоихъ, а девятерыхъ надо было воспитать, прокормить, обучить, поставить на ноги. И надо отдать справедливость отцу Василію — онъ это сдѣлалъ образцово.

Всѣ его сыновья съ разными успѣхами, конечно, кончили богословами, своевременно женились и получили приходы.

Только послѣдній, самый младшій, по окончаніи семинаріи, былъ посланъ на казенный счетъ доучиваться въ Кіевскую Академію, гдѣ въ настоящее время и обрѣтался. Но это не только не портило картины благополучія въ семьѣ отца Василія, но, напротивъ, украшало ее. Имѣть въ своей семьѣ академика—не всякому духовному лицу удается. Академикъ можетъ со временемъ пойти далеко, можетъ сдѣлаться городскимъ протоіереемъ, секретаремъ консисторіи и даже—о чемъ можно мечтать только втайнѣ—архипастыремъ.

Всѣ его дочери своевременно кончили курсъ въ епархіальномъ училищѣ и благополучно повыходили замужъ. Только самая младшая, которой теперь было отъ роду семнадцать лѣтъ, только что окончила епархіальное училище и сидѣла дома.

Въ церковномъ домѣ села Кривая Балка жило только трое: самъ отецъ Василій, матушка Авдотья Филипповна, такая же величественная и такъ же мало поддавшаяся тлетворному вліянію времени, какъ и отецъ Василій—и младшая дочь ихъ Надежда.

Это было въ лѣтнюю пору, когда среди нестерпимой степной жары по всей окрестности шелъ разговоръ о томъ, что хлѣба выгорѣли и будетъ недородъ, и о разныхъ болѣзняхъ, обыкновенно посѣщающихъ деревни въ эту пору, а на церковной землѣ, ежегодно засѣваемой отцомъ Василіемъ, отлично уродило, и никакія болѣзни его семейства не безпокоили.

Надежда Васильевна всего только полтора мѣсяца жила дома послѣ окончанія курса въ епархіальномъ училищѣ. Кончила она курсъ хорошо. Правда, медали она не получила, потому что никакихъ медалей у нихъ не полагалось, но если бы въ училищѣ были медали, она непремѣнно получила бы. Вмѣсто медали ей подарили „Слова и рѣчи Филарета, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго“ полагая, что столь прилежная къ наукамъ молодая дѣвица будетъ всю жизнь читать глубокомысленныя проповѣди.

Но Надежда Васильевна слова и рѣчи, снабженныя торжественной надписью, оставила на этажеркѣ въ своей маленькой комнаткѣ и совсѣмъ не заглядывала въ нихъ, предоставляя это дѣлать своему будущему мужу богослову, если бы таковой случился.

И, надо сказать правду, богословы явились тотчасъ и не одинъ, и не два, а цѣлыхъ четыре. Это были безусые молодые люди, только что кончившіе курсъ. У каждаго былъ уже на рукахъ приходъ, и каждому нужна была жена.

Они пріѣхали чуть не разомъ—одинъ вслѣдъ за другимъ. Надежда Васильевна знала ихъ немного, такъ какъ, несмотря на строгій надзоръ въ епархіальномъ училищѣ, все же у воспитанницъ было общеніе съ семинаристами. Они встрѣчались или у родственниковъ, куда ихъ отпускали въ большіе праздники, или переглядывались въ училищной церкви, которую иногда посѣщали семинаристы.

И, къ глубокому удивленію отца Василія и Авдотьи Филипповны, Надежда ни одного изъ нихъ не избрала. Когда она отказала первому, они промолчали: „Ну, чтожъ, не понравился, значитъ, вотъ и все, но свѣтъ не клиномъ же сошелся на немъ. Пріѣдутъ и другіе!"

Въ этомъ году изъ семинаріи вышло цѣлыхъ четырнадцать богослововъ. Всѣмъ имъ нужны жены, и, значитъ, каждый изъ нихъ можетъ явиться въ Кривую Балку. Выборъ достаточенъ.

Отказъ второму богослову уже заставилъ стариковъ тревожно переглянуться.—Ужъ не черезчуръ ли она разборчива, говорили они между собой. Духовной дѣвицѣ не надлежитъ быть такъ разборчивой.

Когда же Надежда отказала третьему, то это уже заставило стариковъ вступить съ нею въ разговоръ.

— Что же это ты, Наденька? Развѣ разсчитываешь, что къ тебѣ свататься академики пріѣдутъ или, думаешь, въ дѣвицахъ оставаться? Не въ монастырь же ты собираешься въ самомъ дѣлѣ?

Надежда Васильевна на это не дала яснаго отвѣта. Она отдѣлалась какими то ничего не значущими словами.

— Нѣтъ, такъ... Просто такъ... Не пришлось. Мнѣ, вѣдь, папаша и мамаша, всего только семнадцать лѣтъ... куда же мнѣ торопиться?

— Оно такъ, говорилъ на это отецъ Василій, торопиться, разумѣется, не къ чему... а только все же... Вонъ твои сестры не засиживались, Надежда... Твои сестры всѣ выходили сейчасъ же послѣ окончанія курса...

Надежда на это промолчала. Но вотъ пріѣхалъ и четвертый. Онъ удивительно походилъ на трехъ предыдущихъ. Богословы, только что кончившіе курсъ, мало чѣмъ отличаются одинъ отъ другого. Большею частью они безусые, безбородые, угловатые, неловкіе, мало чѣмъ себя проявляютъ и только и знаютъ, что имъ нужна жена, потому что ждетъ приходъ, а безъ жены прихода не дадутъ.

Потомъ уже, когда они одѣнутся въ рясы, начнутъ хозяйничать и плодиться, у нихъ выростаютъ бороды и усы и,

затѣмъ, когда они сдѣлаются хозяевами своихъ домовъ, отцами своихъ семействъ и пастырями своихъ стадъ, выясняется ихъ характеръ и, смотришь, одинъ выходитъ кроткимъ и благочестивымъ, другой разсудительнымъ и практичнымъ, а третій, ни съ того, ни съ сего, вдругъ почувствуетъ склонность къ вину, да такъ ужъ съ этой склонностью и проживетъ всю жизнь.

И когда Надежда Васильевна четвертаго богослова отвергла, какъ и трехъ предыдущихъ, отецъ Василій и Авдотья Филипповна уже не на шутку встревожились:

— Что же это ты дѣлаешь, Надежда?—спрашивали они ее оба.

Надежда Васильевна посмотрѣла на нихъ страннымъ взглядомъ человѣка, рѣшившагося на что то важное, взглядомъ, который не былъ къ лицу молоденькой дѣвушкѣ, только что кончившей епархіальное училище и готовой сдѣлаться попадьей, и сказала, сильно запинаясь;

— Я, папаша и мамаша, вовсе не думаю замужъ итти.

— Ну, вотъ, ну, вотъ! воскликнулъ отецъ Василій, я такъ и говорилъ... я такъ и думалъ. Что же ты въ такомъ случаѣ хочешь сдѣлать съ собой?

Надежда Васильевна еще больше смутилась и еще сильнѣе стала запинаться:—Я хочу просить у васъ позволенія, папаша и мамаша... я учиться хочу.

Отецъ Василій и Авдотья Филипповна, услышавъ такія рѣчи, оба разомъ отступили отъ нея.

— Что? Учиться? Гдѣ же это такое учиться? Развѣ ты еще мало училась? Ужъ кажется кончила курсъ и даже награду получила... Зачѣмъ же тебѣ еще учиться?

— Такъ... Есть у меня такое желаніе... Вотъ я и прошу васъ....

— Да куда же это, скажи на милость...

— Куда нибудь... Въ Москву, либо въ Петербургъ... Тамъ многія учатся...

— Матушка моя! Да съ чего это тебѣ въ голову взбрело, скажи на милость... Москва отъ насъ восемьсотъ верстъ, а до Петербурга и добрыхъ полторы тысячи будетъ... Да съ чего это ты?

Надежда Васильевна не могла хорошенько объяснить имъ „съ чего это она“... Она и себѣ самой не могла бы объяснить этого. Съ чего въ самомъ дѣлѣ? Повидимому, такъ, просто, ни съ чего.

Желанія наши безъ сомнѣнія имѣютъ причину. Но отыскать эту причину, подмѣтить, когда и какъ входитъ она

въ нашу душу и производитъ тамъ перемѣну, которая незримо вліяетъ на всю нашу жизнь, перемѣняетъ нашу судьбу, рѣдко какому человѣку удается.

Мысль о томъ, чтобы продолжать ученіе, засѣла въ головѣ Надежды Васильевны, когда она была еще въ епархіальномъ училищѣ. Въ старшемъ классѣ изъ трехъ десятковъ дѣвицъ ихъ было четверо, мечтавшихъ объ этомъ. И ни одна изъ нихъ не знала, какъ и почему стала она мечтать объ этомъ. Можетъ быть, какой нибудь разговоръ, случайно услышанное слово, можетъ быть книжка, одна страница, одна строка въ этой книжкѣ...

Но онѣ, эти четверо, часто сходились и тихонько говорили объ этомъ. Это ихъ сблизило и, не будучи вовсе подходящими другъ къ другу по характеру, онѣ сошлись и стали друзьями.

Отецъ Василій и Авдотья Филипповна были огорошены. Это легко понять. Восьмерыхъ дѣтей уже вывели они въ люди и все было, какъ слѣдуетъ, по разъ заведенному порядку, безъ всякихъ отступленій. Кончали курсъ сыновья, женили ихъ, везли въ губернскій городъ, тамъ ихъ рукополагали въ санъ и они отправлялись себѣ на свои приходы. Кончали курсъ дочери, пріѣзжали богословы, сватались, вѣнчались, справляли свадьбу и дѣлу конецъ. А тутъ вдругъ что то новое, непонятное, ни съ которой стороны не подходящее.

Безъ сомнѣнія, отецъ Василій и Авдотья Филипповна отлично знали, что существуютъ на свѣтѣ разные ученые курсы и что есть дѣвицы и дамы, которыя на тѣхъ курсахъ обучаются. Но они всегда думали, что это для другихъ сословій, для дворянскихъ и чиновничьихъ дѣвицъ.

Былъ правда одинъ случай, что дочь протоіерея губернскаго города поѣхала куда то учиться. Объ этомъ много было разговоровъ въ губерніи. Но опять же-то протоіерей, да еще важный, заслуженный и, къ тому же, городской.

И до того это было неожиданно и ново для отца Василія и Авдотьи Филипповны, что они просто не знали, какъ быть и что отвѣтить; и для нихъ было совершенно ясно, что собственными силами тутъ обойтись они не смогутъ, и придется обратиться къ постороннимъ умамъ, болѣе опытнымъ въ такихъ вопросахъ.

Дѣло въ томъ, что Надежда, какъ младшая дочь, оставшаяся старикамъ послѣ всѣхъ другихъ дѣтей, какъ бы въ утѣшеніе ихъ старости, была ихъ любимицей. Ее они всегда баловали, отличали отъ другихъ, исполняя всѣ ея маленькія желанія и капризы. Поэтому, хотя ея рѣшеніе было странно,

необыкновенно, ни на что не похоже, но суроваго отпора со стороны стариковъ она не встрѣтила.

— Что то я тутъ въ толкъ не могу взять, сказалъ отецъ Василій. Что то ты такое задумала, что я даже раскусить не могу, Наденька... Надобно посовѣтоваться съ умными людьми...

И эта мысль, что надо непремѣнно обратиться къ помощи какихъ то постороннихъ умовъ, была единственнымъ утѣшеніемъ въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какія поставила стариковъ Наденька. Еще не было рѣшено ничего опредѣленнаго, но уже навѣрное было извѣстно, что отецъ Василій будетъ съ кѣмъ то совѣтоваться.

И только теперь старики приглядѣлись какъ слѣдуетъ къ своей младшей дочери и увидѣли, что она не совсѣмъ такая, какія бываютъ обыкновенно духовныя дѣвицы, кончившія епархіальное училище и ожидающія богослововъ и какими были въ свое время ея старшія сестры.

Тѣ, выйдя изъ епархіальнаго училища, тотчасъ пріобрѣтали вполнѣ законченный видъ невѣстъ. Не всѣ кончали въ одинаковомъ возрастѣ. Нѣкоторыя застревали въ какомъ нибудь попутномъ классѣ и оканчивали девятнадцати лѣтъ, другія проходили школьный путь безъ зацѣпокъ и разставались съ школьной скамьей въ семнадцать лѣтъ, какъ Наденька. Но все равно, возрастъ тутъ не игралъ никакой роли. Все равно, какъ только онѣ пріѣзжали домой съ аттестатомъ объ окончаніи курса, тотчасъ становились дѣвицами, про которыхъ можно было, по справедливости, сказать: хоть сейчасъ замужъ.

Ихъ формы дѣлались округленными, глаза пріобрѣтали томную бархатистость, свойственную существамъ, жаждущимъ замужества. Ихъ манеры и пріемы, когда онѣ разговаривали съ богословами, заключали въ себѣ достаточно кокетства, чтобы смутить сердце юнаго кандидата на приходъ.

Съ другой стороны, онѣ тотчасъ же начинали понимать толкъ въ такихъ житейскихъ вопросахъ, которые отнюдь не преподавались въ епархіальномъ училищѣ. Такъ, онѣ подробно изучали живой и мертвый инвентарь, находившійся въ хозяйствѣ отца Василія и заранѣе, еще до пріѣзда желаннаго богослова, опредѣляли, какую именно часть изъ него отецъ Василій отдастъ имъ для перваго обзаведенія.

Онѣ, чуть не на другой день по прибытіи изъ училища, начинали настойчиво поощрять матушку Авдотью Филипповну къ пріобрѣтенію необходимаго приданаго, какъ то: рубашекъ, простынь, наволочекъ, полотенецъ, платьевъ, одѣялъ

сами ѣздили съ нею въ городъ, ходили по магазинамъ и выбирали батистъ потоньше.

Всѣ ихъ мысли были направлены къ тому, чтобы все было готово, когда пріѣдетъ богословъ, который непремѣнно будетъ торопиться свадьбой, чтобы не было ни малѣйшей задержки.

Дѣвической свободой онѣ какъ то вовсе не дорожили. Онѣ смотрѣли на себя, какъ на будущихъ матушекъ, а на время, которое онѣ до пріѣзда богослова проведутъ въ родительскомъ домѣ—какъ на неизбѣжное зло.

Ничего подобнаго не замѣчалось въ Надеждѣ Васильевнѣ. Изъ училища она пріѣхала домой съ видомъ подростка. Это, разумѣется, не мѣшало богословамъ свататься къ ней, но даже и сами родители видѣли, что, какъ невѣста и будущая жена, она еще не готова.

Прошло уже около двухъ мѣсяцевъ послѣ ея прибытія домой, а она ни разу не заговорила о приданомъ, нисколько о немъ не заботилась, такъ что Авдотьѣ Филипповнѣ пришлось самой подумать объ этомъ.

Когда же ей приходилось оставаться вдвоемъ съ какимъ нибудь пріѣзжимъ кандидатомъ на ея сердце, то глаза ея не только не оживлялись, а напротивъ потухали и лицо ея начинало выражать нестерпимую скуку. Напрасно кандидатъ старался навести разговоръ на брачный сюжетъ—она точно не понимала, и изъ разговора рѣшительно ничего не выходило, такъ что Авдотьѣ Филипповнѣ, которая въ такихъ случаяхъ всегда находилась близко гдѣ нибудь за ближней дверью, приложивъ ухо къ дверной скважинѣ, приходилось спѣшить на выручку.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Наденька была непохожа на старшихъ своихъ сестеръ и, правда, ничего въ ней не было невѣстинскаго. Это должны были признать отецъ Василій и Авдотья Филипповна и, когда, послѣ страннаго объясненія Нади, они остались вдвоемъ и начали обсуждать положеніе вещей, то отецъ Василій высказалъ:

— Можетъ это у ней такъ только оттого, что она больно молода еще, совсѣмъ ребенокъ... Посидѣть бы ей дома годикъ, другой—можетъ тогда и мысли перемѣнятся.

И послѣ того какъ у отца Василія возникла эта мысль, со стороны родителей было сдѣлано Наденькѣ соотвѣтствующее предложеніе.—Мы тебя, Наденька, не торопимъ. Ты у насъ теперь осталась одна. Не хочешь замужъ итти—не надо. Посиди, съ нами погуляй на волѣ. Годикъ, другой, а тамъ видно будетъ...

— Что-же мнѣ даромъ такъ сидѣть, папаша, возразила на это Надя. Развѣ не лучше будетъ, чтобы я въ это время чему нибудь научилась...

— Да чему же ты тамъ учиться хочешь?

— Ахъ, много есть наукъ, папаша... Учатся же имъ другіе люди, такъ отчего же мнѣ не научиться?

Тутъ родители увидѣли, что эта фанаберія гвоздемъ засѣла въ головѣ Наденьки и окончательно отказались собственнымъ умомъ рѣшить этотъ новый, никогда еще не представлявшійся имъ вопросъ.

— Поѣзжай, отецъ Василій, въ городъ, сказала Авдотья Филипповна.—Потолкуй съ умными людьми. Заѣдешь къ Антону, онъ у насъ старшій, онъ понимаетъ. И къ Сашенькѣ заверни и съ нею посовѣтуйся... Особенно съ отцомъ Маврикіемъ. Онъ человѣкъ умный и начитанный...

Антонъ—это былъ отецъ Антоній, состоявшій на приходѣ въ одной изъ церквей въ уѣздномъ городѣ, старшій сынъ отца Василія. Онъ обладалъ даромъ краснорѣчія, хорошо говорилъ проповѣди, и ему за это дали городское мѣсто.

Саша же была вторая дочь отца Василія. Она была замужемъ за младшимъ священникомъ при церкви городского кладбища.

Отецъ Василій согласился съ женой и съ вечера велѣлъ запрягать лошадей, а раннимъ утромъ, когда еще не взошло солнце, выѣхалъ въ городъ.

II.

Уѣздный городъ отстоялъ отъ села Кривая Балка всего верстахъ въ двадцати. Дорога была ровная, гладкая. Никто никогда не вымащивалъ ее камнями, но горячее солнце, вмѣстѣ съ колесами мужичьихъ возовъ и гарбъ и копытами коней и воловъ, сдѣлали ее удобной.

Вся она была покрыта толстымъ слоемъ мельчайшей и легчайшей пыли, которая не терпѣла никакого безпокойства и, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней, подымалась столбомъ. Еще когда былъ вѣтеръ, онъ относилъ этотъ столбъ въ сторону. Но въ тихіе, безвѣтренные дни столбъ пыли окружалъ со всѣхъ сторонъ путника, въ немъ совершенно утопали и лошади, и повозка, и люди.

Зато, когда съ неба польетъ хорошій дождь, вся эта пыль превращается въ жидкую грязь, земля быстро размягчается и колеса экипажей начинають погружаться въ нее до поло-

вины, а лошади вязнутъ въ ней всѣми четырьмя ногами. Тогда путешествіе изъ Кривой Балки въ городъ становится затруднительнымъ, и опытный возница норовитъ свернуть съ дороги и ѣхать по травѣ.

Было славное, іюльское утро, когда отецъ Василій, весь сѣрый отъ насѣвшей на него пыли, въѣзжалъ въ предѣлы уѣзднаго города.

Солнце уже поднялось и, съ первой же минуты, начало подогрѣвать землю и все, что было на ней, такъ что не задумываясь можно было предсказать невыносимо жаркій день.

Но, въѣхавъ въ предѣлы уѣзднаго города, отецъ Василій тотчасъ же велѣлъ кучеру повернуть къ кладбищу, которое расположилось какъ разъ на самомъ краю города.

— Ты сперва къ отцу Маврикію заѣзжай, сказалъ онъ своему работнику.—Тамъ мы пообчистимся отъ пыли, а то насъ съ тобой въ городѣ будутъ принимать за дьяволовъ, выскочившихъ изъ преисподней.

Городское кладбище, обнесенное невысокой каменной оградой, было все въ зелени. Несмотря на свое печальное назначеніе, это было самое веселое мѣсто во всемъ городѣ.

Раскинувшійся въ степи на берегу узкой рѣченки, которая въ лѣтнее время вся пересыхала, лишенный влаги и какой бы то ни было растительности, городъ этотъ, когда-то безъ сомнѣнья имѣвшій причину для своего возникновенія, теперь стоялъ безъ всякой надобности. Жители его не питали склонности ни къ торговлѣ, ни къ какому либо промыслу, а просто жили въ своихъ домишкахъ, рождались и умирали.

За какія то, впрочемъ никому изъ жителей неизвѣстныя, старыя заслуги, въ городѣ были оставлены уѣздныя учрежденія, и это было единственное, что еще поддерживало его существованіе.

Среди сѣрыхъ мѣщанскихъ кафтановъ и пиджаковъ чиновничьи фуражки, съ цвѣтными околышами и съ кокардами, блестящія пуговицы ихъ вицъ-мундировъ производили впечатлѣніе чего то освѣжающаго, заставляя вспоминать о существованіи какого то высшаго начала, незримо парившаго надъ сѣрой и обыденной дѣйствительностью.

Отрадно оживляли также общій мертвый видъ городскихъ улицъ мундиры учениковъ прогимназіи и форменныя платья воспитанницъ женской гимназіи. Въ городѣ не было ни сада, ни бульвара, а, такъ какъ у жителей все таки существовали и отъ времени до времени проявлялись эстетическія по-

требности, то они приходили на кладбище и здѣсь прогуливались среди тѣнистыхъ деревьевъ, среди могилъ и крестовъ. И оттого кладбище было самымъ оживленнымъ мѣстомъ, особенно по праздникамъ, когда сюда стекался весь городъ.

Отецъ Маврикій, молодой еще священникъ, съ необыкновенно смуглымъ лицомъ, обросшимъ черными, обильными волосами, съ виду походившій на цыгана, увидѣлъ бричку отца Василія какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, только что окончивъ отпѣваніе покойника, шелъ по широкой аллеѣ къ церковному дому, гдѣ обиталъ. Поэтому онъ направился не въ домъ, а во дворъ, гдѣ и произошла его встрѣча съ тестемъ.

Тотчасъ же въ той части церковнаго дома, которую занималъ младшій священникъ, произошло оживленіе. Начали спѣшно ставить самоваръ, приготовлять закуску, и минутъ черезъ десять, когда отецъ Василій стряхнулъ съ себя всю насѣвшую на него во время дороги пыль, всѣ сидѣли уже на крылечкѣ передъ маленькимъ палисадничкомъ и пили чай со многими явствами.

И такъ какъ отецъ Василій до сихъ поръ еще не сказалъ о настоящей причинѣ его пріѣзда въ городъ, а только въ общихъ чертахъ предупредилъ, что онъ разскажетъ настоящія чудеса, то отецъ Маврикій и Сашенька ждали отъ него этого.

— Ну, задала же намъ задачу твоя младшая сестра, сказалъ, наконецъ, отецъ Василій, обратившись къ Сашенькѣ, высокой и плотной супругѣ отца Маврикія, чрезвычайно напоминавшей наружностью матушку Авдотью Филипповну.— Объявила наотрѣзъ, что замужъ выходить не желаетъ.

— А что же она желаетъ?—спросила Сашенька.

— А желаю, говоритъ, учиться. Вотъ что она желаетъ! Желаю, говоритъ, ѣхать въ Москву, либо въ Петербургъ и тамъ высшимъ наукамъ учиться.

— Что-жъ, это бываетъ, замѣтилъ отецъ Маврикій:—многія ѣздятъ туда. Нынче это въ модѣ... Въ прошломъ году вотъ отца Никифора, настоятеля купеческой церкви, дочка въ Петербургъ поѣхала...

— Неужто поѣхала? А я вотъ и не зналъ этого.

— Какъ же, поѣхала. Много у насъ разговоровъ было. Многіе осуждали, а отецъ Никифоръ отпустилъ.

— У отца Никифора больно хорошъ приходъ, и денегъ ему дѣвать некуда, ядовито замѣтила Сашенька,—оттого онъ и отпустилъ. А по моему дѣвицѣ духовнаго званія это ученіе—ни къ чему.

— Ты думаешь ни къ чему?—спросилъ отецъ Василій.

— Никакой надобности въ немъ нѣтъ.

— А я полагаю, что ученіе никому повредить не можетъ, сказалъ отецъ Маврикій.

Самъ онъ не былъ академикомъ, но всегда питалъ склонность къ книжкамъ и въ свободные отъ приходскихъ обязанностей часы изрядно почитывалъ. У него водились книжки, и онъ не одинъ десятокъ рублей въ годъ тратилъ на выписку журналовъ.

Что же касается Александры Васильевны, то она, выйдя лѣтъ восемь тому назадъ изъ епархіальнаго училища, тотчасъ перезабыла все, чему обучилась тамъ, и никогда не заглядывала въ книжки и журналы отца Маврикія.

Отецъ Маврикій въ первое время упрекалъ ее, старался пріохотить къ книжкѣ, но затѣмъ махнулъ на нее рукой. И когда вопросъ касался чего нибудь выходящаго изъ области домашняго хозяйства, церковныхъ доходовъ, дѣтей, которыхъ у нихъ было трое, между супругами всегда обнаруживалось разногласіе. И теперь между ними сейчасъ же возникъ споръ, они возвысили голоса, а отецъ Василій молчалъ и слушалъ.

Сашенька говорила то, что говорили и думали всѣ попадьи въ губерніи, а именно: что дѣвица духовнаго званія должна выходить замужъ и дѣлаться попадьей. Но отецъ Василій отъ нея и не ждалъ никакого откровенія. Онъ смотрѣлъ съ упованіемъ на отца Маврикія, зная его за человѣка и разсудительнаго, и образованнаго.

Отецъ Маврикій признавалъ, что не только духовнымъ дѣвицамъ, но и всѣмъ дѣвицамъ отъ природы назначено быть женами и матерями. Но онъ думалъ также, что образованность не можетъ помѣшать этому. Многія женщины, вкусившія высшаго образованія, производили на свѣтъ дѣтей.

— Гдѣ же это ты видѣлъ такихъ женщинъ?—спросила Сашенька.

— Видать не видалъ,—добросовѣстно отвѣтилъ отецъ Маврикій, а читать про нихъ приходилось.

— Ну, это въ книжкахъ! Такъ въ книжкахъ можно написать все, что угодно, замѣтила Сашенька, питавшая глубокое недовѣріе къ книжкамъ. А по моему, кончила ты епархіальное училище и будетъ съ тебя... Тамъ достаточно всякихъ наукъ понапихано... Какихъ еще наукъ надо?

Отецъ Маврикій посмотрѣлъ на нее укоризненно.

— Вотъ то то и оно, сказалъ онъ, кончаете вы епархіальное

училище и со всякими науками тамъ соприкасаетесь и даже пятерки получаете, а какой изъ этого толкъ? Вотъ ты, напримѣръ, тоже, вѣдь, съ наградой кончила, а спроси тебя, кто такой былъ Аракчеевъ, такъ ты и запнешься.

— Ну, вотъ! Очень мнѣ нужно знать, кто такой онъ былъ? Я свое дѣло знаю и дѣлаю. Ужъ это ты, кажется, не можешь попрекать?

Отецъ Маврикій махнулъ рукой.—Всегда вотъ такъ! Ничего не смыслитъ, а споритъ,—какъ бы жалуясь на жену, обратился онъ къ отцу Василію.—Тутъ дѣло, отецъ Василій, не въ ученіи. Ученье всегда полезно,—объ этомъ и спорить нельзя. А тутъ въ жизни дѣло. Жизнь то столичная—поистинѣ опасная жизнь. А для молодой дѣвицы, въ особенности. Тутъ разные примѣры бывали...

— А что? опасно?—спросилъ отецъ Василій.

— Соблазновъ много. Городъ огромный, много въ немъ людей всякаго рода. Подвернется какой нибудь молодецъ и нанесетъ вредъ непоправимый. Ученье оно не вредно, а вотъ это... это можетъ испортить всю жизнь... Я такъ полагаю, продолжалъ отецъ Маврикій, ежели бы вы тамъ имѣли кого нибудь, ну, напримѣръ, какое нибудь семейство благоприличное, вотъ тогда можно было бы послать Наденьку безъ всякой опасности...

— Ну, кого же я тамъ могу имѣть?—сказалъ отецъ Василій. За тысячу верстъ... Хотя Господь и размножилъ меня въ родѣ, какъ Авраама библейскаго, а все же родъ мой такъ далеко не забирался...

— Погодите, папаша, опять вмѣшалась въ разговоръ Сашенька, мнѣ, положимъ, все одно—поѣдетъ или не поѣдетъ тамъ куда то Наденька, только, ежели ужъ безъ этого никакъ нельзя, то пусть ѣдетъ она въ Кіевъ... тамъ Аркадій учится въ Академіи... Все же онъ объ Наденькѣ позаботится...

— А что-жъ, это хорошо, промолвилъ отецъ Василій:—Не понимаю даже, какъ это мнѣ въ голову не пришло. Я такъ и сдѣлаю. Я пошлю ее въ Кіевъ...

— Пхе!—воскликнулъ отецъ Маврикій, да вѣдь въ Кіевѣ то учиться негдѣ... Тамъ этихъ курсовъ вовсе нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Почему же нѣтъ? Городъ большой, Академія есть, Университетъ есть, а курсовъ нѣтъ...

— Ну, да вотъ же нѣтъ, да и только. Въ Кіевѣ, это я знаю, можно на акушерку выучиться, а захочетъ ли Наденька на акушерку? Да и къ чему ей это?

— Ну, вотъ еще чего не доставало, чтобы дѣвицѣ ду-

ховнаго званія повитушнымъ дѣломъ заниматься, замѣтила Сашенька. Очень это ей къ лицу, нечего сказать.

Родственники еще долго, сидя за чайнымъ столомъ на крылечкѣ, обсуждали вопросъ, поставленный Наденькой, но ни къ чему рѣшительному не пришли. Отецъ Василій какъ пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ недоумѣніемъ, такъ и уѣхалъ отъ нихъ.

Уже было часовъ одиннадцать дня, когда бричка отца Василія выѣхала изъ кладбищенскихъ предѣловъ и направилась въ городъ.

— Ты поѣзжай къ отцу Антонію, сказалъ отецъ Василій работнику, который отлично зналъ всю его родню.

Они проѣхали уже опустѣвшую базарную площадь, пронеслись по берегу пересохшей рѣченки, рискнули жизнью, воспользовавшись услугами ветхаго дыряваго моста, переброшеннаго черезъ нее, и остановились около старенькой деревянной церкви, къ которой примыкалъ длинный одноэтажный каменный домъ.

Это былъ самый бѣдный приходъ въ городѣ. Домá въ околодкѣ все были небольшіе съ камышевыми и соломенными крышами. Здѣсь жили небогатые мѣщане, занимавшіеся мелкой и мало прибыльной торговлей.

Тѣмъ не менѣе старшій сынъ отца Василія, отецъ Антоній, не только не былъ обиженъ, а даже очень доволенъ своимъ положеніемъ. Онъ терпѣть не могъ деревни и деревенской жизни, а скудость доходовъ на приходѣ возмѣщалась для него заработкомъ, который онъ имѣлъ въ качествѣ законоучителя въ мѣстныхъ мужской прогимназіи и женской гимназіи.

Отецъ Антоній былъ вполнѣ городской человѣкъ. Еще въ семинаріи онъ считался франтомъ, всегда носилъ крахмальные воротнички и манжеты, всегда одѣвался прилично и чисто, никогда не запускалъ косу на головѣ и имѣлъ мягкія манеры.

Сдѣлавшись іереемъ, онъ не разстался съ своими привычками. Самая ряса у него всегда была шелковая, цвѣтная, подъ нею нарядное полукафтанье, украшенное массивной золотой цѣпью отъ часовъ.

Его длинные курчавые волосы никогда не торчали, какъ попало, а всегда были смазаны какимъ-нибудь благовоннымъ составомъ и причесаны. Его обильная волосами русая борода всегда была тщательно расчесана и имѣла шелковистый видъ.

Пріятно было смотрѣть на такого аккуратнаго батюшку, и

онъ сразу выдѣлялся среди уѣзднаго духовенства, не слишкомъ настаивавшаго на приличной внѣшности.

Въ выборѣ для себя жены отецъ Антоній тоже проявилъ вкусъ и своеволіе. Онъ взялъ ее не изъ духовнаго сословія, а изъ свѣтскаго. Его жена, Варвара Михайловна, была дочь довольно значительнаго чиновника въ губернскомъ городѣ, образованіе получила свѣтское и въ уѣздномъ городѣ считалась первой модницей. Конечно модницей она не была, но, такъ какъ уѣздныя дамы вообще мало обращали вниманія на свои туалеты, а она все же старалась одѣваться прилично и со вкусомъ, то это званіе принадлежало ей по праву.

Она была хорошенькая, въ противность обыкновенію нисколько не растолстѣла, да и отцу Антонію не позволяла толстѣть. Дѣтей у нихъ не было, и это обстоятельство позволяло имъ обставиться удобно и красиво, завести коляску и лошадей и вообще жить барами.

Отецъ Василій, хотя и любилъ Антонія и съ уваженіемъ относился къ его свѣтской женѣ, но все-же, когда бывалъ у нихъ, чувствовалъ себя стѣсненно. Тонъ у нихъ былъ какой-то не духовный. Не было, какъ ему казалось, простоты. Нельзя было по просту растянуться на диванѣ. Надо было слѣдить за своими словами. Чуть грубое слово—ему ничего не скажутъ, но покраснѣютъ и замнутся.

Поэтому отецъ Василій не всякій разъ, когда бывалъ въ городѣ, заѣзжалъ къ старшему сыну. Онъ останавливался у отца Маврикія, который былъ проще. А когда уже было необходимо заѣхать, подтягивался и заставлялъ себя быть на сторожѣ.

Теперь это было необходимо, потому что надо было рѣшить вопросъ о Наденькѣ.

Самый порядокъ проникновенія въ жилище отца Антонія былъ не тотъ, какой былъ принятъ у всѣхъ другихъ знакомыхъ. Обыкновенно въѣзжали во дворъ, распрягали лошадей, спрашивали у первой попавшейся бабы, дома или нѣтъ батюшка и матушка.

Тутъ ворота во дворъ были заперты. Тамъ находился экипажный сарай и конюшня самого отца Антонія, и постороннимъ экипажу и лошадямъ тамъ нечего было дѣлать.

Конечно, для отца Василія было-бы сдѣлано исключеніе и если-бы бричка отца Василія очутилась во дворѣ, то отецъ Антоній ничего не сказалъ-бы противъ этого. Можетъ быть, онъ подумалъ-бы что нибудь, но мало что человѣкъ думаетъ. Но отецъ Василій и самъ не рѣшился на такое нарушеніе

„уставовъ чужого монастыря“, и бричка его стояла около калитки, которая вела въ церковную ограду.

Одноэтажный церковный домъ своимъ фасадомъ выходилъ изъ ограды и парадная дверь смотрѣла прямо на улицу. Нужно было по тремъ деревяннымъ ступенькамъ подняться на площадку. Тутъ на чрезвычайно благоустроенной двери была прибита мѣдная дощечка, на которой было вычеканено: „Священникъ Антоній Васильевичъ Смиренскій“.

Дверь была заперта, и, чтобы проникнуть въ нее, надо было нажать бѣлую пуговку воздушнаго звонка.

Отецъ Василій, оставивъ бричку съ кучеромъ и лошадьми, все это продѣлалъ. Внутри дома раздался звучный звонъ, горничная отперла дверь.

— А что, дома отецъ Антоній и матушка? — спросилъ отецъ Василій у горничной—молоденькой, съ миловиднымъ лицомъ, въ свѣжемъ чепцѣ и съ бѣлымъ передникомъ.

— Пожалуйте, отецъ Василій, они какъ разъ завтракать сѣли, отвѣтила горничная.

И отецъ Василій вошелъ въ переднюю, потомъ въ гостиную и затѣмъ въ столовую.

Все въ этомъ домѣ было прилично, чисто и благообразно. На полу лежалъ коверъ, на стѣнахъ висѣли картины и гравюры, мебель была такая тонкая, что на нее было опасно садиться. Такъ и казалось, что отъ солиднаго вѣса, какой обыкновенно носятъ съ собой духовныя лица, она начнетъ трещать и вся развалится.

Въ гостиной стоялъ даже рояль, на которомъ играла сама Варвара Михайловна. И все тутъ было на мѣстѣ, все какъ слѣдуетъ. Въ этомъ домѣ не было дѣтей—не далъ ихъ Богъ отцу Антонію—и некому было приводить все въ разрушеніе.

Когда отецъ Василій появился въ столовой, отецъ Антоній, а за нимъ и Варвара Михайловна, поднялись и очень любезно привѣтствовали его. Оба они были дѣйствительно любезные люди и всегда почтительно относились къ отцу Василію и Авдотьѣ Филипповнѣ. Отецъ Василій не имѣлъ ни одной настоящей причины не довѣрять имъ. Но приличный тонъ просто стѣснялъ его. Сдержанный, умѣренной силы голосъ, безъ крика, хорошо подобранныя слова—все это охлаждало его. Ему казалось, что они все это дѣлаютъ какъ будто нарочно.

Отецъ Василій поздоровался съ родственниками—съ Антоніемъ поцѣловался, а Варварѣ Михайловнѣ только пожалъ руку и взглянулъ на столъ. Экій во всемъ у нихъ порядокъ и какое изящество! Скатерть на столѣ бѣлоснѣжная, ни од-

ного нѣтъ на ней пятнышка. Тарелки росписныя, передъ приборами стоятъ разной величины граненыя рюмки и стаканы, на столѣ графинчики съ бѣлымъ и краснымъ виномъ. И какъ это у нихъ хватаетъ терпѣнія за всѣмъ этимъ слѣдить, чтобы все было всегда, какъ слѣдуетъ.

Отецъ Василій не понималъ, что для Варвары Михайловны, которая давала своему дому тонъ, это не составляло никакого труда. Она выросла и воспиталась при такихъ условіяхъ. Приличные нравы всегда были въ ея семьѣ, и ей гораздо труднѣе было-бы жить въ разгильдяйствѣ.

— Ну вотъ и отлично, что прямо къ завтраку, говорилъ отецъ Антоній.—Садитесь, папаша... Елена, обратился онъ къ горничной, дайте приборъ папашѣ.

Отецъ Василій благодарилъ, но отказался, сославшись на то, что уже закусилъ у отца Маврикія и объявилъ, что онъ такъ посидитъ.

И опять-же тутъ почувствовалась разница между тѣмъ, какъ обошлись-бы въ этомъ случаѣ во всякомъ другомъ духовномъ домѣ и здѣсь. Во всякомъ другомъ мѣстѣ его стали-бы упрашивать, доказывать, что это ничего, что онъ все-таки долженъ позавтракать, сказали-бы, что даже обидятся, если онъ не съѣстъ хоть кусочекъ чего нибудь. Насильно усадили-бы его за тарелку, насильно наложили-бы ему на тарелку съѣстного и не успокоились-бы то тѣхъ поръ, пока онъ не выпилъ-бы рюмки двѣ-три водки и не сталъ-бы ѣсть.

Здѣсь-же сразу приняли во вниманіе его заявленіе о томъ, что онъ уже завтракалъ и не навязывали ему второго завтрака.

— Ну, коли вы закусили, папаша, то такъ посидите, сказалъ отецъ Антоній, а Варвара Михайловна предложила ему снять рясу, отъ чего, однако, отецъ Василій, зная строгіе принципы этого дома, отказался.

Такъ какъ отецъ Василій не разсчитывалъ слишкомъ долго мучить себя пребываніемъ въ этой несвойственной ему обстановкѣ, то онъ сейчасъ-же заговорилъ о томъ дѣлѣ, за которымъ пріѣхалъ. Онъ сообщилъ о желаніи Наденьки ѣхать учиться въ Петербургъ или Москву.

— Чему-же это она учиться желаетъ? — спросилъ отецъ Антоній.

— Да вотъ то-то и оно, что чему? — отвѣтилъ отецъ Василій. Я самъ спрашивалъ, а она говоритъ: наукъ много, говоритъ, учиться есть чему.

— Что-жъ, это правда! Наукъ дѣйствительно много на

свѣтѣ,—замѣтила Варвара Михайловна,—только все-же надо знать, какимъ хочетъ она учиться...

— Оно такъ. Да только, видно, она и сама не знаетъ... промолвилъ отецъ Василій, нѣсколько даже смущенный за Наденьку.—Я полагаю—это такъ у нея умственное броженіе... молода очень.

— Нѣтъ отчего-же, сказалъ отецъ Антоній. Любовь къ ученію—дѣло хорошее. А только все-же надо выбрать. Ѣхать придется далеко, и какъ-же это такъ, чтобы ѣхать на неизвѣстность... Вѣдь курсы тамъ разные есть.

— Разные?—спросилъ отецъ Василій.

— А какъ-же! Есть, напримѣръ, медицинскіе курсы,—оттуда докторами выходятъ. А то еще есть педагогическіе курсы и потомъ, высшіе...

— А оттуда чѣмъ-же можно выйти?—спросилъ отецъ Василій.

— Да такъ, чтобы навѣрняка—ничѣмъ. Это не то, что въ мужскихъ заведеніяхъ, напримѣръ, въ университетѣ или въ академіи. Мужчинамъ сейчасъ даютъ мѣста, а женщинамъ, какія-же мѣста? Иной, если повезетъ, ну она можетъ получить, напримѣръ, хорошее мѣсто учительницы въ гимназіи. Разумѣется, надо просить, хлопотать.

— Неужто можно?

— Примѣры бывали. Вотъ даже здѣсь, у насъ, въ уѣздномъ городѣ, въ женской гимназіи одна учительница есть съ педагогическихъ курсовъ... Конечно, въ низшихъ классахъ... Ну, а все-таки хлѣбъ.

— Такъ это выходитъ выгодно?—съ наивнымъ лицомъ спрашивалъ отецъ Василій.

— Бываетъ, что и не безвыгодно. А какъ-же вы полагаете, папаша, что-бы дѣвушки ѣхали въ такую даль, не предвидя для себя никакой выгоды?

— Такъ, какъ-же ты думаешь, Антоній: неужто можно и отпустить ее?

— Ну, знаете, папаша, я въ такихъ дѣлахъ совѣтовать прямо не могу. Это отвѣтственность. Не могу я сказать вамъ: отпустите молъ. А вдругъ изъ этого выйдетъ что нибудь неудачно? Я могу разсуждать только вообще...

— Ну, такъ вотъ и разсуди...

— А разсуждая вообще—я такъ полагаю: если дѣвушка не имѣетъ склонности выходить замужъ, такъ и жены хорошей изъ нея не выйдетъ. Значитъ, если ее выдать во что-бы то ни стало, то и ей будетъ плохо и мужу не хорошо—обоихъ только сдѣлаете несчастными. Такъ, слѣдовательно,

надо ей что нибудь другое. Теперь много есть такихъ дѣвушекъ, которыя къ замужеству склонности не имѣютъ. Вотъ для нихъ это все и устроено—всѣ эти курсы... Я такъ думаю, что, если у дѣвушки есть свои средства, тогда разумѣется ей нечего безпокоиться, а, если средствъ нѣтъ, тогда чѣмъ же она будетъ жить безъ мужа? Вотъ вы, напримѣръ, папаша, вы, конечно, проживете еще долго, но мало-ли, что можетъ случиться? Если-бы напримѣръ, чего я отнюдь не желаю, вы померли, тогда Наденькѣ пришлось-бы остаться безъ всякихъ средствъ...

— Такъ, значитъ, ты полагаешь, что это ученіе можетъ дать средства къ жизни?

— Я же говорю вамъ: примѣры есть.

— Ну, а какъ ты полагаешь насчетъ опасности жизни... Вотъ отецъ Маврикій говоритъ, что въ столицахъ многіе соблазны есть, и что для дѣвушки тамъ большая опасность...

— Ну, это отецъ Маврикій излишне опасливъ... замѣтилъ отецъ Антоній. Конечно, случаи всякіе бываютъ, но я вамъ такъ скажу, что, если дѣвушка не твердаго характера, такъ она гдѣ угодно можетъ свихнуться. Да вотъ вамъ и за примѣромъ не далеко ходить: нашего соборнаго дьякона дочка... кажется, какъ строгъ дьяконъ, а вотъ не углядѣлъ. Дѣвица она, а уже второго ребенка имѣетъ... Это все отъ характера. Нѣтъ, я напротивъ не разъ читалъ про учащихся дѣвицъ въ Петербургѣ и Москвѣ и никогда не встрѣчалъ, чтобы про нихъ было сказано что нибудь такое. Наоборотъ, про нихъ всегда пишутъ, что они самой высокой нравственности. Бѣдныхъ между ними много—это правда и бѣдствуютъ онѣ очень—это я тоже читалъ. Но Наденькѣ, вѣдь, это не угрожаетъ. Наденькѣ вы помогать будете, такъ ужъ бѣдствовать ей не придется. А если бы съ вами что-нибудь случилось, такъ вѣдь родни у нея много—всѣ поможемъ по мѣрѣ силъ.

— Такъ ты полагаешь, что можно отпустить?—спросилъ отецъ Василій, все-таки ставя вопросъ на практическую почву.

— Если есть большое желаніе и если замужъ ни въ какомъ случаѣ выходить не хочетъ—отчего же и не отпустить?

— А можетъ это у ней такъ себѣ.. по молодости, а потомъ и пройдетъ,—промолвилъ отецъ Василій.

— А если пройдетъ, такъ она и замужъ выйдетъ... Вѣдь отъ ученія она не потеряетъ способности замужъ выходить. И ученыя замужъ выходятъ, и дѣти у нихъ бываютъ, и все какъ слѣдуетъ...

— Гм... А потомъ, пожалуй, наши богословы не станутъ и свататься къ ней... Скажутъ, ученая, испугаются...

— Да развѣ, папаша, одни только богословы женятся? Всѣ люди женятся, можно и за свѣтскаго выйти.

— Ну, знаешь, за свѣтскаго это не то...

— Ахъ, папаша, не такая ужъ это сладость попадьей быть... Еще вотъ какъ мы съ Варей въ городѣ—ничего, а въ деревнѣ, въ глуши, что жъ тутъ хорошаго?... Одно только тамъ, въ Петербургѣ часто такія исторіи бываютъ, что, если кто въ нихъ попадется, такъ ужъ всю жизнь испортитъ... Да! Но опять же, это отъ человѣка зависитъ.

Словомъ, отецъ Василій встрѣтилъ здѣсь, въ домѣ своего старшаго сына полное одобреніе планамъ Наденьки. Но это еще далеко не окончательно убѣдило его. Дѣло для него было слишкомъ новое, чтобы ему такъ легко было согласиться съ мнѣніемъ старшаго сына, тѣмъ болѣе, что у самого его въ душѣ не было сочувствія намѣреніямъ Наденьки. Очень ужъ это было странно и необычно для его понятій.

Поговоривъ съ отцомъ Антоніемъ и Варварой Михайловной о домашнихъ дѣлахъ его и своихъ, получивъ отъ нихъ поклоны для Авдотьи Филипповны и для Нади, онъ простился съ ними и поѣхалъ обратно въ городъ.

Онъ намѣтилъ себѣ еще два визита: къ благочинному и къ отцу Никифору, настоятелю купеческой церкви, про котораго отецъ Маврикій сообщилъ ему, что онъ отпустилъ въ прошломъ году свою дочь учиться.

Къ благочинному отецъ Василій рѣшилъ заѣхать обязательно. Благочинный былъ человѣкъ, хотя еще и не старый, но опытный и почтенный. Притомъ же онъ по своему происхожденію былъ не здѣшній. Пріѣхалъ онъ откуда то съ сѣвера и, такъ какъ былъ въ Академіи, то значитъ знакомъ и съ столицами. Значитъ, отъ него можно ожидать хорошаго совѣта.

Главная же мысль отца Василія была: какъ благочинный посмотритъ на это дѣло? Можетъ быть, съ точки зрѣнія начальства, это вовсе даже не хорошо! Чего добраго, нарвешься потомъ на какое нибудь замѣчаніе или выговоръ.

Проживши тридцать слишкомъ лѣтъ въ деревнѣ, отецъ Василій чувствовалъ себя человѣкомъ, совершенно чужимъ среди явленій и понятій, которыя превышали чисто деревенскіе интересы. Опытный въ сельскомъ хозяйствѣ, въ дѣлахъ церковныхъ и приходскихъ, онъ былъ настоящимъ младенцемъ во всемъ, что выходило изъ этой области.

— Поѣзжай къ отцу благочинному,— сказалъ онъ кучеру,

и кучеръ направилъ лошадей къ церковному дому при соборѣ, гдѣ жилъ благочинный.

Отецъ благочинный былъ протоіереемъ соборной церкви, но не настоятелемъ, а только вторымъ. Онъ недавно еще началъ здѣсь свою карьеру. Онъ былъ академикъ и, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, обладалъ уже многими наградами, былъ на виду у высшаго начальства и мѣтилъ на видныя должности въ губернскомъ городѣ.

Звали его отцомъ Іоанномъ. Наружность у него была степенная, но въ то же время веселая и пріятная. Съ подчиненнымъ ему духовенствомъ онъ былъ привѣтливъ, обходителенъ, но въ то же время умѣлъ держать ихъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ себя.

Говорилъ то онъ съ ними весьма любезно, но никогда не сближался съ ними, не вводилъ ихъ въ свой домъ въ качествѣ гостей, не предпринималъ никакихъ угощеній.

Обыкновенно благочинные выбираютъ среди духовенства любимцевъ, которые привозятъ имъ разныя деревенскія блага въ видѣ поросятъ, индюшекъ, творогу, масла и всего того, за что въ городѣ надо платить солидныя деньги и что въ деревнѣ достается чуть не даромъ. Это не взятка, а такъ— знакъ уваженія.

Карьера духовныхъ лицъ собственно мало зависитъ отъ благочиннаго, но все же лишній одобрительный отзывъ, болѣе скорое и болѣе горячее представленіе къ наградѣ— это никогда никому повредить не можетъ.

Отецъ Іоаннъ избѣгалъ всего, что могло такъ или иначе набросить на него тѣнь лицепріятія. Ни поросятъ, ни индюшекъ, ни творогу, ни масла онъ отъ подчиненнаго ему духовенства не получалъ. Хотя онъ никогда не отказывался и вообще объ этомъ ни съ кѣмъ изъ духовенства у него даже разговора не было, но такое ужъ было его поведеніе, которое не располагало къ этому. Никому и въ голову не приходило являться къ нему съ дарами. Онъ и самъ не угощалъ пріѣзжавшихъ къ нему духовныхъ лицъ и со всѣми былъ одинаковъ.

— А, отецъ Василій!—съ обычной любезностью привѣтствовалъ гостя благочинный.—Давно не видалъ васъ...

— И не безпокоилъ бы я васъ, отецъ протоіерей, сказалъ отецъ Василій, да очень ужъ совѣтъ вашъ нуженъ...

— Всегда готовъ служить, чѣмъ могу... Садитесь, пожалуйста, отецъ Василій...

Кабинетъ благочиннаго, въ которомъ онъ принималъ отца Василія, какъ и всѣхъ другихъ являвшихся къ нему духов-

ныхъ гостей, былъ не богато, но уютно обставленъ. Въ немъ все было мягко и пріятно для глазъ. Цѣлая стѣна состояла изъ полокъ, заставленныхъ книгами. Благочинный много читалъ, но его книги все были учено-богословскія и просто философскія. Онъ былъ пристрастенъ къ серьезному чтенію.

— Вотъ какой случай у меня, отецъ благочинный, началъ отецъ Василій:—Дѣтьми меня Богъ благословилъ, дѣтей у меня много. Всего родилось одиннадцать душъ, а выжило девять. И, благодареніе Богу, всѣ благополучно пристроены,—осталась только одна дочь. Кончила она въ нынѣшнемъ году епархіальное училище и даже съ наградой... и сватались уже къ ней нѣсколько богослововъ. Но вмѣсто того, чтобы возблагодарить Бога и выйти замужъ, какъ всѣ дѣвицы ея званія, она вдругъ задумала учиться... и проситъ меня отпустить ее въ Петербургъ или въ Москву ради ученія...

Благочинный выслушалъ это и нисколько, повидимому, не удивился. Онъ принялъ сообщеніе отца Василія такъ, какъ будто въ этомъ не было ничего новаго.

— Да, это теперь въ модѣ,—сказалъ онъ—и, что всего удивительнѣе—между духовными дѣвицами.

— Неужели?—съ искреннимъ удивленіемъ спросилъ отецъ Василій.

— Да. Представьте себѣ! Я читалъ, что въ Петербургѣ на разныхъ курсахъ большой процентъ изъ духовнаго званія.

— Вотъ оно что! А какъ же вы на это смотрите, отецъ благочинный?

— На самое ученіе смотрю я благопріятно, отецъ Василій, сказалъ благочинный. Что-жъ, въ ученьи ничего не можетъ быть дурного. Я вотъ самъ, хотя мнѣ уже сорокъ второй пошелъ,—постоянно учусь. Вотъ видите, сколько у меня книгъ... Всѣхъ ихъ надо перечитать...

— Да, я знаю, отецъ благочинный, что вы къ книгамъ привержены...

— Оно, конечно, продолжалъ благочинный, это еще спорно—вполнѣ ли пригоденъ умъ женщины для серьезнаго ученія. Но все же случаи были благопріятные. Были, напримѣръ, женщины-врачи, которыя даже отъ высшаго начальства были признаны и благодарности удостоились. Говорятъ, во время войны очень полезными оказались, а въ самоотверженіи превзошли даже мужчинъ. Имѣются женщины-математики — одна даже знаменитый профессоръ и, даже, доктора философіи между ними есть, хотя на счетъ философіи я все-таки сомнѣваюсь.

— Такъ, это все хорошо, отецъ благочинный, видимо оживляясь замѣтилъ отецъ Василій.

— Хорошо! Конечно, хорошо, но все нужно взвѣсить, отецъ Василій.

— Насчетъ жизни? Насчетъ соблазновъ, отецъ благочинный, подсказалъ отецъ Василій, вспомнивъ опасенія своего зятя.

— Ну, житейскіе соблазны это что. Отъ соблазна можно и уйти... А вотъ на счетъ политики...

— А что же такое? совершенно не понявъ въ чемъ дѣло, спросилъ отецъ Василій.

— Многія изъ нихъ увлекаются не своимъ дѣломъ... Да! И кончается это для нихъ плохо. Высылаютъ ихъ на родину и полицейскому надзору подвергаютъ.

— Ой, Господи! да за что же это?

— А вотъ говорю же вамъ: не въ свое дѣло вмѣшиваются... Вотъ это дѣйствительно опасно. И ужъ само собою, что когда бы это съ какой нибудь дѣвицей случилось, то и на родителей тѣнь падаетъ въ глазахъ начальства...

— Вотъ оно что! Такъ это выходитъ опасно...

— Ну, я не говорю этого въ данномъ случаѣ. Это зависитъ отъ самого человѣка. Если человѣкъ твердъ и имѣетъ опредѣленную цѣль, такъ онъ можетъ и уберечься. А разумѣется, все-таки есть соблазнъ... А такъ собственно противъ ученія—чтожъ... противъ ученія ничего имѣть нельзя... Ученье—свѣтъ, отецъ Василій, это давно извѣстно...

— А скажите, отецъ благочинный, вотъ я слышалъ, что отецъ Никифоръ, настоятель купеческой церкви, въ прошломъ году свою дочку учиться отпустилъ...

— Это правда.

— Такъ вотъ про нее то ничего не слышно такого?

— Нѣтъ, ничего дурного не слышалъ. Дочка отца Никифора дѣвица твердая. Она учится, дѣйствительно учится. Я даже съ нею бесѣдовалъ. Видно, что дѣвица развитая. Нѣтъ, ничего такого не слышалъ...

Отъ благочиннаго отецъ Василій вышелъ встревоженный. Родственники упоминали ему о разныхъ опасностяхъ, но о такой крайней опасности ничего не говорили. Попасть подъ надзоръ полиціи—это отцу Василію представлялось чѣмъ то страшнымъ. Самъ онъ никогда еще въ жизни не имѣлъ дѣла съ полиціей.

„Нѣтъ, надо съѣздить къ отцу Никифору, сказалъ онъ себѣ, надо поразспросить его. Онъ близко знаетъ это дѣло, онъ меня научитъ“.

Съ отцомъ Никифоромъ онъ не былъ знакомъ домами. Встрѣчались они на съѣздахъ, даже бесѣдовали о дѣлахъ общественныхъ, но никогда не сближались. Семейство отца Никифора среди духовныхъ семействъ держалось особнякомъ. Въ немъ было совсѣмъ особенное направленіе. Отецъ Никифоръ не захотѣлъ отдавать своихъ дѣтей по духовной части. Дѣтей у него было много, и всѣ учились въ гимназіяхъ. Сыновья его поступали въ университетъ и между ними теперь былъ уже одинъ докторъ, и одинъ адвокатъ. Третій сынъ военный.

— Поѣзжай-ка въ церковный домъ, что при Купеческой церкви, приказалъ отецъ Василій кучеру. Въ душѣ онъ сказалъ себѣ, что это будетъ его послѣдній визитъ въ уѣздномъ городѣ. Больше онъ ни къ кому не поѣдетъ. Притомъ и солнце уже стало спускаться къ западу, а онъ разсчитывалъ еще засвѣтло попасть домой.

Купеческая церковь была самая богатая церковь въ городѣ. Приходъ ея былъ богаче даже соборнаго. Духовныя лица, конечно, предпочитали служить въ соборной церкви, но больше потому, что это считалось честью. Доходъ же куда лучше былъ въ купеческой церкви.

Церковь была довольно еще новая—она существовала всего десятка два лѣтъ. Ея бѣлая колокольня возвышалась надъ зданіями гостиннаго двора, нѣсколько въ сторонѣ отъ базарной площади. Къ ней примыкалъ двухъ-этажный каменный домъ для духовенства съ обширнымъ дворомъ, съ конюшнями и всякими хозяйственными сараями. Духовенство жило въ этомъ домѣ побарски.

И колокола при этой церкви были самые большіе. Когда на Пасху цѣлый день трезвонили на всѣхъ колокольняхъ уѣзднаго города, колокола купеческой церкви звенѣли громче всѣхъ и заглушали своимъ звономъ всѣ остальные.

Настоятель, отецъ Никифоръ, занималъ весь второй этажъ, вмѣщавшій въ себѣ множество комнатъ, которыхъ было достаточно, чтобы размѣстить все его многочисленное семейство. Отецъ Василій поднялся во второй этажъ и попросилъ горничную доложить отцу Никифору о себѣ. Хозяинъ вышелъ къ нему съ пасмурнымъ лицомъ.

У него существовало убѣжденіе, что, когда ни съ того ни съ сего является какое нибудь духовное лицо да еще изъ деревни, то тутъ непремѣнно уже какая нибудь кляуза. Правда, онъ не занималъ никакой начальственной должности, но положеніе его на хорошемъ городскомъ приходѣ выдѣляло его изъ толпы духовенства, и къ нему часто обра-

щались, въ особенности сѣрые деревенскіе причетники, за ходатайствами и даже съ жалобами—и все это не заключало въ себѣ ничего пріятнаго.

Отца Василія онъ едва узналъ. Старые деревенскіе батюшки къ концу своей карьеры дѣлаются удивительно похожими другъ на друга. Всѣ они толстѣютъ, у всѣхъ отростаютъ закругляются и бѣлѣютъ бороды, лица у всѣхъ дѣлаются коричневыми отъ солнечнаго загара.

— Смиренскій, отецъ Василій, изъ Кривой Балки, отрекомендовался отецъ Василій, видя, что хозяинъ смотритъ на него смутными глазами.

— А, отецъ Василій!—промолвилъ хозяинъ, но никакого удовольствія лицо его не выразило.—Прошу садиться. Очень радъ видѣть васъ своимъ гостемъ.

Отецъ Василій сѣлъ, хозяинъ сдѣлалъ то же.

— Не посмѣлъ бы васъ безпокоить, отецъ Никифоръ, началъ гость, ежели бы не дѣльце. Дѣльце у меня есть къ вамъ...

У отца Никифора на лицѣ появилось кислое выраженіе. „Ну, такъ и есть!—подумалъ онъ, кляуза какая нибудь. Повздорилъ съ дьякономъ или съ прихожанами...

— Что же такое, отецъ Василій,—сохраняя внѣшнюю любезность, спросилъ онъ?

— Да вотъ дошло до меня, что вы, отецъ Никифоръ, въ прошломъ году отпустили свою дочь въ ученье въ Петербургъ...

Отецъ Никифоръ поднялъ голову и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на гостя. „Нѣтъ это не то, подумалъ онъ, тутъ что то другое“.

— Отпустилъ, сказалъ онъ, отчего же не отпустить-то? Нынче многія учатся... А что же?

— Да вотъ и у меня младшая... Въ нынѣшнемъ году изъ епархіальнаго вышла и о замужествѣ даже слышать не хочетъ... Четыре богослова сватали, всѣмъ отказала и объявила, что хочетъ ѣхать учиться...

— Вотъ какъ, съ замѣтно оживившимся лицомъ, промолвилъ отецъ Никифоръ... Ну, что же, это хорошо... Конечно, если только она искренно желаетъ, такъ это хорошо.

— Такъ вотъ для того я и пріѣхалъ къ вамъ, отецъ Никифоръ, чтобы посовѣтоваться съ вами и узнать ваше мнѣніе, какъ человѣка понимающаго... Такъ вы говорите, что это хорошо?

— Да, вѣдь, сами видите, отецъ Василій, свою дочку отпустилъ... Когда бы считалъ дурнымъ—не отпустилъ бы.

— А меня пугаютъ. Вотъ зять мой, отецъ Маврикій, что на Кладбищенскомъ приходѣ...

— Знаю отца Маврикія.

— Да. Такъ онъ говоритъ, что ученье-то оно не вредно, а вотъ на счетъ тамошней жизни, такъ она опасна, будто бы соблазновъ много...

— Соблазновъ вездѣ много, отецъ Василій... И тотъ, кто имѣетъ къ нимъ расположеніе, соблазняется... А кто объ нихъ не думаетъ, у того они будь хоть подъ самымъ носомъ, онъ не соблазнится...

— И опять же вотъ, отецъ благочинный предостерегаетъ на счетъ политики... Говоритъ, будто многіе тамъ этимъ занимаются и за это наказываютъ и подъ надзоръ полиціи попадаютъ...

— И это бываетъ и очень даже, отвѣтилъ отецъ Никифоръ, только, вѣдь, это кто чего ищетъ... Вотъ моя дочь, напримѣръ, никакой политикой не занимается и ей ничего. Вотъ не прислали ее сюда на каникулы, а сама пріѣхала. Столица велика, отецъ Василій, и тамъ всякій находитъ то, чего ищетъ... А сколько лѣтъ вашей дочери?

— Восемнадцатый пошелъ.

— Молодовата... Въ такіе годы, пожалуй, соблазны ей покажутся завлекательными. Моей двадцатый.

— Не велика разница, отецъ Никифоръ.

— Да, это правда. Притомъ же—главное тутъ отъ характера зависитъ. А желаніе, говорите, имѣетъ сильное?

— О, прямо ничего слушать не хочетъ. Посовѣтуйте мнѣ, отецъ Никифоръ. Слушалъ я до сихъ поръ разное, а васъ ужъ окончательно послушаюсь.

— Ну, нѣтъ, отецъ Василій, вы лучше меня не слушайте. Въ такомъ дѣлѣ совѣтовать не легко. Послушаетесь, а потомъ каяться будете. Вы вотъ лучше поговорите съ моей дочерью. Вотъ я сейчасъ ее позову. Любочка, ты здѣсь?—громко окликнулъ онъ, повернувъ голову къ двери, которая вела во внутрь квартиры.

— Я здѣсь, отвѣтилъ звучный женскій голосъ.

— Иди-ка сюда на минутку!

И вошла стройная, высокая дѣвушка съ продолговатымъ лицомъ не красивымъ, но пріятнымъ. Въ глазахъ ея было выраженіе смѣлости и увѣренности. Она остановилась и поклонилась отцу Василію.

— Вотъ моя дочка, рекомендую, сказалъ отецъ Никифоръ,— а это отецъ Василій изъ деревни Кривая Балка—онъ хочетъ съ тобой поговорить.

— Со мной?—съ удивленіемъ спросила дѣвушка.

— Именно съ вами, Любовь Никифоровна, сказалъ отецъ Василій. Такое дѣло, что именно только вы и можете понять... Вотъ дочка у меня есть, Надежда... кончила епархіальное училище. Всего то ей восемнадцатый годъ пошелъ. Замужъ не хочетъ итти, а требуетъ, чтобы я отпустилъ ее учиться въ Петербургъ.

— А!—и дѣвушка, видимо заинтересовавшаяся разсказомъ, подошла къ дивану и сѣла.

— Такъ ужъ, будьте добры, разскажите, какъ это тамъ у васъ?

— Что жъ, у насъ хорошо!—съ улыбкой отвѣтила Любовь Никифоровна.

— Хорошо, говорите?

— Да, мнѣ нравится. Вотъ я опять поѣду туда.

— А скажите, вотъ на счетъ соблазновъ...

— Какихъ соблазновъ?

— Ну, тамъ разные, какъ бываетъ въ жизни...

— Право не знаю... Я ничѣмъ такимъ не соблазнялась...

— А касательно политики?

— А, политики... съ усмѣшкой откликнулась Любовь Никифоровна. Да, этимъ многіе увлекаются. Но можно и не увлекаться. Вотъ я, напримѣръ, въ сторонѣ.

Любовь Никифоровна съ любопытствомъ смотрѣла на этого почтеннаго, сѣдоволосаго старика, обнаруживавшаго, такую дѣтскую наивность.

— Разумѣется, можно... Это дѣло вкуса и взглядовъ, отвѣтила она.

— А вотъ еще что скажите вы мнѣ: правда ли это, что по окончаніи можно хорошее мѣсто учительницы получить?

— Получаютъ. Разумѣется, кончившимъ курсы отдаютъ предпочтеніе.

— Ага! Значитъ это правда... Вы меня извините, Любовь Никифоровна, что я такъ все разспрашиваю. Ничего я въ этомъ не понимаю—оттого. Эхъ!—прибавилъ отецъ Василій, вотъ если бы мою Надю да съ вами познакомить...

— Да отчего же нѣтъ,—въ одинъ голосъ воскликнули и отецъ Никифоръ и его дочь.—Я буду очень рада, прибавила Любовь Никифоровна. Вы пришлите ее къ намъ, вотъ мы и познакомимся. А если рѣшите отпустить ее, такъ вотъ вмѣстѣ и поѣдемъ.

— Вотъ хорошо бы, ужъ это такъ было бы хорошо, что лучше и не надо. Такъ я пришлю ее, а вы ей все разскажите, какъ тамъ и что.

Хозяева заинтересовались и начали разспрашивать отца Василія о его семьѣ, о другихъ дѣтяхъ и о томъ, какъ это пришло въ голову Надѣ. О всѣхъ другихъ дѣтяхъ онъ разсказывалъ подробно, съ полнымъ знаніемъ дѣла, но все, что касалось Нади, онъ объяснялъ смутно, потому что самъ не понималъ. Тутъ кончалась область, гдѣ онъ былъ хозяиномъ, и начиналась чуждая ему область. Во всякомъ случаѣ они хорошо познакомились, и отецъ Василій уѣхалъ домой съ нѣсколько успокоенными мыслями.

Выйдя отъ отца Никифора, онъ сѣлъ въ бричку и сталъ торопить кучера. Они поѣхали прямо за городъ, никуда больше не заѣхавъ, и выѣхали на степную дорогу. Лошади, почуявъ возвращеніе, домой бѣжали быстро.

Еще солнце не зашло, когда отецъ Василій вернулся въ предѣлы Кривой Балки. Онъ снялъ рясу и тотчасъ же занялъ мѣсто за столомъ въ маленькомъ палисадникѣ, гдѣ были уже приготовлены ему и обѣдъ, и чай. Авдотья Филипповна и Надя угощали его и слушали по порядку разсказы о его городскихъ посѣщеніяхъ.

— Ну, а въ концѣ всего, какъ же ты полагаешь, отецъ Василій, спросила Авдотья Филипповна, послѣ того какъ отецъ Василій исчерпалъ всѣ свои разсказы.

— Вотъ то-то и оно, что не знаю... Всѣ какъ-то разно говорили. И опасность есть, и отъ характера зависитъ, и насчетъ политики страшно, и уберечься можно. Богъ ихъ знаетъ—только спутали меня, а толку никакого. Вотъ только на счетъ выгоды, что мѣсто ежели понадобится, можно хорошее сыскать—это всѣ говорятъ.

— Да на что Наденькѣ мѣсто, отецъ Василій? Кажется, наша дочь можетъ и безъ мѣста обходиться...

— Ну, вотъ! Вижу, что у тебя Авдотья Филипповна тайно прикоплены въ банкѣ нѣсколько тысячъ, шутя замѣтилъ отецъ Василій.

— Ну, да, припасешь съ нашей оравой, съ девятью человѣками, сказала Авдотья Филипповна.

— То-то и оно! А мнѣ тоже не двадцать пять лѣтъ, а чуть ли не всѣ шесть десятковъ. А ну, какъ помру я, что тогда Наденька станетъ дѣлать?.. Ты можешь жить у сыновей, да у дочерей. Тебѣ ничего, а ей, ежели она къ замужеству склонности не имѣетъ, по родственникамъ слоняться не сладко будетъ...

— Какъ же быть?—спросила Авдотья Филипповна.

— А такъ и быть, что надо своимъ умомъ додуматься... Видно свой умъ все-таки вѣрнѣе. Ну, какъ, Наденька, ты все-таки на своемъ стоишь?

— Я хочу ѣхать, папаша,—отвѣтила Надя.

— Хочешь? А политикой этой самой не будешь заниматься? А то вонъ, говорятъ, высылаютъ и подъ надзоръ отдаютъ.

— Нѣтъ, никакой политики я не знаю. Я учиться хочу.

— Эхъ, фантазія! Учиться, да учиться. Мало тебѣ, что семь лѣтъ зудила...

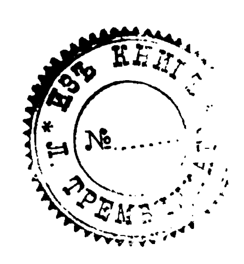
— Это совсѣмъ другое ученіе, папаша... Тутъ изъ-за диплома учатся, чтобы сказать: она, молъ, съ образованіемъ. А какое это образованіе. Какъ подумаю я объ этомъ, такъ право вижу, что ровно ничего не знаю. А тамъ учатся для того, чтобы знать, чтобъ умными быть...

— Вишь, ты! умной быть захотѣла! А мы вотъ съ Авдотьей Филипповной больше тридцати лѣтъ на приходѣ живемъ, дураки дураками—и ничего, сходитъ. А ей-ей же, я сегодня таки убѣдился, что совсѣмъ я дуракъ, совершенно какъ младенецъ. Говорятъ это мнѣ умные люди, а мнѣ ихъ и слушать скучно. Думаю: и для чего ты это мнѣ такъ много говоришь? скажи прямо: отпустить ли дочь въ ученіе или не отпустить. А то: съ одной стороны выходитъ такъ, а съ другой напротивъ... Ну, вотъ что Надя: я придумалъ. Поѣзжай ты въ городъ, остановись у Сашеньки, у Антона не совѣтую: они, хотя любезные, но трудно у нихъ. Все надо въ струнѣ держаться. А отецъ Маврикій попроще будетъ. Да, такъ поѣзжай съ Богомъ и познакомься съ дочерью отца Никифора. Повидайся съ нею и разъ, и другой, и третій. Да поразспроси хорошенько про тамошнюю жизнь. И сообрази ты и взвѣсь все досконально, подумай обо всемъ сначала. А потомъ и скажешь намъ, останешься ли при своемъ или передумаешь. И ужъ такъ, какъ ты тогда скажешь, мы и сдѣлаемъ. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, надо же чего нибудь держаться...

Надя обрадовалась такому рѣшенію и на слѣдующій же день собралась и поѣхала въ городъ.

И. Потапенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СРЕДИ НАРОДА.

Романъ П. Розеггера.

(Продолженіе).

Тридцать четвертое воскресенье.

Сколько горя, сколько страшнаго горя въ этомъ домѣ! Я вдругъ оказался центромъ, словно я общій отецъ и братъ. Всѣ обнимаютъ меня и плачутъ. Всѣ ищутъ у меня совѣта, спрашиваютъ, что теперь дѣлать? Какъ смѣлъ я по легкомысленному побужденію прійти въ этотъ домъ, гдѣ меня ждали такія серьезныя обязанности? Если бы святое ярмо этого сословія и жалость къ страдающимъ не просвѣтили меня, то какъ я могъ бы дорости до своего нынѣшняго положенія! Съ одной стороны—смерть отца, съ другой—несчастіе дочери, тутъ—обуреваемый страстями калѣка, здѣсь—бѣглецъ-солдатъ, а кромѣ всего этого—полное хозяйственное разореніе!

Ночью, когда я въ смущеніи и въ отчаяніи сидѣлъ на своемъ сундукѣ, мнѣ пришла въ голову мысль, за которую я готовъ былъ бы приколотить самого себя, какъ трусливую собаку.—Что тебя удерживаетъ въ этомъ печальномъ домѣ? Возьми палку и уходи. Въ другихъ мѣстахъ мужикамъ тоже пригодится работникъ.—Дьявольскіе навѣты! Развѣ можно теперь думать о моемъ глупомъ пари! Мое мѣсто здѣсь и больше нигдѣ. Посмотрю, можетъ ли выработаться порядочный человѣкъ изъ того ничтожества, какимъ я былъ?

Только позволь тебѣ писать, дорогой другъ, и ты не откажи мнѣ въ добромъ словѣ. Тогда я постараюсь исполнить то, что теперь отъ меня требуется. А пока слушай дальнѣйшій разсказъ о событіяхъ въ домѣ Адама.

Когда Адамъ умеръ, я сначала не могъ этому повѣрить. Тотъ самый человѣкъ, который часъ тому назадъ работалъ со мною, вдругъ поблѣднѣлъ и начинаетъ коченѣть. Сколько мы ни зовемъ его по имени, ни поливаемъ холодной водой, сколько ни трясемъ его, но взглядъ его не оживляется. Старуха пускаетъ въ ходъ всѣ средства: призываетъ святыхъ, обращается къ нему съ нѣжными словами, даетъ обѣты, читаетъ молитвы:—Отецъ, что же это такое? вдругъ такъ захворать—на что это похоже! Погоди, вотъ мы тебя обольемъ водой—ты еще придешь въ себя! Вѣдь это глупо, что ты вдругъ такъ задохнулся. Давно ужъ этого съ тобой не было. Пресвятая Дѣва ужъ поможетъ тебѣ. Помоги ему только на этотъ разъ, Матерь Божія. Я буду поститься ради Тебя въ Рождество и въ Пасху. Ни одной ночи не буду спать дольше пяти часовъ—только на этотъ разъ разбуди его.

Но старикъ не дышалъ, его остановившіеся глаза безъ выраженія были устремлены впередъ. Жена его бросилась на колѣни:—Господи Іисусе Христе, распятый за насъ! Смилуйся надъ нимъ! Адамъ! Адамъ! Мой милый мужъ, не простясь со мною, покидаешь ты меня! Адамъ!

Потомъ она вся съежилась:—Все кончено и все прошло!

И когда начинаются въ комнатѣ рыданія, мать встаетъ и кричитъ:—Тише! А не то можетъ случиться второе несчастіе!

Францель, посланный за Барбель, все еще стоялъ у дверей. Теперь мать сама пошла къ ней.—Ты хорошо дѣлаешь, что остаешься въ своей горницѣ, сказала старуха дочери.—У насъ въ комнатѣ опять что-то вышло. Отецъ не хочетъ.—Но не тужи, онъ ужъ согласится, ты его знаешь. Дай грозѣ пройти! Опять у него удушье. Лучше всего не показывайся теперь.

Она говорила вполнѣ естественно, и ты поймешь, почему дѣвушку нужно было поберечь...

Я взялъ учителя за руку:—Гвидо, ступай теперь къ ней. Поведи ее въ поле гулять и осторожно подготовь ее. Никогда въ жизни ей, можетъ быть, не будетъ такъ нужна твоя помощь, какъ теперь!

Онъ вышелъ, и оба они пошли по двору, а затѣмъ вдоль опушки лѣса.

Мы положили мертвеца на скамью, а затѣмъ въ глубокомъ горѣ, начали совѣщаться о томъ, что теперь дѣлать. Францеля посылаемъ за старой Маренцель, чтобы она обмыла и одѣла покойника. Мальчикъ убѣгаетъ. Онъ еще не понялъ хорошенько, что если человѣкъ умеръ, то его больше

никогда, никогда не будетъ... Рохерля отправляемъ въ Кайлингъ послать телеграмму Валентину и купить что нужно для похоронъ. Я иду въ Гойзендорфъ къ священнику и могильщику распорядиться насчетъ похоронъ. Извѣстіе о смерти Адама всѣхъ поражаетъ, кромѣ священника, для котораго смерть дѣло самое обыкновенное. Онъ привыкъ къ смерти... другихъ. Такъ какъ учителя не было, который обыкновенно звонитъ по покойникамъ, то мнѣ пришлось самому тянуть за веревку колоколъ. Могилу тоже пришлось рыть самому при помощи двухъ гойзендорфскихъ батраковъ, ибо настоящаго могильщика тамъ и нѣтъ вовсе. Гробъ сколотитъ мѣстный плотникъ, который говоритъ, что они съ Адамомъ были одинаковаго роста, а потому снялъ мѣрку для гроба съ самого себя.

На обратномъ пути я встрѣтилъ Рохерля, который возвращался изъ Кайлинга, гдѣ купилъ пшеничной муки, дрожжей, восковыхъ свѣчей и бѣлый полотняный покровъ для покойника.

Поднимаясь въ гору, я невольно вспомнилъ тотъ первый день, когда я увидѣлъ на снѣгу подъ лиственницей Адама съ кулемъ муки.

— Теперь онъ ужъ знаетъ! сказалъ Рохерль.

— Каково на небѣ?

Юноша съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и повторилъ:—Теперь ужъ онъ, вѣрно, знаетъ, Валентинъ.

— Знаетъ-ли ужъ Барбель? подумалъ я.—Учитель, вѣрно, еще тамъ, а то бы мы его встрѣтили.

— Если бы его только пустили! замѣтилъ Рохерль.

— Это еще вопросъ. Пожалуй, что это будетъ невозможно. Да онъ и не поспѣетъ къ похоронамъ. Вѣдь хоронить будемъ послѣ завтра утромъ.

Рохерль разсказалъ мнѣ, что взялъ всѣ вещи у купца въ долгъ, а деньги, данныя ему матерью, отправилъ по телеграфу Валентину, чтобы онъ имѣлъ возможность пріѣхать...

Между тѣмъ стемнѣло, на облакахъ появилась розовая кайма, все стихло. Такая тишина наступила, что если бы не поломанныя сучья кругомъ и не выбоины въ дорогѣ, никому бы въ голову не пришло, что природа можетъ доходить до такого безумія.

Объ умершемъ отцѣ мы не говорили. Но Рохерль вдругъ обернулся ко мнѣ:—Теперь ты этому повѣришь, Ганзель!

— Чему?

— Что этотъ человѣкъ составляетъ наше несчастіе.

Я не отвѣчалъ.

Наконецъ добрались мы до дому. Онъ стоитъ въ видѣ темной массы, два окна освѣщены. Рохерль остановился и вдругъ зарыдалъ. Онъ знаетъ, что за освѣщеннымъ окномъ лежитъ покойникъ,.. Но когда мы вошли въ домъ, то не покой тамъ царствовалъ, а суета и суматоха. Учитель вышелъ намъ на встрѣчу и сказалъ:—У насъ новое несчастье. Никогда никто не бывалъ такъ наказанъ, какъ я...

Рохерль опрометью бросился въ домъ.

— Что случилось?

— Барбель...

Я не могу больше писать. Мы не знаемъ теперь, останется-ли она жива.

Тридцать пятое воскресенье.

Твое письмо, другъ, придало мнѣ бодрости. Спасибо тебѣ. Твой ясный духъ, какъ компасъ, указываетъ мнѣ путь долга. Ты спрашиваешь о бѣдной дѣвушкѣ.

Я писалъ тебѣ въ прошлое воскресенье о томъ, какъ учитель увелъ ее въ поле, чтобы подготовить ее. Прежде всего онъ сказалъ ей, что они теперь женихъ и невѣста передъ людьми и передъ Богомъ. Потомъ сказалъ, что будетъ ей другомъ во всѣхъ радостяхъ и горестяхъ.

— Но отецъ еще не хочетъ! сказала она.

— Нѣтъ, навѣрное, хочетъ, увѣрялъ учитель.—Сначала онъ взволновался, ему не хочется съ тобой разставаться. Но онъ долженъ знать, кому ты теперь принадлежишь.

— Все это хорошо. Но мнѣ все кажется, Гвидо, что ты посватался за меня недоброволько, словно по принужденію.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Да отъ всего ли сердца ты это дѣлаешь?

— Оставь подобныя мысли, Барбель. Ты знаешь, что я тебѣ говорилъ.

Потомъ они долго ходили по полямъ и лугамъ, теперь опустѣвшимъ и занесеннымъ мусоромъ, и говорили о томъ, какъ они устроятъ свою совмѣстную жизнь. Барбель даже оживилась. Но потомъ остановилась и спросила:—Что это за звонъ въ Гойзендорфѣ? Не умеръ ли кто?

Она перекрестилась. Учитель подумалъ:—Бѣдное дитя, ты не знаешь, что молишься за своего отца.

Потомъ она сказала:—Гвидо, ты долженъ былъ бы быть дома, чтобы звонить.

— Кто нибудь за меня звонитъ.

— Но вѣдь, кажется, никто не былъ боленъ?

— Господи, да есть же въ округѣ болѣзненные люди. Вотъ старикъ Глеймеръ постоянно задыхается, и сердце, говорятъ, у него больное. Человѣкъ не можетъ быть увѣренъ ни въ днѣ, ни въ часѣ.

— Это должно быть тяжело, сказала она тихо: потерять кого нибудь близкаго, дорогого...

— Это всегда тяжко... Но вѣдь смерти никто не избѣжитъ, и лучше ужъ дѣтямъ хоронить родителей, чѣмъ родителямъ дѣтей.

Тутъ Барбель начала безпокоиться. Вдругъ она сказала:— Теперь ужъ я домой пойду.

— Некуда тебѣ торопиться, дорогая. Порадуйся хоть сегодняшній день. Посмотри, продолжалъ онъ, взявъ ее за руку,—ужъ побитые градомъ луга начинаютъ зеленѣть.

— Пусти меня, Гвидо! Я хочу домой къ отцу!

Она вырвалась отъ него и побѣжала вдоль опушки, а онъ долженъ былъ бѣгомъ догонять ее и поймалъ только у дверей дома.

— Барбель, слушай, не входи теперь. Подумай, за что ты отвѣчаешь. Послушай... Отецъ твой.... сильно заболѣлъ....

Она оттолкнула его и побѣжала въ комнату. Тамъ вдругъ раздался ея пронзительный крикъ. Она бросилась на покойника, трясла его, словно безумная кричала ему, чтобы онъ проснулся и взглянулъ на нее! Когда же она, наконецъ, убѣдилась, что все кончено, на нее нашелъ какой-то столбнякъ. Безъ слезъ и безъ словъ поплелась она въ свою каморку.— Когда вскорѣ оттуда донеслись стоны, мать поняла, что происходитъ. Старой Маренцель, явившейся обмывать покойника, теперь пришлось приняться за другое дѣло. Когда мы вечеромъ вернулись съ Рохерлемъ, на столѣ лежали два покойника: старшій и младшій членъ дома Адама.

Вотъ какъ все это случилось. Въ домѣ было такое горе, что я желалъ, чтобы кто нибудь возропталъ на судьбу, чтобы это ужасное, глухое горе было прервано взрывомъ гнѣва или отчаянія. Всѣ, не исключая всегда столь рѣзкой матери, бродили машинально, словно во снѣ. Но ночью Барбель начала спрашивать:—Скажите же мнѣ, какъ все это случилось?—А утромъ она спросила:—Какимъ же это образомъ умеръ мой отецъ?

Такъ какъ ей никто не въ силахъ былъ отвѣтить, то я вошелъ въ ея горенку и началъ разсказывать.

— Барбель, сказалъ я,—это была счастливая смерть. Когда онъ услышалъ, что учитель честно за тебя сватается, то поднялъ обѣ руки, какъ бы для благословенія и воскликнулъ: Наконецъ то, мое дитя будетъ счастливо! Слава Тебѣ, Господи! Затѣмъ онъ повернулся къ стѣнѣ—и все было кончено.

— А онъ не бранился? Нѣтъ?

— Вначалѣ онъ говорилъ рѣзко, потому что учитель пришелъ поздно—да, очень поздно...

Она молчала. Только потомъ она, словно съ собой, говорила:—Если бы все такъ было! Если бы все такъ было! И она плакала, но иначе, чѣмъ прежде.

Ты долженъ простить мнѣ эту ложь. Ложь, сказанная съ добрымъ намѣреніемъ, освобождающая сердце изъ чистилища, не можетъ быть преступна... Но ночью, когда мнѣ не спится, мнѣ представляется ужасно низкимъ обманывать ребенка относительно смерти отца. Не она ли причина этого семейнаго горя? Не должна ли она искупить свою тяжелую ошибку? Прошу тебя, другъ, скажи *нѣтъ*. Скажи, искатель правды и добра, что обманывать не запрещается, если такимъ путемъ можно сдѣлать благое дѣло. Не говори ужаснаго слова: правда выше всего, хотя бы она погубила человѣческое счастье и человѣческія сердца. Пусть философія смягчитъ, согрѣетъ жизнь на землѣ! Пусть эта жизнь будетъ темна, мрачна, но богата любовью! Бѣдная дѣвушка сегодня ужъ улыбается сквозь слезы. А грубая правда ее повергла бы на всю жизнь въ горе и страданіе...

Въ слѣдующее воскресенье я разскажу, что еще случилось въ эти дни.

Тридцать шестое воскресенье.

Поверхностному наблюдателю можетъ показаться, что мужики довольно равнодушно относятся другъ къ другу. Но если стрясется съ семьей что-нибудь особенное, то вездѣ проявляется человѣческое участіе, и всѣ оказываются отъ *одного* ствола, какъ сухія, такъ и зеленыя вѣтви.

Въ тѣ двѣ ночи, когда Адамъ лежалъ на длинной скамьѣ, большая комната съ трудомъ могла вмѣстить всѣхъ пришедшихъ утѣшать и молиться. Нѣкоторыя бабы принесли масла, бѣлаго хлѣба и сушеныхъ лѣсныхъ вишенъ, чтобы помочь нашей старухѣ съ честью устроить поминки по усоп-

жемъ. Не описываю тебѣ всѣхъ безчисленныхъ обычаевъ, соблюдаемыхъ при покойникѣ и при погребеніи: они не имѣютъ значенія для того, кто не умѣетъ найти или вложить въ нихъ смыслъ. Всякая тяжелая работа прекращается; стѣнные часы останавливаютъ, палку покойника привязываютъ къ дереву, чтобы она не ушла одна и не постучалась у чьей нибудь двери, въ качествѣ вѣстника несчастія. Въ домѣ по ночамъ сосѣди читаютъ псалтырь, поютъ погребальныя пѣсни, ѣдятъ бѣлый хлѣбъ со сливками и ведутъ разныя бесѣды—иногда даже шутятъ между собою и, по старому обычаю, съ покойникомъ. Смерть имъ не импонируетъ... Но въ нашемъ домѣ была какая то пришибленность, и пѣсни носили раздирающій душу характеръ, котораго описать невозможно.

Покойникъ былъ накрытъ бѣлымъ покрываломъ. Многіе изъ приходившихъ поднимали покровъ съ головы и, глядя на землистое лицо Адама, вслухъ просили у него прощенія.

Когда стоишь у тѣла хорошаго человѣка, то тутъ только начинаешь жалѣть его и не потому, что онъ умеръ, а потому, что онъ жилъ. Жилъ, страдалъ, терпѣливо и безмолвно переживалъ много горя.

Около тѣла на креслѣ стоитъ деревянное распятіе, передъ нимъ теплится лампадка и стоитъ святая вода. У ногъ этого длиннаго вытянутаго тѣла, въ углу лежитъ что-то маленькое, также прикрытое бѣлымъ платочкомъ. Это, милый другъ, лежитъ первородный грѣхъ... Его какъ будто никто не замѣчаетъ, никто не спрашиваетъ о Барбель.

Уже близилась полночь, и всѣ мы стояли на колѣняхъ и молились, какъ вдругъ у дверей произошло движеніе, раздались отрывистыя восклицанія, тихій говоръ и всхлипыванья. Изъ мрака вышла фигура, похожая на Адама, но молодая, стройная, въ шапкѣ и солдатскомъ плащѣ. Валентинъ! Молодой человѣкъ съ широкимъ лицомъ и впалыми щеками. Онъ всѣмъ подалъ руку, матери такъ же, какъ и другимъ, безпокойно и смущенно оглядѣлся кругомъ и медленно подошелъ къ покойнику. Одна изъ женщинъ открыла лицо мертвеца и тихо промолвила:—Совсѣмъ не измѣнился, правда? Точно спитъ. Онъ теперь хорошо отдыхаетъ.

Валентинъ тяжело опустился на оба колѣна, сложилъ руки и устремилъ свой взоръ на мертвеца. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ гробу, приставленному къ стѣнѣ, и по дрожанію его тѣла было видно, какъ клокочутъ въ немъ чувства.

Мы въ городѣ не знаемъ, что такое стыдливость горя.

Какъ не знаемъ стыдливости радости, стыдливости любви между родителями и дѣтьми. Сынъ, прибывшій изъ чужихъ краевъ, не поцѣловалъ своей матери, не прикоснулся къ тѣлу своего отца; ни одного слова нѣжности или жалости не сорвалось съ его устъ, и только выйдя изъ дому, онъ вдругъ взвылъ, какъ раненый олень...

Позднѣе, когда Валентинъ съ тяжелымъ сердцемъ, но безъ словъ стоялъ у открытой двери дома вмѣстѣ съ братомъ, Рохерль показалъ ему на одну фигуру, сидящую у колодца:—Видишь, Валентинъ? Тамъ у колодца. Этотъ человѣкъ—причина всѣхъ несчастій.

Тутъ подошла мать, которая ужъ сготовила кое-что поѣсть сыну и стала просить его сѣсть и покушать.

Солдатъ покачалъ головой—ѣсть онъ не можетъ.

Они всѣ трое стоятъ въ сѣняхъ, и мать разсказываетъ старшему сыну, какъ все случилось. Когда она упомянула о человѣкѣ, сдѣлавшемъ Барбель несчастною, рука Валентина сжала стилетъ.

— Но теперь онъ на ней женится, сказала мать.

А солдатъ:—Это его счастье.

— Счастье! спросилъ Рохерль.—И ты думаешь, что женитьбой дѣло будетъ исправлено?

— Больше онъ ничего сдѣлать не можетъ.

— Валентинъ, сказалъ Рохерль весь дрожа,—я одной рукой ничего не могу сдѣлать, а не то бы я не сталъ тебя ждать. Теперь *ты* съ нимъ посчитаешься.

— Съ кѣмъ? Съ учителемъ? Да если онъ на ней женится!

— А позоръ! А ея честное имя?

— Отчего ты такъ волнуешься, братъ Рохерль? Это несчастіе со всякимъ можетъ случиться.

— И это ты говоришь?! воскликнулъ Рохерль въ изумленіи.—Вотъ какъ ты испортился!

А солдатъ въ отвѣтъ:—Милый мой, если бы ты зналъ только, что на свѣтѣ творится!

Этотъ разговоръ вели оба брата передъ входной дверью при свѣтѣ луны. Потомъ Валентинъ выразилъ желаніе увидѣть сестру.

— Она теперь спитъ, сказала мать.

— Дайте ей отдохнуть. Она много страдала.

— Не знаю, долго-ли мнѣ придется пробыть съ вами, сказалъ солдатъ. Онъ подошелъ къ очагу. Вокругъ стола всѣ сжались, чтобы дать ему дорогу. Онъ, однако, оставался на заднемъ планѣ и всякій разъ, какъ дверь отворялась, посматривалъ на нее.

Я подошелъ къ нему и представился ему въ качествѣ батрака Ганзеля.

— Ужъ я знаю, сказалъ онъ кратко.

— Какъ дѣла въ полку? Какъ поживаетъ полковникъ Марксъ?

— Развѣ ты его знаешь?

— Онъ былъ моимъ начальникомъ.

— Ты развѣ тоже служилъ въ двадцать седьмомъ полку?

— А какъ же!

Онъ хотѣлъ на этомъ прекратить разговоръ. Мнѣ бросается въ глаза его безпокойство.

— Тебѣ безъ труда дали отпускъ?

— Безъ всякихъ затрудненій.

— На сколько времени?

— А сколько нужно будетъ.

— Вотъ какъ, сказалъ я,—это меня удивляетъ.

Когда же я еще хотѣлъ о чемъ-то спросить его, онъ быстро отвернулся и вышелъ.

Тридцать седьмое воскресенье.

Это письмо я пишу уже цѣлыя недѣли. Ты хочешь чтобы я обо всемъ подробно писалъ тебѣ, но событій такъ много и дѣла столько, что еле успѣваешь улучить время для письма.

Я оставался около Валентина, который видимо старался отъ меня улизнуть. Долго ходилъ я за нимъ, пока мы съ нимъ не зашли въ овинъ; тутъ онъ присѣлъ и закрылъ лицо свое руками.

— Валентинъ, мои отношенія къ твоей семьѣ таковы, что ты можешь мнѣ довѣрять. Признайся мнѣ, ты убѣжалъ безъ отпуска?

Онъ не отрицалъ этого.

— Но я завтра же пойду назадъ, когда все будетъ кончено...

— Валентинъ, сказалъ я,—ты видѣлъ отца мертвымъ. Мы похоронимъ его безъ тебя. Лучше иди сейчасъ.

Онъ покачалъ головою.

И бѣдняга остался. Никто, кромѣ меня, кажется, не подозрѣвалъ, что Валентинъ дезертировалъ. Пока всѣ еще сидѣли за столами и ѣли, плотникъ приколотилъ крышку гроба. Старуха закрыла всѣ окна и двери, чтобы Барбель не могла слышать этого ужаснаго звука.

Потомъ гробъ вынесли и поставили на порогѣ, и всѣ пропѣли погребальную пѣсню, въ которой покойникъ прощается съ женою и дѣтьми, съ домомъ и со дворомъ. Въ это время вдругъ раздался звукъ трещотки, возмутившій всѣхъ присутствовавшихъ. Но меня онъ порадовалъ: это трещалъ „боровъ", который выздоровѣлъ, и старался стучать какъ можно сильнѣе, чтобы Барбель не слышала печальнаго пѣнія. Очевидно, это она обратила прежде столь злого мальчишку на путь истины.

Какъ потерянный бродилъ вокругъ дома Гвидо Винтеръ, чувствуя, что онъ виноватъ во всѣхъ случившихся несчастіяхъ. Барбель позвала его къ себѣ, и пока отца ея уносили въ могилу, а вмѣстѣ съ нимъ уносили ея молодость, ея невинность, ея счастіе, она старалась милыми, ласковыми словами ободрить и утѣшить учителя. Она во всемъ винила себя, говоря, что ей слѣдовало бы быть разумнѣе его, ибо онъ не вѣдалъ, что творилъ. Худшее уже пережито, а теперь она не боится ни бѣдности, ни огорченій, пусть только онъ любитъ ее немножко... Когда мнѣ учитель разсказывалъ объ этомъ, я испыталъ настоящее sursum corda: внезапный подъемъ духа въ эти тяжелые дни...

Мы понесли Адама вшестеромъ внизъ по каменистой дорогѣ. Сзади насъ несли маленькій гробикъ, обернутый въ бѣлоснѣжное полотно. Гробикъ долженъ былъ сначала нести Рохерль, но онъ не захотѣлъ и съ страшнымъ крикомъ убѣжалъ въ лѣсъ, такъ что во время похоронъ мы его не видѣли. За гробикомъ шествовали многочисленные молельщики и молельщицы со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, потомъ мать, Валентинъ и Францель. Такъ какъ горе было общее, то роднымъ повидимому было не тяжелѣе другихъ. Позади всѣхъ бѣжалъ пудель Бисмаркъ; но, замѣтивъ, что его участіе никого не радовало, онъ поджалъ хвостъ и побѣжалъ домой, всталъ передъ дверью и громко завылъ. Въ церкви было много народу. Валентинъ стоялъ сзади, подъ темнымъ сводомъ и поглядывалъ на дверь всякій разъ, какъ она открывалась.

Послѣ обѣдни мы опустили Адама въ могилу. Колокола звонили, священникъ пѣлъ Requiem, прислужникъ кадилъ, и дымъ поднимался кверху... Старуха наша стояла, какъ статуя и не отводила глазъ отъ распятія. Я спустился въ могилу чтобы хорошенько поставить гробъ и принять маленькій гробикъ. Но тутъ священникъ спросилъ, крещено-ли дитя?

— Господи, да разумѣется! сказала Маренцель.

— Когда еще было живо?

— Да и когда оно живо не было. Оно мертвымъ и явилось на свѣтъ.

— Тогда его здѣсь нельзя хоронить, сказалъ священникъ, и его добродушное лицо омрачилось.—Я благословлю младенца, но первородному грѣху, не очищенному святымъ крещеніемъ, не мѣсто на освященной землѣ. А въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе...

Слова священника всѣхъ взволновали. Учитель же, котораго не видно было все время, вдругъ появился, взялъ въ руки гробикъ и сказалъ довольно громко:—Это мой ребенокъ. Я похороню его у себя въ саду и сдѣлаю на могилѣ надпись: „Здѣсь лежитъ первородный грѣхъ, не искупленный кровью Христа".

У меня морозъ пробѣжалъ по спинѣ отъ этихъ словъ. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли, что будетъ? Священникъ покачалъ головой и велѣлъ опустить гробикъ въ могилу. Мы поставили его въ ногахъ у дѣда и потомъ забросали землею. Надъ могилой Адама всѣ хоромъ пропѣли торжественную пѣсню, гдѣ просили его душу заступиться за нихъ въ день Страшнаго Суда... Въ воскресеніи изъ мертвыхъ эти наши современники убѣждены такъ же, какъ въ томъ, что послѣ ночи наступаетъ день... И эти люди, вѣрящіе въ то, что мертвые возстанутъ изъ гробовъ и облекутся въ свои тѣла,—эти самые люди открываютъ старые гробы, разбрасываютъ кости и видятъ воочію всѣ перемѣны и разрушенія, происходящія въ природѣ. Къ силамъ природы они присоединяютъ всемогущество Божіе—и этимъ все улаживается.

Не преисполнено-ли это величія? Создала-ли фантазія что-нибудь болѣе возвышающее наше сердце, столь жаждущее жизни? А потому здѣсь у могилы не раздается воплей отчаянія, а оставшіеся послѣ покойника не теряютъ бодрости, не падаютъ подъ тяжестью горя. Вѣдь скоро наступитъ лучшая жизнь и свиданіе...

Впрочемъ, мнѣ недолго пришлось предаваться подобнымъ мыслямъ. Уже во время зарыванія могилы я замѣтилъ что-то блестящее, за живою изгородью кладбища. Непріятенъ мнѣ былъ этотъ блескъ. Валентинъ мой глядѣлъ въ могилу, пополнявшуюся землею и словно забылъ обо всемъ прочемъ...

Какъ только люди начали расходиться, на кладбище быстро вошли два жандарма. Валентинъ увидѣлъ ихъ, вскрикнулъ, хотѣлъ убѣжать, но вмѣсто того соскочилъ въ полузасыпанную могилу. Ему хотѣлось бы поглубже зарыться въ

рыхлую землю, чтобы избавиться отъ жандармовъ, которые пришли тащить его въ казармы, въ кутузку, а можетъ быть еще на худшее наказаніе. Но жандармы уже стояли у могилы и штыками преградили изъ нея выходъ. Мнѣ съ учителемъ не безъ труда удалось вытащить безумнаго малаго изъ могилы. Одинъ жандармъ прикрикнулъ было на Валентина, но затѣмъ смягчился и добродушно сказалъ: „Не будьте ребенкомъ, Вейлеръ!"

Тогда онъ отдался въ ихъ руки. Мать и Францель словно окаменѣли отъ страху. Я же сказалъ жандармамъ:

— Вѣдь вы не откажетесь закусить съ нами въ гостиницѣ?

Они согласились.

Пока всѣ совершали поминки, т. е. ѣли хлѣбъ и пили яблочное вино, блюстители порядка сидѣли въ сосѣдней комнаткѣ съ Валентиномъ, который скрестилъ руки и безучастно глядѣлъ передъ собою. Кульмбокъ, учитель и я между тѣмъ не теряли времени. Въ домѣ учителя мы написали нѣчто вродѣ прошенія къ полковому начальству, гдѣ обращали вниманіе на то, что Валентинъ Вейлеръ бѣжалъ не отъ службы, а подъ вліяніемъ любви къ отцу и высказывалъ нѣсколькимъ лицамъ свое намѣреніе тотчасъ послѣ похоронъ вернуться къ своимъ обязанностямъ. Семья, безъ того находящаяся въ глубокомъ горѣ, проситъ его помиловать и не судить слишкомъ строго за совершенный имъ необдуманный шагъ.

Послѣ поминокъ, когда жандармы собирались уводить Валентина, словно пойманнаго злодѣя, сердце матери не выдержало. Но она не разразилась жалобами, а съ гнѣвнымъ негодованіемъ отнеслась къ адскому способу отгонять бѣднаго, добраго сына отъ могилы отца, какъ вора и поджигателя! Она говорила рѣзко, и это жандармамъ не повредило. Одинъ изъ нихъ тихонько сказалъ другому:—Мнѣ кажется, что кандалы на рукахъ его огорчаютъ старуху. Право, мы кажется могли бы не связывать ему рукъ.

Другой сказалъ:—Если берешь это на себя! Я держусь предписанія.

— И я тоже, въ такомъ случаѣ.

— Слушайте, господа, сказалъ я имъ:—бьюсь объ закладъ, у васъ также были отецъ и мать.

— Ничего худого мы ему не сдѣлаемъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

Но кандалы все таки они оставили. Проходя мимо группы

деревенскихъ парней, Валентинъ вдругъ воскликнулъ: „Прощайте! Для меня уже готова пуля! Ха-ха-ха!“

Этотъ смѣхъ поразилъ старуху. Она поблѣднѣла, какъ полотно, и не въ силахъ была произнести ни слова...

Скоро жандармы со своимъ плѣнникомъ скрылись изъ виду.

Приписка. Не лучше ли будетъ уничтожить мои письма за послѣдніе мѣсяцы? Если я когда-нибудь снова вернусь въ цивилизованный міръ, я сдѣлаюсь въ немъ невозможнымъ. Развѣ мыслимо такъ стоять на сторонѣ труда и бѣдняковъ? Такъ восхвалять вѣру въ Бога? Видѣть въ солдатѣ прежде всего человѣка!—Трудно повѣрить, какъ я быстро омужичился!

Тридцать восьмое воскресенье.

Въ домѣ Адама все идетъ по старому, точно ничего и не случилось. Но все-таки, какая разница по сравненію съ тѣмъ, что было нѣсколько недѣль тому назадъ! Уже тогда намъ казалось, что у насъ тяжелое горе, а между тѣмъ это было поистинѣ счастливое время. Хлѣбъ стоялъ на поляхъ во всемъ своемъ великолѣпіи, Барбель работала въ саду, отецъ, ничего не подозрѣвая, трудился на лугу, Валентинъ надѣялся получить отпускъ, а Рохерль еще бродилъ по двору. Теперь зерно и Адамъ глубоко погребены въ землѣ, Барбель лежитъ въ своей горенкѣ, Валентинъ сидитъ въ тюрьмѣ, Рохерля нѣтъ...

А что, если настанутъ дни, по сравненію съ которыми настоящее можно будетъ назвать счастливымъ временемъ? Старуха иногда ропщетъ на Бога, но потомъ становится на колѣни и смиренно говоритъ: Да будетъ воля Твоя.

Рохерль исчезъ. Со дня похоронъ его никто изъ здѣшнихъ не видалъ. Онъ ничего не взялъ съ собою, кромѣ стараго ружья. Говорятъ, его разъ видѣли на горныхъ пастбищахъ, говорятъ также, что охотникъ Конрадъ слѣдитъ за нимъ. Но Рохерль, какъ передаютъ, сказалъ, что есть козлы, не находящіеся въ вѣдѣніи охотника. Какъ понимать эти слова? О, Господи, если бы я не догадывался, въ чемъ дѣло! Онъ просто не въ своемъ умѣ. Конрадъ думаетъ, что съ него глазъ спускать нельзя.

Въ Альмгауѣ вездѣ уже посѣяли озимое. Я только удивляюсь, какъ это мужики не потеряли надежды, что у нихъ

что нибудь уродится. Вѣдь все опять можетъ погибнуть, а они все-таки сѣютъ въ надеждѣ, что дождутся награды, ибо благословеніе земли сильнѣе проклятія неба...

Намъ, впрочемъ, сѣять нечего. Мы со старухой съ утра до вечера работаемъ на картофельномъ полѣ. Надѣемся, хоть мы и одни, собрать картофель до перваго снѣгу. Копать картофель—это одна изъ немногихъ работъ, которымъ мнѣ не пришлось учиться. По вечерамъ мы кладемъ мѣшки съ картофелемъ на тачку и тащимъ ее вмѣстѣ во дворъ. При этомъ мы хранимъ молчаніе. Мнѣ иной разъ хочется поговорить, но старуха не говоритъ ни слова о томъ, что съ нами случилось, о горѣ, которое такъ тяжело насъ давитъ! Всего болѣе огорчаетъ ее повидимому исчезновеніе Рохерля. Разъ какъ то она воскликнула: Стоитъ метлу сломать объ его спину! Такая глупость! Такая гадость! Уйти! Уйти, несмотря на такое горе!

— Въ воскресенье я опять пойду его искать!

— Чужіе люди должны тебѣ помогать! А свои дѣти столько горя причиняютъ! Всѣ, всѣ, до единаго! Жаль, что Францель еще не выросъ. Что-то онъ еще учинитъ!—И она громко захохотала.

Весело у насъ, нечего сказать. Учителя опять что-то не видно.

Но такъ продолжаться не можетъ. Я ломаю себѣ голову, но не могу придумать, какъ помочь бѣдѣ. По неволѣ приходится приняться за денежные разсчеты. Написалъ даже знакомому адвокату, разсказалъ ему о своемъ пари и просилъ совѣта, какъ мнѣ навѣрное получить эти деньги. Я отъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не отказываюсь—слишкомъ ужъ онѣ нужны здѣсь. Если онѣ у меня будутъ—я все улажу. Сыграемъ свадьбу, вернемъ Рохерля, освободимъ солдата—вѣдь съ деньгами все это возможно. Я ради своего собственнаго удовольствія хотѣлъ бы поставить на ноги эту семью Адама, хочу поддержать крестьянскій дворъ, хотя въ настоящее время всѣ они роковымъ образомъ приходятъ въ упадокъ. Можетъ быть, ты назовешь это глупостью, но такія-ли глупости дѣлаются! Вѣдь милліоны пускаютъ по вѣтру, разоряются игрою, спортомъ, кутежами... Я поскромнѣе, мою прихоть легче удовлетворить.

Но пока надо прежде всего трудиться, копать картофель, не давать моихъ бѣдняковъ въ обиду, что я и дѣлаю. На дняхъ пришелъ какой-то чужой человѣкъ, не то мужикъ, не то баринъ, съ круглымъ, бритымъ лицомъ. Вздыхалъ онъ надъ всѣми несчастіями, обрушившимися на этотъ домъ, говорилъ,

что и у него выдался трудный годъ, что у него даже земли своей не осталось, а потому не отдастъ ли ему вдова Адама задатка, который онъ далъ ея мужу за хлѣбъ на корню? Онъ готовъ изъ любви къ ближнему подождать, даже готовъ доброй женщинѣ дать взаймы двѣсти, триста гульденовъ, и безъ процентовъ. Онъ не будетъ торопить съ этимъ долгомъ, но если она черезъ пять лѣтъ не отдастъ денегъ, то онъ охотно возьметъ взамѣнъ ихъ лѣсочекъ. Пусть ему только ради порядка дадутъ подписку. Тогда ужъ онъ и задатка своего назадъ требовать не станетъ.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы онъ кончилъ. Наконецъ, и я могъ свое слово вставить.

— Да знаете-ли вы, что этотъ лѣсокъ въ пять лѣтъ составитъ, кромѣ предлагаемаго вами капитала, еще двѣсти процентовъ?

— Вы развѣ здѣсь хозяинъ?

— Нѣтъ, я только батракъ!

Но съ этими словами я схватилъ его за руку, вывелъ за дверь въ поле, проводилъ до забора и вытолкалъ. Послѣ этого я съ удовольствіемъ поужиналъ. Ужинъ, мнѣ кажется, я честно заслужилъ на этотъ разъ.

Не могу тебѣ сказать, какъ я боюсь за нашего Рохерля.

Тридцать девятое воскресенье.

Лѣниво тянутся дни. На этой недѣлѣ у насъ работалъ деревенскій портной. Но шить-то было нечего—развѣ только зимнее платье Францелю. Хозяйка моя хотѣла было продать свое домашнее сукно и купить фабричнаго, какъ болѣе дешеваго, но я ей отсовѣтовалъ, говоря, что пока мальчика слѣдуетъ держать дома и сдѣлать ему крестьянскую куртку.

— Ты правъ, Ганзель, сказала хозяйка, мотая нитки для портного.—Я никогда не знаю, что надо, дѣлай, какъ знаешь.

Дѣлай, какъ знаешь! Неужели мое слово здѣсь такъ много значитъ? А если значитъ, то могу-ли я отвѣчать за то, что мальчика по моему совѣту оставятъ дома, въ этой жалкой лачугѣ, когда въ другомъ мѣстѣ его, быть можетъ, ожидаетъ лучшая участь?—О, другъ мой, мое довѣріе къ этому почтенному сословію начинаетъ падать, какъ барометръ во время бури.

Отмѣряя матерію, портной спросилъ хозяйку:—А работнику тоже надо шить?

— Разумѣется, отвѣчала она,—ему надо сшить цѣлое платье. Изъ сѣраго или коричневаго сукна, какъ онъ хочетъ.

— Мать, сказалъ я,—платье у меня есть, на этотъ годъ мнѣ его хватитъ.

— Платья ты не хочешь, а денегъ у меня нѣтъ, сказала она съ досадой.

Я подошелъ къ ней совсѣмъ близко и промолвилъ:— Вѣдь я уже вѣрно не разъ вамъ говорилъ, что вы мнѣ ничего не должны. Вы вѣроятно давно уже замѣтили, что Господь Богъ не создалъ меня деревенскимъ батракомъ. Я также не заколдованный принцъ. Пришелъ же я сюда въ горы только для того, чтобы укрѣпить свое здоровье! Трудъ и потъ полезны человѣку. И я поправилъ свое здоровье, и за это еще заставлю васъ платить мнѣ! Если я вамъ нуженъ, то съ радостью останусь у васъ до конца года. Зимою, когда вы немножко оправитесь отъ вашихъ бѣдъ, я пожалуй покину васъ.

— Вотъ какъ! воскликнула она.—Вотъ тебѣ и разъ. Если и работникъ уйдетъ, то намъ только останется повѣсить скотину за хвостъ и живыми лечь въ гробъ. Ужъ послѣ этого такъ жить не стоитъ.

— Такъ шить что-ли еще платье или нѣтъ? спросилъ портной, подходя ко мнѣ, чтобы снять съ меня мѣрку. Но услышавъ, что шить больше ничего не придется, онъ началъ страшно сверкать глазами и наконецъ, обернувшись къ Францелю, разразился возгласомъ:—И ради этого мальчишки меня сюда позвали!

— Но что-же я могу сдѣлать, съ горечью усмѣхнулась старуха,—если люди умираютъ, если ихъ уводятъ жандармы и если они, наконецъ, сами убѣгаютъ?

— Но что-же я могу съ этимъ подѣлать? возразилъ портной.

Но тутъ ужъ я изъ себя вышелъ. Я ударилъ кулакомъ по столу и закричалъ:—Чего тутъ препираться! Вы сошьете, это какъ слѣдуетъ, а если не хотите, то помните, что подъ гору итти легче, чѣмъ въ гору. Понимаете?

Портной понялъ меня отлично, но не испугался нисколько. Онъ спокойно подошелъ къ хозяйкѣ и потребовалъ платы. А она уже задолжала ему за долгое время. Тутъ я вмѣшался и отдалъ ему остатокъ моихъ денегъ, которыхъ едва хватило для умиротворенія обиженнаго портного. Потомъ онъ сложилъ свои вещи и былъ таковъ. Скроенные для Францеля штаны остались на столѣ, но отъ шитья я отказываюсь: это выше моихъ силъ.—Такимъ-то образомъ я начинаю сѣять недоброе въ этомъ домѣ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, я радъ былъ получить

письмо отъ адвоката. Но письмо это не заключаетъ въ себѣ ничего утѣшительнаго. Адвокатъ пишетъ, что мое дѣло съ Штейномъ весьма невѣрно. Мнѣ слѣдуетъ заблаговременно удостовѣриться въ своихъ свидѣтеляхъ, такъ какъ Штейнъ тертый калачъ и постарается меня провести. Но мнѣ не слѣдуетъ ѣздить въ городъ изъ за этого дѣла, ибо, покинувъ деревню, я формально лишаюсь своего права. Годъ долженъ завершиться въ деревнѣ, ни одного часа нельзя отнять отъ него. Изъ всего этого можетъ выйти прескверная исторія. Лѣтомъ я былъ въ такомъ возвышенномъ настроеніи, что все это дѣло мнѣ казалось безразличнымъ; теперь же, когда годъ приближается къ концу, является на сцену жадность къ деньгамъ, и желаніе защищать свои права. Я не отказываюсь отъ своего пари! А потому написалъ адвокату, чтобы онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, заручился бы свидѣтелями и проч. Но это все можно сдѣлать не раньше конца года. Осталось еще три мѣсяца.

Такъ дьяволъ понемногу овладѣваетъ твоимъ батракомъ, котораго ты, другъ, такъ поддерживалъ. Твои увѣщанія мнѣ всегда были полезны, но въ настоящее время, откровенно говоря, мнѣ пріятнѣе было бы имѣть въ рукахъ чистыя деньги.

Сороковое воскресенье.

Ты пишешь, что мои воскресныя письма начали тебя сильно огорчать. Меня же это радуетъ. Я не желаю тебѣ никакого другого страданія, кромѣ состраданія. Мнѣ пріятно, что по отношенію къ намъ оно у тебя есть.

Сегодня опять ничего отраднаго тебѣ не сообщу, хотя осеннее небо надъ нами ясное и голубое, а изъ земли показываются новые ростки.—Что съ нашимъ глупымъ парнемъ? Онъ точно сквозь землю провалился. Мы даже подозрѣваемъ, что онъ поѣхалъ въ Лайбахъ, чтобы просить полковника избавить брата отъ наказанія. Этотъ малый какъ въ любви, такъ и въ ненависти отличается необузданной страстностью. Впрочемъ, солдатъ написалъ письмо, прочитавъ которое мать захлопала въ ладоши: оказывается, что, благодаря нашему прошенію, его продержали въ кутузкѣ только двое сутокъ.

Кстати о дѣвушкѣ, о моей дѣвушкѣ, т. е. о нашей или вѣрнѣе о *его* дѣвушкѣ. Она уже встала и вышла изъ своей горенки, таскаетъ рѣпу изъ земли и даже смѣялась одинъ разъ. Въ среду, зажигая лучину у печки, она обожгла не-

много руку, взвизгнула и расхохоталась. Это было въ шесть часовъ двадцать минутъ. Смѣхъ ея раздался по всему дому точно пасхальный звонъ. Мнѣ казалось, что отъ него даже Адамъ долженъ пробудиться. Если бы онъ тогда услышалъ этотъ смѣхъ, онъ бы не умеръ. Этотъ смѣхъ могъ бы привлечь домой и брата, который неизвѣстно отчего бродитъ по окрестностямъ.

Ночью въ тотъ же день я отправился къ учителю и забарабанилъ пальцами по окну.

— Что случилось?

— Барбель сегодня смѣялась!...

Онъ всталъ, зажегъ свѣчу и впустилъ меня. Мы усѣлись за столъ. Я сказалъ:

— Если не хочешь жениться, когда женщина плачетъ, то надо жениться, когда она смѣется.

— Такъ назначимъ же сейчасъ день свадьбы, отвѣчалъ онъ.—Все прочее въ порядкѣ; ты знаешь, какъ обстоитъ дѣло.

— Я долженъ тебя предупредить, что мнѣ вѣроятно придется требовать мои деньги судебнымъ порядкомъ.

— Но ты можешь проиграть процессъ.

— Тогда тебя въ нынѣшнемъ году постигнетъ градобитіе...

— Но ты ничего не можешь дать мнѣ впередъ? Тогда дѣло трудно будетъ уладить.

— Мнѣ бы не хотѣлось дожить до того, Гвидо, чтобы изъ за тебя ея смѣхъ превратился опять въ слезы.

Свѣча догорала, но онъ не зажигалъ новой. Учитель ходилъ по комнатѣ и все ворчалъ, что ему такъ дорого надо расплачиваться за первородный грѣхъ.

— Но отчего ты, согрѣшивъ, такъ боишься добывать хлѣбъ въ потѣ лица твоего? Возьми часть Адамовой земли и сажай на ней картофель.

— Ты правъ, сказалъ учитель. Надо будетъ этому научиться...

— Вѣрно, вѣрно! Я готовъ задушить тебя, если ты не женишься на ней.

— Странно. Если я не женюсь, то ты меня задушишь, а если женюсь, то задушитъ меня другой.

— Кто?

— Я сначала не хотѣлъ говорить, сказалъ онъ, зажигая новую свѣчу:—но ты вѣдь никому не скажешь. Вчера вечеромъ, въ лѣсу, я видѣлъ, какъ за камнемъ прячется какой то человѣкъ. Мнѣ показалось, что это Рохерль. Но онъ

вдругъ вскочилъ, когда я хотѣлъ ближе подойти къ нему и бросился въ чащу. При немъ было ружье, рука на перевязи. Другою же рукою онъ хотѣлъ въ меня выстрѣлить, я въ этомъ увѣренъ.

— Къ такимъ дѣламъ нельзя относиться такъ легкомысленно, учитель. Что ты говоришь такое? Да это навѣрное былъ не Рохерль. Вѣрно, это былъ какой-нибудь захожій охотникъ, подстерегавшій свою добычу.

— Ну, можетъ быть, я и ошибся. Но я всетаки убѣжденъ, что это былъ Рохерль.

— Но какія основанія имѣешь ты подозрѣвать его?

— Да онъ меня ревнуетъ къ сестрѣ! Значитъ, не я одинъ это подозрѣваю.

— Во всякомъ случаѣ, Гвидо, ты долженъ поскорѣе обвѣнчаться, и все измѣнится.

Учитель началъ что-то толковать о томъ, что въ такихъ важныхъ дѣлахъ нельзя спѣшить, что его никто принудить жениться не можетъ, что онъ самъ знаетъ, на комъ и когда ему надо жениться.

— Но вѣдь то, что ты говоришь, похоже уже на прямой отказъ, Гвидо!

— Опять ты со своими подозрѣніями привязался! засмѣялся онъ.—Ну, назначимъ въ такомъ случаѣ день. Двѣнадцатое ноября—это будетъ воскресенье. Тогда и сыграемъ свадьбу.

Я радъ, что день назначенъ, и что наконецъ можно надѣяться на водвореніе мира и спокойствія въ домѣ Адама.

Но что сдѣлаетъ этотъ учитель изъ Барбель? Или она изъ него?—За послѣднее я не боюсь...

Сорокъ первое воскресенье.

Твоя маленькая посылка меня сильно удивила. Нѣтъ, право, я вовсе не желалъ, чтобы ты мнѣ присылалъ денегъ. Мнѣ гораздо важнѣе твоя нравственная поддержка, чѣмъ твои деньги. Но вернуть тебѣ этихъ денегъ я не могу—нечего тебѣ ждать отъ деревенскаго батрака, такіе люди долговъ не платятъ. Твоя кредитная бумажка въ сто гульденовъ меня поставила въ очень трудное положеніе. Здѣсь, во всей округѣ, нѣтъ никого, кто могъ бы ее размѣнять, даже у церковнаго старосты этого нельзя было сдѣлать. Пришлось отправиться въ Кайлингъ. Мнѣ вспомнился по этому поводу разсказъ о мѣшкѣ золота въ пустынѣ, гдѣ одинъ колосъ оказывается болѣе цѣннымъ, чѣмъ даже совсѣмъ новенькая

кредитная бумажка. Деньги только и получают цѣнность, когда къ нимъ присоединяется благословеніе земли... Не правда-ли?

Ты предлагаешь мнѣ навести справки о теперешнемъ положеніи „Континентальной Почты", за это я могу только тебя благодарить. Мнѣ, впрочемъ, кажется невѣроятнымъ, чтобы докторъ Штейнъ могъ не уплатить своего долга. Долгъ его— это такой же проигрышъ, какъ карточный долгъ, а карточный долгъ — дѣло чести даже для всякаго погибшаго человѣка...

Но теперь возвращаюсь къ моему разсказу.

Ужасный Рохерль все еще не обрѣлся. Мы однако слышали, что онъ скрывается въ горахъ, на одномъ заброшенномъ горномъ пастбищѣ, куда стекается всякій сбродъ—бродяги, браконьеры, говорятъ, даже распутныя женщины. Но отчего нашъ парень торчитъ именно въ этой ямѣ?

Въ четвергъ мы вышли ловить молодца—мать, Барбель и я. Барбель сначала не хотѣла итти съ нами—она, повидимому, подозрѣваетъ, что Рохерль замышляетъ что-то недоброе противъ людей. О немъ она говоритъ, какъ о больномъ. Однажды она сдѣлала такое замѣчаніе: — Господи! иногда не знаешь, какое счастіе, когда дорогіе люди умираютъ. Если бы охотникъ въ тотъ разъ попалъ ему въ сердце, то у меня былъ бы братъ на небесахъ.

Это было самое жесткое слово, какое я отъ нея когда-либо слышалъ. Мать сейчасъ же рѣзко остановила ее:—Не тебѣ, матушка, говорить! Мнѣ тоже было бы пріятнѣе, если бы моя дочь была чистой дѣвушкой на небесахъ...

Мнѣ пришлось вмѣшаться: постояннаго примирителя, Адама, между нами не было.

— Это было бы недурно,— сказалъ я.—Но ваши недобрыя рѣчи оттого и происходятъ, что на небѣ живутъ ангелы, а на землѣ люди.

Съ какой благодарностью взглянула на меня за эти слова Барбель! Господи, какъ сіяли ея глаза!

Потомъ мы отправились въ горы. Старуха была настроена очень воинственно; Барбель уговаривала ее хорошо отнестись къ Рохерлю, если удастся найти его. Но мать не соглашалась.

Наконецъ мы пришли въ ущелье. Кусты уже пожелтѣли, но листья еще висятъ на вѣтвяхъ. По бокамъ ущелья растутъ кусты ежевики, которую собираютъ обитатели упомянутой хижины. Вокругъ самой хижины густо разрослась крапива, а хижина похожа на хлѣвъ больше, чѣмъ на человѣческое

жилье. Я подошелъ къ незнакомой старухѣ, полоскавшей какіе то бумазейные штаны въ ручьѣ и спросилъ, здѣсь-ли сынъ Адама. Она глупо вытаращила на меня глаза, но Барбель узнала штаны брата; слѣдовательно, онъ здѣсь. Мы поэтому рѣшили проникнуть въ хижину.

Въ хижинѣ мы нашли страшный безпорядокъ, но людей не было видно. Мы съ Барбель пробрались въ вонючую кухню, но и тамъ никого не было. Тогда я по лѣстницѣ взобрался на чердакъ и тамъ увидѣлъ человѣка, зарывшагося въ солому, изъ которой торчали только его черные всклокоченные волосы. Онъ приподнялся и заревѣлъ:—Кто тамъ?

— Это я спрашиваю!—возразилъ я.

— Хорошо-же, я скажу тебѣ. Только не приближайся ко мнѣ. Здѣсь наверху воздухъ нездоровый. Насъ здѣсь двое...

— Здравствуйте, милостивые государи,—смѣюсь я. — Но будьте добры сказать мнѣ, не зовутъ-ли второго Рохусомъ Вейлеромъ?

— Не знаю.

— У него рука на перевязи.

— А! Однорукій! Вѣрно онъ недалеко. Вотъ его трубка валяется.

Въ углу дѣйствительно стояло наше старое ружье. Такъ какъ Рохерля нигдѣ не было видно, то я взялъ ружье и унесъ его съ собою.

Мы сѣли на мохъ недалеко отъ хижины и прождали до поздняго вечера. Нѣсколько бѣдняковъ входило и выходило изъ хижины, но Рохерля мы такъ и не дождались. Домой мы вернулись только въ полночь.

Въ сѣняхъ было совсѣмъ темно. Когда мы, расходясь, пожелали другъ другу спокойной ночи, Барбель взяла меня за руку и сказала: — Спасибо тебѣ, Ганзель, за то, что ты ходилъ съ нами.—И какъ мягко и тепло коснулась меня ея рука! Философъ, философъ, дѣвушка моя оживаетъ!

Сорокъ второе воскресенье.

Горы опять стали великолѣпны. Тихая, ясная, постоянная осень несравненно лучше своенравнаго мая, когда текутъ ручьи, щелкаютъ соловьи, кусаютъ комары. Если бы я могъ тебѣ показать пурпуровую листву вишенъ и буковъ, золотые листья кленовъ, желтыя иглы лиственницъ и темно-синіе оттѣнки еловыхъ рощъ! Въ долинахъ серебрится иней, а всѣ вершины залиты солнечнымъ свѣтомъ. Весь Альмгай похожъ на пестрый букетъ подъ яснымъ, какъ кристаллъ, небомъ.

Не даромъ я боялся до окончанія нынѣшняго года впасть въ поэтическія изліянія. Можетъ быть мое зрѣніе обострилось, но я вижу на горахъ всякую разсѣлину, всякій утесъ, всякій песчаный откосъ, всякую снѣжную площадь, словно меня не отдѣляетъ отъ нихъ обширный воздушный океанъ. Прохладный горный вѣтерокъ обдаетъ меня благоуханіемъ цикламеновъ, гентіанъ и матушки сырой земли.

Но среди этой новой красоты все прежнее горе. Въ нынѣшнемъ году здѣсь все мертво и безмолвно. Только тамъ и сямъ раздается щелканье бича, но пастухъ щелкаетъ не вслѣдствіе радостнаго настроенія, а изъ досады на скотъ, который рвется за положенныя ему границы. Веселые парни бродятъ уныло въ одиночку и думаютъ о томъ, куда имъ идти, когда въ горахъ нечѣмъ будетъ жить? А въ канавахъ журчитъ вода, словно во снѣ: „Я вѣчный хозяинъ въ горахъ. Я обтесываю и крошу скалы. Я строю Альпы, и разбиваю ихъ, и уношу ихъ. Я стираю съ лица горъ твои поля и дома, человѣкъ, а также твои могилы“...

И все-таки человѣческое сердце приковано къ своей родинѣ, и крестьянскій духъ въ горахъ крѣпче, прочнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Крестьяне здѣсь словно приросли къ землѣ, имъ чуждъ кочевой духъ; вся наша культура опирается на крестьянство, обрабатывающее землю, изъ его среды вышли основатели замковъ, крѣпостей, церквей, городовъ, растущихъ и развивающихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. И чѣмъ освѣжаются силы культурнаго человѣчества? Оно захирѣетъ, если не будетъ пополняться крестьянами, выросшими на своей землѣ, если горныя воды или соціальныя силы смоютъ съ лица земли мужика.

Прежде я любилъ крестьянство, какъ идиллію. Теперь я люблю его, какъ Одиссею. Въ этомъ сословіи, наряду съ темными силами, таится такая способность къ самопожертвованію, такая долготерпѣливая любовь, которая близка къ героизму. И если бы я вѣрилъ въ счастье, я сталъ бы искать его вдали отъ безумнаго міра въ тиши деревенскаго дома, среди вѣчно юной природы, которая меня оживляетъ, заставляетъ работать и кормитъ, которой приходится поклоняться даже въ минуты ея ярости. И вотъ я рѣшилъ помочь бѣдной семьѣ Адама продержаться какъ можно дольше на родинѣ... Какое бы горе здѣсь ни было, оно все-таки лучше, чѣмъ невѣрная жизнь на чужбинѣ, чѣмъ дикое бушеваніе духа времени надъ безпомощными людьми. Безъ ужаса не могу представить себѣ мою старуху и мою простодушную Барбель въ чужихъ краяхъ, безъ почвы подъ ногами! Мнѣ страшно

даже вообразить ее себѣ женою учителя. И вообще, слѣдуетъ ли соединять этихъ двухъ людей неразрывными узами на всю жизнь?

Я уже писалъ тебѣ о томъ, какъ мы искали Рохерля, какъ принесли домой его ружье. Я повѣсилъ его на обычное мѣсто, въ сѣняхъ. Но тамъ его больше нѣтъ. Однажды утромъ оно исчезло. Рохерль навѣрное самъ приходилъ за нимъ. Странный человѣкъ! Старуха Маренцель думаетъ, что свинцовая пуля, застрявшая у него въ рукѣ, отравила ему кровь и мозгъ. Мы ни за одинъ часъ не можемъ ручаться...

Сорокъ третье воскресенье.

Съ понедѣльника меня послали къ Кульмбоку помогать при постройкѣ моста. Работники Кульмбока съ трудомъ таскали и прилаживали балки, я же съ помощью остатковъ моихъ геометрическихъ познаній построилъ мостъ на бумагѣ и разсчиталъ размѣры балокъ, послѣ чего мы безъ труда перекинули мостъ черезъ глубокое русло ручья. Это создало мнѣ такую славу, что главный работникъ цѣлый день величалъ меня „господиномъ Іоганномъ“.

Долженъ тебѣ сказать, что въ домѣ Кульмбока я не выигралъ бы своихъ двадцати тысячъ кронъ. Правда, ѣдятъ у Кульмбока лучше и жирнѣе, но тарелки такъ грязны, что на нихъ еще замѣтны присохшіе остатки отъ старыхъ кушаній; столы и окна покрыты такою грязью, что осеннія мухи прилипаютъ къ нимъ. Что же касается постели... Приходится на ней возносить молитву Богу: Господи, отъ большихъ враговъ я самъ уберегусь; Ты-же упаси и защити меня отъ мелкихъ!

Самого Кульмбока разумѣется нѣтъ дома. Онъ все мечтаетъ усовершенствовать міръ, достойно выполняя обязанности народнаго представителя; онъ замышляетъ даже податную реформу, проектируетъ прекращеніе ввоза хлѣба изъ Венгріи, мяса изъ Америки, хочетъ уничтожить празднованіе воскресенья для работниковъ и проч. Ротъ-то у него великъ, да вотъ бѣда: зубовъ нѣтъ. Говорятъ, въ ландтагѣ онъ сидитъ смирнехонько. Онъ все надѣется, что со временемъ себя покажетъ.

Свобода, которую Кульмбокъ якобы защищаетъ въ ландтагѣ, неограниченно господствуетъ въ его домѣ. Тамъ всякій творитъ, что ему вздумается. Батраки лѣнятся и дѣлаютъ глупости по своему усмотрѣнію, служанки во все вмѣшиваются. Дочь хозяина, Фронель, разспрашивала меня про-

Рохерля. Надоѣло ему видно молиться и поститься дома, онъ и ушелъ къ бродягамъ. А она не прочь бы пойти за него замужъ. У этой Фронель большой ротъ и желтые зубы, которыми она постоянно что-то жуетъ. За столомъ она хватаетъ лучшій кусокъ, дерется съ мужиками или же сидитъ въ своей каморкѣ, что-то поретъ и перешиваетъ. Всякую пеструю ленточку или тряпочку она примѣряетъ передъ зеркаломъ, перевертываетъ, пришиваетъ, потомъ опять отпарываетъ. Мать кричитъ ей:—Иди кормить свинью, лѣнтяйка! На что дочь отвѣчаетъ:—И сама можешь это сдѣлать, не барыня и ты! И эта дѣвица хочетъ быть женой Рохерля! Нѣтъ, ужъ пусть лучше онъ сдѣлается отпѣтымъ разбойникомъ.

Работники между собою ругаются. Жена же Кульмбока еще аппетитная баба, но ужъ очень потѣетъ. Она отправилась какъ то на мельницу молоть зерно. Я долженъ былъ тащить за ней мѣшокъ съ зерномъ.

— Ты силенъ, Ганзель, сказала она на мельницѣ.—Ты потомъ долженъ мнѣ помочь. Хорошо?

Она пустила въ ходъ мельницу. Колеса застучали, изъ ящика стала вылетать бѣлая пыль и покрыла наши лица, на которыхъ уже нельзя было видѣть румянца.

— Помоги же мнѣ! говоритъ она.

— Да я не умѣю.

— Ну высыпь только зерно. Мельница уже сама его смелетъ. Ганзель, прибавила она вкрадчиво,—ты бы долженъ былъ теперь принадлежать мнѣ, пока нѣтъ моего старика.

— Вотъ тебѣ и разъ! думаю я.

— Что ты на это скажешь, Ганзель? Посмотри, продолжала она, растопыривая свои мясистыя руки,—кто изъ насъ можетъ шире раскрыть объятія.

— Не думаю, чтобы Кульмбоку такая игра пришлась по вкусу, говорю я по возможности серьезно.—Конечно, помѣрить длину рукъ еще не грѣхъ...

— Да, да! въ домѣ Адама еще толкуютъ о грѣхѣ. Это недурно, право. Знаешь, Ганзель, грѣха нельзя презирать, ужъ очень онъ вкусенъ.

Такъ какъ она подходитъ все ближе и каждый моментъ можетъ заключить меня въ свои объятія, то я любезно замѣчаю:—Знаешь, голубушка, мнѣ нѣтъ дѣла ни до старика, ни до грѣха, но ты то мнѣ ужъ очень противна...

Она отскакиваетъ, какъ ужаленая. И меня тотчасъ же отпустили домой.

Милый другъ, если въ теченіе этого года я когда нибудь

сообщалъ тебѣ, что порча нравовъ наблюдается въ городахъ, что горные мужики еще нравственно не испортились, то возьми это мое письмо, пригвозди его къ стѣнѣ въ рамкѣ изъ гнилой соломы и крапивы... И когда будетъ у тебя сынъ, не посылай его никогда на мельницу...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

М. Чепинская.

ПО НОВОМУ.

(Романъ учительницы).

ПОВѢСТЬ.

I.

Не пытайтесь отворять врата будущаго заржавленными въ крови ключами прошедшаго. *Лоуэль.*

Вечеръ у Радиныхъ близился къ концу.

Приготовлялись ужинать, но гости еще не садились за столъ, увлеченные разговоромъ. Народу было много. Кое-кто разъѣхался еще до ужина. Это были живущіе на окраинахъ городскіе учителя и учительницы, да учительницы гимназій, которымъ въ девять утра надо было уже быть на урокѣ. Ихъ и не удерживали. Остальные ждали ужина, потому что разбившіеся на разныя группы гости послѣ „чтенія" дебатировали вопросы, вызванные книгой, въ отдѣльныхъ кружкахъ, а ужинъ почти всегда сближалъ всѣхъ, дѣлалъ разговоръ общимъ.

Къ Радинымъ каждый разъ кромѣ прежнихъ знакомыхъ приходили новые: студенты, курсистки, учительницы; ихъ было больше всего. Было много и „статистиковъ" изъ земской управы. Изъ адвокатовъ никого, двое молодыхъ докторовъ, двое писателей.

Квартирка у Радиныхъ—гдѣ то на Разгуляѣ—была маленькая, всего въ четыре комнаты, въ деревянномъ двухъэтажномъ домѣ. По пятницамъ, два раза въ мѣсяцъ, въ дѣтскую, гдѣ спали трое ребятъ, вносили хозяйскія шубы, одежду, сундуки, лишнюю мебель изъ спальни, которая превращалась въ импровизированный „салонъ". Кабинетъ Радина былъ такой крохотный, что въ него прямо на полъ клали шубы, башлыки, кофточки и т. д. Не хватало ни подоконниковъ, ни гвоздей, ни стульевъ для этого. Письменный столъ былъ заваленъ шапками, а стулья всѣ собраны въ столовую. Самоваръ огромный, плохо вычищенный, „видавшій виды", стоялъ до полуночи и хозяйку смѣняли болѣе близкіе гости. А въ полночь уже разставляли тутъ же еще ясеневые простые столы и ужинали, многіе стоя, у окна, за неимѣніемъ

мѣста. Не хватало зачастую стакановъ, рюмокъ, ножей, салфетокъ,—но это не стѣсняло ни хозяевъ, ни гостей. Когда накрывали на столъ, хозяйка и единственная прислуга такъ изнемогали подъ бременемъ тарелокъ и хлопотъ, что молодежь охотно кидалась навстрѣчу съ предложеніемъ помочь. Иногда дебатировался такой жгучій вопросъ, либо читалась такая захватывающая статья, что всѣ забывали объ Аннѣ Егоровнѣ, звякавшей ножами и перекликавшейся съ кухаркой охрипшимъ и немного нервнымъ голосомъ. Тогда она вдругъ появлялась на порогѣ „салона", расталкивала сгрудившуюся въ дверяхъ толпу и говорила въ повышенномъ діапазонѣ:

— Господа, этакъ нельзя... Помогите мнѣ кто-нибудь... Ну дочитаете потомъ... У меня ужъ силъ не хватаетъ...

Ужинали холоднымъ мясомъ, селедкой и колбасой. Пили водку и пиво. Но лучшаго никто и не хотѣлъ. Притягательной силой этого дома была не ѣда, не карты, которыхъ и въ поминѣ не было здѣсь, а интенсивная умственная жизнь и какое-то органическое тяготѣніе хозяевъ этого дома къ духовнымъ интересамъ.

Оба—Радинъ и Анна Егоровна—были педагогами. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кто развилъ и поставилъ въ Москвѣ на твердую почву дѣло воскресныхъ школъ. Она ужъ лѣтъ десять работала въ нихъ страстно и упорно, отдавая этому труду весь избытокъ неизжитой еще молодой энергіи и заглушая имъ тайную неудовлетворенность семейной обстановкой. Оба они пользовались въ Москвѣ репутаціей безупречныхъ общественныхъ дѣятелей и прекрасныхъ, чуткихъ людей. Мудрено-ли, что попасть въ маленькій домикъ на Разгуляѣ считалось за честь въ извѣстномъ кружкѣ? Радины были очень разборчивы по принципу и по неволѣ, и въ ихъ квартиру, какъ въ нѣкоторыя „общества", можно было попасть только по рекомендаціи надежныхъ лицъ.

Какъ всегда, уходившіе и въ этотъ вечеръ были подъ сильнымъ впечатлѣніемъ читаннаго и слышаннаго. Обыкновенно тутъ читалось все новое, интересное, часто въ рукописи, либо литографированное. Но и беллетристикѣ иногда удѣляли вниманіе. Читали все-таки съ большимъ разборомъ,—преимущественно Короленко—любимаго здѣсь писателя, и Чехова, признаннаго, однако, въ домѣ Радиныхъ крупной общественной силой только послѣ появленія разсказа *Человѣкъ въ футлярѣ*. Интересовались и Г—мъ, а еще болѣе В—мъ. Дебатовъ по поводу разсказовъ послѣдняго было очень много и были они очень жгучіе, такъ ска-

зать, острые. Даже писались съ увлеченіемъ рефераты. Расходились всѣ, разгоряченные спорами, съ сильнымъ подъемомъ духа и, идя по соннымъ улицамъ, мимо мирно-дремавшихъ городовыхъ и ночныхъ сторожей, завернутыхъ въ свои овчинные полушубки,—все еще продолжали спорить и отстаивать каждый свою точку зрѣнія.

Въ этотъ вечеръ читали новый разсказъ Чехова. Многіе не имѣли средствъ изъ скуднаго учительскаго жалованья записываться въ библіотеки по первому, разряду, чтобъ читать новые журналы (про учащуюся молодежь и говорить нечего),—поэтому слушали новинку жадно, въ благоговѣйномъ молчаніи. Впечатлѣніе получилось огромное. Было тамъ нѣсколько фразъ о счастливой семьѣ, такъ дорого стоящей обществу, которыя запали въ души и взволновали сердца.

Когда Радинъ, умѣвшій и любившій читать, закрылъ книгу и блестящими глазами обвелъ свою аудиторію, никто не сказалъ ни слова. Молчали угнетенные, испуганные, и только изрѣдка у кого-нибудь вырывался вздохъ.

— Да-съ, господа... Вотъ это разсказъ!—наконецъ вымолвилъ хозяинъ.—Много всколыхнетъ онъ мыслей, многимъ западетъ въ сердца... „Молоточекъ-то“ этотъ за стѣной счастливыхъ...

— Побольше бы такихъ разсказовъ!—горячо крикнула одна учительница.—Можетъ тогда скорѣе исчезъ бы предразсудокъ, принесшій столько зла.

Она насупилась и покраснѣла. Всѣ глядѣли на нее съ любопытствомъ.

— Какой предразсудокъ?—подхватила Анна Егоровна и глаза ея сочувственно вспыхнули.

— Да вотъ, все тотъ же... разъ обзавелся семьей, считай себя развязаннымъ отъ всякихъ другихъ общественныхъ обязательствъ... И вотъ вамъ на лицо и компромиссы, и примиреніе на маломъ, и ренегатство, и равнодушіе къ постороннимъ... и это замыканіе себя въ какую-то скорлупку... во имя семейнаго благополучія...

Она говорила сердито и дѣлала энергичные жесты маленькой крѣпкой рукой. Ея молодое еще, здоровое и некрасивое лицо разгорѣлось и стало интереснымъ. Въ широкихъ насупленныхъ бровяхъ и сѣрыхъ горячихъ глазахъ чувствовались избытокъ нервной энергіи и несомнѣнная индивидуальность.

Разомъ поднялись споры. Зашумѣли какъ въ ульѣ.

Сперва всѣ кинулись къ хозяйкѣ, сочувствовавшей Марьѣ Васильевнѣ и къ ней самой. Онѣ обѣ были извѣстны своими

взглядами по этой части. Но такъ какъ онѣ не могли отвѣчать заразъ десяти человѣкамъ, то, тщетно подергавъ ихъ за рукава, спорщики отошли и сцѣпились съ другими сторонниками этихъ двухъ женщинъ.

— Но позвольте, господа! Эдакъ нельзя!—выдавались возбужденные голоса. — Разъ обзавелись семьей, надо же и о ней думать...

— Думать не возбраняется... Здѣсь говорятъ объ исключающей всѣ иные интересы и вопросы преданности семьѣ...

— Нѣтъ! Позвольте... Это все тотъ же аскетизмъ, безсознательно проникающій все наше міровоззрѣніе... Любовь грѣхъ... Личное счастье преступно... Семья ни къ чему и т. д... Эдакъ нельзя... это скопчество...

Споры разгорались. Никто не шелъ ужинать. Тогда Анна Егоровна взяла Марью Васильевну за рукавъ и, усмѣхаясь, повела ее въ столовую.

Та шла за ней покорно и безсознательно и продолжала кричать своимъ густымъ голосомъ, оборачиваясь къ обступившимъ ее оппонентамъ и дѣлая въ воздухѣ тѣ же жесты своей маленькой смуглой рукой.

У самаго локтя ея, демонстративно оберегая свою къ ней близость, медленно подвигался молодой, симпатичный блондинъ, въ очкахъ, съ жиденькой бородкой и густыми кудрями, худой, маленькій, болѣзненный. Онъ упорно не давалъ никому подойти къ брюнеткѣ слѣва, и когда она приблизилась къ столу, онъ схватился за стулъ рядомъ съ ней съ такимъ видомъ, точно защищалъ крѣпость отъ врага.

Только когда Марья Васильевна сѣла рядомъ съ нимъ онъ внезапно успокоился, съ чувствомъ удовлетворенія выпилъ налитую ему рюмку водки, но прежде чѣмъ закусить положилъ своей сосѣдкѣ кусокъ селедки и нѣсколько ломтиковъ колбасы. Брюнетка не поблагодарила, а можетъ и не замѣтила.

Споръ все разгорался.

Блондинъ не принималъ въ немъ участія, какъ будто для него лично всѣ вопросы уже давно были рѣшены, или вѣрнѣе, какъ будто право голоса своего и мнѣнія онъ передалъ своей суровой дамѣ. Онъ только внимательно и нѣжно подкладывалъ ей куски на тарелку, которые она ѣла также машинально. Когда же ей была нужна поддержка и она высказывала какую-нибудь слишкомъ рискованную мысль, вродѣ необходимости „общественнаго воспитанія“ для дѣтей,—она тотчасъ оборачивалась къ сосѣду и съ неуловимой ноткой интимности спрашивала:

— Правда вѣдь это?.. Вы согласны со мной, Михаилъ Иванычъ?

И онъ всякій разъ, глядя на нее влюбленными глазами, говорилъ:

— Конечно, правда.

Видно было, что они „спѣлись"...

Хозяйка горячо поддерживала Марью Васильевну.

— Анна Егоровна... это вы-то?... Образцовая жена и мать?—укорилъ ее одинъ докторъ.—Зачѣмъ же вы замужъ шли?

— Вотъ потому-то, что я замужемъ, и у меня дѣти есть, я по опыту могу утверждать, что намъ—семьянинкамъ страшныхъ трудовъ и усилій стоитъ не размѣняться на гроши, не уйти въ мелочи... за китайскую стѣну не спрятаться отъ жизни... Такъ мѣшаютъ и дѣти, и мужъ, и хозяйство... все, словомъ, весь укладъ... сосредоточиться на общественной дѣятельности мѣшаетъ... Вы себѣ и представить не можете, что это такое...

— Кажется, Анна Егоровна, если мнѣ не измѣняетъ память,—началъ Радинъ съ тонкой улыбкой на красивомъ лицѣ,—кажется, вы во время моей сильнѣйшей болѣзни чуть-ли не кризиса... когда воспаленіе легкихъ у меня было... не проманкировали въ вашей воскресной школѣ... ни единаго раза. Чѣмъ вамъ мужъ мѣшаетъ?

Всѣ разсмѣялись.

Анна Егоровна вспыхнула.

— Очень мѣшаетъ!.. „Не манкировала"... Я принципіально не могла этого сдѣлать... Но каково мнѣ было работать при этихъ условіяхъ?.. Или вотъ когда дифтеритъ былъ у Сони? Сколько времени я должна была сидѣть дома, какъ замурованная... Не смѣю же я въ школу болѣзнь занести... А кому ходить было за ребенкомъ, кромѣ меня?.. Ты-то вѣдь изолировался и отъ своихъ уроковъ не отказался, и обязанностями не манкировалъ.... А мы—жены, что?.. Для насъ, оказывается, все-таки общественныя обязанности всегда будутъ на второмъ планѣ,—съ горечью докончила она.

— Такъ и должно быть,—усмѣхнулся Радинъ.—Міра не передѣлаешь...

— Ахъ, вы!.. Радикалъ!

— Чѣмъ, Марья Васильевна, семья моему радикализму мѣшаетъ?

Анна Егоровна такъ и закипѣла.

— Ну, ужъ молчи, пожалуйста!.. Вы всѣ одинаковы!.. Вы будете прекрасными общественными дѣятелями, безупреч-

ными, послѣдовательными... и даже новаторами... Но въ вашей семьѣ вы всегда останетесь людьми XVI столѣтія.

Марья Васильевна горячо поддерживала хозяйку, доказывая, что въ большинствѣ мужчины враждебны развитію общественныхъ стремленій въ женщинѣ, и что напрасно именно ее укоряютъ въ консерватизмѣ.

Радинъ и мужчины утверждали противное... Сыпались съ обѣихъ сторонъ цитаты, ссылки на литературу, на частную жизнь крупныхъ людей... Помянули, конечно, и Ковалевскую.

— Господа!.. Да кто у насъ въ Москвѣ работаетъ безвозмездно и съ любовью во всѣхъ обществахъ, читальняхъ, библіотекахъ, на курсахъ, какъ не женщины?—кричала Марья Васильевна и смуглыя щеки ея пылали.—Кто?.. Отвѣтьте... Это ли не содѣйствіе прогрессу?.. Это ли отсутствіе общественныхъ стремленій, въ которыхъ вы насъ упрекаете?

— Мужчинѣ некогда работать безвозмездно для общества... Онъ служитъ, зарабатываетъ хлѣбъ...

— Для семьи?

— Ну да... Но развѣ онъ пользы не приноситъ своей работой?.. Чудная вы!

— Да вѣдь и женщина, и дѣвушка работаютъ днемъ для хлѣба, а вечеромъ...

— Для души?

— Да... именно для души... Насъ вы не удовлетворите, не успокоите тѣмъ, что мы чиновники и кому-то тамъ, гдѣ-то, что-то нужное дѣлаемъ... какіе-то винты въ машинѣ... Намъ нужно и другое... а отъ этого мы не отказываемся, ссылаясь на усталость, да на ученическія тетрадки... Фактъ тотъ, что вечера мужчины проводятъ въ клубахъ, либо у себя за картами... А женщины работаютъ безвозмездно въ разныхъ комиссіяхъ, да на вечернихъ курсахъ... либо сами учатся...

— Это барышни...

— Ну что-жъ?.. Если даже барышни... Вы хотите сказать, пока замужъ не вышли?

— Именно...

— Ахъ, вздоръ какой!

— Развѣ мало общественныхъ дѣятелей среди замужнихъ?

— Нѣтъ, допустимъ даже, что это такъ,—подхватила Марья Васильевна.—Что это доказываетъ?.. Что любовь и личное счастье отымаютъ у общества лучшія силы, лучшихъ людей и сводятъ ихъ на *нѣтъ*?

Кругомъ загудѣли опять.

— Ну, ужъ вы извѣстны!.. Противница семьи... Феминистка... Коли-бъ всѣ такія, какъ вы были, намъ осталось бы только въ монахи итти... и родъ человѣческій прекратился бы,— смѣясь, либо искренно негодуя, говорили разныя лица.

Но эти неожиданныя реплики произвели поразительное впечатлѣніе на Марью Васильевну. Она вдругъ начала краснѣть, медленно, но упорно, пока краска не залила весь лобъ, до самыхъ корней ея пышныхъ темныхъ волосъ. Потомъ она вдругъ вспомнила, что всѣ сидятъ за столомъ, что у нея есть тоже тарелка, и стала сосредоточенно ѣсть холодное мясо и селедку, безъ разбора. Сосѣдъ, тоже почему то красный, мягко предложилъ ей квашеной капусты въ видѣ соленья, но она, не глядя на него, сердито качнула головой и подняла ее только, когда кончила свой кусокъ, который энергично жевала своими крѣпкими, бѣлыми, чудесными зубами.

Михаилъ Иванычъ замѣтно съежился и даже съ виноватой улыбкой отказался отъ пива, которое ему предлагалъ Радинъ, поглядывавшій на нихъ обоихъ съ своей тонкой улыбкой на красивомъ лицѣ.

— Вы, господа, преувеличиваете, по обыкновенію,—заговорила опять Марья Васильевна, но уже какимъ то упавшимъ голосомъ.—Я ничего не имѣла противъ личной жизни... и счастья вообще...

— Позвольте... А помните нашъ споръ года два назадъ?—крикнула Степанова, фельдшерица городской больницы, высокая и худая дѣвушка.—Насчетъ „Плодородія“ Зола. Какъ вы возмущались его проповѣдью буржуазныхъ идеаловъ?

— Ну да, буржуазныхъ...

— Нѣтъ-съ!.. Постойте!.. Вы шли гораздо дальше... Вы и Пьера въ *Парижѣ*, вспомните-ка, безпощадно осуждали за его любовь къ Маріи, за то, что масштабъ его жизни сузился, благодаря запросу на личное счастье...

Михаилъ Иванычъ еще ниже опустилъ голову надъ тарелкой, какъ будто хотѣлъ сдѣлаться совсѣмъ маленькимъ и незамѣтнымъ.

Она промолчала одну секунду, очевидно, растерявшись, красная, съ насупленными бровями. Всѣ глядѣли на нее съ любопытствомъ. Нѣкоторые улыбались.

— Возможно... — глухо заговорила она вдругъ и лѣвая рука ея стала сильно растирать мякишъ чернаго хлѣба у тарелки Михаила Ивановича. — Возможно... Во всякомъ слу-

чаѣ, міросозерцаніе французскихъ беллетристовъ — ультра-буржуазное и ультра-консервативное—мнѣ всегда претило... Въ общемъ же я вполнѣ допускаю право каждаго на счастье...

— Э-ге-ге!.. Первый компромиссикъ! — засмѣялся молодой докторъ.

Она сверкнула на него глазами и пальцы ея еще судорожнѣе стали скатывать шарики.

— Передайте мнѣ пива, пожалуйста, — охрипшимъ звукомъ сказалъ Михаилъ Ивановичъ сосѣду. Наливъ стаканъ, онъ нахмурился и сталъ пить янтарную жидкость, преодолѣвая свое отвращеніе, лишь бы спрятать глаза да занять руки.

— Зачѣмъ такія страшныя слова?.. Компромиссикъ?— вступился Радинъ, глаза котораго все время чему то смѣялись, что, очевидно, не нравилось Аннѣ Егоровнѣ.

— Ну, да пусть такъ!—съ суровой рѣшимостью подхватила Марья Васильевна.—Я словъ не боюсь... Да и вообще... не изъ трусливыхъ... И сама за себя постою. И вы это напрасно защищать меня изволите! — неожиданно обернулась она къ хозяину и кинула ему огневой взглядъ.—Что бы я тамъ ни говорила два года назадъ,—сейчасъ я утверждаю слѣдующее... Каждый изъ насъ имѣетъ право быть счастливымъ...

— Браво!.. браво!..—раздались голоса.

— Даже женатымъ,— если безъ этого нельзя обойтись *сейчасъ*... (подчеркнула она, сдвигая брови). Но никто изъ насъ не имѣетъ права личными интересами загораживаться отъ общества и его запросовъ къ намъ...

— Браво!.. Браво!

— Вотъ это мы понимаемъ!

— Нѣтъ-съ!.. Помилуйте!.. Это та же сдѣлка... Это торная дорожка...

— Все это растяжимо... Все равно, что по болоту итти. Можетъ выйдешь на ту сторону... а можетъ, и завязнешь,— говорила негодующимъ голосомъ фельдшерица.

— Это отъ вѣса...—сострилъ хозяинъ.—Знаете... я подмѣтилъ слѣдующее. Пока человѣкъ не достигъ въ вѣсѣ четырехъ и даже съ половиной пудовъ,—онъ еще „держится". Съ пяти пудовъ начиная, замираютъ общественные инстинкты... Торжествуютъ обывательскіе...

— Батюшки мои!..Да вы то сами?..Сколько въ васъ теперь?

— Да къ пяти пудикамъ подвигаюсь... То-то боюсь...

— Я тоже боюсь!—демонстративно подхватила Анна Егоровна.

Всѣ разсмѣялись.

— А вѣдь это остроумно, знаете-ли?.. Вѣдь и жирѣть то мы начинаемъ какъ разъ къ сорока годамъ... съ потерей идеаловъ и иллюзій... Придется вамъ на велосипедъ сѣсть, Константинъ Алексѣевичъ... И въ педагогическомъ прочесть рефератъ: „Велосипедъ, какъ одинъ изъ факторовъ прогресса въ обществѣ".

— И могучее орудіе борьбы съ плохимъ обмѣномъ веществъ не только въ физическомъ, но и въ психическомъ организмѣ...

А Марья Васильевна между тѣмъ говорила:

— Вопросъ весь только въ томъ: какъ устроить въ современномъ обществѣ свои отношенія къ... любимому человѣку или дѣтямъ, такъ, чтобъ наша общественная дѣятельность ничего не потеряла отъ этого?.. И чтобъ наша личность... наше *я*... все, то есть, что есть самаго цѣннаго въ человѣкѣ— не тускнѣло отъ этого счастья... не сводилось бы къ нулю... какъ въ большинствѣ случаевъ... И по моему, господа, мы страшно безпечны... Мы совсѣмъ не думаемъ, какъ нормировать эти отношенія... Въ чемъ тутъ корень зла?.. Почему у насъ самое прекрасное чувство въ концѣ концовъ ведетъ къ пошлости и измельчанію?

— Несомнѣнно, надо по новому жить...—подхватила Анна Егоровна.—Ну вотъ мы, старое поколѣніе, надѣлали все тѣхъ же ошибокъ... А вы—молодое—постарайтесь свою жизнь устроить иначе... чтобъ вамъ чеховскій молоточекъ за стѣной не напоминалъ о голодныхъ, несчастныхъ и одинокихъ... чтобы вы сами о нихъ помнили... И не считали себя правыми быть ко всему глухими, разъ обзавелись женой да дѣтьми...

— Легко сказать!—засмѣялся студентъ.—Что тутъ надумаешь?

— Это кругъ заколдованный...

— Тупикъ какой-то!

— Вздоръ!.. страстно крикнула Марья Васильевна и стукнула кулачкомъ по столу.—Все это халатность наша... Слѣдить за собой надо научиться... И вотъ настолечко уступокъ себѣ не дѣлать, да поблажекъ... ни во имя чего... Это, конечно, школа... Суровая школа... Ну, да вѣдь и жизнь не шутка для тѣхъ, кто хочетъ прожить ее честно...

Въ ея лицѣ, тонѣ, жестахъ была такая сила и искренность, что всѣ поглядѣли на нее молча, не возражая, съ уваженіемъ и довѣріемъ.

— Славная дѣвушка!—сказалъ одинъ студентъ другому.

— Кто это?

— Старшая учительница *** ской школы.

— А!.. Слышалъ... Она въ *** воскресной работаетъ...

— Кажется...

— Знаю, слышалъ...

И студентъ съ еще бо́льшимъ любопытствомъ сталъ приглядываться къ смуглому лицу учительницы, которая отъ волненія и румянца стала прямо-таки интересной.

II.

Когда въ третьемъ часу ночи стали расходиться, Марья Васильевна, одѣваясь въ передней, все еще спорила съ хозяиномъ.

— Подержите-ка,—мелькомъ сказала она Михайлѣ Иванычу, кидая ему на руки теплый платокъ, пока сама застегивала шубку.

Опытный человѣкъ тотчасъ подмѣтилъ бы, что она обращается съ нимъ, какъ съ своей собственностью.

Вышли они вмѣстѣ.

— Совсѣмъ влюбленъ,—сказала Степанова съ досадой, пожимая костлявыми плечами.

— Ну и слава Богу!.. засмѣялся Радинъ—вамъ то что? Завидно что ли?

— Не завидно, а обидно... Вотъ вамъ двое хорошихъ людей... чудесныхъ работниковъ... А женятся, наплодятъ дѣтей и пропали оба... для общества... Небось не поѣдетъ тогда Михаилъ Иванычъ на свои трудовые гроши въ Германію изучать положеніе народныхъ школъ... Вотъ вамъ и задавлена будетъ личность... И никакіе рефераты въ голову не пойдутъ... Нахватаетъ уроковъ вечернихъ... для дѣтишекъ... Всѣ общества забросить...

— Ну, зачѣмъ такъ мрачно глядѣть на вещи?... И такія страсти пророчить?..—засмѣялся Радинъ.—А можетъ они ужъ давно поженились?

На эту шутку никто не обратилъ вниманія. Только Анна Егоровна сверкнула на мужа глазами. А когда дверь затворилась за послѣднимъ гостемъ, она сказала ему съ сердцемъ:

— Экій язычекъ у васъ, Константинъ Алексѣевичъ? Ну, кто проситъ васъ трезвонить? Развѣ они дали вамъ на это право?

— Эхъ, Анюта!.. Ну какія тамъ еще права? Поженились, вотъ и все... Чудакъ, ей Богу!.. Стыдятся, прячутся... Все-равно узнаютъ... Шила въ мѣшкѣ не утаишь...

— Развѣ, ты думаешь, она опять?

— А ты не замѣчаешь?

Анна Егоровна вздохнула и покачала головой.

— Бѣдненькая Маша!.. Какъ это она теперь устроится?

Радинъ добродушно махнулъ рукой.

— По старому, Анюта, вотъ увидишь, что по старому... Что за новаторы такіе выискались!.. Ужъ разъ повѣнчались, уступила она ему, пошла на первую сдѣлку, дальше подъ уклономъ сами собой ноги понесутъ...

— А ты словно радъ?—подхватила Анна Егоровна, зажигая свѣчу въ общей спальнѣ.

Онъ благоразумно промолчалъ.

А въ это время Марья Васильевна съ своимъ спутникомъ подходили къ углу, гдѣ дремалъ извозчикъ.

— На Смоленскій рынокъ!—нервно и торопливо говорилъ Михаилъ Ивановичъ, заикаясь, какъ и всегда, когда волновался.

— Шесть гривенъ...

— По... полтинникъ...

— Ну, вотъ выдумалъ!—пробурчала Марья Васильевна.— И сорока довольно!

— Ахъ! Все равно! Са... садись...

Не успѣли они сѣсть, какъ онъ крѣпко обхватилъ ея талію безъ корсета.

— Маша... кра... красавица моя...

Они еще не повернули за уголъ, какъ уже онъ цѣловалъ ея лицо, взявъ его въ обѣ руки и насильно повернувъ къ себѣ.

— Господи!.. задушеннымъ звукомъ вырвалось у нея не то сердито, не то радостно.—Люди... люди тамъ... Всѣ видятъ.. Ты помѣшался, Мишка?..

Онъ молчалъ, прижимаясь счастливымъ горячимъ лицомъ къ ея плечу, къ воротнику ея шубки, и весь дрожалъ, точно ему было холодно.

— Горе мнѣ съ тобой!..—заговорила она съ какой-то оригинальной, суровой нѣжностью, между тѣмъ какъ помолодѣвшее лицо ея все свѣтилось тихой, какъ бы материнской лаской.

Они долго ѣхали молча, каждый думая свое и боясь заговорить. Только руки ихъ встрѣтились и горячо сплелись пальцы въ нѣмой ласкѣ.

— Тоска, Маша!..—вдругъ сказалъ онъ и взглянулъ съ рѣшимостью отчаянія въ ея глаза.—Такая тоска безъ тебя... особенно по вечерамъ... Прямо одурь беретъ... Ужъ очень я

привыкъ къ тебѣ за лѣто... Такъ бы и побѣжалъ, сломя голову, какъ только сумерки спустятся...

— Близокъ свѣтъ... Чуть не десять верстъ въ одинъ конецъ...

— Вотъ въ томъ-то и горе мое... Совѣстно!—задыхаясь говорилъ онъ, беря ея жесткую ручку и гладя ею свое лицо.—Тетрадки ждутъ... Да подготовляться надо... Да самому почитать...

— Ну, конечно... Все надо...

— Знаю... да только... все труднѣе... За лѣто ужъ очень привыкъ... Хоть бы весна скорѣе... Экзамены... съ головой бы уйти... А тамъ опять дачка... вмѣстѣ читать, гулять, не разставаться...

— Малодушный ты, Мишка!..—начала было она, но голосъ ея дрогнулъ. Эта молодая, беззавѣтная страсть подкупала ее всю, отнимала у нея почву подъ ногами, словно могучая волна прилива, которая, уходя въ море, шутя, слизываетъ всѣ камни, всѣ преграды на своемъ пути.

У подъѣзда городской школы сани остановились.

— У меня, кажется, гривенника не хватитъ,—сказала Марья Васильевна, роясь въ кошелькѣ.

Онъ такъ и вскинулся.

— Ахъ, сейчасъ!.. Сейчасъ... У меня полтинникъ... Не безпокойся...

— Зачѣмъ?.. Дай... дайте мнѣ только гривенникъ...

— Може назадъ, баринъ, поѣдете?—освѣдомился извозчикъ,

Онъ смущенно молчалъ.

— Нѣтъ... я... я... пѣшкомъ...

Онъ далъ ей руку и заботливо, бережно довелъ ее по лѣстницѣ до двери, зажигая по дорогѣ спички, которыя гасли въ сырости.

— Ну... до свиданья?—не глядя на него, сказала она, и вложила свой ключъ въ замокъ.

Она стѣснялась будить прислугу.

Спичка погасла опять.

— До свиданья?—прошепталъ онъ, пожимая ея пальцы и еле двигая губами.

Они медлили разстаться. Онъ въ темнотѣ поцѣловалъ ея лицо разъ, другой. Она чувствовала, не видя, на себѣ его горячій, молящій взглядъ.

— Ты... можетъ, озябъ?—тихо-тихо спросила она.—Собственно говоря... (нервный смѣшокъ вырвался изъ ея горла) отъ Радиныхъ сюда верстъ семь... да къ тебѣ около десяти... пожалуй, на минутку погрѣться?

Его зубы застучали отъ волненья.

— Ну вотъ!—испуганно крикнула она.—Навѣрное простудился... Войди... Только ради Бога... тихонько... чтобъ прислуга не слыхала... Тише... Тише... Господи!.. Что за безумный... Подумаешь, мальчишка... Дверь то запри... Боже ты мой!..

III.

Они женились всего полгода назадъ, лѣтомъ, на дачѣ, послѣ того, какъ прожили года полтора гражданскимъ бракомъ.

Марья Васильевна, дочь священника въ провинціальномъ городѣ, была бестужевкой и отдалась всей душой работѣ въ городскихъ училищахъ и воскресныхъ школахъ, когда очутилась въ Москвѣ.

Въ ея суровой жизненной программѣ не значилось ни увлеченій, ни замужества, ни личнаго счастья вообще. Ригористка и спартанка въ своихъ собственныхъ привычкахъ, она очень туго сходилась съ людьми, предъявляла къ нимъ слишкомъ большія требованія и потому ее мало любили. Но она быстро выдвинулась среди учительскаго персонала, и ей не было еще тридцати лѣтъ, когда она уже получила школу въ свое завѣдываніе.

Служить съ ней было нелегко. Пунктуальная и формалистка до мозга костей, она сама „жила" въ классахъ, а отъ товарищей требовала, чтобы занятія начинались со звонкомъ, съ точностью хронометра. Если ей говорили, что это мелочность, и что хорошій учитель, даже манкируя, наверстаетъ всегда свое, она возражала, что дѣтямъ важенъ примѣръ, что нужна нравственная дисциплина, сознаніе долга, и если мы этого требуемъ отъ учениковъ, то тѣмъ болѣе мы должны быть требовательны къ себѣ.

Зато ея городская школа считалась образцовой.

Дѣти въ школѣ всѣ безусловно любили старшую учительницу. Она была имъ близка и доступна во всякое время. Съ поразительной ясностью въ своемъ огромномъ классѣ въ восемьдесять человѣкъ (классы были параллельные) она знала не только имена всѣхъ ученицъ, но ихъ характеры, натуры, способности, семейное положеніе каждой и т. д. Знала, у кого нѣтъ теплой обуви или кофточки, кому не на что купить молока къ завтраку (черный хлѣбъ давался школой безплатно), кто лежитъ больной и безпомощный дома, въ самыхъ ужасающихъ гигіеническихъ условіяхъ. Обувь, кофточку, молоко, лѣкарство—она все покупала изъ соб-

-ственныхъ средствъ, когда попечительница отказывалась помочь. Но она и эту рыхлую купчиху, бредившую театромъ, декадентскими стихами и „представительствомъ“, сумѣла расшевелить, дѣйствуя на ея тщеславіе.

Купчиха, какъ и всѣ попечительницы, не думающія о нуждахъ школы, стремилась въ первые годы блюсти экономію и „остатки“ представлять въ думу, чтобы получить отъ головы публичную благодарность.

Марья Васильевна такъ горячо доказывала попечительницѣ всю безнравственность этой экономіи, что патронесса поддалась невольно ея убѣжденіямъ. Елка, чтеніе съ волшебнымъ фонаремъ, поѣздка съ дѣтьми въ театръ,—или лѣтомъ куда-нибудь за городъ,—все это было праздникомъ для Марьи Васильевны.

— Какая изъ васъ вышла бы чудная мать!—сказалъ ей разъ Радинъ.

— Почему?—искренно удивилась она.

— Вѣдь вы, въ сущности, страстно любите дѣтей... и такой педагогъ по натурѣ...

— Чужихъ дѣтей люблю, не забудьте,—поправила она, насупясь.

Онъ добродушно разсмѣялся.

— А къ своимъ, вы думаете, вы остались бы равнодушны?

Она хмуро промолчала. Но объ этомъ она, очевидно, думала часто, натолкнувшись внезапно на эту мысль,—и какъ-то разъ убѣжденно сказала мужу своей пріятельницы:

— Если вы даже правы, то тѣмъ лучше, что я замужъ не вышла и своими дѣтьми *не* обзавелась... По крайней мѣрѣ, *эти* то—чужіе—не остались безъ любви и ласки.

Ей было уже тридцать два года, когда на одной изъ пятницъ у Радиныхъ она встрѣтила Михаила Ивановича Соболева.

Ему только что минуло двадцать восемь лѣтъ и учительствовалъ онъ недавно. Но, благодаря знакомству съ попечителемъ школы, профессоромъ Д**, который очень высоко цѣнилъ Соболева, его назначили старшимъ учителемъ городского мужского училища.

Михаилъ Ивановичъ пописывалъ въ газетахъ по школьному вопросу и быстро выдвинулся въ педагогическомъ обществѣ, особенно когда прочелъ тамъ свой рефератъ о положеніи народныхъ школъ въ Германіи. Рефератъ былъ талантливъ, давалъ большой, хорошо провѣренный матеріалъ, и его сумѣли оцѣнить, несмотря на плохое и неровное чтеніе. Референта наградили горячими рукоплесканіями.

Всѣ съ удивленіемъ глядѣли на этого скромнаго, болѣзненнаго маленькаго человѣчка, съ красивымъ нервнымъ лицомъ, съ задумчивыми глазами. Сколько надо было любви и интереса къ дѣлу, сколько энергіи, чтобы, не имѣя постороннихъ доходовъ, кромѣ статеекъ въ газетахъ, изъ скуднаго содержанія скопить такую сумму, чтобъ выбыть за границу!

По окончаніи реферата Соболева окружила толпа. Его засыпали разспросами. Предсѣдатель общества, поздравляя Соболева, тоже горячо пожималъ его руку и высказывалъ ему свою радость, видя его членомъ общества.

Онъ краснѣлъ, заикался, хмурился, либо улыбался растерянной, дѣтской какой-то улыбкой. Лицо Марьи Васильевны, стоявшей молча противъ него, ея энергичный ротъ съ усиками надъ верхней губой, ея серьезные и ласковые глаза,— все это осталось въ его памяти, въ тѣсной связи съ этимъ отраднымъ вечеромъ.

Онъ замѣтно обрадовался, увидавъ ее у Радиныхъ, узналъ что она—учительница, и подошелъ первый. Она улыбнулась такъ привѣтливо, что обычная робость его передъ женщиной пропала.

Весь вечеръ они просидѣли въ углу, никого и ничего не замѣчая, и говорили, точно знали другъ друга нѣсколько лѣтъ...

Говорили о недостаткахъ школьной программы, объ отсутствіи духа живого въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ, о средствахъ борьбы съ формализмомъ, проникающимъ всюду и мертвящимъ всѣ попытки расширить дѣло, влить въ него свѣжую струю.

— Это не воспитательная школа... и даже не образовательная,—говорила она съ наболѣвшей, страстной горечью.— Это школа грамотности, только... Ахъ! Боже мой!.. Если бы вы знали, сколько разочарованій пережила я лично въ этой безсмѣнной борьбѣ съ рутиной!.. Я многихъ знала, которыя пришли горячія, съ энтузіазмомъ, желая поработать,—и ушли съ разбитыми надеждами, обезсилѣвъ среди этого диктанта-синтаксиса, зубрежки, головоломныхъ задачъ... охладѣвъ къ настоящему дѣлу въ этой скачкѣ съ препятствіями, именуемой экзаменами... Безсильныя подойти къ душѣ ребенка, развить его умъ, повліять... Некогда! Гдѣ же времени взять?.. Все на показъ... Чтеніе должно быть готово и усовершенствовано къ Рождеству... Потомъ диктантъ, со всякими тонкостями... И фокусы въ задачахъ. И все это на почтовыхъ... А для души?.. Для мысли?.. Ничего... Коли есть охота, да время по вечерамъ, читай имъ... Втихомолку, а то вѣдь и

влетитъ за это... Но вотъ и минутъ три года... И какъ были онѣ дикарками, поступая въ школу, такъ и выходятъ оттуда дикарками... Не научившись уваженію къ личности, не проникнувшись нравственными понятіями... прямо идутъ въ вертепы мастерскихъ... И гибнутъ, конечно... Потому что развѣ школа грамотности дала имъ какое-нибудь средство защитить себя?.. Понять свое мѣсто въ жизни?—Помолчавъ она горячо продолжала:—Черезъ пять лѣтъ, да и раньше, пожалуй,—все забыто... и суффиксы, и флексіи... И никакой нравственной связи съ школой не остается... Встрѣтишься на улицѣ съ дѣвочкой, съ которой три года, либо четыре ежедневно полдня проводила... И сказать то обѣимъ другъ другу нечего... Я безъ злости, знаете, вспомнить не могу рѣчь одного городского головы на актѣ въ думѣ... Какихъ только красныхъ словъ здѣсь не было!.. „И пустили-то мы васъ въ жизнь во всеоружіи знаній и нравственныхъ догматовъ... И отъ васъ, дескать, зависитъ оправдать надежды и довѣріе, не уронить училища, воспитавшаго васъ... И нравственная, дескать, связь останется между нами". Этакій вздоръ!.. Фразерство... У меня лицо пылало, когда я это слушала... Ахъ, какъ больно сознавать свое безсиліе!.. И то, что при всѣхъ твоихъ стараніяхъ ты можешь сдѣлать такъ мало... такъ безконечно мало...

— Въ Петербургѣ, знаете, совсѣмъ духъ иной,—заговорилъ Михаилъ Ивановичъ, очевидно заинтересованный; для него все это было еще ново.—Отчего вы не попробуете перейти туда? Многія просятся...

Она широко раскрыла глаза...

— А здѣсь-то кто-же останется?.. Нѣтъ, я никуда не уйду!.. Не стоитъ объ этомъ и говорить...

Когда онъ ее провожалъ до дому, а шли они пѣшкомъ въ чудную, лунную и морозную ночь, они даже не замѣтили длинной дороги.

Михаилъ Ивановичъ говорилъ, какъ возмущаетъ его вся процедура экзаменовъ, духъ, который царитъ тамъ, это стремленіе экзаменаторовъ, какъ можно больше „провалить", задать потруднѣе задачу, либо диктантъ, который подъ силу только гимназистамъ.

— И посмотрите,—подхватила Марья Васильевна,—какъ отражается эта пагубная система на обоюдныхъ отношеніяхъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ. Это—два враждебныхъ лагеря... Нападаютъ инспекторъ, экзаменаторы, попечительница, которой надо отличиться и заслужить благодарность... Въ случаѣ „провала" она безпощадна... Сколько слетало съ мѣстъ за „недобросовѣстное" или неумѣлое веденіе дѣла!..

Защищаются учительница и классъ... Но и учительница тоже безпощадна всю весну... Учатся по закону до четырехъ... Потомъ школа запирается... А неспособныя (двѣ трети) остаются... И зубрежка, и долбежка идутъ до семи, восьми, какъ придется... Расходятся голодные, озлобленные, измученные, подавленные. И это вплоть до экзаменовъ... У дѣтей и учительницъ нервы разстроены окончательно... Молятся Богу, дрожатъ, чуть въ обморокъ не падаютъ, входя въ думу... И если „провалъ", Боже мой!.. Дѣти плачутъ... но учительница... та, которая такъ любовно относилась къ нимъ въ началѣ года... теперь она ихъ не жалѣетъ... этихъ *идіотокъ*, изъ-за которыхъ ей грозятъ выговоры, упреки, быть можетъ, лишеніе мѣста... И осудишь ли ее?.. Вѣдь это шкурный вопросъ. Вы сами знаете, какъ нами пошвыриваютъ!.. А ужъ попечительницамъ произволъ полнѣйшій... Вотъ вы, счастливцы, съ бабьемъ дѣла не имѣете... Вѣдь эти дуры—купчихи, либо аристократки. Развѣ есть у нихъ сердце? Или уваженіе къ личности? Имъ лишь бы „отличаться" другъ передъ другомъ... И вотъ придешь къ одной товаркѣ въ школу, плачетъ... Къ другой—щеку разнесло, ночей не спитъ... У третьей мигрени... Всѣ больны... Всѣ озлоблены... И измучены до послѣдней степени... Имъ бы на дачу, въ деревню! Укрѣпиться, отдохнуть... Да вѣдь это нелѣпо мечтать... На наши то заработки... И вотъ, не успѣвъ „починиться", какъ слѣдуетъ, заново начинаешь сезонъ... И съ каждымъ годомъ хуже... И здоровье, и душевное состояніе...

— Вотъ и ваша школа!—вдругъ удивился Михаилъ Иванычъ, послѣ часа ходьбы очутившись на Смоленскомъ рынкѣ. Какъ близко!—огорченно вздохнулъ онъ.

— Это съ Разгуляя-то!—звонко и молодо расхохоталась она.—Ну, знаете! Вы удивительный оригиналъ! Заходите! Буду очень рада!

Онъ, конечно, не замедлилъ прійти. Его визитъ вызвалъ цѣлую сенсацію среди товарокъ Марьи Васильевны. Онѣ узнали объ этомъ на другой день отъ прислуги. Какъ въ женскомъ монастырѣ, въ квартирѣ этой „феминистки", по выраженію Радина, никогда мужской ноги не было.

— До третьихъ пѣтуховъ сидѣли! И все спорили! И все хохотала наша барышня!—сообщала таинственно прислуга.

Черезъ мѣсяцъ всѣ въ школѣ знали, что Соболевъ влюбленъ безумно въ Марью Васильевну. Однѣ за нее порадовались, другія позавидовали...

— Вотъ связался чортъ съ младенцемъ!—говорили онѣ.— Онъ передъ ней мальчишка.

Марья Васильевна, наивная какъ дѣвочка въ свои тридцать два года, лишенная тѣни кокетства, долго, очень долго не понимала истиннаго характера ихъ обоюдныхъ отношеній, не замѣчала волненія и страсти, рвавшейся наружу у Михаила Ивановича, несмотря на его врожденную робость,— такъ захватило его первое могучее чувство...

Не понимала она и значенія своей „привычки“ видѣться постоянно, читать вмѣстѣ и обо всемъ говорить. Называла эти отношенія дружбой вполнѣ искренно, и, если бы ей раскрыли глаза на эту любовь, она возмутилась бы горячо.

Случилось, что Михаилъ Ивановичъ заболѣлъ очень опасно брюшнымъ тифомъ и его свезли въ больницу.

Какъ безумная кинулась туда Марья Васильевна, въ первый разъ въ жизни попросивъ товарку по окончаніи уроковъ распустить ея классъ и сдѣлать опросъ, кто въ чемъ нуждается,—какъ она поступала цѣлый десятокъ лѣтъ...

Увидавъ Михаила Ивановича въ бреду, безъ сознанія, она заплакала... И это ее потрясло, когда она замѣтила, что плачетъ... Этой слабости она не замѣчала за собой.

У него въ Москвѣ не было ни одной родной души, и она не могла бросить его безъ призора.

Она пріѣзжала (на другой конецъ Москвы) каждый день, и, если ее не пускали, она стояла въ передней, вызывала няньку, говорила со швейцаромъ... Такъ было все-таки легче.

За десять дней она измѣнилась, осунулась, даже звукъ голоса сталъ другой. Но дѣло свое она исполняла безукоризненно по виду. Только души—своей пылкой души—она не могла уже вложить въ него, какъ бывало... Она, однако, не замѣчала этого, подавленная горемъ, и это ее не мучило.

Когда на десятый день ее впустили въ палату, сказавъ, что опасность миновала,—слезы брызнули изъ ея глазъ. Онъ увидалъ ее, протянулъ ей руки, поднялъ лицо съ радостной, жгучей, нѣмой мольбой въ глазахъ, потянулся къ ней всѣмъ тѣломъ, подставляя запекшіяся губы, и она поцѣловала его, сама не понимая, что дѣлаетъ, какая сила руководитъ ею?

Онъ поправился нескоро. Неизвѣстно отъ какихъ причинъ былъ рецидивъ. Онъ бредилъ. Она сидѣла рядомъ и слышала, какъ онъ лепеталъ: „Маша, родная моя“... И говорилъ ей *ты*... Она все поняла.

На другой день температура спала, и Михаилъ Ивановичъ пошелъ на поправку.

Вся затихшая, вся подавленная этимъ открытіемъ, сидѣла она часами у его койки, стараясь тщетно принять съ нимъ тонъ сестры, удержать въ границахъ его порывистую нѣж-

ность, твердя себѣ неустанно, что это безуміе, что она старше его, что увлеченіе его пройдетъ, что она сумѣетъ образумить его и сохранить неприкосновенной ихъ *дружбу*...

Она, какъ всѣ женщины въ этихъ случаяхъ, медленно шла со ступеньки на ступеньку внизъ, гдѣ въ головокружительной безднѣ настойчиво звучалъ и звалъ ее голосъ просыпающейся страсти... Упрямо останавливаясь на каждомъ шагу, боясь сдѣлать новый, но чувствуя, что назадъ нѣтъ дороги... Она продѣлала безсознательно весь циклъ сдѣлокъ со своей совѣстью и убѣжденіями, оправдываясь то дружбой, то жалостью, то снисхожденіемъ къ больному, когда позволяла называть себя „Машей“, говорить ей *ты*, позволяла цѣловать себя при встрѣчѣ и прощаньи... Она говорила себѣ, что больного нельзя раздражать... Еще выживетъ ли онъ при слѣдующемъ рецидивѣ? Онъ такой хрупкій... Она увѣряла себя, что круто повернетъ все по иному, какъ только онъ встанетъ и будетъ здоровъ... Она наивно вѣрила, что у нея самой найдутся силы и суровость отказать ему въ этихъ ласкахъ, медленно отравлявшихъ ихъ обоихъ... Она долго торговалась сама съ собой, прежде чѣмъ сознаться, что ея материнская нѣжность, ея дружеская забота — не что иное, какъ любовь...

Но первый же вечеръ ихъ свиданія у нея на квартирѣ, когда онъ пріѣхалъ, выписавшись изъ больницы, доказалъ ей всю ея несостоятельность.

Не успѣла она взять съ нимъ суроваго и охлаждающаго тона, какъ онъ горячо сталъ упрекать ее въ безсердечности, въ кокетствѣ...

Она пріучила его къ себѣ, къ своей ласкѣ, безъ которой онъ уже жить теперь не можетъ... А теперь отталкиваетъ, не позволяетъ себя обнять... Тогда зачѣмъ же она позволяла раньше? Зачѣмъ не оставалась недоступной?—спрашивалъ онъ съ шаблонной логикой мужчинъ. По крайней мѣрѣ, онъ не отравлялся бы мечтами и надеждами...

— Какими?—крикнула она, ошеломленная этимъ бурнымъ потокомъ словъ, этой невиданной страстностью.

— А вы не понимаете, *какими*?.. Что вы?.. Не женщина?.. А у меня не кровь въ жилахъ?.. Нечего глядѣть на меня съ такимъ укоромъ! Вы сами, вы во всемъ виноваты...

— Я?..

У нея безпомощно опустились руки.

А онъ говорилъ блѣдный, съ горящими какъ уголь глазами, съ слезами дрожащими въ голосѣ.

— Конечно, вы... Надо было быть слѣпой, чтобъ не ви-

дѣть, что я влюбленъ въ васъ... безумно... Съ первой встрѣчи... Зачѣмъ вы не убили съ перваго же дня этого чувства? А дали ему разростись... и... всю душу мою взять?.. Ну что-жъ?.. Теперь вамъ остается на меня королевой глядѣть оскорбленной... Дѣйствительно... Большое оскорбленіе... За васъ готовъ жизнь отдать... Впрочемъ я забылъ... что вы надъ любовью смѣялись... Ну, прогоните меня... Будьте-же послѣдовательны...

Неокрѣпшіе нервы его не выдержали, и онъ разрыдался, какъ мальчикъ.

Вмигъ она очутилась рядомъ съ нимъ.

— Михаилъ Ивановичъ... Боже мой!.. Что вы дѣлаете со мной?.. Послушайте же... Миша .. будьте... будьте благоразумны... Такъ плакать... О чемъ? Господи... да развѣ я...

Онъ обернулся и схватилъ ее въ объятія... Безумные поцѣлуи сыпались на ея лицо, плечи, руки... Она отчаянно отбивалась, задыхаясь, удивленная, что ей не подъ силу бороться съ этимъ слабенькимъ, казалось, человѣчкомъ, испуганная собственнымъ волненіемъ, отъ котораго темнѣло въ глазахъ.

— Миша... Пусти... Такъ нельзя...

— Почему нельзя?—крикнулъ онъ, и она не узнала его лица.—Почему *теперь* нельзя, когда раньше было можно? (Онъ вдругъ захохоталъ глухимъ, истерическимъ смѣхомъ). Наивная женщина! Неужели ты думаешь, что я хоть іоту уступлю... изъ того, что имѣю? Нѣтъ дороги назадъ, Маша!.. Нѣтъ, говорю тебѣ... Прогони меня сейчасъ, оттолкни... И я не вынесу. Это не угроза, нѣтъ! Я умру... я слишкомъ люблю тебя...

Онъ ушелъ отъ нея уже на зарѣ, счастливый, сіяющій, какъ тріумфаторъ... И всю дорогу назадъ онъ пѣлъ, останавливался, смѣялся, говорилъ самъ съ собой... И извозчикъ, подхватившій его на полдорогѣ, побаивался, не сумасшедшаго ли везетъ?

А она, лежа безъ сна, вся еще горячая отъ его бурныхъ ласкъ, глядѣла въ темноту широко открытыми глазами и старалась понять: да какъ же это случилось, что пришелъ человѣкъ, вчера еще чужой ей, чужой всему ея суровому, трудовому прошлому, ея скептическому міросозерцанію,—человѣкъ съ виду такой робкій, терявшійся передъ ея яркой индивидуальностью, уступчивый, нѣжный, какъ дитя, которымъ она бралась руководить, словно сестра... Пришелъ и взялъ ее *всю*, и что всего ужаснѣе... безъ насилія, безъ всякаго протеста съ ея стороны, какъ вещь свою, какъ соб-

ственность? Не моля, не унижаясь... а съ правомъ, которую даетъ страсть, искренняя и беззавѣтная...

И она не только не возмущена... Она счастлива...

Въ одинъ вечеръ рухнуло все, чѣмъ жила она, за что держалась, во что вѣрила, гордая и суровая, дерзко отрицая чары любви, жажду личнаго счастья, смѣясь надъ позорной покорностью влюбленныхъ, надъ пассивностью рабынь...

И она не возмущена... она счастлива...

„Да что же это, Господи?.. Да я-ли это?."—шептала она.

А. Вербицкая.

(*Продолженіе слѣдуетъ*) *).

---

*) Начало повѣсти „По новому", помѣщенное въ этой книжкѣ, было напечатано въ газетѣ „Сѣверн. Курьеръ" передъ самымъ ея закрытіемъ.
Ред.

Родное.

Безмолвныя села, безмолвныя нивы,
Безмолвный, убогій, забитый народъ...
Здѣсь шепчутся только плакучія ивы,
Поникнувъ уныло надъ зеркаломъ водъ.

Ползутъ надъ долиной туманы сѣдые...
Какъ сердце больное томитъ тишина!
Подайте же голосъ мнѣ, братья родные!
Безмолвныя села, воспряньте отъ сна!

К. Бархинъ.

Саранча.

Романъ А. Грушецкаго, пер. съ польскаго.

Часть вторая.

I.

Въ назначенное время Кремпы съ Эрминіей и Адальбертомъ вошли въ обширный садъ Баумфельда. Предъ деревянной эстрадой, предназначенной для струннаго оркестра, стояли рядами многочисленные столики, въ большинствѣ уже занятые публикой. Кельнеры, въ курткахъ и бѣлыхъ фартукахъ, суетились между ними, разнося кружки пива и закуски.

Говоръ голосовъ, привѣтствія, призыванья кельнеровъ, наполняли воздухъ. Казалось, что здѣсь сошлись только добрые знакомые, которые свободно, громко, со взрывами смѣха и веселья разсказываютъ другъ другу о событіяхъ дня. Лѣтній вечеръ былъ ясенъ, тихъ и зноенъ.

Кремпы заняли одинъ изъ отдаленныхъ столиковъ и, попивая пиво, ожидали концерта. Время отъ времени то тотъ, то другой знакомый, проходя мимо, здоровался съ Кремпой пожатіемъ руки, говорилъ съ минуту, и затѣмъ, откланявшись дамамъ, шелъ дальше.

Кремпа съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія Даума, котораго онъ предупредилъ, а обѣ дамы также инстинктивно предчувствовали, что тотъ явится.

Раздались звуки штраусовскаго вальса, пылкіе, влекущіе къ страсти и забвенію, нѣжные и переливающіеся, словно мелкая зыбь серебрянаго озера, въ тихій погодный, лунный вечеръ лѣтомъ.

Эти протяжные мечтательные звуки, повторяющіеся съ

неизмѣннымъ ритмомъ, но съ все новыми модуляціями, приняты были съ радостью, сквозившею на лицахъ и въ движеніяхъ не особенно большой группы слушателей. Аплодисменты, возгласы восторга, и требованія повторенія раздавались кругомъ.

Въ Маріи и Эрминіи, музыка, дѣйствующая непосредственно на чувство, вызвала вполнѣ понятную реакцію. Въ Маріи она задѣла струны прошедшаго, въ Эрминіи—будущаго, среди баловъ, развлеченій, танцевъ, пріятныхъ разговоровъ и еще болѣе пріятныхъ ухаживаній и любовныхъ мечтаній.

Къ концу вальса, повтореннаго по желанію слушателей, явился и столь ожидаемый и желанный Даумъ.

Съ миной побѣдителя и тріумфатора онъ подошелъ, шагая въ тактъ вальса, и усѣлся на приставленное для него, возлѣ Эрминіи, мѣсто. Сначала завели обычный разговоръ о погодѣ, вечерѣ, лунѣ, концертѣ, одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые можно вести въ Европѣ съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ Америкѣ, Австраліи или въ Индіи.

Затѣмъ начали перебирать сосѣдей и обмѣниваться разными городскими слухами, которые такъ необычайно пышно разростаются въ провинціальныхъ городахъ.

Приходъ Крюгера, служащаго въ сберегательной кассѣ, измѣнилъ направленіе разговора. Какъ основатель антисилезскаго общества, онъ сразу перешелъ къ темѣ о близости выборовъ въ сеймъ.

— Побѣдить—мы побѣдимъ—говорилъ онъ возбужденно,—но развѣ не стыдно намъ, что наряду съ нашимъ кандидатомъ выступитъ какой-то силезскій шовинистъ? Слѣдовало бы написать объ этомъ,—закончилъ онъ, обращаясь къ Кремпѣ.

— Если бы я и написалъ, то не много бы это помогло,—отвѣчалъ тотъ,—мы не можемъ запретить имъ выставлять своего кандидата. Развѣ только... развѣ...

— Что такое?—воскликнули почти въ одинъ голосъ докторъ и Крюгеръ.

— Развѣ только—закончилъ Кремпа—намъ удалось бы повліять на Собольскаго. Если онъ не поддержитъ силезскаго кандидата, то мы своего изберемъ единогласно.

— Этого Собольскаго слѣдовало бы держать подъ замкомъ!—съ гнѣвомъ воскликнулъ докторъ.

— Слишкомъ много свободы, слишкомъ,—жаловался Крюгеръ,—и вотъ ея плоды. Первый встрѣчный силезецъ лѣзетъ въ сеймъ, въ государственный совѣтъ... Конецъ свѣта наступаетъ!

— А нельзя-ли повліять на этого Собольскаго?—отозвалась Эрминія.—Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, у котораго не было бы хоть одной слабой стороны. Вотъ на нее и дѣйствовать.

— О, изъ васъ вышелъ бы хорошій политикъ!—съ восторгомъ воскликнулъ Даумъ.—Только и Собольскій этотъ хитрая штука.

— Кажется мнѣ, что и на него есть способъ воздѣйствовать,—медленно проговорила Марія,—только это не зависитъ отъ насъ.

— Какой-же, какой?—воскликнули всѣ, живо заинтересованные.

Помолчавъ немного, видимо колеблясь, Марія начала:

— Мнѣ кажется, что Собольскій поддается вліянію Эвелины Крюгеръ, слѣдовательно черезъ нее можно было бы воздѣйствовать на него.

— Да, да, это возможно!—горячо подтвердилъ и Кремпа.

— Если это зависитъ отъ Эвелины, то ужъ я беру дѣло на себя!—рѣшительно воскликнулъ Крюгеръ.—Очень благодаренъ вамъ за указаніе; итакъ да погибнетъ самый слѣдъ силезца!.. Эй, кельнеръ, еще кружку!

— Намъ также!—поддержали его Кремпа и Даумъ.

Когда были принесены свѣжія кружки, всѣ стукнули ими о столъ и весело воскликнули:

— На здоровье!

Во время этого разговора сонный и утомленный маленькій Адальбертъ склонялся то въ одну, то въ другую сторону отыскивая удобное мѣста, чтобы заснуть. Напрасно родители и тетка старались подбодрить его: ребенокъ снова засыпалъ съ улыбкой на губахъ.

Марія, призываемая своими материнскими обязанностями, поднялась и, посовѣтовавшись сперва съ мужемъ, объявила, что проводитъ домой ребенка, а, уложивши его спать, снова вернется въ ихъ общество.

Сонливость ребенка была очень на руку какъ Маріи, такъ и ея сестрѣ, потому что предоставляла свободу доктору и Эрминіи.

Несмотря на звуки музыки и говоръ голосовъ, Эрминія и докторъ чувствовали себя совсѣмъ какъ бы наединѣ. Онъ подвинулся къ ней ближе и, глядя на ея красивое лицо, на блестящіе глаза, на темные волосы, на фонѣ которыхъ выдѣлялась снѣжной бѣлизны шея,—глядя на ея дѣвичью грудь и чувствуя нѣжный запахъ отъ надушеннаго платья, онъ глубоко задумался надъ выборомъ между нею и Маріею.

Эта послѣдняя привлекала его, какъ женщина вполнѣ

сформировавшаяся, гармоніей своихъ движеній и голоса, и была для него тѣмъ дороже и желаннѣе, что являлась предъ нимъ въ видѣ запрещеннаго плода, не только какъ чужая жена, но и какъ женщина религіозная, нравственная и обладающая чувствомъ собственнаго достоинства. Побѣдить ее, влюбить въ себя, держать въ объятіяхъ и чувствовать подъ рукою біеніе ея сердца, сдѣлалось его мечтой и неустаннымъ стремленіемъ.

Онъ посмотрѣлъ на сосѣдку; да, черты ея дѣйствительно напоминаютъ сестру, есть сходство въ движеніяхъ, глаза похожи, но съ другимъ выраженіемъ, цвѣтъ волосъ тотъ же. Она красива, мила и привлекательна.

У Даума была довольно обычная у людей страстныхъ двойственность чувства любви. Видя Марію, онъ отдавался ей всей душой, беззавѣтно; глядя же на Эрминію, онъ хотѣлъ бы оберегать ее, закрывать отъ каждаго холоднаго дуновенія, сдѣлаться ея единственнымъ повѣреннымъ, другомъ, защитникомъ и возлюбленнымъ.

— Даже и на концертѣ вы, кажется, думаете о своихъ больныхъ?—спросила Эрминія въ полголоса.

Даума удивило и привело въ восторгъ сходство голоса у сестеръ, и обращаясь къ ней онъ отвѣчалъ съ особенной привѣтливостью:

— Я думалъ о васъ, слѣдовательно, о здоровьи и счастьи. Сегодня я хотѣлъ бы забыть о всѣхъ больныхъ, о всѣхъ госпиталяхъ и бѣдствіяхъ; я хотѣлъ бы имѣть свою долю счастья, какъ и другіе.

— О, почему я не институтка!—воскликнула сосѣдка, заливаясь веселымъ смѣхомъ.—Я записала бы золотыми буквами и этотъ вечеръ, и эти ваши слова.

— Для чего это?—спросилъ онъ, слегка смущенный.

— Потому что они кажутся взятыми изъ сентиментальнаго рыцарскаго романа—продолжала смѣяться Эрминія.

— Вамъ не понравились мои слова?—сказалъ онъ нѣсколько обиженный.

— Я не люблю перчатку, которую таскали по разнымъ баламъ, раутамъ, пріемамъ, она виситъ какъ мѣшокъ. За то я люблю перчатку—здѣсь она показала свою плотно обтянутую руку—подъ которой чувствуется живое тѣло, кровь, нервы... Однимъ словомъ, я люблю искренность,—закончила она, глядя ему въ глаза.

— А если слова мои были искренни, правдивы?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ для выраженія своей искренности вы взяли старую затасканную форму.

— Искренность?—началъ онъ медленно, пожирая ее глазами.—Иногда она бываетъ непріятна и груба... и всегда не нравится женщинамъ.

— Смотря какимъ—отвѣчала она тихо.

— Странно — началъ снова докторъ немного погодя—мы знакомы недавно, я видѣлъ васъ всего лишь нѣсколько разъ, а мнѣ кажется, что мы уже сжились другъ съ другомъ, что насъ соединяетъ дружба, и что мы давно уже знаемъ другъ друга.

— Мнѣ кажется, что это уже спиритизмомъ отзывается,— непринужденно отвѣчала она. Во всякомъ случаѣ для доктора это понятія непривычныя.

— Тѣмъ не менѣе теперь я говорилъ искреннюю правду.

— Слова ваши напоминаютъ мнѣ извѣстную арабскую сказку,—проговорила она и, видя его вопросительный взглядъ, продолжала:—Когда Богъ творилъ людей, онъ дѣлилъ каждую душу пополамъ и одну половину давалъ женщинѣ, а другую мужчинѣ. Встрѣча этихъ двухъ половинъ на землѣ и есть...

— Любовь—подхватилъ Даумъ.—Кто знаетъ, быть можетъ это и правда.

— Исканье правды должно быть нашей цѣлью,—скромно прошептала дѣвушка.

— Я ищу старательно... но не нахожу — отвѣчалъ онъ улыбаясь.

— Надо вѣрить въ Евангеліе, въ которомъ сказано: „Ищите и обрящете“!

Докторъ поднялся и обращаясь къ ней проговорилъ весело:

— Пойду искать эту родственную душу изъ арабской сказки... Здѣсь слишкомъ шумно и людно для души... Быть можетъ, и вы хотите пройтись по саду?

Кремпа, который обратилъ вниманіе на движеніе доктора, усмѣхнулся добродушно, слыша его предложеніе, и сказалъ:

— Иди Эрминія, если хочешь!... Я не могъ бы отдать тебя въ лучшія руки.

Компанія у столика тихо засмѣялась, а когда докторъ подалъ ей руку, и они ушли въ глубь сада, Крюгеръ замѣтилъ:

— Хорошая изъ нихъ вышла бы пара... будутъ славныя дѣти!

Всѣ разсмѣялись весело и громко.

Докторъ чувствовалъ легкое давленіе маленькой руки, по волосамъ его задѣвали ленты шляпы, возлѣ руки своей онъ чувствовалъ ея платье, и слышалъ біеніе сердца дѣвушки.

Шелестъ платья и шелковой подкладки, ароматъ, идущій отъ волосъ и одежды, опьянялъ его. Кровь его заволновалась и со страстной дрожью онъ подумалъ объ объятіяхъ, ласкахъ и поцѣлуѣ этой граціозной стройной дѣвушки, съ такими гордыми глазами и улыбкой. Если бы онъ захотѣлъ, если бы посмѣлъ попробовать, кто знаетъ, быть можетъ сегодня еще онъ держалъ бы въ своихъ объятіяхъ эту неприступную, насмѣшливую и въ то же время вполнѣ интеллигентную дѣвушку. Ея улыбка была бы его любовью, глаза желаніемъ и уста поцѣлуемъ! Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ ея руку, и о чудо! греза или дѣйствительность? Онъ ясно почувствовалъ отвѣтное пожатіе.

А кругомъ густыя деревья бросали темную тѣнь, съ уединенныхъ скамеекъ доносился тихій страстный шепотъ влюбленныхъ паръ, и ароматъ ночныхъ цвѣтовъ становился еще сильнѣе въ тѣсномъ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ постройками саду; и ко всему этому музыка, такъ звучно, такъ вѣрно и трогательно изображающая чудный дуэтъ Фауста и Маргариты въ лунную ночь.

Эти звуки, дрожащіе страстнымъ желаніемъ, тоской, граничащей съ отчаяніемъ, любовью близкою къ сумасшествію, нѣжностью, доходящею до безпамятства, и затѣмъ эти сильные звучные аккорды, полные тихой грусти,—все это настраивало Даума и Эрминію на откровенность и нѣжность.

Она все крѣпче прижималась къ его рукѣ, а онъ наклонялся ближе къ ея лицу и, самъ того не замѣчая, направлялся къ болѣе тѣнистымъ, пустыннымъ мѣстамъ и шепталъ ей на ухо:

— Такъ я хотѣлъ бы пройти всю жизнь, рядомъ съ вами, въ такой тихій, лѣтній вечеръ... Мы дошли бы до тѣхъ вонъ звѣздъ и тамъ, въ пространствѣ, были бы одни... неизвѣстные сами, среди неизвѣстныхъ свѣтилъ.

Эрминія, болѣе трезвая и практичная, какъ всегда бываетъ женщина въ началѣ любви, отвѣчала съ легкой ироніей:

— Одиночество непріятно даже богамъ, и они спускаются на землю, каково же оно должно быть для насъ, людей смертныхъ! Вмѣсто звѣздъ я предпочла бы поѣхать въ Швейцарію, гдѣ на вершинахъ горъ можно найти такое же уединеніе, какъ и среди звѣздъ.

— Съ меня довольно этой земли!—прервалъ докторъ съ

горечью.—Я хочу забыть обо всемъ и обо всѣхъ, и желаю только летѣть, летѣть въ высь, безъ конца... Неужели эта земля такъ вамъ дорога, такъ мила, что даже на минуту вы не хотите бросить ее?

— Боюсь участи Икара,—прошептала она.

— Я заслоню васъ отъ палящихъ лучей, отъ шумящаго вѣтра, отъ бури и проливныхъ дождей.

— Вы? меня?—спросила она, выразительно подчеркивая эти слова.

Изъ глубокой тѣни они вышли теперь въ кругъ, полуосвѣщенный свѣтомъ, идущимъ изъ искусственнаго сталактитоваго грота, въ которомъ хозяинъ сада устроилъ родъ акварiума.

— Присядемъ на минуту,—сказалъ Даумъ, указывая на скамью.

Когда они усѣлись, докторъ проговорилъ, закуривая сигару:

— Сегодня, во время концерта, вы желали искренности. Теперь вы позволите мнѣ быть искреннимъ съ вами?

Она кивнула утвердительно головой и слегка отодвинулась отъ него.

— Будучи въ университетѣ,—началъ онъ въ повѣствовательномъ тонѣ,—я только и стремился къ достиженiю самостоятельности, чтобы не сидѣть на шеѣ у матери. Я съ сожалѣнiемъ разставался съ друзьями и коллегами, принявъ не задумываясь предложенiе поселиться здѣсь. Теперь я имѣю вѣрный кусокъ хлѣба, желанную самостоятельность, но вмѣстѣ съ ними и пустоту жизни. Я хожу къ больнымъ, возвращаюсь отъ больныхъ, принимаю больныхъ; это какой то заколдованный кругъ, въ которомъ я вращаюсь подъ игомъ своего докторскаго призванiя. Самые близкiе и лучшiе люди, если таковые есть вообще въ провинцiальномъ городѣ, живутъ со мной, цѣнятъ и даже уважаютъ меня, главнымъ образомъ, какъ доктора. Но вѣдь я прежде всего человѣкъ; я хочу чувствовать, любить, мечтать, вообще жить какъ человѣкъ, а не какъ патентованное лечебное средство.

Эрминiя, не находя сразу отвѣта, вздохнула и посмотрѣла съ сочувствiемъ на доктора, который послѣ короткой паузы продолжалъ:

— Живя въ кругу родныхъ, среди подругъ и прiятельницъ, вы и представить себѣ не можете, что значитъ душевное одиночество, пустота и скука жизни, которыя становятся невыносимою тяжестью. Такъ я жилъ и живу—вздохнулъ онъ,—какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день является

нѣкто, кто, будучи самъ олицетвореннымъ здоровьемъ, не нуждается во мнѣ какъ докторѣ,—не будучи постояннымъ жителемъ этого города, онъ не интересуется мною какъ докторомъ; и этотъ нѣкто обладаетъ возвышенной душой, причудливымъ умомъ и артистическимъ вкусомъ; рѣчи его искрятся остроуміемъ. День этотъ былъ для меня яснымъ, солнечнымъ, счастливымъ днемъ!... И мнѣ захотѣлось сдѣлаться другомъ этого избраннаго существа, потому что дружбу я считаю прекраснѣйшимъ цвѣткомъ чувства. Сдѣлаться другомъ вѣрнымъ, молчаливымъ, безкорыстнымъ. Мнѣ захотѣлось улетѣть въ край поэзіи, красоты и свѣта...

Произнося эти слова съ паѳосомъ, онъ искалъ взгляда своей сосѣдки, смотрѣлъ на ея мѣняющееся лицо и, замѣтивъ ея учащенное дыханіе, онъ предположилъ, что она поняла его, и потому продолжалъ въ полголоса, сжимая ея руку:

— Вы позволите мнѣ быть вашимъ другомъ? Признаете меня достойнымъ этого счастія?

— Кто-же на свѣтѣ не жаждетъ дружбы, и кто ее отталкиваетъ?—отвѣчала она нѣжнымъ тихимъ голосомъ, мечтательно глядя на Даума и оставляя свою руку въ его рукахъ.—Я боюсь однако, что узнавъ меня ближе, вы разочаруетесь. Я вовсе не обладаю ни возвышенной душою, ни остроуміемъ.

— Предоставьте судить объ этомъ мнѣ; я докторъ и знакомъ съ психологіей... Итакъ заключаемъ дружескій союзъ?

— Хорошо,—прошептала она.

— Еще одно условіе, для пользы нашей дружбы...

— Какое?

— Уговоръ нашъ составляетъ нашу и исключительно нашу тайну. Молодое растеніе требуетъ защиты; я не хотѣлъ бы отдавать нашу дружбу на жертву критики, пересудовъ и сплетенъ. Что-же, вы согласны?

— Пусть будетъ по вашему—отвѣчала она, подымаясь со скамейки.—Однако пойдемте,—сестра уже вернулась вѣроятно.

Они направились къ концертной эстрадѣ.

— Ахъ эти свѣтскія цѣпи!—жаловался Даумъ.—Если бы не китайскія церемоніи, мы пробесѣдовали бы не одинъ часъ еще. У меня столько дѣлъ, столько грѣховъ, въ которыхъ мнѣ надо исповѣдаться вамъ, искать совѣта, утѣшенія...

— Здѣсь слишкомъ многочисленное общество, но завтра или послѣзавтра приходите къ сестрѣ.

— Чтобы снова быть при свидѣтеляхъ—прервалъ онъ печальнымъ голосомъ.

— Такъ совѣтуйте вы; я не знаю...

— Я видѣлъ васъ сегодня съ Адальбертомъ; гдѣ вы были?—спросилъ онъ вдругъ.

— Въ паркѣ.

— Вѣроятно вы и завтра тамъ будете? Быть можетъ время позволитъ мнѣ, и мы тамъ встрѣтимся.

— Не знаю, можетъ быть,—отвѣчала Эрминія нерѣшительно.

Даумъ былъ доволенъ этой прогулкой, разговоромъ и полученнымъ обѣщаніемъ. Онъ зналъ и понималъ хорошо, что его желаютъ въ зятья и цѣнятъ всѣ матери имѣющія дочерей-невѣстъ, что отцы и братья дѣлаютъ для него всевозможныя уступки, но до сихъ поръ онъ не хотѣлъ еще остановить на комъ нибудь свой выборъ. Его удовлетворяли мимолетныя связи, а идеальную часть восполняла Марія. Когда онъ повстрѣчался съ Эрминіей, она понравилась ему и какъ красивая дѣвушка и какъ сестра Маріи. Онъ вдругъ сталъ желать ее, какъ коллекціонеръ желаетъ интереснаго экземпляра. Въ обыденной жизни не мѣшаетъ немного идеала, немного поэзіи и любви, и Эрминія должна была сдѣлаться посредникомъ между идеальнымъ и матеріальнымъ міромъ.

Въ эту минуту докторъ чувствовалъ себя господиномъ положенія; онъ избралъ испытанный, вѣрный, безопасный и ни къ чему не обязывающій путь, путь дружбы...

Эрминія также, въ свою очередь, была чрезвычайно довольна этимъ вечеромъ. Цѣль ея жизни, замужество, начинала принимать реальную форму.

Даумъ почти увлеченъ ею; благодаря боязни или отсутствію отваги онъ не смѣлъ говорить ей любви, говорилъ лишь о дружбѣ, однако его взгляды, дрожь въ голосѣ, пожатія руки говорили больше, чѣмъ она могла бы ему позволить сказать словами.

Да онъ ее любитъ, любитъ несомнѣнно. Теперь нить эту надо укрѣпить настолько, чтобы она выдержала испытаніе брака и супружеской жизни.

Оба довольные, онъ съ блестящими глазами, она съ румянцемъ на щекахъ, подошли къ столику, у котораго сидѣла уже Марія.

— Что же, хорошъ садъ?—спросилъ Кремпа съ иронической улыбкой.

— О, очень хорошъ!—отвѣчала Эрминія, усаживаясь къ столу.

— Мы были у акваріума, которымъ Баумфельдъ такъ гордится,—объяснялъ докторъ.

Сидящіе улыбались, подмигивая другъ другу, и съ любопытствомъ смотрѣли на юную пару, предчувствуя романъ.

Возвращаясь по окончаніи концерта домой, Марія спросила сестру:

— О чемъ вы съ докторомъ разговаривали во время прогулки?

— Онъ жаловался мнѣ на отсутствіе общественной жизни и развлеченій въ Бытомѣ,—отвѣчала та спокойно.

— Что же ты, утѣшила его и разогнала скуку?—засмѣялся шуринъ.

— Какъ ты несносенъ!—воскликнула она, сдѣлавъ гримасу.

— Не надоѣдай ей, Геня!—защищала Марія сестру.

— Вы сердитесь за правду,—отвѣчалъ Кремпа.—Вѣдь докторъ только съ этой цѣлью и жаловался Эрминіи.

— Не обращай на него вниманія—сказала Марія.—Что же онъ еще говорилъ тебѣ?

— Обыкновенныя вещи: о музыкѣ, о сегодняшнемъ вечерѣ и т. д.

II.

На другой день около восьми часовъ утра Кремпа по обыкновенію отправился въ редакцію „Ostmark", совершенно успокоившись отъ упрековъ совѣсти, благодаря съ одной стороны бесѣдѣ съ женой и ея тактикѣ, а съ другой—вліянію разговоровъ учредителей общества во время вчерашняго концерта.

Издали, на Гливицкой улицѣ, онъ замѣтилъ трехъ идущихъ ему навстрѣчу крестьянъ, среди которыхъ безъ труда узналъ Шимичка, дядю своей жены.

Въ первый моментъ онъ испыталъ нѣкоторое неудовольствіе при мысли о неизбѣжной встрѣчѣ, но, припомнивъ, что онъ ничего ему не сдѣлалъ худого, напротивъ, старался помочь, Кремпа смѣло продолжалъ свой путь.

Очевидно, и тѣ его замѣтили, такъ какъ замедлили шаги и стали внимательно прислушиваться къ тому, что говорилъ Шимичекъ. Чѣмъ ближе подходилъ Кремпа, тѣмъ болѣе они замедляли шаги, и когда, поровнявшись, онъ поднялъ руку къ шляпѣ, чтобы поклониться, раздался голосъ Шимичка:

— Да, это онъ, измѣнникъ!

Одинъ изъ спутниковъ Шимичка, сплюнувъ на сторону, сказалъ:

— Сгинь, пропади!

Другой почти въ то же время проворчалъ довольно громко:

— Чтобъ Богъ наказалъ тебя съ женой и дѣтьми!

Кремпа молча прошелъ мимо, но, вдругъ почувствовавъ всю несправедливость упрековъ, повернулся, прибавилъ шагу и притронувшись къ рукѣ Шимичка, проговорилъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія:

— Дядя Шимичекъ, за что вы меня проклинаете?

Старикъ повернулъ къ нему разгнѣванное лицо и воскликнулъ:

— Не марайте мнѣ одежды своимъ прикосновеніемъ! Я не дядя вашъ и не знакомъ съ вами!

— Измѣнникъ!

— Отступникъ!—воскликнули спутники старика.

— А вамъ, что я сдѣлалъ худого?—горестно пробормоталъ Кремпа.

— Онъ смѣетъ еще спрашивать!—крикнулъ дядя Шимичекъ дрожащимъ голосомъ.

— Позоръ Силезіи!

— Отребье рода человѣческаго!—поддержали его спутники, и всѣ трое пошли дальше.

Кремпа повернулся и злой, раздраженный, дрожащій отъ гнѣва пошелъ по направленію къ рынку.

Въ эту раннюю пору весь рынокъ занятъ былъ силезскими торговцами изъ ближайшихъ деревень, кругомъ слышался только польскій языкъ; многіе стояли на тротуарахъ, поспѣшно однако уступая дорогу пѣшеходамъ, одѣтымъ по городски, но вотъ нѣсколько женщинъ, заболтавшись, не успѣли во время разступиться передъ Кремпой, который злобно толкнулъ одну изъ нихъ и пробормоталъ сквозь стиснутые зубы:

— Verfluchtes schlesisches Hundsblut!

Обычное проклятіе нѣмцевъ произвело впечатлѣніе. Женщины сразу разступились въ молчаніи, но разгнѣванные свидѣтели происшедшаго, силезцы, чувствуя за собой силу, такъ какъ ихъ была цѣлая толпа, стали говорить довольно громко:

— Чтобъ тебя святая земля не носила!

— Чтобъ громъ небесный сломилъ домъ твой!

— Проклятый сыщикъ!

— Вѣроятно перекрестъ!

— Или еретикъ!

Въ памяти Кремпы ясно возстала сцена проклятія дяди и сегодняшняя встрѣча. Онъ задрожалъ отъ гнѣва, и въ то же

время въ немъ поднялась съ новой силой вражда, почти ненависть ко всему силезскому.

Эти несчастные, обреченные на гибель, эти паріи, лишенные всякихъ правъ и защиты, эти рабы, предназначенные къ окончательному вымиранію—и они еще шипятъ, показываютъ жало, кусаютъ руку, несущую имъ свѣтъ и цивилизацію! Долой же ихъ! Нѣмцы должны уничтожить ихъ, истереть въ прахъ!

Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ онъ достигъ наконецъ редакціи; первая попавшаяся въ его руки газета, была „Факелъ".

Въ первой статьѣ, озаглавленной: „Поляки въ Верхней Силезіи", авторъ обсуждалъ послѣднее распоряженіе военныхъ властей, предписывающее чиновникамъ, составляющимъ призывные списки, отмѣчать въ особой рубрикѣ, полякъ или нѣмецъ призываемый.

Такого рода циркуляръ свидѣтельствуетъ, что даже военныя власти признаютъ, что въ Силезіи живутъ поляки, а не пруссаки, плохо говоряшіе по польски, какъ стараются изобразить нѣкоторые школьные инспектора, редакціи нѣмецкихъ газетъ и нѣмецкіе шовинисты. Подтвержденіе существованія польскаго элемента въ Силезіи военными властями, авторъ подчеркивалъ въ концѣ, какъ торжество народнаго дѣла.

Статья эта, при раздраженіи Кремпы, была достаточнымъ для него поводомъ, чтобы выступить съ энергичной защитой нѣмецкаго населенія Силезіи. Съ горячностью вышколеннаго на газетной работѣ нѣмца, Кремпа набросился на редакцію „Факела", которая умышленно подтасовываетъ факты, въ цѣляхъ великопольской агитаціи. Правда, военныя власти издали циркуляръ, повелѣвающій заносить въ третью графу, владѣютъ ли и въ какой степени рекруты нѣмецкимъ или силезскимъ языкомъ, но лишь съ единственной цѣлью отправлять впослѣдствіи отмѣченныхъ силезцами рекрутовъ въ глубь Пруссіи, чтобы тамъ привить имъ нѣмецкій духъ, котораго здѣсь ихъ лишаютъ безсовѣстные агитаторы. Силезія была, есть и должна остаться нѣмецкой, и пунктъ этотъ каждый нѣмецъ будетъ защищать до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія! Ложь наконецъ, что прусское правительство когда-либо признавало существованіе въ Силезіи иной народности, кромѣ прусской!

Статья эта доставила ему облегченіе и успокоила раздраженіе, а редакторъ Штернвегъ, прочтя ее, сказалъ въ присутствіи всѣхъ:

— Такой выдающейся статьи, какъ ваша, подписчики

„Ostmark“ давно уже не читали. Поздравляю васъ и благодарю отъ имени читателей!

Эти слова искренней признательности пріятно пощекотали самолюбіе Кремпы, вызвали на лицѣ его улыбку и отчасти изгладили впечатлѣніе непріятной встрѣчи съ Шимичкомъ.

По дорогѣ домой онъ рѣшилъ умолчать о своей встрѣчѣ утромъ съ дядей, чтобы избавить жену отъ огорченія.

Сейчасъ же послѣ его прихода вошла Текля и по ошибкѣ спросила по польски.

— Пора ужъ подавать обѣдъ?

Кремпа грозно посмотрѣлъ на нее и воскликнулъ съ гнѣвомъ:

— Чтобъ я послѣдній разъ слышалъ отъ тебя этотъ языкъ у меня въ домѣ! Можешь говорить въ своей компаніи, на улицѣ съ торговками, только не у насъ, не въ моемъ домѣ. Поняла?

Текля почти съ ненавистью окинула взглядомъ находящихся въ комнатѣ, но затѣмъ опустила глаза и покорно отвѣтила:

— Слушаю!

По ея уходѣ Эрминія заговорила:

— Ахъ, эти наши слуги! Они просто невыносимы съ этимъ своимъ говоромъ. Знаешь, Маня, недавно у насъ, при многочисленномъ обществѣ наша служанка заговорила со мною посвоему... Я просто не знала, куда дѣваться отъ стыда...

Однако Марія, помня блестящія способности Теклии, какъ кухарки, и зная, что хорошую служанку найти трудно, проговорила примирительнымъ тономъ:

— Я не вижу ничего преступнаго въ томъ, что Текля по забывчивости отвѣтила на своемъ языкѣ... И мнѣ кажется, Геня, ты былъ съ нею слишкомъ строгъ.

— Слишкомъ строгъ? — засмѣялся онъ иронически; — слишкомъ строгъ? А кто научилъ Адальберта силезской молитвѣ, кто научилъ его глупой силезской пѣснѣ?

— Что? что?—воскликнула удивленно Эрминія.—Адальбертъ говоритъ по силезски?

— Да, онъ молится по силезски, поетъ по силезски,— злился мужъ,—но съ меня уже довольно. Если я еще разъ услышу, что Текля говоритъ по силезки, то немедленно разсчитаю ее.

— Прежде ты былъ другой,—возразила съ раздраженіемъ въ голосѣ жена.

— Другой? Дѣйствительно, мною овладѣли какія то глупыя колебанія, сомнѣнія, страхи, но теперь волна истины и

разума нахлынула съ удвоенной силой; прошло время нѣжностей и сентиментальничанья!—разсмѣялся онъ иронически.

— Слѣдовательно, такое время было?—съ любопытствомъ спросила Эрминія.

— Было, но прошло. Спроси Маню, не сама ли она разогнала мои сомнѣнія?

Марія, сумрачно глядя передъ собой, тихо отвѣтила на нѣмой вопросъ сестры:

— Да... я сама его уговаривала.

Кремпа, замѣтивъ сумрачное выраженіе лица жены, сказалъ, усаживаясь за столъ:

— Что-жъ дѣлать, дорогая: политикой управляетъ разумъ, а не сердце!

III.

По Тарновицкой улицѣ, ведущей къ парку, шелъ спѣшными шагами Даумъ. Считаясь съ тщеславіемъ женщинъ, онъ жаждалъ оказаться на мѣстѣ свиданія первымъ и спокойно поджидать затѣмъ, въ тѣни парка, прихода Эрминіи.

Онъ быстро перегонялъ нянекъ съ дѣтьми въ колясочкахъ, старыхъ и молодыхъ женщинъ, отставныхъ чиновниковъ, прогуливающихся ради здоровья и аппетита, и считалъ для себя хорошей примѣтой то обстоятельство, что до сихъ поръ еще не встрѣтилъ никого изъ знакомыхъ, съ которыми пришлось бы остановиться поболтать. Онъ уже собирался войти въ паркъ, какъ вдругъ дорогу ему преградилъ Крюгеръ.

— Куда это вы такъ быстро, докторъ? Какой нибудь несчастный случай?

— Нѣтъ, я просто спѣшу къ больному.

— Васъ пригласили въ предмѣстье, за паркомъ? Слѣдовало бы взять извощика, чтобы не терять понапрасну времени.

— Разумѣется... но я хотѣлъ прогуляться немного и подышать свѣжимъ воздухомъ,—отвѣчалъ докторъ съ легкимъ нетерпѣніемъ.

— Сегодня у меня есть время, такъ какъ касса закрыта до перваго сентября; я провожу васъ... Мнѣ такъ много нужно сказать вамъ,—проговорилъ Крюгеръ, идя рядомъ съ Даумомъ.—Вы позволите?

— Пожалуйста! очень радъ!—отвѣчалъ докторъ, подавляя гнѣвъ и нетерпѣніе.

— Вы помните, вѣроятно, докторъ,—началъ Крюгеръ—нашъ разговоръ о Собольскомъ на концертѣ? Помните?

— Да, да, помню.

— Я говорилъ съ Эвелиной объ этомъ дѣлѣ. Сначала она отказалась категорически, и знаете докторъ, по какой причинѣ?

— Интересно—пробормоталъ Даумъ.

— Она не хочетъ вмѣшиваться въ политику... Но я убѣдилъ ее, что здѣсь, на границахъ нашего отечества, каждый, а въ томъ числѣ и она, обязанъ стоять на стражѣ интересовъ государства.

— Понятно, понятно,—отвѣчалъ докторъ и взглянулъ на часы.

— Вы спѣшите... Я сейчасъ кончаю. Итакъ она повліяетъ на Собольскаго, чтобы онъ не поддерживалъ силезскаго кандидата въ сеймъ, но надо дѣло устроить такъ, чтобы они встрѣтились случайно, какъ бы неожиданно. Понимаете?

— Да, да...

— Гм... По моему мнѣнію лучше всего устроить это у Кремпы. У нихъ гоститъ теперь сестра ея, очень недурная,—правда? Понравилась она вамъ? О, вы докторъ, волокита! слишкомъ долго прогуливались съ нею вчера въ саду...

Даумъ при напоминаніи о Кремпахъ и Эрминіи вздрогнулъ и пытливо взглянулъ на своего спутника, заподозривъ въ немъ намѣреніе прослѣдить за нимъ, но добродушное улыбающееся лицо и спокойный голосъ ничѣмъ не обнаруживали недоброжелательства со стороны ихъ обладателя, и потому докторъ отвѣтилъ, улыбаясь:

— Ахъ, это самыя обыкновенныя отношенія!... Такъ что же съ Кремпами?

— Я говорилъ уже съ редакторомъ Штернвегомъ, чтобы онъ уговорилъ Кремпу, но вы тамъ также бываете, такъ замолвите слово и отъ себя... Хорошо?

— Охотно, очень охотно—отвѣчалъ докторъ, снова глядя на часы, которые показывали, что черезъ пять минутъ наступитъ условленное время.

— О, я вижу что вы спѣшите—сказалъ Крюгеръ, останавливаясь.—Если бы это не былъ будній день и не полуденное время, я заподозрилъ бы романъ... Ха, ха, ха!—засмѣялся онъ громко,—а можетъ быть съ какой нибудь замужней особой?

— Только не въ Бытомѣ: это слишкомъ благочестивый и добродѣтельный городъ,—проговорилъ Даумъ шутливо и сталъ поспѣшно прощаться.

— До свиданія, до свиданія, докторъ!.. Не забудьте же о Кремпахъ!—кричалъ Крюгеръ ему въ догонку.

— Наконецъ-то я одинъ!—бормоталъ докторъ, направляясь боковой аллеей въ глубь парка.—Вотъ скучный человѣкъ...

Онъ наконецъ пришелъ на мѣсто, но напрасно искалъ кругомъ глазами свѣтлое платье; тогда онъ усѣлся въ тѣни на скамейку, повернувшись лицомъ въ сторону города, откуда должна была появиться Эрминія. Въ первую минуту онъ сталъ думать о своемъ разговорѣ съ Крюгеромъ. Дѣйствительно, было бы очень смѣшно и забавно, если бы этотъ силезецъ попался на удочку. Да это было бы отлично... Гм... это стоитъ сдѣлать; подговорить Кремпъ, лучше всего Марію, такъ какъ это ея проектъ...

И благодаря естественному ходу мыслей предъ нимъ сталъ образъ этой, всегда для него привлекательной женщины.

— Да, это здѣсь, на этой самой скамейкѣ онъ разговаривалъ съ нею и былъ такъ близокъ къ признанію, но помѣшалъ Адальбертъ, а она укрылась отъ него за своей добродѣтелью. Она уклончиво отвергла всѣ его попытки, хотя если бы онъ дѣйствовалъ настойчиво, то кто знаетъ, какой результатъ получился бы? Ну, что-жъ, думалъ онъ далѣе, вмѣсто нея онъ заведетъ романъ съ ея сестрой. Она пожалуй слишкомъ худощава, но за то красива, свѣжа, умна... Съ той правда было бы свободнѣй, безопаснѣй, но онъ не зайдетъ въ этомъ романѣ слишкомъ далеко; а то послѣ пойдутъ всякія заботы, претензіи, желаніе супружества; нѣтъ онъ не будетъ такъ глупъ. Онъ сумѣетъ сохранить тайну и приготовить уже исторію, чтобы принудить ее къ молчанію даже передъ сестрой. Немного флирта, объятій, поцѣлуевъ ничего не помѣшаютъ; затѣмъ вздохи, нѣжныя письма и конецъ. Онъ взглянулъ на часы; прошло уже пять минутъ послѣ условленнаго времени.

— Странно!—прошепталъ онъ.—Я не могу терять столько времени.

Онъ поднялся нетерпѣливо со скамейки и медленно пошелъ по направленію ко входу въ паркъ, внимательно оглядываясь кругомъ. Въ одной изъ тѣнистыхъ аллей онъ наткнулся на Крюгера; воспользовавшись тѣмъ, что этотъ послѣдній стоялъ къ нему спиною, онъ быстро повернулъ назадъ и усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

— Къ чему приводитъ недостатокъ точности, размышлялъ онъ, недовольный. Придетъ Эрминія, усядется рядомъ, а изъза клумбы вдругъ появится Крюгеръ... Милое положеніе!.. Но развѣ я буду виноватъ, что объ ней станутъ говорить? Если бы она пришла раньше, въ назначенное время, то они пошли

бы дальше, на самую окраину парка, и тамъ никто бы не увидѣлъ насъ, а теперь? Сама виновата; развѣ я обязанъ стоять на стражѣ ея чести, общественнаго мнѣнія о ней? Я предлагаю свиданіе, что въ порядкѣ вещей для мужчины; дѣвушка соглашается, приходитъ. Послѣдствія она должна нести сама; развѣ она ребенокъ, который не знаетъ, что это огонь: пойдутъ сплетни, пересуды... Я не выдамъ ее никому, но кто-нибудь можетъ увидѣть, выслѣдить, разболтать; не могу же я выходить на поединокъ изъ-за людскихъ разговоровъ.

Наконецъ появилась и Эрминія. Онъ узналъ ее по свѣтлому платью, и мягкимъ движеніямъ. Она пришла одна безъ Адальберта, чему ожидающій докторъ былъ такъ радъ, что не могъ удержаться отъ улыбки удовольствія и, забывши о нетерпѣливомъ ожиданіи, поспѣшилъ ее привѣтствовать.

— Я не ожидала, что еще застану васъ здѣсь; я опоздала не по своей винѣ.

Даумъ, пожимая поданую руку, говорилъ съ улыбкой:

— Я ждалъ бы васъ до вечера и долѣе, такъ какъ встрѣча съ вами вполнѣ загладитъ непріятность ожиданія.

— Не слишкомъ-ли много нѣжности для дружбы?—спросила она, зарумянившись.

— Съ друзьями я бываю искреннимъ и говорю лишь то, что чувствую.

— Чувство, какъ сами вы вчера говорили, заводитъ иногда далеко въ сторону.

— Сдѣлаю къ этому добавленіе: если рядомъ нѣтъ друга.

— Сядемъ; сегодня такъ жарко...

— Я предпочелъ бы пойти вглубь парка: здѣсь слишкомъ много знакомыхъ, а всегда безопаснѣе всего избѣгать людскихъ взоровъ.

Она покраснѣла сильнѣе и отвѣчала съ оттѣнкомъ гордости въ голосѣ:

— Я не дѣлаю ничего худого и не имѣю причины стыдиться людей.

— Я понимаю это вполнѣ, но не вижу основанія отдавать себя людямъ на ихъ милость или немилость. Иное дѣло Вроцлавъ, Берлинъ, Лейпцигъ, а иное провинціальный городокъ.

— Можетъ быть вы и правы, идемте дальше,—проговорила она послѣ минутнаго раздумья.

Докторъ подалъ ей руку и глядя взоромъ знатока на ея молодое красивое лицо, восхищался едва замѣтнымъ пуш-

комъ на щекахъ и бѣлою тонкою шеей; наклонившись къ ея маленькому, розовому уху онъ началъ въ полголоса:

— Сегодня я исполнилъ долгъ дружбы, предостерегъ васъ отъ людей,—и замѣтивъ на губахъ ея презрительную улыбку, продолжалъ:—Какъ чистая возвышенная натура, вы презираете пересуды, и я знаю, что вы правы, такъ какъ кто-жъ лучше и вѣрнѣе можетъ знать, насколько чистъ и безкорыстенъ нашъ духовный союзъ; но свѣтъ, и люди...

— Развѣ женщина не вправѣ дружить съ мужчиной?— воскликнула она съ гнѣвомъ.

— Мы друзья, значитъ вправѣ! Но оставимъ свѣтъ и людей, будемъ лучше пользоваться этимъ днемъ, такъ какъ кто знаетъ, что принесетъ завтрашній?...

— Вы дѣйствительно удовлетворяетесь сегодняшнимъ днемъ?—спросила она, пытливо глядя ему въ глаза.

— Зачѣмъ вы будите то, что я хочу усыпить?—спросилъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Я исполняю долгъ дружбы,—отвѣчала она съ веселой ироніей,—предостерегаю васъ! Однако мнѣ очень хотѣлось бы знать, что вы усыпляете съ такою заботливостью?

— Несбыточные сны! Неисполнимыя мечты!... Мнѣ снилось, что я шелъ пустынной дорогой, подъ палящими лучами солнца и поминутно встрѣчалъ острые камни, ямы, шипы; дорога вела на крутую гору, по бокамъ зіяли пропасти, и я уже падалъ, измученный зноемъ и жаждой... Вдругъ съ неба спустился ко мнѣ ангелъ, закрылъ меня своими бѣлыми крыльями и наполнилъ новой жизнью, надеждой и отвагой... Лицо этого ангела, его ласковые взгляды, его движенія и сладостный голосъ я помню хорошо, я тоскую по немъ, жажду его, мечтаю днемъ и ночью, и однако долженъ отъ него отказаться!

Эрминія слушала его съ бьющимся сердцемъ, ждала объясненія и въ мысляхъ приготовила уже отвѣтъ, какъ вдругъ при послѣднихъ словахъ докторъ умолкъ. Помолчавъ немного, она наконецъ спросила:

— Должны ли вы отказаться?

— Долженъ, потому что ангелъ сказалъ, что даетъ мнѣ лишь минуту дружбы, а затѣмъ улетѣлъ навсегда.

Подъ нервнымъ смѣхомъ она сумѣла скрыть неудовольствіе, и въ ту же минуту рѣшила убѣдить доктора, что она способна и на другія чувства, кромѣ дружбы.

— Странно,—заговорила она непринужденно,—что васъ не удовлетворяетъ чувство дружбы, о которомъ вы говорили такъ красиво.

— Дружба съ вами, мнѣ кажется, и есть на самомъ дѣлѣ прелестнѣйшій цвѣтокъ, но, подобно всякому иному цвѣтку, она не выноситъ грубаго прикосновенія, вѣтра, дождя и холода, а вѣдь жизнь преимущественно состоитъ изъ непогодъ.

— Такъ какъ сегодня хорошая погода,—засмѣялась она весело,—то и цвѣтку нечего бояться. Будемъ же друзьями и будемъ искренни другъ съ другомъ.

— Вы покажете примѣръ? Согласны?

— Пусть будетъ и такъ... Время ужъ вамъ считать меня, или вѣрнѣе перестать смотрѣть на меня какъ на игрушку изъ сахару или воску. Я вынесу всякую бурю и не боюсь зла, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить мой приходъ сюда.

— Я буду послушенъ. Что-жъ дальше?

— Сейчасъ скажу. Но прежде сядемъ, такъ какъ я очень устала.

Они подошли къ скамейкѣ, окруженной полукруглой живой изгородью изъ граба, и когда усѣлись, она заговорила:

— Избѣгайте въ разговорѣ со мною аллегорій; это хорошо для другихъ, но дружба должна быть искренна и откровенна.

— Вы дѣйствительно даете мнѣ доказательства дружбы, поэтому и я буду съ вами искрененъ.

— Послушаю,—отвѣчала она, окинувъ пытливымъ взглядомъ лицо Даума.

— Я люблю двухъ женщинъ: свою мать и еще одну, молодую, прекрасную и умную дѣвушку. Мать моя, какъ и всѣ матери, видитъ все мое счастье въ жизненномъ успѣхѣ и достаткѣ, и потому глядя на мою тяжелую работу она задумала женить меня на очень богатой кузинѣ; это сдѣлалось ея мечтой и цѣлью жизни.

— А что-же вы?—спросила Эрминія, плохо скрывая свое безпокойство.

— Я изворачиваюсь, какъ угорь. Прямо отказать матери я не могу; это было бы слишкомъ жестоко для нея и пожалуй опаснымъ даже для жизни; потому я оттягиваю...

— А эта кузина, красива?

— Насколько богата, настолько же некрасива, но симпатична и готова на жертву. Мнѣ кажется, что если бы я потребовалъ отъ нея какъ въ сказкѣ конька-горбунка, она постаралась бы добыть его; я не встрѣтилъ бы съ ея стороны отказа ни въ чемъ, а такая доброта очень обязываетъ.

— Такъ женитесь на ней, — сказала Эрминія съ легкой горечью въ голосѣ.

— Я, быть можетъ, и сдѣлалъ бы это, если бы не судьба, которая въ минуту колебанія дала мнѣ испытать истинную любовь. Я встрѣтилъ ее какъ разъ въ ту минуту, какъ измученный настояніями матери, рѣшился уступить ея требованію и... сдѣлаться несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Теперь, узнавши эту прекрасную, чистую, возвышенную душу, увидѣвъ ея глаза, такіе грустные и глубокіе, и въ то же время такіе ласковые, я понялъ, что такое любовь, поэзія и счастье! Изъ за матери я не смѣю признаться ей, что только ее, ее одну я люблю, что только съ нею одною я могу быть счастливъ и... отыскивая выходъ, я попросилъ ее о дружбѣ, пока сдѣлаюсь достойнымъ ея любви.

Эрминія беззавѣтно повѣрила словамъ доктора, который съ опытностью фокусника и искусствомъ стрѣлка сумѣлъ ее и себя окружить ореоломъ совершенства, и искусно подобранными фразами задѣть ея тщеславіе и пробудить мечты о замужествѣ.

Его звонкій голосъ, взоръ полный восторга, и пожатія руки вскружили ей голову. Полузакрывъ глаза, она глубоко дышала, какъ бы сразу почувствовавъ облегченіе, и слегка склонилась въ его сторону. Онъ смотрѣлъ на нее страстнымъ взглядомъ и тихо говорилъ:

— А теперь, когда я открылъ все мое сердце, понимаешь ли ты, другъ мой, какъ сильно люблю я ту женщину, если ради нея я отказываюсь отъ обѣщанія, даннаго матери?

— Понимаю,—прошептала она тихо.

И долгій поцѣлуй скрѣпилъ ихъ дружбу.

Вдругъ послышались все приближающіеся голоса. Въ ту же минуту они встали со скамейки, но было уже поздно, поэтому они снова усѣлись, и докторъ началъ быстро говорить о газетныхъ новостяхъ.

Прошелъ Крюгеръ съ двумя дамами, которыя съ любопытствомъ пытливо разглядывали Даума и покраснѣвшую Эрминію, незнакомую имъ. Удивленный Крюгеръ поздоровался съ докторомъ, а узнавъ его спутницу покачалъ головой съ неудовольствіемъ.

— Что теперь будетъ?—спросила Эрминія испуганно.

— Дѣло сдѣлано!—отвѣчалъ Даумъ.—Но я предупрежу Крюгера, а дамы васъ не знаютъ.

Вечеромъ того же дня докторъ отыскалъ Крюгера и объяснилъ ему встрѣчу съ Эрминіей случайностью, прося его не разглашать этого случая.

— Гм... Меня все это дѣло совсѣмъ не касается, но будьте

докторъ осторожны съ дѣвицами; онѣ какъ стекло: разбить легко, а потомъ ничѣмъ ужъ не склеишь.

IV.

Для Адальберта наступилъ наконецъ день, ожидаемый имъ съ радостью и вмѣстѣ страхомъ,—день отправленія въ школу, гдѣ онъ найдетъ себѣ товарищей и желанную свободу, столь далекую отъ неустаннаго присмотра дома. Въ ночь наканунѣ этого дня Адальбертъ спалъ безпокойно, рано вскочилъ съ кровати и, не желая будить спящихъ родителей, отправился въ кухню.

Текля, уже одѣтая, шептала на колѣняхъ утреннія молитвы; увидѣвъ мальчика, она кивнула ему головой и продолжала свое занятіе. Окончивъ, она воскликнула по силезски:

— Что это ты такъ рано поднялся? Не боленъ ли, упаси Господи?

— Развѣ вы не знаете, что я сегодня иду въ школу,— отвѣтилъ онъ тихо на томъ же языкѣ.

— Знать то я знаю, да вѣдь до девяти часовъ еще далеко.

— Надо же мнѣ одѣться, повторить урокъ, позавтракать; развѣ мало мнѣ дѣла?

— Скажите пожалуйста!—разсмѣялась та добродушно.— Я тоже ходила въ школу; развѣ же это работа?

Адальбертъ взглянулъ на нее съ неудовольствіемъ и заговорилъ убѣдительно:

— Вы ходили въ деревнѣ, въ маленькую школу; какая же тамъ работа? а въ такомъ городѣ, какъ Бытомъ, ого,—го, какъ тяжело... Вы знаете, что я поступаю въ старшій классъ?...

— Знаю, знаю... Надѣнь-ка башмаки, а то отъ босыхъ ногъ можетъ насморкъ сдѣлаться... ну и умыться хорошенько не мѣшаетъ.

Она налила воды въ тазъ, приготовила полотенце, напомнила мальчику, что надо вымыть шею и уши; затѣмъ помогла ему одѣться, причесала его, и когда онъ, совсѣмъ готовый, хотѣлъ итти въ комнаты за книжкой, она удержала его за рукавъ и сказала:

— А помолиться Богу и Пресвятой Дѣвѣ...

Такъ какъ Кремпа по утрамъ былъ занятъ въ редакціи, то Марія сама должна была свести Адальберта въ школу и побыть тамъ во время экзамена.

Марія очень безпокоилась: выдержитъ ли ея любимецъ экзаменъ въ высшій классъ? не повредитъ ли ему впечатлѣ-

ніе отъ школьной и экзаменаціонной обстановки? И потомъ не испортятъ ли его товарищи, не научатъ ли шататься по улицамъ и потомъ лгать родителямъ?

Тысячи предположеній, одно страшнѣе другого, всякіе страхи запугивали ея воображеніе; только искренняя, сердечная молитва вмѣстѣ съ обѣтомъ воздержанія на время ученія Адальберта отъ всякихъ лакомствъ, успокоили ее на столько, что она могла, хотя и съ бьющимся сердцемъ, итти съ Адальбертомъ, который потащилъ съ собою въ школу кучу нужныхъ и совсѣмъ ненужныхъ книгъ.

Карточка, данная швейцару, облегчила для Маріи свиданіе съ ректоромъ школы, Лахсфельдомъ.

Она вошла съ Адальбертомъ въ довольно большую залу, меблировка которой состояла изъ длиннаго стола, нѣсколькихъ стульевъ и стеклянныхъ шкаповъ, наполненныхъ книгами и пособіями къ изученію естественныхъ наукъ.

— Госпожа Кремпа? — спросилъ ректоръ съ ласковой улыбкой полновластнаго хозяина. Вы супруга соредактора нашего „Ostmark", господина Кремпы?

— Да; а вотъ мой сынъ Адальбертъ, который мнѣ кажется настолько подготовленъ, что можетъ миновать приготовительный классъ.

— Увидимъ, увидимъ послѣ экзамена. Правда вы опоздали со своимъ прошеніемъ, но для „Ostmark" слѣдуетъ сдѣлать уступку—сказалъ съ добродушной улыбкой Лахсфельдъ.

— Экзаменъ будетъ сегодня?

— Да; первый классъ налѣво отъ входа.

— Могу я присутствовать на экзаменѣ?—спросила она со страхомъ, и прочтя на лицѣ директора отрицательный отвѣтъ, прибавила: — Ребенокъ въ первый разъ будетъ одинъ среди чужихъ въ школѣ, такъ что если можно, то я просила бы...

— Гм... гм... Только ради „Ostmark" дѣлаю это исключеніе. Пойдемъ.

Они вышли въ корридоръ перваго этажа, который былъ биткомъ набитъ матерями приведенныхъ дѣтей. Виднѣлась преимущественно городская одежда, хотя даже и неопытный глазъ легко могъ различить, что большинство собравшихся принадлежали къ классу непривилегированному. Женщины, при приближеніи начальства, всѣ кланялись болѣе или менѣе почтительно. Ректоръ Лахсфельдъ съ застывшей на лицѣ улыбкой кивалъ головой то въ одну, то въ другую сторону. Насколько можно было слышать, шепотъ и разговоры велись исключительно по нѣмецки, потому что „силезскій діалектъ" былъ запрещенъ въ предѣлахъ школы, какъ о

томъ свидѣтельствовали вывѣшенныя на видномъ мѣстѣ надписи.

Они вошли въ классъ. Около тридцати мальчиковъ по командѣ учителя поднялись со скамеекъ.

Ректоръ, указавши Маріи на стоявшую въ нѣкоторомъ отдаленіи пустую скамейку, самъ подошелъ къ стоявшему на возвышеніи столу и усѣлся на стулъ.

Учитель, стоя передъ скамьями, продолжалъ спрашивать одного мальчугана о частяхъ рѣчи прочитанной передъ этимъ фразы. Мальчикъ отвѣчалъ хорошо и сознательно, такъ что и ректоръ и учитель, оба довольные, утвердительно кивали головами.

Потомъ ректоръ сказалъ, обращаясь къ учителю:

— Велите ему читать дальше.

Ребенокъ плавно прочелъ указанный отрывокъ, произнося лишь нѣкоторыя длинныя слова съ ненѣмецкимъ акцентомъ. Лицо ректора нахмурилось и онъ громко сказалъ, прерывая чтеніе:

— Отъ него на километръ несетъ силезцемъ!

— Онъ не для нашей школы!—рѣшилъ учитель.

Мальчикъ, слыша это, сталъ заикаться, читалъ уже съ трудомъ и выговаривалъ все хуже и хуже. При холодномъ освѣщеніи класса, бѣломъ отъ отраженія наружной стѣны сосѣдняго дома, лицо мальчика казалось желтымъ, а на лбу его выступили капли пота.

— Довольно!—воскликнулъ ректоръ.—Онъ деретъ уши!... Какъ твое имя?

— Сова—пробормоталъ ребенокъ, подавляя плачъ.

— Ха, ха, ха! Сова!—засмѣялся учитель иронически, и добавилъ:—Тебѣ слѣдовало бы экзаменоваться ночью, потому что сова боится дневного свѣта.

Засмѣялся и ректоръ, а за начальствомъ залился смѣхомъ и весь классъ. И въ Силезіи, среди силезцевъ, звучалъ ироническій смѣхъ надъ силезскимъ именемъ.

Мальчикъ, вызвавшій этотъ смѣхъ, стоялъ весь дрожа, и по его блѣдному лицу текли слезы. Онъ смотрѣлъ большими, испуганными глазами на ректора, даже не понимая насмѣшекъ и лишь чувствуя, что здѣсь, въ школѣ, ему оказываютъ большую и чувствительную несправедливость.

— Собирай книги и иди домой,—приказалъ учитель.— Ты не годишься для нашей школы.

Ребенокъ торопливо, безъ всякаго порядка собралъ свои книги, неуклюже поклонился ректору и вышелъ изъ класса,

сопровождаемый до самыхъ дверей насмѣшливыми взглядами всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ.

Только Марія почувствовала жалость къ выгнанному, сочувствуя ему какъ мать Адальберта.

Экзаменъ продолжался своимъ порядкомъ. Изъ тридцати кандидатовъ принятыми оказались всего 14 человѣкъ, въ томъ числѣ и Адальбертъ. Шестнадцать же было забраковано благодаря неправильному ихъ нѣмецкому выговору.

Выйдя изъ школьнаго зданія, Марія спросила Адальберта:

— Что-жъ? доволенъ ты?

— Очень доволенъ; только мнѣ жаль тѣхъ.

— Почему?

— У меня было бы больше товарищей.

— Будетъ ихъ у тебя и безъ того довольно, потому что въ классѣ ихъ до шестидесяти человѣкъ.

— А все-таки тогда насъ было бы больше.

— Ну чтожъ дѣлать, дитя мое, они плохо учились, оттого ихъ и не приняли.

Адальбертъ взглянулъ на мать своими красивыми голубыми глазами и сказалъ, немного подумавъ:

— Э, мама; это не потому...

— А почему же ты думаешь?

— Потому что они силезцы.

V.

Кремпа, узнавши о результатѣ экзамена, ласково поцѣловалъ сына, обнялъ жену и сказалъ весело:

— Въ награду за экзаменъ я сдѣлаю тебѣ, Адальбертъ, сюрпризъ. Мы всѣ поѣдемъ въ деревню, будемъ гулять на лугу и въ лѣсу, покушаемъ кислаго молока, однимъ словомъ, проведемъ день на волѣ.

Глаза Адальберта заблистали восторгомъ и онъ воскликнулъ:

— Я поѣду на козлахъ и возьму свой кнутъ.

— Ладно, прокатишься даже и верхомъ, если добудемъ спокойную лошадь.

— Верхомъ?—обрадовался мальчикъ.—Мама, тетя, я поѣду на настоящей лошади!

— Не упади только, смотри,—предостерегала его мать.

— Не упаду! Вѣдь съ этой же, — тутъ онъ указалъ на деревянную лошадь,—я ни разу не упалъ, хотя Текля возила меня по полу.

— Посмотримъ, посмотримъ,—говорила мать улыбаясь.— Куда же мы поѣдемъ?

— Гм... на выборъ у насъ есть два мѣста: Фюрстенгофъ и Вильгельмсгеге. Которое вы предпочитаете?

— Я предпочла бы Фюрстенгофъ, потому что онъ значительно ближе, а ты, Эрминія?

— Я не знаю окрестностей; для меня безразлично.

— А знаешь, Геня, сказала Марія, что я придумала?

— А что? вѣрно, новый способъ дѣлать сбереженія.

— На этотъ разъ новый расходъ. Ректоръ и докторъ Даумъ убѣждали тебя пригласить Собольскаго... Можетъ быть, мы совершили бы эту поѣздку вмѣстѣ съ нимъ. Эвелина безъ сомнѣнія охотно присоединится къ намъ, а въ большемъ обществѣ и веселья будетъ больше.

— За то свободы меньше!—вздохнулъ мужъ.—Однако ты, можетъ быть, и права... Эвелина будетъ имѣть больше возможности тронуть Собольскаго, а Даумъ сумѣетъ занять Эрминію.

— Для этого доктору не нужно деревни, — засмѣялась Марія.

— Но, можетъ быть, это Эрминіи нужно, пошутилъ шуринъ.

— Если вы будете надоѣдать, то я совсѣмъ не поѣду,— отвѣчала Эрминія довольно сурово.

— Не отпирайся!—воскликнулъ Кремпа.—Въ городѣ уже говорятъ объ ухаживаньяхъ доктора.

— Что мнѣ за дѣло до свѣта и до Бытома? Докторъ не для меня, я не для него. Мнѣ онъ просто нравится и больше ничего.

— Перестань и въ самомъ дѣлѣ надоѣдать, Геня,—вмѣшалась жена.—Подумай лучше о приглашеніи Собольскаго: ты самъ думаешь сходить къ нему?

Мужъ нахмурился и отвѣчалъ послѣ довольно продолжительной паузы:

— Итти къ нему въ редакцію я не хочу; меня тамъ раздражаютъ и стѣны, и картины, и самые люди; хожу потомъ словно отравленный. Напишу ему любезную записку, и если упомяну тамъ объ Эвелинѣ, то онъ навѣрно придетъ.

— Развѣ онъ влюбленъ въ Эвелину? — спросила Эрминія сестру.

— Не знаю; такъ говорятъ и мнѣ самой кажется, что онъ ею занятъ. Онъ сдѣлалъ ей визитъ, что съ нимъ бываетъ очень рѣдко, затѣмъ ихъ видѣли на гуляньи.

— Только и всего?—удивилась та.

— О, для Бытома этого болѣе чѣмъ достаточно,—вмѣшался шуринъ.—Стоитъ только мужчинѣ поговорить, посмѣяться, потанцовать съ дѣвушкой, и ужъ всѣ стараются пронюхать,

не пахнетъ ли здѣсь бракомъ, романомъ, или еще чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ.

— Да вѣдь это какое то гнѣздо сплетенъ! — воскликнула огорченная Эрминія, страхи которой, подъ вліяніемъ этого объясненія, еще усилились.

— А когда же сударыни, состоится прогулка?

— Завтра, надо пользоваться хорошей погодой,—отозвалась Эрминія.

— Уже завтра?—воскликнула Марія.—Нѣтъ это слишкомъ скоро... Кромѣ того въ четвергъ ярмарка, мнѣ надо купить кой-что, да и по дорогамъ будетъ много пыли. Мой совѣтъ ѣхать въ субботу. Хорошо, Геня?

— Пусть будетъ и въ субботу... Приглашеніемъ Эвелины займись ты; я напишу Собольскому, а Даума можетъ быть предупредитъ Эрминія?

— Я? Гдѣ-жъ я его увижу?—спросила Эрминія, слегка покраснѣвъ.

— Можетъ быть встрѣтишь его на улицѣ, на прогулкѣ...

— Я его никогда не встрѣчаю, если хочешь, чтобы Даумъ отправился съ нами, пригласи его самъ.

— Хорошо, приглашу. Не правда-ли, я сегодня удивительно уступчивъ.

— Къ сожалѣнію, сегодня только!—засмѣялась Эрминія.

— Почему бы не всегда!—вторила ей Марія.

— Сегодня уступаю потому, что силы на вашей сторонѣ,— двое на одного; но погодите, я поправлюсь, увидите тогда; пусть Даумъ придетъ мнѣ на помощь.

— Пойдемъ Эрминія, сегодня онъ неисправимъ; а ты пиши письмо Собольскому.

— Можетъ быть отослать ему книги?—спросилъ Кремпа глядя на жену.

— Неудобно, Геня; ты долженъ самъ ихъ ему отнести.

— Если такъ, то въ другой разъ; теперь я предпочитаю послать письмо.

Кремпа только что собрался сѣсть за писанье, какъ вдругъ въ передней звякнулъ звонокъ.

— Вѣроятно Даумъ,—воскликнулъ онъ, отправляясь отворить дверь и поглядывая на покраснѣвшую Эрминію.

Вслѣдъ за тѣмъ въ передней раздался голосъ Кремпы, зовущаго жену, такъ какъ оказалось, что явилась Эвелина Крюгеръ.

— Какъ хорошо, что ты пришла къ намъ; мы какъ разъ говорили о тебѣ.

Марія представила ей сестру, затѣмъ, когда все общество

усѣлось въ гостиной, она послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ; сказала:

— Мы проектируемъ загородную прогулку, въ Фюрстенгофъ; я думаю и ты поѣдешь съ нами?

— Есть тамъ что нибудь интересное, что бы стоило посмотрѣть?—спросила Эвелина своимъ мелодичнымъ голосомъ.

— Интереснаго? Пожалуй ничего нѣтъ. Обыкновенная подгородная деревня, но все же тамъ свободнѣе, чѣмъ въ городѣ.

— И такъ, ты Эвелина поѣдешь съ нами въ субботу?—спросила Марія.

— Если всѣ согласятся, то я согласна на прогулку.

— И такъ, Геня, напиши сейчасъ Собольскому, а ты Эрминія приготовишь быть можетъ кофе,—распорядилась Марія, правильно предположивъ, что разъ Эвелина пришла, то къ этому есть какой-нибудь поводъ, который та и объяснитъ.

По уходѣ обоихъ, Эвелина спросила:

— Когда возникъ этотъ проектъ?

— Сегодня, это награда Адальберту за экзаменъ.

— Экзаменъ удался?

— Прекрасно. Съ утра Адальбертъ безпокоился и нервничалъ, но въ классѣ отвѣчалъ спокойно и сознательно. Экзаменъ онъ выдержалъ и отецъ предложилъ эту прогулку,

— Въ такомъ случаѣ я ошиблась,—сказала съ радостной улыбкой Эвелина:—мнѣ сначала казалось, что въ этой игрѣ принимаетъ участіе мой братъ.

— Твой братъ? —воскликнула пріятельница удивленно, хотя и поняла сразу значеніе этихъ словъ.

— Да. Представь себѣ: однажды приходитъ къ намъ братъ, тотъ, изъ сберегательной кассы, и чуть не силою убѣждаетъ насъ съ матерью повліять на Собольскаго, въ его политическихъ убѣжденіяхъ. Что бы ты сказала на это, Маня? Ну скажи?

— Не знаю. Я не задумывалась надъ этимъ... но... если бы я чувствовала себя въ силахъ .. кто знаетъ...

— Я не чувствую себя въ силахъ и потому категорически ему отказала. Я давно знаю Собольскаго: онъ дѣйствительно обладаетъ душой артиста, впечатлительностью, благороднымъ характеромъ... Я люблю его; говорю это откровенно, хотя и вижу твою улыбку, но только люблю и уважаю... Я не хотѣла вмѣшиваться въ политику, но братъ такъ меня уговаривалъ, просилъ, наконецъ заклиналъ, что я пообѣщала.

— Что?

— Поговорить съ Собольскимъ по поводу выборовъ въ сеймъ.

Я полагала, что эта прогулка и устроена съ этой цѣлью. Развѣ нѣтъ?

— Отчасти твоя правда, потому что и мужъ что-то вспоминалъ объ этомъ...

Въ передней снова раздался звонокъ. Спустя минуту вошелъ Даумъ; какъ всегда самоувѣренный, улыбающійся свѣжій, онъ искалъ взглядомъ Эрминію, чтобъ оправдаться въ своемъ отсутствіи въ этотъ день въ паркѣ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій онъ отвѣчалъ на предложеніе участвовать въ прогулкѣ:

— Согласенъ. Поѣдемъ и будемъ свидѣтелями поимки сатира Діаною.

Марія и Кремпа засмѣялись, а Эвелина, недовольная, сухо отвѣтила:

— Миѳологическія сравненія теперь устарѣли.

— Какъ для кого,—засмѣялся докторъ.

— Можетъ быть вы и придерживаетесь ихъ, потому что кто такъ часто посѣщаетъ паркъ со статуями нимфъ и дріадъ, тотъ долженъ помнить миѳологію.

Лишь легкое облачко, пробѣжавшее по лицу Даума, выдало его безпокойство, но, не теряя присутствія духа, онъ продолжалъ:

— Подчиняясь вамъ, я оставляю миѳологію и говорю теперь искренно, какъ нѣмецъ нѣмкѣ, что вы осчастливите всѣхъ насъ своей побѣдой надъ этимъ силезцемъ.

— Побѣда для меня не имѣетъ такого значенія,—отвѣчала она сердито—и затѣмъ я не понимаю, почему вы говорите во множественномъ числѣ.

Докторъ, пріученный къ постояннымъ уступкамъ со стороны дамъ и дѣвицъ, посмотрѣлъ на нее враждебно и гордо проговорилъ:

— Я имѣю честь принадлежать, вмѣстѣ съ вашимъ братомъ, къ совѣту банка и къ обществу старонѣмцевъ, имѣющему своею цѣлью защиту нашего патріотизма. Онъ сообщилъ мнѣ свои надежды, и потому я употребилъ слово „насъ". Я полагаю, что вы раздѣляете убѣжденія вашего брата и наши.

Эвелина съ легкимъ удивленіемъ взглянула на окружающихъ и, воспользовавшись появленіемъ Эрминіи, хотѣла перемѣнить разговоръ. Однако Даумъ рѣшилъ, повидимому, во что бы то ни стало добиться опредѣленнаго отвѣта и потому повторилъ свой вопросъ:

— Неужели же я ошибаюсь на этотъ счетъ?

— Я готовилась быть артисткой, а въ искусствѣ имѣетъ

цѣну только индивидуализмъ. Съ политикой я не знакома и не понимаю ея, но всегда буду защищать одиночекъ отъ нападокъ большинства.

— Что, что,—воскликнулъ докторъ недовѣрчиво.—Теперь я уже не понимаю васъ.

— А вѣдь это такъ ясно... Я не понимаю, почему на свѣтѣ могутъ жить только орлы, и какая цѣль передѣлывать голубей, соловьевъ, ласточекъ,—въ орловъ...

— Но вѣдь это неслыхано! Господинъ Кремпа, вы слышали?—воскликнулъ Даумъ съ негодованіемъ.

— До извѣстной степени я соглашаюсь съ Эвелиной,—отозвалась Марія.

— Я зналъ это—проговорилъ докторъ обиженно.

— Я на сторонѣ доктора,—сказала Эрминія,—потому что „comparaison ce n'est pas raison“; птицы одно, а люди другое.

— Я аппелирую къ доктору какъ натуралисту,—воскликнула Эвелина.—Развѣ въ природѣ человѣкъ не представляетъ собою одну изъ ступеней развитія, точно такъ же какъ и птицы?

— Въ этомъ вы правы,—отвѣчалъ тотъ серьезно,—но это обстоятельство не мѣняетъ положенія дѣла. Что же вы скажете на это, господинъ Кремпа?

— Ваша противница сама созналась, что не понимаетъ политики... поэтому лучше всего прервать споръ. Идемте докторъ, покуримъ. А что же кофе?

Эрминія поднялась и вышла изъ комнаты. Эвелина, видя какое впечатлѣніе произвели ея слова, поняла, что для Бытома она слишкомъ далеко зашла со своимъ либерализмомъ поэтому, пользуясь отсутствіемъ мужчинъ, она заговорила дружелюбно:

— Сегодня я нервничаю, а докторъ еще раздражалъ меня; я и поддалась нервамъ.

— Значитъ это не твои убѣжденія?—спросила Марія.

— Отчасти да... но какъ нѣмка я понимаю исключительность нашего положенія здѣсь, на границѣ, и не была бы нѣмкой, если бы отказала въ своемъ содѣйствіи.

Послѣднія слова она проговорила громче, какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ входили мужчины, и Даумъ, подхвативъ послѣднюю фразу, спросилъ:

— „Если бы отказала въ содѣйствіи“; въ чемъ это.

— Эвелина только что сообщила мнѣ,—объяснила, Марія,—что понимая наше исключительное положеніе на границѣ, будетъ намъ содѣйствовать.

— Вотъ это я понимаю!—воскликнулъ докторъ радостно.—

Тамъ, въ глубинѣ Германіи, мы можемъ быть свободомыслящи, гуманны и терпимы, но не здѣсь, гдѣ изъ-подъ нашихъ ногъ вытаскиваютъ землю споконъ вѣку намъ принадлежащую.

— Итакъ на чемъ же порѣшимъ? Ѣдемъ всѣ вмѣстѣ, въ субботу?—спросилъ Кремпа.

— Разумѣется—отвѣчалъ Даумъ улыбаясь.—Только выгоните силезскаго кабана изъ его берлоги!

Пер. **И. Леонтьева.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Гоголь въ его письмахъ.

(*Окончаніе*).

Съ 1843 года начинается душевная трагедія нашего писателя, которая находитъ себѣ все болѣе и болѣе яркое выраженіе въ его письмахъ. Въ ту раннюю пору, когда Гоголь еще не отдавалъ себѣ отчета въ „смутныхъ влеченіяхъ чего-то жаждавшей души", онъ является передъ нами бодрымъ, спокойнымъ, жизнерадостнымъ, полнымъ того веселаго, задорнаго юмора, который такъ и брызжетъ въ каждомъ его словѣ, въ каждой написанной имъ строкѣ. Но мало по малу этотъ простодушно-веселый взглядъ на жизнь начинаетъ подмѣчать ея трагическія мелочи; беззаботный смѣхъ, сразу обрываясь, разрѣшается рѣзкимъ диссонансомъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!" Въ душѣ поднимается неясное, но уже тревожное чувство; въ нее уже запало горькое сѣмя сомнѣнія,—ничтожной, незамѣтной песчинкой, которая скоро укоренится и принесетъ свой плодъ. „Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о своемъ будущемъ, говоритъ онъ въ „Авторской Исповѣди",—мысль о писательствѣ мнѣ никогда не ходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра... Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. *На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой*... Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, *зачѣмъ это, для чего*, и кому отъ этого выйдетъ какая польза"...

Скоро, однако, дѣло мѣняется. „Необъяснимая тоска" Гоголя начинаетъ проясняться: это—тоска по идеаламъ, поруганнымъ окружающею дѣйствительностью, затоптаннымъ въ грязь; это—страданіе при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства,

оскорбляемаго, умышленно или не умышленно, но постоянно. Все яснѣе и яснѣе видятъ „зоркія очи“ геніальнаго художника „бичъ и посмѣянье вѣка, безсилье правъ, тирановъ притѣсненье, обиду гордаго, забытую любовь, презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ“; писатель „заболѣваетъ бѣдностью нашей жизни и нашимъ грустнымъ несовершенствомъ“. Роковой тѣнью, какъ призракъ отца передъ несчастнымъ датскимъ принцемъ, является передъ нимъ оскорбленное грязью и пошлостью жизни человѣческое достоинство и повелительно взываетъ: „Помни обо мнѣ!“ Это видѣніе манитъ его съ собой, вѣщаетъ ему свои ужасныя откровенія, открывая ему глаза на то, чего онъ до тѣхъ поръ не замѣчалъ,—и сквозь смѣхъ, который еще никогда не проявлялся у поэта съ такой силой, начинаютъ слышаться „незримыя міру слезы“... „Я самъ почувствовалъ, говоритъ Гоголь, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами“...

„Боже, какъ грустна наша Россія!“ воскликнулъ однажды, слушая чтеніе Гоголя, Пушкинъ. Это восклицаніе поэта, бывшаго десятью годами старше и уже много успѣвшаго выстрадать въ своей жизни, такъ же глубоко запало въ душу беззаботнаго до тѣхъ поръ Гоголя, какъ завѣщаніе отца — въ душу Гамлета. „Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно“, говоритъ онъ,—и отзвуки этого воспоминанія все чаще и чаще слышатся въ его произведеніяхъ. Припомните, напр., того молодого человѣка въ повѣсти „Шинель“, который, вспоминая продѣлки чиновниковъ надъ бѣднымъ Акакіемъ Акакіевичемъ, „много разъ содрогался потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и — Боже!—даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ“. Припомните отчаянный крикъ сумасшедшаго: „Боже, что они дѣлаютъ со мной! Они не внимаютъ, не видятъ, не слушаютъ меня!... Спасите меня! возьмите меня! Далѣе, далѣе, чтобъ не видно было ничего, ничего... Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонятъ!“... Не слышится ли въ этомъ воплѣ наболѣвшей души отчаяніе гонимаго идеализма самого автора, который не находитъ себѣ мѣста на родинѣ и подъ градомъ обвиненій, вызванныхъ первымъ представленіемъ „Ревизора“, бѣжитъ „далѣе, далѣе, чтобъ не видно было ничего, ничего?“...

Память о Пушкинѣ и слѣды его вліянія остались у Гоголя на всю жизнь. Работая надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“, онъ по-прежнему почти всегда имѣлъ передъ глазами обликъ своего великаго вдохновителя. Пушкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ разъяснять ему смыслъ русской жизни и поддерживать въ его душѣ священный огонь, дающій силы на борьбу съ порокомъ и неправдой. Въ числѣ друзей Гоголя были

люди гуманные, добрые, благородные, какъ напр. Жуковскій или Плетнёвъ; но всѣ они были—„примиренные". Одинъ только Пушкинъ, въ силу своей натуры, не въ состояніи былъ помириться съ тогдашней дѣйствительностью, склонить передъ нею свою непоклонливую голову,—и она сжила его со свѣта... Память о немъ мучительно отзывалась въ сердцѣ Гоголя, и все чаще и чаще нападала на него безотрадная грусть, которую онъ старался заглушать лирическими изліяніями, полными какого-то напряженнаго паѳоса. Эта грусть становится теперь преобладающимъ элементомъ гоголевскаго юмора, его основной нотой; поэтъ все яснѣе сознаетъ, что „изображая современность, нельзя находиться въ высоко-настроенномъ и спокойномъ состояніи", потому что эта современность стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ самыми скромными требованіями человѣческаго достоинства, чести и справедливости. Всматриваясь въ Россію изъ своего „прекраснаго далека", гдѣ онъ, по его собственному признанію, только и могъ себѣ представить ея цѣльный образъ, Гоголь видитъ передъ собою страшную, безотрадную картину, отъ которой сжимается его сердце и теряется умъ. Художественное чувство подсказываетъ ему страшную правду, а робкая мысль, не привыкшая къ свободному полету, отказывается ей вѣрить и итти за нею... Онъ возвращается въ Россію съ первымъ томомъ своей поэмы, въ надеждѣ, быть можетъ, найти новый матеріалъ для менѣе безотраднаго продолженія; но родныя впечатлѣнія и на этотъ разъ не щадятъ его, и снова, какъ послѣ „Ревизора", приходится ему бѣжать,—„искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ". И снова становится онъ жертвой страшнаго душевнаго разлада съ самимъ собою, сомнѣній, колебаній; онъ—„голубь мужествомъ, въ немъ нѣтъ желчи", онъ не въ силахъ рѣшиться выбрать себѣ опредѣленный путь... Душевныя невзгоды еще осложняются матеріальными затрудненіями,—и все это вмѣстѣ болѣзненно и тяжело отзывается и на физическомъ, и на нравственномъ его состояніи. Религіозное чувство, которое у Гоголя всегда было довольно сильно, а теперь, подъ вліяніемъ гнетущей его тоски, стало проявляться съ особенной напряженностью, влечетъ его въ сторону благочестивыхъ размышленій о христіанскомъ незлобіи и смиреніи; а настроеніе, преобладающее среди его ближайшихъ друзей,—у Жуковскаго, Иванова, Смирновой, у католическихъ патеровъ, съ которыми онъ сходился въ Римѣ, и др.,—можетъ только поощрять въ немъ развитіе врожденной склонности въ піетизму. Къ этому источнику обращается онъ теперь въ надеждѣ найти утѣшеніе, въ которомъ онъ такъ нуждается,—и иногда находитъ искомое. „Я свѣжъ и бодръ", пишетъ онъ, напр., изъ Рима Н. Н. Шереметевой (6 февр. 1843): „часто душа моя такъ бываетъ тверда, что кажется, никакія огорченія не въ силахъ сокрушить меня. Да есть ли огорченія въ свѣтѣ? Мы ихъ назвали огорченіями, тогда какъ они суть великія блага и глубокія счастья, ниспосылаемыя человѣку. Они—

хранители наши и спасители души нашей. Чѣмъ глубже взгляну на жизнь свою и на всѣ доселѣ ниспосылаемые мнѣ случаи, тѣмъ глубже вижу чудное участіе высшихъ силъ во всемъ, что ни касается меня, и недостаетъ у меня ни слезъ, ни молитвъ для изліянія душевныхъ моихъ благодареній!“ Въ письмѣ къ Данилевскому, около того же времени, читаемъ: „Вездѣ, во всякомъ мѣстѣ и углѣ міра,... можетъ настигнуть тебя тяжелая, можетъ быть даже жестокая тоска, и никакихъ нѣтъ спасеній отъ нея. И это есть глубокое доказательство того, что въ душу твою вложены тайныя стремленія къ чему-нибудь, что безпокойно мечутся силы, не слышащія и не узнающія назначенія своего, безъ сомнѣнія,—не пустого и ничтожнаго. Иначе тебя бы удовлетворила или по крайней мѣрѣ усыпила праздная и однообразная жизнь, бредущая шагъ за шагомъ. Но удовлетворенья нѣтъ тебѣ, и ничѣмъ, никакими обезпеченьями и видимыми выгодами жизни не получишь ты его, и не пріобрѣтетъ торжественнаго, свѣтлаго покоя душа твоя. Одинъ только тотъ трудъ, одна только та жизнь, для которой стихіи заключены въ нашей природѣ, — та только жизнь въ силахъ насъ наполнить“...

Продолжая работать надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь все больше и больше убѣждаетъ себя, что его литературная задача предуказана ему самимъ Провидѣніемъ. Въ отвѣтъ на „подталкиванья“ друзей, торопившихъ его печатать второй томъ, онъ просто выходитъ изъ себя и сердится даже на тѣхъ, кто случайно и вскользь спрашиваетъ объ этомъ,—„точно „Мертвыя Души“—блинъ, который можно испечь!... Загляни въ жизнеописаніе сколько-нибудь знаменитаго автора или даже хотя замѣчательнаго: что ему стоила большая обдуманная вещь, которой онъ отдалъ всего себя, и сколько времени заняла? Отъ меня менѣе всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь меня знаетъ,—во-первыхъ, уже потому, что я терпѣливѣе, склоненъ къ строгому обдумыванью, и притомъ еще во многомъ терплю всякія помѣшательства отъ всякихъ болѣзненныхъ припадковъ... А что публика желаетъ и требуетъ 2-го тома,—это не резонъ: публика можетъ быть умна и справедлива, когда имѣетъ уже въ рукахъ, что надобно разсудить и надъ чѣмъ поумничать; а въ желаніяхъ публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною, минутною потребностью. Да и почему знаетъ она, что такое будетъ во 2-мъ томѣ? можетъ быть,—то, о чемъ даже ей не слѣдуетъ и знать, и читать въ теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2-го тома“...

„Сочиненіе мое гораздо важнѣе и значительнѣе, чѣмъ можно предполагать по его началу“, пишетъ Гоголь Шевыреву. „И если надъ первою частью, которая огляпула едва десятую долю того, что должна огляпуть вторая часть, просидѣлъ я почти пять лѣтъ,... разсуди самъ, сколько долженъ просидѣть я надъ второй. Это правда, что я могу теперь работать увѣреннѣе, тверже, осмотрительнѣе, благодаря тѣмъ *подвигамъ, которые я предпри-*

нимаяъ въ воспитанію моему... Никто не зналъ, для чего я производилъ передѣлки моихъ прежнихъ пьесъ, тогда какъ я производилъ ихъ, основываясь на разумѣньи самого себя, на устройствѣ головы своей. Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навыкнуть производить плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполнѣ ясное и совершенное въ высокой трезвости духа. Послѣ сихъ и другихъ подвиговъ, предпринятыхъ во глубинѣ души, я, разумѣется, могу теперь двигать работу далеко успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ прежде; но нужно знать и то, что горизонтъ мой сталъ чрезъ то необходимо шире и пространнѣе,—что мнѣ теперь нужно обхватить болѣе того, что вѣрно бы не вошло прежде... И хотя я чувствую, что появленіе второго тома было бы свѣтло и слишкомъ выгодно для меня, но въ то же время, проникнувши глубже въ ходъ всего текущаго передъ глазами, вижу, что все, и самая ненависть, есть благо. И никогда нельзя придумать человѣку умнѣй того, что совершается свыше и чего иногда въ слѣпотѣ своей мы не можемъ видѣть..." Заботясь о воспитаніи въ себѣ „внутренняго человѣка" и желая для этой цѣли, а также—для безпрепятственнаго занятія „Мертвыми Душами", освободиться на время отъ всякихъ матеріальныхъ и житейскихъ попеченій, онъ предлагаетъ своимъ московскимъ друзьямъ, — Погодину, Шевыреву и Аксакову,—взять на себя его практическія дѣла на три года. „Распорядитесь такъ, чтобъ я получалъ по шести тысячъ въ продолженіе трехъ лѣтъ всякій годъ. Это—самая строгая смѣта; я бы могъ издерживать и меньше, если бы оставался на мѣстѣ; но путешествіе и перемѣны мѣстъ мнѣ такъ же необходимы, какъ насущный хлѣбъ. Голова моя такъ странно устроена, что иногда мнѣ вдругъ нужно пронестись нѣсколько сотъ верстъ и пролетѣть разстояніе для того, чтобы мѣнять одно впечатлѣніе другимъ, уяснить духовный взоръ и быть въ силахъ обхватить и обратить въ одно то, что мнѣ нужно. Я уже не говорю, что изъ каждаго угла Европы взоръ мой видитъ новыя стороны Россіи, и что въ полный обхватъ ее обнять я могу только, можетъ быть, тогда, когда огляну всю Европу. Поѣздка въ Англію будетъ слишкомъ необходима мнѣ, хотя внутренно я не лежу къ тому и хотя не знаю еще, будутъ ли на то какія средства"...

Взглядъ Гоголя на главное свое созданіе, какъ на подвигъ всей своей жизни, становится съ теченіемъ времени все болѣе глубокимъ и серьезнымъ. Въ письмѣ къ Плетневу отъ 6 октября 1843 г. онъ говоритъ, что первый томъ „Мертвыхъ Душъ", „со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными", стоилъ почти пятилѣтней работы,—стало быть, можетъ назваться вполнѣ выработаннымъ кровью и потомъ. „Я знаю", продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ,—„что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣе; но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненья мои такъ тѣсно связаны съ духовнымъ образованіемъ меня самого,

и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее, сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ новыхъ сочиненій...“ Два мѣсяца спустя, Гоголь сообщаетъ Жуковскому о томъ, что онъ продолжаетъ „набрасывать на бумагу хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе „Мертвыхъ Душъ“. Трудъ и терпѣніе, и даже приневоливаніе себя, награждаютъ меня много“,—прибавляетъ онъ: „такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа, и многое въ мірѣ становится послѣ этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного въ наукѣ созданія, становишься въ нѣсколько кратъ доступнѣе къ прозрѣнью великихъ тайнъ Божьяго созданія и видишь, что чѣмъ дальше уйдетъ и углубится во что-либо человѣкъ, кончитъ все тѣмъ же: одною полною и благодарною молитвою“... Покойный Н. С. Тихонравовъ считалъ съ этого времени „поворотный пунктъ“ въ исторіи созданія второго тома „Мертвыхъ Душъ“. Первый періодъ въ исторіи этого тома завершился осужденіемъ всего, уже написаннаго Гоголемъ съ 1840 до начала октября 1843 г., когда Гоголь, повидимому, убѣдился, что онъ, вопреки своему художественному чувству, навязываетъ себѣ созданіе типовъ идеально-добродѣтельныхъ русскихъ людей, и тщетно мучится надъ ними, потому что русская жизнь не даетъ ему для этого никакой реальной основы, а творить изъ ничего можетъ одинъ только Богъ. Художественная натура писателя возмутилась этой фальшью выдуманной задачи,—и написанные листы „Мертвыхъ Душъ“ полетѣли въ печку... Но тутъ же, такъ сказать,—въ слѣдующую же минуту, поэтъ опять принимается насиловать свое дарованіе, вымучивая изъ своего воображенія безжизненные образы... Эти мученья, въ связи съ постояннымъ физическимъ недомоганіемъ Гоголя и разными непріятностями и тревогами, дѣлаютъ для него конецъ 1843 и первую половину 1844 г. очень тяжелымъ временемъ. Его мистическое настроеніе все болѣе усиливается; въ его письмахъ уже нерѣдко можно встрѣтить тѣ благочестивыя фразы и нападки на суетность и напрасную гордость жалкаго человѣческаго ума, которыми впослѣдствіи будетъ переполнена „Переписка съ друзьями“: „Умъ нашъ - дрянь и не въ силахъ даже оцѣнить и постигнуть подобнаго намъ человѣка, и этой ли дрянью, этимъ ли глупымъ умишкомъ проразумѣть что-либо не подлежащее уму?“ Ему хотѣлось бы на время уединиться, сосредоточиться въ самомъ себѣ: „Нужно прожить долгою погруженною глубоко въ себя жизнью,—тамъ обрѣтешь всему разрѣшеніе. Свѣта никогда не узнаешь, толкаясь между людьми. На свѣтъ нужно всмотрѣться только вначалѣ, чтобы пріобрѣсть заглавіе той матеріи, которую слѣдуетъ узнавать внутри души своей. Это подтвердятъ многіе святые молчальники, которые говорятъ согласно, что поживши такою жизнью, читаешь на лицѣ всякаго человѣка сокровенныя его мысли, хотя бы онъ и скрывалъ ихъ всячески. Нѣсколько я испыталъ это даже на себѣ, хотя жизнь

мою можно назвать развѣ каррикатурой на такую жизнь. Но вкусивши одну крупицу такой жизни, я уже вижу яснѣй; и глазъ, и умъ мой прояснился болѣе...“

Мистическое настроеніе, овладѣвшее Гоголемъ въ это время, особенно сильно проявляется въ письмахъ его къ Языкову и къ Жуковскому: съ этими двумя своими корреспондентами нашъ писатель особенно любилъ дѣлиться своими новыми мыслями, находя со стороны того и другого сочувственный отголосокъ. Языковъ въ эту пору уже страдалъ отъ спинной сухотки, которая скоро и свела его въ могилу, а Жуковскій, съ давняго времени отличавшійся религіознымъ настроеніемъ, все болѣе погружался въ нѣмецкій піетизмъ. Нельзя не замѣтить, что въ письмахъ къ этимъ своимъ друзьямъ Гоголь мастерски умѣетъ усвоить манеру, отвѣчающую ихъ собственнымъ настроеніямъ: къ Языкову онъ обращается какъ утѣшитель и учитель, наставляющій разслабленнаго физически и умственно человѣка на новомъ пути; къ Жуковскому относится скорѣе какъ ученикъ, развивающій данныя учителемъ темы. Впрочемъ, и въ перепискѣ съ другими своими корреспондентами Гоголь все чаще и чаще начинаетъ обращаться къ вопросамъ духовнымъ. Такъ, С. Т. Аксакову онъ посылаетъ изъ Ниццы „Подражаніе Христу“ Ѳомы Кемпійскаго, съ совѣтомъ читать каждый день по одной главѣ и по прочтеніи предаваться размышленію о прочитанномъ. Ту же книжку посылаетъ онъ Шевыреву, Погодину и Языкову, съ такимъ же „рецептомъ“ ея употребленія. Языкову же онъ пишетъ обширное письмо съ наставленіями о молитвѣ, включенное впослѣдствіи въ „Переписку съ друзьями“ (15 февр. 1884). Проповѣдуя христіанское смиреніе и богомысліе, онъ обращается къ друзьямъ съ просьбой оставить въ отношеніи къ нему всякую осторожность въ выраженіяхъ и „рубить прямо съ плеча“ правду, хотя бы самую для него непріятную. „Ведите обо мнѣ коротенькую записку; при всякомъ случаѣ, когда случится вспомнить обо мнѣ, отмѣтьте тутъ же, въ короткихъ словахъ, всякую пробѣжавшую мысль. Почти такимъ образомъ, въ видѣ дневника: день, мѣсяцъ и число. „Сегодня ты мнѣ представился вотъ въ какомъ видѣ“; день, мѣсяцъ и число. „Въ твоемъ характерѣ или поступкѣ вотъ что казалось мнѣ неизъяснимымъ“, и проч. Когда наберется хоть полъ-листа почтовой бумаги, отправьте мнѣ при письмѣ вашемъ. Помогите мнѣ теперь, а я, какъ состроюсь и сдѣлаюсь умнѣй, помогу вамъ“...

И въ то же время, усиленно работая надъ „самовоспитаніемъ“ съ помощью разныхъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, которыя становятся теперь любимымъ его чтеніемъ, Гоголь отвѣчая Аксакову, рѣшительно возстаетъ противъ упрековъ въ мистицизмѣ. „Моя природа, говоритъ онъ, совсѣмъ не мистическая. Недоразумѣнія произошли оттого, что я слишкомъ рано вздумалъ было говорить о томъ, что слишкомъ ясно было мнѣ и чего я не въ силахъ былъ выразить глупыми и темными рѣчами... Но внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положе-

ніяхъ. Съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое и если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное,—не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: „объяснится потомъ! потомъ! шелъ далѣе своей дорогой; и точно, Богъ помогалъ мнѣ, и все потомъ объяснялось само собой. И теперь я могу сказать, что въ существѣ своемъ все тотъ же, хотя, можетъ быть, избавился только отъ многаго, мѣшавшаго мнѣ на моемъ пути"... Гоголь просилъ не судить о немъ, какъ о человѣкѣ, по его прежнимъ сочиненіямъ,—хотя въ нихъ и есть „хвостики" его душевныхъ состояній,—и можетъ быть, уже въ это время замышлялъ дать публикѣ такое сочиненіе, которое раскрыло бы передъ всѣми его душу. Хотѣлъ ли онъ это сдѣлать вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ" или „Переписки",—рѣшить, конечно, трудно; но, все-таки, надо помнить, что въ эту послѣднюю книгу вошло многое изъ писемъ 1844 и даже 1843 года. Что касается „Мертвыхъ Душъ", то новая работа надъ вторымъ томомъ, послѣ сожженія написаннаго до конца 1848 г., подвигалась впередъ очень медленно и мучительно для Гоголя; принуждая себя къ этому труду и стараясь убѣдить себя, что этимъ онъ исполняетъ свое высшее предназначеніе, онъ въ то же время не могъ побѣдить своей художественной натуры, которая возставала противъ безжизненности придуманныхъ имъ образовъ и положеній, — и временами доходилъ чуть не до отчаянія: „Вновь нашло на меня безблагодатное состояніе, говоритъ онъ,—изгрызалось перо, раздражались нервы и силы, и ничего не выходило; я думалъ, что уже способность писать просто отнялась отъ меня"... Въ октябрѣ 1844 г. онъ обращается къ Н. Н. Шереметевой съ просьбой помолиться о немъ „сильно и слезно",—помолиться о томъ, чтобы Богъ ниспослалъ освѣженье его силамъ и „святое вдохновенье на то, чтобы совершить предположенный трудъ такимъ образомъ, чтобы онъ доставилъ не минутное удовольствіе нѣкоторымъ, но душевное удовольствіе многимъ, и чтобы всѣхъ равно болѣе приближалъ къ тому, къ чему мы всѣ ежеминутно должны болѣе и болѣе приближаться, то есть,—къ Нему самому, небесному Творцу нашему"...

Между тѣмъ, въ Россіи,—и не только въ столицахъ, но даже и въ провинціи, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали продолженія „Мертвыхъ Душъ", и о литературной дѣятельности Гоголя начали распространяться разные слухи, иногда довольно фантастическіе, которые доходили и до него и обыкновенно его раздражали. Въ письмахъ его къ матери мы нѣсколько разъ встрѣчаемся съ предостереженіями и просьбами не вѣрить подобнымъ слухамъ, а пуще всего—ихъ не распускать, къ чему, повидимому, иногда проявлялась склонность у матери писателя, любившей поговорить о своемъ сынѣ въ преувеличенномъ тонѣ. Однажды даже Языковъ, вообще достаточно посвященный въ дѣла и занятія своего друга,

обратился къ нему съ вопросомъ: „Говорятъ, что у тебя уже готовы еще двѣ части „Мертвыхъ Душъ" и что сверхъ того ты написалъ „Записки русскаго генерала въ Римѣ". Этотъ слухъ о дневникѣ генерала распространился и въ провинціи, причемъ увѣряли, что это—самое комическое изъ всѣхъ произведеній Гоголя. Гоголь отвѣчалъ на это: „Прекрасные слухи, которые носятся о моемъ написаніи множества произведеній, кажется, сродни тѣмъ самымъ, которые носились и въ прошломъ году о чтеніяхъ моихъ изъ второго тома, гдѣ находится остроумное сравненіе Петербурга съ Москвою, о которомъ мнѣ и въ мысль не приходило. Я бы душевно желалъ, чтобы нынѣшніе слухи были справедливы хоть въ половину. О запискахъ генерала въ Римѣ я и не грезилъ даже, хотя нахожу, что мысль недурна. Я подозрѣваю, что въ Москвѣ есть одинъ какой-нибудь этакой портной, который шьетъ самъ на всю Москву,—благо, есть дураки которые ему заказываютъ"...

Поселившись съ декабря 1843 г. на зиму въ Ниццѣ, Гоголь находитъ здѣсь самое пріятное для себя общество въ лицѣ его свѣтскихъ поклонницъ: А. О. Смирновой, С. М. Соллогубъ, сестеръ Віельгорскихъ. Всѣ эти дамы становятся теперь для него самыми близкими и дорогими людьми, такъ какъ его мистическое настроеніе находитъ съ ихъ стороны самый сочувственный откликъ. Смирнову, напр., онъ заставляетъ учить наизусть псалмы, — и та послушно исполняетъ его желаніе. Послѣ разлуки, въ мартѣ 1844 г., Гоголь часто пишетъ ей длинныя письма, наполненныя общими разсужденіями о нравственномъ самосовершенствованіи; оба они даютъ другъ другу подробные отчеты обо всемъ, касающемся ихъ духовной жизни. По просьбѣ Смирновой, Гоголь обращается также съ наставленіями и къ г-жѣ Соллогубъ, къ В. А. Перовскому, Юрію Самарину, — и вообще, все больше осваивается съ новою для него ролью проповѣдника. Лѣтомъ Смирнова возвращается въ Россію, а Гоголь и Віельгорскіе не разъ встрѣчаются въ разныхъ заграничныхъ городахъ и снова разстаются, пока Гоголь не устраивается на зиму во Франкфуртѣ у Жуковскаго. Такимъ образомъ, нашъ писатель весь этотъ годъ проводитъ въ родственной ему религіозно-мистической атмосферѣ и все болѣе и болѣе погружается въ то особое міросозерцаніе, выраженіемъ котораго явилась впослѣдствіи извѣстная его книга.

Между тѣмъ, это новое его состояніе начинало безпокоить нѣкоторыхъ изъ его петербургскихъ друзей, и одинъ изъ нихъ, очень мягкій и всегда сдержанный въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, — Плетневъ, даже рѣшился однажды измѣнить своему обычному тону и написать, въ отвѣтъ на мистическія изліянія Гоголя, довольно рѣзкую отповѣдь. Въ особенности сильно нападалъ Плетневъ на московскихъ друзей Гоголя и на характеръ ихъ отношеній къ нему. Не стѣсняясь въ выраженіяхъ, Плетневъ называлъ этихъ московскихъ друзей Гоголя „раскольниками", которые, по его словамъ, „обрадовались, что удалось имъ гениаль-

наго человѣка, напоивъ его до-пьяна въ великой своей харчевнѣ настоемъ лести, пріобщить въ своему скиту. Они—не только раскольники, ненавидящіе истину и просвѣщеніе, но и промышленники, погрязшіе въ постройкѣ домовъ, въ покупкахъ деревень и въ разведеніи садовъ", и проч. „Имъ-то вѣруешь ты, судя обо всемъ по фразамъ, а не по жизни и не по дѣйствіямъ. На нихъ-то смѣнилъ ты меня, когда вмѣсто безмолвнаго участія и чистой любви раздались около тебя высокопарныя восклицанія и приторныя публикаціи. Ко мнѣ заѣзжалъ ты какъ на станцію, а къ нимъ—какъ въ свой домъ... Что такое ты? Какъ человѣкъ, существо скрытное, эгоистическое, надменное, недовѣрчивое и всѣмъ жертвующее для славы... Ты—только геній-самоучка, поражающій творчествомъ своимъ и заставляющій жалѣть о своей безграмотности и невѣжествѣ въ области искусства", и т. д.

Къ этому надо прибавить, что Плетневъ и раньше,—напр., въ перепискѣ съ Гротомъ, высказывалъ о Гоголѣ подобныя же мнѣнія: „Талантъ Гоголя удивителенъ",—читаемъ, напр., въ одномъ изъ писемъ 1842 г.,—„но его заносчивость, самонадѣянность и самопоклоненіе бросаютъ ненужную тѣнь на его характеръ". Притомъ, и направленію Гоголя Плетневъ также не вполнѣ сочувствовалъ: онъ соглашался съ мнѣніемъ Грота, что въ „Мертвыхъ Душахъ" многое „грязненько" и вообще находилъ страннымъ, что новые наши писатели, „стремясь превознести русскій народъ, ни о чемъ не разсказываютъ, кромѣ его глупостей и мерзостей". Извѣстно, что Плетневъ очень недружелюбно относился и къ Бѣлинскому, бывшему восторженнымъ поклонникомъ Гоголя.

Гоголь оправдывался, говоря, что вовсе не до такой степени любитъ еиміамъ, какъ думаетъ объ этомъ его другъ: „И въ то время, когда авторская слава меня шевелила гораздо болѣе, чѣмъ теперь, я находился въ чаду только первые дни по выходѣ моей книги, но потомъ чрезъ нѣсколько времени я уже чувствовалъ отвращеніе къ моему собственному созданію, и недостатки его обнаруживались предо мною сами во всей ихъ наготѣ. Я даже думаю, что ты составилъ обо мнѣ такое мнѣніе по незнанію души человѣческой, а на кое-какихъ моихъ наружныхъ поступкахъ, непріятныхъ ухваткахъ и, наконецъ, неумѣстныхъ и напыщенныхъ мѣстахъ моихъ сочиненій, которыя вслѣдствіе безсилія изобразить полноту моихъ мыслей получили еще болѣе какое-то самоувѣренное выраженіе..." Очевидно, подъ вліяніемъ все того же рѣзкаго письма Плетнева, онъ писалъ и Шевыреву, сознаваясь, что никогда не могъ говорить о себѣ откровенно: „Въ словахъ моихъ, равно какъ и въ сочиненіяхъ, существовала всегда странная неточность. Почти всякимъ откровеннымъ словомъ я производилъ недоразумѣніе, и всякій разъ раскаивался въ томъ, что раскрывалъ ротъ. Я самъ уже начиналъ чувствовать въ себѣ то, что чувствуетъ всякій человѣкъ, не получившій полнаго и совершеннаго воспитанія, именно,—что мнѣ недоставало такта и

середины въ словахъ. Я чувствовалъ самъ, что въ каждомъ словѣ моемъ отзывается или что-то весьма похожее на высокомѣріе (котораго на самомъ дѣлѣ у меня не было въ такой сильной степени, какъ казалось), или же—смиреніе, которое показалось тоже всѣмъ излишнимъ и выисканнымъ и котораго, впрочемъ, тоже у меня было не много...“

Эти самообличенія Гоголя необходимо, однако, принимать съ нѣкоторой поправкой. Не то, чтобы мы имѣли основаніе сомнѣваться въ ихъ искренности; но самое отношеніе его къ тѣмъ друзьямъ, передъ которыми онъ такъ исповѣдывался, имѣло нѣсколько дѣланный характеръ. Вотъ что говоритъ онъ о нихъ въ большомъ письмѣ къ Смирновой, въ самомъ концѣ 1844 года: „Мои прежніе пріятели... всѣ познакомились со мной тогда, когда я былъ инымъ человѣкомъ, и даже и тогда знали меня плохо. Въ пріѣздъ мой въ Россію они встрѣтили меня съ разверстыми объятіями. Всякій изъ нихъ, занятый литературнымъ дѣломъ,—кто журналомъ, кто пристрастясь къ одной какой-нибудь любимой идеѣ и, встрѣтивъ въ другихъ противниковъ своему мнѣнію, ждалъ меня въ увѣренности, что я раздѣлю его мысли, поддержу, защищу его противъ другихъ, считая это первымъ условіемъ и актомъ дружбы, не подозрѣвая, что требованія были даже безчеловѣчны. Жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во-первыхъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мысли; во-вторыхъ, мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддержать бѣдное свое существованіе, и я не могъ пожертвовать имъ моими статьями, помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы, но долженъ былъ ихъ напечатать отдѣльно, какъ новыя и свѣжія, чтобы имѣть доходъ. Всѣ эти бездѣлицы ушли у нихъ изъ виду... Холодность мою къ ихъ литературнымъ интересамъ они почли за холодность къ нимъ самимъ, не призадумавшись составили изъ меня эгоиста, которому общее благо не близко, а дорога только своя литературная слава... *Мнѣ оставалось одно: обвинять до времени себя,* чтобы какъ-нибудь до времени ихъ успокоить...“

При такихъ условіяхъ, отношенія Гоголя къ его „прежнимъ“ друзьямъ, конечно, не могли не становиться все болѣе и болѣе натянутыми; обѣ стороны переставали понимать другъ друга, и Гоголь все тѣснѣе сближался съ Языковымъ, Жуковскимъ, Смирновой и тѣми новыми своими поклонниками и поклонницами, которые поддерживали въ немъ мистическое и проповѣдническое настроеніе. Конечно, не безъ вліянія этихъ новыхъ привязанностей мѣняются теперь и литературныя, и общественныя понятія Гоголя. Въ этомъ отношеніи характерно, что онъ положительно пришелъ въ восторгъ отъ пасквильнаго стихотворенія Языкова „*Къ не-нашимъ*“, обвиняющаго въ измѣнѣ отечеству всѣхъ „несогласномыслящихъ“.—„Самъ Богъ внушилъ тебѣ эти прекрасные и чудные стихи, писалъ онъ Языкову: душа твоя была органъ, а бряцали по немъ другіе персты. Они (стихи) еще лучше са-

ного „Землетрясенья“ и сильнѣй всего, что у насъ было написано доселѣ на Руси“. Выходило, какъ будто Гоголь склоненъ былъ усматривать въ этомъ стихотвореніи какое-то даже неземное вмѣшательство въ полемику между московскими кружками западниковъ и славянофиловъ (послѣдніе, какъ извѣстно, были возмущены выходкой Языкова), и, во всякомъ случаѣ, готовъ былъ поставить произведеніе своего новаго друга выше всей поэзіи Пушкина!..

Между тѣмъ, работа надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“ становится для Гоголя все труднѣе и труднѣе. Его мучитъ и внутренняя неудовлетворенность, отъ которой онъ напрасно ищетъ успокоенія въ религіозно-мистическихъ разсужденіяхъ, и заботы матеріальныя, и, наконецъ, болѣзненное физическое состояніе, которое все усиливается и къ веснѣ 1845 г. становится просто невыносимымъ. Особенно угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ на него зябкость, отъ которой онъ не можетъ избавиться никакими согрѣваніями, никакой теплой одеждой... И вотъ, въ началѣ 1845 г. мы опять встрѣчаемъ въ его перепискѣ жалобы на творческое свое безсиліе. „Богъ отнялъ у меня способность творить. Я мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданіемъ, видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ, и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно. И много, много разъ тоска, и даже чуть не отчаяніе овладѣвали мной отъ этой причины“... Онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что, значитъ, такъ угодно Богу, Который лучше знаетъ, когда возбудить въ человѣкѣ творческую силу; что, вѣрно, онъ самъ еще не готовъ для такихъ произведеній, какія предуказываются ему высшею волею и къ которымъ стремится его душа: „нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу, и не будетъ сильно и свято наше слово, если не освятимъ самыя уста, произносящія слово... Слышу въ себѣ силу—и слышу, что она не можетъ двигнуться безъ воли Божіей“...

Въ это время Гоголь уже задумываетъ поѣздку въ Іерусалимъ, которую ему удалось осуществить только два года спустя. „Молитесь обо мнѣ“, пишетъ онъ Смирновой изъ Франкфурта, 2 апрѣля, „молитесь, чтобы Богъ споспѣшествовалъ моему намѣренію, чтобы укрѣпилъ и послалъ мнѣ возможность изготовить, что долженъ я изготовить до моего отъѣзда и послать къ вамъ, вмѣсто меня, въ Петербургъ. Это будетъ *небольшое произведеніе и не шумное по названію... но нужное для многихъ*, и которое доставитъ мнѣ въ избыткѣ деньги, потребныя для пути. А на осень и зиму чтобы могъ я переѣхать въ Римъ и провести это время плодотворно и какъ нужно душѣ моей; а съ началомъ новаго будущаго года чтобы могъ я изготовиться къ отъѣзду и пріѣхать въ Іерусалимъ къ посту и пасхѣ, послѣ пасхи возвратиться въ Россію. Тогда ступлю я твердою ногой на родную землю, и будетъ въ радость и мнѣ, и вамъ мой возвратъ, и вся-

кому буду тогда, быть можетъ, въ помощь, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, въ какомъ бы званіи ни состоялъ и какое бы мѣсто ни занималъ, и всѣмъ буду родной, и мнѣ всѣ будутъ родные; теперь же, покамѣстъ, и мнѣ всѣ чужіе, и я всѣмъ чужой"...

„Небольшое, но всѣмъ нужное" произведеніе, о которомъ здѣсь говорится, и на которое Гоголь возлагалъ такія надежды и нравственныя и матеріальныя, это—„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями"; надъ составленіемъ этой книжки онъ работалъ уже съ начала 1845 г., и только болѣзнь помѣшала ему приготовить ее къ печати такъ скоро, какъ онъ этого желалъ. Матеріальныя его затрудненія были устранены, благодаря участію Смирновой, которая, черезъ Уварова, выхлопотала у государя для Гоголя пособіе на три года по тысячѣ рублей. Отвѣчая на полученное отъ Уварова извѣщеніе объ этомъ, Гоголь опять упоминаетъ, въ общихъ выраженіяхъ, о задуманной имъ книгѣ: „Клянусь, я не помышлялъ даже просить о чемъ-нибудь у государя! Въ тишинѣ только готовилъ я трудъ, который, точно, былъ бы полезнѣе моимъ соотечественникамъ моихъ прежнихъ мараній, за который и вы сказали бы мнѣ, можетъ быть, спасибо... потому что предметъ его не чуждъ былъ и вашихъ собственныхъ помышленій. Меня утѣшала доселѣ мысль, что государь, которому, какъ я знаю, истинно дорого благо душевное его подданныхъ, сказалъ бы, можетъ быть, обо мнѣ современемъ: „Этотъ человѣкъ умѣлъ быть благодарнымъ и зналъ, чѣмъ высказать мнѣ свою признательность".

Что касается другого, главнаго своего труда,—„Мертвыхъ Душъ", то о немъ Гоголь въ эту пору избѣгаетъ сообщать какія бы то ни было свѣдѣнія. Друзья писателя только впослѣдствіи узнали отъ него, что именно въ это время, когда роковая болѣзнь чуть не заставила его „откланяться", онъ вторично сжегъ всѣ написанные листы второго тома. „Такъ было нужно", объяснялъ онъ этотъ свой поступокъ. „Не легко было сжечь пятилѣтній трудъ, производимый съ такими болѣзненными напряженіями, гдѣ всякая строка досталась потрясеніемъ, гдѣ было много такого, что составляло мои лучшія помышленія и занимало мою душу. Но все было сожжено, и притомъ въ ту минуту, когда, видя передъ собою смерть, мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что-нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее"... Онъ принесъ эту жертву ради „возрожденія" и, едва оправившись отъ болѣзни, въ третій разъ принялся за то же самое дѣло, стоившее стольких мученій. „Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги, ея содержаніе вдругъ воскреснуло въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ, подобно фениксу изъ костра, и я вдругъ увидѣлъ, въ какомъ еще безпорядкѣ было то, что я считалъ уже порядочнымъ и стройнымъ... Бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же, ясно какъ день, путей и дорогъ къ нему для

всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ, а оно должно быть едва ли не главное; а потому онъ и сожженъ... Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое—проще и ближе; дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое—*душа и прочное дѣло жизни*. А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно. Мнѣ незачѣмъ торопиться; пусть ихъ торопятся другіе! Жгу, когда нужно жечь, и, вѣрно, поступаю какъ нужно: потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему... Вѣрю, что если придетъ урочное время,—въ нѣсколько недѣль совершится то, надъ чѣмъ провелъ пять болѣзненныхъ лѣтъ".

Начиная оправляться отъ болѣзни, Гоголь, въ письмѣ къ Смирновой отъ 25 іюля 1845 г., рѣшительно осуждаетъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ" и въ то же время въ нѣсколько загадочныхъ выраженіяхъ сообщаетъ о главномъ предметѣ своего труда: „Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ „Мертвыхъ Душъ". Это пока еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась), раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ... Это тайна, и ключъ отъ нея покамѣстъ въ душѣ у одного автора. Была у меня, точно, гордость, но не моимъ *настоящимъ*, не тѣми свойствами, которыми владѣлъ я: гордость *будущимъ* шевелилась въ груди,—тѣмъ, что представлялось мнѣ впереди, счастливымъ открытіемъ, которымъ угодно было, вслѣдствіе Божіей милости, озарить мою душу,—открытіемъ, что можно быть далеко лучше того, чѣмъ есть человѣкъ, что есть средства и что для любви... Не кстати я заговорилъ о томъ, чего еще нѣтъ. Повѣрьте, что хорошо знаю, что я слишкомъ дрянь, и всегда чувствовалъ болѣе или менѣе, что въ *настоящемъ* состояніи моемъ я—дрянь, и все дрянь, что ни дѣлается мною, кромѣ того, что Богу угодно было внушить мнѣ сдѣлать; да и то было сдѣлано мною *далеко не такъ, какъ слѣдуетъ*"...

Такимъ образомъ, созданіе второго тома „Мертвыхъ Душъ" снова, уже въ третій разъ, явилось для Гоголя *будущимъ* трудомъ, который опять былъ начатъ сначала. О прежнемъ трудѣ писатель даже избѣгаетъ говорить. Извѣстіе о появленіи нѣмецкаго перевода перваго тома „Мертвыхъ Душъ" является для него непріятностью: „Кромѣ того, что мнѣ вообще не хотѣлось бы, чтобы обо мнѣ что-нибудь знали до времени европейцы,—пишетъ онъ въ концѣ 1845 г. Языкову,—этому сочиненію неприлично являться въ переводѣ ни въ какомъ случаѣ до времени его окончанія, и я бы не хотѣлъ, чтобы иностранцы впали въ такую глупую ошибку, въ какую впала большая часть моихъ соотечественниковъ, принявшая „Мертвыя Души" за портретъ Россіи".

Впрочемъ, впослѣдствіи, познакомившись съ предисловіемъ нѣмецкаго переводчика, который назвалъ „Мертвыя Души“ русской народной книгой, Гоголь нашелъ (письмо къ Языкову отъ 5 мая 1846), что „нѣмецъ судитъ довольно здраво: это—лучшій взглядъ, какой можетъ имѣть на эти вещи иностранецъ“... Но и тутъ онъ опять повторяетъ, что появленіе этого перевода ему непріятно, и утѣшаетъ себя только тѣмъ, что это случилось не безъ воли Божіей. „Дай только Богъ силы отработать и выпустить второй томъ: узнаютъ они (иностранцы) тогда, что у насъ есть много того, о чемъ они никогда не догадывались и чего мы сами не хотимъ знать,—если только будетъ угодно Богу подать мнѣ силы среди самыхъ немощей и болѣзней честно и свято выполнить дѣло“.

Хотя Гоголь и оправился отъ болѣзни, наводившей его на самыя мрачныя мысли, однако, время отъ времени, все еще прихварывалъ. Вообще, 1845 годъ былъ для него однимъ изъ самыхъ тяжкихъ. „Болѣзненныя состоянія были до такой степени невыносимы,—писалъ онъ Плетневу, вспоминая объ этомъ времени,—что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченіе. А между тѣмъ, Богъ былъ такъ милостивъ ко мнѣ въ это время, какъ никогда дотолѣ. Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была моя болѣзнь тѣлесная,—душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла ко мнѣ приближаться... Много, много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна вовѣки воля Пославшаго мнѣ скорби и все то, что мы обыкновенно пріемлемъ за горькія непріятности и несчастія. Безъ нихъ не воспиталась бы какъ слѣдуетъ душа моя для труда моего; мертво и холодно было бы все то, что должно быть *живо какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно какъ сама правда.*“

Послѣднія слова показываютъ, что Гоголь и теперь оставался вѣренъ своему прежнему идеалу художественнаго творчества и все еще надѣялся согласить эти идеальныя требованія съ тѣмъ нравоучительнымъ содержаніемъ, которое онъ задумывалъ вложить въ свое произведеніе. И въ самомъ дѣлѣ, теперь онъ опять возвращается къ признанію, что не его дѣло—поучать проповѣдью, что искусство уже и само по себѣ есть поученіе: „Мое дѣло—говорить живыми образами, а не разсужденіями; я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни“, говоритъ онъ. Такимъ образомъ, для будущаго продолженія своей поэмы онъ ставитъ теперь новыя задачи. „Вѣрю и знаю, знаю твердо“, пишетъ онъ, „что эта болѣзнь—къ добру, вижу—и оно очевидно и явно—надо мною великую милость Божію... И душѣ, и тѣлу моему слѣдовало выстрадаться: безъ этого не будутъ „Мертвыя Души“ тѣмъ, чѣмъ имъ быть должно.“ Онъ проситъ Смирнову и всѣхъ друзей своихъ молиться о томъ, чтобы вся душа его обратилась въ однѣ согласно настроенныя струны и чтобы въ нихъ брянцалъ самъ духъ Божій...

Вмѣстѣ съ увѣренностью въ томъ, что ему свыше суждено произвести будущею поэмою благодѣтельный переворотъ во всемъ русскомъ обществѣ, у Гоголя появляется и увѣренность въ самомъ себѣ; его обращеніе съ людьми, самый разговоръ замѣтно мѣняются. „Мнѣ трудно даже найти настоящій и дѣльный и обоюдно-интересный разговоръ съ тѣми людьми, которые еще не избрали поприща и находятся полусвѣтъ на дорогѣ и на станціи, а не дома“, пишетъ онъ Смирновой 27 января 1846 г. „Для нихъ, равно какъ и для многихъ другихъ людей, готовятся „Мертвыя Души“... Тогда только уяснятся глаза у многихъ, которымъ другимъ путемъ нельзя сказать иныхъ истинъ. И только по прочтеніи второго тома „М. Д.“ могу я заговорить со многими людьми *серьезно*“.

Въ началѣ 1846 г. Гоголь мечтаетъ о продолжительномъ путешествіи, во время котораго разсчитываетъ продолжать начатую работу, и въ половинѣ мая, дѣйствительно, выѣзжаетъ изъ Рима во Франкфуртъ, къ Жуковскому. Наканунѣ отъѣзда онъ получаетъ отъ друзей новыя книги и письма, въ которыхъ обращаютъ его вниманіе на только что появившееся произведеніе молодого писателя: „Въ Питерѣ, по мнѣнію „Отечественныхъ Записокъ“, явился новый геній,—какой-то Достоевскій, сообщаетъ Языковъ. „Повѣсть его найдешь въ сборникѣ Некрасова. Прочти ее и скажи мнѣ твое о ней мнѣніе; я самъ не успѣлъ прочесть ее, потому что мои здѣшніе благопріятели, читавшіе ее, не похваляютъ ея“. О томъ же пишетъ и Плетневъ: „Здѣсь Бѣлинскій съ Краевскимъ бѣснуются изъ-за какого-то Достоевскаго“. Мнѣніемъ Гоголя о „Бѣдныхъ Людяхъ“ интересуется и А. М. Віельгорская.—„Я только начало прочелъ, страницы три, отвѣчаетъ ей Гоголь,—и заглянулъ въ середину, чтобы видѣть складъ и замашку рѣчи новаго писателя. Въ авторѣ виденъ талантъ; выборъ предметовъ говоритъ въ пользу его качествъ душевныхъ; но видно также, что онъ молодъ. Много еще говорливости и мало сосредоточенности въ себѣ; все бы оказалось гораздо живѣе и сильнѣе, если бы было болѣе сжато. Впрочемъ, я это говорю не прочитавши, а перелистнувши“.

Со второй половины лѣта 1846 г. начинаются для Гоголя заботы объ изданіи „Переписки“, отъ матеріальнаго успѣха которой зависѣла возможность его путешествія въ Іерусалимъ. Дѣло это онъ поручаетъ Плетневу, настаивая на томъ, чтобы тотъ отбросилъ въ сторону всѣ свои дѣла и занялся какъ можно усерднѣе этимъ изданіемъ, такъ какъ эта книга „нужна, слишкомъ нужна всѣмъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ содержаніе книги сохранять въ совершенной тайнѣ, чтобы кромѣ самого Плетнева и цензора Никитенки никто о ней ничего не узналъ раньше времени, и типографію для ея печатанія выбрать менѣе шумную, въ которую вхожъ былъ бы одинъ Плетневъ и которую почти вовсе не посѣщали бы „литераторы-щелкоперы“. Получивъ первыя тетради рукописи, Плетневъ даже не просмо-

трѣлъ ихъ, а тотчасъ же отдалъ Никитенкѣ. Тотъ приведенъ былъ содержаніемъ книги въ немалое недоумѣніе, которое и отразилось на отзывѣ Плетнева въ письмѣ къ Я. К. Гроту: „Нельзя не подумать, что нравственный организмъ его въ странномъ состояніи. Я полагаю, что религіозные споры въ Западной Европѣ и неслыханный, даже не совсѣмъ заслуженный, успѣхъ его въ Россіи произвели странное броженіе въ головѣ его,—и онъ не умѣлъ этого переварить спокойно". Однако, впослѣдствіи, по прочтеніи всей книги, Плетневъ, какъ мы увидимъ ниже, измѣнилъ это первоначальное мнѣніе, высказанное подъ вліяніемъ разговора съ Никитенкой. Послѣдній, по мѣрѣ чтенія дальнѣйшихъ тетрадей, все больше недоумѣвалъ, медлилъ съ разрѣшеніемъ книги къ печати, сомнѣвался, можно ли пропустить многія ея мѣста,—и кончилъ тѣмъ, что, къ величайшему огорченію Гоголя, не пропустилъ почти цѣлой трети. Гоголь рѣшился представить непропущенныя статьи книги самому государю и просилъ Плетнева устроить это дѣло черезъ Смирнову и Віельгорскаго; составилъ даже проектъ письма къ государю; но Плетневъ рѣшительно отсовѣтовалъ ему дѣлать этотъ шагъ, и книга вышла въ томъ видѣ, въ какомъ разрѣшилъ ее Никитенко.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ позднѣйшей нашей литературѣ высказывалось мнѣніе, будто Никитенко, безжалостно марая книгу Гоголя, имѣлъ въ виду не столько требованія цензурныя, сколько, такъ сказать, нравственныя: ему, будто, бы, жаль было прежней литературной славы Гоголя, которой эта книга наносила жестокій ударъ,—и онъ, пользуясь властью цензора, хотѣлъ „спасти великаго писателя противъ его воли". Теперь, когда книга стала извѣстна во всей ея первоначальной полнотѣ, нельзя не видѣть, что это мнѣніе о Никитенкѣ ничѣмъ не оправдывается. Осторожный цензоръ просто боялся пропустить сужденія о такихъ предметахъ, о которыхъ въ тѣ времена вообще не позволялось разсуждать публично, а что книга можетъ скомпрометировать Гоголя,—ему едва ли приходило въ голову, тѣмъ болѣе, что другъ его Плетневъ пришелъ отъ нея въ совершенный восторгъ. Вотъ что, напр., писалъ онъ о ней Гроту, 27 ноября 1846 г. *): „Начнемъ-ка, помолясь Богу, мы съ тобой литературу новую, живую, насущно-необходимую, истинную, по образу и подобію той, что я усматриваю въ письмахъ Гоголя... Гоголь—трепетный жилецъ, вопіющій не о законахъ изящества, а о томъ, что благо, душеспасительно и неизбѣжно, да вопіющій не ораторомъ, а какъ велѣлъ Христосъ поучать земнородныхъ. Да, я чувствую, что съ этой книги *въ Европѣ станутъ вести лѣтоисчисленіе появленія въ міръ русской литературы*. До сихъ поръ мы бродили около жизни, а онъ въ нее врѣзался".—„Мы прочли то, что напечатано уже изъ писемъ Гоголя", сообщаетъ

*) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, СПБ. 1896, т. II, стр. 860.

Плетневъ въ слѣдующемъ письмѣ: „эффектъ удивительный. Это— *высочайшая книга нравственности*". Очень можетъ быть, что Никитенко и дѣйствительно не сочувствовалъ многому въ этой книгѣ; но несочувствіе свое онъ заявлялъ не тѣмъ, что вычеркивалъ, какъ цензоръ, наиболѣе непріятныя ему мѣста, а скорѣе—тѣмъ, что еще до выхода книги, не стѣсняясь, разсказывалъ всѣмъ объ ея содержаніи и о томъ, что въ ней Гоголь „уронилъ себя во мнѣніи публики и критики, отказываясь отъ всѣхъ прежнихъ своихъ сочиненій". Эти толки дошли даже и до Москвы, и Шевыревъ жаловался Плетневу на нескромность цензора" *).

Одновременно съ печатаніемъ „Переписки" Гоголь заботится и о второмъ изданіи перваго тома „Мертвыхъ Душъ", для котораго пишетъ извѣстное предисловіе съ просьбой къ публикѣ— сообщать ему всевозможныя замѣчанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ хочетъ выпустить и новое изданіе „Ревизора" съ „Развязкой" и пишетъ Щепкину подробное письмо, прося его непремѣнно поставить въ свой бенефисъ „Ревизора" не по „сценическому" тексту, а по печатному, и съ прибавленіемъ „Развязки", относительно исполненія которой тутъ же даетъ разные совѣты. При этомъ онъ выражаетъ желаніе, чтобы новое изданіе обоихъ этихъ произведеній, въ одной книжкѣ, продавалось въ пользу бѣдныхъ, и чтобы Щепкинъ со сцены заявилъ объ этомъ публикѣ, приглашая покупать книжку „тутъ же, при выходѣ изъ театра". Такого же содержанія письмо написалъ онъ и въ Петербургъ, къ Сосницкому. Щепкинъ обратился съ просьбой о содѣйствіи къ Плетневу, который и переслалъ рукопись „Развязки" директору Императорскихъ театровъ Гедеонову. Но послѣдній отвѣчалъ, что „по правиламъ, принятымъ при Императорскихъ театрахъ и исключающимъ всякаго рода одобренія артистовъ самими артистами, а тѣмъ болѣе—вѣнчанія на сценѣ, она въ этомъ отношеніи не можетъ быть допущена къ представленію" **). Вѣсть объ этой неудачѣ дошла до Гоголя (вѣроятно, черезъ Щепкина)—и онъ поспѣшилъ написать Плетневу, что „Ревизора" надобно пріостановить, какъ печатанье, такъ и представленье: онъ будетъ имѣть гораздо больше успѣха, если будетъ данъ черезъ годъ отъ нынѣшняго времени. Теперь же „Развязка Ревизора" въ такомъ видѣ, какъ есть, можетъ произвести дѣйствіе противоположное и, при плохой игрѣ нашихъ актеровъ, можетъ выйти просто смѣшной сценой"...

Изданіе и постановка на сцену „Развязки Ревизора" встрѣтили препятствія также и въ Москвѣ, со стороны Шевырева и С. Т. Аксакова. Послѣдній въ ноябрѣ 1846 г. писалъ своему сыну, Ивану Сергѣевичу: „Я написалъ и послалъ сильный протестъ къ Плетневу, чтобы не выпускалъ въ свѣтъ новой книги

*) Тамъ же, стр. 962.
**) Тамъ же, стр. 961—962.

Гоголя, которая состоитъ изъ отрывковъ писемъ его къ друзьямъ... Требую также, чтобы не печатать „Предувѣдомленія“ къ пятому изданію „Ревизора“; ибо все это, съ начала до конца, ложь, дичь и нелѣпость, и если будетъ обнародовано, сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи. То же самое объявилъ я Шевыреву. Не обязывая ихъ къ полному согласію со мною, я убѣждаю ихъ написать Гоголю съ совершенной откровенностью, что они думаютъ. Самъ я началъ диктовать большое письмо къ Гоголю, гдѣ я высказываю ему безпощадную правду... Если Гоголь не послушаетъ насъ, то я предлагаю Плетневу и Шевыреву отказаться отъ исполненія его порученія: пусть онъ находитъ себѣ другихъ палачей“. Отвѣтъ Плетнева не удовлетворилъ Сергѣя Тимофеевича,—что и понятно, въ виду приведеннаго выше мнѣнія Плетнева о „Перепискѣ“. Что касается Шевырева, то онъ двумя письмами старался отклонить Гоголя отъ печатанія „Переписки“ и „Развязки“—и достигъ только того, что Гоголь отмѣнилъ распоряженіе объ изданіи этой послѣдней пьесы. „Развязка“ увидѣла свѣтъ только четыре года спустя послѣ смерти Гоголя, въ 1856 г.

Но отмѣнить распоряженіе о печатаніи „Переписки“ Гоголь, конечно, уже не могъ, несмотря на то, что цензурныя непріятности очень его тревожили: эта книга была для него слишкомъ дорога; онъ готовилъ ее восторженно, полный какого-то необыкновеннаго экстаза, съ напряженными нервами, еще не вполнѣ оправившись отъ тяжкой болѣзни и ни о чемъ не думая, кромѣ исполненія подвига, предуказаннаго, какъ онъ думалъ, Божьимъ велѣніемъ. Онъ писалъ подъ вліяніемъ страха за жизнь свою и за возможность окончить начатый трудъ; онъ боялся осужденія того лѣниваго раба, который зарылъ въ землю данный ему талантъ. „Все мнѣ далось вдругъ на то время, сообщалъ онъ Плетневу уже по окончаніи работы: вдругъ остановились самые тяжкіе недуги, вдругъ отклонились всѣ помѣшательства въ работѣ, и продолжалось все это до тѣхъ поръ, покуда не кончилась послѣдняя строка. Это просто чудо и милость Божія, и мнѣ будетъ грѣхъ тяжкій, если стану жаловаться на возвращеніе трудныхъ, болѣзненныхъ моихъ недуговъ“. И отъ такой-то книги московскіе друзья наивно думали уговорить его отказаться.

Притомъ, они не подозрѣвали еще и другой стороны дѣла: тѣсной связи „Переписки“ съ предполагаемымъ содержаніемъ второго тома „М. Душъ“. Составляя свою книгу съ полною увѣренностью въ своемъ призваніи поучать всю Россію, Гоголь въ то же время сознавалъ потребность узнать „вещественную и духовную статистику“ своего отечества; онъ ко всѣмъ обращается за матеріалами для этой „статистики“; готовъ перечитывать, ради этой цѣли, повѣсти современныхъ нашихъ писателей, — даже и тѣ изъ нихъ, которыя кажутся другимъ слабыми и ничтожными относительно достоинства художественнаго. Расточая Смирновой

совѣты о томъ, какъ ей слѣдуетъ вести себя, чтобы усовершенствовать свою душу и стать образцовой губернаторшей, онъ въ тѣхъ же письмахъ требуетъ отъ нея свѣдѣній о „внутренности“ Россіи. Въ „Перепискѣ“, по замѣчанію проф. Тихонравова *), Гоголь является одновременно учителемъ-моралистомъ, чувствующимъ въ себѣ наитіе свыше для „упрека и одобренія“ людей, и—безсильнымъ ученикомъ, простирающимъ молящія руки ко всѣмъ, отъ кого онъ ожидаетъ узнать что-нибудь изъ „вещественной и духовной статистики Россіи“. Желаніе учить и учиться едва ли не одинаково сильно проявляется въ этой книгѣ. Восторженность, напыщенность, самонадѣянность въ рѣчахъ учителя-моралиста и, рядомъ съ глубокими наблюденіями, невѣдѣніе, нерѣдко дѣтское, тамъ, гдѣ онъ касается нѣкоторыхъ вопросовъ „вещественной и духовной статистики Россіи“. Недаромъ онъ требовалъ отъ А. О. Россетти замѣчаній и мнѣній о книгѣ какъ его самого, такъ и Перовскаго; недаромъ просилъ высылать ему „всѣ толстые и тонкіе литературные журналы, какіе ни издаются въ Петербургѣ“. Не получивъ нужныхъ ему отвѣтовъ отъ друзей, которыхъ онъ „молилъ“ объ этомъ, Гоголь рѣшилъ, наконецъ, обратиться съ вопросами ко всему грамотному русскому люду. Путемъ вызова на опроверженіе думаетъ добиться этихъ отвѣтовъ „Переписка“; съ прямымъ воззваніемъ ко всему русскому обществу обращается Гоголь въ предисловіи ко второму изданію перваго тома „М. Душъ“, написанномъ одновременно съ „Перепиской“. Онъ вполнѣ искренно признавался, что въ этой послѣдней книгѣ помѣстилъ нѣсколько писемъ вовсе не затѣмъ, чтобы съ нимъ безусловно согласились, но *чтобы опровергнули его приведеньемъ анекдотическихъ фактовъ*“. Онъ набрасываетъ въ письмѣ къ Языкову программу предметовъ для лирическаго поэта въ нынѣшнее время и предлагаетъ въ ней разработать именно тѣ сюжеты, которые интересуютъ его какъ автора второй части „М. Душъ“. Такимъ образомъ, „Переписка“ подготовляетъ созданіе въ новомъ видѣ второй части поэмы; отдѣльныя письма нерѣдко предшествуютъ главамъ поэмы какъ очеркъ, какъ этюдъ для картины. Это—пропилеи, которыя вели Гоголя къ величественному храму, виднѣвшемуся вдали сквозь застилавшій его туманъ“.

Еще не зная, вышла ли въ свѣтъ „Переписка“, Гоголь уже замышляетъ второе ея изданіе, „пополненное и умноженное,—съ тѣмъ, чтобы включить въ него письма, не пропущенныя цензурою: 6 февраля 1846 г. онъ посылаетъ Плетневу распоряженіе о напечатаніи этого второго изданія „безъ всякихъ исключеній“; затѣмъ, опасаясь, что одному Плетневу не управиться съ этимъ дѣломъ, проситъ А. О. Россетти принять въ немъ участіе. „Нужно, пишетъ онъ, чтобъ необходимо (sic!) моя рукопись была прочитана вся сплошь и въ связи внимательно графомъ М. Ю. Віель-

*) Соч. Гоголя, изд. 10-е (М. 1889), т. IV, стр. 472—473.

горскимъ и кн. Вяземскимъ. Мнѣ бы хотѣлось также, чтобы и Вас. Ал. Перовскій на нее обратилъ вниманіе и прочёлъ всю, съ начала до конца. Князя Вяземскаго я потомъ прошу выправить въ ней все вслѣдствіе какъ ихъ, такъ и своихъ замѣчаній и привести ее въ такой видъ, чтобы она могла поступить на разсмотрѣніе". Узнавъ затѣмъ, что книга вышла съ значительными пропусками, онъ былъ очень этимъ огорченъ и писалъ Плетневу, что лучше было бы ее „придержать", чѣмъ выпускать въ такомъ видѣ. „На книгу мою ты глядишь какъ литераторъ, съ литературной стороны; тебѣ важно дѣло собственно литературное. Мнѣ важно то дѣло, которое больше всего щемитъ и болитъ въ эту минуту. Ты не знаешь, что дѣлается на Руси внутри, какой болѣзнью тамъ изнываетъ человѣкъ, гдѣ и какіе вопли раздаются и въ какихъ мѣстахъ. Тепло, живя въ Петербургѣ, наслаждаться съ друзьями разговорами объ искусствѣ и о всякихъ высшихъ наслажденіяхъ. Но когда узнаешь, что есть такія страданія человѣка, отъ которыхъ и безчувственная душа разорвется; когда узнаешь, что одна капля, одна росинка помощи въ силахъ пролить освѣженіе и воздвигнуть духъ падшаго,—тогда попробуй перенести равнодушно это уничтоженіе писемъ. Съ меня сдираютъ не только рубашку, но и самую кожу; но это покуда слышу только одинъ я; а тебѣ кажется, что съ меня просто снимаютъ одну шинель, безъ которой, конечно, холодно, но все же не такъ, чтобы нельзя было безъ нея обойтись"...

Горько жалуется Гоголь на судьбу своей книги и графинѣ А. М. Віельгорской, прося ея заступничества. „Плетневъ сдѣлалъ неосмотрительную вещь, выпустивъ въ свѣтъ одинъ кусокъ моей книги,—статьи, которыя составили одну только треть моей книги, которыя могли быть вполнѣ ясны только въ соединеніи съ другими статьями. Въ этой книгѣ было все мною разсчитано, и письма размѣщены въ строгой послѣдовательности, чтобы дать возможность читателю быть постепенно введену въ то, что теперь для него дико и непонятно: связь разорвана, и книга вышла какой-то оглодышъ. Всѣ должностныя и чиновныя лица, для которыхъ были писаны лучшія статьи, исчезнули вмѣстѣ съ статьями изъ вида читателей; остался одинъ я, точно какъ будто бы я издалъ мою книгу именно затѣмъ, чтобъ выставить самого себя на всеобщее позорище. А между тѣмъ, всѣ непропущенныя статьи именно нужны въ нынѣшній мигъ обстоятельствъ въ русскомъ быту нашемъ, особенно внутри Россіи... Во всемъ этомъ дѣлѣ былъ какой-то необъяснимый ковъ. Цензоръ былъ въ рукахъ какихъ-то дурныхъ людей, употреблявшихъ все, чтобы произвести безсмыслицу въ книгѣ вымаркою многихъ мѣстъ, связывающихъ и объясняющихъ обстоятельства предшествующія и послѣдующія, и черезъ то имѣть право при ея появленіи въ свѣтъ напасть какъ на безсмыслицу и бредъ разстроеннаго воображенья на то, что авторъ выдаетъ за истину. Самъ цензоръ сыгралъ необыкновенно странно: отъ него требовалась тайна, потому что я хо-

тѣлъ отпечатать книгу въ тишинѣ и сдѣлать ее неожиданнымъ сюрпризомъ какъ для всей публики, такъ даже и для васъ самихъ... а между тѣмъ, самъ цензоръ былъ разглашатаемъ всего, такъ что даже въ Москвѣ знали обо всемъ и повторяли изуродованныя съ умысломъ мысли и фразы"... Въ письмѣ къ Смирновой Гоголь поясняетъ свою мысль о постороннихъ вліяніяхъ на Никитенку, говоря, что „цензоръ былъ. кажется, въ рукахъ друзей такъ называемаго европейскаго взгляда, одолѣваемыхъ духомъ всякаго рода преобразованій, которымъ было непріятно появленье книги".

„Переписка" печаталась въ 2400 экземплярахъ, которые всѣ были распроданы въ двѣ недѣли. Половину всего изданія выписали въ Москву. И тамъ, какъ въ Петербургѣ, былъ кругъ людей, которые зачитывались книгой Гоголя и захлебывались отъ восторга. *) Но гораздо болѣе обширенъ былъ кругъ читателей, осудившихъ книгу. Вскорѣ Гоголю пришлось узнать, что многіе даже близкіе къ нему люди называютъ его „лицемѣромъ, двуличнымъ человѣкомъ. играющимъ комедію даже въ томъ, что есть святѣйшаго человѣку". Одинъ изъ читателей, „какой то отчаянный смѣльчакъ", написалъ Гоголю письмо, гдѣ назвалъ его „Тартюфомъ Васильевичемъ". Д. Н. Свербеевъ, въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, и самъ Аксаковъ также не удержались отъ жесткихъ упрековъ, за которые Гоголь смиренно благодарилъ ихъ и, въ свое оправданіе, разсказалъ басню о поварѣ, захотѣвшемъ угостить хорошимъ и даже необыкновеннымъ обѣдомъ тѣхъ людей, которые сами не бывали на кухнѣ, хотя и ѣли довольно вкусные обѣды. Поваръ самъ вызвался, ему никто не заказывалъ обѣда. Онъ сказалъ только впередъ, что обѣдъ его иначе будетъ сготовленъ, и потому потребуется больше времени. Что слѣдовало дѣлать тѣмъ, которымъ обѣщано угощеніе? Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ,— давай кричать: „Подавай обѣдъ!" Поваръ говоритъ: „Это физически невозможно, потому что обѣдъ мой совсѣмъ не такъ готовится, какъ другіе обѣды!"... Ему въ отвѣтъ: „Врешь, братъ!" Поваръ видитъ, что нечего дѣлать, рѣшился, наконецъ, привести своихъ гостей на кухню, постаравшись, сколько можно было, разставить кастрюли и весь кухонный снарядъ въ такомъ видѣ, чтобъ изъ него хоть какое-нибудь могли вывести заключеніе объ обѣдѣ. Гости увидѣли множество такихъ странныхъ и необыкновенныхъ кастрюль, о которыхъ и подумать бы нельзя было, чтобы онѣ требовались для приготовленія обѣда,—что у нихъ закружилась голова"... Выходило такимъ образомъ, что въ недостаткахъ и странностяхъ „Переписки" виноваты сами читатели, которые такъ неразумно настаивали на скорѣйшемъ продолженіи „Мертвыхъ Душъ", что своей назойливостью побудили автора показать имъ „необыкновенныя

*) Представителями ихъ, между прочимъ, были въ Петербургѣ— Плетневъ, а въ Москвѣ—извѣстный Вигель.

кастрюли", въ которыхъ медленно варилась обѣщанная вторая часть поэмы. А слѣдовало „молчать и ждать терпѣливо..."

Книгой остался несовсѣмъ доволенъ даже и Жуковскій, передъ которымъ Гоголь оправдывается въ письмѣ отъ 6 марта 1847 г., сознаваясь въ своихъ преувеличеніяхъ: „Появленье книги моей разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ—и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся точно какъ будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее. Но, тѣмъ не менѣе, книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться для того, чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить впередъ... При всемъ томъ, книга моя полезна... Несмотря на то, что она не составляетъ капитальнаго произведенія нашей литературы, она можетъ породить многія капитальныя произведенія"...

Подобныя же мысли высказываетъ Гоголь и въ письмѣ къ Шевыреву, писанномъ нѣсколько дней спустя послѣ письма къ Жуковскому: „На меня, можетъ быть, не напали бы такъ много, еслибъ многія вещи сказаны были умнѣй и осторожнѣй; а чрезъ это и толковъ было бы меньше. Но эта рѣзкость, дикость и заносчивость многаго въ моей книгѣ расшевелитъ и задѣнетъ за живое многихъ умныхъ людей. Что же дѣлать, если такова натура русскаго человѣка, что его не заставишь до тѣхъ поръ говорить, покуда не выведешь его изъ терпѣнія, зацѣпя за самую живую струну? Повѣрь, что безъ этой книги мнѣ бы не узнать всего того, что мнѣ необходимо знать для того, чтобы мои „Мертвыя Души" вышли то, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть. По поводу моего *невѣдѣнія* многихъ вещей, которое у меня выдается съ такою дерзостью за знаніе, многіе невольно будутъ заставлены высказать свое *вѣдѣніе*, котораго я добиваюсь... Покуда не заговоритъ общество о тѣхъ предметахъ, о которыхъ говорится въ моей книгѣ, мнѣ физически невозможно двинуть свою работу"... Письмо заканчивается повтореніемъ просьбы о сообщеніи мнѣній, отзывовъ и „типовъ". Съ такою же просьбой обращается Гоголь и къ гр. Віельгорской, говоря: „Повѣрьте мнѣ, что мои послѣдующія сочиненія произведутъ столько же *согласія* во мнѣніяхъ, сколько нынѣшняя моя книга произвела *разноголосицы*; но для этого нужно *поумнѣть*. Понимаете ли вы это? А для этого мнѣ нужно было непремѣнно выпустить эту книгу и выслушать толки о ней всѣхъ, особенно—толки неблагопріятные, для самыхъ нѣжныхъ сердечныхъ струнъ, словомъ,—всѣ тѣ толки, отъ которыхъ отворачиваетъ уши человѣкъ неопытный, несвѣдущій въ наукѣ жизни и въ наукѣ души человѣческой".—„Упреки мнѣ нужны, упреками воспитывается моя душа, и упреки составляютъ теперь мою пищу, которою питаюсь", пишетъ Гоголь Н. Н. Ше-

реметевой. То же самое повторяется и въ цѣломъ рядѣ другихъ писемъ по поводу „Переписки“, къ разнымъ лицамъ, ближнимъ и дальнимъ.

Плетневъ, который, какъ мы видѣли выше, отнесся къ „Перепискѣ“ съ полнымъ сочувствіемъ, совершенно не понималъ этой страсти Гоголя къ собиранію отзывовъ объ его сочиненіяхъ. „Меня очень тревожитъ страсть Гоголя читать всѣ глупости, какія пишутъ объ его книгѣ“, писалъ онъ Жуковскому. „Изъ нихъ онъ намѣренъ поучаться и совершенствоваться. Втолкуйте ему, что отъ этихъ бредней можно развѣ только съ ума сойти, или просто разозлиться. Ежели бы у васъ достало терпѣнія пробѣжать пошлости, непристойности и грубости, которыя позволяютъ себѣ газетчики и журналисты, то вы, конечно, употребили бы все свое вліяніе, чтобы вылѣчить Гоголя отъ жалкаго любопытства. Когда я смотрю, съ какимъ упорствомъ онъ требуетъ къ себѣ присылки всѣхъ этихъ бредней, то мнѣ невольно приходитъ на умъ, что Гоголь несовсѣмъ преданъ душою дѣлу истины и религіи, а только высматриваетъ, что заговорятъ люди о новой его штукѣ. Это унизительно!“ Самому Гоголю Плетневъ писалъ то же самое: „Твоя жажда читать эти глупости—единственное пятно для меня на чистой душѣ твоей. Ни Карамзинъ, ни Крыловъ, ни Жуковскій, ни Пушкинъ не учились отъ нашихъ критиковъ; они только сами погружались въ свои думы“.— „Другъ мой, какъ ты до сихъ поръ не можешь почувствовать, что это необходимо?“ отвѣчалъ Гоголь: „Въ толкахъ этихъ я ищу не столько поученья себѣ, сколько короткаго знанія тѣхъ людей, которыхъ мнѣ нужно знать. Въ сужденьяхъ о моихъ сочиненіяхъ обнаруживается самъ человѣкъ. Говоритъ журналистъ; но, вѣдь, за журналистомъ стоитъ двѣ тысячи людей, его читателей, которые слушаютъ его ушами и смотрятъ на вещи его глазами. Это не бездѣлица! Мнѣ очень нужно знать, на что нужно напирать. Не позабудь, что я... хотя и художникъ въ душѣ, но предметомъ моего художества—современный человѣкъ, и мнѣ нужно его знать не по одной его внѣшней наружности. Мнѣ нужно знать душу его, ея нынѣшнее состояніе. Ни Карамзинъ, ни Жуковскій, ни Пушкинъ не избрали этого въ предметъ своего искусства, потому и не имѣли надобности въ этихъ толкахъ. Будь покоенъ на мой счетъ: меня не смутятъ критики и ни въ чемъ не заставятъ меня пошатнуться что здраво и крѣпко во мнѣ. Изъ всѣхъ писателей, которыхъ мнѣ ни случалось читать біографіи, я еще не встрѣтилъ ни одного, кто бы такъ упрямо преслѣдовалъ разъ избранный предметъ. Эту твердость мою я чту знакомъ Божьей милости къ себѣ“...

Другимъ ревностнымъ защитникомъ „Переписки“ выступилъ князь Вяземскій, нѣкогда—другъ Пушкина и вдохновитель либеральнаго „Московскаго Телеграфа“, авторъ „вольныхъ“ стиховъ о „Русскомъ Богѣ“ и т. п., а теперь — озлобленный противникъ всякаго либерализма. Въ „Спб. Вѣд.“ 1847 г. (Соч.

Вяз., II) онъ напечаталъ о Гоголѣ статью, въ которой сравнивалъ его съ недавно умершимъ Языковымъ и, между прочимъ, говорилъ о душевномъ переломѣ Гоголя: „Нуженъ былъ переломъ. Переломъ этотъ тѣмъ полезнѣе, что противодѣйствіе истекло изъ той же силы, которая невольно, но, не менѣе того, всеувлекательнымъ стремленіемъ дала пагубное направленіе... На его душу и отвѣтственность обращали всѣ грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе годы нашего литературнаго паденія... Всѣ эти ликторы и глашатаи, которые шли около него и за нимъ, со своими хвалебными восклицаніями и праздничными факелами, именно и озарили въ глазахъ его опасность и ложность избраннаго имъ пути. Съ благородною рѣшимостью и откровенностью онъ тутъ же круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ... Люди, провозглашающіе наобумъ какое-то ученіе западныхъ началъ, искали въ Гоголѣ союзника и оправдателя... Его хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворяя въ немъ какое то черное литературное знамя. Такимъ образомъ, съ больной головы на здоровую складывали всѣ несообразности, всѣ нелѣпости, провозглашаемыя нѣкоторыми журналами. Какъ тутъ Гоголю не одуматься, не оглядѣться? Какъ писателю честному не осыпать головы своей пепломъ и не отказаться съ досадою отъ торжества, устроеннаго непризванными и непризнанными руками?.. На немъ лежала обязанность не двумысленно, не сомнительно, а гласно и, такъ сказать, торжественно разорвать съ частью своего прошлаго, т. е. не столько своего собственнаго прошлаго, сколько того, которое ему придали съ одной стороны безусловные и чрезмѣрные его поклонники, а съ другой— многочисленные и неудачные подражатели..."

Чтеніе этой статьи кн. Вяземскаго, восторженныхъ отзывовъ Плетнева, Смирновой, панегириковъ Вигеля и т. п. невольно приводитъ на память извѣстные печальные стихи Некрасова:

Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи
Вчерашній другъ, качая головой,
. . . .
За то кричатъ безличные: „Ликуемъ!"
Спѣша въ объятья къ новому рабу
И пригвождая жирнымъ поцѣлуемъ
Несчастнаго къ позорному столбу...

Гоголю, видимо, стало нѣсколько неловко отъ статьи Вяземскаго. Авторъ „Переписки" благодаритъ своего защитника за участіе, но въ то же время деликатно замѣчаетъ ему, что, можетъ быть, онъ слишкомъ сурово выразился „о нѣкоторыхъ нападателяхъ, особенно—о тѣхъ, которые прежде меня выхваляли". Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о Бѣлинскомъ, статья котораго о „Перепискѣ", явившаяся какъ разъ въ это время, во 2-мъ № „Современника", произвела на Гоголя впечатлѣніе тѣмъ болѣе тягостное, что къ Бѣлинскому онъ всегда относился съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ: да иначе нельзя было и отно-

ситься къ человѣку, который своими статьями о Гоголѣ создалъ его литературную славу и такъ горячо всегда ее отстаивалъ противъ многочисленныхъ непріятелей автора „Мертвыхъ Душъ". Но, подобно тому, какъ нѣкогда Екатерина, прочитавъ книгу Радищева, спрашивала: „За что онъ *на меня* разсердился?" — такъ и Гоголь писалъ Бѣлинскому: „Въ статьѣ слышенъ голосъ человѣка, на меня разсердившагося... Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги... Вы взглянули на мою книгу глазами человѣка разсерженнаго, а потому почти все приняли въ другомъ видѣ", и т. д. Въ письмѣ къ Прокоповичу по поводу той же статьи Бѣлинскаго Гоголь высказывалъ предположеніе, что критикъ, вѣроятно, принялъ на свой счетъ замѣчаніе о „заднихъ чтецахъ, привыкшихъ держаться за хвосты журнальныхъ вождей, и не замѣчающихъ, что козлы, ихъ предводившіе, давно уже остановились въ раздумьѣ, не зная сами, куда повести заблудшія стада свои". Прокоповичъ самымъ энергичнымъ образомъ отвергъ эту догадку своего друга: „Зная Бѣлинскаго давно, я не могу не быть увѣреннымъ, писалъ онъ,—что ни одна строчка его не назначалась мщенію за личное оскорбленіе". Вскорѣ Бѣлинскій и самъ подробно объяснилъ автору „Переписки" причины своего негодованія на эту книгу,—въ знаменитомъ своемъ письмѣ изъ Зальцбрунна, отъ 15 іюня 1847 г. *). Письмо это, какъ извѣстно, произвело на Гоголя впечатлѣніе потрясающее. Сперва онъ хотѣлъ было вступить съ Бѣлинскимъ въ полемику, но, убѣдившись, что слабыми возраженіями невозможно его сбить съ позиціи, а сильныхъ не можетъ быть по существу вопроса, ограничился посылкой коротенькаго отвѣта съ общимъ указаніемъ на его односторонность и на необходимость различныхъ точекъ зрѣнія на предметъ.

Любопытно то объясненіе, какое Гоголь даетъ этой своей „односторонности", — спеціально придуманное для Бѣлинскаго: „Занявшись своимъ собственнымъ внутреннимъ воспитаніемъ, говоритъ онъ, проведя долгое время за Библіею, за Моисеемъ, Гомеромъ,—законодателями вѣковъ минувшихъ, читая исторію событій кончившихся и отжившихъ, наконецъ,—наблюдая и анатомируя собственную душу въ желаньи узнать глубже душу человѣка вообще, и встрѣтясь на этомъ пути съ Тѣмъ, Который болѣе всѣхъ насъ зналъ душу человѣка, я весьма естественно *сталъ на время чуждъ всему современному*". Выше мы видѣли, что главное значеніе своей книги авторъ видѣлъ именно въ тѣсной ея связи съ современностью, и надѣялся своей проповѣдью подѣйствовать на современное общество, затронувъ прежде и болѣе всего—то, что „щемитъ и болитъ" именно въ настоящую (для него) минуту. Письмо Бѣлинскаго въ значительной степени поколебало эту увѣренность въ знаніи современности и заставило искать оправданій въ отреченіи отъ нея...

Не менѣе характерно письмо Гоголя и къ архіепископу Хер-

*) См. ниже статью „Гоголь и Бѣлинскій".

сонскому Иннокентію, который также отозвался о „Перепискѣ“ довольно строго,—хотя, разумѣется, съ иной точки зрѣнія, нежели Бѣлинскій.

Гоголь сознается въ этомъ письмѣ, что его природа слишкомъ не похожа на природу другихъ людей. „Я былъ издавна скрытенъ отъ неумѣнья изъясниться“, говоритъ онъ. „Нужно было мнѣ встрѣтиться съ глубокимъ душевѣдцемъ, потому что все во мнѣ, даже и самыя сочиненія, такъ тѣсно соединилось съ душой, что врядъ ли бы это было понятно обыкновенному человѣку, даже и тогда, еслибъ я умѣлъ получше изъясниться. А потому эта книга, имѣющая видъ учить другихъ, можетъ быть, была необходимымъ изверженіемъ того, что стремилось во мнѣ излиться. Я не думаю, чтобъ книга моя произвела вредъ. Богъ милосердъ, и мнѣ кажется, Онъ не накажетъ меня такъ страшно за мое неразуміе... Во всякомъ случаѣ, это для меня—урокъ. Я далъ себѣ слово остановиться писать, видя, что нѣтъ на это воли Божіей. Говорить о мелкомъ и ничтожномъ въ жизни—не хочется; говорить же о высокомъ,—но тутъ на всякомъ шагу встрѣтишься со Христомъ и можешь наговорить нелѣпостей“...

Измученный всѣми пережитыми тяжелыми впечатлѣніями, Гоголь задумываетъ дать своимъ критикамъ одинъ общій отвѣтъ, въ видѣ „повѣсти своего писательства“, которая должна была „послужить объясненьемъ хотя нѣкоторой части того, что кажется такой необъяснимой загадкой для многихъ“. Этотъ комментарій къ „Перепискѣ“, извѣстный теперь подъ заглавіемъ „Авторской Исповѣди“, долженъ былъ выйти въ свѣтъ небольшой брошюркой одновременно съ появленіемъ второго изданія „Переписки“, о которомъ Гоголь сталъ усердно хлопотать, надѣясь включить въ него и всѣ раньше не пропущенныя цензурою письма. Изъ письма Плетнева мы знаемъ, что письма эти представлялись даже на прочтеніе Наслѣднику,—но Александръ Николаевичъ „согласился съ мнѣніемъ цензора“. Быть можетъ, и это обстоятельство, а быть можетъ и собственное сомнѣніе въ полезности второго изданія были причиной того, что Гоголь какъ-то сразу перестаіъ говорить о своей „опрометчивой“ книгѣ и заботиться объ ея дальнѣйшей судьбѣ. Такимъ образомъ, и „Авторская Исповѣдь“, почти уже готовая къ печати, не увидѣла свѣта при жизни Гоголя. Писатель испугался того рѣшительнаго шага, который онъ самъ сдѣлалъ своей книгой: она не удовлетворила, за немногими исключеніями, никого, а многихъ заставила даже прямо отъ него отвернуться,—и изъ его больной души вырвался стонъ отчаянія:

„Непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду у всѣхъ исполинскій образъ *скуки*, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже, пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!“.

Въ этомъ стонѣ слышится, какъ будто, отзвукъ той тоски,

съ какою говорилъ когда-то своей матери несчастный датскій принцъ:

„Изъ добродѣтели ты сдѣлала коварство; цвѣтъ любви ты облила смертельнымъ ядомъ; ты погубила вѣру въ душу человѣка; ты посмѣялась святости закона,—и небо отъ твоихъ злодѣйствъ горитъ! Да,—видишь ли, какъ все печально и уныло, какъ будто наступаетъ страшный судъ!"

У нашего писателя достало силы бросить въ лицо своей матери,—своей родинѣ,—эти страшныя слова. Но если бы родина сказала ему (какъ онъ, можетъ быть и надѣялся): „Мой сынъ! ты растерзалъ мнѣ сердце!—то въ состояніи ли былъ бы онъ отвѣтить ей словами Гамлета: Отбрось его гнилую половину, и съ чистой половиною останься!" Могъ ли бы онъ указать на эту „чистую половину"?

Эта невозможность терзаетъ душу Гоголя. „Я люблю добро, я ищу его и сгараю имъ", говоритъ онъ,—и нигдѣ не видитъ „мужа", котораго можно было бы поставить въ примѣръ другимъ людямъ: „Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ!" Христіанская вѣра въ добро и невозможность найти его въ дѣйствительной современной жизни; напрасныя старанія примирить неразрѣшимыя противорѣчія и успокоить свою смущенную душу; сознаніе своей высокой литературной задачи и въ то же время—мысль о томъ, что мысль объ этой задачѣ, можетъ быть, не угодна Богу: все это постоянно сверлитъ мозгъ бѣднаго Гоголя, мучитъ его душу безысходной тоской, заставляетъ его постоянно перебѣгать отъ одной мысли къ другой, противоположной, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшитъ его сознаніемъ своего внутренняго омертвѣнія, гибели своего таланта. Сильный художникъ все еще борется съ слабымъ мыслителемъ,—но послѣдній находитъ точку опоры въ мистическомъ чувствѣ и одолѣваетъ. Онъ ищетъ спасенія отъ полученныхъ имъ ударовъ въ авторитетномъ духовно-религіезномъ руководительствѣ,—и его новые друзья, заботясь объ его душевной жизни, вызываютъ къ нему мрачную фигуру ржевскаго священника о. Матвѣя, этого своеобразнаго русскаго Торквемады, который вскорѣ пріобрѣтаетъ рѣшительную власть надъ нашимъ писателемъ, все болѣе направляя его на путь аскетизма и отреченія отъ всей прежней дѣятельности. Ограниченный фанатикъ сурово упрекаетъ Гоголя за его приверженность къ литературѣ, за мысли о воспитательномъ значеніи театра, подрываетъ въ немъ вѣру въ значеніе и полезность его литературной дѣятельности и все сильнѣе заставляетъ его терзаться сомнѣніями въ отношеніи этихъ вопросовъ, имѣвшихъ для Гоголя такую огромную важность. Писатель пытается защищаться, оправдываться,—но желѣзные тиски имъ самимъ выбраннаго авторитета все сильнѣе и сильнѣе сжимаютъ его...

Проведя конецъ лѣта 1842 г. въ Остенде, Гоголь къ зимѣ переѣзжаетъ въ Неаполь, чтобы „быть ближе къ выгрузкѣ на корабль" и скорѣе двинуться въ давно желанный путь—въ Іерусалимъ. Но по мѣрѣ приближенія времени отъѣзда, имъ все силь-

нѣе овладѣваютъ страхъ и колебанія, особенно—вслѣдствіе того, что ожидаемое имъ неудержимое стремленіе въ путь и стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя должны были, по его убѣжденію, служить указаніемъ свыше, что пора собираться въ путь,—не наступали, и рѣшительно не отыскивалось близкаго душѣ попутчика. Наконецъ, Гоголь сознается, что самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Іерусалимъ, что душа его черства и что его обуреваютъ малодушныя опасенія; онъ боится, что недостоинъ предпринять путешествіе; но въ то же время говоритъ, что ему уже стало совѣстно не ѣхать и что ѣхать надо непремѣнно. Въ началѣ 1848 г. путешествіе, наконецъ, совершается, но не даетъ Гоголю того внутренняго удовлетворенія, котораго онъ ожидалъ. Возвратившись въ Россію въ апрѣлѣ, онъ остается нѣсколько времени въ Одессѣ, оттуда пріѣзжаетъ къ роднымъ въ Васильевку и, наконецъ, поселяется въ Москвѣ. Плетневъ, видѣвшійся съ нимъ въ сентябрѣ, сообщалъ Гроту, что Гоголь „на видъ" совершенно здоровъ и даже болѣе полонъ, нежели когда-либо", и что „наружность его, щеголеватая до изысканности, совсѣмъ не напоминаетъ Автора *„Переписки"* *). Но на самомъ дѣлѣ Гоголь въ это время успѣлъ уже сильно измѣниться—сравнительно даже съ недавнимъ прошлымъ. Въ противоположность оживленной перепискѣ прежнихъ годовъ, теперь сильно бросается въ глаза его апатія даже и въ этомъ отношеніи. „Ничего не мыслится и не пишется: голова тупа", говоритъ онъ въ письмѣ къ Шевыреву. Въ письмахъ къ Смирновой и Жуковскому, а также и въ „Авторской Исповѣди", онъ прямо сознается въ упадкѣ творческихъ своихъ силъ. А между тѣмъ, его все еще манитъ мечта о созданіи „Мертвыхъ Душъ",—о возможности „изобразить въ большомъ сочиненіи добро и зло, какое есть въ нашей русской землѣ", дать такую книгу, въ которой „добрые русскіе характеры и свойства людей получатъ привлекательность, а нехорошіе—такую непривлекательность, что читатель не возлюбитъ ихъ даже и въ себѣ самомъ, если отыщетъ..."

Но работа надъ вторымъ томомъ „М. Д." съ каждымъ годомъ становится для Гоголя все болѣе и болѣе мучительною. Онъ чувствовалъ, что прежнее свободное творчество покидаетъ его, что у него не хватаетъ силъ довести до конца дѣло, которому онъ отдалъ столько лѣтъ упорнаго и тяжкаго труда,—что „каждое слово приходится вытягивать изъ себя клещами". Онъ приписываетъ это состояніе своему нездоровью, погружается въ заботы о возстановленіи своихъ силъ: но надежды снова уступаютъ мѣсто подавленному состоянію духа, и нравственный внутренній разладъ продолжаетъ подтачивать силы писателя. Гоголь мечталъ по возвращеніи изъ путешествія поселиться въ Россіи и „выбрать мѣсто гдѣ лучше и удобнѣе работать, а не гдѣ веселѣй проводить время". На завѣтный трудъ свой онъ смотрѣлъ какъ на исполненіе обязанности гражданина, какъ на службу государству. Не

*) Переписка Грота съ Плетневымъ, III, 325.

успѣвъ отдохнуть на родинѣ отъ дальней дороги, онъ уже берется за перо: но оно отказывается служить ему: „или жаръ утомляетъ меня,—пишетъ онъ Плетневу, или я все еще не готовъ. А между тѣмъ, я чувствую, что, можетъ, еще никогда не былъ такъ нуженъ трудъ, составляющій предметъ давнихъ обдумываній моихъ и помышленій, какъ въ нынѣшнее время. Хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія—это уже есть подвигъ всякаго честнаго гражданина". Цѣлый мѣсяцъ прожилъ онъ на родинѣ,—работа не двигалась. „Я ничего не въ силахъ ни дѣлать, ни мыслить отъ жару", пишетъ онъ Плетневу изъ Васильевки: „не помню еще такого тяжелаго времени"... Зимой, поселившись въ Москвѣ, онъ, однако, могъ уже снова приняться за работу и, повидимому, чувствовалъ себя очень хорошо: „Я никогда не видалъ Гоголя такъ здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ, какъ въ эту зиму, говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Не только онъ пополнѣлъ, но тѣло на немъ сдѣлалось очень крѣпко. Обнимаясь съ нимъ, я всегда щупалъ его руки. Я радовался и благодарилъ Бога". Онъ въ это время много читалъ, „выбирая преимущественно то, гдѣ слышится присутствіе русскаго духа: хочуназвучаться русскими звуками и рѣчью", говорилъ онъ. Но къ веснѣ 1849 г. опять начался упадокъ духа. „Не могу понять, пишетъ онъ Жуковскому 3 апрѣля 1849 г., — отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чемъ. Можетъ быть,—оттого, что не стало, наконецъ, ничего любопытнаго на свѣтѣ.., Та же недвижность и въ моихъ литературныхъ занятіяхъ. Я ничего не издалъ въ свѣтъ и ничего не готовлю; что и пріуготовляю, то идетъ медленно и не можетъ никакъ выйти скоро, и Богъ одинъ знаетъ, когда выйдетъ. Отчего, зачѣмъ нашло на меня такое оцѣпенѣніе— не могу понять"... Аксаковъ поясняетъ это настроеніе, говоря, что „съ появленіемъ первыхъ оттепелей Гоголь сталъ задумчивѣе, вялѣе, и хандра очевидно стала имъ овладѣвать".—„Я весь истомился", „изстрадался"—вотъ обычныя его фразы въ это время. „Я дотого расколебался, и духъ мой пришелъ въ такое волненіе, что никакія медицинскія средства и утѣшенія не могли дѣйствовать". Въ концѣ 1849 г. онъ сообщаетъ Жуковскому, что „скотина Чичиковъ едва добрался до половины своего странствованія,—можетъ быть, оттого, что русскому герою съ русскимъ народомъ нужно быть несравненно увертливѣй, нежели греческому—съ греками (Жук. въ это время переводилъ Одиссею), можетъ быть — и оттого, что автору „Мертвыхъ Душъ" нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиковъ". Въ другомъ письмѣ, около того же времени, Гоголь говоритъ: „Творчество мое лѣниво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу отъ стола, не отодвигаю бумаги, не выпускаю пера; но строки лѣпятся вяло, а время летитъ невозвратно. Или, въ самомъ дѣлѣ, 42 года есть для меня старость, или такъ слѣдуетъ, чтобы мои „Мертвыя Души" не выходили въ это мут-

ное время, когда, не успѣвши отрезвиться, общество еще находится въ чаду, и люди еще не пришли въ состояніе читать книгу, какъ слѣдуетъ, т.-е. прилично, не держа ее вверхъ ногами? Здѣсь все,—и молодежь, и старость,—до того запуталось въ понятіяхъ, что не можетъ само себѣ дать отчета. Одни въ полномъ невѣжествѣ дожевываютъ европейскіе, уже выплюнутые, жевки, другіе изблевываютъ свое собственное несваренье. Рѣдкіе, очень рѣдкіе, слышатъ и цѣнятъ то, что въ самомъ дѣлѣ составляетъ нашу силу"...

Такое, какъ выражался Гоголь, „неписательное состояніе" продолжалось и въ послѣдующіе годы, перемежаясь небольшими періодами лихорадочно возбужденной дѣятельности. Пользуясь этими приливами творчества, Гоголь писалъ новыя или заново отдѣлывалъ уже ранѣе написанныя главы своего труда. Въ 1850 г. онъ рѣшился обратиться къ Наслѣднику съ просьбой о пособіи, которое дало бы ему возможность, не заботясь о кускѣ хлѣба, поправить свое слабое здоровье и завершить давно начатый трудъ, для котораго онъ считалъ необходимымъ предпринять путешествіе по Россіи. Въ сохранившейся копіи черноваго прошенія, а также и въ письмѣ къ гр. Орлову, онъ говоритъ: „Сочиненіе мое „Мертвыя Души" долженствуетъ обнять природу русскаго человѣка во всѣхъ ея силахъ. Изъ этого сочиненія вышла въ свѣтъ одна только часть, содержащая въ себѣ осмѣяніе всего того, что несвойственно нашей великой природѣ, что ее унизило. Въ остальныхъ частяхъ, надъ которыми теперь сижу, выступаетъ русскій человѣкъ уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и странностями, но всей глубиной своей природы и богатымъ разнообразіемъ внутреннихъ силъ, въ немъ заключенныхъ. Если только поможетъ Богъ произвести все такъ, какъ желаетъ душа моя, то, можетъ быть, и я сослужу службу землѣ своей не меньшую той, какую ей служатъ всѣ благородные и честные люди на другихъ поприщахъ. Многое нами позабытое, пренебреженное, брошенное слѣдуетъ выставить ярко, въ живыхъ, говорящихъ примѣрахъ, способныхъ подѣйствовать сильно. О многомъ существенномъ и главномъ слѣдуетъ напомнить человѣку вообще и русскому—въ особенности"...

Просьбы о пособіи Гоголь, однако, не подалъ и проведя зиму 1850—51 гг. въ Одессѣ, вернулся въ іюлѣ 1851 г. въ Москву, посѣтивъ проѣздомъ свою родину. Въ Москвѣ его болѣзненное состояніе стало быстро ухудшаться; но онъ, все-таки, не покидалъ труда, въ которомъ видѣлъ подвигъ всей своей жизни, и еще менѣе, чѣмъ за три недѣли до смерти (2 февраля 1852) писалъ Жуковскому: „Сижу по прежнему надъ тѣмъ же, занимаюсь тѣмъ же. Помолись обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна и чтобы я хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ Красотѣ небесной".

Между тѣмъ, внутренній душевный разладъ художника и мыслителя близился къ роковому, трагическому исходу. Неумолимый

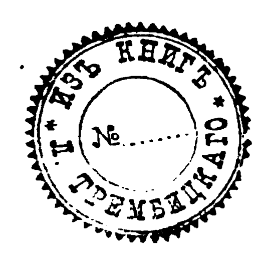
отецъ Матвѣй все болѣе и болѣе овладѣваетъ мыслями Гоголя, пугаетъ его и безъ того больное воображеніи картинами Страшнаго суда и адскихъ мученій и настойчиво требуетъ, чтобы онъ отказался отъ всей прежней своей дѣятельности, ото всего, что онъ привыкъ считать источникомъ наслажденія и высокимъ гражданскимъ подвигомъ. „Прокляни театръ,—капище дьявола! Отрекись отъ Пушкина, ибо Пушкинъ — анаѳема"! изступленно взываетъ невѣжественный изувѣръ, для котораго Пушкинъ представлялся только авторомъ нечестивой „Гавриліады". Отречься отъ Пушкина! Да вѣдь это значитъ—предать проклятію лучшую часть своего собственнаго существа, отвернуться отъ высшаго, что только есть въ русской жизни и литературѣ, обратиться въ „мертвую душу". Вся душа Гоголя потрясена, раздавлена этимъ страшнымъ требованіемъ инквизитора; но противиться ему онъ уже не въ состояніи—и самъ предаетъ огню свой завѣтный трудъ, которому отдавалъ послѣднія, уже слабѣвшія силы. По мнѣнію Тихонравова *) послѣднее сожженіе второго тома „Мертвыхъ Душъ" вызвано было тѣмъ же строгимъ отношеніемъ художника къ своему труду, какъ и первое; въ основѣ того и другого приговора лежало справедливое недовольство „выдуманными" образами и особенно—тою „идеальностью", неестественностью образовъ, которая ненавистна была Гоголю въ произведеніяхъ Кукольника и Полевого. Предсмертное сожженіе многолѣтняго труда не было у Гоголя слѣдствіемъ болѣзненнаго порыва, нервнаго разстройства; всего менѣе можно въ немъ видѣть „жертву, принесенную смиреннымъ христіаниномъ": оно было сознательнымъ дѣломъ художника, убѣдившагося въ несовершенствѣ всего, что было выработано его многолѣтнимъ мучительнымъ трудомъ".

Это мнѣніе кажется слишкомъ категорическимъ. Очень возможно, что художническое чувство Гоголя подсказывало ему осужденіе написаннаго: но несомнѣнно, что на его рѣшеніе въ гораздо болѣе значительной мѣрѣ могла повліять проповѣдь отца Матвѣя, такъ что сожженіе „Мертвыхъ Душъ", дѣйствительно, скорѣе всего было „жертвой смиреннаго христіанина". Вспомнимъ, что послѣ перваго сожженія Гоголь увѣренно говорилъ: „Сожжено,—значитъ, такъ было надо",—*надо* именно съ точки зрѣнія взыскательнаго художника; а на другой день послѣ послѣдняго сожженія онъ уже не имѣлъ силы повторить это заявленіе, а только залился слезами. Что оплакивалъ умирающій писатель? свое творческое безсиліе—или ту минутную слабость, которая побудила его, въ минуту страшнаго раздумья, поддаться вліянію изувѣра, не признававшаго литературы? Эту тайну онъ унесъ съ собой въ могилу. Но послѣднія слова, начерченныя его уже слабѣющей рукой.—„Будьте не мертвыя, а живыя души",—какъ будто указываютъ на побѣду *жизни* надъ мрачнымъ мистическимъ фанатизмомъ,—побѣду, увы! запоздалую...

П. Морозовъ.

*) Соч. Гоголя, изд. 10-е, III, 576.

Развитіе жизни въ природѣ и въ обществѣ.

Изъ всѣхъ вопросовъ науки, безспорно, наиболѣе жизненный—это вопросъ о законахъ общественнаго развитія. Къ познанію этихъ законовъ не можетъ не стремиться всякая личность, сознающая свою живую, неразрывную связь съ опредѣленной группой, націей, классомъ, со всѣмъ человѣчествомъ. Такой личности необходимо знать, чего она можетъ ожидать, на что надѣяться для той коллективности, къ которой принадлежитъ, и для себя самой, какъ дѣятельнаго члена этой коллективности. Найти сколько-нибудь достовѣрный отвѣтъ на эти вопросы немыслимо безъ яснаго пониманія основныхъ законовъ жизни общества.

Но здѣсь трудности изслѣдованія чрезвычайно велики. Предметъ его такъ близокъ къ жизненнымъ интересамъ самого изслѣдующаго, что нелегко избѣгнуть субъективизма, искажающаго истину: человѣкъ невольно окрашиваетъ изучаемую дѣйствительность въ оттѣнокъ своихъ склонностей и стремленій, невольно смѣшиваетъ хотя отчасти желаемое съ возможнымъ и необходимымъ. И въ то же время предметъ изученія такъ безконечно сложенъ, что въ высшей степени легко запутаться въ переплетающихся звеньяхъ цѣпи причинъ и слѣдствій, и неправильно представить себѣ отношенія вещей. Эти условія долго задерживали научное познаніе законовъ общественнаго развитія.

Въ 1859 году былъ сдѣланъ рѣшающій шагъ въ этомъ направленіи. Величайшій соціологъ того времени въ предисловіи къ одной изъ своихъ экономическихъ работъ сжато и ясно формулировалъ рядъ руководящихъ идей, на которыя съ успѣхомъ могло опираться съ тѣхъ поръ научное изслѣдованіе жизни общества. Мы приведемъ здѣсь наиболѣе существенную часть этой формулировки.

„Въ отправленіи своей общественной жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отно-

шенія—производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ Сумма этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ соціальныя, политическія и духовныя явленія жизненнаго процесса. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, среди которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризисовъ. Съ измѣненіемъ экономическаго фундамента рушится, рано или поздно, все прежнее зданіе, на немъ построенное"... *).

Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, теорія, въ нихъ выраженная, все болѣе распространялась и упрочивалась въ наукѣ. Съ точки зрѣнія этой теоріи была объяснена масса историческихъ событій, и не находилось такихъ фактовъ, которые бы ей противорѣчили. Даже многіе изъ писателей, ее отвергавшихъ, невольно поддавались ея вліянію и своими работами доставляли новые аргументы въ ея пользу. За четыре съ лишнимъ десятка лѣтъ не было создано исторической теоріи, сколько-нибудь способной съ нею конкуррировать.

Однако, за это время многое измѣнилось. Всѣ области науки развивались съ величайшей быстротой; эволюціонное міровоззрѣ-

---

*) „Zur Kritik der politischen Oekonomie", предисловіе, русск. перев., стр. X.

„Матеріальныя производительныя силы" означаютъ всю сумму средствъ производства плюсъ сумму техническихъ пріемовъ, умѣнья людей пользоваться этими средствами. Понятіе, какъ видимъ, довольно сложное.

„Производственныя отношенія"—еще болѣе сложное понятіе. Сюда входятъ: во-1) отношенія людей въ самомъ процессѣ труда—простое сотрудничество, раздѣленіе труда и т. п.; во-2) отношенія собственности—„имущественныя отношенія", какъ говоритъ Марксъ: обладаніе землею, капиталомъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ съ одной стороны, отсутствіе такого обладанія—съ другой и т. д. Все это соединяется въ понятіи „экономической структуры" общества, или просто его „экономики". Тотъ же смыслъ имѣетъ выраженіе „формы общественнаго бытія людей".

„Формы сознанія людей" означаютъ здѣсь міровоззрѣніе людей, ихъ предразсудки и ихъ знанія, ихъ науку, философію и т. под. Вмѣстѣ съ правовыми и политическими отношеніями людей все это объединяется въ общемъ понятіи „формъ идеологическихъ", которыя и образуютъ „надстройку" на „экономическомъ фундаментѣ". Эти архитектурные термины надо понимать просто въ томъ смыслѣ, что „экономика" опредѣляетъ собою „идеологію".

ніе достигло гораздо большей полноты и ясности; по мѣрѣ того какъ отдѣльныя доктрины, входящія въ его составъ, развертывались шире и становились точнѣе, все болѣе упрочивалась и выступала все очевиднѣе ихъ взаимная связь, ихъ тѣсное единство. При такихъ условіяхъ и къ историко-философской теоріи стало возможно предъявить нѣкоторыя новыя требованія.

Старая формулировка историческаго монизма, не переставая быть вѣрною въ своей основѣ, уже не вполнѣ насъ удовлетворяетъ. Въ ней можно найти извѣстную неполноту: она не выясняетъ намъ, въ чемъ заключается непосредственное жизненное значеніе цѣлой обширной области общественныхъ явленій,—не выясняетъ, *почему* идеологія нужна обществу, *для чего* она ему служитъ, и *въ какой мѣрѣ* она необходима *); при этомъ остается также въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько идеологія существенно *однородна* или *разнородна* съ „экономикой".—Далѣе, старая формулировка страдаетъ нѣкоторой неопредѣленностью своихъ основныхъ понятій; особенно относится это къ понятію „экономической структуры" общества, въ которую входятъ, между прочимъ, „имущественныя отношенія", т. е. въ сущности *правовыя* отношенія собственности, тогда какъ „правовая надстройка" вообще причислена къ формамъ идеологіи **).—Наконецъ, въ старой формулировкѣ не установлена—да и не могла быть установлена—логическая связь этой теоріи съ ученіемъ о развитіи въ другихъ областяхъ жизни; а въ наше время потребность въ единствѣ научнаго міровоззрѣнія настойчиво напоминаетъ о необходимости выясненія этой связи. Возникаетъ рядъ вопросовъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ сама теорія можетъ болѣе или менѣе значительно измѣнить свой видъ.

Для достиженія намѣченной нами цѣли, мы избираемъ тотъ путь, который не разъ уже въ аналогичныхъ случаяхъ примѣнялся наукою. Современное развитіе психологіи до степени сравнительно точной науки основывается на внесеніи въ нее физіологической точки зрѣнія и физіологическихъ методовъ. Такую же услугу оказала физіологіи физико-химическая точка зрѣнія съ ея методами, а химіи и физикѣ—математика. Къ наукѣ менѣе развитой и менѣе выработанной примѣняются пріемы и руководящія идеи науки болѣе развитой и выработанной, которая изслѣдуетъ явленія однородныя съ первою, но болѣе простыя и болѣе общаго характера. Соціологія—наука объ общественной жизни—находится именно въ такомъ отношеніи къ біологіи—наукѣ о жизни вообще.—Итакъ, мы постараемся выяснить, въ ка-

*) Въ нашей литературѣ можно встрѣтить и такую точку зрѣнія, для которой идеологія представляется чѣмъ-то не существенно-необходимымъ въ жизни общества, не то украшеніемъ, не то забавой, чѣмъ-то такимъ, что находитъ свое наиболѣе чистое, наиболѣе типическое выраженіе въ „воздушныхъ замкахъ" метафизики.

**) Какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, и понятіе „производительныхъ силъ" должно быть измѣнено въ интересахъ научной точности.

3*

комъ видѣ представляется общественная жизнь и развитіе съ точки зрѣнія законовъ жизни и развитія вообще *).

Конечно, всякое подобное примѣненіе идей одной науки въ сферѣ другой должно еще само оправдать себя. Его законность должна быть доказана фактически—именно тѣмъ, что выводы, полученные съ помощью этого пріема, не только не окажутся въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, но и позволятъ понять ее глубже, яснѣе, полнѣе. Надо на дѣлѣ испытать методъ, чтобы узнать его истинную цѣнность. Освѣщая факты теоріей, намъ придется постоянно контролировать теорію фактами, и отсутствіе противорѣчія между обѣими сторонами будетъ ручательствомъ за истину.

Но прежде всего намъ слѣдуетъ какъ можно отчетливѣе формулировать тѣ общія идеи науки о жизни, которыя послужатъ намъ исходной точкой для выясненія законовъ общественнаго развитія. Только самыя точныя понятія могутъ служить надежнымъ орудіемъ при изслѣдованіи такого сложнаго, такого труднаго—но и такого важнаго вопроса, какъ тотъ, который насъ теперь занимаетъ.

I.

Во всѣхъ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ жизни—растительной и животной, физіологической и психической, индивидуальной и общественной—познаніе находитъ много общаго. Именно это общее служитъ основою для той идеи, которая будетъ руководить нашимъ изслѣдованіемъ,—для *идеи приспособленія*. Выяснимъ содержаніе этой идеи. Прежде всего—что приспособляется?

Наблюдая различные жизненные процессы, мы находимъ, что каждый изъ нихъ протекаетъ съ извѣстнымъ однообразіемъ и постоянствомъ, по опредѣленному типу. Это однообразіе, постоянство, типичность позволяетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ объединить рядъ явленій жизни въ понятіе объ опредѣленной *формѣ жизни*. Данная органическая клѣтка, данный организмъ, общество, видъ и т. д.—все это особыя формы жизни.—Одна и та же форма жизни, положимъ, человѣческій организмъ, можетъ

*) Многіе изъ теоретиковъ историческаго матеріализма пытались установить связь этого ученія съ идеями современной біологіи. Но почти всѣ такія попытки страдали однимъ общимъ недостаткомъ—предвзятой эклектичностью: заранѣе предполагалось, что общіе законы жизни подвергаются какимъ-то ограниченіямъ въ сферѣ жизни общественной, и усилія направлялись къ тому, чтобы опредѣлить эти ограниченія и ихъ результаты. Это такой-же неудачный пріемъ, какъ если бы физіологъ въ своемъ изслѣдованіи заранѣе предположилъ, что въ сферѣ физіологическихъ процессовъ законы физико-химическіе могутъ отчасти нарушаться, и сталъ бы спеціально искать этихъ нарушеній.

слагаться изъ множества взаимно связанныхъ формъ болѣе простыхъ—въ данномъ случаѣ, клѣточныхъ элементовъ,—и входитъ, какъ часть, въ составъ формъ болѣе сложныхъ, напр., данное общество, данный видъ.

Форма жизни и есть то, что приспособляется. Что же значитъ— „приспособляться“?

Всякая форма жизни находится въ опредѣленной *средѣ*, которая производитъ на нее различныя воздѣйствія, оказываетъ на нее различныя „вліянія“. Если форма жизни измѣняется, если теченіе жизненнаго процесса уклоняется отъ обычнаго, то со стороны среды мы ищемъ измѣняющихъ вліяній, которыя обусловливали бы это уклоненіе. Напр., когда измѣняются соотношенія человѣческаго организма—вырождаются одни его элементы, чрезмѣрно развиваются другіе, совсѣмъ отмираютъ третьи,—мы стремимся найти исходную точку этихъ перемѣнъ въ различныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни организма—въ дѣйствіи воздуха, пищи, общественной среды, въ механическихъ воздѣйствіяхъ, и т. под. *). Измѣненія жизненной формы находятся въ постоянной зависимости отъ вліяній ея среды, и эта зависимость есть частное выраженіе *всеобщей причинности явленій*.

Изъ всѣхъ проявленій зависимости формы отъ ея среды два особенно важны для біолога: сохраненіе и разрушеніе формъ. Въ данной средѣ сохраняются формы опредѣленнаго типа (или опредѣленныхъ типовъ); формы иныхъ типовъ разрушаются. Лапландскій мохъ, сѣверный олень, эскимосъ выживаютъ среди природы полярныхъ странъ; но финиковая пальма, верблюдъ, арабъ неминуемо погибли бы, если бы перенести ихъ туда. По отношенію же къ той средѣ, какую представляетъ природа тропическихъ странъ, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Однѣ формы жизни *приспособлены* къ одной средѣ, другія—къ другой.

„Приспособленный къ данной средѣ“ это только и означаетъ— сохраняющійся въ данной средѣ, и ничего болѣе. Такимъ образомъ, слова „выживаніе приспособленныхъ“ представляли бы простой плеоназмъ, если бы подъ ними не подразумѣвалось нѣчто большее, чѣмъ въ нихъ непосредственно сказано. Подразумѣвается именно *строгая закономѣрность*, въ силу которой при данныхъ условіяхъ среды сохраняются формы даннаго строенія, даннаго типа и погибаютъ формы другого типа, другого строенія. Эта закономѣрность сохраненія и разрушенія формъ въ зависи-

*) А не бываетъ ли причиной жизненныхъ уклоненій наслѣдственность? Нѣтъ, она только передаетъ ихъ отъ одного поколѣнія другому; а причины этихъ уклоненій и тогда лежатъ во внѣшней средѣ, вліявшей на организмы предковъ.—Но вѣдь встрѣчаются „врожденныя“ уклоненія, которыхъ у предковъ не было? Они зависятъ отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ вліяній на зародышъ во время его развитія. Даже если измѣняющія вліянія идутъ при этомъ со стороны родительскаго организма, зависятъ, напр., отъ его разстройства, то вѣдь и родительскій организмъ есть *среда* для зарождающагося въ немъ новаго организма.

мости отъ ихъ среды и составляетъ сущность „естественнаго подбора“ формъ жизни*).

Въ дѣйствительности *вполнѣ* приспособленныхъ формъ не существуетъ: онѣ должны были бы вѣчно сохраняться, что никогда не наблюдается. Бываютъ только формы болѣе приспособленныя и менѣе приспособленныя, т. е. такія, которыя выживаютъ чаще, сохраняются дольше, и такія, которыя разрушаются легче, погибаютъ скорѣе. Первыя составляютъ меньшинство, вторыя—громадное большинство; но первыя размножаются, а вторыя исчезаютъ послѣ короткаго, незаконченнаго жизненнаго цикла, не оставивъ потомковъ. Такимъ путемъ формы болѣе приспособленныя получаютъ преобладаніе, и постоянно изъ меньшинства превращаются въ большинство. Но размноженіе всегда создаетъ новыхъ формъ больше, чѣмъ можетъ сохраняться въ той ограниченной области, которая на землѣ доступна для жизни. Поэтому изъ всякаго новаго большинства опять должно выдѣлиться болѣе приспособленное меньшинство, которое въ свою очередь станетъ большинствомъ. Такъ природа непрерывно подбираетъ наиболѣе приспособленныхъ и выдвигаетъ ихъ на первый планъ.

Какъ все въ природѣ, формы жизни постоянно измѣняются подъ различными воздѣйствіями среды. Клѣтка, организмъ въ каждую послѣдующую минуту уже не совсѣмъ то, чѣмъ они были въ предыдущую; общество, видъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ слагается уже не изъ тѣхъ, и не вполнѣ такихъ особей, какъ прежде. Не только происходитъ непрерывная смѣна матеріи и энергіи, образующихъ форму жизни, но измѣняются такъ же непрерывно строеніе и свойства этой формы. Большая часть этихъ перемѣнъ происходитъ медленно и постепенно, ускользая отъ нашего сознанія; нѣкоторыя совершаются быстро и рѣзко, иногда поражая сознаніе своей неожиданностью.

Всѣ измѣненія формъ жизни оказываютъ то или иное вліяніе на степень ихъ приспособленности: либо уменьшаютъ ее, либо

*) Съ понятіемъ естественнаго подбора неразрывно связано представленіе о *конкурренціи* организмовъ. И это вполнѣ понятно, потому что конкурренція есть, дѣйствительно, одинъ изъ наиболѣе важныхъ и распространенныхъ случаевъ проявленія естественнаго подбора: въ ней выражается зависимость организма отъ существующихъ въ его внѣшней средѣ другихъ организмовъ однороднаго типа; для каждаго изъ нихъ другіе, съ нимъ конкуррирующіе, представляютъ одно изъ вредныхъ, разрушительныхъ вліяній среды. Но естественный подборъ дѣйствуетъ и помимо всякой конкурренціи. Напр., если климатъ страны становится болѣе суровымъ, то многіе организмы и цѣлые виды могутъ погибнуть, т. е. быть устранены подборомъ, вовсе не потому, что другіе организмы и виды конкуррируютъ съ ними, а просто потому, что оказались не въ состояніи перенести суровый климатъ. Точно также не приходится говорить о конкурренціи, если, положимъ, вновь переселившіяся въ страну птицы истребятъ цѣлые виды мѣстныхъ насѣкомыхъ: какая ужъ конкурренція между хищникомъ и жертвою—вѣдь они не дѣлятъ между собою однихъ и тѣхъ же средствъ къ жизни, по отношенію къ которымъ были бы конкуррентами.

увеличиваютъ. Въ первомъ случаѣ для данныхъ формъ возростаютъ шансы пораженія въ жизненной борьбѣ, возникаетъ тенденція къ ихъ вымиранію; во второмъ—онѣ завоевываютъ все болѣе мѣста въ экономіи природы, замѣняя и вытѣсняя формы вымирающія.—Такимъ образомъ, хотя повышеніе приспособленности происходитъ лишь въ меньшинствѣ случаевъ, но именно этимъ случаямъ принадлежитъ наиболѣе важная роль въ общей системѣ жизни. Изъ всѣхъ измѣненій формъ, жизнь подбираетъ тѣ, которыя увеличиваютъ приспособленность, которыя имѣютъ характеръ *приспособленія.*

Формы приспособленія безконечно разнообразны: природа пользуется самыми различными средствами для увеличенія суммы жизни, для ея побѣды въ борьбѣ съ неорганическимъ міромъ. Измѣненіе въ устройствѣ когтей или зубовъ, въ размѣрахъ тѣла или цвѣтѣ шерсти, выработка новаго рефлекса, преобразованіе прежняго инстинкта, варіація прежней привычки, новая комбинація образовъ сознанія и внѣшнихъ движеній организма—все это можетъ оказаться приспособленіемъ, если увеличиваетъ жизнеспособность данной формы. Тутъ не имѣетъ значенія различіе физическихъ и психическихъ измѣненій,—тѣ и другія одинаково пригодны, какъ орудія сохраненія и расширенія жизни. То, что въ одномъ случаѣ достигается физическимъ приспособленіемъ, въ другомъ достигается психическимъ: для защиты даннаго вида организмовъ отъ однихъ и тѣхъ же враговъ одинаково можетъ послужить перемѣна въ окраскѣ покрововъ, или выработка соотвѣтственныхъ инстинктовъ. *Какъ процессъ приспособленія, жизнь однородна во всѣхъ своихъ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ.*

II.

Чтобы выяснить себѣ основныя черты процесса приспособленія, мы разсмотримъ его связь и послѣдовательность на сравнительно конкретномъ примѣрѣ.

Въ опредѣленной странѣ, среди опредѣленнаго климата, флоры, фауны обитаетъ порода птицъ, приспособленная къ внѣшнимъ условіямъ своей жизни настолько, что не вымираетъ, хотя и не настолько, чтобы вытѣснять другія, конкуррирующія породы. Такое устойчивое существованіе можетъ продолжаться много тысячелѣтій, если не будутъ измѣняться условія среды. Но въ природѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго; съ большей или меньшей быстротой, всякая данная среда измѣняется, и рано или поздно это оказываетъ вліяніе на судьбу жизненныхъ формъ.

Представимъ себѣ одно изъ простѣйшихъ измѣненій среды: климатъ становится болѣе холоднымъ и болѣе континентальнымъ; зимы дѣлаются все суровѣе. Въ эту пору года очень многіе изъ мѣстныхъ видовъ оказываются сравнительно неприспособленными;

къ числу ихъ относится и та порода птицъ, которую мы избрали для своего примѣра. Пищи зимой очень мало, а жестокіе морозы убійственно дѣйствуютъ на ослабленные голоданіемъ организмы.— Неприспособленность означаетъ необходимость приспособленія.

Въ такія эпохи сильно возрастаетъ измѣнчивость формъ жизни: измѣняющіяся внѣшнія условія порождаютъ массу разнообразныхъ измѣненій въ ихъ строеніи, физическомъ и психическомъ*). Естественный подборъ подхватываетъ наиболѣе выгодныя изъ этихъ измѣненій, устраняя тѣ формы, которыя измѣняются менѣе выгоднымъ образомъ. Въ нашемъ случаѣ развивается, положимъ, особый инстинктъ, побуждающій птицъ перелетать съ наступленіемъ осени въ болѣе теплыя страны, гдѣ имъ не угрожаютъ въ такой степени холодъ и голодъ, и возвращаться только весною. Это новая *форма приспособленія*, соотвѣтствующая новымъ условіямъ среды.

Какъ видимъ, *движущая сила, создающая новыя приспособленія, лежитъ въ отношеніяхъ органической формы къ ея средѣ.*

Но здѣсь выступаетъ еще вопросъ: откуда берется тотъ матеріалъ, изъ котораго создаются эти новыя приспособленія?

Въ нашемъ примѣрѣ, инстинктъ зимнихъ перелетовъ могъ развиваться мало-по-малу хотя бы изъ того инстинкта, который выражается въ обычныхъ небольшихъ перелетахъ птицъ съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за пищей: съ ухудшеніемъ климата подобные перелеты должны были въ холодное время принимать все болѣе опредѣленное направленіе, въ сторону тепла и свѣта, и все болѣе удлиняться... Также и какой-нибудь иной аналогичный жизненный матеріалъ могъ послужить для развитія новаго инстинкта. Во всякомъ случаѣ, согласно закону причинности, приспособленіе это возникло не изъ ничего, а изъ элементовъ, уже имѣвшихся въ наличности, *изъ элементовъ старыхъ приспособленій, съ которыми оно болѣе или менѣе однородно.* Въ этомъ смыслѣ жизнь не создаетъ ничего существенно новаго: новое всегда однородно съ тѣмъ старымъ, изъ котораго произошло.

Наблюдая развитіе жизни, мы видимъ, какъ изъ прежнихъ элементовъ создаются новыя и новыя комбинаціи, какъ изъ немногихъ простыхъ приспособленій возникаютъ многочисленныя сложныя. Высшіе организмы съ ихъ громаднымъ богатствомъ приспособленій произошли отъ какихъ-нибудь одноклѣточныхъ, подобныхъ нынѣшнимъ амебамъ; человѣкъ со всей его психической жизнью развивается изъ простой зародышевой клѣтки съ самыми элементарными отправленіями... Восходя отъ высокоорганизованныхъ формъ къ тѣмъ простѣйшимъ, изъ которыхъ онѣ произошли, мы видимъ, какъ громадныя различія уступаютъ свое мѣсто все большему однообразію. Это приводитъ насъ къ

---

*) Строеніе органическихъ формъ такъ сложно и такъ тонко, что даже сравнительно однообразныя и простыя внѣшнія вліянія вызываютъ въ нихъ рядъ сложныхъ и разнообразныхъ измѣненій.

мысли объ *единомъ началѣ жизни*... Но если начало жизни одно, а всякая новая жизнь однородна съ той старою, которой была порождена, то *всѣ проявленія жизни по существу однородны*. Это монистическій взглядъ на развитіе.

Однако, вернемся къ нашему примѣру. Никакое новое приспособленіе не бываетъ совершеннымъ; измѣняя прежнія отношенія органической формы къ ея средѣ, оно порождаетъ обыкновенно и новую неприспособленность, иногда болѣе, иногда менѣе значительную. Это относится и къ инстинкту перелетовъ у птицъ. Громадныя воздушныя путешествія сопровождаются страшнымъ утомленіемъ и многочисленными опасностями. Эта неприспособленность можетъ оказаться очень серьезной, можетъ очень сильно подрывать жизнеспособность вида. Тогда необходимы новыя приспособленія; и они являются, если условія достаточно благопріятны. Развивается, положимъ, стадный инстинктъ, и птицы, вмѣсто того чтобы летать въ одиночку, путешествуютъ большими стаями. При этомъ опасности со стороны враговъ, напр., хищныхъ птицъ, значительно уменьшаются; уменьшается также степень утомленія, потому что механическія условія полета для стаи гораздо выгоднѣе, чѣмъ для отдѣльной птицы— сопротивленіе воздуха относительно гораздо меньше.

Такъ возникаетъ *вторичное* приспособленіе, возникаетъ въ силу новой неприспособленности, или „потребности", порожденной предшествующимъ, первичнымъ приспособленіемъ. И здѣсь, конечно, матеріаломъ для развитія должны послужить какія-нибудь прежнія приспособленія; напр., для стадныхъ инстинктовъ такую роль могли сыграть гораздо болѣе узкіе инстинкты семейные, съ которыми они по характеру однородны.

Въ свою очередь, и вторичныя приспособленія могутъ порождать новую приспособленность, вызывать необходимость дальнѣйшихъ приспособленій третьяго рода, и т. д. Напр., стайныя путешествія создаютъ потребность въ системѣ сигналовъ. Для большой стаи въ пути надо много пищи, и потому необходимо, чтобы каждая изъ птицъ, увидѣвшая гдѣ-нибудь хорошую добычу, такъ или иначе сообщала это другимъ; точно также должны существовать другіе сигналы на случай опасности, чтобы врагамъ не удавалось захватить стаю врасплохъ, и т. под. Для этихъ приспособленій исходной точкой могли послужить, положимъ, хотя бы раньше существовавшіе призывные сигналы между самкою и самцомъ, или „сочувственныя" движенія мускуловъ, связанныхъ съ дыхательнымъ аппаратомъ*).

*) „Сочувственныя движенія", это такія мускульныя сокращенія, которыя въ физіологическомъ смыслѣ непосредственно-безполезны, но неизбѣжны вслѣдствіе самаго устройства нервныхъ центровъ: движенія эти возникаютъ благодаря тому, что процессъ перваго возбужденія распространяется съ нервныхъ центровъ, выполняющихъ необходимую по обстоятельствамъ работу, на другіе, связанные съ ними центры. Сюда относится, напр., невольный крикъ при нѣкоторыхъ рѣзкихъ движеніяхъ, судорожное сжатіе зубовъ при подниманіи большихъ тяжестей, и т. под.

Нашъ примѣръ можно было бы развить дальше, можно было бы привести еще рядъ другихъ примѣровъ; но и приведеннаго достаточно для того чтобы выяснить три основныя, наиболѣе важныя для насъ черты процесса приспособленія:

1. Исходной точкой этого процесса являются *измѣняющіяся отношенія жизненныхъ формъ къ ихъ средѣ;* въ области этихъ отношеній возникаетъ *движущая сила развитія.*

2. Новыя приспособленія, порождая новыя формы неприспособленности, могутъ вызывать необходимость въ другихъ еще приспособленіяхъ: *первичныя* формы приспособленія даютъ толчокъ къ развитію *вторичныхъ,* и т. д.

3. Матеріаломъ для новыхъ приспособленій служатъ наличные уже элементы жизненнаго процесса, такъ что развитіе *никогда не создаетъ ничего по существу новаго.*

Намъ остается еще отмѣтить существованіе двухъ рѣзко различающихся типовъ развитія. Въ нашемъ примѣрѣ представленъ одинъ изъ нихъ: къ прежнимъ приспособленіямъ прибавляются новыя, притомъ все болѣе сложныя и разнообразныя; сумма приспособленій органической формы возрастаетъ; а такъ какъ они являются матеріаломъ для дальнѣйшихъ приспособленій, то, очевидно, *возрастаетъ и возможность приспособленія вообще.* Это *прогрессивный* типъ развитія. — Но бываетъ и иного рода случаи; сущность ихъ заключается въ томъ, что форма жизни просто утрачиваетъ нѣкоторыя приспособленія, ставшія съ измѣненіемъ среды излишними или даже вредными. Такъ, у животныхъ, которыя поселяются въ глубинѣ темныхъ пещеръ, органъ зрѣнія становится не только ненужнымъ по своей безполезности, но и крайне неудобнымъ источникомъ поврежденій, какъ приспособленіе весьма тонкое и нѣжное по своей организаціи; онъ атрофируется и исчезаетъ. И здѣсь форма жизни *приспособляется,* потому что это измѣненіе выгодно для ея сохраненія; но *возможность дальнѣйшаго развитія, очевидно, уменьшается,* такъ что передъ нами скорѣе минусъ, чѣмъ плюсъ въ развитіи жизни. Это *регрессивный* типъ приспособленія.

Такъ какъ регрессивное развитіе само создаетъ для себя границы, то не ему, конечно, принадлежитъ преобладающая роль въ системѣ жизни. Но все жерегресссивное развитіе довольно частое явленіе въ природѣ. Особенно характерно оно для организмовъ *паразитическихъ.* У паразитическихъ животныхъ, которыя проводятъ жизнь присосавшись къ какому-нибудь самостоятельному организму, процессъ приспособленія отнимаетъ иногда почти всѣ органы чувствъ и движенія, превращая этихъ животныхъ въ живые мѣшки съ функціями питанія и размноженія *).

*) Регрессивное развитіе не надо смѣшивать съ простой деградаціей, которая заключается въ томъ, что неприспособленность шагъ за шагомъ разрушаетъ форму жизни, а приспособленія совсѣмъ не создается. Напр., если организмъ слабѣетъ отъ болѣзни, тогда какъ силы ему нужны для жизни, то это деградація, а не регрессивное развитіе; но если паразитъ утрачиваетъ мускульную силу, которая ему не нужна, это—регрессивное развитіе.

Оба типа развитія—прогрессивное и регрессивное—встрѣчаются и въ общественной жизни.

III.

Переходя къ явленіямъ общественнаго развитія, мы прежде всего сталкиваемся съ такимъ вопросомъ: возможно ли вообще сравнивать соціальныя формы съ біологическими формами приспособленія? Имѣемъ ли мы основаніе разсматривать общественное цѣлое, подобно всякой иной формѣ жизни, какъ опредѣленный комплексъ *приспособленій*, сложившихся въ жизненной борьбѣ.

Внимательно вглядываясь въ различные элементы соціальнаго существованія людей, мы легко убѣждаемся, что они *фактически представляютъ изъ себя именно приспособленія людей въ ихъ борьбѣ за жизнь*, а не что-либо иное. Эта мысль ничѣмъ не можетъ быть опровергнута, потому что за нее говорятъ безчисленные факты, и нѣтъ другихъ фактовъ, которые бы ей противорѣчили.

Справедливость такого воззрѣнія выступаетъ всего очевиднѣе въ сферѣ *непосредственной борьбы* человѣка съ внѣшней природой, въ области „техническаго" процесса. Сущность „техническихъ формъ" составляетъ выработанные людьми пріемы воздѣйствія на природу въ интересахъ своего сохраненія и развитія: умѣнье пользоваться тѣмъ или инымъ орудіемъ, умѣнье находить и обрабатывать тотъ или иной матеріалъ... Ясно, что умѣнье примѣнять для борьбы съ внѣшней природой топоръ и машину настолько же является приспособленіемъ, какъ, положимъ, умѣнье владѣть зубами или когтями, умѣнье строить дома—настолько же, какъ умѣнье строить гнѣзда и т. под.

То же относится и ко всей области техническаго, а затѣмъ и научнаго познанія. Если инженеръ *вычисляетъ* линію наименьшаго сопротивленія (или наибольшаго дѣйствія), а животное опредѣляетъ ее *инстинктивно*, растеніе же, насколько можно судить по новѣйшимъ наблюденіямъ, напр. надъ движеніями корней, слѣдуетъ ей рефлекторно, то разница здѣсь только въ способѣ, которымъ достигается приспособленность, а не въ общемъ біологическомъ значеніи факта. Геометрія есть „чистая наука", и весьма отвлеченная; но ея жизненное значеніе заключается въ безчисленныхъ практическихъ ея примѣненіяхъ, напр. для цѣлей механики, архитектуры и т. под.; для этихъ то практическихъ примѣненій отвлеченныя идеи геометріи и служатъ съ одной стороны исходной точкой, съ другой—объединяющимъ звеномъ. Если вырвать отдѣльную идею этой науки изъ ея связи съ другими, то можетъ показаться, что ни о какомъ „приспособленіи" къ борьбѣ съ внѣшней природой тутъ не должно быть и рѣчи; но если геометрія въ цѣломъ является могучимъ орудіемъ этой борьбы, то и отдѣльныя идеи, входящія какъ элементы, въ

ея необходимую связь, представляютъ изъ себя также, если не цѣлыя приспособленія, то *части приспособленій*. Точно также самое далекое отъ жизни философское понятіе служитъ для связи и объединенія массы другихъ понятій, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ жизненной борьбѣ, и является приспособленіемъ вмѣстѣ съ ними и черезъ нихъ *).

Далѣе, что касается формъ обычая, права, нравственности, то въ нихъ характеръ *приспособленія* выступаетъ еще съ большею очевидностью. Ихъ жизненное значеніе состоитъ въ томъ, что онѣ приспособляютъ людей къ общественно-трудовой жизни, дѣлая цѣлесообразными отношенія людей въ процессѣ ихъ совмѣстной борьбы съ внѣшней природой. Такъ, положимъ, обычай патріархальнаго гостепріимства, обезпечивая людямъ поддержку другихъ людей въ трудахъ и опасностяхъ путешествій, давая имъ возможность учиться другъ у друга, облегчая ихъ взаимныя сношенія, вообще расширяя область сотрудничества на раннихъ ступеняхъ развитія чрезвычайно много содѣйствовалъ побѣдѣ человѣчества надъ стихійной природой; право собственности, охраняя производителя отъ насилій, которыя могли бы лишить его орудій и продуктовъ его труда, гарантируя для него непрерывную возможность успѣшно трудиться, представляло для общества съ самостоятельнымъ мелкимъ производствомъ весьма полезное приспособленіе въ борьбѣ за жизнь. Нравственныя стремленія альтрюизма и справедливости устанавливаютъ между членами общества отношенія взаимной помощи и ограничиваютъ отношенія взаимной вражды, что очевиднымъ образомъ ведетъ къ увеличенію общественно-трудовой энергіи вообще, и къ повышенію полезности отдѣльныхъ ея затратъ—въ частности.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ сама собой подразумѣвается одна общая біологическая оговорка. Подобно тому какъ въ организмахъ сохраняются различные „рудиментарные“ органы, которые прежде были полезными приспособленіями, а въ настоящемъ уже безполезны или даже вредны (у человѣка, напр., червеобразный отростокъ слѣпой кишки, мужскіе сосцы, зубы мудрости), подобно этому и въ общественной жизни наряду съ дѣйствительными приспособленіями наблюдаются частью безполезные, частью вредные пережитки прошлаго; въ наше время особенно много такихъ пережитковъ можно найти въ сферѣ правовой и нравственной жизни. Но и они являются приспособленіями по своему генезису и первоначальной роли.

Далѣе, то, что служитъ полезнымъ приспособленіемъ для одной части общества, нерѣдко оказывается для другой совсѣмъ не приспособленіемъ, иногда даже источникомъ неприспособленности. Такъ правовыя формы и формы нравственности, цѣлесообразныя съ точки зрѣнія феодаловъ конца среднихъ вѣковъ,

*) Болѣе обстоятельному выясненію вопроса о познаніи, какъ приспособленіи, посвящена значительная часть нашей работы „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“ (вся II часть).

совсѣмъ не представлялись таковыми съ точки зрѣнія ихъ крестьянъ и нарождавшейся буржуазіи городовъ. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что жизнь общества не обладаетъ безусловнымъ органическимъ единствомъ: въ цѣломъ рядѣ случаевъ общество выступаетъ какъ сложный комплексъ относительно самостоятельныхъ формъ жизни, приспособляющихся очень часто не только независимо одна отъ другой, но даже одна во вредъ другой. И опять-таки, то же самое, въ большей или меньшей степени, примѣнимо и ко всѣмъ вообще сложнымъ формамъ жизни: не говоря уже о борьбѣ-конкурренціи между особями, составляющими одинъ видъ, даже въ организмѣ, формѣ съ наибольшимъ единствомъ и связью элементовъ, отдѣльныя ткани и клѣтки конкуррируютъ между собою изъ-за питанія, и нерѣдко однѣ изъ нихъ вытѣсняютъ другія, ко вреду или къ пользѣ всего организма.

Остается еще одинъ вопросъ: нѣтъ ли существеннаго различія между соціальными и біологическими формами по *способу ихъ развитія, ихъ выработки*? Нѣтъ, и здѣсь ни въ какомъ случаѣ не приходится признавать такого различія. Сущность дѣла остается одна и та же: измѣненія старыхъ формъ подъ вліяніемъ среды непрерывно порождаютъ массу новыхъ формъ-варіацій; но изъ нихъ большинство оказываются неприспособленными къ средѣ, и подборъ ихъ устраняетъ, меньшинство же онъ сохраняетъ, какъ приспособленныя,—при чемъ подборъ этотъ является одинаково „естественнымъ“ какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ.

На это могутъ быть сдѣланы два возраженія. Во-первыхъ, при подборѣ общественныхъ формъ главную роль играетъ *общественная же среда*, въ которой онѣ возникаютъ, и въ меньшей уже степени—среда „естественная“, т. е. внѣшняя природа; какая-нибудь новая общественная форма, положимъ, новая идея, легко можетъ исчезнуть вслѣдствіе неприспособленности къ общественнымъ условіямъ, хотя вполнѣ соотвѣтствовала бы условіямъ „естественнымъ“,—или сохраниться благодаря приспособленности къ отношеніямъ общественнымъ, хотя находится въ противорѣчіи съ отношеніями внѣ-общественной природы. Во-вторыхъ, очень часто устраненіе неприспособленной соціальной формы происходитъ безъ гибели тѣхъ организмовъ, съ которыми она была связана: напр., для уничтоженія какой-нибудь правовой нормы вовсе не требуется, чтобы вымерли всѣ, кто признавалъ эту норму; между тѣмъ при біологическомъ подборѣ устраненіе неудачныхъ приспособленій происходитъ обыкновенно путемъ гибели организмовъ.—Но оба эти различія не существенны. И при чисто біологическомъ подборѣ для каждой формы жизни имѣетъ наибольшее значеніе та *ближайшая* среда, въ которой она находится, а потому подборъ элементовъ сложной формы, напр., клѣтокъ организма, прежде всего зависитъ отъ другихъ элементовъ этой формы—отъ другихъ клѣтокъ и ихъ взаимныхъ отношеній,

вообще отъ *внутренней среды* данной формы; общество тоже сложная форма жизни, и слѣдовательно подборъ его элементовъ долженъ также опредѣляться ближайшимъ образомъ его внутренней средою, т. е. средою общественной. Далѣе, устраненіе элементовъ безъ гибели цѣлаго вообще, нерѣдко наблюдается въ развитіи сложныхъ біологическихъ формъ, напр., когда происходитъ разрушеніе многихъ клѣтокъ при сохраненіи, однако, всего организма, или атрофія отдѣльныхъ рефлексовъ и инстинктовъ при сохраненіи психическаго цѣлаго; поэтому нельзя видѣть ничего сверхъ-біологическаго и въ томъ, что соціальныя формы могутъ устраняться безъ прямого разрушенія цѣлыхъ человѣческихъ особей *).

Вообще, съ какой угодно точки зрѣнія формы общественныя представляются приспособленіями въ томъ же смыслѣ и въ такой же мѣрѣ, какъ всякія другія біологическія формы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Богдановъ.

*) О процессахъ подбора общественныхъ формъ излагается болѣе обстоятельно въ нашей вышеупомянутой работѣ „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“ (§§ о „подборѣ психическихъ формъ“ и объ „общественномъ подборѣ“, стр. 40—47 и 115—119).

Гоголь и Бѣлинскій.

(*Окончаніе* *).

Анненковъ оставилъ намъ воспоминанія о томъ, какъ принялъ Бѣлинскій письмо Гоголя и какъ онъ написалъ ему свой громовый отвѣтъ. „Пробѣжавъ строки Гоголя къ нему самому, Бѣлинскій вспыхнулъ и промолвилъ: „А! онъ не понимаетъ, за что люди на него сердятся—надо растолковать ему это—я буду ему отвѣчать“. „Въ тотъ же день—продолжаетъ Анненковъ—небольшая комната рядомъ съ спальней Бѣлинскаго, которая снабжена была диванчикомъ по одной стѣнѣ и круглымъ столомъ передъ нимъ, на которомъ мы свершали наши довольно скучныя, послѣобѣденныя упражненія въ пикетъ,—превратилась въ письменный кабинетъ. На кругломъ столѣ явилась чернильница, бумага, и Бѣлинскій принялся за письмо къ Гоголю, какъ за работу, и съ тѣмъ же пыломъ, съ какимъ производилъ свои срочныя журнальныя статьи въ Петербургѣ. То была именно статья, но писанная подъ другимъ небомъ. Три дня сряду Бѣлинскій уже не поднимался, возвращаясь съ водъ домой, въ мезонинъ моей комнаты, а проходилъ прямо въ свой импровизированный кабинетъ. Все это время онъ былъ молчаливъ и сосредоточенъ. Каждое утро, послѣ обязательной чашки кофе, ждавшей его въ кабинетѣ, онъ надѣвалъ лѣтній сюртукъ, садился на диванчикъ и наклонялся къ столу. Занятія длились до часового нашего обѣда, послѣ котораго онъ не работалъ. Не покажется удивительнымъ, что онъ употребилъ три утра на составленіе письма къ Гоголю, если прибавить, что онъ часто отрывался отъ работы, сильно взволнованный ею, и отдыхалъ отъ нея, опрокинувшись на спинку дивана. Притомъ же и самый процессъ составленія былъ довольно сложенъ. Бѣлинскій набросалъ сперва письмо карандашомъ на разныхъ клочкахъ бумаги, затѣмъ переписалъ его четко и аккуратно набѣло, и потомъ снялъ еще съ готоваго текста копію для себя. Видно, что онъ придавалъ боль-

*) См. „Образованіе“ № 3.

шую важность дѣлу, которымъ занимался, и какъ будто понималъ, что составляетъ документъ, выходящій изъ рамки частной, интимной корреспонденціи. Когда работа была кончена, онъ посадилъ меня передъ круглымъ столомъ своимъ и прочелъ свое произведеніе".

„Я испугался, говоритъ Анненковъ—и тона, и содержанія этого отвѣта, и, конечно, не за Бѣлинскаго, потому что особенныхъ послѣдствій заграничной переписки между знакомыми тогда еще нельзя было предвидѣть; я испугался за Гоголя, который долженъ былъ получить отвѣтъ, и живо представилъ себѣ его положеніе въ минуту, когда онъ станетъ читать это страшное бичеваніе. Въ письмѣ заключалось не одно только опроверженіе его мнѣній и взглядовъ: письмо обнаруживало пустоту и безобразіе всѣхъ идеаловъ Гоголя, всѣхъ его понятій о добрѣ и чести, всѣхъ нравственныхъ основъ его существованія—вмѣстѣ съ дикимъ положеніемъ той среды, защитникомъ которой онъ выступилъ. Я хотѣлъ объяснить Бѣлинскому весь объемъ его страстной рѣчи, но онъ зналъ это лучше меня, какъ оказалось. „А что же дѣлать?" сказалъ онъ. „Надо всѣми мѣрами спасать людей отъ бѣшенаго человѣка, хотя бы взбѣсившійся былъ самъ Гомеръ. Что же касается до оскорбленія Гоголя, я никогда не могу такъ оскорбить его, какъ онъ оскорблялъ меня въ душѣ моей и въ моей вѣрѣ въ него". *)

Знаменитое письмо Бѣлинскаго содержитъ и отвѣтъ на упреки Гоголя за раздраженный тонъ статьи о „Перепискѣ", и новые несравненно болѣе смѣлые и сильные упреки самому Гоголю за изданіе его книги и, наконецъ, изложеніе міросозерцанія великаго критика, какъ оно сложилось къ концу его жизни. „Когда читаешь эти горячія строки—говоритъ А. Н. Веселовскій въ своей рѣчи „Orlando furioso"—отказываешься вѣрить, что онѣ написаны на порогѣ смерти... Рѣчь льется неудержимо; негодованіе, иронія, желчный смѣхъ, глубокая грусть, грозные призывы одуматься смѣняютъ другъ друга; переполненное разнородными фактами общественнаго, литературнаго, религіознаго содержанія, превращаясь то въ обвинительный актъ, то въ превосходную критическую статью, то въ политическій памфлетъ, письмо, видимо, даетъ спѣшныя, вызванныя требованіями минуты, обобщенія, — а за ними отгадываешь множество такихъ же добытыхъ цѣлою жизнью, но никогда не высказанныхъ во всеуслышаніе наблюденій, приговоровъ и пожеланій". **)

„Вы только отчасти правы, — отвѣчалъ Бѣлинскій непосредственно на упреки и подозрѣнія Гоголя—увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка. Этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно, не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ ва-

*) Анненковъ. Воспоминанія и критическіе очерки, III, 212—3.
**) Сборникъ „Памяти Бѣлинскаго", с. 50. М. 1899.

шего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось только въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель. Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своею страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи представляю не одно, а множество лицъ... Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады на вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы только это разсердило меня, я только объ этомъ и отзывался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ нехорошъ. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому что какъ-то по-человѣчески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если и не съ отличнымъ умомъ, то все-же не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали объ нихъ дѣла; но все-же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ; да еще вдобавокъ обвинять ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ... А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ, не могъ, да признаться, и не захотѣлъ бы знать. Предо мною была ваша книга, а не ваши намѣренія. Я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ, и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу".

„Я не въ состояніи дать вамъ—писалъ Бѣлинскій Гоголю о „Перепискѣ"—ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ воплякъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши и нелитературные (Чичиковы, Ноздревы, и городничіе и т. д.), и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились

даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ". *) Далѣе Бѣлинскій объясняетъ и причины негодованія, вызваннаго „Перепиской съ друзьями". „Россія—писалъ онъ—видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди, довольно она слышала ихъ, а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое, по возможности, ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ — не человѣкъ, страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Палашками; страны, гдѣ не только никакихъ гарантій для личностей, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые, современные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго исполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами). Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ ея апатическомъ полуснѣ. И въ это то время великій писатель, который своими дивно художественными, глубоко истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самого себя, какъ будто въ зеркалѣ,— является съ книгою, въ которой, во имя Христа и церкви, учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая *ихъ неумытыми рылами*". „Да если бы вы—восклицаетъ Бѣлинскій въ крайнемъ негодованіи—обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ за эти позорныя строки. И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги. Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьявольскимъ ученьемъ, совсѣмъ не то написали бы вашему адепту изъ помѣщиковъ. Вы написали бы ему, что такъ какъ его крестьяне его братья о Христѣ, и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать ему свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ ложномъ въ отношеніи къ нимъ положеніи... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы

---

*) Такими людьми Бѣлинскій считалъ славянофиловъ. „А славянофилы—писалъ онъ Боткину—напрасно на него сердятся. Имъ бы вспомнить пословицу: неча на зеркало пенять, коли рожа крива. Они... трусы, люди не консеквентные, боящіеся крайнихъ выводовъ собственнаго ученія; а онъ человѣкъ храбрый, которому нечего терять". (Пыпинъ, I, 271).

дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!"

Далѣе въ своемъ письмѣ Бѣлинскій рѣзко опровергаетъ взгляды Гоголя о значеніи православной церкви и православнаго духовенства, о религіозности русскаго народа, о вредѣ для народа грамотности и т. д. При этомъ, опровергая Гоголя и упрекая его въ незнаніи Россіи, Бѣлинскій самъ впадаетъ въ крайности и ошибки, напримѣръ, когда онъ утверждаетъ, что русскій народъ „по натурѣ глубоко атеистическій народъ".

Отвѣчая на упреки Гоголя, разъясняя причины общественнаго негодованія, возбужденнаго его книгой, Бѣлинскій не могъ удержаться, чтобы не бросить въ лицо автору „Переписки" позорное обвиненіе въ лицемѣріи, неискренности и даже въ корыстныхъ побужденіяхъ. Онъ сообщаетъ Гоголю, что его книгу „приняли всѣ... за хитрую, но черезчуръ нецеремонную продѣлку для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли". „Нѣкоторые остановились было на мысли—сообщаетъ Бѣлинскій далѣе—что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія: ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь, сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну наслѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстно письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ даютъ превратный толкъ". „Теперь судите сами—говоритъ Бѣлинскій—можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя, и еще болѣе какъ человѣка".

Впрочемъ, въ концѣ своего письма Бѣлинскій соглашается даже признать искреннимъ то настроеніе, которое продиктовало Гоголю его „Переписку", но во всякомъ случаѣ отказывается признать это настроеніе истиннымъ. „Ваше обращеніе—говоритъ онъ Гоголю—пожалуй, могло быть и искренно, но мысль довести о немъ до свѣдѣнія публики была самая несчастная. Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжело зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей,—тотъ носитъ Христа въ груди своей, и тому не зачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смиреніе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ, не любовь; а во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, странною гордостью, а съ другой, самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ, можетъ быть плодомъ или гордости, или слабоумія, и въ обоихъ случаяхъ ведетъ къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ вы позволили себѣ цинически грязно выражаться не только о другихъ (что было бы только невѣжество), но о са-

4*

момъ себѣ. Это уже гадко, потому что человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, но человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени: не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги! И что за языкъ, что за фразы! Дрянь и тряпка сталъ теперь *всякъ* человѣкъ! Неужели вы думаете, что сказать *всякъ* вмѣсто *всякій* значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляютъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, и будь изъ нея выключены тѣ мѣста, гдѣ вы говорите о себѣ, какъ писатель, кто бы подумалъ, что эта неопрятная и надутая шумиха словъ и фразъ—произведеніе пера автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“?

Въ заключительныхъ строкахъ своего посланія Бѣлинскій допускаетъ даже ошибочность своихъ выводовъ, но тѣмъ не менѣе не хочетъ взять назадъ свои оскорбительныя для Гоголя выраженія. „Неожиданное полученіе вашего письма—пишетъ онъ Гоголю—дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить вполовину, не умѣю хитрить, —это не въ моей натурѣ. Пусть вы, или само время докажетъ мнѣ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія“ *).

Еще до полученія письма отъ Бѣлинскаго Гоголю пришлось выслушать не мало крайне оскорбительныхъ отзывовъ по поводу „Переписки съ друзьями.“ Какъ ни жаждалъ Гоголь упрековъ и указанія недостатковъ, но уже въ мартѣ 1847 года онъ, по собственному признанію, „утомился отъ упрековъ слишкомъ тяжкихъ и жестокихъ“. Негодующіе упреки и обличенія, которыя посыпались на него „градомъ со всѣхъ сторонъ,“ глубоко потрясли великаго писателя. Онъ продолжалъ еще увѣрять своихъ друзей, что если его книга не принесла пользы обществу, въ чемъ онъ раньше былъ глубоко убѣжденъ, то все-таки она принесла громадную пользу ему самому, такъ какъ послужила для него „публичной оплеухой“ и зеркаломъ, въ которомъ онъ увидѣлъ свое „неряшество“. Подъ вліяніемъ упрековъ Гоголь сталъ

*) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, VIII, 596—607.

уже жалѣть, что выпустилъ въ свѣтъ свою „Переписку“. „Я размахнулся въ моей книгѣ—писалъ онъ Жуковскому—такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее“. „Одно помышленье о томъ—сознается онъ кн. Львову—съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностью сказано въ ней многое, заставляетъ меня горѣть отъ стыда“. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ извиняется Гоголь и передъ о. Матвѣемъ, хотя упреки кн. Львова и ржевскаго священника-изувѣра были совершенно противоположнаго характера. Одинъ сожалѣлъ, что Россія взамѣнъ великаго художника пріобрѣла плохого проповѣдника; другой упрекалъ Гоголя за то, что онъ еще не вполнѣ отрекся отъ прежней своей дѣятельности. Лѣтомъ 1847 года Гоголь уже совершенно „изнемогъ отъ оскорбительныхъ упрековъ и подозрѣній“.

Легко представить, какое впечатлѣніе произвело на больного писателя полученное имъ въ Остенде громовое письмо Бѣлинскаго, посланное изъ Зальцбрунна 15-го іюля 1847 года, хотя самъ Гоголь и постарался скрыть это впечатлѣніе. „Душа моя изнемогла,—писалъ онъ Бѣлинскому 10-го августа—все во мнѣ потрясено. Могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженія еще прежде, нежели я получилъ письмо ваше. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно“. Анненкову, которому было извѣстно содержаніе письма, Гоголь признался, что письмо огорчило его „не столько оскорбительными словами, сколько чувствомъ ожесточенія вообще“. Графу же А. П. Толстому Гоголь сообщилъ только, что „письмо, дѣйствительно, чистосердечное и съ тѣмъ вмѣстѣ изумительное увѣренностью въ непремѣнности своихъ убѣжденій“. Такъ писалъ Гоголь въ августѣ мѣсяцѣ. На первыхъ же порахъ по прочтеніи письма онъ былъ приведенъ въ сильнѣйшее негодованіе и подъ вліяніемъ этого чувства написалъ Бѣлинскому длинное и рѣзкое письмо, представляющее отвѣтъ почти на всѣ пункты обвиненій, вызванныхъ „Перепиской съ друзьями“.

Въ отвѣтѣ на подозрѣнія въ неискренности и корыстныхъ разсчетахъ Гоголь писалъ: „Не стану защищать мою книгу. Я самъ на нее напалъ и нападаю. Она была издана въ торопливой поспѣшности, несвойственной моему характеру, разсудительному и осмотрительному. Но движеніе было честное. Никому я не хотѣлъ ею польстить и покадить... Своекорыстныхъ же цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе (теперь, когда мнѣ) пора, подумать о смерти... Ничего я не хотѣлъ ею выпрашивать. Это не въ моей натурѣ... Вспомнили бъ вы по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобъ легче было разставаться съ міромъ. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца“. Гоголь снова повторяетъ свой упрекъ, что раздраженіе помѣшало Бѣлинскому

понять его книгу, какъ слѣдуетъ. „Вы взглянули на нее распаленными глазами, и все вамъ представилось въ ней въ другомъ видѣ. Вы ее не узнали... Вы говорите, что вы прочли будто сто разъ мою книгу, тогда какъ ваши же слова говорятъ, что вы ее не читали ни разу. Гнѣвъ отуманилъ глаза вамъ и ничего не далъ вамъ увидѣть въ настоящемъ смыслѣ. Блуждаютъ кое-гдѣ блестки правды посреди огромной кучи софизмовъ и необдуманныхъ юношескихъ увлеченій".

Въ эту „кучу софизмовъ" Гоголь сваливаетъ не только дѣйствительно парадоксальныя мнѣнія Бѣлинскаго, но и завѣтныя его убѣжденія о пользѣ европейской цивилизаціи, о воспитательномъ значеніи литературы, о необходимости общественныхъ реформъ и т. д. Европейская цивилизація для Гоголя — „пустой призракъ". Прочитанная книга—по его заявленію—производитъ часто такія послѣдствія, отъ которыхъ съ испугомъ отскакиваетъ самъ авторъ. Что касается пользы общественныхъ реформъ, то человѣкъ, по мнѣнію Гоголя, „не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда каждый сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство". „Будемъ—совѣтуетъ онъ—отправлять по совѣсти свое ремесло. Тогда все будетъ хорошо, и состоянье общества поправится само собою". Особенно негодуетъ Гоголь на тѣ выводы, которые сдѣлалъ Бѣлинскій изъ статьи „Русскій помѣщикъ". „Вы бы устыдились сами—говоритъ онъ—того грубаго смысла, который вы придали совѣтамъ моимъ помѣщику. Какъ эти совѣты ни маловажны, но въ нихъ нѣтъ протеста противъ грамотности... Отзывы ваши о помѣщикѣ вообще отзываются временами Фонвизина. Съ тѣхъ поръ много, много измѣнилось въ Россіи, и теперь показалось многое другое".

Гоголь не ограничивается защитой своихъ взглядовъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ жестоко нападаетъ на Бѣлинскаго, не скупясь на самыя рѣзкія выраженія. „Какое невѣжество! восклицаетъ онъ по поводу мнѣнія Бѣлинскаго объ отношеніи ученія церкви къ ученію Христа—какъ дерзнуть съ такимъ малымъ запасомъ свѣдѣній толковать о такихъ великихъ явленіяхъ?... Нельзя, получа легкое журнальное образованіе, судить о такихъ предметахъ. Нужно для этого изучить исторію церкви. Нужно сызнова прочитать съ размышленіемъ всю исторію человѣчества въ источникахъ, а не въ нынѣшнихъ легкихъ брошюркахъ, написанныхъ Богъ вѣсть кѣмъ. Эти поверхностныя энциклопедическія свѣдѣнія разбрасываютъ умъ, а не сосредоточиваютъ его".— По поводу мнѣнія Бѣлинскаго о религіозномъ настроеніи русскаго народа Гоголь писалъ: „Нельзя судить о русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными статейками французскихъ романистовъ... Я болѣе предъ вами имѣю права заговорить о русскомъ народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ

знаніе природы русскаго человѣка... А что же *вы* представите въ доказательство вашего знанія... природы русскаго народа? Что вы произвели такого, въ которомъ видно это знаніе?"—Въ заявленіи Бѣлинскаго: „я знаю общество наше и духъ его"—Гоголь усмотрѣлъ „отважную самонадѣянность". „Какими данными—спрашиваетъ онъ—вы можете удостовѣрять, что знаете общество? Гдѣ ваши средства къ тому? Показали ли вы гдѣ-нибудь въ сочиненьяхъ своихъ, что вы глубокій вѣдатель души человѣка? Живя почти безъ прикосновенья съ людьми и свѣтомъ, ведя мирную жизнь журнальнаго сотрудника, во всегдашнихъ занятіяхъ фельетонными статьями, какъ вамъ имѣть понятіе объ этомъ громадномъ страшилищѣ?"

Гоголь не только возвращаетъ Бѣлинскому его упреки въ гордости и самомнѣніи, но признаетъ также ложнымъ то направленіе его литературной дѣятельности, которое она приняла во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. „Опомнитесь, вы стоите на краю бездны!—пишетъ Гоголь, пользуясь выраженіемъ Бѣлинскаго,—какъ далеко вы сбились съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи!.. Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную мирную дорогу? Что могло быть прекраснѣе, какъ показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманья всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ нихъ сочувствія и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души? Дорога эта привела бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ. А теперь уста ваши дышатъ желчью и ненавистью... Зачѣмъ вамъ, вамъ, съ вашею пылкою душою, вдаваться въ этотъ омутъ политической жизни, въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго ума теряется? Какъ же съ вашимъ одностороннимъ пылкимъ какъ порохъ умомъ, уже вспыхивающимъ прежде, чѣмъ еще успѣли узнать, что истина, а что ложь, какъ вамъ не потеряться? Вы сгорите, какъ свѣчка, и другихъ сожжете".—Въ концѣ своего письма Гоголь даетъ Бѣлинскому совѣтъ поучиться. „Начните ученье. Примитесь за тѣхъ поэтовъ и мудрецовъ, которые воспитываютъ душу. Журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу, и вы замѣчаете наконецъ пустоту въ себѣ. Вспомните, что вы учились кое какъ, не кончили даже университетскаго курса. Вознаградите это чтеніемъ большихъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ умомъ, совращающимъ съ прямого взгляда" *).

Это письмо не дошло до Бѣлинскаго. Гоголь остался недоволенъ своимъ отвѣтомъ и изорвалъ его въ клочки. Не трудно понять, почему онъ въ концѣ концовъ не рѣшился поднять перчатку, брошенную Бѣлинскимъ. Гоголь не отказался отъ основ-

*) Письма Гоголя, IV, 32 41.

ныхъ своихъ религіозныхъ и нравственныхъ идей до конца жизни, но онъ уже не могъ защищать отдѣльныя свои мнѣнія, противъ которыхъ вооружились даже люди, сочувствовавшіе общему направленію его книги. Гоголь былъ убѣжденъ, что его противникъ „видитъ совершенно одну сторону дѣла и не можетъ даже подумать равнодушно о томъ, что существуетъ и можетъ существовать другая сторона того же дѣла". Но въ то же время Гоголь видѣлъ, что его противникъ былъ несокрушимо убѣжденъ въ правотѣ своихъ взглядовъ, тогда какъ онъ самъ чувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется. Упрекая Бѣлинскаго въ незнаніи русскаго народа и совѣтуя ему поучиться, Гоголь не могъ не вспомнить собственнаго заявленія: „я болѣю незнаніемъ многихъ вещей въ Россіи" (III, 428); не могъ онъ не вспомнить также и крайней легковѣсности своего научнаго багажа. Наконецъ, какъ могъ Гоголь примирить свой совѣтъ Бѣлинскому—вернуться къ чисто-эстетической критикѣ—съ собственнымъ своимъ убѣжденіемъ въ необходимости такого искусства, которое отражало бы запросы общества?" Повѣрь—писалъ онъ Шевыреву 27 апрѣля 1847 года—что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно не возымѣетъ теперь вліянія, если нѣтъ въ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество, и если въ немъ не выставлены тѣ люди, которые намъ нужны теперь и въ нынѣшнее время. Не будетъ сдѣлано этого—его убьетъ первый романъ, какой ни появится изъ фабрики Дюма *)". Развѣ не то же самое твердилъ и Бѣлинскій въ концѣ своей литературной дѣятельности? Только „вопросы, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество", у Гоголя были одни, а у Бѣлинскаго другіе. Если же нѣкоторые вопросы и оказывались у нихъ общими, то въ средствахъ ихъ разрѣшенія великій юмористъ и великій критикъ рѣзко расходились.

Вмѣсто разорваннаго письма, возстановленнаго впослѣдствіи Кулишемъ, Гоголь послалъ Бѣлинскому другое письмо несравненно болѣе мягкое по содержанію. Въ этомъ письмѣ Гоголь не опровергаетъ ни одного изъ мнѣній Бѣлинскаго, допускаетъ даже что, можетъ быть, въ словахъ его есть „часть правды", и открыто сознается въ своемъ невѣжествѣ относительно Россіи. „Мнѣ показалось непреложной истиной—писалъ Гоголь—что я не знаю вовсе Россіи, что многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ ней не былъ, что нынѣ нужно почти сызнова узнавать все то, что есть въ ней теперь, а выводъ изъ всего этого вывелъ я для себя тотъ, что не слѣдуетъ выдавать въ свѣтъ ничего, не только никакихъ живыхъ образовъ, но даже и двухъ строкъ какого бы то ни было писанія, покуда, проживши въ Россіи, не увижу многаго собственными глазами и не пощупаю собственными руками". Гоголь не умолчалъ, конечно, о томъ, что Бѣлинскій видитъ только „одну сторону дѣла", но сдѣлалъ

*) Письма Гоголя, III, 447.

это въ необыкновенно деликатной формѣ. „Мнѣ кажется—говоритъ онъ—что не всякій изъ насъ понимаетъ нынѣшнее время... Настоящій вѣкъ есть вѣкъ весьма разумнаго сознанія; не горячась, онъ взвѣшиваетъ все, принимаетъ всѣ стороны къ свѣдѣнію, безъ чего не узнать разумной средины вещей. Онъ велитъ оглядывать многостороннимъ взглядомъ старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедшихъ временъ. Мы ребенки (sic) передъ этимъ вѣкомъ. Повѣрьте мнѣ, что вы и я равно виноваты передъ этимъ вѣкомъ. Я, покрайней мѣрѣ, сознаюсь въ этомъ, но сознались ли вы? Точно такъ же, какъ я упустилъ изъ виду современныя дѣла и множество вещей, которыя слѣдовало сообразить, точно также упустили и вы; какъ я слишкомъ усредоточился въ себѣ, такъ и вы слишкомъ разбросались. Какъ мнѣ нужно многое узнать изъ того, что знаете вы и чего я не знаю, такъ и вамъ слѣдуетъ узнать хоть часть того, что знаю я и чѣмъ вы напрасно пренебрегаете“.

И окончаніе письма совершенно иное: Гоголь не даетъ Бѣлинскому совѣтовъ учиться, а съ трогательною заботливостью проситъ его дорожить своимъ здоровьемъ. „А покамѣстъ—пишетъ онъ—помните прежде всего ваше здоровье; оставьте на время современные вопросы. Вы потомъ возвратитесь къ нимъ съ большею свѣжестью и, стало быть, съ большею пользою какъ для себя, такъ и для нихъ. Желаю вамъ отъ всего сердца спокойствія душевнаго, первѣйшаго блага, безъ котораго нельзя дѣйствовать и поступать разумно ни на какомъ поприщѣ“ *). Съ такой же просьбой обращается Гоголь и къ Анненкову: „отводите отъ него все возмущающее духъ его“.

Бѣлинскій получилъ отвѣтъ Гоголя въ Парижѣ, „прочелъ съ участіемъ“ и, по свидѣтельству Анненкова, сказалъ: „какая запутанная рѣчь; да, онъ долженъ быть очень несчастливъ въ эту минуту“. Но если полученный Бѣлинскимъ отвѣтъ Гоголя былъ блѣднымъ и запутаннымъ, зато нѣкоторыя возраженія и выраженія изъ разорваннаго письма попали въ „Авторскую исповѣдь“, которая, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени является замаскированнымъ отвѣтомъ Гоголя на знаменитое письмо Бѣлинскаго. Въ „Авторской исповѣди“ Гоголь протестуетъ противъ заключенія, будто онъ „воюетъ противъ просвѣщенія народнаго“, и даже заявляетъ, что онъ „всегда стоялъ за просвѣщенье народное“ и „полжизни думалъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа“. Далѣе, имѣя въ виду опять таки Бѣлинскаго, Гоголь говоритъ: „я очень помню и совсѣмъ не позабылъ, что по поводу небольшихъ моихъ достоинствъ явились у насъ очень замѣчательныя критики, которыя на всегда останутся памятниками любви къ искусству, которыя возвысили въ глазахъ общества значеніе поэтическихъ созданій“. Бѣлинскаго же имѣетъ въ виду Гоголь и тогда, когда протестуетъ

*) Письма Гоголя, IV, 45—46.

противъ обвиненія въ отрицаніи пользы европейскаго просвѣщенія. Наконецъ, въ „Авторской исповѣди" повторяются слова разорваннаго письма, когда Гоголь говоритъ, что на него взводили такія обвиненія, которыхъ онъ не въ силахъ былъ бы „взвести даже на отъявленнаго мерзавца, который заклейменъ клеймомъ всеобщаго презрѣнія".

Вообще, въ 1847 году Гоголь интересовался Бѣлинскимъ болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Онъ дорожилъ его душевнымъ спокойствіемъ, его здоровьемъ и интересовался даже его семейнымъ положеніемъ. Такъ, въ сентябрѣ этого года онъ освѣдомлялся у Анненкова, женатъ ли Бѣлинскій или нѣтъ. Но сближенія между ними теперь уже не могло быть. Благопріятный моментъ для такого сближенія былъ упущенъ по винѣ Гоголя въ началѣ сороковыхъ годовъ. Въ 1847 году между Бѣлинскимъ и Гоголемъ не могло состояться не только сближеніе, но даже свиданіе, хотя въ августѣ этого года ихъ раздѣлялъ всего одинъ день ѣзды (Бѣлинскій былъ въ Парижѣ, Гоголь въ Остенде). „Схватка Гоголя на литературной аренѣ съ его лучшимъ критикомъ—говоритъ г. Шенрокъ—могла быть въ высшей степени полезна и поучительна для общественнаго развитія, но самимъ противникамъ она не принесла ничего, кромѣ вредныхъ страданій и глубокаго нравственнаго потрясенія; на глазахъ читающей публики разыгралась кровавая драма, актерами и жертвами которой были люди, страстно искавшіе каждый по своему истины и свѣта, но съ безповоротно опредѣлившимися міросозерцаніями люди способные нанести жестокія раны, но никакъ уже не поддержать и направлять другъ друга" *).

Письмо Бѣлинскаго сильно поразило Гоголя, но не переубѣдило его. Побѣда осталась на сторонѣ о. Матвѣя, который призналъ переписку тоже вредной книгой, конечно, со своей точки зрѣнія. Между прочимъ, и Бѣлинскій и о. Матвѣй указали Гоголю на противорѣчіе между общимъ направленіемъ его книги и защитою въ ней Пушкина, свѣтской литературы и театра Но то, что Бѣлинскому казалось абсурдомъ—„мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ"—на самомъ дѣлѣ, благодаря вліянію о. Матвѣя, стало почти фактомъ. Черезъ о. Матвѣя Гоголь „умоляетъ" Бурачка о прощеніи за то, что дерзнулъ высказаться противъ мнѣнія „Маяка" объ анти-христіанскомъ направленіи поэзіи Пушкина, а въ 1849 году Бурачекъ оказывается уже въ числѣ ближайшихъ друзей Гоголя.

„Переписка съ друзьями" окончательно уронила Гоголя, и какъ человѣка и какъ мыслителя, въ глазахъ Бѣлинскаго, но тѣмъ дороже сдѣлались для него художественныя произведенія творца „Мертвыхъ душъ". Еще до появленія „Переписки" враги Бѣлинскаго распускали слухи, что онъ поставилъ Достоевскаго выше Гоголя и собирается напечатать противъ него рядъ статей.

*) Шенрокъ, IV, 589.

Шевыревъ радовался этому слуху, находя, что Гоголю „давно пора для славы своей скинуть съ себя пятно похвалъ и восклицаній, которыя приносилъ ему Бѣлинскій“ *). Но первая же книжка обновленнаго „Современника“ опровергла всѣ эти слухи и надежды. Когда вышла „Переписка“, по адресу Бѣлинскаго было направлено не мало язвительныхъ намековъ въ статьяхъ кн. Вяземскаго, Шевырева, барона Розена, Брандта (сотрудника „Сѣверной Пчелы“) и др. Съ одной стороны Бѣлинскому кололи глаза намеками, что его похвалы довели Гоголя до маніи величія, съ другой—злорадствовали по поводу отреченія Гоголя отъ солидарности съ „Отечественными Записками“. Положеніе Бѣлинскаго было очень непріятное, но отъ *прежняго* Гоголя онъ, конечно, не отрекся и съ прежней энергіей сталъ отстаивать свой взглядъ на его литературную дѣятельность. Уже въ статьѣ о „Перепискѣ“ Бѣлинскій заявилъ: „Какая намъ нужда, что онъ (Гоголь) не признаетъ достоинства своихъ сочиненій, если ихъ признало общество? Это факты, которыхъ дѣйствительности не въ состояніи опровергнуть онъ самъ... Нѣтъ, господа противники таланта Гоголя, раненько вы вздумали торжествовать побѣду, которой не одержали и которой не одержать вамъ! Именно, теперь-то еще болѣе, чѣмъ прежде, будутъ расходиться и читаться прежнія сочиненія Гоголя, теперь то еще выше, чѣмъ прежде, будетъ цѣниться онъ, потому что теперь онъ самъ существуетъ для публики больше въ прошедшемъ“.

Въ послѣднихъ статьяхъ Бѣлинскаго: „Отвѣтъ Москвитянину“ и „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“—мы находимъ повтореніе и развитіе тѣхъ взглядовъ великаго критика, которые были имъ высказаны о Гоголѣ со времени появленія „Мертвыхъ душъ“. Попрежнему Гоголю приписывается огромное вліяніе на русскую литературу, попрежнему съ „Миргорода“ и „Ревизора“ считается начало новаго періода русской литературы, попрежнему авторъ этихъ произведеній признается самобытнѣйшимъ русскимъ писателемъ и родоначальникомъ „натуральной школы“. Попрежнему также Бѣлинскій защищаетъ Гоголя отъ упрековъ въ односторонности и предпочтеніи отрицательныхъ явленій жизни и не соглашается признать его мастеромъ только на изображеніе пошлости. „Ему дался—говоритъ Бѣлинскій—не пошлый человѣкъ, а человѣкъ вообще, какъ онъ есть, не украшенный и не идеализированный“. „У него нѣтъ соперниковъ въ искусствѣ воспроизводить ее (жизнь) во всей ея истинности. Онъ ничего не смягчаетъ, не украшаетъ, вслѣдствіе любви къ идеаламъ, или какихъ-нибудь заранѣе принятыхъ идей, или привычныхъ пристрастій“. Однимъ словомъ, Гоголь показалъ, что „искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ“.

Кромѣ печатныхъ отзывовъ Бѣлинскаго о Гоголѣ мы имѣемъ

*) Переписка Грота съ Плетневымъ, II, 962.

и болѣе интимные его отзывы въ письмахъ къ Кавелину. Изъ этихъ писемъ мы узнали, что, защищая Гоголя и натуральную школу „отъ фискальныхъ обвиненій", Бѣлинскій, по собственному его признанію, счелъ за нужное сдѣлать въ печати кое-какія уступки, на которыя внутренно онъ и не думалъ соглашаться, и кое-что изложилъ въ такомъ видѣ, какой мало имѣетъ общаго съ его убѣжденіями касательно этого предмета. Бѣлинскій согласился, напримѣръ, съ Кавелинымъ, что „между Гоголемъ и натуральной школой цѣлая бездна" потому что хотя Гоголь и далъ натуральной школѣ форму, и указалъ на содержаніе, но „дѣйствовалъ безсознательно", тогда какъ его послѣдователи дѣйствуютъ во имя сознанныхъ идеаловъ, заимствованныхъ, главнымъ образомъ, изъ французской литературы. Но заявить объ этомъ печатно Бѣлинскій считалъ крайне опаснымъ: „это значило бы по его словамъ—наводить волковъ на овчарню вмѣсто того, чтобы отводить ихъ отъ нея". Вообще, Бѣлинскій понималъ, какъ трудно разъяснить истинное значеніе Гоголя и созданнаго имъ направленія, и, собираясь почти наканунѣ своей смерти въ рядѣ статей сказать о немъ свое „послѣднее слово", чувствовалъ „тоску" при мысли, что „надо будетъ говорить многое не такъ, какъ думаешь" *). Смерть избавила Бѣлинскаго отъ этой пытки, избавила его также и отъ крайне тяжелой отвѣтственности за письмо, написанное Гоголю изъ Зальцбрунна.

Что касается Гоголя, то послѣ 1847 года мы не встрѣчаемъ ни въ его перепискѣ, ни въ матеріалахъ для его біографіи, собранныхъ г. Шенрокомъ, никакихъ упоминаній и отзывовъ о Бѣлинскомъ. Даже при встрѣчѣ съ ближайшими друзьями покойнаго критика Гоголь не рѣшался заговорить съ ними о Бѣлинскомъ. „Это имя обожгло бы его губы", говоритъ Тургеневъ, съ которымъ Гоголь долго бесѣдовалъ о своихъ убѣжденіяхъ 20 октября 1851 года. Едва ли можно сомнѣваться, что Гоголю было извѣстно широкое распространеніе по Россіи зальцбруннскаго письма Бѣлинскаго. И, конечно, воспоминаніе о жестокихъ упрекахъ „неистоваго Виссаріона" и мысль, что его суровыя и не всегда справедливыя обвиненія читаетъ вся мыслящая Россія, не могли не усиливать того болѣзненнаго настроенія, въ которомъ находился Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни. Недаромъ же за четыре мѣсяца до своей смерти „внезапно измѣнившимся, торопливымъ голосомъ" онъ старался убѣдить Тургенева и Щепкина, что „онъ всегда придерживался однихъ и тѣхъ же религіозныхъ и охранительныхъ началъ".

Но если фіаско, выпавшее на долю „Переписки", залегло въ сердцѣ Гоголя „неизлѣчимой раной", то, по собственному его признанію, онъ не сердился ни на кого изъ тѣхъ, кто высказалъ ему откровенно свое мнѣніе. „Вслѣдствіе вашего наставленія—писалъ Гоголь глубоко уважаемой имъ старушкѣ Шере-

*) Письма Бѣлинскаго, 170—171, 179—181.

метевой передъ путешествіемъ въ Іерусалимъ—я осмотрѣлъ себя и вопросилъ, не имѣю ли чего на сердцѣ противъ кого-либо, и мнѣ показалось, что ни противъ кого ничего не имѣю. Вообще у меня сердце незлобное, и я думаю, что я въ силахъ бы былъ простить всякому за какое бы то ни было оскорбленіе“ *). Существуетъ, правда, мнѣніе, будто бы въ „недоучившемся студентѣ“, пріятелѣ Тентетникова, Гоголь хотѣлъ изобразить Бѣлинскаго „въ отместку“ за страстное порицаніе „Переписки съ друзьями“ **). Но обѣ дошедшія до нась редакціи второго тома „Мертвыхъ душъ“, гдѣ является сначала „недоучившійся студентъ“, а потомъ вмѣсто него „не докончившій учебнаго курса „эстетикъ,“—относятся къ 1842 году. Слѣдовательно, о мести Гоголя за письмо Бѣлинскаго не можетъ быть и рѣчи.

Скоро послѣ смерти Гоголя съ него было снято позорное обвиненіе въ подлости и корыстныхъ разсчетахъ. Уже въ 1857 году Чернышевскій сопоставленіемъ раннихъ и позднѣйшихъ взглядовъ Гоголя показалъ, что великій писатель, „если и заблуждался, то не измѣнялъ себѣ, и если мы можемъ жалѣть о его судьбѣ, то не имѣемъ права не уважать его“ ***). Но ни признаніе искренности Гоголя, ни появленіе въ 1867 году „Переписки“ въ полномъ видѣ не измѣнили установившагося взгляда на эту книгу, которая оказалась безповоротно осужденной. Хотя отъ времени до времени въ ея защиту пишутся статьи и даже цѣлыя книги, но эти запоздалые голоса, несмотря даже на авторитетъ Льва Толстого, сравнивавшаго Гоголя съ Паскалемъ, остаются одинокими. Для отношенія же образованнаго большинства къ книгѣ Гоголя очень характеренъ слѣдующій фактъ. Въ книгѣ г. Ледерле: Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія“—отдѣльными лицами рекомендуются, между прочимъ, библія, отцы церкви, Ѳома Кемпійскій, русскіе духовные писатели, четьи минеи, кіевскій патерикъ, даже духовные журналы сороковыхъ годовъ, но никому и въ голову не пришло рекомендовать „Переписку Гоголя“, эту будто бы „великую“ и несправедливо „оклеветанную“ книгу, по увѣренію ея панегиристовъ.

„Переписка“ для насъ важна не какъ сборникъ проповѣдей и нравственныхъ совѣтовъ, а какъ историко-литературный и автобіографическій фактъ. Важна она и въ томъ отношеніи, что послужила поводомъ къ знаменитому письму Бѣлинскаго. Это письмо, по выраженію А. Н. Пыпина, „показало всю силу и весь объемъ стремленій“ великаго критика. Оно явилось ключемъ къ правильному пониманію статей Бѣлинскаго и художественныхъ произведеній Гоголя. Кромѣ того, оно явилось публицистическимъ завѣщаніемъ великаго критика и программой „великихъ

*) Письма Гоголя, IV 160—161.

**) А. Н. Веселовскій. Этюды и характеристики, с. 581. М. 1894.

***) Критическія статьи, с. 140. Спб. 1895.

реформъ“ Александра II. Въ тысячахъ списковъ разошлось оно по Россіи и послужило „трубнымъ гласомъ“, призывавшимъ молодое поколѣніе къ искорененію „ига рабства“, „неправды черной въ судахъ“ и другихъ „мерзостей“ дореформенной Россіи. Когда, вскорѣ послѣ Крымской войны, правительству понадобились честные и самоотверженные дѣятели для проведенія въ жизнь крестьянской, судебной и земской реформъ, нужные люди оказались прежде всего среди поклонниковъ Бѣлинскаго. „Имя Бѣлинскаго—писалъ въ 1856 году его принципіальный противникъ И. С. Аксаковъ—извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ... „Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ“, говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи... Если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго“.

Но не забыло благодарное потомство и заслугъ Гоголя. Имена великаго юмориста и великаго критика поставлены рядомъ и въ исторіи русской литературы и въ исторія общественнаго развитія Россіи. Пусть Гоголь дѣйствовалъ почти безсознательно, а Бѣлинскій имѣлъ ясное представленіе о цѣляхъ и средствахъ, тѣмъ не менѣе имъ обоимъ почти въ равной степени Россія обязана и появленіемъ плеяды „писателей сороковыхъ годовъ“, и подготовкой „эпохи великихъ реформъ“. Пусть Гоголь до конца дней своихъ не сознавалъ мерзости рабства, какъ мыслитель, и крайне непривлекательно изобразилъ русскій народъ въ „Мертвыхъ душахъ“, какъ художникъ,—его сочиненія, объясненныя Бѣлинскимъ, сыграли видную роль въ томъ процессѣ общественнаго развитія, который привелъ къ паденію крѣпостного права. И въ 1873 году, когда появилась поэма Некрасова: „Кому на Руси жить хорошо“, едва ли кто удивился, встрѣтивъ тамъ рядомъ имена Бѣлинскаго и Гоголя, какъ „заступниковъ народныхъ“.

С. Ашевскій.

Очеркъ развитія экономическихъ ученій въ XIX вѣкѣ.

II.

Въ 1847 г. Милль выпустилъ свой главный трудъ по политической „Экономіи —Principles of Political Economy with some of their applications to Social Philosophie“ („Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми примѣненіями къ соціальной философія“), гдѣ пытался развить и пересмотрѣть основныя положенія классической школы. Раздѣляя въ общемъ многія изъ этихъ положеній и стоя совершенно на такой же методологической точкѣ зрѣнія, Милль однако вкусилъ уже отъ древа критики и сомнѣнія, что привело его, къ сожалѣнію, къ крайнему эклектизму, онъ съ одной стороны признаетъ, что эти положенія, конечно, вѣрны, а съ другой доказываетъ, что они до извѣстной степени ошибочны. Онъ не сумѣлъ освободиться отъ фетишиской точки зрѣнія классиковъ и подобно имъ разсматриваетъ процессъ производства внѣ всякой зависимости отъ общественныхъ условій и отношеній данной эпохи, и для него производство выражаетъ не общественныя отношенія людей, а отношеніе человѣка къ силамъ природы.

Мы уже видѣли выше, что представители классической школы подмѣняли незамѣтно понятіе „трудъ“ понятіемъ „издержки производства“. И Милль въ этомъ отношеніи оказался вѣрнымъ ученикомъ Рикардо: онъ приводитъ рядъ примѣровъ, подлежащихъ различнымъ законамъ цѣнности. Общимъ закономъ, опредѣляющимъ цѣнность всѣхъ товаровъ, у него является „трудность полученія“—отсюда уже рукой подать къ теоріи издержекъ производства. И Милль дѣйствительно все время путается между теоріей издержекъ производства и теоріей трудовой цѣнности. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ: „Мы можемъ признать общимъ правиломъ, что вещи имѣютъ наклонность обмѣниваться другъ на друга по такой цѣнности, которая даетъ

возможность каждому производителю покрывать издержки производства плюсъ обычная прибыль; другими словами, по той цѣнности, которая даетъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ издержки". Здѣсь ужъ нѣтъ ни атома теоріи трудовой цѣнности, здѣсь все то же роковое смѣшеніе труда съ издержками производства, т. е. попросту отказъ отъ всякаго объясненія.

Чѣмъ опредѣляется цѣнность продукта? Издержками его производства. А что такое издержки производства? Это „цѣнность труда" и цѣнность матеріаловъ, затраченныхъ на производство. Слѣдовательно, теорія издержекъ производства цѣнность объясняетъ цѣнностью, иксъ иксомъ и поэтому ровно ничего не объясняетъ.

Вся классическая школа не сумѣла провести точнаго различія между трудовой теоріей цѣнности и теоріей издержекъ производства, благодаря тому, что она не отличала трудъ отъ рабочей силы и не могла понять процесса возростанія цѣнности въ производствѣ.

Милль въ этомъ отношеніи не только не устранилъ неясность классиковъ, но еще болѣе усугубилъ ее и еще менѣе послѣдовательно развилъ трудовую теорію. Въ одномъ мѣстѣ своего труда онъ пишетъ: „Цѣнность товаровъ зависитъ главнымъ образомъ, а можетъ быть и исключительно, отъ количества труда, необходимаго для ихъ производства". Но, перевернувъ одну страницу, мы уже читаемъ: „Рикардо выражается такъ, какъ будто цѣнность товара зависитъ единственно отъ того количества труда, которое необходимо для его производства и доставленія на рынокъ. Но такъ какъ для капиталиста стоимость производства заключается не въ трудѣ, а въ заработной платѣ и такъ какъ заработная плата можетъ быть и выше и ниже при одномъ и томъ же количествѣ труда, то казалось бы, что цѣнность продукта не можетъ опредѣляться исключительно количествомъ труда, а должна обусловливаться вмѣстѣ и количествомъ труда, и размѣромъ вознагражденія, и что цѣнности отчасти должны зависѣть отъ величины заработной платы". Здѣсь, по крайней мѣрѣ, Милль выражается въ сослагательномъ наклоненіи — казалось бы. Но черезъ двѣ страницы онъ уже въ изъявительномъ наклоненіи пишетъ: „*Плата* за трудъ, необходимый для производства разныхъ товаровъ, имѣетъ такое же вліяніе на ихъ цѣнность, какъ и относительное вліяніе труда".

Мы узнаемъ далѣе отъ Милля, что стоимость нѣкоторыхъ товаровъ опредѣляется „полезностью", а бываютъ случаи, когда цѣнность „всецѣло регулируется потребностями или желаніями покупателя, „трудностью достиженія" и т. д. И съ подобною путаницей, съ подобными попытками примирить совершенно непримиримое мы встрѣчаемся на каждомъ шагу отдѣла о цѣнности въ „Основаніяхъ политической экономіи" Дж. Ст. Милля.

Мы уже видѣли, что, считая трудъ рабочаго цѣликомъ опла-

ченнымъ въ заработной платѣ, классики экономисты не могли, конечно, объяснить явленія прибыли съ точки зрѣнія трудовой теоріи. И дѣйствительно, всѣ они и ихъ ближайшіе послѣдователи принуждены были искать объясненіе возникновенія прибыли внѣ трудовой теоріи цѣнности. Милль не только не сумѣлъ разрушить это противорѣчіе своихъ учителей, но еще болѣе запуталъ его. Въ самомъ началѣ главы о прибыли Милль говоритъ: „Подобно тому какъ заработная плата рабочаго есть вознагражденіе за труды, такъ и прибыль капиталиста, по вѣрному выраженію Сеньора, есть собственно говоря, вознагражденіе за воздержаніе“. Здѣсь ужъ Милль совсѣмъ отступилъ отъ классической къ вульгарной школѣ съ ея теоріей воздержанія, о которой намъ придется говорить ниже по поводу ученія ея изобрѣтателя—Сеньора.

Въ другомъ мѣстѣ Милль нѣсколько ближе подходитъ къ первому объясненію. Онъ пишетъ: „Причина прибыли та, что трудъ производитъ больше—чѣмъ требуется на его содержаніе“, „причина, почему капиталъ приноситъ прибыль, состоитъ въ томъ, что пища, одежда, матеріалы и орудія существуютъ дольше того времени, которое потребовалось на производство ихъ“. Однако и это объясненіе очень мало объясняетъ;—прибыль выступаетъ здѣсь какъ порожденіе самого производства, а не опредѣленнаго общественнаго отношенія людей въ процессѣ производства. Остается совершенно невыясненнымъ, почему же трудъ производитъ больше, а не именно столько, сколько требуется на его содержаніе, почему не существуетъ эквивалентности между тѣмъ, что трудъ производитъ и тѣмъ, что требуется для его содержанія.

Ученіе Милля о капиталѣ страдаетъ такою же невыдержанностію точки зрѣнія, вызываемою тѣмъ, что и капиталъ разсматривается имъ внѣ связи съ общественными отношеніями. Для Милля капиталъ представляетъ „всѣ вещи“, предназначенныя „для снабженія производительнаго труда всѣмъ необходимымъ“.

Милль не далъ сколько-нибудь стройной и оригинальной экономической теоріи; смутно чувствуя противорѣчія классической школы, онъ пытался выбраться изъ нихъ, для чего перепробовалъ самыя различныя объясненія и во всемъ остался типичнымъ эклектикомъ.

Уже Чернышевскій остроумно сравнивалъ Милля съ человѣкомъ, который, рѣшившись уѣхать изъ Петербурга, колеблется куда ему поѣхать—въ Берлинъ или Казань, и, порѣшивъ наконецъ, что въ Берлинъ ѣхать, конечно, благоразумнѣе, все-таки уѣзжаетъ въ Казань. И дѣйствительно, во всѣхъ частяхъ ученія Милль является чистѣйшимъ эклектикомъ, во что бы то ни стало стремящимся усѣсться между двухъ стульевъ, примирить непримиримое. Его умъ точно маятникъ вѣчно колеблется между двумя крайними теоріями, не находя покоя...

Значеніе Милля заключается въ томъ, что онъ оживилъ со-

прикосновеніемъ съ жизнью слишкомъ „старую теорію" классиковъ, что онъ наполнилъ сухія и абстрактныя теоріи классиковъ живымъ содержаніемъ текущей жизни съ ея злобами дня.

Джонъ Стюартъ Милль былъ послѣднимъ крупнымъ экономистомъ, пытавшимся отстоять основныя идеи, и экономическія и соціальныя, классической политической экономіи. Мы видѣли, что это ему не удалось и принудило его взяться за мало плодотворную работу эклектическаго перекраиванія и примиренія непримиримаго. Болѣе дифференцировавшаяся соціальная среда, яснѣе опредѣлившіяся классовыя противоположности уже не позволяли сохранять экономисту олимпійскую объективность и наложили рѣзко выраженный классовой отпечатокъ на различныя экономическія теоріи. Милль отдѣлилъ—и поставилъ себѣ это въ заслугу—законы производства и законы распредѣленія; оставаясь въ области первыхъ въ общемъ на почвѣ классической школы, онъ пошелъ въ области вторыхъ на встрѣчу новымъ соціально-этическимъ вліяніямъ и съ симпатіей отнесся къ нуждамъ рабочаго, но это привело лишь къ тому, что влеченія сердца и велѣнія ума не нашли у него объединяющаго синтеза.

Остальные же буржуазные экономисты и не пытались этого сдѣлать, они рѣшительно порвали съ основными идеями своихъ отцовъ.

Классики - экономисты, какъ мы видѣли, сумѣли устоять на объективной точкѣ зрѣнія, благодаря сравнительной классовой недифференцированности тогдашней соціальной среды. Съ тѣхъ же поръ какъ на арену выступилъ въ качествѣ самостоятельной силы новый классъ и рядомъ фактовъ доказалъ всю призрачность „желѣзности" и „естественности" законовъ капиталистическаго хозяйства, съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилась по крайней мѣрѣ возможность иного, не буржуазнаго, способа хозяйствованія изъ трудовой теоріи классиковъ стали дѣлать соціалистическіе выводы, съ этихъ поръ буржуазія отворачивается отъ классической экономіи и заказываетъ экономистамъ сдѣлать новую.

Классики - экономисты указывая на антагонизмъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи, считали, однако, этотъ антагонизмъ естественнымъ закономъ, его же не прейдеши. Иныя отношенія между трудомъ и капиталомъ невозможны, слѣдовательно, безплодно поднимать вопросъ объ ихъ справедливости или несправедливости. Дальнѣйшая соціальная эволюція, развитіе эволюціоннаго воззрѣнія показали возможность иныхъ отношеній и тѣмъ самымъ былъ поднятъ вопросъ объ ихъ справедливости. Два различныхъ отвѣта на этотъ вопросъ дали идеологи двухъ борющихся классовъ—буржуазные экономисты и утопическіе соціалисты. Съ этихъ поръ рабочее движеніе начинаетъ оказывать все болѣе сильное вліяніе на политическую экономію, и формулировка экономическихъ теорій—суфлироваться классовымъ положеніемъ ихъ авторовъ.

Подобно тому какъ извѣстный видъ растеній и животныхъ можетъ распространяться лишь въ предѣлахъ опредѣленной

долготы и широты, такъ же точно и опредѣленныя экономическія идеи могли нравиться и распространиться лишь въ опредѣленныхъ предѣлахъ классовой психологіи. На всемъ протяженіи XIX в. экономическими теоріями сознательно и безсознательно пользовались какъ орудіемъ классовой борьбы, и на развитіи экономическихъ ученій обнаружился своего рода кантовскій приматъ практическаго разума надъ теоретическимъ.

Классическая политическая экономія прежде всего возбудила неудовольствіе своихъ позднѣйшихъ буржуазныхъ послѣдователей тѣмъ, что она открыто указывала, что матеріальныя цѣнности создаются трудомъ рабочаго, а желѣзный законъ заработной платы приковываетъ этого же рабочаго къ минимуму существованія, проще выражаясь, къ нищенской жизни. Это значило прямо давать орудіе въ руки соціалистамъ. А тутъ еще и весь ходъ соціальнаго развитія слово за слово переводилъ красивую, „общечеловѣческую" идеологію классической буржуазіи на прозаическій языкъ реальныхъ классовыхъ интересовъ. Буржуазія, по крайней мѣрѣ Англіи, уже тогда пережила свой поэтическій періодъ молодости, когда классовые интересы ея искренне отожествлялись съ общечеловѣческими, обнаружился ея прозаическій грубо матеріальный характеръ, съ такимъ мастерствомъ раскрытый въ знаменитомъ „Манифестѣ": „Всюду, гдѣ она достигла господства, буржуазія разрушила всѣ старыя патріархально-идиллическія отношенія. Она безжалостно разорвала пестрыя феодальныя нити, связывающія человѣка съ его повелителями и не оставила между людьми никакой связи, кромѣ голаго интереса, безсердечнаго „чистогана". Въ холодной водѣ эгоистическаго расчета потопила она порывы набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевленія и мѣщанской сентиментальности. Она превратила въ мѣновую стоимость личное достоинство человѣка и на мѣсто безчисленнаго множества видовъ благопріобрѣтенной и патентованной свободы поставила одну, чуждую идеальныхъ соображеній, свободу торговли. Эксплуатацію, прикрытую религіозными и политическими иллюзіями, она замѣнила эксплуатаціей открытой, сухой и безстыдной". Разрушеніе буржуазіей старыхъ патріархально-идиллическихъ отношеній и мѣщанской сентиментальности вызвало противъ буржуазной экономіи оппозицію со стороны мелко-буржуазныхъ экономистовъ, эта оппозиція по необходимости должна была носить реакціонный характеръ, такъ какъ она направлялась противъ революціонной роли развитія производительныхъ силъ; ея открытая и сухая эксплуатація и препятствія дальнѣйшему развитію вызвали оппозицію со стороны соціалистическихъ экономистовъ.

Наличность этихъ двухъ оппозицій заставила буржуазныхъ экономистовъ приняться за оправданіе капиталистическаго строя, изслѣдователь превратился въ апологета, классическая экономія выродилась въ вульгарную. Типичными представителями вульгарной школы служатъ Сей, Сеньоръ и Бастіа.

Ихъ основная цѣль состояла въ томъ, чтобы доказать отсутствіе непримиримыхъ классовыхъ противорѣчій и показать, что и капиталисты также участвуютъ въ производствѣ цѣнностей, какъ и рабочіе. Начались доказательства, что вѣдь въ сущности говоря и капиталистъ рабочій, а рабочій вѣдь тоже капиталистъ, что капиталистъ тоже трудится и за свой трудъ онъ и получаетъ прибыль. Жанъ-Баптистъ Сей (1767—1832) въ своихъ сочиненіяхъ „Traitè d'Economie politique“ (1803), „Cours d'Economie politique pratique“ (1828) и др. доказываетъ, что факторами производства цѣнностей являются одновременно трудъ, капиталъ и природа. Эти факторы образуютъ „производительный фондъ“, отъ котораго и происходятъ всѣ матеріальныя блага. Но возникаютъ эти блага не непосредственно изъ фонда, а черезъ „производительныя услуги“ (Services productifs). Нѣкоторыя силы природы (сила вѣтра, воды) оказываютъ свои услуги безплатно, соціальныя же силы—напр. трудъ и капиталъ—требуютъ за свои услуги вознагражденіе. Такимъ образомъ при производствѣ всякаго продукта различныя факторы участвуютъ, оказываютъ услуги и требуютъ вознагражденія; между этими факторами и должна быть раздѣлена цѣна произведеннаго продукта, причемъ доля каждаго фактора опредѣляется каждый разъ на колеблюшихся вѣсахъ спроса и предложенія.

Если силы природы находятся въ частномъ монопольномъ владѣніи, то, впрягая ихъ въ процессъ производства, капиталистъ тѣмъ самымъ оказываетъ производству услуги и за эти услуги получаетъ вознагражденіе въ видѣ ренты. Отдавая свой трудъ для производства цѣнностей, рабочій тоже оказываетъ процессу производства услуги и за эти услуги получаетъ вознагражденіе—заработную плату; капиталистъ, затрачивая въ производствѣ свои капиталы, тоже оказываетъ услуги и тоже долженъ быть вознагражденъ прибылью на капиталъ, такъ что эта прибыль есть не что иное, какъ заработная плата трудящагося капитала.

Еще болѣе хитроумное оправданіе капиталистическаго хозяйства придумалъ англійскій экономистъ Сеньоръ (1790—1864), авторъ соч. „An introductory lecture an political economy“ (London 1826) и „Outlines of the Science of Political Economy“ (London 1836). „Я, объявилъ Сеньоръ, замѣняю слово капиталъ, разсматриваемый какъ орудіе производства, словомъ „воздержаніе“ („Abstinenz“). Не только накопленіе, даже простое сохраненіе капитала требуетъ постоянныхъ усилій для того, чтобы устоять передъ искушеніемъ истребить его.“

Для того, чтобы могъ вообще образоваться капиталъ, учитъ онъ, необходимо было, чтобы капиталистъ долгіе годы воздерживался отъ потребленія своего капитала и пускалъ его въ оборотъ. За это онъ и вознаграждается прибылью. Цѣна продукта должна непремѣнно оплатить и воздержаніе капиталиста. Такимъ образомъ издержки производства всякаго продукта состоятъ изъ труда и воздержанія, безъ котораго невозможно дальнѣйшее производство.

Итакъ оказывается, что все капиталистическое хозяйство опирается на воздержанность капиталистовъ. Доказываетъ эту идею Сеньоръ путемъ своего рода двойной капиталистической бухгалтеріи. Капиталистъ комбинаціей капитала, т. е. мертваго труда съ живымъ производитъ продуктъ, при реализаціи котораго на рынкѣ онъ получаетъ недурные барыши. Но капиталистъ этимъ не довольствуется и черезъ своего адвоката Сеньора предъявляетъ къ обществу искъ о вознагражденіи его за воздержаніе, но вѣдь это значитъ требовать за свою дѣятельность, а затѣмъ, получивъ, просить еще за воздержаніе отъ недѣятельности! Вѣдь, разсуждая такимъ образомъ, и рабочій долженъ быть вознагражденъ за свой трудъ, а затѣмъ за воздержаніе отъ лѣни? Всякій конечно знаетъ, что рабочему приходится въ тысячу разъ больше воздерживаться, чѣмъ капиталисту, и если воздержаніе должно быть вознаграждено, то доходъ капиталиста долженъ быть отданъ рабочему, а доходъ рабочаго—капиталисту. Воздерживаться отъ потребленія чего-либо можно только тогда, когда это что-либо уже существуетъ, стало быть, воздержаніе отъ потребленія капитала еще ровно ничего не объясняетъ въ образованіи капитала.

О какомъ воздержаніи американскихъ милліардеровъ можетъ быть рѣчь, а между тѣмъ доходъ они получаютъ все-таки недурной.

Лассаль остроумно писалъ о теоріи Сеньора:

„Прибыль съ капитала это „вознагражденіе за воздержаніе"!

„Счастливое выраженіе, неоцѣнимое слово! Европейскіе милліонеры оказываются аскетами, индусскими самоистязателями, которые стоя на одной ногѣ, съ согбеннымъ туловищемъ и блѣднымъ лицомъ протягиваютъ тарелку въ толпу, прося собрать имъ за воздержаніе. Высоко посреди ихъ, надъ своими братьями—самоистязателями и кающимися, возвышается домъ Ротшильда. Таково современное общество. Удивительно, какъ я не замѣчалъ этого до сихъ поръ!" По адресу Шульце-Делича, защищающаго эту теорію, Лассаль писалъ: „Надѣюсь, что Вы сообразите, что непотребленіе предписывается самою сущностью предмета. Вы ставите капиталистамъ въ заслугу, что они не съѣли паровыхъ машинъ, улучшеній почвы, кирпичей, слитковъ мѣди, полосъ желѣза, каменныхъ плитъ; Вы прославляете ихъ за это воздержаніе. Вы воображаете, что владѣльцы могли продать всѣ эти вещи и прокутить выручку. Положимъ такъ, г. Шульце, но что же изъ этого? Какое вліяніе имѣло бы это на общественное образованіе капитала? Эти капиталы, эти паровыя машины, эти кирпичи и слитки стали бы принадлежать Петру вмѣсто Ивана, что для общества, для націи было бы безразлично. Опять спрашиваю я Васъ, что Вы пишете, г. Шульце! Національно-экономическій трактатъ, „курсъ политической эк.", какъ Вы утверждаете, или курсъ частно-хозяйственнаго разсужденія, подъ заглавіемъ „Искусство разбогатѣть"?

Идеи Сея и Сеньора усердно популяризировалъ французскій экономистъ Фр. Бастіа, апостолъ экономическихъ гармоній. Символъ своей капиталистической вѣры онъ излагаетъ такъ: „Я вѣрю, что въ обществѣ все служитъ причиною прогресса, даже то, что приноситъ ему страданіе. Никакого антагонизма между производителемъ и потребителемъ не существуетъ, потому что вѣдь они оказываютъ другъ другу услуги. Если увеличивается число капиталовъ и богатѣютъ капиталисты, то увеличиваются и занятія для рабочихъ и улучшается ихъ заработная плата; слѣдовательно, въ своихъ же интересахъ рабочій долженъ стремиться къ тому, чтобы прибыль капиталиста была побольше. Между капиталистами и рабочими—полная гармонія". Въ своихъ сочиненіяхъ „Sophismes économiques" (1846) и „Harmonies économiques" (1849) Бастіа подробно развиваетъ теорію услугъ. Въ производствѣ, учитъ Бастіа, участвуютъ трудъ и капиталъ. Для того, чтобы рабочій могъ производительно трудиться онъ долженъ примѣнить капиталъ, но у него его нѣтъ, и вотъ его выручаетъ капиталистъ, ссужая ему свой капиталъ, этимъ онъ оказываетъ рабочему услугу и требуетъ за это вознагражденіе.

Цѣнность опредѣляется сравненіемъ двухъ услугъ. Вступая въ обмѣнъ, люди взвѣшиваютъ соотносительную услугу, оказываемую ими другъ другу, интенсивность потребности въ этой услугѣ и регулируетъ цѣнность.

Я говорю своему сосѣду, отправляющемуся за водой: сберегите мой трудъ, окажите мнѣ *услугу*, принесите воды и для меня, а я взамѣнъ займусь съ вашимъ ребенкомъ. Такимъ образомъ, возникаетъ обмѣнъ, въ которомъ одна услуга такъ сказать стоитъ другой. Цѣнность будетъ при этомъ соотвѣтствовать не труду, который былъ исполненъ лицомъ, оказавшимъ услугу, а напротивъ труду, сбереженному принявшимъ ее.

Теорія услугъ не объясняетъ намъ производства цѣнностей и только замѣняетъ слово трудъ рабскимъ терминомъ „услуги". Оно оказало услугу если не политической экономіи, то во всякомъ случаѣ защитникамъ капиталистовъ.

Марксъ остроумно осмѣялъ всѣ эти попытки оправдать капиталистическую прибыль. Капиталистъ, говоритъ онъ, начинаетъ читать поученія: „Надо де принять во вниманіе его воздержаніе. Вѣдь онъ могъ бы промотать свои 15 милліоновъ, вмѣсто того онъ потребилъ ихъ производительно и сдѣлалъ изъ нихъ пряжу. Но вѣдь зато, говорятъ ему, у него есть теперь пряжа вмѣсто угрызеній совѣсти... Какова бы ни была его заслуга воздержанія, нѣтъ ничего, чѣмъ бы можно было ее оплатить, такъ какъ цѣнность продукта, выходящаго изъ процесса производства, только равна суммѣ вошедшихъ въ него товарныхъ цѣнностей. Пусть онъ успокоится на томъ, что добродѣтель вознаграждается добродѣтелью же. Но вмѣсто того, чтобы успокоиться на этомъ, капиталистъ становится навязчивымъ. Пряжа ему не нужна, говоритъ онъ, произвелъ онъ ее для продажи. Ему отвѣчаютъ на

это: пусть онъ продастъ пряжу, или что еще проще, пусть онъ впредь производитъ только предметы, необходимые для его собственнаго потребленія, кстати его домашній врачъ, Макъ Куллохъ, уже прописалъ ему этотъ рецептъ, какъ испытанное средство противъ эпидемій перепроизводства. Но нашъ капиталистъ становится на дыбы. Развѣ рабочій могъ бы своими руками работать въ пустомъ пространствѣ, создавать продукты труда, товары изъ ничего? Развѣ онъ, капиталистъ, не далъ рабочему матеріала, посредствомъ котораго и въ которомъ послѣдній только и можетъ выплатить свой трудъ... Неужели онъ не долженъ положить на счеты эту услугу?... Нашъ пріятель, только что кичившійся своимъ капиталомъ, вдругъ принимаетъ непритязательный видъ своего собственнаго рабочаго. Развѣ онъ самъ не работаетъ?...“

Мы видѣли уже выше, что капиталистическое хозяйство, неся мелкой буржуазіи разореніе, вызвало со стороны послѣдней рѣзкую оппозицію, идеологами которой явился цѣлый рядъ экономистовъ, первое мѣсто между которыми принадлежитъ безспорно французскому экономисту Симону де-Сисмонди (1773—1842).

Сисмонди выступилъ вначалѣ на ученое поприще въ качествѣ ревностнаго сторонника классической школы. Но въ 1815 году онъ совершилъ путешествіе въ страну классическаго капитализма и классической политической экономіи, Англію, гдѣ въ это время свирѣпствовалъ опустошительный промышленный кризисъ. Голодная армія безработныхъ, тысячи разоренныхъ существованій произвели очень сильное впечатлѣніе на гуманнаго и мягкосердечнаго Сисмонди и заставили его впервые призадуматься надъ культурною ролью просвѣщеннаго капитализма. Онъ однако нашелъ лишь выходъ въ сторону экономическаго романтизма и экономической реакціи и съ этихъ поръ становится рѣшительнымъ сторонникомъ мелкой буржуазіи, промышленной и сельской. Онъ призываетъ капиталистическое хозяйство къ суду симпатій и нравственныхъ воззрѣній, выросшихъ на почвѣ мелко-буржуазнаго строя. Онъ не указываетъ реальные факторы и силы, которые поведутъ къ реализаціи его идеаловъ, да и къ идеаламъ этимъ можно было только возвратиться, но не подняться до нихъ. Въ своихъ горячо написанныхъ сочиненіяхъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ служатъ его „Новыя основы политической экономіи“ („Nouveaux Principes d'Économie politique“ 1819), онъ нападаетъ на англійскихъ экономистовъ, упрекая ихъ въ томъ, что они воздвигли алтарь Молоху, что для нихъ деньги все, а человѣкъ, эта конечная цѣль творенія, ничто, они низвели человѣка до роли простого орудія производства, они превратили въ ростовщическую науку политическую экономію, эту la plus sublime science de la bienfaisance.

„Откуда происходятъ бѣдствія, спрашиваетъ Сисмонди, и отвѣчаетъ: мы видимъ, что машины, понижая заработную плату и загромождая рынокъ товарами, поселяютъ въ рабочемъ населеніи

ужасы голода, мы видимъ, что безпрерывный ростъ производства ведетъ только къ обогащенію немногихъ богачей и къ еще большему обѣднѣнію бѣдныхъ, мы видимъ землевладѣльцевъ, изгоняемыхъ съ родиыхъ полей, чтобы очистить мѣсто для крупнаго земледѣльческаго производства, требующаго меньше рабочихъ рукъ". И все это порождается системой свободной конкурренціи, которая мѣшаетъ справедливому распредѣленію продуктовъ, и введеніемъ машинъ, вытѣсняющихъ рабочихъ.

Сисмонди ярый врагъ машинъ.

„Если бы Англія, писалъ онъ, достигла того, что на ея поляхъ и фабрикахъ работали бы только машины и насчитывала бы при этомъ не больше населенія, чѣмъ современная Женевская республика, сохранивъ теперешній свой чистый доходъ и теперешній національный капиталъ, то слѣдовало ли бы считать ее богатой и процвѣтающей? Рикардо долженъ былъ бы отвѣтить на это утвердительно, и удивительно, какъ не испугался онъ передъ этимъ выводомъ. Онъ говоритъ: если чистый доходъ остается безъ измѣненія, то не все ли равно, будетъ ли состоять населеніе изъ десяти или двѣнадцати милліоновъ. Какъ, значитъ богатство—все, а человѣкъ—ничего! Проще всего было бы пожелать, чтобы англійскій король возсѣдалъ бы на островѣ и, вертя постоянно рукоятку машины, автоматически производилъ бы все національное богатство Англіи".

Сисмонди невѣрно понималъ основной характеръ капиталистическаго хозяйства, что онъ ясно доказалъ своей полемикой о рынкахъ съ Рикардо, но онъ сумѣлъ высказать много интересныхъ и правильныхъ идей.

Мелко-буржуазная оппозиція, своеобразно сочетаясь съ соціалистической и даже анархистской, нашла себѣ еще одного краснорѣчиваго и талантливаго защитника въ лицѣ французскаго же экономиста Прудона. Для изученія исторіи соціальныхъ ученій Прудонъ представляетъ весьма интересную фигуру, но на развитіе чисто-экономическихъ ученій онъ оказалъ очень слабое вліяніе.

Рикардо, какъ извѣстно, выставилъ два основныхъ положенія: 1) цѣнность товара опредѣляется исключительно количествомъ труда, затраченнымъ на его производство, 2) продуктъ общественнаго труда дѣлится между тремя классами—землевладѣльцами (рента), капиталистами (прибыль) и рабочими (заработная плата). Изъ этихъ двухъ положеній въ Англіи уже съ двадцатыхъ годовъ начались дѣлаться соціалистическіе выводы. Экономисты аргументировали такъ: такъ какъ мѣновая цѣнность, по Рикардо, равна кристаллизованному въ немъ рабочему времени, то и мѣновая цѣнность рабочаго дня равна его продукту. Т. е., значитъ, заработная плата должна быть равна цѣнѣ произведеннаго продукта. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, слѣдовательно между дѣйствительностью и теоріей какъ будто бы рѣзкое противорѣчіе. Мы уже видѣли, что классики-экономисты, столкнувшись съ этимъ

противорѣчіемъ, не сумѣли его разрѣшить, такъ какъ въ силу своей классовой психологіи они не могли дать вѣрнаго разрѣшенія и принуждены были отступить отъ трудовой теоріи. Англійскіе утопическіе соціалисты двадцатыхъ годовъ своею классовою психологіей были подготовлены къ истинному разрѣшенію этой проблемы, но и они не пришли къ этому разрѣшенію по недостатку высоты и глубины научнаго познанія. И только научный соціализмъ, счастливо сочетавшій въ себѣ благопріятную классовую психологію съ глубиною научнаго познанія, сумѣлъ прійти къ вѣрному разрѣшенію этой проблемы. Англійскіе же соціалисты первой половины прошлаго вѣка главнымъ образомъ занимались этическимъ освѣщеніемъ этого вопроса и приглашали экономическую дѣйствительность устыдиться.

Оппозиція противъ классической, „англійской“ политической экономіи получила стройную и разработанную форму лишь въ сороковыхъ годахъ, когда въ Германіи образовалась такъ называемая историческая школа въ политической экономіи.

Крупно-капиталистическому хозяйству пришлось на континентѣ развиваться при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Англіи. Прежде всего онъ столкнулся здѣсь съ несравненно болѣе прочно существовавшими и пестрыми формами докапиталистическаго хозяйства, сельское хозяйство продолжало прочно развиваться въ своихъ прежнихъ формахъ и не знало революціи, пережитой сельскимъ хозяйствомъ Англіи. Кромѣ того, капитализмъ на континентѣ, вслѣдствіе конкурренціи англійскаго капитализма, не могъ развиваться безъ пеленокъ протекціонизма, т. е. нуждался въ энергическомъ вмѣшательствѣ государства. Наконецъ, и это сыграло громадную роль, продавцы своеобразнаго товара—рабочей силы заняли къ этому времени опредѣленное амплуа на исторической сценѣ, и у идеологовъ буржуазнаго хозяйства еще свѣжо было въ памяти Ліонское возстаніе... И идеологическая атмосфера этой эпохи рѣзко отличалась отъ той идеологической атмосферы, которой дышали классики-экономисты.

Эти просвѣщенные экономисты жили идеями просвѣщенной философіи XVIII вѣка съ ея раціонализмомъ, разсудочностью и полнымъ игнорированіемъ историчности.

Въ сороковыхъ годахъ кредитъ этой философіи былъ уже значительно подорванъ. Эволюціонизмъ начинаетъ проникать въ самыя различныя области знанія.

Въ 1839 году появляется знаменитое сочиненіе Огюста Конта „Cours de philosophie positive“. Контъ поставилъ, какъ извѣстно, тѣсно ограниченный предѣлъ нашему познанію и призналъ научное значеніе лишь за чистымъ наблюденіемъ („observation pure“), за сравнительнымъ методомъ („methode comparative“), и историко-сравнительнымъ изслѣдованіемъ.

Съ проповѣдью этого же позитивизма и историзма въ экономической наукѣ выступили въ Германіи сороковыхъ годовъ Гильдебрандтъ, Книсъ и Рошеръ.

Въ полную противоположность англійской классической школѣ, нѣмецкая историческая школа рѣзко подчеркнула историческій характеръ всѣхъ экономическихъ явленій и теорій и непосредственную зависимость послѣднихъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Задачу свою историческая школа видѣла въ томъ, чтобы „въ полную противоположность абсолютизму теоріи, показать, что экономическія явленія и экономическія теоріи, въ какой бы формѣ они предъ нами не являлись, всегда представляютъ результатъ историческаго развитія, что они находятся въ живой связи со всѣмъ организмомъ исторической жизни, что они выростаютъ изъ потребностей времени, мѣстъ, національности... что „общіе законы“ политической экономіи представляютъ лишь историческое проявленіе в растолкованіе истины и ни по своей формѣ, ни по своему объему не являются законченными“ (Книсъ).

Первоначальные представители исторической школы видѣли въ своей наукѣ лишь строго теоретическое изслѣдованіе и заранѣе отказывались отъ творенія этическаго суда и расправы надъ экономическими явленіями и подобно лѣтописцу Пимену спокойно зрѣли на правыхъ и виновныхъ...

Въ предисловіи къ „Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswissenschaft nach geschichtlicher Methode“ (1843) Рошеръ прямо говорилъ, что „историческій методъ не будетъ огульно хвалить или порицать какое либо экономическое явленіе, что немного учрежденій, которыя были бы благодѣтельны или вредны для всѣхъ народовъ. Пеленки ребенка и постель старика невыносимы для взрослаго человѣка. Главная задача науки скорѣе въ томъ, чтобъ показать, какъ разумное становится безумнымъ, благодѣтельное—несчастнымъ“.

Въ другомъ своемъ, главнѣйшемъ сочиненіи „Grundlagen der Nationalökonomie“ Рошеръ выражается на этотъ счетъ еще опредѣленнѣе. Задача политической экономіи заключается, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы „дать простое описаніе во-первыхъ экономическаго характера и потребностей народа, а во-вторыхъ—законовъ и учрежденій, существующихъ для удовлетворенія этихъ потребностей, во-вторыхъ же разсмотрѣть, къ какимъ результатамъ эти законы и учрежденія привели. Отъ научнаго же изслѣдованія вопроса „что должно быть?“ историческая школа отказывается. Точно такъ же и другой основатель исторической школы Гильдебрандтъ въ предисловіи къ своему сочиненію „Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft“ (1848) ставитъ задачей исторической школы „проложить историческое направленіе и историческій методъ въ политической экономіи и придать этой наукѣ характеръ изслѣдованія законовъ экономическаго развитія народовъ“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что подъ перомъ его основателей, историческое направленіе въ политической экономіи явилось крайне односторонней реакціей противъ абстрактности и внѣисторичности „англійской“ политической экономіи, что оно

представляло скромный политико-экономическій позитивизмъ, но при всемъ этомъ оно, однако, понимало, что политическая экономія, какъ особая наука, имѣетъ свой самостоятельный объектъ изслѣдованія и не допускаетъ вплетанія въ нее постороннихъ точекъ зрѣнія.

Но на этой точкѣ зрѣнія представители исторической школы удержались не долго. Рядъ соціальныхъ событій выбилъ ихъ изъ позиціи простого наблюдателя. Исходъ 1848 года повліялъ крайне удручающе на соціальное движеніе, и вплоть до шестидесятыхъ годовъ оно не поднималось вновь. Лишь въ 1862 году подъ предводительствомъ Фердинанда Лассаля образуется самостоятельная рабочая партія, въ 1864 году основывается „интернаціональ", съ эйзенахскаго конгресса 1869 г. интернаціональная марксистская партія начинаетъ играть все большую роль и въ 1875 г. на конгрессѣ въ Готтѣ національная лассалевская партія и интернаціональная марксистская сливаются въ одну единую соціалъ-демократическую партію; въ 1871 г. партія эта получила 124,655 голосовъ, въ 1877 г. уже 493,000. Это сильное соціальное броженіе не могло не обратить на себя тревожнаго вниманія экономистовъ исторической школы. На изъятіе соціальнаго вопроса изъ употребленія помощью насильственныхъ мѣръ нельзя уже было серьезно надѣяться. Стать цѣликомъ на сторону этого движенія эти экономисты по своему классовому положенію не могли, и имъ оставалось прибѣгнуть къ успокаивающимъ средствамъ. Въ 1872 году благодаря пропагандѣ молодыхъ представителей исторической школы съ Густавомъ Шмоллеромъ въ главѣ созывается „конференція для обсужденія соціальнаго вопроса" и тогда же въ Эйзенахѣ постановляютъ основать „Общество соціальной политики".

Молодые и увлекающіеся представители исторической школы были увѣрены, что ими, наконецъ, найдено средство, исцѣляющее отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ. Средство это „мудрая" соціальная политика и этическое отношеніе къ экономическимъ вопросамъ. Не стремясь къ уничтоженію классовъ, они думали уничтожить классовую рознь путемъ соціальныхъ примочекъ и припарокъ. Они выступили на словахъ горячими сторонниками улучшенія положенія рабочихъ и введенія соціальныхъ реформъ, но ихъ односторонній „историзмъ" помѣшалъ имъ на дѣлѣ отстаивать сколько нибудь коренныя реформы.

Шмоллеръ горячо говорилъ:

„Мы спрашиваемъ прежде всего: обнаруживаютъ ли условія, въ которыхъ живетъ теперь большинство рабочихъ, какой либо нравственный или экономическій прогрессъ, и вынуждены отвѣтить на это отрицательно, по крайней мѣрѣ для большинства современныхъ рабочихъ. Вмѣсто этого мы видимъ, что постепенно создается все болѣе и болѣе рѣзкій контрастъ рабочихъ съ имущими и образованными классами, что образовалась страшная пропасть между міровоззрѣніемъ, образованіемъ, взглядами и идеа-

лами имущихъ и неимущихъ классовъ—и эта пропасть опаснѣе экономической.

„Мы вспоминаемъ изъ исторіи, что высшая культура грековъ, римлянъ и другихъ народовъ погибла отъ такихъ же противоположностей въ соціальной борьбѣ, вслѣдствіе неспособности найти примиреніе между высшими и низшими классами. Хотя и въ отдаленіи, но мы предвидимъ такую же опасность и для нашей культуры, если не удастся настолько поднять, образовать и примирить низшіе классы на почвѣ правового равенства, общей школы, воинской повинности, а также и дальнѣйшихъ реформъ, стоящихъ на очереди. чтобы эти классы слились въ гармоніи съ организмомъ общественнымъ и государственнымъ.

„Нашъ общественный идеалъ не есть нивеллированіе въ соціалистическомъ смыслѣ; мы считаемъ то общество самымъ нормальнымъ и здоровымъ, которое представляетъ собою лѣстницу различныхъ существованій, но съ общими переходами отъ одной ступени къ другой. Между тѣмъ нашему теперешнему обществу грозитъ опасность все болѣе и болѣе уподобиться лѣстницѣ, въ которой сверху и снизу много ступень, а среднія ступени прогрессивно исчезаютъ".

Заключительная фраза этого манифеста историко-этической партіи, написаннаго въ дни молодого увлеченія, когда цѣли ставятся смѣлѣе и шире, показываетъ, что, несмотря на большой этическій паѳосъ, этическій идеалъ исторической школы былъ очень малъ и скроменъ. Это идеалъ „здороваго" и „крѣпкаго" средняго сословія, идеалъ „среднихъ ступеней" и соціальной политики, къ ихъ благу направленной. Идеальное общество рисуется имъ въ видѣ общества, гдѣ бы всѣ были по возможности маленькими буржуа, грамотными, сытыми, чисто одѣтыми и смирными.

Они одинаково враждебно настроены и противъ крупнаго капитала, разрушающаго мирныя патріархальныя отношенія, „легкіе переходы отъ одной ступени въ другой", и противъ соціальнаго движенія, направленнаго на уничтоженіе классовъ. Эту „насильственную ломку" они этически осуждаютъ. Но ихъ этика сама явилась продуктомъ экономическаго развитія.

Мы уже видѣли, что идеологія разрушаемой мелкой буржуазіи въ лицѣ Сисмонди во Франціи и, прибавимъ, Карлейля въ Англіи, стала на „этическую" точку зрѣнія, мы видѣли, что эпигоны классической экономіи ополчались противъ классиковъ, имѣвшихъ непростительную неосторожность изображать капиталистическій строй въ его натуральномъ видѣ безъ всякихъ стыдливыхъ покрововъ.

Набрасываніемъ этихъ покрововъ усердно занялись и „этическіе" экономисты, причемъ этика оказалась податливымъ матеріаломъ для выкраиванія всяческихъ фиговыхъ листковъ капиталистическому строю.

Неблагонамѣренно ведущая себя „экономика" была отдана подъ явный надзоръ „этики", которая должна была ее обуздывать. Ре-

акціонный и классовой характеръ этой этики не подлежитъ сомнѣнію.'

Напр. „этическая" теорія этическихъ экономистовъ легко мирится съ ужасной эксплуатаціей ремесленныхъ учениковъ, сельскихъ батраковъ, но не можетъ переварить срочныхъ сдѣлокъ на биржѣ. „Мигомъ устраняются, замѣтилъ по этому поводу Зомбартъ, сдѣлки на срокъ и другіе „злокачественные наросты" капитализма подъ благовиднымъ предлогомъ этическихъ соображеній, за которыми въ большинствѣ случаевъ скрыты реальные интересы, пышно разрастающіеся подъ этическимъ покровомъ".

Когда въ Германіи происходила ликвидація остатковъ крѣпостного строя, представители исторической школы рекомендовали правительству крайнюю осторожность и вниманіе къ правамъ помѣщиковъ, они противились „ломкѣ" традиціонныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, они недовольно покачивали головами даже когда возникали попытки организовать мелкій кредитъ и учили, „что медленный ходъ событій это самый лучшій".

Часть историческихъ экономистовъ рѣшительно стояла за сохраненіе цеховъ, другая же часть, хотя скрѣпя сердце и согласилась на ихъ упраздненіе, требовала, чтобы сдѣлано это было медленно и осторожно. Историческая школа горячо отстаивала союзы и коалиціи ремесленниковъ, но за то она возставала противъ разрѣшенія свободы союзовъ рабочимъ, такъ какъ-де составъ этихъ союзовъ „не гарантируетъ достаточной интеллигентности".

Когда въ 1890 г. Брентано вступилъ въ „Общество соціальной политики" съ предложеніемъ добиваться полнаго равноправія рабочихъ союзовъ, то глава современной историко-этической школы Густавъ Шмоллеръ рѣшительно возсталъ противъ этого предложенія, находя его не своевременнымъ. Онъ требовалъ, чтобы только постепенно „отъ случая къ случаю" расширялась свобода рабочихъ союзовъ и чтобы эта свобода во всякомъ случаѣ не была распространена на соціалъ-демократическіе союзы.

Еще въ 1890 г. Шмоллеръ высказался за сохраненіе исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи.

Только въ прошломъ году съ защитой этихъ законовъ выступилъ другой представитель историко-этической школы Густавъ Майръ.

Историко-этическая школа явилась реакціей противъ быстраго хода экономическаго развитія, подъ знаменемъ „историзма" она всегда вступалась за „вѣковыя", „освященныя традиціей" права и „исторически" оправдывала всѣ тѣневыя стороны современной культуры. Она старалась разбавить горечь классового положенія сиропомъ этическихъ утѣшеній и ссылкой на исторію.

Она не далеко ушла въ этомъ отношеніи отъ нѣкоторыхъ представителей исторической школы въ правѣ, о которыхъ Марксъ писалъ:

„Существуетъ школа, которая сегодня совершаемыя низости оправдываетъ вчерашними, которая объявляетъ мятежомъ всякій протестъ крѣпостнаго раба противъ кнута, если только этотъ кнутъ старый, прирожденный, историческій... Этотъ Шейлокъ во всякомъ кускѣ мяса, вырѣзанномъ изъ народнаго сердца ссылается подъ присягой на свой вексель, свой историческій вексель“.

Историко-этическая школа всегда подчеркивала свою враждебность къ классичесской, „англійской“ политической экономіи, виновной въ грубомъ эгоизмѣ и теоретическомъ абсолютизмѣ.

Что касается второго упрека, то онъ безспорно справедливъ. Классическая школа игнорировала историко-общественный характеръ экономическихъ категорій, и огромная заслуга исторической школы состоитъ въ томъ, что она этотъ характеръ подчеркнула и дала замѣчательныя изслѣдованія по эволюціи экономическаго строя. Но по закону реакціи она впала въ противоположную крайность, она превратила политическую экономію какъ абстрактную науку объ историческихъ явленіяхъ въ конкретныя историческія описанія, она растворила политическую экономію въ экономическую исторію и впала въ тѣ „чрезмѣрности исторіи“, противъ которыхъ не безъ основанія протестовалъ Ф. Ницше. Ея историческій методъ лишаетъ политическую экономію всякаго научнаго характера. Вотъ что утверждаетъ, напр., руководящійся этимъ методомъ Шмоллеръ:

„Тогда какъ старая доктрина принимала, что одинъ и тотъ же товаръ на одномъ и томъ же рынкѣ можетъ имѣть только одну цѣну, мы видимъ въ дѣйствительности, что извѣстная часть публики сознательно покупаетъ въ болѣе дорогихъ лавкахъ. Дѣлаетъ она это потому, что дешевыя лавки находятся въ еврейскихъ рукахъ, а наши покупатели вѣрны антисемитическому девизу. Здѣсь стало быть на хозяйственную арену выступаетъ „національный“ человѣкъ и моментъ обычая: „естественный законъ“ космополитической теоріи, „рыночный человѣкъ“ съ его „эгоизмомъ“ исчезаетъ. Такъ что эгоизмъ этотъ не представляетъ неизмѣнной величины“.

Не трудно убѣдиться что „методъ“, которымъ пользуется Шмоллеръ, въ этихъ словахъ уничтожаетъ возможность существованія экономической науки. Если на самомъ дѣлѣ экономисту приходится принимать во вниманіе антисемитскіе и семитскіе взгляды покупателей и считать, что любой баронъ съ своей фантазіей можетъ измѣнить экономическій законъ, то тогда не можетъ, конечно, существовать самостоятельная экономическая наука.

Историко-этическая школа особенно гордилась всегда своимъ трезвеннымъ позитивизмомъ и своею близостью къ дѣйствительности. Но ея представители не замѣчали того, что своимъ требованіемъ этическаго суда надъ экономическими фактами и своимъ требованіемъ воспроизводить дѣйствительность во всей ея конкретности и индивидуальности, они порывали со всякимъ позитивизмомъ и уходили въ метафизику.

Никакая наука не въ состояніи воспроизвести дѣйствительность во всей ея пестротѣ и конкретности; если бы этого можно было достигнуть, то тогда бы всѣ отдѣльныя науки сбились въ одну науку и эта одна наука только бы и существовала. Нò это интеллектуальная утопія. Нашъ бѣдный человѣческій умъ не въ состояніи схватить эту дѣйствительность во всей ея полнотѣ, онъ производитъ надъ нею мучительную вивисекцію, различныя науки подходятъ къ ней съ различныхъ сторонъ, отвлекаютъ опредѣленные ея элементы и возсоединяютъ ихъ въ объектъ новаго изслѣдованія. Такъ поступаетъ всякая наука и точно также должна поступать и политическая экономія, она должна имѣть свой особый, самостоятельный объектъ изслѣдованія и абстрагировать изъ пестрой дѣйствительности лишь опредѣленныя стороны. Это не значитъ, конечно, что она отрицаетъ существованіе другихъ сторонъ, это значитъ только, что эти другія стороны данную спеціальную науку не интересуютъ.

Экономисты *какъ люди*, какъ разностороннія и живыя личности, конечно, не могутъ и не должны отказываться отъ этическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, но экономисты *какъ представители спеціальной науки* не имѣютъ никакого отношенія къ этическимъ оцѣнкамъ. Экономистъ какъ живой человѣкъ можетъ возмущаться капиталистической эксплуатаціей, но разъ эта эксплуатація существуетъ, онъ какъ представитель данной науки долженъ выяснить причины ея возникновенія, формы ея проявленія и при этомъ ужъ безразлично, одобритъ ли онъ ее или нѣтъ.

Заслугой исторической школы нужно признать и обращеніе ею серьезнаго вниманія на соціальныя реформы и государственное вмѣшательство.

Значеніе послѣдняго историческая школа крайне преувеличиваетъ, что же касается соціальной политики, то здѣсь ею было сдѣлано довольно много, хотя отсутствіе точнаго компаса теоріи помѣшало ей разобраться въ сложныхъ и противорѣчивыхъ явленіяхъ современной эпохи и построить сколько нибудь послѣдовательную систему соціальной политики.

Мы видѣли, что Рикардо былъ послѣднимъ великимъ могиканомъ классической политической экономіи, послѣ него единичные экономисты, напр. Милль, пытались защищать основныя идеи классической школы, но при этомъ, однако, они дѣлали весьма существенныя уступки и поправки. Послѣдующія же политико- экономическія школы одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ ставили борьбу съ классической, „старой“, „англійской“ школой.

Дальнѣйшее развитіе и обоснованіе началъ, провозглашенныхъ классиками, перешло къ представителямъ совершенно иныхъ общественныхъ интересовъ и симпатій—къ т. н. научнымъ соціалистамъ.

Это крайне странное на первый взглядъ явленіе объясняется

тою психологіей выдвигаемаго на аванъ-сцену класса, съ которой намъ уже пришлось познакомиться въ лицѣ англійской буржуазіи конца XVIII и начала XIX вѣка. Англійская буржуазія въ лицѣ классиковъ-экономистовъ смотрѣла въ лицо будущаго безъ страха и сомнѣнія, чѣмъ обусловленъ ея объективизмъ и строгая научность изслѣдованія. Въ силу этого и представители научнаго соціализма взяли на себя дальнѣйшее развитіе идей классической школы.

Первое мѣсто между ними занимаютъ два геніальныхъ изслѣдователя—Родбертусъ-Ягетцовъ и Карлъ Марксъ.

П. Берлинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Очеркъ исторіи развитія англійской журналистики.

На банкетѣ лондонскаго института журналистовъ, происходившемъ въ сентябрѣ 1892 года, лордъ Розберри, бывшій тогда первымъ министромъ сказалъ про англійскую печать, что она руководитъ дѣятельностью государственныхъ людей и служитъ выраженіемъ желаній націи. Лордъ Розберри прибавилъ, что англійскіе журналисты имѣли бы право взять своимъ девизомъ: „be just and fear not“ (будь справедливъ и не страшись ничего), такъ какъ именно, благодаря лишь своему высокоразвитому чувству справедливости и своей смѣлости, англійская журналистика заняла первое мѣсто въ этого рода европейской литературѣ.

Дѣйствительно, положеніе англійской журналистики теперь можно назвать исключительнымъ по тому значенію, которое она имѣетъ, и той свободѣ, которою она пользуется. Журналистика въ Англіи сдѣлалась нераздѣльною частью политическаго и соціальнаго организма и развилась въ прочное и непоколебимое государственное учрежденіе. Нигдѣ журналистика не пользуется такимъ могущественнымъ вліяніемъ и нигдѣ не читается такъ много газетъ и журналовъ во всѣхъ рѣшительно классахъ общества, какъ въ Англіи. Смѣло можно сказать, что въ настоящее время англійская журналистика не имѣетъ себѣ равной въ Европѣ по той предпріимчивости и жизненной силѣ, которою она вся проникнута.

Но теперешнее положеніе англійской печати, смѣло и неуклонительно идущей по своему пути, естественно вызываетъ желаніе познакомиться съ исторіей ея развитія, съ условіями, благопріятствовавшими ея пышному расцвѣту и препятствіями, тормозившими ея правильное развитіе. Путь англійской журналистики далеко не былъ усыпанъ розами; ей пришлось перенести тяжкую и трудную борьбу, которая потребовала не мало жертвъ всякаго рода. Первые борцы за свободу слова въ Англіи подвергались страшнымъ преслѣдованіямъ, и не мало ихъ погибло на висѣлицѣ и каторгѣ во времена „Звѣздной палаты“, издавшей

знаменитые ордонансы 1585 года, ограничивавшіе, или вѣрнѣе, совершенно уничтожавшіе всякую свободу печати въ Англіи. Но даже позднѣе, когда ордонансы эти были отмѣнены, положеніе печати стало немногимъ лучше. Отсутствіе настоящихъ законовъ о печати, деспотизмъ парламента и полный произволъ, господствовавшій въ мѣропріятіяхъ, касавшихся журналистики, дѣлали положеніе ея крайне труднымъ. То и дѣло возникали политическіе процессы, журналисты подвергались преслѣдованіямъ, ихъ присуждали къ штрафамъ, къ тюремному заключенію, на журналы налагались взысканія, учреждались налоги, стѣснявшіе матеріальное существованіе журналовъ и т. п. Но писатели дѣлали свое дѣло, хотя надъ ихъ головою постоянно висѣлъ Дамокловъ мечъ. На смѣну однимъ являлись другіе, и неуклонно, неустанно проводили въ общественное сознаніе идею свободы слова, пока наконецъ не освободили журналистику отъ всѣхъ путъ, стѣснявшихъ ея развитіе.

Въ изданныхъ „Звѣздной палатой" ордонансахъ указывалось на „безчинства и злоупотребленія распутныхъ людей, обладающихъ искусствомъ книгопечатанія и продающихъ книги" (enormities and abuses of disorderly persons possessing the art of printing and selling books). Число типографій въ Англіи было ограничено до 20, включая тѣ, которыя разрѣшалось имѣть Оксфордскому и Кембриджскому университетамъ, и все, что выходило изъ подъ типографскаго станка, подвергалось самому строгому пересмотру. Ничего нельзя было напечатать безъ разрѣшенія Кентерберійскаго или Лондонскаго архіепископа, и только то избѣгало ихъ контроля, что печаталось въ королевской типографіи по приказанію королевской власти. Въ 1637 году изданы были еще болѣе строгіе законы и какъ писатели, такъ и книгопродавцы и издатели газетъ подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Такъ продолжалось до паденія „Звѣздной палаты" въ 1641 году. Печать вздохнула нѣсколько свободнѣе въ періодъ Долгаго парламента и республики, но съ реставраціей снова вернулись тяжелыя времена.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы и въ царствованіе Іакова I въ Англіи распространены были летучіе листки или афиши, носившіе названіе „Новостей—News". Въ этихъ листкахъ сообщались разныя извѣстія, преимущественно заимствованныя изъ голландскихъ газетъ. Задолго до появленія первыхъ печатныхъ листковъ „Новостей", въ англійскомъ обществѣ были распространены рукописныя собранія новостей. Существовала цѣлая профессія людей, занимавшихся собираніемъ новостей въ разныхъ мѣстахъ и затѣмъ составленіемъ бюллетеней, въ которыхъ заключались сообщенія о событіяхъ дня, слухахъ и т. п. Бюллетени эти разсылались за извѣстную плату. Многіе сановники, министры и богатые купцы держали у себя на жалованьи такихъ собирателей новостей, которые и составляли для нихъ рукописную газету.

Къ числу такихъ собирателей новостей принадлежалъ Натаніэль Веттеръ, сообщавшій письменно за извѣстную плату разныя новости. Впослѣдствіи онъ началъ печатать и издавать собраніе новостей изъ разныхъ иностранныхъ государствъ. Эти новости переводились съ голландскаго языка. Но тутъ мало кто интересовался тѣмъ, что дѣлается за предѣлами Англіи; внѣшняя политика считалась дѣломъ королей и министровъ, и никто ея не касался. Религіозныя войны положили конецъ этому индифферентизму. Возникли общіе международные интересы. Борьба за религію была борьбою всѣхъ протестантовъ и католиковъ всѣхъ странъ. Каждое сраженіе повергало въ горе одну часть Европы, возбуждая радость другой. Извѣстія изъ самыхъ отдаленныхъ странъ стали возбуждать жгучее любопытство, и въ Англіи явилась настоятельная потребность получать эти извѣстія какъ можно скорѣе.

Веттеръ, начавъ издавать свой листокъ новостей, „Weekly News", выходившій еженедѣльно, не пользовался такимъ могущественнымъ покровительствомъ, какъ напримѣръ Ренодо во Франціи, а поэтому его газета едва прозябала. Онъ давалъ новости, сообщая одни только голые факты и не позволяя себѣ никакихъ комментарій, дабы не навлечь на себя гнѣвъ сильныхъ міра. Прошло много времени, прежде чѣмъ печатной газетѣ удалось вытѣснить рукописную. Въ Англіи, такъ же какъ и на континентѣ, всѣ важныя особы имѣли вездѣ своихъ корреспондентовъ, которые и сообщали имъ все, что дѣлается на свѣтѣ, и притомъ зачастую рѣшались высказывать свои сужденія, чего въ печатной газетѣ нельзя было дѣлать. Понятно, что такого рода „News letters" какъ ихъ называли, были много интереснѣе печатной газеты. Вообще газета составляла необычное явленіе въ то время. Бенъ Джонсонъ изобразилъ ее въ 1625 году въ комедіи называемой: „Снабженіе новостями" и осмѣялъ Беттера подъ именемъ господина Цимбала, въ бюро котораго является крестьянка и проситъ дать ей новостей на два ліарда. Ее просятъ обождать, такъ какъ, еслибъ ее удовлетворили тотчасъ же, то публика могла бы подумать, что новости фабрикуются въ бюро, а не собираются отовсюду. „Эти люди, говоритъ Ширли про продавцевъ новостей, если вы дадите имъ часъ времени, опишутъ вамъ битву въ какомъ бы то ни было уголкѣ Европы, а между тѣмъ они не выходили изъ таверны. Они будутъ описывать города, крѣпости, силы непріятеля, его союзниковъ и его дѣйствія шагъ за шагомъ. Солдатъ не можетъ потерять ни одного волоса со своей головы, не можетъ получить ни одной, хотя бы самой ничтожной, раны, безъ того, чтобы объ этомъ не написали въ газетѣ".

Вообще газетѣ Беттера не удалось заинтересовать публику, да ему и трудно было сдѣлать ее интересной при существовавшихъ тогда неблагопріятныхъ условіяхъ. О парламентскихъ преніяхъ онъ не могъ сообщать ничего и даже весьма рѣдко упо-

миналъ о нихъ. О публичныхъ собраніяхъ онъ также не могъ говорить, хотя на этихъ собраніяхъ обсуждались часто весьма важные вопросы. Пустоту газеты приходилось заполнять разнаго рода извѣстіями, часто вымышленнаго характера, разсказами о сиренахъ и разныхъ морскихъ чудовищахъ. Когда совсѣмъ не хватало матеріала, газету наполняли текстами изъ Библіи, изъ которой иногда перепечатывались цѣлыя главы. Беттеръ часто жаловался на цензуру, вырѣзывавшую у него въ иностранныхъ извѣстіяхъ многое и лишавшую ихъ всякаго интереса. Несмотря на всѣ старанія Беттера публика продолжала холодно относиться къ его предпріятію и не поддерживала его.

Однимъ изъ многихъ благихъ послѣдствій паденія „Звѣздной палаты" въ февралѣ 1641 года, было нѣкоторое освобожденіе печати. Цензура хотя и не была фактически уничтожена, но дѣйствіе ея было пріостановлено, и въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ типографщики и авторы почти не подвергались никакому контролю. Это не замедлило отразиться на развитіи печати. Появилась масса книгъ всякаго рода, но особенно много памфлетовъ, касавшихся всевозможныхъ вопросовъ дня. Самъ Долгій парламентъ подалъ, такъ сказать, примѣръ оживленію печати и введенію гласности, начавъ печатать правильные отчеты о своихъ засѣданіяхъ „Diurnal occurences in Parliament". Печатаніе этихъ отчетовъ не прекращалось вплоть до реставраціи Стюартовъ. Въ Лондонѣ и провинціяхъ стали возникать газеты (въ 1643 г.—20 газетъ), и впервые въ нихъ заговорили о политикѣ, печатая отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ. Наконецъ смѣлость дошла до того, что стали уже помѣщаться извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ съ комментаріями. Во время гражданской войны расплодилось особенно много памфлетовъ, въ которыхъ политическіе противники яростно нападали другъ на друга. Разумѣется, нападки, которымъ подвергался „Долгій парламентъ" со стороны своихъ противниковъ, не понравились ему, и онъ рѣшилъ опять ограничить свободу печати, подвергнувъ ее предварительной цензурѣ. Въ 1643 году парламентъ усилилъ цензуру и увеличилъ взысканія за нарушенія закона о печати. По постановленіямъ этого закона „ни одна книга, брошюра или листокъ, не могли быть преданы тисненію, пока не будутъ предварительно просмотрѣны и одобрены назначенными для этого людьми или по крайней мѣрѣ однимъ изъ таковыхъ".

Противъ этого закона возсталъ Мильтонъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ „Areopagitica" *), въ которомъ онъ выступаетъ передъ англійскимъ парламентомъ въ защиту свободы печати. Мильтонъ напечаталъ свою рѣчь въ 1644 году безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія и всесторонне разобралъ вопросъ о мѣрахъ противъ свободы печати, горячо возставая противъ

*) „Areopagitica" была переведена на русскій языкъ и напечатана въ журналѣ „Современное Обозрѣніе" въ 1868 году.

всякихъ стѣсненій литературы и доказывая, что общественное мнѣніе должно выражаться совершенно свободно, не стѣсняемое искусственными преградами. „Убить хорошую книгу, говорилъ Мильтонъ, то же что убить хорошаго человѣка. Тотъ, кто убиваетъ человѣка, убиваетъ разумное созданіе, подобіе Божіе; но тотъ, кто уничтожаетъ хорошую книгу, убиваетъ самый разумъ, дѣйствительное, истинное подобіе Господа".

Представивъ въ своей рѣчи историческій обзоръ стѣсненій печати, Мильтонъ доказываетъ, что стѣсненіе это было порождено „самымъ противохристіанскимъ учрежденіемъ—инквизиціей, наиболѣе тираническимъ изъ всѣхъ судилищъ, которыя когда-либо существовали. До тѣхъ поръ книги могли такъ же свободно появляться, какъ и все рожденное на свѣтѣ; произведеніе мозга такъ же не стѣснялось, какъ и произведеніе чрева..." Говоря о качествахъ, которыя требуются отъ цензоровъ, Мильтонъ прибавляетъ: „Никто не станетъ отрицать, что тотъ, кто является судьей надъ жизнью и смертью книгъ, непремѣнно долженъ стоять выше обыкновеннаго уровня людей; онъ долженъ быть и трудолюбивъ, и ученъ, и справедливъ, иначе въ его сужденіяхъ о томъ, что годно или негодно, будутъ непремѣнно ошибки, а это должно имѣть въ высшей степени пагубныя послѣдствія. Если же онъ соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія, можетъ ли быть болѣе скучная непріятная ежедневная работа, бо́льшая потеря времени, какъ вѣчное перечитыванье негодныхъ книгъ и памфлетовъ? Всякую книгу можно читать только въ извѣстное время; но быть принужденнымъ читать постоянно, притомъ въ плохихъ рукописяхъ,—такая тягость, которую едва ли способенъ вынести человѣкъ, цѣнящій свое время и свои занятія, и обладающій чувствомъ и пониманіемъ изящнаго. За такого рода мнѣніе я прошу цензоровъ, присутствующихъ здѣсь, простить меня; безъ сомнѣнія, всѣ они приняли на себя эти обязанности изъ угожденія парламенту и считали ихъ весьма нетрудными, но что самое непродолжительное испытаніе было уже для нихъ утомительно, это доказываютъ ихъ извиненія передъ тѣми, кто иногда принужденъ подолгу ходить къ нимъ, чтобы добиться пересмотра своей рукописи. Если же мы видимъ, что занимающіе теперь эти должности обнаруживаютъ желаніе покинуть ихъ, и что ни одинъ достойный человѣкъ, не желающій губить свое время, не соглашается быть ихъ преемникомъ, если только его не привлекаетъ вознагражденіе, назначаемое цензору, то мы можемъ легко себѣ представить, будутъ ли у насъ другого рода цензора, кромѣ невѣжественныхъ и корыстолюбивыхъ людей. Это то я и хотѣлъ показать, когда говорилъ, что это учрежденіе не достигаетъ своей цѣли. Доказавъ, что оно не приноситъ никакой пользы, я теперь перейду къ тому злу, которое оно причиняетъ и которое, прежде всего, состоитъ въ томъ, что цензура представляетъ собою злѣйшее насиліе и оскорбленіе, какое только можетъ быть нанесено наукѣ и ученымъ людямъ." Далѣе Мильтонъ восклицаетъ: „И

какое же преимущество имѣетъ взрослый человѣкъ передъ мальчикомъ, еще сидящимъ въ школѣ, если онъ, избавившись отъ школьной ферулы, подпадаетъ подъ указку цензора? Если серьезныя, совершенныя съ великимъ трудомъ ученыя работы, подобно грамматическимъ упражненіямъ школьника, не могутъ быть обнародованы безъ заботливаго глаза, урѣзывающаго ихъ и приноравливающаго ихъ къ своему пониманію цензора?... Если свой трудъ, сопряженный съ ночными бдѣніями, человѣкъ долженъ подвергать поверхностному суду заваленнаго дѣлами цензора, быть можетъ болѣе юнаго годами, быть можетъ стоящаго далеко ниже его по развитію, быть можетъ никогда не испытавшаго, что значитъ писать ученыя сочиненія—если трудъ этотъ, не будучи отвергнутъ или уничтоженъ, можетъ появиться въ печати не иначе какъ въ видѣ мальчика, сопровождаемаго своимъ дядькой, съ помѣткой цензора на оборотѣ заглавнаго листа, служащей гарантіей и ручательствомъ, что авторъ не идіотъ, и не распространитель разврата,—развѣ же все это не безчестіе и не униженіе для автора, для его сочиненія, для самого права и достоинства науки? Гдѣ же тогда будетъ сила авторитета, которая необходима для того, чтобы учить другихъ?.. Всякій, понимающій дѣло читатель при первомъ взглядѣ на помѣтку цензуры долженъ отбросить книгу со словами: „мнѣ не надо недозрѣлыхъ учителей, я не терплю наставниковъ, которые являются ко мнѣ подъ ферулою наблюдающаго за ними кулака; я не знаю этого цензора, его подпись здѣсь ручается за его строгость, кто же поручится мнѣ за вѣрность его сужденія? Правительство можетъ ошибиться въ выборѣ цензора, такъ же какъ цензоръ можетъ ошибиться относительно автора!.. Истина и разумъ не такого рода товары, на которые можетъ существовать монополія и которыми можно торговать при посредствѣ ярлыковъ, торговыхъ уставовъ и указанныхъ мѣръ. Мы не должны считать всю нашу научную дѣятельность за складочное мѣсто, гдѣ нужно клеймить и браковать научныя работы, какъ сукна и тюки съ шерстью.“

Мильтонъ настоятельно указываетъ, что такое недовѣріе и подозрѣніе служитъ безчестьемъ для всего англійскаго общества и для тѣхъ, кто не заявлялъ себя съ дурной стороны. „Должники и преступники могутъ всюду ходить безъ надсмотрщика, а безобидныя книги не могутъ поступить въ обращеніе, если не видно тюремщика на ихъ заглавномъ листѣ. Если мы не рѣшаемся дать гражданамъ какой-нибудь памфлетъ на англійскомъ языкѣ, то это значитъ мы считаемъ всѣхъ ихъ за легкомысленныхъ, порочныхъ и безразсудныхъ людей... Подобная мѣра преграждаетъ только одинъ источникъ распространенія безнравственности, да и то дѣлаетъ плохо; испорченность, которую не хотятъ пустить къ себѣ этимъ путемъ, гораздо сильнѣе и успѣшнѣе входитъ въ другія ворота, которые вы не въ силахъ запереть... Лорды и общины! неужели вы хотите подавить цвѣтущую жатву науки и просвѣщенія, только что взошедшую и продолжающую всходить у

насъ? Неужели вы хотите поставить надъ всѣмъ олигархію двадцати монополистовъ, чтобы лишить пищи наши умы и не давать намъ ничего сверхъ того, что будетъ отмѣрено ихъ мѣрой? Вѣрьте, тѣ, кто совѣтуетъ вамъ такое угнетеніе ближнихъ, ведутъ васъ къ тому, что вы явитесь угнетателями самихъ себя!"

Однако страстная и убѣжденная рѣчь Мильтона не произвела должнаго дѣйствія. Свобода печати по прежнему казалась страшилищемъ, и правительство видѣло въ ней зло, съ которымъ надо бороться всѣми средствами. Распоряженіе парламента, стѣсняющее свободу печати, оставалось въ силѣ около полустолѣтія, подвергаясь то измѣненіямъ, то добавленіямъ и служило не малою помѣхою развитію журналистики въ Англіи. Но, какъ предсказывалъ Мильтонъ въ своей „Areopagitica", всѣ эти мѣры оказывались совершенно безсильными помѣшать распространенію разнаго рода не разрѣшенныхъ парламентскою властью изданій, нападки которыхъ на эту власть сдѣлались еще яростнѣе и рѣзче прежняго. Журналистика дозволенная сгибалась подъ тяготѣвшею надъ нею мощною дланью, а недозволенная развивалась пышнѣе, черпая новыя силы въ борьбѣ. Впрочемъ, требованія времени были въ данномъ случаѣ лучшею защитою журналистовъ. Парламентъ и королевская власть находились въ открытой враждѣ другъ съ другомъ и поэтому невольно съ обѣихъ сторонъ стали искать поддержки въ общественномъ мнѣніи, обѣ партіи стали вести войну при помощи перьевъ. За этотъ промежутокъ времени, вплоть до реставраціи Стюартовъ народилось въ Англіи около 200 періодическихъ изданій, впрочемъ также быстро исчезавшихъ, какъ и нарождавшихся. Нѣкоторымъ изъ журналистовъ удалось все-таки за это время достигнуть славы и богатства, и однимъ изъ таковыхъ былъ Меримонтъ Нэдгемъ—типъ литературнаго хамелеона.

Нэдгемъ былъ врачъ по профессіи, но бросилъ медицину и вступилъ на поприще журналистики, быть можетъ, находя это болѣе выгоднымъ. Ему было 23 года, когда онъ основалъ „Mercurius Britannicus", сдѣлавшійся органомъ парламентской партіи. Тогда онъ былъ ожесточеннымъ противникомъ двора. Но въ 1647 году онъ попалъ подъ судъ и вымолилъ себѣ прощеніе у короля, измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ и сталъ „поклоняться тому, что сжигалъ". Въ новомъ своемъ журналѣ „Mercurius Pragmaticus" Нэдгемъ открыто перешелъ на сторону королевской власти и объявилъ войну пресвитеріанцамъ. „Mercurius Pragmaticus" просуществовалъ 18 лѣтъ, но въ концѣ-концовъ Нэдгемъ попалъ въ Ньюгэтъ. Его спасли Лентгалль, президентъ палаты общинъ и Брэдто, президентъ суда, которые не довѣряли парламентской партіи и желали имѣть хорошее перо къ своимъ услугамъ. Тогда Нэдгемъ въ третій разъ перемѣнилъ свои политическія убѣжденія и основалъ новый журналъ „Mercurius Politicus", который просуществовалъ около десяти лѣтъ и пользовался благосклонностью Кромвеля. Этотъ журналъ имѣлъ огромное распространеніе и вліяніе въ Англіи. Къ удивленію, даже Мильтонъ, поступившій на

службу въ первый же годъ существованія республики, не только покровительствовалъ Нэдгему, но даже помогалъ ему въ его литературныхъ работахъ. Мильтону пришлось по своей должности исполнять и роль цензора печати, что разумѣется очень странно, если вспомнить Ареопагитику. Надо полагать, однако, что отправленіе обязанностей цензора было для него не особенно пріятно и, конечно, онъ не могъ итти въ разрѣзъ со своими убѣжденіями и притѣснять печать. Поэтому за время его службы журналистика не была такъ стѣснена, какъ послѣ его ухода. Мильтонъ только пользовался своею властью для наложенія узды на Нэдгема и дѣйствительно тонъ статей въ „Mercurius Politicus" носитъ на себѣ явные слѣды вліянія Мильтона. Въ „Mercurius Politicus" за это время встрѣчаются серьезныя, глубокообдуманныя статьи. Съ реставраціей Стюартовъ для Нэдгема опять наступили трудные дни, и онъ долженъ былъ не только бросить свое ремесло журналиста, но и скрыться на нѣкоторое время въ Голландію, гдѣ его преслѣдовали его роялистскіе современники, но уже не силою, а насмѣшками. Однако Нэдгемъ успѣлъ и тутъ вывернуться, но на этотъ разъ уже, вернувшись въ Англію, навсегда отказался отъ журналистики и сталъ заниматься медицинской практикой, причемъ также не безъ успѣха.

Въ періодъ своей борьбы съ парламентской партіей и изданія „Mercurius Pragmaticus" Нэдгемъ явился косвенною причиною усиленія строгости мѣропріятій противъ печати. По предложенію лорда Ферфакса въ 1647 году строгости законовъ о печати 1643 года были еще усилены, и нѣкто Джильбертъ Мабботъ, снискавшій довѣріе парламента какъ строгій исполнитель законовъ, былъ назначенъ цензоромъ. Однако эти строгости не мѣшали Нэдгему аккуратно каждую недѣлю выпускать свой журналъ, мѣняя только постоянно свое мѣстожительство и своихъ типографщиковъ. Точно также эти строгія мѣропріятія не мѣшали появленію массы разныхъ другихъ журналовъ и памфлетовъ, съ которыми приходилось возиться цензору. Черезъ полтора года Мабботъ, убѣдившись въ безплодности своихъ усилій помѣшать развитію непріятной правительству печати, подалъ въ отставку. Въ высшей степени характерны мотивы, которые выставилъ Мабботъ въ своемъ прошеніи объ отставкѣ. Онъ прежде всего указываетъ на то, что его должность была совершенно безполезной и вредной, такъ какъ тысячи скандальныхъ и злостныхъ памфлетовъ появлялись въ печати за его подписью какъ цензора, хотя онъ никогда не видалъ ихъ въ глаза и не давалъ на ихъ публикацію никакого разрѣшенія. Какъ онъ полагаетъ, это дѣлалось съ цѣлью повредить ему въ глазахъ честныхъ людей. Во всякомъ случаѣ такого рода факты служатъ доказательствомъ, что власть цензора не можетъ помѣшать появленію и распространенію вредныхъ произведеній печати. Затѣмъ Мабботъ высказываетъ взгляды аналогичные тѣмъ, которые высказалъ Мильтонъ въ своей „Areopagitica", и прямо говоритъ, что цензура больше приноситъ

зла, покрывая злоупотребленія и держа въ невѣдѣніи народъ, нежели добра, мѣшая распространенію вредныхъ идей и взглядовъ.

При Кромвелѣ, выразившемся такъ: „Мое правительство ничего бы не стоило, еслибъ не могло выдержать бумажнаго выстрѣла“— печать пользовалась нѣкоторою относительною свободою. Однако послѣ того, какъ Мильтонъ ослѣпъ и перестатъ исполнять должность секретаря государственнаго совѣта и вмѣстѣ цензора, цензура сдѣлалась строже. Въ 1655 году былъ изданъ приказъ, по которому никто не имѣлъ права ничего печатать или издавать безъ разрѣшенія секретаря государственнаго совѣта, и журналистика попала въ строгія руки. Во времена протекторства благосклонностью правительства пользовались только два журнала „Mercurius Politicus“ Нэдгема и „Public Intelligencer“, считавшіеся официальными органами. Въ послѣднемъ сообщались главныя событія, происходившія внутри государства, въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, а также и важнѣйшія политическія событія въ различныхъ частяхъ Европы. Эту газету также издавалъ Нэдгемъ, только выходила она по четвергамъ, тогда какъ „Mercurius Politicus“ выходилъ по понедѣльникамъ. Впослѣдствіи, изданіе „Public Intelligencer“ было отнято отъ Нэдгема, въ видѣ наказанія, впрочемъ всего лишь на нѣсколько мѣсяцевъ.

Одновременно съ „Mercurius Politicus“ имѣлъ успѣхъ въ Англіи „Mercurius Rusticus“—газета сатирическая и шуточная, издававшаяся на половину въ стихахъ. Но самымъ серьезнымъ соперникомъ Нэдгема на почвѣ журналистики былъ Джонъ Биркенгэдъ, оксфордскій профессоръ, приверженецъ роялистовъ, блестящій придворный, осыпавшій насмѣшками парламентскую партію. Биркенгэдъ издавалъ „Mercurius Aulicus“, въ чемъ ему помогалъ извѣстный талантливый проповѣдникъ Петръ Гейлинъ.

Несмотря на стѣсненія, журналы все-таки пріобрѣтали все большее значеніе и силу въ обществѣ, но они все еще походили на памфлеты. Періодъ борьбы королевской власти съ парламентомъ былъ для журналистики очень полезенъ. Обѣ партіи вели между собою ожесточенную полемику при помощи печати. Журналъ былъ не предметомъ торговли, а политическимъ орудіемъ, и въ немъ участвовали настоящіе писатели и образованные люди. Прогрессъ обнаружился даже въ самомъ способѣ изданія журналовъ. При Кромвелѣ учрежденіе почтовой службы вынудило журналы выходить съ большою аккуратностью, ради правильной отправки въ провинцію. Наконецъ, на страницахъ газетъ стали появляться объявленія. Первое объявленіе появилось въ 1649 году въ газетѣ „Impartial Intelligencer“: какой то джентльменъ изъ Кэндиша предлагалъ вознагражденіе за украденныхъ у него лошадей. Однако прошло все-таки не мало времени, прежде чѣмъ объявленія заняли то мѣсто, которое они занимаютъ теперь въ англійской печати. Сначала объявленія касались только книгъ и лекарствъ, но въ 1657 году предпріимчивый книгопродавецъ Ньюкомбъ догадался, что объявленія могутъ служить предметомъ

выгодной спекуляціи и сталъ издавать газету „Public Advertiser", почти исключительно состоящую изъ однихъ объявленій. Въ другихъ газетахъ объявленія все еще были очень немногочисленны. Въ 1658 году впервые упоминается о чаѣ какъ о предметѣ торговли; чай рекомендуется какъ превосходный напитокъ, вывезенный изъ Китая и очень одобряемый врачами. Чаще всего въ объявленіяхъ говорится о пропажахъ, побѣгахъ и т. п. При Карлѣ II, большомъ любителѣ собакъ, въ „Mercurins Politicus", считавшемся придворнымъ органомъ, попадались объявленія сатирическаго характера, авторомъ которыхъ считали самого короля. Въ одномъ изъ такихъ объявленій сообщалось о пропажѣ любимой собаки короля, причемъ нашедшему предлагалось прійти во дворецъ справиться о ея примѣтахъ. „Собака была болѣе извѣстна при дворѣ, чѣмъ тѣ, кто укралъ ее, говорилось въ объявленіи. Неужели никогда не перестанутъ обворовывать короля? Развѣ онъ не можетъ держать собаки? Мѣсто этой собаки единственное, котораго никто не добивается и о которомъ никто не проситъ короля, хотя оно гораздо лучше, чѣмъ это предполагаютъ многіе".

Нѣкоторые изъ объявленій очень скоро приняли характеръ настоящихъ рекламъ, мало чѣмъ отличающихся отъ рекламъ нашего времени; затѣмъ стали появляться объявленія матримоніальнаго характера, приглашающія ко вступленію въ бракъ и вызовы на кулачный бой. Кулачныя сраженія происходили въ тѣ времена не только между мужчинами, но и между женщинами. Вотъ образчикъ подобнаго объявленія: „Вызовъ.—Такъ какъ я, Елизавета Вилькинсонъ изъ Клеркенуэлля, поссорилась съ Анною Райфильдъ и желаю получить удовлетвореніе, то и приглашаю ее боксировать со мною публично на три гинеи; каждая изъ насъ должна держать въ рукѣ полкроны и та проиграетъ, которая первая выронитъ деньги".

„Отвѣтъ.—Я, Анна Райфильдъ изъ Ньюмаркета, получивъ вызовъ Елизаветы Вилькинсонъ, разумѣется, не премину, волею Господа, надавать ей больше ударовъ, нежели словъ и сама не желаю отъ нея пощады; она можетъ поэтому разсчитывать на хорошую потасовку".

Подобнаго рода объявленія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе культуры тогдашняго общества. Между прочимъ, изъ этихъ объявленій можно видѣть, какъ распространена была тогда вѣра въ чудодѣйственную цѣлебную силу королевскаго прикосновенія, излечивающаго золотушныя страданія. Въ офиціальной газетѣ печатались объявленія о томъ, въ какое время больные могутъ являться во дворецъ, для того чтобы королевское прикосновеніе излечило ихъ отъ золотухи. Любопытно, что даже многіе изъ выдающихся врачей того времени вѣрили въ чудодѣйственную силу этого прикосновенія.

Реставрація Стюартовъ нанесла журналистикѣ тяжелый ударъ. Число журналовъ уменьшилось и возобновлены были строгія

постановленія „Звѣздной палаты“, касающіяся печати. Просмотръ книгъ историческаго и политическаго содержанія былъ возложенъ на государственнаго секретаря, всѣ же остальныя произведенія подлежали вѣдѣнію лорда канцлера; сочиненія же по философіи, религіи и физическимъ наукамъ поступали на просмотръ епископовъ Кентерберійскаго и Лондонскаго. У Нэдгема скоро была отнята его газета „Mercurius Politicus“ и передана его старинному сопернику въ ранніе періоды гражданской войны, Джону Биркенгэду, который былъ назначенъ цензоромъ.

Какъ ни скудны были газеты, которымъ было дозволено существовать въ первые годы царствованія Карла II, но властямъ онѣ все-таки казались слишкомъ содержательными и вольнодумными, поэтому Биркенгэдъ былъ вскорѣ замѣненъ въ должности цензора другимъ, гораздо болѣе строгимъ.

Рожеръ Лестранжъ, заступившій мѣсто Биркенгэда, былъ извѣстенъ какъ ярый роялистъ, приверженецъ Карла I. Приговоренный къ смерти, онъ былъ помилованъ Кромвелемъ и отдѣлался четырехлѣтнимъ заключеніемъ въ Ньюгетской тюрьмѣ и затѣмъ велъ жизнь полную приключеній, пока реставрація не выдвинула его снова на сцену. Лестранжъ былъ ярostный противникъ свободы печати. Съ цѣлью выдвинуться и обратить на себя вниманіе, онъ напечаталъ памфлетъ, въ которомъ доказывалъ, что постановленія, касающіяся печати, выполняются не съ достаточною строгостью, и предлагалъ рядъ мѣропріятій къ полному приниженію печати.

Уловка Лестранжа имѣла успѣхъ, и вскорѣ по выходѣ памфлета онъ былъ назначенъ надзирателемъ надъ типографіями, причемъ былъ облеченъ широкою властью. Лестранжъ былъ именно такой цензоръ, какой былъ нуженъ тогда англійскому правительству и не останавливался ни передъ чѣмъ въ своей борьбѣ съ печатнымъ словомъ.

Сдѣлавшись редакторомъ бывшей газеты Нэдгема „Mercurius Politicus“, Лестранжъ сталъ издавать ее подъ двумя названіями; она выходила два раза въ недѣлю и въ понедѣльникъ называлась „Public Intelligencer“, а въ четвергъ—„News“. Обѣ эти газеты, какъ значилось въ заголовкѣ, издавались „для удовольствія и поученія народа“ (for the satisfaction and information of the poeple), которому сообщалось, разумѣется, только то, что Лестранжъ находилъ нужнымъ доводить до его свѣдѣнія. Лестранжъ, не стѣсняясь, заявилъ въ первомъ же номерѣ, что онъ вообще не сочувствуетъ идеѣ изданія газеты, „такъ какъ это дѣлаетъ толпу слишкомъ фамильярной и нахальной и даетъ ей возможность судить и рядить о дѣйствіяхъ начальства, но въ виду необходимости избавить толпу отъ прежнихъ заблужденій и предупредить распространеніе ложныхъ извѣстій, газета можетъ оказаться очень полезной, конечно, если она будетъ издаваться съ должною осторожностью“.

Можно себѣ представить, принимая во вниманіе такіе взгляды

Лестранжа, каковы должны были быть газеты, издававшіяся имъ „для удовольствія и поученія читателей“. Разумѣется, такое положеніе вещей не только не мѣшало, но пожалуй даже способствовало распространенію незаконной печати, хотя Лестранжъ и преслѣдовалъ ее всѣми способами, тѣмъ болѣе, что, какъ монополистъ, онъ видѣлъ въ ней ущербъ личнымъ выгодамъ. Это было одно изъ самыхъ тяжелыхъ временъ для англійской журналистики.

Образчикомъ жестокости, съ которою преслѣдовались нарушители закона о печати, можетъ служить страшная казнь, которой подвергся типографщикъ Твинъ, осмѣлившійся тайно напечатать политическій памфлетъ, не дозволенный цензоромъ. На Твина былъ сдѣланъ доносъ Лестранжу, который распорядился произвести у него ночью обыскъ и, поймавъ его съ поличнымъ, предалъ суду. Несчастный типографщикъ сознался въ своемъ ужасномъ преступленіи, но привелъ въ свое оправданіе, что онъ не зналъ содержанія памфлета и считалъ его совершенно безвреднымъ, а такъ какъ онъ очень бѣденъ и ему надо заботиться о кускѣ хлѣба для своей семьи, то онъ и рискнулъ напечатать памфлетъ, чтобы заработать деньги. Судъ нашелъ его виновнымъ. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни: его должны были предварительно повѣсить за руки, затѣмъ вскрыть ему животъ, выпустить внутренности, и на его глазахъ, пока онъ живъ, изжарить ихъ, послѣ того его четвертовать, отрѣзать голову и части тѣла выставить въ разныхъ мѣстахъ—„to be disposed of at the pleasure of the King's Majesty“—такъ сказано въ приговорѣ, который и былъ буквально приведенъ въ исполненіе.

Въ теченіе всего періода властвованія Лестранжа надъ печатью, журналисты и типографщики подвергались самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ, хотя впрочемъ ни одинъ не подвергался такой страшной казни, какая была произведена надъ Твиномъ „для примѣра“. Но кнутъ, висѣлица, позорный столбъ, каторжныя работы и т. п. были обычными способами наказанія для нарушителей закона о печати. Время управленія Лестранжа можетъ быть названо „временемъ террора“ для англійской журналистики.

Монополія Лестранжа въ дѣлѣ изданія газеты продолжалась впрочемъ не долго. Осенью 1665 года Карлъ II вмѣстѣ со своимъ дворомъ перебрался въ Оксфордъ, спасаясь отъ чумы, и такъ какъ лондонскія газеты, изъ опасенія заразы, не доставлялись ко двору, то Карлъ II приказалъ Леонарду Литчфильду, университетскому типографщику, издавать новую газету „Oxford Gazette“, которая также начала выходить два раза въ недѣлю и скоро сдѣлалась опасною соперницею газетѣ Лестранжа, такъ какъ типографщикъ Ньюкамбъ получилъ привилегію воспроизводить ее въ Лондонѣ, въ меньшемъ форматѣ „для купцовъ джентльменовъ“. Когда дворъ переѣхалъ въ Лондонъ, по минованіи эпидеміи, оксфордская газета переименовалась въ Лондонскую

газету, которая осталась офиціальнымъ органомъ правительства*).

Какъ ни сердился Лестранжъ на такое нарушеніе его прерогативъ, но на этотъ разъ долженъ былъ уступить. Его газета перестала существовать, но мѣсто цензора осталось за нимъ, и поэтому онъ могъ давить и преслѣдовать печать сколько ему вздумается. Однако время все-таки брало свое. Ни Лестранжъ съ его строгостью, никакія преслѣдованія свободы слова и мысли не могли задержать развитіе общественнаго мнѣнія въ Англіи. Срокъ закона о цензурѣ, вотированнаго вскорѣ послѣ реставраціи Стюартовъ, истекъ въ 1679 году и какъ разъ тогда, когда Карлъ II вздумалъ подражать своему отцу и управлять страною безъ парламента, печать получила на нѣкоторое время свободу. Каждый получилъ право печатать на свой рискъ что ему угодно, безъ предварительнаго разрѣшенія властей, только право это не распространялось на газеты, такъ какъ по закону политическія извѣстія нельзя было печатать безъ согласія короны. Однако пока партія виговъ была въ силѣ, правительство закрывало глаза на нарушеніе этого правила. Журналы были тогда средствомъ борьбы, и поэтому обѣ партіи пользовались ими. Лестранжъ снова долженъ былъ взяться за перо для защиты двора отъ нападокъ независимой печати. Но лишь только партія виговъ вновь была побѣждена, тотчасъ же прерогативы печати были уничтожены, и право печатать политическія извѣстія безъ предварительнаго разрѣшенія власти было оставлено только одной офиціальной газетѣ. Снова начались тяжелые дни для англійской журналистики, хотя законъ о цензурѣ и не былъ возобновленъ, но Карлъ II и его любимцы въ теченіе шести лѣтъ обходились и безъ него, издавъ въ 1680 году прокламацію, запрещающую печатаніе и изданіе неразрѣшенныхъ властями книгъ, газетъ и памфлетовъ. Нарушившіе это распоряженіе подвергались суду; нѣкоторые отдѣлывались штрафомъ, другіе тюремнымъ заключеніемъ или выставкою у позорнаго столба, однако все же общественное мнѣніе настолько уже пріобрѣло значеніе въ то время, что нарушителей королевскаго распоряженія судъ не рѣшался подвергать смертной казни или тѣлеснымъ наказаніямъ, подобно тому какъ это дѣлалось прежде. Но разумѣется при такихъ условіяхъ журналистика не могла процвѣтать и развиваться правильнымъ образомъ. Маколей говоритъ, что въ 1685 году въ Англіи нельзя было найти ни капитала, ни нужныхъ талантовъ для ежедневной печати. Офиціальная газета была суха и формальна. О парламентскихъ преніяхъ и государственныхъ дѣлахъ ничего не сообщалось въ газетахъ. Въ столицахъ кофейни замѣняли до нѣкоторой степени газеты и дѣлались ареною для политическихъ разсужденій и центромъ распространенія политическихъ новостей. Въ кофейни стекались всѣ, кто интересовался

*) Она существуетъ и въ настоящее время какъ органъ, въ которомъ печатаются правительственныя распоряженія и офиціальныя сообщенія.

политикой и общественными дѣлами, тамъ обсуждались текущія событія, сообщались новости дня, однимъ словомъ, кофейни дѣлались чѣмъ то въ родѣ политическихъ клубовъ. Были кофейни виговъ и кофейни торіевъ, и вошло въ обычай, послѣ церковной службы, заходить въ кофейню и выслушивать и сообщать тамъ различныя новости. Это замѣняло газеты. Впрочемъ, несмотря на всѣ старанія раболѣпныхъ судей, постоянно приговаривавшихъ къ разнаго рода взысканіямъ журналистовъ и писателей, недозволенная литература все-таки продолжала существовать, и искоренить ее не удавалось никакими средствами. Одинъ изъ судей жаловался, что народъ такъ пріохотился къ чтенію, что скорѣе готовъ отказаться отъ хлѣба, нежели отъ газеты и послѣдній пенни готовъ истратить на покупку памфлета.

Когда на престолъ вступилъ Яковъ II, то немедленно былъ возобновленъ законъ о цензурѣ на семь лѣтъ и такимъ образомъ преслѣдованія печати получили законную санкцію. Журналистика стала влачить печальное существованіе, но такое положеніе не могло уже долго продолжаться. Съ воцареніемъ Вильгельма Оранскаго для журналистики наступили лучшія времена. Революція 1688 года поставила, по выраженію Маколея, правительство подъ контроль печати. Газеты распространились, значеніе ихъ поднялось, и правительство уже не имѣло достаточно силъ, чтобы стѣснить ихъ свободу. Двѣ могущественныя партіи стали сражаться при помощи гласности. Съ 1688 года по 1692, т. е. въ четыре года возникли 26 новыхъ журналовъ, тогда какъ въ теченіе 26 лѣтъ реставраціи, съ 1661 по 1688 годъ, было основано всего 70 журналовъ, да и тѣ просуществовали не долго. Всѣ политическія партіи стали основывать свои органы, но хотя законъ, требовавшій для журналовъ предварительнаго разрѣшенія власти и продолжалъ существовать, Вильгельмъ III не рѣшался имъ пользоваться. Однако, когда въ 1693 году истекъ срокъ закона о цензурѣ, законъ этотъ былъ возобновленъ, хотя и не безъ оппозиціи, которая какъ ни была слаба, но все-таки служила доказательствомъ, что въ общественное мнѣніе стало проникать, хотя и не совсѣмъ еще ясное представленіе о томъ, что гражданская свобода и свобода совѣсти находятся въ тѣсной связи со свободою слова. Законъ о цензурѣ былъ возобновленъ еще только на два года, но за это время цензура успѣла возбудить противъ себя большинство. Многіе изъ виговъ пришли къ убѣжденію, что цензура составляетъ зло, отъ котораго слѣдовало отдѣлаться, и дѣйствительно черезъ два года цензура навсегда исчезла съ политической сцены Англіи. Въ февралѣ 1695 года палата общинъ рѣшила почти единогласно не возобновлять закона о цензурѣ. Палата лордовъ была другого мнѣнія, и поэтому возникъ споръ между двумя палатами. Однако въ концѣ концовъ палата лордовъ уступила, и такимъ образомъ путь къ дальнѣйшему прогрессу журналистики былъ освобожденъ отъ загромождавшихъ его препятствій.

Вопросъ о свободѣ печати былъ переданъ на разсмотрѣніе особой конференціи. Докладчикъ палаты общинъ, одинъ изъ выдающихся виговъ, Эдвардъ Клэркъ, изложилъ письменно тѣ мотивы, которыми руководствовалась палата общинъ, вотируя противъ закона о цензурѣ. Эти мотивы, выдвинутые на сцену палатою общинъ, хотя и оправдываютъ вполнѣ ея рѣшеніе, тѣмъ не менѣе указываютъ, что палата общинъ не сознавала вполнѣ всей важности этого вопроса и того, какую огромную силу она пробуждаетъ къ жизни. Палата общинъ настаивала на томъ, что законъ о цензурѣ устарѣлъ, что примѣненіе его вызываетъ различныя неудобства, злоупотребленія, мѣшаетъ правильному ходу дѣлъ и т. п., особенно вредно отзываются домовые обыски, безъ которыхъ нельзя обойтись при существованіи этого закона, а между тѣмъ они порождаютъ разнаго рода затрудненія въ общественной жизни, злоупотребленія и другія неудобства — однимъ словомъ палата указывала лишь на матеріальный ущербъ, приносимый этимъ закономъ британскимъ гражданамъ, но ни слова не говорила о нравственномъ значеніи свободы слова, о благодѣтельномъ вліяніи гласности и т. д.

Но какъ бы то ни было, а матеріальные доводы, приводимые Клэркомъ, оказались сильнѣе всѣхъ нравственныхъ аргументовъ противъ цензуры, такъ краснорѣчиво изложенныхъ Мильтономъ въ его „Areopagitica“. Цензура была отмѣнена навсегда, и для журналистики началась новая эра.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Э. Пименова.

Къ вопросу о подготовкѣ народнаго учителя.*)

Въ настоящее время правительство и общество усиленно заняты реформою средняго и высшаго образованія: всюду засѣдаютъ комиссіи, разсматриваютъ разнаго рода проекты по этому вопросу; въ литературѣ написано очень много статей, затрогивающихъ всю суть образованія. Конечно, нужно только радоваться тому, что вниманіе общества и правительства обращено на дѣло реорганизаціи высшаго и средняго образованія; но усиленная работа въ этомъ направленіи наводитъ и на другое горькое размышленіе: пишутъ очень много о реорганизаціи высшаго образованія, которое доступно въ большинствѣ случаевъ только привилегированнымъ классамъ и очень мало видимъ статей о необходимости полнѣйшей реорганизаціи низшаго народнаго образованія. Неужели тамъ все обстоитъ благополучно? Всякому, маломальски знакомому съ народной школой, хорошо извѣстно, что вопросъ о состояніи народнаго образованія вообще и въ частности о подготовкѣ народнаго учителя, отъ котораго главнымъ образомъ и зависитъ продуктивность расходовъ на народное образованіе, этотъ вопросъ является однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего государства; стоитъ только просмотрѣть протоколы нѣкоторыхъ земствъ Московской и Тверской губерній, тамъ мы найдемъ горькія жалобы земствъ на недостаточность образованія сельскихъ учителей, большинство которыхъ слишкомъ плохо понимаетъ самое земство и земскую работу, къ своему труду относится, какъ наемники, и только немногіе учителя—истинные земскіе работники. Очевидно, что все дѣло въ образованіи учителей, а потому разсмотрѣніе постановки дѣла въ

*) Эта статья уже была набрана, когда въ „Прав. Вѣстн." появилось сообщеніе объ учрежденіи при Мин. Нар. Просв. Совѣщанія о низшей школѣ. Будемъ надѣяться, что Совѣщаніе это съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ столь важному вопросу о подготовкѣ народнаго учителя.

учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ народныхъ учителей; представляетъ большой интересъ. Сейчасъ передо мной лежатъ „Историческая Записка Новоторжской Учительской Семинаріи за 25 лѣтнее существованіе“ изд. 1900 г. и „протоколы Новоторжскаго Земства“ 1899 г., гдѣ имѣется докладъ управы о подготовкѣ народнаго учителя; отзывами этихъ двухъ учрежденій— правительственнаго и земскаго я и буду руководствоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. „Вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного права выдвинулись на первый планъ и вопросы по народному образованію, до того времени мало обратившіе вниманіе правительства и общества. Реформы 61 года застали дѣло народнаго образованія въ очень плачевномъ состояніи: школъ было мало, устроены очень плохо, да и сами учителя малограмотные, неудачники, нашедшіе въ школѣ послѣднее убѣжище. Часто эти учителя стояли слишкомъ низко по своимъ нравственнымъ качествамъ и могли оказывать на дѣтей только растлѣвающее вліяніе“... (1 я стр. истор. записки). „Такая неотрадная картина обратила вниманіе правительства и общества и вызвала ихъ на усиленную дѣятельность въ этомъ отношеніи: уже въ 1860 г. Мин. Народ. Пр. открываетъ цѣлый рядъ двухклассныхъ училищъ; только что открытыя земства берутъ подъ свое покровительство начальныя школы и заботятся о ихъ количественномъ и качественномъ ростѣ. Но эти заботы о развитіи народнаго образованія поставили оба учрежденія лицомъ къ лицу съ недостаткомъ людей, способныхъ взять на себя руководство надъ молодыми поколѣніями деревни; поэтому и Мин. Народн. Пр., и Земства открываютъ нѣсколько учительскихъ семинарій“ (2-я стр. зап.). На первыхъ порахъ земскія учительскія семинаріи поощрялись правительствами и число ихъ постепенно увеличивалось; въ началѣ 70-хъ годовъ въ протоколахъ Тверского земства мы находимъ горячіе споры земскихъ людей о томъ или иномъ вопросѣ изъ жизни учительскихъ школъ; въ этихъ спорахъ видна горячая любовь земцевъ къ дѣлу народнаго образованія. При такой горячей привязанности земцевъ къ семинаріямъ вопросъ о подготовкѣ народныхъ учителей скоро могъ бы встать на надлежащую высоту: дѣятельность семинарій ежегодно публично обсуждалась на земскихъ собраніяхъ, стало быть, не могло быть и рѣчи о какихъ-то „темныхъ сторонахъ“, которыя неудобно выносить на улицу; затѣмъ большинство руководителей въ семинаріяхъ были извѣстные педагоги. Но, увы, не прошло и пяти лѣтъ (1875 г.), какъ Министерство отбираетъ отъ земства семинаріи въ свое вѣдѣніе и съ тѣхъ поръ въ земскихъ собраніяхъ не слышно рѣчей о жизни семинарій; о томъ, что дѣлается въ семинаріяхъ, земство не имѣло права говорить“. Поэтому объ учительскихъ семинаріяхъ можно только узнать изъ нѣкоторыхъ отчетовъ учебнаго вѣдомства, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ слишкомъ краткихъ. Судя по исторической запискѣ Новоторжской Семинаріи, дѣло находится вотъ въ какомъ поло-

женія: „въ семинаріи поступаютъ молодые люди отъ 16 до $18^1/_2$ лѣтъ, окончившіе курсъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ; курсъ обученія въ семинаріяхъ 3-хъ годичный; учебные предметы проходятся по слѣдующей программѣ:

1. Законъ Божій: священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта, исторія Христіанской церкви, ученіе о православномъ богослуженіи и катихизисъ. Весьма важнымъ дополненіемъ къ преподаванію закона Божія служитъ практическое ознакомленіе воспитанниковъ съ богослужебными книгами и священнымъ писаніемъ, для чего всѣ воспитанники должны читать въ церкви.

2. По русскому и церковно-славянскому языку — полный курсъ грамматики и краткія свѣдѣнія по теоріи словесности.

3. По педагогикѣ—краткія свѣдѣнія по психологіи о познавательной, чувствовательной и желательной способностяхъ; краткій курсъ логики; краткое указаніе о физическомъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи; основныя свѣдѣнія изъ дидактики и методики обученія и школовѣдѣнія.

4. По ариѳметикѣ—полный курсъ ариѳметики, а по геометріи полный курсъ женскихъ гимназій.

5. По исторіи—подробный курсъ русской исторіи, по всеобщей—самыя необходимыя краткія свѣдѣнія.

6) По географіи—предварительныя свѣдѣнія изъ физической, математической и политической географіи, подробный курсъ географіи Россіи и краткія свѣдѣнія изъ всеобщей географіи.

7. По естественной исторіи—краткія свѣдѣнія изъ зоологіи, ботаники и минералогіи, а также необходимыя свѣдѣнія о строеніи тѣла человѣка и отправленіи его органовъ.

8. Чистописаніе, рисованіе и черченіе.

9. Пѣніе—всѣ необходимыя теоретическія свѣдѣнія и практическое ознакомленіе съ церковнымъ пѣніемъ.

10. Гимнастика.

11. Ручной трудъ по системѣ Цируля и Касаткина (стр. 92—94).

12. Садоводство и огородничество—подробный курсъ этихъ предметовъ въ связи съ сельско-хозяйственной энтомологіей.

13. Теоретическое и практическое ознакомленіе съ начальной школой; теоретическія свѣдѣнія сообщаются на урокахъ педагогики, практическія занятія состоятъ во 1-хъ, въ посѣщеніи уроковъ учителя нормальной школы, во 2-хъ въ пробныхъ урокахъ воспитанниковъ, въ 3-хъ, въ недѣльныхъ дежурствахъ воспитанниковъ въ школѣ въ теченіи третьяго года обученія и въ 4-хъ, въ ознакомленіи съ лучшими, наиболѣе распространенными учебниками начальной школы (48-я стр.) (Мнѣ, какъ бывшему воспитаннику одной изъ семинарій, хорошо извѣстенъ фактъ: воспитанникъ, разсмотрѣвъ книги для класснаго чтенія Л. Н. Толстого, отозвался о нихъ, какъ о хорошихъ руководствахъ; поднялась цѣлая буря; воспитаннику чуть не пришлось оставить семинарію).

Вотъ въ какомъ положеніи находится учебная часть; теперь разсмотримъ воспитательную часть. „Какъ бы ни былъ способенъ

и свѣдущъ учитель, но если онъ поверхностно относится къ религіознымъ обязанностямъ, если онъ имѣетъ превратныя мнѣнія въ общественныхъ вопросахъ, то такой учитель не можетъ быть терпимъ въ школѣ. На этомъ основаніи воспитательная часть должна стоять на первомъ мѣстѣ" (стр. 68-я). „Главнымъ образомъ усилія направлены къ тому, чтобы развить религіозное чувство и пріучить къ строгому выполненію религіозныхъ обязанностей. Воспитанники неуклонно выполняютъ не только повседневныя молитвы и посѣщаютъ всѣ службы въ воскресные и праздничные дни, но соблюдаютъ всѣ посты, не исключая среды и пятницы каждой недѣли" (стр. 75-я). Вмѣстѣ съ развитіемъ религіознаго чувства обращается постоянное вниманіе и на развитіе чувства любви и преданности Государю и отечеству; не упускается ни одного случая, который бы благотворно подѣйствовалъ въ этомъ отношеніи: въ высокоторжественные дни послѣ обѣдни воспитанники собираются въ актовое зало, гдѣ директоръ произноситъ рѣчь о значеніи этого дня для русскаго народа и объ соотвѣтствующихъ обязанностяхъ воспитанниковъ, какъ истыхъ патріотовъ; послѣ чего слѣдуетъ пѣніе народнаго гимна „Боже, царя храни" и троекратное „ура" (стр. 76-я). Для поддержанія патріотизма въ важныхъ событіяхъ директоръ прочитываетъ воспитанникамъ телеграммы и корресподенціи „Московъ. Вѣд." (стр. 86-я). Вѣдь „Москов. Вѣд." единственная газета, вѣрно понимающая свои обязанности. Изъ распредѣленія времени по часамъ на стр. 71-й видно, что у воспитанниковъ все время занято учебою: до 2-хъ часовъ дня классные уроки, съ 3-хъ до 5 садоводство, ручной трудъ, гимнастика и пр., съ 6-ти до 10-ти приготовленіе уроковъ, въ 10 обязательно ложиться спать; крайне удивительно, что время распредѣлено такъ, что на чтеніе литературныхъ произведеній совсѣмъ не имѣется времени; тогда какъ для мальчугановъ, окончившихъ сельскую школу, послѣднее необходимо.

Вотъ какова въ краткихъ чертахъ постановка дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ. „Результаты такой разумной постановки не замедлили оказаться на самихъ питомцахъ семинаріи; изъ нихъ вышли дѣльные и опытные преподаватели, которые привлекли къ себѣ всѣхъ лицъ, интересующихся народнымъ образованіемъ и пріобрѣли себѣ славу лучшихъ народныхъ учителей" (стр. 64-я). Но вѣдь „всякъ куликъ свое болото хвалитъ", а поэтому за оцѣнкою дѣятельности семинарій обратимся къ отзывамъ земствъ, безусловно интересующихся народнымъ образованіемъ. Новоторжская Уѣздная Земская Управа (въ Торжкѣ и находится семинарія) въ докладѣ за 98 г. (стр. 95) указываетъ, что современная благоустроенная земская школа должна дать своимъ питомцамъ больше, чѣмъ простую грамотность: она должна надѣлить ихъ извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ и нѣкоторымъ запасомъ положительныхъ знаній, должна быть воспитана въ дѣтяхъ привычка къ чтенію книгъ. Такіе результаты достигаются преподавателями, получившими серьезное общее

образованіе"; къ числу послѣднихъ ни въ коемъ случаѣ нельзя отнести бывшихъ воспитанниковъ учительской семинаріи; „большинство изъ нихъ, не получивъ достаточнаго умственнаго развитія, быстро поддается усыпляющему вліянію деревенской среды и относится къ своему дѣлу, какъ къ ремеслу, дающему средства къ существованію. Винить ихъ нельзя, такъ какъ они являются естественнымъ продуктомъ современной постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріяхъ. Окончивъ курсъ въ двухклассномъ училищѣ, т. е. въ начальной школѣ съ 5-ти годичнымъ курсомъ обученія, по достиженіи 16-ти лѣтъ, молодые люди поступаютъ въ семинарію, гдѣ въ продолженіе только трехъ лѣтъ имѣютъ получить законченное, какъ общее, такъ и спеціальное образованіе (далѣе приведена подробная программа учебныхъ предметовъ въ учительскихъ семинаріяхъ). „Все должно быть изучено и усвоено въ теченіи трехъ лѣтъ, т. е. избрана система, давно осужденная педагогическою наукою, ведущая къ обремененію памяти массою необработаннаго матеріала. Результаты такой системы оказались крайне печальными. Посѣщая школы, бесѣдуя съ молодыми патентованными педагогами, присутствуя на ихъ урокахъ, поражаешься ихъ неразвитостью, незнакомствомъ съ общеизвѣстными научными положеніями и незнаніемъ элементарныхъ фактовъ изъ области естествознанія, географіи и всеобщей исторіи".

И это неудивительно, если принять во вниманіе способъ преподаванія этихъ предметовъ, рекомендованный инструкціей: изъ всеобщей исторіи указываются только факты, которые стоятъ въ связи съ русской исторіей, способствуя тѣмъ самымъ укрѣпленію любви и преданности Престолу" (стр. 96-я). Что же касается до системы воспитанія, то она основана на дореформенныхъ воззрѣніяхъ: по инструкціи наставники не должны допускать такъ называемаго фамильярнаго обращенія съ воспитанниками, которые не должны позволять себѣ такого, что не можетъ дозволить себѣ подчиненный относительно своего начальника" (стр. 97).

Все вышеизложенное приводитъ къ мысли, что педагогическія учебныя заведенія съ весьма сокращеннымъ обще-образовательнымъ курсомъ (учительскія семинаріи) не удовлетворяютъ требованіямъ современной жизни; 30 лѣтъ тому назадъ эти учебныя заведенія имѣли значеніе въ смыслѣ дешевизны подготовки учителя. Теперь же земства вправѣ требовать отъ учителей болѣе широкой дѣятельности; а потому необходима полная реорганизація учительскихъ семинарій. Въ учительскихъ семинаріяхъ необходимо дать сначала общее образованіе, а за тѣмъ уже спеціальное; слѣдовательно, нужно не три года, а minimum шесть. Но не одной реорганизаціей педагогическихъ учебныхъ заведеній обусловливается успѣхъ народной школы. По этому поводу вполнѣ справедливо замѣчаютъ новоторжскіе учителя въ докладной запискѣ земскому собранію 1899 г. „Учительскія семинаріи даже съ расширеннымъ обще-образовательнымъ курсомъ не дадутъ настоящаго земскаго работника, ибо качество его работы опре-

дѣляется главнымъ образомъ условіями его непосредственной дѣятельности въ начальной школѣ: сѣрая деревенская среда неукоснительно дѣйствуетъ на каждое лицо, попавшее въ захолустную деревню; нужны глубокія духовныя силы, чтобы сохранить въ чистотѣ идеалы и убѣжденія истинаго земскаго работника“ (стр. 109). „Отчужденность и изолированность педагоговъ другъ отъ друга ведутъ къ тому, что міръ общечеловѣческихъ интересовъ постепенно исчезаетъ въ туманѣ будничныхъ заботъ и постепенно вырабатывается типъ педагога-практика, ремесленника по существу (стр. 109), поэтому „ближайшей задачей земства является сближеніе педагоговъ другъ съ другомъ. Почвой, на которой могло бы происходить это сближеніе, является совокупность учебныхъ и хозяйственныхъ интересовъ школы; такого рода хозяйственныя учительскія совѣщанія при земскихъ управахъ, способствуя правильному, небюрократическому хозяйству школъ, приносили бы громадную пользу въ смыслѣ развитія общественности учителей. Болѣе могучимъ средствомъ являются учительскіе съѣзды, повторяющіеся періодически и не стѣсненные мелочной скрупулезной регламентаціей, замораживающей всякое живое дѣло. Къ сожалѣнію, распоряженіе Министерства 1889 г. придало учительскимъ съѣздамъ совершенно иной характеръ.

Снабженіе учащихъ книгами для самообразованія—также одно изъ сильныхъ средствъ къ поднятію интеллектуальнаго развитія учащихъ. Итакъ, вопросъ о подготовкѣ народнаго учителя сводится къ разсмотрѣнію положенія педагогическихъ учебныхъ заведеній и условій непосредственной дѣятельности учителя въ школѣ. Соотвѣтственно сему и должны быть приняты мѣры къ улучшенію педагогическаго персонала: общее образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ должно предшествовать спеціальному; съ этой цѣлью учебный курсъ семинаріи долженъ быть значительно расширенъ и удлиненъ; земства должны имѣть право открывать свои семинаріи; въ совѣты правительственныхъ семинарій необходимо допустить представителей отъ земства, которые явятся тамъ проводниками требованій жизни, а дѣятельность семинаріи будетъ доступна публичному обсужденію на земскихъ собраніяхъ. При земскихъ управахъ крайне необходимо устраивать хозяйственныя учительскія совѣщанія на основаніи 105 ст. Пол. о земск. учреж.; учительскіе съѣзды и районыя собранія не должны быть стѣснены мелочной регламентаціей; учительскія библіотеки должны быть доступны каждому учащему. Только при наличности вышеуказанныхъ условій мы увидимъ въ учителѣ истиннаго земскаго работника.

В. Б.

По сельскимъ библіотекамъ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Мнѣ была предложена интересная и совершенно новая работа—произвести статистическое изслѣдованіе сельскихъ библіотекъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской губерніи. Эта работа составляла часть огромнаго труда, предпринятаго въ 1901 году, состоящимъ при харьковскомъ обществѣ распространенія въ народѣ грамотности, комитетомъ сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ, организовавшимъ за семилѣтнее свое существованіе болѣе 250 библіотекъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Изслѣдованіе это было первой попыткой со стороны комитета ближе познакомиться съ дѣятельностью библіотекъ, выяснить на мѣстѣ нужды этихъ, недавно затеплившихся въ глубинѣ деревенскаго мрака, новыхъ и къ тому же чуть не единственныхъ, источниковъ просвѣщенія.

Программа изслѣдованія, заключая въ себѣ много интересныхъ вопросовъ, была такъ обширна, настолько глубоко исчерпывала предметъ, что, получивъ предложеніе комитета, я сразу рѣшилъ ѣхать по библіотекамъ: помимо собиранія чисто-статистическихъ свѣдѣній, предстояло выяснить нравственное значеніе библіотекъ: чѣмъ болѣе всего интересуются сельскіе читатели? бывали ли случаи практическаго примѣненія прочитаннаго по сельскому хозяйству? ремесламъ, гигіенѣ? не обращаются ли читатели къ библіотекарю съ вопросами по поводу прочитаннаго? Каково отношеніе населенія къ библіотекамъ? По поводу всѣхъ этихъ интересныхъ вопросовъ мнѣ предстояла живая бесѣда на протяженіи сотенъ верстъ съ рядомъ новыхъ лицъ, въ роли завѣдующихъ, наблюдающихъ, библіотекарей: все это были, какъ я видѣлъ по комитетскому списку, представители деревенской интеллигенціи, работающіе на обширной нивѣ земской дѣятельности,—кого только не пришлось встрѣтить въ роли завѣдующихъ библіотеками?—учительницъ, учителей, врачей, фельдшеровъ, завѣдующихъ чайными, земскихъ начальниковъ, волостныхъ старшинъ и писарей, дьяконовъ, псаломщиковъ, и какъ

исключеніе только лишь одного попросту грамотнаго крестьянина. Наблюдающими являлись исключительно священники. За мѣсяцъ съ небольшимъ я успѣлъ осмотрѣть въ двухъ уѣздахъ до 30 библіотекъ и могу теперь предположить, сколько скопится цѣннаго матеріала, когда изслѣдованіе народныхъ библіотекъ будетъ закончено по всей губерніи; много новыхъ указаній и интересныхъ свѣдѣній найдетъ комитетъ для своей просвѣтительной дѣятельности въ томъ обширномъ матеріалѣ.

I.

И куда только, разъѣзжая по селамъ, не приходилось заглядывать, чтобы отыскать „сельскую, безплатную, народную библіотеку": и въ волостныя правленія, и въ расправы, и въ церковныя сторожки, и въ чайныя, и даже просто въ квартиры священниковъ и псаломщиковъ. Только очень немногія библіотеки—двѣ-три изъ всѣхъ 30-ти имѣли совершенно отдѣльныя квартиры: въ одномъ случаѣ это былъ средней величины общественный домъ, предназначавшійся подъ богадѣльню, но уступленный подъ библіотеку; въ другомъ—наблюдающій, мѣстный священникъ, помѣстилъ библіотеку въ новомъ прекрасномъ церковномъ домѣ; въ третьемъ—частная квартира, нанятая на средства (2 рубля въ мѣсяцъ) милліонера-сахарозаводчика, въ имѣніи котораго организована библіотека и все сочувствіе котораго къ ней, кажется, только и выразилось въ двухрублевой мѣсячной субсидіи.

Помѣщеніе, предназначаемое для библіотеки—какъ это представляется теперь мнѣ послѣ осмотра 30 библіотекъ—должно удовлетворять двумъ главнымъ требованіямъ: во-первыхъ, оно должно быть вполнѣ доступно для простого народа; во-вторыхъ, настолько просторно, чтобы имѣлась возможность организовать при народной библіотекѣ непремѣнно читальню. Съ точки зрѣнія этихъ требованій, лучшими помѣщеніями среди осмотрѣнныхъ библіотекъ должны быть признаны чайныя попечительствъ трезвости: обыкновенно это лучшіе въ селахъ домики, зачастую выглядывающіе много чище и опрятнѣе хмурыхъ небѣленыхъ сельскихъ школъ, въ одной изъ комнатъ чайной, какъ приходилось наблюдать, пріютилась и библіотека: шкапы съ книгами, по срединѣ нѣсколько столовъ, у стѣнъ диваны, съ потолка спускается круглая лампа, — вотъ обычная обстановка библіотеки при чайной.

Зато всѣ прочія помѣщенія—при волостныхъ правленіяхъ, расправахъ, сторожкахъ—крайне неудобны.

Главное неудобство всѣхъ такихъ случайныхъ помѣщеній—невозможность имѣть читальню: въ волостяхъ находится лишь мѣсто для шкапа съ книгами, развернуться здѣсь библіотечному дѣлу совершенно некуда. Завѣдующіе библіотеками, помѣщающимися въ волостяхъ и расправахъ, единогласно заявляютъ о необходимости имѣть отдѣльное помѣщеніе.

— Очень неудобно,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—что библіотека помѣщается вмѣстѣ съ расправой: во время сходовъ, въ случаѣ пріѣзда начальствующихъ лицъ, выдачу книгъ приходится прекращать.

Другой завѣдующій заявилъ, что онъ тяготится исполнять свою обязанность, потому что помѣщеніе (въ расправѣ) не отвѣчаетъ назначенію; что часто сельское начальство во время выдачи книгъ дѣлаетъ намеки, что библіотека стѣсняетъ; на вопросъ же, „какія измѣненія и улучшенія въ устройствѣ библіотеки желательны?“ энергично заявилъ: „избавиться отъ невозможнаго помѣщенія въ расправѣ!“

— Помѣщеніе библіотеки, — говорилъ волостной писарь — часто бываетъ занято то волостнымъ судомъ, то проѣзжающими чиновниками, вообще должностными лицами, посѣтителями по дѣламъ; крестьяне же избѣгаютъ встрѣчи съ волостнымъ начальствомъ, вообще съ чиновниками,—желательно отдѣльное помѣщеніе, съ особой комнатой для читальни.

Пришлось осматривать народную библіотеку въ заштатномъ городѣ; библіотека помѣщалась въ одномъ зданіи, даже въ одной комнатѣ съ городскимъ управленіемъ; помѣщеніе съ перваго взгляда вполнѣ удобное, просторное, свѣтлое; однако, несмотря на семитысячное народонаселеніе и третій годъ дѣятельности библіотеки, подписчиковъ всего 127 душъ!

— Отчего такъ мало читателей?!

— Да, видите ли,—сразу объяснилъ библіотекарь—народную библіотеку удобнѣе помѣстить въ чайной: для народа было бы доступнѣе, и читальню тамъ можно было бы организовать; чайную все-таки народъ посѣщаетъ, а въ городское управленіе за книгой не каждый пойдетъ, постѣсняется!

Такимъ образомъ, дѣйствительность прямо указываетъ на сліяніе народныхъ библіотекъ съ народными чайными; конечно, далеко еще не въ каждомъ селеніи есть чайная и потому, естественно, что комитетъ, приступая къ организаціи къ какомъ-нибудь захолустьѣ библіотеки, пользуется первымъ попадающимся ему свободнымъ помѣщеніемъ: цѣли чисто просвѣтительныя преслѣдуются комитетомъ прежде всего; но, несомнѣнно, также, что одной изъ задачъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго явится для комитета и вопросъ объ улучшеніи внѣшней обстановки библіотечнаго дѣла.

Далѣе необходимо сказать о лицахъ, руководящихъ сельскими библіотеками.

Существующія правила *) требуютъ, чтобы въ каждой народной библіотекѣ было два представителя: отвѣтственно-завѣдующій и наблюдающій. Каково же въ дѣйствительности ихъ значеніе?

Въ одиннадцати библіотекахъ въ качествѣ завѣдующихъ я

*) „Правила о безплатн. народн. читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними“, утвержд. Мин. Внутр. Дѣлъ 15 Мая 1890 г.

встрѣтилъ учителей и учительницъ земскихъ школъ; въ четырехъ—волостныхъ писарей; въ двухъ—земскихъ начальниковъ; въ единичныхъ случаяхъ—врача, фельдшера, городского старосту, волостного старшину, псаломщика, жену священника, завѣдующаго чайной и крестьянина. Изслѣдованіе привело меня къ заключенію, что главными руководителями и наиболѣе активными работниками въ библіотекахъ являются отвѣтственно-завѣдующіе: роль ихъ далеко не исчерпывается простой выдачей книгъ, исполненіемъ, такъ сказать, обязанностей библіотекаря: зачастую имъ, по поводу прочитаннаго, приходится вести съ читателями бесѣды, отвѣчать на самые разнообразные вопросы подписчиковъ. Вотъ подлинныя мнѣнія на этотъ счетъ самихъ завѣдующихъ, записанныя мной при изслѣдованіи:

— Случаи обращенія къ библіотекарю со стороны читателей за разъясненіемъ часты: недавно, напримѣръ, одинъ изъ окончившихъ сельскую школу, прочитавъ книжку о царствованіи Елизаветы, спрашивалъ: „якъ изъ малаго пастуха можно зробытця первымъ лицомъ въ государствѣ, якъ це могло быть?!" (рѣчь шла о возвышеніи графа Разумовскаго).

Подписчиковъ у меня много—говорилъ одинъ завѣдующій—книги берутъ охотно, отношеніе населенія самое хорошее, всѣ очень рады, довольны, что есть библіотека, гдѣ можно, какъ говорятъ наши хохлы: „узнать, якъ жили и живутъ люди на біломъ світі, узнать правду, якъ що робытця у разныхъ народівъ", за разъясненіемъ недоразумѣній, вытекающихъ изъ сравненія дѣйствительной окружающей жизни съ тѣмъ, что вычитано,—обращаются нерѣдко.

— Бывали случаи, что взрослые просили библіотекаря разъяснить малопонятныя мѣста изъ сельско-хозяйственныхъ брошюръ, по поводу кормленія лошадей, удобренія земли.

Нерѣдко же завѣдующимъ, при выдачѣ книгъ, приходится рѣшать вопросъ: какую книгу дать тому или другому читателю,—о чемъ часто просятъ сами подписчики,—въ особенности же это относится къ подписчикамъ-дѣтямъ, подросткамъ.

Отсюда понятно, насколько желательно, чтобы завѣдующіе народными библіотеками были люди болѣе или менѣе просвѣщенные, образованные, въ достаточной степени знакомые и съ кругозоромъ своихъ читателей и книгами, составляющими библіотеку, не только по ихъ заглавіямъ, но и по внутреннему содержанію. Такому требованію, какъ мнѣ кажется, болѣе всего удовлетворяетъ, среди деревенской интеллигенціи, педагогическій персоналъ народныхъ школъ; но и среди лицъ другихъ профессій приходилось встрѣчать въ роли завѣдующихъ лицъ достаточно культурныхъ, всей душой преданныхъ дѣлу народнаго просвѣщенія.

Обзоръ библіотеки съ завѣдующимъ—крестьяниномъ особенно интересовалъ меня: въ этомъ случаѣ она была единственной на моемъ пути; вотъ гдѣ, думалось, придется почерпнуть интере-

сныя свѣдѣнія; вотъ гдѣ, въ отвѣтахъ библіотекаря-крестьянина, долженъ отразиться особенно ярко и взглядъ народа на библіотеку и его требованія. Но каково же было мое огорченіе, какъ велико было удивленіе, когда въ лицѣ этого завѣдующаго я встрѣтилъ глубокаго старика, слѣпого на одинъ глазъ, чуть-чуть грамотнаго.

— Ну, объясните, пожалуйста, какимъ образомъ попали вы въ завѣдующіе?—помнится, въ недоумѣніи спросилъ я старика.

— Та по просьбѣ батюшки: я и отказувавсь дуже, тѣмъ що чоловікъ старый, малограмотный, и плохо бачу, а вінъ сказавъ: „не смѣй отказыватця, ты будешь книжки выдавать!“ — отвѣчалъ старикъ. Нечего и распространяться, что библіотека эта влачила печальное существованіе: помѣщеніе (въ расправѣ) отчаянное, завѣдующій—живой мертвецъ, населеніе о библіотекѣ мало освѣдомлено, выдача книгъ неаккуратна. Свѣдѣній „о дѣятельности библіотеки“ здѣсь не добылъ я никакихъ; старикъ-завѣдующій усиленно просилъ „увольнить его отъ этого діла“, потому что „управится съ этыми книгами“ онъ никакъ не можетъ.

Что слѣдуетъ сказать о роли наблюдающихъ?

Во всѣхъ осмотрѣнныхъ мной библіотекахъ обязанности наблюдающихъ исполняютъ приходскіе священники; только въ одной библіотекѣ, и то городской, пришлось въ роли наблюдающаго встрѣтить учителя городского училища. На вопросъ программы: „какое участіе принимаетъ наблюдающій въ библіотекѣ?“ большинство ихъ самихъ затруднялось что отвѣтить:

— Какое же участіе?!—съ удивленіемъ переспрашивалъ меня чуть ли не всякій священникъ,—особаго никакого! обыкновенно, какъ всѣ наблюдающіе—завѣряешь только каталогъ!

Если же наблюдающаго, почему либо, не удавалось опросить, то завѣдующіе давали на приведенный вопросъ отвѣтъ еще болѣе категоричный: „никакого участія, ни малѣйшаго, пассивное“. Какая, однако, пустая формальность „завѣреніе“ каталога наблюдающимъ, да и въ состояніи ли послѣдній выполнить ее?! Вѣдь составленный комитетомъ харьковскаго общества грамотности каталогъ изданій для народныхъ библіотекъ состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ названій книгъ, допущенныхъ въ эти библіотеки,—въ состояніи ли теперь какой-нибудь захолустный батюшка провѣрить всѣ тѣ ссылки и указанія на одобреніе или разрѣшеніе къ употребленію книги въ библіотекѣ, которыя имѣются въ каталогѣ? По какимъ источникамъ онъ станетъ провѣрять у себя дома указанія комитета? да, наконецъ, къ чему вся эта процедура?! Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, списокъ книгъ присылаемыхъ комитетомъ въ библіотеку завѣряется наблюдающимъ безъ всякой провѣрки. Еще менѣе наблюдающіе могутъ приложить рвенія къ тому, чтобы „читальни не служили для посѣтителей оныхъ мѣстами для собраній, совѣщаній и другихъ дѣйствій, чуждыхъ назначенію читаленъ или нарушающихъ въ

нихъ должный порядокъ", *)—потому что, прежде всего и читален то нѣтъ при библіотекахъ, за исключеніемъ тѣхъ очень немногихъ, которыя помѣщаются при чайныхъ. Исключеніе представляютъ наблюдающіе, относящіеся къ библіотекамъ болѣе или менѣе сочувственно и проявляющіе въ отношеніи ихъ болѣе или менѣе заботливое участіе, по части прісканія, напримѣръ, болѣе удобнаго помѣщенія, снабженія книгами, періодическими изданіями: какъ я уже отмѣтилъ выше, только изъ 30 случаевъ, лишь въ одномъ селѣ пришлось встрѣтить наблюдающаго—священника, проявившаго особое вниманіе къ народной библіотекѣ, помѣстившаго ее во вновь отстроенномъ церковномъ домѣ и организовавшаго при ней читальню. Не могу не отмѣтить, къ сожалѣнію, и отрицательнаго отношенія нѣкоторыхъ наблюдающихъ къ народнымъ библіотекамъ: факты въ этомъ родѣ, къ счастью единичны, но характерны. Есть немногіе изъ наблюдающихъ, которые не прочь проявить въ отношеніи народныхъ библіотекъ „роль начальствующихъ лицъ": въ одной изъ библіотекъ, функціонирующей съ большимъ успѣхомъ, завѣдующій сообщилъ, что священникъ-наблюдающій выразилъ свой протестъ на желаніе многихъ подписчиковъ, чтобы библіотека, на деньги, собранныя въ пользу послѣдней благотворительнымъ путемъ, выписала бы сочиненія Л. Н. Толстого: „Войну и миръ" и „Анну Каренину"; и книги эти, несмотря на допущеніе ихъ въ народныя библіотеки **), такъ и не были выписаны.

Чѣмъ, какъ не сочувственнымъ отношеніемъ, можно объяснить уже отмѣченный мною фактъ выбора наблюдающимъ слѣпого, полуграмотнаго старика-крестьянина въ завѣдующіе библіотекой (теперь въ этой библіотекѣ завѣдуетъ другое лицо). Ужъ лучше „пассивное", нежели „отрицательное" отношеніе.

Кромѣ завѣдующихъ и наблюдающихъ въ немногихъ библіотекахъ есть отдѣльные библіотекари, либо совершенно самостоятельно вѣдающіе выдачу книгъ (какъ напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣдующими состоятъ земскіе начальники), или же помогающіе въ томъ случаѣ завѣдующимъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ помощниками являлись окончившіе сельскую школу, въ другихъ—сельскіе писаря, въ одномъ—жена священника, помощницы учителей и учительницъ. Нельзя не отмѣтить взглядъ комитета на роль помощниковъ: „было бы крайне желательно указать гг. наблюдающимъ и завѣдующимъ на ихъ право приглашать по своему желанію и безъ всякихъ разрѣшеній кого угодно къ себѣ въ помощники, а затѣмъ посовѣтовать имъ выбирать помощниковъ изъ окончившихъ мѣстныя школы; очень важно, чтобы въ библіотекѣ принимали бы участіе мѣстные жители,—изъ ихъ среды въ будущемъ могли бы выработаться опытные

*) „Прав. о безп. нар. читальн. 15 мая 1890 г."

**) См. „Руководство къ устройству безпл. нар. биб. и чит." (изд. Ком. Хар. общ. грам. 1896 г.) стр. 84.

завѣдующіе, хорошо освѣдомленные съ мѣстными вкусами и запросами". Теперь же, когда почти вездѣ библіотечная администрація состоитъ изъ представителей *учебнаго и духовнаго* вѣдомства, постоянно приходится разыскивать завѣдующихъ то для одной, то для другой библіотеки, благодаря служебнымъ перемѣщеніямъ этихъ лицъ.

Въ связи съ вопросомъ о помощникахъ библіотекарей стоитъ не менѣе интересный и другой вопросъ — объ организаціи при библіотекахъ особыхъ правленій. Комитетъ, въ своей инструкціи по поводу изслѣдованія, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что правленія могли бы вѣдать всѣ библіотечныя дѣла и тѣмъ облегчить работу какъ мѣстныхъ работниковъ, такъ комитета, которому приходится разрѣшать изъ г. Харькова всякіе мелкіе вопросы для той или другой библіотеки; что приглашенные въ помощники библіотекарей изъ учащихся и окончившихъ сельскія школы со временемъ могли бы сдѣлаться членами правленій, быть ходатаями и сторонниками библіотекъ на сходахъ. Что же дало по этому поводу изслѣдованіе?

Изъ 30 осмотрѣнныхъ библіотекъ только при десяти организованы правленія. Большинство ихъ, какъ отозвались непосредственные руководители дѣла—наблюдающіе и завѣдующіе,—совершенно ни въ чемъ не проявили своей дѣятельности: сходами было избрано нѣсколько грамотныхъ крестьянъ (по 2—3 человѣка) въ составъ правленій, и тѣмъ все кончилось: они даже ни одного раза не собирались, не ознакомились съ правами, предоставленными правленіямъ, и никакихъ вопросовъ, касающихся библіотечнаго дѣла, не обсуждали! Отчего же среди такихъ, повидимому, безжизненныхъ правленій нашлось два—три счастливыхъ исключенія, два—три правленія, энергично работающихъ на пользу народныхъ библіотекъ, заботящихся о постоянномъ пополненіи книжныхъ запасовъ библіотеки, о выпискѣ газетъ и журналовъ, для чего приходилось устраивать съ благотворительной цѣлью концерты, спектакли, объ улучшеніи помѣщенія, снабженія читальни мебелью и др. сторонахъ? Единственно отъ того, что среди членовъ правленія нашлись люди, интересующіеся дѣломъ народнаго просвѣщенія и въ частности положеніемъ народныхъ библіотекъ; люди иниціативы, сумѣвшіе изъ правленія организовать тѣсный кружокъ, вдохнуть въ него жизнь и энергію. Какъ было не порадоваться за успѣхъ, когда мнѣ вдругъ пришлось натолкнуться на библіотеку, гдѣ дѣло „кипѣло": число подписчиковъ ежегодно увеличивалось, къ концу 3-го года достигало многихъ сотенъ; книги брались на расхватъ, за ними приходили даже изъ хуторовъ на разстояніи 15 верстъ; небольшой кружокъ интеллигенціи (правленіе), сплотившійся у библіотеки, заботился о ея процвѣтаніи, здѣсь выписывались всѣ разрѣшенныя періодическія изданія, новыя книги, которыхъ въ общемъ была масса, и одинъ только беллетристическій отдѣлъ состоялъ изъ тысячи томовъ, въ то время какъ въ другихъ библіо-

текахъ по всѣмъ VIII отдѣламъ едва насчитывалось 300—400 книгъ. И мнѣ думается, не столько правленіе, сколько вообще лица деревенской интеллигенціи могли бы сочувствіемъ принести не мало пользы народнымъ библіотекамъ: самая настоятельная нужда теперешнихъ библіотекъ—въ чемъ пришлось убѣдиться фактически—недостатокъ книгъ: „книги всѣ перечитаны, публика жаждетъ имѣть новый матеріалъ для чтенія", заявляли мнѣ въ одной изъ библіотекъ: „необходимо пополнить запасъ книгъ и періодическихъ изданій,"—чуть-ли не въ каждой библіотекѣ приходилось слышать. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ отсутствіе новаго матеріала для чтенія служило „причиной полнаго прекращенія пользованія библіотекой"; правда, комитетъ время отъ времени пополняетъ библіотеки новыми книгами, но этого далеко недостаточно; отчего же не позаботиться объ этомъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, духовенству, вообще уѣздной интеллигенціи?

Обыкновенно въ каждой народной библіотекѣ книги распредѣляются на восемь отдѣловъ: 1) религіозно-нравственный, 2) историческій, 3) географія и этнографія, 4) естествознаніе и медицина, 5) сельско-хозяйственный и ремесленно-справочный, 6) беллетристика, 7) обществовѣдѣніе и 8) періодическія изданія. Первое мѣсто по числу книгъ во всѣхъ библіотекахъ занимаетъ беллетристическій; самые убогіе отдѣлы седьмой и восьмой. Громадное большинство библіотекъ, процентовъ 80—90, ничего не выписываютъ изъ періодическихъ изданій, довольствуясь лишь мѣстными „губернскими вѣдомостями", разсылаемыми комитетомъ почти во всѣ библіотеки, что происходитъ не столько отъ того, что изъ числа періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ для народныхъ библіотекъ мало что можно выбрать, сколько отъ недостатка средствъ на выписку. Насколько скудны библіотеки книгами, приведу рядъ цифръ взятыхъ прямо изъ жизни:

1)	въ	селѣ	при	10,000	жителей	библіотека	состояла	изъ	867 книгъ.
2)	„	„		8,600	„	„	„	„	660 „
3)	„	„		7,000	„	„	„	„	637 „
4)	„	„		6,253	„	„	„	„	611 „
5)	„	„		5.411	„	„	„	„	511 „
6)	„	„		3,600	„	„	„	„	573 „
7)	„	„		3,580	„	„	„	„	342 „
8)	„	„		2,000	„	„	„	„	313 „
9)	„	„		1,700	„	„	„	„	323 „
10)	„	„		1,450	„	„	„	„	405 „
11)	„	„		1,400	„	„	„	„	302 „
12)	„	„		1,368	„	„	„	„	638 „

Съ перваго же взгляда видно, что съ уменьшеніемъ народонаселенія уменьшается и число книгъ по библіотекамъ, хотя села съ наименьшимъ населеніемъ находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: въ то время, когда въ селѣ № 12 одна книга приходится на 2-хъ человѣкъ, въ селѣ, подъ № 1—на 11 человѣкъ; въ слѣдующемъ селѣ одна книга приходится на 14 душъ, это самый неблагопріятный процентъ! далѣе это число пони-

жается до 12, 10, 11 человѣкъ и только съ № 9 переходитъ съ 5 до 2 человѣкъ.

Книги выдаются не только жителямъ центральныхъ селеній, гдѣ находится библіотека, — не мало насчитывается подписчиковъ-крестьянъ и изъ хуторовъ и ближайшихъ селеній, гдѣ еще библіотеки не открылись; такихъ поселковъ, примыкающихъ къ 14 библіотекамъ одного изъ обслѣдованныхъ мной уѣздовъ, насчитывается до 24, а съ двумя заводами, откуда также зарегистрированы подписчики,—26. Насколько крестьяне интересуются книгами, видно хотя бы изъ того, что въ библіотеки ходятъ изъ хуторовъ за 10 и даже 15 верстъ. По дальности разстоянія отъ библіотекъ хутора распредѣляются въ томъ уѣздѣ такъ:

въ разстояніи	отъ 1	до 5	верстъ—	12	хуторовъ
„	„ 5	„ 10	„	9	„
„	„ 10	„ 15	„	3	„

Выдача книгъ производится далеко не одинаково: въ то время, когда въ нѣкоторыхъ библіотекахъ установилась ежедневная выдача, въ другихъ книги выдаются лишь разъ въ недѣлю, либо по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Ежедневную выдачу книгъ можно объяснить или постояннымъ присутствіемъ при библіотекѣ завѣдующихъ, какъ волостные писаря, или же особымъ усердіемъ и любовью къ дѣлу библіотекарей.

Обращаютъ на себя вниманіе отвѣты руководителей библіотекъ на вопросы программы изслѣдованія: „принимались ли какія-либо мѣры къ исправному возвращенію книгъ и сохраненію ихъ въ цѣлости, и дѣйствительны ли эти мѣры?“

Насколько въ этомъ отношеніи противоположны мнѣнія, видно, напримѣръ, изъ того, что одни завѣдующіе высказались, вполнѣ отрицательно: „въ такихъ мѣрахъ не было надобности“ или „репрессивныхъ мѣръ не принимается никакихъ, да и невозможно принять“, и еще „подписчики сами и своевременно возвращаютъ книги,—не было необходимости принимать какія либо мѣры“; такихъ гуманныхъ отзывовъ большинство. А вотъ отвѣты другого характера: „особыхъ мѣръ не принималось, но подписчикамъ внушалось беречь книги и не задерживать; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда приносили слишкомъ избитую книгу, подписчикъ временно лишался дальнѣйшей выдачи“. Въ одной изъ библіотекъ, по словамъ наблюдающаго, для исправнаго возвращенія книгъ прибѣгали даже „къ наряду черезъ сельское правленіе“; а въ городской народной библіотекѣ „хотя и неоффиціально, но черезъ полицію были требованія возвратить книгу: городовымъ поручалось истребовать книгу отъ неаккуратно возвращавшихъ“. Въ большинствѣ же случаевъ фигурируютъ десятскіе, побуждающіе подписчиковъ „своевременно возвращать книги“. Очень характерно, что всѣ завѣдующіе, принимавшіе „мѣры“, единогласно заявляютъ, что эти мѣры „недѣйствительны!“ Менѣе всего, конечно, желательно, чтобы въ дѣятельность библіотекъ

былъ вносимъ „формализмъ“, всякаго рода „побужденія“ „репрессаліи“; чтобы въ столь деликатное дѣло не вмѣшивалось необузданное сельское начальство, полиція,—отъ этого только могутъ терять библіотеки: вѣдь въ одной библіотекѣ (при населеніи въ 8,600 чел. подписчиковъ за годъ 116) на вопросъ „почему такъ мало подписчиковъ?“ мнѣ засвидѣтельствовали, что до этого времени „библіотекой завѣдывалъ совершенно неподходящій человѣкъ: бралъ съ крестьянъ залоги, выдавалъ книги разъ въ недѣлю, въ строго опредѣленные часы обращался вообще съ подписчиками грубо настолько, что крестьяне даже боялись его, что за 2 года у этого завѣдующаго было только лишь 27 подписчиковъ. „Теперь этой библіотекой завѣдуетъ другое, болѣе подходящее лицо, но крестьяне, помня старые порядки, не очень то охотно идутъ въ библіотеку. Порядокъ въ каждомъ дѣлѣ необходимъ, но вѣдь это же не—грубость, своеволіе или самодурство!

Въ какіе мѣсяцы библіотеки имѣютъ наибольшее и наименьшее число подписчиковъ? Во всѣхъ библіотекахъ максимальное число читателей отмѣчено зимними мѣсяцами; лѣтомъ же дѣятельность библіотекъ настолько ослабѣваетъ, въ особенности въ рабочую пору, что даже прекращается совершенно; въ большихъ торговыхъ селахъ и городахъ народныя библіотеки функціонируютъ въ теченіе круглаго года, хотя и здѣсь лѣтними мѣсяцами замѣчается затишье.

II.

Кто же является подписчиками сельскихъ библіотекъ?

Сколько мнѣ удалось выяснить этотъ вопросъ при обслѣдованіи библіотекъ двухъ уѣздовъ, можно отвѣтить такъ: наростающее грамотное поколѣніе и преимущественно мужского пола: впереди прочихъ подписчиковъ стоятъ мужчины (отъ 17 лѣтъ), потомъ подростки (отъ 12 до 17 лѣтъ) и далѣе мальчики (до 12 лѣтъ). Женщины среди деревенскихъ читателей—исключеніе. Было нѣсколько библіотекъ, гдѣ въ числѣ подписчиковъ не зарегистровано ни одной взрослой женщины; тамъ же, гдѣ отмѣчались женщины, нерѣдко завѣдующіе поясняли, что эти читательницы—мѣстная интеллигенція: кто-нибудь изъ семьи духовныхъ, торговаго сословія. Я буду очень близокъ къ истинѣ, если скажу, что взрослыя женщины не превышаютъ 5—6 процентовъ общаго числа подписчиковъ, этотъ процентъ только немного повышается для женщинъ-подростковъ и дѣвочекъ. Что же это значитъ? Фактъ легко объяснимый: „грамота“ для женщины и теперь въ крестьянствѣ все еще считается „роскошью“, чѣмъ-то „безполезнымъ“; къ тому же школъ у насъ вообще мало, переполнены онѣ мальчиками, дѣвочки попадаютъ туда единицами—что еще болѣе тормазитъ развитіе грамотности въ средѣ женскаго пола; наконецъ, если даже и есть очень немногія грамотныя крестьянки, то онѣ прикованы такими невидимыми цѣпями къ своему хозяй-

ству, двору, хатѣ; такъ зиму, лѣто, день и ночь трудятся; всегда въ такой заботѣ о насущномъ кускѣ хлѣба, — что положительно не имѣютъ досуга, чтобы заняться еще чтеніемъ... Далеко то время, когда мать-крестьянка, окруженная дѣтьми, будетъ имъ читать любимыя сказки, когда и она будетъ посѣщать, наравнѣ съ мужчинами, не боясь быть осмѣянной, народную читальню, и обмѣниваться съ односельчанами мыслями по поводу прочитаннаго,—такъ далеко, что теперешней „женщинѣ-рабѣ" объ этомъ свѣтломъ ея будущемъ даже не мечтается!..

Два слѣдующихъ вопроса: „что побуждаетъ записываться въ библіотеку? и каково отношеніе населенія къ библіотекамъ?" дали очень интересныя свѣдѣнія.

Почти всѣ завѣдующіе на первый вопросъ не находились сразу что отвѣтить, но, скоро сообразивъ, давали вполнѣ ясные отвѣты.

— Всякій интересуется книжкой, какъ новинкой!—помнится, слышалъ я въ одной изъ только что открытыхъ библіотекъ.

Гдѣ же населеніе сколько-нибудь ознакомилось съ библіотекой, тамъ говорили:

— Записываться въ библіотеку побуждаютъ: интересъ къ чтенію, любовь къ знанію; желаніе читать, желаніе почерпнуть знанія; одни видятъ въ чтеніи развлеченіе, другіе ищутъ практическихъ свѣдѣній по хозяйству, третьи идутъ въ библіотеку изъ религіозныхъ потребностей!

— Многіе интересуются картинками, ученики берутъ книги по совѣту учителей, нѣкоторые изъ простого подражанія и желанія провести часъ-другой времени въ компаніи молодежи, собирающейся у библіотеки!

Вотъ, слѣдовательно, какую роль призвана играть библіотека въ жизни народа: она является для него и источникомъ свѣта, и сокровищницей знаній, и живой водой къ утоленію религіозно-нравственныхъ потребностей и, наконецъ, мѣстомъ развлеченія, отдыха отъ безконечно-трудовой жизни.

Какъ же относится деревня къ библіотекамъ?

По единодушному отзыву всѣхъ опрошенныхъ мной библіотекарей, крестьяне относятся къ библіотекамъ сочувственно, съ благодарностью, читаютъ книги съ „большой охотой".

— Очень довольны, рады, что имъ даютъ „пищу" и очень благодарны за библіотеку,—помнится говорила мнѣ одна изъ завѣдующихъ.

— Придетъ праздникъ, всѣ съ удовольствіемъ идутъ въ читальню!—слышалъ я отъ одной изъ учительницъ.

Однако, глубоко въѣвшееся въ народную жизнь недовѣріе ко всѣмъ благимъ мѣрамъ и начинаніямъ, откуда бы таковыя ни исходили, заставляющее относиться крестьянъ и ко всѣмъ новымъ проявленіямъ этой заботливости съ большой осмотрительностью,—сказалось также и на отношеніяхъ народа къ библіотекамъ. Это недовѣріе засвидѣтельствовано также почти всѣми завѣдующими, оно красной нитью проходитъ чрезъ всѣ осмотрѣн-

ныя мной библіотеки. Въ особенности оно замѣтно выражается, когда только начинаетъ устраиваться въ селѣ библіотека, или тотчасъ по ея открытіи:

— Нѣкоторые говорили—заявила одна изъ завѣдующихъ — какъ только открылась библіотека: „это насъ обманываютъ, что *безплатно* будутъ давать книги,—сначала дадутъ книгъ, а потомъ потребуютъ и деньги".

— Крестьяне довольны, что библіотека открыта,—говорилъ мнѣ одинъ изъ волостныхъ писарей въ роли библіотекаря,—но думаютъ, что придется платить все-таки деньги за нее.

— Воно гарно що библютека, такъ цежъ воно на нашу шею, важко прійдетця выдыхать,—привелъ какой то библіотекарь цѣликомъ подлинное выраженіе одного крестьянина-малоросса.

— Иные, по открытіи библіотеки думали, что придется платить деньги за книги и потому даже высказывали недовольство, а теперь относятся болѣе спокойно.

Въ ряду свѣдѣній, характеризующихъ направленіе библіотечнаго дѣла, останавливаютъ на себѣ вниманіе отвѣты завѣдующихъ на вопросы: какіе сочиненія и авторы чаще всего спрашиваются въ библіотекахъ и собираются ли крестьяне для чтенія книгъ вслухъ?

Въ нѣкоторыхъ библіотекахъ въ большомъ требованіи книги религіозно-нравственнаго содержанія, въ особенности ихъ любитъ читать болѣе зрѣлый возрастъ,—что это значитъ? Не есть ли это исканіе народомъ идеаловъ, не инстинктивное ли это стремленіе къ истинѣ, не есть ли это желаніе постичь тайну жизни, выбраться изъ глубокаго мрака къ свѣту, на путь нравственнаго самосовершенствованія?

Въ очень многихъ библіотекахъ книги историческаго и беллетристическаго отдѣловъ требуются наравнѣ съ книгами религіозно-нравственнаго содержанія. Очень любятъ читать путешествія, разсказы изъ военнаго быта, о всякаго рода приключеніяхъ. Въ немногихъ библіотекахъ спрашивались книги по сельскому хозяйству и его отраслямъ.

— Дѣти болѣе всего интересуются сказками бр. Гриммъ, Андерсена; подростки чаще всего спрашиваютъ Гоголя, Толстого „Князь Серебряный", „Робинзонъ Крузо", Лермонтова, взрослые интересуются книгами религіозно-нравственнаго содержанія, историческими сочиненіями Толстого,—такъ мнѣ говорила одна изъ завѣдующихъ.

— Гоголя, Толстого („Кн. Серебряный"), Фурмана—читаютъ съ удовольствіемъ, „Потерянный рай"—на расхватъ; сборникъ разсказовъ Чехова—прямо истрепанъ! сказками Пушкина, Аксакова, Коваленской и сочиненіями Купера ученики старшаго отдѣленія прямо зачитываются — сообщила одна изъ учительницъ.

— Книги по обществовѣдѣнію спрашиваются мало: крестьяне болѣе обращаются къ мѣстнымъ подпольнымъ адвокатамъ—замѣтилъ одинъ изъ волостныхъ писарей.

Большинство библіотекъ не имѣютъ читаленъ;—осмотрѣвъ 30 библіотекъ, я нашелъ читальни только лишь при 5-ти, въ большинствѣ случаевъ книги читаются на дому.

— Крестьяне собираются очень часто у себя по домамъ для чтенія вслухъ взятыхъ изъ библіотеки книгъ, говорилъ одинъ изъ наблюдающихъ—въ особенности долгими зимними вечерами: гдѣ есть грамотей-школьникъ, въ ту хату и сходятся, болѣе всего интересуются исторіей.

Въ затруднительное положеніе ставитъ завѣдующихъ библіотеками вопросъ: бывали ли случаи практическаго примѣненія прочитаннаго по сельскому хозяйству, ремесламъ, гигіенѣ?" Какъ мнѣ кажется, происходило это потому, что въ данномъ случаѣ не дѣлалось наблюденій и еще оттого, что библіотека существуетъ слишкомъ немного времени. Впрочемъ въ одной изъ библіотекъ мнѣ пришлось услышать слѣдующій отзывъ: „разъ крестьянинъ убѣдился въ правдѣ прочитаннаго, то всегда его примѣнитъ на дѣлѣ,—нѣкоторые изъ крестьянъ. прочитавъ, напримѣръ, брошюры по гигіенѣ, стали очищать воздухъ въ хатахъ и въ случаѣ надобности дѣлать дезинфекцію; нѣкоторые, начитавшись сельско-хозяйственныхъ книгъ, начали дѣлать опыты удобренія земли, вообще же крестьяне начинаютъ понимать, что „слѣпой человѣкъ" безпомощенъ, сознаютъ пользу образованія, пользу чтенія книгъ".

Таковы итоги изслѣдованія.

Итакъ, какова же роль библіотекъ въ народной жизни?

Одинъ изъ публицистовъ недавно замѣтилъ: „у насъ есть школы, но нѣтъ просвѣщенія",—дѣйствительно, несмотря на развитіе въ народѣ грамотности, весьма впрочемъ сомнительнаго достоинства, и болѣе чѣмъ тридцатилѣтнюю работу сельскихъ школъ, народное невѣжество едва ли уменьшилось; та же жестокость нравовъ, таже дикость понятій, тѣ же грубѣйшія суевѣрія, которыми и много лѣтъ тому назадъ сопровождалась жизнь русскаго народа! Школа, обучая грамотѣ, мало вліяетъ на нравы и не даетъ умственнаго развитія деревнѣ! Эту часть просвѣтительной миссіи и призваны, между прочимъ, исполнить народныя библіотеки: поэтому, гдѣ есть школа, тамъ должна быть и библіотека, съ разрѣшеніемъ вопроса о всеобщемъ обученіи тѣсно связанъ вопросъ и объ организаціи сѣти библіотекъ.

То, что сдѣлано по вопросу объ открытіи въ селахъ библіотекъ есть лишь начало огромнаго дѣла, фундаментъ, заложены первые камни! Одинокими, слабо-мерцающими огоньками свѣтятся въ глубинѣ деревенскаго мрака уже открытыя библіотеки, быть можетъ, эти огоньки когда-нибудь будутъ горѣть и ярче, разовьются въ свѣточи добра и знанія! Теперь же порадоваться можно лишь за одно,—за возникновеніе, начало правильно-организованной борьбы съ невѣжествомъ, этимъ тяжелымъ недугомъ русской жизни!..

Н. З. Ковалевскій.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

(НЕКРОЛОГЪ).

24-го марта въ Ново-Знаменской больницѣ (близъ станціи Стрѣльны, Балтійской ж. д.) скончался Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

Онъ родился 14 ноября 1840 года, въ чиновничьей семьѣ (его отецъ былъ секретаремъ тульской казенной палаты, а дѣдъ священникомъ) и первоначальное образованіе получилъ сначала въ тульской, а потомъ въ черниговской гимназіи. По окончаніи курса онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, (на юридическій факультетъ) но пробылъ здѣсь только одну недѣлю и затѣмъ перевелся въ Москву. Однако, и московскаго университета Глѣбъ Ивановичъ не кончилъ и, покинувъ его въ 1868 году, занялся литературой. Онъ началъ писать въ еженедѣльномъ журналѣ Калошина „Зритель“, потомъ сотрудничалъ въ „Русскомъ Словѣ“, въ „Дѣлѣ“, „Современникѣ“ въ „Отеч. Запискахъ“, „Сѣв. Вѣсти.“ и „Русск. Вѣд.“ Въ 1891 г. впервые съ несомнѣнной очевидностью обнаружились всѣ признаки страшнаго недуга Успенскаго и его помѣстили въ Колмовскую больницу. Въ этой больницѣ Успенскій жилъ первоначально подъ наблюденіемъ извѣстнаго психіатра Синани (который, кстати сказать, очень близко зналъ Глѣба Ивановича, высоко цѣнилъ его талантъ и горячо любилъ его какъ человѣка). Но затѣмъ, когда д-ръ Синани оставилъ службу въ Колмовской больницѣ и преемники его стали злоупотреблять популярностью Успенскаго и показывать больного писателя любопытствующимъ туристамъ, родные перевели Глѣба Ивановича въ Ново-Знаменскую больницу. Здѣсь Глѣбъ Ивановичъ пользовался прекраснымъ отдѣльнымъ помѣщеніемъ и отличнымъ уходомъ. При немъ попеременно день и ночь дежурили три сторожа, врачи не спускали съ него глазъ, а сынъ покойнаго, инженеръ Александръ Глѣбовичъ, старался дѣлать все, чтобы окружить нѣжно и горячо любимаго отца возможнымъ комфортомъ и удобствами.

Такова, въ общихъ чертахъ, несложная, бѣдная внѣшними событіями біографія Г. И. Успенскаго.

Но въ эти простыя, будничныя рамки, какъ бриллiантъ въ плохонькую оправу, былъ втиснутъ блестящій, яркій талантъ, согрѣтый глубокой ненасытной любовью къ людямъ. Именно ненасытной, потому что этой любви не было ни дна, ни берега, потому что любовь эта, жалѣющая и грустная, доставлявшая Успенскому столько терзаній, составляетъ самую выпуклую, самую яркую сторону его таланта. У Успенскаго вы не найдете ни одного разсказа, ни одной страницы, съ которой не глядѣли бы на васъ грустные, задумчивые и страдающіе глаза автора. И хотя по временамъ вы до слезъ, до упаду будете хохотать надъ его жанровыми картинками, но въ концѣ концовъ вы непремѣнно почувствуете, что въ этомъ смѣхѣ звучитъ какая-то особенная нотка трагическаго, вы непремѣнно увидите, что этотъ смѣхъ только сильнѣе и ярче раскрываетъ предъ вами бѣдность, несовершенство и подлость нашей жизни.

Но если въ этой любви къ людямъ лежитъ ключъ къ объясненію творчества Успенскаго, то въ ней же надо видѣть и первопричину того, почему Успенскому такъ тяжко и такъ горько жилось на свѣтѣ; иначе и быть не могло: кто безраздѣльно отдалъ людямъ все свое сердце, тотъ, въ наши дни унынія и печали, долженъ навсегда забыть о спокойствіи и личномъ счастьѣ. И Успенскій забылъ, вѣрнѣе даже онъ не помнилъ, что еще есть какое-то личное счастье на землѣ. Онъ не могъ объ этомъ помнить, потому что весь онъ состоялъ изъ „обнаженныхъ нервовъ“, потому что вся его нѣжная, чуткая душа болѣла и ныла при малѣйшемъ прикосновеніи грубой и жестокой дѣйствительности. Злая жизнь точно возненавидѣла эту мягкую, переполненную любовью натуру и безъ устали, безъ пощады колотила ее, пока не загнала наконецъ въ больницу для душевно больныхъ. И какъ на зло она загнала ее въ то самое время, когда блестящій талантъ Успенскаго былъ въ полномъ расцвѣтѣ, когда его творческая мысль уже овладѣла новыми горизонтами, и отъ „Власти Земли“ онъ переходилъ къ „Власти Капитала“.

Въ личной жизни Успенскій тоже не могъ похвастать большимъ счастьемъ: здѣсь его преслѣдовала бѣдность, которая не прекращалась никогда, несмотря на спартанскую умѣренность покойнаго въ личныхъ и семейныхъ расходахъ. Это тоже очень характерное явленіе для русскихъ нравовъ: ни громадный литературный талантъ, ни многотомныя сочиненія, которыми зачитывалась вся образованная Россія, не могли защитить популярнѣйшаго писателя отъ нужды, не могли создать ему и его семьѣ хоть сколько-нибудь сноснаго, обезпеченнаго существованія. Развѣ это малый показатель нашей культурной правоспособности? Въ расцвѣтѣ своей громадной славы Успенскій долженъ былъ искать мѣста, долженъ былъ думать о совмѣстительствѣ литературнаго труда съ желѣзнодорожными занятіями. Правда, это совмѣстительство такъ и не состоялось, по крайней мѣрѣ вотъ что писалъ Успенскій одному изъ своихъ друзей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ

послѣ своего опредѣленія „на должность". „Мѣсто я долженъ былъ бросить, и какъ ни скверно это въ матеріальномъ отношеніи, но рѣшительно не раскаиваюсь: подлые концессіонеры глотаютъ милліоны во имя разныхъ шарлатанскихъ проектовъ,—а во сколько же разъ подлѣе интеллигенція, которая не за милліоны, а за два двугривенныхъ осуществляетъ эти разбойничьи проекты на дѣлѣ, тамъ, въ глубинѣ Россіи?"

Конечно, для всей читающей публики было счастьемъ, что Успенскій не улегся на желѣзнодорожное лоно, а только плюнулъ въ него. Но каковы же условія писательской работы въ той странѣ, гдѣ первоклассные таланты силою вещей должны браться за чужое для нихъ, постылое дѣло „изъ за двухъ двугривенныхъ?"

Лишь подъ конецъ жизни Глѣбъ Успенскій раздружился съ нуждой. Но и тутъ сравнительныя удобства жизни были доставлены не сочиненіями покойнаго (сочиненія, по своей непрактичности, онъ почти задаромъ отдавалъ издателямъ) а стараніями литературнаго фонда и неослабными попеченіями семьи. Послѣдняя, въ лицѣ старшаго сына Александра Глѣбовича, напрягалась изо всѣхъ силъ, чтобы остатокъ жизни больного старика протекъ среди комфорта. Но и за всѣмъ тѣмъ тотчасъ послѣ смерти Успенскаго среди газетной братіи нашлись благородные люди, которые не постѣснялись пустить въ ходъ недостойные, полные явной лжи и тайной клеветы намеки на семью покойнаго. Бутербродные интервьюеры старались доказать, будто бы эта семья была равнодушна къ судьбѣ своего отца. Впрочемъ, этотъ камень принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ не слѣдуетъ и поднимать, чтобы не замарать руки. Если Глѣбъ Успенскій умѣлъ вліять на всю образованную Россію, то неужели же онъ не могъ повліять на свою семью? Если передъ Глѣбомъ Успенскимъ, какъ предъ живымъ образцомъ нравственной чистоты, благоговѣли и преклонялись даже незнакомые люди, то неужели обаяніе этой нравственной геніальности могло быть безсильно въ собственной семьѣ?

Голосъ здраваго смысла говоритъ, что оно могло быть безсильно только въ отношеніи нѣкоторыхъ интервьюеровъ.

А. А. Давыдова.

(НЕКРОЛОГЪ).

Журналъ „Міръ Божій" за послѣднее время понесъ двѣ утраты: онъ лишился своей издательницы А. А. Давыдовой и своего редактора В. П. Острогорскаго.

Особенно тяжела для журнала смерть его издательницы, потому что она не только издавала этотъ журналъ, но и была его душой, она дала ему силы осуществиться, окрѣпнуть и развиться.

Александра Аркадіевна Давыдова была личность не только выдающаяся, но, что еще цѣннѣе въ наше шаблонное время—оригинальная. Она была несомнѣнно умная и литературно-образованная женщина, но такихъ женщинъ въ нашихъ старыхъ дворянскихъ семьяхъ въ 60-е годы было не мало; отъ обычнаго же типа свѣтской красавицы она отличалась необыкновенной для женщины энергіей и работоспособностью, ярко выдвигалась своей интеллигентностью, въ истинномъ смыслѣ этого слова, своими стремленіями къ удовлетворенію высшихъ запросовъ жизни.

Остановимся на ея внѣшнихъ біографическихъ данныхъ *).

„Урожденная Горожанская, Александра Аркадіевна родилась въ Москвѣ 13-го дек. 1849 г. въ старой дворянской патріархальной семьѣ и получила тщательное по тому времени домашнее образованіе. Шестнадцати лѣтъ она выдержала при московскомъ университетѣ экзаменъ на домашнюю учительницу и вскорѣ вышла замужъ за знаменитаго виртуоза-віолончелиста и композитора, солиста Его Императорскаго Величества Карла Юліевича Давыдова, автора популярныхъ учебниковъ по алгебрѣ, геометріи и ариѳметикѣ. Вмѣстѣ съ Ан. Рубинштейномъ, К. Давыдовъ дѣятельно работалъ тогда надъ учрежденіемъ петербургской консерваторіи, директоромъ которой и состоялъ до конца 80-ыхъ годовъ. Съ переселеніемъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ мужемъ, для Александры Аркадіевны началась полоса блестящей свѣтской жизни, въ избранномъ кругу артистовъ, писателей и ученыхъ, которая продолжалась до смерти ея мужа. Блестящая красавица, съ вы-

*) См. „Міръ Божій" Апрѣль.

дающимся умомъ и рѣдкимъ образованіемъ, Александра Аркадіевна заняла въ этомъ кругу центральное мѣсто, и въ ея салонѣ собирался цвѣтъ петербургской интеллигенціи и артистическаго міра. Общественная дѣятельность ея въ эти годы ознаменовалась учрежденіемъ при консерваторіи общежитія для слушательницъ консерваторіи, которымъ она завѣдывала до выхода мужа въ отставку. Многочисленныя дружескія знакомства съ писателями, Гончаровымъ, Некрасовымъ, Салтыковымъ, Тургеневымъ, Гаршинымъ, Надсономъ, Н. К. Михайловскимъ, Шелгуновымъ, Гл. Успенскимъ, вовлекли ее въ кругъ журналистики, и въ основанномъ въ серединѣ 80-ыхъ годовъ г-жею Евреиновой „Сѣверномъ Вѣстникѣ" она принимала участіе въ качествѣ секретаря редакціи".

Изъ этихъ данныхъ трудно пока усмотрѣть что нибудь особенное, въ нихъ нѣтъ ничего, что бы указывало на исключительность натуры, и видно глубоки были ея задатки, если они могли со всей силой проявиться въ тѣ годы, когда жизнь большинства женщинъ идетъ уже на ущербъ. Въ 1891 году, т. е. на 42 году своей жизни, А. А. рѣшается приступить къ изданію журнала для юношества „Міръ Божій", который все расширяясь за 10 лѣтъ своего существованія занялъ всѣми уважаемое положеніе въ русской журналистикѣ.

Своимъ успѣхомъ журналъ въ значительной степени обязанъ былъ А. А. Давыдовой, которая, какъ мы сказали, была его душей. Отдавшись ему со всей страстностью женской натуры, она проявила несомнѣнный организаторскій талантъ и литературный вкусъ. Обладая живымъ умомъ, знаніемъ людей и обворожительнымъ обращеніемъ, она сумѣла привлечь къ журналу лучшія силы и придать ему жизненность и свѣжесть, не взирая на всѣ внѣшнія и даже внутреннія трудности, съ которыми связано у насъ веденіе журнала. Вотъ почему будущій историкъ русской журналистики (надо надѣяться, что онъ когда нибудь явится), оцѣнивая значеніе „Міра Божьяго" долженъ будетъ съ признательностью и уваженіемъ остановиться на роли, какую сыграла въ созданіи и веденіи этого журнала Ал. Арк. Давыдова.

В. П. Острогорскій.

(НЕКРОЛОГЪ).

Викторъ Петровичъ Острогорскій, скончавшійся черезъ пять недѣль послѣ А. А. Давыдовой, пользовался въ Россіи большой извѣстностью не столько какъ редакторъ журнала „Міръ Божій“, сколько какъ педагогъ-литераторъ. „На протяженіи цѣлаго сорокалѣтія, говорятъ „Рус. Вѣд.“, покойный В. П. съ искреннимъ увлеченіемъ и несомнѣннымъ талантомъ служилъ дѣлу просвѣщенія, всегда оставаясь вѣрнымъ традиціямъ 60 хъ годовъ. Его педагогическая дѣятельность почти исключительно принадлежитъ Петербургу, гдѣ онъ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности на петербургскихъ женскихъ педагогическихъ курсахъ. Начальное народное образованіе также не было для него чуждою областью. Еще будучи студентомъ, захваченный общественнымъ просвѣтительнымъ движеніемъ, онъ явился однимъ изъ ближайшихъ участниковъ въ устройствѣ первой петербургской воскресной школы. Въ послѣдніе свои годы онъ не разъ выступалъ лекторомъ на педагогическихъ курсахъ, устроенныхъ земствами для народныхъ учителей и учительницъ. Такая широкая педагогическая опытность служила ему богатымъ источникомъ для многочисленныхъ литературныхъ работъ. Къ числу особенно цѣнныхъ изъ нихъ слѣдуетъ отнести: „Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій (по Эккардту)“, „Бесѣды о преподаваніи словесности“, „Выразительное чтеніе“, „Русскіе писатели, какъ воспитательный и образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народа“, и др. Чуткій къ общественнымъ вопросамъ, особенно соприкасающимся съ литературой и школой, онъ принималъ дѣятельное участіе также въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій: въ *Вѣстникѣ Европы*, въ *Русской Мысли*, въ *Вѣстникѣ Воспитанія*, въ *Образованіи*, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Воспитавшійся на прогрессивныхъ идеяхъ 60-хъ годовъ, онъ непоколебимо проводилъ ихъ въ своей педагогической практикѣ и литературной работѣ и съ юношеской вѣрой въ побѣду ихъ сошелъ въ могилу“.

НА ЗАПАДѢ.

(Письмо изъ Парижа).

Современная французская интеллигенція.

(*Окончаніе*).

V.

Нѣтъ такого общества, которое обходилось бы безъ этическихъ правилъ, нѣтъ такого поступка, котораго человѣкъ не отмѣтилъ бы своею нравственной оцѣнкой. Понятно поэтому важное мѣсто, которое занимаютъ въ жизни этическіе вопросы. Чтобы имѣть болѣе широкое представленіе объ этическихъ идеяхъ французской молодежи, мы, кромѣ отвѣтовъ, должны принять во вниманіе другіе источники. Этическую проблему можно разсматривать съ нѣсколькихъ сторонъ: рѣчь можетъ итти о сущности нравственнаго закона, о цѣли нравственности и наконецъ объ ея отношеніи къ другимъ общественнымъ формамъ жизни. Первый вопросъ о сущности нравственнаго закона, т. е. вопросъ, свободенъ ли человѣкъ въ своихъ нравственныхъ поступкахъ или нѣтъ, разсматривается метафизикой. Этой части вопроса мы не коснемся, тѣмъ болѣе, что будемъ ли мы признавать вмѣстѣ съ матеріалистами мораль, какъ продуктъ человѣческой эволюціи, или будемъ считать вмѣстѣ съ идеалистами, что только различныя нравственныя понятія—историческаго происхожденія, а сама нравственная потребность явленіе первичное, будемъ ли мы принимать свободу воли за психологическую иллюзію или за „вещь въ себѣ“, недоступную полному нашему познанію, ибо она принадлежитъ сверхъестественному міру—все равно эти гипотезы одинаково предполагаютъ самостоятельную роль морали. Гдѣ бы ни скрывались корни нашихъ нравственныхъ сужденій, реальность послѣднихъ не дѣлается отъ этого менѣе очевидной. Точ-

но также какого бы мнѣнія ни были различныя школы относительно самой лучшей морали, всѣ онѣ признаютъ обязательность нравственнаго долга, и вообще никакая этическая доктрина не мыслима безъ этого начала.

Разногласія начинаются при вопросѣ, какую мораль слѣдуетъ считать лучшей: ту ли, которая задаетъ себѣ цѣлью нравственное совершенствованіе человѣка, или ту, которая ставитъ себѣ задачей его земное счастье.

Какъ извѣстно, эти двѣ точки зрѣнія, идеалистская и утилитарная, нашли полное выраженіе: первая въ Платоновой философіи и позднѣе въ христіанствѣ, а вторая въ эпикуреизмѣ.

Послѣ эпохи возрожденія, вмѣстѣ съ возвращеніемъ къ античной культурѣ, Европа постепенно стала возвращаться и къ языческой морали эпикурейцевъ. Реакція противъ христіанскаго аскетизма и въ пользу реабилитаціи человѣческой личности, распространилась отъ высшихъ и просвѣщенныхъ слоевъ въ самую массу.

Это явленіе повсемѣстное, но съ особенною силою оно проявилось во Франціи. Правда, что тамъ даже среди демократической интеллигенціи, бывали, какъ увидимъ дальше, повороты къ спиритуализму, но до сихъ поръ они оказывались недолговѣчными. Однако, между новымъ и древнимъ эпикуреизмомъ есть одновременно съ большимъ сходствомъ и большая разница. Цѣль ихъ одинакова—счастье личности, но въ древнемъ мірѣ это право на личное счастье юридически признавалось для гражданъ, его были лишены рабы. Въ законахъ современнаго человѣчества появился принципъ равноправія, теперь личное счастье можетъ быть доступно каждому. „Языческій міръ признавалъ, пишетъ Прудонъ, достоинство человѣка и гражданина, но это было достоинство высокомѣрное и эгоистичное, безъ взаимности, безъ справедливости... Впервые французская революція провозгласила господство права. Почувствовать и убѣдиться въ достоинствѣ своей собственной личности, а потомъ въ достоинствѣ личности ближняго безъ религіознаго принужденія, безъ эгоистичныхъ соображеній—вотъ что значитъ право“ *).

Идея о равенствѣ была провозглашена христіанствомъ, такъ что современная эпикурейская мораль, принимая ее, принимаетъ и часть самого христіанства. Но она отбрасываетъ изъ морали послѣдняго все, что выходитъ за предѣлы настоящей жизни. Вотъ что пишетъ одинъ изъ идоловъ современной французской интеллигенціи, Жоржъ Клемансо. „Отрекаясь отъ земли, ея радостей, ея борьбы, благородныхъ страданій во имя человѣческаго будущаго, католики, потерянные въ мечтахъ объ эгоистичномъ другомъ мірѣ, стремятся къ подавленію всякой способности жить, къ останов-

*) La Justice, deuxième étude éd. de 1860 p. 77. (Cp. G. Weill. Histoire du Parti Républicain).

къ всякаго усилія. Это обратное пониманіе вещей. За жизнью, чтобы жить, настаетъ жизнь—чтобы умирать, за полнымъ расцвѣтомъ существа—уничтоженіе человѣка здѣсь ради будущаго рая“ *).

Полное всестороннее развитіе личности здѣсь на землѣ — вотъ этическій идеалъ не только Клемансо, но и большей части современной французской молодежи. „Мой общественный идеалъ очень простъ“, пишетъ Жанъ Ришу, „и для меня совершенное общество только то, гдѣ человѣкъ будетъ пользоваться полнѣйшей свободой, гдѣ будутъ умалены до послѣдняго минимума *общественныя формы безнравственности* (les immoralités sociales), подъ чѣмъ я понимаю власть одного человѣка надъ другимъ, одной группы людей надъ другой. „Быть нравственнымъ“, пишетъ немного дальше тотъ же самый авторъ, „значитъ развить гармонически всѣ склонности и способности человѣка, значитъ быть врагомъ всякаго невоздержанія, однимъ словомъ, жить возможно широкою и человѣческою жизнью“.

Еще яснѣе выражена индивидуалистская мораль, стремящаяся освободить человѣка отъ всѣхъ властей, въ письмѣ молодого писателя Сенъ-Жоржа де-Буэлье. Онъ не боится даже прозвать свою мораль энергичнымъ словомъ „оргійной“ (orgiaque). Безъ всякаго сомнѣнія теперь невозможно, пишетъ онъ, такое общество, гдѣ всѣ люди не пользовались бы извѣстнымъ минимумомъ обезпеченнаго счастья. Сочиненія Гюго, Конта, Золя, героическія композиціи Бизе, Шарпантье и Брюно, такъ глубоко проникнутыя духомъ свободы, картины Клода Моне и Пювиса де-Шаванна, живыя и дышащія чувственностью статуи Карпо и Родена, прививаютъ въ насъ новое пониманіе жизни, совсѣмъ несогласное съ ограничительными, тираническими и эгоистичными моральными ученіями, завѣщанными католицизмомъ, св. Томасомъ Аквинскимъ и Жозефомъ де Местромъ. На нашихъ глазахъ совершалась и совершается полная перемѣна человѣческаго самосознанія. Чтобы жить съ удобствомъ, по возможности всесторонне пользоваться всѣми дозволенными наслажденіями, мы должны очиститься отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ, чуждыхъ нашему духу понятій, которыя давятъ и уничтожаютъ нашу личность. Теперь человѣкъ требуетъ оргійную теорію жизни (théorie orgiaque de la vie), нравственное ученіе согласно съ любовью, законъ сладострастнаго и духовнаго влеченія—кодексъ, способный возбудить, вызвать и украсить всѣ наши страсти, законодательство, которое признавало бы и использовало бы и самыя крайнія, пылкія и даже эротическія склонности.

Это соединеніе идей Анфантена съ идеями Фурье: „реабилитація плоти“ перваго съ стремленіями второго—утилизировать всѣ страсти. Тѣмъ же

*) См. Предисловіе къ сборнику статей Клемансо: Le Grand Pan, Paris 1896.

духомъ проникнуты и другіе отвѣты. Мы припомнимъ читателю слова Бонье: „Мнѣ кажется. наша молодежь дѣлается индивидуалистской и, болѣе или менѣе сознательно, анархистской“. Исключеніе составляетъ отвѣтъ Парсона. Мораль индивидуалистовъ онъ противополагаетъ морали коллективной. Для него нравственная проблема заключается не въ освобожденіи личности, а въ освобожденіи *извѣстнаго класса личностей*, путемъ коренного экономическаго преобразованія общества. При новомъ экономическомъ строѣ, личность будетъ пользоваться гораздо большей свободой, чѣмъ теперь, но это уже будетъ *послѣдствіемъ*, отнюдь не цѣль, которую можетъ поставить себѣ человѣчество. Какой морали должна слѣдовать отдѣльная личность теперь? Ускорить по возможности осуществленіе экономическаго переворота, который Парсонъ считаетъ неминуемымъ. „Сознавъ эту истину, я съ того же момента старался согласовать съ нею мои поступки. Я направляю мою волю въ смыслѣ неизбѣжнаго, и соединяю одновременно какъ мою судьбу такъ и мою жизнь съ жизнью той человѣческой группы, которая сегодня на полѣ битвы является страдающей арміей, а завтра, когда восторжествуетъ и обогатитъ міръ новыми формами жизни, нравственности и красоты“. По этимъ словамъ можно видѣть, что Парсонъ ставитъ разрѣшеніе нравственнаго вопроса въ зависимость отъ экономическаго. Какою моралью будетъ руководствоваться будущее человѣчество, идеалистскою или утилитарною? На это онъ не отвѣчаетъ. Въ общемъ Парсонъ предпочитаетъ нравственность идеалистскую, когда человѣкъ не поддается своимъ влеченіямъ, а наоборотъ старается ихъ удержать или побѣдить. Это видно изъ его разсужденій о современномъ интеллигентѣ, вынужденномъ выбирать между двумя моралями: моралью того общества, къ которому онъ принадлежитъ, и моралью самаго прогрессивнаго общественнаго класса. Парсонъ самъ высказывается за вторую мораль, потому что она предполагаетъ *внутреннюю борьбу*. „Интеллигентъ или слѣдуетъ традиціямъ своего семейства, или же силой своей воли разрываетъ съ нимъ и переноситъ все свое существо въ новый жизненный міръ, откуда онъ черпаетъ новыя силы и новыя мысли. Волнующая весь міръ драма переносится и въ его душу. Онъ воспитываетъ въ себѣ новыя формы энтузіазма и страданія и достигаетъ иногда до послѣднихъ предѣловъ вдохновенія, потому что онъ вѣчно заставляетъ сличать свои традиціонныя привычки съ фактами новой общественной среды, въ которую онъ перешелъ по своей волѣ. Онъ долженъ безпрестанно уничтожать и отрицать старое, чтобы дать мѣсто новому. Въ столкновеніи съ дѣйствительностью его умъ обогащается новыми познаніями, но они достигаются только цѣною мучительной борьбы. Послѣдствіями этой борьбы между вѣрованіями, вкоренившимися вѣковой традиціей, и новыми идеями являются расширеніе умствен-

наго кругозора личности и подъемъ ея самосознанія. Для полнаго пониманія идей Парсона нужно замѣтить, что онъ объявляетъ себя марксистомъ.

VI.

Вернемся къ индивидуалистской морали. Ошибочно было бы думать, что она даже въ своихъ самыхъ крайнихъ „оргійныхъ" проявленіяхъ лишена добродѣтелей. Нѣтъ! Современные язычники признаютъ и нравственный долгъ и выражаютъ даже готовность къ самопожертвованіямъ... Клемансо доканчиваетъ свой романъ Les Plus Forts словами главнаго героя Пюимофре: „Что такое тѣ человѣческія жертвы, тѣ человѣческія пораженія, которыми оплачивается торжество доброты въ будущемъ? Для побѣдоноснаго нападенія нужно, чтобы мертвые солдаты заполнили собою ровъ. Изъ испорченныхъ жизней въ страданіяхъ родится геній живого человѣчества". Апоѳеозомъ добровольной жертвы кончается и пьеса молодого драматурга Габріеля Трарье *Sur la foi des étoiles*. Молодой чахоточный герой, замѣтивъ, что его жена влюбилась въ его друга и врача, рѣшаетъ покончить съ собою, дабы облегчить союзъ влюбленныхъ. При этомъ герой дѣлаетъ такъ, что его смерть кажется постороннимъ вполнѣ естественной. Онъ не хочетъ, чтобы отвѣтственность за нее легла на чью-нибудь совѣсть и для этого остается на холодѣ, схватываетъ простуду, вызвавшую сильное воспаленіе легкихъ и смерть. Умирая, герой не чувствуетъ ни отчаянія, ни страха: въ своемъ поступкѣ онъ даже не видитъ жертвы, а спокойное исполненіе какой-то новой, невѣдомой этики, торжество которой онъ предугадываетъ „по вѣрѣ звѣздъ".

Габріель Трарье, авторъ пьесы, сынъ извѣстнаго сенатора и бывшаго министра юстиціи, принимавшій такое энергичное участіе въ пересмотрѣ дѣла Дрейфуса. *Sur la foi des étoiles* имѣла успѣхъ среди интеллигенціи, была встрѣчена неодобрительно серьезной критикой, порицающей не только самую разработку сюжета, а мрачное настроеніе автора. Особенно строго отзывался о молодой грусти (la jeune tristesse) новыхъ писателей Жакъ ди Тиллье, театральный критикъ въ Revue Bleue. „Эта драма свидѣтельствуетъ объ особомъ состояніи духа, пишетъ Тиллье, общемъ нѣкоторымъ писателямъ... Они не христіане, продолжаетъ онъ, а употребляютъ свое время, чтобы снова начинать съ Евангелія. Свобода мысли заключается для нихъ, въ сущности, въ свободѣ открывать то, о чемъ говорятъ уже двѣ тысячи лѣтъ".

Если даже правда, что нѣтъ такого рѣшенія этическаго вопроса, ко-

торое не было бы извѣстно еще древнимъ, тѣмъ не менѣе увлеченіе французской молодежи этическими вопросами—-фактъ очень характерный самъ по себѣ. Не надо забывать слова Лессинга, что исканіе истины предпочтительнѣе ея обладанія, что больше нравственнаго удовлетворенія ощущаетъ тотъ, кто ищетъ, чѣмъ тотъ, кто находитъ.

Мы уже упомянули, что среди французской молодежи есть много поклонниковъ Нитцше. Нѣкоторые даже считаютъ, что его лучше приняли во Франціи, чѣмъ въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, міровоззрѣніе автора „Заратустры“ и создателя „сверхъ-человѣка“ вполнѣ подходитъ къ идеямъ молодыхъ людей, которые хотятъ полнаго освобожденія личности отъ всякой власти.

Французскіе нитцшеанцы собраны главнымъ образомъ около редакціи журнала Mercure de France. Для характеристики ихъ взглядовъ мы приведемъ слѣдующія строки критики Гурмона, написанной по поводу распространившагося слуха, что нашъ ученый соотечественникъ Мечниковъ, работающій въ здѣшнемъ институтѣ Пастера, нашелъ способъ продолжить человѣческую жизнь. Это возмущаетъ упомянутаго нитцшеанца Реми де Гурмона: „я увѣренъ, пишетъ онъ, что только страданіе мѣшаетъ человѣческому роду сдѣлаться совсѣмъ невозможнымъ и отвратительнымъ. Мелкія радости жизни сносны только если человѣкъ касается ихъ слегка; жизнь посредственныхъ людей выиграла бы, если бы была короче. Какая странная идея, хотѣть продолжить существованіе столькихъ пошлыхъ, безполезныхъ и глупыхъ стариковъ! Нѣтъ! Лучше пусть намъ возвратятъ склонность къ самоубійству, пусть насъ научатъ тому, чему вѣрили римляне великой эпохи упадка,—что жизнь безъ любви, безъ красоты, безъ дѣятельности есть даръ ненависти Боговъ. Самоубійство—вотъ къ чему ведутъ успѣхи хирурговъ. Мечникову, который хочетъ избавить людей отъ ихъ же живота, нужно противопоставить ядъ перстня. Эти господа живутъ гуманитарной и христіанской трусостью“*).

Лишнее и говорить, насколько неосновательенъ страхъ Нитцше и его послѣдователей за то, что когда либо страданія исчезнутъ. Зло—такой океанъ, высушить котораго не въ состояніи никакія человѣческія силы.

Кромѣ этого внѣшняго зла, которое мы можемъ уменьшить, но не

---

*) Remy de Gourmont. Epilogues (Mercure de France, Août 1901. (475).

Читателямъ извѣстно, что, по мнѣнію Мечникова, толстая кишка не только не играетъ никакой полезной роли въ организмѣ человѣка, а наоборотъ есть гнѣздо всякихъ микробныхъ процессовъ, заражающихъ весь организмъ. Такъ что если бы можно было вырѣзывать толстую кишку безъ опасности, жизнь человѣка продолжались бы. (См. „Образованіе“ № 1 „Изъ области знаній“).

уничтожить, есть и другое внутреннее зло, которое мы не въ состояніи ни уменьшить, ни уничтожить, такъ какъ оно связано съ нашей физіологической организаціей. Оно заключается въ скоротечности всѣхъ нашихъ ощущеній: удовольствіе и страданіе смѣняются въ насъ въ силу вѣчнаго и непреложнаго закона. Совсѣмъ напрасно поэтому опасеніе, что можетъ наступить такое время, когда у людей исчезнутъ добродѣтели, любовь, дружба, самоотверженіе. Наоборотъ, только въ борьбѣ съ міровымъ зломъ, другими словами, только въ борьбѣ за счастье, достигаютъ своего полнаго развитія высокія благородныя качества человѣческой души.

Если понимать буквально нитцшеанцевъ, выходитъ, что чѣмъ больше зла и страданій на землѣ, тѣмъ больше добродѣтелей, красоты и любви. Однако, такое прямое отношеніе между добромъ и зломъ не существуетъ. Развитіе добродѣтелей зависитъ отъ многихъ условій, среди которыхъ физическое и матеріальное благосостояніе человѣка не занимаютъ послѣднее мѣсто. Не мѣшая появленію добродѣтелей, они ему благопріятствуютъ. Личное несчастье, болѣзнь или смерть близкихъ можетъ вызвать интенсивную этическую жизнь только въ людяхъ съ сильнымъ характеромъ, а у всѣхъ другихъ оно ее подавляетъ, уничтожая въ душѣ человѣка всякое желаніе; точно такъ же бѣдность и борьба за существованіе, не способствуя нравственному совершенствованію, усиливаютъ въ человѣкѣ эгоизмъ, злобу и всѣ низменныя влеченія. Наконецъ, кому не ясно, что здоровому и бодрому старику, силы котораго наука хочетъ сохранить до послѣдней минуты, такъ чтобы онъ могъ встрѣтить смерть не съ малодушіемъ, а съ спокойствіемъ, больше доступны пониманіе любви и красоты, чѣмъ старику больному, дряхлому и озлобленному? Этика—растеніе, процвѣтающее только при воздухѣ, свѣтѣ и теплотѣ.

Моралисты могутъ всячески поворачивать вопросъ о морали, но счастье останется цѣлью какъ общества, такъ и отдѣльнаго человѣка. Счастье — сама жизнь, имѣющая естественную тенденцію сохраниться и продолжаться. Весь вопросъ, въ чемъ должно заключаться счастье? Долженъ ли его человѣкъ искать въ самомъ себѣ, въ полномъ развитіи индивидуума или въ возможно полномъ духовномъ единеніи съ другими членами общества? Какая мораль выше, та ли, которая говоритъ „мое личное счастье прежде всего“ или другая, проповѣдывающая, что въ счастьѣ всѣхъ личность должна найти свое собственное счастье?

Какъ мы видѣли, французская молодежь придерживается въ большинствѣ первой, индивидуалистской морали. Она чаще говоритъ о правахъ и меньше объ обязанностяхъ. Однако въ индивидуалистской морали нельзя не видѣть продукта переходнаго времени. Можетъ быть, такое состояніе длится уже цѣлыми вѣками, но тѣмъ не менѣе оно переходное, такъ какъ

его главной особенностью является глубокій антагонизмъ между обществомъ и оставленной на свой страхъ личностью. Такъ что индивидуалистская мораль есть мораль отрицанія и протеста угнетенной и безпомощной личности.

Процессъ разрыва между личностью и ея средой давно уже обращалъ на себя вниманіе французскихъ беллетристовъ. Особенно вѣрно, несмотря на націоналистскія тенденціи автора, онъ изображенъ въ вышедшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и получившемъ большую извѣстность романѣ Бареса Les Déracinés (вырванные съ корнемъ). Въ немъ выведены нѣкоторые молодые люди, вырванные житейскимъ вихремъ изъ ихъ естественной среды, выброшенные на парижскую мостовую. Столичная жизнь сдѣлала, конечно, скоро изъ этихъ лишенныхъ нравственной опоры людей, преступниковъ, паразитовъ или безполезныхъ риторовъ. Въ pendant роману Бареса, слѣдуетъ указать на романъ молодого писателя Анри Бордо *Au pays natal*, гдѣ изображено громадное нравственное воздѣйствіе родной среды.

Несомнѣнно, лишенный нравственнаго руководства, юноша, предоставленный исключительно своимъ силамъ, въ большинствѣ случаевъ человѣкъ потерянный. При тяжелой борьбѣ за существованіе, онъ волей неволей наталкивается на самыя дурныя стороны общества; въ немъ самомъ, какъ средство самозащиты развиваются тоже дурные инстинкты, и онъ даже начинаетъ жалѣть о своихъ юношескихъ увлеченіяхъ, о своей наивной вѣрѣ въ людей. Извѣстенъ жестокій приговоръ Гете: „всѣхъ энтузіастовъ слѣдуетъ удавить на тридцатомъ году, потому что, если они узнаютъ жизнь, они изъ наивныхъ сдѣлаются негодяями". Отъ такого паденія молодого человѣка не въ состояніи спасти его совѣсть. Совѣсть для личности не достаточна, говорилъ еще Вашро, республиканецъ шестидесятыхъ годовъ. „Нужна обязательная мораль, и обязательный катехизисъ" *). Индивидуалистская мораль осуждается и исторіей и жизнью. Слѣдуетъ, однако, спросить себя, въ состояніи ли теперешняя „родная среда", „pays natal" дать серьезную опору нравственной жизни? Нѣтъ, потому, что она не была въ состояніи охранить то, что было ея долгомъ. Очевидно, мораль этой среды во многихъ отношеніяхъ ниже даже морали индивидуалистской. Для нравственнаго обновленія общества, нужно, чтобы прежде всего создалась новая общественная среда. Когда прекратится или уменьшится антагонизмъ между личностью и обществомъ, когда тѣ же вѣрованія и тѣ же этическія начала восторжествуютъ во всѣхъ слояхъ, и не будетъ больше разницы между дѣтьми и отцами—индивидуалистская мораль ис-

* Weill, Histoire du Parti Republicain.

чезнетъ. Теперь самое сильное чувство, останавливающее человѣка отъ дурныхъ поступковъ—чувство чести, боязни за молву, а не угрызеніе совѣсти. Поэтому вся мораль принимаетъ характеръ лицемѣрный. Эта условная ложь, это обманчивое чувство чести дастъ мѣсто чувству долга къ себѣ, къ ближнему и ко всему человѣчеству, когда произойдетъ соединеніе интересовъ частныхъ съ интересами общими.

VII.

Среди современной французской молодежи часто разсматривается вопросъ объ отношеніяхъ этики къ политикѣ, и въ особенности во время дѣла Дрейфуса, когда находились французы, говорившіе, „виноватъ или нѣтъ, Дрейфусъ долженъ остаться на Чертовомъ островѣ, потому что выше интересовъ правосудія есть интересы государственные“. Энергично противъ этого софизма боролся Клемансо и въ своихъ статьяхъ, и въ своей блестящей рѣчи, произнесенной въ защиту Золя на его первомъ процессѣ въ 1898 году. Вообще одной изъ главныхъ заслугъ Клемансо была его всегдашняя оппозиція подчиненію этики практическимъ соображеніямъ.

По его стопамъ идетъ и его другъ Лабори, статью котораго мы имѣли уже случай цитировать. Онъ тоже хочетъ разрушить то междустѣніе, которое эмпирики поддерживаютъ между моралью личною и моралью политическою, „то, что правда въ частной жизни людей, пишетъ Лабори, не можетъ не быть приложимо и къ общественной дѣятельности политическихъ людей и народовъ. При режимѣ всеобщаго голосованія, при господствѣ общественнаго мнѣнія, политическая ложь должна перестать быть пріемомъ правительства. Если народамъ вѣчно суждено быть обманутыми, зачѣмъ имъ нужно было освобождаться отъ чисто средневѣковаго деспотизма? Въ чемъ давленіе лжи можетъ быть предпочтительнѣе давленія силы?

Политика истины должна замѣнить политику лжи нашихъ печальныхъ Макіавелли. Партія истины есть одновременно партія идеала, партія науки, партія вѣчнаго прогресса“ *).

Для нѣкоторыхъ молодыхъ писателей общественный и политическій вопросъ есть въ сущности вопросъ этическій. Читатель помнитъ приводимое уже нами для характеристики пессимистическаго настроенія французской молодежи мнѣніе Базальжетта, что Франція не выйдетъ изъ теперешняго кризиса, если она не обновитъ своей совѣсти. Другой писатель, Ан-

*) F. Labori. Le mal politique etc. pp. 308—309.

ри Берръ, въ недавно вышедшей книгѣ „Peut on refaire l'unité morale de la France“, на которой мы остановимся, тоже того убѣжденія. Въ отсутствіи этическаго начала во французской политикѣ видитъ и Андре Бонье причину безнадежнаго состоянія Франціи: „Когда началось дѣло Дрейфуса, пишетъ онъ, двѣ партіи столкнулись: одна называла себя партіей правосудія, а другая—патріотизма. Слѣдовало бы надѣяться, что будетъ какое-нибудь рѣшеніе, доказывающее, что ошибались или одни или другіе. Однако, ничего подобнаго не произошло! Отвратительный законъ объ амнистіи, прощая всѣхъ, оправдываетъ ошибки и приготовляетъ будущія преступленія. Да, Франція страдаетъ прежде всего отъ того, что ни одна изъ этихъ проклятыхъ исторій не была вполнѣ выяснена“ *).

Между тѣмъ несомнѣнно, что характерной чертой политики является именно ея эмпиризмъ. Политика—это искусство примирять абсолютныя требованія вѣчнаго моральнаго закона съ практическими и мимолетными интересами людей. Политика живетъ компромиссами разнообразныхъ и борющихся частныхъ интересовъ. Поэтому для политическаго дѣятеля одинаково опасно забывать этику и руководиться исключительно практическими соображеніями, какъ жертвовать реальною жизнью этическимъ принципамъ.

Съ необходимостью этическаго обновленія тѣсно связанъ вопросъ о *средствахъ*. Мы видѣли, что прежде всего должна измѣниться общественная среда; это условіе только, а какими активными средствами новая среда будетъ проводить свою мораль — остается вопросомъ открытымъ. Достаточно ли будетъ семейное и школьное воспитаніе или нужно призвать на помощь человѣку, всегда готовому впасть въ соблазнъ, другую силу, какова напр. религія? Многіе французскіе интеллигенты объявляютъ себя приверженцами „естественной морали“, т. е. морали, не нуждающейся въ религіозной санкціи. „Мораль не связана ни съ какими догматами“, говоритъ Дюссулье отъ имени *Демократической лиги школьной молодежи*, „а является естественнымъ продуктомъ соціальной эволюціи“. То же самое повторяетъ и Жанъ Ришу отъ имени Университетской Солидарности: „я нравственность не отрицаю, но не считаю ее присущей какому-нибудь догмату“.

И оба эти представителя молодежи объявляютъ себя въ то же самое время *„aréligieux“*, другими словами лишенными религіозныхъ вѣрованій. Однако, многіе высказываютъ взгляды нѣсколько иные.

---

*) Какъ извѣстно, законъ объ амнистіи, голосованный въ концѣ 1900 г., пріостановилъ всѣ судебные процессы, связанные съ дѣломъ Дрейфуса, и отнялъ возможность окончательно выяснить дѣло.

VIII.

Обыкновенно религіозный вопросъ во Франціи являлся нераздѣльнымъ отъ политическаго.

Представители демократіи опасаются всякаго спиритуализма, такъ какъ онъ косвеннымъ образомъ можетъ повести къ укрѣпленію католической церкви. Это затрудняетъ или во всякомъ случаѣ требуетъ большой осторожности со стороны желающихъ поднять, даже на философской почвѣ, вопросъ объ отношеніи науки и морали къ религіи.

Наоборотъ, въ началѣ XIX столѣтія, идеи передовой французской демократіи были проникнуты глубокимъ спиритуализмомъ. Она не вѣрила въ католицизмъ, но не была и атеистической; таково было настроеніе господствовавшее среди аристократіи и буржуазіи. Самые извѣстные вожаки демократіи того времени: Барбесъ, Распайль, Бюшезъ, Рено и другіе были деистами. Соціальные реформаторы старались придать своимъ доктри, намъ религіозный характеръ: Сенъ-Симонъ называлъ свое ученіе „Новое Христіанство", Кабе—„Истинное Христіанство" и т. д.

Вообще по нашимъ теперешнимъ представленіямъ тогдашнее поколѣніе должно намъ казаться очень сентиментальнымъ. И оно дѣйствительно было такимъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова.

Подъ матеріальной оболочкой вещей, подъ чувственной формой человѣческихъ отношеній оно искало еще другое, существенное, доступное только высокимъ способностямъ человѣческой души. Почти всѣ главные представители демократіи, повторяемъ, не вѣрили въ католицизмъ, но у нихъ была религія болѣе глубокая, болѣе искренняя—въ Бога, въ безсмертіе души мировой прогрессъ, въ совершенство человѣчества, въ самопожертвованіе въ героевъ.—Это были для нихъ не слова, а незыблемая вѣра, которая направляла всѣ ихъ дѣйствія, накладывала свою печать на всѣ ихъ поступки, какъ можно убѣдиться изъ многихъ разсказовъ. Послѣ реакціи 1815 г. рѣдко оставшіеся въ живыхъ республиканцы сохранили свои убѣжденія, потому что сохранили свою республиканскую вѣру. По жизни одного изъ нихъ Мишеля Шаля можно судить и объ общемъ настроеніи всѣхъ республиканцевъ. Какъ разсказываетъ его сынъ, Филаретъ Шаль, въ своихъ мемуарахъ (1877), онъ жилъ совсѣмъ уединенно, скрывалъ даже свое имя, и всѣ его усилія были направлены на воспитаніе сына. Онъ старался воспитать въ немъ *любовь къ человѣчеству, культъ героевъ Плутарха и Вашингтона.*

Въ спиритуализмѣ французскихъ демократовъ произошелъ переломъ въ періодѣ 1848—1852 г. Новое поколѣніе, изъ ненависти къ католической церкви принявшее открыто сторону реакціи, тогда какъ въ тридцатыхъ и

сороковыхъ годахъ она старалась казаться либеральной, начало ненавидѣть всякій спиритуализмъ. Съ другой стороны антидеистское движеніе нашло поддержку въ естественно-научномъ матеріализмѣ, который изъ Германіи перешелъ и во Францію. Къ великому неудовольствію демократовъ сороковыхъ годовъ, молодое демократическое поколѣніе относилось отрицательно къ теологіи и къ метафизикѣ. „Молодое поколѣніе, писалъ Мадзини Эдуарду Кине, не имѣетъ вѣры, а только взгляды. Оно отрицаетъ Бога, безсмертіе, любовь, возмездіе, будущее тѣхъ, которыхъ оно любитъ, вѣру въ провидящій смыслъ, однимъ словомъ, все, что есть хорошаго, красиваго и возвышеннаго, героическую традицію великихъ религіозныхъ мыслителей отъ Прометея до Христа, отъ Сократа до Кеплера, чтобы преклоняться передъ Контомъ и Бюхнеромъ!". Приблизительно то же самое писала тому же Кине и Жоржъ Зандъ. „Мы молоды сравнительно съ этимъ поколѣніемъ. Тѣ, которые идутъ за нами, приняли на себя обязанность быть вмѣсто насъ стариками и скептиками" *).

Борьба съ клерикализмомъ, которую пришлось и приходится вести республикѣ благопріятствуетъ развитію матеріализма. Между двумя опасностями приходится выбирать меньшую. Между отжившимъ католицизмомъ и отживающимъ, но проникнутымъ либеральнымъ духомъ матеріализмомъ, выборъ не можетъ не пасть на послѣдній. Опасность, которою онъ угрожаетъ обществу, не такая непосредственная. Современный матеріалистъ— *скептикъ по своимъ убѣжденіямъ, но онъ вѣрующій по своимъ дѣйствіямъ*. Его воля находится въ постоянномъ напряженіи, такъ какъ передъ нимъ есть еще цѣль, которую слѣдуетъ достигнуть, за нимъ есть врагъ, отъ котораго нужно защищаться. И вотъ это постоянное напряженіе воли есть самое сильное противоядіе скептицизма, ибо человѣкъ дѣйствующій есть человѣкъ вѣрующій во что-то. Однако, эта борьба не можетъ вѣчно продолжаться съ такой интенсивностью. Рано или поздно силы прошлаго уступятъ, и человѣчество остановится на какомъ-нибудь опредѣленномъ типѣ общественной организаціи. Тогда и нужно будетъ поставить человѣческому рвенію впередъ, къ идеалу, какой-нибудь новый объектъ. Конечно, его дастъ сама жизнь. Но люди могутъ и теперь спрашивать себя, какого характера будетъ этотъ новый стимулъ? Здѣсь и выступаетъ снова важность религіознаго вопроса.

За послѣдніе десять или пятнадцать лѣтъ во Франціи замѣчается возрастаніе интереса къ этому вопросу. Это видно и изъ дебатовъ, происходившихъ въ массонскихъ ложахъ, и изъ рѣдкаго успѣха, которымъ поль-

*) Esquisse d'une Philosophie de la Religion d'après l'Histoire et la Psychologie.

зовались сочиненія, какъ книга Сабатье, вышедшая въ 1897 году *) и наконецъ, изъ недавнихъ споровъ, поднятыхъ въ радикальной прессѣ въ связи съ „случаемъ Жореса“. Знаменитый французскій ораторъ, во избѣжаніе семейныхъ раздоровъ, оставилъ воспитаніе своей дочери ея матери, хотя она и ярая католичка.

Уже цѣлые мѣсяцы, какъ печать всѣхъ лагерей съ различными цѣлями говоритъ объ этомъ фактѣ. Самъ Жоресъ не можетъ не признать, что онъ пожертвовалъ своими убѣжденіями семейному спокойствію, но въ то же самое время онъ сѣтуетъ на легкомысленное отношеніе своихъ товарищей къ вопросамъ религіи. Жоресъ объявляетъ себя анти-католикомъ и анти-теологомъ, но деистомъ, стремящимся понять Бога такъ, какъ его понимали великіе и свободные мыслители: Декартъ, Лейбницъ, Спиноза, Гегель, „я не желалъ бы, кончаетъ онъ, чтобы пріучали массу отговариваться шутками при разрѣшеніи міровыхъ проблемъ“.

Анри Берръ, въ книжкѣ, о которой мы уже упомянули (Можно ли возстановить моральное единство во Франціи?) говоритъ, что Франція будетъ спасена только новой религіей. Такіе же голоса раздаются среди молодежи. Габріель Трарье въ своемъ отвѣтѣ, въ редакцію Revue des Revues, заявляетъ: „главная причина, а можетъ быть, даже единственная причина теперешняго кризиса коренится по моему въ религіозномъ вопросѣ“. О религіи говорится и въ другихъ отвѣтахъ. Морисъ Магръ, авторъ Chansons des Hommes, ждетъ новую религію, „религію sans Dieu, которая подниметъ человѣческое самосознаніе и любовью покажетъ каждому человѣку его истинныя отношенія къ другимъ людямъ и къ вселенной“. „То, въ чемъ мы больше всего нуждаемся“, пишетъ Морисъ Ле-Блонъ, это религія, которая должна была бы славословить земную жизнь, поднять человѣческое достоинство и укрѣплять въ совѣсти людей любовь къ труду и уваженіе къ способностямъ. Нужно создать гражданскія и профессіональныя церемоніи, возстановить алтари Материнства, Разума и Согласія, а Соборъ Sacré-Coeur долженъ превратиться въ храмъ правосудія. Нужно, чтобы скульптура, живопись и драма прониклись соціальнымъ духомъ, чтобы былъ созданъ культъ героевъ и дѣятелей. Наконецъ, нужно дать научнымъ истинамъ гармоничное, пластическое и общедоступное выраженіе“! Ле-Блонъ, какъ видно, хочетъ создать нѣчто въ родѣ религіи Сенъ-Симона и Конта, т. е. религію, въ которой былъ бы культъ и духовенство, но не было бы теологіи. Габріель Трарье, хотя по происхожденію протестантъ, ожидаетъ религіознаго возрожденія Франціи отъ національизаціи католической церкви. Анри Берръ думаетъ, что новая религія будетъ дана только новой философіей.

*) Edgar Guinet, Correspondance t. V. p. 164.

Тутъ мы подходимъ къ послѣднему пункту нашего очерка: какихъ держится взглядовъ французская интеллигенція относительно роли философіи.

Великая задача всеобщей философіи, смущавшая самыхъ знаменитыхъ мыслителей, заключалась въ стремленіи свести всѣ явленія къ одному общему началу. Возможенъ ли такой синтезъ? Если да, тогда и самой религіи можно дать прочное и научное обоснованіе. Республиканцы-спиритуалисты первой половины XIX столѣтія вѣрили въ возможность этого всеобъемлющаго монизма. Религія, политика, метафизика,—все это въ ихъ глазахъ были частью одного цѣлаго недѣлимаго, поэтому то они и возставали противъ эклектической философіи Кузена и товарищей, упрекая ее „что она изучаетъ истину по отрывкамъ, что она занимается исключительно анализомъ и не имѣетъ обобщающаго взгляда на человѣка и вселенную. *) Объ единствѣ науки и философіи и религіи мечталъ въ началѣ сороковыхъ годовъ Ламене. „Такая общая философія, которая была бы одновременно заключеніемъ всѣхъ успѣховъ человѣческой мысли въ прошломъ и орудіемъ для новыхъ пріобрѣтеній, необходима, и поэтому недалеко то время, когда она будетъ" **). Предсказанія Ламене не осуществились. Очевидно человѣчество не было еще *общественно* подготовлено для такого синтеза, потому что оно снова болѣе или менѣе добровольно запретило себѣ смотрѣть по ту сторону и устремило все свое вниманіе на вопросы реальные.

Теперь опять поднимается тотъ же вопросъ: возможно ли единство вѣры и науки? Нѣтъ, отвѣчаетъ Эмиль Фаге и Поль Бонкуръ, да,—говоритъ Анри Берръ. Фаге считаетъ, что человѣческій разумъ слишкомъ возгордился и не захочетъ признать силы какого нибудь одного общаго начала. Однако, должно быть ясно, что если человѣческій разумъ возгордился, это только потому, что онъ сталъ выше господствующаго общаго начала, но если возможно было бы такое общее начало, которое являлось бы послѣднимъ словомъ научнаго и общественнаго прогресса, гордый разумъ проникся бы духомъ смиренія.

Поль Бонкуръ, горячій приверженецъ федерализма, какъ мы видѣли, тоже считаетъ, что единство исчезло навсегда. Его уничтожилъ духъ Возрожденія, который проникъ въ нашу цивилизацію, разрушилъ единство феодальной теократіи и вложилъ во французскую душу сѣмена полнаго и *окончательнаго* (absolue et definitive) разнообразія въ идеяхъ, чувствахъ и вѣрованіяхъ". Съ тѣхъ поръ и страсть къ разнообразію вошли въ плоть и кровь француза, сдѣлалась его второй натурой.

*) Georges Weill, Histoire du Parti Republicain, f. 236.
**) De Lamenais, Esquisse d'une Philosophie. P. 1840. T. III. p. 10.
Emile Faguet, Politiques et Moralistes du XIX Siècle, P. 1898. T. II. p. XVIII.

Однако, врядъ ли можно считать идеи, какого бы они характера ни были, „абсолютными и окончательными“. Римляне тоже любили разнообразіе до такой степени, что они увеличивали своихъ боговъ съ каждымъ завоеваніемъ. Это не помѣшало Риму сдѣлаться колыбелью монотеистскаго христіанства.

Въ противоположность Бонкуру, Анри Беррь высказывается въ пользу единства морали, науки и религіи. Онъ монистъ, признающій идентичность между субъектомъ и объектомъ, между духомъ и матеріей *).

Тѣ же самые законы управляютъ и духомъ и матеріей.

Однако, лучше всего мы познаемъ законы духа, ибо духъ нашъ доступенъ и въ формѣ явленія и въ формѣ сознанія, тогда какъ все остальное мы познаемъ только въ видѣ явленія. Главное заключеніе всѣхъ наблюденій, это есть законъ объ единствѣ. Все стремится, къ единству.

Намъ нѣтъ надобности распространяться дальше. Верръ послѣдователь идеалистическаго монизма, и онъ думаетъ, что ему суждено сыграть роль объединяющаго начала. Однако, чтобы идеалистическій монизмъ пріобрѣлъ то руководящее значеніе, которое хочетъ ему приписать Верръ, нужно его оживить, нужно изъ него вывести всю измѣнчивую и разнообразную дѣйствительность, природы и общества.

Нужно еще связать этотъ общій философскій монизмъ съ соціальнымъ и историческимъ монизмомъ, который останется незыблемымъ пріобрѣтеніемъ XIX столѣтія.

Во всякомъ случаѣ это возвращеніе къ идеализму очень интересно само по себѣ, чтобы его не отмѣтить. Интересна вообще и эта борьба вокругъ соціальныхъ, этическихъ, философскихъ и религіозныхъ доктринъ, происходящая теперь во Франціи, и которая пріобрѣтаетъ, благодаря естественной склонности французской націи къ увлеченію, страстный и жизненный характеръ.

Человѣкъ—„мужъ желаній“. Ему всегда тѣсно, онъ вѣчно ищетъ и стремится. Но особенно сильно это стремленіе къ истинѣ во французской націи, и Верръ несомнѣнно правъ, когда онъ пишетъ: „Мы, французы, мы можемъ гордиться нашими смутами и даже нашими раздорами. Это не проявленіе упадка, и, во, всякомъ случаѣ, отъ насъ зависитъ, чтобы это не было проявленіемъ упадка. Теперь, какъ и прежде среди кризисовъ, сотрясающихъ ея жизнь, Франція приготовляетъ будущее всего человѣчества“ **).

К. Р.

---

*) Anri Berr. Beut on refaire etc. P. 1901. p. 103.

**) Ib. p. 7.

Капскій Наполеонъ.

(Изъ Англіи).

Южно-африканская война еще не кончилась: еще продолжаетъ литься кровь, обагряя почву, въ нѣдрахъ которой скрывается золото, но одинъ изъ тѣхъ, кого считаютъ главнымъ виновникомъ этой ужасной кровопролитной войны, сошелъ уже въ могилу, не дождавшись конца великой драмы, разыгрывающейся на поляхъ южной Африки. Умеръ Сесиль Родсъ, тотъ, котораго называли „Капскимъ Наполеономъ" или „Некоронованнымъ Королемъ Южной Африки". Онъ умеръ въ своемъ загородномъ домѣ около Капштадта, у подножіи Столовой горы, окруженный преданными друзьями, ухаживавшими за нимъ съ величайшимъ самоотверженіемъ. Въ Капштадтѣ и въ Англіи вѣсть о его смерти были приняты такъ, какъ принимаютъ извѣстіе о смерти какого нибудь великаго человѣка и патріота. Капштадтъ одѣлся въ траурное одѣяніе, увеселительныя заведенія закрылись и даже концертъ, на которомъ присутствовало все лучшее общество Капштадта немедленно прекратился, какъ только было получено извѣстіе о смерти Сесиля Родса. Въ Лондонѣ, въ соборѣ св. Павла была отслужена торжественная панихида, и похороны его носили очень внушительный характеръ, какъ похороны великаго государственнаго дѣятеля.

Но былъ ли Сесиль Родсъ въ самомъ дѣлѣ великимъ англичаниномъ, какимъ его называютъ англійскія газеты? Что онъ былъ крупнымъ человѣкомъ, пожалуй самымъ крупнымъ изо всѣхъ современныхъ дѣятелей Англіи—въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Никогда еще ни одинъ человѣкъ не навлекалъ на себя столько проклятій и не возбуждалъ къ себѣ такую ненависть у всѣхъ народовъ, какъ Сесиль Родсъ, но въ тоже время никто, какъ прежде, такъ и теперь послѣ его смерти не можетъ упрекнуть его въ томъ, что онъ преслѣдовалъ узкія своекорыстныя цѣли. Даже его враги признаютъ, что онъ не былъ искателемъ денегъ, (money suker)

и что на богатство онъ смотрѣлъ какъ на средство, а не какъ на цѣль.— „Что пользы имѣютъ великія идеи, когда не имѣешь средствъ, чтобы осуществить ихъ!“ сказалъ онъ однажды генералу Гордону. Поэтому, наживая милліоны, Родсъ не задумываясь тратилъ деньги, не на роскошь и удобства, къ которымъ онъ былъ совершенно равнодушенъ и не на удовлетвореніе своего тщеславія или другихъ страстей, которыхъ за нимъ никто не зналъ, а на осуществленіе своей мечты объ объединенной сильной и могущественной южно-африканской федераціи, которую онъ хотѣлъ организовать подъ покровомъ британскаго флага. Онъ мечталъ о томъ, чтобы создать могущественную связь, которая соединила бы бѣлое населеніе южной Африки, разбросанное на огромномъ пространствѣ и создала бы южно-африканскую политическую жизнь. Онъ понималъ трудность этой проблемы и стремился къ ней всѣми способами, руководствуясь іезуитскимъ правиломъ, „цѣль оправдываетъ средства“, онъ практиковалъ подкупъ въ широкихъ размѣрахъ, не жалѣя своихъ милліоновъ, онъ снаряжалъ войско и организовалъ знаменитый набѣгъ Джемсона, но когда его планы рушились и вся Европа злорадствовала и смѣялась надъ нимъ, Родсъ не выказалъ ни малодушія, ни трусости, даже враги его признаютъ, что онъ проявилъ мужество и величіе души и доказалъ въ эти мрачные для него дни, что по складу своего ума и характера, онъ былъ крупнымъ человѣкомъ. Потерпѣвъ неудачу, онъ не спрятался за чужую спину и не прибѣгалъ ни къ какимъ увerткамъ для своего оправданія, не взваливалъ отвѣтственность на другихъ. Онъ выгородилъ Чемберлена къ великому удивленію и негодованію своего адвоката, на прямикъ заявилъ, что дѣйствительно имѣетъ въ виду вызвать революцію въ Трансваалѣ и опрокинуть правительство, для чего и жертвовалъ милліоны собственныхъ денегъ. „Это была моя ошибка и въ этомъ моя вина“ заявилъ онъ вполнѣ откровенно.

Сесиль Родсъ пріѣхалъ въ Южную Америку совсѣмъ еще юношей, лѣтъ восемнадцати. Ему угрожала чахотка, и родители его рѣшили, по совѣту врачей, отправить его для поправленія здоровья, въ южную Африку, гдѣ у его брата была небольшая хлопчатобумажная плантація. Эта поѣздка рѣшила его судьбу.

Въ 1873 году можно было видѣть среди дилеровъ въ Кимберлеѣ, худого и блѣднаго юношу лѣтъ двадцати, который, взобравшись на опрокинутую бочку около своего участка, гдѣ работали кафры, усердно зубрилъ какую нибудь греческую или латинскую книгу, нерѣдко посматривая, что дѣлаютъ кафры. Всѣ знали, что онъ готовится къ университетскому экзамену въ Оксфордѣ, что онъ пріѣхалъ въ Южную Африку для укрѣпленія своихъ слабыхъ легкихъ, но никто не подозрѣвалъ конечно, какую роль суждено сыграть этому юношѣ въ исторіи Южной Африки.

Юный Родсъ пріѣхавъ въ первый разъ въ Южную Африку, разумѣется не имѣлъ еще никакихъ грандіозныхъ плановъ. У него не было ни здоровья, ни денегъ для этого. Однако, когда распространились слухи о находкѣ алмазовъ въ Кимберлейскомъ округѣ, то Родсъ, подобно другимъ, захотѣлъ попытать счастья, и оно дѣйствительно улыбнулось ему. Въ теченіи семи лѣтъ онъ занимался разработкой участковъ и, не боясь риска, скупалъ участки, владѣльцы которыхъ, испугавшись издержекъ, необходимыхъ для болѣе правильной эксплоатаціи копей, поторопились сбыть ихъ. Въ концѣ концовъ онъ организовалъ такимъ образомъ свою первую акціонерную компанію, обнаруживъ при этомъ незаурядныя финансовыя способности. Его примѣру послѣдовали и другіе, такъ что образовалось нѣсколько промышленныхъ компаній, во владѣніи которыхъ находились копи. Родсъ однако сообразилъ, что это должно невыгодно отразиться на эксплоатаціи копей и поэтому онъ сталъ добиваться сліянія всѣхъ промышленныхъ компаній въ одну. Однако этого не легко было достигнуть, и между Родсомъ, предсѣдателемъ первой промышленной компаніи и Барнато, предсѣдателемъ другой, возникла настоящая дуэль при помощи акцій, закончившаяся конференціей директоровъ обѣихъ компаній, продолжавшейся цѣлыя сутки безъ перерыва. Очевидцы разсказываютъ, что жаркіе споры участниковъ нѣсколько разъ доходили до того, что они готовы были вцѣпиться другъ другу въ волосы, но въ концѣ концовъ Родсъ побѣдилъ, благодаря своей настойчивости и убѣжденной аргументаціи. Обѣ компаніи слились въ одну, подъ названіемъ „De Steeri Connbidatis &", которая вскорѣ сдѣлачась одною изъ самыхъ могущественныхъ финансовыхъ ассоціацій въ Южной Африкѣ.

Совершивъ эту финансовую операцію, Родсъ вернулся въ Англію. Его здоровье поправилось, чахотки не осталось и слѣда, и онъ могъ бы теперь остаться въ Англіи, но не захотѣлъ. Его тянуло въ Южную Африку, которая стала для него второю родиной и онъ уже тогда началъ помышлять о распространеніи господства англосаксонской расы въ этой области. Мало по малу эта идея превратилась для него въ символъ вѣры. Онъ говорилъ, что „только въ предѣлахъ владѣній англосаксонской расы человѣкъ чувствуетъ себя человѣкомъ, такъ какъ вездѣ, гдѣ развивается англійскій флагъ, царитъ свобода"!

Такимъ образомъ въ мозгу Сесиля Родса постепенно зарождалась идея великой южноафриканской федераціи или южноафриканскихъ штатовъ. Онъ мечталъ о нихъ, когда въ теченіи пяти лѣтъ ежегодно уѣзжалъ на пароходѣ въ Англію, чтобы продолжать свое ученіе въ Оксфорѣ и тратилъ на это все то, что добывалъ въ алмазныхъ копяхъ Кимберлея. Первымъ шагомъ къ осуществленію своей идеи о распространеніи господства англо-

саксонской расы на всѣ территоріи Южной Африки, было учрежденіе грандіозной промышленной компаніи „Chartered Company“, которая явилась настоящимъ государствомъ въ государствѣ, обладая громадными полномочіями, дававшими ей право изслѣдовать и пріобрѣтать земли въ Южной Африкѣ, содержать постоянное войско и даже предпринимать военныя операціи, если это признается необходимымъ, чтобы придать болѣе значенія и блеска этому предпріятію. Умный Родсъ добился того, что въ числѣ членовъ административнаго совѣта этой компаніи находились не только пэры Англіи, но даже родственники королевы; онъ же самъ удовольствовался только скромнымъ званіемъ представителя этой компаніи въ южной Африкѣ, хотя былъ душою этого предпріятія, и административный совѣтъ конечно плясалъ подъ его дудку. Уставъ компаніи разумѣется былъ составленъ Родсомъ и онъ ясно выдавалъ его руководящую идею. Родсъ однако съ самаго начала не скрывалъ отъ акціонеровъ, что это предпріятіе съ финансовой точки зрѣнія можетъ оказаться не очень выгоднымъ; онъ прямо заявилъ, что доходъ отъ налоговъ, получаемый компаніей, долженъ итти на устройство разныхъ учрежденій и улучшеній въ странѣ, а дивидендъ акціонерамъ должна доставить разработка минеральныхъ богатствъ страны и въ особенности золота.

Получивъ возможность дѣйствовать какъ ему хотѣлось, Родсъ тотчасъ же началъ приводить въ исполненіе свои грандіозные планы, понастроилъ желѣзныя дороги и провелъ телеграфъ и приступилъ къ расширенію владѣній компаній. Онъ занялъ Митоноляндъ, что удалось ему сдѣлать, не выпустивъ ни одного выстрѣла и затѣмъ онъ обратилъ свои взоры за предѣлы Замбезе. Ему удалось и это и онъ пріобрѣлъ новую огромную территорію, распространивъ владѣнія Англіи далеко за предѣлы 22-й параллели, которой они ограничивались за пять лѣтъ до учрежденія Chartered Company. Вообще Родсъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣлъ, посредствомъ договоровъ съ предводителями племенъ и небольшихъ набѣговъ, присоединить территоріи бэчуановъ, матобеловъ и манновъ. Господство англосаксонской расы въ Южной Африкѣ все болѣе и болѣе укрѣплялось и въ концѣ концовъ голландскія республики, Трансвааль и Оранжевая, оказались охваченными британскими владѣніями, словно желѣзнымъ кольцомъ.

Счастье улыбалось Родсу; его финансовыя операціи удавались ему и онъ быстро богатѣлъ, но самое главное—онъ видѣлъ, что подвигается къ осуществленію своей завѣтной мечты. Только Трансвааль и Оранжевая республика, внѣдрившіяся какъ клинъ въ сердцевину британскихъ владѣній, мѣшали выполненію его грандіознаго плана. „Южно-африканская карта представляетъ цѣлый рядъ аномалій, говорилъ Сесиль Родсъ,—такъ какъ въ ней перемѣшались разнородные элементы, колоніи, подобныя Наталю,

республики—какъ Трансвааль и Оранжевая и обширныя территоріи, населенныя туземцами, и наконецъ Капская колонія, имѣющая самоуправленіе. Главная задача именно и заключается въ томъ, чтобы объединить всѣ эти разнородные элементы".

Родсъ приступилъ къ осуществленію этой задачи, но тутъ онъ наткнулся на сопротивленіе Трансваальской республики, въ лицѣ Крюгера, который, несмотря на свои 70 лѣтъ, могъ противопоставить Сесилю Родсу такую же твердую волю и упорство, какія были у него. Развивая свои грандіозные планы и рисуя блестящую картину будущности объединенной Южной Африки, представляющей великую федерацію, Родсъ увлекалъ своихъ слушателей, дѣйствуя на нихъ обаяніемъ своей силы и своею убѣжденностью, и только одинъ Крюгеръ не поддавался его обаянію и не желалъ вступленія Трансвааля въ южно-африканскій таможенный союзъ, проектированный Родсомъ. Тогда то между Родсомъ и Крюгеромъ началась борьба, которая обострилась вслѣдствіе наплыва въ страну иностранцевъ, вызваннаго открытіемъ золота. Золото, которое должно было обогатить страну, оказалось для нея роковымъ. Измѣнилась патріархальная жизнь населенія, мирно пасшаго свои безчисленныя стада въ безпредѣльныхъ равнинахъ Южной Африки. Безмолвіе южно-африканскихъ степей нарушилось свистомъ локомотивовъ, шумомъ машинъ на фабрикахъ, число которыхъ быстро увеличивалось. Возростаніе пришлаго населенія (уитлендеровъ) вызывало постоянныя столкновенія съ мѣстнымъ населеніемъ, съ неудовольствіемъ взиравшимъ на новые порядки. Мало по малу дѣло дошло до кризиса, и этимъ то и хотѣлъ воспользоваться Сесиль Родсъ, давно уже искавшій предлога ко вмѣшательству въ дѣла Трансвааля и желавшій ниспровергнуть правительство Крюгера, стоявшее ему поперекъ дороги. Зная неудовольствіе уитлендеровъ, онъ задумалъ организовать возстаніе въ Іоганнесбургѣ. Вѣдь если бы тамъ вспыхнула революція, то „Chartered Company" получила бы право вмѣшаться и могла бы навязать свою волю упрямымъ бурамъ. При этомъ Родсъ вовсе не добивался уничтоженія независимости Трансвааля. Обсуждая возможныя послѣдствія возстанія, онъ говорилъ, что судьба Трансвааля будетъ рѣшена плебисцитомъ, который окончательно опредѣлитъ форму политическаго объединенія Трансвааля съ остальною Южною Африкой. „Трансвааль можетъ сохранить даже свою теперешнюю форму правленія, говоритъ онъ, но онъ долженъ будетъ вступить въ федеральный союзъ, конечно находящійся подъ покровительствомъ Англіи, такъ какъ вѣдь Англія занимаетъ главное мѣсто среди федеральныхъ государствъ Африки".

Но Родсъ слишкомъ поторопился рѣшать судьбу Трансвааля. Всѣмъ памятенъ набѣгъ Джемсона, закончившійся такъ плачевно. Несмотря на

свое умѣнье организовать всевозможныя промышленныя предпріятія и свой финансовый умъ и дальновидность, Родсъ въ данномъ случаѣ оказался далеко не прозорливымъ человѣкомъ. Онъ слишкомъ положился на уитлендеровъ и потому ни мало не сомнѣвался въ побѣдѣ. Но когда онъ получилъ извѣстіе о томъ, что въ Іоганнесбургѣ вовсе не готовы къ возстанію, что тамъ нѣтъ въ достаточномъ количествѣ ни оружія, ни военныхъ припасовъ и что между двумя партіями уитлендеровъ произошелъ расколъ, то было уже поздно остановить ходъ событій. Родсъ получилъ телеграмму Джемсона: „Сегодня ночью я вступаю въ Трансвааль", изъ которой онъ увидѣлъ, что Джемсъ—такъ называлъ онъ безгранично преданнаго ему Джемсона, на рукахъ котораго онъ умеръ теперь—или не получилъ его телеграммы, отмѣняющей походъ, или же не захотѣлъ ждать и рѣшилъ на свой рискъ итти въ Іоганнесбургъ, разсчитывая все-таки на поддержку уитлендеровъ. Говорятъ что Родсъ даже зашатался, прочтя телеграмму и потомъ заперся въ своей библіотекѣ въ Гротшнурѣ. Домашніе слышали какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи и самъ себѣ говорилъ: „Now just be cool, let us think this thing out" (Надо быть хладнокровнѣе, надо хорошенько обдумать это). Наконецъ онъ вышелъ, сѣлъ верхомъ на лошадь и ускакалъ въ горы. Когда онъ вернулся вечеромъ, то уже былъ болѣе спокойнымъ, хотя и падалъ отъ усталости, онъ чувствовалъ, что въ этотъ моментъ рѣшалась его судьба, какъ политическаго дѣятеля, и какъ только было получено извѣстіе, что старый Кронье взялъ въ плѣнъ Джемсона, Родсъ подалъ въ отставку отъ должности перваго министра Капской колоніи и сложилъ съ себя званіе директора „Chartered Company".

Въ статьѣ, напечатанной вскорѣ послѣ его смерти въ газетѣ „Daily Telegraph" и подписанной: „One who knew him" (тотъ, кто зналъ его), разсказывается какъ Родсъ самъ отзывался объ этомъ событіи, и о своемъ участіи въ немъ. На одномъ банкетѣ, который Сесилъ Родсъ устроилъ въ Гротшнурѣ, не задолго до набѣга, онъ снова заговорилъ на свою любимую тему—о будущности Южной Африки, которая по его словамъ, будетъ для Англіи тѣмъ, чѣмъ должны были бы быть сѣвероамериканскія колоніи, если бы „глупая политика не вызвала ихъ отдѣленія отъ метрополіи".

— Худо ли это или хорошо, сказалъ Родсъ, обращаясь къ своему гостю англичанину,—но вы, господа, превратили старую Англію въ обширную фабрику. Владѣніе землей въ Англіи представляетъ теперь роскошь, а не профессію, какъ прежде. Вамъ нужны для продажи вашихъ продуктовъ новые рынки, на которыхъ бы развѣвался британскій флагъ. *) Черезъ

*) Свой взглядъ на значеніе англійскаго флага Родсъ высказалъ впослѣдствіи въ Кимберлеѣ, тотчасъ послѣ снятія осады. Онъ сказалъ,

50—60 или даже сто лѣтъ бѣлое населеніе въ южной Африкѣ будетъ еще многочисленнѣе населенія Англіи, теперь Родса называютъ флибустьеромъ и грабителемъ! Но черезъ сто лѣтъ будутъ благословлять мою память, какъ человѣка, который устроилъ выходъ избытку населенія своей страны и обезпечилъ обширный рынокъ для сбыта промышленныхъ продуктовъ, производство которыхъ даетъ средства къ жизни населенія".

Вскорѣ послѣ неудавшагося набѣга Джемсона авторъ статьи въ „Daily Telegraph" встрѣтился съ Родсомъ въ Лондонѣ и заговорилъ съ нимъ объ этомъ.

— Послушайте, сказалъ Родсъ, вѣдь вы не считаете Родса круглымъ дуракомъ?

Конечно нѣтъ.

— Ну такъ если онъ—не круглый дуракъ, то зачѣмъ же онъ поставилъ на карту свою репутацію, пожертвовалъ всѣ свои деньги и организовалъ такое безумно смѣлое предпріятіе, какъ набѣгъ Джемсона?

— Не знаю!

— Вотъ видите! Для этого существовали у меня три причины: Во первыхъ я былъ убѣжденъ, что старый Крюгеръ представляетъ непреодолимое препятствіе къ объединенію южной Африки, хотя это объединеніе и имѣло бы цѣлью коммерческое процвѣтаніе и развитіе страны, я пробовалъ дѣйствовать на него всѣми аргументами, становясь на африкандерскую почву, но безъ успѣха. Я видѣлъ, что, оставаясь во главѣ трансваальскаго правительства, онъ будетъ тормозить всякій прогрессъ въ южной Африкѣ. Второю причиной было то, что въ южной Африкѣ существовало меньшинство обитателей, говорящее на англійскомъ языкѣ и враждебное Крюгеру, но все-таки не желающее видѣть англійскій флагъ, развѣвающимся въ южной Африкѣ. Можно было опасаться, что это меньшинство разовьется, и что въ тотъ день, когда можно будетъ освободиться отъ Крюгера, это меньшинство станетъ большинствомъ, тогда конецъ всѣмъ моимъ стараніямъ превратить Южную Африку въ часть великой Британской имперіи. Это было бы окончательною гибелью моей политики, которой я посвятилъ всю свою жизнь. Третья причина заключалась въ томъ, что въ наши дни нельзя сдѣлать революцію безъ денегъ, а у меня тогда былъ цѣлый синдикатъ милліонеровъ, готовыхъ поддерживать меня, которыхъ мнѣ не удалось бы пожалуй собрать въ другой разъ. Вотъ вамъ въ двухъ словахъ объясненіе моихъ поступковъ. Я ошибся, и въ этомъ моя вина!

что „англійскій флагъ—это лучшій коммерческій активъ". Онъ хотѣлъ этимъ выразить, что тамъ, гдѣ развѣвается англійскій флагъ больше правовой обезпеченности и нѣтъ административнаго произвола.

Это было безъ сомнѣнія совершенно искреннее изложеніе взглядовъ со стороны Сесиля Родса, онъ вообще никогда не считалъ нужнымъ скрывать своихъ убѣжденій и всегда открыто высказывалъ ихъ. Его противники и враги отдаютъ ему въ этомъ отношеніи полную справедливость. Онъ не задумывался никогда прямо вступать въ переговоры со своими противниками, кто бъ они ни были. Онъ открыто и чистосердечно высказывалъ имъ свои взгляды и пытался убѣдить ихъ своими аргументами, никогда не прибѣгая къ уловкамъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Лондонъ послѣ набѣга, то отправился къ Стэду, англійскому журналисту, принадлежавшему къ его самымъ яростнымъ противникамъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ; результатомъ этого разговора было то, что и Стэдъ поддался его обаянію и изъ противника превратился въ его друга. Также было и съ Делареемъ, въ лагерь котораго онъ отправился для переговоровъ относительно нѣкоторыхъ территорій. Деларей встрѣтилъ его словами: „кровь должна литься!" Родсъ отвѣчалъ: „Дайте мнѣ прежде позавтракать, а потомъ будемъ говорить о крови!" Родсъ прожилъ у него цѣлую недѣлю и даже крестилъ его ребенка. Въ результатѣ буры, находившіеся подъ командою Деларея, сохранили свои владѣнія и фермы, но территорія поступила подъ англійскій протекторатъ.

Но личное мужество и рѣшимость Родса проявились въ особенности во время его переговоровъ съ матабелами. Родсъ присоединилъ къ владѣніямъ „Chartered Company" огромную территорію, простирающуюся къ сѣверу, вплоть до нѣмецкихъ владѣній и къ озеру Танганайка, эта колонія, площадь которой въ шесть разъ больше площади Англіи, была названа Родезіей въ честь Родса. Но племена матабеловъ, населявшія ее, часто бунтовали, и Родсу приходилось улаживать безпорядки. Надежды, которыя онъ возлагалъ на Родезію, осуществлялись плохо и поэтому онъ поручилъ доктору Джемсону, тому самому, который потомъ руководилъ экспедиціей въ Трансваалѣ, произвести экономію въ бюджетѣ этой колоніи. Это было въ 1892 г., Родсъ находился въ своемъ помѣстьи въ Гротшурѣ, когда имъ была получена телеграмма отъ Джемсона, что матабелы взбунтовались, что было дѣлать? касса „Chartered Company" была пустая, и всѣ свои личныя средства Родсъ потратилъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Пораздумавъ немного, онъ отправилъ Джемсону слѣдующую коротенькую телеграмму: „читать евангеліе отъ Луки XIV, 31" Джемсонъ такъ и сдѣлалъ и телеграфировалъ Родсу: „All right. Я прочелъ". И противъ всѣхъ ожиданій возстаніе матабеловъ, съ которыми Джемсонъ вступилъ въ переговоры, быстро успокоилось, и Chartered Company не пришлось тратить денегъ на снаряженіе военной экспедиціи. Но черезъ два года, послѣ того какъ Джемсонъ попалъ въ плѣнъ къ бу-

рамъ, возстаніе вспыхнуло съ новою силой. Волей неволей пришлось прибѣгнуть къ помощи войска. Правительство послало полковника Каррингтона, во главѣ сильнаго отряда, и матабелы были побѣждены опять, но они не были обезоружены, и можно было съ увѣренностью ожидать возобновленія враждебныхъ дѣйствій по окончаніи сезона дождей, во время котораго Каррингтонъ со своимъ войскомъ удалился на зимнюю квартиру, разсчитывая возобновить свою кампанію въ будущемъ году. Но такъ какъ главная часть военныхъ расходовъ падала на Chartered Company, дѣла которой и такъ были не важны, то Родсъ опасался, что компаніи грозитъ банкротство. Тогда онъ рѣшился на необыкновенно смѣлый поступокъ. Въ сопровожденіи друзей, одинъ изъ которыхъ былъ корреспондентомъ и двухъ проводниковъ туземцевъ, безъ всякаго конвоя, онъ отправился въ горы Матонно, гдѣ сосредоточивались главныя силы матабеловъ. Отправивъ къ нимъ одного изъ проводниковъ, онъ потребовалъ свиданія съ вождями. Тотчасъ же къ нему явились старики съ важною и величественною осанкой, и на вершинѣ гранитнаго холма, подъ лучами тропическаго солнца начались переговоры. Сзади вождей расположились полукругомъ чернокожіе воины, а впереди сидѣлъ безоружный Родсъ, объявившій вождямъ, что онъ пришелъ къ нимъ со словами мира и проситъ ихъ „открыть свои сердца". Онъ говорилъ съ ними повелительнымъ тономъ, несмотря на то, что онъ былъ одинъ, а ихъ было много и онъ не могъ не сознавать страшной опасности. Но чувство страха какъ будто ему было совершенно незнакомо. Онъ властно потребовалъ отъ нихъ отвѣта за ихъ поступки, за убитіе безоружныхъ женщинъ и дѣтей и объявилъ имъ гнѣвно, что это покрываетъ ихъ позоромъ. Онъ грозилъ имъ своимъ мщеніемъ, если только они не положатъ оружіе и въ заключеніе крикнулъ:

— Все это прошло. Ну а теперь, что же у насъ будетъ! миръ или война?

Наступило молчаніе. Это была трагическая минута, и конечно Сесиль Родсъ сознавалъ, что на карту поставлена его жизнь и будущее его грандіозныхъ плановъ. Наконецъ одинъ изъ самыхъ старыхъ вождей поднялся со своего мѣста и бросивъ ружье къ ногамъ Родса, сказалъ:

— Вотъ мое ружье, я бросаю его.

Его примѣру послѣдовали другіе, и миръ былъ заключенъ. Тотъ, котораго называли „Капскимъ Наполеономъ", одержалъ на этомъ холмѣ Матонна, гдѣ онъ теперь погребенъ, одну изъ своихъ величайшихъ побѣдъ.

Страна была замирена, и Родсъ могъ спокойно заняться приведеніемъ въ исполненіе своихъ плановъ относительно дальнѣйшаго развитія Родезіи, но прежде ему надо было съѣздить въ Лондонъ, гдѣ онъ долженъ былъ предстать въ парламентской комиссіи, назначенной для разслѣдованія дѣла

о набѣгѣ Джемсона. Замѣчательно, что африкандеры не устроили противъ него никакихъ враждебныхъ демонстрацій, и это объясняется тѣмъ, что его заслуги относительно Южной Африки признавались даже его врагами, и онъ пользовался большимъ уваженіемъ.

Какъ бы то ни было, но Родсъ понималъ отлично, что послѣ набѣга Джемсона его политическая карьера кончилась. Онъ сознавалъ свою ошибку и какъ извѣстно окончательно разошелся во взглядахъ съ Чемберленомъ съ 1899 года. Только исторія въ состояніи будетъ выяснить степень его участія въ великомъ преступленіи, которое носитъ названіе Трансваальской войны. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что активнаго участія Сесиль Родсъ тутъ не принималъ, хотя дальнѣйшія событія и явились естественнымъ послѣдствіемъ его политики и Джемсоновскаго набѣга. Какъ бы то ни было, но послѣ этого набѣга Родсъ не игралъ уже больше выдающейся роли въ политикѣ и весь отдался приведенію въ исполненіе своихъ экономическихъ плановъ. Какъ по волшебству территорія Южной Африки покрывалась телеграфною сѣтью, и черезъ два года послѣ Джемсоновскаго набѣга уже можно было послать телеграмму изъ Капа въ Каиро, черезъ нѣмецкія владѣнія. Но мечта Сесиль Родса о трансафриканской желѣзной дорогѣ, которую онъ лелѣялъ еще тогда, когда на приглашеніе Гордона въ 1884 г. принять участіе въ экспедиціи въ Хартумъ, онъ отвѣчалъ по телеграфу: „Я надѣюсь съ вами встрѣтиться въ Хартумѣ, но я долженъ придти туда съ юга“,—осуществлялась не такъ быстро. Вначалѣ Капская колонія отказывалась даже провести дорогу до Кимберлея, а затѣмъ колоніальное министерство упрашивало Родса остановиться у Замбезе. Теперь дорога открыта уже до Булувайо и дальше постройка ея уже почти доведена до водопадовъ Викторіи—съ одной стороны и Сольбери—съ другой, гдѣ она соединяется съ англо-португальской линіей Бейры; развѣдки же сдѣланы уже вплоть до Аберкорна на берегахъ озера Танганайка.

За предѣлами британскихъ владѣній Родсъ предполагалъ провести линію черезъ нѣмецкія земли Африки и для этого онъ отправился въ Берлинъ, чтобы получить аудіенцію у Императора Вильгельма и склонить его въ пользу своего плана Капо-Каирской желѣзной дороги, которая должна будетъ пересѣчь вдоль весь африканскій континентъ.

Родсъ получилъ желаемую аудіенцію, которая продолжалась около часа и въ свое время заставила о себѣ много говорить. Какъ и на всѣхъ людей, съ которыми ему приходилось вступать въ сношенія, Родсъ и на германскаго императора произвелъ глубокое впечатлѣніе. Разсказываютъ, что когда при прощаніи Вильгельма II подалъ ему руку, Родсъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза. Императоръ отвѣтилъ ему такимъ же взглядомъ. Это длилось одну минуту, но оба поняли другъ друга. Родсъ сказалъ ему,

намекая на прошлое: „Три года тому назадъ я сдѣлалъ ошибку, но мы всѣ можемъ дѣлать ошибки и дѣлаемъ ихъ“. Когда онъ ушелъ, то императоръ замѣтилъ: „Какъ жаль, что у меня нѣтъ такого министра!“.

Родсъ пробылъ въ Берлинѣ только три дня, но въ это время онъ успѣлъ подписать соглашеніе относительно проведенія прямой телеграфной линіи черезъ нѣмецкія владѣнія въ Африкѣ. Въ Берлинѣ, гдѣ помнили знаменитую телеграмму императора Крюгеру, отправленную три года тому назадъ, были конечно не мало удивлены необыкновенно любезнымъ пріемомъ, оказаннымъ Родсу.

Въ теченіи двухъ лѣтъ о Родсѣ и его дѣятельности было мало слышно, и только когда началась осада Кимберлея, его имя снова выплыло на сцену. Родса не было тамъ, когда началась война, но какъ только получено было извѣстіе, что буры вступили въ Наталь и что Кимберлей подвергается опасности, онъ немедленно отправился туда. Осада длилась четыре мѣсяца. Въ это время Родсъ принималъ самыя энергичныя мѣры къ защитѣ города, устроилъ для жителей убѣжище въ копяхъ, когда начачалась бомбардировка города и отливалъ ядра для пушекъ, на которыхъ были выгравированы слѣдующія слова: „With C. I. R's Compliments“. Его возмущали бездѣятельность военныхъ властей, съ которыми онъ постоянно вступалъ въ пререканія, и дѣйствовалъ не обращая никакого вниманія на ихъ приказанія, между прочимъ онъ послалъ дерзкое письмо лорду Робертсу въ которомъ заключалась слѣдующая фраза: „Ваши войска уже болѣе двухъ мѣсяцевъ стоятъ лагеремъ вблизи Кимберлея, всего на разстояніи какихъ нибудь 20 миль. Если переходъ черезъ холмы Спитдюнрейна кажется имъ утомительнымъ, то вѣдь существуетъ другая, болѣе удобная дорога, по равнинѣ!“.

Сесиль Родсъ принадлежалъ къ числу людей, о которыхъ всего труднѣе высказать какое нибудь категорическое сужденіе. Какъ качества, такъ и недостатки его слишкомъ крупны, слишкомъ ярки, это была въ полномъ смыслѣ этого слова большая сила, цѣльная и своеобразная натура, лишенная мелочности и своекорыстія, но именно поэтому то, дѣйствуя подъ вліяніемъ ложнонаправленной идеи, Родсъ болѣе чѣмъ всякій другой, не столь крупный человѣкъ, могъ натворить бѣдъ, граничащихъ съ преступленіями, такъ какъ онъ, не задумываясь, опрокидывалъ препятствія, выдвигающіяся на его пути и мѣшающія достиженію цѣли, въ которой онъ видѣлъ благо страны. Не даромъ извѣстная южноафриканская писательница Олива Шрейнеръ, не разъ бичевавшая въ своихъ произведеніяхъ англичанъ и ихъ поступки въ Южной Африкѣ и даже попавшая въ тюрьму за свои симпатіи къ бурамъ, писала о немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: „Я поясню свой взглядъ на Сесиля Родса слѣдующей притчей: представьте

себѣ, что онъ умеръ и конечно черти явились, чтобъ увлечь его въ адъ, куда онъ принадлежалъ по праву. Но оказалось, что онъ такъ великъ, что не можетъ пролѣзть ни въ двери, ни въ окна, и тогда пришлось взять его на небо".

Олива Шрейнеръ, принадлежавшая къ числу враговъ Родса, какъ видно изъ этихъ словъ, считала его крупною величиной, хотя и большимъ преступникомъ, и поэтому находила, что обыкновенная мѣрка не можетъ быть къ ней примѣнима. Что это дѣйствительно такъ—онъ доказалъ своимъ завѣщаніемъ, которое произвело огромную сенсацію и въ которомъ отразилось все міровоззрѣніе и всѣ особенности его личности. При жизни Родса его всегда обвиняли съ томъ, что онъ все оцѣниваетъ на деньги, на все смотритъ въ капиталистической точки зрѣнія и считаетъ, что все на свѣтѣ можно купить. Между тѣмъ онъ именно смотрѣлъ на богатство вовсе не какъ на самодовлѣющую цѣль, а какъ на средство къ достиженію цѣли, къ осуществленію какой-нибудь великой идеи. Такой идеею для него была великая южно-африканская федерація, которая могла бы свободно процвѣтать и развиваться подъ покровомъ британскаго флага, такъ какъ Родсъ, какъ первый англичанинъ считалъ англосаксонскую націю первой въ мірѣ. Онъ былъ имперіалистомъ, но имперіализмъ его былъ болѣе широкій, болѣе идеальный, нежели тотъ, представителемъ котораго служитъ Чемберленъ. Онъ понималъ „Greates Great-Britain" какъ союзъ обширнѣйшихъ территорій, но вполнѣ равноправный и свободный, благодаря которому могли бы осуществляться разныя грандіозныя предпріятія, которыя могли бы принести пользу не только Англіи, но и всему міру. Родсъ, хотя и былъ виновникомъ кровопролитія въ южной Африкѣ, но онъ никогда не былъ милитаристомъ, не признавалъ рабства, а мечталъ о великомъ единеніи, въ которомъ онъ видѣлъ ту силу, которая должна двигать міромъ.

Всѣ эти его идеи ярко выразились въ его завѣщаніи, которое явилось сюрпризомъ для огромнаго большинства, составившаго себѣ шаблонное сужденіе объ этомъ человѣкѣ. Весь свой огромный капиталъ въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ Родсъ завѣщалъ на „интеллектуальное развитіе британской имперіи". Онъ очень подробно излагаетъ свою волю; онъ перечисляетъ тѣ учебныя заведенія, которыя должны быть основаны въ Родезіи на оставленныя имъ деньги. Онъ завѣщалъ капиталъ Оксфордскому университету и коллегіи, въ которой учился, на расширеніе зданій, содержаніе репетиторовъ и улучшеніе столовой. Затѣмъ онъ основалъ 160 стипендій по 300 фунтовъ каждая и 15 по 250 фунтовъ, которыя предназначаются студентамъ Оксфордскаго университета, при чемъ каждый можетъ быть стипендіатомъ только въ теченіе трехъ лѣтъ, 60 этихъ стипендій называются колоніальными, такъ какъ онѣ предназначаются для уроженцевъ

англійскихъ колоній. Родсъ поясняетъ, что пребываніе въ оксфордскомъ университетѣ расширяетъ кругозоръ молодыхъ людей и способствуетъ развитію у нихъ сознанія; какъ важно для колоній, равно какъ и для Англіи, сохранить взаимную связь, образующую единство имперіи. Но Родсъ пошелъ еще дальше; онъ учредилъ еще стипендіи для американцевъ, имѣя въ виду, что молодымъ американцамъ привьется такимъ образомъ привязанность къ странѣ, которая была колыбелью ихъ родины. Затѣмъ, имѣя въ виду, что школьныя связи самыя крѣпкія, Родсъ, желая скрѣпить узы дружбы съ Германіей, владѣнія которой прилегаютъ къ будущей федераціи въ Южной Африкѣ, Родсъ учредилъ еще 15 стипендій для нѣмецкихъ студендентовъ, въ томъ же Оксфордскомъ университетѣ. Очень характерны также тѣ условія, которыя требуются отъ стипендіатовъ: кромѣ литературныхъ и научныхъ успѣховъ, Родсъ требуетъ, чтобы они обладали слѣдующими личными достоинствами: мужествомъ, преданностью долгу, честностью и мягкостью обращенія и чтобы они защищали слабыхъ и во всемъ проявляли товарищескій духъ и готовность всегда выступать впередъ ради интересовъ своихъ школьныхъ товарищей, отъ нихъ требуется также твердость характера и любовь къ спорту. Эти качества устанавливаются посредствомъ подачи голосовъ школьными товарищами стипендіата.

Глубокая увѣренность Родса, что его мечта осуществится, также отразилась въ его завѣщаніи. Онъ завѣщалъ похоронить себя на той самой горѣ Матонно, на вершинѣ которой у него происходило драматическое свиданіе съ вождями матабеловъ. Онъ любилъ эту гору и высказываетъ это въ своемъ завѣщаніи. „Я люблю уединенность и величіе горы Матонно, говоритъ онъ, и поэтому желаю быть похороненнымъ на холмѣ, съ котораго открывается видъ на міръ“. Но далѣе онъ выражаетъ желаніе, чтобы на этомъ холмѣ было устроено кладбище для тѣхъ лицъ, которыя окажутъ услуги южно-африканской федераціи и которыхъ большинство народныхъ представителей признаетъ достойными. Всю же остальную свою землю въ Булувайо онъ отдаетъ городу и ассигнуетъ сумму на устройство парка и проведеніе желѣзной дороги отъ города, для того чтобы жители Булувайо могли тамъ проводить свое праздничное время.

Характерно также то, что своимъ родственникамъ Родсъ завѣщалъ только то помѣстье, которое онъ не задолго передъ тѣмъ купилъ въ Англіи, и при этомъ все-таки сдѣлалъ оговорку, что оно должно перейти по наслѣдству лишь тому изъ его родныхъ, кто докажетъ, что онъ въ теченіи десяти лѣтъ занимался какою-нибудь полезною профессіей. Остальныя деньги онъ завѣщалъ на образованіе фонда для организаціи разныхъ экспедицій—для изслѣдованія территорій,—но ни единаго шиллинга не пожертвовалъ на усиленіе военнаго могущества, постройку кораблей или

организацію колоніальнаго войска, хотя и не могъ не знать, что новое теченіе въ Англіи стремится къ ея милитаризаціи, и образуются всевозможныя лиги съ цѣлью увеличенія ея морского и военнаго могущества.

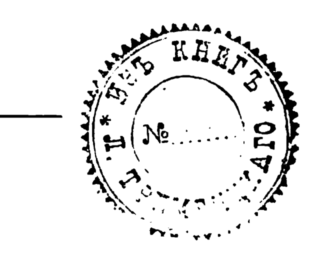
Родсъ не былъ тщеславенъ, и никогда ему не приходило въ голову пускать пыль въ глаза своимъ богатствомъ. Онъ жилъ очень просто и никто не зналъ за нимъ никакихъ пороковъ или увлеченій. О своей наружности онъ такъ мало заботился и одѣтъ былъ всегда такъ просто, а временами даже плохо, что однажды въ Кимберлеѣ, сторожъ, не знавшій его въ лицо, не хотѣлъ его пропустить на выставку, такъ какъ у него не оказалось денегъ, чтобы заплатить за входъ, и не соглашался повѣрить ему въ долгъ, на томъ основаніи, что онъ такъ плохо одѣтъ!

Особенностью Сесиля Родса была его удивительная непосѣдливость. Онъ не могъ сидѣть спокойно на одномъ мѣстѣ и даже во время разговора вскакивалъ и начиналъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ. Точно также онъ никогда не могъ прожить долго гдѣ-нибудь. Въ 1896 г. онъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль успѣлъ побывать въ Капштадтѣ, Лондонѣ, на островѣ Мальта, потомъ въ Каирѣ, Суэцѣ, Беирѣ и Булувайо. Прошлою осенью онъ, совсѣмъ уже больной, проѣхалъ изъ Англіи въ Италію, Египетъ и Суданъ и затѣмъ назадъ, черезъ Францію, въ Англію, чтобы тамъ подписать какой-то контрактъ и снова вернуться въ Капъ. На всѣ эти передвиженія ему понадобилось только четыре мѣсяца. Въ 1899 году онъ успѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ дней повидаться съ бельгійскимъ королемъ въ Брюсселѣ, съ германскимъ императоромъ въ Берлинѣ и хедивомъ въ Каирѣ—все это по дѣлу о телеграфѣ и желѣзной дорогѣ изъ Капа въ Каиръ. Однажды онъ отправился точно также въ Константинополь, чтобы повидать султана по какому-то дѣлу.

Родсъ не любилъ ни общества, ни общественныхъ развлеченій и въ особенности ему не нравилось лондонское общество. Своею рѣзкостью и привычкою говорить прямо то, что онъ думаетъ, Родсъ часто отталкивалъ отъ себя людей и приводилъ въ отчаяніе своихъ горячихъ почитателей. Его считали также ненавистникомъ женщинъ, по крайней мѣрѣ бѣлыхъ, и дѣйствительно онъ не былъ никогда женатъ и никто не слыхалъ про его любовныя приключенія. Онъ съ большимъ презрѣніемъ отзывался о милліонерахъ, единственное занятіе которыхъ заключалось въ накопленіи денегъ и называлъ ихъ ходячими денежными сундуками. Терпѣть онъ не могъ также всякіе оффиціальные церемоніалы. Однажды, когда онъ былъ капскимъ первымъ министромъ, должно было происходить какое-то торжество, на которомъ онъ обязанъ былъ присутствовать, но отправляясь на это торжество по берегу, Родсъ вдругъ раздумалъ и вмѣсто этого раздѣлся и сложивъ платье на берегу, бросился въ волны, которыя такъ манили

его своей прохладой. А между тѣмъ тамъ въ Капштадтѣ собрались въ парадныхъ мундирахъ военныя и гражданскія власти и поджидали только Родса. Но онъ такъ и не явился. Единственною роскошью его былъ паркъ въ Гротшурѣ, гдѣ жилъ цѣлый звѣринецъ на просторѣ и гдѣ цвѣли изумительныя розы—любимый цвѣтокъ Родса. Этотъ финансистъ и имперіалистъ обожалъ природу и сознавался одному изъ своихъ друзей, что онъ любитъ свой садъ, потому что въ немъ такъ хорошо мечтать! О чемъ же онъ мечталъ, этотъ „Empire Maker", какъ его называли радикальныя англійскія газеты? О великой южно-африканской федераціи, конечно, о дорогѣ, которая пройдетъ отъ Капа до Каира, о великомъ торжествѣ англосаксонской расы... Онъ не дожилъ ни до чего этого, но умеръ въ твердомъ убѣжденіи, что это осуществится.

Э. К.

Родныя картинки.

Изъ провинціальной лѣтописи.

О прикрѣпленіи дворянъ къ землѣ. Разговоры о дворянскомъ департаментѣ между дворянами толстымъ и тоненькимъ. О чествованіи Марьи Павловны и дворянина Жуковскаго. Нижегородскій голова и Н. В. Гоголь. О свѣтлыхъ явленіяхъ, односторонности и многосторонности. „Читатель! Заступись за писателя!“ Усовершенствованіе Гюи-де-Мопассана. Скучища и ея послѣдствія. Какъ граммофонъ погубилъ своего товарища.

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! — поговорку эту связываютъ съ далекимъ историческимъ днемъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ при царѣ Θеодорѣ. „Царь Θеодоръ—говорится въ указѣ Василія Шуйскаго—по наговору Бориса Годунова, выходъ крестьянъ заказалъ“. Въ Юрьевъ день каждаго года крестьяне имѣли право переходить отъ одного владѣльца къ другому; царь Θеодоръ лишилъ ихъ этого права и сдѣлалъ „крѣпкими землѣ“...

Давно это было, очень давно!.. Каково-же было мое удивленіе, когда, развернувъ № 43 „Моск. Вѣдом.“ за настоящій годъ, я увидалъ крупный заголовокъ статьи: „Прикрѣпленіе дворянства къ землѣ“...

Вотъ тебѣ, дѣдушка, и Юрьевъ день!.. Чтобы это, однако, значило?

Надо сказать, что случилось это въ поѣздѣ. Въ вагонѣ II кл., гдѣ я помѣстился, ѣхали какъ разъ дворяне одной изъ центральныхъ губерній на свои обычныя дворянскія собранія, а потому я счелъ нужнымъ подѣлиться съ ними своимъ удивленіемъ.

— Г. Грингмутъ намѣренъ, господа, прикрѣпить васъ къ землѣ!..

— Т. е. как это прикрѣпить?—сурово спросилъ толстый дворянинъ, одѣтый въ поддевку и лаковые высокіе сапоги, похожій на Петра Петровича Пѣтуха.—Обратить насъ въ крѣпостное состояніе?..

Я еще не успѣлъ прочитать статьи, но поторопился успокоить:

— Не думаю... Г. Грингмутъ очень свободолюбивъ по отношенію къ дворянству и очевидно что „прикрѣпленіе къ землѣ" въ данномъ случаѣ не можетъ означать ничего другого, кромѣ новыхъ вольностей и пріятностей для васъ, господа... А, впрочемъ, почитаемъ.

— Читайте вслухъ!..—сказалъ худенькій дворянинъ съ желчнымъ лицомъ, въ пиджачкѣ и брюкахъ, шитыхъ, видимо, самымъ лучшимъ портнымъ уѣзднаго города.

Я передалъ худенькому газету со словами:

— Не угодно-ли?

Говорилось въ статьѣ объ учрежденіи департамента дворянскихъ дѣлъ. „Съ искреннею радостью надлежитъ привѣтствовать это извѣстіе, значитъ отъ слова рѣшено перейти къ дѣлу". „Открывается новая эпоха, намѣчается новая внутренняя политика, политика справедливости, чуждая пренебреженія и забвенія насущнѣйшихъ попеченій *о благѣ народномъ*, политика, могущественнымъ двигателемъ которой являются *трудъ* и блага имъ добываемыя, по заповѣди Божіей, „*въ потѣ лица*". „Безземельные дворяне—это первые кліенты новаго департамента; на нихъ должно быть обращено особое вниманіе и попеченіе; доставить землѣ *образованныхъ* энергичныхъ работниковъ, истомившихся положеніемъ загнаннаго *недоросля* и искренно желающихъ всѣмъ сердцемъ и умомъ посвятить себя сельскому хозяйству на благо дорогой родинѣ, — это значитъ положить прочное начало къ устраненію причинъ, вызывающихъ вырожденіе дворянства...

— Это касательно маменькиныхъ сынковъ, которые умѣютъ хорошо дирижировать танцами и очень любятъ брать „взаймы" — желчно произнесъ худенькій дворянинъ, оборвавъ чтеніе.

— Нѣтъ, что касается департамента, — это отлично... Чѣмъ больше департаментовъ, тѣмъ лучше... Порядку больше—сипло отвѣтилъ толстый дворянинъ въ поддевкѣ, раскуривая трубку, которую онъ выпускалъ изо рта лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда чувствовалъ потребность что-нибудь сказать или хрипло покашлять.

— Что-жъ департаментъ?!— пожавъ плечами и состроивъ презрительную гримасу, замѣтилъ желчный худенькій помѣщикъ.—Если дорогъ рабочій и дешевъ хлѣбъ, если плохой урожай или нѣтъ у меня денегъ,— что мнѣ предложитъ департаментъ?..

— Вы извѣстный пессимистъ, Иванъ Григорьевичъ... Надо подождать: можетъ, что-нибудь хорошее образуется потомъ... И касательно рабочихъ рукъ...—вытащивъ изо рта трубку, прогудѣлъ толстый помѣщикъ.

— Насъ нечего прикрѣплять... Прикрѣпить рабочія руки, — вотъ это

я понимаю... Не такъ-ли?—обратился ко мнѣ пессимистъ, требуя одобренія своей дивной идеи.

— Не дурно-бы... Хотя возможно-ли?..

— А вотъ это вопросъ!.. Вотъ пускай этотъ департаментъ и займется этимъ вопросомъ — визгливо заговорилъ желчный помѣщикъ и развелъ своими костлявыми руками.

— Дворянинъ долженъ имѣть землю... Какой это дворянинъ, если онъ безъ земли?—глухо прозвучалъ голосъ толстаго. — Ты дай ему землю, — вотъ тогда онъ получитъ свое назначеніе...

— А онъ ее спуститъ...— взвизгнулъ желчный, — кто привыкъ дирижировать танцами и брать взаймы, — того не прикрѣпишь... Взять онъ возьметъ съ удовольствіемъ, потому что земля — капиталъ, ну а насчетъ служенія родинѣ,—извините, чепуха-съ!..

— Да вы не горячитесь!.. Мнѣ все равно ничего не дадутъ... Я только говорю о другихъ, у которыхъ нѣтъ земли... Для нихъ вотъ—департаментъ, а не для насъ съ вами... — прохрипѣлъ толстый, лицо котораго плавало въ облакахъ табачнаго дыма.

— Тутъ, господа, кое-что и для васъ, оказывается, есть. Вотъ что пишутъ дальше: „Укрѣпленіе земли за дворянами, уже владѣющими имѣніями, но стѣсненными тяжестью современныхъ обстоятельствъ, укрѣпленіе, исключающее тревогу за завтрашній день,—такова вторая не менѣе почтенная задача новаго департамента“.

— Извольте видѣть: тѣхъ, безземельныхъ, будутъ прикрѣплять, а васъ укрѣплять!

— Вотъ это я понимаю!.. Главное—рабочія руки и оборотный капиталъ!.. Очисти имѣніе отъ долговъ, дай рабочія руки, оборотный капиталъ, — тогда другое дѣло... А то извольте тутъ хозяйничать, когда не знаешь, что съ тобой будетъ на другой день... Именно—тревога!..

— Хо-хо-хо!—загоготалъ толстый.—Говорилъ,—надо обождать!.. Вы всегда недовольны. А надо подождать: зря не будутъ устраивать департаменты...

— Вѣроятно, хорошая служба будетъ въ этомъ департаментѣ—меланхолически произнесъ вдругъ доселѣ молчавшій дворянинъ, тоскливо смотрѣвшій въ окно и поминутно вздыхавшій.

— А что? Не думаете-ли на службу?..

— Отчего-же? У меня сынъ выросъ... Онъ тоже больше дирижировать танцами склоненъ... Самъ буду доживать въ имѣніи, а сынъ пусть служитъ. Нынѣшняя молодежь не любитъ сидѣть въ деревнѣ: скучно... Пріѣдетъ лѣтомъ, послоняется немного для чистаго воздуху, и—„прощай, папаша“. Похозяйничай!—говорю. Покорно благодарю, склонности къ симъ

дѣламъ не чувствую... Теперь служитъ въ какой-то ссудной кассѣ бухгалтеромъ... Это раньше, когда привольно жилось молодежи,—другое дѣло, а теперь не удержишь...

— Ну, а что-же тамъ дальше, именно о насъ, имѣющихъ землю? Насчетъ укрѣпленія-то нашего?.. Относительно рабочихъ рукъ ничего нѣтъ?..

— Дальше?.. Гм...

И я прочиталъ:

„Усидѣвшіе на своихъ мѣстахъ дворяне нуждаются лишь въ нравственной поддержкѣ и довѣріи къ ихъ искреннимъ усиліямъ“...

— А дальше?..

— Дальше „Окончаніе слѣдуетъ“.

— Гм... Нравственная поддержка... Департаментъ, значитъ, намъ съ вами, Николай Никитичъ, будетъ оказывать нравственную поддержку?!. Поняли?..

И желчный худенькій помѣщикъ залился тоненькимъ, похожимъ на женскій, хохотомъ, а толстый, растревоженный этимъ визгливымъ хохотомъ, началъ неистово вторить ему, схватившись за животъ руками:

— Хо-хо-хо!..

Ночью размѣстились такимъ образомъ, что всѣ толстые остались на нижнихъ скамейкахъ, а всѣ тоненькіе—на верхнихъ, поднятыхъ съ девяти часовъ вечера. Вагонъ освѣщался скупо, тускло и невольно думалось о тѣхъ толстыхъ казенныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, которыя какимъ-то образомъ ухитряются экономить отъ поѣздовъ и потомъ продавать обывателямъ по дешевымъ цѣнамъ. Толстякъ-оптимистъ нескончаемо обкуривалъ верха своей трубкой, а расположившійся съ нимъ въ сосѣдствѣ другой толстый господинъ по торговой части, объѣвшись колбасой, поминутно рыгалъ, и отъ этого худого желчнаго дворянина коробило. Спуская внизъ голову, онъ съ сердцемъ замѣчалъ:

— Однако, однако...

— Случается,—отвѣтилъ господинъ по торговой части.

— Что вы этимъ хотите сказать?—вспылилъ желчный помѣщикъ.

— Не горячитесь, будетъ!..—гудѣлъ толстый.—Давайте спать!..

— Поѣлъ и больше ничего! Что тутъ говорить? душа отдыхаетъ—отвѣтилъ господинъ по торговой части.

Наступило продолжительное и неловкое молчаніе. Только по временамъ желчный помѣщикъ бормоталъ что-то недовольный всѣмъ на свѣтѣ.

— Вы не спите?—спросилъ его снизу толстый оптимистъ.

— Нѣтъ. Съ вашимъ департаментомъ да съ этой „отдыхающей душой“ нервы разстроились... Злость одолѣваетъ...

— Марья-то Павловна умерла?

— Умерла... Остался дворянскій вдовій домъ безъ попечительницы...

— Стара была ужъ... Все-таки дѣйствительная статская совѣтница... Какъ хотите, почтить слѣдуетъ... Докладъ объ ея кончинѣ будетъ на собраніи читаться... Въ повѣсткѣ значится...

— Будетъ.

— А что это за дворянинъ нашей губерніи Василій Андреевичъ Жуковскій?

— Какой Жуковскій?.. Земскій начальникъ, что-ли?

— Вотъ я васъ и спрашиваю... Вотъ тутъ, въ повѣсткѣ, въ числѣ докладовъ... Послѣ Марьи Павловны показано...

Толстый поднесъ печатный бланкъ ближе къ свѣту фонаря и прочиталъ: „Докладъ № 6. О чествованіи памяти дворянина Тульской губерніи Василія Андреевича Жуковскаго"...

— И больше ничего!.. Кто такой, за что чествовать, по какой причинѣ,—ничего нѣтъ.

— Поэтъ Жуковскій, такой былъ писатель!—произнесъ, позѣвывая и прикрывая ротъ широкой ладонью руки, господинъ по торговой части и прошепталъ потомъ: „О, Господи милосливый!.. Подмораживать никакъ стало"...

— Ахъ, поэтъ Жуковскій, извѣстный воспитатель... Слѣдуетъ, слѣдуетъ—сказалъ желчный помѣщикъ.

— Вспомнили... А съ какой радости?.. Что онъ сочинилъ полезнаго для дворянства?—спросилъ толстый оптимистъ.

— Баллады онъ отличныя сочинялъ...

— А что это можетъ значить для насъ, эти баллады самыя?..

— Ну какъ-же!.. Поэтъ, извѣстный... Гоголя-же собираются чествовать!

— Гоголи, Жуковскіе...—сказалъ толстый оптимистъ и началъ укладываться поудобнѣе на койкѣ. — А все-таки Марью Павловну жалко... Я не такъ давно и видѣлся съ ней... Охо-хо!.. Всѣ умремъ и ничего не будетъ... И всѣ департаменты, и Гоголи,—все земное, прекратится...

— Гоголь давно померъ...

— Ну вотъ я и говорю!.. Что ему до чествованія? Или хотя-бы этотъ дворянинъ Жуковскій... Всѣ умремъ...

Стихло. Толстый сталъ сладко похрапывать. Только желчный все возился и сердился на желѣзную дорогу, на свѣчку, на департаментъ...

Много такихъ „толстыхъ" на святой Руси!.. Что имъ Гоголь и Жуковскій?.. для нихъ Марья Павловна въ сто разъ ближе и понятнѣе, потому что

она жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, съ которой они еще недавно видѣлись... И все-таки эти „толстые“ примутъ участіе въ чествованіи...

Любопытно, какъ разсуждали о Гоголѣ и его чествованіи въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тамъ былъ устроенъ особый комитетъ по сему вопросу во главѣ съ бывшимъ присяжнымъ повѣреннымъ, стало быть человѣкомъ просвѣщеннымъ, г. Меморскимъ, нынѣ городскимъ головой. Предсѣдатель комитета былъ совсѣмъ особаго мнѣнія о Гоголѣ и объ его заслугахъ предъ отечествомъ. Г. Меморскій больше любилъ Пушкина, а что касается Гоголя, то говорилъ: „конечно, нѣтъ словъ... Гоголь большой писатель, но все-таки это не Пушкинъ“.

— Далеко Гоголю до Пушкина! Стало быть, надо знать мѣру... Пусть будутъ „Гоголевскіе дни“, какъ были „Пушкинскіе“, но все-таки не слѣдуетъ эти дни ставить на одну доску... Гоголь далъ отрицательные типы... Не совсѣмъ удобно даже открывать передъ школьниками тѣ темныя стороны, на которыхъ останавливался и которыя видѣлъ всегда Гоголь...

Г. предсѣдатель давно уже сдѣлался поклонникомъ, такъ называемыхъ, свѣтлыхъ явленій. О темныхъ онъ не любитъ вспоминать.

Ужъ до темныхъ-ли тутъ явленій, когда люди, не забывая сладко покушать, забываютъ объ интересахъ города?! Конечно, въ голову будутъ итти одни свѣжія явленія... Единственно темное явленіе въ семъ случаѣ,— это разстройство желудка при неумѣренномъ употребленіи яствъ.

Для школьниковъ предсѣдатель комитета по устройству „Гоголевскихъ дней“ нашелъ Гоголя слишкомъ темнымъ, а потому и вреднымъ.

— Вѣрно. Очень ужъ привыкаютъ критиковать поведеніе старшихъ.

— По крайней мѣрѣ для младшаго и средняго отдѣленій слѣдуетъ воздержаться... Пусть на Гоголевскій спектакль идутъ только старшіе...

Защитниками Гоголя выступили нѣкоторые наиболѣе сильные учителя народной школы. Вступился и товарищъ городского головы. Но „благоразуміе“ одолѣло. Стали разсматривать вопросъ о днѣ, когда надлежитъ чествовать.

— Это все равно! Когда арендаторъ городского театра дастъ театръ, тогда и чествовать!

Очевидно, для г. Меморскаго Гоголь не особенно важенъ, развѣ чуть-чуть поважнѣе, чѣмъ Марья Павловна! Обсудить и взвѣсить значеніе мѣръ, направленныхъ къ обузданію домашней прислуги или извозчиковъ, для него важнѣе, чѣмъ Гоголевскія торжества...

Увы, читатель!.. Много появится у насъ послѣ Гоголевскихъ торжествъ „Гоголевскихъ улицъ“, но прибавится-ли вниманія, любви къ великому сатирику и самосознанія у г.г. обывателей послѣ этихъ торжествъ,— вопросъ сомнительный... Почествовать можно, отчего-же не почествовать?—

только не въ этомъ вѣдь суть дѣла. Суть эта въ томъ, чтобы поучиться смѣяться горькими слезами надъ русской дѣйствительностью... Туго дается намъ эта способность.

Туго дается намъ эта способность „смѣяться горькими слезами", и даже люди просвѣщенные сплошь и рядомъ не понимаютъ этого своеобразнаго смѣха. Обыватель любитъ смѣхъ до слезъ, до коликъ въ животѣ, но когда писатель будитъ въ немъ одновременно два желанія: плакать и смѣяться,— онъ боится за свое пищевареніе и обѣими руками тянется за „свѣтлыя явленія"... Полюбуйтесь вотъ на письмецо одного симпатичнаго педагога, человѣка, что называется „зрячаго", который, читая мои замѣтки о нѣкоторыхъ педагогахъ, испугался... За что? Чего? Не понимаю...

„Намѣренія мои—пишетъ онъ—самаго мирнаго свойства; я вовсе не имѣю претензіи вступать съ вами въ полемику, а хочу лишь обратиться къ вашему чувству справедливости. Очень ужъ вы не любите педагоговъ, бичуете ихъ безъ содроганія и жалости... Когда читаешь, ужасъ овладѣваетъ душой, и мнѣ лично, какъ педагогу, становится больно, стыдно и мучительно жалко всю нашу братію. И безъ того учительская профессія по многимъ причинамъ, часто независящимъ отъ насъ, не пользуется уваженіемъ общества; родители поручаютъ намъ дѣтей своихъ, но сами-же подрываютъ въ ихъ глазахъ нашъ авторитетъ, потому что часто глумятся надъ педагогами, не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей. Это фактъ общественный, который въ послѣднее время отмѣчаетъ и печать. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, и очень можетъ быть, что въ нашей семьѣ ихъ больше, чѣмъ въ какой-либо другой. Но простите, если я вамъ скажу, что вы даете фактамъ одностороннее освѣщеніе и указываете только на внѣшнюю сторону ихъ. Въ вашихъ очеркахъ обличается воспитатель Тартюфъ и учитель-рутинеръ, знающій исторію русской литературы только до Гоголя включительно и судящій о М. Горькомъ только по наслышкѣ. Вѣроятно, и сами вы видите въ этомъ удивительномъ экземплярѣ лишь каррикатуру, пародію на учителя, а не типичнаго представителя этого класса людей. Я склонна думать, что если и существуетъ столь рѣзкое проявленіе умственной несостоятельности, то лишь какъ весьма рѣдкое явленіе"...

И такъ женщина педагогической профессіи признаетъ, что въ средѣ сей есть уроды и даже, быть можетъ, больше ихъ, чѣмъ во всякой другой средѣ. Сама она отмѣчаетъ, что я пишу именно объ этихъ многочисленныхъ уродахъ, рутинерахъ, Тартюфахъ, іудушкахъ, которыми, съ позволенія сказать, среди нашихъ педагоговъ „хоть прудъ пруди"... При чемъ-же тутъ „односторонность". Не отыскивать-ли мнѣ въ сердцахъ сихъ іуду-

шекъ и Тартюфовъ—искры божія и не писать-ли „а все-таки и Яковъ Иванычъ—милый человѣкъ, очень радушный, очень добрый къ своимъ дѣткамъ и очень ужъ любитъ свою законную жену!"... Такъ-ли мнѣ понимать многосторонность освѣщенія? Или, отыскавъ хорошаго, честнаго, уважающаго свое дѣло и свое призваніе педагога, какого-нибудь Ивана Иваныча, сейчасъ-же оповѣститъ міру, что вотъ-де въ городѣ такомъ-то живетъ педагогъ Иванъ Иванычъ, который очень хорошій педагогъ и котораго слѣдуетъ почтить?..

„Какъ не быть учителю рутинеромъ—пишетъ далѣе учительница—когда стоящіе надъ нимъ еще бóльшіе рутинеры; когда его сковываютъ „учебными планами", „объяснительными записками", циркулярами, обязательными учебниками и даже изданіями ихъ? А эти примѣрныя программы, въ которыхъ общество увидѣло „зорю новыхъ дней"?.. Вы сами, конечно, знаете, какая участь постигала тѣхъ учителей, которые дѣлали попытку впустить струю свѣжаго воздуха въ *затхлую атмосферу* гимназіи, этого дома съ запертыми дверьми и съ заколоченными ставнями. Если выживаніе этихъ мечтателей совершается на мѣстѣ, то часто изъ опасенія, какъ-бы не нагорѣло за попустительство; не ровенъ часъ, донесетъ еще кто-нибудь... И ко всему этому жизнь въ провинціи! Кто-же не знаетъ, какъ обидно суживаетъ она умственный кругозоръ каждаго? Что-же касается наружнаго благочестія, то это теперь дѣйствительно очень живой вопросъ... Не говорите о педагогѣ, который наблюдаетъ за гимназистами, кто и какъ цѣлуетъ св. крестъ, стремясь проникнуть въ тайники душъ. А я знаю предсѣдателя окружнаго суда, который слѣдитъ, кто изъ кандидатовъ на судебныя должности не пришелъ въ церковь, и на другой день отсутствовавшій получаетъ выговоръ. Не мало въ журнальныхъ обозрѣніяхъ есть разсказовъ, какъ изъ-за несоблюденія постовъ народными учителями, а больше учительницами, недостаточно частаго посѣщенія храмовъ и т. д. возникали гоненія. Въ средней школѣ не лучше дѣло стоитъ; въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ есть одинъ или два мандарина, которые должны зорко наблюдать за всѣми... А какъ-же нагляднѣе можно показать примѣръ благочестія, какъ не внѣшними проявленіями: цѣлованіемъ, колѣнопреклоненіемъ и пр. Къ этой галлереѣ лицъ въ женскихъ гимназіяхъ присоединяются еще начальницы; въ большинствѣ случаевъ это подруги, пріятельницы, близкія и дальнія родственницы попечителей или ихъ женъ, имѣющія „непосредственныя сношенія". Это мандарины въ юбкахъ... Ну да всего не перескажешь"...

Читатель видитъ, какого мнѣнія о своей собственной средѣ—авторша письма. Сама она называетъ эту среду *затхлой*... Чего-же, спрашивается, она хочетъ отъ меня? Не правъ-ли я, выставляя къ позорному столбу нам-

болѣе яркихъ и типичныхъ „уродовъ“ этой семьи? Одна ласточка весны не дѣлаетъ. Я самъ отлично знаю, что такія ласточки попадаются и что они очень скоро улетаютъ „въ теплый край за сине-море до весны“ и не только знаю, а и отмѣчаю это въ своихъ очеркахъ. О злоключеніяхъ сельскихъ учителей и учительницъ я много писалъ тоже... Въ чемъ-же, наконецъ дѣло?..

„Вы указываете на уродливыя явленія, но умалчиваете о причинахъ ихъ... Кто дѣлаетъ учителей, надзирателей и т. д. рутинерами, ханжами, лицемѣрами?.. Конечно, маленькихъ людей куда безопаснѣе порицать и глумиться надъ ними... Ну и какая-же цѣль достигается этимъ? Уронить еще больше педагоговъ въ глазахъ общества, отмѣчая въ печати *только отрицательныя явленія и ухудшить положеніе тѣхъ, которые сохранили душу живу*..

Милостивая государыня! Совершенно согласенъ съ вами и весьма удивленъ что въ моихъ очеркахъ вы ничего не увидали, кромѣ желанія глумиться надъ маленькими людьми... Всѣ эти Яковы Иванычи и Юліаны-мучители совсѣмъ не „маленькіе люди“ въ провинціи, а все это музыканты одного большого общаго оркестра, исполняющіе каждый свою партію и постольку именно они, конечно, для меня и для читателя интересны. Процвѣтаніе всяческихъ „уродовъ“ и исчезновеніе „ласточекъ“ всегда мною отмѣчается, насколько это предоставлено мнѣ, какъ обозрѣвателю провинціальной жизни и ея фактовъ... Все наше недоразумѣніе проистекаетъ, какъ мнѣ кажется, вотъ почему. Существуетъ искусство писать, но теперь давно уже параллельно съ нимъ развивается „искусство читать“... Да, теперь, по нашимъ временамъ, читатель долженъ владѣть этимъ искусствомъ болѣе, чѣмъ когда-либо и, къ чести русскаго читателя, онъ сильно преуспѣваетъ въ этомъ искусствѣ. И я думаю, что вы, милостивая государыня, въ этомъ отношеніи поотстали... Конечно, все въ жизни общественной имѣетъ свои причины и свои слѣдствія, какъ и вообще всѣ явленія окружающаго насъ міра... Полагаю, что отсюда не слѣдуетъ обязательность все разжевывать и въ такомъ видѣ угощать читателя: это прежде всего по условіямъ, въ коихъ происходитъ писаніе, невозможно, да и ненужно, ибо пришлось-бы всякій разъ писать скучнѣйшіе трактаты о томъ, что „omnia ex ovo“... Моя роль, какъ провинціальнаго обозрѣвателя, отмѣчать типичные факты провинціальной жизни, давать имъ освѣщеніе... По вашему мнѣнію, это—односторонность, по моему это и есть именно то, чего вы не умѣете читать... Обрисовывая своей рукою всю затхлость среды, обиліе уродовъ, вы хотите, чтобы я вмѣстѣ съ тѣмъ кричалъ: „а вотъ есть городъ такой-то, и тамъ живетъ Иванъ Иванычъ, который и т. д.“

Нѣкогда Щедринъ крикнулъ: „Читатель! заступись за писателя!“

Недавно этотъ крикъ повторилъ въ Москвѣ Н. К. Михайловскій... По нынѣшнимъ временамъ, казалось-бы уже всѣмъ долженъ быть понятенъ этотъ крикъ, ибо только глухой не слышитъ его... А вотъ моя корреспондентка не слышитъ и полагаетъ, что защищать слѣдуетъ не писателя, а ихъ „ласточекъ“ и во имя этой защиты молчать о всѣхъ уродахъ. Отыскалась все-таки интеллигентная и, видимо, совершенно „зрячая“ читательница, которая полагаетъ, что писателю живется хорошо и что онъ зря кричитъ.

„Если вы бичуете маленькихъ людей за малодушіе—пишетъ она—и за то, что они, не обладая недюжинными силами, боятся плыть противъ теченія, то явите вы сами примѣръ героизма и направьте ваши стрѣлы противъ тѣхъ, съ кѣмъ трудно бороться!“

Пусть эта читательница поговоритъ съ кѣмъ-нибудь изъ людей, ближе ея знающихъ жизнь и біографію нашихъ писателей,—быть можетъ, она покраснѣетъ за эти самыя свои слова и пойметъ, почему это писатель кричитъ читателю „заступись!“..

Хорошо, если еще можно крикнуть, а то бываетъ и такъ, что нельзя и пикнуть. Съ провинціальнымъ писателемъ въ большинствѣ случаевъ такъ именно и случается. Нельзя пикнуть. По сему поводу я уже имѣлъ удовольствіе какъ то бесѣдовать съ читателемъ. Теперь могу пополнить картину еще нѣкоторыми подробностями.

„Наша газета—пишутъ мнѣ изъ одного сибирскаго города—переживаетъ тяжелые дни; правда, въ такомъ положеніи находится въ настоящее время вся сибирская печать, но я не берусь описывать ея положеніе, а хочу только иллюстрировать положеніе это примѣромъ „С. К.“ До іюня 1901 г. газета была безсодержательна, очень часто грязна, но за то всегда угодлива и рептильна; вредной она не могла быть—для этого она была слишкомъ безсильна и презираема всѣми сторонами. Но вотъ въ 1901 г. около газеты сгруппировалась кучка интеллигенціи, и газета сразу измѣнила свой обликъ. Конечно, при скудости бюджета она не блистала оригинальнымъ матеріаломъ, но во всякомъ случаѣ сдѣлалась чистой и честной провинціальной газеткой. И „началось“!.. Далѣе корреспондентъ описываетъ муки рожденія каждаго номера и операціи, безъ коихъ это рожденіе не могло совершаться. Каждый день—„кесарево сѣченіе“! Въ концовъ-концовъ такой діалогъ:

— Такъ дѣло не можетъ итти... Газета концентрируетъ темныя явленія, сгущаетъ краски... Можно подумать, что у насъ Турція!..

— Вашество! Ваши обвиненія я беру смѣлость оспаривать. Газета,

при ея жалкихъ денежныхъ средствахъ, мало чего и печатаетъ оригинальнаго, она живетъ перепечатками изъ другихъ подцензурныхъ изданій и такимъ образомъ проходитъ двѣ цензуры... При строгости ея вообще и нашей въ особенности, я не могу понять, какимъ образомъ краски могутъ оставаться густыми...

— Перепечатки!.. Изъ нихъ именно и получается этакій духъ, нежелательный, вредное направленіе.

— Вашество! Вы говорите о свѣтлыхъ явленіяхъ... Мы живемъ перепечатками и всякое свѣтлое явленіе стараемся своевременно услѣдить, но гдѣ ихъ взять, если не встрѣчается?.. Войдите въ наше положеніе: не находимъ мы въ газетахъ свѣтлыхъ явленій, а придумать ничего не можемъ...

— Какъ „гдѣ взять"? Почему газета не пишетъ о дѣятельности мѣстной администраціи? Почему газета не помѣщаетъ отчетовъ о разныхъ мѣстныхъ торжествахъ? Почему замалчиваетъ административную дѣятельность въ краѣ?

— Пробовали, Вашество, но изъ этого ничего не выходитъ: цензура не позволяетъ высказываться объ административной дѣятельности, называетъ это неумѣстнымъ.

— Она не пропускаетъ только то, что клонится къ дискредитированію... Да! Между прочимъ... Откуда вы взяли, что въ краѣ голодъ?

— Всѣ наши корреспонденты пишутъ, что...

— Знать не хочу вашихъ корреспондентовъ!.. Что это за люди? Откуда они и чѣмъ занимаются? Почему ваши сотрудники скрываются подъ псевдонимомъ? Кто скрывается,—имѣетъ дурныя намѣренія... Я вотъ никогда не скрываюсь, потому что мнѣ нечего бояться!.. Все, что пишутъ вамъ эти люди,—ложь! выдумка! Приходите въ областное управленіе,—и вы получите точныя свѣдѣнія...

— Тогда, Вашество, ужъ лучше „Листокъ объявленій" издавать!...

— И пусть!

— Но что-же выиграетъ администрація, если вся корреспонденція, минуя мѣстную газету и цензуру, пойдетъ въ „Сиб. Жизнь" или въ столичную прессу?

— Это мы посмотримъ, какъ она пойдетъ! У меня найдутся средства...

Послѣ этого діалога, положеніе газеты еще болѣе ухудшилось. Дѣло доходитъ до того, что цензоръ начинаетъ дѣйствовать двумя карандашами: цензорскимъ и редакторскимъ... „Недавно онъ нашелъ необходимымъ исправить слогъ у Гюи-де-Мопассана! Въ статьѣ объ этомъ писателѣ цитировался текстъ изъ разсказовъ его по лучшимъ переводамъ. Цензоръ ис-

правляетъ отдѣльныя выраженія, фразы и слова. Не понравилось ему выраженіе Мопассана „Она (т. е. богиня) одной рукой закрываетъ сокровеннѣйшія свои прелести“ и онъ зачеркнулъ и твердой рукою поправилъ „прелести“ на „части тѣла“...

Заканчивая свое письмо, авторъ восклицаетъ:

„Помогите намъ! Выставьте на свѣтъ Божій то, что осуждено мѣстными условіями на безгласность, на архивное забвеніе! Мы связаны по рукамъ и ногамъ!“

— О, если-бы!... Не преувеличивайте, господа, значеніе столичной прессы!..

Скучища-то, скучища!.. Не проворотишь... Обывателю нечѣмъ жить, нечего дѣлать, и отъ скуки онъ выкидываетъ такія антраша, что любо-дорого... Читатели, конечно, знаютъ уже о „скандалѣ въ благородномъ семействѣ“, который произошелъ въ г. Рязани... „Морали“ напущено по сему случаю довольно всѣми „честными-малыми“... Я воздержусь, пока не узнаю нѣкоторыхъ подробностей, отъ всякой морали. Кто еще не знаетъ, что случилось, разскажу въ нѣсколькихъ словахъ: три дамы изъ мѣстнаго бомонда возмутились присутствіемъ на балѣ благородныхъ людей дамы неблагороднаго происхожденія, и по ихъ протесту даму неблагороднаго происхожденія вывели. Тогда нѣсколько мѣстныхъ геростратовъ, въ числѣ коихъ были люди съ чинами, пригласили во время бала трехъ благородныхъ дамъ-протестантокъ противъ неблагородства прокатиться, пока мужья лупятся въ картишки, за городъ, очутились съ ними въ ресторанѣ, напоили ихъ шампанскимъ съ какой-то будто-бы примѣсью снотворнаго дѣйствія, затѣмъ раздѣли и послали платье ихъ въ благородное собраніе для врученія мужьямъ. Такова была месть благороднымъ дамамъ за оскорбленіе неблагородной. Конечно, выходка дикая, грубая, достойная осужденія... Не слѣдуетъ только, скорбя о поруганной чести благородныхъ трехъ дамъ, забывать и о той дамѣ неблагороднаго происхожденія, которую съ такимъ легкимъ сердцемъ оскорбили публично... Не надо забывать, что въ провинціальномъ бомондѣ понятіе о благородствѣ вещь условная и часто эфемерная, такъ что оскорбленная неблагородная могла стоять въ нравственномъ отношеніи далеко не ниже „благородныхъ“... Печально, что „благородныя дамы“, при своей суровости по отношенію къ этикеткамъ, очутились глубокой ночью въ ресторанѣ съ такими чрезмѣрно смѣлыми молодыми людьми... Тогда, быть можетъ, дикая выходка хотя найдетъ свое подлежащее объясненіе... „Честные-малые“, всецѣло стоящіе на сторонѣ благородныхъ дамъ, позволяютъ себѣ дѣлать какіе-то намеки на особую

протекцію молодыхъ людей по отношенію къ дамѣ неблагороднаго происхожденія!.. Не есть-ли это тоже грубое, дикое оскорбленіе?! быть можетъ, эта неблагородная дама была невѣстой или сестрой одного изъ геростратовъ?

Въ Рязани-же во время театральнаго представленія, на коемъ наслаждались пріѣжіе на собраніе дворяне, кто-то выпустилъ во время представленія сперва курицу, потомъ пѣтуха... Тоже забава отмѣнная!.. Отъ скуки!.. Отъ скуки обыватель готовъ вверхъ ногами ходить и колесомъ кататься...

Въ городѣ Дриссѣ, Витебской губ. одинъ коллежскій секретарь вотъ какъ забавлялся отъ скуки. Онъ напечаталъ въ столичной газетѣ объявленіе: „дѣвицамъ и вдовамъ рекомендую вѣрнѣйшую возможность легко и выгодно выйти замужъ: имѣется до 2700 заявленій отъ мужчинъ разныхъ возрастовъ, вѣроисповѣданій и состояній, желающихъ вступить въ законный бракъ. За сохраненіе тайны ручаюсь“, адресъ. Нѣкая дѣвица, остановившая на семъ объявленіи взоръ свой и, видимо, не особенно довѣрчиваго характера, прежде чѣмъ сдѣлать выборъ изъ 2700 мужчинъ, рѣшила снестись съ дриссенскимъ исправникомъ и спросить его, серьезный-ли человѣкъ руководитель брачной конторы въ Дриссѣ?... И коллежскій секретарь попалъ на скамью обвиняемыхъ. Вотъ что говорилъ онъ въ своемъ послѣднемъ словѣ:

— Каюсь, виноватъ.. Все это—отъ скуки... Отъ скуки я сталъ пить, отъ скуки-же рѣшился поморочить легковѣрныхъ барышень и вдовушекъ... Хотѣлось узнать, сколько ихъ пожелаетъ выйти замужъ.

Помощникъ исправника, вызванный въ качествѣ свидѣтеля, сказалъ про обвиняемаго:

— Прекрасный, тихій человѣкъ... Кончилъ реальное училище... Очень вѣжливый и вообще благородный... Отъ скуки дѣйствительно... Очень у насъ скучно жить!..

Судьи поняли коллежскаго секретаря и оправдали его.

Евгеній Чириковъ.

Изъ области знаній.

Жизненная сила, первоорганизмы и кристаллы.

Исторія воззрѣній человѣка на внѣшнюю природу и, въ частности, на органическую жизнь на землѣ представляетъ любопытную картину борьбы началъ дуалистическихъ съ монистическими, въ которой первыя постепенно побѣждаются послѣдними. Первобытный человѣкъ не былъ въ состояніи возвыситься до противуположенія себѣ внѣшней, неодушевленной природы, какъ чуждой того психическаго содержимаго, которое свойственно ему— человѣку. Для его дѣтской головы не подъ силу было такое раздвоеніе мысли. Разнообразныя величественныя явленія природы, въ особенности грозныя, заставляли его надѣлять всѣ окружающіе предметы умомъ, волею и чувствомъ и подраздѣлять на враждебныя ему и дружественныя. Это былъ полнѣйшій антропоморфизмъ, исключавшій различіе между живою и мертвою природою. А въ себѣ самомъ первобытный человѣкъ несомнѣнно различалъ два начала: тѣлесное и духовное, которому и приписывалъ психическія свойства. Къ этому побуждали, напримѣръ, сновидѣнія, которыя понимались въ буквальномъ смыслѣ, т. е., что духъ человѣка можетъ оставлять его тѣло, странствовать, видѣться съ другими людьми и т. д. словомъ,—продѣлывать все то, что приходится видѣть во снѣ. Вотъ такими-то духами, скрывающимися подъ матеріальной оболочкой, но могущими по временамъ оставлять ее, и населялась вся природа. Но съ первыми же проблесками критической мысли предѣлы такого одухотворенія постепенно суживаются, ограничиваясь лишь наиболѣе выдающимися предметами. Грубый фетишизмъ уступаетъ мѣсто поклоненію такимъ предметамъ природы, какъ небесныя свѣтила, море и т. п., примѣръ чего находимъ въ религіи древнихъ египтянъ, ассиро-вавилонянъ и друг. Наконецъ, какъ

это видимъ у древнихъ грековъ и римлянъ, мертвая природа постепенно перестаетъ одухотворяться и, такимъ образомъ, устанавливается надлежащая граница между предметами живыми—органическими и мертвыми—неорганическими. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается и дуализмъ въ воззрѣніяхъ на неорганическую природу. Для зародившейся критически-научной мысли здѣсь ничего не остается, кромѣ матеріи, подчиненной естественнымъ силамъ и законамъ.

Но не такъ обстоитъ дѣло съ живой органической природой. Здѣсь дуализмъ и до сихъ поръ не уничтожился, хотя непрерывно шелъ и теперь идетъ на убыль. Неразгаданная загадка жизни не давала смѣлости разъ навсегда покончить съ духовнымъ началомъ, которое и было оставлено для объясненія всего того, что въ этой области разумъ человѣка не въ силахъ уяснить естественнымъ путемъ. Однако постепенныя завоеванія въ области наукъ біологическихъ, безпрестанныя открытія естественныхъ объясненій для различныхъ явленій, казавшихся ранѣе таинственными, не могли не отразиться на судьбѣ этого духовнаго начала. Прежде всего, оно совершенно обезличивается. Отъ него мало по малу отнимаются всѣ психическія свойства духовъ, которыми антропоморфизирующая фантазія первобытныхъ людей населяла организмы. Человѣкъ постепенно отказывается отъ вѣры въ существованіе духовъ не только въ растеніяхъ, но и животныхъ, и отъ первоначальнаго духовнаго начала въ концѣ концовъ остается какая то неопредѣленная таинственная „жизненная сила“ современныхъ виталистовъ. Про эту силу говорятъ только, что она совершенно отлична и независима отъ извѣстныхъ намъ естественныхъ силъ и законовъ природы, но что собственно она изъ себя представляетъ,—не только никто не знаетъ, но и предположить ничего не можетъ.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ доказательствъ существованія жизненной силы виталисты считаютъ невозможность объяснить естественнымъ путемъ происхожденіе организмовъ, именно,—неудачность всѣхъ попытокъ получить живую плазму изъ мертвой матеріи въ лабораторіи и доказанное отсутствіе подобныхъ процессовъ въ современной намъ природѣ. Со времени Аристотеля ученіе о самопроизвольномъ зарожденіи защищалось и развивалось многими учеными. Но геній Луи Пастера нанесъ ему, какъ извѣстно, рѣшительный ударъ. Онъ показалъ, что если питательную для микроорганизмовъ среду (бульонъ, настой сѣна и т. п.), предварительно прокипяченую, оставить въ сосудѣ, который сообщается съ воздухомъ чрезъ трубку, заткнутую ватой, то здѣсь не разовьются микроорганизмы. Значитъ, появленіе послѣднихъ въ жидкостяхъ, гдѣ ихъ ранѣе не было, обязано не самопроизвольному зарожденію, а тому, что въ воздухѣ носятся зародыши микробовъ, которые, попавъ въ подходящую среду, развиваются въ

ней. Вата же, какъ это показываетъ послѣдующее изслѣдованіе ея, задерживаетъ ихъ на пути. Значитъ, заключаютъ виталисты, для перваго появленія организмовъ на свѣтъ необходима была какая то сверхъестественная жизненная сила.

Описанный выше процессъ постепеннаго смягченія и уничтоженія древнихъ дуалистическихъ воззрѣній на природу уже самъ по себѣ естественно приводитъ къ вопросу: не представляетъ ли и жизненная сила современныхъ виталистовъ лишь пережитки первобытныхъ представленій о духахъ, населяющихъ предметы не только живые—органическіе, но и мертвые—неорганическіе? Эволюція естественно-научныхъ знаній, продолжая двигаться по тому же пути вытѣсненія началъ дуалистическихъ монистическими, не должна-ли, наконецъ, привести человѣческій разумъ къ полному торжеству въ объясненіи естественнымъ путемъ всѣхъ казавшихся доселѣ необъяснимыми явленій жизни, въ томъ числѣ и къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи организмовъ? Въ самомъ дѣлѣ, не такъ еще давно говорили, что въ лабораторіи невозможно приготовить не только живой клѣтки, но и вообще никакого вещества, создаваемаго живыми организмами, никакого органическаго продукта. Однако, въ 1828 году Велеръ искусственно получилъ мочевину, а за нимъ другими изслѣдователями, по установленному извѣстнымъ химикомъ Вертело пути синтеза, приготовлено еще не мало органическихъ соединеній. Тогда защитники „жизненной силы“ стали говорить, что въ лабораторіи можно получить только простѣйшіе продукты распада сложныхъ органическихъ тѣлъ, а вотъ углеводовъ (сахаръ, крахмалъ, клѣтчатка и др.) и бѣлковъ такимъ путемъ приготовить невозможно. Но берлинскій профессоръ Фишеръ и его ученики выработали способъ искусственнаго приготовленія сахаровъ, а Шютценбергъ приготовилъ нѣкоторыя изъ бѣлковыхъ тѣлъ. Теперь говорятъ: да, и углеводы и бѣлки можно получить въ лабораторіи, но никто никогда не приготовитъ тамъ плазму, живое вещество. Допустимъ, что это такъ, но, повторяемъ, уже самый фактъ постепеннаго вытѣсненія жизненной силы изъ различныхъ областей, гдѣ ранѣе ея господство считалось непоколебимымъ, не заставляетъ ли мысль забѣжать впередъ фактовъ и сказать: очевидно, таинственному сверхъестественному началу нигдѣ нѣтъ мѣста; очевидно, вопросъ о происхожденіи организмовъ, какъ и другіе, подобные ему, когда нибудь будетъ разрѣшенъ естественнымъ путемъ въ лабораторіи, а если это предсказаніе и не оправдается, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть признанъ въ принципѣ подлежащимъ такому рѣшенію.

Это предположеніе мысли, вполнѣ законное по своему существу, хотя не имѣетъ еще прямыхъ фактическихъ подтвержденій, однако, для непредубѣжденнаго ума, помимо приведенныхъ предварительныхъ соображеній,

можетъ быть обосновано нѣкоторыми косвенными данными. Изложеніемъ этихъ данныхъ мы и займемся на дальнѣйшемъ протяженіи статьи.

Признаніе особой „жизненной силы", виновницы зарожденія органической жизни на землѣ, мотивируемое безсиліемъ нашего разума объяснить естественнымъ путемъ всѣ проявленія этой жизни и создать ее искусственно, предполагаетъ, что въ мертвой неорганической природѣ, чуждой таинственныхъ силъ, не должно быть подобныхъ, поражающихъ своею сложностью и загадочностью явленій. Въ противномъ случаѣ одно изъ двухъ: или тамъ и здѣсь одинаково дѣйствуютъ сверхъестественныя силы, или же ни въ томъ, ни другомъ случаѣ ничего подобнаго нѣтъ, а имѣются лишь пробѣлы въ современныхъ научныхъ знаніяхъ о природѣ, которые съ теченіемъ времени могутъ быть пополнены. Что же оказывается въ дѣйствительности?

Изученіе минеральнаго царства, сдѣлавшее громадные успѣхи за послѣднее время, убѣждаетъ, что по количеству и загадочности явленій, необъяснимыхъ современнымъ естествознаніемъ, неорганическая природа немногимъ развѣ уступитъ органической. Мало того, эти явленія здѣсь часто даже аналогичны тому, что мы видимъ и чѣмъ поражаемся въ организмахъ. Ихъ носителями являются здѣсь тѣ морфологическія единицы, изъ которыхъ слагается громадное большинство минераловъ, именно, кристаллы. Кристаллъ и одноклѣточный организмъ — вотъ два объекта, которые съ точки зрѣнія вопроса о силахъ ихъ произведшихъ и обусловливающихъ всѣ ихъ особенности, вполнѣ могутъ быть поставлены рядомъ другъ съ другомъ.

Благодаря чему частицы твердаго вещества образуютъ аггрегаты, имѣющіе форму правильныхъ многоугольниковъ? Что заставляетъ мертвое вещество кристаллизоваться, при переходѣ изъ расплавленнаго или растворенваго состоянія въ твердое? Чѣмъ обусловливается наблюдаемый въ нѣкоторыхъ веществахъ переходъ твердой аморфной формы въ твердую кристаллическую? Вотъ загадки, которыя также, какъ и вопросъ о происхожденіи организмовъ, въ настоящее время не имѣютъ удовлетворительной разгадки. Есть, правда, нѣкоторыя попытки приблизиться къ ихъ рѣшенію, но неудовлетворительныя. Такъ, предполагаютъ слѣдующія причины для объясненія разницы между тѣлами кристаллическими и аморфными. У первыхъ уже составляющія ихъ части (молекулы) имѣютъ форму правильныхъ многоугольниковъ, отъ характера и степени симметріи которыхъ зависитъ форма видимыхъ кристалловъ тѣла. Частицы же аморфнаго вещества, съ одной стороны по причинѣ недостаточной симметріи ихъ, а съ другой,— вслѣдствіе высокаго вѣса, слабой удобоподвижности и т. п., лишены спо-

собности располагаться по плоскостямъ, представляющимъ грани кристалловъ.

Если даже это объясненіе и соотвѣтствуетъ дѣйствительности, оно все-таки самой сущности вопроса объ образованіи кристалловъ не затрогиваетъ. Здѣсь не указывается, почему частицы, имѣющія симметричную форму, прилегаютъ другъ къ другу строго соразмѣрно опредѣленными гранями, такъ что изъ малыхъ кристалловъ получаются большіе. Не объясняется, — что это за сила, не допускающая безпорядочной аггрегаціи атомовъ и молекулъ въ аморфную массу, и почему атомы въ одномъ случаѣ группируются такъ, а въ другомъ иначе, образуя частицы различныхъ симметричныхъ формъ? Нисколько не поможетъ дѣлу, если въ отвѣтъ на эти вопросы сослаться на различную форму образующихъ частицы атомовъ. Такой пріемъ выхода изъ затрудненій есть лишь перенесеніе вопроса съ одного предмета на другой, а не рѣшеніе его. Кромѣ того, этотъ доводъ явно не соотвѣтствуетъ фактамъ. Въ природѣ нѣтъ ни одного простого тѣла, которое не входило бы въ составъ того или другого сложнаго кристаллическаго вещества. Слѣдовательно, если изъ кристаллическаго строенія тѣла можно дѣлать заключеніе о симметрической формѣ составляющихъ его химическихъ единицъ, то должно признать, что атомы всѣхъ рѣшительно простыхъ тѣлъ построены симметрично. А въ такомъ случаѣ опять остается открытымъ вопросъ, почему симметричные атомы слагаются въ одномъ случаѣ въ аморфныя частицы, а въ другомъ въ кристаллическія. Напримѣръ, бѣлковыя вещества, за немногими исключеніями, суть тѣла аморфныя, между тѣмъ образующіе ихъ элементы являются также составною частью многихъ кристаллическихъ тѣлъ или даже сами существуютъ въ кристаллическомъ видѣ. Эти элементы—углеродъ, водородъ, кислородъ, азотъ и сѣра. Первые три изъ нихъ образуютъ такое, напримѣръ, кристаллическое вещество, какъ тростниковый и виноградный сахаръ. Азотъ входитъ въ составъ имѣющихъ кристаллическую структуру амміачныхъ и азотнокислыхъ солей. Сѣра, являясь составною частью сѣрно-кислыхъ и сѣрнистыхъ минераловъ, кристаллизующихся въ разнообразныхъ формахъ, и сама по себѣ образуетъ кристаллы двоякой формы (ромбическіе и призматическіе). Углеродъ точно также, наряду съ аморфной, имѣетъ кристаллическую форму: таковъ алмазъ—одна изъ разновидностей углерода. Наконецъ, и бѣлковыя вещества иногда, хотя очень рѣдко, принимаютъ кристаллическую форму. Въ такомъ видѣ находимъ ихъ, въ качествѣ включеній, въ нѣкоторыхъ растительныхъ клѣткахъ, напримѣръ, въ сѣмени клещевины (откуда добывается касторовое масло), въ клубняхъ картофеля и друг. Если изъ такихъ фактовъ слѣдуетъ, что атомы углерода, водорода, кисло-

рода, азота и сѣры имѣютъ симметричную форму, и если, тѣмъ не менѣе, изъ нихъ не всегда получаются кристаллическія вещества, то, значитъ, форма атомовъ и молекулъ служить объясненіемъ для видимой формы сложныхъ веществъ не можетъ. То же, очевидно, слѣдуетъ и изъ фактовъ перехода аморфныхъ веществъ въ кристаллическія. Такова, напримѣръ, углебаріевая соль, получающаяся въ видѣ нерастворимаго въ водѣ осадка, при дѣйствіи на растворенныя баріевыя соли углекислыми солями другихъ металловъ. Первоначально этотъ осадокъ аморфный, но мало по малу онъ переходитъ въ кристаллическій. Аморфная сѣра, полученная быстрымъ охлажденіемъ расплавленной (выливаніе въ холодную воду), подвергается такому же метаморфозу формы и проч. Совершенно непонятно, почему симметричные атомы этихъ тѣлъ первоначально создаютъ безформенныя частицы и всю видимую структуру. Въ равной мѣрѣ, не могутъ быть объяснимы формою атомовъ и случаи перемѣны твердыми веществами одной кристаллической формы на другую, примѣръ чего представляетъ намъ та же сѣра: ея призматическіе кристаллы, получаемые изъ расплавленнаго состоянія, при медленномъ охлажденіи, съ теченіемъ времени переходятъ въ ромбическіе. Форма атомовъ сѣры, конечно, всегда одна и та же. Почему же видимые кристаллы этого вещества бываютъ различны? Очевидно, симметріею атомовъ и частицъ такіе факты объяснены быть не могутъ, такъ что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ совершенно загадочнымъ для современнаго знанія явленіемъ.

Вѣсъ атомовъ и молекулъ, отъ различной величины котораго зависитъ, будто бы, ихъ различная удобоподвижность, точно также не разъясняетъ вопроса объ образованіи кристалловъ. Пусть извѣстная степень удобоподвижности необходима для симметричнаго расположенія атомовъ и частицъ; но вѣдь регуляторомъ такого расположенія она сама по себѣ служить не можетъ. Для того, чтобы способность къ движенію проявилась на дѣлѣ и движеніе приняло извѣстные размѣры, форму и направленіе, необходимъ какой либо двигатель. Въ данномъ случаѣ необходима такая сила, которая направляла бы атомы и частицы другъ къ другу и располагала бы ихъ въ извѣстномъ порядкѣ. Вопросъ объ этой то силѣ и остается, такимъ образомъ, открытымъ. Затѣмъ, несправедливо поставлять удобоподвижность въ зависимость отъ одного только вѣса частицъ и атомовъ, помимо другихъ свойствъ вещества. Равнымъ образомъ, едва ли справедливо думать, будто съ увеличеніемъ вѣса частицы удобоподвижность должна уменьшаться. Энергія движенія, проявляющаяся въ различныхъ комбинаціяхъ атомовъ и частицъ, есть не внѣшняя по отношенію къ нимъ, а внутренняя, имъ свойственная сила. А какъ таковая, она, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должна быть прямо пропорціональна массѣ. Наконецъ,

факты нагляднѣйшимъ образомъ подтверждаютъ, что аморфное и кристаллическое состояніе вещества совершенно не можетъ служить показателемъ относительной величины частичнаго и атомнаго вѣса, а слѣдовательно— не можетъ и объясняться имъ. Напримѣръ, прекрасные кристаллы даетъ такое вещество, какъ гемоглобинъ (красящее вещество крови), вѣсъ частицы котораго громадный. По одному изъ многочисленныхъ анализовъ, не приведшихъ еще, въ виду сложности этого вещества, къ твердо установленному общему результату, въ составъ частицы гемоглобина (взятаго въ окисленномъ состояніи, т. е. оксигемоглобина) входятъ: 712 атомовъ углерода, 130 атомовъ водорода, 245—кислорода, 214—азота, одинъ атомъ желѣза и два—сѣры. Въ противоположность этому, вѣсъ частицы твердыхъ углеводородовъ несравненно менѣе, между тѣмъ здѣсь вещество аморфное. Подобныхъ примѣровъ—большое множество, но нѣтъ нужды приводить ихъ. Сказанное достаточно убѣждаетъ, что вопросъ объ образованіи кристалловъ еще не рѣшенный и при современномъ состояніи научнаго знанія не менѣе таинственный, чѣмъ и вопросъ о происхожденіи организмовъ. Однако никто изъ современныхъ естествоиспытателей, въ томъ числѣ и виталисты, не думаютъ признавать какой либо особенной кристаллической силы, дѣйствующей внѣ другихъ извѣстныхъ намъ силъ и законовъ природы. Всѣ явленія кристаллофизики и кристаллохиміи относятся къ кругу дѣйствія общихъ, универсальныхъ силъ и законовъ природы, которые всегда и всюду одни и тѣ же, хотя бы не всѣ ихъ проявленія были теперь вполнѣ изучены. Почему же, въ такомъ случаѣ, для объясненія происхожденія органической жизни признается особая жизненная сила? Очевидно, помимо непостижимости факта происхожденія организмовъ, для этого должны быть приведены какія либо другія основанія. Но имѣется ли они?

Защитники „жизненной силы“ съ большимъ удареніемъ ссылаются на то обстоятельство, что въ настоящее время не наблюдается „самопроизвольнаго“ зарожденія организмовъ изъ мертвой матеріи. Опытами Пастера, какъ мы видѣли уже, твердо установлено, что новые организмы происходятъ не иначе, какъ отъ организмовъ же. Что же касается кристалловъ, то они всегда могутъ образоваться—и изъ крѣпкихъ растворовъ способнаго къ кристаллизаціи вещества, благодаря испаренію воды, и изъ расплавленнаго состоянія его, при остываніи, и путемъ перекристаллизаціи твердой аморфной массы. Однако, и это различіе, при внимательномъ анализѣ его, совершенно утрачиваетъ свое значеніе. Допустимъ, что теперь въ природѣ гдѣ либо происходитъ образованіе простѣйшихъ организмовъ изъ неорганизованнаго матеріала. При закладкѣ трансатлантическаго ка-

беля, дѣйствительно, найдено было вещество, имѣющее форму плазматической сѣти, безъ ядеръ, но съ особыми известковыми тѣльцами; въ немъ наблюдалось даже движеніе и оно названо было Bothybius Haeckelii. Предполагали, что это есть именно первичный, совершенно недифференцированный, безъядерный организмъ, а Геккель, съ вопросомъ о ботибіи прямо связывалъ вопросъ о первичномъ зарожденіи. Впослѣдствіи, впрочемъ, стали основательно доказывать, что ботибій есть ничто иное, какъ осадокъ гипса, получаемый, между прочимъ, отъ приливанія спирта къ глубинной морской водѣ и, во всякомъ случаѣ, не живая протоплазма. Но мы однако предположимъ, что если не въ формѣ ботибія, то въ какомъ либо другомъ видѣ гдѣ нибудь въ неподмѣченномъ доселѣ уголкѣ природы происходитъ самозарожденіе первичныхъ организмовъ. Измѣнится ли существенно, съ открытіемъ подобнаго факта, положеніе защитниковъ механической теоріи съ одной стороны, и виталистовъ—съ другой? Пріобрѣтутъ ли первые смертельное орудіе противъ послѣднихъ? Отвѣтъ отрицательный. Виталисты могутъ въ такомъ случаѣ сказать, что та самая сила, которая создала въ отдаленнѣйшія эпохи изъ неорганизованнаго матеріала первый живой организмъ, продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и въ настоящее время. И на этотъ разъ они поступятъ вполнѣ послѣдовательно. Расширеніе времени созидательной дѣятельности жизненной силы, послѣ того какъ допущена самая возможность существованія такой силы и такой дѣятельности, принципіальныхъ затрудненій уже представлять не можетъ. То же самое и въ отношеніи кристалловъ. Повторяемость факта образованія ихъ предъ нашими глазами не есть еще объясненіе этого факта. Вотъ если бы ученымъ удалось самимъ получить кристаллы искусственно, именно путемъ дѣйствія на частицы аморфнаго вещества опредѣленными силами природы,—тогда бы было другое дѣло. Но этого въ отношеніи кристалловъ не удалось еще сдѣлать, такъ же какъ и въ отношеніи организмовъ. Правда, кристаллизація путемъ испаренія растворовъ или чрезъ охлажденіе расплавленной минеральной массы представляетъ собою искусственное воспроизведеніе тѣхъ условій, при которыхъ невѣдомыя намъ силы природы заставляютъ частицы вещества располагаться въ геометрически правильныя формы. Но дѣло то въ томъ, что здѣсь совершенно отсутствуетъ сознаніе и пониманіе этихъ силъ и управленіе ими, здѣсь нѣтъ того проникновенія въ ихъ сущность и непосредственнаго вліянія на нихъ, которое обусловливаетъ возможность, по своему усмотрѣнію, распоряжаться ими и, въ строгомъ смыслѣ, создавать искусственные продукты, во всѣхъ отношеніяхъ зависящіе отъ нашей воли и сознанія.

Что же касается искусственныхъ кристалловъ, получаемыхъ путемъ шлифовки аморфнаго вещества или же отливаніемъ его въ соотвѣтствую-

щихъ формахъ, то эти кристаллы ничего общаго по своимъ свойствамъ съ кристаллами естественными, кромѣ внѣшняго вида, не имѣютъ. Послѣдніе характеризуются такъ называемою анизотропностью, т. е. неодинаковымъ распредѣленіемъ физическихъ свойствъ по различнымъ направленіямъ и одинаковымъ—по направленіямъ параллельнымъ. Такъ, естественные кристаллы могутъ раскалываться не иначе, какъ параллельно гранямъ (сторонамъ)—существующимъ или кристаллографически возможнымъ; это свойство называется спайностью. Естественные кристаллы обнаруживаютъ различное сопротивленіе силѣ тяжести, смотря по направленію ея дѣйствія; напримѣръ, въ кристаллѣ кубической формы (каменная соль) разрывъ легче всего происходитъ по направленіямъ, перпендикулярнымъ гранямъ куба, труднѣе—по направленіямъ, соединяющимъ противоположные трехгранные углы его, и еще труднѣе—по линіямъ, соединяющимъ средины противоположныхъ реберъ. Анизотропность въ отношеніи къ свѣту сказывается въ способности двойного лучепреломленія, чуждаго, впрочемъ, кристалламъ правильной (кубической) системы. Обращаясь къ веществу аморфному, а равно и искусственно приготовленнымъ изъ него кристалламъ, мы анизотропности не находимъ и слѣда. Наоборотъ, здѣсь полнѣйшая изотропность, т. е. одинаковость всѣхъ физическихъ свойствъ по всѣмъ рѣшительно направленіямъ. Поэтому и искусственные кристаллы напоминаютъ естественные не болѣе, чѣмъ, напримѣръ, искусственныя амебы Бючли—дѣйствительныхъ амебъ. Взявши сахаръ или поташъ и истеревъ его мелко съ оливковымъ масломъ, Бючли получалъ массу мелкихъ крупинокъ того и другого, облеченныхъ каждая слоемъ масла. При погруженіи такихъ крупинокъ въ разбавленный водою глицеринъ, сахаръ или поташъ растворялись и въ результатѣ получалась масса изъ пузырьковъ, образованныхъ масляной оболочкой, а внутри наполненныхъ сахарнымъ или поташнымъ растворомъ. Помѣстивъ каплю такой жидкости подъ микроскопомъ и надавивъ слегка покровное стекло, Бючли вызывалъ поступательное движеніе пузырьковъ, съ образованіемъ псевдоподій, длившееся цѣлыми часами и даже сутками. Онъ объяснялъ это поверхностнымъ натяженіемъ въ наружномъ масляномъ слоѣ. При разрывѣ пузырька, въ томъ мѣстѣ, гдѣ масляная оболочка лопалась, поверхностное натяженіе уменьшалось и потому сюда устремлялось внутреннее содержимое пузырька, образуя собою бугорокъ, напоминающій псевдоподію амебы, и производя амебоидное движеніе. Такое искусственное образованіе, проливающее нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о движеніи простѣйшихъ, одноклѣточныхъ организмовъ, никто конечно не считаетъ за живую клѣтку, живой организмъ. То же слѣдуетъ сказать и объ искусственныхъ кристаллахъ, такъ какъ подобіе внѣшней формы здѣсь совершенно блѣднѣетъ предъ тѣми весьма существенными внутренними отличіями, которыя кратк-

указаны выше. Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что противополагать образованіе первыхъ организмовъ образованію кристалловъ, какъ сверхъестественное, требующее признаніе непостижимой „жизненной силы“, естественному,—нѣтъ никакого права. И тамъ и здѣсь, при современномъ состояніи знанія, одинаковый пробѣлъ въ естественно-научныхъ объясненіяхъ,—и только.

Основныя жизненныя проявленія организмовъ—питаніе, ростъ, размноженіе и развитіе, въ равной мѣрѣ заставляющія виталистовъ обращаться къ таинственной, жизненной силѣ точно также имѣютъ аналогичныя явленія въ жизни кристалловъ.

Въ процессѣ питанія организмовъ обращаетъ на себя вниманіе фактъ выбора наиболѣе полезныхъ и благопріятныхъ элементовъ и отвращенія отъ всего ненужнаго и вреднаго. Это свойственно, хотя и не всегда, организмамъ не только высшимъ, но и простѣйшимъ. Такъ, надъ слизевыми грибами (миксомицетами) можно наблюдать, что они движутся по направленію къ той пищѣ, которая благопріятна для нихъ. Къ веществамъ безразличнымъ они относятся индифферентно, а вредныхъ даже избѣгаютъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ: спиртъ, глицеринъ, сахаръ, растворы солей и другія вещества, отнимающія воду, но особенно кислоты и щелочи. Если въ сосудъ съ водой опустить вертикально бумажку съ слизевикомъ на верхнемъ сухомъ концѣ, то слизевикъ начнетъ опускаться въ воду; если-же воду замѣнить спиртомъ или другою вредною жидкостью, то слизевикъ начнетъ подниматься обратно вверхъ.

Обращаясь къ кристалламъ, находимъ и тамъ аналогію такого, какъ будто сознательнаго отношенія къ различнымъ веществамъ. Если смѣсь растворовъ различныхъ солей подвергнуть выпариванію, то произойдетъ кристаллизація. При этомъ соли, отличныя по своимъ химическимъ свойствамъ, по частичному вѣсу и по кристаллографическимъ формамъ, будутъ кристаллизоваться отдѣльно; соли же, близкія въ указанныхъ отношеніяхъ, т. е. изоморфныя между собою, выкристаллизуются смѣшанно и полученная смѣсь будетъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ сходство свойствъ болѣе. Напримѣръ, хлористый калій и азотнокаліевая (селитра) или сѣрнокаліевая соли не изоморфны между собою; поэтому, изъ смѣшаннаго раствора ихъ выдѣлятся отдѣльные кристаллы этихъ солей, въ той кристаллографической формѣ, какая свойственна каждой изъ нихъ. Наоборотъ, изъ смѣси различныхъ квасцовъ, т. е. двойныхъ сѣрно-кислыхъ солей щелочныхъ металловъ и глинозема или изоморфныхъ ему окисловъ, вслѣдствіе полной изоморфности ихъ, выдѣлятся кристаллы смѣшанные: въ каждомъ отдѣльномъ

кристаллѣ будутъ содержаться квасцы—и каліевые, и аллюминіевые, и хромовые и т. п., смотря по составу раствора. Известковый и магнезіальный шпаты выкристаллизовываются точно также смѣшанно; но такъ какъ, при большомъ сходствѣ этихъ солей, онѣ имѣютъ нѣкоторое отличіе другъ отъ друга въ кристаллографическихъ формахъ, то смѣшанные кристаллы представляютъ форму промежуточную. При ростѣ кристалловъ въ растворахъ, наблюдается то же самое явленіе: увеличеніе происходитъ только на счетъ тожественнаго или изоморфнаго вещества. Значитъ, въ кристаллахъ также присутствуетъ неизвѣстная сила, обладающая способностью какъ бы различать между составными частями даннаго матеріала. Пусть даже эта сила не одинакова съ тою, какая проявляется въ процессахъ выбора пищи и питанія организмовъ, но важно, что первая, при современномъ состояніи научнаго знанія, загадочна не менѣе послѣдней, почему эти силы и ихъ носители—кристаллы и организмы—не могутъ быть противополагаемы другъ другу, какъ естественное сверхъестественному.

Весьма сложный физіологическій актъ—размноженіе организмовъ—въ основѣ своей сводится къ одному общему для всего органическаго міра процессу—дѣленію. Среди одноклѣточныхъ организмовъ этимъ все дѣло размноженія и ограничивается: материнская клѣтка распадается на двѣ или большее количество себѣ подобныхъ, израсходываясь, такимъ образомъ, цѣликомъ на образованіе потомства. Въ организмахъ сложныхъ появленіе молодыхъ поколѣній предполагаетъ болѣе или менѣе длинный періодъ эмбріональнаго развитія. Но и здѣсь все основано на дѣленіи—сначала яйцеклѣтки, а затѣмъ ряда образующихся изъ нея поколѣній молодыхъ клѣтокъ, чѣмъ доставляется матеріалъ для формирующихся частей новаго организма. По своему виду и строенію молодыя клѣтки здѣсь также подобны материнской. Что же касается тѣхъ отличительныхъ особенностей, которыя наблюдаются между клѣтками, находящимися въ различныхъ мѣстахъ зародыша, то это уже дѣло послѣдующей дифференцировки, въ зависимости отъ неодинаковыхъ условій питанія, механическихъ и т. д., свойственныхъ различнымъ частямъ организма.

У кристалловъ процесса самопроизвольнаго дѣленія не существуетъ. Однако, если ихъ подвергать дѣйствію внѣшней силы, то онѣ распадутся на части, по своей формѣ точно также совершенно тождественныя между собою и съ разрушеннымъ кристалломъ, или очень близкія къ нему. Это зависитъ отъ того, что кристаллы, благодаря упомянутому выше свойству спайности, могутъ раскалываться не иначе, какъ по направленіямъ, параллельнымъ кристаллическимъ гранямъ. Что же здѣсь общаго съ организмами?—спроситъ читатель. Въ одномъ случаѣ дѣленіе самопроизвольное, а въ другомъ насильственное: развѣ это не діаметрально противоположныя явленія? На

первый взглядъ они дѣйствительно представляются такими, но въ дѣйствительности между ними нѣтъ глубокаго принципіальнаго различія. Главная причина дѣленія клѣтокъ заключается въ томъ обстоятельствѣ, что увеличеніе ихъ поверхности, при ростѣ, отстаетъ отъ увеличенія объема. Извѣстный геометрическій законъ говоритъ: въ то время какъ объемъ тѣла увеличивается въ кубѣ, поверхность его возрастаетъ въ квадратѣ. Представимъ себѣ простое, геометрически правильное тѣло—кубъ. Допустимъ, что каждое ребро его увеличилось въ 2 раза. Въ такомъ случаѣ, каждая сторона куба, т. е. значитъ вся поверхность его превзойдетъ первона-начальную въ 4 раза, между тѣмъ объемъ увеличится въ 8 разъ. Такое соотношеніе нарушается въ томъ только случаѣ, когда при ростѣ тѣла мѣняется его форма. Изложенный законъ имѣетъ мѣсто и при ростѣ клѣтокъ, при чемъ здѣсь онъ является неизбѣжною причиною дѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ организмовъ, въ отличіе отъ кристалловъ, увеличеніе тѣла происходитъ не путемъ внѣшнихъ наслоеній вещества, а усвоеніемъ его внутри организма или внутри каждой клѣтки. Здѣсь увеличеніе массы изнутри, а не извнѣ. Если же, при этомъ, поверхность растущихъ клѣтокъ увеличивается медленнѣе ихъ объема, то съ теченіемъ времени она неизбѣжно оказывается не въ состояніи удержать внутри себя всю накопившуюся массу вещества и какъ бы разрывается имъ, т. е. происходитъ дѣленіе ея. Конечно, эта причина дѣленія не единственная, но во всякомъ случаѣ она играетъ существенную роль. А отсюда слѣдуетъ, что произвольность размноженія клѣтокъ лишь кажущаяся, такъ какъ она сводится къ механическимъ причинамъ разрыва, дѣйствующимъ только не извнѣ, какъ при дѣленіи кристалла, а изнутри. Такимъ образомъ, и здѣсь оказывается, что противоположеніе организмовъ минераламъ въ той рѣзкой формѣ, какъ это обыкновенно дѣлается, съ признаніемъ въ одномъ случаѣ жизненной силы, а въ другомъ только естественныхъ силъ и законовъ природы,—на самомъ дѣлѣ не должно имѣть мѣста.

Исторія развитія организмовъ изучена до нѣкоторой степени только съ внѣшней стороны. На вопросы, почему за одною эмбріональною стадіей неуклонно слѣдуютъ въ опредѣленномъ порядкѣ другія,—въ настоящее время нѣтъ отвѣта. Поэтому, въ представленіи виталистовъ „жизненная сила“ и здѣсь имѣетъ громадное поле дѣятельности. Но, обращаясь къ минеральнымъ веществамъ, мы и здѣсь находимъ нѣчто подобное. Многія изъ нихъ изъ аморфнаго состоянія переходятъ въ кристаллическое и одну кристаллическую форму мѣняютъ на другую, т. е. тоже какъ бы подлежатъ процессу развитія. Относительно сѣры мы уже видѣли, что изъ аморфнаго состоянія она съ теченіемъ времени переходитъ въ кристаллы ромбической формы; а кристаллы призматическіе, образующіеся при быстромъ охлажденіи

расплавленной сѣры, со временемъ тоже видоизмѣняются въ ромбическіе. Минералъ барацитъ при накаливаніи обращается въ паръ; при остываніи онъ переходитъ въ жидкое состояніе, затѣмъ, затвердѣвая, кристаллизуется въ формѣ тетраэдрической геміедріи, а при 264° принимаетъ структуру, отвѣчающую ромбической моносимметрической системѣ. Этотъ метаморфозъ минеральныхъ формъ представляетъ, конечно, совершенно другой процессъ, по сравненію съ процессомъ эмбріональнаго развитія организмовъ. Но у нихъ есть одинъ общій пунктъ, именно,—невозможность, при современномъ состояніи знанія, объяснить: почему оба процесса происходятъ и какія силы тамъ и здѣсь дѣйствуютъ. И если въ одномъ случаѣ мысль, вдохновляемая непрекращающимися побѣдами ума человѣческаго надъ тѣмъ, что ранѣе казалось непостижимымъ, рѣшается признать исключительное господство однихъ только естественныхъ силъ и законовъ природы, то совершенно непослѣдовательно отказывать себѣ въ правѣ сдѣлать такой же шагъ и въ другомъ случаѣ, и обращаться къ какой-то сверхъестественной „жизненной силѣ“. Окружить непонятное явленіе ореоломъ таинственности значитъ—не объяснить его, а наоборотъ затмить, и затмить безпросвѣтно, не только для настоящаго, но и для будущаго времени.

За неимѣніемъ фактически подтвержденныхъ объясненій, мысль человѣческая временно довольствуется правдоподобными гипотезами. Для объясненія происхожденія органической жизни на землѣ, помимо участія какихъ-либо сверхъестественныхъ силъ, предложено нѣсколько гипотезъ. Одна, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ, именно гипотеза Пфлюгера представляется весьма вѣроятной. Изложимъ кратко ея содержаніе.

Исходнымъ пунктомъ для Пфлюгера служатъ химическія особенности живого и мертваго бѣлка. Они заключаются въ способности живого бѣлка къ самовозмѣщенію. Въ живой протоплазмѣ безпрерывно происходитъ процессъ разрушенія и возстановленія, чего нѣтъ въ бѣлкѣ мертвомъ (напр. въ куриномъ яйцѣ и т. п.). Въ основѣ этой разницы, несомнѣнно, лежитъ какое-либо различіе въ химической структурѣ. Подмѣтить послѣднее путемъ прямого анализа, повидимому, невозможно; живой бѣлокъ не можетъ подлежать химическому изслѣдованію, такъ какъ онъ умретъ прежде, чѣмъ изслѣдованіе будетъ доведено до конца. Но Пфлюгеръ косвеннымъ путемъ опредѣляетъ и эту разницу и то, какъ она создалась въ живомъ бѣлкѣ т. е. какъ образовался послѣдній.

Пфлюгеръ обращаетъ вниманіе на продукты распаденія, получаемые въ живомъ организмѣ, вслѣдствіе безпрерывнаго процесса горѣнія (дыханіе), а въ мертвомъ бѣлкѣ—при искусственномъ окисленіи. Не содержащіе азота

продукты въ обоихъ случаяхъ одинаковые: вода и углекислый газъ, азотистые же продукты въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ даже и отдаленнаго сходства. Живые бѣлки, распадаясь въ организмѣ, даютъ мочевую кислоту, мочевину, креатинъ, ксантинъ, гипоксантинъ и проч. Во всѣхъ этихъ продуктахъ имѣется группа ціана — непосредственное соединеніе углерода и азота (CN). Въ продуктахъ же окисленія мертваго бѣлка этой группы не содержится. Отсюда Пфлюгеръ дѣлаетъ заключеніе, что живой и мертвый бѣлокъ тѣмъ именно и отличаются, что въ первомъ есть ціанъ, а во второмъ его нѣтъ. Хотя углеродъ и азотъ присутствуютъ въ мертвомъ бѣлкѣ, но тамъ они не находятся въ непосредственной связи, что требуется для образованія ціана. Присутствіемъ этой группы Пфлюгеръ и объясняетъ жизненныя свойства живого бѣлка. Искусственное полученіе ціана и нѣкоторыхъ его соединеній, какъ ціанкали, ціанистаго аммонія, ціанистаго водорода, ціановой кислоты и проч. требуетъ большого количества теплоты: всѣ эти продукты образуются только при красно-калильномъ жарѣ. Это указываетъ на то, что ціановая группа обладаетъ большимъ запасомъ внутренней энергіи, которую и сообщаетъ живой бѣлковой частицѣ. Съ введеніемъ ціана, въ живое вещество вводится моментъ сильнаго внутренняго движенія, составляющаго главную особенность процесса самовозмѣщенія, т. е. вообще жизненныхъ проявленій. Всѣ процессы обмѣна, синтеза и разложенія веществъ сводятся на движеніе атомовъ, приводящее къ различнымъ комбинаціямъ ихъ между собою.

Исходя изъ условій искусственнаго полученія ціановой группы, Пфлюгеръ и предполагаетъ, что живой бѣлокъ, характеризующійся присутствіемъ этой группы, впервые образовался на землѣ тогда, когда она была цѣликомъ или отчасти въ огненно-жидкомъ или раскаленномъ состояніи. Высокая температура была естественною причиною самозарожденія организмовъ, помимо участія какихъ-либо сверхъестественныхъ силъ. Въ подтвержденіе этого Пфлюгеръ ссылается еще на то обстоятельство, что и другія составныя части бѣлка, каковы углеводороды, алкогольные радикалы и проч., равнымъ образомъ могутъ получаться въ лабораторіи синтетически при высокой температурѣ. „Можно видѣть, какъ всѣ данныя химіи въ высшей степени опредѣленно указываютъ на огонь, какъ на ту силу, которая путемъ синтеза произвела составныя части бѣлка. Жизнь, слѣдовательно, обязана своимъ происхожденіемъ огню и въ своей основѣ заложена въ то время, когда земля была еще раскаленнымъ огненнымъ шаромъ. Если теперь принять во вниманіе неизмѣримо длинный промежутокъ времени, въ теченіе котораго безконечно медленно шло остываніе земной поверхности, то будетъ ясно, что ціанъ и соединенія содержащія ціанистыя и углеводородистыя вещества, имѣли и время и возможность широко слѣдовать

своей большой склонности къ перемѣщенію и образованію полимеровъ, чтобы при участіи кислорода, а впослѣдствіи воды и солей, перейти въ тотъ саморазлагающійся бѣлокъ, который и есть живое вещество".

Гипотеза Пфлюгера вполнѣ правдоподобна и во всякомъ случаѣ стоитъ несравненно выше естественныхъ объясненій кристаллообразованія, которыя, какъ мы выше видѣли, совершенно не выдерживаютъ критики. Если бы даже исторія возникновенія жизни была и не такова, однако, самый фактъ возможности правдоподобныхъ объясненій чисто естественнымъ путемъ имѣетъ громадное значеніе. Вотъ примѣръ, разъясняющій это. О землетрясеніяхъ люди когда-то думали, что они производятся сверхъестественными силами. Теперь предложено нѣсколько научныхъ теорій, въ которыхъ причиною колебаній почвы считается — или сморщиваніе земли, являющееся результатомъ продолжающагося остыванія ея и затвердѣванія внутренней расплавленной массы, или обвалы въ подземныхъ пустотахъ, образующихся вслѣдствіе выщелачиванія водою растворимыхъ массъ, или же изверженіе вулканическихъ массъ. Быть увѣреннымъ, что то или другое землетрясеніе обязано той, а не иной изъ указанныхъ причинъ, и даже поручиться въ томъ, что оно не есть результатъ какихъ-либо другихъ невѣдомыхъ обстоятельствъ, при современномъ состояніи науки о землетрясеніяхъ, нельзя. Однако, самый фактъ существованія естественныхъ причинъ колебанія почвы, хотя бы и не достаточно объясняющихъ тотъ или другой частный случай, вполнѣ убѣждаетъ, что таинственнымъ сверхъестественнымъ силамъ здѣсь нѣтъ мѣста. Тоже и относительно происхожденія организмовъ. Пфлюгеръ указалъ одинъ изъ возможныхъ путей естественнаго возникновенія ихъ. Поручиться за то, что онъ именно имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности нельзя. Бывшія на нашей планетѣ, когда она находилась въ раскаленномъ состояніи и непосредственно за этимъ, условія слишкомъ отличны отъ теперешнихъ, чтобы о чемъ-либо, относящемся къ той эпохѣ, можно было говорить съ большою увѣренностью. Но разъ вполнѣ правдоподобное объясненіе для естественнаго возникновенія организмовъ существуетъ, то не за чѣмъ обращаться къ какой то „жизненной силѣ". Если не Пфлюгеромъ указанный процессъ имѣлъ мѣсто, то какой-либо другой естественный же, а не сверхъестественный.

Съ этой точки зрѣнія и неудачность попытокъ искусственнаго полученія живыхъ организмовъ теряетъ свое значеніе. Комбинація всѣхъ условій, имѣвшихъ мѣсто, на ряду съ высокой температурой, при первичномъ зарожденіи организмовъ, слишкомъ сложна для того, чтобы на нее легко можно было напасть случайно. Поэтому, неудачность попытокъ искусственнаго полученія организмовъ изъ мертвой матеріи ничего не говоритъ противъ принципіальной возможности такого полученія. Вотъ и для этого

примѣръ. Возьмемъ нѣсколько шаровъ и бросимъ ихъ на полъ. Шары покатятся и затѣмъ остановятся въ томъ или иномъ порядкѣ и разстояніи другъ отъ друга. Если, собравъ шары, мы затѣмъ снова начнемъ бросать ихъ на полъ, то, сколько бы разъ мы не повторяли этого опыта, почти нѣтъ вѣроятія за то, что шары когда либо займутъ тожественное съ первоначальнымъ положеніе. Для ихъ размѣщенія возможно почти безконечное количество случаевъ, почему въ соотвѣтствующей мѣрѣ маловѣроятна возможность повторенія первоначальныхъ положеній. Но отсюда конечно не слѣдуетъ того, что то или другое положеніе шаровъ, возстановить которое намъ не удается, было обязано вмѣшательству сверхъестественной силы. То же самое и относительно полученія организмовъ: случайно напасть на ту комбинацію условій, которая вызвала первоначальное зарожденіе ихъ весьма затрудительно и фактически (а не въ принципѣ) быть можетъ даже невозможно. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что оно и въ природѣ никогда не имѣло мѣста. Придать шарамъ первоначальное положеніе было бы легко, если бы при послѣдующемъ опытѣ не бросать ихъ всѣ вмѣстѣ на полъ, а взявши каждый изъ нихъ въ отдѣльности, положить на то мѣсто гдѣ онъ былъ ранѣе. По отношенію къ образованію организмовъ подобный случай могъ бы имѣть мѣсто тогда, если бы мы знали, какія условія были на землѣ во время возникновенія жизни и какъ они между собою комбинировались. Но такъ это намъ не извѣстно, то и опытъ искусственнаго полученія живой протоплазмы скорѣе напоминаетъ случай безпорядочнаго бросанія шаровъ, даже съ зажмуренными глазами, а не цѣлесообразнаго размѣщенія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Хотя попытки получить въ лабораторіи живую протоплазму не увѣнчались успѣхомъ, но за то удалось воспроизвести нѣкоторыя явленія изъ жизни простѣйшихъ на капляхъ различныхъ веществъ. Именно Румблеру, преимущественно на капляхъ хлороформа, удалось воспроизвести явленія принятія пищи, удаленія отбросовъ, образованія сократимыхъ вакуолей и раковинъ.

При захватываніи пищи амебами возможны два случая: или амеба обволакиваетъ пищевой комокъ своимъ тѣломъ или же втягиваетъ его въ себя. Если амеба имѣетъ дѣло съ длиннымъ и гибкимъ предметомъ напримѣръ съ нитчатою водорослью, то, захвативъ его, она складываетъ его внутри себя, даже свертываетъ въ клубочекъ. Румблеру удалось воспроизвести послѣднее явленіе. Опустивъ въ воду каплю хлороформа, онъ приводилъ ее въ соприкосновеніе съ ниточкой шеллака. Ниточка всасывалась

каплей и, подъ вліяніемъ растворяющей силы хлороформа, закручивалась внутри нея. Отсюда слѣдуетъ, что актъ свертыванія длинныхъ предметовъ внутри амебы есть результатъ физико-химическихъ отношеній, а не произвольнаго дѣйствія амебы. Чтобы воспроизвести удаленіе отбросовъ амебой, Румблеръ бралъ стеклянную нить, которую накрывалъ сверху слоемъ шеллака. Она втягивалась каплей хлороформа, но закручиванія ея, въ силу физическихъ свойствъ стекла, конечно, не получалось. Покуда шелъ процессъ растворенія шеллака въ хлороформѣ, нить удерживалась каплей; когда же этотъ процессъ оканчивался, она извергалась каплей, въ силу измѣнившихся условій сцѣпленія, такъ какъ сцѣпленіе между хлороформомъ и стекломъ менѣе, чѣмъ между стекломъ и водой. Удалось получить и явленія, напоминающія сократимыя вакуоли съ ихъ періодическою дѣятельностью. Если смѣшать касторовое масло съ глицериномъ и каплю такого вещества погрузить въ спиртъ, то капельки глицерина будутъ выходить на поверхность капли взятой смѣси, а потомъ наружу, при чемъ выхожденіе болѣе крупныхъ капелекъ будетъ сопровождаться ихъ разрывомъ. Капли хлороформа, погруженныя въ воду, образуютъ внутри себя легкую муть, состоящую изъ мельчайшихъ пузырьковъ. Пузырьки эти сливаются въ болѣе крупныя капельки, а эти послѣднія—въ одну большую каплю и выталкиваются наружу. Эти опыты аналогичны отдѣльнымъ стадіямъ въ дѣятельности сократимой вакуоли, именно: процессъ собранія отдѣльныхъ пузырьковъ жидкости въ одну большую каплю напоминаетъ процессъ образованія вакуоли, а выталкиваніе капелекъ—сокращеніе и опоражниваніе вакуоли. Наконецъ, Румблеру удалось воспроизвести явленіе образованія корненожками раковины изъ песчинокъ. Онъ бралъ смѣсь хлороформа и спирта съ мелко раздробленнымъ стекломъ и выпускалъ каплю хлороформа въ воду или каплю масла въ спиртъ. И въ томъ и другомъ случаѣ капли покрывались довольно правильно расположеннымъ слоемъ стеклянныхъ осколковъ, представляющихъ, по внѣшности, поразительное сходство съ названными раковинами. При этомъ, разнообразно манипулируя пипеткой, изъ которой выпускались капельки, а также измѣняя составъ капель и твердый матеріалъ, Румблеръ получилъ раковины весьма разнообразной формы, напоминающія раковины различныхъ видовъ корненожекъ.

Содержаніе опытовъ Румблера мы позаимствовали изъ прекрасной книги проф. В. Шимкевича: „Біологическія основы зоологіи". Поэтому и о значеніи этихъ опытовъ скажемъ словами названнаго автора, къ которымъ мы вполнѣ присоединяемся. „Допустимъ, что многія толкованія Румблера окажутся неточными или даже невѣрными. Согласимся, что во всѣхъ этихъ опытахъ мы имѣемъ дѣло съ отдаленнымъ подражаніемъ, съ маріонетками, изображающими живыхъ амебъ. Но все-таки значеніе этихъ опытовъ весьма

важное. Они показываютъ, что нѣкоторые процессы, кажущіеся столь загадочными, когда мы наблюдаемъ ихъ въ организмахъ, могутъ быть воспроизведены болѣе простыми средствами, имѣющимися подъ руками физика. Изученіе этихъ упрощенныхъ формъ явленій можетъ и должно повести къ разъясненію сложныхъ явленій, происходящихъ въ тѣлѣ высшаго организма. Этотъ путь плодотворный, могущій дать опредѣленные результаты. Объясненіе же этихъ явленій при помощи жизненной силы, таинственной и не поддающейся эксперименту,—путь безплодный и безнадежный“.

И. И. Полянскій.

Изъ русскихъ изданій.

Подвиги лубочниковъ и одинъ изъ проектовъ борьбы съ ними. „Астраханскій Вѣстникъ“ сообщаетъ нѣсколько поучительныхъ фактовъ изъ „дѣятельности“ такихъ лубочниковъ, какъ господа Земскіе и Сытины и другіе.

„Издавъ сборникъ стихотвореній „величайшихъ и знаменитѣйшихъ всероссійскихъ 3-хъ творцовъ нашихъ родныхъ поэтовъ“, г. Земскій дошелъ до такой необузданной дерзости, что въ этотъ же сборникъ помѣстилъ и свои стихотворенія, „лично имъ самимъ написанныя“, какъ онъ присовокупляетъ.

Одно изъ этихъ стихотвореній носитъ прелестнѣйшее названіе: „Стихъ любовно интимный, написанный А. М. Земскимъ“.

Ахъ, какъ спесивъ былъ бы я,
Поля, другъ мой, еслибъ ты
Мнѣ сказала бъ: я твоя,
И прильнувъ къ моей груди
На ней млѣя у меня
Въ страстной сладости любви.

Читатель, это глупое и пошлѣйшее стихотвореніе помѣщено въ собраніи сочиненій лучшихъ русскихъ поэтовъ. Можно ли итти дальше въ этомъ литературномъ мародерствѣ!

Г. Земскій самъ себя помѣщаетъ въ собраніе сочиненій „величайшихъ и знаменитѣйшихъ всероссійскихъ нашихъ родныхъ поэтовъ“, вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ проникаетъ въ народную среду и Земскій, и въ тысячахъ экземпляровъ расходится Пушкинъ съ г. Земскимъ, и чистый источникъ наслажденія поэзіей великихъ поэтовъ русскихъ грязнится и заражается безграмотными, невѣжественными, пошлыми стихотвореніями „самого“ Земскаго!

Въ „Сонникѣ“, изданномъ г. Сытинымъ, мы читаемъ:

„Укусить женщину—вѣрность, быть укушеннымъ кошкой—измѣна; собакой—ссора, воспоминаніе; женщиной—любовь.

А вотъ по части стихотворства, которымъ г. Сытинъ угощаетъ темный народъ:

„Сердце радостно весною
При семъ стихотвореньѣ
Что я, юноша младой,
Пишу пятое сочиненье.
Уже публика слыхала,
Что въ деревнѣ бѣдненькой я жилъ,
И чего въ стихахъ недоставало,
За то извиненія просилъ.
И при семъ я извиняюсь,
Спѣшу прощенія просить,
Такъ стихи пишу стараюсь,—
Желаю всѣмъ я заслужить.

Такой отвратительной литературной пищей кормятъ народъ гг. лубочные издатели. И какъ широко распространяется издаваемая ими литература—видно изъ огромныхъ оборотовъ лубочныхъ издателей. Годовой оборотъ Сытина на 1900 г. равнялся, напр., 1,220,000 руб., Земскій, Бриліантовъ дѣлаютъ ежегодно обороты до 100,000 руб.

Эти цифры свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ превосходно организованной и пользующейся огромнымъ успѣхомъ издательской дѣятельностью. Какъ велика зараза, распространяемая лубочными изданіями, видно изъ того, что, напр., упомянутый „Милордъ англійскій“ изданный Сытинымъ, расходится въ 15,000 экземпляровъ ежегодно, и не надо забывать, что каждую книжку, покупаемую бѣднымъ людомъ, прочитываютъ десятки, а то и сотни лицъ“.

И гдѣ же средства для борьбы съ этимъ растлѣвающимъ народную душу явленіемъ? Въ книжной организаціи издательской дѣятельности людьми, для которыхъ народное благо и народное развитіе не пустые звуки, не предлогъ для самой беззастѣнчивой эксплуатаціи темныхъ массъ? Да, конечно, но, вѣдь, въ томъ то и дѣло, что въ то время, когда Земскіе и Сытины пользуются полной свободой для своего возмутительнаго ремесла, люди иного направленія принуждены работать среди такой массы всевозможныхъ тормазовъ, о которые трудно не сокрушиться самой искренней готовности прійти на помощь „меньшому брату“... Зло это давно уже обратило на себя вниманіе нашего общества и нашей литературы, но корни его лежатъ слишкомъ глубоко, чтобы попытки борьбы съ нимъ дали ощутительные результаты. Тѣмъ не менѣе, попытки эти продолжаются. „Харьковскій Листокъ“ сооб-

щаетъ, что „Харьковское Общество распространенія въ народѣ грамотности“ получило отъ елецкаго предводителя дворянства А. А. Стаховича приглашеніе принять участіе въ борьбѣ съ лубочной литературой. Въ цѣляхъ этой борьбы, при московской губернской земской управѣ предполагается созвать съѣздъ, на который А. А. Стаховичъ и предлагаетъ о-ву избрать депутатовъ. Общее собраніе членовъ о-ва грамотности постановило уполномочить правленіе назначить на этотъ съѣздъ представителей“.

Конечно, идеѣ А. А. Стаховича можно пожелать лишь самаго полнаго успѣха. Не сомнѣваемся, что идею эту встрѣтятъ съ горячимъ привѣтомъ всѣ лучшіе русскіе люди, но достаточно ли этого для ея реализаціи въ жизни?

„Московское Общество взаимнаго вспомоществованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ“. Объ этомъ любопытномъ Обществѣ, уставъ котораго недавно утвержденъ правительствомъ, московскій корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Цѣль Общества, какъ показываетъ и его названіе, — взаимная помощь рабочихъ, какъ матеріальнаго характера, такъ и духовнаго. Перваго рода помощь удовлетворяется путемъ выдачи пособій нуждающимся членамъ, устройствомъ больницъ и пріютовъ, вторая — устройствомъ школъ, библіотекъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій.

И по буквѣ устава, и по его духу—Общество помогаетъ только своимъ дѣйствительнымъ членамъ и притомъ при соблюденіи извѣстныхъ условій.

Въ параграфѣ 35-мъ устава говорится, что пособія выдаются въ случаѣ смерти и болѣзни членовъ Общества и, что особенно важно, — во время безработицы. Но къ этому § имѣется такое примѣчаніе: „Въ случаѣ „безработицы“ пособія могутъ быть выданы дѣйствительнымъ членамъ и ихъ семействамъ лишь тогда, когда рабочій лишенъ возможности работать по совершенно независящимъ отъ него обстоятельствамъ, а не оставляетъ работу для пріисканія болѣе выгодныхъ занятій. Равнымъ образомъ рабочій не получаетъ пособій въ томъ случаѣ, если лишился заработка вслѣдствіе принятыхъ противъ него какихъ-либо административныхъ мѣръ“. Подобное требованіе устава обусловливаетъ наличность другого, а именно, для полученія пособія требуется не только желаніе рабочаго, но и представленіе въ совѣтъ Общества свидѣтельства отъ полиціи, удостовѣряющей неприкосновенность просителя къ причинамъ, создавшимъ „безработицу“. Дополненіемъ къ этимъ параграфамъ является недопущеніе въ среду Общества поднадзорныхъ рабочихъ, а также и временное освобожденіе отъ

обязательныхъ взносовъ только тѣхъ рабочихъ, которые лишатся работы „не по своей винѣ“, а по обстоятельствамъ, какъ сказано въ уставѣ, стоящимъ внѣ поведенія рабочаго или распоряженія о немъ административныхъ властей.

Что нужно разумѣть подъ безработицей, стоящей внѣ поведенія рабочихъ? На этотъ вопросъ отъ лицъ, состоящихъ въ числѣ учредителей Общества, пришлось получить отвѣтъ, что всякая безработица, дающая права на пособіе, будетъ опредѣляться самими рабочими, во всякомъ случаѣ, сюда не войдетъ тотъ родъ безработицы, который будетъ имѣть связь съ какой-либо агитаціей лицъ, не принадлежащихъ къ составу рабочихъ.

Интересны параграфы объ органахъ Общества.

Ихъ три: 1) общее собраніе, 2) правленіе и 3) ревизіонная комиссія.

Всѣ члены Общества являются съ правомъ голоса на общихъ собраніяхъ (за исключеніемъ малолѣтнихъ рабочихъ), но, тѣмъ не менѣе, составъ общихъ собраній не можетъ превышать 500 членовъ. Въ случаѣ превышенія этой цифры, общія собранія замѣняются собраніемъ уполномоченныхъ, кои избираются изъ числа дѣйствительныхъ членовъ отдѣльно для каждаго завода. Для этой цѣли составляются на данномъ заводѣ особыя выборныя собранія, которыя затѣмъ могутъ превратиться, согласно уставу, въ постоянно дѣйствующія филіальныя отдѣленія Общества. Управляются эти отдѣленія при посредствѣ особыхъ инструкцій, издаваемыхъ общимъ собраніемъ и утверждаемыхъ оберъ-полиціймейстеромъ.

Относительно постановленій и инструкцій общаго собранія надо замѣтить, что они представляются на одобреніе оберъ-полиціймейстера, который, въ случаѣ несогласія съ ними, вновь предлагаетъ ихъ на разсмотрѣніе общаго собранія рабочихъ.

Посторонняя публика на общія собранія не допускается. Въ уставѣ не предусмотрѣно относительно присутствія на общихъ собраніяхъ членовъ-соревнователей, но, вѣроятно, оное не воспрещается.

Къ числу важныхъ функцій общаго собранія является право „увольненія всего состава правленія“ и „разсмотрѣніе предложеній оберъ-полиціймейстера“.

Правленіе составляется изъ 8 членовъ, избирается на 1 годъ, причемъ и здѣсь составители не обошлись безъ оригинальнаго условія: общее собраніе избираетъ по уставу 12 кандидатовъ въ правленіе и представляетъ ихъ на благоусмотрѣніе оберъ-полиціймейстера, который утверждаетъ изъ нихъ по собственному выбору 8 лицъ. Параграфъ — никого ни отъ чего не предохраняющій, но способный привести къ взаимнымъ недоразумѣніямъ, особенно если принять во вниманіе право общихъ собраній— „увольнять“ правленіе.

Всѣ должностныя лица Общества точно также утверждаются администраціей.

Изъ другихъ параграфовъ устава отмѣтимъ слѣдующіе: дѣйствительными членами могутъ быть рабочіе обоего пола (интересно, что среди механическихъ рабочихъ никогда не было женщинъ). Служащіе и мастера никогда не могутъ быть дѣйствительными членами Общества, но имъ предоставлено право быть членами-соревнователями. Число послѣднихъ не ограничено ни составомъ, ни положеніемъ, ни поломъ, ни другими рамками. Могутъ быть ими всѣ, а нѣкоторыя категоріи профессіональной интеллигенціи, какъ врачи, фабричные инспектора и чины полиціи, могутъ быть приняты въ члены-соревнователи даже безъ взносовъ, въ случаѣ оказанія Обществу безвозмездныхъ услугъ. Дѣйствительные члены раздѣляются на два разряда: въ первомъ разрядѣ вносятъ по 12 р. въ годъ (ежемѣсячно 1 р.), во второмъ — 6 р. (ежем. — 50 к.) и кромѣ того, вступные—2 и 1 р. Старше 50-лѣтняго возраста не принимаются въ дѣйствительные члены. Пріемъ въ дѣйствительные члены производится по рекомендаціи двухъ членовъ правленія, которые докладываютъ объ этомъ общему собранію.

Члены-соревнователи вносятъ ежегодно 5 р. и точно также избираются правленіемъ Общества.

Не принятые въ число членовъ рабочіе могутъ жаловаться на правленіе въ общее собраніе.

Взносы производятся добровольно, но не путемъ вычета изъ заработной платы. Безвозвратныя пособія даются сряду только на 2 мѣсяца, въ размѣрѣ 11 руб. въ мѣсяцъ для перваго разряда и 5 р. 50 к. для второго. Общее собраніе можетъ продлить срокъ выдачи пособій.

Детали дѣйствій Общества опредѣляются инструкціями, такъ что полная физіономія новорожденнаго Общества можетъ опредѣлиться лишь черезъ нѣкоторое время".

Пермскій пріютъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Подобнаго рода учрежденія имѣютъ, какъ извѣстно, въ своемъ основаніи глубоко гуманную идею. Но, какъ и многое другое, происходящее на нашей родинѣ, практика пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, благодаря общимъ условіямъ нашей жизни, безконечно далека отъ воплощенія положенной въ основаніе пріютовъ идеи, и учрежденія эти проникаются тѣмъ „казеннымъ" направленіемъ, тою погонею за формою, а не содержаніемъ дѣла, которыя составляютъ характернѣйшія черты, — выражаясь словами Бѣлинскаго, — „рассейской дѣйствительности". Гуманность

превращается при этихъ условіяхъ въ ея „прямую противоположность“. Всѣ эти мысли невольно приходятъ въ голову при чтеніи помѣщенной въ газетѣ „Пермскій Край“ интересной замѣтки подъ заглавіемъ „Уставъ и практика“. Уставъ Пермскаго пріюта для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ гласитъ, что цѣлью этого учрежденія поставляется „посредствомъ *нравственно-воспитательнаго вліянія* служебнаго персонала, а равно учебныхъ занятій, привить дѣтямъ здоровыя привычки къ труду, сообщить профессіональныя знанія и такимъ путемъ подготовить ихъ къ честной жизни“. Проступки воспитанниковъ караются, согласно устава, извѣстными наказаніями, но,—говоритъ авторъ цитируемой замѣтки,—„по духу устава наказанія могутъ быть назначаемы съ крайней осторожностью, только за дѣйствительные проступки; главную же роль играетъ нравственное воздѣйствіе воспитателей, проникнутыхъ любовью къ дѣтямъ“. Таковъ уставъ, но далеко не такова практика. „Наказанія, — говоритъ тотъ же авторъ, — разсыпаются направо и налѣво щедрой рукой; назначаются и за проступки и за обычныя шалости, безъ которыхъ немыслимо представить себѣ ребенка, и даже просто ни за что, по капризу директора, воспитателей и дядекъ“. Авторъ приводитъ далѣе въ высшей степени характерные факты, основанные, очевидно, на первоисточникахъ. Вотъ эти факты.

„Мальчикъ Василій Д. 15 октября провелъ ночь въ карцерѣ за „невнимательность къ топкѣ печей“ и 30 октября за тоже оставленъ безъ чаю и сахару на недѣлю; 7 декабря—безъ чаю и сахара на 3 дня за то, что сжегъ рукавицы (очевидно при топкѣ печей); кромѣ того былъ оставленъ „безъ рукавицъ до 15 декабря“. Это зимою-то! при необходимости работать подъ открытымъ небомъ! Оставался онъ и „безъ пирога“ за „недосмотръ за грядою, которая поросла травой“, и безъ чаю „за неряшливость“, и „безъ курточки на двѣ недѣли за то, что работалъ въ ней“.

Яковъ Некрасовъ, разорвавшій брюки, *оставленъ „безъ суконныхъ брюкъ съ 8 по 29 ноября“*, т. е. въ теченіе трехъ недѣль и притомъ въ разгаръ зимы, когда и въ суконныхъ-то брюкахъ холодно. Тотъ же Некрасовъ 4 мая оставленъ безъ ужина за то, что *выпрягъ лошадь раньше, чѣмъ слѣдовало*, и однажды (21 января) остался безъ вечерняго чая и ужина, т. е. легъ спать голодный послѣ цѣлаго рабочаго дня. Какой же проступокъ вызвалъ это наказаніе? Шалость, выразившаяся въ томъ, что Яковъ *разбилъ себѣ губу и зубы.* Въ карцерѣ Яковъ просидѣлъ 250 час. въ теченіе 10 мѣсяцевъ.

Прослѣдимъ съ октября по февраль жизнь въ пріютѣ воспитанника Михаила Зеленина. Въ октябрѣ онъ оставленъ дядькою безъ чаю за грубость и отсидѣлъ въ карцерѣ 18 часовъ *„за самолюбіе“*; въ ноябрѣ отсидѣлъ 5½ дней въ карцерѣ за непослушаніе и неисполненіе приказа-

ній дядьки; въ январѣ оставался безъ чаю „за порчу доски“ и безъ рыбы за обѣдомъ „за небрежное исполненіе работы“, а „за ослушаніе приказаній воспитателя“ отсидѣлъ въ карцерѣ ночь на субботу, субботу весь день и воскресенье до 11 час. ночи. Февраль былъ особенно тяжелъ для мальчика: 4 февраля онъ былъ оставленъ „безъ бѣлаго хлѣба“ *за смѣхъ въ церкви*, съ 20 по 27 — безъ кваса и съ 20 февраля по 7 марта безъ чаю и сахара. Кромѣ того 21 февраля былъ посаженъ въ карцеръ на трое сутокъ.

Федоръ Нисковскихъ 25 октября отсидѣлъ въ карцерѣ ½ часа утромъ и всю ночь за ослушаніе, выразившееся въ томъ, что онъ *отказался принять лекарство*. Вѣроятно, лекарство предлагалось мальчику потому, что онъ былъ боленъ, а стало быть *былъ посаженъ въ карцеръ на всю ночь больной*. Тому же Федору Н., посаженному въ карцеръ 21 іюля, было прибавлено *три дня* высидки *„за веселое сидѣнье въ карцерѣ“*. 18 ноября онъ потерялъ рукавицы и въ наказаніе за это осужденъ *ходить безъ рукавицъ*.

Александръ Першинъ въ ноябрѣ и декабрѣ отсидѣлъ въ карцерѣ въ общемъ 4 дня и 6 ночей „за непослушаніе“, за *„несимпатичное обращеніе* съ товарищемъ“, „за грубость“ и за *„шалость языка“*; за это же время нѣсколько дней былъ безъ чаю и ужина.

Яковъ Брусницынъ 22 января былъ оставленъ безъ каши за то, что *„обратился на ты къ дядькѣ“*.

Петръ Брусницынъ 21 января былъ „безъ пирога, безъ вечерняго чаю и ужина“, т. е. иными словами голодалъ весь день. Какой же страшный проступокъ совершилъ онъ? *Поломалъ по неосторожности стекло у лампы и разбилъ тарелку*.

Андрей Прокопьевъ оставленъ безъ чаю *на недѣлю* за поломку изъ шалости рѣшетки у печи; отсидѣлъ ночь въ карцерѣ и оставленъ на недѣлю безъ сахара за то, что взялъ у воспитателя папиросу; Николай Сафоновъ двѣ недѣли былъ безъ чаю, сахара и булокъ *за порчу рубашки*, отсидѣлъ ночь въ карцерѣ *за небрежность въ одеждѣ* и, наконецъ, лишился чаю *на недѣлю* за то, что *своевременно не заявилъ, что боленъ чесоткой*.

Трудно перечислить рядъ наказаній, сыплющихся на головы воспитанниковъ по самымъ незначительнымъ поводамъ. Чтобы не утомлять читателя, укажемъ еще только на такіе характерные примѣры. Гаврило Алекинъ 11 марта оставленъ безъ чаю за *злую улыбку на молитвѣ*; Афанасій Поповъ—18 февраля — на 8 дня безъ чаю *за неумѣнье титуловать Государя Императора* и Егоръ Дерюшевъ оставленъ 21 марта безъ чаю вечеромъ и 23 марта — утромъ *за неумѣстныя слезы, вызванныя самосожалѣніемъ“*.

Таково это, преслѣдующее гуманныя цѣли учрежденіе... Нельзя поэтому не согласиться съ авторомъ замѣтки, оканчивающимъ ее такими словами:

„Въ результатѣ положеніе дѣтей въ пріютѣ гораздо тяжелѣе положенія взрослыхъ преступниковъ въ тюрьмѣ, хотя-бы уже потому, что взрослый за преступленіе отсиживаетъ въ тюрьмѣ 1/2 года, много годъ, мальчикъ-же часто остается въ пріютѣ на 3—5 лѣтъ. Взрослый можетъ постоять за себя даже въ тюрьмѣ, посѣщаемой отъ времени до времени прокурорскимъ надзоромъ; мальчикъ въ пріютѣ—совершенно беззащитенъ.

Достигается-ли при такихъ условіяхъ цѣль, которая имѣлась въ виду при учрежденіи пріюта? Едва-ли.

Ребенокъ болѣе чутокъ ко всякой несправедливости, ко всякой жестокости, чѣмъ взрослый, и установленный въ пріютѣ режимъ не можетъ дѣйствовать на него благотворно, а скорѣе всего способенъ озлобить“.

Пушкинскій музей въ Парижѣ. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена нижеприводимая интересная замѣтка въ газетѣ „Приднѣпровскій Край“.

„Врядъ ли многимъ русскимъ, не только постоянно живущимъ въ своемъ отечествѣ, но и посѣщающимъ Парижъ, извѣстно, что здѣсь, въ центрѣ столицы міра, есть уголокъ, въ которомъ находятся цѣнныя реликвіи русской литературы, коллекція вещей, принадлежащихъ Пушкину, и собрано возможно все, что было написано и продолжаетъ появляться о великомъ поэтѣ, а также вещи, посвященныя его памяти.

Въ Елисейскихъ поляхъ, въ № 25 улицы de Marignan, находится небольшая квартира А. Ѳ. Онѣгина, которую въ Парижѣ, среди членовъ русской колоніи, зовутъ музеемъ. Болѣе подходящаго имени трудно придумать. Двѣ комнаты, занимаемыя А. Ѳ., представляютъ изъ себя именно музей глубокаго интереса.

Г. Онѣгинъ съ любовью показываетъ посѣтителю свои сокровища, главнѣйшія изъ которыхъ составляютъ папки съ собственноручными рукописями Пушкина, напримѣръ, подлинникъ цѣликомъ рукой поэта написанной поэмы „Графъ Нулинъ“.

Перечислить то, что содержатъ въ себѣ всѣ папки, число которыхъ довольно значительно, трудно, скажу только,—пишетъ г. Сухонинъ въ послѣдней книжкѣ „Вѣст. Всемір. Исторіи“,—что въ нихъ находится далеко не мало строкъ великаго поэта, которыя совершенно неизвѣстны публикѣ, такъ какъ еще ни разу не появлялись въ печати. Время отъ времени А. Ѳ. Онѣгинъ дѣлится тайной своего богатства, и на страницахъ журналовъ появляются выдержки изъ документовъ, у него хранящихся; къ сожалѣнію, это рѣдко происходитъ.

Кромѣ рукописей Пушкина, у А. Ѳ. хранится значительное количество подлинниковъ бумагъ другихъ лицъ—въ большинствѣ случаевъ близкихъ къ Пушкину. Въ „музеѣ" имѣется значительное число рукописей и писемъ Жуковскаго, въ числѣ которыхъ одно чрезвычайно цѣнное и, кажется, нигдѣ не напечатанное, съ содержаніемъ результата порученной Жуковскому разборки, вмѣстѣ съ генераломъ Дубельтомъ, тотчасъ же послѣ смерти Пушкина, бумагъ поэта и донесеніе объ этомъ императору Николаю I.

Я не имѣю разрѣшенія А. Ѳ. Онѣгина, потому и не считаю себя вправѣ передавать содержаніе этой цѣнной по своему содержанію бумаги, характеризующей благородство взглядовъ и честныхъ убѣжденій, открыто высказываемыхъ Жуковскимъ императору. Жуковскому же принадлежитъ большая, съ начала и до конца его рукой исписанная черновая тетрадь и т. д.

Я вынесъ убѣжденіе изъ бѣглаго сдѣланнаго мною просмотра всѣхъ папокъ коллекціи, что никакое собраніе сочиненій Пушкина не будетъ имѣть права называться „полнымъ", если для него не будетъ цѣликомъ использовано все то, что хранится въ „музеѣ" г. Онѣгина.

У А. Ѳ. имѣется очень богатая коллекція всевозможныхъ изданій сочиненій Пушкина, въ числѣ которыхъ есть въ настоящее время очень рѣдкія и цѣнныя; кромѣ того, представляетъ большой интересъ Pouschkiniana—собраніе, насколько возможно, всего, что писалось о Пушкинѣ, на различныхъ языкахъ, вещей, такъ или иначе связанныхъ съ воспоминаніемъ о поэтѣ. Въ краткой замѣткѣ трудно перечислить ихъ, для этого пришлось-бы составлять обширный каталогъ.

Кромѣ сказаннаго, г. Онѣгинъ владѣетъ большой коллекціей портретовъ русскихъ писателей, снятыхъ въ разное время, письмами Тургенева, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, вещами, принадлежавшими Пушкину, Лермонтову, Жуковскому, Гоголю, Тургеневу и др., иногда представляющими изъ себя уники. Многія вещи и изданія пріобрѣтены г. Онѣгинымъ за границей, такимъ образомъ, цѣнности не вывезены изъ Россіи, а, такъ сказать, ожидаютъ возвращенія.

Остается пожалѣть, что это собраніе, составляющее частную собственность, недоступно не только массѣ русской публики, но и остается неизвѣстной для пріѣзжихъ. Можно искренно пожелать, чтобы манускрипты, принадлежащіе г. Онѣгину, въ возможно скоромъ времени были напечатаны и хранились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они стали-бы доступными обозрѣнію публики.

Посѣщеніе „Пушкинскаго музея", при любезномъ гостепріимствѣ А. Ѳ. Онѣгина, производитъ глубокое и отрадное впечатлѣніе, сознаніе, что далеко на чужбинѣ русскими свято чтится память великаго поэта и корифеевъ нашей литературы".

О портретѣ Л. Н. Толстого. Нѣкоторымъ гласнымъ Тульскаго губернскаго земскаго собранія, Чернскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Сухотинымъ, сдѣлано слѣдующее предложеніе „XXXVII тульскому очередному губернскому земскому собранію. Съ недавняго времени отъ губернскаго земства открытъ складъ, въ коемъ продаются предметы первой необходимости и, между прочимъ, въ числѣ первой необходимости продаются и портреты выдающихся дѣятелей, но, къ сожалѣнію, не всѣхъ дѣятелей, а почему-то особенно излюбленныхъ, какъ-то гр. Л. Н. Толстого Чехова, Максима Горького и имъ подобныхъ. Не отвергая вообще пользы въ ознакомленіи населенія съ выдающимися дѣятелями, работавшими и работающими на пользу „малыхъ сихъ", вообще родины въ духѣ православія и самодержавія, т. е. въ духѣ общегосударственной пользы, я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы гр. Толстой, какъ прославившійся за послѣднія 15—20 лѣтъ своей литературной дѣятельностью въ духѣ антиправославія и самодержавія, могъ бы быть признаннымъ такимъ полезнымъ дѣятелемъ, чтобы являлась потребность въ сохраненіи памяти о немъ не только среди „малыхъ сихъ", но даже и среди интеллигенціи, не проникнутой пока еще бѣсовской гордыней, слѣпо и свято чтущей свою православную вѣру со всѣми ея обычаями и обрядностями, интеллигенціи, каковой, во всякомъ случаѣ значительно больше сравнительно съ интеллигенціей, проникнутой бѣсовскою гордынею своего учителя—гр. Толстого. Спрашивается, можно-ли признать слѣдующія сочиненія гр. Толстого достойными памяти: „Власть тьмы", т. е. сплошную ложь на крестьянскую жизнь автора, только кажущагося народолюбцемъ, такъ какъ картинъ, какія онъ выводитъ въ своемъ произведеніи, никто изъ живущихъ въ деревнѣ никогда не видалъ. „Воскресеніе"—полную ложь и кощунственное издѣвательство надъ всѣмъ святымъ, что чтитъ и во что вѣруетъ многомилліонный русскій народъ; „Крейцерову сонату"—поученіе къ полнѣйшему разврату; ученіе о непротивленіи злу, ведущее къ анархіи; кощунственный протестъ противъ Св. Синода? Можно-ли признать достойнымъ памяти того человѣка, который нашею Верховною властью признанъ не принадлежащимъ къ церкви, который по правиламъ церкви долженъ быть предаваемъ анаѳемѣ? По моему, нѣтъ. Подобный человѣкъ не можетъ быть признанъ за такого дѣятеля народнаго. о которомъ желательно было бы сохраненіе памяти, такъ какъ какую назидательную память можетъ оставить по себѣ гр. Толстой для будущаго и настоящаго, неиспорченнаго еще поколѣнія? Думаю, что всякій, любящій свою родину, искренно долженъ по совѣсти отвѣтить: самую зловредную память. Такъ какимъ же образомъ мы, вѣрные защитники самодержавія и православія и вѣрные слуги нашего Царя и своей родины, можемъ допустить, чтобы нашъ магазинъ служилъ бы пособникомъ пропагандиро-

ванія среди „малыхъ сихъ“ памяти не только имени гр. Толстого, но еще портрета его, т. е. того, который желалъ развратить „малыхъ сихъ“ и котораго, слава Богу, большинство не видало, да и не желаетъ видѣть своего оскорбителя?

Мнѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“ о желательныхъ мѣропріятіяхъ въ строѣ высшихъ учебныхъ заведеній.
„Московскія Вѣдомости“ указываютъ на тотъ фактъ, что со времени вступленія покойнаго Н. П. Боголѣпова на постъ министра народнаго просвѣщенія постъ этотъ сталъ боевымъ. „Какъ объяснить себѣ эту странную аномалію?—восклицаетъ газета. Развѣ постъ министра народнаго просвѣщенія не является мѣстомъ самой мирной и покойной государственной службы? Развѣ предшественникъ Н. П. Боголѣпова, добрѣйшій графъ И. Д. Деляновъ, не наслаждался этимъ миромъ и покоемъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ какой-либо другой изъ прежнихъ министровъ народнаго просвѣщенія, не дѣлая даже тѣхъ уступокъ „общественному мнѣнію“, на которыя готовъ былъ итти Н. П. Боголѣповъ? Почему же съ появленіемъ его во главѣ министерства положеніе министра такъ рѣзко измѣнилось и изъ мирнаго сдѣлалось боевымъ? Почему „общественное мнѣніе“ возгорѣлось противъ него такимъ агрессивнымъ характеромъ и довело дѣло до той катастрофы, которая разразилась надъ этимъ вѣрнымъ исполнителемъ своего долга?

Вопросы эти могутъ озадачить только тѣхъ лицъ, которыя не имѣютъ яснаго представленія объ истинномъ характерѣ того студенческаго движенія, которое, въ сущности, никогда не прекращаясь въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, внезапно проявилось съ такою стремительною силой при Н. П. Боголѣповѣ. Тотъ, кто ближе слѣдитъ за всѣми фазисами этого движенія, никогда не сомнѣвался въ томъ, что оно лишь по внѣшнему своему облику казалось вызваннымъ чисто-академическими причинами, но что на самомъ дѣлѣ оно, по существу своему, являлось движеніемъ политическимъ и входило въ систему той весьма разнообразной по своимъ средствамъ пропаганды, которую давно уже ведутъ „какъ внутренніе, такъ и внѣшніе враги Россіи“ противъ ея государственнаго и общественнаго строя.

Пропаганда эта временами усиливалась, временами утихала, въ зависимости отъ различныхъ явленій во внутренней и внѣшней жизни Россіи. Но всякое усиленіе ея всегда выражалось въ бурливомъ броженіи нашей учащейся молодежи“.

Въ виду того, что студенческія волненія „сдѣлались у насъ явленіемъ

хроническимъ въ теченіе уже многихъ десятилѣтій“, газета констатируетъ тотъ фактъ, что „волненія эти отвлекаютъ правительственныя власти отъ производительной работы не только въ области народнаго просвѣщенія: они въ значительной мѣрѣ могутъ парализовать ихъ дѣятельность и въ другихъ областяхъ, заставляя ихъ сосредоточивать свое исключительное вниманіе на поведеніи учащейся молодежи, пріобрѣтающей, такимъ образомъ, значеніе государственное, а слѣдовательно политическое“.

Въ такомъ положеніи вещей виновато, по мнѣнію газеты, наше „общество“. „И дѣйствительно, кто изъ насъ не помнитъ—восклицаютъ „Моск. Вѣдомости“,—на чьей сторонѣ стояло „общественное мнѣніе“ въ 1899 г., когда наши смутьяны нашли своевременнымъ организовать, въ цѣляхъ своей пропаганды, студенческія волненія въ новыхъ широкихъ размѣрахъ?

„Грубое насиліе безпокойнаго меньшинства студентовъ“ находило себѣ сочувствіе и въ нашемъ „интеллигентномъ“ обществѣ, и въ нашей „либеральной“ печати, возмущавшейся тѣмъ, что министръ народнаго просвѣщенія не исполняетъ программы требованій бушевавшихъ студентовъ. Ослѣпленіе „общества“ доходило до того, что, когда министръ палъ жертвой всей этой безумной агитаціи, лишь немногіе признали безукоризненность его характера и поведенія, а большинство не скрывало своего убѣжденія, что онъ сāмъ-де былъ виновенъ въ постигшемъ его злодѣйскомъ ударѣ!! Сѣятели политической смуты торжествовали: „общество“ стояло на ихъ сторонѣ“.

На этомъ основаніи газета считаетъ, что возвращеніе къ системѣ Н. П. Боголѣпова было бы лучшимъ изъ мѣропріятій по университетскому вопросу... Этимъ же вопросомъ занялся и „Гражданинъ“. „Всякій, кому дороги судьбы нашей отчизны и жизнь нашихъ дѣтей, пишетъ въ одномъ изъ своихъ мартовскихъ дневниковъ князь Мещерскій, долженъ согласиться со мною въ томъ, что не учебная реформа главный вопросъ, а устраненіе тѣхъ убійственныхъ условій, при которыхъ растутъ, учатся, развиваются физически и нравственно тысячи молодыхъ жизней, и благодаря которымъ, совершенно искусственно, какъ цвѣты или плоды безъ солнца и чистаго воздуха дозрѣваютъ эти жизни въ наружныхъ видахъ, но внутри не имѣютъ ни желѣза въ крови, ни воли въ душѣ, ни знаній въ памяти, ни порядка въ головѣ, ни любви въ сердцѣ. Надо рѣшиться на измѣненіе этихъ условій во что бы то ни стало, и *соединять нищету съ ученіемъ надо признать невозможнымъ*. И чего бы это ни стоило, но надо воспитывать и учить нуждающееся юношество какъ можно болѣе—на чистомъ воздухѣ деревенскаго простора и какъ можно менѣе—въ духотѣ и въ міазмахъ столицы.

Но затѣмъ надо еще другое. У насъ есть цѣлое, почти на правахъ

министерства, *обширное вѣдомство тюремное*. Мнѣ кажется, что на немъ лежитъ обязанность примѣняться къ новымъ предъявляемымъ къ нему жизненнымъ потребностямъ. Мнѣ кажется, что не одно и то же—случайное увеличеніе количества мошенниковъ и воровъ, вызывающее въ тюремномъ вѣдомствѣ заботу, кое-какъ потѣснившись, увеличить помѣстительность тюремныхъ помѣщеній и случайное увеличеніе арестуемыхъ за уличные безпорядки учащихся молодыхъ людей, ибо духовная жизнь этихъ двухъ категорій арестуемыхъ совсѣмъ иная: арестуемаго мошенника тюрьма не испортитъ и не исправитъ, но арестованнаго юнца тюрьма при одинаковыхъ условіяхъ съ мошенниками, можетъ, во-первыхъ, ухудшить нравственно и, во всякомъ случаѣ, она будетъ мѣшать заключенію дѣйствовать на арестованнаго успокоительно. Сколько я слышалъ, ихъ режимъ,—совсѣмъ противоположный тому, который былъ бы желателенъ: ихъ кормятъ лучше, чѣмъ ѣдятъ ихъ сторожа, но они лишены чистаго воздуха. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ для арестуемыхъ учащихся устраивать за городомъ, опять таки на чистомъ просторѣ деревенскаго воздуха, арестные дома или колоніи съ простою здоровою пищею, съ работами на воздухѣ, съ чтеніемъ и давать имъ проходить черезъ благотворное дѣйствіе чистаго воздуха, полезныхъ и здоровыхъ работъ, назидательнаго чтенія, и многіе выйдутъ изъ такихъ тюрьмъ улучшенными и отрезвившимися“.

Ходатайство о высшемъ образованіи женщинъ. „Новости Дня“ сообщаютъ, что недавно „московское Общество улучшенія участи женщинъ представило министру народнаго просвѣщенія ходатайство, въ которомъ говорилось, что Общество улучшенія участи женщинъ, стремясь исполнить свое назначеніе—поднять духовный уровень женщины,—обращается съ покорнѣйшей просьбой принять въ соображеніе интересы и нужды женщины, при совершаемой великой реформѣ нашей системы образованія. Запросы русской женщины на высшее образованіе удовлетворялись до сихъ поръ лишь ограниченно и скудно; временно открывшіеся въ столицахъ и другихъ университетскихъ городахъ высшіе женскіе курсы не давали полнаго систематическаго образованія. И въ этой формѣ они отвѣчали запросамъ лишь небольшой части женщинъ, стремящихся къ духовному развитію; большинство, для пополненія образованія, принуждено покидать отечество и переселяться за границу. Таковы условія, въ которыя женщина поставлена у насъ съ половины XIX вѣка—эпохи, когда и у насъ, и во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странахъ она стала сознавать свои права на равное съ мужчиной образованіе. Нельзя не замѣтить, что подобное неравенство въ правѣ пріобрѣтенія знаній противорѣчитъ какъ отвлеченному

понятію справедливости, такъ и духу русскихъ законовъ. И въ настоящее время,когда постепенно расширяется область примѣненія женскаго труда, пробѣлъ въ умственномъ развитіи женщины ощущается все болѣе и болѣе, отражаясь на матеріальномъ ея благосостояніи. Какъ гражданка, какъ семьянинка и воспитательница, женщина въ такой же степени, какъ и мужчина, нуждается въ основательномъ систематическомъ образованіи, которое можетъ дать только университетъ; и въ такой же степени имѣетъ на него право. Право это признается въ наше время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра, отворившихъ передъ женщиной двери своихъ университетовъ.

Общество улучшенія участи женщины, заботясь о духовномъ развитіи русской женщины, проситъ о предоставленіи ей равнаго съ мужчиной права на высшее образованіе. Оно проситъ, чтобы ей дана была возможность пополнять кругъ своихъ знаній въ Россіи, не покидая своей родины и своей семьи, не эмигрируя въ чужія страны. И для этого оно проситъ, чтобы ей открыли доступъ въ русскій университетъ. Предоставленное по справедливости равное право на высшее образованіе дастъ женщинѣ возможность лучше исполнять свои обязанности по отношенію къ семьѣ, къ обществу и государству".

По этому же поводу „Русское Слово" сообщаетъ слѣдующее: ходатайство московскаго „Общества улучшенія участи женщины" о допущеніи въ русскіе университеты подлежащими сферами не удовлетворено. Отклонено также и другое ходатайство общества—о разрѣшеніи ему издавать спеціальный журналъ, посвященный вопросу о борьбѣ съ проституціей".

Быстро сбывшееся пророчество. Читатели, конечно, помнятъ напечатанную вь февральской книжкѣ нашего журнала блестящую рѣчь въ Воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи Н. Ф. Бунакова о тѣхъ гибельныхъ для нравственности дѣтей послѣдствіяхъ, которыя должны имѣть мѣсто отъ введенія пресловутыхъ сберегательныхъ марокъ. Пророчество это уже оправдалось. Вотъ что сообщаетъ объ „успѣхѣ" марокъ въ харьковскихъ школахъ газета „Южный Край". „Ученики очень часто даже отказываются отъ завтрака, а пріобрѣтаютъ на полученныя для его покупки отъ родителей деньги сберегательныя марки. Марки расходятся во многихъ учебныхъ заведеніяхъ до того быстро, что учебное начальство не успѣваетъ ихъ пріобрѣтать. Въ начальныхъ училищахъ каждый ученикъ старается пріобрѣсти ихъ хоть на нѣсколько копеекъ. Со стороны родителей приходится часто слышать жалобы на то, что дѣти у нихъ постоянно выпрашиваютъ хоть „пятачекъ", чтобы пріобрѣсти марокъ. Ученики разсказываютъ,

что въ классахъ производится мѣновая торговля марками или ведутся различныя игры (въ перышки, крестики и т. п.) на марки".

Н. Ф. Бунаковъ предвидѣлъ именно это, опасался этого и горячо возставалъ, во имя народной нравственности, противъ именно тѣхъ послѣдствій отъ сберегательныхъ марокъ, которыя такъ быстро уже сказались на дѣлѣ.

Воспоминанія священника Образцова. „Новости" заимствовали изъ „Терскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" весьма интересныя воспоминанія священника Образцова о знаменитомъ духовникѣ Гоголя о. Матвѣѣ Константиновскомъ, заставлявшемъ, какъ извѣстно, великаго писателя „отречься отъ Пушкина".

„Въ 1855 или 56 г., разсказываетъ г. Образцовъ, мнѣ съ покойнымъ теперь сыномъ о. Матѳея пришлось присутствовать при разговорѣ о. Матѳея съ Т. И. Филипповымъ,—разсказываетъ г. Образцовъ.—По словамъ о. Матѳея, въ то время, во время знакомства его съ Гоголемъ, Гоголь былъ не прежній Гоголь, а больной, совершенно больной человѣкъ, изнуренный постоянными болѣзнями, цвѣтъ лица былъ землистый, пальцы опухли, вслѣдствіе тяжкихъ продолжительныхъ страданій, художественный талантъ его угасалъ и даже почти уже угасъ, это чувствовалъ Гоголь; и къ страданіямъ тѣла присоединились внутреннія страданія. Старость надвигалась, силы ослабѣли, и особенно сильно преслѣдовалъ его страхъ смерти. Въ такомъ состояніи невольно возбуждается мысль о Богѣ, о своей грѣховности. „Онъ искалъ умиротворенія и внутренняго очищенія".

— Отъ чего-же очищенія?—спросилъ Тертій Ивановичъ.

— Въ немъ была внутренняя нечистота.

— Какая-же?

— Нечистота была, и онъ старался избавиться отъ нея, но не могъ. Я помогъ ему очиститься, и онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ,—сказалъ о. Матѳей.

Во время этой-же бесѣды Т. И. Филипповъ, по словамъ г. Образцова, предложилъ о. Матѳею слѣдующій вопросъ:

— Васъ обвиняютъ въ томъ, что, какъ духовный отецъ Гоголя, вы запретили ему писать свѣтскія творенія?

— Неправда. Художественный талантъ есть даръ Божій. Запрещенія на даръ Божій положить нельзя; несмотря на всѣ запрещенія, онъ проявится, но не въ такой силѣ, какъ прежде. Правда, я совѣтовалъ ему написать что-нибудь о людяхъ добрыхъ, т. е. изобразить людей положи-

тельныхъ типовъ, а не отрицательныхъ, которыхъ онъ талантливо изображалъ. Онъ взялся за это дѣло, но неудачно.

— Говорятъ, что вы посовѣтовали Гоголю сжечь 2-й томъ „Мертвыхъ душъ“?

— Неправда и неправда... Гоголь имѣлъ обыкновеніе сожигать свои неудавшіяся произведенія и потомъ снова возстановлять ихъ въ лучшемъ видѣ. Да едва-ли у него былъ готовъ 2-й томъ; по крайней мѣрѣ, я не видалъ его. Дѣло было такъ: Гоголь показалъ мнѣ нѣсколько разрозненныхъ тетрадей съ надписаніями: Глава, какъ обыкновенно писалъ онъ главами. Помню, на нѣкоторыхъ было надписано: глава I, II, III, потомъ должно быть VII, а другія были безъ означенія; просилъ меня прочитать и высказать свое сужденіе. Я отказывался, говоря, что я не цѣнитель свѣтскихъ произведеній, но онъ настоятельно просилъ, и я взялъ и прочиталъ. Но въ этихъ произведеніяхъ былъ не прежній Гоголь. Возвращая тетради, я воспротивился опубликованію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ одной или двухъ тетрадяхъ былъ описанъ священникъ. Это—живой человѣкъ, котораго всякій узналъ-бы, и прибавлены такія черты, которыхъ... во мнѣ нѣтъ, да къ тому же еще съ католическими оттѣнками, и выходилъ не вполнѣ православный священникъ. Я воспротивился опубликованію этихъ тетрадей, даже просилъ уничтожить. Въ другой изъ тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, какихъ не бываетъ. И совѣтовалъ не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмѣютъ за нее даже больше, чѣмъ за „Переписку“ съ друзьями.

— Говорятъ даже, что Гоголь сжегъ свои творенія потому, что считалъ ихъ грѣховными?

— Едва-ли,—въ недоумѣніи сказалъ о. Матѳей,—едва-ли... Онъ какъ будто въ первый разъ слышалъ такое предположеніе. Гоголь сжегъ, но не всѣ тетради сожегъ, какія были подъ руками, и сожегъ потому, что считалъ ихъ слабыми“.

Относительно отреченія отъ Пушкина Образцовъ разсказываетъ слѣдующее:

„Что заставило о. Матѳея потребовать отреченія? Онъ говорилъ, что „я считалъ необходимымъ это сдѣлать“. Предсмертная агонія Гоголя продолжалась очень долго, а такое требованіе было на одномъ изъ послѣднихъ свиданій между ними. Гоголю представлялось прошлое и страшило будущее. Только чистое сердце можетъ зрѣть Бога, потому должно быть устранено все, что заслоняло Бога отъ вѣрующаго сердца.

„Но было и еще“...—прибавилъ о. Матѳей. Но что же еще? Это осталось тайной между духовнымъ отцомъ и духовнымъ сыномъ. „Врача не обвиняютъ, когда онъ по серьезности болѣзни предписываетъ больному

сильныя лекарства". Такими словами закончилъ о. Матеей разговоръ о Гоголѣ".

Самъ свящ. Образцовъ является, по словамъ „Новостей", лицомъ, фанатически поклоняющимся о. Матвѣю...

Оставленіе службы тремя профессорами харьковскаго университета. Харьковскій корреспондентъ „Саратовскаго Дневника" сообщаетъ, что недавно въ харьковскихъ газетахъ напечатана была замѣтка, изъ которой видно, что „по распоряженію министра народнаго просвѣщенія каеедра акушерства и женскихъ болѣзней съ клиниками и каеедра терапевтической факультетской клиники при харьковскомъ университетѣ объявлены вакантными, и на соисканіе этихъ каеедръ объявленъ конкурсъ". Эта замѣтка лишь подтвердила собою державшіеся здѣсь упорные слухи о выходѣ въ отставку трехъ наиболѣе уважаемыхъ профессоровъ медицинскаго факультета: Толочинова, Оболенскаго и Гиршмана. Впрочемъ, каеедра знаменитаго окулиста (Гиршмана) не объявлена еще вакантной, но этого ждутъ со дня на день...

„Слухи объ отставкѣ этихъ профессоровъ начали циркулировать въ Харьковѣ съ конца прошлаго семестра, но имъ не придавали сначала серьезнаго значенія, и только теперь свершившійся фактъ заставилъ подумать мѣстное общество о тѣхъ потеряхъ, которыя понесъ нашъ медицинскій факультетъ за послѣднее время. Особенно жалѣютъ всѣ о Л. Л. Гиршманѣ. Симпатіи, которыя питаютъ къ нему всѣ слои мѣстнаго общества, получили въ высшей степени яркое выраженіе въ томъ сочувствіи и соболѣзнованіи, которое вызвало недавно случившееся въ семьѣ его горе (смерть сына). Почитатели этого симпатичнѣйшаго профессора и врача, популярность котораго уже давно вышла за предѣлы харьковской губерніи,—рѣшили выразить свое сочувствіе не только на словахъ, но и на дѣлѣ, и съ этой цѣлью открыли черезъ посредство газетъ подписку на учрежденіе въ глазной клиникѣ безплатной кровати имени умершаго сына Гиршмана.—Среди студентовъ и своихъ сослуживцевъ Л. Л. Гиршманъ пользуется неограниченнымъ авторитетомъ, и къ голосу его прислушивались даже люди, державшіеся діаметрально - противоположныхъ взглядовъ на многіе общественные вопросы... Прибавимъ къ этому, что не далѣе какъ весною истекшаго года Л. Л. былъ избранъ совѣтомъ университета предсѣдателемъ комиссіи, вырабатывавшей отвѣты на вопросы министерства относительно желательныхъ измѣненій въ университетскомъ строѣ. Докладъ этой комиссіи, какъ въ свое время отмѣчалось въ газетахъ, отличался широтой проектированныхъ измѣненій и преобразованій.

„Столь крупныя потери невольно заставляютъ поставить вопросъ: а каковы преемники у этихъ профессоровъ? Увы!—На этотъ вопросъ даже завзятый оптимистъ затруднится дать положительный отвѣтъ. Горькая судьба, постигшая въ нашемъ университетѣ многія каѳедры какъ медицинскаго, такъ и другихъ факультетовъ, не располагаетъ къ какимъ-либо радужнымъ надеждамъ. Славные старики уходятъ со сцены, нo на смѣну имъ нѣтъ достойныхъ преемниковъ. Нынѣшніе профессора—все больше изъ скороспѣлокъ. Достаточно сказать, что однѣ изъ самыхъ важныхъ дисциплинъ юридическаго факультета (напр., уголовное право и процессъ) вотъ уже нѣсколько лѣтъ читаются людьми, не защитившими даже магистерской диссертаціи, и это при теперешнемъ снисходительномъ отношеніи нашихъ ученыхъ ареопаговъ къ такого рода диссертаціямъ!“...

ХРОНИКА.

Частные уроки учителей.—„Отрадная новость“.—Профессіональное образованіе рабочихъ.—Народныя чтенія въ Сибири.—Реформа низшей школы.—Физическое воспитаніе въ гимназіяхъ.—Бумажное культуртрегерство.—Интересный починъ.—О техническихъ училищахъ.—Мелочи.

Общая печать уже давно указывала на установившійся вредный обычай, въ силу котораго учителя среднихъ школъ давали частные уроки своимъ же ученикамъ. Эти уроки, сравнительно очень хорошо оплачиваемые, служили безконечнымъ источникомъ соблазна для учителей: понуждаемые скуднымъ казеннымъ содержаніемъ, педагоги набирали уроковъ, какъ говорится, выше головы и все свое свободное время бѣгали по ученическимъ квартирамъ, какъ почтовыя лошади. Результатомъ этого ненормальнаго порядка вещей, прежде всего являлось переутомленіе педагоговъ: вынужденные съ утра до ночи преподавать, они очень скоро начинали испытывать отвращеніе къ педагогической дѣятельности и относились къ ней, какъ къ подневольному труду: отзвонилъ и съ колокольни долой. Съ другой стороны, эта вѣчная бѣготня по урокамъ фатальнымъ образомъ отражалась на развитіи учителей: въ погонѣ за рублями, они какъ-то удивительно быстро ухитрялись растрясти весь свой университетскій багажъ и ограничивались обыкновенно твердымъ знаніемъ гимназическихъ учебниковъ; о томъ же, чтобы итти впередъ и работать надъ собою, пополняя запасы своихъ знаній, не могло быть и рѣчи: учителя не слѣдили даже не только за педагогической, но и за общей литературой, они ограничивались чтеніемъ какого-нибудь „Замухрянскаго Листка“ или „Вѣстника“ и незамѣтно закисали, превращаясь въ полуинтеллигентныхъ людей, оторванныхъ отъ жизни, науки, литературы.

Таковы были цвѣточки широкой практики частныхъ уроковъ. Но

ягодки этихъ уроковъ состояли въ полной деморализаціи школы. Репетируя своего ученика, учитель не могъ ставить ему дурныхъ отмѣтокъ, такъ какъ тѣмъ самымъ онъ какъ бы признавалъ, что беретъ даромъ деньги съ родителей ученика. Хорошія же отмѣтки (если онѣ даже были заслужены) неизбѣжно вызывали ропотъ гимназистовъ и цѣлую тьму самыхъ обидныхъ подозрѣній на счетъ безкорыстья и честности преподавателей. Эти подозрѣнія, при общемъ враждебномъ отношеніи учениковъ къ учителямъ, принимали иногда совершенно чудовищный характеръ, и школьники разсказывали другъ другу цѣлыя легенды о взяткахъ, вымогательствахъ и жадности учителей. Нечего и говорить, что легенды такого рода до конца портили взаимныя отношенія учащихъ и учащихся и дѣлали школу очагомъ сплетенъ, грязныхъ подозрѣній и ненависти.

Но теперь, слава Богу, эта застарѣлая язва нашихъ школъ будетъ навсегда уничтожена. По крайней мѣрѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣлано распоряженіе о томъ, что преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній могутъ давать частные, за плату, уроки ученикамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ они состоятъ преподавателями, не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по представленію директора учебнаго заведенія, и только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда въ городѣ не окажется преподавателей другихъ учебныхъ заведеній или иныхъ лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ давать частные уроки нуждающимся въ нихъ ученикамъ.

Нельзя не видѣть, что это распоряженіе вполнѣ правильно рѣшаетъ вопросъ: оно не создаетъ безусловнаго запрещенія, потому что въ захолустныхъ городахъ (а такихъ на Руси не мало) сплошь и рядомъ нѣтъ возможности подыскать репетитора, и родители волей неволей должны обращаться къ преподавателямъ, такъ какъ другого выбора у нихъ нѣтъ. Но, допуская это исключеніе, министерство ограничиваетъ его предѣлами насущной необходимости, во всѣхъ же другихъ случаяхъ или вовсе запрещаетъ, или создаетъ крупныя препятствія, предписывая испрашивать разрѣшеніе у попечителя округа, а это препятствіе настолько существенно, что оно, безъ сомнѣнія, совсѣмъ уничтожитъ совмѣщеніе репетиторскихъ и учительскихъ обязанностей.

Отмѣчая это во всѣхъ отношеніяхъ отрадное распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, мы въ то же время не можемъ не выразить пожеланія, чтобы въ такія же рамки былъ поставленъ и другой наболѣвшій вопросъ нашей школьной жизни—вопросъ объ ученическихъ квартирахъ. Сплошь и рядомъ преподаватели среднихъ школъ совмѣщаютъ репетированіе своихъ учениковъ съ отдачею имъ квартиръ. Это тоже чрезвычайно деморализуетъ учащихся и создаетъ особый типъ гимназиста—сплет-

ника. Проживая на квартирѣ въ домѣ учителя, гимназистъ-нахлѣбникъ является неизбѣжнымъ свидѣтелемъ всей домашней жизни учителя, со всѣми ея тѣневыми сторонами, и, разумѣется, вся интимная жизнь учителя неизбѣжно будетъ дѣлаться достояніемъ класса, такъ какъ гимназисты всего больше и всего охотнѣе говорятъ о собственныхъ учителяхъ и не только слушаютъ, но и создаютъ сплетни о своихъ наставникахъ. Было бы поэтому чрезвычайно желательно и съ житейской и съ педагогической точки зрѣнія урегулировать, наконецъ, вопросъ объ ученическихъ квартирахъ, цѣликомъ распространивъ на нихъ правила о частныхъ урокахъ учителей.

Всякій разъ, когда намъ приходится наталкиваться въ газетахъ на статейки съ заглавіями, въ родѣ: „Отрадная новость“, „Прекрасный починъ“, „Доброе начинаніе“ и пр., мы, еще не читая этихъ статей, заранѣе испытываемъ чувство скорби и досаднаго разочарованія. Происходитъ это потому, что газетное человѣчество устаетъ отъ бѣдности и несовершенства нашей жизни и старается выудить изъ житейскаго моря хоть какой-нибудь „отрадный“ фактикъ, который затѣмъ преподноситъ почтеннѣйшей публикѣ подъ болѣе или менѣе пышнымъ заглавіемъ. Нужды нѣтъ, что фактикъ самъ по себѣ короче воробьинаго носа,—газетный человѣкъ сумѣетъ подать его подъ такимъ гарниромъ, что вы, только прочитавши статью до конца, поймете, что дѣло тутъ идетъ о выѣденномъ яйцѣ.

Для образца вотъ вамъ „отрадная новость“ о безплатномъ начальномъ обученіи въ Петербургѣ. Эту реформу проектируетъ такъ называемая „юбилейная комиссія, которая предполагаетъ ознаменовать двухсотлѣтіе сѣверной столицы „даровымъ образованіемъ“. Нечего и говорить, что газеты съ большой похвалой отнеслись къ этому проекту и украсили его такимъ пышнымъ и красивымъ гарниромъ, что простодушный читатель готовъ былъ расчувствоваться и воскликнуть:—„Ай да юбилейная комиссія, засѣдала, засѣдала и, посмотрите, какимъ проектомъ разразилась!“

Но попробуйте снять гарниръ съ этого сладкаго блюда, и впечатлѣніе получится совсѣмъ въ другомъ родѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько теперь платитъ населеніе за каждаго ученика, обучающагося въ городскомъ начальномъ училищѣ? Два рубля въ годъ. А сколько при этомъ еще освобождается отъ платы? И еще вопросъ: жалуется ли кто-нибудь на высоту нынѣшней платы за право ученія? Нѣтъ, никто не жалуется, но жалуются на то, что школъ мало, что половина дѣтей школьнаго возраста бѣгаетъ по улицамъ или ютится въ гнилыхъ петербургскихъ дворахъ

только потому, что всѣ школы переполнены, и некуда дѣвать ребятъ. Теперь спрашивается, почему же юбилейная комиссія не остановила своего просвѣщеннаго вниманія именно на этой сторонѣ дѣла, почему она не занялась вопросомъ о недостаткѣ школъ и вильнула въ сторону „дарового обученія"? Да очень просто, почему: „даровое обученіе" обойдется городу всего навсего въ 35 тысячъ рублей, а постройка новыхъ школъ, которыя въ полной мѣрѣ удовлетворили бы потребность населенія въ грамотности, вызвала бы расходъ несравненно значительнѣе. Въ этомъ и весь секретъ. Но въ то же время за сравнительно недорогую плату юбилейная комиссія пріобрѣтаетъ весьма пышный гарниръ въ видѣ „дарового обученія": названіе, согласитесь очень звучное, и, такъ сказать, вполнѣ юбилейное.

Намъ, однако, кажется, что было бы лучше совсѣмъ пренебречь гарнирами и серьезно заняться вопросомъ объ общедоступности начальнаго образованія. Недостатокъ школъ въ Петербургѣ въ настоящее время такъ великъ, что городъ не можетъ и не долженъ равнодушно относиться къ этому предмету первой необходимости и обязанъ хотя бы ко дню двухсотлѣтія столицы настоящимъ образомъ подумать о просвѣщеніи населенія. Вѣдь надо видѣть, что дѣлается въ школьныхъ пріемныхъ каждую осень: родители толпами осаждаютъ учителей, плачутъ, просятъ, валяются въ ногахъ, умоляя принять ребятишекъ сверхъ комплекта. Но на всѣ эти просьбы пока существуетъ одинъ отвѣтъ:

— Всѣ мѣста заняты.

Не худо было бы юбилейной комиссіи сдѣлать хоть что-нибудь и для взрослаго населенія столицы, которое точно также крайне нуждается не только въ общемъ, но и въ прикладномъ образованіи. Вѣдь нынче техническое производство осложняется съ каждымъ годомъ, и отъ рядового рабочаго уже сплошь и рядомъ требуется умѣнье чертить, кое-какое знакомство съ геометріей, механикой, физикой и пр. При надлежащей постановкѣ, напримѣръ, вечернихъ курсовъ всѣ эти элементарныя знанія сдѣлались бы доступными для рабочаго люда- и, въ концѣ концовъ, исчезли бы безконечныя жалобы предпринимателей на неприспособленность и невѣжество русскихъ рабочихъ. А между тѣмъ въ этомъ отношеніи Петербургу почти нечѣмъ будетъ похвастать въ юбилейный день, такъ какъ насчетъ вечернихъ курсовъ для рабочихъ онъ стоитъ едва ли не ниже провинцій, гдѣ во многихъ городахъ такого рода курсы уже функціонируютъ много лѣтъ.

Юбилейной комиссіи тѣмъ болѣе слѣдуетъ объ этомъ подумать, что въ настоящее время вопросъ о препятствіяхъ формальнаго характера при открытіи курсовъ для рабочихъ уже отходитъ въ область преданія, такъ какъ чрезъ Государственный Совѣтъ уже прошелъ законопроектъ министер-

ства финансовъ о техническихъ мастерскихъ и курсахъ. Этотъ законопроектъ (въ настоящее время уже сдѣлавшійся закономъ) даетъ „общую схему для устройства техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и курсовъ обоего пола и всякаго возраста“. Законъ предписываетъ, чтобы за ученіе не взималось никакой платы и предоставляетъ самый широкій просторъ не только земству и городамъ, но и всякаго рода обществамъ, фабрикамъ, заводамъ и частнымъ лицамъ въ дѣлѣ организаціи профессіональнаго образованія рабочихъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отсутствіе стѣснительныхъ формальностей, какими обставляется у насъ всякое просвѣтительное начинаніе, дастъ обществу возможность въ полной мѣрѣ оправдать тѣ ожиданія, какія возлагаются на него министерствомъ финансовъ. Если въ прежніе годы, когда эти формальности были въ полномъ разгарѣ, на средства фабрикантовъ было все-таки учреждено 446 школъ съ 47,000 учащихся, то надо думать, что это количество очень быстро удвоится и даже утроится, такъ какъ, при всей косности нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ они, все-таки не могутъ не понимать, что открытіе профессіональныхъ школъ для рабочихъ есть, въ концѣ концовъ, очень выгодное помѣщеніе для капитала, который чрезъ два, три года уже начнетъ приносить значительные проценты.

Насколько велики могутъ быть эти проценты, показываетъ слѣдующій любопытный разсчетъ „Новаго Времени“: на нашихъ лучшихъ прядильныхъ фабрикахъ на каждую тысячу веретенъ ставятъ до 13 рабочихъ, а въ Германіи и Англіи—восемь. У насъ бумаго-ткачъ управляется лишь съ двумя станками, если не съ однимъ, въ Англіи—съ четырьмя, въ Америкѣ—съ шестью и т. д. Въ результатѣ убытокъ для обѣихъ сторонъ: нашъ рабочій получаетъ въ три раза менѣе, а нашъ фабрикантъ имѣетъ продуктъ дороже заграничнаго...

Рѣшительно то же самое наблюдается и во всѣхъ другихъ производствахъ, причемъ разница между русскимъ и заграничнымъ рабочимъ возрастаетъ тѣмъ больше, чѣмъ сложнѣе производство и чѣмъ разнообразнѣе конструкціи фабричныхъ машинъ. Но, такъ какъ условія міроваго рынка волей неволей заставляютъ нашихъ фабрикантовъ примѣнять усовершенствованные и весьма сложные способы производства, то настоятельная нужда въ опытныхъ и технически образованныхъ рабочихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Можно сказать даже больше: своимъ законопроектомъ о техническомъ образованіи рабочихъ министерство отдаетъ въ руки фабрикантовъ ихъ собственную участь.

Фабриканты должны уже понять, что система запретительныхъ пошлинъ и усиленное покровительство отечественной промышленности не можетъ продолжаться вѣчно, и что когда-нибудь (а можетъ быть и очень

скоро) отечественная промышленность должна будетъ стать лицомъ къ лицу съ промышленностью западно-европейскою, гдѣ рабочая сила давно пользуется профессіональнымъ образованіемъ.

Впрочемъ, въ настоящее время очень трудно сказать, въ какой мѣрѣ господа фабриканты захотятъ воспользоваться воистину отеческимъ наставленіемъ министерства финансовъ: система запретительныхъ пошлинъ слишкомъ избаловала нашего промышленника, онъ ожирѣлъ и потерялъ способность думать о будущемъ, такъ какъ его настоящее слишкомъ ужъ свободно отъ заботъ и огорченій. Такъ, напримѣръ, Морозовская мануфактура получаетъ у насъ значительно больше 60% дивиденда и, естественно, что при такихъ сумасшедшихъ барышахъ люди теряютъ способность думать о будущемъ.

„Новое Время" смотритъ, однако, на дѣло иначе и, имѣя передъ глазами примѣръ коммерческихъ училищъ, надѣется на колоссальный успѣхъ техническихъ классовъ и курсовъ. Съ 1896 года, говоритъ оно, министръ финансовъ лишь вызвалъ частную и общественную иниціативу, лишь снялъ путы формализма, лишь указалъ пути и образцы коммерческаго образованія, и почти безъ казенныхъ жертвъ, при помощи лишь живительной силы частнаго и общественнаго почина, въ Россіи создалось 42 коммерческихъ училища, 30 торговыхъ школъ, 26 торговыхъ классовъ и 25 курсовъ коммерческихъ знаній; въ нихъ уже обучается болѣе 20 тысячъ душъ, на нихъ расходуется болѣе 2½ милліоновъ не казенныхъ рублей.

Дай Богъ, конечно, чтобы примѣръ коммерческихъ училищъ послужилъ образцомъ для техническихъ школъ и курсовъ, но не надо забывать, что наши торговые люди не стоятъ въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ промышленники. А, впрочемъ, не будемъ вдаваться въ пессимистическія предсказанія, такъ какъ проектъ министерства финансовъ, въ концѣ концовъ, непремѣнно будетъ имѣть большій, или меньшій успѣхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заработная плата рабочихъ будетъ повышена. Этотъ послѣдній результатъ самъ по себѣ настолько важенъ и настолько желателенъ, что одного его вполнѣ достаточно, чтобы привлечь симпатіи общества къ проектируемымъ школамъ и курсамъ. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ небезызвѣстный экономистъ И. Х. Озеровъ, бесѣдовавшій по поводу проекта министерства финансовъ съ сотрудникомъ „Р. Л.".

— Законопроектъ этотъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду профессіональное, чисто практическое образованіе. Общеобразовательные предметы стоятъ здѣсь на заднемъ планѣ. Отъ учащихся требуются знанія въ размѣрѣ одноклассного сельскаго училища, для учащихъ считается достаточнымъ имѣть свидѣтельство о прохожденіи курса начальныхъ училищъ. Конечно, это минимумъ познаній какъ учащихся, такъ и учащихъ. Можетъ быть, и

это весьма желательно, что на практикѣ этотъ минимумъ будетъ считаться недостаточнымъ, и школа будетъ давать своимъ воспитанникамъ болѣе обстоятельное образованіе, а преподавателями явятся лица съ большей педагогической подготовкой. Это касается общеобразовательныхъ предметовъ, а техническое и профессіональное преподаваніе по новому законопроекту можетъ быть въ рукахъ у лицъ совершенно необразованныхъ—у мастеровъ. Такимъ образомъ здѣсь, какъ видите, имѣется въ виду исключительно техническая подготовка мастеровъ, желаютъ сдѣлать ловкими руки, оставляя голову темной. Съ такого рода взглядомъ можно не соглашаться, но все-же я скорѣе готовъ привѣтствовать новый законопроектъ, какъ первый шагъ впередъ, чѣмъ пререкаться въ деталяхъ. Важно, что теперь предоставлена возможность открыть школы, а какъ въ нихъ учить, это подскажетъ жизнь, и рамки школы всегда возможно раздвинуть. По новому проекту фабрики и заводы могутъ получать субсидіи на открытіе такихъ школъ, какъ для первоначальнаго обзаведенія, такъ и ежегодно для веденія дѣла. При этихъ школахъ могутъ быть принимаемы заказы на исполненіе вещей, изученіе изготовленія которыхъ здѣсь происходитъ. Деньги, вырученныя отъ продажи зработанныхъ учениками издѣлій должны поступать на нужды школы. Обученіе должно быть безплатнымъ.

Такова общая схема проектируемыхъ школъ и курсовъ, но къ этому въ видѣ отдѣльной детали необходимо прибавить, что, допуская учениковъ всѣхъ возрастовъ и половъ, будущія школы и курсы несомнѣнно нанесутъ чувствительный ударъ нынѣшнему ремесленному ученичеству, построенному на принципахъ средневѣковаго патроната и средневѣковаго же безправія порабощенныхъ учениковъ. Разъ явится возможность учиться ремеслу не у пьянаго мастера, принуждающаго ученика къ черным домашнимъ работамъ и къ бѣготнѣ за водкой, то несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, городскіе жители перестанутъ отдавать дѣтей въ учебу мастерамъ, а предпочтутъ отсылать ихъ въ профессіональныя школы, гдѣ и ученіе будетъ настоящее и курсъ этого ученія не будетъ такъ безобразно растянутъ, какъ растянули его мастера.

Вообще, можно сказать, что законопроектъ министерства финансовъ имѣетъ очень большое будущее, и можно только пожалѣть, что при чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, рабочее населеніе не будетъ пользоваться предоставленнымъ ему благомъ въ той мѣрѣ, какъ это было бы желательно. По крайней мѣрѣ опытъ одесскихъ вечернихъ курсовъ показалъ, какъ много рабочихъ желаетъ учиться и какъ мало нхъ можетъ учиться. И въ самомъ дѣлѣ, при средней продолжительности рабочаго дня въ 10—12 часовъ въ сутки и при трехъ часахъ занятій на курсахъ, считая въ этомъ и время на ходьбу, въ распоряженіи

рабочаго остается всего лишь отъ 9 до 11 часовъ свободнаго времени, которое онъ долженъ употребить и на отдыхъ, и на ѣду, и на домашнія дѣла. Естественно, что при такомъ напряженіи силъ далеко не всѣ курсисты оканчиваютъ свое образованіе. Такъ, по свидѣтельству „Южн. Об.", въ 1900 году на уроки рисованія записалось 65 человѣкъ, а выбыло изъ нихъ въ теченіе года 25; на курсы математики зачислилось 55 человѣкъ и въ теченіе года выбыло 15; на курсы физики записалось 30, а выбыло 12. Эти цифры выбывающихъ съ незначительными варіантами повторяются изъ года въ годъ, и по нимъ легко составить себѣ понятіе, какъ трудно русскому рабочему человѣку бороться съ условіями фабричнаго труда и какъ много надо энергіи, силы и настойчивости, чтобы при нашемъ рабочемъ днѣ выкроить еще часъ, другой на занятія.

Новыя правила о народныхъ чтеніяхъ повергли сибирскую печать въ большое смущеніе. Обсуждая эти правила съ точки зрѣнія практической, туземныя газеты приходятъ къ заключенію, что составители новыхъ правилъ, очевидно, упустили изъвиду нѣкоторыя особенности сибирскихъ условій, благодаря которымъ сибиряки не въ состояніи будутъ пользоваться даже той свободой, какая предоставлена, напримѣръ, центральнымъ губерніямъ въ вопросѣ о народныхъ чтеніяхъ.

Всѣ эти опасенія сибирскихъ газетъ не лишены основанія. Какъ извѣстно, вслѣдъ за изданіемъ правилъ было опубликовано слѣдующее циркулярное письмо министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ.

„Если мѣстный становой приставъ или даже урядникъ вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ охраненія внѣшняго порядка и спокойствія, то, быть можетъ, будетъ затруднительно возложить на нихъ наблюденіе за чтеніемъ по существу. Поэтому представляется наиболѣе правильнымъ призвать къ дѣлу наблюденія за чтеніями въ селеніяхъ уѣздныхъ предводителей дворянства и земскихъ начальниковъ, которые могли бы присутствовать при чтеніяхъ и доводить до свѣдѣнія губернатора о необходимости принятія тѣхъ или другихъ мѣръ".

Нетрудно видѣть, что предначертанія, изложенныя въ этомъ письмѣ, должны вызвать серьезныя затрудненія, такъ какъ въ Сибири нѣтъ ни дворянства, ни земскихъ начальниковъ, а существуютъ лишь крестьянскіе начальники, на обязанность которыхъ и придется возложить, волей неволей, наблюденіе за чтеніями. Но такъ какъ предѣлы служебныхъ обязанностей крестьянскихъ начальниковъ и безъ того расширены до послѣдней степени, то нетрудно предсказать, какъ отнесутся они къ этой новой обязанности. Они просто не будутъ наблюдать и предпочтутъ отказывать всѣмъ

желающимъ устроить народныя чтенія. При этомъ едва ли даже можно будетъ ихъ упрекнуть въ нерадѣніи къ народному просвѣщенію: судите сами, человѣкъ всю недѣлю работалъ, писалъ бумаги, составлялъ отчеты, разбиралъ тяжбы, разъѣзжалъ по своему огромному участку, а въ праздникъ вмѣсто отдыха онъ долженъ садиться въ почтовую таратайку и трястись за 50, за сто верстъ слушать, какъ народный учитель читаетъ мужикамъ „сказку о рыбакѣ и рыбкѣ". Притомъ же, если бы крестьянскій начальникъ даже рѣшился на такое самопожертвованіе, то все-таки онъ не имѣлъ бы физической возможности исполнять обязанности наблюдателя, такъ какъ народныя чтенія пригоняются обыкновенно къ праздникамъ, и крестьянскому начальнику пришлось бы въ одинъ и тотъ же день и часъ присутствовать на нѣсколькихъ чтеніяхъ, происходящихъ въ его участкѣ. По если бы даже онъ принялъ за правило въ каждый праздничный день разрѣшать не болѣе одного чтенія, то и тогда затрудненіе его не было бы улажено, такъ какъ при такомъ условіи крестьянскій начальникъ навсегда лишился бы праздничнаго отдыха, потому что по сибирскимъ разстояніямъ онъ долженъ былъ бы не только затрачивать цѣлый день на поѣздку въ отдаленныя села на чтеніе, но даже выѣзжать съ вечера—наканунѣ чтенія. Прибавьте къ этому сибирскія метели, да еще прелести сибирской распутицы и вы легко поймете, что при всемъ служебномъ усердіи крестьянскій начальникъ долженъ будетъ спасовать передъ новой, возложенной на него, обязанностью.

Нельзя удивляться поэтому, что сибирскія газеты предвидятъ широкое распространеніе такъ называемыхъ „конфиденціальныхъ" чтеній, т. е. такихъ, которыя устраиваются самими крестьянами по собственному почину и, разумѣется, безъ всякаго наблюденія властей. Вотъ почему, говоритъ „Восточное Обозрѣніе", именно съ точки зрѣнія циркулярнаго письма слѣдовало бы не суживать, а расширить существующія рамки чтеній.

Сообщеній о „конфиденціальныхъ" чтеніяхъ въ газетахъ попадается мало, именно, потому, что они „конфиденціальны, а можетъ быть и по молчаливому соучастію—изъ нежеланія конкретнымъ указаніемъ повредить святому дѣлу, возбудивъ вниманіе „кого слѣдуетъ"... Но что явленіе распространено гораздо сильнѣе, чѣмъ объ этомъ можно судить по газетамъ, это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Не наше дѣло, конечно, болѣть объ отступленіяхъ отъ принятыхъ формъ чтеній. Мы просто хотѣли указать на то, что жизнь выходитъ за отведенное русло, а слѣдовательно требуетъ расширенія его.

---

19 марта при министерствѣ народнаго просвѣщенія начались занятія особой комиссіи по преобразованію низшей общеобразовательной школы. Основныя черты этой новой программы, какъ удалось узнать „Новостямъ“, сводятся къ слѣдующему: низшая школа имѣетъ цѣлью доставлять дѣтямъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій общее начальное образованіе, а также, по возможности, сообщать имъ прикладныя знанія. Съ цѣлью сообщенія прикладныхъ знаній будутъ учреждаться особые дополнительные классы. Это существенное нововведеніе мотивируется, во-первыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что такое положеніе существуетъ уже въ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ законоположеній, а во-вторыхъ, тѣмъ, что, какъ показалъ опытъ, введеніе преподаванія прикладныхъ знаній въ курсъ низшей школы въ большинствѣ случаевъ не приводитъ къ удовлетворительнымъ результатамъ.

Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ состоятъ дальнѣйшія особенности проектируемой реформы, а теперь отмѣтимъ только, что, исключая изъ курса низшей школы преподаваніе прикладныхъ знаній, имѣющихъ практическій характеръ, министерство народнаго просвѣщенія тѣмъ самымъ освобождаетъ народную школу отъ величайшаго ига.

Увлеченіе прикладными знаніями еще очень недавно было въ полномъ расцвѣтѣ, и бѣдная народная школа положительно изнемогала подъ бременемъ всевозможныхъ проектовъ, при помощи которыхъ люди съ пылкимъ воображеніемъ старались облагодѣтельствовать низшіе слои населенія. Нѣтъ надобности и говорить, что проекты поражали своимъ великолѣпіемъ только на бумагѣ, на практикѣ же они вносили сумбуръ въ школьное преподаваніе, заставляя учителей гоняться не за двумя, а за десятью зайцами сразу. Въ конечномъ итогѣ эти мечтанія прожектеровъ приводили къ тому, что ученики не получали ни практическихъ, ни теоретическихъ знаній.

Но теперь, слава Богу, школьная жизнь войдетъ въ норму, и программа преподаванія не будетъ засариваться побочными предметами. Правда, министерство народнаго просвѣщенія не упраздняетъ совершенно прикладныхъ знаній, но оно отводитъ имъ подобающее мѣсто, предоставляя желающимъ ученикамъ пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ свободное отъ занятій и вакаціонное время. Такъ, въ школахъ могутъ сообщаться свѣдѣнія по огородничеству, садоводству, пчеловодству; сверхъ того для желающихъ могутъ преподаваться дополнительные предметы: бухгалтерія, коммерческая ариѳметика, мѣстные и новые языки и даже популярная медицина.

Возвращаемся теперь къ дальнѣйшимъ основнымъ положеніямъ проектируемой реформы.

Наряду съ существующими двумя типами низшихъ школъ—говорятъ „Новости“ — одноклассной и двухклассной, остающимися безъ измѣненія,

вводится новый типъ 4-хъ классного училища, существенное отличіе котораго отъ нынѣ существующаго (по положенію 1872 г.) заключается въ слѣдующемъ: 1) два младшихъ отдѣленія уничтожаются, въ виду чего въ училища могутъ поступать для продолженія образованія дѣти, окончившія курсъ въ одно и двухклассныхъ училищахъ; 2) устраняется необходимость соединенія въ одномъ классѣ двухъ отдѣленій учащихся; 3) представляется возможность распредѣлять предметы преподаванія между учителями, сообразно природнымъ способностямъ и склонностямъ каждаго учителя.

Для каждаго изъ перечисленныхъ типовъ школъ признано необходимымъ въ законодательномъ порядкѣ одно общее по всей Имперіи положеніе, въ которомъ будутъ указаны для отдѣльныхъ мѣстностей тѣ отступленія и особенности, какія вызываются племеннымъ и вѣроисповѣднымъ составомъ и бытовыми условіями населенія.

Пока не будутъ разработаны и опубликованы программы проектируемыхъ четырехклассныхъ народныхъ училищъ, трудно, конечно, сказать какой характеръ приметъ этотъ новый у насъ типъ низшей школы, но, во всякомъ случаѣ, было бы очень желательно, чтобы эта школа явилась ступенью между начальной школой и гимназіей, и чтобы, такимъ образомъ, школы всѣхъ типовъ были связаны единствомъ, и чтобы переходъ изъ низшей школы въ высшую не обставлялся никакими спеціальными затрудненіями.

Необходимость такого порядка вещей сознается уже очень давно, такъ какъ населеніе не удовлетворяется тѣми крупицами знанія, которыя даетъ начальная школа. Насколько это недовольство низшей школой сдѣлалось общимъ, можно судить по цѣлому ряду земскихъ ходатайствъ, направленныхъ къ учрежденію народныхъ школъ съ расширенной программой, и, хотя всѣ эти ходатайства по причинамъ формальнаго характера не были удовлетворены, но, разумѣется, стремленіе народа къ образованію отъ этого не уменьшилось, тѣмъ болѣе, что недостатки одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ ни для кого не составляли тайны Вотъ что говорятъ объ этихъ училищахъ „Русскія Вѣдомости“: одноклассныя и двухклассныя министерскія училища, созданныя въ качествѣ „образцовыхъ“, совершенно не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ и не выполнили задачи „возбуждать любовь къ ученію“, „служить центрами, проводящими образованіе далѣе“. На послѣднемъ очередномъ собраніи смоленскаго губернскаго земства было констатировано, что министерскія училища, въ силу дѣйствующихъ правилъ относительно завѣдыванія ими, создаютъ въ населеніи „недовѣрчивое отношеніе къ школѣ высшаго типа, каковыми являются министерскія училища; подрываютъ въ немъ авторитетъ образовательныхъ учрежденій и вредятъ дѣлу распространія болѣе законченнаго начальнаго образованія“.

Изъ этой характеристики, сдѣланной представителями земства, можно судить, насколько назрѣла потребность въ реформѣ низшей школы и насколько желательно возможно большее расширеніе ея программы.

Возвращаемся, однако, къ министерскому проекту.

По отношенію къ дѣтямъ иновѣрныхъ или православныхъ исповѣданій, говорятъ „Новости“, въ проектѣ красной нитью проходитъ большая толерантность. Такъ, проектируется въ низшихъ школахъ, учрежденныхъ для дѣтей какого-либо одного православнаго или иновѣрнаго исповѣданія, преподавать Законъ Божій или вѣроученіе на природномъ языкѣ учащихся, въ виду того, что всякое отступленіе отъ этого порядка признается министерствомъ народнаго просвѣщенія нарушеніемъ правъ мѣстнаго иновѣрнаго населенія. Точно также проектируется допустить льготу для дѣтей, не говорящихъ по-русски, разрѣшая пользоваться въ такихъ мѣстностяхъ природнымъ языкомъ учащихся, какъ вспомогательнымъ средствомъ, въ первый годъ обученія.

Терпимость, съ которой министерство предполагаетъ отнестись къ инородческимъ языкамъ и къ преподаванію Закона Божія на языкѣ учащихся не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Можно только сказать, что благодаря терпимости русская школа завоюетъ довѣріе и любовь инородцевъ и сдѣлается истиннымъ и могучимъ разсадникомъ русской культуры. Не надо забывать, съ какой ревнивой подозрительностью смотрятъ наши инородцы, когда дѣтямъ ихъ преподаютъ правила вѣры на чужомъ языкѣ и когда ихъ родной языкъ, который они не могутъ не любить, третируется какъ нѣчто нетерпимое, вредное и нежелательное.

Допущеніе инородческаго языка въ школѣ, хотя бы въ первый годъ ученія уже является несомнѣнной побѣдой гуманности и терпимости и несомнѣннымъ залогомъ успѣха самаго школьнаго преподаванія. Вѣдь ни для кого не тайна, что въ угоду обрусительной тенденціи въ нашихъ окраинныхъ школахъ весь курсъ ученія сводился къ механическому умѣнію читать и писать, не понимая прочитаннаго и не разумѣя написаннаго. Ни для кого точно также не тайна, что тѣ изъ инородцевъ, которые всего больше любили свой родной языкъ и всего ревнивѣе относились къ вѣрѣ отцовъ своихъ, предпочитали видѣть своихъ дѣтей совсѣмъ неграмотными, чѣмъ отдавать ихъ въ чужую школу, нежелающую считаться съ общечеловѣческими, естественными чувствами, заставляющими уважать свою національность.

Русскіе люди такъ ужъ самимъ Господомъ Богомъ устроены, что шагу не могутъ ступить, безъ помощи и безъ опеки начальства. Еще Петръ Великій писалъ по этому поводу въ одномъ изъ своихъ приказовъ, которымъ предписывалось русскимъ купцамъ завести торговлю съ иностранцами: „понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни во что сами не войдутъ, ежели на то приневолены не будутъ"... Эти слова, характеризующія отсутствіе у русскаго человѣка иниціативы, вспоминаются намъ особенно часто, когда мы слѣдимъ за всѣми безконечными разговорами о реформѣ средней школы. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ ждутъ этой реформы, какъ манны небесной, о ней говорятъ безъ умолку и безъ передышки, но сами „ни во что не войдутъ". Не странно ли, что при такомъ напряженномъ интересѣ къ средней школѣ, громадное русское общество не сдѣлало почти ни одной попытки, направленной въ организаціи частныхъ гимназій, не сдѣлало ни одного шага, чтобы самостоятельно, безъ указки и безъ правительственной опеки выработать новый типъ средней школы за свой страхъ и за свой рискъ. Вѣдь нельзя же сказать, что этой попытки не было только въ силу формальныхъ препятствій, такъ какъ препятствія этого рода, не такъ ужъ велики; нельзя, точно также, сказать, что отсутствіе иниціативы можетъ найти свое объясненіе въ данномъ случаѣ въ недостаткѣ средствъ, такъ какъ и средства нашлись бы. А между тѣмъ на всю Россію почти ни одной самостоятельной попытки.

Счастливое исключеніе представляетъ только городъ Кіевъ. Здѣсь, среди крупныхъ землевладѣльцевъ возникла мысль создать собственную среднюю школу съ министерской программой. Особенности этой школы сводятся по словамъ „Кіевл." къ слѣдующему.

Количество учениковъ въ классѣ предположено не болѣе 12—15. Такой малочисленный составъ класса хотя и возвыситъ стоимость обученія, но дастъ полную возможность достичь въ дѣйствительности идеала въ преподаваніи, т.-е. учиться только въ классѣ безъ особыхъ обременительныхъ домашнихъ работъ и безъ всякихъ репетиторовъ.

Садъ долженъ быть неотъемлемой частью будущей школы; здѣсь дѣти будутъ проводить все свободное междуурочное время. Распорядокъ учебныхъ часовъ будетъ нѣсколько измѣненъ по сравненію съ тѣмъ, какой существуетъ въ современной гимназіи. За двумя утренними часами ученья будетъ слѣдовать часовой перерывъ, первая четверть котораго полагается на горячій завтракъ, а три послѣднихъ четверти на игру въ саду. Затѣмъ снова 2 часа ученья, послѣ чего желающіе могутъ уходить домой, а нежелающіе оставаться еще часъ играть въ саду.

Неуспѣвающіе ученики будутъ терять только 1/2 года, такъ какъ переходъ изъ класса въ классъ предполагается по полугодіямъ; каждый

классъ раздѣлится на два отдѣленія—младшее и старшее. Такое раздѣленіе уже существуетъ въ школахъ нѣкоторыхъ государствъ въ Западной Европѣ (Германія, Швейцарія). Преподавателями будутъ приглашены лучшія силы среди учительскаго персонала въ Кіевѣ. Для иногороднихъ, если таковые найдутся, при школѣ откроется пансіонъ. Засѣданія педагогическаго совѣта будутъ открыты для всѣхъ родителей, интересующихся образованіемъ своихъ дѣтей и желающихъ тамъ присутствовать.

Учредительницами школы являются по словамъ „Кіевл.", А. В. Жекулина и С. Н. Петрова. Директоромъ же изъявилъ согласіе быть педагогъ И. В. Посадскій-Духовской.

Попытка Кіевскихъ землевладѣльцевъ должна пріятно щекотать самолюбіе всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ людей, такъ какъ всѣ особенности, проектируемыя Кіевской школой, носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды тѣхъ разговоровъ, которые велись на этотъ счетъ въ печати... Но одна ласточка не дѣлаетъ весны, да притомъ же эта ласточка еще не вылупилась изъ яйца, такъ какъ кіевская гимназія только въ проектѣ.

Зато вотъ вамъ другая ласточка. Въ Нижегородской губерніи возникла деревенская женская прогимназія. Это явленіе у насъ небывалое, и потому его стоитъ отмѣтить. Возникла эта прогимназія по инниціативѣ г-жи Анцевой и притомъ возникла въ такой мѣстности, гдѣ еще росли дремучіе лѣса народнаго невѣжества, и гдѣ населеніе не имѣло даже понятія о грамотѣ. По мысли г-жи Анцевой ея прогимназія предназначалась для дѣтей сельскихъ учителей, наряду съ которыми учатся и крестьянскія дѣвочки, окончившія двухклассныя народныя школы. Система преподаванія, по словамъ „Нижег. Листка", поставлена образцово: дѣвочки въ 4 года легко проходятъ курсъ пяти классовъ женской гимназіи съ французскимъ и нѣмецкимъ языками, да еще и учатся при этомъ по два часа днемъ и по два часа вечеромъ (языкамъ).

Очень важный вопросъ о физическомъ воспитаніи подростающаго поколѣнія, который такъ дурно былъ поставленъ въ нашей дореформенной школѣ, давно вызывалъ справедливыя нареканія общества, но только теперь Министерство народняго просвѣщенія сочло возможнымъ приступить къ рѣшенію его. Разработка этого вопроса была поручена особой подкомиссіи, засѣдавшей подъ предсѣдательствомъ В. К. Анрепа. Вотъ нѣкоторыя изъ основныхъ положеній, принятыхъ подкомиссіей.

1) Физическія упражненія должны обязательно производиться ежедневно и непремѣнно между уроками научныхъ предметовъ, чтобы достигалась

педагогическая цѣль этихъ упражненій—дать отдыхъ учащимся среди умственной работы.

2) Упражненія должны производиться по возможности на открытомъ воздухѣ; только дождь, сильный вѣтеръ или большой морозъ могутъ служить къ тому препятствіемъ. Комнатная гимнастика можетъ производиться только въ хорошо провѣтриваемыхъ, просторныхъ, отнюдь не пыльныхъ помѣщеніяхъ.

3) Всѣ виды физическихъ упражненій должны соотвѣтствовать возрасту учащихся, примѣнительно къ особенностямъ ихъ организма.

4) На основаніи этого въ низшихъ трехъ классахъ физическія упражненія должны состоять въ подвижныхъ играхъ и строевыхъ движеніяхъ. Для IV-го—V-го классовъ кромѣ соотвѣтствующихъ возрасту подвижныхъ игръ допускаются нѣкоторыя упражненія на неподвижныхъ и подвижныхъ снарядахъ и бѣгъ по преимуществу, а для желающихъ допускается обученіе танцамъ. Для VI—VII классовъ рекомендуются упражненія на снарядахъ и фехтованіе, преимущественно на рапирахъ.

Для всѣхъ возрастовъ нужно емѣрно поощрять бѣгъ наینькахъ, на лыжахъ и т. п. упражненія.

Высказываясь, такимъ образомъ, за реформу физическаго воспитанія, подкомиссія въ то же время дѣлаетъ очень важный шагъ впередъ, признавая школьнаго врача полноправнымъ членомъ педагогическаго совѣта.

Врачи при учебныхъ заведеніяхъ, говоритъ она, должны быть полноправными членами педагогическихъ совѣтовъ; на ихъ обязанности лежитъ научное руководительство въ разрѣшеніи вопросовъ физическаго воспитанія и составленіе программъ физическихъ упражненій какъ для цѣлыхъ группъ учащихся, такъ и для отдѣльныхъ учениковъ, примѣнительно къ особенностямъ ихъ организма.

Это мнѣніе (къ сожалѣнію еще не получившее силу закона) чрезвычайно важно, такъ какъ до настоящаго времени школьный врачъ имѣлъ лишь декоративное значеніе въ учебномъ заведеніи; о немъ вспоминали лишь въ дни эпидемій, когда полиція предписывала принимать строгія санитарныя мѣры. Въ обыкновенное же время школьный докторъ былъ безсловеснымъ существомъ, почти мебелью, на которую просвѣщенные педагоги, привыкшіе дѣйствовать самостоятельно, не обращали ни малѣйшаго вниманія.

Наряду съ физическими упражненіями подкомиссія В. К. Анрепа обращаетъ вниманіе и на эстетическое воспитаніе подростающаго поколѣнія. Впрочемъ, здѣсь намѣчается лишь хоровое пѣніе, музыка и танцы. Это, разумѣется, не такъ много, какъ было бы желательно, тѣмъ болѣе, что и пѣніе и танцы существовали почти повсемѣстно и донынѣ. „Новое Время“,

однако, такъ увлеклось танцами и пѣніемъ, что предсказываетъ даже послѣдующее отсюда оживленіе провинціальнаго общества.

Давно пора было сдѣлать школу, говоритъ оно, не только поприщемъ умственнаго, учебнаго труда, но и нѣкоторою, хоть въ небольшихъ и скромныхъ размѣрахъ, ареною удовольствій. А собираясь на вокально-музыкальные вечера, къ которымъ можно прибавить и выразительное, артистическое чтеніе прозы и стихотвореній учениками, родители и родственники учениковъ, т. е. образованное общество маленькаго провинціальнаго города, будутъ и взаимно знакомиться и сплочиваться на наилучшей почвѣ интересовъ, какую можно придумать. Такимъ образомъ, эта сторона реформы учебныхъ заведеній задѣнетъ не одну школу, но и жизнь общества.

Это, разумѣется, нѣсколько сильно сказано, тѣмъ болѣе, что литературную часть вечеровъ „Новое Время“ присочинило отъ себя и для „сближенія“ общества еще недостаточно польки-мазурки и вѣнскаго вальса, которые будутъ отплясывать гимназисты.

У русскихъ людей есть какая-то непостижимая вѣра въ чудодѣйственныя силы служебныхъ бумагъ: если вы замѣтили, что жизнь отклоняется отъ своей естественной нормы, напишите бумажку, и все будетъ по вашему желанію, все придетъ въ должный порядокъ. Это чисто канцелярское міросозерцаніе, созданное совокупными усиліями бюрократизма и незнакомства съ дѣйствительной жизнью такъ часто бросается въ глаза, что заставляетъ невольно поражаться наивностью русскаго человѣка: сколько столѣтій мы пишемъ безплодныя бумаги и все-таки не можемъ отказаться отъ убѣжденія въ ихъ полезности. Вотъ вамъ живой примѣръ изъ жизни. Начальникъ Южно-Уссурійскаго Округа г. Вологдинъ обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе сельскихъ учителей и, преисполненный самыхъ благихъ и искреннихъ намѣреній, задумалъ отъ чистаго сердца помочь этимъ мученикамъ школьной науки. Но что-же онъ сдѣлалъ? Увы, онъ написалъ бумагу сельскимъ обществамъ, въ которой указалъ на важное культурное значеніе сельскаго учителя и на необходимость улучшенія его положенія. Бумага заканчивалась такъ:

„Въ виду этого крайне необезпеченнаго положенія учителей, предлагаю сельскимъ обществамъ ввѣреннаго мнѣ округа, гдѣ существуютъ школы, нынѣ же къ отпускаемому казной содержанію добавить учителямъ по 200 рублей въ годъ. Приговора представить мнѣ *въ самомъ непродолжительномъ времени* съ такимъ разсчетомъ, *чтобы за январь сего года учителя получили бы увеличенное жалованье*. За скорое исполненіе прійти на помощь учителямъ матеріально я останусь обществамъ благодаренъ“.

Что можно сказать о такого рода бумагѣ. Конечно она характери-

зуетъ г. Вологдина, какъ добраго и отзывчиваго человѣка, который не можетъ равнодушно видѣть нужду ближняго. Но съ другой стороны, какой практическій результатъ можетъ воспослѣдовать отъ написанія такихъ бумагъ? Вѣдь, въ концѣ концовъ, надо же остановиться на чемъ-нибудь изъ двухъ: или сельскія общества не понимаютъ значенія сельскаго учителя и не хотятъ ему помочь, или сельскія общества держатъ учителей впроголодь потому, что и сами живутъ впроголодь. Но, ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ бумага ни на волосъ не можетъ измѣнить существа дѣла, она не подыметъ сельскаго учителя въ глазахъ крестьянъ и не измѣнитъ экономическаго положенія деревни. Къ тому же, какъ справедливо отмѣтило „Вост. Об.", надо хоть сколько-нибудь считаться и съ правовымъ положеніемъ сельскихъ обществъ: пока существуютъ сельскія общества и пока законъ предоставитъ имъ право *добровольно* составлять свои приговоры, никто не можетъ, оставаясь въ предѣлахъ законности, предопредѣлять содержаніе приговора и, такъ сказать, навязывать обществу свою волю и свои взгляды. Не можетъ даже въ томъ случаѣ, когда эта частная воля будетъ культурнѣе, гуманнѣе и просвѣщеннѣе общей воли схода. Все это само по себѣ до такой степени ясно и просто, что даже какъ-то неловко говорить объ этомъ и доказывать, что въ рай за волоса не тащутъ.

—

До какой степени была запущена наша дореформенная школа, можно судить потому, что у насъ нѣтъ ни одного типа школы, который бы не нуждался въ коренныхъ преобразованіяхъ. Все зданіе нашей учебной системы, съ верхняго до нижняго этажа, нуждается въ основательномъ ремонтѣ, и чѣмъ больше работаютъ всевозможныя комиссіи и подкомиссіи, тѣмъ яснѣе сознаютъ, что предъ ними лежитъ исполинское дѣло, котораго не передѣлать и въ десятки лѣтъ. Еще не покончили съ университетами и гимназіями, какъ на очередь уже выдвинутъ вопросъ о народныхъ городскихъ училищахъ, объ образованіи рабочихъ, о сельской школѣ. Словомъ, всѣ виды школъ признаны непригодными и настоятельно нуждающимися въ реформѣ. Если же кое-гдѣ въ самыхъ темныхъ углахъ нашей учебной системы, все еще остается по прежнему (какъ напримѣръ, въ семинаріяхъ, епархіальныхъ училищахъ, женскихъ гимназіяхъ и низшихъ духовныхъ школахъ) то это разумѣется отнюдь не доказываетъ, что въ этихъ школахъ все обстоитъ благополучно,—напротивъ, многочисленныя жалобы родителей и печати вполнѣ ясно подтверждаютъ, что и эти школы ждутъ не дождутся благодатной оттепели, которая дала бы передышку послѣ безконечно долгой зимы. И нѣтъ сомнѣнія, что оттепель наступитъ, какъ наступила она уже для высшей, средней и низшей школы, какъ наступаетъ она теперь и для технической школы.

Что касается этой послѣдней, то по своей малочисленности (у насъ всего на всего 50 техническихъ школъ) она менѣе другихъ имѣла право на вниманіе, тѣмъ болѣе, что и по возрасту своему она едва ли не моложе всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній. И однако же къ ея ремонту уже приступили. Быть можетъ, это вниманіе слѣдуетъ объяснить укоренившимся уже сознаніемъ въ необходимости техническаго образованія, а, можетъ быть, причиной заботливости послужила самая исторія нашей технической школы, рожденіе которой было обставлено крупными недоразумѣніями. Вотъ что разсказываетъ объ этой исторіи „Нов. Вр.“.

Лѣтъ 14 назадъ въ одной изъ комнатъ рѣшали вопросъ о реальныхъ училищахъ, въ другой комнатѣ рядомъ—о техническихъ училищахъ. Въ первой комнатѣ явился проектъ ограничить преподаваніе въ реальныхъ училищахъ пятью классами съ тѣмъ, чтобы ученики могли поступать на спеціальные техническіе курсы. На основаніи этого проекта вторая комната постаралась утвердить 7-го марта 1888 г. законъ о томъ, что въ техническія училища поступаютъ ученики, окончившіе курсъ пяти классовъ реальныхъ училищъ. Какъ разъ въ это время первая комната передумала и закономъ 9-го іюня того же 1888 г. оставила реальныя училища не только съ прежнимъ шестиклассными курсомъ, но даже прибавила къ нимъ еще и седьмой дополнительный классъ...

Хотя министерство народнаго просвѣщенія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ создавало ежегодно чуть не по двѣнадцати новыхъ профессіональныхъ школъ, но обида, нанесенная первой комнатой, оказывалась все болѣе и болѣе невыносимой: изъ пятаго класса реальныхъ училищъ шли въ техническія не молодые люди, окончившіе общій курсъ образованія, а лишь неудачники.

И очень понятно почему: воспитанникъ реальнаго училища, у котораго по части отмѣтокъ все обстоитъ благополучно, имѣетъ возможность мечтать о высшемъ учебномъ заведеніи и о законченномъ техническомъ образованіи. Спрашивается, съ какой же стати онъ будетъ мѣнять журавля на синицу. Естественно, что техническія училища должны были сдѣлаться своего рода резервуарами, куда стекались отбросы со всѣхъ учебныхъ заведеній: если изъ гимназіи исключили, изъ реальнаго училища удалили, то неудачники, скрѣпя сердце, шли ужъ въ техническія училища. Плакали, но шли, такъ какъ выбора у нихъ не было.

Къ счастью, эта крупная ошибка, тяготѣвшая надъ техническими школами со дня ихъ основанія, теперь будетъ удалена, и комиссія работающая надъ реформой этой школы, имѣетъ въ виду создать единый типъ техническаго училища, сохранивъ, впрочемъ, семиклассныя и восьмиклассныя техническія училища въ качествѣ подготовительныхъ для высшихъ

учебныхъ заведеній. Впрочемъ, послѣднее еще не рѣшено окончательно, и, быть можетъ, комиссіи удастся избѣжать этой новой ошибки, такъ какъ для подготовки въ высшую школу рѣшительно нѣтъ никакой надобности придумывать особый типъ техническаго училища, разъ существуютъ гимназіи и реальныя училища.

*** Какъ сообщаетъ „Саратовскій Дневникъ", въ посадѣ Дубовкѣ (Сарат. губ.) протоіерей Мининъ предпринялъ рядъ обличительныхъ рѣчей, направленныхъ противъ мѣстнаго учительскаго персонала. Духовный отецъ скорбѣлъ, что въ современномъ народномъ учителѣ замѣчается отсутствіе истинной религіозности. Обращая вниманіе молящейся публики на равнодушное отношеніе учителей къ обрядовой сторонѣ, онъ, между прочимъ, говорилъ: „Посмотрите, какъ держитъ себя нынѣшній учитель за молитвой въ школѣ: ногу этакъ, впередъ, руки назадъ, голову вверхъ (о. Мининъ показалъ это духовному стаду наглядно) и стоитъ, какъ столбъ, холодный, безучастный, разсѣянный. Рѣдко, рѣдко догадается перекреститься. Вотъ каковы воспитатели нашихъ дѣтей. И имъ-то ввѣряютъ судьбу молодыхъ поколѣній! Чему же, спрашивается, они могутъ научить?" По словамъ о. Минина, такіе учителя оказываютъ самое пагубное вліяніе на своихъ учениковъ. Въ подтвержденіе этого онъ даже сослался на одного изъ бывшихъ когда то въ посадѣ учителей. „Къ счастью,—мимоходомъ замѣчаетъ онъ,—его теперь уже нѣтъ, хоть зловредныя сѣмена и не всегда пропадаютъ даромъ". Въ заключеніе о. Мининъ совѣтуетъ прихожанамъ наблюдать за поведеніемъ своихъ учителей.

Такія рѣчи о. Мининъ говоритъ съ амвона не первый разъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ громилъ мѣстныхъ учителей за „несоблюденіе" постовъ.

Едва ли епархіальная власть отнеслась бы съ поощреніемъ къ такого рода рѣчамъ протоіерея Минина, и учителя должны бы довести о случившемся до свѣдѣнія архіерея, такъ какъ публичныя обличенія съ амвона не допускаются церковнымъ уставомъ.

*** Нѣчто подобное эпизоду въ Дубовкѣ совершается и въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Здѣсь, по сообщенію „Сѣвернаго Края", организовался кружокъ сельскихъ учителей и учительницъ.

Члены кружка—учителя и учительницы какъ министерскихъ, такъ и церковно-приходскихъ школъ, въ количествѣ около 20 человѣкъ, устраиваютъ каждое воскресенье въ одномъ центральномъ училищѣ учительскія собранія, на которыхъ читаютъ, поютъ и пользуются другими пріятными и полезными развлеченіями. На общія суммы выписываются одна газета и журналъ. Кружокъ собирается давать народные безплатные спектакли. Около училища, гдѣ собираются учащіе, устроенъ катокъ, на которомъ они катаются на

оинькахъ, и такимъ образомъ пользуются самымъ необходимымъ для нихъ въ гигіеническомъ отношеніи развлеченіемъ. И, кажется, кто бы могъ имѣть что-либо противъ этихъ полезныхъ и желательныхъ учительскихъ собраній, на которыя учащіе съѣзжаются отдохнуть душой и тѣломъ послѣ недѣльнаго, упорнаго труда. А между тѣмъ нашелся такой человѣкъ, который считаетъ, какъ видно изъ его разговоровъ, подобныя собранія вредными. Разъѣзжая по ревизіи, онъ искусно выспрашивалъ, какія учительницы церковно-приходскихъ школъ посѣщаютъ собранія, и затѣмъ нѣкоторымъ священникамъ, завѣдующимъ церковными школами, высказался противъ посѣщенія церковно-приходскими учительницами этихъ собраній, на которыхъ, по его мнѣнію, учительницы могутъ подпасть подъ вредное вліяніе нѣкоторыхъ учителей—членовъ кружка. Какого вреднаго вліянія онъ опасается, извѣстно лишь его совѣсти. Намъ же кажется, что блюститель самъ подпалъ подъ кое-какое вредное вліяніе, вмѣшиваясь въ частную, домашнюю жизнь учительницъ. Далѣе онъ намекнулъ, что если учительницы будутъ посѣщать собранія, то могутъ лишиться своихъ мѣстъ. Учительницы же не устрашились угрозы блюстителя и продолжаютъ посѣщать собранія. Интересно, допуститъ ли начальство исполнить блюстителю его угрозу, и какую кару примѣнитъ онъ къ учительницамъ церковно-приходскихъ школъ.

Итакъ, къ числу недозволенныхъ развлеченій присоединились еще и коньки.

*** Извѣстный писатель, скрывающійся подъ иниціалами В. К., сообщаетъ въ „Русскихъ Вѣд.“ слѣдующій забавный эпизодъ..

Недавно въ Телавѣ одинъ обыватель вздумалъ устроить елку для бѣдныхъ, о чемъ и подалъ прошеніе мѣстному приставу; но послѣдній въ разрѣшеніи отказалъ на томъ основаніи, что *„елка въ каталогѣ разрѣшенныхъ къ постановкѣ пьесъ не значится“*.

Изъ жизни и литературы.

Праздникъ искусства.

(По поводу спектаклей Московскаго Художественнаго Театра въ Петербургѣ.

Существуетъ мнѣніе, что интересъ къ театру усиливается въ обществѣ особенно въ такія эпохи, когда пульсъ общественной жизни, по тѣмъ или другимъ причинамъ, бьется тише, когда всюду чувствуется скука, безжизненность, унылое настроеніе. Говорятъ, что именно въ такія времена театръ, представляя собою нѣкоторое подобіе общественной жизни, помогаетъ „оживлять душу" свѣжими впечатлѣніями и, такимъ образомъ, поддерживаетъ высшіе художественные и общественные интересы. И наоборотъ,—оживленіе дѣятельности общественной и политической всегда, будто бы, отражается на театрѣ пониженіемъ интереса къ нему, а слѣдовательно—и извѣстнымъ паденіемъ драматической литературы и сценическаго искусства.

Это мнѣніе, какъ и многія ходячія „истины", нуждается, однако, въ серьезной поправкѣ. Во-первыхъ, его трудно обосновать исторически: не удаляясь въ давно-прошедшее, достаточно сказать, что въ странахъ съ весьма широко и свободно развитой общественной дѣятельностью,—во Франціи, въ Германіи, въ Скандинавскихъ государствахъ, и притомъ въ такую пору, когда политическая жизнь бьетъ ключемъ, мы видимъ вовсе не „паденіе", а наоборотъ,—подъемъ театра и драматической литературы, которая является зеркаломъ возбужденной жизни: общественная драма французская, нѣмецкая беретъ начало съ 1848 года и особенно развивается въ 70-хъ и 80-хъ годахъ; театръ Ибсена и Бьернсона получаетъ особенное значеніе именно въ такое время, когда прежній застой въ Норвегіи и Даніи смѣняется оживленнымъ движеніемъ. Да и у насъ оживленіе театра и интереса къ нему,—блестящее время

дѣятельности Островскаго и знаменитыхъ артистовъ Московскаго Малаго театра развѣ не совпадаетъ съ общимъ подъемомъ жизни и литературы въ 60 годахъ? А во-вторыхъ, „театръ“ есть выраженіе слишкомъ неопредѣленное; это—какъ бы скобка, за которую выносятся самыя различныя величины, не имѣющія между собою почти ничего общаго: и настоящее искусство, и всевозможныя „зрѣлища и увеселенія“, Шекспиръ и „Рабыни веселья“, Дузе и г-жа Яворская, художники сцены и дрессированныя блохи... Успѣхъ театра этой второй категоріи въ самомъ дѣлѣ можетъ служить показателемъ упадка общественной жизнедѣятельности, огрубѣнія вкуса, пониженія эстетическихъ понятій и требованій; но успѣхъ настоящаго искусства, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о ростѣ общества. И это особенно важно у насъ, гдѣ литература и театръ, тотъ театръ, который тѣсно связанъ съ литературою, всегда имѣли и до сихъ поръ сохраняютъ огромное воспитательное значеніе. Но какъ въ литературѣ есть лубочные писатели для невзыскательной толпы, составляющіе, къ сожалѣнію, большинство, такъ точно и въ театральной сферѣ есть лубочныя сцены, которыя тоже привлекаютъ свою публику, привыкшую довольствоваться малымъ. Что же дѣлать? Всякому—свое...

Но за то, когда въ литературѣ является новое произведеніе даровитаго писателя, или когда на сценѣ приходится видѣть дѣйствительно художественное, продуманное и талантливое исполненіе умной пьесы,—тогда для всѣхъ, кто любитъ литературу и театръ и сознаетъ ихъ великое жизненное значеніе, наступаетъ истинный праздникъ искусства, возвышающаго и просвѣтляющаго жизнь.

Такимъ праздникомъ искусства были для насъ, петербургскихъ жителей, спектакли Московскаго Художественнаго Театра, уже второй годъ посѣщающаго Петербургъ во время „великаго поста“ и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ этого слова. Да, наша обычная театральная жизнь дѣйствительно—„великій постъ“, а иногда и великая скорбь для художественно-развитой части публики; только изрѣдка удается намъ уходить изъ театра съ сознаніемъ испытаннаго высокаго удовольствія, съ доброй памятью о пьесѣ и объ ея исполненіи; но какъ часто вечеръ, проведенный въ театрѣ, не оставляетъ въ душѣ никакого слѣда! Даже и во время самого представленія большинство зрителей относится къ тому, что происходитъ на сценѣ, какъ то безучастно. Прислушайтесь, во время антрактовъ въ фойе или при разъѣздѣ по окончаніи спектакля, къ разговорамъ, обрывки которыхъ носятся вокругъ васъ: всѣ говорятъ о предметахъ, совершенно постороннихъ,—о вчерашнемъ винтѣ, о погодѣ, объ общихъ знакомыхъ, о городскихъ новостяхъ, и почти никто ни словомъ не обмолвится о томъ, что онъ только что видѣлъ и слышалъ въ театральной

залѣ, точно всѣ сюда пришли по какой-то скучной обязанности или просто потому, что „некуда дѣваться“... Отчего это? Оттого-ли, что наша публика утратила ту впечатлительность, ту отзывчивость, которая заставляетъ зрителя хоть отчасти забывать, что онъ находится въ театрѣ, хоть отчасти переживать то, что творится на сценѣ? или, быть можетъ, оттого, что посѣщеніе театра стало для насъ какою-то повинностью, хотя и добровольно отбываемой, но „пріѣвшейся“ и наскучившей? или оттого, наконецъ, что мы предъявляемъ искусству слишкомъ высокія требованія и что въ этой области намъ трудно угодить?

Не станемъ входить въ подробное обсужденіе этихъ вопросовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ предмету настоящей статьи; мы коснулись ихъ только для того, чтобы отмѣтить совсѣмъ иное отношеніе той же самой публики къ спектаклямъ Московскаго Художественнаго Театра. Во время этихъ спектаклей и въ антрактахъ, и при разъѣздѣ, къ какой бы группѣ вы ни подошли, вы услышите разговоръ исключительно о томъ, что только что происходило на сценѣ; мало того, даже нѣсколько дней спустя, встрѣчаясь въ обществѣ съ знакомыми, вы опять-таки навѣрное услышите такіе же разговоры, и даже воспоминанія о видѣнномъ годъ тому назадъ. Очевидно, впечатлѣніе этихъ пьесъ и ихъ исполненіе не только всецѣло захватываетъ зрителей во время самого представленія, но не успѣваетъ остыть еще и долгое время спустя, подъ слоемъ другихъ, позднѣйшихъ впечатлѣній. Въ чемъ же причина этой разницы въ отношеніяхъ одной и той же публики къ Московскому Театру и ко всѣмъ прочимъ? Заключается ли она въ особой, изъ ряду вонъ выходящей, талантливости артистовъ Художественнаго Театра, въ новизнѣ и оригинальности его репертуара или въ новости и необычности самыхъ пріемовъ сценической постановки и исполненія, или, можетъ быть, еще въ чемъ-нибудь другомъ?

Попробуемъ разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ.

Что касается талантовъ, то въ этомъ отношеніи Петербургскій зритель до такой степени избалованъ, что его трудно удивить и привлечь исключительно этой приманкой: какихъ только первоклассныхъ представителей драматическаго искусства, какихъ всемірныхъ знаменитостей не видѣли мы у себя въ гостяхъ за послѣдніе годы? Притомъ, въ труппѣ Художественнаго Театра, конечно, можно указать артистовъ и артистокъ съ выдающимся дарованіемъ, но никто изъ нихъ не можетъ итти въ сравненіе съ тѣми звѣздами первой величины, о которыхъ сказано выше. Новыя пьесы для насъ также не въ диковинку: мы можемъ ихъ видѣть по нѣскольку чуть ли не каждую недѣлю. Конечно, тотъ репертуаръ, съ которымъ пріѣзжаютъ къ намъ москвичи, и оригиналенъ, и интересенъ,—но, вѣдь, это—только матеріалъ для внѣшняго успѣха, а такой успѣхъ еще

ничего не доказываетъ: почти на всякомъ первомъ представленіи новой пьесы театръ бываетъ полонъ, если только эта пьеса возбуждаетъ извѣстное любопытство или по имени автора, или по составу исполнителей. А въ репертуарѣ Художественнаго Театра далеко не всѣ пьесы могутъ назваться дѣйствительно новыми, т. е. болѣе или менѣе неизвѣстными публикѣ: драмы Чехова давно прочитаны всѣми, кто привыкъ интересоваться современной литературой; Ибсенъ и Гауптманъ также не представляютъ интереса новизны для большинства образованной публики; притомъ, мы уже видѣли въ прошломъ году, на одной изъ частныхъ петербургскихъ сценъ, и „Геншеля“ и „Крамера“; а чеховская „Чайка“ на нашей „образцовой“ сценѣ такъ позорно провалилась, что московскіе гости не рѣшились даже и показать ее петербургской публикѣ въ своемъ исполненіи, не смотря на огромный успѣхъ этой же самой пьесы въ Москвѣ. Строго говоря, дѣйствительно новыми въ нынѣшнемъ репертуарѣ москвичей явились только двѣ пьесы: „Въ мечтахъ“ Вл. Ив. Немировича-Данченко и „Мѣщане“ Горькаго. Нѣтъ сомнѣнія, что и весь составъ этого репертуара оригиналенъ и интересенъ *вообще*,—и объ этомъ общемъ его характерѣ мы скажемъ дальше подробно; но нѣтъ сомнѣнія также, что сила и значительность получаемыхъ въ этомъ театрѣ впечатлѣній только отчасти можетъ быть отнесена на счетъ репертуара, главное же дѣло—вовсе не въ немъ, а въ томъ особенномъ пониманіи задачъ драматическаго искусства, въ томъ оригинальномъ сценическомъ міросозерцаніи, которымъ обусловливается новость и необычность отношенія артистовъ и ихъ руководителей къ своему призванію. Эта новость и необычность имѣетъ очень важное *принципіальное* значеніе, и несомнѣнно ей принадлежитъ на сценѣ великое будущее.

Во всѣхъ нашихъ театрахъ съ давняго времени укоренилось такое правило, что на первомъ мѣстѣ всегда стоитъ актеръ, а пьеса и ея авторъ—далеко на второмъ. Къ этому порядку всѣ до такой степени привыкли, что даже, какъ будто, не замѣчали и возможности иного отношенія къ дѣлу. При постановкѣ пьесы каждый изъ исполнителей выбираетъ себѣ роль соотвѣтственно своему „амплуа“—и, въ сущности, видитъ и знаетъ только одну собственную роль, очень мало заботясь о содержаніи пьесы вообще и о намѣреніяхъ автора. Эта беззаботность нерѣдко доходитъ до того, что артисты начинаютъ относиться къ самому тексту пьесы не только невнимательно, но даже и совсѣмъ безцеремонно, сокращая монологи и реплики, а иногда—выбрасывая цѣлыя сцены и даже цѣлые акты подъ предлогомъ большаго „удобства“ такихъ сокращеній для исполнителя; очень нерѣдко—даже и на „образцовой“ сценѣ—приходится слышать и актерскую „отсебятину“, и притомъ—въ пьесахъ не неизвѣстныхъ какихъ-нибудь сочинителей, а, напр., у Островскаго и даже у Шекспира. Видѣли

мы и такихъ артистовъ изъ числа самыхъ крупныхъ, которые, нисколько не стѣсняясь, передаютъ „своими словами" даже стихи, безъ всякаго вниманія къ размѣру и риѳмѣ,—потому, что такъ имъ „удобнѣе". Отступаетъ на второй планъ пьеса,—утрачиваетъ свое значеніе и техника постановки, и монтировочная часть: все дѣлается не такъ, какъ правильнѣе и красивѣе, а какъ „удобнѣе"—опять таки для исполнителей; желанія автора, если онъ самъ находится налицо и имѣетъ возможность заявить свои желанія,—рѣдко принимаются въ соображеніе; да притомъ, авторъ рѣдко бываетъ и компетентенъ въ сложномъ дѣлѣ постановки, требующемъ спеціальныхъ знаній и, можно сказать, особаго художественнаго вкуса и вдохновенія. Въ результатѣ получается, что каждый исполнитель ведетъ свою роль, можетъ быть и очень хорошо и талантливо, но *самъ по себѣ*, такъ что зритель видитъ на сценѣ актеровъ и актрисъ, но рѣдко видитъ пьесу во всемъ ея идейномъ объемѣ, и еще рѣже—получаетъ именно то впечатлѣніе, какое хотѣлъ вызвать авторъ, ибо творчество актера часто идетъ наперекоръ творчеству драматурга. О разнаго рода „наглядныхъ несообразностяхъ" въ расположеніи декорацій (двери и окна въ одной и той же стѣнѣ; печь рядомъ съ окномъ; двери, сами собою отворяющіяся на обѣ половинки отъ легкаго толчка тыломъ руки; лунный свѣтъ съ той же стороны, съ которой только что зашло солнце, и пр., и пр.) „ужъ сколько разъ твердили міру, да только все не въ прокъ". Еще чаще приходится видѣть несообразности въ группировкѣ и движеніяхъ лицъ на сценѣ, особенно, когда среди этихъ лицъ находятся статисты. Чтобы не говорить голословно, изъ множества примѣровъ приведемъ только одинъ. Недавно, при новой и во многихъ отношеніяхъ весьма заботливой постановкѣ „Горе отъ ума", на балъ къ Фамусову, въ числѣ прочихъ гостей, явился почтенный старый сановникъ чуть ли не въ Андреевской лентѣ, въ сопровожденіи своей супруги; съ послѣднею всѣ очень любезно поздоровались, на старика же никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія; мало того, не только Фамусовъ повернулся къ нему спиной, но даже и Молчалинъ, проходя мимо, не удостоилъ его хотя бы кивкомъ! Постоялъ бѣдный старичекъ, сколько надо было, на одномъ мѣстѣ, да и ушелъ обратно за кулисы—снимать парикъ и ленту, никому не внушившіе даже элементарнаго почтенія... Вообще, условность и шаблонность исполненія проступаетъ тѣмъ ярче, чѣмъ рѣшительнѣе пьеса приносится въ жертву исполнителямъ. Но и сами исполнители, и мы, созерцающіе ихъ исполненіе, до такой степени къ этой шаблонности и условности привыкли, такъ съ нею сжились, что совсѣмъ перестали замѣчать ее; мы были убѣждены, что именно такъ и надо играть, что иначе и нельзя. Но вотъ,—являются люди, которые доказываютъ намъ возможность совсѣмъ иной точки зрѣнія, совсѣмъ иного

отношенія къ пьесѣ, совершенно обратнаго тому, къ которому мы такъ привыкли. Руководители Московскаго Художественнаго Театра смѣло рѣшились „повернуть на другую сторону“ самый основной принципъ сценическаго дѣла: они выдвинули на первый планъ пьесу и ея автора—и безусловно подчинили исполнителей содержанію и духу драматическаго произведенія. Въ ихъ труппѣ нѣтъ привилегированныхъ „первачей“, генераловъ сцены, удостоивающихъ играть исключительно главныя роли, не заботясь ни о чемъ остальномъ; у нихъ есть только актеры и актрисы, проникнутые любовью къ своему дѣлу и сознаніемъ его важности,—равные между собою рядовые одного строго дисциплинированнаго полка, изъ которыхъ каждый, соотвѣтственно личнымъ своимъ способностямъ и дарованію, вноситъ свою долю работы въ *общее дѣло*, сегодня выступая въ главной роли, а завтра являясь безсловеснымъ статистомъ, но и сегодня, и завтра, и всегда—съ одинаково серьезнымъ отношеніемъ къ своей задачѣ, съ одинаковымъ сознаніемъ отвѣтственности какъ за себя лично, такъ и за всѣхъ остальныхъ участниковъ пьесы. Такое подчиненіе личности исполнителя общему характеру исполненія не только не мѣшаетъ проявленію индивидуальной артистической силы каждаго отдѣльнаго актера, но, напротивъ, чрезвычайно помогаетъ ея развитію, потому что даетъ возможность каждому выбирать въ пьесѣ такую роль, которая всего ближе подходитъ къ личнымъ его средствамъ и характеру,—такую роль, которую исполнитель въ состояніи *прочувствовать*, внутренно пережить, а слѣдовательно—и дать ей наиболѣе правильное толкованіе.

Такимъ образомъ, на мѣсто прежняго, привычнаго принципа, гласящаго: „сперва актеръ, потомъ пьеса“ ставится принципъ совершенно противоположный: „сперва пьеса потомъ актеръ“. Отсюда для каждаго участвующаго въ данной пьесѣ, не исключая и „безсловесныхъ“, вытекаетъ серьезная обязанность самаго внимательнаго, подробнаго и всесторонняго анализа этой пьесы и всѣхъ представленныхъ въ ней характеровъ и положеній, съ цѣлью уяснить себѣ идею и намѣренія автора, чтобы затѣмъ имѣть возможность правильно передать ихъ зрителю. Въ результатѣ такого отношенія къ пьесѣ является, прежде всего, строго внимательное отношеніе къ ея тексту, не допускающее никакихъ произвольныхъ урѣзокъ, прибавокъ или измѣненій; затѣмъ—не менѣе, если еще не болѣе строгое отношеніе къ ея исполненію сообразно съ общимъ ея духомъ и характеромъ, которому подчиняется каждое слово, каждое движеніе артиста на сценѣ; наконецъ,—тщательная разработка всѣхъ деталей сценической постановки и обстановки, также въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ матеріаломъ, какой дается авторомъ пьесы. Стремясь къ осуществленію всѣхъ этихъ задачъ, руководители Московскаго Художественнаго Театра и достигаютъ той удивительной полноты и цѣль-

ности впечатлѣнія, которая дается одухотворенною игрою, заставляющею зрителя забывать, что онъ видитъ передъ собою сцену, а не дѣйствительную жизнь. Выше мы уже сказали, что въ этой труппѣ нѣтъ звѣздъ первой величины; но, благодаря тому, что въ исполненіи пьесы каждый поставленъ на свое мѣсто, именно къ нему наиболѣе подходящее, и что, такимъ образомъ, силы каждаго исполнителя получаютъ наиболѣе полное и наиболѣе полезное примѣненіе и притомъ—въ надлежащей обстановкѣ,—самое исполненіе пріобрѣтаетъ необычную при другихъ условіяхъ яркость и стильность истинно художественную, и зритель получаетъ возможность пережить и перечувствовать пьесу во всей ея полнотѣ и согласно съ намѣреніями автора.

Само собою разумѣется, что не только осуществленіе подобнаго результата, но даже и приближеніе къ нему требуетъ огромнаго и напряженнаго труда. Для того, чтобы наряду съ художественнымъ творчествомъ автора поставить художественное творчество артиста, въ то же время постоянно подчиняя послѣднее первому, необходима центральная руководящая сила, твердая дисциплинирующая власть, обладающая художественнымъ тактомъ и вдохновеніемъ. Какъ въ хорошемъ оркестрѣ каждый отдѣльный музыкантъ, хотя бы онъ былъ и первоклассньмъ артистомъ, обязанъ безусловно подчиняться дирижеру, такъ же точно и въ труппѣ, стремящейся достигнуть дружнаго совмѣстнаго исполненія, каждый отдѣльный исполнитель долженъ строго руководствоваться указаніями режиссера, и всѣ вмѣстѣ должны твердо усвоить сообща выработанный планъ и темпъ исполненія. На обязанности режиссера лежитъ поставить личное творчество каждаго въ зависимость отъ общаго характера пьесы и каждому точно указать тѣ предѣлы, которыхъ онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ переступать, если не желаетъ повредить цѣльности общаго впечатлѣнія. Именно такого руководителя и имѣетъ московская труппа въ лицѣ своего главнаго режиссера К. С. Станиславскаго. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какими средствами и пріемами г. Станиславскій достигаетъ своихъ результатовъ,—насколько эти результаты являются продуктомъ его личнаго художественнаго вкуса и насколько въ нихъ участвуетъ вдохновеніе и вкусы его товарищей; но результаты эти у всѣхъ передъ глазами, и что бы ни говорилось людьми, не одобряющими нашихъ московскихъ гостей,—это неодобреніе касается только частностей, деталей, мелкихъ ошибокъ, отъ которыхъ никто не свободенъ, ибо въ мірѣ совершенства нѣтъ; общій же, основной принципъ остается непоколебленнымъ, и этими мелкими и мелочными упреками только еще болѣе укрѣпляется.

Упреки, о которыхъ мы упомянули, сводятся преимущественно къ нападкамъ на излишнюю конкретность постановки, на злоупотребленія бута-

форіей. Дѣло въ томъ, что руководители Художественнаго Театра желаютъ въ каждой пьесѣ дать возможно полное и точное воспроизведеніе дѣйствительной жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранить или, по крайней мѣрѣ, свести къ неизбѣжному минимуму всякія сценическія условности. Этому стремленію они удовлетворяютъ, прежде всего, оригинальными декораціями: вмѣсто шаблоннаго „павильона“ во всю ширину огромной сцены, зритель видитъ передъ собою разрѣзъ почти цѣлой квартиры изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ, въ которыхъ дѣйствительно можно *жить*, а не только „играть“,—тѣмъ болѣе, что онѣ обставлены до мелочей реально всѣми принадлежностями настоящаго жилья, подобранными въ строгомъ соотвѣтствіи съ положеніемъ и характеромъ дѣйствующихъ лицъ пьесы: здѣсь вы видите, напр., портреты на стѣнахъ, книги, газеты и разныя мелочи на столахъ, цвѣты на окнахъ, характерную мебель, въ достаточной мѣрѣ подержаную, и т. д. Такимъ образомъ, внѣшняя рамка, въ которой происходитъ дѣйствіе, сама является художественной жанровой картиной и существенно дополняетъ общее впечатлѣніе, получаемое отъ дѣйствія. Кто разъ видѣлъ обстановку, напр., квартиры доктора Штокмана, пивную въ „Крамерѣ“ или своеобразную перспективу мѣщанскаго дома Безсѣменовыхъ, тому она прочно врѣзалась въ память и, такъ сказать, слилась съ содержаніемъ самой пьесы, вмѣстѣ съ которою она составляетъ одно цѣлое, одну художественную картину жизни. Наряду съ этой реальной обстановкой, режиссеры Художественнаго Театра вводятъ въ пьесу и разныя мелкія житейскія подробности, еще болѣе усиливающія реальность общаго впечатлѣнія: такъ, напр., на сценѣ появляются разныя лица, хотя и не имѣющія прямого отношенія къ дѣйствію, но присутствіе которыхъ представляется вполнѣ естественнымъ,—рабочіе въ типографіи, нищій—подъ окономъ дома, гости въ ресторанѣ; за сценой слышатся разные „голоса жизни“,—то звуки мимоидущаго военнаго оркестра, то шарманка или гармоника, пѣсни, звонъ колоколовъ, свистки и шумъ поѣзда, крикъ гусей, чириканье сверчка за печкой и т. п. Вотъ, на эти то звуки больше всего и было, кажется, направлено вниманіе и критическое осужденіе строгихъ рецензентовъ, которые жаловались на то, что всѣ подобныя бутафорскія выдумки отвлекаютъ вниманіе зрителя отъ сущности пьесы. Но, во-первыхъ, если бы передъ нами было не театральное представленіе, а мы случайно сдѣлались бы свидѣтелями, въ самой жизни, того, что происходитъ на сценѣ (а такова именно цѣль правильной постановки: дать возможно полную иллюзію дѣйствительности),—то, вѣдь, мы не въ силахъ были бы устранить ни этихъ постороннихъ звуковъ, ни постороннихъ лицъ; для чего же изгонять ихъ со сцены? Развѣ, напр., не странно, что у насъ, въ сценахъ, происходящихъ на улицѣ, появляются передъ зрителемъ только необходимыя дѣй-

ствующія лица пьесы,—какъ будто эта улица находится въ какомъ то безлюдномъ городѣ? Во-вторыхъ, строгіе рецензенты не давали себѣ труда справляться съ текстомъ пьесы, а потому и не замѣчали, что большая часть „постороннихъ звуковъ“ (свистки и гуси въ „Одинокихъ“, шарманка и гармоника въ „Мѣщанахъ“ и мн. др.) прямо *требуются авторомъ*, воля котораго, конечно, должна быть обязательной для исполнителей. Въ „Одинокихъ“ есть, напр., цѣлая сцена, гдѣ семья, во время завтрака, гоняется за осой; надъ этой сценой нѣкоторые проницательные цѣнители искусства изощряли свое остроуміе,—и не подозрѣвая того, что они смѣются не надъ московскими артистами за ихъ „излишній“ реализмъ, а надъ Гауптманомъ, у котораго эта сцена дана въ ремаркѣ. Въ первомъ дѣйствіи „Дяди Вани“ всѣ постоянно отмахиваются отъ комаровъ; соотвѣтствующей ремарки у Чехова нѣтъ, но дѣйствующія лица нѣсколько разъ повторяютъ слова о комарахъ,—слова, которыя не имѣли бы смысла, если бы не сопровождались той мимической игрой, какую ведутъ артисты и которая нисколько не мѣшаетъ имъ вести пьесу. Что касается „отвлеченія вниманія“ зрителя отъ дѣйствія—къ аксессурамъ, то вниманіе едва ли не больше отвлекается самой же публикой,—той тысячей человѣкъ, которые сидятъ вокругъ васъ, кашляютъ, плюютъ, сморкаются, болтаютъ, наступаютъ вамъ на ноги, протискиваясь на свое мѣсто во время дѣйствія и т. д. Я бы сказалъ наоборотъ, что именно детали постановки, обращая вниманіе зрителя на сцену, отвлекаютъ его отъ этихъ неизбѣжныхъ непріятностей зрительнаго зала.

Можетъ быть, наши московскіе гости и въ самомъ дѣлѣ иногда слишкомъ увлекаются разными мелочами и второстепенными подробностями постановки и иногда теряютъ необходимое чувство мѣры; такъ, напр., появленіе нищаго и мальчишки-маляра съ кусками обоевъ въ „Мѣщанахъ“, звуки военной музыки въ первомъ актѣ „Крамера“, выдача кассиромъ гонорара въ типографіи въ „Штокманѣ“ едва ли не лишнія детали, ничего не прибавляющія къ жанровой картинѣ, и безъ того достаточно характерной. Но въ принципѣ и по существу дѣла руководители Художественнаго Театра, безъ сомнѣнія, совершенно правы. При постановкѣ пьесы все, до мельчайшихъ подробностей, должно быть тщательно взвѣшено и обдумано, и случай не долженъ играть никакой роли; игра артистовъ, движеніе каждой сцены, декоративная часть, соотвѣтствіе всѣхъ аксессуаровъ,—все это должно быть предусмотрѣно и принято въ разсчетъ, такъ какъ только при полной гармоніи всѣхъ этихъ частностей и можетъ быть достигнутъ успѣхъ произведенія, между тѣмъ какъ самая незначительная мелочь или неловкость могутъ испортить весь эффектъ прекрасной сцены и заставить зрителя покатиться со смѣху въ то время, когда разсчитыва-

лось вызвать слезы. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ,—только яркая выразительность сцены придаетъ драматическому произведенію истинную физіономію, выражая его внутреннюю силу и жизнь. Какъ уже сказано было выше, основной принципъ Московскаго Художественнаго Театра заключается въ томъ, что на первомъ мѣстѣ долженъ стоять авторъ и его пьеса, которая, слѣдовательно, и должна быть воспроизведена съ возможной полнотой и цѣльностью впечатлѣнія; а для достиженія этой цѣли необходима не только соотвѣтственная игра артистовъ, но и возможно болѣе совершенная сценическая иллюзія. Какъ бы ни былъ великъ талантъ актера, все-таки не слѣдуетъ упускать изъ виду той истины, что драматическое произведеніе не однимъ актеромъ разыгрывается на сценѣ. Актеру недостаточно изучить и „создать" свою роль: необходимо еще, чтобы онъ находилъ вокругъ себя полную гармонію, сознательную и равномѣрную поддержку со стороны всѣхъ, его окружающихъ, изъ которыхъ каждому должно быть указано свое мѣсто, свои особенныя рамки исполненія, для того, чтобы каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ могли способствовать общему эффекту. Вотъ тутъ-то и начинается работа, представляющая наиболѣе интересную и важную сторону постановки и требующая серьезныхъ усилій и заботъ артистовъ и режиссера. Они анализируютъ пьесу, изучаютъ каждое положеніе, сравниваютъ, доискиваются правды въ каждомъ движеніи; сколько разъ имъ приходится начинать работу сызнова, возвращаться къ тому, что уже было сдѣлано, измѣнять, поправлять самихъ себя, пока они не достигнутъ того, чтобы сцена производила на зрителей впечатлѣніе дѣйствительной жизни! Драматическое дѣйствіе не развернется во всей своей ясности, каждое слово актера не выразитъ своего истиннаго внутренняго значенія, каждое положеніе не произведетъ должнаго эффекта до тѣхъ поръ, пока каждое лицо не будетъ поставлено на свое мѣсто, пока общая игра всѣхъ въ каждой данной сценѣ, общая картина, создаваемая совокупною игрою актеровъ, не будетъ приведена въ логическое соотвѣтствіе со всѣмъ ходомъ сценическаго дѣйствія. Справедливо ли послѣ этого упрекать артистовъ въ томъ, что они слишкомъ усердно доискиваются сценической правды? Вѣдь театръ не можетъ и не долженъ уклоняться отъ общаго движенія всѣхъ другихъ искусствъ, которыя стремятся къ полному воспроизведенію, тщательному изученію и наименѣе условному выраженію природы. Въ чемъ же и должна состоять роль театра, какъ не въ томъ, чтобы переносить насъ, посторонних зрителей, въ фиктивный міръ, созданный воображеніемъ автора? Необходимо, чтобы театръ заставилъ насъ позабыть, что мы находимся въ зрительномъ залѣ и что дѣйствіе, которое мы видимъ, не реально развертывается передъ нашими глазами. Вся суть театра—въ томъ, чтобы произвести впечатлѣніе правды,

реальности, потому что только правда и можетъ насъ захватить и заставить такъ или иначе отозваться сердцемъ на то, что дается искусствомъ. Если хорошій романъ даетъ намъ такое впечатлѣніе, благодаря которому мы во время чтенія смѣемся или плачемъ, то тѣмъ болѣе должно ожидать подобнаго дѣйствія отъ театра, который располагаетъ для этого гораздо болѣе совершенными и полными средствами, чѣмъ книга.

И спектакли Московскаго Художественнаго Театра въ высокой степени даютъ это впечатлѣніе жизненной правды на сценѣ. Сидя въ зрительномъ залѣ, вы иногда невольно какъ бы переноситесь на сцену и чувствуете себя какъ бы участникомъ того, что тамъ происходитъ,—толкаетесь въ шумной толпѣ, собравшейся на сходку доктора Штокмана, или сидите за юбилейнымъ обѣдомъ въ „колонной“ залѣ московскаго Эрмитажа, или становитесь близкимъ очевидцемъ рокового скандала въ пивной съ несчастнымъ Арнольдомъ Крамеромъ. И эта удивительная, необычная для насъ полнота сценической иллюзіи достигается вовсе не крупными талантами или увлекательнымъ вдохновеніемъ отдѣльныхъ исполнителей, а общею полнотою *совмѣстной* игры всѣхъ, участвующихъ въ пьесѣ, и строгою продуманностью художественной постановки, т. е. именно тѣмъ одухотвореннымъ воплощеніемъ идеи автора, къ которому стремятся артистическія силы этого театра. Въ этомъ-то заключается тотъ „секретъ“, съ помощью котораго наши московскіе гости расшевелили самыхъ недовѣрчивыхъ скептиковъ. Ни въ одномъ театрѣ нельзя было встрѣтить столько знакомыхъ лицъ, какъ въ Панаевскомъ: здѣсь каждый вечеръ собирались всѣмъ извѣстные представители науки, литературы, искусства, адвокаты, врачи и пр.; люди, которые, повидимому, уже давно махнули рукой на драматическія представленія и перестали ихъ посѣщать, отказались отъ своихъ зароковъ и пришли сюда... Съ каждымъ спектаклемъ интересъ къ новому театру все больше и больше захватывалъ публику,—и это безъ всякой рекламы, безъ широковѣщательныхъ афишъ, безъ трубныхъ звуковъ, а напротивъ, подъ шипѣнье и хихиканье плохо скрытой зависти, которая, какъ ни старалась, не въ состояніи была придумать ничего, кромѣ „критики“ на сверчковъ и таракановъ, да глупыхъ пародій. Такъ было въ прошломъ году, при первомъ нашемъ знакомствѣ съ Московскимъ Художественнымъ Театромъ,—и то же самое повторилось и въ нынѣшнемъ году: интересъ петербургской публики къ этимъ спектаклямъ нисколько не ослабѣлъ, и оживленные толки и споры зрителей о томъ, что только что было *пережито* ими въ театральной залѣ, невольно приводили намъ на память то далекое, только изъ книгъ намъ извѣстное, прошлое, когда Бѣлинскій вдохновенно восклицалъ: „О, идите, идите въ театръ, живите—и умрите въ немъ, если можете!“

Во времена Бѣлинскаго люди шли въ театръ искать душевнаго подъема въ созерцаніи идеальныхъ образовъ, созданныхъ поэтической фантазіей, настоящимъ героемъ той поры былъ Гамлетъ — въ томъ романтическомъ олицетвореніи, которое давалъ ему геніальный Молчановъ. Въ наше время отъ театра, какъ и вообще отъ литературы, мы, подобно французскому судьѣ, требуемъ „правды, одной только правды“, безъ всякихъ условностей, и причина небывалаго успѣха Московскаго Художественнаго Театра, какъ это выяснено выше, именно та, что онъ и въ своемъ репертуарѣ, и постановкѣ пьесъ, и въ ихъ исполненіи старается ближе всего подойти къ этой правдѣ, рядомъ съ новымъ теченіемъ въ сценическомъ искусствѣ познакомить и съ новыми теченіями въ драматической литературѣ, чужой и родной.

II.

Въ чемъ же заключаются эти новыя литературныя вѣянія, истолкователемъ которыхъ явился Московскій Художественный Театръ?

Репертуаръ, съ которымъ выступили передъ нами московскіе гости, составленъ изъ пьесъ Ибсена, Гауптмана, Чехова; въ прошломъ году изъ произведеній послѣдняго мы видѣли „Дядю Ваню“ и „Трехъ Сестеръ“; въ нынѣшнемъ даны были только „Три Сестры“, но за то къ нимъ прибавились двѣ новыя пьесы другихъ авторовъ: „Въ мечтахъ“ Вл. Ив. Немировича-Данченко и „Мѣщане“ Максима Горькаго.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ именъ намъ, конечно, всегда ближе имена русскія. Правда Гауптмана или Ибсена имѣетъ для насъ только общечеловѣческое значеніе; правда русскихъ драматурговъ—намъ родная; это наши собственныя плоть и кровь. Вѣдь и Гамлетъ—тоже правда, и въ Мочаловѣ былъ такой живой источникъ правды душевной, что она чувствовалась, благодаря артисту, даже въ нескладныхъ мелодрамахъ Полевого и въ трескучихъ трагедіяхъ Кукольника:

Мы Веронику съ нимъ любили,
За честь сестры мы съ Гюгомъ мстили
И—человѣкъ ужъ былъ таковъ!
Мы терпѣливо выносили,
Какъ въ драмѣ хвасталъ Ляпуновъ...

Но явился Островскій съ своимъ „новымъ словомъ“, съ небывалымъ до тѣхъ поръ отраженіемъ русской жизни въ драмѣ и комедіи,—и его правда пришлась намъ больше по сердцу, заставила сильнѣе звучать наши душевныя струны. Тоже и Чеховъ: можно спорить противъ міросозерцанія этого писателя, противъ его пониманія жизни, но нельзя не согласиться, что изображеніе этой жизни идетъ прямо въ душу и сильно бьетъ по нер-

вамъ,—именно своей правдивостью, тѣмъ неподкрашеннымъ реализмомъ, который еще усиливается и подчеркивается въ жизненномъ исполненіи этихъ пьесъ московскими артистами.

Какова же жизнь, которая отражается въ художественномъ зеркалѣ чеховской драмы?

Бываютъ такія картины, которыя съ перваго взгляда производятъ впечатлѣніе чего-то крайне смутнаго, словно дымомъ окутаннаго. Но вотъ, вы начинаете всматриваться ближе, пристальнѣе, — и изъ этого сѣраго тумана мало-по-малу начинаютъ выдѣляться все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія и, наконецъ, обрисовывается подлинный сюжетъ картины, сначала вовсе вами незамѣченный. Таковы и пьесы Чехова. Когда вы смотрите ихъ на сценѣ или бѣгло прочитываете въ первый разъ, онѣ кажутся какими-то вялыми, мало интересными, пожалуй,—даже скучными: тонъ ихъ однообразенъ, движенія мало, нѣтъ ни сильнаго дѣйствія, ни рѣзко очерченныхъ характеровъ или хотя типовъ; вмѣсто людей, говоря словами самого автора, передъ нами—„сѣрыя пятна“. Но вчитайтесь въ эти немудреныя, съ точки зрѣнія драматической техники, пьесы,—и передъ вами раскроется незамѣченный съ перваго взгляда цѣлый міръ, близкій вашей душѣ; всмотритесь въ эти „сѣрыя пятна“, и вы увидите живыхъ людей, изнывающихъ въ жизни, полной безвыходнаго трагизма,— въ жизни, которая, какъ бездонная трясина, медленно, безпощадно, все глубже и глубже затягиваетъ свои жертвы. Въ числѣ картинъ даровитаго молодого нѣмецкаго художника-символиста „Саши“ Шнейдера есть одно замѣчательное изображеніе „Необходимости“: страшное, огромное чудовище смыкаетъ свои гигантскія лапы въ роковой кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода, а внутри этого круга стоитъ, понуривъ голову, безпомощный, обнаженный человѣкъ, и руки у него скованы тяжелыми цѣпями. Хищные глаза чудовища горятъ злымъ, но какимъ-то холоднымъ огнемъ: ему нечего торопиться, нѣтъ надобности бросаться на свою жертву,—вѣдь она и такъ не убѣжитъ; чудовище медленно, спокойно сожметъ ее въ своихъ лапахъ и, не торопясь, будетъ наслаждаться ея мученіями до тѣхъ поръ, пока не замучитъ окончательно... Эта картина Шнейдера вспоминается мнѣ всякій разъ, когда я смотрю на сценѣ или перечитываю драмы Чехова: въ каждой изъ нихъ гдѣ-то въ глубинѣ сцены чувствуется незримое присутствіе этого страшнаго поганаго Идолища, которое готовится слопать дѣйствующихъ лицъ,—и самыя эти лица словно сознаютъ себя обреченными на неизбѣжную жертву; они какъ будто загипнотизированы невидимымъ врагомъ, который отнимаетъ у нихъ всякую самостоятельность; они ходятъ по сценѣ, говорятъ другъ другу разныя жалкія слова, пьютъ, ссорятся, мучатъ другъ друга, убиваютъ другихъ или сами себя, и все это—

словно въ какомъ-то чаду, который не даетъ имъ опомниться, осмотрѣться, сдѣлать надъ собой извѣстное усиліе. И такъ—до самой смерти, которая если не приходитъ естественнымъ путемъ, то является „такъ, какъ-то вдругъ“, совершенною неожиданностію и ненужностью: „Проснулась во мнѣ молодость, заговорилъ прежній Ивановъ!“ вдругъ восклицаетъ герой драмы,—отбѣгаетъ въ сторону и застрѣливается. Въ „Чайкѣ“ Треплевъ, послѣ свиданія съ Ниной, задумчиво разсуждаетъ самъ съ собой: „Нехорошо, если кто-нибудь встрѣтилъ ее въ саду и потомъ скажетъ мамѣ. Это можетъ огорчить маму“... Затѣмъ онъ „въ продолженіе двухъ минутъ (?) молча рветъ всѣ свои рукописи и бросаетъ подъ столъ, потомъ отпираетъ правую дверь и уходитъ“, а еще черезъ двѣ минуты „направо за сценой слышенъ выстрѣлъ“: оказывается, что Треплевъ застрѣлился. „Дядя Ваня“, въ припадкѣ гнѣва на своего родственника профессора, на котораго работалъ безъ отдыха цѣлую четверть вѣка, гоняется за нимъ съ револьверомъ, стрѣляетъ въ него два раза—неудачно,—бьетъ револьверомъ объ полъ, какъ ребенокъ, разсердившійся на свою игрушку, и въ отчаяніи восклицаетъ: „О что я дѣлаю! Что я дѣлаю!“. А потомъ тихонько беретъ у доктора изъ походной аптечки скляночку съ морфіемъ—и, конечно, отравился-бы, если-бы докторъ во-время не замѣтилъ пропажи и не отнялъ яда...

Вообще, у всѣхъ этихъ людей, которыхъ показываетъ намъ Чеховъ, (говоря словами Фофанова) „въ душѣ угарно и темно“. Мы видимъ этихъ людей на различныхъ ступеняхъ отупѣнія,—но всѣ они одинаково безпомощны. Одни еще недавно попали въ тину „обывательской“ жизни и еще барахтаются, стараясь хоть за что-нибудь ухватиться, чтобы выбраться изъ нея; другіе захвачены уже гораздо сильнѣе,—и только рѣдкіе проблески сознанія освѣщаютъ передъ ними на минуту весь ужасъ окружающей ихъ тьмы, которая послѣ этого становится еще мрачнѣе; третьи уже затянуты по самое горло, безнадежно махнули на все рукой и „приспособились“ къ своей обстановкѣ. „Какъ не постарѣть?— говоритъ одинъ изъ нихъ:—да и сама по себѣ жизнь скучна, глупа, грязна... Затягиваетъ эта жизнь. Кругомъ тебя одни чудаки, а поживешь съ ними года два-три—и мало по малу самъ, незамѣтно для себя, становишься чудакомъ. Неизбѣжная участь!... Поглупѣть-то я еще не поглупѣлъ, Богъ милостивъ, мозги на своемъ мѣстѣ; но чувства какъ-то притупились: ничего я не хочу, ничего мнѣ не нужно, никого я не люблю...“

То же лицо (докторъ Астровъ въ „Дядѣ Ванѣ“) говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ и которые будутъ презирать насъ за то, что мы прожили свои жизни такъ глупо и такъ безвкусно,—тѣ, быть можетъ, найдутъ средство, какъ быть

счастливыми; а мы... У насъ съ тобою только одна надежда и есть: надежда, что когда мы будемъ почивать въ своихъ гробахъ, то насъ посѣтятъ видѣнія, быть можетъ даже пріятныя... Да, братъ, во всемъ уѣздѣ было только два порядочныхъ человѣка: я да ты. Но въ какія-нибудь десять лѣтъ жизнь обывательская, жизнь презрѣнная, затянула насъ; она своими гнилыми испареніями отравила нашу кровь,—и мы стали такими же пошляками, какъ и всѣ...“ Чѣмъ-же, однако, всѣ эти люди живутъ? Въ чемъ видятъ смыслъ жизни? Да и думаютъ-ли они, вообще, когда-нибудь о томъ, что въ жизни долженъ быть какой-нибудь смыслъ?

Нѣкоторые, несомнѣнно, объ этомъ думаютъ,—но ихъ думы ограничиваются однимъ только жалобнымъ нытьемъ: а большинство умѣетъ только жить, „какъ всѣ“, то есть, проводить время въ безконечныхъ преніяхъ о тузѣ самъ-четвертъ и десяткѣ самъ-пикъ, заниматься „лишними рѣчами“, сплетничествомъ или бесѣдами о томъ, чѣмъ лучше закусывать послѣ водки. Эти бесѣды заключаютъ въ себѣ, можно сказать, цѣлую философію выпивки и закуски; и недаромъ Чеховъ отводитъ имъ видное мѣсто въ своихъ пьесахъ и разсказахъ: вѣдь „ученые съ сотворенія міра думаютъ—и ничего умнѣе соленаго огурца не придумали...“

— Жареные гуси мастѐра пахнуть,—говоритъ одинъ изъ такихъ „ученыхъ“.—„Не говорите, душа моя, возражаетъ другой: утка или бекасъ могутъ гусю десять очковъ впередъ дать. Въ гусиномъ букетѣ нѣтъ нѣжности и деликатности. Забористѣе всего пахнетъ молодой лукъ, когда, знаете ли, начинаетъ поджариваться, и, понимаете ли, шипитъ, подлецъ, на весь домъ... А водочку-мамочку выпиваете не сразу, а сначала вздохнете, руки потрете, равнодушно на потолокъ поглядите, потомъ, этакъ, не спѣша, поднесете ее, водочку-то, къ губамъ,—и тотчасъ же у васъ изъ желудка по всему тѣлу искры...“ (Разсказъ „Сирена“).

Въ этой средѣ даже самый воздухъ застылъ отъ тоски. „Всѣ вы—не то, не то!“ говоритъ молодая дѣвушка своимъ гостямъ: „на васъ глядя мухи мрутъ, и лампы начинаютъ коптѣть!“ И мы чувствуемъ вмѣстѣ съ этими людьми,—т. е. съ тѣми изъ нихъ, кто еще не совсѣмъ утратилъ человѣческій образъ,—смертельную усталость отъ изо дня въ день переползающей „пискариной“ жизни, въ которой для мысли не только нѣтъ мѣста, но самое ея существованіе считается незаконнымъ, а предположеніе, что человѣкъ сохранилъ способность мыслить, является для этого человѣка даже прямо оскорбительнымъ. „Простите меня Христа ради, окаяннаго, отецъ дьяконъ!“ бултыхаясь въ ноги, восклицаетъ нѣкто въ одномъ маленькомъ разсказѣ Чехова: „я думалъ, что у васъ въ головѣ есть идеи!“

Въ изображеніи этой жизни въ самыхъ различныхъ ея проявленіяхъ Чеховъ—большой мастеръ. Въ этомъ отношеніи его драмы, по сравненію

съ его же разсказами, не даютъ ничего существенно новаго: и въ тѣхъ, и въ другихъ мы видимъ все тѣ же невеселыя „родныя картины", съ той той только разницей, что въ юмористическихъ разсказикахъ онѣ обрисованы съ потѣшной стороны, а въ драмахъ—съ трагической; тамъ Чеховъ даетъ полную волю своему горькому смѣху надъ разными „дурацкими персонами", и его разыгравшаяся фантазія рисуетъ иногда положенія, въ дѣйствительности совершенно невозможныя, хотя „въ идеѣ" правильныя: это—своего рода „приведеніе къ абсурду" тѣхъ сторонъ пискариной жизни, которыя ежечасно, ежеминутно бьютъ по нервамъ чуткаго писателя. Въ драмахъ нѣтъ ничего фантастическаго; напротивъ, здѣсь все реально, даже, можно сказать, грубо-реально, фотографично,—и нѣтъ мѣста смѣху, потому что здѣсь передъ нами самая безотрадная дѣйствительность, въ которой люди измочаливаются. Изображеніе такой жизни—не новость въ нашей литературѣ: картины ея вы найдете, напримѣръ, у Глѣба Успенскаго; но въ разсказахъ Успенскаго о тоскующихъ людяхъ свѣтятъ проблески той „болѣзни сердцемъ", того „заболѣванія правдой", которое и самому маленькому человѣчку не даетъ успокоиться на мысли о „мамочкѣ-водочкѣ" или поджаренномъ лучкѣ и заставляетъ его чего-то искать, на что-то надѣяться. Вотъ, напр., ушелъ мѣщанинъ отъ своей домашней тоски, сидитъ у рѣчки, снимаетъ сапоги—и наслаждается своей свободой: „Что жъ? Ничего! Возьму, вотъ, сыму... сапогъ... д-да!... и опять надѣну... Ничего? И другой сыму... и над-дѣну... и прсотлично... и плевать!" У героевъ Чехова нѣтъ даже и такого примитивнаго чувства,—нѣтъ ничего, кромѣ безпросвѣтной тоски или тупого самодовольства. „Въ двадцать лѣтъ мы всѣ герои,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—за все беремся, все можемъ; а къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся... Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, *въ будущее глядѣлъ какъ въ глаза родной матери...* А теперь,—о Боже мой! утомился, не вѣрю, въ бездѣльѣ провожу дни и ночи..."

Сатира иль мораль смыслъ этого всего?

Сатиры, кажется, нѣтъ: Чеховъ, по складу своего таланта,—вовсе не сатирикъ; онъ—вдумчивый и правдивый наблюдатель, умѣющій подмѣчать тѣ мелочи, изъ которыхъ слагаетс наша повседневная сѣренькая жизнь, и рельефно ихъ обрисовывать. Но отъ этихъ мелочей, какъ ни ничтожны онѣ сами по себѣ, все-же болитъ его душа,—и эта душевная боль со-

общается и читателю, а тѣмъ больше—зрителю. Одинъ уколъ булавкой ничего не значитъ; но тысячи булавочныхъ уколовъ даютъ въ результатѣ серьезную рану. Гдѣ же исцѣленіе?

Вотъ тутъ-то на подмогу и является мораль.

„Терпи, дядя Ваня!"—утѣшаетъ добрая дѣвушка разбитаго жизнью неудачника: „Что же дѣлать? надо жить! Мы, дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя,—а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ, и тамъ, за гробомъ, мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько,—и Богъ сжалится надъ нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой,—и отдохнемъ!"

Итакъ,—резигнація, примиреніе съ судьбой, покорность и вѣра только въ загробное воздаяніе,—вотъ та тусклая мистическая лампадка, которая должна озарять жизнь разбитую и искалѣченную! Жить только этими загробными надеждами, а здѣсь, на землѣ, трудиться, не покладая рукъ,—трудиться только для того, чтобы своими трудами содержать, какъ дядя Ваня, никому ненужнаго трутня вродѣ профессора Серебрякова, негодность котораго и самъ дядя Ваня отлично сознаетъ! Нѣтъ,—воля ваша,—тутъ что-то не такъ. Лучше ужъ прямо пустить пулю въ лобъ себѣ или этому Серебрякову, или, по крайности, облечься въ халатикъ, сложить ручки на животикѣ, потягивать водочку-мамочку, придумывая къ ней закусочки, да почитывать газету: „Когда глаза слипаются, и во всемъ тѣлѣ дремота стоитъ,—пріятно читать про политику: тамъ, глядишь, Австрія сплоховала, тамъ Франція кому нибудь не потрафила, тамъ папа римскій наперекоръ пошелъ... Читаешь, оно и пріятно!"

Или—сидѣть на рѣкахъ вавилонскихъ, плакать объ утраченной святынѣ Сіона и безучастнымъ взоромъ смотрѣть, какъ на мѣстѣ святѣ воцарятъ мерзость запустѣнія?

Эта же гнетущая тоска по настоящей жизни посреди безпросвѣтнаго прозябанія является передъ нами и въ „Трехъ Сестрахъ",—въ еще болѣе, такъ сказать, концентрированной эссенціи. Фабула этой драмы, ея „выдумка", проста до крайности, сведена на минимумъ; все дѣло не въ сюжетѣ, а въ подробностяхъ; по сюжету, это тотъ же „дядя Ваня", только въ двойномъ комплектѣ дѣйствующихъ лицъ; даже заключительная сцена въ обѣихъ пьесахъ, въ сущности, одна и та же, и въ ней звучитъ почти одинъ и тотъ же фальшивый аккордъ сентиментальнаго прекраснодушія, который плохо вяжется со всѣмъ содержаніемъ и настроеніемъ драмы.

Впечатлѣніе получается такое, какъ будто Чеховъ самъ не зналъ, какъ ему развязаться со своими героями,—и наудачу пристегнулъ къ обѣимъ пьесамъ одинъ и тотъ же вымученный конецъ. Того, что принято называть драматической техникой, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ: ни завязки, ни развязки, ни „интриги", ни развитія характеровъ, ни искусно веденнаго діалога; это не больше, какъ „кусокъ жизни", мѣрою въ одинъ домъ и нѣсколько лѣтъ, цѣликомъ перенесенный на сцену со всею непосредственностью житейскихъ впечатлѣній, безсвязныхъ разговоровъ, ненужныхъ подробностей, замедляющихъ и безъ того вялый ходъ дѣйствія. И, несмотря на это почти полное отсутствіе условности, а можетъ быть,—именно вслѣдствіе этого, пьеса производитъ сильное, нервное впечатлѣніе, отъ котораго не легко отдѣлаться,—точно какой-то давящій кошмаръ...

Въ большомъ городѣ, въ которомъ есть сто тысячъ обывателей, но нѣтъ ни одной живой души, изнываютъ отъ тоски три дѣвушки—умныя, образованныя, воспитанныя въ хорошей интеллигентной семьѣ, и братъ ихъ—ученый „созерцатель", нелюдимъ, живущій за книгами (онъ готовится къ профессурѣ), слабый и безхарактерный человѣкъ. Старшая сестра служитъ въ женской гимназіи; средняя отъ скуки вышла замужъ за учителя, который казался ей „самымъ умнымъ", но на дѣлѣ оказался только „самымъ добрымъ" (и за то спасибо!); младшая томится въ провинціальномъ болотѣ и всей душой рвется въ Москву, гдѣ можетъ найти хоть подобіе настоящей жизни. Но болото не такъ легко выпускаетъ свои жертвы. Братъ случайно женится на мѣщанкѣ, начинаетъ плодить дѣтей, вмѣсто профессорской каѳедры долженъ довольствоваться мѣстомъ члена земской управы и все больше и больше затягивается въ окружающую его тину; старшая сестра становится начальницей гимназіи и окончательно привинчивается къ ненавистному городу; средняя, жена учителя, изнывающая съ своимъ добрымъ, но недалекимъ мужемъ, сходится съ артиллерійскимъ полковникомъ, тоже изнывающимъ съ своей сварливой и больной женой; но бригада должна покинуть городъ—и даже этотъ слабый „лучъ свѣта въ темномъ царствѣ" гаснетъ; наконецъ, младшая сестра, лишь бы только вырваться изъ болота, готова выйти замужъ за перваго встрѣчнаго порядочнаго человѣка, котораго она совсѣмъ не любитъ, но съ которымъ, все-таки, можно жить,—но этотъ человѣкъ падаетъ жертвой безсмысленной дуэли, и бѣдной дѣвушкѣ ничего не остается, какъ бѣжать въ учительницы куда-то на кирпичный заводъ, лишь-бы только не жить томительно-скучной обывательской жизнью...

Вотъ и все. Стремленье на просторъ, на вольный воздухъ—и безпощадная дѣйствительность, запирающая людей въ душное подземелье, изъ котораго нѣтъ выхода,—нѣтъ, по крайней мѣрѣ, для такихъ людей, какихъ

мы видимъ здѣсь,—а такихъ, вѣдь, большинство. „Можетъ быть, намъ только кажется, что мы существуемъ, а на самомъ дѣлѣ насъ нѣтъ“,— говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы:—„ничего я не знаю, никто ничего не знаетъ...“. „Городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ,—говоритъ другое лицо,—въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного, который-бы не былъ похожъ на другихъ, ни одного подвижника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка, который возбуждалъ-бы зависть или страстное желаніе подражать ему! Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... Родятся другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и чтобы не отупѣть отъ скуки, разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, и жены обманываютъ мужей, а мужья лгутъ, дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, ничего не слышатъ,—и неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей, и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими-же жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери“. „Все равно, все одинаково неинтересно“,—говоритъ третье лицо.— „Если послушать здѣшняго интеллигента, то съ женой онъ замучился... Русскому человѣку въ высшей степени свойственъ возвышенный образъ мыслей; но скажите, почему въ жизни онъ хватаетъ такъ невысоко? почему онъ съ дѣтьми замучился, съ женой замучился? А почему жена и дѣти съ нимъ замучились?..“

Въ утѣшеніе отъ этихъ „проклятыхъ“ вопросовъ авторъ, устами своихъ дѣйствующихъ лицъ, открываетъ перспективы туманной дали: мы замучились, это правда; но эти наши мученія нужны для будущаго: „Черезъ двѣсти, триста, наконецъ, тысячу лѣтъ, дѣло не въ срокѣ (?!)—настанетъ новая, счастливая жизнь. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно; но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну страдаемъ, мы творимъ ее, и въ этомъ *одномъ* (?) цѣль нашего бытія и, если хотите,—наше счастье... Мы должны только работать и работать, а счастье это удѣлъ далекихъ нашихъ потомковъ. Не я, то хоть потомки потомковъ моихъ... Черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней; онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ... Работать нужно, работать! Оттого намъ не весело, и смотримъ мы на жизнь такъ мрачно, что не знаемъ труда. Мы родились отъ людей, презиравшихъ трудъ“...

Одинъ прекраснодушный оптимистъ изъ числа дѣйствующихъ въ пьесѣ думаетъ даже, что уже и теперь „надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая сильная буря, которая идетъ, уже близка и скоро сдуетъ

отъ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а черезъ какія-нибудь 25—30 лѣтъ работать будетъ уже каждый человѣкъ, каждый!".

„Настоящее такъ противно... Но зато, когда я думаю о будущемъ, то вдругъ душѣ моей становится такъ легко, такъ просторно, и вдали забрезжитъ свѣтъ, я вижу свободу, я вижу, какъ я и дѣти, мы становимся свободны отъ праздности, отъ квасу, отъ гуся съ капустой, отъ сна послѣ обѣда, отъ долгаго тунеядства"...

— „Ахъ, только-бы поскорѣе! Если-бы, знаете, къ трудолюбію прибавить образованіе, а къ образованію трудолюбіе"... Или если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича...

„Придетъ время, всѣ узнаютъ, и никакихъ не будетъ тайнъ (?), а пока—работать, только работать... Пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ... но страданія націи перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь... Кажется, еще немного и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ, зачѣмъ страдаемъ... Если-бы знать, если-бы знать"...

Однако, и въ этой прекраснодушной „философіи" мало утѣшительнаго и не взирая на нее, отъ той жизни, какую видишь въ драмѣ Чехова, уже послѣ третьяго дѣйствія, такъ и тянетъ пойти и удавиться. „Работать, работать!" Да развѣ не „работаютъ", каждый по своему, всѣ эти люди, которыхъ показалъ намъ авторъ,—и злополучный Андрей, мечтавшій о каѳедрѣ и попавшій въ земцы, и Ольга,—начальница гимназіи, и инспекторъ Кулыгинъ, и даже пьяненькій, старенькій докторъ Чебутыкинъ, который все перезабылъ и которому по временамъ кажется что онъ вовсе не живетъ на свѣтѣ? Всѣ они „работаютъ",—но отъ этой „работы" только тошно и имъ самимъ, и окружающимъ, и постороннему зрителю,—и всѣхъ одинаково тянетъ въ омутъ внизъ головой,—только-бы не видѣть, не знать этой жизни этого „обывательства"... Гдѣ же выходъ? Неужели въ томъ, что черезъ сотни лѣтъ вдругъ, откуда то съ неба, свалится человѣчеству лучшая жизнь и потомки станутъ насъ поминать добромъ, когда изъ насъ будетъ лопухъ рости? Да еще было-бы за что добромъ-то поминать! За то ли, что мы служимъ „удобреніемъ" для будущихъ поколѣній?

Итальянцы говорятъ: „Взгляни на Неаполь—и умри!"—отъ избытка наслажденія красотою. Чеховъ вмѣсто плаксивыхъ утѣшеній мечтами о будущемъ частьѣ, могъ-бы съ большимъ правомъ сказать: „Взгляни на эту жизнь—и повѣсься!" отъ избытка непроходимой, тошнотворной мертвечины. И это было-бы совсѣмъ въ русскомъ духѣ: мы любимъ этотъ „висѣльный юморъ", ужасно любимъ „казниться" и „сѣчься" и изводить себя и другихъ нытьемъ,

но только палецъ о палецъ не ударимъ для того, чтобы устранить хотя-бы малѣйшую изъ причинъ этого нытья. Всѣ мы „замучились“, и всѣ никуда не годимся, и намъ это любо и дорого. Недаромъ еще Пигасовъ говоритъ о Рудинѣ: „Начнетъ себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ, — ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя поподчивалъ!“

Эти причитанья до такой степени вошли въ нашъ литературный обиходъ, что мы кажется безъ нихъ и обойтись не можемъ,—какъ безъ бани въ субботу или рюмки водки передъ обѣдомъ. И въ этой горечи, — думается мнѣ, одна изъ главныхъ причинъ успѣха чеховскихъ драмъ, независимо отъ ихъ литературныхъ и сценическихъ достоинствъ или недостатковъ. Драмы эти вызываютъ излюбленное нами ѣдкое настроеніе,— настроеніе бабы, которую пьяница мужъ каждый Божій день колотитъ „смертнымъ боемъ“, и тѣмъ доставляетъ ей удовольствіе „жалиться“ сосѣдушкамъ на свою „жисть“ горемычную...

У видѣнныхъ нами трехъ сестеръ и ихъ братца родни въ нашей литературѣ—что звѣздъ на небѣ. Стоятъ эти скорбныя тѣни и разливаются слезами, и при взглядѣ на нихъ невольно вспоминается призывъ наболѣвшей души великаго русскаго писателя Гоголя.

„Гдѣ же тотъ, кто на родномъ языкѣ русской души умѣлъ бы сказать намъ это всемогущее слово „впередъ“? Вѣка проходятъ за вѣками, милліоны сидней, увальней и болвановъ дремлютъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произнести его, это всемогущее слово“...

Полвѣка минуло съ тѣхъ поръ, какъ сошелъ въ могилу писатель, пославшій намъ этотъ призывъ. И онъ все еще ждетъ отвѣта...

— „Знаете, говоритъ одинъ изъ чеховскихъ героевъ,—когда идешь темной ночью по лѣсу, и если въ это время свѣтитъ огонекъ, то не замѣчаешь ни утомленія, ни потемокъ, ни колючихъ вѣтокъ, которыя бьютъ тебя по лицу... *У меня вдали нѣтъ огонька*“.

И ни у кого изъ нихъ нѣтъ этого огонька, а есть только измочаленные нервы, только способность хныкать или запивать съ горя,—„все-таки на жизнь похоже!“ А тѣ, которые считаютъ себя почему-то избранными натурами,—просто на просто отворачиваются отъ жизни и проповѣдуютъ мечту: „Надо изображать жизнь не такою, какъ она есть, и не такою, какъ должна быть, а такою, какъ она представляется въ мечтахъ“, говоритъ герой „Чайки“. Собственно говоря,—чѣмъ это лучше запоя?

Проповѣдникомъ „мечты“ выступилъ и Вл. Ив. Немировичъ-Данченко въ своей новой пьесѣ—„Въ мечтахъ“, написанной по образцу и подобію чеховскихъ пьесъ. Въ противоположность прежнимъ произведеніямъ талантливаго драматурга, эта драма поражаетъ отсутствіемъ техники и сценичности

надуманностью и искусственностью: въ ней, можно сказать, нѣтъ даже и намека на дѣйствіе, а есть только рядъ болѣе или менѣе удачныхъ отдѣльныхъ сценъ, весьма слабо связанныхъ между собою и наполненныхъ преимущественно разсужденіями на философскія и психологическія темы,—разсужденіями однообразными и, надо прямо сказать,—скучными. Пьеса держится только образцовымъ, до малѣйшихъ подробностей тщательно обдуманнымъ и чрезвычайно жизненнымъ исполненіемъ, на которое, видимо, разсчитывалъ и авторъ, такъ всѣ главныя роли, какъ нельзя лучше приноровлены къ способностямъ и сценическимъ средствамъ исполнителей. Что касается ея содержанія и въ особенности—ея идейной стороны, то въ этомъ отношеніи она представляется весьма парадоксальной и во всякомъ случаѣ, вызывающей недоумѣнія. Вотъ, въ короткихъ словахъ, фабула этой пьесы.

Оперная пѣвица Занковская, уже оставившая сцену, но еще продолжающая давать уроки пѣнія, празднуетъ свой 25-лѣтній юбилей. Ея многочисленные ученики и ученицы, подъ руководствомъ хормейстера, встрѣчаютъ ее прекрасной кантатой, рѣчами и подношеніями, причемъ мы имѣемъ случай познакомиться съ ближайшими къ ней лицами: на сцену является ея сестра, „международная дама", проведшая почти всю свою жизнь въ Монте-Карло и другихъ пріятныхъ мѣстахъ и представляющая нѣчто среднее между свѣтской дамой и кокоткой, и дочь пѣвицы, княгиня Старочеркасова, несмотря на три года супружества остающаяся дѣвственной женой нелюдимаго мужа. Старый эстетикъ Алфеевъ, отношенія котораго къ Занковской напоминаютъ отношенія Тургенева къ г-жѣ Віардо, отвѣчая, отъ имени юбилярши, на обращенныя къ ней привѣтствія, говоритъ рѣчь, представляющую, по словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, „духи mixte изъ Ренана и Мантегаццы": „всякій человѣкъ, говоритъ онъ, имѣетъ свою мечту; ваша (учениковъ Занковской) мечта—въ надземномъ царствѣ прекраснаго: тамъ вашъ Богъ, и да не будутъ вамъ бози иніи развѣ него. Прекрасное божественно, потому что оно безпредѣльно; оно проникаетъ намъ въ глубь души и возноситъ ее до такихъ высотъ, какія едва можетъ постигнуть мысль. Такимъ образомъ, уже въ этой, такъ сказать, прелюдіи къ дальнѣйшему дѣйствію „мечта" возводится въ принципъ идеальной жизни человѣка. Дальнѣйшее дѣйствіе развивается на основѣ не совсѣмъ обычныхъ отношеній между княземъ Старочеркасовымъ и его женой. Князь—дилеттантъ въ философіи, музыкѣ и поэзіи, работаетъ надъ трактатомъ „О метафизическомъ тождествѣ воли у Шопенгауэра" и терпѣливо ждетъ, когда жена, въ которую онъ безумно влюбленъ, согласится дѣйствительно стать его женою; Это—„мужъ, влюбленный горячо, молчаливо и радостно въ звукъ голоса, въ складку около губъ"... и его мечты сводятся къ обладанію женщиной, которая не только живетъ возлѣ него, но которая—его

жена. Мало того,— онъ самъ сознаетъ, что она не стоитъ такихъ мученій, потому что она во всю свою жизнь не сдѣлаетъ ничего такого, за что ей стоило бы заплатить такимъ чувствомъ. И, несмотря на все это, онъ все-таки готовъ всѣмъ для нея пожертвовать. Княгиня, съ своей стороны, не „снисходитъ“ до своего мужа на томъ основаніи, что „мужчины всѣ до одного—и самые интеллигентные—смотрятъ на женщину какъ на милое животное, которымъ пріятно обладать“, ей же хотѣлось бы, чтобы на нее смотрѣли только какъ на человѣка. „Неудавшаяся пѣвица, бездарная піанистка“ (по собственному ея сознанію), она „искала спасенія въ замужествѣ“—и не нашла его. И вотъ, теперь она ищетъ „идеала“. Такимъ идеаломъ является въ ея глазахъ поэтъ и философъ Костромской, авторъ удивительныхъ произведеній: „Сказаніе объ Аникѣ-воинѣ, побѣдившемъ смерть“, „Въ странѣ каликъ перехожихъ“ и „Сансара—пессимистическое воззрѣніе на жизнь“. Костромской также относится къ Вѣрѣ далеко не равнодушно; но онъ находитъ въ себѣ достаточно силы, чтобы смирить свои желанія и поставить „мечту“ выше дѣйствительности. „Въ моей душевной жизни, говоритъ онъ,—двѣ полосы: я бываю энергиченъ и рѣшителенъ, и людямъ я тогда полезенъ; потомъ наступаетъ кризисъ, моя душа *садится какъ тѣсто*, и во всемъ я начинаю видѣть одну только пошлость“... „Вся моя жизнь—сплошная борьба надъ самимъ собою, надъ усмиреніемъ своего темперамента. Нѣтъ такого литературнаго или научнаго авторитета, которому я позволилъ бы хозяйничать въ моей душѣ...“ Высказывая это любимой женщинѣ, онъ старается убѣдить ее, что человѣкъ долженъ жить не прелестью дѣйствительнаго, а очарованіемъ мечтательнаго, что какъ бы ни хороша была жизнь,—мечта, все-таки, прекраснѣе, и что у каждаго человѣка должна быть своя тайно лелѣемая, „застѣнчивая“ мечта, которая только и можетъ служить источникомъ счастья. „Женщина какъ жена или любовница, или какъ другъ, какъ товарищъ—о чемъ вы мечтаете,—говоритъ онъ, не нужна мнѣ; но какъ ни страшенъ угаръ, охватившій насъ съ вами, въ немъ, все-таки, есть и положительная сторона,—увлеченіе талантомъ, личностью. Хорошихъ людей мало, талантливыхъ—еще меньше, а благородныхъ еще меньше, чѣмъ талантливыхъ“; а потому, два любящія другъ друга существа, желая оставаться благородными, могутъ быть раздѣлены пространствомъ, обстоятельствами, долгомъ, брачной связью съ другими,—и при всемъ томъ могутъ быть высоко счастливы взаимной мечтой другъ о другѣ... Высказывая все это любимой женщинѣ, Костромской рѣшаетъ свою жизненную задачу въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ „уйти“ и остаться вѣрнымъ рыцаремъ „принцессы-Грезы“: онъ уѣзжаетъ, жестоко покидая свою жену, съ которой онъ прожилъ 12 лѣтъ и которой, на прощанье, ничего не можетъ сказать,

кромѣ рѣзкихъ словъ: „Двѣнадцать лѣтъ ты со мной, а понять меня не можешь... Но я дошелъ до такой ненависти, что долженъ уйти,—и никого мнѣ не надо!“

Однако, прежде, чѣмъ уѣхать, онъ на юбилейномъ обѣдѣ Заиковской произноситъ рѣчь, въ которой желаетъ обобщить свое личное настроеніе и которая, по мысли автора, должна служить выраженіемъ основной идеи всей пьесы:

„Я предлагаю дружно“,—говоритъ онъ,—„да, я предлагаю дружно, какъ бываютъ друзьями люди, совсѣмъ чужіе другъ другу, но обиженные одинаковой несправедливостью,—выпить за ту сдавленную тоску, за тѣ скрытыя слезы и глухіе стоны, которые переживаетъ каждый, не потерявшій способности мыслить, а слѣдовательно—и мечтать. Я не знаю, какъ назвать то грядущее, которое мы покупаемъ своими слезами; пускай это будетъ счастливое царство совѣсти; но настоящее—это трепетное, томящее предчувствіе его; вотъ, за это томленіе сдавленныхъ желаній, *за мечту о счастьѣ, которая выше самаго счастья*, я и предлагаю выпить. Я плачу, я радуюсь за человѣка не тогда, когда счастье улыбается ему, а въ тѣ часы его тоскливаго одиночества, когда мечта жалитъ его душу своей несбыточностью. Тоска по лучшей жизни—отрава для душной и скучной дѣйствительности,—и пусть онъ съ тоской и стономъ замыкается въ одиночествѣ. И тѣмъ сильнѣе эта боль, тѣмъ она радостнѣе, потому что тѣмъ больше вѣры въ лучшую жизнь...“

Такимъ образомъ, жить надо не дѣйствительностью, а влюбленностью въ „мечту прекрасную, неясную, далекую“; чѣмъ хуже дѣйствительность, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ больше простора для „мечты“. Костромской проповѣдуетъ жизнь, „полную сдавленной тоски *никому не нужныхъ* мученій, которымъ не въ силахъ помочь даже самый сильный человѣкъ“; для такого „одинокаго томленья мечты“, говоритъ онъ, потребна большая сила духа, а именно въ духовной силѣ и заключается высшій идеалъ. Понятно, что такая необычная проповѣдь „томленья“ вмѣсто дѣятельной жизни приводитъ въ недоумѣніе слушателей. Одинъ изъ нихъ, выведенный, очевидно, ради контраста этому русскому философу тоски,—чехъ, политическій дѣятель съ задачами, можетъ быть, и узкими, но вполнѣ опредѣленными и практическими, возмущается его рѣчью: „Значитъ, вы предлагаете тостъ не за несчастнаго человѣка, а *за самое несчастье?*“ спрашиваетъ онъ: вы не имѣете права призывать всѣхъ къ такому міросозерцанію; нѣтъ, тоскуйте одни, если вамъ это нравится, но не смущайте людей, и безъ того смущенныхъ жизнью. Такимъ людямъ надо говорить другое: „не унывайте! не тоскуйте! бодро идите впередъ!“ Можетъ быть, эта *старая* мораль представляется автору *новой* пьесы слишкомъ шаблонной, избитой:

вѣдь не даромъ онъ вложилъ ее въ уста комическаго лица и заставилъ рукоплескать ей людей, недоразвившихся до „высшаго разумѣнія жизни“; но, рискуя навлечь на себя упрекъ въ отсталости, мы все-таки, предпочли бы оставаться съ этими людьми въ той сферѣ, гдѣ возможна дѣятельная жизнь и борьба, и не подниматься на ту высоту, на которой стоитъ Костромской и гдѣ насъ ожидала бы только холодная тупость сердца, прикрытая изысканными фразами. Эти фразы звучатъ особенно холодно и фальшиво въ письмѣ, которое оставляетъ „рыцарь мечты“ влюбленной въ него княгинѣ Вѣрѣ, уѣзжая отъ нея и отъ собственной жены „въ пустыню“. Здѣсь онъ еще разъ повторяетъ, что „жизнь не есть счастье, и даже не стремленіе къ нему и не борьба за него; жизнь есть непрерывная цѣпь сдавленныхъ желаній ради чистоты и достоинства человѣка. Пусть же воспоминаніе обо мнѣ (говоритъ онъ далѣе) вѣчно наполняетъ вашу жизнь, наполняя васъ тоскою несбывшихся мечтаній, мягко направляя вашу жизнь (?) и подсказывая вамъ, какъ найти радость въ жизни...“ Съ своей стороны, и онъ также обѣщаетъ, что воспоминаніе о ней „вѣчно“ будетъ жить въ его душѣ. Такимъ образомъ они оба получатъ возможность „изъ чувства растерянности выйти гордыми и печальными, чистыми и гордыми вѣрностью своей мѣчтѣ“.

Итакъ,—жизнь „въ мечтахъ“, вѣрность мечтѣ, и притомъ—мечтѣ узко-эгоистической, мелко-себялюбивой, и въ полной праздности, потому что, вѣдь, за такую мечту и не стоитъ и даже нельзя бороться,—вотъ та „высшая“ жизнь, какую проповѣдуетъ авторъ устами своего героя. Подобная проповѣдь, можетъ быть, характерна для нашего унылаго времени, но, конечно, неспособна разогнать унынія. И, въ концѣ концовъ, самъ авторъ, повидимому, произноситъ ей приговоръ устами самаго унылаго изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, князя Старочеркасова, въ финалѣ, напоминающемъ заключительныя сцены двухъ послѣднихъ драмъ Чехова: всѣ находятся въ настроеніи угнетенномъ, тяжеломъ, на дворѣ—такъ же скверно, какъ и на душѣ, потому что съ хмураго неба падаетъ холодный, мокрый снѣгъ, между тѣмъ какъ „тамъ, далеко на югѣ“ всѣхъ радуетъ свѣтлая весна. И князь слѣдитъ за медленно падающими хлопьями снѣга, прислушивается къ скользящему звуку саней и находитъ во всемъ этомъ своего рода поэзію: онъ вѣритъ, что солнце „непремѣнно“ выглянетъ, и пасмурные дни смѣнятся радостными и свѣтлыми. И мы начинаемъ вѣрить, вмѣстѣ съ нимъ, что первые же солнечные лучи разгонятъ эти туманные „мечты“, отъ которыхъ и безъ того сѣрая будничная дѣйствительность становится еще непригляднѣе, и вызовутъ чувство бодрости и радости бытія.

Именно такое чувство желалъ, повидимому, вызвать въ зрителяхъ

Максимъ Горькій своей пьесой или, какъ онъ назвалъ ее, „драматическимъ эскизомъ".

Общій интересъ, уже давно возбужденный среди читающей публики талантливыми произведеніями Горькаго, заставлялъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидать появленія на сценѣ и въ печати его „Мѣщанъ". О содержаніи пьесы еще много мѣсяцевъ тому назадъ сообщались болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія; труппа Московскаго Художественнаго Театра и у себя, въ Москвѣ, и здѣсь, въ Петербургѣ, съ особеннымъ вниманіемъ отнеслась къ постановкѣ этого произведенія, посвятивъ ему большое количество самыхъ тщательныхъ репетицій, и въ результатѣ дала дѣйствительно художественное воспроизведеніе пьесы во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ продуманнаго и типичнаго исполненія всѣхъ ролей и кончая самыми мелкими подробностями декорацій и обстановки дома Бессѣменовыхъ. Впечатлѣніе, вызванное представленіями „Мѣщанъ", было сильно, ярко, жизненно; но по существу это впечатлѣніе совершенно отрицательное, чего едва ли могъ желать авторъ. Основная идея „Мѣщанъ" не представляетъ чего-либо новаго въ нашей литературѣ: это—противоположность „отцовъ" и „дѣтей" или, вѣрнѣе, двухъ полосъ жизни, причемъ новая полоса естественно, вытѣсняетъ старую. Борьба эта разыгрывается въ глухой и темной средѣ мѣщанской жизни маленькаго провинціальнаго городка, въ такой обстановкѣ, гдѣ по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, „жизнь совсѣмъ не трагична: она течетъ тихо, однообразно, какъ большая, мутная рѣка... А когда смотришь, какъ течетъ рѣка, то глаза устаютъ, дѣлается скучно, голова тупѣетъ, и даже не хочется подумать, зачѣмъ рѣка течетъ..." Въ домѣ Бессѣменовыхъ, который мы видимъ передъ собою на сценѣ, все полно „крохоборства и мѣщанской суеты", но этотъ домъ—только частный примѣръ: устами одного изъ своихъ лицъ, пьянаго пѣвчаго Тетерева, играющаго въ пьесѣ роли какъ бы хора греческой трагедіи, авторъ обобщаетъ этотъ частный случай: „Жизнь (вообще) испорчена, говоритъ Тетеревъ, она—скверно сшита; не по росту порядочныхъ людей сдѣлана жизнь... Мѣщане сузили, окоротили ее, сдѣлали тѣсной... И вотъ, я есмь вещественное доказательство того, что человѣку негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить... Въ этомъ домѣ—все замираетъ особенно быстро, и крикъ боли, и смѣхъ радости. Всякія потрясенія для него, какъ ударъ палкой по лужѣ грязи... И послѣднимъ звукомъ всегда является крикъ пошлости, феи здѣшнихъ мѣстъ..." Въ такихъ условіяхъ жизни, по словамъ того же лица, „удобнѣе, спокойнѣе быть пьяницей, бродягой, чѣмъ трезвымъ, честнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ",—тѣмъ болѣе, что „пьяницъ у насъ любятъ; новатора, смѣлаго человѣка—ненавидятъ, а пьяницъ любятъ. Ибо всегда удобнѣе любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чѣмъ что-либо крупное, хорошее..."

Въ такую-то темную и душную жизнь врывается „лучъ свѣта"—но совсѣмъ особеннаго свойства. До сихъ поръ мы привыкли съ понятіемъ о „свѣтѣ" соединять идею образованія, умственной силы, вообще—просвѣщенія; авторъ „Мѣщанъ" желаетъ насъ въ этомъ разочаровать. Старикъ Безсѣменовъ, человѣкъ почти совсѣмъ необразованный, рѣшилъ дать своимъ дѣтямъ образованіе: сына провелъ черезъ гимназію и далъ ему возможность поступить въ университетъ; дочь окончила курсъ учительской семинаріи и сдѣлалась учительницей въ народной школѣ. Но молодые люди оба вышли неудачниками: сыну пришлось временно выйти изъ университета за то, что онъ, противъ своей воли, оставаясь въ душѣ „мѣщаниномъ", на полчаса сталъ „гражданиномъ"; а дочь—тоже „мѣщанка" въ душѣ, изнываетъ съ тоски надъ нелюбимымъ дѣломъ; ей уже 28 лѣтъ, ей страстно хочется „жить" или, говоря проще,—выйти замужъ; но это не удается; она пытается отравиться, ее спасаютъ, и снова остается она какимъ-то раздавленнымъ, никому и ни на что не нужнымъ существомъ, доживать свой безрадостный вѣкъ. Оба они и сынъ, и дочь относятся къ старикамъ родителямъ, которые нѣжно ихъ любятъ, съ какой-то высокомѣрной досадой: „Быстрые то умы по угламъ отъ насъ стариковъ разбѣгаются, да оттуда смѣшныя рожи показываютъ, а говорить съ нами не хотятъ",—жалуется на нихъ отецъ. „Я не хочу никого обижать", говоритъ старикъ сыну: „я самъ обиженъ вами, горько обиженъ... Въ домѣ моемъ я хожу осторожно, ровно на полу вездѣ битое стекло насыпано... Ко мнѣ и гости, старые пріятели перестали ходить: у тебя, говорятъ, дѣти образованные, а мы—народъ простой, еще насмѣются они надъ нами. И вы не однажды смѣялись надъ ними, а я со стыда горѣлъ за васъ. Всѣ пріятели меня бросили, точно образованные дѣти—чума! А вы никакого вниманія на отца своего не обращаете... никогда не говорите съ нимъ ласково, никогда не скажете, какими думами заняты, что дѣлать будете? Я вамъ какъ чужой. А вѣдь я люблю васъ..."

Дѣти отвѣчаютъ на эти жалобы фразой, что у нихъ „своя, другая правда" и что изъ старой правды, изъ стараго уклада жизни, они выросли,—и заставляютъ отца пожалѣть о томъ, что онъ далъ имъ образованіе: „Никогда не надо давать дѣтямъ больше того, сколько самъ имѣешь", говоритъ онъ. „Всего мнѣ тяжелѣе, что не вижу я въ нихъ никакого характера, ничего этакаго, крѣпкаго. Вѣдь въ каждомъ человѣкѣ должно быть что-нибудь свое; а они какіе-то... ровно бы безъ лицъ".

И старикъ совершенно правъ: его дѣти, дѣйствительно, какіе-то безличные и безхарактерные нытики, надоѣдающіе и другимъ и себѣ. Образованіе не измѣнило ихъ узкой мѣщанской натуры; имъ тошно жить въ

отцовскомъ домѣ, но жизни собственной, по своему хотѣнію, они устроить не въ состояніи, потому что и не знаютъ, какъ за нее взяться. А между тѣмъ—„жизнь идетъ впередъ, и кто не поспѣваетъ за ней, тотъ остается одинокимъ“. Кто же за нею поспѣваетъ и чѣмъ она двигается впередъ? Не образованіемъ, говоритъ намъ Горькій: образованіе не въ силахъ разрушить мѣщанство; побѣда принадлежитъ только силѣ характера: „только люди безжалостно прямые и твердые какъ мечи, только они пробьютъ...“ говоритъ Тетеревъ, и ему уже кажется, что окружающая его жизнь настраивается, какъ оркестръ, готовясь сыграть что-то „фортиссимо“. Итакъ, образованіе, бывшее до сихъ поръ единственнымъ двигателемъ исторіи, сразу, однимъ почеркомъ пера, вычеркивается изъ формулы прогресса и на его мѣсто ставится новый зиждущій элементъ. Представителемъ или воплощеніемъ этого новаго элемента выступаетъ воспитанникъ Бессѣменова, Нилъ, на сторонѣ котораго, видимо, все сочувствіе автора „Мѣщанъ“. Это—человѣкъ „съ лицомъ“, смотрящій на жизнь бодро и энергично; „дурнымъ людямъ,—злымъ и жаднымъ,—плохо будетъ отъ него: не любитъ онъ ихъ!“ (какъ будто бы кто-нибудь такихъ людей „любитъ“). Онъ восторгается самымъ процессомъ жизни, любитъ „шумъ, работу, веселыхъ, простыхъ людей“; жизнь представляется ему „славнымъ занятіемъ“, несмотря даже на то, что имъ и другими честными людьми „командуютъ свиньи, дураки, воры: вѣдь жизнь не вся за ними; они пройдутъ, исчезнутъ, какъ исчезаютъ нарывы на здоровомъ тѣлѣ“.. „Жизнь тяжела“, говоритъ онъ, „порою она омерзительно жестока; разнузданная, грубая сила жметъ и давитъ человѣка; знаю это, и это мнѣ не нравится, возмущаетъ меня. Я этого порядка не хочу! Я знаю и то, что я—не богатырь, а простой честный, здоровый человѣкъ, и все-таки говорю; ничего! наша возьметъ! И на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни, мѣсить ее и такъ и этакъ, тому помѣшать, этому помочь... вотъ въ чемъ радость жизни!..“

Эта проповѣдь простой и честной жизненной бодрости, однако, идетъ въ разрѣзъ съ тѣми поступками Нила, какіе представлены въ пьесѣ: здѣсь мы видимъ передъ собою не „созидателя“ и не „разрушителя“, а просто напросто—грубо-самодовольное эгоистическое животное, которому ни до кого, кромѣ самого себя, нѣтъ никакого дѣла. Въ дѣйствительной жизни такіе люди часто берутъ верхъ, но не въ силу какихъ-нибудь положительныхъ своихъ качествъ, а единственно нахальнымъ наскокомъ, и отъ нихъ „приходится плохо“ не однимъ только „злымъ и дурнымъ“, а пожалуй гораздо еще чаще добрымъ и хорошимъ, которыхъ они также не стѣсняются „хватать за горло“, если почему-нибудь такъ вздумается. Отношенія Нила, напримѣръ, къ старику Бессѣменову, къ несчастной Татьянѣ просто возму-

тительны по своей грубой и ничѣмъ не обусловленной жестокости. Такіе люди—страшны и, несмотря на красивыя фразы, не могутъ внушать никакого къ себѣ сочувствія. Печальна будетъ та жизнь, въ которой они явятся „строителями“, потому что они въ состояніи только рвать другъ друга за горло. Къ счастью, строителями они быть не могутъ, ибо грубая животная натура, руководимая только эгоистическими инстинктами, еще никогда ничего не создавала!

Вотъ отчего мы и сказали выше, что пьеса Горькаго вызываетъ тяжелое, отрицательное впечатлѣніе. Въ чисто-литературномъ отношеніи ее нельзя назвать выдающимся произведеніемъ: въ ней есть отдѣльныя удачныя сцены и положенія, но въ общемъ она лишена живого сценическаго движенія и оттого достаточно скучна. Языкъ дѣйствующихъ лицъ также далеко не выдержанъ: въ немъ нѣтъ той характерной бытовой „цвѣтности“, какую такъ неподражаемо умѣлъ придавать языку своихъ лицъ Островскій. Мѣщанинъ Безсѣменовъ говоритъ иногда, напр., слова и фразы, едва ли возможныя для лица въ его положеніи. Артисты Художественнаго Театра чувствовали этотъ недостатокъ типичности въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ и чтобы его нѣсколько сгладить, заговорили характернымъ волжскимъ говоромъ „на *о*“; но этотъ областный акцентъ, въ совершенствѣ усвоенный г. Лужскимъ (Безсѣменовъ) и болѣе или менѣе удачно передаваемый г-жей Муратовой (Акулина Ивановна) и г. Артемовымъ (Перчихинъ), только еще рѣзче подчеркивалъ неестественность такихъ выраженій, какъ напр.: „ты научился презрѣнію ко всему живущему“, „страшное время! все ломается, трещитъ, волнуется жизнь“ и т. п. Впрочемъ, самая попытка дать воспроизведеніе бытового говора очень интересна и заслуживаетъ полнаго вниманія.

О пьесахъ иностранныхъ, вошедшихъ въ репертуаръ Художественнаго Театра, мы распространяться здѣсь не станемъ: Ибсенъ и Гауптманъ, какъ представители новыхъ теченій въ драматической литературѣ, извѣстны достаточно. Наши московскіе гости жизненностью своего исполненія заставили насъ переживать созданія этихъ чужихъ намъ по духу мастеровъ драмы и ярко оттѣнили въ нихъ тѣ общечеловѣческія черты, которыя приближаютъ ихъ къ нашему пониманію. Можетъ быть, руководители Художественнаго Театра нѣсколько погрѣшили слишкомъ одностороннимъ подборомъ пьесъ этого иностраннаго репертуара: вмѣстѣ съ русскими пьесами онѣ вызываютъ все одно и то же, слишкомъ монотонное настроеніе,—тяжелое, мрачное, рвущее нервы. Конечно, это—дѣло вкуса; но въ художествѣ, какъ и въ самой жизни, есть и должны быть и другія стороны. Хотѣлось бы видѣть нѣсколько больше разнообразія въ составѣ репертуара, въ тонѣ и характерѣ пьесъ. Такое разнообразіе, безъ сомнѣнія, помогло бы также и раз-

витію артистическихъ силъ труппы. Отчего бы, рядомъ съ новыми драмами, не дать и нѣкоторыхъ старыхъ, но хорошо забытыхъ, которыя въ исполненіи этихъ художниковъ сцены могли бы, во всякомъ случаѣ, пріобрѣсти новый и своеобразный характеръ? Такъ, напр., очень интересно было бы видѣть на этой сценѣ пушкинскаго „Бориса Годунова“ или нѣкоторыя вещи Островскаго,—„Воеводу“, „Горячее Сердце“, „Трудовой Хлѣбъ“, „Не было ни гроша...“ Изъ иностраннаго репертуара, конечно, очень стоило бы поработать надъ Шекспиромъ („Юлій Цезарь“, „Венеціанскій Купецъ“, „Ричардъ II“, „Генрихъ IV“) и Шиллеромъ „Вильгельмъ Телль“. Мы назвали нѣсколько пьесъ, которыя, по нашему мнѣнію, вполнѣ въ силахъ труппы Художественнаго Театра; внимательно перебирая старый репертуаръ, конечно, можно найти гораздо больше вещей, заслуживающихъ постановки и несомнѣнно привлекательныхъ.

Но и за то, что далъ намъ въ эти два коротенькіе сезона Московскій Художественный Театръ, можно только благодарить его и выразить надежду, что дальнѣйшіе его успѣхи будутъ все больше и больше расширять кругъ его вліянія и доставлять, наконецъ, побѣду тѣмъ здравымъ принципамъ сценическаго искусства, которыми эти успѣхи обусловлены. Жизнь и литература идутъ впередъ,—сцена не можетъ и не должна оставаться позади.

П. Морозовъ.

Критика и библіографія.

Танъ. „Очерки и разсказы“ т. 2. СПБ. 1902 г.

Очерки г. Тана отличаются своеобразной прелестью. Трудно разложить производимое ими очарованіе на составные элементы. Прежде всего пріятно поражаетъ отсутствіе утомительныхъ, холодныхъ описаній природы и неодушевленныхъ предметовъ, которые у сотенъ присяжныхъ путешественниковъ и фабрикантовъ „путевыхъ очерковъ“ наводятъ непреодолимый сонъ на наивнаго читателя, разсчитывающаго познакомиться черезъ ихъ посредство съ жизнью невѣдомыхъ странъ.

Главный интересъ автора сосредоточивается на людяхъ, причемъ г. Танъ не отмѣчаетъ, какъ большинство путешественниковъ то, что обще этимъ экзотическимъ людямъ наравнѣ съ прочими: какъ они пьютъ, ѣдятъ, одѣваются и производятъ тысячи безразличныхъ житейскихъ дѣйствій, а останавливается лишь на томъ, что рѣзко и ярко отличаетъ ихъ отъ имъ подобныхъ.

Въ очеркѣ: „На сѣверѣ дальнемъ“ такой яркой фигурой является миссіонеръ докторъ Лериго, интеллигентъ, рыцарь духа, вырабатывающій за полярнымъ кругомъ новую теорію загробной жизни и проповѣдующій эскимосамъ слово Божіе черезъ двухъ переводчиковъ, сначала съ англійскаго на чукотскій, а потомъ съ чукотскаго на эскимосскій, и самая эта проповѣдь, импровизируемая изъ вторыхъ рукъ примѣнительно къ своимъ понятіямъ и вѣрованіямъ чукчей Увяномъ, рисуетъ этого чукчу со всѣмъ его міросозерцаніемъ лучше десятковъ страницъ самыхъ подробныхъ описаній. Не менѣе типиченъ и злополучный золотоискатель Игнъ, бывшій поваръ, высадившійся съ полуразбитой шкуны на плавучіе льды съ коробкой маринованныхъ грушъ въ карманѣ и въ теченіе двухъ недѣль питавшійся двумя мышами, пойманными въ вымершемъ съ голоду поселкѣ.

Въ очеркѣ „Черный студентъ“ предъ нами, какъ живой, встаетъ студентъ-медикъ—негръ, зарабатывающій деньги на каникулахъ профессіей лакея въ вагонѣ-ресторанѣ, мечтающій въ своемъ чуланѣ, среди нечищенныхъ сапогъ и костей изъ скелета, о бѣлоку-

рой Дездемонѣ и съ тоскою спрашивающій: такъ же ли презираемы русскіе рабы, освобожденные въ одно время съ американскими?

Даже случайные, мимолетные силуэты, едва мелькнувшіе въ пестромъ человѣческомъ калейдоскопѣ, г. Тану удается нѣсколькими словами расцвѣтить красками жизни, какъ напримѣръ образъ еврейки, работницы съ табачной фабрики (въ разсказѣ: „У входа въ Новый свѣтъ"), самоучкой выучившейся по англійски и ѣдущей въ Америку искать свободы. „Она внимательно смотрѣла на каменный факелъ статуи „Свободы", на верхушкѣ котораго играло восходящее солнце.—Какъ красиво!—сказала, она. Свобода! И глядя на нее, мнѣ вспомнились другія времена, другая обстановка, не имѣющая ничего общаго съ этимъ кораблемъ—дымная комната на Петербугской сторонѣ, наши вѣчные споры и свѣтлыя дѣвичьи очи, смотрѣвшія такъ смѣло и довѣрчиво впередъ"...

И во всѣхъ этихъ встрѣчахъ, среди самой разнообразной обстановки, читатель повсюду встрѣчаетъ свободную, чуждую буржуазныхъ симпатій и предразсудковъ личность автора съ его болѣзненно чувствительной ко всякому произволу и насилію и жаждущей свѣта и правды душой.

Изъ разсказовъ самый большой и самый значительный „На каникулахъ".

Дѣйствіе происходитъ въ Нижне-Пропадинскѣ, отдѣленномъ отъ остального міра междупланетными пространствами. Дѣйствующія лица—группа интеллигентовъ, волею судебъ попавшихъ туда. Грустный разсказъ! Но печально не самое мѣсто, не условія жизни—все это было бы терпимо,—ужасна безплодность жизни. Представьте себѣ прекрасно устроенную и сложную машину, которая идетъ полнымъ ходомъ, но за отсутствіемъ сырого матеріала не производитъ никакихъ продуктовъ, только оси и шкивы стираются, механизмъ портится и пары изсякаютъ; если бы эта машина могла сознавать, она чувствовала бы то же, что чувствуютъ герои г. Тана. Вѣсти о событіяхъ изъ далекаго міра, доходящія до нихъ черезъ годъ, вызываютъ цѣлую бурю противорѣчивыхъ мнѣній. Но эти споры были только самообманомъ. Въ сущности они были совершенно безполезные, т. к. каждый зналъ до мельчайшихъ подробностей все, что можетъ сказать другой; проживши вмѣстѣ десятокъ лѣтъ, они по одному выраженію глазъ съ точностью опредѣляли, что думаетъ собесѣдникъ. Не было никакой возможности скрыть отъ окружающихъ не только ни одного поступка, но и ни одной мысли, и это придавало жизни оттѣнокъ невыразимой скуки и прозы. Это было все равно, что жить, зная напередъ все будущее.

И вотъ въ этотъ окристаллизовавшійся мірокъ, состоявшій изъ шести мужчинъ, попадаетъ свѣжій человѣкъ—молодая, хорошенькая дѣвушка. Что изъ этого произошло, читатель, если интересуется, можетъ узнать изъ самого разсказа, цѣнность котораго, кромѣ интересной фабулы, составляютъ типичныя фигуры людей, принесшихъ жизнь въ жертву идеѣ. Особенно хороши: Ястребовъ, охотящійся съ прирученной волчицей вмѣсто собаки, и съ самой юности

поставившій себѣ правиломъ поступать не такъ, какъ другіе: „въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ какъ будто задавалъ себѣ вопросъ: какъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ обыкновенный средній человѣкъ, и поступалъ какъ разъ наоборотъ"—и Беккеръ, душевный жаръ котораго не охладила ни на одинъ градусъ даже четверть столѣтія, проведенная въ арктической температурѣ. „Проходившіе годы не измѣняли его судьбы, но не могли ничего измѣнить и въ его настроеніи. Люди пріѣзжали на его глазахъ, раскисали, падали духомъ, потомъ уѣзжали, а онъ оставался такимъ же непоколебимымъ".

Его рѣчи, обращенныя къ одному изъ такихъ „раскисшихъ" и упавшихъ духомъ товарищей могли бы быть съ большимъ правомъ обращены къ тысячамъ другихъ, оставшихся по ту сторону Гиперборейскихъ горъ интеллигентовъ.

— „Въ пять-шесть лѣтъ все испарилось... Только эгоизмъ остался, да и эгоизмъ какой-то дешевенькій, ни на что не способный... На жизненномъ пиру намъ прибора не досталось!—Развѣ это новость? И развѣ хорошо на старости лѣтъ тѣсниться къ столу вмѣстѣ съ лакеями и поднимать крикъ: „дайте и мнѣ кусокъ пирога. Я еще не закусывалъ!" Встряхнуться надо!

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать,—возразилъ Рыбковскій.

— Ну такъ говори хоть! Обманывай себя! Что только ныть? И безъ тебя много нытиковъ. Цѣлыя поколѣнія залѣзли въ глухой уголъ... Что вамъ нужно? Жить вы хотите, вы еще не жили? Ну такъ не будьте кислятиной, чортъ васъ возьми! Боритесь съ жизнью, завоюйте свою долю! Къ чорту ваши іереміады! Идите въ толпу, туда, гдѣ людей больше! Тѣснитесь, работайте, пробивайтесь впередъ!

В. Додоновъ.

6) Бальзакъ. Темное дѣло. Пер. съ франц. подъ ред. проф. Трачевскаго. СПБ. 1902.

Послѣ „Жанны д'Аркъ" Марка Твена, проф. Трачевскій продолжаетъ свою серію историческихъ романовъ переводомъ „Une ténébreuse affaire Онорэ Бальзака, одного изъ романовъ серіи „сценъ изъ политической жизни". Русскій переводчикъ выбралъ „Темное дѣло" очевидно не изъ за художественныхъ достоинствъ романа, а потому что въ немъ обрисованъ интересный историческій моментъ—постепенное укрѣпленіе власти Наполеона въ эпоху консульства, и безсильныя попытки роялистовъ возстановить власть Бурбоновъ. Въ романѣ эпоха очерчена лишь вскользь: въ немъ дѣло идетъ только о продѣлкахъ Наполеоновской полиціи и о доблестяхъ роялистовъ. Эту недостаточность и односторонность освѣщенія проф. Трачевскій старается восполнить въ своемъ предисловіи подробной характеристикой эпохи консульства, а также всей жизни и дѣятельности Наполеона. Далеко не увлекаясь Наполеономъ, онъ, напротивъ того,

доказываетъ, что все созданное Наполеономъ было результатомъ работы цѣлыхъ поколѣній. Изъ всѣхъ дѣяній Наполеона онъ считаетъ главными его законодательныя реформы. Проф. Трачевскій очень подробно и документально разсказываетъ исторію консульства, показывая, съ какимъ умѣніемъ подготовлялась тогда централизація административной власти, сдѣлавшая Имперію возможной задолго до дѣйствительнаго провозглашенія ея. Для подготовки русскихъ читателей къ чтенію романа, всецѣло посвященнаго описанію полицейскихъ подвиговъ, проф. Трачевскій дѣлаетъ характеристику Наполеоновской полиціи, знаменитаго въ своемъ родѣ Фуше, Талейрана и другихъ. Въ общемъ онъ относится отрицательно къ Наполеону, не поддаваясь обаянію, которое обыкновенно производитъ на изслѣдователей геній великаго завоевателя и его трагическая судьба. Насколько бы ни было спорнымъ его пониманіе Наполеона, во всякомъ случаѣ оно соотвѣтствуетъ духу романа Бальзака, симпатіи котораго на сторонѣ легитимистовъ-роялистовъ. Самъ Наполеонъ въ романѣ почти не выступаетъ, и личность его составляетъ лишь фонъ событій, но въ центрѣ дѣйствія его сподвижники, его полиція, и она представлена въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Объясненіе устройства полицейскаго вѣдомства при Наполеонѣ и характеристики знаменитыхъ полицейскихъ дѣятелей того времени сдѣланы въ предисловіи очень обстоятельно и помогаютъ читателю разобраться въ сложной запутанной интригѣ романа.

„Темное дѣло"—одно изъ наименѣе яркихъ произведеній Бальзака. Геній великаго реалиста, его умѣніе изображать буржуазную среду, создавая живые, вѣчные типы, здѣсь совершенно не сказывается. Дѣйствующія лица условно романтичны, психологическаго анализа нѣтъ, есть только сложная интрига съ сильной примѣсью утонченности, къ которой Бальзакъ всегда питалъ пристрастіе.

„Темное дѣло" написано въ духѣ фельетонныхъ романовъ Евгенія Сю, гдѣ все дѣло въ запутанности фабулы, возбуждающей вниманіе читателя, въ драматическихъ эффектахъ и трогательности поступковъ, въ противопоставленіи идеальнаго благородства однихъ нравственной испорченности другихъ. У Бальзака тоже выведены благородные: молодая аристократка, ведущая заговоръ противъ Наполеона съ прямолинейностью и умомъ государственнаго мужа, съ отвагой и самопожертвованіемъ античной героини, и рядомъ съ ней простой человѣкъ, преданный ей и ея семейству и ведущій страшно-опасную интригу; для успѣха дѣла онъ даже притворяется предателемъ и сноситъ общее къ себѣ презрѣніе. А враги роялистовъ, сподвижники Наполеона, всѣ сплошь шпіоны, предатели, готовые погубить не только враговъ, но и союзниковъ. При такой тенденціозности, объективности нечего, конечно, и ожидать какой-либо жизненной правды. Бальзакъ и не стремится къ ней въ своемъ романѣ. Его интересуетъ другое—самый поединокъ между полицейскими ищейками и роялистами, не уступающими своимъ противникамъ по умѣнію дѣйствовать въ темнотѣ и заметать слѣды. Драматизмъ этой борьбы становится для Бальзака какъ бы интереснымъ спор-

томъ, и онъ съ большимъ увлеченіемъ изображаетъ все это запутанное дѣло, интригующее читателя сложностью мотивовъ. Дѣйствіе ведется такъ искусно, что нити интриги трудно угадать до самаго конца: каждое лицо своего рода Талейранъ, или Маккіавели, и борется съ врагами равными ему по хитрости. О нравственныхъ побужденіяхъ дѣйствующихъ лицъ въ сущности не приходится и говорить. Авторъ наклеиваетъ каждому ярлыкъ, и послѣ первыхъ же главъ совершенно ясно, кто благороденъ, кто низокъ. На этомъ психологія кончается, и все дѣло въ эпизодахъ борьбы.

Историческая сторона „Темнаго дѣла“ мало удовлетворительна. Задача историческаго романа заключается въ томъ, чтобы, или выяснить психологію историческихъ дѣятелей, или, пренебрегая точностью фактовъ возсоздать духъ эпохи, типы даннаго времени, весь складъ общественной жизни. Романъ Бальзака написанъ въ 1841 г. Во Франціи сильно ощущалось въ то время вліяніе Вальтера Скота и процвѣталъ историческій романъ именно второго рода: писатели не гнались за историческою правдой; на первомъ планѣ стояла живописность, колоритное изображеніе эпохи съ примѣсью чисто фантастической фабулы. Въ этомъ смыслѣ самымъ характернымъ образцомъ историческаго романа времени романтизма является „Соборъ парижской Богоматери“ Виктора Гюго. Фабула его тоже совершенно фантастическая, характеры построены на живописныхъ контрастахъ, на сильныхъ демоническихъ страстяхъ, лишены всякой психологической мотивировки, но вмѣстѣ съ тѣмъ средневѣковой Парижъ возсозданъ съ большой археологической точностью, и описаніе среды чрезвычайно жизненно и колоритно. Проспэръ Мериме еще болѣе близко передаетъ въ своихъ историческихъ романахъ духъ эпохи; Александръ Дюма, напротивъ того, чрезвычайно самовольно обращается съ историческимъ матеріаломъ, пользуясь имъ только какъ предлогомъ для фантастическихъ вымысловъ. Въ „Темномъ дѣлѣ“ Бальзакъ ближе всего стоитъ къ Александру Дюма; онъ старается не столько дать правдивую картину историческаго прошлаго, какъ создать изъ имѣющагося у него матеріала романъ съ занимательной интригой. Эпоха, представленная въ „Темномъ дѣлѣ“, очень интересная и сложная: подготовленіе Имперіи подъ предлогомъ вѣрности революціонному идеалу, преслѣдованіе личныхъ враговъ, роялистовъ, подъ предлогомъ опасности, которую они представляютъ для республиканскаго строя; всѣ хитросплетенія внутренней политики Наполеона представляли богатый психологическій матеріалъ, которымъ Бальзакъ лишь слабо воспользовался.

Въ общемъ, никакой картины эпохи не получается, и романъ слѣдуетъ назвать не историческимъ, а скорѣе полицейскимъ вродѣ уголовныхъ романовъ Уильки Коллинса. Ту же среду, тѣ же заговоры роялистовъ Бальзакъ изображалъ до „Темнаго дѣла“ въ романѣ „Послѣдній Шуанъ“, гдѣ уже описывалъ Корантена, сподвижника Фуше. Изъ этихъ двухъ романовъ первый гораздо выше въ художественномъ отношеніи.

Digitized by Google

Въ общемъ можно сказать, что по „Темному дѣлу“ не слѣдуетъ судить о великомъ авторѣ „Человѣческой комедіи“. Въ этомъ романѣ оказались скорѣе всѣ слабости романиста, его недостаточная строгость къ задачамъ творчества, склонность къ фабрикаціи занятныхъ романовъ, гдѣ сложность интриги замѣняетъ жизненную правду и серьезное изученіе характеровъ и среды. Но конечно, несмотря на всю небрежность, романтичность и даже мелодраматичность „Темнаго дѣла“, и въ этомъ романѣ сказывается рука мастера. Вся сложная интрига ведется съ необычайной точностью, придающей характеръ полной правдоподобности самымъ фантастическимъ вымысламъ. Въ романѣ отсутствуетъ идейное освѣщеніе событій такъ же какъ и психологическая мотивировка, но въ смыслѣ занятности и ловкости интриги онъ написанъ чрезвычайно скучно.

Зин. Венгерова.

В. Кулеманъ. Профессіональное движеніе. Очеркъ. профессіон. организаціи рабочихъ и предпринимателей во всѣхъ странахъ. Въ прилож. лекціи В. Зомбарта: „Во что бы то ни стало!“—изъ теоріи и исторіи профессіон. движенія. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Д. Гончарова и Н. Фосса. Спб. 1901. Цѣна 2 р. 25 коп. Стр. XXIV+413+108.

Работа проф. Кулемана представляетъ первую въ экономической литературѣ попытку общей энциклопедіи профессіональнаго рабочаго движенія. Какъ указываетъ самъ Кулеманъ въ предисловіи къ своей книгѣ, до сихъ поръ существовали только монографіи, посвященныя профессіональнымъ союзамъ отдѣльныхъ странъ, но не было объединяющей, сводной работы по этому вопросу. Потребность заполнить такой важный пробѣлъ вызвала книгу Кулемана.

Однако, разбираемая нами книга отнюдь не является простой компиляціей изъ наличныхъ монографій. Авторъ собственными изслѣдованіями устранилъ цѣлый рядъ недочетовъ этого матеріала и даетъ въ своей работѣ много существенно новыхъ данныхъ которыя касаются, частью, весьма интересныхъ сторонъ профессіональнаго движенія. Сюда, напр., относятся:... „очеркъ развитія профессіональныхъ союзовъ въ такихъ странахъ, для которыхъ до сихъ поръ не было общедоступной литературы;... обзоръ попытокъ международной организаціи;... матеріалъ о предпринимательскихъ союзахъ, поскольку ихъ дѣятельность распространяется на отношенія къ рабочимъ“,.. (Предисловіе къ русск. переводу, стр. VII, passim).

Какъ патріотъ, Кулеманъ съ особенной обстоятельностью описываетъ профессіональныя организаціи Германіи; эта часть его книги представляетъ почти цѣлую монографію. Для русскаго читателя такая непропорціональность изложенія скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ: въ нашей экономической литературѣ имѣлись пока лишь отрывочныя свѣдѣнія о германскомъ профессіональномъ движеніи, которое въ высшей степени интересно не только по значительной

быстротѣ своего развитія за послѣдніе годы прошлаго вѣка, но и по его своеобразности.

Наименѣе интересный для русскаго читателя отдѣлъ книги, это тотъ, который посвященъ Англіи. Заимствуя матеріалъ главнымъ образомъ изъ превосходной работы Веббовъ, авторъ старается освѣтить его со своей собственной точки зрѣнія, несравненно менѣе правильной, чѣмъ точка зрѣнія самихъ Веббовъ.

По своей основной теоретической идеѣ (гармонія интересовъ рабочихъ и предпринимателей) Кулеманъ можетъ быть отнесенъ къ школѣ Брентано. По своимъ практическимъ взглядамъ, онъ близокъ къ національ-соціаламъ (группа Наумана). Для русскаго читателя возможность критически разобраться въ его воззрѣніяхъ чрезвычайно облегчается предисловіемъ г. Степанова и многочисленными примѣчаніями переводчиковъ въ текстѣ книги.

Переводчики значительно сократили тѣ части книги, гдѣ сообщаемыя свѣдѣнія имѣли слишкомъ частный, слишкомъ справочный характеръ. Зато изложеніе событій дополнено и доведено до начала 1901 года (въ нѣмецкомъ подлинникѣ—только до половины 1899 года). Всѣ эти измѣненія, конечно, вполнѣ цѣлесообразны съ точки зрѣнія читателя.

Прекрасная статья Зомбарта, помѣщенная въ приложеніи, значительно повышаетъ внутреннюю цѣнность книги. Со свойственными Зомбарту въ его популярныхъ работахъ простотой, ясностью и изяществомъ изложенія, онъ выясняетъ мѣсто и значеніе профессіональныхъ организацій въ общей системѣ соціальнаго развитія. Эта теоретическая часть брошюры Зомбарта является особенно полезнымъ дополненіемъ къ работѣ Кулемана. Что же касается до исторической части, то она хотя и очень интересна, но мало прибавляетъ къ тому, что изложено въ текстѣ книги объ Англіи и Германіи.

Въ современной литературѣ все съ большей опредѣленностью и убѣдительностью выступаетъ идея, что профессіональные союзы представляютъ изъ себя непосредственные элементы новой экономической системы, зарождающіеся въ предѣлахъ старой. Знакомство съ профессіональнымъ движеніемъ становится необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка. Читатель, стремящійся къ такому знакомству, найдетъ въ разобранной нами книгѣ весьма полезное руководство.

Общественныя движенія въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи. Составлено по Лозерту, Келлеру, Циммерману и др. Подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Изданіе В. А. Нѣмчинова. Цѣна 2 р. 50 к. Спб. 1901.

Исторія общественнаго идеализма, начиная съ эпохи паденія классической культуры и кончая эпохой выступленія на сцену капиталистически-классовыхъ отношеній, представляетъ непрерывный

рядъ теоретическихъ и практическихъ утопій. Соціально-идеологическія построенія отдѣльныхъ мыслителей были обречены на полную оторванность отъ жизни; демократическія движенія широкихъ массъ безпощадно подавлялись въ жестокой борьбѣ, или, послѣ временнаго успѣха, быстро вырождались въ неблагопріятной общественной атмосферѣ.

Эта міровая трагедія глубоко поучительна для всякаго, кто желаетъ понять логику исторіи, такъ много созидающей для разрушенія. Есть и примиряющій моментъ въ трагедіи утопизма: непрерывность стремленій и идей, въ которой прошлое выступаетъ, какъ необходимый матеріалъ для будущаго, погибшее — для нарождающагося. Не для всякаго этого достаточно; но вѣдь ни изъ чего и не слѣдуетъ, что логика исторіи должна соотвѣтствовать логикѣ нашего чувства. Да и вообще, примиреніе съ дѣйствительностью не можетъ найти себѣ прочной опоры ни въ сферѣ чувства, ни въ сферѣ сознанія, но только — въ сферѣ дѣятельности. Для нашего времени, лучшимъ историкомъ утопизма является Карлъ Каутскій. Въ своей работѣ онъ даетъ живую и яркую картину возникновенія (опредѣленныхъ идеологическихъ стремленій въ опредѣленныхъ общественныхъ условіяхъ, картину необходимаго развитія и конечной судьбы этихъ стремленій. Съ безпристрастіемъ человѣка науки, но вмѣстѣ не съ безпристрастіемъ ученой амфибіи рисуетъ онъ исторію героизма и заблужденій, борьбы и гибели. Въ его изложеніи прошлое постоянно бросаетъ свѣтъ на настоящее, и въ постоянной замѣнѣ стараго идеализма съ новымъ становится все болѣе наглядною безнадежность одного и возрастающая сила другого.

Исторія утопическихъ идей и утопическихъ движеній старыхъ временъ представляетъ почти неизвѣстную область для громаднаго большинства нашихъ читателей. Но и человѣкъ, сравнительно хорошо знакомый съ этой исторіей, въ работѣ Каутскаго можетъ найти, по крайней мѣрѣ, новое освѣщеніе извѣстныхъ уже фактовъ, освѣщеніе, въ которомъ ихъ взаимная связь становится болѣе ясною, ихъ историческая необходимость — болѣе понятною. Вообще, здѣсь есть чему поучиться.

Къ сожалѣнію, работа Каутскаго во многихъ мѣстахъ страдаетъ столь обычными у иностранныхъ писателей недостатками — растянутостью темъ и неясностью выраженій, способными оскорбить „строгій вкусъ" русскаго читателя. Поэтому для русской публики потребовалась нѣкоторая передѣлка этой работы, передѣлка въ томъ смыслѣ и направленіи, чтобы работа могла удовлетворить естественнымъ требованіямъ нашего читателя. Это и выполнено русской редакціей, которая воспользовалась для своей цѣли различными источниками, указанными въ подготовленіи книги. Задача выполнена настолько удачно, что по сравненію съ основнымъ источникомъ почти ничего не утратилось изъ фактическаго матеріала, ни даже изъ его освѣщенія.

Къ спеціальнымъ достоинствамъ работы слѣдуетъ отнести богат-

ство историческихъ параллелей, остроумно и тонко построенныхъ, часто неожиданныхъ, но всегда многое уясняющихъ. Таково, напримѣръ, блестящее сравненіе классовыхъ отношеній въ Западной Европѣ второй половины среднихъ вѣковъ, и во Франціи эпохи буржуазнаго королевства (стр. 136—138). Каутскій всюду подчеркиваетъ возникновеніе однородныхъ тенденцій при однородныхъ условіяхъ, такъ что идея закономѣрности общественнаго процесса выступаетъ для читателя въ живыхъ, конкретныхъ образахъ.

Немало мѣста отведено у Каутскаго критикѣ буржуазныхъ историковъ утопизма, и эта критика заслуживаетъ большого вниманія. Судьба утопистовъ печальна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что ихъ исторію писали враги—люди, которые ихъ ненавидѣли и, что еще хуже, не понимали. У буржуазнаго историка, когда дѣло идетъ объ утопистахъ, особенно о наиболѣе активныхъ,—совершается своеобразный процессъ психическаго подбора: въ его сознаніи блѣднѣетъ и стушевывается все, что говоритъ сколько-нибудь въ пользу утопистовъ,—за то все ярче выступаетъ и путемъ непроизвольнаго творчества все болѣе округляется то, что говоритъ противъ нихъ. Этимъ способомъ одно поколѣніе историковъ за другимъ понемногу увеличиваетъ сумму исторической клеветы противъ идеалистовъ прошлаго. Въ результатѣ получаются такія поразительные факты, что напримѣръ, для мюнстерскихъ перекрещенцевъ сравнительно болѣе благопріятными являются показанія Гресбека, того самаго измѣнника, который предалъ Мюнстеръ врагамъ.

Къ недостаткамъ книги можетъ быть отнесена нѣкоторая сжатость изложенія. Нѣмецкій авторъ имѣлъ въ виду опредѣленныхъ читателей: людей занятыхъ, имѣющихъ мало свободнаго времени, и въ то же время привыкшихъ читать внимательно. Русскій читатель, въ общемъ, не таковъ: сжатое изложеніе утомляетъ его, оно не позволяетъ быстро скользить по строчкамъ глазами, а онъ привыкъ читать слегка. Но уже въ наше время народился и новый читатель, для котораго упомянутый недостатокъ книги не будетъ недостаткомъ, особенно если принять во вниманіе ея значительную популярность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ страдаетъ, впрочемъ, и эта популярность, напр., когда христіанскія общины первыхъ вѣковъ въ переводѣ называются „пролетарскими общинами древняго Рима", и т. п.

Еще одно замѣчаніе, болѣе частнаго характера. Каутскій считается однимъ изъ наиболѣе строгихъ представителей монистическаго взгляда на исторію; однако и у него можно встрѣтить погрѣшности противъ этой точки зрѣнія. Такъ, онъ находитъ, что традиціи классическаго міра, явились однимъ изъ „революціонизирующихъ факторовъ" въ эпоху возрожденія (стр. 142). Послѣдовательный монизмъ представляетъ дѣло иначе. Когда въ предѣлахъ стараго общества стало развиваться новое, то, какъ приспособленіе къ новымъ формамъ общественнаго бытія, потребовались новыя формы мышленія—новыя „идеологіи". Остатки античной культуры оказались весьма подходящимъ матеріаломъ для выработки этихъ идеологій—

именно въ силу значительнаго сходства классическаго общества съ тѣмъ, которое пришло на смѣну феодализму: то и другое общество являлось по преимуществу мѣновымъ, стало быть индивидуалистическимъ. Благодаря подходящему матеріалу, новыя идеологіи могли вырабатываться быстрѣе и съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ это было бы при иныхъ условіяхъ, но и только. Революціонизирующимъ факторомъ никакъ не могъ быть простой идеологическій матеріалъ: такіе „факторы", съ монистической точки зрѣнія, всегда лежатъ въ сферѣ непосредственной борьбы общества съ внѣшней природой.

Относительно разбираемой книги мало сказать, что она представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую литературу. Съ ней слѣдуетъ ознакомиться всякому, кто стремится къ ясному пониманію общественныхъ отношеній и идей въ ихъ взаимной связи.

А. Богдановъ.

Н. Карѣевъ. Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка (Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ) Изд. 2-ое СПБ. 1902 г. XI+295 стр. Цѣна 60 коп.

Философско-историческая точка зрѣнія автора (человѣческая личность, носительница религіозной, сословной, культурно-соціальной идеи или представительница экономическаго интереса, является активнымъ началомъ историческаго развитія), была имъ подробно обоснована въ многочисленныхъ трудахъ, появившихся ранѣе разбираемой нами книги, а также послѣ нея; эта точка зрѣнія цѣликомъ удерживается и въ настоящемъ сочиненіи проф. Карѣева. Послѣднее представляетъ собой сжатое извлеченіе культурно-историческаго содержанія изъ трехъ первыхъ томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время" того же автора; содержаніе книги болѣе соотвѣтствуетъ указанной на обложкѣ темѣ (Введеніе въ исторію XIX вѣка"), чѣмъ ея заглавію. Въ самомъ дѣлѣ, отъ философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени читатель въ правѣ ожидать съ одной стороны болѣе широкаго и всесторонняго разсмотрѣнія явленій историческаго процесса, а съ другой,—болѣе именно философіи, то-есть болѣе глубокаго и полнаго вскрытія факторовъ историческаго развитія и ихъ классификаціи въ порядкѣ слѣдуемости, затѣмъ—опытъ логическаго опредѣленія ихъ взаимодѣйствія и наконецъ, указанія, въ какой мѣрѣ добытая такимъ чисто-теоретическимъ путемъ равнодѣйствующая этихъ факторовъ приближается къ совпаденію ея съ дѣйствительнымъ направленіямъ исторической эволюціи. Ничего подобнаго мы въ разбираемой книгѣ не находимъ. Она состоитъ изъ десяти прекрасныхъ культурно-историческихъ очерковъ, страдающихъ развѣ лишь нѣкоторой схематичностью изложенія вслѣдствіе своей сжатости. Авторъ, въ нихъ

обращаетъ „вниманіе на то общее въ ихъ (западно-европейскихъ народовъ) исторіи, которое является результатомъ, съ одной стороны всемірно-исторической преемственности, а съ другой—внутренняго взаимодѣйствія самостоятельныхъ частей этого міра". При этомъ онъ замѣтно отдаетъ предпочтеніе въ своемъ разсмотрѣніи явленіямъ духовной культуры народовъ Западной Европы. Этимъ можно объяснить себѣ, напримѣръ, полное оставленіе безъ вниманія такого во всѣхъ отношеніяхъ важнаго вопроса, какъ развитіе колоніальной политики у различныхъ европейскихъ государствъ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, вліяніе вызваннаго ею расширенія рынка, во первыхъ на общій ходъ экономической эволюціи Западной Европы, а во вторыхъ,—на выработку идей экономической политики у правительствъ различныхъ государствъ; наконецъ ни слова не говорится о значеніи развитія эмиграціи, находящейся въ связи съ колоніальной политикой, главнымъ образомъ для культурно-политической исторіи Англіи. Тѣмъ не менѣе, то, что сказано,—полно самаго живого интереса. Книжка написана общепонятно и можетъ быть смѣло рекомендована всѣмъ желающимъ ознакомиться съ вопросами культурно-соціальной исторіи.

Теперешнее (второе) изданіе книги въ точности воспроизводитъ содержаніе перваго изданія, появившагося въ 1893 году, и отличается отъ этого послѣдняго лишь пониженной цѣною и типографской внѣшностью, устранены также изъ текста обильныя ссылки на соотвѣтственныя мѣста „Исторіи Западной Европы въ новое время", бывшія въ первомъ изданіи, такъ какъ онѣ расходятся со вторымъ изданіемъ названнаго капитальнаго труда проф. Карѣева.

Мих. Захаровъ.

И. Семеновъ. Что есть на небѣ, на солнцѣ, на звѣздахъ и на другихъ небесныхъ свѣтилахъ. Подъ редакціей и съ дополненіями Н. А. Рубакина. Изданіе Д. Г. Алексѣева. Спб. 1901. Цѣна 35 коп.

Эта книжка представляетъ собой еще новое яркое доказательство того, какъ трудно просвѣщеніе народа. Источники для составленія ея выбраны довольно хорошо [illegible] Астрономическіе Вечера, Клейна), [illegible] передать содержаніе возможно проще, [illegible]. Съ одной стороны чувствуется [illegible] отъ придуманной простоты, [illegible] мало употребительныхъ словъ, съ другой—нельзя не отмѣтить многихъ грубыхъ промаховъ, показывающихъ, что авторъ [illegible] у него подъ руками матеріала, не изучивъ его предварительно болѣе основательно. Такъ напримѣръ на стр. 42 говорится, что при фотографированіи неба астроному [illegible] у трубы, онъ можетъ уйти, когда ему нужно; [illegible]

какъ, на самомъ дѣлѣ такого рода наблюденія оказываются самыми утомительными: наблюдатель сидитъ у инструмента по цѣлымъ часамъ, почти не отводя глаза отъ контрольной трубы.

Напрасно авторъ, приводя на стр. 48 описаніе протуберансовъ, пополняетъ, что астрономъ, наблюдавшій ихъ, смотрѣлъ на солнце черезъ темное стекло. Протуберансы можно видѣть только въ спектроскопъ.

Совершенная ересь—будто протуберансы—все равно, что пятна (стр. 55). Очевидно, пятна перепутаны съ факелами, хотя и тождество факеловъ съ протуберанцами нельзя считать вполнѣ доказаннымъ.

При описаніи Меркурія и Венеры оказалась неточность—густая плотная атмосфера Венеры перенесена на Меркурія.

Мы не посовѣтовали бы автору называть невидимыми звѣздами тѣ, которыя открываются фотографіей, потому что онѣ все же свѣтлыя, которыя становятся доступными непосредственному наблюденію при усиленіи оптическихъ средствъ. Есть дѣйствительно невидимыя звѣзды, которыя и на фотографической пластинкѣ нельзя обнаружить, это звѣзды потемнѣвшія, потухшія.

Странно видѣть примѣчаніе, объясняющее, что такое атмосфера, когда раньше объ этомъ говорилось въ текстѣ (стр. 47).

Объясняется слово „математика“ (хотя, конечно, неточно) и считается совершенно понятнымъ слово „университетъ“ (стр. 5).

Наконецъ, можно высказать вообще сомнѣніе, чтобы все, о чемъ говорится въ книжкѣ могло быть понятно читателю, для котораго она предназначается по своему тону.

К. Покровскій.

П. Пирлингъ. Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902. Изданіе А. С. Суворина. Стр. VIII+270+VIII. Ц. 1 р. 25 к.

Книжка П. Пирлинга появляется какъ нельзя болѣе кстати. Наша читающая публика такъ замѣтно интересуется временемъ Смуты въ Московскомъ государствѣ, что даже ученыя диссертаціи, посвященныя ей, выдерживаютъ по два изданія въ годъ: примѣръ тому представляетъ книга проф. С. Θ Платонова, которой посвящена была въ „Образованіи“ 1900 года обширная статья. Книжка П. Пирлинга должна быть тѣмъ болѣе интересной, что она принадлежитъ перу чрезвычайно талантливаго изобразителя нашего прошлаго, изобразителя, который пользуется матеріалами и литературой, обыкновенно неизвѣстными нашимъ присяжнымъ историкамъ. П. Пирлингъ пишетъ живо, умно, научно; вдаваясь въ детали, онъ придаетъ имъ такую своеобразную формулировку, что читатель почти не замѣчаетъ, что рѣчь идетъ объ извѣстныхъ подробностяхъ, обстановкѣ, часто игнорируемыхъ въ виду воображаемой слабости ихъ историческаго интереса. Главная тема книги—обстановка и условія, среди которыхъ появился обманщикъ на московскомъ престолѣ,

тотъ названный сынъ царя Ивана Грознаго, котораго московская традиція и лучшіе польскіе источники признали самозванцемъ. Григорій Богдановъ Отрепьевъ, если только допустимо отождествлять его съ первымъ обманщикомъ на московскомъ престолѣ, представляетъ большой интересъ въ русской исторіи: самозванство—цѣлое теченіе въ русскомъ прошломъ; посадивъ на престолъ самозваннаго царя, московскіе люди пришли къ тому, что, негодуя на великія реформы, настоящаго царя захотѣли превратить въ самозванца. Кто не знаетъ этой любопытной народной легенды о Петрѣ Великомъ, такъ картинно втиснутой въ изображеніе Петровской эпохи проф. В. О. Ключевскимъ. Первый Лжедимитрій становится поэтому тѣмъ интереснѣе, чѣмъ сильнѣе въ послѣдующее время вкоренялась въ русскую жизнь идея самозванства на разныхъ ступеняхъ общественной и государственной лѣстницы вплоть до типовъ В. Г. Короленко въ его извѣстныхъ статьяхъ *Самозванцы духовнаго и гражданскаго вѣдомства*, печатавшихся немного лѣтъ тому назадъ въ журналѣ „Русское Богатство". Самозванство—одно изъ характерныхъ проявленій той классической всеобъемлющей лжи, которою такъ жестоко окутана русская дѣйствительность... Если ложь является характерною чертой русской жизни, то въ литературѣ должны пользоваться особеннымъ значеніемъ эти разнообразные герои обмана отъ историческаго Отрепьева до художественнаго Хлестакова включительно. И сколько энергіи, труда, дарованія тратитъ П. Пирлингъ, чтобы освѣтить хоть сколько нибудь это темное царство лжи... Въ цѣломъ рядѣ статей, собранныхъ нынѣ въ одной книжкѣ, авторъ съ разныхъ сторонъ обрисовываетъ вопросъ о Лжедимитріи Первомъ въ связи съ современными явленіями въ Римѣ и Польшѣ. Мнишки и Бернардины, Кармелиты и Нунцій Рангони, писанія Поссевина и Чилли, Андрея Лавицкаго и Исаака Массы, Льва Сапѣги и Николая Вольскаго—все это трактуется для характеристики положенія вопроса объ Отрепьевѣ въ московскомъ прошломъ. Не забыты и своеобразные пріемы изученія этого вопроса у Карамзина, Костомарова, Тургенева. Авторъ справедливо задумывается надъ тѣмъ фактомъ, что у насъ сперва написали исторію смутнаго времени, а потомъ ужъ стали собирать матеріалы для этой исторіи и подвергать ихъ критическому анализу. „Только въ относительно недавнее время, пишетъ П. Пирлингъ, научная критика пріобрѣла полное право гражданства и стала успѣшно разрѣшать свою задачу", т. е. вести борьбу съ той, частью невольной, частью умышленной ложью, которая царитъ въ изображеніи нашего прошлаго. Талантливо изображая въ своей книжкѣ тѣ или другія черты изъ исторіи Гр. Б. Отрепьева, авторъ приходитъ къ выводу, что первый самозванецъ былъ человѣкъ великорусскаго происхожденія и что такое рѣшеніе вопроса представляется безповоротнымъ.

Первый самозванецъ появился на московскомъ престолѣ съ помощью московской же знати. Мысль эта прочно укоренилась въ нашемъ историческомъ сознаніи со времени С. М. Соловьева, ее не мало пропагандировалъ В. О. Ключевскій, а С. Ѳ. Платоновъ далъ

ей очень опредѣлённую формулировку, обобщивъ эту связь самозванства съ московскою знатью въ лицѣ приверженцевъ „тушинскаго патріарха“, приверженцевъ, одолѣвшихъ въ 1613 году... Изслѣдованія П. Пирлинга еще разъ вскрываютъ тѣ же связи, и авторъ прямо говоритъ (стр. 36), что между Димитріемъ и московскою знатью существовали близкія и тайныя сношенія. Излѣдованія П. Пирлинга довели спорный вопросъ до того, что тождество Димитрія съ Григоріемъ Отрепьевымъ выдерживаетъ извѣстную провѣрку. Весьма цѣннымъ въ работѣ П. Пирлинга является настойчивое подчеркиваніе факта большой извѣстности Димитрія на Западѣ; авторъ говоритъ, что этимъ *„сѣвернымъ героемъ“* плѣнился Генрихъ IV, что Рудольфъ II прочилъ ему въ невѣсты австрійскую эрцгерцогиню, а Фердинандъ Тосканскій хлопоталъ о торговыхъ выгодахъ, что, наконецъ, въ Римѣ мечтали о соединеніи церквей и о крестовомъ походѣ противъ турокъ... П. Пирлингъ, говоря о томъ, что имя Димитрія прогремѣло „чуть не по всей Европѣ“, предлагаетъ своимъ читателямъ весьма эффектное сопоставленіе: престарѣлый венеціанскій дожъ Леонардо Донати навлекъ на Республику церковное запрещеніе; католическое правительство изгоняло іезуитовъ за подчиненіе римскимъ предписаніямъ, а на далекомъ сѣверѣ преемникъ Грознаго увѣрялъ папу въ своей непоколебимой преданности и широко открывалъ іезуитамъ входъ въ свое государство. „Невольно, восклицаетъ П. Пирлингъ (на стр. 115), напрашивалось сравненіе между Венеціей и Московіей, которое клонилось *отнюдь не въ пользу Венеціи*“. Мы не будемъ излагать содержаніе цѣнной работы нашего автора, она настолько интересна, что едва ли кто изъ читающей публики можетъ съ нею не познакомиться. Намъ казалось необходимымъ выдвинуть на первый планъ исторію названнаго Димитрія съ точки зрѣнія ея отношеній къ всепроникающей русскую дѣйствительность лжи и ея роли въ современной ей западной дѣйствительности, иллюстрируя обѣ приведенною выше параллелью между взглядами великорусскаго человѣка начала XVII вѣка и фактами началъ XVIII, XIX и, если угодно, XX-вѣковъ въ русской жизни. Въ такомъ стилѣ исторія перваго Лжедимитрія еще не излагалась въ нашей наукѣ, блестящій починъ принадлежитъ П. Пирлингу, у котораго блескъ эрудиціи соперничаетъ съ красотою, изяществомъ и правдивостью изложенія. Намъ остается пожелать, чтобы русская публика въ возможно болѣе широкомъ объемѣ ознакомилась съ трудами названнаго ученаго; надо пожелать, чтобы П. Пирлингъ возможно болѣе писалъ по русски и встрѣтилъ въ нашей критикѣ оцѣнку, вполнѣ достойную его талантливаго пера (срв. стр. 85, а также его отзывы о трудахъ Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева и Н. И. Костомарова).

В. Сторожевъ

Э. С. Томпсонъ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Перев. съ англ. Изд. Павленкова. Спб. 1901. in. 8°.

Прекрасно изданная книжка Э. Томпсона, содержащая свыше 200 стр. текста и 156 прелестныхъ рисунковъ, изъ которыхъ 28 на отдѣльныхъ листахъ, является большой новинкой въ нашей литературѣ популярнаго естествознанія. Мы впервые встрѣчаемъ въ ней удачное сочетаніе увлекательнаго изложенія жизни животныхъ съ прекрасными, полными жизненной правды и соотвѣтствующими его тексту рисунками. Правда, нѣкоторые имѣютъ значеніе виньетки и даже нѣсколько аллегоричны, но огромное большинство есть художественная фотографія съ натуры.

Это, впрочемъ, немудрено, такъ какъ всѣ рисунки принадлежатъ кисти и карандашу самого автора, совмѣщающаго въ себѣ и талантливаго художника, и опытнаго натуралиста - наблюдателя. Своимъ 8 разсказамъ авторъ предпослалъ обстоятельное предисловіе, изъ котораго мы узнаемъ, что дѣйствующія лица его разсказовъ или жили дѣйствительно такъ, какъ онъ описываетъ, или представляютъ изъ себя сборный типъ, вмѣщающій все характерное и правдивое, касающееся животныхъ, представителемъ котораго онъ служитъ. Мы находимъ такую мысль вполнѣ подходящей для собщенія увлекательности приключеніямъ героевъ разсказовъ Томпсона. Это обстоятельство, кстати сказать, можетъ вызвать въ нѣкоторыхъ сомнѣніе въ правдоподобности сообщаемаго.

Такимъ лицамъ мы рекомендовали бы съ особеннымъ вниманіемъ прочесть предисловіе автора. Антропоморфизмъ, который пробивается во многихъ мѣстахъ повѣствованія автора, по нашему мнѣнію, проявленъ во вполнѣ допустимой формѣ, такъ какъ это даже собственно и не антропоморфизмъ, а то, что авторъ вѣрно называетъ личное „воззрѣніе на жизнь" каждаго животнаго индивидуума. Влагая въ уста своихъ четвероногихъ и пернатыхъ героевъ рѣчи, авторъ какъ бы помѣщаетъ только переводъ ихъ на человѣческій языкъ, и мы охотно вѣримъ автору, что онъ „ничего не добавилъ" въ рѣчахъ ихъ „такого, чего бы они сами не говорили" (стр. 51). Авторъ безусловно давній и превосходный наблюдатель. Поддѣлку чужихъ наблюденій скрыть нельзя: это сейчасъ же должно оказаться на свободѣ, легкости изложенія. У автора же рѣчь идетъ плавно, логично, много настоящей искренности, а главное— знанія подчасъ неуловимыхъ для обыкновеннаго зрителя черточекъ изъ жизни животныхъ.

Все это, изложенное какъ бы съ точки зрѣнія самихъ животныхъ (а не съ человѣческой, „чисто враждебной", по мнѣнію автора), настолько ново для насъ, такъ какъ мы привыкли читать или уже форменныя сказки или описаніе жизни животныхъ именно съ точки зрѣнія человѣческой,—что къ такому методу изложенія, быть можетъ, нужно немножко привыкнуть и въ немъ поразобраться. Лично мы его отъ души привѣтствуемъ и находимъ достойнымъ (хотя, увы, труднымъ) для подражанія. Этотъ методъ доступенъ въ полной

мѣрѣ только тѣмъ натуралистамъ, которые, умѣя излагать свои мысли, обладаютъ еще однимъ даромъ, даромъ точнаго наблюденія среди природы. Послѣдній требуетъ отъ натуралиста, кромѣ знаній, еще многихъ другихъ качествъ: терпѣнья, настойчивости, самопожертвованія, а подчасъ еще смѣлости и находчивости. Тѣмъ дороже должно быть намъ всякое уже готовое произведеніе въ этомъ родѣ. Разсказы Томпсона не всѣ одинаково близки намъ, такъ какъ это разсказы о животныхъ Америки, однако русскому читателю вполнѣ понятны и близки страницы о жизни американскихъ воронъ, куропатокъ, кроликовъ, лисицъ, овчарокъ и даже волковъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что въ разсказѣ Томпсона „Лобо" выведенъ чуждый нашей фаунѣ матерой волкъ каньоновъ Мексики. Нѣкоторыя черты животныхъ, какъ отзвукъ мѣстныхъ условій жизни, напримѣръ у того же волка Лобо, у овчарки Вулли, у дикаго мустанга-иноходца могутъ показаться преувеличенными, но лично мы, повторяемъ, предпочтемъ вѣрить автору всюду, гдѣ онъ сообщаетъ факты. Книжка Томпсона, по нашему мнѣнію, настолько хороша, что ее слѣдуетъ прочесть всѣмъ, интересующимся природой и жизнью животныхъ, и ужъ непремѣнно тѣмъ, кто на эту тему самъ пишетъ.

Родителямъ мы предлагаемъ прочесть книжку раньше самимъ, такъ какъ авторъ, хотя весьма умно, дипломатически и даже поэтично, но все же трактуетъ о той порѣ жизни всего живого, которую всѣ—и поэты, и прозаики почитаютъ за самую счастливую.

Александръ Ященко.

А. М. Никольскій. Уроки жизни (очерки изъ жизни животныхъ) для дѣтей школьнаго возраста. In 8⁰. Ц. 60 к.

Его же. Наши животныя. Очерки in 8⁰. Ц. 50 к. Москва. 1902 г.

Очерки первой изъ названныхъ книжекъ періодически печатались въ журналахъ „Родникъ" и „Всходы" въ отдѣлѣ „Смѣсь" и въ текстѣ („Переселенцы"), вторая книжка—собраніе очерковъ, помѣщавшихся въ „Читальнѣ народной школы" изд. Морева. Обѣ книжки безусловно пріятное явленіе въ нашей литературѣ, пока бѣдной хорошими произведеніями по естествовѣдѣнію. Г. Никольскій идетъ по стопамъ покойнаго проф. М. Н. Богданова, такъ задушевно дѣлившагося съ дѣтьми и юношами своими богатыми знаніями о жизни природы. Слогъ трактуемыхъ книжекъ чрезвычайно простъ и легокъ, а содержаніе обличаетъ опытнаго руководителя, хорошо знакомаго со своимъ предметомъ. Во многихъ мѣстахъ подкупающая искренность рѣчи, особенно когда авторъ нѣкоторые неразрѣшимые вопросы самъ ставитъ и самъ же сознается, что они неразрѣшимы (напр. откуда появились у соловья чарующія пѣсни?) или когда приходится отвѣчать категорическимъ отвѣтомъ, безъ околичностей: „какая необходимость заставляетъ ихъ (зимоспящихъ животныхъ) спать цѣлую зиму? Ѣсть нечего—вотъ какая необходимость!" далѣе слѣдуетъ все же разъясненіе. О многомъ авторъ очевидно пишетъ по

собственному опыту и наблюденію, иначе онъ не могъ бы давать такія рельефныя описанія, какъ грызенье бѣлкой кедровыхъ орѣшковъ, вышелушиваемыхъ, „какъ въ машинѣ", такіе совѣты, какъ распознаніе ядовитыхъ и неядовитыхъ змѣй, такихъ описаній, какъ заселеніе и выселеніе животныхъ у человѣческаго жилья и многое другое. Однимъ словомъ въ предѣлахъ цѣли, для которой въ свое время писались очерки, авторъ сдѣлалъ все возможное, чтобы быть интереснымъ и мы полагаемъ достигъ этого безъ особаго для себя труда. Мы можемъ возразить только на самую форму изданія и группировку содержанія этихъ двухъ книжекъ. Первая изъ нихъ „Уроки жизни", снабженная поясняющимъ предисловіемъ автора заключаетъ въ себѣ 47 очерковъ (большею частью очень краткихъ) и иллюстрирующихъ связь между организаціей и привычками животныхъ и условіями, въ которыя поставлена ихъ жизнь. Это въ высшей степени удачная мысль освѣтить коротенькими біологическими очерками различные неуловимые на первый взглядъ управляющіе жизнью законы взаимной любви и борьбы за существованіе. Но во имя этой благой цѣли мы не посовѣтовали бы помѣщать въ книжку (въ журналѣ въ отдѣлѣ „смѣсь" можно, такъ какъ такія статьи тамъ имѣютъ повременный характеръ) непремѣнно *все*, что было помѣщено въ журналахъ. Такъ мы бы опустили очеркъ „зачѣмъ иногда кричатъ животныя", такъ какъ все *достовѣрное* въ немъ заключается въ первыхъ 10 строкахъ, остальное же до крика не относится или требуетъ серьезной провѣрки. Очеркъ „Что значитъ постепенность" также излишенъ, такъ какъ опыты Шманкевича надъ переходомъ одного вида рака въ другой не всѣми признаны. О летающихъ рачкахъ, какъ мало интересномъ объектѣ мы бы тоже не говорили. Опасенъ также очеркъ о дождяхъ животныхъ особенно потому, что авторъ выбралъ какъ разъ случай выпаденія *крупныхъ* животныхъ вродѣ щукъ, окуней, крабовъ и даже намекъ на возможность паденія съ неба кошекъ. Очеркъ о клапанахъ венъ не вяжется съ заглавіемъ книжки и имѣетъ видъ приклеившагося посторонняго предмета. Касаясь деталей, мы укажемъ, что знатокъ русскихъ птицъ М. Н. Богдановъ лучшими пѣвцами считаетъ Бердичевскихъ, а не Курскихъ соловьевъ, жучки, которыхъ авторъ считаетъ прозрачными *до невидимости* (46) едва ли таковы на самомъ дѣлѣ, наконецъ капля воды, о которой говоритъ авторъ, едва ли взята изъ „чистаго источника" (64 стр.), а если и изъ таковаго, то изъ наиболѣе нечистаго его мѣста—это ужъ навѣрное. Что касается до трудности оторвать *присосавшуюся* раковинку Patella (41 стр.), то тутъ сила животныхъ не при чемъ или при очень маломъ и это не одно и то же, что сила мускуловъ, сжимающихъ створки устрицъ. Вторая книжка „Наши животныя" не имѣетъ предисловія. Эту книжку мы считаемъ особенно полезной, какъ часть зоологической хрестоматіи. 8 очерковъ ея трактуютъ о десяти представителяхъ животнаго царства (змѣи, морской бобръ, котикъ, бѣлка, соболь, верблюдъ, сѣв. олень, благородный олень, сусликъ, собака), и написаны такъ, что ихъ съ удовольствіемъ прослушаютъ, а можетъ быть и про-

чтуть ученики среднихъ классовъ. Каждое изъ озаглавленныхъ животныхъ разбирается всесторонне, включая даже отношеніе его къ человѣку. Послѣ прочтенія остается *полное* представленіе о животномъ. Вотъ намъ теперь и кажется, что обѣ эти книжки слѣдовало соединить въ одну, озаглавивъ ее чѣмъ либо вродѣ „кое что животныхъ", но при этомъ все слѣдовало бы вновь пересмотрѣть, кое что выбросить, кое что расширить, кое что прибавить. Это все автору сдѣлать очень легко, когда передъ нимъ лежитъ продуманный въ свое время его же трудъ. По нашему мнѣнію пріобрѣтать слѣдуетъ обѣ книжки, а потому и лучше было бы, если бы онѣ были скомпанованы, тѣмъ болѣе что обѣ изданы одинаково изящно и одного формата. Имѣя по 90 съ лишнимъ страницъ онѣ дали бы хорошій томикъ въ около 200 стр. Однако, кому адресовать эти наши позднія пожеланія, автору или издателю—не знаемъ.

Александръ Ященко.

Изданія „Посредника", №№ 56, 348, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 378, 388, 396, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 418, 424, 426, 428, 430.

За прошедшій, 1901 г. народная литература обогатилась цѣлымъ рядомъ дешевыхъ изданій подъ редакціей „Посредника", отличающихся тѣмъ же гуманнымъ, просвѣтительнымъ направленіемъ, которое составляетъ задачу этой редакціи. Въ большей части этихъ изданій рѣчь идетъ о тяжелой долѣ вѣчно-трудящагося и вѣчно-нуждающагося крестьянина или бѣдняка-рабочаго. И глубокой безнадежностью вѣяло бы отъ этой безпросвѣтной доли, отъ этой жизни, „какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи", еслибы въ этой „подземной тюрьмѣ" не свѣтились искорки любви и состраданія къ ближнему, которыя могутъ разгорѣться въ яркое пламя, и зажечь своимъ огнемъ сердца самыхъ глубоко упавшихъ людей. Рѣдкій разсказъ, изданный „Посредникомъ", не поднимаетъ въ душѣ вѣру человѣка въ возможность болѣе свѣтлой и чистой жизни, на какой бы низкой ступени общественной лѣстницы ни стоялъ человѣкъ.

Возьмемъ разсказъ Мельшина „Кобылка въ пути" (№ 404, ц. 3 к.). Партія арестантовъ изъ рудниковъ Нерчинской каторги идетъ на поселеніе, „на волю", какъ уже кажется, имъ, пережившимъ столько неволи и страданій. Но среди нихъ находится одинъ долгосрочный каторжный, переводившійся изъ одного рудника въ другой. И этотъ каторжный въ кандалахъ чуждъ даже общей массѣ арестантовъ. Онъ—еврей, обремененъ большой семьей, которую нѣжно любитъ и которую онъ всячески старается защитить отъ всѣхъ страданій и униженій этапнаго пути, арестанты не считаютъ его своимъ, постоянно надъ нимъ подтруниваютъ, и ему, съ мелкими дѣтьми и больной, чахоточной женой, достаются всегда самыя плохія мѣста въ камерѣ, гдѣ-нибудь подъ нарами, около самой двери, арестанты переругиваются между собой, играютъ въ карты или ведутъ

самые циническіе разговоры; а бѣдный, забитый еврей пытается утѣшить жену, развеселить и приласкать своихъ нѣжно-любимыхъ дѣтей, рисуя имъ свѣтлыя картины будущей вольной жизни.

Вотъ мы видимъ того же самаго еврея уже въ другой партіи, идущей на каторгу. Идутъ они медленно, уныло, идутъ цѣлыми мѣсяцами. Мойша Боруховичъ сильно измѣнился за это время, на лицѣ его отражается тяжелое внутреннее страданіе. Онъ потерялъ свою нѣжно-любимую жену, бывшую ему всю жизнь вѣрнымъ другомъ и надежной опорой семьи, и его томитъ теперь забота о дѣтяхъ. Вѣдь, самого его ждетъ каторга. Куда же дѣнутся его малыши? Навѣрное, ихъ возьметъ въ пріютъ начальство. И онъ на пути утѣшаетъ дѣтей, разсказываетъ имъ о жизни въ пріютѣ, рисуя и ее въ привлекательныхъ краскахъ. А путь становится все тяжеле и тяжеле, этапы похожи на грязные свинюшники; дѣтишки его всѣ страшно простудились. Невыносимая духота и смрадъ царитъ въ камерахъ, но Мойша Боруховичъ и тутъ не унываетъ и, не теряя присутствія духа, отстаиваетъ свои человѣческія права. Главная его забота—дѣти, и по поводу ихъ Мойша доходитъ до истиннаго геройства и вызываетъ искру Божію даже въ душахъ привыкшихъ уже ко всякимъ человѣческимъ страданьямъ, ко всякимъ жестокостямъ тюремныхъ смотрителей.

При пріемкѣ партіи въ каторжную тюрьму оказывается, что дѣтей нельзя взять въ пріютъ, потому что это—еврейскія дѣти, и малютки должны остаться на улицѣ, а отца—ихъ единственную защиту—уводятъ въ тюрьму. Боруховичъ проситъ, молитъ начальство пожалѣть невинныхъ ребятишекъ, но все напрасно. „Мы не въ богоугодномъ заведенія," говоритъ смотритель и приказываетъ надзирателямъ силой увести арестанта въ тюрьму. Но въ эту ужасную минуту вся приниженность еврея пропадаетъ; въ немъ вспыхиваетъ чувство человѣческаго достоинства. Онъ вырывается изъ рукъ надзирателей и кидается къ смотрителю тюрьмы.

— „Какъ! Еврейскія дѣти — щенята, что ихъ можно на морозъ выкинуть, безъ матери, безъ отца оставить? Они—не такія же дѣти какъ всѣ? Не такъ же пить-ѣсть просятъ, и не такъ же плачутъ, какъ прочія дѣти? Евреи—совсѣмъ не люди? Нѣтъ. Я не пойду въ тюрьму. Я не брошу ихъ на улицѣ—лучше убейте меня, прикажите солдатамъ застрѣлить меня. Или души во мнѣ нѣтъ, что я свою кровь покину, шкуру свою спасаючи? Господа начальники! И надъ вами Богъ... И у васъ есть дѣти... И вы—люди..."

И смѣшной, жалкій Мойша преобразился, сдѣлался даже почти красивымъ, говорилъ властно, торжественно. И точно чудо совершилось въ душахъ окружавшихъ его зачерствѣвшихъ людей. Начальству стало стыдно своей „законной" жестокости. Бѣдный еврей разбудилъ въ нихъ теплое чувство и доставилъ минуту истиннаго нравственнаго удовлетворенія: всѣмъ дѣтямъ быстро нашелся пріютъ. И, нѣжно распростившись съ своими перепуганными ребятишками, Мойша Боруховичъ, снова жалкій и несчастный, печально скрылся въ воротахъ каторжной тюрьмы.

Съ такимъ же облегченнымъ чувствомъ оставляетъ читатель и другой разсказъ.

„Лихой годъ". (№ 428, ц. 1½ к.). Этотъ разсказъ гораздо менѣе талантливъ, гораздо менѣе захватываетъ читателя. Онъ ведется отъ лица крестьянина, который подробно и спокойно разсказываетъ о томъ, какъ ихъ округа дошла до состоянія полной нищеты и голодовки. Сначала жучекъ напалъ на хорошо уродившія нивы, захватилъ рожь, ячмень и, наконецъ, перешелъ на пшеницу. Отъ земской управы вышло распоряженіе уничтожать его какимъ-то новымъ незнакомымъ крестьянамъ и никуда негоднымъ способомъ, на который земство ухлопало огромное количество крестьянскихъ денегъ, а полей все-таки не спасло. Началась голодовка, причемъ управа опять крайне неумѣло вмѣшалась въ крестьянскую жизнь. На обсѣмененіе пришло пособіе изъ продовольственнаго капитала; при посредствѣ старшины богатымъ мужикамъ попало больше, чѣмъ бѣднякамъ, но это не вызываетъ никакого протеста или возмущенія со стороны разсказчика. „Христосъ съ ними!" миролюбиво говоритъ онъ. Также почти безъ всякаго протеста отдали крестьяне розданныя имъ на сѣмена деньги старшинѣ за подати, упросивъ его только не брать хоть недоимку. Впрочемъ, и власти не церемонились: кто не отдавалъ своей волей, у тѣхъ прямо вынимали силой изъ сундуковъ. Управа продолжала заботиться о крестьянахъ, но ея неумѣлыя и безтолковыя работы мало приносили имъ помощи. Она дешево закупила ячмень и стала продавать его крестьянамъ по своей цѣнѣ. Но отъ села до управы было около ста верстъ, лошади у крестьянъ—плохія, истощенныя голодной зимой, а тутъ еще подошла распутица. И попали опять крестьяне въ руки кулаковъ которымъ они продавали свое право на дешевый хлѣбъ только потому, что сами не въ силахъ были привезти его. Богачи стали рѣзко отдѣляться отъ бѣдняковъ, но бѣдняки все-таки стояли дружно Хлѣбъ запасныхъ магазиновъ былъ раньше розданъ на руки богачамъ, и когда народу стало очень туго, міръ рѣшилъ поровну распредѣлить его между собой. Богачамъ пришлось отдать забранное ими раньше. Одинъ же изъ наиболѣе тѣснимыхъ ими крестьянъ, обремененный мелкимъ и многочисленнымъ семействомъ, не захотѣлъ и итти къ нимъ за этимъ хлѣбомъ. Порѣзалъ онъ всю свою скотину и кормилъ ею дѣтей. Но отъ непривычной и нездоровой пищи дѣти стали болѣть. Узнавъ объ этомъ, односельчане рѣшили уговорить его на сходѣ взять необходимый ему хлѣбъ. Гордаго самолюбиваго мужика глубоко тронула эта забота ихъ объ его семьѣ; да и самимъ крестьянамъ показался свѣтлымъ праздникомъ тотъ день, когда они пришли на помощь своему бѣдняку-односельцу.

За тотъ же годъ появились и три разсказа извѣстнаго народнаго беллетриста, С. Т. Семенова:

„Дѣдъ Аверьянъ" (№ 407, ц. 1½ к.), *„Васька"* (№ 388, ц. 3 к.) и *„Недруги"* (№ 378, ц. 1½ к.). Какъ и всѣ его разсказы, они очень правдиво и вѣрно рисуютъ крестьянскую жизнь; изъ всѣхъ изъ нихъ можно вы-

вести какое-нибудь несложное поученіе, въ родѣ того, что солдатская и городская жизнь развращаетъ крестьянина, или что лучше врагамъ помириться заблаговременно, чѣмъ доводить дѣло до суда; и всѣ они страдаютъ недостаткомъ психологическаго анализа. Впрочемъ, у старика Аверьяна, честно и правильно прожившаго всю свою трудовую крестьянскую жизнь, передъ самой смертью шевельнулось сомнѣніе въ міровой справедливости. Отчего судьба однихъ людей награждаетъ довольствомъ и счастьемъ, а другихъ заставляетъ всю жизнь страдать и мучиться? Онъ всю жизнь надѣялся, что придутъ когда-нибудь болѣе свѣтлые дни, но судьба отказала ему въ утѣшеніи даже и передъ смертью. И сама смерть не разрѣшила ему его сомнѣній, и всѣмъ своимъ видомъ умершій Аверьянъ все еще какъ-будто спрашивалъ: что же это? Какъ же это? Да отчего же это такъ?

Больше отраднаго чувства оставляетъ въ душѣ читателя разсказъ „*Васька*". Здѣсь опасная болѣзнь ребенка совершаетъ нравственный переворотъ въ душѣ опустившагося пьяницы и лѣнтяя-отца, и авторъ подаетъ надежду, что жизнь, полная горя, страданій и нужды, можетъ измѣниться къ лучшему, благодаря трудолюбію и умѣренной жизни.

„*Недруги*"—болѣе слабый по содержанію разсказъ. Крестьяне, изъ-за пустяковъ повздорившіе на сходѣ, помирились на пути въ городъ, куда они ѣхали судиться, и вернулись домой друзьями, довольные, что избавились отъ судейской волокиты.

Утомившись отъ безплодной борьбы съ вѣчной нуждой съ безземельемъ, крестьяне, наконецъ, задумываются о новыхъ, болѣе свободныхъ земляхъ. Распродаютъ они свое жалкое хозяйство, прощаются со всѣмъ, что имъ близко и дорого на родинѣ и, на вырученныя отъ продажи деньги, отправляются въ далекій путь, за тысячи верстъ. Какъ имъ иногда приходится совершать этотъ путь, даетъ намъ понятіе прелестный очеркъ Телешова „*Съ Богомъ*" (№ 40, ц. 1½ к.).

Передъ нами переселенческій баракъ въ одномъ изъ городовъ западной Сибири. Наступаетъ свѣтлая іюньская ночь, и одна семья переселенцевъ снаряжаетъ повозку въ путь. На повозку складываютъ кое-какой домашній скарбъ и усаживаютъ древнюю старуху съ мелкими ребятишками, а въ повозку впрягается самъ хозяинъ со старикомъ-отцомъ и подросткомъ-сыномъ; за ней слѣдуютъ молодыя бабы, нагруженныя мѣшками. И идутъ они такъ изо дня въ день цѣлыми мѣсяцами, и подъ проливными дождями, до той обѣтованной земли, гдѣ трудъ ихъ будетъ давать имъ, наконецъ, вѣрный кусокъ хлѣба.

Въ очеркѣ встрѣчаются прелестныя краткія описанія картинъ природы, окружающей путниковъ. Вотъ набѣгаетъ темная тучка. Старикъ утѣшаетъ своихъ товарищей, что грозы не будетъ, „развѣетъ". Но природа не пожалѣла тружениковъ,—тучи собираются все грознѣе и грознѣе и, наконецъ, разражается гроза, а за ней часами льетъ безпрерывный дождикъ, мочитъ до нитки путниковъ,

портитъ дорогу и, наконецъ, измученная „тройка" должна остановиться и передохнуть подъ тѣмъ же ливнемъ, середи дороги. Но, наконецъ, силы начали имъ измѣнять. Несмотря на всю свою энергію, старикъ видитъ, что онъ—уже болѣе не помощникъ, что онъ надорвался и, пожалуй, не дойдетъ до новой земли. Мечтая о своей покинутой родинѣ, вспоминая оставленное имъ родное село, онъ умираетъ въ пути. Наскоро хоронитъ его семья, внукъ сажаетъ деревцо на его могилѣ, и телѣжка ѣдетъ уже дальше парой. Еще черезъ мѣсяцъ такого пути добрели они, наконецъ, до новой земли.

Тяжела и безпросвѣтна жизнь крестьянина, мало даетъ она ему радостей; но еще бо́льшей безпросвѣтностью вѣетъ отъ жизни заводскаго рабочаго въ изданныхъ „Посредникомъ" двухъ очеркахъ: „*Наслѣдство*" (№ 430, ц. 3 к.) и „*Отслужилъ*" (№ 418, ц. 3 к.). Къ тяжелому, ничѣмъ не обезпеченному, ежедневному труду, къ полной зависимости отъ самоуправства хозяина и мастера здѣсь прибавляется еще чувство какого-то глубокаго одиночества, особенно подъ старость, когда сильныя и умѣлыя въ свое время руки отказываются служить по-прежнему,—одиночество даже въ своей собственной семьѣ.

Примѣромъ такого глубокаго нравственнаго одиночества можетъ служить Архипычъ въ разсказѣ „Отслужилъ". Тридцать пять лѣтъ провелъ Архипычъ на одной и той же фабрикѣ и служилъ единственной опорой и поддержкой семьи, пока у него не подросли дѣти. Всѣ его интересы, всѣ его помыслы были связаны съ этой фабрикой. И вотъ, вдругъ подъ старость его прогоняютъ съ нея, какъ негодную собаку; сторожа, по приказанію директора, силой выводятъ его изъ конторы, причемъ его единственное преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ—старъ и 35 лѣтъ своей жизни посвятилъ этой фабрикѣ. А у директора хватаетъ еще духу посмѣяться надъ старикомъ, что онъ скопилъ себѣ за это время цѣлое состояніе. Благодаря работѣ подросшихъ дѣтей, нужды большой въ домѣ не чувствуется; но старикъ такъ привыкъ поддерживать семью зарабатываемыми деньгами, что, помимо прямого заработка, онъ не видитъ никакой возможности приложить своихъ силъ въ домѣ. Ему кажется, что разъ онъ не можетъ приносить домой этихъ денегъ, то онъ уже „лишній ротъ" въ семьѣ, „дармоѣдъ", въ тягость женѣ и дѣтямъ. Сознаніе своей безполезности и безцѣльности своего существованія такъ подавляетъ его, что онъ совершенно опускается, въ нѣсколько недѣль дѣлается древнимъ старикомъ и тихо умираетъ, вспоминая о болѣе свѣтломъ прошломъ.

Архипычъ сразу свалился подъ ударомъ судьбы, отъ сознанія того, что онъ „отслужилъ" въ жизни и ни на что уже болѣе не годенъ. Но вотъ въ очеркѣ „Наслѣдство" авторъ даетъ намъ образъ „потомственнаго" заводскаго рабочаго, который всю свою жизнь до самой послѣдней минуты протестовалъ противъ несправедливыхъ условій жизни. Но одинокій протестъ его не встрѣчалъ почему-то ни отклика, ни сочувствія даже въ средѣ своихъ такихъ же угнетенныхъ товарищей.

Иванъ Кубасовъ оставилъ свою родину и появился на улицѣ большого города съ одной только парой искусныхъ рабочихъ рукъ. Онъ былъ хорошій кузнецъ. Придя въ первую попавшуюся слесарную мастерскую, онъ остался въ ней работать и сдѣлался въ ней лучшимъ мастеромъ, которымъ дорожилъ хозяинъ. Но несмотря на это имъ скоро пришлось разстаться. Сначала онъ только заступался за всѣми обижаемыхъ учениковъ, а потомъ чуть не побилъ нѣмца-хозяина за гнилую пищу. Товарищи, въ интересахъ которыхъ дѣйствовалъ Кубасовъ, вступились за хозяина и повели его въ часть за драку. Пожалѣли Кубасова только ученики, оставшіеся теперь безъ своего защитника.

Кубасовъ никогда потомъ не могъ забыть этого поступка съ нимъ товарищей. Поступивъ на другой заводъ, онъ никогда уже не сближался больше съ ними, но, женившись, посвятилъ себя всего семьѣ, былъ примѣрнымъ отцомъ и только дома находилъ себѣ отраду и утѣшеніе. Работникъ онъ былъ прекрасный, но мало по малу заработка его не стало хватать на подроставшую семью, а волосы его уже начали серебриться. Кубасовъ все ждалъ, что выстроятся новые заводы и заработная плата увеличится. Но заводы строились, а плата оставалась все та же. Заводы наполнялись все прибывающими изъ деревень рабочими. Пришлось, наконецъ, отдать въ ученье молоденькихъ дочерей, и скоро старшая, любимица его, погибла; а меньшая,—кроткая, некрасивая дѣвушка, лишилась употребленія ногъ. Послѣ этихъ несчастій Кубасовъ сильно запилъ и быстро сталъ стариться. И чѣмъ безсильнѣе становился онъ, тѣмъ болѣе горькій и озлобленный протестъ поднимался въ его душѣ,—протестъ противъ хозяевъ, выжимающихъ изъ рабочихъ послѣдніе соки, протестъ противъ рабочихъ-крестьянъ, являвшихся на работу только зимой, чтобы кое-какъ прокормиться не на своемъ хлѣбѣ и сбивающихъ цѣны для коренного рабочаго, не имѣющаго въ деревнѣ ни кола, ни двора, и даже протестъ противъ этихъ же рабочихъ за то, что они спокойно мирятся съ такимъ положеніемъ вещей. Озлобленіе его все возростало, товарищи сторонились угрюмаго рабочаго. Кубасовъ пьянствовалъ, хворалъ, въ домѣ у него царила теперь нищета. А въ городѣ росла промышленность, строились заводы, наживались хозяева; только доля рабочихъ оставалась прежней. И протестъ одинокаго Кубасова тонулъ въ массѣ зла и эксплуатаціи, не принося никакихъ здоровыхъ плодовъ. Наконецъ, больной, разбитый жизнью, Кубасовъ ссорится въ мастерской съ управляющимъ и, получивъ отъ него расчетъ, возвращается въ свой убогій подвалъ, гдѣ и умираетъ съ чувствомъ какого-то ужаснаго преступленія въ душѣ передъ своими дѣтьми и съ глубокой тоской на сердцѣ.

Та же общая идея изданій „Посредника" о существованіи искры Божіей въ душѣ каждаго человѣка и о перерожденіи нравственно-упавшихъ людей любовью проводится и въ разсказѣ Данилина „Искра любви". Но разсказъ этотъ не художественъ, лица въ немъ не живыя, искусственныя,—какъ сама Матрена, измѣнившая свою прежнюю развратную жизнь на тяжелую, трудовую долю, такъ и

добродѣтельный старикъ-нищій, отдавшій ей свои деньги, и умирающій Михайло.

Через-чуръ подчеркнутая тенденція дѣлаетъ нехудожественнымъ и другой его разсказъ *„Передъ праздникомъ"*. Здѣсь изображены два мальчика-земляка, служащіе въ типографіи. Одинъ, Степка—вѣрный сынъ деревни, за два года не можетъ привыкнуть къ городу и все тоскуетъ по роднымъ полямъ. Это—добродѣтельный мальчикъ; онъ понимаетъ свою роль „добытчика" въ семьѣ и расходуетъ деньги въ городѣ только на баню. Другой же мальчикъ, Ваня—бойкій и разбитной. Городская жизнь пришлась ему по душѣ, но въ ней онъ научился только дурному: курить табакъ, пить водку и т. п. преступленіямъ. Разсказъ кончается тѣмъ, что торопясь попасть къ празднику въ родную деревню, Степка по неосторожности испортилъ себѣ руку типографской машиной и долженъ на праздники остаться въ городѣ. Къ нему присоединяется и легкомысленный Ваня, не желая покидать товарища въ бѣдѣ. Оба разсказа Данилина изданы въ одной книжечкѣ (№ 406, ц. 1½ к.).

Прелестный дѣтскій разсказъ Горбунова-Посадова *„Христіаночка"* (№ 409, ц. 1½ к.) былъ раньше напечатанъ въ одномъ изъ сборниковъ, изданныхъ „Посредникомъ". Это—собственно, небольшая біографія самоотверженной дѣвочки, написанная просто, понятно и занимательно. Въ той же книжечкѣ напечатано и одно изъ самыхъ трогательныхъ его стихотвореній „Святая", написанное имъ въ память сестры милосердія, Надежды Навойтникъ, умершей, ухаживая за больными, въ 1891 во время холерной эпидеміи.

Другой его же разсказъ *„Рохъ и его собака"* (№ 408, ц. 1½ к.) тоже говоритъ о самопожертвованіи ради любви къ ближнему. Когда Рохъ, ухаживая за зачумленными, подъ конецъ самъ заболѣваетъ чумой, онъ уходитъ отъ людей, чтобы не распространять заразы, и тутъ его вѣрная собака спасаетъ его отъ голодной смерти, принося ему ежедневно кусокъ хлѣба. „Благословенна любовь! Благословенна жизнь!" говоритъ Рохъ, покидая спасенный имъ городъ. А въ концѣ книжки приложено стихотвореніе того же автора, вполнѣ отвѣчающее содержанію разсказа.

Затѣмъ, среди изданій „Посредника" мы можемъ отмѣтить еще три сказки *„Исай"*, К. А. Полушина (№ 56, ц. 1½ к.) и двѣ, передѣланныя съ англійскаго: *„Артабанъ Мидянинъ"* (№ 924, ц. 1½ к.) и и *„Царь золотой руки"* (№ 405, ц. 3 к.). Русская сказка далеко отстаетъ по художественности разсказа и по глубинѣ содержанія отъ двухъ передѣлокъ съ иностраннаго. Она мало интересна и утомляетъ читателя своимъ однообразіемъ Для взрослыхъ она скучна и примитивна, а для дѣтей—не совсѣмъ пригодна по содержанію.

Сказаніе „объ Артабанѣ Мидянинѣ" было прежде напечатано въ сборникѣ *„Рождественская Звѣзда"*. Сборникъ этотъ прекрасно изданъ, но не всѣмъ доступенъ по цѣнѣ (1 р. 20 к.), и потому отдѣльное изданіе этого глубокаго по мысли и содержанію разсказа можно только привѣтствовать. Написано оно въ духѣ восточныхъ сказаній, и жаль только, что присутствіе многихъ иностранныхъ словъ и на-

званій затрудняетъ пониманіе его простымъ, неграмотнымъ читателемъ. На болѣе же развитаго читателя и на дѣтей старшаго возраста оно произведетъ глубокое впечатлѣніе.

„Царь золотой рѣки, или черные братья“ также уже не въ первый разъ появляется въ печати. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ вышелъ тоже дешевымъ изданіемъ подъ фирмой Прянишникова. Это—художественное изложеніе Рескинымъ одной интересной штирійской легенды. Въ основѣ ея содержанія лежитъ гуманная идея помощи ближнему во всѣхъ, даже самыхъ затруднительныхъ, случаяхъ жизни. Читается эта книжка съ интересомъ и взрослыми, и дѣтьми. Только съ внѣшней стороны она на этотъ разъ издана не очень аккуратно и вся разсыпается.

Съ англійскаго же языка переведенъ М. Николаевой довольно интересный разсказъ Антони Троллопа *„На морскомъ берегу“* (№ 348, ц. 3 к.). Маленькая, полудикая дѣвушка съ опасностью жизни спасаетъ утопающаго, котораго она до сихъ поръ считала своимъ врагомъ и желала ему всякихъ несчастій. Но едва только Малли увидѣла этого врага погибающимъ, она безъ всякихъ сомнѣній и колебаній кидается ему на помощь. Вытащивъ его изъ волнъ, полумертваго, дѣвушка поняла, что онъ вовсе не врагъ ей, что онъ ей дорогъ, и чувство радости за его спасеніе такъ наполнило ее, что даже подозрѣніе родственниковъ спасеннаго, что Малли сама убила юношу, не смутило ея души, а только поселило въ ней презрѣніе и негодованіе къ окружающимъ. Пусть ее теперь убьютъ, она и сама не хочетъ жить среди такихъ людей. Но спасенный ею юноша оказался живъ, и Малли скоро сдѣлалась его невѣстой и любимицей его семьи.

Два разсказа: *„Бѣдные люди“* и *„Жаба“* (№ 426, ц. 1½ к.), изложенные В. Микуличъ по Виктору Гюго, вышли уже въ 1902 г. Оба они оставляютъ крайне отрадное впечатлѣніе. Въ самомъ безнадежномъ, отчаянномъ положеніи можетъ явиться помощь и притомъ со стороны самыхъ угнетенныхъ, самыхъ обиженныхъ судьбой созданій. „Голоднаго, видно, не сытый, а только голодный пойметъ“, эти слова поэта останутся всегда черезъ-чуръ вѣрными. Бѣдная семья рыбака, кое-какъ перебивающаяся изо дня въ день, подчасъ сидящая и безъ хлѣба, беретъ себѣ на воспитаніе еще двухъ маленькихъ сиротъ, оставшихся послѣ умершей вдовы. Трогательно видѣть при этомъ безмолвное единодушіе мужа и жены.

Еще, можетъ быть, болѣе яркое впечатлѣніе производитъ разсказъ *„Жаба“*. Здѣсь мы видимъ отношеніе къ мирной, безвредной, но безобразной жабѣ всѣхъ тѣхъ, кто сильнѣе ея, кто можетъ безъ всякаго риска для себя потѣшиться надъ безпомощнымъ созданіемъ. Шелъ мимо нея монахъ, — служитель Бога. Ничѣмъ ему жаба не мѣшала, а онъ съ отвращеніемъ наступилъ ей каблукомъ на голову. Проходитъ молодая красавица, и съ изысканной жестокостью протыкаетъ ей глазъ кончикомъ своего изящнаго зонтика. Затѣмъ прибѣжали четыре мальчугана и принялись на всѣ лады забавляться растерзанной, умирающей жабой. И вотъ, наконецъ, спасаясь

отъ жестокихъ дѣтей, жаба попадаетъ въ колею дороги. Одинъ изъ мальчиковъ побѣжалъ уже за камнемъ, чтобы раздавить ее. Но въ эту минуту на дорогѣ показывается старый, измученный, избитый оселъ, съ трудомъ тащившій тяжелую повозку. Хозяинъ немилосердно билъ несчастное животное. Дѣти въ восторгѣ,—повозка сейчасъ проѣдетъ по колеѣ и переѣдетъ жабу. Но горемыка-оселъ остановился передъ еще болѣе несчастнымъ созданіемъ, чѣмъ онъ. Внимательно посмотрѣвъ на жабу, онъ напрягъ свои послѣднія силы, попятился назадъ и свернулъ въ сторону. Дѣти были поражены, и, вѣроятно, подобный урокъ состраданія надолго остался у нихъ въ памяти.

Такія книжки и разсказы крайне полезны въ дѣтской библіотекѣ,—они развиваютъ и укрѣпляютъ въ молодыхъ сердцахъ чувство состраданія и къ человѣку, и къ животному и вызываютъ въ дѣтяхъ желаніе подражать доброму примѣру. Съ ихъ помощью можно успѣшнѣе бороться съ распространенной среди дѣтей склонностью мучить безпомощныхъ животныхъ.

„Великій свѣточъ древняго міра" (№ 396, ц. 3 к.) очень дѣльно составленная книжка о жизни и ученіи Сократа. Только первая глава написана очень ужъ примитивно, черезчуръ ужъ несложно изображена жизнь того времени, и религія древнихъ грековъ. Но затѣмъ изложеніе становится все интереснѣе и серьезнѣе, хотя понятливость языка отъ этого не страдаетъ. Эту книжку съ удовольствіемъ прочтетъ и взрослый читатель изъ народа, и дѣти старшаго возраста.

Къ серіи дѣтской библіотеки *„Малымъ ребятамъ"* прибавилось еще шесть книжечекъ, 19—24 (№№ 371, 372, 373, 374, 375, 376 по $1^1/_2$ к.) Это маленькіе, удачно-составленные сборнички отдѣльныхъ разсказовъ и стихотвореній различныхъ авторовъ. Они даютъ хорошій матеріалъ для чтенія въ школахъ, преимущественно въ младшихъ классахъ. Въ нихъ помѣщено множество разсказовъ изъ міра животныхъ, проникнутыхъ тѣмъ же чувствомъ состраданія къ слабѣйшему, не только, впрочемъ, къ слабѣйшему, но и вообще, къ несчастному. Напр. разсказъ Каразина въ 23-й книжкѣ „Сѣрый бродяга" рисуетъ читателю ужасное безвыходное положеніе въ холодные зимніе дни несчастнаго-ненавидимаго всѣми „сѣраго бродяги"—волка. У всякаго звѣрька есть свой пріютъ, всѣ какъ нибудь устроились на зимнее время, и только для одного волка никогда не найдется доброй души, кто бы пожалѣлъ, но всѣ ненавидятъ его за приносимое имъ зло.

Трагическій разсказъ П. Бирюкова *„Волки"* въ 20-й книжкѣ съ интересомъ прочитаетъ и взрослый читатель. Написанъ онъ простымъ и легкимъ языкомъ и производитъ большое впечатлѣніе.

Въ сборничкахъ встрѣчаются и извѣстныя народныя сказки, въ родѣ „Морозко" и небольшіе разсказы изъ естественной исторіи.

Въ 19-й книжкѣ помѣщено стихотвореніе въ прозѣ И. Тургенева „Воробей" и послѣднія слова этого чуднаго произведенія могли бы служить девизомъ „Посредника": „Любовь сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь".

В. Величкина.

Н. В. Гоголь. Біографія. Издательскій комитетъ Харьковскаго Общества грамотности, №№ 82, 89. Харьковъ. 1902.

Издательскій комитетъ Харьковскаго Общества грамотности выпустилъ ко дню пятидесятилѣтія кончины Н. В. Гоголя двѣ его біографіи—полную и краткую, №№ 82, 89. Обѣ книжки изданы очень аккуратно, съ портретами Гоголя на обложкѣ, и очень дешево. Полная біографія составлена для болѣе развитого читателя; краткая же—гораздо популярнѣе. Впрочемъ, и въ полной біографіи, въ примѣчаніяхъ есть объясненія нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ; только странно, почему одни слова объяснены, а другія, такъ же мало понятныя неинтеллигентному читателю, оставлены безъ объясненія. Такъ напр., объяснено, что значитъ „авторъ" и тутъ же, рядомъ слова: „артистъ", „поэтъ"—не объяснены; объяснено, что значитъ „басурманъ" и осталось необъясненнымъ слово „аристократъ" и т. д. Какъ въ краткой, такъ и въ полной біографіи много вниманія посвящено описанію дѣтства и домашней обстановки великаго писателя въ ранней юности, что очень помогаетъ выясненію нѣкорыхъ сторонъ его натуры. Краткая біографія написана нѣсколько живѣе, и въ ней обращено больше вниманія на фактическую сторону жизни Гоголя, и между прочимъ едва упомянуто о томъ періодѣ его жизни, когда онъ посвятилъ себя изученію исторіи Малороссіи, результатомъ чего явилось его чудное твореніе „Тарасъ Бульба". Въ полной же біографіи больше обращено вниманія на ходъ умственнаго развитія писателя, на весь складъ его души и на умственное состояніе общества его времени. Обѣ книжки составляютъ хорошій вкладъ въ нашу популярную литературу.

„Три разсказа", изданіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности, № 53, Харьковъ. 1899.

Въ этой книжечкѣ соединены три довольно интересныхъ разсказа, вызывающихъ у читателя симпатію къ рабочему или къ одинокому, заброшенному люду. Первымъ напечатанъ талантливый разсказъ Клавдіи Лукашевичъ „Стрѣлочникъ". Герой разсказа, передъ которымъ всю жизнь мрачнымъ призракомъ стояло крушеніе поѣздовъ по винѣ его собратій, переживаетъ минуту ужаснаго выбора между жизнью своего любимаго малютки-сына и цѣлостью поѣзда,—выбираетъ послѣднее и пускаетъ поѣздъ прямо на ребенка. Ребенокъ только чудомъ остался живъ. Герой-стрѣлочникъ посѣдѣлъ за эту минуту.

Второй разсказъ „Сиротка", Заболоцкой рисуетъ участь несчастнаго одинокаго ребенка, замерзающаго на дорогѣ, въ поискахъ куска хлѣба.

Умираетъ одинокой въ полѣ и старуха Ѳедосѣевна въ разсказѣ Бунина; умираетъ она совершенно заброшенной, никому не нужной, около того самаго села, гдѣ живетъ счастливой, семейной жизнью ея замужняя дочь.

Книжка издана очень аккуратно и дешево.

В. Величкина.

Журнальныя замѣтки.

Надъ свѣжей могилой. Памяти Г. И. Успенскаго („Русское Богатство“, мартъ. „Русская Мысль“, февраль и мартъ 1902 г.).

Еще только въ прошлой книжкѣ „Образованія“ мы горячо протестовали противъ попытки С. А. Венгерова обобщить литературно-общественную дѣятельность Гоголя въ представленіи о немъ, какъ о „писателѣ гражданинѣ“, а теперь мы стоимъ уже надъ свѣжей могилой другого писателя, которому болѣе чѣмъ кому бы то ни было принадлежитъ этотъ почетный титулъ.

„Гражданинъ—писалъ г. Венгеровъ по адресу Гоголя— есть тотъ, который въ той или другой формѣ, но страстно и напряженно думаетъ о благѣ родины, ищетъ пути для достиженія этого блага и подчиняетъ всѣ остальныя стремленія этому верховному руководящему началу“. Такимъ гражданиномъ—скажемъ мы—именно Успенскій и былъ всю свою жизнь.

Писатель огромнаго художественнаго дарованія, съ чуткимъ сердцемъ и безпрестанно и напряженно работающей мыслью, глубоко искренній и отважно правдивый, Успенскій былъ писателемъ—гражданиномъ, безъ остатка растворившимъ свою личную жизнь въ высокой самоотверженной любви къ родинѣ. Исключительное въ исторіи нашего искусства, но весьма характерное для Г. И. Успенскаго явленіе—это *писатель, не имѣющій біографіи.* Одинъ изъ выдающихся русскихъ писателей, пользовавшійся въ періодъ 70-хъ и 80-хъ годовъ громаднымъ вліяніемъ и популярностью, глубокій изслѣдователь народной жизни, богатое литературное наслѣдство котораго далеко еще не оцѣнено современниками, Успенскій остается совершенно невѣдомымъ для читателей въ обстановкѣ своей личной жизни. Одна короткая автобіографическая замѣтка *),—вотъ и все, что до сихъ

*) См. „Исторію новѣйшей русской литературы“ А. М. Скабичевскаго. Спб. 1891 г., стр. 268.

поръ мы имѣли для характеристики личной жизни писателя. Но и въ этой замѣткѣ есть одинъ крупный недостатокъ:—въ ней почти совершенно отсутствуетъ фактическая сторона, которой мы прежде всего ищемъ въ біографіяхъ любимыхъ дѣятелей. Такъ что даже такой несомнѣнный фактъ, какъ рожденіе писателя, и тотъ, въ смыслѣ точнаго выясненія даты, остается пока подъ большимъ сомнѣніемъ: въ то время, какъ г. Скабичевскій, на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ изъ автобіографіи Успенскаго, датируетъ его рожденіе 14-мъ числомъ ноября 1840 года, г. Васинъ (см. „Русское Богатство", 1894 г.) считаетъ днемъ его рожденія 13-е октября 1843 г. Затѣмъ, изъ той-же автобіографіи мы знаемъ, что Успенскій родился въ Тулѣ, въ семьѣ мелкаго чиновника, въ Тулѣ-же поступилъ въ гимназію, окончить курсъ которой ему пришлось уже въ Черниговѣ.

Дѣтство и юность Успенскаго наложили на него печать тяжелаго страданія. „Я помню—пишетъ онъ—что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это присходитъ. Не помню, чтобы до 20 лѣтъ сердце у меня было когда нибудь на мѣстѣ". Побывавъ въ двухъ университетахъ, петербургскомъ и московскомъ, Успенскій вышелъ, не окончивъ курса. И въ университетѣ и по выходѣ изъ него Успенскій жилъ подъ гнетомъ тяжелой матеріальной нужды, бороться съ которой ему помогала корректурная и отчасти литературная работа, которая съ 1863 г. становится для него постояннымъ занятіемъ. Скудная изображеніемъ фактовъ внѣшней жизни, автобіографія Успенскаго останавливается почти исключительно на характеристикѣ той нравственной атмосферы, въ которой онъ провелъ свои молодые годы. Атмосфера была тяжелая, подавляющая. „Когда насталъ 61 годъ—пишетъ онъ—взять съ собой „въ дальнюю дорогу" что нибудь изъ моего прошлаго было рѣшительно невозможно—ровно нечего, ни капельки; напротивъ, для того, чтобы *жить* хоть какъ нибудь, надобно было непремѣнно до послѣдней капли *забыть все* это прошлое, истребить въ себѣ всѣ внѣдренныя имъ качества. Нужно было еще претерпѣть все то разореніе невольной неправды, среди которой пришлось жить мнѣ годы дѣтскіе и юношескіе, надо было потратить годы на эти непрестанныя похороны людей, среди которыхъ я выросъ, которые исчезали со свѣта безропотно, какъ погибающіе среди моря, зная, что никто не можетъ имъ помочь и спасти, что „не тѣ времена..." Дальше этого, подлежащаго „забвенію" періода своей жизни Успенскій не идетъ въ своей автобіографической запискѣ, и по своему онъ совершенно правъ, такъ какъ „все что накоплено мною—пишетъ онъ—„собственными средствами" въ опустошенную забвеніемъ совѣсть,—все это пересказано въ моихъ книгахъ, пересказано поспѣшно, какъ пришлось, но пересказано все, *чѣмъ я жилъ лично* (курсивъ Успенскаго).—Такимъ образомъ, вся моя новая біографія послѣ заб-

венія старой пересказана почти изо дня въ день въ моихъ книгахъ. Больше у меня ничего въ моей личной жизни не было и нѣтъ...“ *).

По своему—повторяемъ—Успенскій правъ, потому что дѣйствительно его произведенія—это онъ самъ, вѣчно мятущійся въ поискахъ правды душевной и правды жизни въ то время, какъ вокругъ него росло и ширилось „умышленное заговариванье хорошими словами душевной неправды, умышленное стремленіе не жить, а только соблюсти обличье жизни“. Искренній въ каждомъ своемъ словѣ, Успенскій нерѣдко вызывалъ въ читателяхъ полную иллюзію живой изустной бесѣды. За мелькающими строчками его захватывающихъ глубиною содержанія и безыскусственностью формы произведеній чувствовалось присутствіе самого автора, взволнованнаго и возбужденнаго, и то-же настроеніе невольно передавалось читателю. Къ читателямъ обращался не ораторъ и даже не литераторъ, пишущій на языкѣ, во многомъ сильно отклоняющемся отъ привычныхъ формъ изустной рѣчи, а говорилъ живой собесѣдникъ, продумавшій и пережившій тему бесѣды. Не даромъ—какъ передавали намъ люди, близко знавшіе Успенскаго—онъ не любилъ Гоголя, и часто возмущался тѣми его художественными описаніями (Днѣпра, южнорусскихъ степей, сада Плюшкина), которыя, въ качествѣ шедевровъ словесности, красуются во всѣхъ хрестоматіяхъ. Въ Гоголѣ вообще, а въ названныхъ отрывкахъ въ частности, Успенскаго возмущала та манерность и искусственность, которую онъ никакъ не могъ допустить въ писателѣ, искренно захваченномъ темой. Впрочемъ, и въ сочиненіяхъ Успенскаго мы найдемъ вполнѣ опредѣленно высказанное мнѣніе о манерности литературныхъ пріемовъ. Въ одномъ мѣстѣ **) онъ подвергаетъ злому, но остроумному разбору извѣстное стихотвореніе Лермонтова: „Когда волнуется желтѣющая нива“.—Авторъ—говоритъ Успенскій—въ небесахъ видитъ Бога, у него морщины расходятся на челѣ, онъ начинаетъ постигать, что такое счастье и т. д. Несомнѣнно, что авторъ отобралъ изъ этой природы самые лучшіе ея сорта, что онъ обставилъ самыми пріятными растеніями путь, по которому въ душу его шествуетъ Богъ, и размѣстилъ эти растенія и фрукты въ такомъ порядкѣ и видѣ, чтобы ему не совѣстно было принять высокопоставленнаго посѣтителя; взята поэтому „желтѣющая нива“, зрѣлище очень пріятное для глазъ, затѣмъ слива, да еще малиновая, да не просто малиновая слива, а слива подъ тѣнью, да и тѣнь то сладостная, потомъ ландышъ; во первыхъ онъ серебристъ, обрызганъ росой, роса взята душистая, особенная ради экстреннаго случая... тутъ, ради экстреннаго случая, перемѣшаны и климаты, и времена года, и все такъ произвольно

*) Ibid. стр. 271.

**) „Соч. Глѣба Успенскаго“ т. II. „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“ стр. 543.

выбрано, что невольно рождается сомнѣніе въ искренности поэта... Въ концѣ концовъ вы видите, что поэтъ — случайный знакомецъ природы, что у него нѣтъ съ ней кровной связи..." Терпимо относившійся ко многимъ человѣческимъ слабостямъ Успенскій не переносилъ неискренности, и самъ онъ нигдѣ не позволилъ себѣ ни одной неискренней фразы, не взялъ ни одной неискренней ноты. И въ этомъ смыслѣ его произведенія могутъ быть признаны наиболѣе достовѣрными документами для характеристики личныхъ настроеній автора, какъ и всей его внутренней жизни.

И всетаки намъ, читателямъ, нужна біографія Успенскаго. Не говоря уже о томъ, что условія литературной работы у насъ вообще, а публицистической, которой Успенскій посвятилъ значительную часть своей дѣятельности, въ особенности не благопріятствуютъ своевременному проявленію духовной личности писателя во всей ея полнотѣ—,намъ нужны просто факты, хотя бы незначительные, мелкіе, изъ внѣшней жизни любимаго писателя. Это намъ нужно для того, чтобы сблизиться съ писателемъ, чтобы дорогой для насъ образъ, абстрагированный нами изъ его сочиненій, воплотился въ сязаемыя конкретныя формы. И мы ждали такой біографіи; ждали ее во время тяжелой болѣзни Успенскаго, ждемъ ее тѣмъ болѣе теперь, когда судьба, можно сказать, вторично и уже безповоротно, навсегда, вырвала его изъ среды живущихъ. Само собою разумѣется, что осуществленія этихъ невысказанныхъ желаній читатель ожидалъ прежде всего отъ Н. К. Михайловскаго, литературный путь котораго не одинъ разъ перекрещивался и сплетался съ тернистой тропою, по которой шелъ почившій теперь писатель.

И вотъ первый опытъ такой біографіи передъ нами: „Матеріалы для біографіи Г. И. Успенскаго", напечатанные г. Михайловскимъ еще при жизни Г. И., въ мартовской книжкѣ „Русскаго Богатства". Къ сожалѣнію, Михайловскій осуществляетъ желанія читателей далеко не въ той степени, какъ этого можно было ожидать, и даже съ первыхъ-же строкъ расхолаживаетъ надежды на возможность сколько нибудь полной біографіи Успенскаго въ близкомъ будущемъ.

„Меня — говоритъ г. Михайловскій—всегда удивляла смѣлость покойнаго Павленкова, обѣщавшаго дать въ составѣ своей „біографической библіотеки", между прочимъ, и біографію Успенскаго. Съ внѣшней, грубофактической стороны его біографія не представляетъ интереса: родился тамъ-то, учился тамъ-то, женился тогда-то, жилъ тамъ-то и тамъ-то, заболѣлъ тогда-то, въ походахъ не бывалъ, орденовъ и знаковъ отличія не имѣлъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ. Интересъ не въ этомъ, а въ томъ, какъ эта нѣжная и чуткая душа, эти „обнаженные нервы" откликались страданіемъ и радостью на такія явленія своей и чужой жизни, на которыя никакъ не реагируютъ заурядные люди. Въ этомъ ин-

тересъ, но тутъ же и затрудненіе. Эта бѣдная выдающимися событіями жизнь была сплошнымъ душевнымъ трепетомъ, во всѣ мотивы котораго неудобно входить ни сейчасъ, ни въ ближайшемъ будущемъ". Если сопоставить съ этимъ сдѣланное строкою выше категорическое заявленіе г. Михайловскаго, что мы біографіи Успенскаго не имѣемъ „и долго еще не будемъ имѣть", то положеніе получается совершенно безнадежное. А между тѣмъ, какъ видно изъ дальнѣйшей передачи „*хоть* нѣкоторыхъ матеріаловъ для біографіи," чортъ оказывается не такъ страшенъ. *Даже* „нѣкоторые" матеріалы показались намъ очень интересными и содержательными, такъ что нельзя было не убѣдиться, что въ приведенныхъ выше строкахъ г. Михайловскій, съ одной стороны, сильно умалилъ значеніе внѣшней стороны біографіи, а съ другой—преувеличилъ затрудненія, которыя могутъ явиться при обнаруженіи внутренней жизни покойнаго писателя. Конечно, во внутренней жизни даже самаго зауряднаго человѣка найдутся моменты, опубликовать которые явится возможность на страницахъ историческихъ журналовъ не ранѣе какъ черезъ 50 лѣтъ; конечно, въ жизни Успенскаго такихъ моментовъ найдется много и даже очень многó, но рядомъ съ этимъ не мало во всякомъ случаѣ отыщется и такихъ, характерныхъ для Успенскаго, моментовъ, которые не встрѣтятъ при опубликованіи затрудненій ни съ какой стороны.

„Въ походахъ не бывалъ"—шутливо замѣтилъ г. Михайловскій выше, подчеркивая этимъ скудость внѣшней стороны біографіи Успенскаго, но тутъ же, нѣсколькими строками ниже, онъ уже затрудняется перечислить тотъ неизмѣримо громадный рядъ „походовъ", которыми наполнена была жизнь этого неутомимаго въ своихъ странствованіяхъ по свѣту писателя. Правда, Успенскій совершалъ эти походы безъ арміи и безъ оружія, но, и съ одной только записной книжкой въ карманѣ, онъ дѣлалъ безъ сомнѣнія такія интересныя завоеванія, которыя одни могли бы заполнить блестящую и въ высокой степени содержательную страницу фактической части его біографіи. Имѣющіяся въ распоряженіи г. Михайловскаго письма Успенскаго прежде всего поражаютъ „географической пестротою". „Письма — говоритъ г. Михайловскій—изъ Петербурга, Кисловодска, Парижа, Калуги, Чудова, Софіи, Новороссійска, Перми, Козлова, Константинополя, Рязани, Ростова, Одессы, Москвы, Ялты, Казани, Воронежа, Нижняго-Новгорода. И только случайно имѣющіяся у меня въ рукахъ письма ограничиваются этими мѣстами: могли быть еще изъ Самары и Лондона, изъ Томска и Бѣлграда". Словомъ, Успенскій постоянно былъ въ разъѣздахъ, и „это— говоритъ г. Михайловскій—центральный пунктъ его біографіи, и именно потому, что къ этому центру можно подойти съ разныхъ сторонъ, я затрудняюсь—съ чего начать объясненіе этой непосѣдливости, этого вѣчнаго

стремленія куда-то все въ новыя и новыя мѣста". Затѣмъ, для того чтобы установить самый фактъ „Агасферова житія" Успенскаго, г. Михайловскій приводитъ рядъ отрывковъ изъ его писемъ, часто не помѣченныхъ ни мѣстомъ, ни временемъ отправленія. Воспользуемся однимъ изъ этихъ отрывковъ, адрессованнымъ В. М. Соболевскому *откуда-то* изъ подъ Одессы: „Какъ бы хорошо—писалъ Успенскій—тутъ около Одессы,—словомъ въ этихъ мѣстахъ пожить мѣсяцъ! Сколько ужасно интереснаго: менониты, колонисты, нѣмцы, штундисты, казаки! Все это до чрезвычайности ново, любопытно. Я чуть-чуть видѣлъ и говорилъ, а повѣрите ли, не разстался бы съ здѣшними мѣстами: такъ много въ каждомъ уголкѣ своего—вѣръ, порядковъ, взглядовъ, общественныхъ отношеній, типовъ и т. д. Но надо ѣхать въ Ростовъ, потомъ во Владикавказъ и тамъ утвердиться на 1 мѣсяцъ, а затѣмъ домой... Я не печалюсь, хорошо себя чувствую, покойно, и много для меня чрезвычайно новаго. *Ахъ, сколько новаго на Руси!* Не тужите, не скучайте, не думайте о себѣ печально,—*интереснѣй думать о томъ, какъ живутъ люди. Я всегда исцѣляюсь этимъ*". (Курсивъ нашъ).

Мы остановились именно на этомъ письмѣ (или отрывкѣ), потому что здѣсь наиболѣе выпукло и ярко обрисовываются тѣ типичныя для Успенскаго черты, которыя съ такой неотразимой силой привлекали къ нему сердца читателей. Онъ жилъ и „исцѣлялся" забвеніемъ личной жизни и участіемъ въ жизни другихъ людей, и въ этихъ другихъ его всегда интересовало то „свое собственное" (вѣра, порядки, взгляды, общественныя отношенія), что они сумѣли отстоять или самостоятельно выработать въ нивелирующемъ потокѣ жизни. Любовь къ человѣку и вѣра въ него являлись въ одно и то же время какъ исходной точкой, съ которой Успенскій приступалъ къ наблюденіямъ, такъ и окончательнымъ итогомъ, который сообщался читателю въ работахъ неутомимаго искателя „искры Божьей". Много-ли найдется людей, которые могли-бы повторить за Успенскимъ характерное въ этомъ смыслѣ для него замѣчаніе: „рѣдко—сказалъ Успенскій въ одномъ изъ своихъ очерковъ—почти никогда нельзя чувствовать продолжительное отвращеніе даже къ самымъ неискреннимъ физіономіямъ; всегда, рано-ли, поздно-ли, вдругъ проглянетъ черта, которая объяснитъ сразу и неискренность, и отвратительность, и объяснитъ, какъ по крайней мѣрѣ знаю я, всегда въ лучшую, въ добрую сторону"? *) И Успенскій дѣйствительно отыскивалъ эти „объясняющія черты" въ самыхъ, казалось-бы, неподходящихъ для этого положеніяхъ и обстоятельствахъ. Даже въ какой нибудь, съ точки зрѣнія случайнаго наблюдателя,

*) Ibid., т. I, „Неизлѣчимый", стр. 598.

самой нелѣпой профессіи, въ родѣ занятія голубями, внимательный взоръ Успенскаго умѣлъ отличать борьбу за самостоятельность, протестъ, который объяснялъ намъ, почему старикъ-рыболовъ, бравшись за удочку говоритъ: „Ищи вотъ меня! Я терпѣлъ довольно,—теперь вотъ буду ловить рыбу, и шабашъ!“—„Матушки мои родимыя! кричитъ мѣщанка на всю улицу: послѣднее разбойникъ „мой“ платьишко заложилъ,—купилъ гуся бойцоваго!“—„Нѣтъ, ты вспомни, отвѣчалъ тоже на всю улицу „разбойникъ“, прижимая къ груди только что купленнаго гуся: „вспомни, шельма, какъ ты меня мучила... Да! какъ вы меня съ любовникомъ въ солдаты хотѣли упечь, канальи!“ Глядя на то, какъ любовно прижимаетъ этотъ человѣкъ гуся къ своей груди и съ какимъ негодованіемъ отстаиваетъ свои права на него, нельзя не видѣть, что въ этой покупкѣ не просто забава отъ нечего дѣлать, а протестъ... Отвоевывая гуся, мѣщанинъ пріобрѣталъ пищу для мысли, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, могъ поступать свободно, не боясь даже, что можетъ вмѣшаться будочникъ. Пріобрѣтая гуся, мѣщанинъ удовлетворялъ потребности жить не по приказу“ *).

Подмѣчая „искру Божію“ даже въ такихъ незамѣтныхъ ея проявленіяхъ, Успенскій не упускалъ случая побывать лично тамъ, гдѣ создавались условія для болѣе яркаго ея воспламененія. И вотъ мы видимъ его сей часъ у менонитовъ, черезъ нѣкоторое время онъ спѣшитъ уже въ Череповецъ, чтобы на мѣстѣ узнать обстоятельства, при которыхъ состоялось закрытіе земства, дальше онъ направляется въ Семеновскій уѣздъ, о которомъ по дорогѣ узналъ „соблазнительнѣйшія вещи“. Случайнаго зрѣлища проходившей мимо его окна арестантской партіи было достаточно, чтобы его такъ и „потянуло вслѣдъ за ними, какъ никогда въ жизни не тянуло ни въ Парижъ, ни на Кавказъ, ни въ какія бы то ни было мѣста, гдѣ виды хороши, а нравы еще того превосходнѣй. Вѣдь эти люди—отборный продуктъ тѣхъ русскихъ условій жизни, той путаницы, тоски, мертвечины, трусости или отчаянной смѣлости, среди которыхъ живемъ мы, не сосланные, томимся, скучаемъ, мучаемся, пьемъ чай съ вареньемъ отъ скуки, времъ и лжемъ и опять мучаемся: всѣ *эти*, отъ воровъ до политическихъ, *не выдержали* этой жизни, и ихъ тащутъ въ новыя мѣста. И мнѣ *охотой*, а не на цѣпи захотѣлось необузданно идти на новыя мѣста, мнѣ также не подходитъ „жить“ (а не бороться) съ людьми, съ которыми (и которымъ) приходится много лгать, безплодно, безцѣльно и изживать русскій теперешній вѣкъ—безцвѣтно, неинтересно, безвкусно и неумно“...

Но не одни только непосредственныя впечатлѣнія увлекали и волновали Успенскаго. Его дѣятельная натура постоянно требовала его личнаго вмѣша-

*) Ibid, т. I, „Разоренье“, стр. 420.

тельства въ общественную жизнь вообще, и интересы его въ этой области весьма разнообразны. То онъ стыдитъ В. М. Соболевскаго за то, что „Русскія Вѣдомости“ очень мелкимъ шрифтомъ печатаютъ *о пожертвованіяхъ на переселенцевъ*; то проситъ его „сдѣлать милость для общества всего русскаго“, поручивъ кому нибудь составить подробную, фельетона на три, компиляцію *о послѣднихъ англійскихъ выборахъ*; то убѣждаетъ редакцію той-же газеты непремѣнно перепечатать изъ „Юридическаго Вѣстника“ *письмо Карла Маркса*. И при всемъ томъ, несмотря на весь этотъ широкій и разнообразный кругъ интересовъ общественнаго порядка, интересовъ, которые „исцѣляли“ его только въ теоріи, а на самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ—прямо-таки терзали его „обнаженные нервы“, Успенскій, среди постоянныхъ разъѣздовъ и усиленной литературной работы, успѣвалъ съ самымъ трогательнымъ и заботливымъ участіемъ заниматься и чужой личной жизнью. Бросивъ срочную обязательную работу, онъ ѣдетъ, напримѣръ, за тысячу верстъ для улаженія недоразумѣній, возникшихъ въ семьѣ одного изъ своихъ друзей. Себя онъ совершенно забываетъ, и въ моменты, когда ему „очень и очень плохо на душѣ“, онъ тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ написать С—у, что ему „хорошо“; и эта „святая ложь“ создается единственно для того, какъ онъ признается Н. К. Михайловскому, „чтобы ободрить его, что есть кому-то хорошо на свѣтѣ, такъ какъ ему-то уже что-то очень тошно и скучно. И А. В.—прибавляетъ Успенскій—я пишу иногда въ томъ-же родѣ“.

Только въ подобныхъ случаяхъ Успенскій и позволялъ себѣ прибѣгать къ обману, если эти проявленія заботливаго вниманія къ людямъ можно окрестить такимъ именемъ. Вообще же это былъ человѣкъ совершенно неспособный ни къ какой лжи, ни къ какимъ компромиссамъ. Вышелъ въ его жизни одинъ казусъ, который, при ригористическомъ отношеніи Успенскаго къ самому себѣ, можно было бы назвать компромиссомъ, но и тутъ всетаки Успенскій остался цѣликомъ вѣрнымъ себѣ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ г. Михайловскій.

„Измученный всякаго рода житейской „ахинеей“ и „чепухой“, Глѣбъ Ивановичъ подумывалъ иногда усѣсться на мѣстѣ, поступить на службу—на желѣзную дорогу, въ земство и т. п. и, имѣя постоянный заработокъ, работать въ литературѣ спокойно, не разрывая свои произведенія на клочки. Но это или совсѣмъ не удавалось ему, или удавалось очень не на долго. Дольше всего, кажется, онъ *служилъ* завѣдующимъ сельской ссудо-сберегательной кассой въ Самарской губерніи. Повидимому, онъ этой службой былъ доволенъ,—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія собраннаго имъ тамъ матеріала для литературной обработки. Иначе вышло съ другой его пробой служебной дѣятельности. 11 сентября (все равно какого года) онъ даже

съ нѣкоторымъ торжествомъ извѣщалъ меня: „Сижу *въ должности*", а письмо отъ 1 февраля слѣдующаго года начинается словами: „Мѣста у меня больше нѣтъ". И вотъ мотивы, изложенные въ письмѣ отъ 14 марта: „Мѣсто... я долженъ былъ бросить, и какъ ни скверно это въ матеріальномъ отношеніи, но рѣшительно не раскаиваюсь: подлые концессіонеры глотаютъ милліоны во имя разныхъ шарлатанскихъ проектовъ,—а во сколько же разъ подлѣе интеллигенція, которая не за милліоны, а за два двугривенныхъ осуществляетъ эти разбойничьи проекты на дѣлѣ, тамъ, въ глубинѣ страны? Громадныя челюсти концессіонеровъ ничего бы не сдѣлали, ничего бы не проглотили, если бы имъ не помогали эти острые двухъ-двугривенные зубы, которые тамъ, въ глубинѣ-то Россіи, въ глуши, пережевываютъ неповиннаго ни въ чемъ обывателя. Я не могу быть въ числѣ этихъ зубовъ... Мѣсто надо было бросить: всѣ, тамъ служащіе, знаютъ, что они дѣлаютъ разбойничье дѣло (будьте въ этомъ увѣрены), но всѣ знаютъ, чѣмъ оправдать свое положеніе... а вотъ зачѣмъ литераторъ-то (каждый думаетъ изъ нихъ) тоже мокаетъ свое рыло въ эти лужи награбленныхъ денегъ—это уже не хорошо. „Пишетъ одно, а дѣлаетъ другое". Вотъ почему нужно бросить ихъ въ ту самую минуту, какъ только стала понятна вся подлецкая механика ихъ дѣла"...

Всѣмъ, кому приходилось встрѣчаться съ Успенскимъ, прежде всего бросалась въ глаза его необычайная скромность. Популярность, которой окружено было его имя, прямо тяготила его. „До чего трудно — писалъ онъ одной своей знакомой—жить на свѣтѣ, имѣя „извѣстность",—просто ужасно: слова не добьешься человѣческаго, всѣ говорятъ какъ съ литераторомъ. Чаю нельзя напиться, какъ хочется, сѣсть, положивши ноги на столъ, сказать вздоръ — невозможно. Все надо умное, отчего и выходитъ одна глупость". А между тѣмъ читатели его, и особенно молодежь, страстно желали видѣть и слышать популярнаго писателя и усиленно приглашали его на вечеринки и литературные вечера. Но это „показываніе себя" было совсѣмъ не въ характерѣ Успенскаго, и онъ всѣми способами старался всегда уклониться отъ настойчивыхъ предложеній и просьбъ. Конечно, это не всегда удавалось ему, и надо было видѣть Глѣба Ивановича въ эти мучительныя для него минуты, когда ему приходилось выступать передъ публикой! О настроеніи его въ подобныхъ случаяхъ яркое представленіе даетъ нижеслѣдующее письмо его изъ Парижа къ г. Михайловскому, гдѣ онъ разсказываетъ объ одномъ литературномъ вечерѣ, въ которомъ, по первоначальному плану, долженъ былъ выступать и онъ:

„Тутъ былъ—пишетъ онъ—литературно-музыкальный вечеръ въ „салонахъ" m-me Віардо. Кроткій Николай Степановичъ (Курочкинъ) вдругъ превратился въ льва, когда читалъ свои стихотворенія. Вотъ человѣкъ,

который менѣе всего можетъ изобразить на лицѣ своемъ гнѣвъ. А надо было изобразить. Я взглянулъ на него изъ-за двери, когда онъ читалъ, и ужаснулся. Н. С. ощетинился на общество и кричалъ что-то очень сердито. Тургеневъ прочелъ мой разсказъ „Ходокъ“ и прочелъ превосходно. Я не присутствовалъ на чтеніи, но присутствовалъ на приготовленіи къ чтенію: Тургеневъ прорепетировалъ этотъ разсказъ разъ семь—восемь, изучилъ, гдѣ какимъ голосомъ, какъ и что сказать до мельчайшихъ подробностей. Я изъ силъ выбился слушать его, но за то вышло отлично. Охъ, и фокусники же эти сороковые годы! У m-me Віардо голосу нѣтъ, но умѣнье пѣть, дѣйствительно, поражаетъ. Публика была блестящая, и посланникъ Орловъ улыбался Николаю Степановичу благосклонно—когда тотъ проклиналъ въ своихъ стихотвореніяхъ человѣчество.

— Гдѣ вы были?—въ *необыкновенной* тревогѣ (все это совершалось съ ужасно озабоченнымъ видомъ и съ дѣйствительной тревогой) обратился ко мнѣ Иванъ Сергѣевичъ,—вы имѣли успѣхъ! васъ зоветъ публика! Гдѣ вы пропали? Я васъ хотѣлъ вывести! Вѣдь васъ звала публика! и т. д.

— „Вычеркните это! А то княгиня Т. будетъ недовольна“.—А мерина можно оставить?—О, это оставьте.—Вообще—ядовито замѣчаетъ Успенскій,—оставляли всякое свинство, вычеркивали „непріятное“.

Прежде чѣмъ покончить съ тѣми немногими, но, при полномъ отсутствіи біографическихъ свѣдѣній объ Успенскомъ, весьма цѣнными матеріалами, которые даетъ Михайловскій для популяризированія личности своего почившаго теперь друга, заимствуемъ изъ нихъ еще одинъ интересный документъ. Мы говоримъ о надписи старика Елисѣева на сочиненіяхъ Успенскаго, подаренныхъ имъ одной родственницѣ при отъѣздѣ ея изъ Петербурга: „Не падай духомъ въ постигшемъ тебя несчастіи, будь покойна и не переставай трудиться надъ своимъ самообразованіемъ для будущей дѣятельности, но такой дѣятельности, которая бы основывалась не на мечтахъ и иллюзіяхъ, а которая была бы приспособлена и пригодна для русской дѣйствительности. Для этого совѣтую тебѣ какъ можно чаще читать и даже изучать сочиненія Г. И. Успенскаго, единственнаго у насъ писателя, мысль котораго въ отношеніи Россіи отличается всегда искренностью, свѣжестью, правдивостью, богатствомъ содержанія и глубиною. Да, даже и глубиною при всей видимой легкости его писаній. Но глубина можетъ даваться только тому, кто будетъ читать его не бѣгло, а пристально вдумываться въ читаемое, усердно ворочая при этомъ своими собственными мозгами“.

Этотъ не предназначавшійся для печати отзывъ,—замѣчаетъ г. Михайловскій,—тѣмъ любопытнѣе, что трудно найти людей, менѣе сходныхъ

по основнымъ свойствамъ ума и характера, чѣмъ спокойный Елисѣевъ и вѣчно мятущійся Успенскій...

И вотъ подите же!—несмотря на эту высокую оцѣнку, которая является естественнымъ и, можно сказать, неизбѣжнымъ результатомъ внимательнаго изученія произведеній Г. И. Успенскаго, несмотря на то, что вліяніемъ его могучаго и въ высшей степени оригинальнаго таланта окрашенъ цѣлый періодъ нашей литературы, онъ какъ-то вдругъ, сразу потерялъ свое прежнее обаяніе. Правда, созданные имъ образы, высказанныя имъ мысли не умерли; ихъ помнятъ, съ ними считаются, и даже, быть можетъ, имя Успенскаго въ текущей литературѣ упоминается гораздо чаще, чѣмъ имя какого-бы то ни было другого современнаго ему писателя. „Какъ сказалъ Успенскій", „по словамъ Успенскаго", „вслѣдъ за Успенскимъ скажемъ и мы"—эти и подобныя имъ фразы вы встрѣтите чуть-ли не въ каждой книжкѣ любого журнала, натолкнетесь на нихъ въ любой газетѣ. Еще недавно, въ періодъ острой полемики между двумя литературными теченіями, цитаты изъ Успенскаго прямо-таки пестрили страницы журналовъ. И тѣмъ не менѣе Успенскаго читаютъ мало, а критика и совсѣмъ молчитъ о немъ, такъ что появившіяся почти одновременно и почти наканунѣ его смерти два новыхъ критическихъ отзыва о немъ *) представляются намъ явленіемъ довольно необычайнымъ. Впрочемъ, и обѣ эти статьи констатируютъ фактъ умаленія популярности Успенскаго среди читателей и замалчиванія его литературной критикой. „Трудно,—говоритъ г. Волжскій въ предисловіи къ своимъ „двумъ очеркамъ"—указать другого, столь-же крупнаго художника, о которомъ было бы такъ мало написано. Едва выступившій въ литературѣ М. Горькій успѣлъ сдѣлаться какимъ-то общимъ мѣстомъ критики, за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ онъ вызвалъ такое подавляющее обиліе всевозможныхъ статей, которыя, вѣроятно, во много разъ превосходятъ количество написаннаго самимъ художникомъ. Объ Успенскомъ же, литературная дѣятельность котораго вполнѣ закончена, написано всего только нѣсколько статей и замѣтокъ". Почему это *такъ*, г. Волжскій объяснить не берется, но такое положеніе вещей ему очень не нравится, не нравится настолько, что въ пылу своего негодованія онъ даже не пытается разобраться въ причинахъ огромной популярности М. Горькаго, считая ее просто „ломаніемъ копій" и „шумомъ", напоминающимъ ему „шумъ", поднятый „по поводу пресловутаго дѣла Дрейфуса" **).

Въ шумѣ г. Волжскаго много задора и мало такта, хотя въ проти-

*) Волжскаго „Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ", Спб. 1902 г. и статья А. Уманьскаго въ „Русской Мысли".

**) Волжскій, стр. IV.

вопоставленіи Успенскаго Горькому и въ сопоставленіи популярности этого послѣдняго съ популярностью Дрейфуса нѣкоторый смыслъ есть.

„Пресловутое дѣло Дрейфуса“ взволновало въ свое время весь культурный міръ вслѣдствіе той удачной постановки, какую ему дали талантливые защитники Дрейфуса, во главѣ съ Эмилемъ Зола. Сама по себѣ ничтожная и ни для кого не интересная личность Дрейфуса пріобрѣла вдругъ небывалый интересъ и цѣну, потому что она стала личностью *человѣка* (икса или игрека—все равно), которую сознательно хотятъ принести въ жертву во имя государства или вѣрнѣе во имя государственнаго принципа „общественной тишины и спокойствія“, которыя могъ нарушить пересмотръ дѣла. Было время, когда такія жертвоприношенія являлись въ Европѣ цѣломъ обычнымъ и ничьей совѣсти не возмущавшимъ. Воздвигались эшафоты, зажигались костры, и массами приносились въ жертву люди, даже помимо своей воли, желаній и намѣреній, такъ или иначе угрожавшіе принципу. Но это время прошло. Личность человѣческая сознала себѣ цѣну и не желаетъ поступаться собой, своими интересами, хотя бы отъ этого произошло „нарушеніе общественной тишины и спокойствія“. Вотъ эта то измѣнившаяся оцѣнка человѣческой личности и ея правъ и являлись основной причиной поразившаго всѣхъ своими размѣрами европейскаго движенія въ пользу пересмотра дѣла никому неизвѣстнаго французскаго офицера. Оставалось непонятнымъ и далѣе, пожалуй, загадочнымъ то неожиданно вдругъ вспыхнувшее участіе къ судьбѣ „плѣнника Чертова Острова“, которое проявилось у насъ. Казалось, какъ будто бы въ нашей обстановкѣ не было подходящихъ элементовъ для подготовки подобнаго настроенія. Казалось, какъ будто бы наша исторія не создала почвы для такого настроенія, наша литература его не отражала, а всѣ мы просто подчинялись временному гипнозу европейской мысли, дѣйствовавшей на насъ черезъ посредство нашихъ-же собственныхъ газетъ и журналовъ, которые въ данномъ случаѣ являлись лишь ея послушными орудіями. Послѣдующія событія однако разъяснили загадку. Оказалось, что изъ ряда задачъ второстепенной важности, затрагивавшихся лишь попутно, при случаѣ, основной вопросъ объ естественныхъ правахъ человѣческой личности и освобожденіи ея отъ связывающихъ ее путъ выдвигается жизнью въ первую очередь. Вопросъ этотъ становится боевою темою современной литературы, а писатель, опредѣленно и ясно поставившій въ основу своихъ колоритныхъ произведеній борьбу протестующей личности съ стѣсняющими ее общественными формами, въ короткое время достигаетъ такой колоссальной популярности, о которой и во снѣ не снилось его литературнымъ предшественникамъ. Да, небывалымъ своимъ успѣхомъ М. Горькій обязанъ не только своему дѣйствительно яркому художественному дарованію, но и

той идеѣ, которая красною нитью проходитъ сквозь каждую строчку, вылившуюся изъ подъ его пера, и которая такъ кстати отразила общее настроеніе нашего времени. Понятно отсюда, что не въ Азію, *черезъ буддизмъ*, ведетъ своихъ читателей Горькій, какъ ошибочно утверждаетъ его французскій критикъ Мельхіоръ де-Вогюэ, а какъ разъ именно въ Европу, *черезъ освобожденную личность*. И въ „шумѣ“ критики, который такъ оскорбляетъ слухъ г. Волжскаго, мы ясно различаемъ отдѣльные тона, сливающіеся и въ литературѣ, и въ общественныхъ теченіяхъ въ одну опредѣленную мелодію.

Мелодія эта далеко не была чужда и произведеніямъ Успенскаго. Мы уже видѣли, съ какой чуткостью отмѣчаетъ онъ даже такія формы протеста личности, которыя выражаются въ смѣшной страсти къ бойцовымъ гусямъ и т. п. Въ нарисованной имъ смѣлой кистью фигурѣ „отставного рабочаго“ Михаила Ивановича („Разоренье“), добивающагося, чтобы и „простому человѣку дать дыханіе“, Успенскій далъ живой типъ, который можетъ помѣряться съ лучшими фигурами изъ міра „бывшихъ людей“ М. Горькаго. Но эти фигуры, какъ и самая идея освобожденія личности, занимаютъ въ произведеніяхъ Успенскаго второстепенное мѣсто. На первомъ же планѣ у него стоятъ вопросы болѣе сложнаго порядка, которые теперь *пока*, сама жизнь отодвинула назадъ, отодвинувъ вмѣстѣ съ тѣмъ (также, разумѣется, *пока*, временно) и интересъ къ произведеніямъ Успенскаго, которыя однако все-же остаются богатѣйшимъ родникомъ, питающимъ наше знаніе народной жизни. Такова, по нашему мнѣнію, основная причина, которой можно объяснить, почему вліяніе и популярность Успенскаго такъ замѣтно ослабѣли въ наше время. Есть, конечно, и другія причины. Одну изъ нихъ указываетъ г. А. Уманьскій въ „Русской Мысли“, въ статьѣ „Бытописатель переходнаго времени“. Причина эта кроется въ формѣ произведеній Успенскаго.

„Можно положительно сказать—пишетъ г. Уманьскій—что изъ всѣхъ его (Успенскаго) произведеній ни одно не можетъ быть названо „повѣстью“ и рѣдкія можно причислить даже къ категоріи разсказовъ. Самое крупное (и кажется, первое) его произведеніе „Нравы Растеряевой улицы“ представляетъ собраніе очерковъ, отнюдь не связанныхъ единствомъ фабулы и лицъ, а лишь единствомъ той идеи, которая положена въ основаніе ихъ. Нѣсколько больше стройности, какъ бы попытку написать повѣсть, представляетъ „Разоренье“ („Наблюденія Михаила Ивановича“), но и здѣсь нѣтъ правильнаго развитія фабулы, и къ тому же произведеніе это оставляетъ впечатлѣніе неоконченнаго. А затѣмъ Успенскій уже и не пытался писать повѣстей *), создавая разсказы, очерки, наброски, причемъ видимо

*) По свидѣтельству Н. К. Михайловскаго (въ цитированной выше статьѣ) Успенскій въ половинѣ 70-хъ годовъ принялся было писать повѣсть („Удалой добрый молодецъ“), но не окончилъ ее.

не заботился о томъ, чтобы они имѣли сколько нибудь правильную литературную форму. Обычный его пріемъ не сложенъ: разсказъ отъ какого либо лица или-же разговоръ, въ которомъ развертывается часто очень драматическая картина. При этомъ онъ не стѣсняется перемѣшивать беллетристику съ разсужденіями отъ себя, которыя дополняютъ и поясняютъ передаваемое въ беллетристической формѣ".

Объясненіе это имѣетъ, конечно, извѣстную цѣну, но только ему не надо придавать, какъ это дѣлаетъ г. Уманьскій, рѣшающаго значенія: таже отрывочная, смѣшанная форма не помѣшала Успенскому въ свое время быть любимѣйшимъ писателемъ, а мы едва-ли сдѣлались за это время значительно воспріимчивѣе къ недостаткамъ формы. Быть можетъ, въ другомъ случаѣ мы обошли бы эту маленькую перспективную ошибку молчаніемъ, но здѣсь мы поневолѣ останавливаемся на ней, такъ какъ для статьи г. Уманьскаго она становится роковой. Маленькая ошибка въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Уманьскаго разрослась въ большую, и наложила печать на всю его статью.

Дѣло въ томъ, что, подчеркнувъ въ началѣ статьи недостатки формы въ произведеніяхъ Успенскаго, критикъ впослѣдствіи уже окончательно игнорируетъ разбираемаго имъ автора, какъ художника, и все время говоритъ о немъ какъ о публицистѣ. Онъ договаривается даже до „сожалѣнія" о томъ, что „размѣры статьи и самая трудность задачи" не позволяютъ ему „подробно разсматривать *теорію* (?) Успенскаго". Подробно изучая произведенія Успенскаго, г. Уманьскій и не замѣтилъ, что имѣетъ дѣло съ тонкимъ и искреннимъ, но до крайности неуравновѣшеннымъ наблюдателемъ, громадный интересъ котораго заключается не въ разрѣшеніи, а въ постановкѣ имъ соціальныхъ проблемъ. Онъ не замѣтилъ, что передъ нимъ —истерзанный, мятущійся человѣкъ, впадающій въ постоянныя ошибки и даже противорѣчія, но интересный и привлекательный и въ этихъ случаяхъ, потому что и ошибки и противорѣчія обусловливались въ немъ страстнымъ исканіемъ истины и мужествомъ не скрывать этой истины, хотя бы она шла въ разрѣзъ его установившимся уже взглядамъ. О „теоріи" Успенскаго можно говорить лишь постолько, посколько въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности онъ, отдавшись всецѣло публицистикѣ, проводилъ въ своихъ статьяхъ программу народничества, но здѣсь нѣтъ ничего характернаго для Успенскаго; оригинальная же сторона его творчества, та сторона, которая собственно и вознесла его на верхи русской литературы, находится внѣ современныхъ ему партій и программъ.

Предвзятый взглядъ на Успенскаго, какъ на теоретика и притомъ какъ на теоретика послѣдовательнаго и стойкаго, развивавшаго въ своихъ произведеніяхъ одну опредѣленную программу, ставитъ г. Уманьскаго подчасъ

въ довольно курьезныя положенія. Планъ работы г. Уманьскаго таковъ: размѣстивъ произведенія Успенскаго въ хронологическомъ порядкѣ, онъ вкратцѣ излагаетъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, дополняя пересказъ своими комментаріями. И вотъ онъ доходитъ такимъ путемъ до первыхъ произведеній Успенскаго, трактующихъ деревенскую жизнь. На этомъ самомъ мѣстѣ г. Уманьскій почувствовалъ полемическій зудъ и предпослалъ пересказу деревенскихъ очерковъ Успенскаго нижеслѣдующее вступленіе:

„Самъ онъ (Успенскій) изучалъ крестьянство съ тѣмъ же безпристрастіемъ, какъ и городскую жизнь, и можетъ быть названъ народникомъ не въ смыслѣ идеализаціи народной жизни, но потому, что сознавалъ важное значеніе ея въ жизни всего нашего государства; поэтому онъ и старался освѣтить ее возможно правильнѣе и правдивѣе. Онъ указалъ, что крестьянство не могло оставаться здоровымъ и идеальнымъ въ то время, когда пораженъ былъ весь нашъ государственный организмъ. Наблюдая крестьянство съ любовью и сочувствіемъ, какъ врачъ у постели больного, онъ набросалъ въ своихъ произведеніяхъ картину состоянія народной души, внушающую *вовсе не восторгъ, но скорѣе* опасеніе за будущее. И мы *особенно настаиваемъ на этомъ*, въ виду тѣхъ ложныхъ представленій, которыя стали слагаться объ Успенскомъ въ послѣднее время“.

Словомъ, по г. Уманьскому выходитъ, какъ будто „теоретикъ“ Успенскій пріѣхалъ въ деревню для безпристрастнаго и, конечно, спокойнаго „изученія“ народной жизни, и г. Уманьскій безпокоится только объ одномъ, чтобы разсѣять ложное представленіе (чье?), будто результатомъ этого изученія явилась „идеализація“ деревни, „восторгъ“ передъ ней.

Послушаемъ-же, что говоритъ объ этой поѣздкѣ самъ Успенскій и какіе „восторги“ онъ расточаетъ деревнѣ въ своихъ первыхъ, вызванныхъ именно этой поѣздкой очеркахъ.

„Подлинная правда жизни—пишетъ Успенскій въ своей автобіографической запискѣ—повлекла меня *къ источнику*, т. е. къ мужику. По несчастью я попалъ въ такія мѣста, гдѣ *источника* видно не было... Деньга привалила въ эти мѣста, и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Я здѣсь въ теченіе полутора года не зналъ ни дня, ни ночи покоя. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, *какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи...*“

А что, какъ вездѣ и всегда, Успенскій говоритъ здѣсь сущую правду, объ этомъ доподлинно знаетъ и г. Уманьскій, такъ какъ немедленно-же вслѣдъ за своимъ удивительнымъ вступленіемъ онъ излагаетъ содержаніе деревенскихъ очерковъ, изъ которыхъ дѣйствительно явствуетъ, что на-

блюденный Успенскимъ народъ „творилъ преподлѣйшія вещи“, и что за *эти* очерки никто его въ идеализаціи народа упрекнуть не могъ.

Чтобы быть справедливымъ къ г. Уманьскому, мы должны сказать, что, не считая указанныхъ промаховъ, въ общемъ его работа является результатомъ внимательнаго изученія Успенскаго. Онъ добросовѣстно ознакомился со всѣми произведеніями Успенскаго и добросовѣстно-же изложилъ ихъ читателямъ. Если-же, несмотря на это или, можетъ быть, вслѣдствіе этого, статья его вышла сухой и скучной, то это—мы думаемъ—не отъ г. Уманьскаго, а отъ Бога. Претендовать на него за это мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что ему удалось закончить свою статью красивымъ аккордомъ, въ которомъ, какъ намъ кажется, прозвучали дѣйствительно вѣрные отголоски мотивовъ, характерныхъ для творчества Успенскаго.

Г. Уманьскій вспоминаетъ очеркъ Успенскаго: „Слѣпой-пѣвецъ“. Акомпанируя себѣ на старомъ—престаромъ гармоніумѣ, слѣпой базарный пѣвецъ, по желанью кого-то изъ окружающей его толпы, поетъ псаломъ: „Помилуй мя, Боже, помилуй мя!“ Пѣвецъ произнесъ эти первыя слова псалма, сопровождая ихъ звуками гармоніума, и они сразу произвели на толпу сильное впечатлѣніе. Осторожное прикосновеніе къ клавишамъ двумя—тремя тягучими скорбными нотами придало этому понятному вздоху рыдающее выраженіе,—и толпа была сразу взята этими звуками „за душу, за живое“. Авторъ слышалъ чудное исполненіе духовныхъ пѣсенъ въ католическихъ соборахъ Парижа и Кельна, слышалъ онъ и великолѣпные архіерейскіе хоры въ православныхъ соборахъ, но не замѣчалъ, чтобы это чудное исполненіе такъ вліяло на толпу, какъ исполненіе базарнаго пѣвца на ветхомъ гармоніумѣ. „Речитативы его возбуждали въ толпѣ *понятныя* ей душевныя муки и скорби, прямо проникали въ душу, въ совѣсть слушающей толпы; въ речитативахъ слѣпца звуки только усиливали смыслъ и значеніе, какъ бы пересказываемыхъ имъ душевныхъ терзаній псалмопѣвца. Красота, сила и могущество *звуковъ* органа и хора поглощаютъ прямой и трогательный смыслъ *слова*, выраженнаго въ духовной пѣснѣ.“

Все, что говорится здѣсь объ исполненіи „слѣпого пѣвца“, примѣнимо, по справедливому замѣчанію г. Уманьскаго, и къ произведеніямъ самого Успенскаго. Его художественные пріемы немногосложны: онъ тоже забираетъ „за душу“ читателей „двумя—тремя тягучими скорбными нотами“. Въ его произведеніяхъ нѣтъ цвѣтовъ и красокъ, нѣтъ никакихъ украшеній, никакого стремленія доставить читателю эстетическое наслажденіе, но лишь стремленіе передать „слова“, не заглушая ихъ „звуками“. И при всей простотѣ его пріемовъ, равняющихся почти ветхому гармоніуму пѣвца, онъ достигаетъ такого-же удивительнаго эффекта, потому что говоритъ читателямъ о простыхъ, понятныхъ вещахъ, говоритъ просто и строго, и съ

удивительной искренностью чувства. И читатели, при чтеніи его произведеній, охватываются тѣмъ-же настроеніемъ, которое охватывало слушателей базарнаго пѣвца.

„Нѣтъ—пишетъ Успенскій—нигдѣ, ни на базарѣ, ни на черной работѣ, ни въ кабакѣ, нигдѣ не забирала такая горькая тоска о самомъ себѣ, какая забрала толпу словами и звуками базарнаго пѣвца и базарнаго инструмента. Слова и звуки, до мельчайшихъ подробностей, слушались всей толпой среди ненарушимой тишины. Солнце ярко и внимательно смотрѣло на этихъ крѣпко задумавшихся людей, и они безъ шапокъ, съ вспотѣвшими головами, съ огорченными лицами, жадно припадали сокрушенными сердцами къ простымъ, но „за живое“, „за душу“ берущимъ словамъ:

„Возврати мнѣ радость спасенія Твоего!“

Такія же думы наводятъ, такъ же волнуютъ душу—говоритъ г. Уманьскій—и произведенія Успенскаго, говорящія намъ о нашихъ недостаткахъ, о несовершенствѣ нашей жизни. Онъ рисуетъ тяжелыя времена „растеряевщины“, рисуетъ пришествіе „купона“, рисуетъ все, что искажало и портило нашу жизнь, но прежде всего онъ имѣетъ въ виду исковерканную всѣмъ этимъ человѣческую душу, о которой скорбитъ и которую желаетъ „выпрямить“. И читая его произведенія, русскій читатель скорбно задумывается надъ своей жизнью, какъ это выражено въ словахъ псалмопѣвца: „Беззаконія мои я знаю и грѣхъ мой всегда предъ Тобою... Я въ беззаконіи зачатъ и во грѣхѣ родила меня мать моя“. И все это резюмируется вздохомъ: „возврати мнѣ радость спасенія Твоего“, т. е. стремленіемъ освободиться отъ всего, что портитъ и искажаетъ нашу жизнь.

Вл. Кранихфельдъ.

Новыя книги поступившія въ редакцію.

В. Саводникъ.—Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма. Цѣна 60 коп.

П. Первовъ.—Н. В. Гоголь, его жизнь и произведенія. Изданіе А. Д. Ступина. Цѣна 10 коп.

С. Коробовъ. О праздничномъ отдыхѣ. Изданіе Ступина. Цѣна 15 к.

А. Быстровъ.—Правила объ удареніяхъ въ русскомъ языкѣ. Изданіе Т-ва „Книговѣдъ".

Изданія т-ва И. Д. Сытина:

Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Въ трехъ томахъ Цѣна 3 руб. 50 коп.

Въ одномъ томѣ. Цѣна 80 коп.

Н. В. Гоголь въ русской поэзіи, сборникъ стихотвореній. Цѣна 50 к.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Изданія А. С. Суворина „*Дешевая библіотека*": Сочиненія Н. В. Гоголя въ восьми томикахъ—1 руб. Художникъ П. А. Ѳедотовъ и его стихотворенія. Цѣна 15 коп. Эльпе. Обиходная рецептура; шестая серія. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бріе. Испорченные (Les ovarie). Цѣна 1 руб.

Б. Цитби. Въ свѣтлую пору жизни; повѣсть для юношества съ англійскаго. Изданіе В. Бекманъ. Цѣна 1 руб. 25 коп,

Н. П. Карабчевскій. Около правосудія. Изданіе т-ва „Трудъ". Ц 2 р.

И. М. Аничкова. Изъ деревни. Изданіе т-ва „Книговѣдъ". Ц. 70 коп.

М. М. Ивановъ. Очерки современной итальянской литературы. Изданіе Суворина. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Научно-популярная библіотека для народа В. Лункевича № 1, 2, 3, 4, 5, 11, 30, изданіе II-е. № 32, 33, 34 изданіе I-е. Цѣна выпуска 20 коп.

М. А. Энгельгардтъ. Лѣса и климатъ. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 40 коп.

Вильямъ Лекки. Планъ жизни. Изданіе Ф. Павленкова. Ц. 1 р. 25 к.

Николай Васильевичъ Гоголь. Изданіе С.-Петербургской городской думы.

По родному краю; сборникъ статей по отечество-вѣдѣнію. Изданіе М. В. Клюкина. Цѣна 1 руб.

Н. Васинъ. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе М. В. Клюкина. Цѣна 3 коп.

Ранніе посѣвы; сборникъ. Изданіе второе М. В. Клюкина. Цѣна 50 к.

Н. Яковлевъ. Учебникъ химіи (начальный курсъ). Изданіе Постоянной Коммиссіи по Техническому Образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ. Цѣна 40 коп.

М. В. Кочергинъ-Шаповаловъ. Женское движеніе въ Россіи и заграницей.

Народный Университетъ. Изданіе П. П. Сойкина. Цѣна 1 руб.

Г. А. Мачтетъ. Послѣдніе разсказы и письма изъ Гонолулу. Изданіе книжнаго магазина Трудъ. Цѣна 40 коп.

Генри Джорджъ. Запутавшійся философъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ванъ Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Цѣна 2 руб. 75 коп.

Артуръ Шнитцлеръ. Часы жизни. Изданіе О. Н. Поповой. Цѣна 1 р.

А. В. Португаловъ. На помощь экстернамъ. Изданіе М. Е. Черерваня. Цѣна 50 коп.

В. В. Лесевичъ. Буддійскія легенды и ихъ соотношеніе съ буддійскими догматами. Цѣна 25 коп.

Разсказы о звѣряхъ: переводъ съ англійскаго О. Н. Бутеневой. Изданіе Н. Березина. Цѣна 1 руб.

Н. Березинъ. Три мѣсяца среди людоѣдовъ. Цѣна 60 коп.

Н. Березинъ Въ когтяхъ халифа. Цѣна 50 коп.

Н. Березинъ. Приключеніе въ пустынѣ. Цѣна 40 коп.

А. Н. Будищевъ. Разсказы. Изданіе т-ва Общественная польза. Цѣна въ папкѣ 50 коп.

П. Г. Мижуевъ. Школа и Общество въ Америкѣ. Изданіе редакціи журнала Техническое Образованіе. Цѣна 75 коп.

К. Головинъ. Полное собраніе сочиненій въ 12 томахъ. Цѣна 10 р. за каждый томъ 1 р. 25 коп.

Сочиненія **Ф. П. Купчинскаго**. Цѣна 1 руб, 50 коп.

Квинтъ-Горацій Флаккъ. Лирическія стихотворенія. Переводъ П. Ф. Порфирова. Изданіе второе, исправленное Цѣна 1 руб. 25 коп.

Альбомъ монограмъ, составилъ А. Литке. Изданіе А. Ф. Маркса. Цѣна 2 руб. 50 коп. съ перес. 3 руб.

Отчетъ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассъ. за 1900 годъ.

И. Михайлова. Краткая грамматика русскаго языка въ конспектахъ. Изданіе Михайловой. Цѣна 1 руб.

М. И. Покровская. женщина-врачъ. Врачебно-полицейскій надзоръ за проституціей способствуетъ вырожденію народа. Цѣна 60 коп.

М. И. Покровская женщ.-врачъ. Женщины и Дѣти. Цѣна 1 руб.

И. Т. Тарасовъ. Очеркъ политической экономіи. Цѣна 1 руб.

Д. И. Тихомировъ. В. А. Жуковскій. Библіотека „Дѣтскаго чтенія“. Цѣна 10 коп.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Второе изданіе. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Э. Ю. Петри. Учебный географическій атласъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Цѣна 2 руб. 60 коп.

Н. М. Ерошенко. Природовѣденіе. Цѣна 60 коп.

І. В. Антекманъ. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ на западѣ.

Н. Ѳ. Золотницкій. О значеніи акваріума для преподаванія естественной исторіи.

З. Евзлинъ. Коммерческая корреспонденція, теорія и практика. Изданіе „Самопомощь". Цѣна 51 коп.

Екатеринославское Научное Общество. Годъ 2-й № 1, 2, 3 и 4.

Сборникъ Семейно-педагогическаго кружка въ г. Казани.

М. П. С. Отчетъ о воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ для служащихъ и рабочихъ на юго-западныхъ казенныхъ желѣз. дор. за 1899—1900 и 1900—1901 г.г.

Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Нижнемъ Новгородѣ. За 1901 годъ.

Отчетъ коммиссіи по устройству публичныхъ лекцій при Русскомъ Литерат. Кружкѣ г. Риги за 1900—1901 годъ.

Отчетъ филіальнаго отдѣленія Воронежской Публичной библіотеки имени И. С. Никитина за 1901 г.

Мѣропріятія Нижегородскаго Губернскаго Земства по воспособленію кустарной промышленности 1895—1902 г.г.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

Книжный листокъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ *).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: Erstes Lesebuch zum naturgemässen Erlernen der deutschen Sprache von J. Bauer.—Руководство для начальнаго обученія нѣмецкому языку по естественному методу, составленное **Ю. Бауеръ.** Москва. 1901. Стр. VIII+118. Цѣна 75 к."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для двухъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Изданіе: „Сказки изложенныя по сборнику Я. и В. Гриммовъ **В. А. Гатцукомъ.** Выпуски XIX—XX in 8°. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1899. Цѣна 20 коп. за выпускъ".—допустить въ ученическія, младшаго и средняго возрастовъ, библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Избранныя метаморфозы **Овидія.** Съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ собственныхъ именъ. Составили **Б. В. Варнеке** и **М. М. Михайловскій.** С.-Пб. Изданіе „Петербургскаго учебнаго магазина". 1901. Стр. IV+266. Цѣна 1 р."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Краткій учебникъ географіи **Н. Раевскаго.** Часть II. Внѣевропейскія страны. Изданіе девятое. С.-Пб. 1901. Стр. IV+86. Цѣна 65 к."—допустить въ видѣ руководства для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи карта европейскихъ владѣній по берегамъ Желтаго моря, а также и общая карта Азіи были исправлены по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Французская азбука. Уроки чтенія и письма. **С. Ар-**

оеньевой. Изданіе 2-е. Москва. 1890. Стр. IV+82+2 табл. Цѣна 50 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства въ начальномъ классѣ женскихъ гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Новый практическій способъ обученія французскому языку. Составилъ **А. Бертранъ**. Nouveau cours de langue française essentiellement pratique, par A. Bertrand. Москва. 1883. Стр. 190. Цѣна 80 коп."—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію). Составили **А. Кирпичниковъ** и **Ѳ. Гиляровъ**. Исправлено и дополнено по „Руководству" Императорской Академіи Наукъ. Изданіе 35-е, книжнаго магазина В. Думнова. М. 1901. Стр. 92. Цѣна 40 коп."—2) „Синктаксисъ русскаго языка примѣнительно къ правописанію. Составилъ **А. Кирпичниковъ**. Изданіе 29-е. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. Москва. 1901. Стр. 80. Цѣна 40 коп." рекомендовать въ качествѣ учебныхъ руководствъ для учебныхъ заведеній министерства, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ книги эти были напечатаны не такимъ избитымъ шрифтомъ, какъ въ настоящихъ изданіяхъ, и на лучшей бумагѣ, и чтобы цѣна каждой изъ нихъ была понижена до 25 коп. на экземпляръ.

— Сочиненіе **Евгенія Маркова**: „Россія въ Средней Азіи. Очерки путешествія по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областямъ, Каспійскому морю и Волгѣ. Т. I. Часть I. Побережья Кавказа. Ч. II. Въ Туркменіи. Ч. III. На Оксусѣ и Яксартѣ. С.-Пб. 1901. Стр. XI+541.—Т. II. Ч. IV. Фергана. Ч. V. Долина Заравшана. Ч. VI. Домой по Волгѣ. С.-Пб. 1901. Стр. VI+516. Цѣна за два тома 3 рубля".—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „**А. А. Ярцевъ**. Основаніе и основатель русскаго театра (Ѳ. Г. Волковъ). М. 1900. Стр. 8 ненум.+128. Цѣна 50 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Dittes, Friedrich. Geschichte der Erziehung und des Unterrichts für deutsche Volksschullehrer. 10-te verbersserte Auflage. Leipzig u. Wien. Verlag Kinkhardt. 1895. Стр. 272. Цѣна не обозначена".—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, въ коихъ преподается педагогика.

— Книгу: Провѣрочные диктанты для занятій въ школѣ и дома. Составилъ **С. Бородинъ**. (Приложеніе къ „Краткому учебнику русской грамматики" того же автора). М. 1898. Стр. 105. Цѣна 40 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи грамматическаго курса въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Подъ гнетомъ времени. Хроника XIII вѣка о Лангедокскихъ еретикахъ, извлеченная изъ архивовъ Книжнымъ Чер-

вякомъ. Перевелъ **Н. Рубакинъ**. М. 1893. Стр. 95. Цѣна 50 коп."—2) „Вѣчная слава. Историческая хроника XVI столѣтія, извлеченная изъ голландскихъ архивовъ Книжнымъ Червякомъ и изложенная **Н. А. Рубакинымъ**. М. 1899. Стр. 239. Цѣна не обозначена". — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги, изданныя Московскимъ Музеемъ прикладныхъ знаній: 1) „Волшебный фонарь. Разработано подъ ред. **Н. Р. Дубницкаго**. М. 1901. Стр. 92. Цѣна 30 коп."—2) „Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря. Составлено подъ ред. **А. Гартвига**. М. 1898. Стр. 64. Цѣна 35 коп."—допустить въ ученическія старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни.

— Брошюру: „Вспомогательная при рѣшеніи математическихъ задачъ таблица первоначальныхъ множителей, образующихъ числа отъ 4 до 10.000. Часть I. Числа отъ 4 до 5.000. Составилъ **В. Устряловъ** С.-Пб. 1901. Цѣна 50 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи цѣна ея была понижена.

— Книгу: „Гимнастическія игры. Руководство для веденія подвижныхъ игръ въ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ **А. Скотакъ**. Тифлисъ. 1901. Стр. 247. Ц. 1 р. 20 коп."—одобрить для пріобрѣтенія учителями гимнастики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства и допустить въ ученическія библіотеки упомянутыхъ заведеній, а также и въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) **Н. Карѣевъ**. Учебная книга древней исторіи. С.-Пб. 1901. Стр. VI+309. Цѣна 1 р. 20 коп."—2) „**Н. Карѣевъ**. Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. С.-Пб. 1900. Стр. VIII+236. Цѣна 1 р. 10 коп."—3) „**Н. Карѣевъ**. Учебная книга новой исторіи. С.-Пб. 1900 Стр. VIII+338. Цѣна 1 р. 30 коп."—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ старшихъ классахъ мужскихъ гимназій.

— Брошюру: „**Н. Карѣевъ**. Замѣтка о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Изданіе журнала „Русская школа". С.-Пб. 1900. Стр. 78. Цѣна 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ **Павелъ Виноградовъ**. Часть I. Древній міръ. 6-ое изданіе. М. 1900. Стр. IX+188. Цѣна 60 к."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для VIII класса мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Учебинкъ всеобщей исторіи. Составилъ **Павелъ Виноградовъ**. Часть III. Новое время. 5-ое изданіе. М. 1900. Стр. V+246. Цѣна 90 коп."—рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Греческая грамматика для гимназій **Г. Курціуса**. Въ переводѣ **Я. Кремера**. Часть вторая. Синтаксисъ. Изданіе 4-ое. Стр.

427. М. 1879. Цѣна 70 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій.

— Книгу: „*Platonis* Apologia Socratis Crito (Апологія Сократа и Критонъ). Текстъ съ словаремъ, составленнымъ **Я. Кремеромъ**. Изданіе 6-ое. Стр. 104. М. 1888. Цѣна 50 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книги: 1) „**Геродотъ**. Греко-персидскія войны. Греческій текстъ съ примѣчаніями и статьями о Геродотѣ и о ново-іоническомъ діалектѣ. Составилъ **Іосифъ Гобза**. Изданіе 2-ое. Стр. 218. М. 1891. Цѣна 1 р.“—2) „Словарь къ греко-персидскимъ войнамъ Геродота. Составилъ **І. Гобза**. Стр. 106. М. 1893. Цѣна 50 коп.“—допустить въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій.

— Книгу: „**М. М. Покровскій**. Греческая морфологія въ средней школѣ. Стр. 16. М. 1893. Цѣна не обозначена.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій.

— Изданія Музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ: 1) „Воскресныя объясненія коллекцій Политехническаго Музея за 1877—1894 гг. (15 выпусковъ). Цѣна 1 р., 1 р. 50 к. и 2 р. за выпускъ.“ — 2) „**Зографъ, Н. Ю.** Нѣкоторыя изъ животныхъ-друзей и враговъ человѣка. М. 1900. Стр. 154. Цѣна 90 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „**Хостникъ, М.** Словинско-русскій словарь. Горица. 1901. Изданіе С.-Пб. Слав. Благ. Общества. Стр. XVI+391.“ — 2) „**Хостникъ, М.** Грамматика словинскаго языка. Горица. 1900. Стр. II+279+VII.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Xenophontis Memorabilia. Текстъ съ словаремъ, составленнымъ **Я. Кремеромъ**. Изданіе 8-ое. Стр. 273. М. 1896. Цѣна 75 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

— Книги: 1) *Homeri* Ilias. Текстъ съ словаремъ, составленнымъ **Я. Кремеромъ**. Часть I. Изданіе 6-ое. Стр. 538. М. 1895. Цѣна 1 руб. 20 коп. — Часть II. Изданіе 4-ое. Стр. 554. М. 1878. Цѣна 1 руб. 20 коп.“—2) „*Homeri* Odyssea. Текстъ съ словаремъ. Часть I. Изданіе 10-ое. Стр. 444. М. 1895. Цѣна 1 р. 20 коп.—Часть II. Изданіе 3-е. Стр. 436. М. 1878. Цѣна 1 р. 20 коп.“—допустить въ качествѣ учебныхъ пособій при курсорномъ чтеніи Гомера въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— Книгу: „Исторія греческихъ героевъ, разсказанная **Нибуромъ** своему сыну. Съ 5-го нѣмецкаго изданія перевела **М. Т. Ярошевская**. Изданіе 2-ое, исправл. М. 1897. Стр. 78. Цѣна 20 коп.“—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Учебникъ Русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. Составилъ **К. Елпатьевскій**. 7-ое изданіе. С.-Пб. 1901. Стр. VI+486. Цѣна 1 р. 40 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства

для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книжку: „Черты изъ жизни Екатерины Второй. **Павла Сумаронова**. С.-Пб. 1901. Изданіе А. С. Суворина. („Дешевая библіотека„ № 333). Стр. въ 16 д. 118. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 28 коп., въ перепл. 35 коп.“—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Xenophontis Cyropaedia. Текстъ съ словаремъ, составленнымъ **Я. Кремеромъ**. Изданіе 4-ое. М. 1895. Стр. 462. Цѣна 1 р.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Сводъ законоположеній и распоряженій о частныхъ училищахъ и домашнемъ обученіи. Составилъ **А. А. Луцкевичъ**. Кіевъ. 1901. Стр. IV+350+XVIII. Цѣна 2 р.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе „Товарищъ. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста. Годовая цѣна 4 р. съ пересылкой и доставкой.“—допустить за 1900 годъ въ ученическія младшаго и средняго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ мужскихъ такъ и женскихъ.

— Книгу: „**Вальтеръ-Скоттъ**. Робъ-Рой. Полный переводъ. Изданіе второе. С.-Пб. Изданіе П. В. Луковникова. Стр. VIII+LX+404. Цѣна 1 р. 50 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: Ξενοφῶντος Ἀνάβασις. Текстъ со словаремъ, составленнымъ **Я. Кремеромъ**. Изданіе 12-ое. М. 1897. Стр. 405. Цѣна 80 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

— Брошюру „Богъ въ природѣ. По сочин. Фламмаріона и Текмы Гумпертъ въ перераб. Гроттъ. Составилъ **Д. Водовозовъ**. Изданіе 2-е. С.-Пб. Стр. 16. Цѣна 5 коп. Изданіе Н. С. Аскарханова“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Товарищъ“. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста. 1900 г. № 1—52. Редакторъ-издательница **С. К. Круковская**. Цѣна 4 руб. въ годъ.“ — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Опыть систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Составилъ **Н. Павловъ.** Казань. 1899. Часть 1-я. Числа первой сотни. Изданіе 5-е. Стр. 62. Цѣна 15 коп.—Часть II-я, I. Числа до тысячи. II. Числа любой величины. Изданіе 6-е. Стр. 96. Цѣна 20 коп.—Изданіе 7-е, исправл. и дополн. 1900. Стр. 102. Ц. 20 коп."—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Памятникъ Севастопольской обороны. Составилъ Генеральнаго Штаба Подполковникъ **Парскій.** Одесса 1901. Стр. II+80+ +8 таблицъ."—допустить въ ученическія, старшаго возраста. библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Юный читатель. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. С.-Пб. 1900. № 1—24. Цѣна 2 руб."—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ школъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Ясли-пріюты для дѣтей въ деревняхъ во время лѣтней рабочей поры. Земскаго врача **А. И. Шингарева.** 2-ое исправленное и дополненное изданіе Воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ. 1901. Стр. 21. Цѣна 5 коп." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу изданія В. В. Думнова: „Курсъ практической педагогики. Для учительскихъ семинарій, народныхъ учителей и вообще лицъ, занимающихся первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей въ школахъ и дома. Составилъ **С. А. Бобровскій.** Изданіе 5-е, исправленное и сокращенное. М. 1896. Стр. XV+288. Цѣна 1 р."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ съ тѣмъ, чтобы при напечатаніи ея слѣдующимъ изданіемъ, были опущены на обертке книги слова „согласно указаніямъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.".

— Книгу: „Маръ-Ивонна. Изъ моихъ странствій и приключеній. **Е. Балобановой.** С.-Пб. 1901. Стр. 142. Цѣна 90 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ пониженія при слѣдующемъ изданіи продажной цѣны ея по крайней мѣрѣ до 50 коп.

— Книгу изданія В. В. Думнова: „Начальное правописаніе для начальныхъ школъ и домашняго обученія. Составилъ учитель **П. И. Кротовъ.** М. 1899. Стр. 67. Цѣна 20 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книжки изданія Н. С. Аскарханова: 1) Хижина дяди Тома или бѣлые и черные. **Бичеръ-Стоу.** Съ 23 рисунками. Переводъ съ англійскаго **И. Введенскаго.** Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 112. Цѣна 15 к."— 2) „То же, на лучшей бумагѣ и въ лучшемъ переплетѣ Цѣна 60 коп." — 3) Оборона Севастополя, Гр. **Л. Н. Толстого.** Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 61. Цѣна 10 коп."—допустить въ ученическія библіо-

теки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія В. В. Думнова: 1) „**И. Е. Евсѣевъ**. Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ. (Учебное пособіе для начальныхъ школъ). Изданіе 5-е. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 8 коп.“—2) „**И. Е. Евсѣевъ**. Русскія прописи. Краткій систематическій курсъ обученія письму въ 36 таблицахъ и т. д. Учебное пособіе для начальныхъ школъ. М. 1901. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Изданія: 1) „**Д. Е. Рязанкинъ**. „Ученье — свѣтъ“. Букварь для начальныхъ школъ и домашняго обученія. Баку. 1901. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“—2) „Начальные пріемы обученія чтенію и письму. Краткія замѣтки для обучающихъ по букварю „Ученье—свѣтъ“. Баку. 1901. Стр 32. Цѣна 20 коп.“—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу изданія В. В. Думнова: „Первый шагъ. Пособіе при обученіи грамотѣ и первая книга для чтенія въ народной школѣ. Съ приложеніемъ особаго отдѣла для чтенія по церковно-славянски. Составилъ **А. Фролковъ**. Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное. М. 1880. Стр. VI+62+II. Цѣна 15 коп“—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Изданія В. В. Думнова: 1) „Азбука протоіерея **Никольскаго** съ славянскою азбукою. Изданіе 12-е. М. 1897. Стр. 48. Цѣна 20 коп.“— 2) Руководство для учителей при обученіи по азбукѣ протоіерея Никольскаго. М. 1887. Стр. 8. Цѣна 10 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Брошюру изданія В. С. Спиридонова: „**М. Юрьева**. Суровая школа. Разсказъ для дѣтей. М. 1901. Стр. 48. Цѣна 25 коп. („Библіотека маленькаго читателя. № 12“)—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку изданія М. В. Клюкина: „**Ив. Бѣлоусовъ**. Малыши. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Изданіе 3-е. М. 1900. Стр. 62. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книги: 1) „Сборникъ задачъ и примѣровъ. Пособіе для обученія начальной ариѳметикѣ. Составилъ **С. Граменицкій**. 3-е изданіе. Ташкентъ. 1899. Стр. 163. Цѣна 45 коп“—2) То же. 4-е изданіе. Ташкентъ. 1900. Стр. 167. Цѣна 45 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для употребленія въ младшихъ отдѣленіяхъ начальныхъ училищъ, а также въ приготовительномъ классѣ среднеучебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы на обложкахъ возстановлено было точное опредѣленіе комитета, приложенъ былъ листокъ опечатокъ, а цѣна въ слѣдующемъ изданіи понижена.

— Книги изданія Д. П. Ефимова: 1) „**И. Потапенко**. Докторъ Кочневъ. Повѣсть. М. 1900. Стр. 304. Цѣна 1 р. 50 к.“ — 2) **И. Потапенко**. Безъ промаха. Святочные разсказы. М. 1900. Стр. 402. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры: 1) „**П. А. Кушниревъ**. Русскія прописи. Рига 1901. Стр. 24. Изданіе К. Г. Зихмана. Цѣна 5 коп."—2) „**А. К. Гортовъ**. Прямой почеркъ. Систематическія русскія прописи. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 7 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Брошюры изданія О. Н. Поповой: 1) „Нужда пѣсенки поетъ Разсказъ **Г. И. Успенскаго**. № 11. С.-Пб. 1898. Стр. 16."—2) „Собака. Разсказъ **В. И. Немировичъ-Данченко**. № 24. С.-Пб. 1898. Стр. 15."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, вторую же, сверхъ того, и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книжки изданія Торговаго дома С. Курнинъ и К°: 1) „Снѣгирь. Разсказъ **Уйда**. Переводъ съ англійскаго **Е. Некрасовой**. М. 1901. Стр. 43. Цѣна 30 коп."—2) „**А. Ульяновъ (Вѣнчиковъ)**. Друзья. Разсказъ. М. 1901. Стр. 44. Цѣна 25 коп."—3) „**А. Ульяновъ (Вѣнчиковъ)**. Старый башмакъ. Сказочка. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 10 к."—4) „**А. Ульяновъ (Вѣнчиковъ)**. Заячья елка. Сказочка. М. 1900. Стр. 20. Цѣна 15 коп."—5) „**Н. Позняковъ**. Канцеляристъ. Разсказъ. М. 1901. Стр. 43. Цѣна 25 коп."—6) „Корноушка. Разсказъ. **А. Ульяновъ (Вѣнчиковъ)**. М. 1900. Стр. 27. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ пониженія при слѣдующемъ изданіи продажной цѣны ихъ.

— Книжку: „**В. Короленко**. Рѣка играетъ. (Эскизы изъ дорожнаго альбома). Изданіе Торговаго Дома С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 40. Цѣна 12 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ пониженія цѣны при слѣдующемъ изданіи книги.

— Книгу: „Для путешествующихъ по Европейской Россіи и Азіи совѣты объ экипажахъ, лошадяхъ, дорожныхъ вещахъ, пищѣ, одеждѣ и прочемъ снаряженіи путешествующихъ по одиночкѣ и партіями. Изд. Ѳ. Суринъ. Казань. 1896. Стр. 40. Цѣна 75 коп." допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки изданія редакціи журнала „Русская Мысль" подъ общимъ заглавіемъ «Новая библіотека»: 1) „Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). По книгѣ доктора Клея. М. 1901. Стр. 66+IV табл. Цѣна 15 коп."—2) „Жизнь и труды Эдисона. Составилъ **Левъ Уманецъ**. М. 1901. Стр. 112. Цѣна 20 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, вторую же, сверхъ того, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюрку: „Образцы обученія письму прямымъ почеркомъ. Русское и церковно-слав. письмо. Составилъ **Ѳ. В. Грековъ**. М. 1900. Стр. 20. Цѣна 8 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Брошюры изданія Н. С. Аскарханова, подъ общимъ заглавіемъ „О подвигахъ русскихъ моряковъ. Для солдатъ и народа. Составила **В. П. Андреевская**": 1) „Наваринскій бой. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 23. Цѣна 10 коп."—2) „Синопскій бой. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 31. Цѣна 10 коп."—3) „Чесменскій бой. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 29.

Цѣна 10 коп."—4) „Петропавловскій бой и Камчатская эскадра адмирала Завойко. Изданіе 2-е. С.-Пб. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки съ условіемъ удаленія при слѣдующемъ ихъ изданіи неправильностей въ объявленіяхъ издателя г. Аскарханова, въ коихъ нѣкоторыя изданныя имъ книги показаны одобренными или допущенными ученымъ комитетомъ, тогда какъ онѣ или вовсе не находились на разсмотрѣніи послѣдняго или же были признаны имъ незаслуживающими одобренія.

— Брошюры изданія А. Я. Панафидина, подъ общимъ заглавіемъ „Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ? **Н. А. Александрова**": 1) „Якуты. М. 1899. Стр. 38. Цѣна 10 коп."—2) „Черемисы и чуваши. (Лѣсная окраина). М. 1899. Стр. 40. Цѣна 10 коп."—3) „Мордва, мещарики и тептяри. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—4) „Вогулы. М. 1899. Стр. 25. Цѣна 10 коп." — допустить первую въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, а остальныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Народы Россіи. Вып. III. Инородцы лѣсовъ. **Н. А. Александрова**. М. 1900. Изданіе А. Я. Панафидина. Стр. 203+XVIII. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ, заведеній, а равно для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги: 1) „**В. М. Нохратскій**. Русская азбука съ приложеніемъ письменныхъ упражненій и церковно-славянскаго букваря. Казань. 1900. Стр. 74. Цѣна 20 коп."—2) „То же. Изданіе 2-е. (Безъ перемѣнъ). Казань. 1900. Стр. 74. Цѣна 20 коп."—3) „Первоначальная книга для чтенія, письменныхъ работъ и диктовокъ. Изданіе 3-е, исправл. Составили **Цвѣткова и Шатерина**. С.-Пб. 1900. Стр. 106+IV. Цѣна 25 коп."—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книги: 1) „Наша библіотека. Подъ редакціей **Н. В. Т—ва**. Добрыя души. Сборникъ разсказовъ. **С. И. Лаврентьевой**. М. 1901. Стр. 139. Цѣна 50 коп."—2) „Библіотека маленькихъ дѣтей. Подъ редакціей **Н. В. Т—ва**. «Былинки». Сборникъ разсказовъ **С. Лаврентьевой** и стихотвореній разныхъ авторовъ. М. 1901. Стр. 54. Цѣна 30 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, вторую же, сверхъ того, и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Золотые колосья. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Средній возрастъ. Составилъ **Н. Горбуновъ-Посадовъ**. М. 1900. Стр. 384+V. Цѣна 80 коп., для школъ 56 коп."—допустить къ употребленію въ качествѣ книги для класснаго чтенія въ низшихъ училищахъ.

— Книги изданія К. Г. Зихмана: 1) „**И. Дависъ**. Родной міръ. Книга для обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ. Часть I-я. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. Рига. 1901. Стр. 93. Цѣна 20 коп."—2) „**И. Дависъ**. Элементарный курсъ практической русской грамматики для инородческихъ училищъ. Рига.

1899. Стр. 125. Цѣна 30 коп."—3) „**И. Дависъ**. Систематическій курсъ устныхъ и письменныхъ диктовокъ. Самообученіе, самодиктованіе, самоисправленіе. Составленъ примѣнительно къ „Элементарному курсу практической русской грамматики" того же автора. Рига. 1900. Стр. 90. Цѣна 20 коп."—допустить къ классному употребленію въ инородческихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: 1) „Первая классная книга для чтенія. Составилъ **П. Г. Васильевъ**. Изданіе 8-е. С.-Пб. 1900. Стр. VIII+182. Цѣна 50 коп. Изданіе Н. П. Карбасникова."—2) „Практическая русская грамматика. Руководство для учениковъ народныхъ училищъ. Составилъ **И. Козьминъ**. Изданіе 8-е. М. 1899. Стр. VIII+82. Цѣна 25 коп. Изданіе В. В. Думнова."—допустить къ употребленію въ низшихъ училищахъ, первую же, сверхъ того, и въ приготовительномъ классѣ гимназій и прогимназій, съ условіемъ принятія къ руководству, при слѣдующихъ ихъ изданіяхъ, замѣчаній ученаго комитета.

— Изданія В. В. Думнова: 1) „Руководство къ обученію чтенію-письму по звуковому способу. (Методика обученія грамотѣ). Составилъ **С. Бобровскій**. Изданіе 8-е (а). М. 1894. Стр. 74+5 табл.+2 прилож. Цѣна 60 коп."—2) „28 таблицъ для постепеннаго чтенія на 16 листахъ. Приложеніе къ руководству къ обученію чтенію письму. **С. Бобровскаго**. Изданіе 7-е (в). М. 1894. Цѣна 25 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи первой изъ названныхъ книгъ было устранено съ заглавнаго листа и съ обертки неправильно помѣщенное на нихъ заявленіе о томъ, что книга исправлена „согласно указаніямъ ученаго комитета М. Н. П."

— Книгу: „О жизни Николая Васильевича Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. Составилъ **Д. И. Тихомировъ**. М. 1902. Стр. 62. Цѣна 10 к."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Брошюры изданія „Общества распространенія полезныхъ книгъ" подъ общимъ заглавіемъ „Родные поэты": 1) „Иванъ Ивановичъ Козловъ. М. 1901. Стр. 48. Цѣна 10 коп."—2) „Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. М. 1901. Стр. 48. Цѣна 10 коп."—3) „Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ. М. 1901. Стр. 64. Цѣна 10 коп."—4) Николай Михайловичъ Языковъ. М. 1901. Стр. 64. Цѣна 10 коп."—5) „Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. М. 1901. Стр. 1—44. В. Б. Бенедиктовъ. Стр. 45—64. Цѣна 10 коп."—6) „Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій. М. 1901. Стр. 64. Цѣна 10 коп"—7) „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. М. 1901. Стр. 48. Цѣна 10 коп."—8) Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. М. 1901. Стр. 48. Цѣна 10 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Свящ. **М. Лисицынъ**. Обзоръ духовно-музыкальной литературы. С.-Пб. 1901. Стр. IV+315+II. Цѣна 1 р. 25 коп."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Изданіе: „Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Всѣ 16 томовъ со всѣми относящимися къ нимъ продолженіями въ одной книгѣ. Подъ редакціей **А. Ф. Волкова** и **Ю. Д. Филиппова**.. 3-е пересмотрѣнное и дополненное изданіе. Изданіе неоффиціальное, Товарищества „Общественная Польза". С.-Пб. 1900. Томы I и II."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: „**Н. Мукаловъ**. Народное образованіе во Франціи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, Бельгіи и Швеціи по даннымъ Парижской выставки 1900 года. Кіевъ. 1901. Стр. 66."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „**В. Э. В.** Міръ въ разсказахъ для дѣтей. Книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. М. 1900. Стр. 208. Цѣна 40 коп."—допустить къ классному чтенію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Начальный учебникъ физики и химіи. Составили **А. Л. Корольковъ** и **П. Т. Матюшенко**. Изданіе 4-е. Кіевъ. 1898. Стр. 253. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить къ классному употребленію въ городскихъ училищахъ.

— Брошюру: „Великій писатель-поэтъ Николай Васильевичъ Гоголь. Составилъ **П. Борзаковскій**. Одесса. 1902. Стр. 48. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры изданія А. Я. Панафидина: 1) „Житіе Св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Составилъ **В. Цвѣтковъ**. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 5 коп."—Житіе свв. князей Бориса и Глѣба. Составлено **В. Цвѣтковымъ**. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 5 коп."—3) „Житіе св. Кирилла и Меѳодія. Составлено **В. Цвѣтковымъ**. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 5 коп."—4) „Житіе св. Стефана Пермскаго. Составилъ **В. Цвѣтковъ**. М. 1901. Стр. 31. Цѣна 5 коп.„ 5) „Житіе св. Дмитрія митрополита Ростовскаго. Составлено **В. Цвѣтковымъ**. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 5 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры изданія Акціонернаго Общества „Издатель": 1) „**Д. МаминъСибирякъ**. Исповѣдь. № 2. С.-Пб. 1899. Стр. 15. Цѣна 3 коп."—2) „Его же. Пріемышъ. № 3. С.-Пб. 1899. Стр. 16. Цѣна 3 коп."—3) Его же. Малиновыя горы. № 4. С.Пб. 1899. Стр. 46. Цѣна 7 коп."—4) „Его же. Савка. № 5. С.-Пб. 1899. Стр. 31. Цѣна 5 коп."—Его же. Герой. № 6. С.-Пб. 1899, Стр. 28. Цѣна 5 коп."—6) „Его же. Старый воробей. № 7. С.-Пб. 1899. Стр. 16. Цѣна 3 коп."—7) „Его же. Васька Забалуй. № 8. С.-Пб. 1899. Стр. 16. Цѣна 3 коп."—8) „Его же. Постойко. № 9. С.-Пб. 1899. Стр. 15. Цѣна 3 коп."—9) „Его же. Конь „Разбойникъ". № 10 С.-Пб. 1899. Стр. 47. Цѣна 7 коп." — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. М. 1901. Стр. 135. Цѣна 25 коп. Изданіе редакціи журнала

„Русская Мысль“ (Новая библіотека)“—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома. Составленное **П. Перевлѣсскимъ**. Курсъ приготовительный къ изученію естественныхъ наукъ и родного языка. Изданіе 8-е, В. В. Думнова. М. 1896. Стр. XXX+ 336. Цѣна 1 р. 25 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. **Н. Раевскаго.** Изданіе 10-е, исправленное. С.-Пб. 1901. Стр. 151. Цѣна 85 коп.“ — допустить къ классному употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

— Книгу: „Популярно-научная библіотека **А. Ю. Маноцковой.** № 1-й. Чехія и чехи. Составилъ **В. И. М.** Москва. 1901. Стр. 74. Цѣна 40 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ исправленія ея, при слѣдующемъ изданіи, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Брошюру: „Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ. Составилъ **В. Брусъ.** Изданіе О. Н. Поповой. № 41. С.-Пб. 1899. Стр. 52.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Бесѣды о засухахъ. Составилъ **С. Яковицкій**. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Казань. 1900. Стр. 37+VIII табл. Цѣна 20 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

- Книгу: „Приключенія Ружемона. Новый Робинзонъ XIX вѣка. Переводъ съ англійскаго **А. Линдегренъ.** С.-Пб. 1899. Изданіе Н. С. Аскарханова. Стр. 258. Цѣна 1 руб.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги изданія В. В. Думнова: 1) „Капитанская дочка. Повѣсть. Сочиненіе **А. С. Пушкина**. М. 1885. Стр. 112. Цѣна 15 коп.“—2) „Борисъ Годуновъ. Драма. Сочиненіе **А. С. Пушкина**. М. 1885. Стр. 84. Цѣна 40 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Народные разсказы. № 11. Пробрало. **А. Васильковскій**. Изданіе „Столичной скоропечатни“. С.-Пб. 1899. Стр. 22. Цѣна 7 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Полное собраніе сочиненій **А. Ѳ. Погосскаго**, въ 4-хъ томахъ съ портретомъ, біографіей автора и примѣчаніями. С.-Пб. 1899.—1901. Цѣна за 4 тома 8 руб.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Какъ устраивать въ семьѣ и школѣ елки, праздники и юбилеи? С.-Пб. 1901. Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“. Стр. 208. Цѣна 1 руб.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Изданіе: „Божій міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. Начальные уроки міровѣдѣнія, составленные **Полемъ Бэромъ**. Переводъ съ французскаго подъ редакціей **Е. И. Чижова**. Годъ 1-й. М. 1897. Стр. 188+IV.

Цѣна 30 коп.—Годъ 2-й. Выпускъ I. М. 1899. Стр. 245+V. Цѣна 40 коп.— Выпускъ II. М. 1900. Стр. 216.+IV. Цѣна 40 коп."— допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „**А. Лукьяновскій**. Русскія народныя сказки и были въ стихахъ. Томъ I. Изданіе 2-е. М. 1900. Стр. 122. Цѣна 80 коп. Изданіе М. В. Клюкина." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Колдуны и вѣдьмы, домовые, лѣшіе, русалки, чары и наговоры, примѣты и повѣрья. **Н. Грушецкаго**. М. 1898. Стр. 71. Изданіе М. Е. Конусова. Цѣна не обозначена" — допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „**П. Корханиди**. Начальная русская хрестоматія. (Съ элементарной русской грамматикой). Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Тифлисъ. 1901. Стр. VI+332+VII. Цѣна 60 коп."—допустить къ классному употребленію въ городскихъ училищахъ и младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи ея были опущены въ предисловіи на стр. V слова: „Согласно замѣчаніямъ Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія".

— Книги: 1) „По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Поѣздки по Казанской губерніи и къ Болгарскимъ развалинамъ. Изд. Ѳ. Сурина. Казань. 1896. Стр. VIII+136. Цѣна 1 руб." – 2) „Поѣздки къ бывшимъ Волжскимъ столицамъ, къ развалинамъ бл. г. Царева и села Селитернаго. Исторія Кипчакской или Золотой орды и монгольскаго ига въ Россіи. Изд. Ѳ. Суринъ. Казань. 1896. Стр. 44. Цѣна 75 коп."— 3) „Наши зеленые друзья. Составила **Е. Горбунова. № 338**. М. 1899. Стр. 33. Цѣна 1½ коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Брошюры изданія журнала „Дѣтское Чтеніе", подъ общимъ заглавіемъ „Сказки природы": 1) „Силы стихійныя. **В. М. Сысоева**. М. 1900. Стр. 23. Цѣна 7 коп."—2) „Изъ міра растеній. **В. М. Сысоева**. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—3) „Изъ міра животныхъ. **В. М. Сысоева**. М. 1900. Стр. 39. Цѣна 10 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Начальная русская грамматика въ связи съ практическими упражненіями. Составилъ **Н. Бучинскій**. Изданіе сокращенное. М. 1900. Изданіе М. Д. Наумова. Стр. 124. Цѣна 25 коп." допустить для классснаго употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, съ условіемъ дополненія слѣдующаго ея изданія согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книги: „Сочиненія **Чарльза Диккенса**. Полное собраніе въ 10 томахъ. Томы VIII—X. Переводъ **З. Н. Журавской и М. А. Шишмаревой**. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1895—1897. Цѣна каждому тому 1 р. 50 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги изданія В. Ҫ. Спиридонова: 1) „Въ семейномъ кругу.

Сборникъ стихотвореній для дѣтей школьнаго возраста. Составилъ **Н. Покровскій**. (Библіотека маленькаго читателя, № 11). М. 1901. Стр. 62. Цѣна 30 коп."—2) „Изъ галлереи дѣтскихъ портретовъ. Разсказы современныхъ писателей. Составилъ **Н. Покровскій**. М. 1901. Стр. 52. Цѣна 25 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ (младшаго возраста) и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя читальни и библіотеки.

— Брошюры: 1) „**Фюллеръ** въ Коростышевѣ. Для ребятъ. Кіевъ. 1900. Стр. 39. Цѣна 5 коп."—2) „Старая хатка. Разсказъ изъ народной жизни. **Фюллеръ**. М. Коростышевъ. Кіевъ. 1900. Стр. 16."—3) „Два пути. Разсказъ **Фюллера**. Кіевъ. 1900. Стр. 38"—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „Странникъ Григорій Саввичъ Сковорода. Біографическій очеркъ **С. Р.** № 27. Изданіе 2-е М. 1899. Стр. 31. Цѣна $1^1/_2$ коп."—2) „**Л. Медвѣдевъ**. Изъ жизни писателей. Очерки и воспоминанія. М. 1900, Изданіе М. В. Клюкина. Стр. 96. Цѣна 45 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки изданія Д. П. Ефимова: 1) „Пальмовая вѣтвь. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Составилъ **А. В. Кругловъ**. М. 1901. Стр. 88. Цѣна 50 коп."—2) „**Анна Догановичъ**. Пѣсенка маятника и другіе разсказы. М. 1901. Стр. 74. Цѣна 40 коп."—3) „**Н. И. Перелыгинъ**. Черевички. Повѣсть изъ малороссійскаго быта. М. 1901. Стр. 38. Цѣна 20 коп."—4) „**І. А. Любичъ-Кошуровъ**. Дядя Вакъ. (Приключенія одной лягушки). М. 1901. Стр. 56. Цѣна 30 коп."—5) „**І. А. Любичъ-Кошуровъ**. Канарейка. Разсказъ. М. 1901. Стр. 40. Цѣна 20 коп."—6) „**І. А. Любичъ-Кошуровъ**. Ворона и ея знакомые. М. 1901. Стр. 72. Цѣна 40 коп."—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги изданія В. В. Думнова: 1) „**Д. Мартыновъ**. Русскій грамотей. Азбука-скороучка. Изданіе 8-е, вполнѣ усовершенствованное. М. 1897. Стр. 43. Цѣна 10 коп."—2) „**Д. Мартыновъ**. Русскій грамотей. Къ азбучкѣ-скороучкѣ. Самый простой, общепонятный и единственно-истинный способъ обученія грамотѣ. М. 1897. Стр. 34. Цѣна 20 коп."—3) „**Д. Мартыновъ**. Новый путь начальнаго обученія родному языку. М. 1889. Стр. 27. Цѣна 15 коп."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ.

— Книги изданія В. В. Думнова: 1) „**Д. Мартыновъ**. Русскій грамотей. Книга для чтенія въ младшемъ отдѣленіи начальныхъ училищъ. Изданіе 5-е. М. 1898. Стр. VI+65. Цѣна 15 коп."—2) То же. Книга для чтенія класснаго и домашняго въ среднихъ отдѣленіяхъ начальныхъ училищъ. Второй годъ обученія. Изданіе 5-е, исправл. М. 1899. Стр. VI+129. Цѣна 30 коп."— 3) „То же. Книга для чтенія въ старшемъ отдѣленіи начальныхъ училищъ. Изданіе 4-е, исправл. М 1900. Стр. II+204. Цѣна 30 коп."—допустить въ начальныя училища въ качествѣ книгъ для класснаго чтенія.

— Книги: 1) „1800—1900. Русскому солдату о Суворовѣ. С.-Пб.

1900. Стр. 191. Цѣна 75 коп."—2) „Русскому солдату на память объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ. С.-Пб. 1899. Стр. XIV+199. Цѣна 60 коп."—3) „Сборникъ статей для класснаго чтенія въ ротныхъ школахъ, въ эскадронныхъ, батарейныхъ и полковыхъ учебныхъ командахъ. Составилъ **Н. Кольдевинъ**. Изданіе 2-е, дополн. С.-Пб. 1896. Стр. IV+172+III. Цѣна 50 коп. Изданіе военной типографіи."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, первыя же двѣ, сверхъ того, и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Брошюры, изданныя комитетомъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности: 1) „Хижина дяди Тома" и рабство негровъ въ Америкѣ. **Е. Бузковой**. Харьковъ. 1900. № 60. Стр. 63. Цѣна 3 коп."—2) „Бѣлый штурманъ. Очеркъ **В. Фаусека**. № 49. М. 1899. Стр. 47. Цѣна 2 коп."—3) „Джонъ Ингерфильдъ. Разсказъ изъ жизни стараго Лондона. **Джерома К. Джерома**. Переводъ съ англійскаго **Н. Жаринцевой**. Харьковъ. 1900. Стр. 32. Цѣна 1½ коп."—4) „Швейцарія. **Ел. Радаковой** и **А. Савичъ**. 3-е изданіе. Харьковъ 1898. Стр. 60. Цѣна 3 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжки „Швейцарія" было удалено съ ея обертки неправильно помѣщенное заявленіе „согласно указанію Особаго Отдѣла Ученаго Комитета".

— Брошюры: 1) „Степь внутренней Африки и ея фауна **Э. Брэма**. Саратовъ. 1891. Стр. 23. Цѣна 20 коп."—2) „Птичьи острова въ Лапландіи. **А. Брэма**. Саратовъ. 1891. Стр. 17. Цѣна 20 коп. (Оба изд. журн. „Помощь самообразованію")—3) „Что за земля Голландія и какъ живутъ голландцы. Составила **М. Бекетова**. № 273. М. 1899. Стр. 47. Цѣна 10 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книжки изданія В. Д. Карчагина: 1) „**В. Желиховская**. Наши воины православные. Изданіе 3-е. М. 1900. Стр. 81. Цѣна 20 коп."—2) „**В. Желиховская**. Сидорычъ Безыменный. Изъ разсказовъ стараго Кавказца. Изданіе 2-е. М. 1900. Стр. 35. Цѣна 10 коп."—3) „**Бислей**. Разсказы изъ Римской исторіи. Переводъ съ англійскаго **С. Невѣдомской**. Изданіе 2-е. М. 1900. Стр. 111. Цѣна 40 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Сборникъ законовъ о Мусульманскомъ духовенствѣ въ Таврическомъ и Оренбургскомъ округахъ, и о Магометанскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Казань. 1898. Стр. IV+61. Цѣна 50 коп. Изданіе неоффиціальное."—допустить въ учительскія библіотеки магометанскихъ школъ и въ безплатныя библіотеки и читальни, особливо въ мѣстностяхъ съ мусульманскимъ населеніемъ.

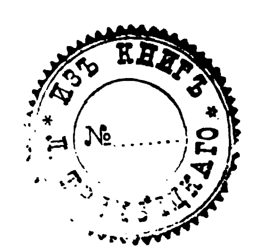
— Книгу: „Сказки русскихъ писателей. Кіевъ. 1900. Стр. 475+II. Цѣна 35 коп. Изданіе Ф. А. Іогансона."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „**Ѳ. В. Геде**. Руководство къ первоначальному обученію

ариѳметикѣ. Методическія и дидактическія указанія. Спб. 1901. Стр. VIII+132. Цѣна 1 р."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Изданіе: „Иллюстрированная Пушкинская библіотека. Изданіе А. Я. Панафидина. 1900. №№ 2. 3. 5—10. 12—16. 19. 21. 24. 25. 27. 28. 30—34. Цѣна каждой книжечкѣ отъ 2 до 20 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія В. Березовскаго: 1) „Солдатская библіотека. №№ 121—131, 141—147, 149—155 и 201—220."—2) „Разсказы изъ былого земли Русской. Соч. **И. Козлова.** №№ XV—XX." - 3) „**Н. И. Н.** Воспоминанія Суворовскаго солдата. Очаковъ и Измаилъ. Спб. 1900. Стр. 26. Цѣна 10 коп."—4) „Бесѣда стараго начальника съ новобранцами. Генерала **А. В. Аносова.** Изданіе 2-ое. Спб. 1900. Стр. 56. Цѣна 10 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, брошюры же „Солдатской библіотеки" за №№ 121-131, 142, 143, 151, 201, 206 и 218, сверхъ того, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

XI. 1902.

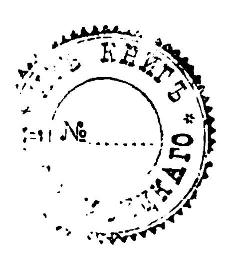
ОБРАЗОВАНІЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ,
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
и
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

№ 5—6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Іюня 1902 г.

ЗАГАДКА.

ПОВѢСТЬ.

(*Окончаніе*).

III.

У отца Маврикія Наденьку приняли не только по родственному, но и съ предумышленной деликатностью. Самъ отецъ Маврикій былъ на ея сторонѣ, хотя и съ нѣкоторыми оговорками. А Сашеньку смягчили дипломатическія соображенія.

„Не стану я вмѣшиваться въ эти ея дѣла, говорила она себѣ, а то потомъ еще скажутъ, что я отговорила или что нибудь другое..“ И она даже не попробовала высказать свое настоящее мнѣніе.

— Что жъ, конечно, другіе ѣдутъ, отчего же и тебѣ не поѣхать, не искренно говорила она. Само собою можно прожить и безъ этого, а только что жъ.. и дурного въ этомъ ничего не видно...

Такъ говорила она Наденькѣ, а въ душѣ считала это безусловно дурнымъ.

Среди членовъ многочисленнаго семейства всегда вырабатывается особаго рода осторожность, которая заставляетъ ихъ скрывать другъ отъ друга свои настоящія мысли. Дѣлается это изъ особаго рода чувства самосохраненія. Не будь этого, въ семействѣ были бы вѣчныя ссоры и вражда. Никто такъ быстро не воспламеняется къ спорамъ и ссорамъ, какъ живущіе вмѣстѣ родственники.

Наденька побывала и у брата Антонія, и здѣсь испытала такое же чувство стѣсненности, какъ и отецъ Василій. Эти воспитанные и деликатные люди, въ сущности, жили для

себя и признавали только себя. Весь остальной міръ они допускали существовать только изъ деликатности. Наденька второй разъ къ нимъ не пошла.

Но зато въ домѣ отца Никифора она встрѣтила радушіе и здѣсь она сразу почувствовала, что радушіе это настоящее. Въ какіе нибудь полчаса она уже такъ хорошо сговорилась съ Любовью Никифоровной, что готова была въ первый же день остаться у нихъ ночевать, но ее остановило то соображеніе, что сестра можетъ обидѣться. Между ихъ душами отыскалось какое то сродство. Не даромъ же у нихъ было одинаковое стремленіе и обѣихъ тянуло къ одному и въ одну сторону.

Любовь Никифоровна, впрочемъ, не съ первой минуты отнеслась къ Надѣ съ полнымъ довѣріемъ. Нѣкоторое время она присматривалась къ ней. Ей уже приходилось—и именно среди поповскихъ дочерей—видѣть легкомысленныхъ дѣвушекъ, которыя болтали о наукѣ и объ ученіи только потому, что считали это моднымъ и интереснымъ, а, въ сущности, думали о богословахъ и стремились замужъ.

Но уже черезъ нѣсколько минутъ Любовь Никифоровна раскаялась въ своемъ подозрѣніи. И узнала она это по глазамъ Наденьки, такъ эти глаза смотрѣли серьезно и глубоко.

Тогда она начала разсказывать ей о курсахъ, о товаркахъ, о профессорахъ, о жизни столичной и товарищеской, и видѣла, какъ глаза у Нади загорались тѣмъ внутреннимъ блескомъ, какой она часто видѣла въ глазахъ своихъ подругъ.

Когда отецъ Василій пріѣхалъ въ городъ за дочерью, онъ не нашелъ ее у родственниковъ.

— О, она цѣлые дни пропадаетъ у отца Никифора! сказала ему Саша съ видомъ равнодушія, сквозь которое однако жъ проглядывало неодобреніе.

— Что же она тамъ дѣлаетъ? спросилъ отецъ Василій.

— А ужъ объ этомъ, папаша, вы сами спросите ее. Вамъ, можетъ быть, она и скажетъ, а намъ не говоритъ. Придетъ вечеромъ и ничего отъ нея не допросишься; посидитъ съ нами съ полчасика, да и спать. А утромъ опять туда и тамъ до ночи.

„Вотъ тебѣ и на, подумалъ отецъ Василій. Хорошо это или дурно— Богъ ихъ разберетъ“ и поѣхалъ къ отцу Никифору.

— А, отецъ Василій, воскликнулъ, увидѣвъ его отецъ Никифоръ, но совсѣмъ уже не тѣмъ тономъ, какимъ встрѣтилъ его въ первый разъ. Это былъ тонъ пріятельскаго привѣтствія и отецъ Василій тотчасъ же почувствовалъ это.

— Ну, ваша дочка сдѣлалась нашей плѣнницей. Мы ее больше къ вамъ не отпустимъ.

— Да что вы? Неужто совсѣмъ?

— Совсѣмъ, совсѣмъ. Пожалуй, дадимъ вамъ на недѣльку, чтобы вы могли наглядѣться на нее передъ долгой разлукой.

— Разлука, отецъ Никифоръ?

— Полагаю, что такъ, отецъ Василій.

До сихъ поръ они говорили полушутливымъ тономъ, а теперь отецъ Никифоръ, усадивъ гостя въ кресло, сталъ говорить серьезнымъ голосомъ.

— Разскажу вамъ, что я самъ передумалъ и переиспыталъ, когда мнѣ приходилось свою дочь отсылать за тридевять земель въ ученіе. Вотъ точно такъ, какъ ваша, затвердила хочу, да хочу, и какъ я ни отговаривалъ, ничего не могъ подѣлать. Конечно, мнѣ было легче, чѣмъ вамъ, потому что я уже давно освоился съ свѣтской дорогой для своихъ дѣтей. Не насиловалъ я ихъ, а сами такое направленіе имѣли. Сперва я было колебался, а потомъ подумалъ: что жъ, конечно, я къ своему духовному сословію привязанъ и уваженіе къ нему питаю. Но ежели я ихъ насильно, противъ ихъ вкуса, духовными сдѣлаю, какими же они будутъ служителями церкви? Не напложу ли я тогда плохихъ пастырей для нашихъ овецъ? Ну, а все же посылка дочери за тридевять земель была новымъ вопросомъ для меня. И смущали меня тогда вотъ точно также, какъ и васъ, и соблазны, и опасные товарищи, и вредный для здоровья климатъ. Но у меня всегда было такое убѣжденіе, что замкнулись мы очень въ нашемъ сословіи и оттого должно быть свѣжести у насъ никакой нѣтъ, силы прежней, не видно энергіи. Въ прежнее время духовные лица больше общались съ другими сословіями. Они выходили изъ народа и изъ иныхъ слоевъ и тогда изъ своей среды они сильныхъ людей, подвижниковъ выдѣляли. А нынче, гдѣ они, подвижники? Сидимъ мы себѣ на своихъ приходахъ и, какъ чиновники, отбываемъ свою службу. И идутъ на насъ отовсюду нареканія, можетъ быть, и не лишенные справедливости. Ну, думаю, что жъ, надо перешагнуть стѣну. Не мы, такъ дѣти наши пускай сообщаться съ остальнымъ міромъ. А можетъ оттуда они вернутся къ намъ, и хотя не сами, такъ въ своихъ дѣтяхъ или внукахъ, и освѣжатъ наше сословіе. Надо рисковать, отецъ Василій, и я рискнулъ, послалъ дочку въ ученіе. Ну и что жъ? Учится она и вреда отъ этого никакого не вижу. Вотъ пріѣхала такая же добрая и такъ же любитъ насъ съ матерью и никакихъ дурныхъ признаковъ въ ней

нѣтъ. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, учатся дѣвицы другихъ сословій, а мы духовные хуже что ли другихъ? Ну, такъ пусть и наши дочери пріобрѣтаютъ и пріобщатся къ свѣту науки. Коли есть доброе желаніе, какъ его не исполнить? Придавить душу человѣческую—не хорошо это было бы. Вѣдь желаніе на добро, ну, значитъ, и иди, твори добро. А ваша дочь, отецъ Василій, хотя и молода лѣтами, но умомъ твердая. Присматривался я къ ней и вижу, что это у нея не налетъ случайный, не съ вѣтру, не съ чужого голоса, а свое и глубокое. И полагаю я такъ, что надо вамъ благословить ее ѣхать вмѣстѣ съ моей Любочкой.

— Да, должно быть такъ оно и будетъ, сказалъ отецъ Василій и, такъ какъ въ это время въ кабинетъ вошли Любовь Никифоровна и Наденька, то отецъ Василій тутъ же прибавилъ:—Вотъ Наденька, какого ты себѣ убѣдительнаго ходатая нашла. Отецъ Никифоръ меня убѣждаетъ отпустить тебя.

— Ну и что-же, папаша, вы убѣдились? спросила Надя.

— Э, да отецъ Василій уже сказалъ, что согласенъ, вотъ сейчасъ, передъ вашимъ приходомъ сказалъ... промолвилъ отецъ Никифоръ.

— Нѣтъ, отецъ Никифоръ, такъ опредѣленно не сказалъ. Можетъ и сказалъ бы, но только не имѣю права. У насъ еще имѣется мать, Авдотья Филипповна. Ей тоже большой въ этомъ дѣлѣ голосъ принадлежитъ.

— А, это законно! это вы правду говорите. А все же мы съ Любочкой такъ черезъ недѣлю будемъ поджидать васъ съ сундукомъ и въ дорожномъ одѣяніи, замѣтилъ отецъ Никифоръ.

Отецъ Василій и Надя простились съ ними и уѣхали въ Кривую Балку. Авдотью Филипповну Надѣ нетрудно было склонить на свою сторону. Ей стоило только выразительно попросить ее. Въ качествѣ младшаго дѣтища она пользовалась особой нѣжностью Авдотьи Филипповны.

Когда же отецъ Василій разсказалъ ей о своемъ разговорѣ съ отцомъ Никифоромъ и о томъ впечатлѣніи какое Наденька сдѣлала на него, Авдотья Филипповна окончательно склонилась и потому начала плакать. Рѣшеніе было принято и наступила горечь разлуки. Ей страшно было подумать, что она отпускаетъ Надю за тысячу верстъ, въ невѣдомый городъ, въ многолюдную столицу. Тѣмъ не менѣе отъ рѣшенія отступать уже было нельзя. И на другой день начались неторопливые, основательные сборы.

Черезъ недѣлю послѣ этого отецъ Василій, Авдотья Фи-

липповна и Надя, на этотъ разъ уже не въ бричкѣ, а въ просторномъ дилижанѣ, съ довольно помѣстительнымъ сундукомъ и небольшимъ ручнымъ чемоданомъ ѣхали въ городъ. Здѣсь они прежде всего заявились къ отцу Никифору, потомъ поѣхали къ Сашенькѣ. На слѣдующій день дѣвушки должны были уѣхать на желѣзнодорожную станцію, верстахъ въ двадцати отъ города.

Они остановились у отца Маврикія ночевать. Утромъ сдѣлали прощальный визитъ отцу Антонію, простились съ самимъ отцомъ Маврикіемъ и Сашенькой. Родственники прощались съ Наденькой любезно, но холодно, за исключеніемъ, впрочемъ, отца Маврикія, который, въ концѣ концовъ, совершенно перешелъ на сторону Наденьки.

Часовъ около двухъ дня изъ уѣзднаго города выѣхалъ поѣздъ: отецъ Никифоръ съ Любочкой въ городскомъ извозчичьемъ экипажѣ, а отецъ Василій съ Авдотьей Филипповной и Наденькой въ своемъ дилижанѣ.

На станціи они дождались поѣзда, поблагословили дочерей, поплакали и отпустили ихъ съ миромъ въ далекій, далекій путь.

IV.

Прошло четыре года. Они прошли, разумѣется, не какъ сонъ. Въ продолженіе ихъ было множество событій и въ уѣздномъ городѣ и въ селеніи Кривая Балка, но событія эти все были такого рода, что о нихъ никто долго не помнилъ. Тѣ самыя событія, которыя случаются вездѣ и безъ которыхъ жизнь не могла бы итти, а именно: старые люди умирали, освобождая мѣсто молодымъ, дѣти рождались, молодые женились и выходили замужъ. Освобождались церковные приходы, являлись богословы, женились на поповнахъ и приходы оказывались вновь замѣщенными.

Собственно въ жизни отца Василія и Авдотьи Филипповны тоже были событія, но совершенно не важнаго свойства и жизнь ихъ текла мирно—безъ потрясеній.

О томъ, что они отпустили младшую дочь въ ученье, имъ ни разу не пришлось пожалѣть. Она училась исправно. Каждое лѣто пріѣзжала домой и они видѣли что она нисколько не измѣнилась къ нимъ. Это была все та же дѣвочка, простая, добрая и любящая ихъ. Ни малѣйшей важности, какая обыкновенно бываетъ свойственна ученымъ людямъ, она на себя не напускала.

Съ Любовью Никифоровной она сдружилась еще больше и онѣ часто гостили другъ у друга по цѣлой недѣлѣ.

И отецъ Василій думалъ: „Ну, вотъ я теперь не жалѣю, что отдалъ Наденьку въ ученіе. Никакого вреда отъ этого не вижу, а между тѣмъ я старѣю и слабѣю. Скоро можетъ и помру и все же Наденька будетъ обезпечена. Вотъ по окончаніи ученія ей дадутъ хорошее мѣсто гдѣ нибудь въ городской гимназіи“.

Такъ думалъ онъ и такъ говорилъ Авдотьѣ Филипповнѣ и Авдотья Филипповна смотрѣла на него и видѣла, что онъ въ самомъ дѣлѣ ужъ какъ то быстро сталъ старѣть. Богъ знаетъ, отъ чего это происходило. Никакихъ такихъ явныхъ причинъ не было. Да и тайныя едва ли могли быть. Вѣдь все шло какъ нельзя лучше.

Дѣти всѣ устроены. Младшій сынъ въ Кіевской Академіи шелъ блестящимъ образомъ. То и дѣло отъ него получались извѣстія о большихъ успѣхахъ, о любви къ нему начальства, о наградахъ.

Нѣтъ, просто должно быть! пришло время старѣть. Вотъ прошло три года, а отецъ Василій совсѣмъ сталъ бѣлый, словно его бороду и вьющіеся на головѣ волосы кто нибудь покрасилъ.

Конецъ этихъ трехъ лѣтъ ознаменовался событіемъ, которое взволновало всю родню отца Василія, всѣхъ его сыновей, дочерей и невѣстокъ. Отъ младшаго сына изъ Кіева однажды было получено письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что, будучи краснорѣчиво убѣждаемъ благорасположеннымъ къ нему начальствомъ, онъ согласился отвергнуть удовольствія мірской жизни и принять монашескій чинъ.

Богъ знаетъ почему, но первое впечатлѣніе отъ этой новости въ Кривой Балкѣ было ошеломляющее. Отецъ Василій впалъ въ глубокую задумчивость, а Авдотья Филипповна стала плакать навзрыдъ.

Оба они знали жизнь только съ одной стороны, обоимъ счастье представлялось только съ одной стороны: въ формѣ брачнаго сожитія на какомъ нибудь приходѣ—хорошо на сельскомъ, а лучше на городскомъ. И вдругъ ихъ сынъ, молодой, чуть не мальчикъ, да къ тому же еще красивый собой, отказывается отъ всѣхъ благъ этой жизни и на вѣчныя времена осуждаетъ себя къ безбрачію.

Но, оправившись отъ потрясенія, отецъ Василій счелъ обязанностью написать объ этомъ всей своей роднѣ. И вотъ черезъ нѣсколько дней отъ всѣхъ получились письма, но не утѣшающія, а поздравительныя. Рѣшительно всѣ поздравляли отца Василія и называли его счастливымъ отцомъ.

Близко живущіе родственники—отецъ Маврикій и даже

отецъ Антоній сами пріѣхали въ Кривую Балку, чтобы лично поздравить отца Василія и Авдотью Филипповну.

„Помилуйте, говорили и писали всѣ въ одинъ голосъ родственники:—вѣдь это такая карьера... вѣдь онъ архіереемъ будетъ. Вѣдь это значитъ, что у нашей семьи будетъ свой великій заступникъ и ходатай. Это счастье для всѣхъ насъ“.

Въ концѣ концовъ и отецъ Василій съ Авдотьей Филипповной увѣровали въ то, что это счастье и когда получили изъ Кіева извѣстіе о томъ, что сынъ ихъ, будучу еще на послѣднемъ курсѣ Академіи, принялъ монашество, то уже не грустили и не плакали, а просто помолились и послали ему поздравительное письмо.

Это было зимой, вскорѣ послѣ Рождества. А въ маѣ пріѣхала изъ Петербурга Наденька, окончившая курсы.

На этотъ разъ она явилась сильно похудѣвшей и блѣдной. Много пришлось заниматься для экзамена, но зато она кончила хорошо.

— Ужъ ты, Наденька, на первое то время поживи съ нами да поправься, силъ наберись, а потомъ ужъ подумаешь и о мѣстѣ, сказали ей старики.

— О-да—поживу съ вами, отвѣтила Наденька и дѣйствительно осталась жить въ Кривой Балкѣ.

Славный деревенскій воздухъ, теплые лучи южнаго солнца очень скоро вернули ей всѣ прежнія силы. Она поздоровѣла, щеки ея порозовѣли.

Но время шло и никто не видѣлъ, чтобы Наденька хлопотала о мѣстѣ.

— Что же ты, Надя, о себѣ не подумаешь? Или еще не довольно отдохнула, спрашивалъ ее отецъ Василій.

— Ничего, успѣется, отвѣтила Наденька.

Между тѣмъ объ ней думали городскіе родственники. Какъ то однажды въ Кривую Балку пріѣхалъ отецъ Антоній и съ радостнымъ видомъ сообщилъ, что въ мѣстной женской гимназіи освободилось учительское мѣсто въ младшемъ классѣ. Отецъ Антоній былъ въ этой гимназіи законоучителемъ и потому ему удобно было слѣдить. Онъ даже успѣлъ переговорить съ начальствомъ.

— Я говорилъ о тебѣ Наденька и встрѣтилъ сочувствіе, объяснилъ онъ.—Сказали: пусть подаетъ прошеніе, мы ее примемъ съ охотой.

И онъ ждалъ, что Надя разсыпется въ благодарностяхъ, бросится къ нему на шею. Она дѣйствительно поблагодарила за хлопоты, но при этомъ отрицательно покачала головой.

— Я не подамъ прошенія, сказала она.

— Почему же? вѣдь мѣсто хорошее. И начальство, это я могу тебѣ сказать по личному опыту, благосклонное.

— Нѣтъ, мнѣ не хочется, кратко отвѣтила Надя.

— Странно, странно, говорилъ отецъ Антоній, можетъ быть оттого, что въ младшемъ классѣ? Но на это я тебѣ скажу: хотя образованіе твое и большое и, можетъ быть, даже равное университетскому, а все же женщинамъ нигдѣ не поручаютъ старшихъ классовъ... Этого ты нигдѣ не найдешь.

— Я и не ищу этого.

— Чего же ты ищешь?

— Я ничего еще не искала... Я очень, очень благодарна тебѣ Антоній, за заботы, но ужъ извини, не подамъ прошенія.

Отецъ Антоній уѣхалъ оскорбленный.—Тысячу разъ я давалъ себѣ слово не вмѣшиваться въ чужія дѣла, хотя бы и родственниковъ. Вотъ нарушилъ слово, думалъ полезное сдѣлать и за это только обида.

Онъ уѣхалъ, а отецъ Василій и Авдотья Филипповна встревожились.

— Что же въ самомъ дѣлѣ, Наденька? Почему это ты отказалась? Предложеніе, вѣдь, хорошее. Въ городѣ — и близко отъ родныхъ. На что же ты разсчитываешь?

— У меня другіе планы, папаша и мамаша, отвѣчала Надя, я вамъ послѣ объясню, когда они сбудутся.

— Ужъ не хочешь ли ты сдѣлать такую глупость, какъ дочка отца Никифора?

На это Надя ничего не отвѣтила.

А Любовь Никифоровна сдѣлала величайшую глупость, что признавало все уѣздное духовенство. Она кончила курсы на годъ раньше, чѣмъ Наденька и вмѣсто того, чтобы взять мѣсто гдѣ нибудь въ городѣ (а ей, благодаря вліянію отца Никифора, предлагали даже въ губернскомъ) она сдѣлалась учительницей въ селеніи, верстахъ въ сорока отъ уѣзднаго города. Никто, разумѣется, не одобрялъ этого и всѣ съ жалостью смотрѣли на отца Никифора. Стоило ѣздить за тридевять земель, стоило учиться цѣлыхъ четыре года, чтобы получать какихъ нибудь двадцать рублей въ мѣсяцъ. Таково было общее мнѣніе.

И въ церковномъ домѣ Кривой Балки установилось унылое настроеніе. Казалось бы старикамъ слѣдовало радоваться, что младшая дочь вернулась, наконецъ, домой и живетъ съ ними, поправляется, здорова и, главное, какъ это было оче-

видно, нисколько не испорчена четырехлѣтней столичной жизнью. А старики не радовались. Чувствовалось что тутъ что то не такъ, не то, что ожидалось.

Загадочный отказъ Нади отъ мѣста въ городѣ, ея продолжающаяся дружба и частыя свиданія съ Любовью Никифоровною,—все это вызывало недоумѣніе и ожиданіе чего то пагубнаго. А тутъ еще родственники...

Когда отецъ Василій и Авдотья Филипповна пріѣзжали въ городъ и заѣзжали къ отцу Маврикію или къ отцу Антонію, ужъ непремѣнно завязывался разговоръ о Надѣ. Отецъ Маврикій тотъ еще молчалъ. Должно быть чувствовалъ себя виноватымъ, потому что четыре года тому назадъ онъ стоялъ за поѣздку Наденьки. Но Саша и отецъ Антоній рѣшительно злорадствовали.

— Ну, что жъ наша ученая, спрашивала Александра Васильевна.—Все еще мѣста начальницы института ждетъ?

Александра Васильевна именно такъ понимала отказъ Нади отъ мѣста въ гимназіи.

— Она воображаетъ, продолжала она, что ежели она такую ученость получила, такъ, значитъ, ей сейчасъ должны первое мѣсто въ государствѣ дать... а, видно, ученость то эту не очень уважаютъ... Скажите пожалуйста! Такое хорошее мѣсто и отказаться. Семьдесятъ пять рублей жалованья въ мѣсяцъ, да кто же откажется отъ такого мѣста? Конечно, которая дѣвушка замужъ выходитъ, какъ всѣ, той и не надо никакого мѣста. Ну, а, если ужъ ты умомъ такая высокая, что замужъ итти не хочешь, такъ чего же тебѣ надо? Нѣтъ, будетъ двадцать лѣтъ у отца на шеѣ сидѣть и все ждать когда пришлютъ за нею: пожалуйте, молъ, въ начальницы института... вотъ оно ученье то!

Такъ говорила Александра Васильевна, а отецъ Маврикій даже не пробовалъ останавливать ее, хотя ясно видѣлъ, что она говоритъ не то, что слѣдуетъ. Но онъ былъ обезоруженъ. Онъ именно утверждалъ, что ученье на курсахъ дастъ Наденькѣ возможность получить хорошее мѣсто въ городѣ. И что же? Вотъ мѣсто ей предложили, а она отказалась. Выходитъ, что онъ былъ и правъ и не правъ, и тѣмъ хуже, если былъ правъ. Ясное дѣло, что ученье на курсахъ только сбило съ толку Наденьку.

Совсѣмъ съ другой стороны подходилъ къ предмету отецъ Антоній; когда къ нему пріѣзжали отецъ Василій и Авдотья Филипповна, онъ начиналъ обыкновенно чрезвычайно мягкимъ и какимъ то таинственнымъ голосомъ;

— Я говорю только, что, если бъ это было спроста, такъ

оно ничего бы. Ну, что жъ? Дѣвушка много занималась, утомилась, отдыхаетъ. Чѣмъ больше отдохнетъ, тѣмъ оно и лучше, для здоровья лучше. Но тутъ не спроста, тутъ политика есть, помяните мое слово, тутъ непремѣнно политика окажется.

— Какая же тутъ можетъ быть политика, Антоній? безпомощно возражалъ отецъ Василій.

— Да оно такъ съ виду кажется, что и ничего, а потомъ обнаружится. И хорошо еще ежели на ней одной... А то знаете можетъ быть и хуже.

— Что же такое можетъ быть?

— А то можетъ быть, что и на насъ всѣхъ, на́ родныхъ падетъ тѣнь...

Все это изсушало отца Василія и онъ, долго носившій это страданіе въ своей душѣ, не выдержалъ и однажды взялъ, да и выложилъ все передъ Надей.

— Вотъ что говорятъ, Наденька. Саша смѣется, будто ты ждешь мѣста начальницы института. Я знаю, что ты не ждешь этого, а вотъ поди ты, она болтаетъ. Вѣдь знають же что неправда,—это говорилъ онъ какъ бы въ формѣ убѣжденія, но въ словахъ его слышался и вопросъ, на который онъ видимо ждалъ отвѣта.

— Разумѣется не правда, папаша, чрезвычайно просто и ясно отвѣтила ему Надя.—Никакого такого мѣста я не жду, да это и невозможно. Курсистокъ на такія мѣста никогда не назначаютъ.

— А ты послушала бы, что говоритъ Антоній, такъ это еще и того хуже, продолжалъ отецъ Василій. Будто тутъ какая то политика замѣшана и что, когда это обнаружится такъ будетъ и на насъ всѣхъ тѣнь падать... Вѣдь и это тоже вздоръ...

И опять въ убѣжденіи слышалась неувѣренность и опять Надя почувствовала себя обязанной отвѣтить ясно и просто!

— Чистѣйшій вздоръ, папаша. Антонъ говоритъ то, чего самъ не понимаетъ. Никогда и никакой политикой я не занималась и никакой тѣни на васъ и на другихъ не можетъ пасть. Все это вздоръ отъ начала и до конца. Да пусть они скажутъ, папаша, что жъ я дурного дѣлаю? Я живу съ вами: развѣ же это васъ обременяетъ?

— Ахъ нѣтъ, Наденька, что ты? Какъ можно? Намъ съ матерью это радость.

— Такъ въ чемъ дѣло?

— Да, вѣдь вотъ, разговоры эти... И то еще, что ты отъ мѣста предложеннаго Антоніемъ отказалась.

— Ну, что жъ, если мѣсто это мнѣ не подходитъ... Да я о мѣстѣ еще не думаю. Я отдыхаю, папаша. Неужели мнѣ нельзя отдохнуть?

Казалось, что это должно бы окончательно успокоить отца Василій, а между тѣмъ онъ все еще волновался, тревожился и искалъ.

Какъ то, ѣдучи по городу, онъ издалека увидѣлъ отца Никифора. Давно они не бывали другъ у друга; съ тѣхъ поръ какъ дочери кончили курсы между стариками точно произошло охлажденіе. И ничего такого не было сказано— такъ просто, безъ всякой причины. И у отца Василія мелькнула мысль: вотъ съ кѣмъ бы поговорить.

И онъ велѣлъ кучеру ѣхать быстрѣе, чтобы догнать отца Никифора. Тутъ кучеръ остановилъ лошадей, отецъ Василій слѣзъ съ брички и подошелъ къ отцу Никифору.

— А, отецъ Василій! Вотъ сколько времени не видались мы, сказалъ отецъ Никифоръ, но въ голосѣ его не слышалось прежней пріятельской нотки и по лицу видно было, что нѣтъ уже въ немъ прежняго расположенія. Тѣмъ не менѣе онъ задалъ отцу Василію рядъ обычныхъ вопросовъ.

— Какъ поживаете? Что подѣлываете? отчего не заѣзжаете?

Отецъ Василій—человѣкъ простой, дипломатія никогда не была ему свойственна. Не умѣлъ онъ въ себѣ задерживать то, что въ немъ кипѣло. Поэтому онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей сказалъ:

— Очень бы хотѣлъ заѣхать къ вамъ, отецъ Никифоръ... И тянетъ меня, и предметъ для разговора есть... А только вотъ вижу, что вы на меня за что то сердитесь.

— За что же мнѣ на васъ сердиться, отецъ Василій? Нѣтъ противъ васъ я ничего не имѣю, вотъ ваши родственники, дѣйствительно, меня сердятъ...

— Родственники? Кто же такой, отецъ Никифоръ?

— Да вотъ вашъ сынъ, отецъ Антоній, кажется человѣкъ образованный и даже законоучитель, а всюду говоритъ, что будто я погубилъ вашу дочь...

— Отецъ Никифоръ? Да можно ли такія вещи говорить? Да чѣмъ же она погублена? Она живетъ у меня, здоровая, веселая, разумная...

— Ну, вотъ подите же, а говорятъ. И ваша дочь, супруга отца Маврикія тоже повсюду распускаетъ слухи, будто моя дочь соблазнила вашу на ученье...

— Но, повѣрьте, отецъ Никифоръ, что я къ этимъ разговорамъ не причастенъ.

— Я вѣрю, отецъ Василій. Вы человѣкъ открытый, я васъ узналъ. Я вѣрю, уже совсѣмъ мягко сказалъ отецъ Никифоръ.—Мы съ вами отецъ Василій несемъ одно судьбу. У насъ у обоихъ есть одно, на что мы можемъ сердиться...

— Да, да, вотъ объ этомъ то я и хотѣлъ съ вами поговорить...

— Такъ зайдемте ко мнѣ... А то знаете у насъ городъ такой скверный, что если насъ увидятъ долго разговаривающими на улицѣ, то на этомъ построятъ новую сплетню, еще горшую прежней.

Такъ какъ они были близко отъ церковнаго дома купеческой церкви, то имъ оставалось только зайти въ домъ, а кучеру отецъ Василій велѣлъ дожидаться. Они прошли прямо въ кабинетъ отца Никифора и началось собесѣдованіе.

— Да, говорилъ отецъ Никифоръ, обманули насъ наши дочери. Думали мы, что, отпуская ихъ въ далекую столицу въ ученье, мы способствуемъ ихъ возвышенію, а они вонъ что... Въ то время, какъ другія мои дѣти устроены съ честью... Вотъ старшій сынъ, напримѣръ, мой теперь уже товарищемъ прокурора въ губернскомъ городѣ, младшій въ прошломъ году кончилъ врачомъ и уже небольшую практику имѣетъ. Тоже, напримѣръ, старшая дочь моя—за инспекторомъ гимназіи замужемъ, а вторая—за присяжнымъ повѣреннымъ, а вотъ Любовь, на которую я такъ много надеждъ возлагалъ, которая такъ много училась, живетъ въ селеніи въ маленькой комнаткѣ, гдѣ двоимъ повернуться трудно, учитъ деревенскихъ ребятъ и получаетъ жалованья двадцать рублей въ мѣсяцъ. Вѣдь это насмѣшка, отецъ Василій, насмѣшка?!

— А моя, отецъ Никифоръ, отказалась отъ прекраснаго мѣста въ городѣ, въ гимназіи.

— Слышалъ это, слышалъ... и не скрою отъ васъ, это произвело дурное впечатлѣніе. Меня даже нашъ благочинный спрашивалъ, что это, молъ, значитъ, что дочь отца Василія отказалась отъ такого хорошаго предложенія? Развѣ у отца Василія десятки тысячъ лежатъ въ банкѣ?

— Да, десятки тысячъ. Если бы у меня лежали въ банкѣ десятки тысячъ, то развѣ бы я безпокоился о дочери. Вотъ вѣдь, отецъ Никифоръ, что они съ нами дѣлаютъ... Выходитъ, что мы съ вами впали въ ошибку.

— Именно, впали въ ошибку. Но все же я считаю, отецъ Василій, что мы поступили правильно. Дочери наши не оправдали надеждъ возложенныхъ на нихъ нами, но мы въ

этомъ не виноваты. Мы не могли и не должны были противъ нихъ итти съ насиліемъ...

— Что жъ дѣлать, отецъ Никифоръ?

— Что дѣлать? Я уже убѣждалъ свою дочь и старшій сынъ мой, товарищъ прокурора, нарочно пріѣзжалъ изъ губернскаго города, чтобы повліять на нее. И говорилъ съ нею долго, говорилъ убѣдительно, но ничего не вышло. Она ему на все отвѣтила: я своей долей довольна. Я ни у кого ничего не прошу. Что же это за доля такая, которой можно быть довольнымъ? Двухаршинная комната, двадцать рублей въ мѣсяцъ и это на всю жизнь, безъ всякой карьеры, безъ всякаго повышенія. Ну, а ваша дочь, отецъ Василій, что намѣрена дѣлать?

— Ничего не объясняетъ. Говоритъ: отдыхаю, силъ набираюсь. А что будетъ дальше—не извѣстно, а съ вашей въ большой дружбѣ. Каждую недѣлю ѣздитъ къ ней,—вѣдь, это отъ насъ всего двадцать верстъ. И ваша къ намъ пріѣзжала раза два. Хорошая она, отецъ Никифоръ, добрая и почтительная... Вотъ ужъ ничего не могу сказать противъ нея...

— Ничего и я не могу сказать. И ко мнѣ почтительна.

— А вотъ что я хотѣлъ у васъ спросить, отецъ Никифоръ: пугаютъ меня родственники очень... будто тутъ политика... и будто тѣнь можетъ на насъ всѣхъ пасть... Самъ то я въ этомъ ничего не смыслю. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Это все вздоръ, отецъ Василій. Это злое и невѣжественное направленіе умовъ. Оно, конечно, бываетъ... Всякое бываетъ... Но я съ дочерью говорилъ объ этомъ подробно... нѣтъ ничего такого и не бывало.

— Значитъ и не вѣрить?

— Не вѣрьте, отецъ Василій. Этому ничему не вѣрьте.

— Я самъ съ своей Наденькой говорилъ объ этомъ... говоритъ—вздоръ.

— Вздоръ и есть. И такъ обижены мы съ вами, отецъ Василій, а людямъ всегда это бываетъ пріятно, когда ближній обиженъ. Такъ они еще отъ себя прибавляютъ обиднаго, чтобъ имъ было еще пріятнѣе.

Отецъ Василій ушелъ отъ настоятеля купеческой церкви не успокоенный, но все же значительно умиротворенный. Первое облегченіе было оттого, что все же онъ благопріятно объяснился съ отцомъ Никифоромъ, который видимо на него дулся. Оказалось, что дуться было нечего. Второе, что онъ успокоился на счетъ этой проклятой политики. А третье, можетъ быть самое главное, что не одинъ онъ несетъ крестъ,

а есть еще другой отецъ, и еще такой почтенный по положенію, который терпитъ то же самое.

V.

Лѣто приходило къ концу. Однажды Наденька попросила у отца лошадей, чтобы съѣздить въ сосѣднее село Вихры къ Любови Никифоровнѣ.

Учительница Вихрянской школы лѣтомъ, конечно, съ дѣтьми не занималась, но въ городъ жить къ своимъ не поѣхала. Изрѣдка она навѣщала ихъ, но оставалась не долго. Тяжело ей было жить среди родныхъ, которые все смотрѣли на нее косо. Всѣ были недовольны ею.

Особенно же это было съ тѣхъ поръ, какъ пріѣзжалъ изъ города товарищъ прокурора. Онъ, дѣйствительно, пріѣзжалъ ради нея, даже въ ущербъ своимъ дѣламъ и очень цѣнилъ эту свою жертву. И въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ съ нею нѣсколько часовъ подрядъ. Это было при отцѣ Никифорѣ, который присутствовалъ молча.

И что же изъ всего этого вышло? Выслушала она всѣ доводы старшаго брата, товарища прокурора, и сказала:

— Мы съ тобой другъ друга не понимаемъ и никогда не поймемъ. И все, что ты говоришь мнѣ, можетъ быть и разумно и логично, но на другомъ языкѣ, въ которомъ я ничего не смыслю. А если я начну говорить тебѣ свое, то это тоже будетъ на чужомъ для тебя языкѣ, котораго ты не понимаешь. Такъ лучше я ужъ и говорить не буду.

Товарищъ прокурора былъ оскорбленъ. Онъ почувствовалъ, что его выписали изъ губернскаго города какъ будто для того, чтобы оставить въ дуракахъ. И онъ разсердился не только на Любу, но и на всѣхъ остальныхъ—и съ тѣхъ поръ ни разу даже не написалъ отцу Никифору. И за это на Любу вдвойнѣ сердились. По этому она предпочитала оставаться лѣтомъ въ своей маленькой квартиркѣ при школѣ, въ селеніи Вихры.

Наденька часто навѣщала ее, оставаясь у нея по нѣсколько дней. Но на этотъ разъ она поѣхала по приглашенію. Какой то мужикъ, ѣхавшій въ Кривую Балку по своимъ дѣламъ, привезъ ей письмо отъ Вихрянской учительницы. Любовь Никифоровна писала:

— Пріѣзжай скорѣе. Есть о чемъ потолковать. Кажется, будемъ сосѣдями.

И Надя, не теряя ни минуты, выпросила у отца лошадей и поѣхала въ Вихры.

Школа въ Вихрахъ была недавняя. Каменный домикъ, стоявшій неподалеку отъ волостного правленія, еще былъ лишенъ штукатурки. Школа была маленькая, душъ на тридцать, а квартира для учительницы состояла всего изъ одной небольшой комнаты.

Любовь Никифоровна устроилась въ этой комнатѣ отлично Тутъ стоялъ длинный диванъ, который на ночь она обращала въ кровать, письменный столикъ, этажерка, заставленная книгами и даже глубокое покойное кресло; которое она выпросила у отца Никифора.

Единственное окно въ комнатѣ выходило въ небольшой палисадникъ, въ которомъ школьники насажали кустовъ и цвѣтовъ. Отсюда было видно безбрежное поле, покрытое невысокими холмами. Воздухъ былъ дивный. Тишина нарушалась только лаемъ деревенскихъ собакъ, да чириканьемъ птицъ.

Когда пріѣзжала Надя и оставалась ночевать, Любовь Никифоровна устраивала ее въ школьной комнатѣ. Они сдвигали скамьи, клали на нихъ запасной тюфякъ и получалась отличная постель.

Наденька пріѣхала подъ вечеръ. Солнце еще не зашло, но жара уже ослабѣла, съ поля повѣялъ прохладный вѣтерокъ. Любовь Никифоровна стояла за воротами, очевидно, поджидая ее.

— Какъ ты долго, воскликнула она, цѣлуясь съ Надей, когда та сошла съ брички на землю.

— Развѣ такъ спѣшно?

— О, да, если хочешь, чтобъ мы были сосѣдями.

— Разумѣется хочу! И иначе не хочу!

— Ну, пойдемъ въ домъ. Тамъ разскажу.

Они вошли въ домъ. Темныя сѣни вели въ темную комнату, а оттуда была дверь въ жилище Любови Никифоровны. Въ передней, которая освѣщалась черезъ дверь изъ школьной комнаты, Надя стряхнула съ себя пыль и они пошли дальше.

— Въ чемъ же дѣло? спрашивала Надя.

— А вотъ въ чемъ: вчера ко мнѣ заѣзжалъ Васютинскій учитель Иванъ Семеновичъ... ты его знаешь. Онъ, вѣдь, изъ духовныхъ, изъ богослововъ. Ты знаешь онъ въ прошломъ году женился... Пріѣхалъ и повелъ такую рѣчь, что разстроилъ меня на цѣлый день...

— А что-же? Вѣдь онъ, кажется, славный...

— Славный, да слабый... Всѣ славные слабы. Въ этомъ вся бѣда. У него три мѣсяца тому назадъ родился ребенокъ.

Жена ослабѣла, болѣетъ, сама кормить не можетъ, пришлось взять кормилицу. Расходъ... Жену онъ любитъ страстно и, конечно, дрожитъ надъ ея здоровьемъ.

— Ну, что же дальше?...

— Ну, пріѣхалъ и затянулъ унылую пѣсню... Ты легко можешь сама себѣ это представить... Хорошо, молъ, отдавать всего себя дѣлу, когда ты одинъ... А чуть ты позволилъ себѣ капельку личнаго счастья, которое доступно же всѣмъ людямъ, такъ ужъ тебѣ со всѣми твоими стремленіями крышка.., Ну, а потомъ началось сомобичеваніе... Какіе молъ мы ничтожные, слабые, никакого дѣла не можемъ довести до конца... и такъ далѣе,.. Словомъ человѣкъ упалъ духомъ и растерялся. И вѣдь онъ правъ, Наденька, онъ вполнѣ правъ. На учительское жалованe личнаго счастья заводить нельзя... Но мы съ тобой, золото мое, не сдадимся, будемъ держаться нашего одиночества до послѣдней капли крови...

— О, еще бы!..

— Пусть говорятъ, что мы рыбы, безстрастныя, безчувственныя льдины... намъ это все равно....

— Ну, расхвасталась!.. Къ дѣлу Люба, къ дѣлу!

— Ахъ, да! Ну вотъ онъ и бросаетъ свою школу. Хочетъ просить архіерея, чтобы ему дали приходъ.

— Вотъ оно что!...

— Я его не осуждаю, Наденька. Твердымъ можетъ быть только одинокій, потому что онъ тутъ твердъ только за себя... А быть твердымъ за другихъ, да еще за слабыхъ— это очень трудно... Ну, значитъ, освобождается мѣсто и ты завтра же поѣзжай къ нашему инспектору и попроси его оставить мѣсто за тобой. Иванъ Семеновичъ еще никому не сказалъ, значитъ ты попросишь первая. А инспекторъ насъ съ тобой жалуетъ своей благосклонностью. Ну, значитъ, дѣло будетъ успѣшно и мы будемъ сосѣдями. И еще я тебѣ буду завидовать, потому что тамъ у тебя будутъ двѣ комнаты, цѣлый замокъ.

— Ну, эту комнату будешь занимать ты, когда будешь пріѣзжать ко мнѣ...

— Пѣшкомъ буду шляться. Вѣдь всего двѣнадцать верстъ... прогулка!

— Чудно! Ну что жъ, значитъ, сейчасъ ѣхать къ инспектору? Онъ вѣдь теперь въ уѣздномъ городѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, переночуй у меня и завтра раннимъ утромъ вмѣстѣ поѣдемъ. Кстати мнѣ надо побывать у своихъ, а то они дуются на меня.

Надя согласилась и было рѣшено завтра встать какъ можно пораньше и отправиться въ уѣздный городъ.

Инспекторъ народныхъ училищъ дѣйствительно благосклонно относился къ обѣимъ дѣвушкамъ. Это былъ человѣкъ осторожный, медлительный въ своихъ рѣшеніяхъ, даже подозрительный. Когда ему представлялась новая личность онъ начиналъ съ того, что подозрѣвалъ ее и смотрѣлъ на нее изъподлобья. Но зато, когда онъ узнавалъ человѣка и убѣждался, что его подозрѣнія напрасны, онъ весь становился на его сторону.

Такъ было съ Любовью Никифоровной. Уѣздные разговоры настроили его противъ нее, но личныя отношенія опровергли это и онъ повѣрилъ ей безусловно. Что касается Нади, то она была рекомендаціей и другомъ Вихрянской учительницы и этого было достаточно, чтобы инспекторъ согласился хлопотать о ней. Понадобилось всего двѣ недѣли, чтобы мѣсто, которое дѣйствительно оставилъ Иванъ Семеновичъ было отдано ей.

И вотъ, однажды, Надя, вернувшись изъ города, сказала отцу Василій и Авдотьѣ Филипповнѣ:—Ну, вотъ теперъ уже я могу сказать вамъ новость: я взяла мѣсто учительницы.

— Учительницы? въ одинъ голосъ воскликнули отецъ Василій и Авдотья Филипповна, гдѣ?

— А тутъ недалеко... въ селѣ Васютинскомъ.

И въ тотъ же мигъ глубокая тѣнь легла на лицахъ обоихъ стариковъ. Въ первую минуту у нихъ мелькнула мысль о мѣстѣ предложенномъ Антоніемъ въ городѣ. Но послѣ отвѣта Наденьки все стало ясно.

На другой день Надя собралась. Отецъ Василій, скрѣпя сердце поблагословилъ ее крестомъ, а Авдотья Филипповна только слезами. А Надя уѣзжала веселая, радостная, смѣющаяся и старики смотрѣли на нее и качали головами.

— Точно подарокъ какой нибудь драгоцѣнный получила, говорили они другъ другу, и глубокое недоумѣніе было у нихъ въ глазахъ.

Наденька водворилась въ Васютинской школѣ и стала „сосѣдкой" съ Любовью Никифоровной.

Въ Кривой Балкѣ дни потекли однообразно. Отецъ Василій и Авдотья Филипповна теперь уже откровенно съ каждымъ днемъ старѣли, какъ бы видя въ этомъ свое призваніе.

Наденька изрѣдка, когда выходило два праздничныхъ дня сряду, навѣщала ихъ и оба они гляля на нее, изумлялись: какая она спокойная, ровная, выдержанная; въ лицѣ

ни малѣйшаго унынія, ни тѣни страданія. Напротивъ, въ глазахъ ея свѣтится довольство удовлетворенности.

„Что это за люди такіе нынче пошли“? точно спрашивали о нихъ каждый себя и не находили отвѣта.

Это было въ морозный зимній день. Сельская дорога, степь и улицы уѣзднаго города были покрыты бѣлымъ снѣгомъ. Отецъ Василій поѣхалъ въ городъ на саняхъ навѣстить отца Никифора. Не было у него никакого дѣла, такъ просто потянуло.

— А, отецъ Василій! по обыкновенію встрѣтилъ его настоятель купеческой церкви, который тоже замѣтно постарѣлъ—усадилъ его въ кресло, предложилъ ему чаю и вообще былъ привѣтливъ и дружелюбенъ.

— Ну, вотъ, спасибо, что навѣстили, отецъ Василій, продолжалъ онъ. Намъ теперь съ женой скучно. Дѣти разбрелись и оставили насъ на старости однихъ. Да и вамъ тоже не весело, отецъ Василій.

— Нѣтъ, не весело, отвѣтилъ отецъ Василій... вотъ послѣдняя дочка ушла на мѣсто сельской учительницы.

— Какъ и моя...

— Да, какъ и ваша, отецъ Никифоръ...

Отецъ Василій замолчалъ, внутренно переживая грустное чувство, вызванное разговоромъ. Но у отца Никифора въ лицѣ не было ни унынія, ни недовольства. Въ этомъ лицѣ явилась новая черта—примиреніе. Онъ положилъ руку на плечо отца Василія и сказалъ:

— Не грустите, отецъ Василій и не питайте недовольства... Я много, много подумалъ объ этомъ и вотъ перемѣнилъ мнѣніе. И знаете, что я вамъ скажу, отецъ Василій: Смотрю я на нихъ, на нашихъ младшихъ дочекъ и думаю: Нѣтъ, не упрека онѣ заслуживаютъ, а похвалы, и не простой нашей человѣческой похвалы, а какой то особенной духовной. Мы всѣ земные, отецъ Василій. Мы привязаны къ землѣ и къ ея благамъ а онѣ—обѣ молодыя, съ красивыми личиками, съ образованіемъ, что имъ мѣшало воспользоваться такими же земными благами? Ничто! Берите сколько хотите, а вотъ отказались же. Сами отказались. Не въ силу обстоятельствъ, какъ инымъ приходится, а сами, добровольно. Такъ это ужъ святость, отецъ Василій, прямо святость! Вотъ мы съ вами духовныя особы, духовный санъ на себѣ носимъ. А что въ нашей жизни духовнаго? Всю жизнь добивались мы земныхъ благъ для себя и для нашихъ семей... Плодились, умножали матеріальныя средства, боролись изъ за доходовъ, изъ за наградъ, изъ за лучшаго положенія. Само

собою все это по слабости человѣческой. Конечно, мы исполняли возложенныя на насъ закономъ обязанности, но скажите, положа руку на сердце—главное ли это было? А онѣ отъ своего личнаго блага отказались ради просвѣщенія ближняго, ради темнаго брата. Да, отецъ Василій, онѣ выполняютъ то, къ чему были призваны мы... Онѣ нашъ крестъ возложили на свои рамена и несутъ его и несутъ... и не осужденія нашего достойны онѣ, отецъ Василій, а благоговѣнія... Развѣ это не такъ?

— Охъ, может и такъ, можетъ и такъ... отвѣтилъ отецъ Василій и задумался и его старческіе глаза просвѣтлѣли.

И. Потапенко.

*
* *

Прохладой пахнуло съ рѣки,
Чуть слышно волна трепетала,
Далекая пѣснь прозвучала,
Угасли вдали огоньки...

Ужъ ночь надъ заснувшей землей
Спустила свое покрывало,
Лишь сердце томилось тоской,
Лишь сердце покоя не знало...

И съ тяжкою болью изъ глазъ
Катилась слеза за слезою...
Зачѣмъ въ этотъ горестный часъ
Никто не поплачетъ со мною!..

А. Боанэ.

СРЕДИ НАРОДА.

Романъ П. Розеггера.

(Продолженіе).

Сорокъ четвертое воскресенье.

Я долженъ тебѣ отвѣтить еще на одинъ твой вопросъ. Несмотря ни на что—нѣтъ, голода мы не терпимъ.

Голода на лонѣ матери-земли не бываетъ. Онъ извѣстенъ только въ городѣ. Конечно, я разумѣю не потребность ѣсть устрицъ, дорогія закуски. Горожанинъ съ хорошимъ положеніемъ, знающій, что по близости люди погибаютъ отъ дѣйствительнаго голода и отъ холода не могутъ покинуть своихъ темныхъ угловъ, гдѣ плачутъ, приходятъ въ отчаяніе и проклинаютъ свою жизнь,—всетаки можетъ сидѣть спокойно въ оперѣ и наслаждаться жизнью. Въ городахъ голодъ и нужда бѣдняковъ служатъ матеріаломъ для новѣйшаго искусства и художественнымъ противовѣсомъ собственнаго избытка! Представьте себѣ, что плоть отъ вашей плоти погибаетъ отъ неимѣнія корки хлѣба,—и вы иначе будете глядѣть на міръ Божій! Скажи же имъ, изучающимъ все на свѣтѣ, чтобы они изучали голодъ, находящійся въ ихъ непосредственномъ сосѣдствѣ.

Здѣсь болѣе бѣдный отправляется къ менѣе бѣдному и получаетъ пищу. Кульмбокъ хоть негодуетъ на нищихъ, но все же надѣляетъ ихъ и хлѣбомъ, и молокомъ. Покойный Адамъ всегда извинялся, когда не могъ удѣлить много нищему.

— Ты долженъ быть доволенъ и этимъ малымъ... Намъ тоже не легко приходится. Но что даю, то даю отъ души.

Теперь мнѣ много надо возиться со старухой. Страхъ за Рохерля доводитъ ее до полнаго отчаянія.

— Если бы онъ умеръ дома! восклицаетъ она.—Это было бы лучше! Я бы не знала, какъ благодарить за это Бога. А Валентинъ? Одинъ не хочетъ вернуться, другой не можетъ вернуться! Горе мнѣ съ дѣтьми!

Рохерль пропалъ совершенно. О немъ ни слуху, ни духу. Въ первое время мы думали, что онъ вернется, когда платье его изорвется и начнетъ дуть холодный вѣтеръ. Теперь дуетъ холодный вѣтеръ, мы три раза напрасно ходили его разыскивать, и теперь не знаемъ, что дѣлать.

— Кто ему теперь руку перевяжетъ?—иногда говоритъ Барбель. Это всего больше меня разстраиваетъ. Не его рука, а ея забота.

— Онъ вѣрно самъ себѣ перевязываетъ руку, говорю я.— Лѣвой рукой и зубами.

— Вѣрно охотникъ его убилъ! горюетъ мать.

— Охотникъ? Да онъ свою собственную руку готовъ отдать за руку Рохерля!

— Такъ страшно, такъ страшно за него! печалится старуха.

Барбель теперь гораздо бодрѣе, чѣмъ мать. Она мало говоритъ о братѣ, а о Гвидо и не вспоминаетъ. Женихъ, по правдѣ сказать, не особенно за ней ухаживаетъ; мнѣ кажется, что и видятся то они не всякое воскресенье. Свадьбу опять отложили. На этотъ разъ это вина портного, который не можетъ скоро сшить платье для жениха. Конечно, ему необходимы великолѣпные суконные брюки! Это понятно... Гвидо! Гвидо! влюбленный не сталъ бы дожидаться новыхъ брюкъ, чтобы жениться...

Священникъ въ проповѣди даже намекнулъ на это обстоятельство, толкуя притчу о брачномъ пирѣ. Ты знаешь эту притчу. Когда приглашенные гости не явились, царь велѣлъ позвать людей съ улицы, и разгнѣвался, когда явился на пиръ одинъ человѣкъ безъ брачной одежды, и приказалъ бросить недостойнаго гостя въ темницу. Не одинъ ученый богословъ сломалъ себѣ зубы объ этотъ евангельскій орѣхъ; но гойзендорфскій священникъ не смутился, а сказалъ слѣдующее:

„Вы, вѣроятно, сочтете этого царя за большого дурака, друзья мои. Онъ приказываетъ поскорѣе созвать съ улицы бродягъ, а потомъ удивляется, что они пришли не въ праздничной одеждѣ. Вы конечно сумѣли бы поумнѣе сочинить притчу! Но я скажу вамъ, что Господь Іисусъ Христосъ былъ совершенно правъ въ своей притчѣ. Онъ вовсе не имѣлъ въ виду внѣшняго брачнаго одѣянія. Какое дѣло

Христу до нарядныхъ тряпокъ? Нѣтъ, Онъ говорилъ о внутреннемъ одѣяніи, объ украшеніи души, о добродѣтеляхъ. А такую одежду долженъ всегда имѣть на себѣ всякій человѣкъ, и во время работы, и во время веселья, ибо онъ знаетъ, что вдругъ могутъ позвать его на брачный пиръ. Эта внутренняя праздничная одежда, разумѣется, у людей не въ модѣ; въ модѣ наряжать въ пестрыя тряпки мѣшокъ съ мусоромъ. Многіе думаютъ, что въ праздникъ Пасхи важна не чистота сердца, а большой пучокъ перьевъ на шляпѣ, и часто женихъ не женится тогда, когда этого требуетъ любовь, и ждетъ, пока будутъ готовы его новые суконные брюки!"

Это было недурно. Многіе даже оглянулись на учителя. Барбель же, повидимому, привыкла ждать, и это ея не тревожитъ. Ну, тогда и мнѣ нечего тревожиться.

Этотъ Гвидо Винтеръ порядочный оселъ, надо правду сказать...

Сорокъ пятое воскресенье.

Семья Кульмбока и семья Адама между собою родственники, а между тѣмъ это точно двѣ различныя расы. Кто откроетъ мнѣ эту тайну первороднаго грѣха, который у однихъ обращается въ хрюкающую низость, у другихъ—въ трагическую вину?

Трагическая вина на сторонѣ болѣе благороднаго вида. Ты всегда мнѣ это говорилъ, и я могу это подтвердить примѣромъ изъ семьи Адама.

Въ день всѣхъ святыхъ (1-го ноября) старуха и Барбель зажгли свѣчу на могилѣ отца, вылили на могильный холмъ бутылку святой воды и помолились за его душу. Барбель, стоя на колѣняхъ, погрузилась въ такую глубокую задумчивость, что не замѣтила, какъ мать встала и пошла домой. Скоро дѣвушка начала плакать.

Я увидѣлъ это сквозь живую изгородь и когда я зашелъ за уголъ, то встрѣтилъ учителя. Я посовѣтовалъ ему отправиться на кладбище и тамъ постараться утѣшить одну человѣческую душу.

Онъ пошелъ на кладбище, постоялъ немного около дѣвушки, не зная, что ей сказать.

— Барбель,—сказалъ онъ наконецъ,—чего ты такъ убиваешься? Это ни къ чему не ведетъ. Вставай, на сырой землѣ такъ лежать нездорово.

Она встала и пошла рядомъ съ нимъ.

— А что ты скажешь,—промолвилъ онъ,—если я заведу корову?

— Ну, съ этимъ дѣло поспѣетъ,—замѣтила она.

— Но если мы обвѣнчаемся въ нынѣшній мѣсяцъ? Корову я ужъ купилъ.

Тогда она развеселилась и вдругъ засмѣялась надъ тѣмъ, что учитель завелъ себѣ скотъ. Корову, дѣйствительно, учитель почти что пріобрѣлъ—хорошую корову, недавно отелившуюся въ первый разъ и дающую много молока. Барбель подробно разспрашивала все о коровѣ и, наконецъ, воскликнула.

— Гвидо, Гвидо! У насъ будетъ своя корова!

— Можетъ быть, я всецѣло себя посвящу сельскому хозяйству и перестану учительствовать. По правдѣ сказать, я не чувствую влеченія къ учительству, да и какой я учитель! Только нужда заставила меня взяться за это дѣло. Лучше займу гдѣ нибудь денегъ и устрою образцовое хозяйство.

Это недурно было бы. Правда, пока изъ этого хозяйства на лицо одна корова, да и за ту не все заплачено, но идея хороша.—Невесело у меня на душѣ, другъ.

Вернувшись изъ церкви домой, мы застали портниху, которая явилась шить подвѣнечное платье для Барбель. Портниха хочетъ шить очень нарядное платье, съ подобіемъ кринолина. Бѣлое платье съ зеленымъ вѣнкомъ уже Барбель не годится, а потому портниха хочетъ шить голубое, съ разными рюшами, бантиками, пуговками и пр. Но Барбель упорно требуетъ самаго простого наряда, въ которомъ можно было бы коровъ доить.

Вечеромъ, когда мы всѣ сидѣли за столомъ, вокругъ портнихи, разложившей свои матеріи, вдругъ заскрипѣла дверь и въ комнату неистово ворвался какой-то человѣкъ.

— Господи, воскликнули одновременно мать и дочь. — Господи! Рохерль!

Это дѣйствительно былъ Рохерль. Растрепанный, оборванный, словно обезумѣвшій! Правая рука его свѣшивалась внизъ, лѣвою онъ держался за воротъ. Онъ отшатнулся отъ матери и отъ сестры, присѣлъ въ углу у печки и принялся ревѣть и стонать.

— Боже мой, что же это такое?—воскликнула Барбель.— У тебя рука не на перевязи!

Онъ знаками показалъ ей, чтобы она не подходила, закрылся рукавомъ и сталъ такъ вздыхать, что мы всѣ были потрясены. Мы столпились вокругъ него, осыпали его вопросами, откуда онъ пришелъ, что это означаетъ? Барбель, плача,

принесла воды и хотѣла дать ему напиться. Но онъ вдругъ вскочилъ, и оттолкнулъ ее такъ сильно, что кувшинъ выпалъ у нея изъ рукъ и разбился.

— Видѣть тебя не хочу, несчастье ты мое! процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Первая наша мысль была, что онъ помѣшался. Мать взяла его за руку.

— Дитя мое, ты пугаешь насъ до смерти. Что же случилось? Говори же, Рохерль! Вотъ ты теперь опять дома, опять съ нами. Много мы о тебѣ горевали—Богу это извѣстно. Но я все забуду отъ радости, что ты опять здѣсь. Ты болѣлъ? Поплачь хорошенько у меня, потомъ легче станетъ. Любимое дитя мое...

Никогда еще не слышалъ я, чтобы эта рѣзкая женщина говорила такимъ тономъ. Юноша началъ дрожать всѣмъ тѣломъ; когда онъ хотѣлъ встать, колѣни подъ нимъ подгибались, и онъ бросился на полъ передъ матерью:

— Мать, я этого не достоинъ!... Только увидѣть васъ—увидѣть одинъ разъ... Потомъ я пойду уже туда, куда меня погонятъ...

— Но что же ты сдѣлалъ?...

— Мать, я жить не хочу!—закричалъ онъ, ломая руки. Мать, не глядите на меня. Вы мнѣ не простите, не *можете* мнѣ простить... Простите, когда меня уже не будетъ...

У всѣхъ насъ языкъ прилипъ къ гортани. Мы стояли молча, какъ мертвые. Вдругъ юноша успокоился, всталъ, сѣлъ на бревно и казался почти-что овладѣвшимъ собою.

— Да, милые люди,—сказалъ онъ, вперивъ взоръ въ землю,— Господь Богъ меня покинулъ. Теперь все кончено. Не изъ злобы я это сдѣлалъ, а оттого, что я скверный человѣкъ. Сколько времени я это обдумывалъ. Ты *долженъ* это сдѣлать, день и ночь нашептывалъ мнѣ лукавый. Изъ-за нея все! Все изъ-за нея!—И онъ дрожащимъ пальцемъ указалъ на сестру.—А я такъ любилъ ее! Какъ никого на свѣтѣ! А изъ за нея *такъ* все кончилось!...

Тутъ ужъ мать съ гнѣвомъ закричала:—Говори же, что случилось!?

— Застрѣлилъ я его!

Барбель вскрикнула такъ страшно, что крикъ ея до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ. Все кругомъ затихло въ такомъ ужасѣ, что, казалось, и звѣзды на небѣ должны остановиться.

Горе всей семьи ты долженъ себѣ представить самъ, изобразить его невозможно. Весь домъ наполнился рыда-

ніями. Но вдругъ трагическое положеніе приняло другой оборотъ. Тихонько отворилась дверь и неувѣренный голосъ произнесъ:—Если у васъ такъ весело, то и я хочу быть съ вами!

Тутъ Рохерль закричалъ вторично и спряталъ свое лицо въ складкахъ одежды матери: онъ понялъ, почему Барбель бросилась, и смѣясь, и плача, навстрѣчу вошедшему.

Но это не былъ духъ застрѣленнаго учителя, какъ думалъ Рохерль. Это былъ Гвидо, настоящій учитель, съ плотью и кровью. Рохерль, однако, не сразу этому повѣрилъ, и только спустя нѣкоторое время рѣшился взглянуть на рябое лицо въ мѣховой шапкѣ. Потомъ онъ подошелъ къ Гвидо и сказалъ сухимъ тономъ:

— Слава Богу, учитель, что ты живъ. Я же остался въ дуракахъ.

Гвидо очень задумчивъ и молчаливъ. Ему говорить нечего. Повидимому онъ пришелъ только пожаловаться, что жизни его грозитъ опасность.

— Пойди, умойся, Рохерль, говоримъ мы.

Юноша, шатаясь, пошелъ къ колодцу, нѣсколько разъ подрядъ окунулъ голову въ холодную воду, потомъ усѣлся у колодца. Я вынесъ ему плащъ старика Адама.

— Это ты, Ганзель? Побудь со мною. Ты не можешь себѣ представить, каково у меня на душѣ! Какъ хорошо, что я никого не убилъ! А мнѣ вѣдь показалось, что я убилъ учителя. А если бы я убилъ его, меня бы повѣсили, теперь же я сдѣлался дуракомъ, мой милый Гансъ...

Но въ сущности съ приходомъ Рохерля на домъ этотъ снизошла благодать Божія...

Сорокъ шестое воскресенье.

Еще кое-что новое, дружище. Благодать Божія, посѣтившая насъ, принимаетъ все бòльшіе размѣры...

Въ четвергъ, когда я гналъ скотину домой, мнѣ попался навстрѣчу охотникъ Конрадъ. Онъ весело поздоровался со мною и спросилъ, вернулся ли Рохерль?

— Вернуться-то вернулся, да и у васъ, охотниковъ, стрѣлять научился.

— Но теперь, пожалуй, отучится.

— Господи, да вѣдь онъ могъ попасть въ человѣка!

— Попасть не трудно, возразилъ охотникъ,—но ружье у него было плохо заряжено.

Тутъ я сообразилъ, что Конраду кое-что извѣстно, и выпыталъ у него, въ чемъ дѣло.

Охотникъ разсказалъ мнѣ, что уже давно Рохерль казался ему подозрительнымъ и что то замышляющимъ противъ учителя. Нѣсколько разъ отнималъ онъ у парня ружье, но всегда онъ доставалъ себѣ другое. Наканунѣ своего возвращенія, онъ былъ цѣлый день въ лѣсу, а ночью пошелъ въ Гойзендорфъ и сталъ бродить около школы. Охотникъ самъ наканунѣ былъ въ окрестностяхъ Гойзендорфа и зашелъ къ одной бабѣ выпить стаканъ молока. Сюда же явился учитель торговать у этой бабы корову.

Охотникъ продолжалъ: — Пока я стоялъ и прощался съ женщиной, я увидѣлъ вдругъ въ темномъ овинѣ Рохерля, который въ щелку глядѣлъ на учителя и слышалъ, что онъ условливался прійти за коровой на другой день. Я проводилъ учителя домой. Онъ былъ молчаливъ и не особенно доволенъ моей компаніей... Да и о чемъ намъ было говорить... Но я не отходилъ отъ него. На другой день я съ утра опять отправился туда-же и недалеко отъ хижины встрѣтилъ Рохерля, но онъ не отвѣчалъ на мои разспросы и убѣжалъ. Я вхожу въ овинъ, гдѣ мой молодецъ провелъ ночь и въ сѣнѣ нахожу его ружье—заряженное какъ слѣдуетъ. Ружье словно приготовлено для учителя, когда онъ придетъ за коровой. Вотъ безумный, думаю я. Ружья я на этотъ разъ не возьму, а другую штуку съ нимъ сыграю. Заплачу тѣмъ за прострѣленную руку. Изъ руки я у тебя не могу вынуть пулю, а изъ ружья могу. Выстрѣлъ раздастся и безъ пули... Я такъ и сдѣлалъ: вынулъ пулю, снова вложилъ патронъ и засунулъ ружье опять въ сѣно. Потомъ я самъ притаился тутъ же, за сѣномъ. Въ щель мнѣ видна была дорога. Тутъ я пролежалъ цѣлый день, все сомнѣваясь, дѣйствительно ли Рохерль хочетъ стрѣлять въ учителя, а не въ оленя. Послѣ обѣда тихонько прокрался въ овинъ и Рохерль и вытащилъ ружье. Я могъ наблюдать за нимъ. Онъ такъ и прильнулъ къ щели въ стѣнѣ и все глядѣлъ на дорогу. Сначало все было тихо, ничего не было слышно, кромѣ карканья воронъ. Вдругъ что-то показалось на дорогѣ—это былъ учитель съ веревкой черезъ плечо и съ палкой—онъ шелъ за коровой. Рохерль выпрямился и поднялъ лѣвой рукой ружье. Чортъ возьми! думаю я. За учителемъ бѣгутъ два ученика. Всѣ они проходятъ мимо и исчезаютъ. Рохерль не выстрѣлилъ, вѣрно изъ-за мальчишекъ. Теперь надо ждать, когда онъ назадъ пойдетъ, и Рохерль уже не выпускаетъ изъ рукъ ружья. Опять стали мы ждать. Но все никто не шелъ. Появилась на дорогѣ козуля, но Рохерль не выстрѣлилъ. Начало смеркаться, и юноша отъ нетерпѣнія сталъ то-

пать ногами. Глаза его горѣли. Вдругъ онъ услышалъ шаги— это учитель шелъ со своей коровой. Когда они подошли къ овину, раздался выстрѣлъ. Корова отскочила въ сторону, учитель упалъ. Что это значитъ? Рохерль вскрикнулъ неистово, никогда въ жизни не слыхалъ я такого крику. Потомъ онъ выскочилъ изъ овина и убѣжалъ. Я бросился къ учителю, который уже успѣлъ встать и уйти вмѣстѣ со своей коровой: это она, отскочивъ, потянула его за собой, а больше, слава Тебѣ Господи, ничего не случилось. Но только я видѣлъ, какъ Рохерль бѣжалъ, какъ безумный. Я кричалъ ему вслѣдъ, но онъ меня не слышалъ...

Таковъ, другъ мой, охотникъ Конрадъ. Не ожидалъ я этого отъ него, да и не думалъ, что есть на свѣтѣ такіе люди. Свершилось чудо—и нашъ малый спасенъ, а съ нимъ и всѣ мы спасены. И теперь онъ сталъ другой, совсѣмъ, совсѣмъ другой...

Приписка! Ты сочтешь меня за сумасшедшаго— за безумца, который вдругъ такъ развеселился, что и трагедіи заставляютъ его смѣяться. Но, согласись, вѣдь можно было помѣшаться при такихъ ударахъ судьбы, какіе поразили домъ Адама. Когда я кончалъ письмо къ тебѣ, явился Рохерль внѣ себя отъ радости, что-то высоко держа въ рукѣ:
—Она вышла! Она вышла! Пуля-то! Рука моя будетъ здорова!

Со времени возвращенія Рохерля у него сильно болѣла рука, которой не становилось лучше ни отъ какихъ пластырей и мазей. Рана недавно открылась и начала гноиться. Барбель каждый день заботливо перевязывала руку. Сегодня, когда она сняла перевязку, что-то упало на полъ. Это былъ маленькій продолговатый кусочекъ свинца, и Рохерль увѣряетъ, что боли у него больше нѣтъ. Спроси, пожалуйста, врача, могутъ ли душевныя волненія—страхъ, тревога и проч.—вытянуть изъ тѣла пулю? Если нѣтъ, то какъ объяснить это явленіе?..

Сорокъ седьмое воскресенье.

Замѣчаю, что я уже больше не пишу тебѣ воскресныхъ писемъ, а всякое воскресенье излагаю новую главу романа.

Работа наша теперь начинаетъ сосредоточиваться въ домѣ, въ сараѣ и въ хлѣву, какъ всегда бываетъ въ концѣ года. Только за хворостомъ поѣхали мы въ лѣсъ на саняхъ, причемъ я такъ неловко ступилъ на снѣгъ, что повредилъ себѣ ногу, и Рохерль долженъ былъ привезти меня домой. Нѣсколько дней пролежалъ я въ моей каморкѣ, въ темнотѣ, вдыхая ароматъ хлѣба. Тяжело мнѣ это было. Барбель при-

носила мнѣ пищу, прибирала немного и безчеловѣчно оставляла меня одного. Хотѣли позвать для меня Маренцель, но я настоялъ на холодныхъ компрессахъ, и теперь моей ногѣ остается только выздоровѣть.

Я теперь только понялъ, что такое холодный, темный ноябрьскій вечеръ. Меня такъ и тянетъ въ городъ, и я началъ раскаиваться въ своихъ жестокихъ словахъ по адресу новѣйшей культуры. Надъ домомъ Адама опять небо проясняется — больной выздоравливаетъ, собираются играть свадьбу. А между тѣмъ, какъ чувствуется недостатокъ культуры, какъ все жалко и грустно кругомъ. Какъ славно было бы тутъ, если бы былъ у насъ хорошенькій домикъ, въ швейцарскомъ стилѣ, въ немъ—старинная мебель, плита, печи, шкапъ съ книгами, рояль—даже рояль! Потомъ удобныя постели съ пуховыми подушками и пуховиками, хорошо изготовленная пища... Неужели все это испортило бы дѣло? А въ комнатѣ — диванчикъ, электрическая лампочка, и прежде всего—врачъ, который осмотрѣлъ бы мою ногу и вылечилъ ее!

Я замолчу, милый другъ, такъ какъ и спору не можетъ быть о томъ, чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе — отсутствію ли потребностей или культурѣ. Признаюсь, что произведенія природы только при помощи культуры и промышленности доводятся до того совершенства, которое достойно человѣка. Соглашаюсь, что между деревней и городомъ слѣдуетъ перекинуть мостъ, я самъ пропою хвалебный гимнъ торговлѣ и скажу, что крестьянскій дворъ — это маленькое государство, а государство—большой крестьянскій дворъ. И тутъ и тамъ мы видимъ производство и потребленіе, и тутъ и тамъ сообщеніе увеличиваетъ цѣнности. Что для государства представляютъ собою желѣзныя дороги, то для крестьянскаго двора являетъ собою телѣга. На ней возятъ хлѣбъ съ поля на гумно, затѣмъ на мельницу, потомъ въ булочную—и на каждой станціи цѣнность полевого продукта возрастаетъ. Я пришелъ къ тому заключенію, что слѣдуетъ только разумно пріобщить крестьянство къ общей культурѣ. Когда это случится, то городской житель пойдетъ въ деревню даромъ, не ожидая награды въ двадцать тысячъ кронъ, даже самъ заплатитъ за удовольствіе насладиться жизнью среди природы и притомъ въ культурныхъ условіяхъ. И когда намъ удастся соединить старинную честность и чистоту души съ новѣйшею спосообностью наслаждаться и съ новѣйшимъ отсутствіемъ предразсудковъ,—тогда начнется новая эпоха... И человѣкъ, который будетъ изо дня въ день

записывать событiя этой эпохи и разумно обсуждать ихъ, — будетъ тѣмъ журналистомъ съ сильной душой, который возвыситъ эту дѣятельность до того, что она сдѣлается каѳедрой, откуда будетъ поучаться человѣчество...

Такъ какъ я не могу работать руками, то мысли мои дѣйствуютъ тѣмъ усерднѣе. Какъ бы я хотѣлъ устроиться по своему желанiю! Поселиться гдѣ-нибудь въ горахъ—въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имѣется удобное сообщенiе съ городомъ—въ хорошо устроенной усадьбѣ. Имѣть молодую, здоровую жену, которая ведетъ хозяйство, самому работать и въ полѣ, и на лугу, и въ лѣсу, и въ саду, а по воскресеньямъ предаваться изящнымъ искусствамъ и писать... о другъ, какъ это было бы чудесно!

Пока я строю подобные воздушные замки, нога моя заживаетъ и мнѣ даже плясать хочется. Но отчего затянулась опять свадьба? Проходитъ недѣля за недѣлей и ничего не слышно. [illegible]ной, вѣроятно, уже изготовилъ „внѣшнее одѣя[illegible] человѣка. Гдѣ же „внутреннее одѣянiе?“

Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ письмецомъ, которое мнѣ вчера принесъ Францель отъ учителя. Пишетъ онъ слѣдующее:

Дорогой Гансъ!

Послѣ извѣстныхъ событiй послѣдняго времени мнѣ долѣе оставаться въ Гойзендорфѣ невозможно. Я не расположенъ подвергать свою жизнь опасности изъ за прихотей свихнувшагося человѣка, который проявляетъ свои братскiя отношенiя посредствомъ свинца и пороха. Найдя себѣ временнаго замѣстителя, я уѣзжаю завтра, чтобы искать себѣ средствъ къ существованiю въ другомъ мѣстѣ. Съ помощью какого-нибудь бывшаго товарища мнѣ это, надѣюсь, удастся. Изъ этого само собою разумѣется, что свадьба моя не можетъ состояться раньше начала будущаго года. Я считаю себя обязаннымъ стремиться къ тому, чтобы создать для Барбель лучшее положенiе, чѣмъ положенiе жены сельскаго учителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаю моей невѣстѣ, что я по возможности скоро вернусь для исполненiя моего слова.

А пока желаю тебѣ скорѣе поправиться и шлю тебѣ множество привѣтствiй.

Твой Гвидо Винтеръ.

Такъ вотъ что пишетъ учитель.

Я съ любопытствомъ рѣшилъ слѣдить за лицомъ Барбель, когда она принесетъ мнѣ ужинать. Но въ этотъ ве-

черъ явилась ко мнѣ старуха. У меня вертѣлся на языкѣ вопросъ, какъ приняла извѣстіе Барбель, но не хватило духу его выговорить. Сегодня она, однако, пришла, принесла мнѣ обѣдъ, была весела, смѣялась звонко, какъ колокольчикъ, заботливо освѣдомилась о моей ногѣ, спросила скоро ли я приду въ общую комнату, гдѣ веселѣе и упорхнула.

Веселѣе тамъ, въ теплой комнатѣ, гдѣ тихо смотритъ въ окно бѣлая зима, гдѣ Барбель шьетъ и распѣваетъ пѣсенки и грустная, и шутливая! Еще бы!

Сорокъ восьмое воскресенье.

Съ удовольствіемъ сообщаю тебѣ о томъ положеніи, въ какомъ находится теперь „извѣстное обстоятельство“. Послѣднее извѣстіе, полученное отъ моего адвоката, гласитъ, что онъ посѣтилъ г-на Штейна, но ничего отъ него узнать не могъ. Всякій разъ, какъ заходила рѣчь о нашемъ пари, Штейнъ перемѣнялъ тему разговора. Наконецъ, адвокатъ прямо спросилъ, когда г-нъ Штейнъ намѣренъ уплатить за свое проигранное пари.

— Ахъ да, пари!—отвѣчалъ Штейнъ,—это еще успѣется!

Затѣмъ онъ сказалъ вѣжливо, но рѣшительно: — Извините меня, милѣйшій, мнѣ необходимо тотчасъ же просмотрѣть почту. Я рабъ своей газеты!

— Къ сожалѣнію,—возразилъ адвокатъ,—я не могу удовлетвориться вашимъ отвѣтомъ насчетъ извѣстнаго вамъ дѣла. Мнѣ поручено узнать, въ какомъ оно положеніи?

— Мнѣ думается, что сначала слѣдовало бы дать истечь году, во-первыхъ, чтобы знать, выиграетъ ли г-нъ Траутендорфъ пари, а затѣмъ, чтобы убѣдиться, стану ли я артачиться выплатить ему? Какое основаніе имѣете вы не довѣрять мнѣ?

— До моего кліента дошли нѣкоторые слухи, которые его встревожили.

— И возможно, что онъ безпокоится не даромъ. Вы знаете условія пари. Оно состояло въ томъ, что я обязался уплатить двадцать тысячъ кронъ г-ну Траутендорфу въ томъ случаѣ, если онъ прослужитъ въ батракахъ цѣлый годъ, отъ 1-го января до 31-го декабря. Но у меня есть письма, въ которыхъ вашъ кліентъ самъ подробно излагаетъ, что почти весь январь мѣсяцъ проискалъ мѣста. Итакъ, условія нашего пари оказываются невыполненными, и я даже не понимаю, какъ можетъ возникать вопросъ о какомъ-ни-

будь обязательствѣ съ моей стороны... Впрочемъ, я буду оченъ радъ, если судъ разсмотритъ это дѣло.

Такъ вотъ въ какомъ положеніи мои дѣла, другъ мой! Ты очень неосторожно поступилъ, одолживъ мнѣ денегъ. Я же былъ крайне неостороженъ, намѣреваясь спасать пѣлыя семьи и создавать новыя. Если я затѣю процессъ, онъ протянется нѣсколько лѣтъ, и я еще, пожалуй, останусь въ дуракахъ. Но такая честь меня мало соблазняетъ. Ты только подумай, какъ я легкомысленъ: карьера журналиста для меня болѣе невозможна, изъ за какого-то безумнаго мечтанія я сдѣлался мужикомъ и въ качествѣ послѣдняго, еще собираюсь жениться!

Теперь, другъ дорогой, слушай внимательно, что я разскажу тебѣ.

Нынче передъ обѣдомъ, пока наши были въ церкви, я рѣшилъ попытаться перейти со своей больной ногой черезъ дворъ въ домъ, чтобы посидѣть съ Барбель, которая одна осталась дома. Это путешествіе оказалось не слишкомъ труднымъ. Она, какъ всегда, была занята. Нѣсколько дней тому назадъ мать зарѣзала овцу, и Барбель растапливала на сковородѣ баранье сало и затѣмъ выливала его въ формы для свѣчей, сквозь которыя уже были пропущены фитили. Наполненные такимъ образомъ жестяные цилиндры вывѣшиваются за окно, гдѣ сало быстро застываетъ, такъ что черезъ нѣсколько минутъ она вынимаетъ изъ формы готовыя, гладкія, бѣлоснѣжныя свѣчи. Все это она производитъ такъ ловко и опрятно, точно это ея ремесло. Эти люди вѣдь все умѣютъ дѣлать. Настоящій крестьянскій домъ — это колыбель всякаго первобытнаго производства и промышленности, а настоящій мужикъ—человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова.

— Да ты бѣгаешь, какъ хорекъ! — сказала Барбель при видѣ меня.

— Или, вѣрнѣе, ползаю, какъ улитка, но только безъ домика.

— А смѣшно было бы, если бы человѣкъ таскалъ свой домъ на горбу.

— Барбель, вовсе это не было бы смѣшно. Подумай только, что одинъ могъ бы тогда помѣститься въ домикѣ— совсѣмъ одинъ.

Она ничего на это не отвѣтила, мы оба замолчали. Я спросилъ ее, не отливаетъ ли она себѣ уже свадебныхъ свѣчей?

— А развѣ нужны свѣчи на свадьбу?

— Разумѣется, для танцевъ.

Опять молчаніе. Она кончила работу, прибрала вещи и ушла въ свою горенку. Я остался одинъ и сталъ обдумывать, какъ бы мнѣ лучше привести въ исполненіе свое желаніе.

Такъ какъ она не возвращалась, то я вышелъ изъ дому и увидѣлъ въ окошко, что она стоитъ на колѣняхъ въ своей горенкѣ и молится. Отчего она не позвала меня молиться вмѣстѣ? Что она имѣетъ противъ меня? И вдругъ мнѣ стало такъ больно, такъ обидно...

Потомъ я выругалъ себя мысленно и снова вошелъ въ домъ. Тамъ, для препровожденія времени, я сталъ колоть лучину. Спустя немного, она вернулась.

— Ты лучину колешь, Ганзель?

— Приходится и въ воскресенье работать, когда на молитву не приглашаютъ.

— И въ воскресенье нельзя сложа руки сидѣть. Оттого и я свѣчи дѣлала.

— Ты—свѣчи, я—лучины! Можетъ быть, и станетъ отъ этого свѣтлѣе...

Молчаніе.

— Барбель,—наконецъ не выдерживаю я,—скажи же на милость, что же это со свадьбой? Вѣдь и намъ надо къ ней приготовиться.

— Съ этимъ нечего торопиться, милый Гансъ.

— Вѣдь опять отложено?

— Можетъ быть.

— А на сколько времени?

— Почемъ я знаю!—сказала она спокойно.

Я нетерпѣливо откалываю лучину.

— Кто привыкъ ждать, тотъ не спрашиваетъ, когда что будетъ,—прибавила она.—Этого вообще не должно быть.

Опять молчаніе. Я встаю, прохожу по комнатѣ, и взгляды наши нѣсколько разъ встрѣчаются...

— Не терплю я этихъ проволочекъ!—вдругъ восклицаю я.—Вы все откладываете да откладываете, а теперь онъ, пожалуй, сбѣжалъ.

— Вѣрно, онъ занятъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Кажется, онъ хочетъ и дѣятельность свою перемѣнить?

— И хорошо сдѣлаетъ.

— А если онъ и для семейной жизни такъ же мало годится, какъ для школы?

Она ничего не говоритъ, раздуваетъ угли въ печкѣ и, когда ея нѣжное личико озаряется краснымъ отблескомъ

огня, замѣчаетъ:—Мнѣ кажется, что онъ больше не думаетъ серьезно о бракѣ. Онъ только и говоритъ о домѣ. Если, кромѣ дома, ничего больше тутъ не замѣшано, то слово, вѣдь, можно ему вернуть.

Я перестаю ходить и останавливаюсь прямо передъ нею.

— Барбель! если такъ, то лучше это дѣло бросить. Въ бракѣ имѣешь выборъ, въ любви же выбора нѣтъ.

Она въ волненіи ломаетъ лучины, но я замѣчаю, какъ она вся дрожитъ.

— Я это испытала, что въ любви нѣтъ выбора...

— И я также! Въ молодые годы я игралъ любовью, хвастался любовью, но узналъ я ее поздно, когда къ ней прибавилось горе и страданіе... И я жалѣю тебя, милая дѣвушка, я все готовъ для тебя сдѣлать. Если это любовь, Барбель... и если ты меня не любишь... то моя пѣсенка спѣта...

Такъ говорилъ я. А она? Она не отстранила меня, откинула свою голову мнѣ на руки, и я цѣловалъ ее въ лобъ, въ глаза, въ губы, и мы цѣловались, точно хотѣли выпить другъ друга.

Потомъ она влажными глазами прямо и серьезно взглянула мнѣ въ глаза и медленно, словно во снѣ, промолвила:—

— Наконецъ, наконецъ-то, насталъ этотъ часъ...

Вотъ какъ это случилось, другъ, и теперь она моя на всю жизнь.

Сорокъ девятое воскресенье.

Я все еще не могу прійти въ себя отъ радостнаго потрясенія. Какъ внезапно вспыхнулъ этотъ огонь, такъ давно тлѣвшій подъ пепломъ!

Она меня даже не спросила, кто же я, наконецъ, такой. Но скоро у нея вырвалось признаніе:—Я съ перваго дня замѣтила, что ты не настоящій мужикъ. Увидѣла я тоже сейчасъ, что ты хорошій человѣкъ, и думала, что не вытерплю, потому что не могла любить другого такъ, какъ тебя.

— И оттого ты все грустила и не могла смѣяться?

— Не только оттого. Вѣдь ты же знаешь отчего, мой Гансъ!

И она не спросила, что я имѣю, какова будетъ ея судьба со мною! Божественное легкомысліе!

Зато мать скоро заставила насъ протрезвиться. Она не испугалась, когда я въ тотъ же вечеръ сообщилъ ей о нашей помолвкѣ.

— Ужъ эта Барбель, ловка, нечего сказать!—промолвила

она.—Одинъ исчезъ, такъ она принимается за другого! Никогда я отъ нея этого не ожидала. Теперь, когда ей ужъ пора замужъ, лучше ей выйти за крестьянина, чѣмъ за учителя, который прикидывается важнымъ бариномъ.

За крестьянина! Намъ предлагають устроиться въ лѣсномъ домѣ, а затѣмъ прилежно работать и помогать матери въ хозяйствѣ. Таково рѣшеніе старухи, и вся программа моей будущности. Западня захлопнулась, и Ганзель попался...

Во вторникъ вечеромъ происходилъ большой семейный совѣтъ. За столомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ Адамъ, усадили меня. Итакъ, я сѣлъ на мѣсто Адама и не медлилъ со своими предложеніями, достойными заповѣдей Моисея.

Валентинъ, если онъ благополучно вернется домой изъ военной службы, не пойдетъ на фабрику, а останется дома и, какъ старшій, поведетъ все хозяйство. Рохерль не уйдетъ устраивать пастбище въ горы, какъ онъ говорилъ, а останется дома въ качествѣ старшаго батрака, когда я въ концѣ года откажусь отъ своей должности. Теперь онъ уже можетъ работать обѣими руками, и правильный трудъ укротить блуждающіе огни его безпокойной души. Францель отправится на три года въ земледѣльческую школу въ Гроттингъ, потомъ вернется домой. — Всѣ три брата будутъ крѣпко держаться другъ за друга. Хлѣба больше сѣять мы не будемъ. Будемъ разводить только овощи, капусту, рѣпу и салатъ. Поля будутъ обращены въ луга и пастбища. Будетъ заведено скотоводство, стадо будетъ увеличено до тридцати или сорока головъ. Овцы и козы будутъ проданы. Зато куплено будетъ нѣсколько свиней для домашняго хозяйства. Молочное хозяйство и сыровареніе будетъ производиться вмѣстѣ съ сосѣдями, которые должны составить союзъ. Лѣсъ надо беречь, особенно лиственницы, молодыя деревца не трогать: лѣсъ требуетъ мало работы и, при разумной культурѣ, приноситъ ежегодный доходъ. Всѣ поглядываютъ на меня съ сомнѣніемъ, и я не совсѣмъ тоже увѣренъ, что учу ихъ всѣхъ, чему слѣдуетъ: иногда я буквально повторяю то, что когда то писалъ въ газетѣ.

— Господи!—воскликнула старуха,—если бы только знать, что бы сказалъ на все это Адамъ!

А Рохерль:—Если бы ужъ все было заведено, то, пожалуй, и хорошо бы было. Но начать—какъ начать?

— А главнаго то я и не сказалъ! Вотъ хорошо то!—закричалъ я.—Наша добрая хозяйка вѣдь захочетъ же отдохнуть. Такъ вотъ молодой хозяинъ долженъ взять себѣ хорошую жену, она и поможетъ намъ начать дѣло.

— Но, Ганзель,—воскликнулъ вдругъ Рохерль и положилъ мнѣ руку на плечо,—но что же будетъ съ тобою? Съ тобою и съ Барбель!

— Съ нами что будетъ? Мы устроимъ себѣ лѣсной домикъ на лѣто и на осень. Весною и зимою мы будемъ жить въ Кайлингѣ. Тамъ тоже хорошо. Или въ другомъ городѣ поселимся.

— Ганзель, никакъ ты рехнулся!—сказала мать.

— Вѣдь вы же давно знаете, что я заколдованный городской учитель. Богатый человѣкъ прислалъ меня сюда и обѣщалъ мнѣ много денегъ, если я цѣлый годъ прослужу у васъ въ батракахъ. Деньги-то онъ мнѣ обѣщалъ, но отдастъ ли онъ ихъ? Если не отдастъ, такъ я заработаю себѣ пропитаніе перомъ.

— Перомъ?

Старуху словно обухомъ по головѣ ударили. Она молча всплеснула руками.—Перомъ?! Онъ говоритъ перомъ!—наконецъ, воскликнула она.—Я ужъ не знаю, кто тутъ дуракъ— я или онъ? Писатель! Еще пожалуй газетчикъ! Да если онъ газетчикъ, то этого не будетъ, не можетъ быть! Тогда ужъ пошли бы исторіи! Нѣтъ, никогда не дамъ согласія!

Начался горячій споръ, мать становилась все болѣе сердитой. Дѣти защищали меня, говоря, что я цѣлый годъ вѣрою и правдою служилъ имъ.

— Вотъ какъ! Вѣрою и правдою! Да онъ только и дѣлалъ, что лгалъ! Выдавалъ себя за батрака и никогда имъ не былъ. Все ложь! Годъ твой кончился, Ганзель! Собирай свои вещи и уходи.

Я ужъ думалъ, что все пропало. Барбель остолбенѣла на мѣстѣ. Но тутъ Рохерль подступилъ къ матери. Со времени своего возвращенія это другой человѣкъ. Иногда онъ еще горячится, но когда онъ говоритъ серьезно и сердечно, мать его слушаетъ. Онъ, повидимому, очень радъ, что, вмѣсто учителя, сестра его выходитъ за Ганзеля, и вотъ, подойдя къ разгнѣванной матери, онъ говоритъ ей о покойномъ отцѣ. Отецъ, по словамъ сына, давно зналъ все о батракѣ и тѣмъ болѣе цѣнилъ, что чужой человѣкъ добровольно взялъ на себя всѣ труды и невзгоды, чтобы помочь намъ. И разъ даже отецъ сказалъ, что Ганзель, правда, не всякую работу умѣетъ дѣлать, но что такой хорошій человѣкъ можетъ посвататься ко всякой дѣвушкѣ, и ему не откажутъ. — Это подѣйствовало. Адамъ словно появился между нами и словно замолвилъ за меня живое слово, словно благословилъ меня.

Полъ-ночи просидѣли мы всѣ вмѣстѣ, все обсуждали;

старуха совсѣмъ смягчилась и говорила, что я точно изъ сказки вышелъ и что у нея въ головѣ помутилось...

Наша свадьба назначена на двѣнадцатое декабря. Откладывать на этотъ разъ нечего. Такъ какъ свадьба будетъ постомъ, то священникъ не разрѣшаетъ никакихъ увеселеній. Это намъ вполнѣ по душѣ. Къ чему веселье тамъ, гдѣ счастье? Я тороплюсь уже изъ-за учителя—хочу обвѣнчаться прежде, чѣмъ онъ вернется...

А ты, другъ мой, пока никому не говори о моей свадьбѣ. На одолженныя тобою деньги я кое-что уже заказалъ себѣ въ Кайлингѣ—главное, платье, собственно такое, какое въ городѣ называется костюмомъ туриста. Надо какъ-нибудь поприличнѣе одѣться. И если возможно будетъ, я удеру отсюда. Я прославлялъ деревенскую жизнь до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удавалось изъ нея вырваться. Вѣдь, кромѣ шутокъ, я могу перомъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Мнѣ теперь кажется, что я способенъ на все. А что касается нашихъ будущихъ дѣтей, то первая дюжина будетъ мужиками.

Пятидесятое воскресенье.

Собственно, пишу я не въ воскресенье, ибо въ этотъ день мнѣ было не до писемъ, а черезъ нѣсколько дней, когда въ душѣ молодого супруга водворился миръ...

За три дня до свадьбы въ домѣ Адама всѣ работы были пріостановлены. И весь Альмгай радуется вмѣстѣ съ нами!

Когда мы въ воскресенье вышли изъ дому, на Барбель было новое голубое платье, на шеѣ красный шелковый платокъ—тотъ самый, который надѣвала на свою свадьбу ея мать. Свѣтлыя ея волосы были въ видѣ вѣнка сложены на головѣ, какъ у тирольскихъ дѣвушекъ на картинахъ Дефреггера. Она остановилась на порогѣ и грустно сказала:

— Всетаки это труднѣе, чѣмъ я думала...

Я понялъ, что она вспомнила учителя.

— Правда, мы уже давно были не равнодушны къ другъ къ другу,—продолжала она,—но всетаки объ этомъ еще не было рѣчи между нами. И вотъ, когда его нѣтъ, я иду вѣнчаться съ другимъ. Мнѣ это кажется измѣной...

— Милое дитя,—сказалъ я,—если въ данномъ случаѣ кто нибудь измѣнилъ, то это онъ, а не ты... Да и вообще я тутъ измѣны не вижу. Онъ и ушелъ то, не простившись съ тобою. Теперь у васъ нѣтъ никакихъ взаимныхъ обязательствъ, и какъ вы добровольно сошлись, такъ можете добровольно и разойтись...

— Но я все таки хотѣла бы съ нимъ проститься,—сказала она, тихонько всхлипывая въ свой бѣлый платочекъ, и пошла рядомъ со мною. Съ нами шли ея братья. Посаженнымъ отцомъ былъ Кульмбокъ, который воспротивился тому, чтобы женихъ и невѣста шли вмѣстѣ въ церковь, и бѣдную Барбель увели отъ меня и, по старому обычаю, заставили итти позади всѣхъ. Этотъ обычай, не имѣющій въ себѣ ничего рыцарскаго, указываетъ на подчиненное положеніе женщины.

Мать невѣсты тоже, по старому обычаю, не имѣетъ права присутствовать при вѣнчаніи. Во время свадебнаго обѣда она должна сидѣть въ углу у печки, а затѣмъ—слышишь? цѣлый годъ не должна приближаться къ новобрачнымъ...

На алтарѣ горѣли только двѣ свѣчи, не было ни цвѣтовъ, ни украшеній. Время зимнее...

Что я чувствовалъ, когда милая дѣвушка стояла рядомъ со мною, когда мы обмѣнялись кольцами, когда оба сказали: „да!“—этого, другъ мой, я описать тебѣ не въ силахъ. Кто этого самъ не испыталъ, тотъ понять этого все равно не можетъ. При вѣнчаніи не было ни слезъ, ни смѣха...

Свадебный обѣдъ былъ сервированъ въ гойзендорфской гостиницѣ. Всѣ довольно молчаливо съѣли свой кусокъ колбасы и пирога или сунули угощеніе въ мѣшокъ. Пили яблочный морсъ. На дворѣ шелъ сильный снѣгъ, и скоро наступили сумерки. Барбель поглядывала на меня и нѣсколько разъ замѣтила, что ночью трудно будетъ домой пробираться. Я тоже предпочиталъ вернуться засвѣтло, но когда мы стали собираться въ путь, явились мужики — близкіе и дальніе, такъ что скоро почти весь приходъ оказался въ сборѣ. Всѣ входили, засыпанные снѣгомъ, вѣтеръ даже загонялъ снѣгъ въ сѣни, и мы опять усѣлись за столъ. Каждый гость принесъ съ собой по подарку. Бабы приносили разныя домашнія вещи, муку въ корзинахъ, сало, яйца, печенье. Сапожникъ подарилъ мнѣ колпакъ, имъ самимъ связанный, портной—пару суконныхъ туфель въ знакъ полнаго примиренія. Наконецъ, Кульмбокъ не вытерпѣлъ и приказалъ принести вина. Пока наполнялись стаканы, онъ произнесъ рѣчь, въ которой упоминалъ даже объ Адамѣ и Евѣ. При этомъ онъ дѣлалъ разные намеки, которыхъ даже нельзя было назвать двусмысленными и, наконецъ, выпилъ за здоровье молодыхъ.

Едва кончилась рѣчь, какъ въ сѣняхъ зазвучали трубы и скрипки, а Кульмбокъ, снявъ мокрое верхнее платье, бѣгалъ по комнатѣ и всѣхъ приглашалъ покушать и выпить.

Между тѣмъ приходили все новые гости съ дарами. Одинъ подарилъ колокольчикъ для коровы, другой подойникъ, охотникъ Конрадъ—коврикъ изъ лисьей шкуры, „чтобы вставать съ постели", портниха принесла большое красное яблоко, которое оказалось деревянной коробкой съ зеркальцемъ, ножницами и мозольнымъ пластыремъ. Старуха Маренцель принесла завернутаго ребеночка, но когда его развернули, оказалось, что это сладкій хлѣбъ...

Я благодарилъ направо и налѣво. Бѣдная Барбель сидѣла спокойно и все спокойно терпѣла...

Мать была недовольна. Ужъ музыканты пришлись ей не по душѣ: вѣдь постъ же! Она собралась уходить, стала зажигать фонари, которыми насъ снабдилъ хозяинъ гостиницы—и вдругъ... Право, не только въ романахъ бываютъ такіе случаи.

Мы заглянули въ сѣни и увидѣли Валентина въ формѣ, при саблѣ, снимающаго съ себя свой занесенный снѣгомъ плащъ... Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ лѣтомъ. Лицо его сіяло, со всѣхъ концовъ къ нему потянулись руки и стаканы, и онъ пробрался къ своимъ. Мою руку онъ держалъ въ своей.

— Теперь совсѣмъ не то, что тогда, Ганзель!—засмѣялся онъ.

— Да и у насъ не то!—сказалъ я.

— А у тебя и подавно!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Барбель.—И хорошо ты дѣлаешь, право. Я только въ Кайлингѣ узналъ.

— Мы тебѣ не писали, боялись, что ты опять глупость сдѣлаешь.

— Но вѣдь можно и поумнѣть,—сказалъ онъ.

Теперь ужъ никто не думалъ о возвращеніи домой. Даже старуха наша хлебнула вина и радостно захлопала въ ладоши.

Валентинъ поѣлъ ветчины и сталъ разсказывать о своей жизни въ казармахъ: объ ученьи, о товарищахъ, объ офицерахъ, о полковникѣ.

Было уже за полночь, когда мы простились съ веселымъ обществомъ и отправились домой. Снѣжная вьюга, слабый свѣтъ мѣсяца, шорохъ сосенъ... Валентинъ велъ подъ руку мать, Рохерль шелъ съ Францелемъ, я—съ женой. Дома я не пошелъ черезъ дворъ въ холодную свою каморку. Я со всѣми вмѣстѣ вошелъ въ домъ, а затѣмъ отправился вмѣстѣ съ Барбель въ ея теплую горенку...

Пятьдесятъ первое воскресенье.

Несчастье въ игрѣ—счастье въ любви. Это я могу сказать про самого себя.

Хотя я давно уже не читалъ „Континентальной Почты“, но всетаки замѣтилъ, что она выходитъ въ большемъ форматѣ. „Это смерть ее вытягиваетъ“,—сказалъ какъ то учитель. Такъ, значитъ, теперь, какъ ты пишешь, ей пришелъ конецъ. Газета прогорѣла, издатель удралъ. Такимъ образомъ, мои дѣла самымъ основательнымъ образомъ приводятся въ порядокъ...

Тѣмъ болѣе интересуетъ меня твое предложеніе, милый другъ мой. Ты думаешь, что мнѣ слѣдуетъ издать мои воскресныя письма? Ты полагаешь, что они обратятъ на себя вниманіе. Неужели ты это серьезно думаешь? Пока я воображалъ себя батракомъ, говоришь ты, я на самомъ дѣлѣ былъ писателемъ! Немножко вродѣ Зола, о которомъ разсказываютъ что онъ почерпаетъ свои произведенія изъ жизни и переживаетъ ихъ самъ. Но я превзошелъ его. Насколько мнѣ извѣстно, онъ, создавъ „La terre“, не женился на крестьянской дѣвушкѣ. Зато, какой я замѣчательный человѣкъ.

Но, кромѣ шутокъ, если ты, дѣйствительно, найдешь издателя для моихъ воскресныхъ писемъ и сдѣлаешь ихъ возможными для печати, то я согласенъ. Но помни, что если тебѣ не удастся меня обезсмертить, я буду доволенъ даже должностью ночного сторожа. Тогда меня назовутъ „бѣднымъ отцомъ семейства“.—Не удивительно ли, что я вдругъ сталъ женатымъ человѣкомъ!

Въ концѣ концовъ, еще неизвѣстно, уйду ли я когда-нибудь отсюда. Въ домѣ Адама наступило бодрое настроеніе. закипѣла новая жизнь. Мы съ обоими старшими братьями съ утра до вечера работаемъ въ лѣсу. Валентинъ затѣялъ выгодное дѣло. Онъ продалъ двѣнадцать старыхъ деревьевъ за хорошія деньги. Теперь ихъ рубятъ и на саняхъ свозятъ въ долину. Рохерль совершенно здоровъ. Францель бранитъ новаго учителя, говоритъ, что онъ строгъ, и что у него приходится гораздо больше учиться, чѣмъ у Гвидо Винтера.

Мать и дочь заняты домашнимъ хозяйствомъ: идутъ приготовленія къ рождественскимъ праздникамъ. Даже въ хлѣву снимаютъ паутину, скотина чистится, ей подрѣзываются копыта и постилается новая солома. Вокругъ дома раскладываются аккуратно дрова, въ комнатахъ вся мебель моется, всѣ стѣны бѣлятся, всѣ окна и стекла на рамахъ чистятся мелкимъ пепломъ.

Показать-ли тебѣ нашу комнатку? Ну, Богъ съ тобой, загляни въ нее, милый человѣкъ. Столикъ накрытъ краснымъ платкомъ, на немъ небольшой кувшинъ, гдѣ стоятъ три вишневыхъ вѣточки. Она срѣзала ихъ въ свои именины, и онѣ должны расцвѣсти въ святую ночь. На обоихъ окошкахъ—бѣлоснѣжныя занавѣски, ею самой сшитыя, съ ея мѣткой. Кровати стоятъ такъ близко одна къ другой, что накрываются однимъ одѣяломъ. Это одѣяло голубое съ маленькими красными цвѣточками. Въ эту комнатку мы удаляемся послѣ ужина, и если бы ты подслушивалъ насъ, то долго еще слышалъ бы ея веселый смѣхъ.

Въ четвергъ Валентинъ отпустилъ меня въ Кайлингъ, гдѣ я хочу осмотрѣть хорошенькій деревенскій домикъ, который отдается внаймы. Я только погляжу на него и подумаю: Если бы можно было тебя нанять! Потомъ я приду домой. Но я хотѣлъ разсказать тебѣ нѣчто другое.

По дорогѣ въ Кайлингъ, мнѣ вдругъ попался навстрѣчу, кто-бы ты думалъ?—Учитель! Онъ шелъ себѣ, не торопясь, по снѣгу, запрятавъ брюки въ сапоги и перекинувъ черезъ плечо кожаный мѣшокъ.

Чортъ возьми!—подумалъ я,—вотъ такъ штука можетъ выйти!

— Откуда ты узналъ, что я—сегодня возвращаюсь, Гансъ?—крикнулъ онъ при видѣ меня.

— Я не зналъ этого. Я иду въ Кайлингъ.

— Тогда я пойду съ тобою, сказалъ Гвидо.—Намъ обо многомъ надо переговорить. Теперь я женюсь!

— Вотъ какъ! На комъ-же? Когда?

— Еще до новаго года я, если будетъ возможно, обвѣнчаюсь съ Барбель.

— Это тебѣ не удастся,—замѣтилъ я.

— И останусь пока учителемъ въ Гойзендорфѣ. Ничего болѣе подходящаго я не нашелъ.

Тутъ я обернулся къ нему и сказалъ:—Винтеръ! Если бы ты нашелъ другое мѣсто, ты, вѣрно, и не вернулся бы. Но такъ какъ ты ничего не нашелъ, то пришелъ въ Гойзендорфъ и всетаки хочешь жениться на Барбель.

— Я женюсь на ней во всякомъ случаѣ!

— Ты не женишься на ней ни въ какомъ случаѣ!

— Это почему?

— Да, милый мой, Барбель ты ужъ не получишь. Она уже замужемъ.

Онъ отступилъ шагъ назадъ, скрестилъ руки на груди и вытаращилъ глаза на меня.

— Она замужемъ? Какимъ образомъ? Этого я не понимаю.

— Да, свадьба была въ воскресенье.

— Неужели ты говоришь правду? Вотъ такъ дѣвка!—воскликнулъ онъ звонко, почти весело. — А за кого же она вышла?

— За меня.

— Я спрашиваю, кто на ней женился?

— Да я.

— Брось шутки, Гансъ. Не могу же я этому повѣрить.

Онъ держалъ себя совершенно иначе, чѣмъ я думалъ. Когда я снова сталъ его увѣрять, что мы обвѣнчались въ его отсутствіе, онъ, наконецъ, началъ понимать. — Я не считалъ этого возможнымъ, сказалъ онъ.

— Ты самъ сдѣлалъ это возможнымъ, милѣйшій Винтеръ.

Онъ воткнулъ свою палку въ снѣгъ и промолвилъ:

— Вотъ какъ. Я ничего противъ этого не имѣю. Я вѣдь подозрѣвалъ, что она меня не любитъ, можетъ быть, никогда и не любила. Она умно поступила—порвавъ со мною. — И это недурно. Но кто меня удивляетъ,—продолжалъ онъ, причемъ на лицѣ его появилось непріятное выраженіе,—такъ это мой пріятель Гансъ Траутендорферъ, который всячески старался выдать свою возлюбленную за другого и только тогда женился на ней, когда не нашелъ для нея другого мужа. Очень мило! До свиданія!

Съ этими словами онъ гордо удалился, оставивъ меня одного. Господи, что это былъ за выходъ! Я совсѣмъ уничтоженъ! Но я предоставляю ему наслаждаться эффектомъ, мнѣ же моя выгода дороже. Я радъ, что еще все такъ окончилось, а то я, по правдѣ сказать, немного побаивался этой минуты.

А если онъ любилъ ее? Но это я отрицаю. Отсутствіе любви оправдываетъ насъ всѣхъ—ее, меня и его. Моя внутренняя борьба, длившаяся цѣлые мѣсяцы, теперь окончена.

Сегодня Францель сообщилъ намъ, что временный учитель, вѣроятно, будетъ назначенъ постояннымъ: Винтеръ увезъ свои вещи и уѣхалъ.

Теперь мнѣ его жалко.

Пятьдесятъ второе воскресенье.

Много неожиданнаго произошло со мной въ этомъ году, но самымъ большимъ сюрпризомъ всетаки было твое письмо съ поздравленіемъ къ празднику. Чудный ты человѣкъ, какимъ образомъ ты это устроилъ? Итакъ, книгоиздатель-

ство Штакмана въ Лейпцигѣ пріобрѣло мои воскресныя письма за десять тысячъ гульденовъ! Но вѣдь это тѣ-же самыя двадцать тысячъ кронъ, на которыя я разсчитывалъ! Съ тою только разницей, что это заработанныя честнымъ трудомъ деньги, а не выигранныя. Господи Боже мой, вотъ такъ радость!

Но неужели то, что я писалъ въ моемъ чуланѣ — какъ встрепенувшееся сердце человѣческое бьется и рвется, то въ восторгѣ, то въ отчаяніи, то высокомѣрно, то шутливо, то насмѣшливо, то самоувѣренно — неужели всѣ мои промахи, всѣ глупости будутъ выложены передъ цѣлымъ міромъ? Ты пишешь, что мои первыя письма, написанныя въ нынѣшнемъ году въ редакцію „Континентальной Почты", находятся въ твоихъ рукахъ. Право, ты заслуживаешь быть названнымъ моимъ Провидѣніемъ! О заглавіи мы надняхъ лично переговоримъ съ тобою.

А теперь окончу нынѣшній годъ описаніемъ рождественскихъ праздниковъ. Но, Боже мой, какъ непріятно писать, когда подъ руку тебѣ заглядываетъ наборщикъ!

Въ сочельникъ мы уже въ полдень перестали работать, и всѣ одѣлись по праздничному. То, что обыкновенно дѣлалъ по праздникамъ Адамъ, теперь сдѣлалъ Валентинъ, а именно снялъ со стѣны Распятіе и поставилъ его на столъ, покрытый бѣлой скатертью. Мать поставила на столъ еще двѣ свѣчи. Рохерль даже поблѣднѣлъ отъ молитвеннаго настроенія, а Барбель старалась водворить миръ и тишину среди скотины. Весь домъ Адама превратился въ часовню. А мать! Ты не можешь себѣ представить эту тихую, безмолвную вѣру, это искреннее ожиданіе Божественнаго Младенца! Конечно, тутъ замѣшана и привычка, но силу души эта многострадальная женщина черпаетъ отъ Бога Отца и Его единороднаго Сына.

Барбель тоже такая. Она положила свѣжей земли и налила воды въ кувшинъ съ вишневыми вѣтками, но почки не распускаются. Однажды она задумчиво посмотрѣла на голыя вѣтки и тихо сказала:—Младенецъ Христосъ не простилъ мнѣ!...

Ночью въ одиннадцать часовъ всѣ пошли въ церковь. Я одинъ остался сторожить домъ и хотѣлъ отпраздновать Рождество по своему. Въ полночь я заперъ входныя двери и отправился на вершину горы. Звѣздное небо покоилось надъ обширнымъ зимнимъ пейзажемъ. Въ Гойзендорфѣ звонили колокола. Церковныя окна казались мнѣ красными квадратиками въ темной долинѣ. И вотъ другой звонъ раздался по

лѣсистой горной мѣстности: въ милліонахъ человѣческихъ сердецъ ожилъ, воистину ожилъ Христосъ... Скоро спущусь я внизъ. Когда опять буду я такъ близокъ къ небу?

Въ день Рождества меня разбудилъ звонкій смѣхъ. Въ окна льются два потока солнечнаго свѣта, одинъ изъ нихъ освѣщаетъ столъ съ вишневыми вѣточками, и на всѣхъ вѣточкахъ виднѣются мелкіе розовые цвѣточки. Оттого-то моя Барбель радостно смѣется въ своей бѣлой постели: Младенецъ Христосъ простилъ ее...

Услышавъ, что зацвѣли вишневыя вѣтви, Рохерль радостно подпрыгнулъ и закричалъ: — Ура! Барбель счастлива!

Послѣ обѣдни былъ у насъ праздничный обѣдъ. Валентинъ даже разорился на бутылку вина, и старуха первая налила себѣ и выпила со словами:

— Ганзель и Барбель! За ваше здоровье!

А послѣ обѣда Францель отдалъ Барбель письмо, которое ему вручилъ трехногій почтальонъ. Письмо было изъ Вѣны отъ Гвидо Винтера. Онъ прощается съ Барбель, всѣмъ кланяется и проситъ не поминать его лихомъ. Онъ отказался отъ школы и, при помощи одного пріятеля, нашелъ себѣ занятіе на велосипедной фабрикѣ. Когда письмо было прочтэно, многіе изъ насъ сказали:—Всетаки это былъ хорошій малый!

Но теперь кончаю, ибо моя супруга усматриваетъ въ моей перепискѣ съ тобою посягательство на свои особыя права. Она уже шутливо нападала на меня съ цѣлью вырвать у меня перо изъ рукъ. Это не умно съ ея стороны. Если я положу перо, то возьмусь за дорожный посохъ и, по крайней мѣрѣ, на два дня отправлюсь къ моему дорогому другу. Оставлю я мою милую жену соломенной вдовою и въ понедѣльникъ 3-го января буду у тебя. Приготовь бутылку рейнвейна, такъ какъ придетъ закаленный и запыленный мужикъ изъявить тебѣ свою благодарность, мой дорогой, незамѣнимый, вѣрный другъ!

Безпокойное мѣсто.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Въ глухую полночь во дворѣ лаялъ Трезоръ и смущалъ сонъ своего хозяина, а хозяинъ, Корнилъ Иванычъ Пузановъ, прислушивался къ собачьему лаю и не спалъ: полуночная тревога вѣрнаго пса сообщалась и ему. Въ такихъ случаяхъ Корнилъ Иванычъ всегда задавался вопросомъ: ужъ не забралось ли проклятое башкирье въ амбары?..

— Ѳома то, старый шатунъ, тоже, вѣрно, спитъ! — проворчалъ онъ вслухъ и повернулся на кровати.

Жена его, Ольга Романовна, также не спала и тихо добавила:

— Сколько разъ говорила тебѣ—разсчитай Ѳому или дай ему какую нибудь работу по двору... Что онъ за караульщикъ—въ ночные молодого надо, здороваго...

— Молодого... молодого... — передразнилъ супругу Корнилъ Иванычъ:—молодому то больше платить надо... да...

Корнилъ Иванычъ ворчалъ, напяливая на ноги громадные сапоги, а Ольга Романовна возилась подъ ватнымъ одѣяломъ и позѣвывала. Мужъ одѣлся, посмотрѣлъ на пламя лампады у образовъ и, засвѣтивъ небольшую лампочку, прошелъ черезъ кухню въ сѣнцы. Въ кухнѣ безмятежно спала кухарка и даже не замѣтила, что Корнилъ Иванычъ задѣлъ ее за руку, свѣсившуюся съ подушки.

Появившись на крылечкѣ, Корнилъ Иванычъ посвисталъ и громко нѣсколько разъ окликнулъ:

— Трезоръ!.. Трезорка!.. Ѳома!.. Ѳо-о-ма!..

Низенькій, щупленькій старикашка, дѣйствительно, вздремнувшій у завозни на опрокинутыхъ саняхъ, услы-

шалъ окрикъ хозяина и, спѣшно поднявшись, направился къ дому, забивъ тревогу въ трескучую колотушку.

— Ѳома! ты что, братъ, тамъ—спишь все?.. Собака лаетъ, лаетъ...—громко проговорилъ обезпокоившійся хозяинъ, разсматривая въ полутьмѣ старика съ громадной палкой въ рукахъ.

— Что съ ней подѣлаешь, Корнилъ Иванычъ! молода она—вотъ на цѣпи то и не сидится...

— Не сидится!.. А ты, братъ не спи! Мотри-ка, часа полтора глазъ не сомкнулъ, а тебя хоть бы разокъ услышать! Что ты, братъ.

— Не сплю, Корнилъ Иванычъ, не сплю—ничего... Такъ только, зябко немножко... Ночи то нонѣ вишь какія студеныя!..

— Карауль, смотри, лучше... Пройдись по задворкамъ, посмотри—нѣтъ ли кого!..

Корнилъ Иванычъ постоялъ на крылечкѣ минуты двѣ и, когда въ сумракѣ ночи потонула крошечная и сгорбленная фигура Ѳомы, щелкнулъ щеколдой, приперъ дверь и вернулся въ горенку, съ неудовольствіемъ покосившись на спящую кухарку. Во дворѣ въ это время раздавались звонкіе удары трещетки, а Трезоръ, еще больше растревоженный голосами въ тишинѣ ночи, заливался еще громче и даже привывалъ...

— Старый хрычъ!.. окаянный, прости ты меня, Господи!—ворчала Ольга Романовна, но мужъ уже не слушалъ ея ворчанья.

Корнилъ Иванычъ раздѣлся, улегся въ постель рядомъ съ супругой, натянувъ на себя половину тяжелаго одѣяла, и перекрестился. Прислушиваясь къ отдаленному, чуть слышному потрескиванью колотушки, онъ раздумывалъ теперь о своихъ будущихъ планахъ по постройкѣ каменныхъ амбаровъ и службъ. „Непремѣнно, скорѣе надо приниматься за работу“, подумалъ онъ, упрекнувъ себя за промедленіе въ неотложномъ дѣлѣ.

Всего лишь три года, какъ поселился на этомъ хуторѣ Корнилъ Иванычъ. Двѣсти десятинъ пахоти, да десятинъ сто луговъ и лѣса перешли къ нему отъ купца Скоромина за долги. Пашня была запущена, луга поросли кустарникомъ, а службы и пятиоконный домикъ на берегу быстрой рѣчки Казанки пришли въ упадокъ.

Поселившись на новомъ мѣстѣ, прежде всего Корнилъ Иванычъ поправилъ домъ: темныя стѣны снаружи обшилъ тесомъ, перемѣнилъ дырявыя рамы, перестроилъ печи, пе-

ребралъ полы и оклеилъ комнаты новыми обоями, а къ одной стѣнѣ пристроилъ новую кухню и людскую. Амбары, завозни и сараи также пришлось поправить и приспособить ихъ по-своему для удобствъ хозяйства. Въ первый же годъ новый хозяинъ распахалъ небольшой участокъ земли, лежавшій въ забросѣ, подчистилъ луга, вырылъ въ лѣсу канаву и отвелъ въ рѣчку болотную воду.

До года самостоятельныхъ хозяйственныхъ распорядковъ Корнилъ Иванычъ жилъ въ громадной экономіи графа Грузинскаго въ качествѣ приказчика. Какимъ то образомъ случилось такъ, что послѣ двадцатилѣтней службы у Корнила Иваныча скопилось денегъ тысячъ до десяти, да за женою онъ взялъ тысячъ пять, а кромѣ того тысячи три получилъ еще по духовному завѣщанію послѣ покойнаго батюшки. Въ это время подвернулся ему подъ руку разоряющійся купецъ Скороминъ, и Корнилъ Иванычъ одолжилъ ему деньги подъ векселя. Не заплатилъ купецъ долга во время, и его хуторокъ, и земля, и инвентарь перешли въ собственность Пузанова.

Прослуживши больше двадцати лѣтъ въ имѣніи Грузинскаго и хозяйничая подъ руководствомъ агрономовъ и разныхъ ученыхъ сельскихъ хозяевъ, Корнилъ Иванычъ многому научился и, поселившись на собственной земелькѣ, началъ примѣнять въ своемъ хозяйствѣ то же, что было заведено и въ имѣніи барина. Одно только не нравилось Корнилу Иванычу, это близкое сосѣдство башкиръ. Съ трехъ сторонъ къ межамъ его владѣній примыкали лѣса, поля и луга безпокойныхъ сосѣдей, лѣсной же участокъ начинался отъ лѣсовъ башкиръ въ самомъ отдаленномъ углу владѣній и только съ одной стороны съ лугами Корнила Иваныча лежалъ смежный участокъ церковной земли.

Въ большой дружбѣ жилъ Корнилъ Иванычъ съ воскресенскимъ батюшкой, въ вѣдѣніи котораго былъ этотъ участокъ, но и эта дружба немного омрачалась постороннимъ обстоятельствомъ. У самой рѣчки на лугахъ былъ небольшой спорный участокъ. Больше десяти лѣтъ батюшка оспаривалъ его у купца Скоромина, дѣло доходило даже и до суда, но ничего изъ этого не вышло. Благодаря этому же спорному участку батюшка даже и разсорился съ купцомъ Скороминымъ, хотя раньше они были добрые друзья-сосѣди.

— Ты, Корнилъ Иванычъ, того... спуску батюшкѣ не давай, потому — сколько онъ ни спорь, а луга на Казанкѣ твои... Вотъ онъ, планъ-то... Подпись губернскаго землемѣра имѣется...

Съ такимъ замѣчаніемъ передавалъ въ наслѣдство Корнилу Иванычу купецъ Скороминъ „вѣковой“ споръ съ воскресенскимъ батюшкой. Подружился съ своимъ спорщикомъ сосѣдомъ Корнилъ Иванычъ и вхожъ былъ къ нему въ домъ. Ольга Романовна не отставала отъ мужа, поддерживая дружбу съ попадьей, и оба, мужъ и жена, страшно недовольны были, опасаясь, какъ бы изъ за этого участка не нарушилась ихъ дружба. И теперь, въ безсонную ночь, Корнилъ Иванычъ раздумывалъ на эту невеселую тему и досадовалъ, что случилось то, чего, собственно, онъ не хотѣлъ.

Сегодня утромъ, одѣвшись въ коротенькую поддевку, вооружившись палкой и нахлобучивъ картузъ на лобъ, Корнилъ Иванычъ прогуливался по полямъ и осматривалъ озимое. Подойдя къ рѣчкѣ, онъ увидѣлъ на лугахъ батюшку и еще какого то мужика; въ послѣднемъ онъ скоро узналъ Никиту Трофимыча, скотопромышленника изъ села Воскресенскаго.

Подобравъ рясу, батюшка шлепалъ по водѣ громадными сапогами, размахивалъ палкой и съ увлеченіемъ что то разсказывалъ своему собесѣднику. Тотъ слушалъ батюшку, тыкалъ палкою во влажную землю и тоже говорилъ о чемъ то. Завидя приближавшагося Корнила Ивановича, батюшка заслонилъ ладонью глаза отъ солнышка, и на лицѣ его расплылась улыбка.

— Добро пожаловать, отецъ Никандръ!—привѣтствовалъ батюшку Корнилъ Ивановичъ, замѣтя, что сосѣдъ уже перешелъ межу его владѣнія.

— Здравія желаемъ, Корнилъ Иванычъ!.. Вотъ мы съ Никитой Терентьичемъ по лугамъ ходимъ... Луга то я ему нынче сдаю—вотъ и осматриваемъ!

— Дорожится вотъ что то батюшка то,—вставилъ и Никита Терентьичъ, темный мужикъ съ лукавой улыбкой на мясистыхъ губахъ. Завернувъ полы кафтана и заткнувъ ихъ за поясъ, онъ перепрыгнулъ черезъ лужицу и очутился на сухомъ островкѣ, гдѣ въ это время батюшка и Корнилъ Иванычъ жали другъ другу руки.

— Дорожусь!.. Небось, по нонѣшнимъ временамъ задорожишься,—вставилъ батюшка:—дѣла, Никита Терентьичъ, плохи...

— Вамъ—что, отецъ! вы человѣкъ служащій, а вотъ намъ то...

— Ну, Никита Терентьичъ, Бога то ты не гнѣви! твое дѣло особенное. Тебѣ бы вотъ сѣнца запасти, да скотину вы-

кормить, а тамъ погонишь ты своихъ коровокъ да овечекъ на воздвиженскую ярмарку—и-и!.. сколько барышей схватишь!.. вставилъ до сихъ поръ молчавшій Корнилъ Иванычъ.

— Барыши!.. хороши барыши!..

— Вотъ только намъ съ Корниломъ Иванычемъ приходится все спорить насчетъ луговъ то!—перемѣнилъ разговоръ батюшка и съ улыбкой на лицѣ посмотрѣлъ на сосѣда.

— Да, грѣхъ тутъ непоправимый! — коротко отвѣтилъ онъ.

— Грѣхъ! грѣхъ!..—вздохнувъ, проговорилъ батюшка и помахивая палкой принялся разсказывать о томъ, какъ, по его мнѣнію, должна проходить межа.

— Кто же ее знаетъ то, какъ она тутъ проходитъ!.. Скороминъ указывалъ—будто она во-нъ до того кустика доходитъ, а потомъ ужъ и въ гору, въ поворотъ къ лѣсу...

— Скороминъ то больно скоромный былъ, хáпанъ онъ, вотъ что!—вспылилъ батюшка.—Планъ то у него есть, да и у насъ тоже имѣется за подлиннымъ подписомъ чиновниковъ...

Батюшка долго еще разсказывалъ о томъ, какіе документы, удостовѣряющіе правильность церковнаго владѣнія, имѣются у него. Бесѣда повстрѣчавшихся кончилась тѣмъ, что Корнилъ Иванычъ пригласилъ батюшку и скотопромышленника къ себѣ „чайку откушать", на что тѣ охотно согласились.

Появившись въ горенкѣ, батюшка поздоровался съ Ольгой Романовной, предварительно благословивши ее, а потомъ всѣ усѣлись за большой столъ и пили чай. На столѣ появилась водка и закуска, и хозяйка, угощая гостей, разспрашивала батюшку о матушкѣ, и бесѣда тянулась непринужденно.

И только уже послѣ того, какъ солнечное пятно съ угла стола и съ лысой головы скотопромышленника упало на полъ и потомъ вползло на стеклянную дверцу шкафа съ посудой,—батюшка заговорилъ о возвращеніи домой. Хозяева, хотя и удерживали гостей, но особенно не настаивали.

— Вотъ намъ съ этими лугами ужъ покончить бы,—вставилъ какъ то во время бесѣды, батюшка.—Право, Корнилъ Иванычъ, люди мы съ тобой тихіе, православные, споровъ и вздоровъ разныхъ не любимъ... Подѣлиться бы ужъ намъ какъ нибудь!..

— Да чтожъ, я тоже бы отъ грѣха подальше!—отвѣтилъ Корнилъ Иванычъ.

— Ну, такъ что же! давай— съ молитвой!—воскликнулъ от. Никандръ, и глаза его заблестѣли.

— Видите ли, батюшка,—опять съ сомнѣніемъ въ голосѣ началъ Корнилъ Иванычъ;—планъ у меня есть и подписанный губернскимъ начальствомъ...

— Планъ и у меня есть,—серьезнымъ тономъ прервалъ хозяина гость.—Ну-ка, вотъ что: вынимай-ка его—посмотримъ!..

— Нѣтъ его дома-то—въ городѣ, все еще вводъ во владѣніе не учинили,—слукавилъ хозяинъ, покосившись на громадный окованный желѣзомъ сундукъ, на днѣ котораго, въ шкатулкѣ съ голубкомъ на верхней крышкѣ, хранился планъ. Корнилу Иванычу не хотѣлось разбираться въ своемъ скарбѣ при постороннихъ, кромѣ того, онъ и не увѣренъ былъ, въ чью пользу покажетъ его документъ.

— А по мнѣ, вотъ чтобы Корнилъ Иванычъ... Пошли бы вы съ батюшкой, да вотъ со мной да еще кого стороннихъ людей пригласить,—пошли бы мы это всѣ, да тихо-смирно споръ то этотъ самый пополамъ бы и раздѣлили... Н-на! половину батюшкѣ, половину тебѣ Корнилъ Иванычъ!..—громко выпалилъ Никита Терентьичъ.

— Судъ разсудитъ!—коротко отвѣтилъ хозяинъ посмотрѣвъ на Никиту Терентьича и переводя глаза на поблѣднѣвшее лицо жены,

— Жди, когда судъ то разсудитъ...Дѣтей мы съ тобой наживемъ да въ люди выведемъ, а споръ то все будетъ!—серьезно высказался батюшка.

— Я то же думаю... Полюбовно самое лучшее,—подтвердилъ и Никита Терентьичъ.

Собравшійся было домой батюшка остался, откушалъ яичницу „глазками“ и подъ конецъ бесѣды при содѣйствіи Никиты Терентьича, уговорилъ Пузанова раздѣлить спорный участокъ поровну. Часъ спустя они установили на лугахъ вѣшки на новой межѣ и распрощались.

Весь вечеръ Корнилъ Иванычъ выслушивалъ упреки жены. Разобиженная женщина, негодуя на гостей, стыдила мужа, что тотъ поддался уговорамъ. Жалѣлъ о случившемся и самъ Корнилъ Иванычъ, лежа въ постели и долго не засыпая послѣ того, какъ Трезоръ встревожилъ его своимъ лаемъ.

II.

Поселившись на вновь пріобрѣтенномъ хуторѣ, Корнилъ Иванычъ съ первой же осени убѣдился—въ какомъ безпокойномъ мѣстѣ вздумалъ онъ обосновать свое гнѣздо. Поселился онъ, что называется, въ сердцѣ Башкиріи и только однимъ утѣшался, что въ двухъ верстахъ отъ хутора село Воскресенское, гдѣ живутъ русскіе люди, гдѣ есть церковь, а при ней добродушный и хлѣбосольный батюшка Никандръ. Верстахъ въ трехъ, въ лѣсу, была еще русская деревушка, заселенная переселенцами, и не будь этого пріятнаго сосѣдства, трудно бы было ему выжить, перебравшись изъ коренной русской части уѣзда.

Башкиръ Корнилъ Иванычъ не любилъ и боялся ихъ, не понимая ихъ рѣчи. Смущали его и ихъ густо заселенныя деревни, разбросанныя въ лощинахъ, окруженныхъ голыми и унылыми безлѣсными холмами; избы темныя, большею частью двухоконныя съ потемнѣвшими соломенными кровлями, безъ сараевъ, завозень и плетней. Особенно угрюмый и даже зловѣщій видъ пріобрѣли эти избы за послѣдніе неурожайные годы: по нуждѣ башкиры скормили скоту соломенныя кровли, и теперь тамъ и тутъ въ деревняхъ торчатъ обнаженныя стропила, словно ребра разложившагося трупа.

Самъ Корнилъ Иванычъ никогда не испытывалъ бѣдности, надѣялся на свои силы, расчетливость и умѣнье хозяйничать, и бѣдность не пугала его изъ тьмы грядущаго, но онъ страшно боялся бѣднаго человѣка. Это былъ какой-то необъяснимый и необычайный страхъ. Почему-то бѣдныхъ онъ считалъ злыми и хитрыми, падкими до чужого добра и лѣнивыми. Купцу казалось, что каждый бѣднякъ норовитъ подорвать его благосостояніе, почему онъ избѣгалъ встрѣчи съ бѣднякомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ему легко привести въ исполненіе свои тайныя намѣренія. Корнилу Иванычу казалось, что въ каждую темную ночь около хутора бродятъ злодѣи-бѣдняки и высматриваютъ—нельзя-ли забраться въ амбаръ или увести со двора лошадь или корову.

Особенно злыми и преступными казались ему башкиры, благосостояніе которыхъ подорвалось рядомъ неурожайныхъ лѣтъ. А тутъ еще въ первую же осень по переселеніи неизвѣстно куда запропастилась его двухлѣтняя телка, съ поля пропали сошники отъ сохи, брошенной нерадивымъ работникомъ, и какъ-то разъ, остановившись въ селѣ Воскресенскомъ около „казенки“ и зайдя въ лавку, вернувшись, онъ

не нашелъ въ телѣгѣ ни жестяного жбана съ керосиномъ, ни мѣшка съ баранками и ситникомъ.

Относясь къ этимъ первымъ пропажамъ, какъ къ злостнымъ предупрежденіямъ со стороны бѣдняка-злодѣя, опасливый купецъ насторожился: повѣсилъ на амбары громадные замки, нанялъ Ѳому и вмѣнилъ ему въ обязанность всю ночь дозорить усадьбу и пугать злодѣевъ трещоткой. Въ помощь старику предназначался и вѣрный Трезоръ, котораго на ночь спускали бѣгать на блокѣ по длинной веревкѣ, протянутой черезъ весь дворъ.

Страхъ передъ бѣдными и нелюбовь къ нимъ Корнилъ Ивановичъ унаслѣдовалъ отъ родного отца, вмѣстѣ съ бакалейной лавочкой, усадебкой и деньгами. Кромѣ Корнила Иваныча у старика былъ еще сынъ Степанъ, который жилъ при отцѣ, помогалъ ему въ дѣлахъ и завѣдывалъ небольшимъ кирпичнымъ заводомъ. Дѣла по заводу шли хорошо, пока не наступили голодные годы, а какъ только все крестьянство въ округѣ бросило думать о новыхъ печахъ, занятое заботой о кускѣ хлѣба—дѣла по заводу упали. Тѣ же голодные годы подорвали благосостояніе старика, а когда дѣла пошатнулись—старикъ порастрясъ часть накопленій, сталъ прихварывать и, наконецъ, умеръ.

Корнилу Иванычу, какъ болѣе видному и смышленому сыну, старикъ завѣщалъ лавочку и усадьбу въ большомъ торговомъ селѣ, а Степану Иванычу достался кирпичный заводъ, съ клочкомъ земли, на которой засѣвалось десятинъ шесть-семь хлѣба.

Корнилъ Иванычъ бросилъ службу и сталъ торговать въ лавочкѣ, попутно занявшись скупкой скота среди населенія голодающихъ деревушекъ, и эти выгодныя операціи окрылили молодого ястреба. Дѣла Степана Иваныча пошатнулись, работу на заводѣ пришлось пріостановить, и заводчикъ отъ огорченій запилъ. Въ то же время и съ его женой случилось нѣчто неладное. Полюбился ей одинъ молодой скотопромышленникъ, и она уѣхала съ нимъ въ городъ, покинувъ нелюбимаго и постылаго мужа. Черезъ годъ заводъ Степана Иваныча былъ проданъ съ молотка, а разорившійся заводчикъ скрылся куда-то изъ родимыхъ мѣстъ, и никто не зналъ, гдѣ онъ оплакиваетъ свою долюшку.

По родственному, да при людяхъ Корнилъ Иванычъ вспоминалъ брата жалѣючи,—въ душѣ же былъ доволенъ, что тотъ не объявляется, хотя смерти его онъ искренно не желалъ; когда же невольно приходила такая блажная мысль—Корнилъ Иванычъ гналъ ее отъ себя. А когда припоминалось,

что въ его оборотномъ капиталѣ есть сотни двѣ-три рублей, принадлежащіе брату,—Корнила Иваныча радовало отсутствіе неудачника, и только иногда смущала безпокойная дума—вернется Степанъ Иванычъ или нѣтъ? Умеръ онъ, или еще бродитъ гдѣ-нибудь?..

А Степанъ Иванычъ былъ живъ и здоровъ. Разочаровавшись въ семейномъ счастіи и оплакавъ свое разореніе, онъ бродилъ теперь по чужимъ краямъ вмѣстѣ съ такими же, какъ и онъ, неудачниками.

Тихій онъ былъ и слабый человѣкъ. Дѣлъ коммерческихъ самостоятельно никогда не велъ, а если и управлялъ заводомъ, работая и самъ въ качествѣ простого батрака, такъ все это дѣлалось подъ наблюденіемъ старика отца.

Довѣрчивый и добродушный Степанъ Иванычъ плохо разбирался въ людяхъ, его окружавшихъ, вѣрилъ имъ и совершенно не замѣчалъ, что тѣ же люди пользуются его простотою и, обдѣлавъ съ нимъ выгодное дѣлишко, потомъ его же называли „простоволосымъ и рохлей". Кому не лѣнь было, всѣ надували простодушнаго Степана Иваныча, и онъ долго не замѣчалъ даже, что его законная жена связалась съ городскимъ молодчикомъ.

Родного брата онъ также совсѣмъ не зналъ, хотя Корнилъ Иванычъ оказывалъ ему должное братское вниманіе. Не зналъ онъ также и подробностей смерти старика, такъ какъ уѣзжалъ въ это время куда-то на сторону по дѣламъ завода и, вернувшись, засталъ уже бездыханный трупъ отца на столѣ въ переднемъ углу, и отъ него осталось тайной содержаніе духовнаго завѣщанія. Корнилъ Иванычъ объявилъ волю отца, что „сыну Степану переходитъ во владѣніе кирпичный заводъ со всѣми постройками, съ землей и со всѣмъ находящимся въ оной", а о двухъ стахъ пятидесяти рубляхъ совсѣмъ не упомянулъ. И только уже послѣ разоренія Степанъ Иванычъ узналъ продѣлку брата. Возбужденный виномъ и обнаружившимся обманомъ, явился было онъ къ брату чтобы вытребовать деньги и разоблачить его мошенничество, но Корнила Иваныча не было дома, а Ольга Романовна и слушать не захотѣла пьяную рѣчь „выжившаго изъ ума человѣка".

Степанъ Иванычъ, дѣйствительно, походилъ въ это время на безумнаго. Махнулъ онъ на все рукою и, повстрѣчавшись на ярмаркѣ въ одномъ селѣ съ какими-то молодцами, вступилъ въ ихъ веселую общину, пропивая остатки сохранившихся денегъ и, не отставая отъ нихъ, очутился на берегу рѣки Бѣлой, а потомъ вся компанія добралась и до Камы.

Ни чѣмъ опредѣленнымъ скитальцы не были заняты, да ихъ и не интересовалъ этотъ вопросъ. Бродя по берегу большой рѣки они брались за разнообразныя работы, нагружали барки, разбирали плоты, пригнанныя съ верховья, работали и на желѣзной дорогѣ, а иногда цѣлыми днями бездѣльничали, пропивали заработки, наводя страхъ на обитателей мирныхъ прибрежныхъ деревень. Въ Елабугѣ всѣ четверо были заподозрѣны въ похищеніи желѣза съ казеннаго баркаса и засажены въ тюрьму. Степанъ Иванычъ оправдался какимъ-то образомъ и послѣ семимѣсячной высидки въ тюрьмѣ былъ освобожденъ, хотя изъ тюрьмы ему пришлось переселиться прямо въ больницу. Черезъ два мѣсяца высидки выпустили и остальныхъ: слѣдственныя власти не могли установить виновность заподозрѣнныхъ.

Во время скитаній съ „камскими молодцами“ Степанъ Иванычъ какъ будто переродился. Сидѣлъ онъ раньше на заводѣ среди однихъ и тѣхъ же людей, и подавленный тяжелой и однообразной работой, былъ равнодушенъ ко всему совершавшемуся вокругъ, и въ его характерѣ было что то выжидательное, неподвижное и хрупкое. Свалилась на его плечи бѣда, прогорѣлъ онъ съ заводомъ—и палъ духомъ. Въ средѣ же „камскихъ молодцовъ“ затронулись другія струны души. Постоянное скитаніе по разнымъ мѣстамъ, разнообразныя встрѣчи, случайный заработокъ, веселый кутежъ, а потомъ—печальное похмѣлье, голодовка и новое исканіе работы, —все это разнообразное, шумное и непостоянное сдѣлали Степана Иваныча сметливымъ и рѣшительнымъ, и черезъ полтора или два года бродячей жизни онъ уже пересталъ походить на прежняго Степана Иваныча, тихаго и довѣрчиваго. Теперь его уже не легко было провести, или „заговорить зубы“—онъ понималъ суть дѣла, быстрѣе разбирался въ людяхъ, и, главное, махнувъ на все рукою, смѣло смотрѣлъ въ неизвѣстное будущее. Товарищи по участи любили его, а нѣкоторые изъ нихъ даже и преклонялись передъ его прошлымъ, когда узнали, что Степанъ Иванычъ бывшій заводчикъ, сладко пожившій съ молодой женой.

Даже во внѣшности перемѣнился Степанъ Иванычъ. Правда, теперь его костюмъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ и прямо невозможенъ, лицо тоже расплылось, побагровѣло и обросло клочковатой бородой, но зато темные узенькіе глазки научились метать искры злобы и ненависти, руки стали цѣпкими и ловкими, въ рѣчи порой слышалось нѣчто смѣлое и даже непреклонное.

Въ этомъ отношеніи Степанъ Иванычъ представлялъ изъ

себя удачную копію съ одного изъ своихъ товарищей, Гришки Сомова, которому онъ старался подражать во всемъ, начиная съ привычки говорить, оскаливая зубы, и кончая отвагой, съ которой тотъ старался отстоять права своей скитальческой особы.

На чужбинѣ Степанъ Иванычъ нерѣдко вспоминалъ о родномъ братѣ, и всѣ въ компаніи знали, что у товарища за купцомъ должокъ.

— Что ты, братъ, тутъ-то маешься—шелъ бы къ брату, получилъ бы денежки, обосновалъ бы себѣ какую ни на есть хатку, да и зажилъ бы по-крестьянски,—говорилъ Степану Иванычу „Тихонъ Задонскій", какъ называли скитальцы одного изъ членовъ семьи, рыжебородаго веснущатаго мужика, который по какому то недоразумѣнію попалъ въ ихъ кружокъ, проповѣдуя при каждомъ удобномъ случаѣ преимущества крестьянской жизни передъ бродяжничествомъ.

— Погоди, Степанъ, не ходи!—противорѣчилъ „Тихону Задонскому" Гришка:—пусть тамъ набѣжитъ побольше процентовъ, тогда и пойдешь... Дѣло твое вѣрное, духовную-то онъ никуда не спрячетъ... Явишься ты къ нему, да и—„пожалуйста, молъ, Корнилъ Иванычъ, денежки, да съ процентиками"... Съ тобой вмѣстѣ пойдемъ деньги добывать. Процентики то можно и пустить во всю!..

Гришка съ усмѣшкой закончилъ свой устный проектъ и похлопалъ Степана Иваныча по плечу, какъ бы выражая этимъ, что, молъ, безъ меня тебѣ, молодчикъ, не обойтись!

Иногда Степанъ Иванычъ соглашался съ мнѣніемъ „Тихона Задонскаго" и его подмывало пойти къ брату, но подъ вліяніемъ рѣчей Гришки онъ оставался въ компаніи.

Осенью обстоятельства жизни дружной компаніи измѣнились къ лучшему. Перебрались они по Волгѣ до Нижняго и здѣсь на одной изъ большихъ пристаней устроились грузчиками. Степану Иванычу нравилась жизнь на большой рѣкѣ. Здѣсь было такъ шумно и разнообразно, и онъ, съ дѣтства не отъѣзжавшій отъ родного села дальше ста верстъ, дивился новой жизни, какъ алкоголикъ упивался ея благами, и терпѣливо переносилъ временныя лишенія, зная по опыту, что большая рѣка прокормитъ. Ему нравилась и эта рѣчная тишь и гладь, и любилъ онъ могучія подвижныя волны и при свѣтѣ солнышка, когда тихо покачиваютъ онѣ плоты, лодки и барки съ скрипучими снастями, любилъ онъ ихъ и въ непогоду, когда набѣгаютъ онѣ на берегъ ворчливыми и холодными гребнями и треплютъ утлую лодку, грозя могилой смѣльчаку-пловцу...

Тѣшась видомъ рѣки, какъ дитя малое, все же иногда Степанъ Иванычъ раздумывалъ и о томъ, когда пойти къ брату и поднести ему „клюкву подъ носъ", какъ выражался Гришка. И въ душѣ Степана Иваныча подростали побѣги новыхъ чувствъ: онъ все больше и больше проникался ненавистью къ брату, и ему хотѣлось не просто пойти и просить денегъ,—ему хотѣлось взять ихъ, съ тѣмъ, чтобы Корнилу Иванычу отъ этого стало больно. И его часто тревожила мысль,—а вдругъ онъ не успѣетъ сдѣлать это? а вдругъ онъ умретъ, и ему не удастся потѣшиться надъ братомъ? Всю прошлую зиму Степанъ Иванычъ частенько прихварывалъ и это печалило его. Наступившей зимою, безъ денегъ и въ рваньѣ, Степанъ Иванычъ не рѣшилъ, однако, пуститься въ далекое путешествіе и сталъ терпѣливо ожидать слѣдующей весны.

III.

Проснувшись утромъ рано послѣ безпокойной ночи, Корнилъ Иванычъ вышелъ изъ кухни, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, поклонился въ сторону сельской церкви, бѣлая колокольня которой виднѣлась изъ-за пригорка, и сошелъ съ крыльца.

Утро было ясное и тихое. Изъ-за лѣса вставало яркое весеннее солнышко, въ огородѣ на вѣткахъ попискивала какая-то птичка.

Корнилъ Иванычъ окинулъ глазами дворъ. Около хлѣва баба-скотница поила телятъ, а у завозни двое работниковъ приготовлялись къ выѣзду въ поле, впрягая въ телѣгу лошадей. Хозяинъ подошелъ къ работникамъ, спросилъ, кончили ли они боронить „подъ дубками", поговорилъ еще о чемъ то и прошелъ по двору дальше, внимательнымъ окомъ разсматривая окружающее. Издали посвистываньемъ и прищелкиваньемъ языка поласкалъ онъ Трезора, который взвизгивая рвался на цѣпи, похлопалъ ладонью по собственной ногѣ, какъ бы подзывая къ себѣ вѣрнаго пса, и вернулся въ домъ, гдѣ въ это время Ольга Романовна приготовляла чай.

Напившись чаю, Корнилъ Иванычъ одѣлъ на себя короткій ватный пиджакъ, вооружился тростью и вышелъ изъ усадьбы. Посмотрѣлъ онъ въ сторону церковной земли и снова съ печалью подумалъ о случившемся, съ неудовольствіемъ вспоминая о батюшкѣ, который вытянулъ изъ него роковое рѣшеніе. Корнилъ Иванычъ старался успокоить себя разсужденіемъ, что ихъ словесный договоръ ничего не значитъ,

а когда дѣло дойдетъ до суда, вѣроятно, спорный участокъ отойдетъ ему,—а все-таки ему уже не придется скосить траву тамъ, гдѣ въ прошломъ году было собрано двѣ копны хорошаго сѣна.

При этомъ воспоминаніи Корнилъ Иванычъ вздохнулъ и скучающими глазами посмотрѣлъ за рѣчку, за которой начинались ровныя башкирскія поля, и покосился на высокій темный минаретъ мечети, которая возвышалась надъ крошечными хатками деревушки Кара-Куль.

Жители этой деревушки были ближайшими сосѣдями Корнила Иваныча и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыми страшными его врагами. Мнительный хуторянинъ почему то считалъ ихъ похитителями его телки, особенно же убѣдилъ его въ томъ урядникъ, производившій дознаніе, хотя и не открывшій дѣйствительныхъ виновниковъ. Среди каракульцевъ у Корнила Иваныча были и пріятели: Минниталей Рахмановъ, старикъ мулла лѣтъ 60 и мѣстный богачъ купецъ Сафіулла.

Предпріимчивый купецъ, имѣя въ деревнѣ мелочную лавочку, занимался попутно скупкой хлѣба, скота и башкирскаго скарба. Имъ же былъ арендованъ у однодеревенцевъ клочокъ земли. Искусно обработавъ новую землю, купецъ не нахвалился урожаемъ, тогда какъ его однодеревенцы готовились къ встрѣчѣ голодовки на всю суровую холодную зиму. Сафіулла хвалился своей удачей на арендованной землѣ и передъ Корниломъ Иванычемъ и быстро склонилъ послѣдняго затѣять общее дѣло, и они порѣшили арендовать у каракульцевъ большой участокъ земли, лежавшей впустѣ. Наголодавшіеся башкиры, съ своей стороны, также скоро согласились, и среди обитателей деревушки начались нескончаемые сходы, споры и пересуды, какъ это дѣлается постоянно, когда затрогивается земельный вопросъ.

Въ такихъ случаяхъ среди каракульцевъ образовывались двѣ спорящія партіи. Одна партія—это тѣ изъ башкиръ, которые являются чистыми потомками нѣкогда своеобразно-свободной и кочевой Башкиріи. Земледѣльческій трудъ, несмотря на обиліе земли, не остановилъ ихъ вниманія, и они остались тѣми же безпечными, мечтательными сынами привольной степи, когда на холмахъ и въ лощинахъ паслись безчисленные стада коней и верблюдовъ. Прошли года—и незамѣтно для степныхъ созерцателей измѣнилась жизнь: верблюды окончательно вывелись, конскія стада порѣдѣли, а на сотни верстъ тянулись пустынныя, безмолвныя степи; рѣже стало слышаться въ степи конское ржанье, не такъ часто звенятъ меланхолическіе напѣвы „сопилки“ и „чибузги“, и

только заунывная тягучая пѣсенка тревожитъ тишину степи, и слышится въ ней жалоба объ утратѣ привольной жизни...

Пришли русскіе люди и принесли съ собою новую жизнь: обосновались поселки, тяжелый плугъ приподнялъ пласты дѣвственной земли, острая коса подрѣзала ковыль и степные былинки, заскрипѣли по вновь проложеннымъ дорогамъ громоздкія телѣги, послышалась новая рѣчь—и молчаливая ровная степь стала прислушиваться къ новымъ пѣснямъ... Поселки разрослись въ села, какъ изъ земли выросли церкви съ бѣлыми колокольнями—и чутко прислушивается степь къ колокольному перезвону, а степной вѣтеръ разноситъ во всѣ стороны до того неслыханные звуки...

Одни изъ башкиръ усвоили русскую рѣчь, другіе измѣнили вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ, третьи, оставшись вѣрными Магомету, научились пахать землю, и весь укладъ ихъ жизни измѣнился. И никогда не примирятся эти новые хлѣбопашцы, познавъ цѣну земли, съ тѣми, въ жилахъ которыхъ еще не угомонилась кровь дѣдовъ-кочевниковъ.

Когда Сафіулла надумалъ арендовать землю и объявилъ о своемъ желаніи на деревнѣ—буря разразилась. Голодные кочевники, безъ кочевья и безъ конскихъ стадъ, откликнулись первые, ибо земля въ ихъ глазахъ была ненужнымъ богатствомъ. До этого они бродили по деревнямъ и по купеческимъ экономіямъ и хуторамъ и продавали свой трудъ батраковъ; перспектива получки денегъ, чая и сахара прельстила ихъ, и они, какъ мухи на медъ, липли къ предпріимчивому Сафіуллѣ. Земледѣльцы башкиры, напротивъ, подняли шумъ, видя, что купецъ, и безъ того высасывающій изъ нихъ соки, подрывается и подъ ихъ земельные устои.

Все время, пока Корнилъ Иванычъ шелъ отъ усадьбы до деревни, дума о новомъ предпріятіи не оставляла его. Онъ не сомнѣвался въ выгодѣ задуманнаго. Тайно отъ товарища по предпріятію и даже отъ жены, Корнилъ Иванычъ сожалѣлъ, что не догадался начать дѣло самостоятельно, безъ участія каракульскаго купца, вѣдь тогда всѣ барыши предпріятія были бы въ его карманѣ, хотя онъ не былъ увѣренъ, удалось ли бы ему одному оборудовать это дѣло.

Корнилъ Иванычъ дошелъ до деревни. Саженяхъ во ста отъ тяжелыхъ, скрипучихъ воротъ околицы, отгораживающей деревенскій выгонъ отъ полей, начинались постройки: сначала попадались по обѣ стороны широкой улицы отдѣльно стоявшія крошечныя хатки съ пузырями, вмѣсто оконъ, и мазанки съ плоскими крышами. Ни сараевъ, ни плетней около этихъ жилищъ не было. Чѣмъ ближе къ мечети, тѣмъ чаще

и чаще стали встрѣчаться избы сравнительно зажиточныхъ башкиръ; здѣсь уже тянулись сплошные плетни и бревенчатые заборы. на задворкахъ виднѣлись крыши сараевъ.

Корнилъ Иванычъ подошелъ къ новой трехоконной избѣ Сафіуллы. Громадная пятистѣнная изба стояла посреди двора, обнесеннаго тесовымъ заборомъ съ гвоздями, набитыми по верху; по другую сторону тесовыхъ воротъ была устроена лавочка—небольшое бревенчатое зданіе, крытое желѣзомъ и съ тяжелой желѣзной дверью на улицу. Дверь была распахнута настежъ и на порогѣ сидѣлъ сынъ Сафіуллы, юноша лѣтъ шестнадцати. Отъ него Корнилъ Иванычъ узналъ, что отецъ уже на сходѣ.

Миновавъ площадь съ высокой темной мечетью посрединѣ и съ густо разросшимся садикомъ у дома муллы, Корнилъ Иванычъ прошелъ дальше, и до его слуха донесся неясный гулъ голосовъ. Взобравшись на пригорокъ, онъ увидѣлъ около избы старосты громадную толпу башкиръ.

Съ ранняго утра стали собираться къ избѣ старосты люди. Сперва появились башкиры, непосредственно заинтересованные въ разрѣшеніи вопроса объ арендѣ. Предупредительный Сафіулла сумѣлъ склонить старосту на свою сторону и, несмотря на то, что старикъ Гирей принадлежалъ къ такъ называемой земледѣльческой партіи каракульцевъ, въ лицѣ его фантазеры - кочевники встрѣтили единомышленника. Собравшись вокругъ старика, кочевники обсуждали—какъ отразить нападеніе со стороны противной партіи, такъ какъ хорошо знали, что эта партія, во главѣ съ Хасаномъ и его сыномъ, солдатомъ Салимъ-Гиреемъ, готовится оказать сопротивленіе Сафіуллѣ и Корнилу Иванычу.

Умный и разсудительный старикъ Хасанъ прекрасно понималъ, что только нужда заставляетъ его однодеревенцевъ сдавать въ аренду землю за безцѣнокъ, и что съ этимъ ни онъ, ни его сынъ и никто изъ его единомышленниковъ ничего не сдѣлаютъ, и онъ еще больше озлоблялся противъ Сафіуллы. Два года тому назадъ, когда купцу удалось выйти изъ такого же спора побѣдителемъ и когда старикъ убѣдился, что попытка купца увѣнчалась успѣхомъ и еще больше поощрила его хищническую наклонность къ скупкѣ крестьянской земли за безцѣнокъ,—Хасану казалось, что это начало большой бѣды, и что чрезъ нѣсколько лѣтъ большая часть свободныхъ земель перейдетъ къ окружнымъ купцамъ и богатымъ мужикамъ изъ с. Воскресенскаго, а это нарушитъ земельный укладъ всей деревни. Новый арендаторъ въ лицѣ Корнила Иваныча представлялся старику оли-

цетвореніемъ грядущей бѣды, а за послѣдніе неурожайные годы и безъ того такъ много выпало несчастій! Такое воззрѣніе раздѣляли и многіе изъ земледѣльцевъ—башкиръ, группируясь около Хасана тѣсной семьей протестантовъ, и въ то время, когда у избы старосты собиралась толпа, около избы Хасана, въ противуположномъ концѣ деревни, также собралась кучка людей, а самъ старикъ съ сыномъ и еще кое съ кѣмъ изъ вліятельныхъ единомышленниковъ—составили военный совѣтъ, размѣщаясь на широкихъ нарахъ обширной избы.

Появленіе Сафіуллы около избы старосты отозвалось въ толпѣ оживленіемъ. Завидя издали „благодѣтеля" толпа заволновалась, говоръ усилился, лица просіяли. Всѣ эти счастливые люди знали, что сегодня конецъ продолжительнымъ и утомительнымъ переговорамъ, останется только скрѣпить условіе томгами и всѣ они получатъ деньги, чай, сахаръ и хлѣбъ—и начнется „настоящая" жизнь послѣ продолжительнаго воздержанія или отравляющей существованіе голодовки.

Когда Сафіулла подошелъ къ толпѣ около избы старосты,—съ пикета непріятельскаго отряда замѣтили появленіе предводителя вражескаго стана, и отъ избы Хасана отдѣлился отрядъ человѣкъ въ двадцать во главѣ съ самимъ Гиреемъ. Немного спустя на улицѣ появился и Хасанъ въ сопровожденіи четверыхъ старцевъ. Всѣ они медленно двигались за авангардомъ и мирно бесѣдовали на темы, далекія отъ предстоящихъ событій. Когда старики подошли къ избѣ старосты, тамъ уже началась словесная битва.

Темноглазый, статный съ виду Сафіулла стоялъ въ сторонѣ отъ всѣхъ; подперевъ лѣвою рукою бокъ и жестикулируя правой, онъ говорилъ горячо, обращаясь къ высокому съ орлинымъ взглядомъ Селимъ-Гирею. Противники поѣдали другъ друга глазами, и всѣ прислушивались къ рѣчамъ бойцовъ, затаивъ дыханіе. Сафіулла старался развить мысль и убѣдить противниковъ, что никто не можетъ помѣшать ему совершить законную сдѣлку съ кѣмъ бы то ни было, и что каракульцы также имѣютъ право сдавать земли, если пожелаютъ. Купца поддерживалъ староста, ссылаясь на предыдущіе сходы, которыми установилось право за каждымъ изъ каракульцевъ распоряжаться своими надѣлами. Селимъ-Гирей отрицалъ законность постановленнаго приговора, упоминалъ о подкупѣ со стороны купцовъ Сафіуллы и Пузанова, и хотя его рѣчь и была горяча и воодушевленна, но ему не удалось доказать справедливость перваго, и онъ ничѣмъ не могъ подтвердить измѣны со стороны старосты.

Видя пораженіе сына, старикъ Хасанъ ринулся въ толпу и, выпрямивъ спину и въ упоръ уставившись на купца сверкающими глазами, обрушился на Сафіуллу, и горячо высказалъ все накипѣвшее въ душѣ. Онъ называлъ купца язвой ихъ общества, упрекалъ его за наклонность къ наживѣ недобросовѣстными путями: скупкой скота, скарба и земли въ годины несчастій, упрекалъ также и въ измѣнѣ вѣрѣ, разъ онъ рѣшился соединиться съ „урусомъ“ Пузановымъ и вмѣстѣ съ нимъ разорять деревню...

Въ это время къ толпѣ подошелъ Корнилъ Иванычъ, и голосъ старика повысился и глаза еще сильнѣе расширились. Пузановъ встрѣтился съ горящимъ взглядомъ Хасана и потупилъ глаза. Къ нему протискался чрезъ толпу низенькій и худенькій башкиръ, съ жиденькой рыжеватой бородкой и въ рваной шляпченкѣ на головѣ. Это былъ Валлетша, предводитель партіи согласившихся сдать землю. Отведя Пузанова въ сторону, онъ тихо проговорилъ:

— Вся кончалъ, Корнила Иванычъ... условія пишимъ и-и!.. пошла твоя плугъ наша земля...

—Чего же этотъ песъ то лаетъ?...—спросилъ хуторянинъ, указывая на Хасана и понявъ изъ его рѣчи, что именно его старикъ и ругаетъ.

— И-и!.. зря болтаетъ! стара бить онъ! умъ кончалъ!—махнулъ рукою башкирецъ и, пристально посмотрѣвъ въ глаза Пузанову, добавилъ:—акча (деньги) Корнила Иванычъ даешь?.. сапсемъ бить вся кончалъ;—старался напомнить Валлетша про обѣщаніе купца заплатить башкиру за хлопоты по дѣлу объ арендѣ. Но Пузановъ не успѣлъ отвѣтить похлопотавшему за него каракульцу: къ нему подошелъ Сафіулла, и купцы отошли въ сторону отъ толпы.

Пока они о чемъ-то бесѣдовали, страсти спорщиковъ разгорались съ каждой минутой, съ приходомъ же Корнила Иваныча чаще слышался ропотъ со стороны не участвовавшихъ въ открытомъ спорѣ. Наблюдая издали толпу, Пузановъ видѣлъ съ какой ненавистью посматривали въ его сторону башкиры, а Селимъ-Гирей не стѣсняясь кивалъ на него головою и угрожающе размахивалъ кулаками; Корнилъ Иванычъ встрѣчался съ горящимъ взоромъ въ глазахъ красиваго башкира, и въ глубинѣ его души поднимался страхъ, до этого подавленный ненасытнымъ стремленіемъ къ наживѣ. Онъ даже высказалъ товарищу сожалѣніе, что впутался въ эту исторію, но храбрый Сафіулла однимъ словомъ ободрилъ поблѣднѣвшаго Корнила Иваныча.

Купецъ смѣло двинулся къ толпѣ и, громко окрикнувъ

старосту, позвалъ его въ избу, за ними послѣдовалъ и Валлетша. Группа спорщиковъ раздвинулась, чтобы пропустить къ воротамъ купцовъ и старосту, но въ этомъ молчаливомъ движеніи было что то зловѣщее; казалось, эти люди только для того и раздвинулись, чтобы потомъ плотно и стремительно сжаться и раздавить, разметать ненавистныхъ людей въ ихъ побѣдномъ шествіи.

Скрывшись въ избѣ, купецъ и староста бѣгло обсудили обстоятельства дѣла, и Сафіулла непреклоннымъ, почти начальническимъ тономъ приказалъ старостѣ, чтобы завтра же утромъ всѣ согласившіеся сдать въ аренду землю явились въ волость, гдѣ и будутъ выданы обѣщанные задатки.

Отдавъ приказаніе, купцы вышли изъ избы

— Акся... Корнила Иванычъ!.. акся!—шепотомъ молилъ Валлетша, торопливо шагая за Пузановымъ, но купецъ отмахнулся рукой, слѣдуя по пятамъ за Сафіуллою и опасаясь отстать отъ него.

Толпа молча проводила удалившихся купцовъ—и долго еще около избы старосты волновались задѣтые за живое люди.

Возвращаясь одиноко домой и невольно прибавляя шагу, Корнилъ Иванычъ раздумывалъ о томъ, какихъ враговъ нажилъ онъ въ лицѣ нѣкоторыхъ каракульцевъ. Наскоро пообѣдавъ, заложилъ онъ саврасаго иноходца въ бѣговыя дрожки и поѣхалъ къ батюшкѣ, чтобы излить свои горести.

— Народъ они, Корнилъ Иванычъ, головорѣзы, что говорить,—отвѣчалъ на всѣ жалобы сосѣда батюшка.—Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, какъ я пріѣхалъ сюда впервые—куда какъ не весело жилось... Да ничего, Слава Господу Богу, никакихъ непріятностей отъ нихъ не видѣлъ. Сѣнцо вотъ иногда потаскиваютъ съ луговъ, ну, да теперь луга свои я сдалъ, и пусть себѣ какъ хочетъ вожжается съ ними Никита Терентьичъ!..

Послѣ переговора съ батюшкой Корнилъ Иванычъ еще больше забезпокоился. Всѣ луга его тянутся вдоль рѣчки, за которой начинаются башкирскія поля. Правда, изъ угловыхъ оконъ дома видны и луга и рѣчка, но развѣ доглядишь! Заберутся башкиры въ темную осеннюю ночь на луга и скрадутъ сѣно, а враговъ у Корнила Иваныча прибавилось!

Въ душѣ хуторянина все больше и больше разростался паническій страхъ передъ лицомъ сосѣдей, и онъ проклиналъ сложившіеся обстоятельства и купца Скоромина, благодаря которому пришлось поселиться въ такомъ безпокойномъ мѣстѣ. Но не сдѣлать этого было невозможно, иначе

какимъ бы образомъ онъ получилъ долгъ по векселямъ? Кромѣ того, участокъ земли попался ему на зависть башкирамъ и другимъ сосѣдямъ, знающимъ качество скоромовскаго чернозема.

Обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла вмѣстѣ съ Ольгой Романовной, Корнилъ Иванычъ остановился на такомъ рѣшеніи: завтра же отправиться въ городъ, нанять каменьщиковъ и приступить къ постройкѣ кирпичныхъ амбаровъ и службъ, нанять полевого сторожа, на обязанности котораго будетъ лежать и объѣздъ и обходъ лѣсного участка, Ѳому вооружить одностволкой и завести во дворѣ побольше собакъ.

Вас. Брусянинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Утесъ.

Съ ревомъ бѣшенымъ на скалы
Буйный валъ летитъ за валомъ
И рокочетъ, и кипитъ.
Пѣна бѣлая сверкаетъ,
И когда луна сіяетъ,
Бриллiантами горитъ.
Недвижимо, величаво
Грудь подставивъ гнѣву вала,
Дремлетъ грозная скала.
А надъ ней въ лазури ясной
Раздается дикій, властный,
Безпощадный крикъ орла.
Длится годы бой суровый,
Валъ погибнетъ, встанетъ новый,
Море гнѣвное шумитъ.
Крики злобы и проклятья
Въ равнодушныя объятья
Принимаетъ все гранитъ.
Но я вѣрю: день настанетъ,
Солнце весело проглянетъ,
Море стихнетъ, какъ дитя,
И надъ сверженной скалою
Шаловливою волною
Будетъ плескаться шутя.

О. М. Державина.

Саранча.

Романъ А. Грушецкаго, переводъ съ польскаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ субботу около полудня въ одну повозку усѣлась старуха Крюгеръ, рядомъ съ нею Эрминія, напротивъ Даумъ и Кремпа, а Адальбертъ помѣстился со своимъ кнутомъ на козлахъ.

Другой экипажъ везъ Марію, ея пріятельницу и Собольскаго; здѣсь же, на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ помѣстилась Текля, чтобы помогать при приготовленіи закуски.

Экипажи ѣхали по хорошо укатанной дорогѣ, обсаженной рядами деревьевъ; они миновали многочисленныя фабрики, склады, костелъ св. Маргариты и наконецъ выѣхали въ поле.

День былъ ясный, тихій, но не знойный. На блѣдномъ, осеннемъ, почти опаловаго цвѣта небѣ рѣзко обрисовывались громадныя зданія желѣзныхъ заводовъ и угольныхъ копей, съ высокими красными трубами, синій дымъ которыхъ высоко поднимался. Полевыя работы кончились, и лишь кой гдѣ чернѣли завядшіе стебли картофеля и отливали почти голубымъ цвѣтомъ плотныя головки капусты. Желтовато-сѣрая пожня была прорѣзана свѣжими бороздами пашни или молодою зеленью озимей. Въ воздухѣ и на землѣ царила тишина отдыха послѣ плодотворной работы, какой то покой и удовлетворенность, словно послѣ исполненной обязанности.

— Однако эта Силезія имѣетъ своеобразную прелесть—проговорила Эвелина.

— Если она ее имѣетъ для васъ, то во сколько же разъ эта прелесть больше для тѣхъ, которые сжились съ этой землей,— сказалъ Собольскій, съ наслажденіемъ глядя на окружающій ландшафтъ.

— Давно ты была въ деревнѣ?—спросила Марія свою пріятельницу.

И завязался разговоръ объ удовольствіяхъ и выгодахъ деревни, города, столицы... Одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые ведутся только для того чтобъ не молчать, чтобы казалось, что время идетъ быстрѣе и что въ часѣ заключается не шестьдесятъ минутъ, а меньше.

Текля на козлахъ ежеминутно поворачивалась то въ одну сторону, то въ другую, и тихо говорила кучеру:

— Вонъ за грушей, справа, поле моего шурина... Посмотрите, какая у него капуста... Вотъ кому далъ Богъ урожай!

— Богъ всегда труды благословляетъ—отвѣчалъ кучеръ по силезски.—А сами вы откуда?

— Изъ Княженицъ.

— Гдѣ же вашъ домъ?

— Вонъ тамъ, за деревней, не видно отсюда... Боже мой, если бъ можно было забѣжать туда хоть на минутку, взглянуть на родной уголъ, поцѣловать брата, невѣстку,—и она такъ расчувствовалась, что глаза ея наполнились слезами.

Спустя минуту она продолжала, указывая пальцемъ на отдаленный хуторъ:

— Тамъ мой домъ, мое добро! Направо это гумно, рядомъ конюшня, а тамъ, на выгонѣ, пасется Красуля... О Господи, Іисусе! я кажется не выдержу и понесусь туда какъ птица.

— Тише, господа услышатъ,—уговаривалъ ее кучеръ.

— Э, вотъ этотъ господинъ изъ нашихъ; онъ издаетъ „Факелъ“; его нечего бояться.

— А теперь вышла дѣвочка, навѣрно Рузя... Право, я соскочу!

— Надо все дѣлать съ умомъ, — убѣждалъ ее кучеръ.—Я сейчасъ остановлюсь поправить упряжь, тогда и проситесь.

— Ахъ какой же вы добрый—умилялась Текля.—Остановитесь же, остановитесь!

Черезъ минуту экипажъ остановился. Кучеръ слѣзъ съ козелъ и занялся упряжью; въ ту же минуту спрыгнула и Текля и схвативъ руку Маріи принялась цѣловать ее, прося въ то же время прерывающимся голосомъ:

— Барыня, милая, позвольте мнѣ забѣжать домой... Такъ близко, что я не могу выдержать, полечу... Полъ-года уже никого не видѣла!

Марія слушала смущенная и удивленная живостью этой женщины, обыкновенно столь сдержанной.

— Чего она хочетъ?—спросила Эвелина, не понимавшая по-силезски.

Собольскій поспѣшилъ отвѣтить:

— Она проситъ позволенія навѣстить родной домъ, котораго давно уже не видѣла.

— Позволь ей!—шепнула Эвелина.

Послѣ минутнаго колебанія Марія сказала:

— Иди Текля, а передъ заходомъ солнца будь на дорогѣ.

Услышавъ только первыя слова, Текла начала горячо цѣловать руки Маріи и смѣясь сквозь слезы повторяла:

— Приду, приду, непремѣнно!

Проходя мимо кучера, она шепнула съ благодарностью:

— Богъ вамъ заплатитъ!

Она быстро перепрыгнула чрезъ ровъ и межею направилась къ дому. Отъ быстрой ходьбы концы платка на головѣ подымались кверху, башмаки задѣвали за юбку, и на восклицаніе Маріи: Помни же! передъ заходомъ солнца,—она едва повернула голову, не останавливаясь.

— Счастливица!—вздохнула Эвелина.—И что ее такъ тянетъ туда? Не ждетъ ее ни мужъ, ни ребенокъ, а какъ спѣшитъ!

— Привязанность этихъ людей къ отчизнѣ просто удивительна,—добавила Марія.

— Мнѣ кажется, что чувство это вполнѣ естественно,—отозвался Собольскій.

И на вопросительный взглядъ Эвелины онъ продолжалъ:

— Въ вашей жизни домъ представляетъ собой лишь спокойное мѣсто для отдыха; кромѣ него вы имѣете искусство, поэзію, книги, концерты, театръ, а для нихъ и поэзія, и искусство заключаются въ родномъ домѣ и костелѣ. Въ домѣ гдѣ она не знала нужды, горя, несправедливостей, гдѣ говорила на своемъ языкѣ, пѣла и молилась по своему, гдѣ мать любила и ласкала ее, и въ костелѣ, который отвлекаетъ ее отъ житейскихъ невзгодъ, поднимаетъ духъ и обѣщаетъ вѣчное блаженство.

— Это одно ваше поэтическое воображеніе!—засмѣялась Эвелина.

— Воображеніе? А эта дѣвушка, отказывающаяся отъ экипажа, закуски, отъ удовольствія увидѣть новыя мѣста и новыхъ людей, и бѣгущая теперь домой, гдѣ навѣрно ее ожидаютъ упреки, жалобы, просьбы о помощи; это тоже мое поэтическое воображеніе?

— Мнѣ кажется, Эвелина,—вмѣшалась въ разговоръ Марія,—что господинъ Собольскій совершенно правъ. Текля

не представляетъ исключенія; каждая изъ нихъ тоскуетъ по своемъ домѣ, по деревнѣ, и эта тоска по родинѣ временами достигаетъ такой степени, что онѣ бросаютъ хорошую службу съ высокой платой и бѣгутъ къ себѣ, въ деревню, часто на горе и лишенія.

— Но потомъ возвращаются—прибавила Эвелина.

— Да, успокоивъ свою тоску.

— Ощержинь!—сказалъ въ эту минуту кучеръ, указывая кнутомъ на деревню, лежащую передъ ними.

Всѣ стали смотрѣть; немного погодя Эвелина спросила:

— Вы не знаете почему эта мѣстность названа „Вильгельмсгеге“?

— Вѣроятно изъ политическихъ видовъ — засмѣялся Собольскій иронически.—Вѣдь у насъ все дѣлается подъ прикрытіемъ политики: даже любятъ и вступаютъ въ бракъ изъ политическихъ видовъ.

Слова эти, безъ вѣдома и желанія самого говорившаго, задѣли Эвелину; ей казалось что это намекъ на ея планы, но спокойный ласковый видъ Собольскаго разогналъ это подозрѣніе и послѣ короткой паузы она сказала, облекая слова свои въ форму афоризма:

— Любовь побѣждаетъ политику!

Экипажи въѣхали въ деревню. По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись дома, старательно огороженные, довольно высокіе, большею частью изъ кирпича; мѣстами на верху виднѣлись балконы. Передъ окнами нѣсколько небольшихъ грядокъ обыкновенно пестрѣли разнообразными цвѣтами. За домомъ находился фруктовый садъ, съ деревьями покрытыми въ эту пору плодами. Сбоку, отдѣленные небольшимъ дворикомъ съ колодцемъ, стояли въ порядкѣ хозяйственныя постройки.

На стукъ проѣзжающихъ экипажей къ калиткамъ подбѣгали любопытныя дѣти, чисто одѣтыя въ курточки и короткіе штанишки. Мальчики, такъ какъ погода была теплая, бѣгали безъ шапокъ, босикомъ, дѣвочки большею частью въ башмакахъ. Кой гдѣ въ окнѣ показывалось лицо женщины, съ гумна выглядывали мужчины.

По серединѣ деревни, возлѣ школы, остановился первый экипажъ, и Кремпа крикнулъ:

— Поѣдемъ въ лѣсъ!

Сейчасъ же за деревней, по лѣвой сторонѣ раскинулась большая усадьба, съ обширнымъ садомъ, обнесеннымъ желѣзной оградой, а на самомъ краю, справа, стоялъ деревенскій домикъ.

Передъ рогаткой, замыкающей лѣсъ, окруженный не глубокимъ рвомъ, экипажи остановились, и вскорѣ появился лѣсникъ, одѣтый въ сѣрую куртку съ зеленой выпушкой.

Послѣ продолжительныхъ убѣжденій, поддерживаемыхъ звономъ монеты, лѣсникъ разрѣшилъ въѣхать въ лѣсъ, на ближайшую поляну.

— Что же мы будемъ дѣлать?—воскликнулъ Даумъ.

— Я предлагаю собирать грибы!—отвѣчала Марія.

— И я!—поддержала ее сестра.

— Я предпочитаю цвѣты!—отозвалась Эвелина.—Кто со мной?

— Я помогу вамъ свить вѣнокъ—отвѣчалъ Собольскій.

— Или цѣпи!—засмѣялся Кремпа.

— Идите господа; а я останусь здѣсь,—сказала госпожа Крюгеръ.

Вскорѣ все общество разбрелось. Марія съ сестрой и Даумомъ собирали грибы, Кремпа съ Адальбертомъ разыскивали птицъ и насѣкомыхъ, а Эвелина съ Собольскимъ составляли букетъ изъ лѣсныхъ цвѣтовъ.

На обширной полянѣ лежали сваленные, очищенные отъ вѣтвей, но еще не вывезенные стволы деревьевъ. Разогрѣтая земля убралась тысячами цвѣтовъ, надъ которыми съ звонкимъ жужжаньемъ вились тучи пчелъ, слѣпней, осъ, шмелей и всевозможныхъ мухъ. Въ ближайшихъ кустахъ отзывались громкіе, веселые голоса птицъ, большею частью молодыхъ, которыя лишь недавно покинули родныя гнѣзда, чтобы зажить привольной, самостоятельной жизнью.

Эвелина и Собольскій сначала принялись съ увлеченіемъ рвать цвѣты, какъ дѣти тѣшась ихъ запахомъ и красками, но, когда букетъ принялъ значительные размѣры, Эвелина почувствовавъ усталость, усѣлась на сваленную осину и, складывая цвѣты, сказала Собольскому:

— Я хотѣла бы поговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ, которое интересуетъ васъ такъ же какъ и меня.

— Дѣло меня интересуетъ меньше, чѣмъ общность нашихъ интересовъ... Слѣдовательно, существуетъ нѣчто, хоть временно насъ связывающее?

— Дѣло раздѣляетъ насъ и соединяетъ...

— Интересно!—сказалъ Собольскій.

— Рѣшите это впослѣдствіи, а теперь выслушайте меня, пожалуйста.

И, поправляя съѣхавшую нѣсколько на бокъ шляпу, она взглянула на Собольскаго, который, какъ она замѣтила, пожиралъ ее глазами. Онъ опустилъ глаза и тихо отвѣчалъ:

— Я слушаю.

— Вѣдь вы любите силезцевъ, говоря вѣрнѣе, поляковъ, хотите помочь имъ, образовать ихъ и сдѣлать счастливыми? Такъ вѣдь?

— Вы возбуждаете мое любопытство; отвѣтъ считаю лишнимъ. Что же дальше?

— Они, какъ вы сами замѣтили сегодня, любятъ свой край, домъ, землю, и того, кто заставлялъ бы ихъ покидать Силезію, вы, разумѣется, считали бы ихъ врагомъ. Удивительно и пожалуй печально, что тѣ, которые ихъ любятъ, толкаютъ ихъ къ гибели, а другіе, относящіеся къ нимъ равнодушно и даже враждебно, стараются облегчить ихъ жизнь здѣсь. Не будетъ ли подобное положеніе дѣлъ, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, господинъ Собольскій? — спросила она съ легкой иронической улыбкой.

— Я понимаю васъ, однако не откажите назвать мнѣ факты,—отвѣчалъ онъ задумчиво.

— Я говорю обо всей вашей дѣятельности, какъ редактора „Факела", въ частности же о выборахъ въ сеймъ... Что побѣдимъ мы, вы сами знаете хорошо; что упорнымъ сумѣютъ отомстить, вы конечно предполагаете, я же знаю достовѣрно. Поэтому я обращаюсь къ вамъ во имя вашихъ идей, во имя тѣхъ людей, которыхъ вы любите и защищаете. Если ваши убѣжденія не позволяютъ вамъ измѣнить своей политики, то воздержитесь, по крайней мѣрѣ, отъ выборной агитаціи. Сдѣлайте это для ихъ же блага.

Собольскій слушалъ ее внимательно и нѣсколько разъ окинулъ ее пытливымъ взглядомъ. Когда же она кончила, онъ молча, съ улыбкой на губахъ, устремилъ глаза въ землю.

— Неужели я не заслужила даже отвѣта? — спросила красивая дѣвушка съ горечью.

— Рѣшите сначала, кому я долженъ отвѣчать: госпожѣ Крюгеръ изъ Бытома, или паннѣ Эвелинѣ, артисткѣ, и моей знакомой по Берлину?

— Быть можетъ вы объясните мнѣ эту разницу?—отвѣчала она неувѣреннымъ голосомъ.

— Госпожа Крюгеръ изъ Бытома, это лицо принадлежащее къ враждебной мнѣ партіи, если хотите, это эмиссаръ политической партіи; панна же Эвелина это артистка, къ которой я чувствую большую симпатію. Выбирайте же.

— Я уже выбрала. Говорите со мной, какъ съ берлинской знакомой.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, коснуться основныхъ вопросовъ спора между

нѣмцами и силезцами. Первоклассные изслѣдователи и величайшіе авторитеты педагогики, психологіи и философіи признали родной языкъ однимъ изъ важнѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ факторовъ въ развитіи цивилизаціи. Языкъ народа вырабатывался вѣками, онъ одинъ отвѣчаетъ условіямъ нормальнаго развитія, онъ одинъ приспособился къ положенію географическому и климатическому, въ немъ заключены богатства и духовное наслѣдіе безчисленныхъ поколѣній, онъ наиболѣе соотвѣтствуетъ психологическимъ и физіологическимъ условіямъ умственной жизни даннаго народа. Для защиты этого языка мы и поднимаемся противъ нѣмцевъ, которые, будучи чужды намъ по племени, обычаямъ, языку и вѣрѣ, стараются отнять у насъ это единственное наше благо. Благодаря конституціи мы начали борьбу на легальной почвѣ, собираемся въ ряды, возбуждаемъ твердость и отвагу, пользуемся всякимъ конституціоннымъ средствомъ и надѣемся на побѣду.

Эвелина внимательно слушала его слова, и когда онъ умолкъ, спросила:

— Но выборы... но эти бѣдняки, которые, потерявъ хлѣбъ, должны будутъ эмигрировать?

— Выборы именно и представляютъ одно изъ этихъ конституціонныхъ средствъ. Вполнѣ возможно, что при выборахъ въ сеймъ побѣдятъ нѣмцы и станутъ жестоко мстить своимъ противникамъ. Но кто хочетъ побѣдить, тотъ долженъ бороться, а борьбы безъ жертвъ не бываетъ.

Его искреннее убѣжденіе и глубокая вѣра придали его голосу и выраженію лица какой то необыкновенный, словно ироническій оттѣнокъ. Правильныя черты лица сдѣлались еще выразительнѣе. Глаза горѣли. Такимъ Эвелина видѣла его въ первый разъ и, подчиняясь внутреннему побужденію, она твердо проговорила, протягивая ему свою бѣлую, красивую руку:

— Съ этой минуты я никогда не буду говорить съ вами въ качествѣ адвоката здѣшнихъ нѣмцевъ.

Онъ взглянулъ на нее съ легкимъ удивленіемъ и равнодушно протянувъ свою руку, медленно проговорилъ:

— Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ вы были ихъ адвокатомъ?

— Я уступила просьбамъ брата.

Онъ нахмурился и сталъ молча собирать разсыпанные цвѣты. Затѣмъ, словно стряхнувъ съ себя непріятное впечатлѣніе, онъ спокойно спросилъ:

— Вы не откажетесь мнѣ искренно сказать, убѣждены вы въ правотѣ нашего дѣла или нѣтъ?

Она взглянула ему въ лицо съ ласковой, доброй улыбкой и отвѣчала.

— Я сама еще не знаю, кто меня убѣдилъ, господинъ Собольскій или силезецъ. Но я знаю, что съ вами поступаютъ несправедливо.

Когда Собольскій услышалъ этотъ отвѣтъ, лицо его прояснилось довольной улыбкой, что не ускользнуло отъ вниманія Эвелины.

Черезъ минуту она встала и разстегивая накидку сказала своему спутнику:

— Жарко. Здѣсь въ лѣсу такая духота!

Собольскій поспѣшилъ ей на помощь; когда накидка была снята, онъ, при видѣ Эвелины, былъ удивленъ, даже обрадованъ. На ней было изящное платье цвѣта морской воды, съ букетомъ водяныхъ цвѣтовъ на груди. Такое же точно платье было на ней въ тотъ вечеръ въ Берлинѣ, когда онъ влюбленный въ нее, прощался съ нею, какъ думалъ, на вѣки.

Онъ внимательно оглядѣлъ ее; такъ же точно уложены были свѣтлые волосы, отливающіе на солнцѣ золотомъ, такое же точно выраженіе лица, только теперь болѣе дружелюбное и веселое. Сходство было такъ велико, что съ минуту онъ простоялъ нѣмой отъ изумленія, съ накидкой въ рукахъ.

Эвелина, весело улыбаясь, сказала ему ласковымъ голосомъ:

— Сознайтесь, что я имѣла право говорить съ вами, какъ знакомая по Берлину.

— Слѣдовательно, и вы помните?

— Я помню и Шопена и Бетховена съ того вечера.

Они снова усѣлись, и у нихъ завязался разговоръ, полный воспоминаній о Берлинѣ, гдѣ она одержала въ концертахъ первыя побѣды, стремясь ко всемірной извѣстности, а онъ, по окончаніи университета, состоялъ при судѣ, подготовляясь къ адвокатской практикѣ.

— Хорошее это было время,—вздохнула Эвелина.—Тогда еще не раздѣляла насъ политика, а теперь?

— Политика и теперь насъ не раздѣляетъ, такъ какъ вы признаете наше право на жизнь; насъ раздѣляетъ національность. Вы по крови, по языку, по душѣ тяготѣете къ нѣмцамъ, а я къ силезцамъ.

— А вы между ними создаете пропасть,—вставила она съ невольной горечью.

— Нѣтъ; наоборотъ, я строю мостъ для сближенія. Когда мы побѣдимъ и получимъ то, что принадлежитъ намъ по праву, тогда мы можемъ вести дружбу съ нѣмцами.

— Но когда же это будетъ? Когда?—вздохнула она.

— Скорѣй, чѣмъ вы думаете. Здѣсь, въ Силезіи, правъ добиваются не аристократы, не дворяне или мѣщане, которыхъ съ помощью привилегій и уступокъ можно раздражать и поднимать другъ противъ друга... Здѣсь цѣлый народъ идетъ сомкнутымъ строемъ, могучій какъ стихія, твердый и однородный, какъ гранитъ нашихъ горъ.

Эвелина глядѣла на него съ восторгомъ, и когда онъ умолкъ, она проговорила задумчиво:

— Какъ вы измѣнились, какъ измѣнились; въ голосѣ вашемъ звучитъ что то рѣзкое, проникающее, слова суровы, движенія энергичны.

— Какъ и должно быть у солдата,—засмѣялся онъ.

— Развѣ вы были въ военной службѣ?

— Въ прусской? Нѣтъ, но я служу силезцамъ.

Въ это время раздались призывные крики. Они поспѣшно собрали цвѣты въ букетъ и пошли по направленію голосовъ.

Возлѣ госпожи Крюгеръ они застали все общество, которое привѣтствовало ихъ возгласами:

— Гдѣ ваши цвѣты?

— Покажите букетъ!

Эвелина покраснѣла и показала пучокъ по большей части уже увядшихъ цвѣтовъ и въ то же время спросила:

— А ваши грибы гдѣ?

— Мы собрали ихъ много, только докторъ призналъ ихъ ядовитыми, — отвѣчала Марія и прибавила: — садитесь же господа, а если закуска вамъ не понравится, то въ этомъ вы сами виноваты: не надо было ходатайствовать за Теклю.

— Я принимаю отвѣтственность на себя, — засмѣялась Эвелина, — и въ качествѣ удовлетворенія за наше, вѣрнѣе мое ходатайство, я предлагаю поѣсть простокваши.

— Съ поправкой,—воскликнулъ Собольскій—съ тѣмъ чтобы мы отправились пѣшкомъ, чтобы снова возбудить аппетитъ, послѣ стольких, съѣденыхъ здѣсь, превосходныхъ кушаній, а также и для того, чтобъ набрать букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Можетъ быть мы найдемъ тамъ лошадь, — обратился Адальбертъ къ отцу.

— Можетъ быть.

— Ты не усталъ?—спросила мать.

— О нѣтъ! Я пойду съ удовольствіемъ.

— Слѣдовательно голосованье излишне, разъ госпожа Крюгеръ, господинъ Собольскій и Адальбертъ за проектъ; отецъ съ матерью пойдутъ за ребенкомъ, какъ всегда,—пошутилъ докторъ.

— Не всегда,—сказала госпожа Крюгеръ.—Эта прогулка слишкомъ далека для меня; я присмотрю здѣсь за порядкомъ и позже подъѣду въ экипажѣ.

— Такъ ужъ лучше поѣзжайте вмѣстѣ съ нами,—предлагала Марія.

— Я не люблю деревни, предпочитаю лѣсъ,—настаивала старушка.

Выйдя изъ лѣсу, общество раздѣлилось: Марія съ сестрой, мужемъ и докторомъ направилась по дорогѣ къ ближайшему дому, расположенному противъ помѣщичьихъ построекъ; Эвелина же со своимъ спутникомъ, желая набрать букетъ, избрали путь черезъ лугъ.

Даумъ, глядя имъ вслѣдъ, потеръ руки и воскликнулъ:

— Наша беретъ! Этотъ силезецъ проглотилъ крючокъ и панна Крюгеръ ведетъ его на веревочкѣ. О, это ловкая барышня!

— Я не повѣрю, пока не буду имѣть доказательствъ — усомнился Кремпа.

— Скорѣе онъ привлечетъ ее на свою сторону, — отозвалась Эрминія послѣ минутнаго молчанія.

— Почему?

— Какимъ образомъ?

— Быть не можетъ!

Посыпались вопросы, на которые та отвѣчала спокойно:

— Мнѣ кажется, она имъ увлечена, а въ такомъ случаѣ она не захочетъ навязывать ему своихъ желаній.

— Но это невозможно!—волновался докторъ.—Она, Крюгеръ, артистка, нѣмка, и вдругъ влюбилась въ силезца.

— Я не говорила этого, — сказала, какъ бы защищаясь Эрминія.—Отъ интереса къ человѣку, до любви еще далеко.

— Не въ выраженіи дѣло — быстро возразилъ Даумъ.— Вопросъ въ томъ, имѣетъ ли право нѣмка изъ такой хорошей семьи, такъ воспитанная, хоть на минуту позволить себѣ увлечься этимъ нашимъ врагомъ?

— Можетъ быть я и ошиблась, — пробормотала Эрминія смущенно.

— Навѣрно!—подтвердилъ докторъ.

Марія, которая могла бы кой что разсказать объ этомъ, молчала и лишь взглянувъ на виднѣвшуюся вдали, на лугу, пару, вздохнула, сочувствуя Эвелинѣ.

Прерванный разговоръ не клеился больше и всѣ въ не особенно хорошемъ настроеніи достигли намѣченнаго дома. Войдя во дворъ, Даумъ сталъ громко стучать въ дверь.

Спустя нѣсколько минутъ въ дверяхъ показался хозяинъ,

уже пожилой человѣкъ, съ бритымъ лицомъ, съ сѣрыми проницательными глазами.

— Вы хозяинъ?—спросилъ докторъ.

— А что?—отвѣтилъ тотъ по-силезски.

— Я спрашиваю, вы хозяинъ?

— А что?—повторилъ тотъ.

— Мы желали бы получить простокваши.

— У меня нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ по-силезски.

Даумъ повернулся къ дамамъ, и проговорилъ удивленнымъ тономъ:

— Удивительно, чтобъ такъ близко отъ города, въ деревнѣ графа Ауергофа, мужикъ не говорилъ по-нѣмецки и не имѣлъ молока.

— Да это удивительно—повторила Эрминія.

— Можетъ быть ты, Геня, обратишься къ нему по-силезски,—сказала Марія мужу.

— Прошу васъ, не дѣлайте этого! горячо воспротивился докторъ. — Онъ долженъ умѣть говорить по-нѣмецки, вѣдь мы находимся въ Пруссіи;—и онъ снова обратился къ крестьянину:—Вѣдь вы должны знать нѣмецкій языкъ, отвѣчайте же, достанемъ мы у васъ простокваши или нѣтъ?... Мы хорошо вамъ заплатимъ.

Крестьянинъ насмѣшливо улыбнулся и отвѣчалъ снова по-силезски:

— Для васъ у меня нѣтъ молока.

— Это неслыхано! Я пойду къ войту, въ полицію,—сердился докторъ.—Я пожалуюсь на него; онъ долженъ отвѣчать мнѣ по нѣмецки.

— Не стану отвѣчать! — воскликнулъ крестьянинъ съ громкимъ смѣхомъ.

Даумъ началъ браниться; услышавъ это, крестьянинъ нахмурился и сталъ оглядываться кругомъ, словно искалъ чѣмъ бы ударить. Положеніе становилось непріятнымъ, и дамы стали отступать къ калиткѣ, за ними послѣдовали Кремпа и докторъ, бормоча угрозы. Они остановились на дорогѣ, здѣсь же передъ домомъ, желая встрѣтить Эвелину.

Крестьянинъ тѣмъ временемъ направился въ садъ, бросая на ожидающихъ побѣдоносные взгляды.

На границѣ сада онъ замѣтилъ подходящую пару и уже хотѣлъ разразиться бранью за проходъ по недозволенному мѣсту, какъ Собольскій, приподнявъ шляпу, проговорилъ:

— Слава Іисусу Христу!

— Во вѣки вѣковъ! Откуда вы идете?

— Мы шли черезъ поле, къ вамъ съ просьбой.

— Съ какой?—спросилъ крестьянинъ недовѣрчиво.

— Чтобъ угостили насъ простоквашей, потому что мы устали, и такъ жарко.

— Гм... Для васъ пожалуй найдется, только не для тѣхъ нѣмцевъ, что сейчасъ ужъ грозятъ доносомъ. Смолы бы имъ, а не молока!

И провожая своихъ гостей, онъ продолжалъ:

— Представьте себѣ, является сюда какой-то проходимецъ нѣмецъ и сразу начинаетъ командовать, на моей землѣ, въ моемъ домѣ!

— Можетъ быть, онъ не говоритъ по-силезски,—защищалъ доктора Собольскій.

— Такъ пусть вѣжливо попроситъ... Вотъ они, смотрите, стоятъ за воротами.

Эвелина хоть и не понимала по польски, но, благодаря тону крестьянина, его жестамъ, и при видѣ стоящей на дорогѣ группы, почувствовала нѣкоторый страхъ и сильнѣе оперлась на руку своего спутника.

Ожидающіе очень удивились при видѣ согласія, воцарившагося между прибывшей парой и хозяиномъ, тѣмъ болѣе, что Собольскій, давши знакъ рукой Эвелинѣ итти къ ожидающимъ, самъ крикнулъ Кремпѣ по-польски:

— Я сейчасъ вернусь!—и вошелъ въ домъ, вслѣдъ за хозяиномъ.

На порогѣ онъ проговорилъ, снявъ шляпу:

— Слава Іисусу Христу!

— Во вѣки вѣковъ! Здравствуйте, садитесь пожалуйста, только не на скамейку; на мягкомъ стулѣ будетъ удобнѣе. Что скажете?

— Мы зашли попросить простокваши.

— А это съ вами ваша жена? Гдѣ же она?

— Это моя родственница, она осталась тамъ, потому что тѣ, на улицѣ, наши знакомые.

— Вамъ и вашей родственницѣ дамъ молока, а тѣмъ— ни за что!

— Но подумайте, хозяинъ, развѣ такъ долженъ поступать добрый католикъ? Развѣ вы забыли заповѣдь самого Господа Іисуса Христа?

— Помню; и чтобъ накормить голоднаго я отъ своего рта отниму, а его накормлю, это моя обязанность. Но этотъ нѣмецъ со своимъ чванствомъ...

— А гдѣ же старопольское гостепріимство? Имъ славится цѣлая Силезія, что же скажутъ объ васъ?

— Что правда, то правда, вы хорошо говорите...

— Подумайте только, поѣдетъ такой нѣмецъ къ своимъ, гдѣ для голоднаго жалѣютъ и объѣдковъ, разскажетъ тамъ, какой дикій нашъ край: даже за деньги не хотѣли накормить его, а выгнали со двора какъ собаку. Хорошо это будетъ? Не стыдъ ли для цѣлой Силезіи?

— Вы убѣдили меня; что-жъ дѣлать, пусть и нѣмецъ поѣстъ отъ трудовъ моихъ, разъ такъ должно быть. Позовите ихъ, только въ мою хату пусть не входятъ, пусть помнятъ это!

Собольскій вышелъ и пригласилъ все общество въ садъ. Однако разгнѣванный Даумъ отказался отъ приглашенія и направился къ лѣсу.

Собольскій съ хозяиномъ вынесли столъ, стулья, появилась и хозяйка, до сихъ поръ отсутствовавшая, и накрывъ столъ бѣлой скатертью, подала тарелки, ложки и двѣ крынки молока.

Разговоръ между Кремпами и Собольскимъ велся на силезскомъ языкѣ, и когда хозяинъ, принесшій хлѣбъ услышалъ это, онъ остановился, прислушался, и наконецъ радостно воскликнулъ:

— Такъ вы всѣ свои! Силезцы! Отчего же вы не заговорили со мной по-человѣчески?—обратился онъ къ Кремпѣ.

— Первый началъ говорить докторъ, нѣмецъ, такъ ужъ мнѣ неудобно было вмѣшиваться.

— Это правда! Ваша барыня совѣтовала вамъ заговорить по-силезски, только я сразу не разобралъ, что вы изъ нашихъ.

Слѣдовательно вы понимаете по-нѣмецки?—спросила съ удивленіемъ Марія.

— Долженъ понимать, въ управѣ и болтать приходится на ихъ языкѣ.

— А не хочетъ ли мальчикъ поѣсть грушъ или яблокъ, а?—спросилъ крестьянинъ Адальберта.

Тотъ покраснѣлъ и отвѣтилъ по-польски:

— Мнѣ бы очень хотѣлось... лошадь.

Хозяинъ громко разсмѣялся, а Кремпа объяснилъ просьбу сына.

— Будетъ и лошадь; почему бы ей и не быть для маленькаго силезца.

Адальбертъ отъ радости покраснѣлъ еще больше и вскочилъ со стула.

— Времени еще довольно, садись и ѣшь; мнѣ за лошадью надо сходить на лугъ.

И съ этими словами онъ ушелъ.

— Какъ жаль, Эвелина, что ты не понимаешь его словъ...— заговорила первая Марія.

Эвелина перебила ее, говоря въ полголоса:

— Я очень прошу васъ, господа, не обращаться ко мнѣ по-нѣмецки; потомъ все мнѣ объясните.

Собольскій, понявъ ея деликатность, посмотрѣлъ на нее съ нѣжностью, почти съ восхищеніемъ.

Вскорѣ на сцену явилась хорошо выкормленная красивая лошадка. Адальбертъ, предостерегаемый матерью и подбодряемый отцомъ, вволю накатался верхомъ.

Хозяйка принесла изъ сада фруктовъ и предложила гостямъ.

Затѣмъ Собольскій вынулъ изъ кармана кошелекъ, чтобъ расплатиться.

— За молоко съ васъ возьму, потому что мнѣ за него дѣйствительно полагается, за хлѣбъ, что вы съѣли, ничего не надо, а фрукты то ужъ моя старуха барынямъ поднесла.

Никакія настоянія не помогли; онъ взялъ сколько самъ назначилъ и принялъ отъ Кремпы сигару.

Провожаемые добрыми пожеланіями хозяина, который обоимъ мужчинамъ подалъ руку, дамамъ поклонился, а Адальберта обнялъ, всѣ усѣлись въ ожидающіе экипажи въ томъ же порядкѣ, какъ и раньше.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

— Что ты запоздалъ, Геня; мы всѣ ожидаемъ тебя—обратилась Марія къ входящему въ комнату мужу, спустя три дня послѣ прогулки.

— Я это знаю; виновата Эрминія.

— Но вѣдь я сегодня и изъ дому не выходила! — воскликнула та.

— Маня, былъ у насъ докторъ Даумъ послѣ субботы?

— Нѣтъ, не былъ.

— Гдѣ же ты его видѣла, Эрминія? — спросилъ онъ сурово.

— Встрѣтила на улицѣ,—отвѣчала та, покраснѣвъ.

— На улицѣ?—спросилъ Кремпа удивленно.

— Говори, Геня, ясно и прямо, что, гдѣ и какъ?—попросила Марія съ безпокойствомъ.

— Сядемъ; сейчасъ разскажу. Возвращаясь изъ редакціи,

я встрѣтилъ Даума, который шелъ какъ разъ къ адвокату, чтобы подать жалобу на силезца, принявшаго насъ съ такимъ гостепріимствомъ во время прогулки. На обратномъ пути съ прогулки, я нарочно, несмотря на приставанія Даума, что слыхала и твоя сестра, не сказалъ ему имени крестьянина, боясь, что онъ пожалуется. Она однако сказала Дауму; такъ вѣдь?

— Я думала, что ты забылъ, а такъ какъ ему это было нужно, то и сказала—отвѣчала она сухо.

— Какъ? Ты сказала, зная намѣренія Даума?—разсердилась сестра.

— Послушайте, зачѣмъ вы поднимаете исторію изъ-за какого-то силезца! Его поведеніе и отвѣты доктору Дауму заслуживали вполнѣ наказанія.

— Что ты говоришь, Эрминія? Побойся Бога!—воскликнула Марія.

— Говорю то, что считаю вѣрнымъ и справедливымъ.

Супруги посмотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ и гнѣвомъ, не понимая той простой вещи, что влюбленная женщина поетъ всегда то же, что и ея возлюбленный.

Кремпа, давъ женѣ рукой знакъ молчать, заговорилъ снова:

— Слушай, Эрминія, дальше. Ты сказала его имя, можетъ быть по неосторожности или забывчивости, дѣло сдѣлано. Но съ какой цѣлью передала ты ему дословно о разговорѣ и жалобахъ силезца, и не только его, но и Собольскаго, разсказала даже о просьбѣ Адальберта насчетъ лошади.

— Онъ спросилъ, я и разсказала,—отвѣчала она сердито.

— И это все на улицѣ... Гм... странно, что докторъ смогъ записать себѣ въ памятную книжку нѣкоторыя выраженія и имена.

— Это ужъ меня не касается.

— Если бы онъ былъ твоимъ мужемъ, женихомъ, я бы поняла твой поступокъ, хоть и не одобрила бы его, —говорила съ глубокимъ сожалѣніемъ Марія, — но Даумъ человѣкъ чужой и вдобавокъ такой непримиримый врагъ силезцевъ, зачѣмъ же еще раззадоривать его. Вѣдь ты же сама силезка!

— Я? Ты, быть можетъ, и считаешь себя силезкой, потому что дольше жила въ деревнѣ, при родныхъ, а я была въ городѣ, у тетки, и силезскаго во мнѣ одно только имя.

— Скажи, Геня, будетъ Даумъ жаловаться на этого силезца?

— Послѣ долгихъ моихъ просьбъ онъ отказался, но я

за то долженъ буду помѣстить въ газетѣ его статью по этому поводу, безъ названія деревни и имени крестьянина.

— Это еще не бѣда!.. Но что объ насъ подумаютъ Эвелина и Собольскій... Ахъ, что ты надѣлала!

— Я беру отвѣтственность на себя.

— Развѣ ты уменьшишь намъ стыда?—сказала Марія со слезами.

— Знаешь, мнѣ кажется, что я все это вижу во снѣ! — съ гнѣвомъ воскликнула Эрминія.—Сотрудникъ „Ostmark" и его жена проливаютъ слезы надъ силезцемъ и стыдятся другого силезца Собольскаго.

— Одно дѣло убѣжденія, а другое доносъ — отозвался Кремпа сурово.

— Ха, ха, ха!.. Отлично сказано! Что жъ дѣлаетъ твоя „Ostmark"? Въ каждомъ номерѣ найдешь такія же точно или еще худшія сообщенія, и однако ты не стыдишься работать тамъ и подписывать свое имя!

Кремпа замолкъ, признавая до извѣстной степени правоту этихъ словъ, но Марія, поддавшись чувству стыда, вскричала со слезами:

— Если родная сестра такъ говоритъ, то что же скажутъ чужіе? Ахъ это ужасно!.. И все изъ-за жалкаго куска хлѣба!

Послѣ нѣкоторой паузы Эрминія заговорила спокойнымъ голосомъ:

— Вы оба слишкомъ раздражены. Причина нашего взаимнаго непониманія очень проста. Вамъ понравился силезецъ, его гостепріимство, ласковость къ Адальберту, и потому васъ оскорбляютъ слова и намѣренія Даума. Если бы вы его не знали, то и сами говорили бы то же.

— Быть можетъ ты и права, но во всякомъ случаѣ на будущее время будь осторожнѣе, Эрминія. Хорошо что докторъ нашъ пріятель и не станетъ мнѣ подставлять ногу, если бы онъ былъ моимъ недоброжелателемъ, то могъ бы выставить меня въ глазахъ редакціи въ не особенно хорошемъ свѣтѣ.

— Пустяки...—успокоивала его Эрминія.

— Я знаю, что говорю... Я знаю случаи, когда за излишнюю мягкость къ силезцамъ людей лишали мѣста... А теперь будемъ обѣдать. Маня, гдѣ Адальбертъ?

Послѣ обѣда Кремпа сталъ приводить въ порядокъ газеты и бумаги, а Эрминія, подойдя къ окну, проговорила въ полголоса:

— Какая чудная погода!

— Можетъ быть пойдемъ прогуляться,—обратилась Марія къ мужу.

— Сегодня не могу. У меня засѣданіе старо-нѣмецкаго общества.

— Не можетъ ли кто другой замѣнить тебя?

— Я обѣщалъ редактору быть непремѣнно, потому что сегодняшнее собраніе, въ виду близкихъ выборовъ, очень важно для насъ.

— Можетъ быть пойдемъ мы, Эрминія, вдвоемъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Въ эту минуту вошла Текла съ запиской къ рукахъ.

— Вотъ принесла служанка госпожи Крюгеръ. Будетъ отвѣтъ?

Марія разорвала конвертъ и, быстро пробѣжавъ письмо, обратилась къ мужу:

— Эвелина спрашиваетъ, поѣду ли я къ ксендзу Гальброту, въ субботу, какъ предлагалъ Собольскій. Какъ ты думаешь, Геня, ѣхать или нѣтъ?

— Эрминія также будетъ съ вами?

— Нѣтъ, я останусь дома и присмотрю за Адальбертомъ.

Марія вздохнула свободнѣе, но все же испробовала настаивать:

— Поѣзжай съ нами, развлечешься...

— Нѣтъ! Будетъ съ меня и той поѣздки.

— Такъ ѣхать, Геня?

— Поѣзжай!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ большой залъ ресторана Гофера, закрытый на этотъ разъ для обычныхъ посѣтителей, пускали только тѣхъ, которые показывали кельнеру, стоящему у дверей, трехцвѣтную кокарду: бѣлаго, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, окруженную пурпурнымъ ободкомъ и означающую принадлежность къ обществу старо-нѣмцевъ. Членами его были преимущественно богатые промышленники, фабриканты и владѣльцы ближайшихъ имѣній; въ залѣ слышались привѣтствія, громкій свободный разговоръ, взрывы смѣха; тамъ пили пиво, группируясь, главнымъ образомъ, возлѣ большого стола, ярко освѣщеннаго тремя висячими лампами.

Когда собралось около тридцати членовъ, предсѣдатель позвонилъ и, при наступившей тишинѣ, обратился къ собравшимся:

— Я открываю наше ежемѣсячное собраніе благодарностью вамъ, господа, за то, что вы явились въ столь зна-

чительномъ числѣ. Моментъ очень важенъ, такъ какъ выборы въ сеймъ очень близки, а вы, господа,—говорю безъ лести,—составляющіе цвѣтъ нашей интеллигенціи и представляющіе собой крупный имущественный капиталъ, вы призваны стать въ первыхъ рядахъ, чтобы заботиться о чести и интересахъ, какъ моральныхъ такъ и матеріальныхъ, нашего города и его окрестностей. Тѣмъ болѣе что мы связаны въ общество, девизъ котораго: „за отечество и короля!“ Господа! Предлагаю троекратное „гохъ!“ въ честь короля, чтобы насъ услышали отъ Балтики до Карпатъ!

Когда крики утихли, онъ продолжалъ:

— Здѣсь, на нашей землѣ мы имѣемъ, въ лицѣ силезцевъ, враговъ государства, которые, пользуясь всѣми благами нашего управленія, нашей конституціи, нашей цивилизаціи, стремятся къ какому то обособленію. Это утопія, но и съ утопіей слѣдуетъ бороться, потому что Пруссія—это алмазъ всей Германіи и должна быть безъ порока, хотя бы порокомъ этимъ и была утопія горсти сумасшедшихъ силезцевъ.

Кругомъ послышались громкія похвалы.

— Что ихъ кандидатъ въ сеймъ провалится, мы всѣ знаемъ, но надо, чтобы онъ получилъ какъ можно менѣе голосовъ. Такой результатъ покажетъ всему государству, какъ старательно и искренно мы трудимся здѣсь на пользу „короля и отечества“. Прошу господина Миттанда принять на себя секретарскія обязанности, а васъ, господа, приглашаю вносить предложенія и начать дебаты.

Первый поднялся и началъ говорить Гейеръ, компаніонъ пивовареннаго завода.

— Всѣ голоса людей разумныхъ, одѣвающихся въ цѣлые пиджаки и брюки – сострилъ онъ,—достанутся нашему кандидату; но дѣло идетъ о темной, глупой толпѣ, подстрекаемой великопольской агитаціей. Гдѣ и чѣмъ живетъ эта толпа?—Исключительно благодаря намъ, но съ своей стороны мы имѣемъ право требовать отъ нея послушанія и довѣрія. Для скота есть кнутъ, для нихъ же кнутомъ можетъ служить лишеніе заработка. Поэтому я предлагаю: всѣмъ работодателямъ слѣдуетъ разослать циркуляръ, редактированный нами и всѣми принятый два года назадъ. Рѣзче подчеркнуть пунктъ, согласно которому условіе о непринятіи силезскаго рабочаго, уволеннаго съ одной фабрики, распространяется и на параграфъ о непослушаніи. Подъ непослушаніемъ слѣдуетъ подразумѣвать и голосованіе, противное интересамъ и единству государства. Наши промы-

мышленники, сельскіе хозяева, купцы и вообще всѣ работодатели слишкомъ хорошіе патріоты, чтобъ могли не понять нашей основной мысли и не согласиться съ нею.

— Вѣрно!

— Хорошо, очень хорошо!

— Правильно!—раздавались возгласы собравшихся, подкрѣпляемые стукомъ кружекъ о столъ. Секретарь записалъ, что предложеніе Гейера принято единогласно.

Затѣмъ испросилъ слова ректоръ школы, въ которой учился Адальбертъ, Лахсфельдъ.

— Вамъ извѣстно, господа,—началъ онъ,—что школа, руководителемъ которой я состою, общественнымъ мнѣніемъ признана наилучшимъ и абсолютно нѣмецкимъ учрежденіемъ этого рода. А знаете какимъ путемъ я достигъ этого? Я строго придерживаюсь буквы закона, изданнаго верховной властью. „Запрещается говорить на силезскомъ нарѣчіи", стоитъ тамъ; поэтому я велѣлъ напечатать объявленія въ типографіи „Ostmark"—здѣсь онъ взглянулъ многозначительно на Штернвега и Кремпу,—развѣсилъ ихъ въ коррндорахъ, классахъ и вообще во всѣхъ видныхъ мѣстахъ внутри зданія и теперь ни одинъ силезецъ не можетъ имѣть отговорки. Это я называю разумной легальностью. И вотъ, по моему мнѣнію, къ предложенію господина Гейера, очень хорошо придуманному, слѣдовало бы прибавить пунктъ слѣдующаго содержанія: Общество старо-нѣмцевъ единогласно постановило просить работодателей о повсемѣстномъ запрещеніи разговора по-силезски въ предѣлахъ ихъ владѣній. Господа! если школа сдѣлаетъ свое дѣло, а господа работодатели свое, то въ такомъ случаѣ нѣмецкій языкъ проникнетъ наконецъ въ ихъ хаты, и тогда мы можемъ возгласить съ радостью: Да здравствуетъ единство государства! Потому что въ сущности все основывается на языкѣ; развѣ вы можете себѣ представить силезца не говорящаго по-силезски? или нѣмца, не понимающаго по-нѣмецки? Нужно наконецъ сразу прорѣзать этотъ силезскій вередъ; будетъ крикъ, шумъ, жалобы, но за то разъ навсегда покончимъ съ силезскимъ вопросомъ, а это главное!

Онъ усѣлся, принимая съ любезной улыбкой рукоплесканія, похвалы и рукопожатія. И это предложеніе секретарь записалъ какъ принятое единогласно. Началось обсужденіе возможности проведенія на практикѣ предложеній Гейера и ректора Лахсфельда.

Среди поднявшагося шума Крюгеръ вдругъ громко стукнулъ своею кружкой по столу, въ знакъ того, что хочетъ

говорить, и, когда предсѣдатель предоставилъ ему голосъ, онъ началъ:

— До сихъ поръ мы говорили о текущихъ дѣлахъ, но мы, нѣмцы, извѣстны тѣмъ, что все дѣлаемъ основательно и разумно. Такъ какъ голосованіе въ сеймъ обязательно открытое, то не подлежитъ сомнѣнію, что побѣдимъ мы, ибо мы распоряжаемся голосами зависящихъ отъ насъ силезцевъ; но подумаемъ о будущемъ. Не за горами выборы посла въ государственный совѣтъ, гдѣ голосованіе закрытое: кто и какъ тогда сможетъ проконтролировать хитраго силезца? Это—кошачьи натуры: ласкается, мурлычитъ, ѣстъ твой хлѣбъ, но вѣрности отъ него не жди. Вотъ я имѣю другой взглядъ на выборы...

— Какой, какой?

— Говорите!

— Слушайте, слушайте!

И среди наступившей тишины, прерываемой только питьемъ пива и отдаваемыми вполголоса приказаніями подать новыя кружки, Крюгеръ сталъ продолжать:

— Чистый воздухъ, которымъ дышемъ мы, нѣмцы, зараженъ силезскими міазмами. Наша обязанность удалить эту заразу. Но какъ? Зараза, какъ извѣстно, долго можетъ находиться въ скрытомъ состояніи, при благопріятныхъ же условіяхъ она вдругъ развивается и нападаетъ на здоровые организмы. То же самое можно сказать и относительно силезцевъ; правда, за себя мы можемъ не бояться, потому что организмъ нашъ здоровъ и силенъ, и мы боимся одного только Бога! Но порой и вши могутъ наскучить.

Онъ засмѣялся и ему стало вторить все собраніе, добавляя отъ себя:

— Хорошо сказано!

— Ну, ну; онъ остроуменъ!

Крюгеръ весело продолжалъ:

— Итакъ я предлагаю: циркуляры, предложенные предыдущими ораторами, разослать частнымъ образомъ, безъ оглашенія. Надо усыпить страхъ силезцевъ и ихъ чуткость; пусть они покажутъ себя. Когда же они станутъ у избирательной урны, то мы сразу узнаемъ всѣхъ перекрашенныхъ лисицъ и однимъ взмахомъ отрубимъ голову этой силезской гидрѣ. Тогда слѣдуетъ давить ихъ безъ жалости и милосердія, прогнать ихъ, лишить работы и сдѣлать для нихъ невозможнымъ пребываніе въ нашемъ нѣмецкомъ отечествѣ.

— Браво, браво!

— Это идея!

— Ого, это голова!

— Да здравствуетъ Крюгеръ!

Воспользовавшись минутнымъ перерывомъ въ хвалебныхъ возгласахъ, предсѣдатель открылъ дебаты по этому вопросу.

Первый высказался Штернвегъ, редакторъ „Ostmark“:

— Я горячо поддерживаю проектъ господина Крюгера. Это будетъ въ высшей степени политичный и спасительный шагъ. Я пошелъ бы еще дальше и предложилъ бы всѣмъ собравшимся до самаго дня выборовъ подавлять въ себѣ справедливый гнѣвъ и скрывать свое отвращеніе при видѣ глупости и подлости силезцевъ. Хладнокровно, увѣренные въ побѣдѣ, позволимъ поиграть темной толпѣ; пусть себѣ агитируютъ, устраиваютъ собранія, а когда они откроютъ свои карты, тогда мы, имѣя въ рукахъ всѣ козыри, возьмемъ ихъ въ свои руки и заставимъ проплясать старонѣмецкій танецъ.

Этотъ намекъ на названіе общества чрезвычайно понравился собранію, и всѣ весело смѣялись при мысли о старонѣмецкомъ танцѣ. Ободренный такимъ пріемомъ, ораторъ продолжалъ:

— Что мысль господина Крюгера основательна и справедлива, свидѣтельствуетъ ужъ то обстоятельство, что она явилась и у другихъ. Призываю въ свидѣтели господина Кремпу, что еще сегодня утромъ я поручилъ ему написать передовую статью о томъ, что нашъ кандидатъ въ сеймъ, равно какъ и всѣ непредубѣжденные нѣмцы, уважаетъ родной языкъ силезцевъ и болѣетъ душой надъ низкимъ состояніемъ, въ которомъ находится наука этого языка. Я сдѣлалъ это съ цѣлью диверсіи и привлеченія колеблющихся на нашу сторону, такъ какъ мнѣ извѣстно, что среди силезцевъ есть такіе, которые, не будь этого вопроса о языкѣ, присоединились бы къ намъ. Такіе, прочтя статью въ „Ostmark“, непремѣнно явятся за совѣтомъ и помощью, а я тогда вывѣдаю отъ нихъ, кто среди нашихъ противниковъ имѣетъ вліяніе и насколько это вліяніе велико. Поэтому я еще разъ горячо поддерживаю предложеніе господина Крюгера, какъ искренно патріотическое и вполнѣ достойное нашего общества.

Когда апплодисменты смолкли, заговорилъ Мюллеръ:

— Я дитя Бытома, знаю хорошо его обитателей и знаю также, что такого рода поведеніе наше передъ выборами, какое предлагаютъ господа Штернвегъ и Крюгеръ, чрезвы-

чайно возбудить нашихъ патріотовъ. Кто знаетъ, не дойдетъ ли дѣло до уличныхъ безпорядковъ, если мы и „Ostmark“ станемъ смотрѣть сквозь пальцы на силезскую смуту. Съ другой стороны и силезцы, не привыкшіе къ такому отношенію съ нашей стороны, сразу заподозрятъ насъ. Поэтому я предлагаю поправку: въ окрестностяхъ, на фабрикахъ и въ рудникахъ слѣдовать предложенію господина Крюгера, а здѣсь, въ городѣ, по прежнему сохранять въ силѣ запрещеніе сдавать залы подъ собранія силезцевъ, въ случаѣ же какихъ нибудь сходокъ за городомъ извѣщать полицію. Такимъ образомъ мы сохранимъ свою логичность и въ то же время узнаемъ, кто настроенъ враждебно противъ государства.

— Быть можетъ, онъ и правъ?

— Пожалуй!

— Кто знаетъ?

Прежде чѣмъ пускать на голоса предложеніе Мюллера, голоса попросилъ Даумъ, и просилъ собраніе обратить серьезное вниманіе на владѣльцевъ земельныхъ участковъ, такъ какъ на ихъ землѣ происходятъ странныя, ничѣмъ не объяснимыя проявленія силезскаго духа. И онъ разсказалъ о своемъ приключеніи со Штиллеромъ. По всей залѣ пронеслись крики злобы и угрозы; послышались обвиненія, брань. Предупредивъ, что никто не долженъ опубликовывать этого факта, Даумъ указалъ мѣстожительство и назвалъ имя крестьянина.

— Подать на него жалобу!

— Наказать!

— Задать ему!

Раздалось со всѣхъ сторонъ; но Даумъ съ сожалѣніемъ отвѣтилъ:

— Я далъ слово не дѣлать этого, и долженъ сдержать его, но нѣтъ ничего легче снова отправиться въ Вильгельмсгеге и заѣхать къ Штиллеру; тогда кто нибудь другой можетъ подать на него жалобу, я же не имѣю права.

Началось совѣщаніе на этотъ счетъ, наконецъ нѣсколько присутствующихъ здѣсь патріотовъ рѣшили поѣхать туда и сорвать маску съ врага.

Послѣ этого поднялся Мандель, директоръ обрабатывающихъ цинкъ заводовъ, и, вынимая изъ кармана часы, проговорилъ:

— Господа, эти часы всегда идутъ, всегда слышно ихъ тикъ-такъ, вертятся колеса, стрѣлки и указываютъ мнѣ какъ протекшее, такъ и наступающее время. Весь механизмъ ча-

совъ,—это силезцы, но гдѣ же пружина? Довольно сломать пружину и часы станутъ безъ движенія; поэтому отыщемъ силезскую пружину, разорвемъ ее силой или хитростью и послѣ этого можно будетъ спокойно разсматривать неподвижныя стрѣлки и колеса. Затѣмъ вставимъ въ часы нашу старонѣмецкую пружину и все снова придетъ въ порядокъ. Роль этой силезской пружины играетъ „Факелъ“ или, выражаясь точнѣе, самъ Собольскій. Развѣ же нѣтъ способа раздавить его, уничтожить, сдѣлать безвреднымъ? Мы слишкомъ сильны и слишкомъ интеллигентны, чтобъ я могъ усомниться въ этомъ. Поэтому поднимаю эту кружку, наполненную старонѣмецкимъ напиткомъ: Да погибнетъ Собольскій!

Собравшіеся всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись со своихъ мѣстъ и выпили свои кружки, грозно загудѣвъ: „Да погибнетъ“.

— Директоръ Мандель,—началъ Ляуеръ, богатый и солидный купецъ,—совершенно вѣрно указалъ намъ пружину, но она не могла бы дѣйствовать, если бы колеса не были такъ хорошо пригнаны другъ къ другу, а камни не держали ихъ прочно въ своихъ гнѣздахъ. О пригонкѣ колесъ потомъ, главная вещь въ часахъ, это камни. Этихъ камней мы можемъ насчитать тысячи въ нашемъ краю и они то и укрѣпляютъ силезское движеніе. Я говорю здѣсь о ксендзахъ и при этихъ словахъ онъ посмотрѣлъ на ксендза декана.—Они то навязываютъ деревенской темнотѣ чтеніе „Факела“ и разныхъ книжонокъ, безчестящихъ наше прошлое, фальсифицирующихъ исторію и толкующихъ о какой-то національной обособленности, какъ будто въ Пруссіи можетъ существовать какая-либо иная національность, кромѣ прусской. Правда нашъ архипастырь, его преподобіе Коппъ, много истребилъ силезской саранчи, но всетаки много еще осталось. Наша обязанность, господа, слѣдить, слушать, смотрѣть и собственными силами открывать и выводить на свѣжую воду негодяевъ, которые подъ покровомъ святой религіи распространяютъ силезскую пропаганду.

— Да, да, очень хорошо!

— Вѣрно, вѣрно!—раздавались голоса и взоры всѣхъ были упорно устремлены въ сторону декана Ширмейзена, который, съ добродушной улыбкой на лицѣ, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого.

— Сколько разъ—продолжалъ Ляуеръ,—я въ качествѣ купца, имѣя сношенія съ людьми изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ, слышалъ жалобы на ксендзовъ. Одинъ разрѣшаетъ по воскресеньямъ пѣть по-силезски, другой говоритъ

проповѣди на этомъ языкѣ, иной допускаетъ хоругви силезскихъ цвѣтовъ съ изображеніями ихъ святыхъ. Они также даютъ молчаливое согласіе на основаніе будто бы религіозныхъ кружковъ, хорошо зная, что дѣло идетъ о силезской пропагандѣ. Нѣмецкіе пѣвческіе и гимнастическіе кружки приходятъ въ упадокъ, за то въ тишинѣ, подъ покровомъ церкви выростаютъ кружки силезскіе. Я самъ знаю такого ксендза; о это хитрая, осторожная птица! Были ужъ на него жалобы, за нимъ слѣдитъ полиція, войтъ, наблюдаютъ патріоты, но онъ все умудряется выходить сухимъ изъ воды передъ своими церковными властями. Вы всѣ, вѣроятно, слышали о немъ: это ксендзъ Гальбротъ изъ Бжозовицъ... Ну этимъ дикимъ названіемъ деревни можно прямо подавиться!— засмѣялся онъ, а за нимъ и другіе.—Итакъ предлагаю прицѣлиться, внимательно наблюдать за ксендзами по деревнямъ, и палить по нимъ безъ промаха!

— Хорошо сказано!

— Вѣрно попалъ!

— Умно и смѣло!

Среди этихъ громкихъ возгласовъ поднялся ксендзъ Ширмейзенъ, широкоплечій, могучій, съ всегда ласковой улыбкой на крупномъ выразительномъ лицѣ; обведя собраніе своими спокойными черными глазами, онъ началъ ровнымъ голосомъ:

— Товарищи, видите-ли вы эту кокарду на моей груди? Это наглядное доказательство, что я принадлежу къ вашему обществу и что я патріотъ. Поэтому можете безъ боязни вѣрить моимъ словамъ. Въ торговлѣ и разныхъ свѣтскихъ дѣлахъ мы, священники, понимаемъ мало, но въ потребностяхъ и стремленіяхъ духовныхъ мы освѣдомлены болѣе васъ. Мы признали и признаемъ, что въ церкви мы должны до извѣстнаго времени пользоваться силезскимъ діалектомъ, такъ какъ съ его помощью мы легче завладѣемъ простыми людьми. Мы оберегаемъ ихъ души и учимъ ихъ миру и послушанію. Часть своихъ очень скудныхъ доходовъ мы удѣляемъ на изданіе „Католической газеты“ въ Рациборѣ, съ тѣмъ, чтобъ печатнымъ словомъ силезскимъ воздѣйствовать на умы и управлять ими въ свѣтскихъ дѣлахъ, а равно и для того, чтобы уничтожить вліяніе „Факела“ и сдѣлать его со временемъ совсѣмъ лишнимъ для нашихъ прихожанъ. Укажите мнѣ, пожалуйста, въ нашемъ краю сословіе,—дворянъ, купцовъ, промышленниковъ,—которое, при столь малой обезпеченности, жертвовало бы на патріотическія цѣли столько же, какъ ксендзы. И въ награду мы слышимъ попреки, выговоры... Сознаюсь, что, дѣйствительно, есть еще

представители старой системы, эпохи Kulturkampf'а, когда гонимые и преслѣдуемые мы искали защиты въ силезскомъ народѣ, но съ теченіемъ времени, подъ управленіемъ Его Священства аркіепископа Коппа и они исчезнутъ съ силезскаго горизонта.

— А ксендзъ Гальбротъ?

— Ксендзъ Вольчикъ?

— Ксендзъ Проскауеръ?

— А многіе другіе?—послышалось кругомъ.

— Я знаю дѣло ксендза Гальброта... По жалобѣ патріотовъ я произвелъ дознаніе и не оказалось ничего достойнаго наказанія, кромѣ излишней уступчивости на просьбы прихожанъ, за что онъ и получилъ выговоръ. Даже самъ ксендзъ Кайлеръ изъ сосѣдняго прихода, извѣстный намъ всѣмъ своимъ патріотизмомъ, присутствуя при слѣдствіи, не нашелъ ничего худого и даже самъ поручился, что ксендзъ Гальбротъ имѣетъ хорошее вліяніе на прихожанъ. Предостерегаю васъ, господа, не кидайте на ксендзовъ голословныхъ обвиненій, потому что они одни въ Силезіи дѣйствительно работаютъ на пользу единства нашего отечества. Dixi!

Группа, сидящая ближе къ оратору, благосклонно приняла объясненія ксендза декана, но непримиримые, съ Ляуеромъ во главѣ, хранили, въ присутствіи столь важной въ Бытомѣ духовной особы, дипломатическое молчаніе.

Затѣмъ въ концѣ стола поднялся высокій старикъ съ сѣдой бородой и громкимъ, увѣреннымъ голосомъ началъ:

— Хоть я и принадлежу къ старо-нѣмецкому обществу, однако, живя въ деревнѣ и занимаясь хозяйствомъ, не имѣю времени на частыя поѣздки сюда...

И отвѣчая на поднявшіеся вопросы—кто говоритъ,—онъ продолжалъ:

— Я Коель изъ Мирковицъ, былъ, есмь, и умру патріотомъ, но, будучи уже старикомъ, я помню былыя времена и вѣрьте мнѣ, могу сказать, что вы начинаете дурно поступать съ силезцами...

— О, слушайте!

— Ого!

— Что-то онъ скажетъ?

— Сидятъ они здѣсь споконъ вѣку, намъ было хорошо съ ними, а имъ съ нами. Вдругъ подняли адскій шумъ и крикъ, начали травлю изъ-за того, что силезцы во время Kulturkampf'а приняли сторону церкви. Впередъ на силезцевъ!—раздался приказъ отъ высшихъ властей и вслѣдствіе этого мы дождались теперь вреднаго и небезопаснаго раз-

двоенія. Разумѣется, это силезское движеніе надо подавить, я это понимаю и самъ тому содѣйствую, но пользоваться для этого слѣдуетъ лишь нашими частными силами и средствами. Не должно быть никакого вмѣшательства правительства, полиціи и жандармеріи, потому что это небезопасная игра; сегодня исполнительная власть идетъ на помощь намъ, чтобы сократить и, пожалуй, даже уничтожить совсѣмъ гражданскую свободу силезцевъ... А завтра, пользуясь полученнымъ навыкомъ и прецедентомъ, примутся за насъ, если мы не захотимъ итти покорно на веревочкѣ за ландратами. И такъ осторожнѣе съ огнемъ, ибо онъ можетъ сжечь нашу свободу. Мы стоимъ на высшей ступени по своему богатству, культурности, а они убоги, темны, презираемы; такъ пристало ли намъ, нѣмцамъ, играть роль инквизиторовъ? Сдержите, господа, ваше неудовольствіе, я сейчасъ кончу. Приблизимся къ нимъ искренно, выслушаемъ ихъ жалобы, прекратимъ злоупотребленія, и тогда...

Собраніе однако не дало ему кончить. Уже и раньше слышались угрозы, теперь же произошелъ настоящій взрывъ негодованія.

— Старый дуракъ!
— Заядлый силезецъ!
— Долой его!
— Вонъ отъ насъ!
— Сумасшедшій!
— Олухъ проклятый!

Старикъ медленно вышелъ изъ зала, поглаживая свою бѣлую бороду и насмѣшливо глядя на кричащихъ и волнующихся въ припадкѣ гнѣва членовъ общества. Если бы не высокій ростъ его, могучая фигура и добрая палка въ рукахъ, его вытолкали бы; теперь же удовольствовались только бранью.

Одинъ лишь Кремпа почувствовалъ какъ несправедливо отнеслись къ этому старику, и огорченный, удивленный столь неожиданной сценой злобы, отошелъ къ амбразурѣ окна.

По выходѣ Коеля раздались шумныя, возмутительныя по содержанію рѣчи. Всѣ соглашались, что старикъ впалъ въ дѣтство, поглупѣлъ въ деревнѣ и лучше всего посовѣтовать его семейству учредить надъ имѣніемъ опеку, а самого его отдать въ богадѣльню. Слова Коеля разъярили, привели въ бѣшенство все собраніе, и когда кто-то крикнулъ, напоминая о голосованіи предложеній, со всѣхъ сторонъ раздалось: „Принято единогласно“!

Среди этихъ горячихъ споровъ, въ углу зала, недалеко

отъ предсѣдателя, послышался громкій, продолжительный звонокъ. На стулъ всталъ молодой еще человѣкъ, Гагебутъ замѣститель директора, который, заинтересовавъ своимъ звонкомъ все собраніе, проговорилъ:

— Собраніе старо-нѣмцевъ кончилось. Позвольте мнѣ теперь, господа, коснуться другого вопроса, имѣющаго очень важное значеніе. Дѣло идетъ объ организаціи новаго общества, въ которое слѣдуетъ привлечь какъ можно больше нашихъ женщинъ.

— Слушаемъ!

— Это интересно!

— Цѣль общества—поддержка нѣмцевъ, живущихъ на окраинѣ. Каждый членъ, мужчина или женщина, обязуется выполнять три пункта: Во-первыхъ, никогда, нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ не говорить по-силезски. Во-вторыхъ, безусловно ничего не покупать отъ силезцевъ, а исключительно только у нѣмцевъ. Въ третьихъ, силезскія газеты и книжки, гдѣ бы ихъ ни нашли, уничтожать. Нужную сумму, необходимую для основанія общества, на наемъ помѣщенія, освѣщеніе, канцелярію, дастъ концертъ. Что вы скажете, господа, на это?

Собравшіеся неувѣренно переглядывались между собою, какъ вдругъ кто-то, болѣе смѣлый, отозвался изъ угла:

— Первый и третій пункты можно бы принять въ крайнемъ случаѣ, но второго—никогда!

— Да, да, второй невозможенъ!

— Надо быть разсудительнымъ и не требовать слишкомъ большихъ жертвъ,—воскликнулъ кто то изъ присутствующихъ.

— Это слишкомъ бы дорого стоило намъ!

— Да, дорого, дорого!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ погодный осенній день, въ субботу около полудня, по прекрасной дорогѣ быстро катился удобный экипажъ, по направленію Бжозовицъ, къ ксендзу Маріану Гальброту.

Эвелина, веселая, улыбающаяся, болтала съ Маріей и Собольскимъ о сплетняхъ, ходящихъ въ городѣ по поводу сватовства графа Ауергофа къ дочери богатаго фабриканта.

Когда эта тема была исчерпана, Эвелина спросила:

— Читали ли вы, господинъ Собольскій, послѣдній номеръ „Ostmark“?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, она продолжала:

— Я искренно обрадовалась новому вѣянію въ „Ostmark“, признаніе силезскаго языка, прекращеніе обвиненій, воздержаніе отъ сильныхъ выраженій,—все это обѣщаетъ наступленіе лучшаго времени, болѣе справедливую оцѣнку существующаго положенія вещей и подготовку общественнаго мнѣнія къ возможнымъ уступкамъ. Я думаю, что статьи эти писалъ твой мужъ, Маня, потому что въ нихъ сквозитъ искренность.

— Не знаю, онъ ли писалъ ихъ,—отвѣчала Марія,—онъ не всегда сообщаетъ мнѣ то, что пишетъ и дѣлаетъ въ редакціи.

— А что же вы, господинъ Собольскій, скажете объ этихъ статьяхъ? Васъ онѣ не радуютъ?

— Вы слишкомъ оптимистически смотрите на это случайное явленіе. Это обычный предвыборный пріемъ; господа изъ „Ostmark“ любятъ ловить рыбу въ мутной водѣ и теперь, повидимому, рѣшили, что такимъ неожиданно ласковымъ пріемомъ захватятъ въ свои сѣти часть силезцевъ.

— Это ужъ пессимизмъ и умышленное недовѣріе, наперекоръ фактамъ!—воскликнула Эвелина.

— Тѣмъ не менѣе скоро, сейчасъ послѣ выборовъ, вы убѣдитесь въ моей правотѣ. Дѣло вполнѣ ясно: много, очень много силезцевъ живетъ въ матеріальной зависимости отъ нѣмцевъ. Во время выборовъ они выдерживаютъ внутреннюю борьбу: подать голосъ за нѣмца—значитъ отречься отъ себя самого, отъ всего дорогого; подача же голоса за силезца равносильна лишенію средствъ къ существованію, и повлечетъ за собой бѣдствія и преслѣдованія. Поэтому, когда нѣмецкая „Ostmark“ высказывается за силезскій языкъ, признаетъ его право на существованіе и развитіе, а въ отдаленіи показываетъ фантастическую картину улучшенія взаимныхъ отношеній, такой бѣдный силезецъ, запуганный мыслью о будущемъ, усыпляетъ свою совѣсть и готовъ подавать голосъ за нѣмца... Вотъ и вся загадка этихъ мирныхъ статей.

— А я такъ радовалась этому новому повороту... Нѣтъ, я не вѣрю вамъ; въ васъ это говоритъ партійность.

— Дай Богъ, только это невозможно, потому что въ политикѣ, какъ и въ жизни, рѣшающее значеніе для успѣха, уваженія и счастья, имѣетъ сила, съ которой противникъ долженъ считаться.

— Но вѣдь это матеріализмъ, недостойный васъ! Какъ? По вашему сила—все?

— Подъ силой я подразумѣваю не только физическое

могущество, какъ напр. войско, численный перевѣсъ, деньги и т. д., но также выдержку, сходство убѣжденій, умѣніе работать, характеръ и ясное знаніе средствъ и цѣлей.

— Но имѣете ли силу вы, силезцы?—спросила не безъ сочувствія красивая дѣвушка.

— Мы вырабатываемъ ее въ безпрерывной борьбѣ и пріобрѣтемъ ее.

— Слѣдовательно, вы не вѣрите въ добрыя намѣренія „Ostmark"?—спросила Марія, съ оттѣнкомъ обиды въ голосѣ.

— Нѣтъ. На выборахъ въ сеймъ, въ этомъ году, нѣмцы побѣдятъ: какой же интересъ для нихъ дѣлать намъ уступки и считаться съ нами? Дѣло идетъ лишь о болѣе блестящемъ тріумфѣ, о запряжкѣ въ побѣдную колесницу еще горсти силезцевъ.

— И вы можете говорить объ этомъ такъ спокойно?

— Насъ научили терпѣнію и спокойствію постоянными нападками и насмѣшками.

— Не будемъ больше говорить о насмѣшкѣ; это слишкомъ печальная тема для такого чуднаго дня.

Мѣстность принимала все болѣе волнистый характеръ, на горизонтѣ поднимались горы, покрытыя лѣсами, ближе раскинулись холмы, до половины обработанные, съ вершинами, поросшими лѣсомъ. Придорожныя деревья, съ красными и желтыми листьями всевозможныхъ оттѣнковъ, издали казались гигантскими букетами, съ рябинъ при приближеніи экипажа поднимались стаи скворцовъ, и дроздовъ.

— Я очень люблю горы,—говорила Эвелина.—Мнѣ кажется, что я нахожусь въ гигантскомъ амфитеатрѣ...

— И принимаешь привѣтствія—засмѣялась ея подруга.

— Въ эту минуту мнѣ нѣтъ до нихъ дѣла; я жажду только свободы, хочу взлетѣть на такую высоту, съ которой дѣлается невидимой разница, раздѣляющая людей на землѣ.

— Крылья для полета на такую высоту даетъ лишь любовь,—отозвалась Марія задумчиво.

— Или искусство,—добавилъ Собольскій.

— Двѣ недостижимыя мечты,—прошептала Эвелина. Нѣкоторое время ѣхали въ молчаніи; нарушилъ его Собольскій.

— За горой, направо, Бжозовицы.

— Мы проѣдемъ прямо къ священнику?—спросила Марія.

— Да, вѣдь я и приглашалъ васъ къ нему.

— Это другъ вашъ?

— Мой товарищъ по гимназіи, очень добрый, достойный уваженія человѣкъ. Впечатлительный, поэтически настроенный, любитъ тишину и спокойствіе...

— Я думала, что это человѣкъ энергичный, похожій на васъ,—сказала Эвелина.

— Онъ былъ бы энергичнымъ, но его здоровье слишкомъ слабо и доктора не предсказываютъ ему долгой жизни.

— И мы ѣдемъ къ больному?—воскликнула Марія.

— Вчера я получилъ отъ него письмо; онъ ничего не пишетъ насчетъ болѣзни, но если бы даже и былъ боленъ, то только докторъ или любящіе глаза могли бы замѣтить это: онъ всегда одинаково милъ и любезенъ...

— Хорошо имѣть васъ своимъ другомъ,—засмѣялась Эвелина,—вы не только хвалите, но и умѣете хвалить, что гораздо труднѣе.

— Слыхала и я о ксендзѣ Гальбротѣ,—вмѣшалась Марія,—онъ, кажется, большой другъ силезцевъ.

— Онъ здѣсь родился и выросъ, такъ нечего удивляться, что онъ сжился съ ними.

— Вы говорите съ нимъ по-силезски?—спросила съ легкимъ безпокойствомъ Эвелина.

— Между собой мы говоримъ только по-силезски, но при другихъ также и по-нѣмецки.

— Это и есть Бжозовицы?—спросила Эвелина, указывая на раскинувшіеся дома, преимущественно каменные, крытые желѣзомъ или гонтомъ, окруженные фруктовыми садами.

— Возлѣ костела домъ священника, а костелъ вонъ тамъ, среди тѣхъ вѣковыхъ деревьевъ.

— Какъ тамъ красиво, чисто, спокойно!—воскликнула Эвелина.—Когда я вижу такіе дома, у меня невольно является желаніе жить въ одномъ изъ нихъ. Жизнь текла бы тихо, спокойно...

— Скучно...—засмѣялся Собольскій.

— Я не знаю скуки—отвѣчала Эвелина.—Одна или въ обществѣ любимыхъ людей я никогда не скучаю. Только оффиціальные пріемы и собранія мучатъ меня и наводятъ невыносимую тоску.

— Я очень сомнѣваюсь, чтобы вы могли обойтись безъ городскихъ удовольствій...

— Смотря съ кѣмъ,—вмѣшалась Марія.—Искренно любя, можно легко отказаться отъ свѣта.

— На долго ли?—спросилъ Собольскій.

— На всю жизнь!—шепнула Эвелина, слегка покраснѣвъ.

Возлѣ дома ксендза кучеръ долженъ былъ сойти съ козелъ и открыть ворота. Экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу, поддерживаемому четырьмя столбами, обвитыми плющемъ. При входѣ ихъ встрѣтила лаемъ желтая лягавая собака. Но

окрикъ Собольскаго: „Тише, Оба!“ успокоилъ ее; въ ту же минуту въ дверяхъ появилась старушка, въ бѣломъ чепцѣ, чисто одѣтая, которая съ удовольствіемъ въ голосѣ воскликнула:

— Да это господинъ Собольскій! Какъ же будетъ радъ отецъ настоятель!

— Я привезъ съ собой гостей, Михалина! Придется тебѣ накормить и напоить насъ и чѣмъ нибудь очень хорошимъ, потому что эти дамы очень избалованы.

— Ужъ я постараюсь для васъ и вашихъ гостей—отвѣчала старушка и, обернувшись, крикнула внутрь дома: отецъ настоятель, отецъ настоятель! Гости пріѣхали!

Спустя минуту появился и самъ Гальбротъ, высокій худощавый блондинъ съ ласковымъ выраженіемъ въ большихъ голубыхъ глазахъ.

— Милости просимъ, милости просимъ!—воскликнулъ онъ еще съ порога и пригласилъ гостей въ гостиную, налѣво, скромно меблированную сѣрою мягкою мебелью.

Главнымъ украшеніемъ этой комнаты служило прекрасное піанино; по стѣнамъ развѣшаны были снимки съ картинъ Сикстинской капеллы.

Послѣ взаимныхъ представленій Собольскій сказалъ:

— Я привезъ къ тебѣ, ксендзъ Маріанъ, необычнаго гостя: панну Эвелину, артистку, которая хочетъ познакомиться съ Силезіей.

— Вся наша Силезія прекрасна,—отвѣтилъ хозяинъ;—наши горы мнѣ такъ же милы, какъ и долина Одры.

— Дѣйствительно, Силезія имѣетъ свою особенную красоту,—сказала Эвелина.

— Вы совершенно правы; я видѣлъ Германію и Италію, но все-таки Силезія мнѣ больше ихъ нравится,—заговорилъ ксендзъ Гальбротъ.—Страна эта носитъ на себѣ отпечатокъ какой то меланхоліи, тихой грусти, которая не приводитъ человѣка къ горю и отчаянію, но поднимаетъ его дѣятельность и побуждаетъ къ перемѣнѣ всего худого на лучшее. Если же узнать золотыя сердца обитателей, ихъ вѣру, твердость, терпѣніе, то въ цѣломъ мірѣ не найти такого чуднаго уголка, какъ наша Силезія.

— Слѣдовательно, вы здѣсь счастливы?—вмѣшалась въ разговоръ Марія.

— Счастливъ? Какъ здѣсь быть счастливымъ, когда отовсюду слышатся жалобы... Разумѣется, все дурное когда нибудь перемѣнится, исчезнетъ, но теперь оно причиняетъ боль, мучитъ и раздражаетъ.

— Да, эта взаимная ненависть очень непрiятна,—прибавила Эвелина.

— Взаимная?—воскликнулъ Собольскiй. Взаимность эта заключается, пожалуй, лишь въ томъ, что они кидаютъ намъ оскорбленiя, а мы должны сносить ихъ.

— Но вѣдь не всѣ нѣмцы таковы,—защищала Эвелина.— Есть и безпристрастные.

— Да, нѣмцы католики съ Одры и Рейна выражаютъ намъ свое платоническое сочувствiе, но сочувствiе это не устранитъ ни одного притѣсненiя, не уменьшитъ ни одной обиды.

— Вы пристрастны!—воскликнула Марiя.

— Пристрастенъ?...

Ксендзъ Гальбротъ, судя по выраженiю его глазъ и румянцу на щекахъ, одобрялъ и раздѣлялъ взгляды своего коллеги, но, изъ вниманiя къ гостямъ, сказалъ съ улыбкой:

— Не волнуйся, Георгiй; спокойствiе первая обязанность мужа, тѣмъ болѣе мужа дѣла. Развѣ бранью ты уменьшишь зло?

— Правда, я увлекся, и считаю долгомъ извиниться предъ дамами, но въ обществѣ ихъ я забываю, что онѣ нѣмки...

— Я не нѣмка, потому что происхожу изъ силезской семьи—отозвалась Марiя, покраснѣвъ.

— Что касается меня, то я не хвалю и не соглашаюсь съ системой здѣшнихъ нѣмцевъ,—прибавила Эвелина.

— Въ такомъ случаѣ среди насъ царятъ согласiе и гармонiя,—проговорилъ шутливо ксендзъ Гальбротъ,—и мы можемъ вмѣстѣ весело провести день. Какiе же у васъ планы?

— Рѣшенiе зависитъ отъ отца настоятеля, какъ хозяина— усмѣхнулась Эвелина.

— Въ такомъ случаѣ я предлагаю прежде всего посѣтить костелъ, предметъ моей гордости, затѣмъ обѣдъ, а Георгiй навѣрно исполнитъ мою просьбу и сыграетъ на пiанино...

— А панна Эвелина споетъ,—вставилъ Собольскiй.

— Я не взяла съ собой нотъ...

— Найдемъ; прежде, вѣдь, ксендзъ Марiанъ пѣлъ и пѣлъ очень хорошо, пока доктора ему не запретили.

— Запрещенiе пѣть было, вѣроятно, очень для васъ непрiятно,—сказала съ сочувствiемъ въ голосѣ Эвелина.

— Я примирился съ необходимостью,—отвѣчалъ ксендзъ спокойно.

— Мнѣ кажется, что я не подчинилась бы этому запрещенiю до послѣдняго вздоха—воскликнула Эвелина и вздрогнула отъ страха при одной мысли объ этомъ.

— Богъ лучше знаетъ, что дѣлаетъ,—проговорилъ ксендзъ съ покорностью.

— А гдѣ же ваши ноты?—продолжала спрашивать Эвелина.

Хозяинъ указалъ на столъ, стоявшій въ углу гостиной. Эвелина хотѣла встать, но Марія удержала ее.

— Концертъ, надежда на который меня очень радуетъ, устроится послѣ обѣда, а теперь надо выполнить программу дня... Пойдемъ въ костелъ.

Ксендзъ Гальбротъ ушелъ и скоро съ ключами въ рукахъ появился на порогѣ. Чрезъ сѣни, раздѣляющія домъ на двѣ половины, всѣ вышли въ садъ и по усыпанной пескомъ тропинкѣ направились къ калиткѣ въ каменной оградѣ, окружающей костелъ. Въ костелъ вошли через маленькую сакристію, поражавшую своей чистотой.

Большія окна костела пропускали бѣлый свѣтъ яснаго дня въ изобиліи и благодаря этому тѣмъ рѣзче выдѣлялись на стѣнахъ, въ своихъ широкихъ черныхъ рамахъ, изображенія страданій Христовыхъ. Художникъ, желая воздѣйствовать на толпу вѣрующихъ, изо всѣхъ силъ старался подчеркнуть яркими красками всѣ ужасы мученій: бичеваніе покрытаго кровью тѣла, громадныя колючки терноваго вѣнца, громадные гвозди, клещи и молотъ, желтизна грязнаго напитка и необыкновенно черныя тучи, разорванныя пурпуровой молніей,—бросались въ глаза на этихъ картинахъ.

Лампада, всегда горящая предъ св. Дарами, при бѣломъ свѣтѣ дня выдѣлялась предъ главнымъ алтаремъ красноватымъ пятномъ. Ксендзъ Маріанъ смиренно, съ набожнымъ вздохомъ опустился на колѣни предъ главнымъ алтаремъ и поднялъ глаза на изображеніе Богородицы съ младенцемъ Іисусомъ. Лицо Маріи, съ выраженіемъ любви и ласки въ чертахъ, было склонено надъ младенцемъ, глядящимъ любопытными глазами на окружающій міръ.

Отголосокъ шаговъ напугалъ ютящихся въ нишахъ зданія птицъ, которыя съ громкимъ щебетаньемъ и шорохомъ крыльевъ взлетѣли на крышу костела.

Преклонивъ колѣни, Эвелина съ любопытствомъ ребенка стала разсматривать главный алтарь.

На широкихъ позолоченныхъ рамахъ были развѣшаны приношенія вѣрующихъ: кирки рудокоповъ, лопатки плавильщиковъ, кисти рукъ и ногъ, пылающія сердца; особенно же заинтересовали ее фигурки дѣтей въ пеленкахъ и маленькіе кораблики.

Поднявшись съ колѣнъ, она спросила у ксендза, что значатъ эти фигурки дѣтей и кораблей.

— Это приношенія матерей, при тяжелыхъ болѣзняхъ дѣтей, и семействъ, члены которыхъ служатъ лодочниками на Одерѣ или отправились въ нѣмецкія колоніи въ Африкѣ.

— Однако, въ этомъ есть что то языческое,—прошептала Эвелина.

— Такъ какъ костелу это не вредитъ, а страждущимъ приноситъ облегченіе, то я охотно допускаю такого рода жертвы.

Всѣ направились къ боковому алтарю.

— Это св. Варвара, покровительница рудокоповъ... Напротивъ, на другомъ алтарѣ, св. Ядвига, покровительница гутниковъ...*) Я и мои прихожане придаемъ большое значеніе этой хоругви Божіей Матери Ченстоховской; съ нею связана цѣлая легенда. Она пожертвована нашему костелу тридцать четыре года назадъ, а нѣкогда служила военнымъ знаменемъ. Пули продырявили ее во многихъ мѣстахъ, но ни одна не задѣла лица св. Маріи и Младенца Христа. Нѣкто Паулинъ съ толпой крестьянъ помѣстилъ ее у насъ, и нашъ народъ чтитъ ее, какъ святыню.

— Удивительно, какъ не конфисковали ее нѣмцы,—проговорилъ Собольскій.

— Пробовали, но не могли, потому что она принадлежитъ къ костельному инвентарю,—объяснилъ ксендзъ.

— Вотъ хоругвь св. Станислава, та—св. Войцеха, а четвертая св. Бронислава.

— Это все наши патроны,—шепнула съ гордостью Марія.

— Скажите лучше: патроны силезскаго народа,—поправилъ ксендзъ.

Въ эту минуту они проходили подъ костельными хорами.

— У насъ старый органъ, не соотвѣтствующій современнымъ потребностямъ; но если Богъ продолжитъ мнѣ жизнь, то обзаведемся и новымъ... У меня ужъ собрано восемьсотъ марокъ на новый органъ. И я попрошу тогда тебя, Георгій, сыграть во время первой обѣдни.

Вошли въ притворъ. Направо, у стѣны, стояли ступени катафалка, свѣжеотдѣланныя, блестящія краской.

— Это новое пріобрѣтеніе?—спросила Марія.

— Нѣтъ, это лишь передѣлка... Смерть самая важная вещь на свѣтѣ и заключаетъ въ себѣ столько величія, что я по мѣрѣ силъ стараюсь украсить ея тронъ.

— Я боюсь смерти... А ты, Маня?

— И я боюсь, ради близкихъ мнѣ людей... А вы, отецъ

*) Гутникъ—рабочій на обработывающихъ руду заводахъ.

Примѣч. перев.

настоятель, не боитесь смерти?—прибавила она, замѣтивъ на его лицѣ улыбку.

— Я жду ее какъ освобожденія, потому что мнѣ тяжело и грустно жить... Но это воля Божья.

Они снова прошли черезъ костелъ. Гулъ ихъ шаговъ отражался отъ сводовъ и пропадалъ гдѣ то въ темныхъ углахъ костела.

Отъ тихаго зданія вѣяло холодомъ вслѣдствіе недостатка жизни, движенія, энергіи и лишь дрожащій огонекъ лампадки свидѣтельствовалъ, что надъ костеломъ бодрствуетъ чья то добродѣтельная, заботливая рука.

Выйдя на окружающій костелъ погостъ, гости отдохнули и начали осматривать скромные могильные памятники, съ еще болѣе скромными надписями, просящими лишь о молитвѣ за душу умершаго, безъ разглагольствованій о его добродѣтеляхъ и заслугахъ.

Могилы, въ видѣ бугорковъ земли, тянулись въ рядъ, какъ солдаты, и лишь у самой стѣны, ближе къ дому священника, выдѣлялись три болѣе богатыя могилы, съ каменными крестами.

— Здѣсь лежатъ мои предшественники—сказалъ ксендзъ, и если на то будетъ Божья воля, то здѣсь же рядомъ положатъ и мои кости... Я желалъ бы быть здѣсь схороненнымъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Собольскому,—и въ могилѣ я имѣлъ бы передъ собою вершины этихъ горъ, и слышалъ бы надъ могилой дорогіе звуки языка моего народа, шумъ липъ и яворовъ и пѣніе птицъ...

— Предъ тобой еще много жизни и работы,—тихо проговорилъ Собольскій,—и будь увѣренъ, что, когда Богъ призоветъ тебя къ себѣ, народъ силезскій придетъ сюда съ твоей пѣсенкой на устахъ и почтитъ тебя, какъ своего пѣвца.

— Для себя я ничего не хочу, кромѣ звуковъ силезскаго языка, потому что работалъ я для нихъ, а не для себя, пѣлъ имъ, а не себѣ.

Тутъ подошли дамы, читавшія надгробныя надписи, и Эвелина сказала:

— Мнѣ кажется, что мы не на кладбищѣ, такъ мало здѣсь страданія, боли, отчаянія... Наоборотъ, здѣсь словно царитъ тишина, покой и отдохновеніе послѣ тяжелой жизни...

— Потому что здѣсь почіютъ люди, которые прошли суровую школу и лишь въ могилѣ отдохнули отъ трудовъ и невзгодъ жизни,—объяснилъ ксендзъ.

— Какой чудный видъ на окрестность!—проговорила Марія, озираясь вокругъ.

— Направо, на той первой горѣ, находятся развалины замка,—сказалъ ксендзъ.—Тамъ есть остатки стѣнъ, окружавшихъ замокъ, одно каменное зданіе и нѣсколько погребовъ.

— Ѣдемте къ этимъ развалинамъ!—съ живостью воскликнула Эвелина.

— Послѣ концерта,—прибавилъ ксендзъ,—а теперь милости просимъ въ домъ, вѣроятно, и обѣдъ уже готовъ.

Обратный путь совершили черезъ цвѣтникъ. Дамы восторгались массой разноцвѣтныхъ астръ, этихъ розъ осени, нѣжно окрашенныхъ бальзаминовъ, душистыхъ левкоевъ и анютиныхъ глазокъ, выставляющихъ изъ темной зелени листьевъ свои странные цвѣты, похожіе на дѣтскія личики.

Когда изъ сада вышли во дворъ, съ земли поднялась громадная стая голубей.

На голосъ ксендза, который изъ кармана сутаны вынулъ горсть пшеницы, голуби, покрутившись въ воздухѣ, спустились къ его ногамъ и начали клевать зерна. Куры, увидѣвъ этотъ пиръ, бросились на зерна въ свою очередь, съ распущенными крыльями, даже воробьи, подзывая другъ друга своимъ щебетаньемъ, слетѣли съ крыши на землю. И все общество, къ удовольствію дамъ, было окружено подвижнымъ кольцомъ птицъ.

— Отецъ настоятель! Обѣдъ уже готовъ!—крикнула старушка, появляясь на крыльцѣ.

Всѣ вошли въ столовую, небольшую комнату, меблированную сосновымъ столомъ, теперь накрытымъ скатертью, и шестью плетеными стульями.

Обѣдъ былъ постный, но обильный и разнообразный, такъ что гости ѣли съ большимъ аппетитомъ послѣ двухчасового путешествія; но самъ хозяинъ ѣлъ такъ мало, что Марія даже обратила на это вниманіе.

— Я не хотѣла бы быть хозяйкой у отца настоятеля, — сказала она.

— Почему? Я не привередливъ насчетъ ѣды.

— Потому что вы ѣдите такъ мало, что это очень огорчало бы меня.

Экономка, которая случайно услышала эти слова, отозвалась грустнымъ тономъ:

— Развѣ же я не огорчаюсь? Говорю, прошу, умоляю, а ксендзъ все свое—не хочетъ ѣсть и конецъ. И откуда могутъ взяться силы у человѣка, если онъ не ѣстъ и не пьетъ.

— Я ѣмъ столько, сколько надо—улыбнулся ксендзъ,—а вы, Михалина, не жалуйтесь.

— При гостяхъ еще такъ-сякъ, а безъ гостей забираю со стола все нетронутымъ,—ворчала та, огорченная до глубины души.

Обѣдъ приближался къ концу. Михалина только что перемѣнила тарелки и подала на столъ превосходную шарлотту изъ яблокъ, гордость своего поварского искусства, какъ на крыльцѣ раздался короткій, отрывистый лай Обаля.

— Взгляните, Михалина, кто пришелъ?—сказалъ ксендзъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... Кто же, какъ не нищій или кто нибудь изъ деревни,—ворчала та, медленно выходя изъ комнаты.

Черезъ минуту она вернулась со словами:

— Это пришла Бжезякова, какая то сама не своя, заплаканная, а съ нею старая Петракова... Ожидаютъ тамъ, въ сѣняхъ.

— Прошу извинить,—проговорилъ ксендзъ, поднимаясь со стула,—долгъ прежде всего.

Онъ вошелъ въ сосѣднюю комнату, служившую кабинетомъ и канцеляріей. Вскорѣ оттуда донесся его голосъ:

— Бжезякова, идите въ канцелярію... Что скажете?

Плачущій женскій голосъ отвѣчалъ:

— Я пришла попросить васъ отслужить молебенъ за счастливое пребываніе и возвращеніе моего мужа изъ Вестфаліи.

— Какъ, онъ оставилъ здѣшнюю фабрику?—спросилъ тотъ съ удивленіемъ.

— Чего бы онъ сталъ бросать работу въ своемъ краю; сами его прогнали.

— За что?

— Во время обѣда рядомъ съ нимъ усѣлось нѣсколько человѣкъ нашихъ, его пріятелей. Зашелъ разговоръ о выборахъ въ сеймъ; мой мужъ, человѣкъ горячій, началъ громко доказывать, что въ Силезіи долженъ быть выбранъ только силезецъ... Только и всего, но, видно, подслушалъ какой нибудь нѣмецъ, пошелъ и разсказалъ въ канцеляріи и мужа на фабрикѣ какъ не бывало... Мигомъ прогнали,—кончила она съ громкимъ плачемъ.

— Гм... гм... Это худо. Отчего же онъ былъ такъ неостороженъ, развѣ не зналъ, что̀ ему грозитъ?... Что же онъ теперь намѣренъ дѣлать?

— Что дѣлать? Здѣсь работы онъ ужъ не найдетъ, поэтому поѣдетъ въ Вестфалію и покинетъ меня одну, сиротою съ тремя дѣтьми, — кончила она и заплакала еще громче.

— Не лучше ли было бы и вамъ съ нимъ ѣхать, потому что трудно вамъ будетъ,—совѣтовалъ ксендзъ.

— Никогда!—воскликнула она, осушая слезы.—Развѣ можно бросить все свое, здѣшнее? Тамъ и дѣтей мнѣ испортятъ; это край далекій, живутъ одни нѣмцы; слова некому сказать по человѣчески, некому пожаловаться на свое горе; негдѣ помолиться по нашему. О нѣтъ! Если мужъ поѣдетъ одинъ, то онъ какъ птица свободенъ, станетъ тосковать по насъ, такъ и пріѣдетъ, а ѣхать всей семьей, такъ ужъ значитъ на вѣки.

— Пожалуй, вы и правы; во всякомъ случаѣ лучше воспитывать дѣтей въ родномъ краю... Когда же уѣзжаетъ вашъ мужъ?

— Скоро ужъ, скоро поѣдетъ бѣдняга... онъ и самъ бы зашелъ, да какъ разъ отправился за расчетомъ... Когда же будетъ молебенъ?

— Можетъ быть, во вторникъ? Вамъ это удобно будетъ?

— Хорошо, спасибо!

Повидимому, женщина клала деньги, потому что ксендзъ сказалъ:

— Спрячьте себѣ про черный день; вѣдь неизвѣстно еще, скоро ли мужъ пришлетъ вамъ изъ Вестфаліи.

Бжезякова вышла со словами: „Слава Іисусу Христу!“, а ксендзъ обратился къ другой посѣтительницѣ:

— А вамъ, Петракова, что нужно?

— У меня большое горе, отецъ настоятель. Сынъ мой служитъ въ городѣ, и надо же такой бѣды, что полюбилась ему нѣмка. Поѣхали мы съ мужемъ въ городъ, стали заклинать, просить, убѣждать не дѣлать намъ такой непріятности, и добрый сынъ послушался насъ...

— Это хорошо. Чего же вы хотите?

— Съ мужемъ мы обдумали такъ: слово родительское много значитъ, но лучше еще призвать помощь Божью. Поэтому мы просимъ отслужить молебенъ, чтобъ и на будущее время ничто злое не искушало нашего сына и не причиняло намъ стыда и позора передъ людьми.

Оба разговора были слышны гостямъ, сидѣвшимъ въ столовой, и Марія быстро передала Эвелинѣ содержаніе перваго, но, услышавъ причину горя Петраковой, она смущенно поглядѣла на подругу, затѣмъ на Собольскаго и, покраснѣвъ, объяснила жалобу Петраковой болѣзнью ея сына.

Экономка убрала между тѣмъ со стола и, принеся кофе въ кофейникѣ, спросила Собольскаго:

— Вы здѣсь хотите пить кофе или въ кабинетѣ, гдѣ пьетъ обыкновенно отецъ настоятель?

— Мы не будемъ нарушать обычнаго порядка,—воскликнула Марія.—Напьемся кофе съ отцомъ настоятелемъ въ кабинетѣ, когда онъ покончитъ разговоръ.

Не успѣла она договорить, какъ въ дверяхъ появился ксендзъ.

— Мы распорядились безъ тебя, Маріанъ, и будемъ пить кофе въ кабинетѣ,—встрѣтилъ его Собольскій.

— Очень радъ, прошу...

Кабинетъ представлялъ собою большую комнату, освѣщаемую тремя окнами, изъ которыхъ два выходили во дворъ и третье въ садъ, и сравнительно съ ґостиной, былъ меблированъ со вкусомъ. Кромѣ большого письменнаго стола, помѣщавшагося возлѣ окна въ садъ, въ правомъ, отъ входа изъ передней, углу стояла софа, шесть мягкихъ креселъ, крытыхъ сѣрымъ, узорчатымъ, мѣстнаго производства холстомъ, и круглый черный столикъ, на который экономка поставила подносъ съ кофе и стаканами.

Стѣна со стороны сада была пуста, двѣ же другія были уставлены стеклянными шкафами съ переплетными книгами, золотыя надписи на корешкахъ которыхъ блестѣли на солнцѣ. Между двумя окнами висѣло большое изображеніе Ченстоховской Божьей Матери, предъ которымъ спускалась съ потолка горящая лампада.

Во всей комнатѣ, во всѣхъ уголкахъ было замѣтно, что здѣсь живетъ, думаетъ и трудится человѣкъ, передающій всѣмъ предметамъ свой темпераментъ, свою волю.

— Сколько книгъ!—съ удивленіемъ воскликнула Эвелина и подошла къ ближайшему шкафу.

Прочтя латинскія названія, она поняла, что въ этомъ шкафу находятся книги религіознаго и теологическаго содержанія.

Въ другомъ шкафу помѣщались избранныя произведенія европейской литературы, преимущественно нѣмецкія, или переведенныя на этотъ языкъ. Третій шкафъ, возлѣ письменнаго стола, заключалъ въ себѣ силезскія и польскія книги.

— Неужели на силезскомъ языкѣ есть столько книгъ?— проговорила съ удивленіемъ Эвелина.

— Это лишь незначительная часть... Тысяча лѣтъ жизни и цивилизаціи должны отразиться на литературѣ,—отвѣчалъ Собольскій.

— Не правда ли, Маня, какъ это странно и несправедливо—сказала Эвелина, усаживаясь на софѣ подлѣ подруги,—что въ школѣ намъ преподаютъ литературы итальян-

скую, французскую, испанскую, англійскую, и даже индійскую, и въ то же время мы ничего не знаемъ о ближайшей, съ которой всегда приходится сталкиваться въ жизни.

— Политика,—вставилъ съ ироніей Собольскій,—и политика спеціально нѣмецкая.

При этихъ словахъ красивое личико Эвелины нахмурилось, и потому ксендзъ Гальбротъ, какъ хозяинъ, проговорилъ успокаивающе:

— Зачѣмъ ты, Георгій, дразнишь національное чувство госпожи Крюгеръ? Ты могъ бы установить съ нею такія же отношенія, какъ я съ моимъ сосѣдомъ, ксендзомъ Кайлеромъ.

— Какія же именно?—съ живостью спросила Эвелина.

— Мы живемъ не далѣе двухъ километровъ другъ отъ друга; онъ заядлый нѣмецкій патріотъ, я люблю силезцевъ; вотъ мы и сдѣлали уговоръ, что я не упоминаю о нѣмцахъ, а онъ о силезцахъ... Обыкновенно мы бесѣдуемъ о дѣлахъ церковныхъ, о своихъ прихожанахъ, о литературѣ, поэзіи, искусствѣ... и вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ живемъ очень согласно...

Такой способъ хорошъ для знакомыхъ, встрѣчающихся разъ въ недѣлю, а...—и, не кончивъ фразы, Собольскій началъ усердно размѣшивать ложечкой кофе.

Марія улыбнулась и спросила:

— Кончайте же; что значитъ это „а“?

— Значитъ, что я не ксендзъ Маріанъ, добрый, тихій, ласковый, а панна Эвелина не ксендзъ Кайлеръ. Люди, желающіе жить въ согласіи и дружбѣ, должны сходиться въ своихъ убѣжденіяхъ и цѣляхъ...

Эвелина выслушала эти слова съ видимымъ спокойствіемъ; только болѣе яркій румянецъ и блескъ глазъ выдавали ея волненіе. Желая перемѣнить тему, она обратилась къ хозяину:

— Это — изображеніе Ченстоховской Божьей Матери?

— Да, это изображеніе нашей Царицы и я къ нему очень привязанъ. Оно висѣло когда то въ домѣ моихъ родныхъ, въ Любинѣ, гдѣ жилъ мой отецъ. Моя мать имѣла необыкновенную вѣру въ Дѣву Марію, назвала меня ея именемъ и отъ нея я унаслѣдовалъ глубокую вѣру въ Ченстоховскую Божью Матерь, изображеніе которой перевезъ сюда изъ Любина.

Въ это время Собольскій, разсматривавшій во время этого разговора какой то цвѣтокъ у окна, взглянулъ на дворъ и обернулся къ ксендзу:

— Ксендзъ Маріанъ, тебя ждетъ новое посѣщеніе, какая то женщина съ мальчикомъ...

— Это, вѣрно, Тихонова со своимъ сыномъ. Не ожидая такихъ пріятныхъ гостей, я велѣлъ ей придти... Ну я приглашу ее зайти въ другой разъ.

— Если мы мѣшаемъ—воскликнула Марія,—то перейдемъ въ другую комнату.

— Вы мнѣ вовсе не мѣшаете; только это не такое ужъ спѣшное дѣло—просто экзаменъ.

— Какой?—спросилъ Собольскій.

— Эта женщина—вдова, и пришла за совѣтомъ, какъ ей поступить со своимъ среднимъ сыномъ, который хочетъ учиться въ высшей школѣ. Я хотѣлъ проэкзаменовать мальчика, что и какъ онъ знаетъ, достаточно ли подготовленъ для гимназіи, потому что жаль и времени, и тяжелымъ трудомъ добытыхъ денегъ.

— Позволь мнѣ, ксендзъ Маріанъ, проэкзаменовать мальчика,—попросилъ Собольскій.

— Мнѣ будетъ очень интересно послушать, — прибавила Марія,—потому что и мой сынъ недавно держалъ экзаменъ.

— Если дамы ничего не имѣютъ противъ этого, я позову его сюда.

Собольскій предупредилъ его и позвалъ мальчика вмѣстѣ съ матерью въ кабинетъ. Въ комнату вошла женщина съ худымъ измученнымъ лицомъ, носящимъ еще слѣды былой красоты, поздоровалась, поцѣловала руку ксендза и обезпокоенная и смущенная присутствіемъ дамъ, начала на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Я пришла къ вамъ, отецъ духовный...

Собольскій прервалъ ее:

— Можете, тетушка, говорить по силезски, это все наши.

Женщина усмѣхнулась и, покраснѣвъ, продолжала:

— Вотъ я привела сына, какъ говорилъ мнѣ отецъ настоятель, для экзамена.

— Хорошо, Тихонова,—отвѣчалъ ксендзъ,—вотъ господинъ Собольскій будетъ такъ добръ, что спроситъ мальчика.

— Какъ тебя звать? — спросилъ Собольскій слегка трусившаго мальчика, шатена, съ большими карими глазами.

— Войцѣхъ Тихонь.

— Подойди, Войтекъ, ближе, не бойся, никто тебѣ не сдѣлаетъ ничего худого. Вотъ нѣмецкая книга, читай.

Мальчикъ прочелъ, сначала запинаясь, потомъ совсѣмъ гладко, указанный отрывокъ, перевелъ его и сдѣлалъ довольно хорошо грамматическій разборъ. Затѣмъ послѣдовали во-

просы изъ ариѳметики, географіи, исторіи Пруссіи, и на всѣ послѣдовали удовлетворительные отвѣты.

— Вашъ сынъ, тетушка, знаетъ больше, чѣмъ я думалъ, кромѣ того, онъ очень развитъ и понятливъ.

Лицо матери прояснилось, глаза блеснули и она проговорила съ оттѣнкомъ гордости въ голосѣ:

— Мой Войтекъ не только говоритъ по нѣмецки, но также бѣгло читаетъ и знаетъ наизусть наши силезскія стихотворенія.

Собольскій далъ мальчику книгу и, когда тотъ гладко и толково прочелъ данный отрывокъ, онъ сказалъ:

— А теперь, Войтекъ, скажи на память какіе нибудь стихи.

— Какіе же?—спросилъ мальчикъ.

— Это отъ тебя зависитъ, только хорошіе.

— Какое угодно можно?—спросилъ мальчикъ, покраснѣвъ.

— Какое угодно.

Желая избѣжать устремленныхъ на него взглядовъ, мальчикъ сталъ смотрѣть въ окно и началъ дрожащимъ голосомъ:

Znasz ty tè ziemie co z swych Kruszców slynie?
Gdzie drogi Kruszec w obcych rece plynie.
Gdzie ludek w sercu swój klejnot ukrywa,
By pon ne siegla zadna reka chciwa.
    Tam gdzie w tej ziemi skarb jest nieprzebrany.
    Tam ma ojczyzna, to mój Szlazk kochany.
Gdzie bystra Odra toczy swoje wody,
Gdzie schludne domki, wesole zagrody;
Wsród ciemnych lasów i lanów zlocistych,
W dolinach i tez po górach skalistych.
    Tam gdzie w tej ziemi skarb jest nieprzebrany,
    Tam ma ojczyzna, to mój Szlazk kochany.
J gdzie z kominów niebotycznych chmury,
A mloty w kruszec, jakby taran w mury,
Z trzaskiem ogromnym stale uderzaja,
Dymy sie wija, plomienie buchaja;
    J gdzie w tej ziemi skarb jest nieprzebrany,
    Tam ma ojczyzna, to mój Szlazk kochany.
Szlazka ojczyzno, kraju ulubiony,
Od cudzoziemczej glupoty wzgardzony,
Wzgarde miloscia niwecza twe syny,
Kochajac ciebie nad inne krainy;
    Boc tu w tej ziemi skarb jest nieprzebrany,
    Tu ma ojczyzna, to mój Szlazk kochany.

(Ты знаешь ли край, славный своими ископаемыми богатствами, гдѣ драгоцѣнная руда течетъ въ чужія руки, а городъ прячетъ свои сокровища въ сердцѣ, чтобъ ихъ не захватила ничья жадная рука.

Земля, въ которой скрыты неисчерпаемыя сокровища—моя родина, моя дорогая Силезія,

Гдѣ быстрая Одра струитъ свои воды мимо чистыхъ домиковъ, среди темныхъ лѣсовъ и золотыхъ нивъ, по долинамъ, среди скалистыхъ горъ;

Гдѣ въ землѣ скрыты неисчерпаемыя сокровища,—тамъ моя отчизна, моя дорогая Силезія.

Гдѣ надъ трубами, устремленными къ небу, вьются тучи дыма и вырывается пламя, гдѣ, словно таранъ въ стѣны, безъ перерыва, съ ужаснымъ грохотомъ, ударяютъ молоты по металлу;

Гдѣ въ землѣ скрыты несмѣтныя сокровища, тамъ моя родина, моя дорогая Силезія.

О силезская отчизна, дорогой край, презираемый чужеземною глупостью, твои сыны любовью побѣждаютъ презрѣніе, любя тебя больше всѣхъ другихъ странъ.

Потому что въ тебѣ скрыты несмѣтныя сокровища, потому что ты моя отчизна, моя дорогая Силезія).

Собольскій подошелъ къ мальчику, пожалъ ему руку и поцѣловалъ въ лобъ. Ксендзъ Гальбротъ съ радостью смотрѣлъ на ребенка, говоря въ полголоса:

— Очень хорошо, помни эти стихи всю жизнь.

Марія сочувствующимъ взглядомъ смотрѣла на мальчика, но, вспомнивъ экзаменъ Адальберта, нашла нужнымъ предостеречь:

— Только, дитя мое, въ школѣ будь осторожнѣе съ силезскимъ языкомъ, а объ этихъ стихахъ не говори никому ни слова.

— О! Войтекъ знаетъ, гдѣ можно говорить, онъ уже знаетъ, что такое нѣмцы!—воскликнула мать.

— Гдѣ ты читалъ эти стихи? кто тебя научилъ имъ?—спрашивалъ Собольскій.

— Научилъ меня старшій братъ, который полгода назадъ вернулся изъ военной службы.

— Знаешь, ксендзъ Маріанъ, мальчуганъ способный, стоитъ труда и денегъ, выростетъ—будетъ дѣльнымъ силезцемъ... Если будетъ нужно, мы поможемъ ему въ ученіи.

— Объ этомъ послѣ,—отвѣчалъ ксендзъ уклончиво.—А вы, Тихонова, слышите, мальчика непремѣнно надо отдать въ школу.

Тихонова поклонилась и, поблагодаривъ за экзаменъ, вышла чрезвычайно обрадованная успѣхами сына.

Марія, въ умѣ которой проносились воспоминанія объ ученіи сына, невольно спросила:

— Кто научилъ этого мальчугана читать по силезски?

— Вѣроятно, мать или братъ—отвѣчалъ Собольскій.

— Я думала, что учитель...

— Правительство запрещаетъ обученіе по силезски—отозвался ксендзъ Гальбротъ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ко мнѣ приходили дѣти, родители которыхъ цѣлый день заняты на фабрикѣ. Въ такомъ возрастѣ легко подчиняются дурнымъ вліяніямъ, поэтому я и велѣлъ имъ собираться здѣсь и училъ понемногу. Объ этомъ узналъ ландратъ и подъ предлогомъ, что я содержу школу, присудилъ меня къ шестидесяти маркамъ штрафа и запретилъ дѣтямъ приходить ко мнѣ. Я обращался съ жалобой въ окружное управленіе, въ высшій административный судъ въ Берлинѣ, но нигдѣ жалобъ не приняли. Пришлось въ концѣ концовъ уплатить штрафъ.

— Но вѣдь это настоящее гоненіе—воскликнула съ гнѣвомъ Эвелина.

— Настоящее и систематическое,—добавилъ Собольскій съ горечью въ голосѣ.

— Объ этомъ, вѣроятно, не знаютъ сами нѣмцы, — пыталась защититься Эвелина.

— Не знаютъ?—засмѣялся иронически Собольскій.—Дѣйствительно, они только воздѣйствуютъ на соотвѣтствующіе органы власти.

Ксендзъ Гальбротъ, желая прекратить загорающійся споръ, предложилъ перейти въ гостиную и сталъ просить своего пріятеля сыграть на піанино.

Въ то время какъ ксендзъ разсказывалъ заслушавшейся его Маріи подробности торжественнаго празднованія девятисотлѣтняго юбилея со дня смерти св. Войцеха въ Гнѣзнѣ, Эвелина и Собольскій приблизились къ столику, желая просмотрѣть и выбрать ноты. Здѣсь руки ихъ невольно встрѣчались, а наклоняясь, чтобы прочесть заглавіе, они такъ приближались другъ къ другу, что ихъ волосы смѣшивались, они чувствовали дыханіе, почти біеніе сердца другъ друга, и Собольскій, который благодаря усилію воли до сихъ поръ оставался съ нею на ступени условнаго, хотя и пріятнаго, знакомства, подчинился теперь чувству. Почти безъ участія воли руки ихъ встрѣтились въ горячемъ пожатіи, они сблизились тѣснѣе и взглянули другъ другу въ глаза. Глаза выдали взаимную любовь раньше, чѣмъ уста успѣли облечь ихъ въ форму словъ и высказать громко.

Это была минута тріумфа искренней, страстной и неукротимой любви, не обращающей вниманія на разницу націо-

нальности, убѣжденій, общественнаго положенія, на сопротивленіе, пожалуй, даже ненависть родныхъ и части общества.

Это опьяненіе любовью продолжалось всего лишь мгновеніе, достаточное, однако, для того, чтобы это признаніе безъ словъ запечатлѣлось въ ихъ памяти навѣки.

Они очнулись. Эвелина, зарумянившаяся, первая отодвинулась къ противоположному углу стола, быстро и настойчиво разыскивая ноты, ни заглавія, ни содержанія которыхъ она не могла бы теперь сказать.

Собольскій взялъ попавшіяся подъ руку ноты и, взглянувъ на Эвелину взоромъ, въ которомъ еще пылали отблески любви, усѣлся за піанино.

Обыкновенно онъ игралъ хорошо, но сегодня, подъ вліяніемъ пробудившагося чувства, онъ вызывалъ у слушателей, особенно у Эвелины, ощущеніе, что инструментъ скорѣе поетъ, чѣмъ играетъ.

Сначала онъ сыгралъ одинъ изъ вальсовъ Вальдтейфеля, сначала нѣжный, мечтательный, онъ постепенно дѣлается все болѣе страстнымъ, могучимъ, какъ волны морскія, подъ конецъ же опять располагаетъ къ грезамъ, убаюкивая ритмомъ мелкой зыби очарованнаго озера.

Затѣмъ игралъ онъ вѣчно чарующую пѣсню любви изъ „Фауста", въ которой ведутъ борьбу изъ за первенства грусть и тоска со страстью и тріумфомъ любви.

Наконецъ, уступая усиленнымъ просьбамъ, онъ сыгралъ съ большимъ чувствомъ бравурную мазурку Монюшки изъ „Гальки".

Выслушавъ горячую благодарность ксендза и Маріи, Собольскій ждалъ, что скажетъ Эвелина, но та была занята усиленными поисками нотъ и, повидимому, нашла то, что было нужно, такъ какъ улыбнулась почти съ радостью и, не приглашая Собольскаго аккомпанировать, сама усѣлась за піанино.

И поплыла чудная пѣснь Шумана, въ которой чары лѣтней ночи, съ ея тихимъ шелестомъ уснувшихъ древесныхъ листьевъ, съ журчаніемъ ручья и соловьиною пѣснью, такъ гармонически сливаются съ грустью и страстною жаждой любви.

По окончаніи пѣсни, не ожидая апплодисментовъ и благодарности, она повернула къ слушателямъ свое прекрасное горящее румянцемъ возбужденія лицо и воскликнула:

— А теперь для силезцевъ!

Еще дома она выучила эту пѣсню, а теперь, найдя ее

между нотами ксендза Гальброта, она взяла первые аккорды. Оба силезца сразу узнали ее; это была прекрасная, искренняя, навѣянная истинной поэзіей и глубокимъ чувствомъ „Калина“.

Эвелина пѣла ее такъ, какъ можетъ и въ состояніи пѣть влюбленная въ свое искусство артистка и влюбленная женщина, желающая понравиться своему возлюбленному. Она не только пѣла, но говорила, декламировала, чувствовала, радовалась, плакала и умирала вмѣстѣ съ „Калиной“.

Марія необыкновенно впечатлительная къ музыкѣ, слыша „Калину“ въ первый разъ, была въ упоеніи, ее всю охватывала дрожь, она сдерживала въ груди рыданія и чувствовала слезы на глазахъ. И она была въ состояніи проговорить лишь:

— Ахъ, какъ это прекрасно!

Ксендзъ Гальбротъ, успѣвшій уже освободиться отъ перваго впечатлѣнія, съ гордостью сказалъ Маріи:

— Это наша пѣсня!

На усиленныя просьбы Эвелина повторила „Калину“.

Затѣмъ завязался интересный разговоръ о пѣніи на сценѣ и на концертной эстрадѣ: вдругъ дверь гостиной медленно отворилась и Михалина сказала:

— Пожалуйте на полдникъ.

Въ столовой ксендзъ повторилъ свое предложеніе отправиться въ экипажѣ къ развалинамъ.

Эвелина и Собольскій принимали этотъ проектъ, но Марія категорически воспротивилась ему, потому что пришлось бы очень запоздать съ возвращеніемъ въ Бытомъ.

Когда дамы, желая порадовать Михалину, отправились осматривать ея хозяйство, Собольскій сказалъ:

— Я пріѣхалъ къ тебѣ, ксендзъ Маріанъ, по дѣлу о выборахъ въ сеймъ. Я уже писалъ тебѣ, что минутами на меня нападаетъ сомнѣніе въ томъ, правъ ли я, требуя отъ нашихъ участія въ выборахъ, не руководитъ ли мною при этомъ партійность. Нѣмцы побѣдятъ, а сколько нашихъ пострадаетъ при этомъ?

Ксендзъ Гальбротъ, слушая, взглянулъ нѣсколько разъ на говорящаго, и послѣ короткой паузы отвѣчалъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, такъ что только блескъ его глазъ свидѣтельствовалъ о томъ, какъ глубоко и страстно интересуется онъ этимъ дѣломъ:

— Слушай, Георгій, пока земледѣлецъ соберетъ осенью свою жатву, сколько труда, безпокойствъ и сомнѣній перенесетъ онъ за лѣто. Кто хочетъ добиться спокойствія и удо-

влетворенія, тотъ долженъ усиленно и терпѣливо трудиться. Развѣ ты думаешь, что усилишь характеръ народа и его твердость, если удержишь его отъ открытой борьбы, хотя бы она и кончилась пораженіемъ? Народъ нашъ мягокъ, податливъ, между тѣмъ онъ долженъ твердо держаться своихъ цѣлей и не отказываться отъ нихъ даже и предъ житейскими невзгодами... Впрочемъ, дѣйствуй, Георгій, какъ найдешь лучше; очень можетъ быть, что страстно желая поскорѣе увидѣть свободу и счастье народа, я хватаюсь за средства слишкомъ радикальныя...

— Спасибо тебѣ, ксендзъ Маріанъ; я искалъ поддержки и нашелъ ее,—отвѣчалъ Собольскій, пожимая руку своего пріятеля.

Тутъ вошли дамы и вскорѣ начали собираться въ обратный путь. При прощаньи Эвелина просила ксендза дать ей взаймы нѣсколько тетрадей нотъ для пѣнія, которыхъ она не могла найти въ Бытомѣ.

Возвращались домой при заходѣ солнца. Въ глубокихъ оврагахъ и долинахъ царилъ уже мракъ, въ то время, какъ вершины еще сверкали, облитыя пурпуромъ заходящаго солнца.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо!—вздохнула Марія.—Видишь, Эвелина, ту самую высокую вершину, всю сверкающую подъ лучами солнца?

— Какъ вы думаете,—обратилась Эвелина своимъ мелодичнымъ голосомъ къ Собольскому—достигнетъ ли человѣчество когда нибудь такихъ вершинъ, озаренныхъ солнцемъ, изъ своихъ низменностей, гдѣ царитъ лишь ночная тьма и утренній полусвѣтъ?

— Вѣрю, что достигнетъ, но только съ помощью труда и терпѣнія, потому что дорога къ вершинамъ трудна и крута.

Эвелина тихо вздохнула, прошептавъ:

— Ахъ, если бы имѣть крылья!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Даумъ вышелъ изъ своей квартиры на Гливицкой улицѣ, поискалъ глазами извозчика, и, не найдя его, пошелъ быстрыми шагами по направленію къ квартирѣ Кремпы, еще разъ взглянувъ на часы, которые показывали четверть перваго. Пряча часы, онъ услышалъ въ боковомъ карманѣ шелесть бумаги, вынулъ ее и, увидѣвъ изящный конвертъ, спряталъ его въ другой карманъ.

Это было письмо Эрминіи, увѣдомляющее его объ отъѣздѣ Маріи и времени школьныхъ занятій Адальберта съ нѣжной припиской о тоскѣ и ожиданіи.

Онъ только что хотѣлъ повернуть на Бульварную улицу, чтобъ взять тамъ извозчика, какъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Ляуеромъ, представителемъ старой торговой фирмы.

— Куда такъ спѣшите?—спросилъ Ляуеръ, поздоровавшись.

— Какъ всегда, къ больному,—отвѣчалъ тотъ уклончиво.

— Можете вы, докторъ, удѣлить мнѣ минутку времени для разговора? Дѣло важное и касается васъ.

— Съ удовольствіемъ, я слушаю.

— Вы не замѣтили, докторъ, что въ послѣднее время число вашихъ паціентовъ уменьшилось?

Хотя докторъ, аккуратно ведущій свои счеты, и самъ хорошо это замѣтилъ, однако, не желая выдавать тайны своей профессіи, онъ отвѣчалъ беззаботно:

— Количество не уменьшилось, измѣнился лишь составъ, потому что вылеченные болѣе во мнѣ не нуждаются, а на ихъ мѣсто прибываютъ новые больные.

— Гм... Развѣ? А помните, докторъ, что я и мое семейство были вашими первыми паціентами, и еще до сихъ поръ не приглашаемъ изъ докторовъ никого, кромѣ васъ?

— Какъ же вы можете допустить, что я забылъ объ этомъ?

— Я чувствую къ вамъ искреннее и безкорыстное расположеніе... и во имя его позволяю себѣ предостеречь васъ отъ грозящей вамъ опасности.

Докторъ смутился и спросилъ съ безпокойствомъ въ голосѣ:

— Расположеніе въ данномъ случаѣ обоюдное, и вы лучше всего докажете мнѣ его, говоря со мной откровенно.

— Въ такомъ случаѣ выслушайте меня и сами обсудите дѣло. Населеніе нашего города отличается истинной религіозностью, нравственностью и строго придерживается старыхъ обычаевъ. Въ одинъ прекрасный день по городу разносится молва о свиданіяхъ, о флиртѣ одного молодого человѣка съ дѣвушкой, чужою въ этомъ городѣ, безъ роду, безъ знакомствъ и общественнаго положенія и въ добавокъ съ очень дурно звучащимъ для нѣмецкаго уха именемъ... Вы меня понимаете?

— До нѣкоторой степени...

— Допустимъ, что этотъ молодой, всѣми уважаемый и цѣнимый, человѣкъ есть докторъ, которому ввѣрялись здо-

ровье, жизнь и спокойствіе нашихъ женъ и дочерей. Что должны дѣлать мужья, отцы, да и сами эти женщины, видя такую склонность къ волокитству и неосмотрительность въ завязываньи знакомствъ... Я не касаюсь сути дѣла, ничего не осуждаю, но, какъ пріятель и товарищъ по клубу, предостерегаю васъ... Вѣдь такъ легко испортить карьеру... А теперь до свиданія, докторъ. Придете сегодня пить пиво? Въ такомъ случаѣ вечеромъ увидимся.

Даумъ, признавая въ глубинѣ души справедливость упрековъ, былъ тѣмъ не менѣе очень разсерженъ этимъ вмѣшательствомъ постороннихъ людей въ его личныя дѣла. Онъ рѣшилъ идти наперекоръ общественному мнѣнію, такъ какъ невозможно же ради провинціальныхъ предразсудковъ лишать себя минутъ счастья, украденныхъ у тяжелаго труда.

Будучи посвященъ въ общественныя и семейныя отношенія обывателей, онъ страшно сердился на несправедливость людскую. Вѣдь онъ хорошо знаетъ, что эта замужняя женщина влюблена въ того-то, тотъ мужчина влюбленъ въ ту или другую, готовъ присягнуть, что въ увлеченіи своемъ они зашли очень далеко, а между тѣмъ его невинный флиртъ считается проступкомъ, деморализующимъ цѣлый городъ. И было бы изъ за чего? А то вѣдь это идеальный романъ, прогулки вдвоемъ, цвѣты, нѣсколько писемъ, условленныя встрѣчи; поцѣлуи, которыхъ никто не видѣлъ, объятія почти братскія. И столько шуму!...

Да, онъ безъ сомнѣнія тратитъ кліентокъ, это онъ самъ отлично знаетъ, а кто же, въ такомъ случаѣ, долженъ заплатить ему за это? Разумѣется, Эрминія!

Сегодня онъ поставитъ вопросъ ребромъ; довольно этихъ намековъ, вздоховъ, взглядовъ, записочекъ...

На его звонокъ открыла сама Эрминія, возбужденная, съ розовымъ румянцемъ на щекахъ, съ улыбкой счастья, и привѣтствовала его однимъ лишь словомъ:

— Наконецъ!

Одѣтая въ темный изящный пеньюаръ, выставляющій ея ростъ и въ то же время скрывающій худобу; съ греческими, открытыми рукавами, позволяющими видѣть ея бѣлую руку выше локтя; съ бѣлой астрой въ темныхъ волосахъ; молодая, прекрасная, съ блестящими глазами, съ нѣжнымъ ароматомъ фіалокъ, она была такъ мила и привлекательна въ глазахъ доктора, что онъ развеселился и сердечно ее привѣтствовалъ.

Оба усѣлись въ гостиной, въ укромномъ уголкѣ, и заглядывая ему въ глаза, Эрминія спросила:

— Гдѣ же ты былъ сегодня? я ужъ думала, что не придешь!

— Обычное мое занятіе, отъ больного къ больному, въ одномъ мѣстѣ плачъ, въ другомъ стоны, и вездѣ печаль и безпокойство. Я, кажется, сошелъ бы съ ума, если бы не твоя любовь, не твои прелестные глаза и пожатіе милой ручки.

— Слушая тебя, можно бы подумать, что и въ самомъ дѣлѣ ты тоскуешь по мнѣ, что тебѣ со мною хорошо, а между тѣмъ, сколько разъ ты опаздывалъ? Сколько разъ вовсе не являлся? А я все ждала, ждала...

— Ну, это ты преувеличиваешь. Насколько помню, я опоздалъ какъ то въ паркъ, ну и сегодня...

— Знаю, знаю, ты всегда начинаешь считать съ послѣдняго раза, ну да это уже прошло, ты пришелъ, возлѣ меня теперь, и обѣщаешь на будущее время исправиться. Въ наказаніе цѣлуй руку.

Съ этими словами она протянула ему руку; онъ схватилъ ее и цѣловалъ съ возрастающею страстью все выше, шепча:

— Какъ ты прекрасна, какъ добра!

— Будетъ ужъ, будетъ,—проговорила она съ улыбкой, отнимая руку.—Теперь поговоримъ о серьезныхъ вещахъ.

— Самая серьезная вещь—твоя любовь, слѣдовательно, поговоримъ о ней.

— Нѣтъ, безъ шутокъ... Знаешь, на послѣднемъ концертѣ и даже на прогулкахъ я замѣчала, что здѣшнія дамы смотрятъ на меня какъ то странно, язвительно улыбаются, перешептываются... и мнѣ страшно. Общественное мнѣніе для меня очень важно.

— Ахъ, это тебѣ только кажется. Ты хороша собой, одѣваешься изящно и по модѣ, нравишься мужчинамъ... поэтому изъ зависти можетъ и посмотритъ которая нибудь враждебно, скажетъ что нибудь злое, и конецъ.

— И все таки я боюсь. Ты знаешь, эти наши прогулки въ паркѣ, за городомъ, встрѣчи... Вѣроятно, ихъ замѣтили и теперь распускаютъ сплетни. Если это дойдетъ до ушей Мани, то она заболѣетъ отъ огорченія, а если узнаютъ родные, то я погибла...

— Ну, что ты выдумываешь?

— Ты не знаешь, какая гордая наша родня, а тетка страшная ригористка... Ахъ, если бы она увидѣла насъ такъ, вдвоемъ! Досталось бы мнѣ, досталось!

— Гм... гм... быть можетъ, ты и права отчасти, и намъ слѣдуетъ остерегаться въ этой провинціальной дырѣ.

— Но какъ?... Вотъ если бы ты чаще бывалъ у насъ! Здѣсь никто бы не заподозрилъ романа, потому что ты бываешь, какъ другъ дома, и только.

Докторъ бокомъ взглянулъ на нее и усмѣхнулся, такъ какъ ему показалось, что онъ догадался о цѣли этого предложенія.

Бывая въ домѣ, онъ явно выставитъ себя женихомъ, всѣ будутъ считать его таковымъ, и дѣло можетъ дурно кончиться; но онъ все понялъ и теперь заговорилъ медленно:

— Ты знаешь меня, и знаешь, что я ничего такъ не хочу, какъ видѣть тебя каждый день, каждый часъ, каждую минуту, но... что скажетъ моя мать? Я ужъ говорилъ тебѣ, что, пока не уговорю ее и пока не добьюсь ея согласія, любовь наша должна остаться нашей тайной. Я никогда не простилъ бы ни себѣ, ни другимъ, если бы ее открыли моей матери. Еслы бы я бывалъ у Кремпъ, сплетни на мой счетъ, и теперь уже передаваемыя по городу, пріобрѣли бы окраску справедливости, кто нибудь написалъ бы матери... и ты сама можешь представить себѣ, какое впечатлѣніе это произвело бы на нее.

— Слѣдовательно?—спросила она печально.

— Если бы это въ Берлинѣ или Вроцлавѣ, то устроить было бы очень легко... комната въ домѣ съ проходнымъ дворомъ и конецъ, никакихъ сплетенъ; но здѣсь!... Если бы не осень, не дождь, я предложилъ бы встрѣчаться гдѣ нибудь въ открытомъ мѣстѣ за городомъ... Но ненастная погода дѣлаетъ невозможными даже простыя встрѣчи, и я буду лишенъ и этихъ минутъ счастья. Для тебя это безразлично... но мнѣ, для котораго ты служишь единственнымъ лучомъ свѣта!...

— Что ты говоришь?—отвѣчала она съ упрекомъ.—У тебя есть знакомые, товарищи, клубъ, а у меня? Даже передъ сестрою я должна укрываться! кто же у меня есть? кто?

— Въ такомъ случаѣ между нами есть еще одно соединяющее звено: одиночество... и надо устроить жизнь такъ, чтобъ она не была слишкомъ сѣрой и скучной...

Воцарилось молчаніе. Онъ сидѣлъ возлѣ нея на диванѣ и, обнявъ рукой ея талію, чувствовалъ біеніе ея сердца и теплоту тѣла.

Постепенно имъ стала овладѣвать страсть, онъ сильнѣе прижималъ ее къ себѣ, вдыхалъ ароматъ ея платья, волосъ, тѣла и началъ шептать засохшими губами:

— Ты все для меня!... Ты мое божество, моя душа, моя

сила! Ты являлась мнѣ въ моихъ мечтахъ, съ такою же, какъ теперь, улыбкой, и дарила меня счастьемъ и любовью, всегда ласковая, добрая! Я люблю тебя, и хоть бы свѣтъ хотѣлъ насъ разлучить, я пойду за тобой и буду твоей защитой противъ всего и всѣхъ, потому что люблю тебя каждымъ дыханіемъ устъ моихъ, каждой каплей крови, каждой мыслью! Ты слышишь это? понимаешь? Мы связаны неразрывными узами и ужъ ничто не можетъ разлучить насъ?

Въ этотъ моментъ въ столовой послышался шумъ: то тетка хозяйничала. Они отодвинулись другъ отъ друга, онъ неохотно, нахмурившись, она же быстро, вся красная отъ возбужденія.

Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она поднялась съ дивана и усѣлась рядомъ въ кресло, глубоко переводя дыханіе. Онъ сурово смотрѣлъ на нее и наконецъ иронически началъ:

— Дѣйствительно, въ странныя и трагикомическія отношенія поставила природа мужчину и женщину. Онъ отдается весь безраздѣльно, безъ колебаній, каждую минуту готовъ пролить кровь своего сердца, ставить на карту свою честь, свою будущность... а женщина вѣчно боится, вѣчно расчитываетъ, дѣйствуетъ всегда обдуманно, трезво, эгоистически!

— И ты это говоришь мнѣ?—возмутилась она.—Въ то время, какъ я по цѣлымъ часамъ дожидаюсь въ паркѣ, какъ помѣшанная брожу по улицамъ, считая часы, минуты... чѣмъ же ты рискуешь?... Для тебя это одна лишняя побѣда и больше ничего, рѣшительно ничего!

— Я вижу, что вы въ дурномъ настроеніи,—проговорилъ онъ, поднимаясь,—мнѣ лучше въ такомъ случаѣ уйти.

— Вы хотите все порвать?—воскликнула она гнѣвно.

— Я,—нѣтъ; но вы...

— Погоди, сядь!—съ этими словами она поднялась и потянула его къ дивану.—Ты знаешь, что я тебя люблю, зачѣмъ же раздражаешь меня?

— Ты любишь меня? Дѣйствительно любишь?

— И ты еще сомнѣваешься?—проговорила она съ упрекомъ, кладя голову ему на плечо.—Мы говорили какъ уладить наши свиданія до тѣхъ поръ, пока твоя мать согласится. Можетъ быть, здѣсь, у Кремпъ, это небезопасно, какъ ты говорилъ, въ такомъ случаѣ пусть остается по старому...

Онъ, обнимая ее и цѣлуя, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это невозможно! Моя будущая жена должна быть

свободна отъ сплетенъ. Развѣ я могу допустить, чтобъ на тебя, такую чистую, такую благородную, пала хоть какая—нибудь тѣнь...

И, прижимая ее къ себѣ, онъ цѣловалъ съ возрастающею страстью.

— Ахъ, вотъ забавно!—воскликнулъ онъ вдругъ.—Я бросаюсь изъ стороны въ сторону, въ то время какъ средство есть подъ руками! Я найду у тебя болѣзнь и начну лѣчить. Какъ паціентка, ты можешь приходить ко мнѣ хоть каждый день, каждый часъ.

— Я? Къ тебѣ?

— О, Боже, какіе удивленные глаза! Я вѣдь ясно говорю, что въ качествѣ моей паціентки ты придешь ко мнѣ, когда вздумаешь, хоть сегодня.

— Нѣтъ, это невозможно!

— Почему? Сколько женщинъ является ко мнѣ, какъ къ доктору; ты, слѣдовательно, только увеличишь число моихъ паціентокъ. Я найду болѣзнь, опредѣлю симптомы ея; затѣмъ у меня нѣтъ времени на визитъ, ты не хочешь дорого платить, и дѣло съ концомъ... Это единственный удобный и безопасный выходъ.

— Нѣтъ, не хочу!

— Значитъ, ты предпочитаешь совсѣмъ не видѣть меня? Хочешь лишить меня, кого—по твоимъ словамъ—такъ любишь, единственнаго счастья,—видѣть любимую особу!

— Не могу я! Что скажетъ Маня, всѣ?

— Сестрѣ я самъ объясню, а свѣтъ не будетъ ни знать, ни видать, и наконецъ я докторъ и лечу панну Эрминію.

— Боюсь!

— Ну что-жъ, бойся,—проговорилъ онъ съ грустной ироніей,—но отчего же не боятся другія женщины ничего: кузина, на которой хотятъ женить меня, не только бываетъ, но даже ночуетъ у меня. Она не боится ни сестры, ни свѣта, ни сплетенъ, ей довольно довѣрія ко мнѣ... а ты?

— Къ тебѣ?.. Не знаю, можетъ быть, приду, поговоривъ съ сестрой, но во всякомъ случаѣ ты не будешь цѣловать меня ни разу...

— Ты боишься поцѣлуевъ?—засмѣялся докторъ.

— Боюсь и не приду.

Въ эту минуту послышался голосъ Адальберта, возвращающагося изъ школы. Даумъ поднялся, чтобъ уйти раньше, чѣмъ Адальбертъ войдетъ въ комнату. Въ передней, цѣлуя руку Эрминіи, онъ прошепталъ настойчивымъ голосомъ:

— Если сегодня въ шесть часовъ я увижу тебя, такъ

это послужитъ лучшимъ доказательствомъ твоей любви и довѣрія ко мнѣ...

Послѣ его ухода, она вернулась въ столовую, машинально поздоровалась съ племянникомъ и, усѣвшись на софѣ, вся погрузилась въ рѣшеніе вопроса: идти или не идти?

Съ величайшимъ усердіемъ она разбирала всѣ данныя, за и противъ, и была еще очень далека отъ какого либо рѣшенія, когда вошелъ Кремпа.

Подали обѣдъ, за которымъ Эрминія замѣнила Марію. Раздавъ супъ, она принялась ѣсть, отвѣчала на вопросы, улыбалась, но дѣлала все это машинально, словно въ состояніи гипноза, такъ что зять спросилъ ее съ удивленіемъ:

— Здорова ли ты, Эрминія?

— Совершенно; почему ты это спрашиваешь?

— Потому что ты удивительно задумчива и разсѣянна; сыплешь соль въ соленый супъ, берешь другой кусокъ хлѣба, не прикоснувшись къ первому, хочешь ложкой брать мясо... Это странно... Что съ тобой?

— Рѣшительно ничего,—засмѣялась она принужденно, выходя изъ задумчивости.—Просто у меня немного болѣла голова.

Послѣ обѣда Кремпа легко убѣдилъ Эрминію удалиться въ гостиную и отдохнуть тамъ.

Видъ Кремпы, живое воспоминаніе о времени его ухаживанья за сестрой, предостереженія тетки относительно всякаго болѣе продолжительнаго свиданія нареченныхъ, все это повліяло на ея рѣшеніе не дѣлать визита доктору и даже отказаться отъ отдаленныхъ прогулокъ.

Успокоившись, она взяла книгу и усиливалась читать, но видъ комнаты, этого дивана, упорно вызывалъ образъ Даума, воспоминанія разговора ихъ: Да, онъ былъ здѣсь за минуту, пѣлъ ей великую, могучую, искреннюю пѣснь любви...

— Люблю, люблю тебя! — прошептала она, бросаясь въ полубезпамятствѣ на кушетку.

И вдругъ ее охватила страшная тоска по возлюбленномъ, который въ глазахъ ея являлся въ полномъ блескѣ ума, характера и силы. Быть можетъ, она не увидитъ его уже болѣе? Можетъ быть онъ, ея богъ, отвернетъ при встрѣчѣ свое прекрасное лицо? Нѣтъ, она не вынесетъ этого, это убьетъ ее; она не хочетъ огорчить его; будь что будетъ, она должна увидѣть его сегодня! Что ей сестра, тетка, знакомые?.. Никто не вернетъ ей счастья, если она оттолкнетъ его ради общественнаго мнѣнія.

Она сидѣла, устремивъ глаза въ одну точку, на лицѣ ея горѣлъ лихорадочный румянецъ; она жадно вдыхала холодный воздухъ, желая имъ остудить внутренній огонь. Глаза ея блестѣли, на лбу выступили чуть замѣтныя капельки пота. Наконецъ, не будучи въ состояніи выдержать все это, она разразилась горькими слезами, которыя однако успокоили ея нервы. Ею овладѣло какое-то отчаяніе, горечь по отношенію къ людямъ расплылась въ какую-то тихую печаль, и успокоившись, съ мученическимъ выраженіемъ на лицѣ, она прошептала:

— Рѣшено, не пойду къ нему; можетъ быть, я умру, но умру невинною!

Желая оторваться отъ своего чувства, она сдѣлала большое усиліе воли и начала думать о ввѣренномъ ей хозяйствѣ. Надо все привести въ порядокъ по кухнѣ, слѣдовало бы также помочь Адальберту готовить уроки... и, пожалуй, пойти съ нимъ прогуляться.

Эта послѣдняя мысль оживила ее, ибо, не признаваясь въ томъ самой себѣ, она все же питала въ глубинѣ души надежду встрѣтиться съ Даумомъ. Выйдя въ кухню, она отдала нужныя приказанія, затѣмъ, увидѣвъ Адальберта, занятаго въ столовой приготовленіемъ уроковъ, она подсѣла къ нему съ цѣлью помочь. Часы пробили пять; такъ поздно! а ей казалось, что въ гостиной она пробыла всего нѣсколько минутъ. Пора ужъ одѣваться, надо еще умыться, причесаться...

— Много еще тебѣ работы, Адальбертъ?

— Двѣ ариѳметическія задачи и нѣмецкій разборъ.

— Сумѣешь сдѣлать одинъ?

— Конечно.

— Я иду переодѣться, потому что хотѣла бы пойти съ тобой на прогулку.

— Если только я успѣю кончить.

Она взглянула на часы: какъ быстро летитъ время, уже десять минутъ шестого. Она поднялась и ушла въ спальню.

Черезъ полчаса она была совершенно готова и съ безпокойствомъ спросила Адальберта:

— Что же, кончилъ ты?

— Нѣтъ, тетя, много еще осталось.

Часы показывали безъ двадцати минутъ шесть.

— Поторопись, а я обожду тебя въ гостиной.

Она усѣлась въ гостиной и стала думать объ Адальбертѣ: какъ много задаютъ уроковъ въ этой школѣ, мальчикъ едва

успѣваетъ исполнять все... А можетъ быть, онъ такой медлительный?... Который то часъ? Остается лишь пятнадцать минутъ!... Какъ это онъ сказалъ тамъ, въ передней?.. „Если я увижу тебя въ шесть часовъ, это будетъ лучшимъ доказательствомъ“... А если пойти? Нѣтъ, она не пойдетъ, но если бы... поспѣла бы она къ шести часамъ?

Съ какимъ лицомъ онъ ее встрѣтитъ, когда она придетъ и позвонитъ, сколько любви во взглядѣ, ласки въ голосѣ... и что-жъ здѣсь худого? Она войдетъ и, не раздѣваясь, не снимая даже перчатокъ, не подымая вуальки, скажетъ: „Вотъ я пришла и ухожу“. Развѣ пойти; пожалуй еще можно поспѣть... войти на одну только секунду...

— Адальбертъ, я иду за покупками, сейчасъ вернусь.

— А наша прогулка, тетя?

— Слишкомъ ужъ поздно; ну, до свиданія, мнѣ некогда..

Дрожащей рукою она нажала кнопку звонка; ей отворилъ дверь самъ докторъ.

— Это ты, Эрминія? Какая же ты добрая, какая милая!.. Входи же; неудобно стоять на порогѣ, люди ходятъ, войди же!.. Ты пришла—значитъ, дѣйствительно, меня любишь, теперь ужъ я вѣрю!.. Вотъ здѣсь, налѣво, мой консультаціонный кабинетъ. Да не бойся же, отчего ты такъ дрожишь?.. Ахъ какая же ты взволнованная, блѣдная, садись на диванъ... Какъ же мнѣ благодарить тебя за твое довѣріе?.. Я люблю тебя, какъ только человѣкъ можетъ любить, моя бѣдная, такая испуганная, какъ птичка, но не бойся, здѣсь нѣтъ западни... можетъ быть, дать тебѣ воды? Ну, скажи же хоть одно слово!

— Вотъ... я пришла, а теперь... уйду!

— Какъ докторъ, я не могу отпустить тебя въ такомъ состояніи; отдохни хоть пять минутъ.

И, ставши передъ нею на колѣни, онъ продолжалъ:

— Нѣтъ словъ, которыми можно было бы передать, что я чувствую въ эту минуту... я выше короля, богаче Ротшильда, могущественнѣе императора! Ты любишь меня, вѣришь мнѣ!. О, позволь поцѣловать твою руку! Ты для меня чище и бѣлѣе лиліи! Не бойся... Позволь снять эти перчатки; я такъ люблю тебя! Ты мой ангелъ, моя путеводная звѣзда, ты для меня все на землѣ! О, позволь мнѣ поцѣловать край твоего платья, я, недостойный, сомнѣвался, и ты такъ благородно наказала меня! Ты еще дрожишь, но успокойся, я готовъ выступить на борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ... Открой же вуаль, дай мнѣ увидѣть твои глаза.

— Не могу; я сейчасъ ухожу уже.

— И ты хочешь уйти, не сказавши мнѣ ни слова, даже не взглянувши на меня?

— Я такъ боюсь, такъ боюсь!

— Ребячество. Домъ трехэтажный, на людной улицѣ, кто могъ тебя замѣтить. Отдохни, я потомъ провожу тебя. Сними и другую перчатку... не бойся—мы одни... Вотъ смотри, на лѣво пріемная, направо моя спальня... Когда мы поженимся, я найму рядомъ еще двѣ комнаты для тебя, велю прорубить дверь и намъ будетъ хорошо и удобно...

Вдругъ въ передней раздался громкій звонокъ.

Эрминія вздрогнула и, вся поблѣднѣвъ, прошептала:

— Боже, кто это?

— Успокойся, вѣроятно, паціентъ, я сейчасъ его отпущу...

— А, можетъ быть, лучше не открывать?

— Неудобно... Въ окнахъ свѣтъ... перейди на всякій случай въ спальню.

Звонокъ повторился.

— Добрый вечеръ, докторъ!—раздался голосъ Крюгера.— Я встрѣтилъ твоего слугу, идущаго куда-то съ письмомъ, и онъ сказалъ мнѣ, что пріемъ у тебя конченъ, вотъ я и зашелъ... Идемъ вмѣстѣ пить пиво; хорошо?

Говоря это, онъ сбросилъ пальто и направился въ кабинетъ.

— У меня спѣшная работа; не знаю, смогу ли пойти...

— Работа работой, а поговорить ты можешь.

Усѣвшись въ кресло, онъ закурилъ сигару и началъ:

— Хорошо быть докторомъ! У васъ прекрасная квартира, есть доходъ, всеобщее уваженіе; счастлива та, которой суждено сдѣлаться вашей супругой.

— Объ этомъ я еще не думаю.

— За то думаютъ другіе... А знаешь, что говоритъ о бракѣ нашъ Бисмаркъ?

— Нѣтъ.

— Бракъ между нѣмцемъ и нѣмкой—патріотическое дѣло, всякое же другое супружество—потеря для нѣмцевъ. И онъ правъ!

— Можетъ быть.

— Подумай только. Женишься ты, положимъ, чему я никогда не повѣрю, зная тебя, на силезкѣ. Правда, онѣ одѣваются съ большимъ вкусомъ, кокетничаютъ, умѣютъ играть на нашихъ нервахъ... но могутъ ли онѣ быть хорошими женами? Вмѣсто того, чтобъ подать тебѣ, докторъ, супъ, она станетъ бесѣдовать о развлеченіяхъ; вмѣсто жаркого поднесетъ политику, а вмѣсто овощей—литературу. Развѣ же не правда? Ха, ха, ха!

— Ну, не всѣ же,—отвѣчалъ докторъ, обнаруживая нетерпѣніе.

— Гм... ты, вѣроятно, думаешь при этомъ объ особѣ, съ которой я встрѣтилъ тебя въ паркѣ, о сестрѣ Кремпы... Ой осторожнѣе, докторъ, а то попадешься въ сѣти! Что это за семья, что за имя? Какая то сестра жены Кремпы, бывшаго силезца, а теперь прислужника Штернвега... Тоже положеніе! Ха, ха, ха!... Такъ, покружить голову, поухаживать, можно; я самъ, когда былъ моложе... но осторожно, ужъ и такъ цѣлый городъ занятъ этимъ романомъ.

— Но я вовсе не завожу романовъ. Я уважаю Кремповъ и бываю у нихъ, какъ другъ,—защищался смущенный докторъ.

— Перестань же! Говори это другимъ, а не мнѣ; я уже собственными глазами видѣлъ! Она ничего, только слишкомъ худа!

— Даю слово, что ты ошибаешься!

— Ха, ха, ха!... Значитъ, она не худа? Отлично! Сегодня разскажу всѣмъ, вотъ то смѣху будетъ!.. О! а это что за перчатка на столѣ? что-то подозрительно!

— Я не замѣтилъ, вѣроятно, оставила которая нибудь изъ паціентокъ.

— Ахъ да, докторъ, ты кажется, добылъ медвѣжью шкуру; гдѣ она? вѣроятно, въ спальнѣ?

— Нѣтъ,—воскликнулъ докторъ,—я отдалъ ее выдѣлать.

— А знаешь, докторъ, Ляуеръ передавалъ мнѣ о вашемъ сегодняшнемъ разговорѣ.

Желая отомстить Крюгеру, докторъ сказалъ равнодушнымъ голосомъ:

— Да, я его встрѣтилъ; мнѣ говорили также, что Эвелина Крюгеръ выходитъ за Собольскаго; вѣрно это?

— Что, что? Развѣ только черезъ мой трупъ! Я лучше готовъ видѣть ее въ гробу! Какъ, она, нѣмецкая артистка, изъ семейства Крюгеръ, и за силезца! Это позоръ!

— Мнѣ кажется, что это сплетня.

— Ну ужъ я расправлюсь съ этими сплетниками! Иду пить пиво... Пойдешь, докторъ?

— Я приду позже.

— Въ такомъ случаѣ до свиданія.

И, направляясь въ переднюю, онъ продолжалъ ворчать:

— Эвелина Крюгеръ, нѣмецкая артистка, и за силезца! Это позорно, отвратительно! Я ужъ ихъ проучу!

На этотъ разъ уходъ Крюгера спасъ Эрминію, которая, вся дрожа и едва сдерживая слезы, шла, опираясь на руку доктора, домой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Въ пивной Гоффера было столько гостей, что кельнеры, которымъ помогалъ самъ хозяинъ съ женой и дочерью, едва поспѣвали удовлетворять всѣ требованія.

Это былъ какъ разъ день окончательнаго подсчета голосовъ при выборѣ посла въ сеймъ, въ опольскомъ округѣ, сосѣднемъ съ бытомскимъ. Поэтому здѣсь собрались не только нѣмецкіе патріоты, но и тѣ, которымъ успѣхъ нѣмцевъ былъ непріятенъ, чтобы какъ можно скорѣе узнать о результатѣ выборовъ изъ депешъ, адресованныхъ различнымъ выдающимся представителямъ Германіи.

Ежеминутно раздавались возгласы: „пива!“ и глухіе удары кружкой объ столъ. Запоздавшіе, произнося монотонно, почти на каждомъ шагу обычное „Gut Abend“—разыскивали свободное мѣсто возлѣ столиковъ. Громче и шумнѣе всего были разговоры за главнымъ столомъ, въ залѣ. Тамъ собрались сливки Бытома, члены разныхъ клубовъ и обществъ, высшее мѣстное чиновничество и фабриканты.

Этотъ столъ задавалъ тонъ всему ресторану: когда тамъ безпокоились и сердились, то и въ отдаленнѣйшихъ углахъ ресторана дѣлали то же самое; когда веселились и возглашали: „Hoch“,—толпа посѣтителей съ довольной улыбкой, какъ эхо, повторяла этотъ крикъ побѣды.

Около семи часовъ на имя Ляуера получилась депеша, извѣщавшая, что нѣмецкій кандидатъ получилъ 2800 голосовъ, силезскій 1600.

— Виватъ! Гохъ!

— Господа!—воскликнулъ Мюллеръ,—я предлагаю, чтобъ каждый взялъ себѣ свѣжую кружку, и всѣ вмѣстѣ выпьемъ за эту побѣду въ округѣ, который, вопреки очевидности, желаетъ считаться силезскимъ. Пусть троекратное „Гохъ“! ознаменуетъ эту побѣду.

Вскорѣ раздался троекратный громкій кликъ, повторенный во всѣхъ комнатахъ, и вездѣ прошелъ радостный шепотъ: наша беретъ!

Вбѣжалъ посыльный съ телеграфа и, задыхаясь, крикнулъ:

— Господинъ Гейеръ, господинъ Гейеръ!—и вручилъ тому депешу.

— Нашъ получилъ 3,040 голосовъ, силезскій 2,500! — прочелъ Гейеръ.

— Слишкомъ что то быстро идетъ силезецъ въ гору — проговорилъ въ полголоса Гехтъ.

Но замѣчаніе его прошло безъ вниманія, такъ какъ получилось новое извѣстіе.

— Господинъ Крюгеръ, господинъ Крюгеръ!...—депеша!

Крюгеръ разорвалъ, прочелъ и воскликнулъ подавленнымъ голосомъ:

— Подлое, проклятое племя!

— Что? какъ?—посыпались вопросы.

— Нашъ 3200, ихъ 3190 голосовъ! Вотъ скоты!

— Ничто еще не потеряно, это пока только равновѣсіе!—стали говорить нѣкоторые, стараясь другъ друга обнадежить.

— Депеша къ доктору Дауму.

— Давай сюда!... Я увѣренъ, что наша взяла!—воскликнулъ докторъ съ улыбкой.

Прочтя про себя, онъ слегка поблѣднѣлъ, сложилъ депешу и нехотя проговорилъ:

— Въ депешѣ ошибка, ошибся либо мой коллега, либо телеграфная контора, потому что депеша эта фальшивая!

— Что же въ ней?

— Однако...

— Дайте прочесть!

— Если непремѣнно хотите, то извольте!—воскликнулъ Даумъ съ гнѣвомъ.—Мой коллега, очевидно, по ошибкѣ телеграфируетъ мнѣ, что нашъ получилъ 3,250, а глупый силезецъ 4,100 голосовъ.

Кругомъ послышались вздохи, но вдругъ кто то крикнулъ:

— Это, вѣроятно, шутка!

Это предположеніе охотно приняли за правду и стали повторять.

— Да, да, это шутка!

— Безусловно шутка!

— Неудачная шутка!

Не такъ ужъ охотно пили пиво, разговоры затихли, лица нахмурились, а на нѣкоторыхъ появилось испуганное выраженіе, такъ свойственное подчиненнымъ, въ присутствіи начальства.

— Депеши, депеши!—послышалось изъ ближайшей ко входу комнаты, и слово это, пролетѣвъ по всѣмъ комнатамъ пивной, достигло стола бытомскихъ сеніоровъ.

— Господинъ Штернвегъ, редакторъ!

— Здѣсь!

— Господинъ Ляуеръ!

— Давай сюда!

— Господинъ Крюгеръ!

— Здѣсь!

Они начали читать почти одновременно, и, по мѣрѣ чтенія, лица ихъ вытягивались все болѣе; по этому признаку окружающіе могли заключить, что въ Ополѣ не все благополучно.

Крюгеръ, какъ наиболѣе возбужденный и наименѣе разсудительный, смялъ съ гнѣвомъ депешу, бросилъ ее на полъ и плюнулъ. Выпивъ остатки своего пива, онъ воскликнулъ:

— Бѣшеныя собаки, а не люди, эти подлые силезцы! Учи ихъ, образуй, бей, души, а они все свое и свое!

Ляуеръ мрачный, печальный, подалъ свою депешу сосѣду и тяжело вздохнулъ. Бланкъ осматривали со всѣхъ сторонъ, разбирали штемпель, свѣряли время подачи и пріема, не довѣряя собственнымъ глазамъ.

Штернвегъ, прочтя свою, показалъ ее Кремпѣ и спряталъ затѣмъ въ боковой карманъ, проговоривъ въ полголоса:

— Присоединено къ архиву нашихъ обидъ! Потомки наши не повѣрятъ, что сдѣлали съ нами въ нашемъ краю эти дикари.

Затѣмъ онъ спокойно допилъ пиво и велѣлъ подать свѣжаго. Постепенно у стола всѣ замолчали; на лицахъ появилось выраженіе гнѣва, стыда и печали. Обезпокоенные посѣтители изъ другихъ комнатъ стали молча пробираться въ залъ; наконецъ кто-то громко спросилъ:

— Господа! Что же въ Ополѣ?

Сидѣвшіе вокругъ стола переглянулись, затѣмъ поднялся Штернвегъ и проговорилъ:

— Нѣмцы! Каждый изъ насъ долженъ записать этотъ день траурными буквами. Побѣдила тьма, хитрость, обманъ, жертвою ихъ пали цивилизація, искренность, доброта и благородство. Выбранъ силезецъ! Слышите?! Но эта ихъ побѣда будетъ послѣднею; силезцы вывели наконецъ изъ себя насъ, людей спокойныхъ, трудолюбивыхъ, скромныхъ. Теперь они узнаютъ, что значитъ дразнить льва. Мы докажемъ имъ, что не позволимъ смѣяться надъ собою. Теперь станемъ всѣ, какъ одинъ, считая каждаго силезца своимъ врагомъ. Пусть не опускаетъ крыльевъ нашъ черный орелъ, гербъ нашей великой отчизны, запечатлѣнный въ сердцѣ каждаго изъ насъ; мы поднимемся къ солнцу, къ свѣту и побѣдимъ силезскую тьму! Черезъ нѣсколько дней наши выборы, и вы, господа, внимательно слѣдите, за кого подаютъ голоса наши враги. И каждое, даже малѣйшее колебаніе, должно быть

примѣрно и безпощадно наказано. Мы—передовая стража нашей великой отчизны, вся страна смотритъ на насъ, поэтому вниманіе, господа, будемъ наблюдать за врагомъ, оберегать каждую тропинку и защищать каждый проходъ. За нашу національную идею, за нашу работу и цивилизацію, предлагаю троекратное: Гохъ!

Вся пивная задрожала отъ кликовъ. Хмурыя лица повеселѣли, стали требовать свѣжаго пива.

Затѣмъ поднялся Крюгеръ и у главнаго стола послышались возгласы:

— Тише!

— Голосъ господину Крюгеру!

— Успокойтесь!

— Господа! Нѣтъ надобности скрывать то, что завтра помѣстятъ всѣ наши газеты, какъ я надѣюсь, въ траурныхъ рамкахъ, именно что среди насъ, въ нашемъ краю, какое то дикое племя, обязанное жизнью великодушію нашихъ предковъ, побѣдило и провело своего силезскаго кандидата. Онъ получилъ 6800 голосовъ, нашъ же 3320! Позоръ и стыдъ! Неужели не выступаетъ на лицахъ вашихъ краска гнѣва при этихъ цифрахъ?!.. Было бы несправедливо сваливать всю вину этого пораженія на нашихъ братьевъ, живущихъ въ опольскомъ округѣ. Конечно, они виноваты, что не напрягли всѣхъ своихъ силъ, всей энергіи, чтобъ побѣдить, но я и въ этомъ не виню ихъ. Они дѣйствовали подъ вліяніемъ врожденнаго всѣмъ намъ великодушія, не держали бича въ рукахъ, и не загнали этихъ скотовъ въ свой загонъ, но позволили имъ натворить бѣдъ!

Здѣсь его прервали восторженные крики похвалы.

— Но будемъ же, господа, трезвы въ своихъ сужденіяхъ, какъ подобаетъ цивилизованнымъ людямъ. Побѣдили силезцы и виноваты въ этомъ прежнія поколѣнія, а отчасти и наше. Когда собака начинаетъ кусаться? Когда ее спустятъ съ цѣпи, отвѣтите вы. И вотъ въ띄Ополѣ силезцевъ и спустили съ цѣпи, повѣривъ ихъ покорности и спокойствію. Между тѣмъ сбродъ этотъ, понемногу, изподтишка, складывалъ пфенигъ къ пфенигу, зарабатывалъ у насъ, тащилъ наши деньги изъ нашихъ кармановъ, до тѣхъ поръ пока почувствовалъ себя достаточно сильнымъ для самостоятельнаго существованія, для денежной независимости. И теперь они показываютъ намъ свои зубы! Но мы хорошіе дантисты и живо вышибемъ эти зубы...

Тутъ снова раздались рукоплесканія и громкій, довольный смѣхъ.

— Въ заключеніе, господа, предлагаю спѣть нашъ гимнъ славы и побѣды. Пусть дрожатъ наши враги! Вмѣстѣ: Wacht am Rhein!

При концѣ второго куплета сильные удары кружкой по столу прервали пѣніе. Поднялся Ляуеръ и съ любезной улыбкой, протирая золотые очки, началъ:

— Уважаемый мой предшественникъ, почтенный господинъ Крюгеръ, указалъ важнѣйшую причину этого бунта, небывалаго въ нашей исторіи. Я же позволю себѣ обратить вниманіе на одну подробность, обыкновенно ускользающую отъ нашего вниманія, и сдѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что вижу здѣсь представителей всѣхъ сословій нашего города. Обратите вниманіе—здѣсь Ляуеръ понизилъ голосъ и заговорилъ таинственно,—что во время предвыборной агитаціи, къ намъ, въ Силезію, наѣзжаютъ толпами какія-то подозрительныя личности. Преимущественно молодежь, плохо или вовсе не говорящая по нѣмецки, шатается по Силезіи и возбуждаетъ народъ къ сопротивленію...

— Великопольская агитація—воскликнулъ кто то въ толпѣ.

— Это изъ Познани!

— Вы господа поняли меня—продолжалъ Ляуеръ.—Они распространяютъ агитацію, уговариваютъ, возбуждаютъ и т. д. Развѣ же можетъ порядочный нѣмецъ знать, что такой сумасшедшій говоритъ другому, себѣ подобному! Дѣло въ томъ, что мы должны наблюдать за такими подозрительными личностями, особенно это касается содержателей гостинницъ и постоялыхъ дворовъ. Въ такихъ случаяхъ надо давать знать полиціи, а самимъ между тѣмъ внимательно наблюдать, съ кѣмъ они заговариваютъ, кто къ нимъ ходитъ, куда они сами ходятъ. До сихъ поръ намъ трудно справляться съ силезцами, потому что они чувствуютъ за собой поддержку. Мы должны сдѣлать операцію, и совершенно отрѣзать Силезію...

Когда Ляуеръ кончилъ, посѣтители начали мало по малу расходиться. Однимъ изъ первыхъ былъ Кремпа. Онъ быстро шелъ по направленію къ дому, удивляясь самому себѣ, что побѣда силезцевъ нисколько не разсердила и не огорчила его, а слышанныя рѣчи нисколько не пробудили его энтузіазма; онъ думалъ что это слѣдствіе сильнаго физическаго утомленія.

Онъ уже сворачивалъ вь свою улицу, какъ вспомнилъ, что обѣщалъ женѣ купить къ ужину ветчины. Ему не хотѣлось возвращаться въ лавку, потому онъ и рѣшилъ сдѣлать свою покупку въ первой попавшейся пивной.

Зайдя, онъ выбралъ товаръ и въ ожиданіи сдачи сталъ

осматривать комнату. Вдругъ возлѣ него раздался чей-то, словно знакомый, голосъ:

— Добрый вечеръ!

Онъ оглянулся и узналъ Штиллера; подойдя къ столику и поздоровавшись, онъ спросилъ:

— Что вы здѣсь подѣлываете?

— А вотъ пріѣхалъ въ городъ, чтобъ узнать, что слышно.

— По какому дѣлу? Не въ судѣ ли?—спросилъ Кремпа съ безпокойствомъ, вспомнивъ засѣданіе старо-нѣмецкаго общества.

— Развѣ же вы не знаете?—усмѣхнулся Штиллеръ,—вѣдь сегодня послѣдній день выборовъ въ Ополѣ.

— Ахъ, правда!—проговорилъ Кремпа и, полагая, что эта встрѣча даетъ удобный случай отблагодарить гостепріимнаго хозяина, усѣлся къ его столу и велѣлъ подать себѣ кружку пива.

Собесѣдники Штиллера отодвинулись, а этотъ послѣдній, замѣтивъ вопросительный взглядъ Кремпы, объяснилъ:

— Это все свои; мои сосѣди изъ Осцержина и бояться нечего.

Отпивъ глотокъ пива, Кремпа спроеилъ:

— Слѣдовательно, вы нарочно пріѣхали, чтобъ узнать новости?

— А то какъ же? Осцержинъ вѣдь не за горами, и мнѣ очень хотѣлось узнать, какъ обстоятъ дѣла въ Ополѣ, потому что это послужитъ намъ наукой.

— Побѣда!

— Что вы говорите?—воскликнулъ тотъ такъ громко, что на нихъ стали оглядываться.

— Говорю правду. Силезецъ получилъ 6,800 голосовъ, а нѣмецъ 3,320! Полная побѣда.

— Слышали?—обратился онъ съ радостью къ товарищамъ.—Такой день слѣдуетъ почитать за праздникъ, потому что теперь цѣлый свѣтъ узнаетъ, что мы—силезцы, и что лгутъ нѣмцы, когда говорятъ и пишутъ, что мы нѣмцы. Пусть теперь пишутъ, собаки!

— А откуда вы знаете объ этомъ?—спросилъ подозрительно одинъ изъ крестьянъ Кремпу.

— Получены телеграммы.

— Вотъ то, должно быть, ругаются нѣмцы!—засмѣялся крестьянинъ громко.

Тутъ Кремпа рѣшилъ слегка поагитировать въ пользу своего кандидата, отчасти по убѣжденію, отчасти желая избавить своихъ случайныхъ пріятелей отъ преслѣдованій.

— За кого же вы думаете теперь подавать голосъ?—спросилъ онъ, немного погодя.

— Нечего и спрашивать; разумѣется за силезца.

— Удобно ли это? Земельныхъ собственниковъ у насъ мало, большинство работаетъ у нѣмцевъ и такъ какъ голосованье именное, то нѣмцы станутъ мстить; люди потеряютъ заработокъ, хлѣбъ, и будетъ бѣда.

— Правда, но что жъ дѣлать? Совѣсти не купишь и надо ее слушаться.

— Вы правы, хозяинъ; однако не лучше ли сидѣть здѣсь, въ своемъ краю, чѣмъ быть загнаннымъ на конецъ свѣта... Вѣдь нѣмецъ обѣщаетъ защищать въ сеймѣ вашъ языкъ и я читалъ будто самъ президентъ сказалъ, что силезцы могутъ употреблять свой языкъ.

Штиллеръ и его товарищи молча переглядывались, поэтому Кремпа спросилъ:

— Ну что же вы скажете?

— Если бы вы не сообщили мнѣ доброй вѣсти, я бы ужъ отвѣтилъ вамъ,—проговорилъ тотъ сурово.

— Говорите!

— Я не знаю еще, заядлый ли вы нѣмецъ или нетвердый силезецъ?

— Такъ что жъ вы толкуете?—разсердился Штиллеръ.— Неужели мы, силезцы, должны выбирать нѣмца? Развѣ мы дураки?

— Вы слишкомъ горячо принимаете это къ сердцу.

— Вы видно не знаете, а на самомъ дѣлѣ вотъ что происходитъ: является ко мнѣ нѣмецъ и говоритъ: костелъ твой, потому можешь молиться и пѣть по своему, такъ какъ ты самъ построилъ его во славу Божію. Я желаю и проповѣди слушать на своемъ языкѣ, и молиться по своей книгѣ, и хоругви имѣть съ изображеніями нашихъ святыхъ, пѣть, какъ наши дѣды пѣли, основывать католическія общества, во славу Божію и на пользу людямъ... хорошо.—Вдругъ является какой-нибудь проходимецъ нѣмецкій и спрашиваетъ: твой костелъ? Мой,—отвѣчаю. А онъ на это: пусть костелъ твой, но проповѣди ты можешь выслушивать и на нѣмецкомъ языкѣ, молиться тоже по нѣмецки, что же касается пѣнія, то пѣть только по нѣмецки. Является другой и говоритъ: это хорошо, что у тебя и проповѣди и молитвы и пѣніе нѣмецкія, но ты долженъ говорить по нѣмецки также и въ своихъ католическихъ обществахъ. Что жъ тогда намъ остается? Понимаете теперь насъ или все еще нѣтъ?

— Гм... Я не знаю положенія въ деревнѣ,—отвѣчалъ

Кремпа смущенно.—Можетъ быть, вы и правы, если все, что вы говорили, вѣрно.

— Спросите ихъ, лгу ли я?

— Святая истина!—подтвердили свидѣтели.

Въ эту минуту подошелъ мальчикъ съ газетами.

— Свѣжая „Ostmark"; купите!

— Иди съ Богомъ: я не хочу учиться тамъ доносамъ. Если имѣешь нашу газету, такъ куплю, не имѣешь—уходи.

— Эхъ, если бы у насъ такъ, какъ въ Ополѣ!—прошепталъ одинъ изъ компаніи.

— Богъ дастъ, не на этихъ выборахъ, такъ на другихъ, мы народъ терпѣливый.

— Вотъ вы говорили о нѣмцахъ,—началъ Штиллеръ.— А возьмите эту нѣмецкую газетинку, что предлагалъ мнѣ купить мальчикъ, вѣдь тамъ сплошная клевета и доносъ.

Кремпа, желая перемѣнить непріятный разговоръ, спросилъ:

— Не было въ это время у васъ гостей изъ города?

— Были, только не застали меня дома.

— Берегитесь, потому что они хотятъ возбудить противъ васъ дѣло за силезскій языкъ.

— А не дождать имъ! Я и на дворъ не пущу этихъ негодяевъ! А вы еще говорили, что нѣмцы не такъ ужъ враждебно относятся къ нашему языку; а теперь видите?

— Есть разные нѣмцы.

— Всѣ они одинаковы!

— Ну выпьемъ, хозяинъ,—предложилъ Кремпа и позвонилъ.

— Э, нѣтъ... За такую новость изъ Опола мы должны угостить васъ.

Кремпа не могъ отказаться, потому выпилъ кружку и, простившись, вышелъ.

Онъ былъ недоволенъ собой за то, что, не будучи агитаторомъ, началъ разговоръ о политикѣ и выборахъ съ простяками, которые ничего, кромѣ своей Силезіи, не видятъ и не знаютъ. Однако хорошо, что онъ предостерегъ Штиллера, а отъ статьи Даума о посѣщеніи Осцержина надо какъ-нибудь отдѣлаться, ибо Штиллеръ тогда будетъ имѣть полное право кричать о доносѣ.

Когда, въ заключеніе своихъ размышленій, онъ сравнилъ прекрасно обставленную, богатую пивную Гоффера въ центрѣ города и собравшихся тамъ богатыхъ и вліятельныхъ посѣтителей съ этой пивной, помѣщающейся въ отдаленной улицѣ, внизу, и этими скромными, бѣдно одѣтыми и мало образо-

ванными силезцами, боящимися сказать громко слово на родномъ языкѣ, онъ шепнулъ со вздохомъ:

— Народъ этотъ долженъ погибнуть, а жаль его. Какой дѣльный человѣкъ, напримѣръ, этотъ Штиллеръ, а всетаки пропадетъ. Жаль!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Только первый шагъ труденъ и только первое посѣщеніе стоило Эрминіи столько безпокойствъ; позже она хоть и чувствовала при каждомъ входѣ или выходѣ изъ квартиры Даума сердцебіеніе, однако тамъ она бывала совершенно спокойна.

До сихъ поръ Даумъ удовлетворялся объятіями и поцѣлуями, правда съ каждымъ разомъ все болѣе продолжительными, смѣлыми и страстными, и не переходилъ границы, обычной для жениха и невѣсты.

Въ минуты размышленій, въ отсутствіе возлюбленной, онъ даже рѣшилъ не допускать слишкомъ частыхъ посѣщеній, желалъ установить для нихъ дни и часы, а мысль о болѣе тѣсномъ сближеніи, о полномъ обладаніи дѣвушкой, онъ настойчиво отталкивалъ, какъ непрактичную и небезопасную. За одну минуту наслажденія брать на свои плечи и сносить ея страхи, слезы, претензіи, быть можетъ и вполнѣ основательныя, связывать себя по рукамъ и ногамъ,—слишкомъ дорогая плата.

Но въ ея присутствіи эти практическія соображенія теряли свою силу и отступали въ сторону, первое же мѣсто занимало чувство.

Эрминія подъ разными предлогами уходила изъ дому и, будучи хорошо освѣдомлена, гдѣ и въ какое время бываетъ докторъ, встрѣчала его и нѣжные разговоры обыкновенно кончались въ квартирѣ Даума, при соблюденіи всевозможныхъ предосторожностей съ обѣихъ сторонъ.

Дамы и дѣвицы, интересовавшіяся Даумомъ не только какъ хорошей партіей, но и въ силу обычая, общаго для всѣхъ провинціальныхъ городовъ,—знать, что дѣлаетъ, ѣстъ, пьетъ и даже думаетъ каждый ближній, слѣдили самымъ аккуратнымъ образомъ за отношеніями, возникшими между докторомъ и Эрминіей, за ихъ встрѣчами въ паркѣ и глухихъ улицахъ.

Вдругъ встрѣчи эти прекратились. Это обезпокоило всѣ умы, и за чашками послѣобѣденнаго кофе всѣ, словно сго-

ворившись, въ одинъ голосъ стали твердить, что дѣло доктора принимаетъ небезопасный и болѣе безнравственный и тревожный характеръ.

Болѣе впечатлительныя и добродѣтельныя возмущались такимъ нарушеніемъ благочестивыхъ и чистыхъ обычаевъ Бытома, а болѣе энергичныя рѣшили прервать эту интригу чужой дѣвушки, соблазняющей и завлекающей Даума и деморализующей Бытомъ.

Вскорѣ Марія получила по городской почтѣ письмо, въ которомъ ея безымянная „пріятельница" цѣнитъ такъ высоко ея благочестіе и добродѣтель, что чувствуетъ себя обязанной предостеречь ее передъ грозящей опасностью.

Ибо сестра ея „такая милая, красивая, воспитанная дѣвушка, по своему юношескому легкомыслію, завязала съ докторомъ Даумомъ сношенія, возмущающія цѣлый городъ".

Марія, блѣдная, со слезами безсильнаго гнѣва на глазахъ, молча подала письмо сестрѣ, которая спокойно прочла его до конца; лишь дрожаніе руки и блѣдность лица свидѣтельствовали о произведенномъ впечатлѣніи.

Окончивъ чтеніе, она бросила письмо на столъ и воскликнула:

— Какая подлость!

— Однако здѣсь должно быть что то не ладно; есть хоть тѣнь правды. Иначе для чего же писали бы подобное письмо?

— Ахъ Боже мой! Вѣдь я же не скрывала отъ тебя, что время отъ времени встрѣчалась съ Даумомъ; онъ провожалъ меня немного, говорилъ и... вотъ изъ этого вышла цѣлая исторія, какъ обыкновенно въ маленькихъ городишкахъ.

— Будь, Эрминія, осторожна, не разговаривай съ нимъ на улицѣ, и вообще остерегайся его; не хорошо возстановлять противъ себя общественное мнѣніе. Я сама скажу Дауму, чтобы онъ не провожалъ тебя, потому что изъ этого выходятъ только сплетни.

— Какое мнѣ дѣло до вашего Бытома!—разсердилась Эрминія.—Разумѣется, я буду продолжать разговаривать съ докторомъ. Маленькая я, что ли? Или ты за меня отвѣчаешь?

— Къ сожалѣнію, я чувствую свою отвѣтственность. Я пригласила тебя сюда, познакомила съ докторомъ, и вотъ теперь вижу результаты всего этого.... Если онъ не дѣлаетъ предложенія, не любитъ тебя, не намѣревается жениться, съ какою же цѣлью онъ компрометтируетъ тебя?

— Успокойся же и будемъ говорить разумно. Если ты

выскажешь доктору свои претензіи, то и себя и меня выставишь въ смѣшномъ видѣ и онъ перестанетъ бывать у насъ. Развѣ онъ подалъ намъ какой нибудь поводъ предполагать, что онъ ухаживаетъ за мной? Обыкновенная вѣжливость, любезность... и больше ничего. Можетъ быть, я нравлюсь ему больше другихъ, можетъ быть онъ охотно ищетъ моего общества, но въ чемъ же ты можешь упрекнуть его?

— Но это письмо, письмо!

— Обычная месть какой нибудь старой дѣвы или безуспѣшной кандидатки въ жены Дауму. Надо имѣть такіе разстроенные нервы, какъ твои, чтобъ принимать такъ близко къ сердцу эти анонимныя оскорбленія.

— Какъ ты думаешь, Эрминія,—спросила Марія послѣ минутнаго молчанія,—показывать это письмо Генѣ, или не стоитъ?

— Боже упаси! Онъ изъ мухи сдѣлалъ бы слона, пошелъ бы къ Дауму и вышелъ бы скандалъ.

— Значитъ, не говорить?

— Очень прошу тебя объ этомъ... предоставь все дѣло мнѣ; ужъ я знаю, что дѣлать, а если бы подобное письмо повторилось, то я уѣду изъ Бытома и конецъ дѣлу.

Эрминія, которая уговорилась съ Даумомъ о свиданіи на завтра, считала не только болѣе удобнымъ, но прямо таки необходимымъ увидѣть его въ тотъ же день, чтобы сообщить о письмѣ, полученномъ сестрою.

Зная, что докторъ около трехъ часовъ всегда бываетъ дома, хотя паціентовъ начинаетъ принимать только съ четырехъ, Эрминія вышла изъ дома за какою то необходимою покупкой, хотя въ воздухѣ надвигалась буря.

— Я какъ разъ мечталъ о тебѣ,—встрѣтилъ ее докторъ,—и теперь стану вѣрить въ существованіе какой то доброй волшебницы, которая исполняетъ мои тайныя желанія.

— Я зашла лишь на минуту...

— Всегда только на минуту; хоть бы разъ сказала: „останусь дольше!“ Сядь же, по крайней мѣрѣ, на эту минуту... Я ужъ знаю, что не любовь, не тоска привела тебя сюда, ихъ только я испытываю... Что же случилось?

— Ты ни о чемъ не догадываешься?

— Нѣтъ. Сегодня я обѣдалъ съ пріятелями и намъ было хорошо и весело. Вернувшись въ пустую квартиру, я захотѣлъ твоего присутствія... И вотъ ты явилась и снова мнѣ хорошо.

— Тебѣ хорошо, а со мной случилась большая непріят-

ность. Представь себѣ, сегодня Маня получила анонимное письмо, очень для меня оскорбительное.

— Анонимное письмо? Вотъ глупости! Я думалъ и на самомъ дѣлѣ что нибудь серьезное.

— Но ты не знаешь, что тамъ было! Подробное описаніе нашихъ встрѣчъ въ паркѣ, на улицахъ, нашихъ свиданій за городомъ... Меня и Маню это письмо чрезвычайно огорчило.

— Стоитъ ли? Я получаю массу такихъ писемъ и меня безпокоитъ лишь открываніе и сжиганіе ихъ.

— И тебя это не безпокоитъ? не интересуетъ, кто писалъ?—спросила она съ удивленіемъ.

— Нисколько, и тебѣ совѣтую: поступай такъ же точно... Но стоитъ ли тратить драгоцѣнное время на разговоры объ анонимныхъ письмахъ? Я такъ давно не видѣлъ тебя, такъ скучалъ...

— Мнѣ надо идти, потому что придетъ лакей, потомъ паціенты...

— Еще полчаса свободныхъ... Останься, останься...

— Послѣ этого письма я такъ боюсь...

— А знаешь, скажи мнѣ, только по правдѣ, чего ты собственно боишься? Сядемъ здѣсь на кушеткѣ... А теперь выслушай меня и потомъ отвѣчай, только искренно и обдуманно...

Подумавъ съ минуту, онъ началъ:

— Что собственно связываетъ насъ съ тобой? Ты скажешь: „любовь“,—отлично, но кто же видѣлъ, кто имѣлъ въ рукахъ это чувство? Видѣли и наблюдали только его проявленія и отсюда заключали о существованіи и силѣ чувства любви. Не такъ ли?

— Конечно; вѣдь чувство трудно положить подъ микроскопъ,—засмѣялась Эрминія.

— Каковы же были проявленія нашей любви?—спросилъ Даумъ.

— Ахъ, какой вѣтеръ поднялся!—воскликнула дѣвушка, глядя въ окно, чрезъ которое видно было летающіе листья и уличную пыль, поднятые порывами вѣтра.

— Что мнѣ за дѣло до вѣтра?... Или это былъ умышленный перерывъ разговора?

— Можетъ быть...

— Это очень скучно. Въ такомъ случаѣ возьмемъ лучше книжки и будемъ читать...

— Какой же ты забавный со своей подозрительностью! Вѣдь я люблю тебя, возлѣ тебя теперь, и ты все еще сомнѣваешься.

— Если любишь, такъ поцѣлуй меня.

Она слегка коснулась губами его лба.

— И ты называешь это поцѣлуемъ?!

Съ этими словами онъ схватилъ ее въ объятія и началъ страстно цѣловать.

— Довольно ужъ, довольно! Пусти, а то задушишь!

Въ комнатѣ была полутьма, такъ какъ мрачныя тучи заслоняли дневной свѣтъ. Вдругъ раздался такой сильный ударъ грома, что стекла въ окнахъ задрожали. Даумъ выпустилъ Эрминію изъ объятій и, взглянувъ въ окно, проговорилъ:

— Ну и буря!

Эрминія слегка поблѣднѣла, забилась въ уголъ кушетки и шепнула:

— Я такъ боюсь грозы!

— Въ насъ громъ не ударитъ, потому что мы невинны, какъ дѣти.

— О не шути такъ во время бури!—воскликнула она просительно.

— Хорошо, я буду серьезенъ... Вернемся же, моя Эрминія, къ прерванному разговору. Насъ вѣдь связываютъ только поцѣлуи и невинныя объятія... Такъ вѣдь?

— Развѣ же этого мало? Я сказала тебѣ, что люблю тебя, и теперь цѣлуемся такъ, словно черезъ недѣлю должна быть наша свадьба. А знаемъ мы другъ друга такъ недавно.

— Будемъ же, другъ мой, искренни. Слова любви только слова и останутся словами, которыя вѣтеръ развѣетъ безъ слѣда. Придетъ новая любовь и ты снова повторишь эти слова, забывая, что однажды говорила ихъ уже.

— Только не я! Для тебя, какъ мужчины, это возможно, но женщина любитъ только разъ въ жизни!—воскликнула она съ искреннимъ возмущеніемъ.

— Я вѣрю, что ты исключеніе, но такъ или иначе, слова не факты, и только безразсудные могутъ основывать на нихъ свою будущность. А наши поцѣлуи—Боже мой! даже воды не надо, чтобъ они исчезли безъ слѣда, потому что я не крашу усовъ, а ты не бѣлишься и не румянишься. Остаются лишь объятія... но они могутъ обезпокоить лишь швею или горничную, которая должна выгладить платье. Что же остается отъ нашей любви?

— Я не понимаю тебя; чего же ты хочешь еще?—шепнула она, вся залившись румянцемъ.

— Чего?—заговорилъ онъ со сдержанною страстью,—чего? я люблю тебя и хочу, чтобъ мы были такъ связаны, такъ

соединены, чтобъ насъ ужъ ничто не могло разлучить; чтобъ мы не могли больше жить другъ безъ друга, чтобъ мы помнили другъ друга до смерти... и послѣ смерти. Я хочу этого, потому что хоть я и держу тебя въ объятіяхъ, хоть цѣлую и чувствую біеніе твоего сердца, однако, ты можешь каждую минуту, хотя бы и съ сожалѣніемъ, бросить меня, уѣхать куда нибудь и исчезнуть для меня на вѣки. А я люблю тебя безъ памяти, до потери сознанія! Я погибну безъ тебя!

Въ комнатѣ становилось все темнѣе; вдругъ блеснула молнія и разразился страшный громовой ударъ. Эрминія вся прижималась къ Дауму, шепча поблѣднѣвшими губами:

— Милый мой, дорогой, я люблю тебя больше всѣхъ, больше всего на свѣтѣ...

. . . .

Теперь уже Даумъ не могъ упрекнуть свою возлюбленную, что она доказываетъ свою любовь только словами, поцѣлуями и объятіями...

Въ тотъ же день Юлія, служанка госпожи Мюллеръ, живущей во второмъ этажѣ дома, гдѣ квартировалъ Даумъ, сказала своей госпожѣ, вечеромъ, приготовляя постели:

— Въ этомъ домѣ трудно будетъ служить скоро, такія дѣла здѣсь творятся.

— Что такое?—спросила Мюллеръ съ любопытствомъ.

— Не у насъ, а у тѣхъ кавалеровъ изъ перваго этажа, у доктора Даума и его лакея...

Названное имя сильнѣе заинтересовало госпожу Мюллеръ, неинтересную блондинку,съ разплывающимися чертами лица. Желая заставить Юлію разговориться, она спросила живѣе:

— У доктора Даума? Быть не можетъ? Это такой порядочный, почтенный человѣкъ!

— Онъ порядочный? Вотъ новость! Прежде по крайней мѣрѣ въ домѣ не было никакихъ безобразій, а теперь... Содомъ и Гоморра!..

— Что же такое? Говори наконецъ!

— Пока онъ не переѣхалъ въ домъ, все было тихо, благородно... А поселился онъ, нанялъ лакея и пошло... Тамъ такія безчинства творятся, что просто стыдно и подумать!

— А именно?

— Я ужъ не говорю о лакеѣ, который не даетъ проходу... Воображаетъ, что всѣ отъ него безъ ума...

— А что же, у доктора?

— А это цѣлая исторія; Фрицъ Прокъ, этотъ то, лакей докторскій, разсказываетъ ужасныя вещи.... Иногда поговоримъ это мы съ нимъ, я и кухарка...

— Кто нибудь бываетъ у доктора?

— Если бы то бывалъ, а то во сто разъ хуже! Прежде бывало придетъ та или другая, что давно уже потеряла всякій стыдъ, а теперь, просто ужасъ, что тамъ дѣлается...

— Что же? балы, танцы, пьянство?

— Еслибъ то, а то приходитъ барышня, съ виду совсѣмъ порядочная. Я видѣла ее; въ вуалькѣ, въ перчаткахъ, зонтикъ шелковый, не меньше десяти марокъ заплаченъ...

— И что же?

— Передъ пріемомъ она уже есть, послѣ пріема опять есть. Докторъ запирается съ нею въ квартирѣ, потомъ выходятъ, онъ ее провожаетъ... Фрицъ разъ нарочно стучалъ, и, вы думаете, онъ впустилъ его? еще обругалъ... Это ужасно, чтобъ порядочная дѣвушка приходила одна...

— Сомнѣваюсь, чтобъ она была порядочная,—порѣшила госпожа Мюллеръ съ удовольствіемъ.

— А какъ она хорошо одѣвается! Шляпа модная, подкладка у платья шелковая, такъ и шелеститъ, а манеры— какъ у королевы.

Госпожа Мюллеръ глубоко задумалась. Безнравственность доктора возмущала ее до глубины души. Это ужасно, позорно; она, мать трехъ дѣтей, не потерпитъ этого, она не можетъ жить подъ одной кровлей съ такимъ развратникомъ.

Слѣдуетъ, разумѣется, положить этому конецъ, но какъ?.. Даумъ, какъ закоренѣлый грѣшникъ, какъ вообще мужчина, не послушаетъ ни совѣтовъ, ни предостереженій, но эта дѣвушка? Имя ея, она узнаетъ ужъ непремѣнно!

— Послушай Юлія,—заговорила она съ ласковой улыбкой,—ту зеленую юбку знаешь... я надумалась и отдамъ ее тебѣ за четыре съ половиной марки, въ счетъ жалованья, какъ ты мнѣ предлагала, но только подъ однимъ условіемъ... Ты должна разузнать имя той... безстыдницы, что посѣщаетъ доктора Даума. Я знаю твою ловкость; если захочешь, то все узнаешь.

— Очень вамъ, барыня, благодарна... юбка мнѣ пригодится... Можно мнѣ взять ее сегодня же?.. Вы изъ жалованья вычтете мнѣ четыре съ половиной марки... но насчетъ имени той особы, будетъ очень трудно узнать. Я должна получить отъ васъ позволеніе уходить, когда понадобится, и притомъ это будетъ стоить денегъ. Этотъ Фрицъ Прокъ

хитрый парень; за пиво или сигару можетъ быть и сказалъ бы, а даромъ ничего не скажетъ.

Госпожа Мюллеръ, воспламеняясь пыломъ весталки, стоящей на стражѣ нравственности, проговорила съ паѳосомъ:

— Здѣсь, Юлія, дѣло идетъ не объ удовлетвореніи моего любопытства, это вещь второстепенная, но о томъ, чтобъ въ нашемъ домѣ не творились подобныя безобразія. Въ домѣ столько невинныхъ дѣтей, столько дѣвушекъ, а порча распространяется такъ быстро. Поэтому и надо положить этому конецъ.

— Святая истина, а всетаки деньги всегда останутся деньгами.

— Въ такомъ случаѣ отдаю тебѣ зеленую юбку за четыре марки,—воскликнула въ благородномъ порывѣ хозяйка, — а выторгованные у меня пятьдесятъ пфениговъ употреби на нужные расходы.

— Цѣлую ручки... Очень благодарна.. Не знаю только хватитъ ли пятьдесятъ пфениговъ... Но для наказанія безнравственности стоитъ кой чѣмъ пожертвовать... Значитъ, можно взять юбку за четыре марки?

— Я же сказала уже, а слова никогда не мѣняю,—гордо отвѣчала госпожа Мюллеръ.

На другой день вечеромъ, прежде чѣмъ зажгли газъ, кухарка госпожи Мюллеръ и горничная Юлія усѣлись на подоконникѣ окна, выходившаго на лѣстницу перваго этажа. Къ нимъ подошелъ лакей Даума.

— Добрый вечеръ, Францишка! Мое почтеніе, Юлія!

— Добрый вечеръ! А откуда вы возвращаетесь, Фрицъ?— спросила горничная.

— Ходилъ немного прогуляться, а то у насъ въ комнатахъ просто голова болитъ отъ духовъ.

— Отъ какихъ это?—засмѣялась Юлія.

— А эти паціентки наши; каждая пахнетъ какъ букетъ, вертится, заигрываетъ...

— Это не съ вами ли?

— О, еслибъ я только захотѣлъ, но я не такъ глупъ и предпочитаю двадцать пфениговъ улыбкѣ. Надо вамъ знать, что я человѣкъ порядочный, кладу деньги въ кассу, чтобъ было съ чѣмъ жениться. Ну, конечно, и жена должна имѣть кой что, и потомъ модно одѣваться, быть благовоспитанной.

— Ого, трудно вамъ будетъ найти такую!—засмѣялась Юлія весело.

— Если бы говорили по нашему, по человѣчески—вос-

кликнула кухарка,—то и не сказали бы подобной глупости... Захотѣли, и съ приданымъ и модницы и воспитанной...

— Я ужъ и забылъ по силезски. Пошатался я таки по свѣту, былъ въ военной службѣ... И что вамъ мѣшаетъ нѣмецкій языкъ? Такой деликатный, на немъ всѣ говорятъ. А силезскій такой простой, грубый, какъ будто созданный для скота.

— Ну, ну, Фрицъ, ни слова про нашъ языкъ,—воскликнула горничная.

— Не буду, не буду... Чтожъ у васъ новаго? Приходилъ сегодня господинъ Мюллеръ обѣдать?

— Нѣтъ. Получитъ онъ свое, какъ вернется ночью. Ужъ она ему скажетъ. А та особа была сегодня?

— Это нашъ секретъ. Можетъ, была, а, можетъ, и нѣтъ,—отвѣчалъ онъ значительно.

— Тайна?—засмѣялась кухарка.—Видѣли мы ее вчера видѣли... Вошла, не было трехъ часовъ, а вышла въ пять.

— Такъ онъ хочетъ скрываться передо мной?—воскликнулъ лакей удивленный, а больше возмущенный.

— А мы знаемъ даже, гдѣ она живетъ и какъ зовется—продолжала иронизировать горничная.

— Ну, ужъ это неправда. Одинъ я знаю.

— А вотъ и не вы одинъ; знаемъ и мы,—засмѣялась она.

— Побьемся объ закладъ!

— На что же?

— На шесть кружекъ пива.

— Пусть будетъ на шесть. Я увѣрена что вы проиграете.

Оба подали руки, кухарка разбила и спросила.

— А какъ же я узнаю, чья правда?

— Нѣтъ ничего легче!—воскликнула горничная.— Я напишу на клочкѣ бумаги ея имя и адресъ, на другой напишетъ Фрицъ. Оба дадимъ слово, что написали правду. Если адреса сойдутся, то моя правда; если не сойдутся, то Фрицъ пойдетъ завтра по моему адресу, а онъ по нему и разузнаетъ, живетъ ли тамъ барышня въ такой шляпѣ, въ такомъ платьѣ и съ такимъ зонтикомъ, какъ ходитъ къ доктору. Согласны вы, Фрицъ?

— Согласенъ.

— Есть у васъ бумага и карандашъ?

— Конечно есть. Вѣдь мнѣ надо записывать нашихъ больныхъ.

— Онъ вынулъ бумагу, карандашъ, написалъ имя и адресъ дѣвушки и отдалъ кухаркѣ. То же сдѣлала и Юлія.

Имена и адреса не сошлись и рѣшеніе, кто выигралъ, оставили до наведенія справокъ.

Юліи это стоило тридцать пфениговъ, за то на третій день она сказала сгаравшей отъ нетерпѣнія госпожѣ Мюллеръ имя:

— Эрминія Хромиковна!

Конецъ второй части.

ПО НОВОМУ.

(Продолженіе).

IV.

Они прожили какъ въ чаду цѣлыхъ три недѣли. Михаилъ Ивановичъ по прежнему прибѣгалъ; но теперь уже каждый вечеръ и засиживался у Марьи Васильевны до глубокой ночи.

Она очнулась первая. Ея здоровая, уравновѣшенная натура инстинктивно возмущалась этимъ безпорядкомъ ея жизни, смутой чувствъ, всей неопредѣленностью положенія вообще, а главное — этой исключительностью его, — точно она жила не на землѣ, а на какой-то другой планетѣ. Сіяніе счастья понемногу меркло въ ея лицѣ, а когда до ея сознанія стали наконецъ доходить возгласы ея товарищей и знакомыхъ: „Что съ вами? Какъ вы измѣнились?“—возгласы, на которые она раньше улыбалась только съ видомъ лунатика,—она постаралась „взять себя въ руки“, взглянуть на себя со стороны, и ужаснулась перемѣнѣ и въ ней самой, и въ ея жизни.

„Вся, вся чужая... Да что же это такое?“—спрашивала она себя часто вслухъ.

Прежде, что бы она ни дѣлала, что бы ни предпринимала, она считалась только съ собственнымъ желаніемъ. Теперь она никогда не рѣшалась отвѣтить *да*, если ей предлагали взять ложу въ складчину, дать за нее слово ѣхать на именины туда, гдѣ не знали Михаила Ивановича и т. д. А хуже всего было то, что ее безъ Михаила Ивановича никуда и не тянуло. И сразу все то, что интересовало ее, и тѣ, кто были ей, казалось, дороги и цѣнны,—утратили для нея свое значеніе.

Встрѣтивъ какъ то на улицѣ Радиныхъ, она изумилась, вспомнивъ, что не видѣлась съ ними больше мѣсяца, а главное, ни разу о нихъ за это время не вспомнила.

— Гдѣ вы пропадали?.. Больны, что ли, были?—удивилась Анна Егоровна.

— Ну, не похоже,—усмѣхнулся Радинъ.—До чего похорошѣла! Какова?!.. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Что съ вами такое?

Марья Васильевна вспыхивала, насупливала брови и сама чувствовала, какъ фальшиво звучитъ ея голосъ.

— А я какъ настрадалась!.. Соня-то у насъ? Слышали?

— Что такое?

Соня была крестницей Марьи Васильевны, и мѣсяцъ назадъ ей еще казалось, что она крѣпко любитъ эту двухлѣтнюю крошку. Теперь же ей было стыдно за то лицемѣрное участіе, съ которымъ она спрашивала.

— Да умерла было...

— Не можетъ-быть...

— Зубки рѣзались... А тутъ еще дизентерія... Отстояли, слава Богу!.. Но еслибъ вы ее видѣли! Скелетъ одинъ отъ нея остался. Заходите, голубушка... Она все время спрашивала о васъ... гдѣ „тетя *Ма*“?..

— Неужели?..

Марья Васильевна вспыхнула. Ей стало больно и стыдно за свое равнодушіе, захотѣлось приласкать крестницу.

— Ну, когда-жъ придете?.. Вотъ въ это воскресенье? Придете?—настойчиво спрашивала Анна Егоровна.

Глаза Марьи Васильевны безпокойно забѣгали.

Можетъ быть Миша билеты взялъ на *Русалку* нынче днемъ!.. Но, во всякомъ случаѣ,—вспомнила она,—Миша у нихъ бывалъ. Они придутъ вмѣстѣ...

— Постараюсь,—нетвердымъ звукомъ сказала она на прощанье и вдругъ, нагнувшись къ Аннѣ Егоровнѣ, крѣпко и какъ то экспансивно поцѣловала ее, чего не дѣлала раньше. Анна Егоровна—сама холодная и всегда сдержанная—такъ изумилась, что невольно отшатнулась, и Марьѣ Васильевнѣ стало тутъ же досадно на себя.

— Что это съ ней? Какая она чудная!—спросила Анна Егоровна мужа.

— Влюблена...

— Что за вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ, а фактъ... И какая женственная стала!.. Удивительно хорошѣютъ женщины въ это время!

— Да почему ты думаешь?—волновалась Анна Егоровна.

Радинъ тогда разсказалъ ей о встрѣчѣ на Кузнецкомъ мѣсяца два назадъ. Соболевъ и Марья Васильевна были такъ увлечены другъ другомъ, что не замѣтили его, хотя онъ встрѣтился съ ними лицомъ къ лицу и поклонился.

— Почему-жъ ты мнѣ не разсказалъ?—возмутилась Анна Егоровна.

— Потому что это не наше съ тобой дѣло...

А Марья Васильевна мчалась на свиданье къ Михаилу Ивановичу и щеки ея пылали отъ мыслей, внезапно вспыхнувшихъ въ ея мозгу.

Точно съ неба упала, встрѣтившись съ Анной Егоровной... А вѣдь какіе друзья были!

Такъ неужели-же между прошлымъ и настоящимъ легла такая непроходимая топь?.. Тогда, значитъ, и всѣ другіе интересы, школа, дѣти...

Она остановилась, испугавшись вывода. Все ея *я* громко протестовало противъ такихъ вопросовъ.

Въ первый разъ Михаилъ Ивановичъ почувствовалъ холодокъ въ ласкахъ Марьи Васильевны, какую то словно отчужденность. Она была цѣльна, непосредственна и сангвинична. Скрываться не умѣла, да и не считала нужнымъ. Онъ сразу замѣтилъ огонекъ какой то непріязни въ ея глазахъ и тревогу, охватившую все ея существо.

— Я къ Радинымъ въ воскресенье,—заявила она, не успѣвъ еще снять шубки.

— Какъ?.. А я билеты на *Русалку* взялъ...

— Такъ я и знала!.. вырвалось у нея.—Ну что жъ дѣлать?—вызывающе кинула она.—Передай кому-нибудь билетъ... А я не могу нарушить слова... Я обѣщала и поѣду... Я у нихъ, стыдно вспомнить,—больше мѣсяца не была... А тамъ у меня крестница умирала...

Она страшно торопилась, стоя спиной къ любовнику и поправляя передъ зеркальцемъ спутавшіеся волосы (чего тоже вообще не дѣлала никогда). Ей хотѣлось сразу все сказать, чтобъ „заткнуть ему ротъ...“ А сердце у самой ныло. *Русалка,* Шаляпинъ... Сколько мечтали объ этомъ!.. Добивались!.. Какъ трудно было билеты достать!.. И вообще, какое это наслажденіе быть вмѣстѣ въ театрѣ!

У нея вдругъ задрожали губы и слезы послышались въ голосѣ, когда она, обернувшись къ молчавшему Михаилу Ивановичу, выкрикнула съ какой то болѣзненной надсадой.

— Ну, словомъ... обѣщала... и буду... буду... Что это, въ самомъ дѣлѣ? Какъ дѣвчонка, распорядиться *собой* не могу... Даже стыдно стало... Ты поѣзжай... а я къ нимъ.

Онъ глядѣлъ на нее, постепенно блѣднѣя. Это былъ у него признакъ гнѣва или сильнаго волненья. Обыкновенно мягкій какъ женщина, деликатный и уступчивый, онъ въ такія минуты дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ и

могъ дойти прямо до бѣшенства, на ножъ полѣзть, въ драку съ сильнѣйшимъ, ничего не взвѣшивая, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Когда онъ былъ еще въ школѣ, онъ много страдалъ за свою вспыльчивость, и били его нещадно. Но въ университетѣ онъ разъ кинулся съ ножомъ на товарища, позволившаго себѣ глумиться надъ нимъ, и съ тѣхъ поръ его не затрогивали, а товарищъ, огромный, сильный, какъ медвѣдь, завидя только издали маленькаго Михаила Ивановича, спѣшилъ скрыться.

Въ такія минуты Соболевъ удивительно хорошѣлъ и какъ бы выросталъ на голову.

И сейчасъ Марья Васильевна, кидая на него враждебные взгляды, не могла не замѣтить, какъ онъ интересенъ съ этими потемнѣвшими злыми глазами, и ей захотѣлось зарыдать въ голосъ, какъ плачутъ крестьянки, за то, что все складывается такъ нелѣпо... Надо же ей было именно нынче встрѣтить Радиныхъ!

Но чѣмъ сильнѣе росло въ ней желаніе ѣхать на *Русалку*, обмануть Радиныхъ, уступить и на этотъ разъ Мишѣ, и чѣмъ яснѣе становилась для нея невозможность *не уступить ему* и побѣдить въ этой первой стычкѣ,—тѣмъ сильнѣе храбрилась она на словахъ и, наконецъ, стала говорить прямо оскорбительныя вещи, чувствуя, что близка къ истерикѣ.

Онъ схватилъ ея руки и, приблизивъ къ ней красивое лицо, сталъ наконецъ отвѣчать своимъ глуховатымъ голосомъ, сквозь зубы, какъ-бы съ трудомъ:

Она обѣщала Радинымъ... Но вѣдь ему-то она еще раньше обѣщала... Какое право она имѣетъ игнорировать его желанія?.. И такъ высокомѣрно отстранять его съ своего пути?.. Почему она говоритъ съ нимъ такимъ обиднымъ тономъ?.. Развѣ онъ ей врагъ?.. Развѣ она унизила себя, отдавшись ему?.. Развѣ онъ ей чѣмъ-нибудь испортилъ жизнь?.. Говорить такъ—низость... Да, да... А относительно того, что любовь—это рабство, какъ она изволитъ выражаться... Да, конечно, рабство... Но обоюдное... Конечно, у нея уже не можетъ быть во всемъ только *своя* воля, какъ раньше... Но что же тутъ обиднаго? У него вѣдь тоже своей воли нѣтъ... А онъ отъ этого не страдаетъ... Конечно, сходясь съ нимъ, она должна была расчитывать считаться въ будущемъ съ человѣкомъ, который ей близокъ... Индивидуализмъ... Все это прекрасно... Кто говоритъ?.. Но эта теорія годна для одинокихъ... Кто любитъ, тотъ долженъ идти на компромиссы и уступки.

Она разрыдалась.

Тогда весь гнѣвъ его упалъ. Онъ отлично понималъ, какъ и она, что возражать тутъ нечего. Онъ пустилъ въ ходъ то оружіе, передъ которымъ Марья Васильевна всегда пасовала,—то есть нѣжность, ласку, смиреніе...

Примиреніе ихъ было горячо и сладостно. Чувства были необычайно ярки, благодаря элементу душевной боли, придававшей имъ такую странную остроту. Оба они понимали, что миновало ихъ весеннее безоблачное утро любви, и что отношенія вступаютъ въ новый фазисъ,—тревожный и еще болѣе значительный для нихъ обоихъ. Неизбѣжная, фатальная борьба двухъ индивидуальностей, лежащая въ основѣ любви, и въ пылу первой страсти не сознанная ими, встала вдругъ предъ ними во весь ростъ, какъ грозный призракъ, и наполнила страхомъ гордую душу Марьи Васильевны.

Въ субботу вечеромъ она пришла къ Аннѣ Егоровнѣ и безъ утайки разсказала ей все о себѣ.

— Не сердитесь, голубушка, что не могу придти завтра... Это сильнѣе меня... Понимаете? Конечно, я могу настоять на своемъ... Но я буду несчастна... И кажется, проживи я до ста лѣтъ, я все буду, если не поѣду съ Миш... съ Михаиломъ Иванычемъ, волосы на себѣ рвать за то, что такой чудный вечеръ отняла у себя... изъ-за гордости своей...

Анна Егоровна на этотъ разъ сама крѣпко поцѣловала друга и растроганно сказала:

— Господи! Точно я не понимаю?.. Ну, чего ужъ тутъ?.. Я рада за васъ, милая... Вы оба такіе славные... И не хорохорьтесь вы, голубушка... Живите легче, право!.. Видно намъ отъ этого не уйти... А право, это такъ краситъ жизнь...

V.

Наступила весна.

— Знаешь, Миша,—сказала Марья Васильевна.—Я устала.. Я ужасно устала... Давай видѣться рѣже... Ну, три раза въ недѣлю... А то это невозможно... Мы ничего не читаемъ, отстали отъ всего... Дѣла накопляются... И право... я боюсь, что у меня дѣло страдаетъ... Вѣдь весь досугъ у меня взятъ тобою... Пощади...

Она улыбалась, говоря такъ,—но тонъ ея былъ рѣшителенъ.

Михаилъ Ивановичъ вспомнилъ о собственныхъ дѣлахъ, давно уже запущенныхъ, о тетрадкахъ, которыя онъ просматривалъ только наскоро,—и весь какъ-то съежился.

— Дѣйствительно... Скоро экзамены...

— Вотъ видишь... Надо силы поберечь... И нервы тоже... Знаешь, Миша? Вѣдь я до встрѣчи съ тобой не знала, что такое нервы?.. А теперь никуда не гожусь... Стала такъ раздражительна, что даже другіе это замѣчаютъ... И это огорчаетъ меня... Иногда ловлю себя на томъ, что изъ-за вздора готова вспылить, либо заплакать.

— Маша, милая, ты права, конечно... Ты права, какъ всегда,—залепеталъ Михаилъ Ивановичъ, заикаясь и краснѣя.—Только видишь ли?.. Это будетъ тяжело... Это будетъ ужасно тяжело... Я такъ привыкъ къ твоей близости...

Какъ это ни странно, но въ первый вечеръ, оставшись въ одиночествѣ, Марья Васильевна почувствовала облегченіе.

Она заперлась, затопила печку и, усѣвшись передъ ней въ старомъ креслѣ, сказала вслухъ:

— Ухъ!.. Какъ хорошо быть одной!

Она просидѣла такъ, по крайней мѣрѣ, часа три. Печка погасла, весь домъ замеръ, а она все сидѣла недвижно, въ глубокой и угрюмой задумчивости.

Въ эти часы внезапнаго одиночества она попробовала заглянуть въ свою душу, гдѣ страсть прошла, какъ вихрь, многое разметавъ, многое вырвавъ съ корнемъ и по пути бросивъ новыя сѣмена чужеядныхъ (она думала) растеній на разоренную ниву ея души... Она приглядывалась пристально и смѣло къ этимъ опустошеніямъ и измѣненіямъ, стараясь измѣрить роковое значеніе всего свершившагося для ея послѣдующей жизни.

Она не обманывалась, подсчитывая утраты. Только въ это самое утро она впервые за всѣ годы почувствовала вдругъ усталость не только отъ занятій, но усталость отъ „общенія“ съ дѣтьми, дававшаго ей столько радостей прежде. Бывало, послѣ звонка, распустивъ школу, она оставляла у себя полкласса либо самыхъ неспособныхъ (если надо было приналечь на занятія),—либо самыхъ симпатичныхъ и любознательныхъ, если предстояло „ученіе“, либо „бесѣда“... Эти часы вносили духъ живой въ скучное дѣло грамотности и формализма. Дѣти очень цѣнили эти часы.

Но Марья Васильевна, ни разу не проманкировавъ ими,—теперь только поняла, что вотъ уже мѣсяцъ какъ охладѣла къ этому общенію и исполняетъ когда-то любимое дѣло какъ нелегкую обязанность. Дѣти, конечно, чуткія и любящія, подмѣтили первыя, что имъ словно подмѣнили Марью Васильевну, и стали сами разсѣянны и холодны. Два раза она сдѣ-

лала имъ нынче раздраженно выговоръ, два раза дала нервный окрикъ, требуя вниманія и упрекая ихъ за отсутствіе добросовѣстности.

Теперь, сидя въ темной комнатѣ, передъ погасшей печкой, она вспоминала объ этомъ съ краской стыда. Вѣдь ей самой такъ хотѣлось дождаться четырехъ, чтобъ остаться одной—совсѣмъ одной, для провѣрки себя, для уясненія плана будущаго!.. И, постоянно хватаясь за часы, она не замѣчала, какъ ея настроеніе передается дѣтямъ.

— Тебѣ ужъ надоѣло?—рѣзко спросила она Соню Семенову, свою любимицу, замѣтивъ, что та тоже раза два оглянулась на часы.—Коли надоѣло, зачѣмъ остаешься?

Ахъ!.. Теперь больно вспомнить... Никогда у нея не было этого тона съ дѣтьми... Вѣдь стоитъ только разъ пошатнуться ихъ довѣрію... Чѣмъ вернешь? Нельзя допустить, чтобъ трещина расползалась дальше. Надо энергично поправить сдѣланное зло... Школа не должна страдать оттого, что въ ея личной жизни случились какія-то измѣненія. Надо слѣдить за собой, слѣдить неустанно.

— Ну, что ты дѣлала вчера?—трепетно спросилъ Михаилъ Ивановичъ, прибѣжавшій на полчаса раньше обыкновеннаго, потому-что съ полдороги взялъ извозчика. Онъ цѣловалъ руки Марьи Васильевны и глядѣлъ ей въ глаза съ такимъ выраженіемъ, какъ будто они не видѣлись недѣлю.

Она почувствовала, что эта преданность и нѣжность его дѣйствуютъ на нее какъ рюмка вина. Ноги начинаютъ слабѣть, въ головѣ все путается. Въ теченіе пяти минутъ выразительное лицо ея отразило цѣлую гамму настроеній, начиная съ нѣжности и кончая суровостью. Тонъ ея тоже былъ невѣренъ.

— А ты что дѣлалъ?.. Скучалъ?.. Нѣтъ, я недурно время провела... Я думала... я многое думала.

— Ты скажешь мнѣ, что?

— Н-не знаю... Можетъ быть... Наврядъ ли впрочемъ... Подумаю... Такъ ты скучалъ?

— Ужасно... Взялся за тетрадки... Все изъ рукъ валится... Пробовалъ читать, ничего не понимаю... Пошелъ гулять... Такая тоска... Маша... Ты не осудишь меня?.. Я, видишь-ли... я, кажется... плакалъ...

Она схватила его голову, прижалась къ ней горячими губами, потомъ, словно устыдившись своего порыва, чуть-чуть отстранила его.

— Какая вредная вещь любовь!—усмѣхнулась она.

Онъ снизу вверхъ поглядѣлъ въ ея лицо.

— Ты это именно и думала вчера?

— И это... и многое другое...

За чаемъ она неожиданно спросила его:

— Помнишь ты, какъ заболѣвалъ тифомъ?

— А что?

— У меня тоже былъ тифъ... въ юности... когда мнѣ лѣтъ семнадцать было... Я отлично помню, какъ постепенно овладѣвалъ мной этотъ недугъ... какой туманъ былъ въ головѣ... какъ трудно было связать мысли... И слабость... Тифъ по-гречески значитъ туманъ... Удивительно вѣрно названо... И знаешь, Миша?.. Любовь—это совсѣмъ вродѣ тифа...

— Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже?—улыбнулся онъ.

— Да... А главное, нѣтъ спасенія... Борись, лѣчись... Все равно!.. Не вырваться изъ ея когтей...

— Пока сама не пройдетъ, или не убьетъ,—подсказалъ онъ, глядя въ чашку.

Она пытливо сощурилась на его напряженно улыбавшееся лицо.

— А ты допускаешь, что можно погибнуть изъ-за любви?

— Еще-бы!—горячо вырвалось у него. И его блестящіе глаза смѣло встрѣтили ея презрительную усмѣшку.

Нѣсколько мгновеній она помолчала, сбитая съ толку.

— О чемъ я говорила... Постой... Да... Это сходство... эта аналогія ощущеній вотъ когда бросилась мнѣ въ глаза... Когда—помнишь?—я встрѣтила Радиныхъ...

— Ага!..

— Ну вотъ... совсѣмъ тоже... Помню, когда я очнулась послѣ тифа въ первый разъ, на меня лѣзло что то огромное, ненужное такое, враждебное... Я заморгала, кажется... испугалась очень, отмахнулась, задохлась прямо... Когда открыла глаза въ другой разъ, то увидала передъ собой няньку, которая подошла ко мнѣ съ компрессомъ... И она показалась мнѣ уже гораздо меньше... Я, словомъ, узнала ее... Потомъ оглянулась кругомъ и поняла, что больна... И что очнулась, и что буду жить...

— Ну?..

Онъ напряженно ловилъ ея слова.

— Вотъ точно такъ же встрѣча съ Анной Егоровной... Шла я, какъ въ туманѣ, вся полная только тобой и собой... И долго, оказывается, это длилось такъ. И вдругъ изъ тумана Радины... Наткнулась на нихъ... Вотъ совсѣмъ какъ на няньку тогда... Понимаешь? Въ ихъ лицѣ—сама дѣйствительность, отъ которой мы ушли такъ старательно... Точно, въ самомъ дѣлѣ, не на землѣ живемъ, не среди людей... И вотъ въ

первую минуту такое же чувство ненужности этихъ Радиныхъ, этой враждебности ко всему, что не *мы*... Ахъ! Скверное чувство!.. Я его раньше не знала... Ну... вотъ съ этого *все* и началось...

— А кончится чѣмъ же?.. Можно спросить?

Онъ былъ опять блѣденъ, взволнованъ и очень красивъ. Она замолчала, боясь вспышки и ссоры.

— Пожалуйста безъ сценъ, Миша... пожалуйста,—мягко заговорила она.—Вѣдь мы никогда ни до чего не договоримся... если ты будешь такъ волноваться...

— Ты хочешь меня бросить?—трепетно крикнулъ онъ.— Ты меня разлюбила!?

У нея просто руки опустились. Она кинулась къ нему, усадила его рядомъ съ собой на диванчикъ и понадобилось больше часа ласкъ, нѣжностей и признаній, чтобъ унять бившую его лихорадку и заставить его выслушать спокойно.

Самоваръ уже погасъ, когда онъ, совершенно разбитый бурной вспышкой страсти, какъ ребенокъ сталъ просить чаю.

Она двигалась по комнатѣ растерянная, жалкая какая-то,— какъ всегда послѣ „принципіальныхъ“ споровъ, которые начинала съ высоко-поднятой головой. Своеобразная логика его страсти была такъ прямолинейна, что она чувствовала полное безсиліе бороться съ нею. Вотъ и теперь онъ совершенно успокоился послѣ ея объятій, не допуская возможности, чтобъ охладѣла женщина, которая въ данную минуту такъ горячо цѣлуетъ.

— Теперь ты можешь меня выслушать?—серьезно спросила она, присаживаясь на диванъ, гдѣ онъ лежалъ, и кладя ему руку на плечо.

Онъ снялъ эту жесткую, смуглую руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ горячей благодарности.

— Все, что угодно,—улыбнулся онъ, и лицо его какъ-бы говорило: „Теперь я ничего не боюсь... Я ошибся“...

— Выслушай меня внимательно, Миша.. Это очень серьезный разговоръ... Постарайся понять и помочь... Потому что задача моя не легка...

— Конечно, конечно, голубушка... Только отвѣть мнѣ на одинъ вопросъ: можно мнѣ придти завтра?

— Нѣтъ... Понимаешь? Нѣтъ!—какъ бы вспыхнулъ ея голосъ.—Мнѣ нужно одиночество, нужно въ руки себя взять... Не говоря уже о томъ, что экзаменъ близко, а у меня здоровья не хватаетъ такъ жить... Мое дѣло не должно стра-

дать, Миша, оттого что я полюбила тебя... И твое тоже... Прости, что напоминаю... Ты самъ вчера сознался... Мы будемъ видѣться два раза въ недѣлю...

— Это невозможно, Маша...

— Это необходимо. Вотъ начнемъ... съ слѣдующаго мѣсяца... Надо войти въ колею... А то я измучусь... Послушай, Миша... Я не даромъ боялась любви, не даромъ относилась къ ней враждебно. Я вижу теперь на собственномъ опытѣ, какъ трудно сохранить свое *я*... то есть, самое цѣнное, что есть въ человѣкѣ... какъ трудно не обезличиться, когда полюбишь, и не пожертвовать другому всѣми стремленіями, планами и трудами... О нѣтъ! Я не хочу сказать, что я сама дошла до этого... Я даже мысли не допускаю слить наши жизни въ одно... въ смыслѣ посвятить мою тебѣ и отказаться отъ дѣла... Но я предупреждаю и тебя, и себя, что ступила на скользкій путь... И если ты хочешь моего счастья, ты долженъ самъ бережно относиться ко всему, что мнѣ дорого, что наполняло мою жизнь до встрѣчи съ тобой... Будемъ союзниками, Миша, а не тайными, безсознательными врагами. И тогда тебѣ нечего будетъ бояться моего охлажденія...

— Однако...—нервно усмѣхнулся Михаилъ Ивановичъ.— Нельзя сказать, чтобъ ты была высокаго мнѣнія о любви... вообще... Мнѣ казалось-бы, что въ жизни каждой женщины...

— Только не въ моей!—страстно перебила она.—Знаю, что ты хочешь сказать... Но ты стучишься не въ ту дверь, Михаилъ Ивановичъ... Если ты ошибся и тебѣ нужна женщина съ иными взглядами, дорога открыта... Ступай!

— Какой вздоръ ты говоришь! Я запрещаю тебѣ такъ говорить!—вспылилъ онъ и сѣлъ на диванѣ, ероша свои кудри.—Мнѣ никого, кромѣ тебя, не надо! И говорить такъ нелѣпо... и жестоко...

— Да?.. Но въ такомъ случаѣ... бери меня, какъ я есть.... И знай, что я другой не буду... И не хочу быть... Твоя любовь для меня—радость, отдыхъ, краски жизни, если хочешь... ея блескъ... Но и только... Только, Миша... И не будетъ ничѣмъ инымъ... Я сама себя уважать перестану, если поставлю ее въ центрѣ своей жизни... И помни... чтобъ сохранять въ полной силѣ свое *я*... именно *то* и за что ты меня полюбилъ и выбралъ между всѣми... хотя я старше тебя... хотя я некрасива... Постой!.. выслушай... Чтобъ сохранить эту индивидуальность свою, я пойду на всякую борьбу, на всякія жертвы, потому что... потерявъ эту силу, я стану *ничѣмъ*...

— Какъ можешь ты думать, что я тебя не понимаю?— горячо крикнулъ Михаилъ Ивановичъ.—Ты права.—За эту силу я тебя и полюбилъ... И не мнѣ съ ней бороться... Маша, милая... я не дождусь лѣта, чтобъ жить вмѣстѣ на дачѣ... Но у меня тоже есть планъ... какъ жить *по новому*... Я скажу его тебѣ тогда.

— Почему не теперь?

— Нѣтъ... Пока, до лѣта, будемъ плыть по теченію.. Авось оно недалеко занесетъ насъ. Вѣдь мы живемъ врозь, будемъ видѣться рѣже... И мало до слезъ жертвовать какимъ-бы то ни было принципамъ и теоріямъ этими чудными минутами... Не повторяются вѣдь эти дни, Маша... Сколько бы мы ни прожили впереди... Разъ живемъ только... И не приходитъ тебѣ въ голову, Маша, что лѣтъ черезъ десять мы оба будемъ уже... Вѣдь будущаго не знаешь... Сколько проживешь вообще?

Она вздрогнула. Странное настроеніе этого тона и этихъ словъ захватило ее. Сердце сжалось, когда она взглянула на него, такого худенькаго, небольшого, тщедушнаго... Вспомнились дни, пережитые ею во время его болѣзни. Она молча, но судорожно охватила его голову и прижала къ груди.

— Голубушка—шепталъ онъ,—не осуди меня, не презирай... Но для меня *все* въ твоей любви... И пока ты со мной, я буду силенъ, полезенъ, дѣятеленъ... Безъ тебя я погибну... Поэтому не жертвуй мною... и моимъ чувствомъ... если я тебѣ дорогъ...

Она тихонько улыбнулась, цѣлуя его глаза.

— Мнѣ пришло въ голову, Миша, что мы перемѣнились ролями... У тебя женская душа...

VI.

Наступило лѣто. На дачу они выѣхали вмѣстѣ и поселились въ деревнѣ, гдѣ каждый годъ жили Радины.

— Миша, я беременна,—однажды вечеромъ сказала Марья Васильевна Соболеву.

— Постой, постой... Чего ты волнуешься?.. Конечно, это вопросъ очень важный... Только я просила-бы не оглашать этого... даже Радинымъ...

Горячо цѣлуя ея руки, Михаилъ Ивановичъ прошепталъ возбужденнымъ тономъ:

— Теперь мы женимся, конечно? Ты сама понимаешь,

Маша, что вѣдь нельзя учительницѣ имѣть незаконнаго ребенка.

— А законнаго, ты думаешь, можно?—какъ то раздумчиво спросила она.

Онъ не обратилъ вниманія на эти слова и весь отдался планамъ.

А она стала очень грустна и словно подавлена.

Михаилъ же Ивановичъ такъ сіялъ, что это не укрылось отъ Радиныхъ, и на ихъ разспросы онъ разсказалъ имъ все, подъ величайшимъ секретомъ, и убѣждалъ ихъ поторопить Марью Васильевну свадьбой, какъ только она сама имъ все разскажетъ. Упрямиться теперь смѣшно. Не все-ли равно? Они сошлись на всю жизнь...

— Такъ-ли?—усмѣхнулся Радинъ.—А ваша программа?

Михаилъ Ивановичъ вспыхнулъ.

— Несчастье всегда можетъ случиться. И его мы всегда должны встрѣтить съ достоинствомъ. Но вѣдь и о правахъ ребенка тоже грѣшно забывать...

Программа, на которую намекнулъ Радинъ въ шутливомъ тонѣ, имѣла однако громадное значеніе въ глазахъ „молодоженовъ", какъ за глаза называлъ ихъ Константинъ Алексѣевичъ.

Мысль принадлежала всецѣло Михаилу Ивановичу, но была встрѣчена съ восторгомъ Марьей Васильевной, и вдвоемъ они обсуждали ее въ весенніе вечера, передъ переѣздомъ на дачу. Это былъ смѣлый планъ устроить жизнь „по новому",—такъ, чтобъ сохранить нетронутой индивидуальность каждаго и уберечь любовь отъ налета жизненныхъ дрязгъ, благодаря которымъ она такъ быстро тускнѣетъ.

— Объ этомъ я долго, много думалъ, Маша, сходясь съ тобой,—говорилъ Михаилъ Ивановичъ.—И это такъ важно... Умѣть сберечь любовь... То, что есть самаго прекраснаго въ жизни... А у насъ треплютъ ее по улицѣ, въ грязи, какъ старую обувь... И потомъ дивятся, куда она дѣвалась?

Они не упустили изъ виду ничего, обсуждая „программу", а затѣмъ осуществляя ее. У нихъ у каждаго на дачѣ была своя комната, куда другой безъ спроса не смѣлъ войти не только ночью, но даже днемъ. Нейтральная комната служила столовой и пріемной.

— Что за китайщина!—дивился Радинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это даже очень хорошо,—горячо возражала его жена.—Чѣмъ меньше халатности и привычки, тѣмъ лучше!

— Слава Богу, что мы пережили періодъ новшествъ и

утопій!—добродушно смѣясь, замѣчалъ Радинъ.—Такъ то оно спокойнѣе. Ты, Анна Егоровна, пожалуйста не увлекайся этими программами... Онѣ вѣдь заразительны... А то, честное слово,—въ номера изъ дома сбѣгу!

Но... Анна Егоровна уже мечтала втихомолку. Это было замѣтно по ея усилившейся раздражительности по поводу домашнихъ дрязгъ, казавшихся раньше неизбѣжными... Она часто задумывалась и сидѣла неподвижно съ нѣжной и загадочной улыбкой на измученномъ лицѣ, забывъ, гдѣ она? И въ эти минуты она удивительно молодѣла. Но все это было странно. „Новшества“ оказывались опаснѣе, чѣмъ думалъ Радинъ.

— Посвятите меня въ ваши планы,—смѣясь и краснѣя, сказала Соболеву Анна Егоровна, когда въ воскресенье Михаилъ Ивановичъ и Марья Васильевна кушали у нея на террасѣ пирогъ.

Михаилъ Ивановичъ, волнуясь и слегка заикаясь, разсказалъ, какъ возникла у него эта программа. Онъ безъ ужаса не могъ вспомнить своихъ семейныхъ товарищей, своего родного брата, заваленныхъ работой, но не имѣвшихъ своего угла среди дѣтскаго гама и хозяйственныхъ дрязгъ. Одинъ его знакомый поэтъ прямо таки сбѣжалъ изъ собственной квартиры и поселился въ номерахъ.

— Я, положимъ, не по... поэтъ,—говорилъ онъ заикаясь,— но у меня есть свой міръ интересовъ, духовныхъ запросовъ и т. д... Это требуетъ уединенія... сосредоточенности въ самомъ себѣ... Я, словомъ, не могу себѣ представить жизни безъ своего угла...

— Это потому, что у васъ дѣтей нѣтъ,—возражалъ Радинъ,—и нужда васъ не одолѣла. А вотъ когда будутъ у васъ трое-четверо, къ чорту китайскія церемоніи полетятъ. И будутъ въ вашемъ jardin secret пеленки по стульямъ сушиться... да люльку къ вамъ притащатъ на ночь, если у васъ комната теплая... а потомъ и совсѣмъ выживутъ васъ... Нужда, батенька, ни съ какими теоріями не считается... Видали вы мой кабинетикъ?.. Два шага въ ширину, да пять въ длину... Чисто казематъ... И то въ морозы меня оттуда гонятъ... Потому-что самая теплая комната...

Анна Егоровна нетерпѣливо поглядѣла на него.

— Помолчи ради Бога, Константинъ Алексѣевичъ, не разбивай настроенія... Говорите, Михаилъ Ивановичъ... Это такъ интересно...

— Передайте мнѣ, пожалуйста, сливки, —тѣмъ временемъ говорила Марья Васильевна Соболеву.

— Можетъ, хотите буттербродъ съ сыромъ?—нѣжными и почтительными звуками спрашивалъ онъ. А глаза его говорили: „Боже мой! Какъ я тебя люблю... И какъ я счастливъ!“

— Нѣтъ... благодарю васъ...

Она насупливала брови и дѣлала строгое лицо. Въ присутствіи постороннихъ, хотя бы даже Радиныхъ, она не позволила бы себѣ ни одного фамильярнаго жеста.

Михаилъ Ивановичъ нервно схватилъ тонкій длинный ножикъ отъ хлѣба и сталъ имъ играть.

— Разныя комнаты,—это, конечно, мелочь и пустяки,—заговорилъ онъ своимъ глуховатымъ голосомъ.—Надо идти дальше, вглубь... У каждаго изъ насъ должна быть своя личная жизнь, куда другой не смѣетъ вторгаться... даже подъ видомъ любви и интереса. Если, напримѣръ, я ухожу изъ дома, меня не должны спрашивать, куда?.. пока я самъ не скажу... Если случится, что я исчезну на два дня, никакіе разспросы и упреки не должны меня встрѣчать.

— Па-азвольте,—вмѣшался Радинъ, очевидно озадаченный.—Вы увлекаетесь... Ну, упреки—дѣло другое... Но какъ вы запретите мнѣ мучиться, когда моя Анна Егоровна пропадетъ на два дня?.. Я не только ее спрошу первымъ дѣломъ: гдѣ была? Я и въ гимназіи, и въ курилкѣ, и на улицѣ только объ этомъ и буду говорить со всѣми...

Михаилъ Ивановичъ взмахнулъ ножомъ и лучъ солнца ярко сверкнулъ на стали. Анна Егоровна даже прижмурилась.

— Вотъ это именно тотъ деспотизмъ любви, съ которымъ надо бороться,—крикнулъ онъ, и глаза его сверкнули.—Повѣрьте мнѣ... Я... я на себѣ знаю, какъ это захватываетъ... и входитъ въ привычку... Это, въ сущности, самое ужасное насиліе надъ человѣкомъ... Мы не умѣемъ быть деликатными съ самыми близкими намъ людьми... Поймите, что, зная о вашемъ безпокойствѣ, предвидя ваши разспросы,—любимая вами женщина уже издали будетъ волноваться, двоиться, не докончитъ начатаго дѣла, прерветъ интересную бесѣду... Почему?.. Только потому, что вы ее обѣдать ждете... либо спать... А вы привыкли спать и обѣдать въ извѣстные часы... И она должна съ этимъ считаться... Она себѣ не принадлежитъ... Ваше безпокойство, какъ гипнозъ, какъ внушеніе на разстояніи, лишаетъ ее собственной воли... Понимаете? Вы не должны... вы не смѣете безпокоиться, если ваша жена пропала... на весь вечеръ... на всю ночь... на два дня наконецъ!

Это вышло такъ горячо и трогательно, что всѣ расхохотались.

— Какой вы милый!—сорвалось у Анны Егоровны, и у нея сразу загорѣлись уши.

Больше всѣхъ хохоталъ Радинъ, относившійся съ нескрываемымъ скептицизмомъ ко всѣмъ этимъ увлеченіямъ.

— Поглядимъ, поглядимъ, какъ это у васъ по новому-то выйдетъ... Не вышло бы хуже...

— Ахъ! Да развѣ я говорю, что это легко, Константинъ Алексѣевичъ? Да это цѣлая школа... Курсъ надо пройти работы надъ собой, самой упорной... И начать, какъ всегда, съ мелочей и внѣшности... Вотъ вы, простите меня... въ туфляхъ дома ходите... и...

— И безъ жилета?—подсказалъ Радинъ.—Велика важность! На то и домъ, чтобъ отдохнуть... А коли у меня мозоли... и ноги пухнутъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Мы говоримъ принципіально... Этого быть не должно.

— Чего? Мозолей?—усмѣхнулся Радинъ.

— На то у васъ должна имѣться своя комната,—серьезно продолжалъ Соболевъ.—А когда вы изъ нея выходите, вы должны быть корректны и въ костюмѣ вашемъ, какъ и въ манерахъ... потому что ваша жена должна всегда васъ видѣть джентльменомъ... Конечно, пока вы здоровы... Повторяю вамъ... Эта халатность въ обиходѣ роковымъ образомъ вліяетъ и на внутреннюю жизнь.

— Конечно, это поддерживаетъ страсть... а привычка ее убиваетъ,—какъ то стремительно подхватила Анна Егоровна и вдругъ густо покраснѣла, хотя никто на нее не глядѣлъ.

— Нужда, господа, убиваетъ любовь, а не привычка...

— И то, и другое... если хотите...

— Дальше... дальше,—нервно торопила Анна Егоровна, кладя локти на столъ и жадно вглядываясь въ нѣжное, болѣзненно-красивое лицо Соболева.

— Я главное настаиваю на томъ, чтобъ въ бракѣ или сожительствѣ—все равно—двѣ жизни шли рядомъ, какъ двѣ параллельныя линіи, не сливаясь въ одну. Это нормально... И въ этомъ залогъ счастья... Трагедія нашей любви и заключается въ томъ, что мы глядимъ, какъ на нашу собственность, на того, кого мы любимъ, и посягаемъ сознательно и безсознательно на его свободу... Ежедневно, сами того не замѣчая, совершаемъ насиліе надъ его личностью... Сколькихъ людей я зналъ, близкихъ друзей, которые разорвали изъ за того, что ихъ жены не сошлись характерами между собой... Развѣ это не уродство?.. Мнѣ иногда симпатична жена, а мужъ противенъ... Неужели домъ этой женщины долженъ

быть для меня закрытъ?.. Я знаю примѣры, когда интеллигентныя вполнѣ женщины разрывали старыя связи, старую дружбу съ тѣми домами, гдѣ мало почета оказывали ихъ несимпатичнымъ мужьямъ... Господа!.. Замѣчаете вы, въ какихъ сѣтяхъ мы всѣ запутались?.. И эти несчастныя барыньки не только сами себя считали образцовыми женами за такое рабство... Нѣтъ!.. Находились и мужчины, которые ставили эту супружескую глупость въ примѣръ другимъ... Ахъ! До чего у насъ мало развито уваженіе къ личности и чувство собственнаго достоинства!

— Этакъ, знаете, далеко можно зайти,—усмѣхнулся Радинъ.

Глаза Соболева вспыхнули.

— Куда угодно, Константинъ Алексѣевичъ! Куда угодно... Я ни передъ какими выводами не отступаю... И надѣюсь быть послѣдовательнымъ.

— Анна Егоровна, плесни-ка мнѣ стаканчикъ...

— Только при такихъ условіяхъ, не имѣя на своей совѣсти упрека въ томъ, что обезцвѣтилъ и обезличилъ жизнь другого, и не влилъ ему горечь въ душу... потому-что, согласитесь... какъ бы вы ни любили... но, если вы сильная индивидуальность, эта постоянная ломка себя, эти уступки и компромиссы для чужого спокойствія должны въ концѣ концовъ озлобить и разбудить желчь. Только при такихъ условіяхъ, повторяю, вы не можете винить себя, если любовь уйдетъ и вамъ предпочтутъ другого...

— Анна Егоровна... стаканчикъ...

Анна Егоровна нетерпѣливо повернулась къ мужу. Вѣки ея моргали. Она не понимала, чего отъ нея хотятъ? Тогда Марья Васильевна, тихонько улыбаясь, подвинула себѣ стаканъ Радина и налила ему чаю. Хозяйка такъ ничего и не замѣтила.

— А будетъ ли вамъ, батенька, легче отъ того,—вы ли виноваты, другой ли, когда фактъ на лицо?

— А! Это дѣло другое! Ужасно сознаніе, что потерялъ счастье по своей винѣ... Вотъ чего, думается, пережить нельзя....

— Вотъ я всегда тебѣ говорила, Константинъ Алексѣевичъ, что ты удивительно нетерпимъ—вдругъ взволнованно заговорила Анна Егоровна.—Сцѣпились они, знаете, въ одномъ домѣ съ марксистомъ... Чуть не до ножей дошло у нихъ... А онъ въ высшей степени интересный человѣкъ... Конечно, я захотѣла пригласить его къ намъ на пятницу... Константинъ Алексѣевичъ на дыбы! Какъ можно, разъ онъ самъ

народникъ?.. А если *я*... понимаешь *я*... симпатизирую ему больше, чѣмъ тебѣ? То есть его взглядамъ?

Она вдругъ вспомнила объ остывшемъ чаѣ и стала его жадно глотать.

— Ну... ну... еще ты взбунтуйся... Изъ дома сбѣгу тогда,— добродушно усмѣхнулся Радинъ.—Вредный вы человѣкъ, Михаилъ Ивановичъ. Вотъ заведется такая зараза подъ бокомъ и рухнетъ семейное счастье!

Михаилъ Ивановичъ бросилъ быстрый взглядъ на Анну Егоровну. Глаза ихъ встрѣтились на одно мгновеніе, и оба они покраснѣли.

Марья Васильевна нечаянно перехватила этотъ нѣмой обмѣнъ мыслей и что то дрогнуло въ ея душѣ. Она отставила чашку и стала слѣдить за Анной Егоровной.

Она знала многое, какъ зналъ и Михаилъ Ивановичъ. Анна Егоровна была сильнымъ человѣкомъ, шла замужъ по страстной любви, увлеченная радикализмомъ Радина, мечтая объ общественной дѣятельности, рука объ руку съ нимъ. Онъ очень любилъ жену и до сихъ поръ, хотя пережилъ нѣсколько увлеченій и доставилъ женѣ немало страданій. Но самый крупный надрывъ въ ихъ отношеніяхъ былъ вызванъ деспотизмомъ Радина. Онъ былъ, дѣйствительно, страшно консервативенъ во всемъ, что касалось семьи, жены, дѣтей, супружескихъ правъ и т. д. Отъ Анны Егоровны требовалъ непрерывной заботы и раздражался тѣмъ, что ни нужда, ни дѣти, ни годы не гасили въ ней ея молодыхъ порывовъ и стремленій, что вѣчно ее тянуло на люди, что она воскресную школу любила и дѣлала изъ нея нѣчто вродѣ культа, что семья не удовлетворяла ее. Она любила мужа, несмотря на всѣ эти недочеты семейной жизни, но, благодаря этимъ недочетамъ, она не была счастлива.

„Она тоже можетъ увлечься...“—вдругъ подумала Марья Васильевна.—„Вѣдь въ ней такъ много жизни и подавленной энергіи“...

Она все глядѣла, медленно блѣднѣя, на разгорѣвшіяся лица Михаила Ивановича и Анны Егоровны. И ей дѣлалось какъ то жутко.

А Михаилъ Ивановичъ продолжалъ:

— Я далъ Марьѣ Васильевнѣ слово никогда не посягать на выборъ ея друзей и знакомствъ... какъ бы я лично ни былъ антипатиченъ этимъ людямъ...

— Я вамъ тоже дала слово,—вдругъ тихо, но сурово промолвила она.

На нее всѣ оглянулись. Но она отвела глаза.

Она теперь припоминала, какъ часто Анна Егоровна, пока ей самой нездоровилось, уводила Соболева гулять въ лѣсъ, какъ много и горячо, и откровенно они тамъ говорили... Онъ возвращался задумчивый и часто повторялъ:

— А какая интересная натура эта Анна Егоровна!

Ну, что-жъ?... Развѣ она имѣетъ право мѣшать ихъ „дружбѣ", или какъ тамъ назвать то... что между ними возникаетъ?

Но проснувшаяся впервые ревность давала такую рвущую боль, что даже губы у Марьи Васильевны стали бѣлыми.

„Ничего у него не спрошу, ничего..." твердила она себѣ.— „Не хочу унижаться,—ни въ его, ни въ своихъ глазахъ... Пусть все выяснится само собой... Умру скорѣй, а не спрошу..."

А Михаилъ Ивановичъ уже спорилъ съ Анной Егоровной. Обыкновенно они во всемъ соглашались.

— Нѣтъ, этого я не понимаю,—горячо говорила Анна Егоровна.—Какъ это я не смѣю спросить, если вы хандрите? Вѣдь это меня мучитъ?

— Ну и мучьтесь про себя!

— Такъ не говоритъ тотъ, кто любитъ...

— Нѣтъ, позвольте... Это самое ужасное рабство любви, которое только можно себѣ представить... Это все равно, что душить, обнимая... душить другого прекраснымиточеными руками, думая, что даешь наслажденіе. Какъ вы не понимаете?.. Когда на сердцѣ кошки скребутъ... когда плакать готовъ отъ реальнаго ли огорченія, или же просто отъ хандры... А тутъ изволь улыбаться, дѣлать счастливое лицо... Развѣ эта гнусная комедія не насиліе надъ личностью? И все это во имя любви?

— Да позвольте! Какой же это союзъ душъ?—возмутился и Радинъ.—Это просто какая то торговая сдѣлка. Я у любимой женщины не смѣю спросить, почему она плачетъ?.. Да вы увлекаетесь, Михаилъ Ивановичъ! Пересаливаете... какъ всѣ неофиты...

— И не должны спрашивать, пока она сама не скажетъ... Больше того... Вы не должны замѣчать ея заплаканныхъ глазъ... Есть святыя слезы, которыя льются только въ мракѣ ночномъ и въ одиночествѣ... Говорить о нихъ—профанація... Чужая душа для насъ должна быть храмомъ, куда мы, какъ мусульмане, должны входить, обнаживъ головы и снявъ запыленную обувь... Нѣтъ! Это не равнодушіе, это высшая форма уваженія къ людямъ... Въ этомъ тоже надо воспитываться годами, поколѣніями... Мы до этого не доросли... Мы будемъ измѣнять себѣ и дѣлать ошибки... Пусть!.. Я это допускаю...

Но мы не должны повторять традиціонныхъ фразъ: „Если ты меня любишь, стряхнись... возьми себя въ руки... сдѣлай счастливое лицо... Потому-что твоя тоска угнетаетъ меня... А я хочу быть радостной“... Не твердите только, что быть самимъ собой во всякую данную минуту значитъ быть эгоистомъ... Какъ будто человѣкъ, женившись или сойдясь, долженъ сразу измѣнить всю свою психику?.. И кто не измѣнился, тотъ себялюбецъ?—Онъ вдругъ улыбнулся своей дѣтской свѣтлой улыбкой.—Умѣйте, mesdames, уважать чужую радость и чужую тоску!

— Браво! Вотъ это мнѣ нравится,—расхохотался Радинъ.— Анна Егоровна!.. Запишите это себѣ на память... У васъ довольно-таки деспотическій образъ мыслей... Вамъ надо, чтобъ чужая душа была передъ вами, какъ на ладони...

— Хорошо еще, что я хоть въ принципѣ допускаю существованіе этой чужой души,—ядовито усмѣхнулась Анна Егоровна.

Радинъ только прижмурился и почесалъ за ухомъ.

А рядомъ подъ шумокъ звучало опять:

— Вамъ съ сахаромъ, Михаилъ Ивановичъ?

— Нѣтъ... и полстакана только, Марья Васильевна... Благодарю васъ...

— Ну, и канительщики-же вы, господа!..—не вытерпѣлъ Радинъ.—Неужто это вы и поженившись будете такъ же щепетильничать? Вѣдь пойдутъ дѣти, такъ поженитесь...

— Я ничего не имѣю противъ этой корректности,—сухо возразила Марья Васильевна, упрямо молчавшая до сихъ поръ.—Не забудьте, что форма играетъ огромную роль въ нашей жизни... Это вырабатываетъ чувство „общественности“, что ли?.. Мы такъ склонны распускаться...

Наступила пауза. Каждый думалъ свое, но общность настроенія связывала ихъ всѣхъ невидимыми нитями. Вдругъ Радинъ заговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Ну, а какъ значится въ вашей программѣ, коли разлюбитъ одна только сторона?.. Уйти, значитъ... Безъ объясненій?.. А съ другой стороны, чтобъ никакихъ упрековъ?

Словно токъ пробѣжалъ по террасѣ и ударилъ въ грудь всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ. Всѣ встрепенулись, выпрямились и жгучими глазами поглядѣли на Соболева. Особенно Марья Васильевна. Она положительно не умѣла побороть своего волненія.

Михаилъ Инановичъ поднялъ рѣсницы, увидалъ ея страдающее лицо и съ мгновеніе глядѣлъ въ него съ болью, ища понять причину этого страданія. Онъ никогда не видалъ та-

кого выраженія въ глазахъ своей Маши, и это его испугало. Голосъ его зазвучалъ робко и невѣрно.

— Какъ можете вы думать, Константинъ Алексѣевичъ, что мы не обсудили вдвоемъ и этого пункта?.. На всякій случай, конечно... потому-что... что меня касается.. Впрочемъ, все равно!—вдругъ вспыхнулъ и страшно заторопился онъ, и ножъ, которымъ онъ все еще чертилъ что-то по скатерти, такъ и запрыгалъ въ его рукѣ, нестерпимо сверкая на солнцѣ.—Конечно, конечно она... Я говорю о Марьѣ Васильевнѣ... Она всегда свободна будетъ уйти... И ни слова... ни слова упрека не сорвется съ моихъ устъ... Я... я, кажется, языкъ вырвалъ-бы себѣ (необычайно страстно сорвалось у него)—еслибъ... дошелъ до упрековъ и забылся-бы... Нѣтъ любви безъ этой готовности на все... на все... для счастья другого... И какія тутъ могутъ быть обѣщанія и оправданія?.. Развѣ любовь сама по себѣ не есть высшая правда на землѣ?

— А если *вы* захотите уйти?

Этотъ вопросъ вырвался у Марьи Васильевны такъ стремительно, такъ ярко...

Невольно всѣ затаили дыханье. Чувствовалась растущая скрытая драма неразрѣшимыхъ пока еще жизненныхъ загадокъ въ этомъ вибрирующемъ голосѣ, въ потемнѣвшемъ взорѣ, въ измученной складкѣ губъ на этомъ женскомъ, уже не юномъ лицѣ.

У Анны Егоровны дрогнули ноздри и къ горлу подкатился клубокъ. Ей захотѣлось вдругъ плакать. Такъ жаль почему-то стало ей свою подругу.

„Онъ моложе и красивѣе ея и уйдетъ первый“... мелькнула мысль.—„Какая это будетъ драма!“

А вторая мысль была:

„Неужто и я имъ увлекусь?.. Это будетъ ужасное несчастье!“

Михаилъ Ивановичъ вдругъ полнымъ почти женственной мягкости жестомъ протянулъ черезъ столъ руку и покрылъ своей ладонью тихо трепетавшіе пальцы Марьи Васильевны.

— Я никуда не уйду,—улыбнулся онъ ей съ невыразимой нѣжностью.

Ея губы запрыгали. Она вдругъ встала, сердито отдернула свою руку и быстрыми шагами спустилась въ садикъ.

— Куда вы? Марья Васильевна?—окликнули ее Радины.

Но она шла, не оборачиваясь, все скорѣй и скорѣй, чувствуя, что ее душатъ слезы. Почему?.. Кто могъ-бы сказать? Ей было стыдно и страшно...

Михаилъ Ивановичъ схватилъ шляпу и торопливо сталъ пожимать руки хозяевамъ.

— Извините... Я пойду, — говорилъ онъ, виновато улыбаясь, съ видомъ провалившагося на экзаменахъ школьника, идущаго домой. — У нея, знаете?.. такіе нервы больные стали... Конечно... въ ея положеніи...

Радинъ, усмѣхаясь, глядѣлъ ему вслѣдъ. А жена его словно замерла у стола, склонивъ на руки свое задумчивое лицо.

VII.

Марья Васильевна на другой-же день хмуро сказала Соболеву:

— Я ничего не имѣю противъ вѣнчанія...

Онъ вспыхнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но задохнулся, крѣпко поцѣловалъ ея смуглую руку, тщетно поискалъ взгляда ея упрямо-опущенныхъ глазъ и, схвативъ шапку, выбѣжалъ изъ дачи.

Радиныхъ онъ нашелъ подъ густыми купами орѣшника, на краю обрыва, въ удивительно живописномъ мѣстечкѣ. Дѣти ихъ играли неподалеку.

— Согласилась,—бросилъ онъ, задыхаясь, на ходу.

— Слава Богу!—радостно отвѣтила Анна Егоровна и крѣпко пожала руку Соболева.

„Однако... она согласилась довольно легко,"—не могла она не подумать, и цѣлый рой мыслей поднялся въ головѣ ея, когда она припомнила вчерашнюю сцену.

Михаилъ Ивановичъ былъ совсѣмъ какъ ребенокъ и не зналъ даже первыхъ шаговъ, куда идти, съ чего начать хлопоты? Радинъ долженъ былъ обѣщать идти съ нимъ „всюду"...

— По такой жарѣ?—ужаснулся Константинъ Алексѣевичъ.

Но Анна Егоровна такъ пылко набросилась на него, что онъ уступилъ, кряхтя и вздыхая.

Они проговорили цѣлый часъ.

— Ну, а со школой какъ же?—спросилъ Радинъ.—Очень возможно, что ей придется оставить школу и перейти на амплуа младшей учительницы... Какъ улыбается этотъ планъ нашей властной Марьѣ Васильевнѣ?.. Вѣдь она никакъ лѣтъ десять самостоятельно дѣло ведетъ?

— По... позвольте,—растерянно началъ Соболевъ.—Я не слыхалъ о такомъ законѣ... чтобъ учительница... вы... выходя замужъ, теряла право на свое мѣсто... Собственно говоря,

чтобъ не терять своего положенія, она согласилась теперь вѣнчаться... Я только такъ и понимаю ея согласіе... Я зналъ ея взгляды раньше...

— Э, батенька!.. Вы совсѣмъ дитя, какъ я на васъ погляжу... Закона писаннаго, конечно, нѣтъ... Но въ жизни нашей развѣ дѣйствуютъ одни только писанные законы?.. Въ томъ-то и дѣло, что она управляется различными циркулярами, усмотрѣніями, распоряженіями всевозможнаго рода, которыя, не будучи узаконены, тѣмъ не менѣе, имѣютъ силу обычая... А что такое обычай?.. Несокрушимая сила... особенно въ инертномъ обществѣ, гдѣ день прошелъ, и слава Богу!

— А Софью Андреевну забылъ?—вмѣшалась Анна Егоровна, бросая на колѣни свое шитье.—Вышла замужъ и лѣтъ пять школу вела...

— Пока дѣти свои не одолѣли... Ну, тоже ты и скажешь... А сколько она манкировала? Не сама ты развѣ негодовала, когда у нея ребенокъ скарлатиной заболѣлъ, и школу закрыли на мѣсяцъ. А потомъ родила неудачно, мѣсяца два вылежала... Помнишь, ты сама жаловалась, что вы всѣ съ ногъ сбились, работая за нее?.. Стало-быть, боялись непріятностей для нея, если не требовали запасной учительницы?

— Ну, да вѣдь она безсмѣнно манкировала... То сама больна, то дѣти... Выговоровъ было много...

— И благодаря тому, что попечительница заграницей жила, все это съ рукъ ей сходило... Да человѣкъ она была мягкій... А попадись-ка такая штучка, какъ попечительница ***ской школы...

— Которая отказала учительницѣ, прослужившей двадцать три года, изъ за вздора какого-то? Возмутительно!—подхватилъ Соболевъ, ероша волосы.

— Вотъ въ томъ то и дѣло... Произволъ имъ данъ непомѣрный, и учительскій персоналъ ничѣмъ не гарантированъ отъ подобныхъ несправедливостей... И потомъ, Анна Егоровна, ты чисто по женски сводишь споръ принципіальный на личную почву... Что твоя Софья Андреевна доказываетъ? Это исключеніе, а мы говоримъ объ установившемся обычаѣ. Я тебѣ двадцать примѣровъ приведу, гдѣ учительницы, не только старшія, а даже младшія, выходя замужъ, лишались мѣстъ...

— Въ сущности, господа,—вмѣшался опять Соболевъ,—это даже справедливо... Когда на каждое изъ этихъ мѣстъ записано чуть не двадцать кандидатокъ... одинокихъ дѣвушекъ..

— Это бы еще съ полгоря, кабы одинокихъ,—перебила Анна Егоровна,—а то, по большей части, съ матерью, либо съ сестренками на шеѣ...

— Вотъ именно... Я это и хотѣлъ сказать,—благодарно улыбнулся ей Михаилъ Ивановичъ.—Согласитесь, что и городу пріятнѣе имѣть дѣло съ работницей, которую ея личная жизнь не будетъ такъ властно и непрошенно отрывать отъ дѣла...

— Господа!.. (Радинъ весь сморщился и поднялъ вверхъ руки съ ярко-розовыми влажными ладонями).—Побойтесь Бога! Что вы такое говорите? Вы сами, стало быть, защищаете этотъ жестокій обычай, лишающій городскую учительницу и вообще учительницу—любви, счастья, семьи?.. Это теперь, когда надо стремиться всѣмъ и каждому отстаивать *личность*, бороться за ея права, желать, чтобы каждая женщина, каждая дѣвушка жила полной жизнью, не калѣча себя?

— Не забудьте тѣхъ, у кого не только счастья, а и хлѣба нѣтъ,—глуховатыми звуками кинулъ Соболевъ.

Радинъ сѣлъ на травѣ, поджавъ, какъ турокъ, подъ себя ноги, и надѣлъ на затылокъ свою панаму, потому-что въ этой позѣ солнце пекло ему въ спину.

— Не будемъ, господа, смѣшивать экономическіе вопросы съ чисто-этическими... Подчасъ, какъ это ни странно, они непримиримы. Женскій вопросъ—это одно... Борьба за личность и ея права—другое... Мы всѣ—русскіе—чрезвычайно высоко ставимъ... теоретически... профессію учителей, какъ общественныхъ дѣятелей... Какихъ только требованій мы имъ не предъявляемъ? А на самомъ дѣлѣ мы только и дѣлаемъ, что подкладываемъ имъ камни подъ ноги... Не говоря уже о матеріальной необезпеченности... На что мы обрекаемъ эту лучшую часть нашей интеллигенціи?.. На одиночество... А какъ это отражается на психикѣ учительницъ? Думаете ли вы, что такая жестокая дилемма—бросить любимое дѣло, либо отказаться отъ личнаго счастья—не нарушаетъ душевнаго равновѣсія?.. Да и учителя тоже... Такіе нищенскіе оклады не даютъ возможности жениться... Ужъ о сельскихъ учителяхъ даже говорить совѣстно... Я самъ изъ Смоленской губерніи, гдѣ земство бѣдно... Тамъ есть уѣзды, гдѣ сельскія учительницы получаютъ по пяти рублей, по восьми въ мѣсяцъ... Не нищенство это развѣ?.. Имъ дѣтямъ образованіе не на что дать... Живутъ какъ, глядѣть страшно!.. А еще у насъ духу хватаетъ требовать, чтобъ онѣ на высотѣ положенія стояли... Фарисеи мы—вотъ что!.. Въ результатѣ что-же?.. Законъ не воспрещаетъ учителямъ и учительницамъ

браки, а нужда и обычай коверкають жизнь учителей, разбивають ее въ дребезги... И педагогическій міръ лишается своихъ лучшихъ силъ двумя путями,—либо обезличивая учителя, лишая его энергіи, душевной гармоніи, дѣлая изъ него, словомъ, машину... либо выбрасывая его... либо ее... за бортъ... Оттого у насъ нѣтъ и никогда не будетъ постояннаго учительскаго персонала, какъ заграницей, напримѣръ... Возьмется за дѣло молодая, пылкая душа... Поработаетъ годъ, два, даже пять лѣтъ среди самыхъ тяжкихъ условій... Попробуйте бросить въ нее камнемъ за то, что она устанетъ работать и жить односторонне, однобоко... за то, что она почувствуетъ отвращеніе къ окружающему и захочетъ хоть крупицы личнаго счастья!

Онъ смолкъ. На него жадно глядѣли двѣ пары сверкающихъ глазъ.

— Да!.. Нельзя безъ счастья!—сильно и страстно вырвалось у Соболева.

— Нельзя,—коротко и покорно какъ-то вздохнула Анна Егоровна.

— И не надо!.. Главное не надо, господа! Не съ того конца вы беретесь за дѣло... Можно подумать, васъ слушая, что счастье—это неизбѣжное зло... Нѣтъ! Счастье ничему не мѣшаетъ. Оно право каждаго... Не забывайте этого никогда... пожалуйста не забывайте! Пріѣлась мнѣ вся эта скопческая мораль!

Соболевъ взглянулъ на часы и заторопился.

— Боже мой!.. Какъ я всегда у васъ заболтаюсь!—Константинъ Алексѣевичъ, голубчикъ, пойдемте на село, къ попу...—Мнѣ тянуть не хочется... Вѣдь скоро постъ.

Когда Анна Егоровна прощалась съ гостемъ, Радинъ невольно оглянулся на жену. Она удивительно помолодѣла за этотъ годъ, раздражительность ея угасала. Она становилась какой-то женственной и кроткой... „И даже красивой“,—подумалъ Радинъ... И все это совпадало съ возникновеніемъ ея „дружбы“ съ Соболевымъ.—„Возможно, что и увлекается“,—удивленно думалъ Радинъ, шагая рядомъ съ Михаиломъ Ивановичемъ мимо плетней къ большой дорогѣ.— Не угомонилась еще... Много у нея оказывается силъ... И душа молодая совсѣмъ... И обидно какъ-то, что этотъ красивый порывъ гаснетъ безслѣдно... и даже незамѣченный... Бѣдняжка!..

Какъ это ни странно, но онъ съ своей сложной душой умѣлъ становиться на чисто эстетическую точку зрѣнія и видѣть извѣстную красоту положенія въ этомъ душевномъ

разладѣ у Анны Егоровны. Ему было искренне жаль жену. Жаль и себя. Но, конечно, онъ былъ радъ, что эти „красивые“ порывы не встрѣтятъ взаимности. Ревновать жену ему не приходилось до сихъ поръ. Однако онъ чувствовалъ смутно, что способенъ и сильно страдать отъ ревности, и выкинуть самыя дикія выходки, несмотря на годы и на весь свой „эстетизмъ“.

— А что, скажите—уже у самаго села точно вспомнилъ онъ—какъ глядитъ Марья Васильевна на эту дилемму относительно школы? Она ей приходила въ голову?

— Что вы? Что вы?—испуганно крикнулъ на него Михаилъ Ивановичъ.—Ей и въ голову не приходитъ мысль школу бросать... Развѣ безъ нея обойдутся? Если такихъ не цѣнить... Да нѣтъ, знаете?.. Это совсѣмъ невозможно... Вы, ради Бога, ничего ей не говорите... Не наводите на эту мысль... Она только зря измучается... Вѣдь такая женщина, какъ она... способна, кажется, возненавидѣть за такую жертву...

— Вы думаете?—тонко усмѣхнулся Радинъ и потрепалъ Соболева по плечу.

— Полноте, голубчикъ!.. Вы слишкомъ мало себя цѣните... либо о женщинахъ слишкомъ высокаго мнѣнія... О людяхъ, вообще,—быстро поправился онъ.—Я самъ цѣню и уважаю Марью Васильевну... Но вѣдь, согласитесь, не фанатикъ-же она...

Соболевъ задумчиво молчалъ.

VIII.

Они обвѣнчались черезъ двѣ недѣли въ сельской церкви за обѣдней. Пошли въ церковь версты за двѣ, какъ на прогулку. Марья Васильевна въ розовой ситцевой кофточкѣ и шерстяной юбкѣ.

— У меня ничего нѣтъ лучшаго, да и не къ чему,—сурово возразила она Аннѣ Егоровнѣ и той стало совѣстно за свое бѣлое батистовое платье, которое она надѣла по этому торжественному случаю.

— А изъ церкви пожалуйте къ намъ на пирогъ,—сказалъ Радинъ, бывшій шаферомъ невѣсты.—Мы даже наливки выпьемъ за ваше здоровье.

— У васъ, кажется, каждое воскресенье пироги пекутъ,—сухо возразила Марья Васильевна, какъ будто хотѣла сказать, что не желаетъ ничѣмъ выдѣлять этого дня.

— Ну и кремень-баба,—говорилъ, смѣясь, Радинъ женѣ.— Попался нашъ Мишенька ей въ ручки...

Соболевъ въ церкви очень волновался. Но Марья Васильевна была замѣтно сдержанна, какъ будто она давно уже рѣшила всѣ эти вопросы про себя. Такое-же самообладаніе высказала она и за пирогомъ, на террасѣ у Радиныхъ.

Тамъ опять, какъ мѣсяцъ назадъ, звучало:

— Угодно вамъ масла, Марья Васильевна?.. Позвольте, я вамъ буттербродъ сдѣлаю...

— Благодарю васъ, Михалъ Ивановичъ... Не хочется... Вы вотъ мнѣ лучше сардины передайте...

Радинъ хохоталъ до слезъ.

— Чему вы?—недовольно спросила его „молодая".

— Я думалъ, господа, что вы хоть теперь китайщину эту бросите...

— Что-же, въ сущности, измѣнилось?

— Да все, сударыня... Радикальнѣйшимъ образомъ... Вздумаетъ завтра Михаилъ Ивановичъ въ Кинешму переѣхать,— вы за нимъ должны послѣдовать... А сбѣжите вы, онъ васъ по этапу вернетъ... На то законъ...

Онъ долго шутилъ въ этомъ родѣ.

Соболевъ улыбался какъ-то виновато. А жена его слушала съ иронической усмѣшкой, полной сознанія своей силы, и энергичныя брови ея чуть вздрагивали.

„Она не дастъ ему счастья,"—думала тоскливо и тревожно Анна Егоровна, бросая украдкой взгляды на милое ей безконечно лицо Соболева.

Мѣсяцъ спустя, гуляя въ лѣсу, Марья Васильевна оступилась и упала очень неловко. Ночью начались боли. Михаилъ Ивановичъ, какъ безумный, безъ шапки и пальто прибѣжалъ за Анной Егоровной. Радина послали въ Москву за акушеромъ. Къ утру, въ страшныхъ мученіяхъ, Марья Васильевна родила недоношеннаго, мертваго ребенка.

Соболевъ плакалъ, какъ дитя.

— Полно вамъ, полно,—сама плача, утѣшала его Анна Егоровна, присаживаясь и гладя его по головѣ.—У васъ вся жизнь впереди... Еще дѣти будутъ...

— Анна Егоровна... Да вѣдь этого-то ребенка вся жизнь мнѣ не вернетъ... Поймите... Не вернетъ...

— Я никогда не видала такой сумасшедшей любви,— взволнованно говорила мужу Анна Егоровна.

Марья Васильевна поправилась не скоро. Цѣлыми днями она лежала на террасѣ, либо сидѣла въ глубокомъ креслѣ поблѣднѣвшая, обезсиленная, съ задумчивымъ лицомъ.

Михаилъ Ивановичъ былъ правъ. Этотъ ребенокъ унесъ въ свою раннюю могилу цѣлую полосу ихъ жизни, уже безвозвратно отжитой. Онъ былъ какъ-бы символомъ ихъ беззавѣтной страсти; онъ былъ зарей ихъ поэтической любви, догорѣвшей навсегда, и отблесковъ которой они оба жадно, но тщетно, искали въ глазахъ другъ у друга.

Незамѣтно измѣнилось все. Настроеніе было подавленное. Цѣлыми вечерами сидѣли они молча рядомъ, каждый думая свое, въ страхѣ предъ этой сложной жизнью, съ тайнымъ трепетомъ глядя въ черное августовское небо, на которомъ загадочно мигали нѣмыя звѣзды, какъ-бы напоминая этимъ печальнымъ людямъ объ ихъ ничтожествѣ, объ эфемерности жизни, о мимолетности счастья...

IX.

И опять наступила осень. Начался учебный сезонъ. Жизнь пошла врозь. Соболевъ, какъ и годъ назадъ, жилъ въ своей школѣ, на Разгуляѣ. Марья Васильевна въ своей, на Смоленскомъ рынкѣ. Долго они не могли привыкнуть къ этому послѣ дачи, ломали себя, чтобъ сосредоточиться и войти въ колею.

— Какая пагубная вещь—привычка!—говорила смѣясь Марья Васильевна.—А вѣдь есть люди, не имѣющіе привычекъ. Они сильнѣе насъ... Какъ-бы это воспитать въ себѣ это „безразличіе“?

Только къ концу сентября любимое дѣло захватило ихъ обоихъ. Михаилъ Ивановичъ засѣлъ за рефератъ для педагогическаго общества, обѣщанный имъ предсѣдателю еще съ весны. А къ Марьѣ Васильевнѣ явилась Радина съ просьбою поступить во вновь открывшуюся воскресную школу.

Та колебалась одно мгновеніе... Праздникъ... Они всегда съ Мишей ходили на „утренники“ въ театръ... Воскресенье—былъ ихъ день... Они не разставались.

— Видите-ли,—говорила между тѣмъ Анна Егоровна.—У насъ уже все наладилось съ одной барынькой... Очень даровитая и уже опытная... Она вела школу въ Смоленскѣ... Надо было ей, какъ на грѣхъ, влюбиться въ путейца какого-то... Его на станцію назначили... Она уѣзжаетъ вмѣстѣ съ нимъ... Это бабье!.. Никогда на нихъ понадѣяться нельзя!.. Вотъ я и прибѣжала къ вамъ... Къ кому же мнѣ еще обратиться?.. Знаю, голубчикъ, что вы страшно—заняты... Но вы хоть начните дѣло... Хоть полгода... Поставьте школу на

ноги... Коли устанете, мы найдемъ замѣстить кѣмъ... Я знаю, что вы не откажетесь...

— Конечно,—уже твердо отвѣтила Марья Васильевна.— Спасибо вамъ за довѣріе!

Михаилъ Ивановичъ былъ очень огорченъ этимъ извѣстіемъ, но промолчалъ.

— Нѣтъ, это хорошо,—говорила Марья Васильевна, радуясь, что энергія и физическія силы возвращаются къ ней.—Еслибъ я отказалась, Миша, я пожалѣла-бы... Мнѣ было-бы стыдно... Это дѣло такое широкое... Каюсь... я поколебалась... Видишь, какъ надо слѣдить за собой, чтобъ не опуститься!.. Два года назадъ я сама объ этомъ мечтала, только разбрасываться боялась... Вѣдь я раньше, когда была младшей учительницей, всю душу воскресной школѣ отдавала... Сдѣлавшись старшей, я не захотѣла двоиться...

— А теперь?

— А теперь это полезно, Миша... Я не устану, нѣтъ... Это для меня будетъ хорошей школой, повѣрь...

Жизнь сразу усложнилась, стала разносторонней, интересной и удивительно интенсивной. Тратилось много силъ и энергіи. Подъемъ нервовъ былъ напряженный. Наступали, конечно, неизбѣжные періоды реакціи. Хотѣлось только быть вдвоемъ, молчать, сидя рядомъ, тѣсно обнявшись... Страшно было думать о *завтра*, объ утрѣ, полномъ хлопотъ и требующемъ новой затраты силъ. Лекціи, педагогическое общество, театръ, пятницы у Радиныхъ,—они всюду были вмѣстѣ, вознаграждая себя за разлуку днемъ. Любовь ихъ была временами остра и сладостна, какъ въ первые дни. Ихъ тянуло другъ къ другу. Они постоянно думали одинъ о другомъ, и надо было сдѣлать огромное усиліе воли, чтобъ сосредоточиться на работѣ.

— Какой блескъ жизни даетъ любовь!—съ восторгомъ говорилъ Соболевъ.—Какъ легко работать и бороться, зная, что у тебя есть гдѣ отдохнуть!

О женитьбѣ ихъ знало только ихъ учебное начальство, отнесшееся вполнѣ безразлично къ этому факту. Попечительница въ школѣ Марьи Васильевны еще не возвращалась изъ заграничной поѣздки. Впрочемъ, Соболева не боялась осложненій съ этой стороны.

— Это моя личная жизнь, и вторгаться въ нее никто не имѣетъ права,—гордо говорила она Аннѣ Егоровнѣ, которая все „чего-то“ боялась.

Итакъ, никто изъ знакомыхъ не зналъ, что Соболевы обвѣнчаны, но увлеченіе ихъ ни для кого уже не

было тайной, и приходъ ихъ встрѣчался съ невольной усмѣшкой.

Открылось все неожиданно.

Кому-то по случаю юбилея подписывали адресъ, и Марья Васильевна вмѣсто дѣвичьей поставила фамилію своего мужа.

Слѣдующей должна была подписаться фельдшерица Степанова, ярая феминистка, до сихъ поръ бывшая одной изъ самыхъ пламенныхъ почитательницъ Марьи Васильевны. Она была когда-то ея любимой ученицей въ городской школѣ, и Соболева до сихъ поръ звала ее Катей...

Она такъ и замерла у стола, поднявъ перо.

— Что это такое?.. Что вы написали?.. Вы ошиблись,— остановила она Соболеву.

Марья Васильевна вспыхнула до бѣлка глазъ.

— Нѣтъ, Катя, я не ошиблась... *Теперь*—моя фамилія Соболева,—спокойно и вѣско подчеркнула она.

— Вы замужъ вышли?—крикнула Степанова, подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ и ухватившись руками за край стола. Перо упало и оставило на скатерти кляксу.

Всѣ оглянулись. Многіе перестали говорить и въ комнатѣ мгновенно наступила тишина.

— Что такое?—съ екнувшимъ сердцемъ съ другого конца комнаты спросила Анна Егоровна и быстрыми шагами подошла на помощь своему другу.—Въ чемъ дѣло?

— Марья Васильевна замужъ вышла,— презрительно и взволнованно отвѣтила Степанова.

— Съ вашего позволенія, Катенька,—иронически усмѣхнулась Марья Васильевна.

Многіе засмѣялись. Но большинство молча глядѣло на выразительныя лица обѣихъ женщинъ, еще недавно бывшихъ единомышленницами, а теперь мѣрявшихъ другъ друга глазами, какъ враги, готовые сцѣпиться. Чуялось нѣчто болѣе глубокое и сильное, чѣмъ простое, праздное любопытство въ этомъ маленькомъ инцидентѣ.

Степанова нервно засмѣялась, подписала подъ адресомъ свою фамилію и отошла отъ стола.

— Теперь мнѣ понятна ваша защита правъ личности,— кинула она Соболевой.—Помните, у Радиныхъ, мѣсяцъ тому назадъ?.. И вообще *вся* эта ваша неожиданная терпимость, которая тогда недаромъ показалась мнѣ подозрительной...

Брови Марьи Васильевны дрогнули.

— Я очень просила-бы васъ не продолжать на эту тему, Катя... Есть много болѣе интересныхъ вопросовъ,—мягко возразила она.

Она сѣла пить чай, чувствуя на себѣ любопытные взоры. Щеки ея пылали. Какое счастье, что мужъ не могъ придти нынче! Въ такія минуты лучше быть одной.

Она рано ушла, простившись съ одной хозяйкой.

По ея уходѣ всѣ заговорили разомъ. Шумъ поднялся, какъ въ ульѣ. И голосъ Степановой, рѣзкій и визгливый, вырывался изъ общаго гама.

— Измѣна!.. Измѣна!—кричала она, грозя кому-то длиннымъ пальцемъ.

Женщины, за рѣдкими исключеніями, безпощадно осудили Марью Васильевну, но уже по инымъ мотивамъ.

— Помилуйте... Увлечься юнцомъ на старости лѣтъ...

— Да какая это старость?.. Тридцать-три года?.. Побойтесь, mesdames,—вступился Радинъ.—Въ самомъ соку женщина.

— Онъ моложе ея... Какая пошлость!

— Почему пошлость?—сердилась Анна Егоровна.—Развѣ можетъ быть пошлымъ союзъ такихъ двухъ развитыхъ личностей, какъ они?

— Анна Егоровна... Вы себѣ противорѣчите,—напомнилъ кто-то.—Не вы-ли утверждали, что семейная жизнь обезличиваетъ обѣ стороны и принижаетъ уровень стремленій и запросовъ?

Тогда у Радиныхъ сорвалось слово *программа*. Узнали, какъ оригинально живетъ молодая пара, какъ ревниво оберегаетъ она права и личность каждаго... Припомнили, что они и сейчасъ въ обществѣ обращаются другъ съ другомъ, какъ чужіе. Опять мнѣнія раздѣлились. Однимъ это очень нравилось. Другіе находили это дикостью и манерничаньемъ.

— Въ корень глядите, въ корень,—кричалъ одинъ студентъ, поминутно поправляя сползавшіе съ длиннаго носа очки.—Вы только на результаты смотрите... Нѣтъ, считайтесь съ намѣреніями!.. Они прекрасны. Если даже у нихъ подъ конецъ все сойдетъ на старое и шаблонное... и жизнь окажется сильнѣе ихъ теорій,—поставьте имъ въ заслугу, что они боролись съ прозой и рутиной жизни, и съ ея растлѣвающимъ вліяніемъ, что у нихъ былъ идеалъ... Что они уступили, наконецъ, не безъ борьбы—и печали...

— Милый Сергѣй Петровичъ! Какъ это хорошо!—съ блеснувшими глазами подхватила вся порозовѣвшая и помолодѣвшая Анна Егоровна.—Господа, онъ правъ... Вы не умѣете цѣнить этихъ попытокъ найти новыя формы жизни и примирить личное счастье съ широкой, общественной работой... Вмѣсто того, чтобъ привѣтствовать это явленіе...

— Это непримиримо,—перебила Степанова.—Нельзя требовать подвига отъ человѣка, у котораго любимая жена, да дѣти...

— Абсурдъ! Тогда значитъ и мать, и сестра, всѣ мѣшаютъ... Кому дано вмѣстить, тотъ и вмѣститъ...

— Да и не о подвигахъ здѣсь рѣчь... Мы говоримъ о среднихъ людяхъ, а не о герояхъ... О легальной общественной работѣ, требующей тысячи жизней. Чему здѣсь мѣшаетъ счастье? Оно только помогаетъ,—спорили мужчины, враждебно глядя на Степанову.

Другіе же съ улыбкой слушали ее, не скрывая своего презрѣнія къ „феминизму".

Въ большинствѣ мужчины открыто становились на сторону Соболевой и индивидуализма вообще.

— Что ужъ о васъ говорить!—желчно, почти со злобой возражалъ фельдшерицѣ одинъ немолодой уже докторъ.—Дай волю такимъ, какъ вы,—искалѣчите вы дѣвушекъ своими бреднями... Подумаешь, мы вамъ враги... Да кто для женщинъ поработалъ больше,—мы, или ваша сестра? Вотъ вы поѣдомъ съѣсть Соболеву готовы всѣ.... А за что?.. Женщины, если не въ экономической сферѣ, то ужъ въ этической вѣчно тормазомъ служатъ... И нетерпимы вы всѣ... И злы... и предразсудковъ у васъ больше, чѣмъ у насъ... Отчего за свободу чувства не боретесь? Отчего?—(наступалъ онъ на фельдшерицу съ прыгающими глазами).—Приживетъ дѣвушка ребенка, кто въ нее первый камень броситъ? Вы—женщины... Мало того... И замужъ-то выйти—по вашему преступленіе...

— Ахъ, да пусть выходятъ!.. Какое мнѣ дѣло до нихъ!.. Мало развѣ такихъ, которыя „на племя" только и созданы?.. Но Марья Васильевна.... До тридцати лѣтъ дожить въ гордомъ одиночествѣ, не нуждаясь въ иллюзіяхъ брака и любви... И вдругъ сдаться такъ позорно... почти безъ борьбы!.. Да, да! Позоръ!—кричала она, зажимая уши и тряся головой.—Съ крышъ, съ колоколенъ готова кричать, что это измѣна... А я-то считала ее изъ „нашихъ"...

— Кто это „наши"?—серьезно, безъ малѣйшаго задора подхватилъ студентъ Сергѣй Петровичъ, когда фельдшерица отняла руки отъ ушей.

— Третій полъ... Тѣ, о комъ Мечниковъ писалъ, чье царство онъ предрекъ... Женщины—работницы... Одинокія и сильныя...

— А, по вашему, онѣ есть?

— О!.. Еще-бы!.. Ихъ немного, да вѣдь это новое тече-

ніе... Не забывайте... Потомъ ихъ будетъ много... И все, что будетъ отвоевано женщинами въ области расширенія ихъ правъ и дѣятельности,—это будетъ наша работа... Намъ будутъ обязаны, а не семейнымъ... Семейныя идутъ въ хвостѣ этого движенія... Вровень съ нами имъ мѣшаютъ идти и дѣти ихъ, и привязанности, и мелочи жизни...

— Въ этомъ много правды,—согласился студентъ.

Споръ разгорѣлся еще жарче.

— Я стою только за дифференціацію,—доносился визгливый голосъ фельдшерицы.

— Это, во всякомъ случаѣ, уродливое, нежелательное и преходящее явленіе... вашъ феминизмъ...

— Пусть,—соглашалась она.—Но онъ неизбѣженъ при ломкѣ старыхъ устоевъ и созиданіи новыхъ общественныхъ формъ... И за нимъ останется его историческая заслуга...

— Стало-быть и мы, семейные, идемъ въ хвостѣ... и прогрессу не содѣйствуемъ?—мягко улыбнулся Радинъ.

— О, конечно!.. Семья, какъ ячейка, изъ которой неизбѣжно развивается узкій эгоизмъ, лишаетъ общество ея лучшихъ дѣятелей... отвлекаетъ ихъ силы отъ борьбы и работы... Нельзя служить Богу и мамонѣ... По крайней мѣрѣ теперь, въ наши дни... И Марья Васильевна тѣшитъ себя иллюзіями, что ей удастся совмѣстить несовмѣстимое... Кто продалъ свободу своей души за чечевичную похлебку, тотъ долженъ считать себя изъятымъ изъ великой общественной работы и борьбы... Надо бороться не за свободу любви... а за свободу *отъ любви*... Повѣрьте, не всѣмъ это подъ силу... И не всѣ пойдутъ на это... Но такія, какъ Марья Васильевна... Ахъ! Не могу я съ этой мыслью примириться... И, повѣрьте мнѣ, она дорого поплатится за свое ренегатство... И подѣломъ!

Ея глаза горѣли, одухотворенное лицо и жесты ея были такъ пламенны и зловѣщи, что у Анны Егоровны дрогнуло сердце.

Но мужчины, особенно Радинъ, смѣялись, онъ добродушно, а другіе торжествующе.

— Вотъ только программа ихъ того... старовата,—замѣтилъ одинъ учитель.—Семидесятые годы они повторяютъ...

— Не они... Жизнь ихъ повторяетъ,—горячо вмѣшался Сергѣй Петровичъ.—Смотрите вглубь, господа... Не одни они съ программами носятся...

Выходя съ своимъ пріятелемъ, только-что кончившимъ студентомъ, Сергѣй Петровичъ говорилъ:

— Удивительно, какъ близоруки наши сужденія вообще...

Взять хотя-бы этотъ феминизмъ... Вѣдь это сила, съ которой на Западѣ уже считаются... И значеніе его еще далеко не оцѣнено... А у насъ-то?

— Бебель зато его хорошо оцѣнилъ... Вѣдь это, въ сущности, одинъ изъ микробовъ, обусловливающихъ разложеніе трупа... И враждебность буржуазно-мыслящихъ людей къ этому явленію вполнѣ понятна...

— А мнѣ эта Степанова — что хотите — нравится, да и все,—задумчиво говорилъ Сергѣй Петровичъ.—Я люблю... я очень цѣню въ людяхъ цѣльность... А она точно изъ гранита высѣчена... Вотъ подите-жъ!.. Новый типъ, несомнѣнно... А тоже семидесятыми годами отзываетъ... Странно! Какъ жизнь повторяется...

X.

А Марья Васильевна всю ночь не спала отъ волненія. Разрывъ—теперь уже очевидный—съ Степановой былъ ей очень тяжелъ.

Эта Степанова выросла на ея глазахъ; дочь бѣдной торговки, некрасивая и заморенная нуждой дѣвочка, она попала въ классъ Марьи Васильевны въ городской школѣ, (этой самой, гдѣ жила Соболева)—и выказала необыкновенныя способности. Отъ Марьи Васильевны впервые дѣвочка увидала и ласку, и заботу, и вниманіе. Она страстно привязалась къ учительницѣ. Много души положила Марья Васильевна на нее и на Женю Зотикову, крестьянку и фабричную, поступившую въ воскресную школу. Это было лѣтъ двѣнадцать назадъ.

Теперь обѣ дѣвушки, благодаря энергіи Марьи Васильевны и ея неустаннымъ хлопотамъ, окончивъ гимназію и фельдшерскіе курсы,—служили,—одна при частной больницѣ въ Москвѣ, другая въ Челябинскѣ, на переселенческомъ пунктѣ.

У Жени Зотиковой, когда она была еще ребенкомъ, умерла мать, и Марья Васильевна поселила у себя круглую сироту. Фабрика была брошена, дѣвочка подготовлялась въ школу, затѣмъ въ гимназію.

„Это—дочка моя,“—съ гордостью говорила о ней Марья Васильевна.

Зотикова и теперь изъ Челябинска посылала ей пространныя письма, спрашивала совѣтовъ. Для нея, Степановой и многихъ другихъ Марья Васильевна была авторитетомъ и какъ-бы идеаломъ.

За послѣдніе только два года, Степанова заваленная работой и отвлеченная новыми, жгучими интересами и знакомствами среди „четвертаго сословія,"—видалась уже рѣже съ Марьей Васильевной, какъ-бы отодвинулась отъ нея. Тѣмъ не менѣе, разрывъ былъ для обѣихъ тяжекъ.

Долго еще бракъ Марьи Васильевны служилъ темой оживленныхъ споровъ. А разглядывали „молодыхъ" съ интересомъ, словно раньше ихъ никогда не видали.

Радинъ угадалъ. Марья Васильевна была опять беременна.

— Воображаю, сколько толковъ было-бы, этакъ черезъ мѣсяцъ—два, не знай „они" всѣ, что я обвѣнчана,—съ горечью говорила она мужу.—Сколько ненависти встрѣчаетъ дѣвушка-мать прежде всего среди женщинъ!

XI.

Рождество эту зиму прошло очень оживленно. Марья Васильевна по примѣру прежнихъ лѣтъ дѣлала школѣ елку, и Михаилъ Ивановичъ долженъ былъ ей во всемъ помогать.

Раньше всегда приходила и Степанова. На этотъ разъ ея не было. За то пришли Радины, „статистикъ" Смирновъ и многіе изъ старыхъ пріятелей.

— А вы, говорятъ, школу бросаете?—сказалъ Марьѣ Васильевнѣ „статистикъ".

Она сдѣлала большіе глаза.

— Что за вздоръ!.. Откуда пошелъ этотъ нелѣпый слухъ?

— Въ управѣ слышалъ... Ваша помощница, Петрова, просилась на ваше мѣсто... И ей обѣщали, когда вы уйдете... А „кандидатки" наши такъ и всполошились... Вѣдь по пяти лѣтъ ждутъ вакансіи младшей учительницы.

Она помолчала нѣсколько мгновеній, блѣднѣя до самыхъ губъ.

— Мнѣ интересно узнать... откуда пошелъ этотъ слухъ?

Смирновъ засмѣялся и показалъ бѣлые и ровные, какъ у юноши, зубы.

О высшемъ принципѣ нравственности.

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Для того чтобы въ полной мѣрѣ оправдать принципъ гармоніи цѣлей, слѣдуетъ показать въ какомъ отношеніи онъ находится къ другимъ принципамъ, которые играли и до сихъ поръ продолжаютъ играть роль основныхъ принциповъ въ системахъ этики. Прежде всего здѣсь передъ нами выступаетъ такъ сильно распространенная теорія, которая кладетъ въ основу нравственности удовольствіе, для которой увеличеніе суммы удовольствій и уменьшеніе суммы страданій является высшею нравственною цѣлью. Эта теорія извѣстна подъ именемъ гедонизма. Въ самой своей первоначальной формѣ, какую она приняла у Аристиппа, эта теорія отстаиваетъ удовольствіе минуты. Для Аристиппа одно мгновеніе не должно приноситься въ жертву другому или подчиняться ему. Порхай какъ бабочка отъ одного удовольствія къ другому, слѣдуя каждому вспыхнувшему въ тебѣ влеченію и не сообразуясь съ тѣмъ, что отъ этого послѣдуетъ для другихъ влеченій—для остальной твоей жизни, вотъ къ чему сведется высшее предписаніе этой морали. Здѣсь единичныя мгновенія жизни стоятъ изолированно другъ отъ друга, здѣсь нѣтъ и рѣчи о ихъ согласованіи другъ съ другомъ, объ установленіи между ними хотя какой нибудь гармоніи. По мѣткому выраженію Гефдинга, мы имѣемъ здѣсь „господство мгновенія". Принципу гармоніи цѣлей здѣсь абсолютно нѣтъ никакого мѣста, такъ какъ ни одна цѣль здѣсь не сравнивается съ другой, а слѣдовательно не можетъ итти рѣчь и объ установленіи между ними какого бы то ни было соотношенія, о какомъ нибудь полномъ, или хотя бы частичномъ согласованіи. Каждая цѣль господствуетъ здѣсь сама по себѣ, независимо отъ другихъ, имѣетъ самодовлѣющее значеніе. „Въ этическомъ отношеніи, это—самая радикальнѣйшая точка зрѣнія, какую только можно себѣ представить", говоритъ Гефдингъ, и далѣе вполнѣ справедливо онъ самъ же прибавля-

етъ, „что она устраняетъ всякую этику, такъ какъ исключаетъ всякую оцѣнку“ *).

Въ болѣе совершенной формѣ принципъ удовольствія выступаетъ передъ нами въ тѣхъ теоріяхъ, которыя провозглашаютъ его формулой „наибольшаго счастья наибольшаго числа людей“—въ такъ называемой утилитаріанской доктринѣ; здѣсь просто удовольствіе фигурируетъ передъ нами подъ именами счастья, пользы. Принципъ пользы или счастія стоитъ выше уже того принципа, въ которомъ имѣется въ виду только удовольствіе минуты и выше именно потому, что здѣсь уже рѣчь идетъ о сравненіи удовольствій между собою, о ихъ соподчиненіи другъ съ другомъ, объ образованіи изъ нихъ нѣкоторой гармонической системы, которую мы называемъ счастьемъ. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное удовольствіе становится здѣсь цѣлью только въ той мѣрѣ, въ какой оно гармонизировано съ остальными удовольствіями, въ какой оно способно войти въ систему удовольствій, называемую счастьемъ. Просто удовольствіе уже перестаетъ здѣсь быть самодовлѣющею цѣлью, и является таковою только въ той мѣрѣ, въ какой оно подчинено принципу цѣльности, единства и гармоніи. Этимъ самымъ, хотя и косвеннымъ путемъ, признается превосходство принципа гармоніи надъ принципомъ простого удовольствія. Но и само понятіе счастья въ формулѣ „наибольшаго счастья наибольшаго числа людей“ косвеннымъ образомъ подчиняется принципу гармоніи. Если высшею цѣлью нравственности является наибольшее счастіе наибольшаго числа людей, то, слѣдовательно, не всякое счастіе здѣсь можетъ быть оправдано съ этической точки зрѣнія, а только такое, которое находится въ гармоніи со счастіемъ наибольшаго числа людей. Счастье каждаго единичнаго человѣка здѣсь должно не только находиться въ возможно меньшемъ противорѣчіи со счастіемъ другихъ людей, оно должно находиться съ ихъ счастіемъ въ возможно болѣе совершенной гармоніи—только тогда и оно, какъ элементъ, имѣетъ право войти въ общую систему наибольшаго счастія наибольшаго числа людей. Счастіе отдѣльной личности только при условіи гармонизаціи со счастьемъ другихъ людей получаетъ здѣсь свое этическое оправданіе. Все это хотя и не формулируется открыто въ принципѣ „наибольшаго счастія“, теоріи такъ называемаго альтруистическаго утилитаріанизма, однако предполагается въ немъ скрытымъ образомъ. Только принципъ гармоніи даетъ намъ руководящее начало для выбора между тѣмъ или другимъ видомъ счастья или между счастьемъ той или другой отдѣльной личности. Счастіе такимъ образомъ фактически не является здѣсь самодовлѣющею цѣлью, а только въ той мѣрѣ, въ какой оно подчинено принципу гармоніи, цѣльности, единства. Въ этомъ отношеніи, чтобы еще болѣе выяснить, что удовольствіе, подъ какими бы именами оно ни выступало, подъ своимъ-ли собствен-

*) *Г. Гефдингъ.* Этика, стр. 20.

нымъ или подъ названіемъ „пользы“, „счастья“ и т. д., не можетъ быть верховнымъ принципомъ этики; полезно остановиться на той наиболѣе совершенной формѣ утилитаріанской доктрины, которую она приняла у Гефдинга.

Гефдингъ слова „польза“ и „счастье“ замѣняетъ словомъ „благополучіе“. Но и въ этой новой одеждѣ только въ еще болѣе отчетливой формѣ вырисовывается передъ нами то громадное значеніе, которое принципъ гармоніи имѣетъ въ области этики. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ тому, что понимаетъ Гефдингъ подъ словомъ „благополучіе.“ „Подъ словомъ благополучіе“ говоритъ онъ я подразумѣваю все, что служитъ удовлетворенію человѣческой природы въ ея цѣломъ“ *). И что особенно заставляетъ его предпочитать слово благополучіе всѣмъ другимъ словамъ, которыя предлагались утилитаріанистами, это то, что существуетъ одна сторона дѣла, которая выражается словомъ „благополучіе“ яснѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ. „Благополучіе“, говоритъ Гефдингъ, обозначаетъ именно *состояніе цѣльности.* Мгновенныя чувствованія страданія и удовольствія не даютъ критерія для цѣльнаго состоянія... Изъ единичныхъ изолированныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія нельзя вывести ничего точнаго; столь же мало можетъ насъ привести къ цѣли простое складываніе ихъ. Нужно, наоборотъ, изслѣдовать взаимную связь между отдѣльными чувствованіями и *общимъ характеромъ сознанія,* которому они принадлежатъ, т. е. дѣйствительнымъ *единствомъ его.* Точно также удовольствіе и страданіе единичнаго индивидуума должно быть разсмотрѣно въ связи съ цѣлымъ общественнымъ состояніемъ“ **). Все это совершенно справедливо, но все это въ то же время говоритъ и противъ самого Гефдинга, противъ того, чтобы считать благополучіе высшею цѣлью нравственной дѣятельности, противъ того, чтобы утверждать, что „послѣднимъ масштабомъ оказывается... удовольствіе и страданіе какого-нибудь болѣе или менѣе сознательнаго существа“ ***). Если нужно изслѣдовать связь между отдѣльными чувствованіями и общимъ характеромъ сознанія или сознаніемъ взятымъ въ его цѣломъ, то слѣдовательно этотъ общій характеръ сознанія или цѣлое сознаніе является здѣсь главнымъ опредѣляющимъ факторомъ. Это цѣлое сознаніе, имѣетъ большее значеніе, чѣмъ тѣ или другія отдѣльныя чувствованія удовольствія и неудовольствія, возникающія въ немъ. А кромѣ этихъ чувствованій удовольствія и неудовольствія мы открываемъ въ этомъ сознаніи другіе, не менѣе цѣнные элементы, которые не могутъ быть сведены къ чувствованіямъ удовольствія и страданія, а тѣмъ не менѣе имѣютъ большое значеніе въ психической жизни человѣка, обладаютъ цѣнностью, которая не уступитъ цѣнности чувствованій удовольствія. Я говорю

*) Тамъ же, стр. 30.
**) Тамъ же стр. 30.
***) Тамъ же стр. 81.

объ элементахъ воли и познанія, которые психологическій анализъ вынужденъ признать въ качествѣ своеобразныхъ элементовъ психической жизни, не могущихъ быть сведенными къ чувствованіямъ удовольствія и неудовольствія, хотя всегда и нерасторжимо связанныхъ съ ними. Итакъ, если общій характеръ сознанія является тѣмъ, что опредѣляетъ значеніе для нашей жизни тѣхъ или другихъ единичныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія, если при оцѣнкѣ этихъ послѣднихъ мы должны принимать во вниманіе цѣлое сознаніе, общій характеръ его, то на какомъ основаніи мы тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что послѣднимъ масштабомъ оказывается удовольствіе, на какомъ основаніи верховною цѣлью этики мы ставимъ благополучіе, подъ которымъ Гефдингъ понимаетъ „истинное“ счастіе или „истинную“ пользу. Въ дѣйствительности послѣднимъ масштабомъ оказывается цѣлое сознаніе, общій характеръ его, а высшею цѣлью гармонія всѣхъ цѣлей, но отнюдь не благополучіе, которое является только одной изъ цѣлей человѣческой дѣятельности, даже если мы и расширимъ понятіе благополучія до такой степени, что оно начинаетъ заключать въ себѣ болѣе того, что обыкновенно связывается съ этимъ названіемъ.

Гефдингъ остановился на полдорогѣ и не сдѣлалъ того послѣдняго шага, который еще оставалось сдѣлать, чтобы принципъ гармоніи цѣлей былъ признанъ во всей своей силѣ и яркости. Признавъ единство сознанія, общій характеръ его, имѣющими такое большое значеніе, Гефдингъ тѣмъ не менѣе не его, а чувствованія удовольствія или страданія выставляетъ, какъ послѣдній масштабъ. Ставя наоборотъ цѣлое сознаніе высшимъ масштабомъ, мы будемъ признавать не только за чувствованіями удовольствія, но и за всякимъ другимъ психическимъ содержаніемъ, будетъ ли оно намъ являться въ формѣ элементовъ познанія или воли, право играть роль одной изъ цѣлей нашей жизни, если только при постановкѣ этой цѣли принято во вниманіе все сознаніе въ его цѣломъ, въ гармонической связи всѣхъ его элементовъ. Понятіе цѣнности или оцѣнки отнюдь не связано съ чувствованіями удовольствія или неудовольствія, а съ тѣмъ мѣстомъ, которое тотъ или другой психическій элементъ занимаетъ въ цѣломъ сознаніи, съ его способностью содѣйствовать связи, гармоніи, цѣльности сознанія или наоборотъ нарушать эту связь, цѣльность и гармонію. Высшею цѣнностью въ психическомъ отношеніи обладаетъ все то, что ведетъ къ наибольшей гармоніи, цѣльности и связанности сознанія и все это встрѣчаетъ съ нашей стороны наибольшее одобреніе въ качествѣ цѣли нашей дѣятельности. Если это намъ и не всегда бываетъ вполнѣ отчетливо ясно, то фактически это всегда бываетъ такъ. Удовольствіе и страданіе ошибочно могли быть приняты за окончательную цѣль нашихъ дѣйствій, за послѣднее основаніе при выборѣ нашемъ между тѣми или другими поступками потому, что они являются показателями гармоніи или дис-

гармоніи жизни сознанія. Какъ термометръ насъ извѣщаетъ о состояніи теплоты, въ которомъ находится данное тѣло, такъ они насъ увѣдомляютъ о нарушенной или возстановленной гармоніи нашего сознанія. Но когда мы нагрѣваемъ тѣло и измѣряемъ это термометромъ, мы нагрѣваемъ его не для того, чтобы термометръ поднялся до извѣстной точки, а для того, чтобы нагрѣлось само тѣло и по показаніямъ термометра судимъ, имѣетъ ли это мѣсто или нѣтъ. Такъ и дѣйствуя, въ дѣйствительности, мы не ищемъ только тѣхъ или другихъ удовольствій и не стараемся только избѣжать тѣхъ или другихъ страданій. Сознаніе, которое находитъ свое выраженіе въ волевой дѣятельности, ищетъ только согласія съ самимъ собою, цѣльности, гармоніи, а удовольствіе или страданіе, какъ термометръ, только показываютъ ему, достигнута ли эта гармонія или нѣтъ. Вслѣдствіе естественной иллюзіи мы сосредоточиваемъ все свое вниманіе на показателѣ и считаемъ его за главную цѣль и эту иллюзію поддерживаетъ то обстоятельство, что удовольствіе, будучи однимъ изъ психическихъ элементовъ, какъ таковой обладаетъ извѣстною внутреннею цѣнностью. Играя большую роль въ психической жизни, ярко выступая въ извѣстные моменты на общемъ фонѣ сознанія, оно привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе и мы совсѣмъ почти забываемъ объ этомъ общемъ фонѣ сознанія, въ которомъ и заключается вся суть дѣла.

Остановимся еще болѣе подробно на тѣхъ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ, которыя Гефдингъ связываетъ со словомъ „благополучіе". „Благополучіе", говоритъ онъ, „было бы иллюзіей, если бы подъ этимъ словомъ понимать пассивное, навсегда созданное положеніе. Благополучіе должно состоять въ дѣятельности, въ работѣ... Однако, несмотря на это, мы не откажемся отъ нашего первоначальнаго опредѣленія благополучія, какъ прочнаго, длящагося состоянія удовольствія. Нужно только отбросить мысль о пассивномъ состояніи" *). Мы видимъ, что здѣсь въ понятіе благополучія вводится одинъ очень важный элементъ,— дѣятельность, работа, активное состояніе, однимъ словомъ воля въ рядѣ ея обнаруженій, но этотъ элементъ въ концѣ концовъ оказывается тоже подчиненнымъ удовольствію т. е. является только средствомъ для „прочнаго длящагося состоянія удовольствія", а не поставленъ съ удовольствіемъ на одну ногу и не признанъ въ качествѣ возможной цѣли, независимо даже отъ связанныхъ съ нимъ чувствованій удовольствія. Вотъ почему если даже взять слово благополучіе даже въ такомъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ беретъ его здѣсь Гефдингъ, то и оно не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя можетъ себѣ ставить человѣкъ, потому что и въ этой формѣ оно является только тѣмъ же удовольствіемъ, какимъ оно являлось и во всѣхъ другихъ утилитаріанскихъ системахъ, только одѣтымъ въ болѣе до-

*) Тамъ же стр. 84.

рогіе и богатые наряды. Но суть дѣла здѣсь осталась одна и та же. Высшая цѣнность признается только за одной изъ формъ психической жизни, а именно за чувствованіями удовольствія, а остальное содержаніе сознанія лишено самостоятельнаго значенія, и играетъ по отношенію къ этимъ чувствованіямъ только чисто служебную роль. Взглядъ этотъ глубоко противорѣчитъ мыслямъ, которыя Гефдингъ развиваетъ въ своей „Психологіи" о равноцѣнномъ значеніи элементовъ познанія, чувствованія и воли въ области душевной жизни, о ихъ несводимости другъ на друга и о томъ, что изъ всѣхъ элементовъ психической жизни первенство принадлежитъ волѣ, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ активности вообще. Воля можетъ хотѣть самое себя, т. е. хотѣть дѣйствовать не ради связанныхъ съ этимъ чувствованій удовольствія, но и ради самой себя, хотѣть дѣятельности ради дѣятельности или лучше ради того, что это связано съ наибольшей цѣльностью, гармоніей и единствомъ сознанія. Воля въ ея болѣе узкомъ пониманіи, т. е. въ смыслѣ дѣятельности, сообразно тѣмъ или другимъ напередъ поставленнымъ цѣлямъ, есть высшая форма сознанія вообще, форма, въ которой сознаніе достигаетъ своей наивысшей гармоніи, цѣльности и единства. Такимъ образомъ дѣятельность ради осуществленія тѣхъ или другихъ цѣлей есть сама самая высшая цѣль, потому что эта цѣль въ наибольшей степени содѣйствуетъ объединенію, цѣльности и гармоніи сознанія, т. е. чѣмъ болѣе эта дѣятельность имѣетъ въ виду объединеніе ряда послѣдовательно ставимыхъ цѣлей въ одну гармоническую систему цѣлей. При этой формѣ дѣятельности, принявшей характеръ установленія гармоніи между цѣлями, и сознаніе достигаетъ своей самой высшей возможной для него цѣльности, гармоніи и единства. Удовольствіе, счастіе, польза, благополучіе, какое широкое пониманіе не соединялось бы съ этимъ послѣднимъ словомъ, не является послѣднею, конечною цѣлью, такою цѣлью можетъ быть только общая система всѣхъ цѣлей человѣческой жизни, безпредѣльно расширяющаяся, и только эта общая система цѣлей, гармонически связанныхъ между собою, можетъ послужить оправданіемъ для постановки удовольствія, счастія, пользы, благополучія, или чего бы то ни было другого, какими хотите назовите именами, въ качествѣ одной изъ цѣлей человѣческой дѣятельности.

Мнѣ предстоитъ теперь довольно трудная и сложная задача, показать, въ какомъ отношеніи принципъ гармоніи цѣлей стоитъ къ понятію безусловнаго долга и вообще къ этикѣ категорическаго императива, формулированной Кантомъ.

Въ этикѣ Канта центральнымъ является понятіе „доброй воли". Добра только та воля, которая согласна съ своимъ истиннымъ назначеніемъ, которая исполняетъ свою обязанность и притомъ исполняетъ свою обязанность ради самой обязанности, безъ всякихъ другихъ какихъ либо постороннихъ видовъ и соображеній. Только такая воля добра сама въ себѣ. Обязанность есть

законъ. Истинно добрая воля исполняетъ законъ только изъ уваженія къ закону. Правило истинно добраго поступка должно согласоваться съ закономъ. Законъ въ строгой всеобщности приложимъ къ каждой волѣ, ко всѣмъ разумнымъ существамъ. Слѣдовательно правило поступка бываетъ добрымъ, „когда я могу желать, чтобы мое правило сдѣлалось всеобщимъ закономъ". Остановимся пока на этихъ мысляхъ Канта и посмотримъ, въ какой онѣ находятся связи и отношеніи къ тѣмъ мыслямъ, которыя я здѣсь развиваю. Этика Канта тоже содержитъ въ себѣ зародышъ, изъ котораго можетъ быть развита „этика гармоніи цѣлей" и показать это тѣмъ болѣе важно, что тѣмъ ярче обрисуется все значеніе „этики гармоніи цѣли", къ которой неизбѣжно приводятъ столь различныя направленія въ этическихъ ученіяхъ, какъ, напримѣръ, утилитаріанизмъ и мораль безусловнаго долга.

Въ самомъ дѣлѣ, мы охотно признаёмъ основныя посылки Канта и готовы вмѣстѣ съ нимъ исходить изъ понятія „доброй воли". Итакъ добрая воля только та, которая согласна со своимъ назначеніемъ, которая исполняетъ свою обязанность. Но въ чемъ же состоитъ назначеніе воли? Какова ея обязанность? Эта обязанность должна вытекать изъ природы самой воли, а не быть извнѣ навязана ей; если она будетъ извнѣ навязана, то она будетъ имѣть произвольный характеръ, будетъ чужда самой волѣ и не будетъ соотвѣтствовать ея назначенію. Но какова же природа воли? Мы видѣли, что воля есть постановка цѣлей, что постановка каждой цѣли въ отдѣльности предполагаетъ объединяющую дѣятельность сознанія и что чѣмъ выше поднимается развитіе воли, тѣмъ больше эта объединяющая дѣятельность отъ одной цѣли распространяется на все бо́льшую и бо́льшую совокупность ихъ. Назначеніе воли, которое вытекаетъ изъ ея природы, а не навязывается ей извнѣ, объединеніе того міра цѣлей и связанныхъ съ ними дѣйствій, которому она даетъ начало. Это высшая, самая первоначальная и основная обязанность воли, всѣ остальныя обязанности ея уже только вытекаютъ изъ этой послѣдней. Первоначальная обязанность воли — стремиться къ гармоніи, цѣльности и единству между тѣми цѣлями, которыя она ставитъ, и эту обязанность она должна исполнять ради самой обязанности, а не ради какой-либо другой посторонней цѣли. Потому что ни одна цѣль, отдѣльно взятая, не можетъ быть больше всей системы цѣлей и должна войти въ нее только какъ отдѣльная составная часть. Не она служитъ оправданіемъ для всей системы цѣлей, а вся система цѣлей служитъ оправданіемъ для нея. Но сама система цѣлей, если только она не входитъ какъ часть въ другую болѣе широкую систему цѣлей, есть нѣчто безусловное, что имѣетъ значеніе само по себѣ, что есть добро само по себѣ, что не нуждается ни въ какомъ оправданіи. Гармонія цѣлей есть законъ, законъ самой воли, вытекающій изъ ея природы и истинно добрая воля исполняетъ этотъ законъ изъ уваженія къ самому закону, изъ уваженія къ самой себѣ, потому что этотъ законъ

служитъ выраженіемъ ея истинной сущности, потому что возможно болѣе совершенное исполненіе этого закона есть вмѣстѣ съ этимъ достиженіе и самою волею возможно болѣе полнаго совершенства. Правило истинно добраго поступка должно согласоваться съ этимъ закономъ гармоніи цѣлей. Истинно добрымъ поступкомъ является тотъ, цѣль котораго представляетъ одинъ изъ составныхъ элементовъ гармонической системы цѣлей. Правиломъ истинно добраго поступка является его гармонизированіе со всѣмъ безпредѣльнымъ рядомъ нашихъ другихъ поступковъ. Этотъ законъ гармоніи цѣлей въ строгой всеобщности приложимъ къ каждой волѣ, ко всѣмъ разумнымъ существамъ. При своемъ приложеніи къ каждой волѣ, ко всѣмъ разумнымъ существамъ онъ принимаетъ самую широкую форму, какую онъ только можетъ принять. Разъ мы приходимъ къ идеѣ закона, который могъ бы стать всеобщимъ закономъ, мы тѣмъ самымъ приходимъ къ идеѣ всеобщаго союза разумныхъ существъ, въ которомъ наша воля, какъ и воля всякаго другого разумнаго существа, перестаетъ себя разсматривать изолированно, и разсматриваетъ себя только какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ этой общей воли всѣхъ разумныхъ существъ. Но тогда и система цѣлей нашей индивидуальной жизни входитъ только какъ часть въ болѣе широкую систему цѣлей, которую долженъ себѣ ставить гармоническій союзъ разумныхъ существъ или, можно сказать, что система нашихъ цѣлей безпредѣльно расширяется, включая въ себя и тѣ цѣли, которыя ставятъ или могутъ ставить другія разумныя существа. Если мы теперь при совершеніи нашихъ поступковъ руководимся идеей о гармоніи такой безпредѣльно расширенной системы цѣлей, то можно въ полномъ смыслѣ этого слова сказать, что законъ нашей воли, въ строгой всеобщности приложимъ къ каждой волѣ, ко всѣмъ разумнымъ существамъ. Примѣненіе этой идеи, конечно, можетъ быть только далеко неполное и несовершенное, что будетъ зависѣть отъ степени развитія самой личности и всего человѣчества. Къ ея осуществленію, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и все человѣчество только постепенно приближается, не будучи однако никогда въ состояніи ее достигнуть вполнѣ. Эта идея только указываетъ то направленіе, въ которомъ должно совершаться развитіе нравственности, даетъ возможность только намѣтить послѣдовательныя ступени въ этомъ развитіи, но на верхнюю ступень человѣкъ никогда не поднимается, потому что, чѣмъ выше онъ поднимается, тѣмъ болѣе выростаетъ и та лѣстница, по которой онъ поднимается; но нравственность заключается не въ томъ, чтобы достигнуть вершины, а чтобы, руководясь свѣтлымъ огонькомъ, свѣтящимъ на этой вершинѣ, сдѣлавъ его своей путеводной звѣздой, непрерывно подниматься отъ одной ступени къ другой, все выше и выше, не жалѣя своихъ усилій. Расширять сферу своихъ цѣлей до предѣловъ возможнаго и стараться внести въ эту сферу возможно больше цѣльности, единства и гармоніи—вотъ высшая нравственность доступная

человѣку. Въ конечномъ предѣлѣ сфера цѣлей отдѣльной личности должна стать такой широкой, чтобы совпасть со сферой цѣлей всего человѣчества. Въ направленіи къ все большему и большему совпаденію этихъ сферъ и идетъ нравственное развитіе человѣка, какъ его приходится наблюдать въ историческомъ развитіи человѣчества. Но будетъ ли достигнуто полное совпаденіе? Кто знаетъ? Это такая безпредѣльная задача. Но если даже мы и предположимъ, что оно будетъ достигнуто, то все же лѣстница, по которой поднимался человѣкъ, выраcтетъ еще выше и на самой верхней ея ступени заблеститъ еще болѣе яркій огонь: система цѣлей человѣчества, какъ составная часть, войдетъ въ какую нибудь другую еще болѣе широкую систему цѣлей..:

Этика гармоніи цѣлей тѣмъ выгодно отличается отъ этики категорическаго императива или безусловнаго долга, что это не есть только формальная этика, какою является этика Канта. Форма и содержаніе въ ней тѣсно сливаются въ одномъ гармоническомъ единствѣ и равно приняты во вниманіе при формулированіи основного принципа нравственности. Не пустой формѣ здѣсь придано главное значеніе, причемъ все богатое содержаніе реальной жизни является какъ бы не имѣющимъ существеннаго значенія для задачъ нравственности, нѣтъ, и форма и содержаніе здѣсь выражены въ равной мѣрѣ въ ихъ значеніи для нравственности. Мы не скажемъ, вмѣстѣ съ Кантомъ, что „моральную цѣну придаетъ поступку не содержаніе его, а только форма", что „моральный принципъ есть не матеріальный, а формальный". Подобный выводъ получился у Канта потому, что онъ бралъ понятіе воли, забывая о содержащемся въ немъ понятіи цѣли. Но понятіе цѣли необходимо включается въ понятіе воли. И если разсуждать о волѣ, не принимая это во вниманіе, то можно прійти къ ложнымъ и одностороннимъ выводамъ.

Вѣдь воля и есть не что иное, какъ цѣлепоставляющая дѣятельность, и если исключить изъ понятія воли все то безграничное богатство цѣлей, которое она въ себѣ содержитъ, то мы и придемъ къ понятію „чистой воли", т. е. къ формѣ, лишенной всякаго содержанія. Но это не болѣе какъ безжизненный призракъ, который получился только потому, что съ реальной жизни мы совлекли ея плоть и кровь и такимъ образомъ остался одинъ скелетъ, едва уловимый въ своихъ очертаніяхъ. Принципъ гармоніи цѣлей, который мы защищаемъ здѣсь, имѣетъ въ виду не чистую волю Канта, не волю, изъ которой исключены всѣ эмпирическія цѣли, всѣ эмпирическія побужденія, т. е. все что составляетъ реальное содержаніе воли. Онъ беретъ волю, какъ она существуетъ въ дѣйствительности, въ ея нераздѣльной связи съ вѣчной постановкой эмпирическихъ цѣлей. Онъ видитъ волю только тамъ, гдѣ ставятся какія-бы то ни было опредѣленныя цѣли и если постановка такого рода эмпирическихъ цѣлей прекратилась, то вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и то, что можетъ быть еще называемо волей въ узкомъ значеніи этого слова. Без-

предѣльно расширяющійся рядъ цѣлей составляетъ здѣсь содержаніе, а гармонія, цѣльность, единство—представляетъ намъ ту форму, которая должна быть придана этому содержанію, тотъ законъ, которымъ дѣятельность воли должна направляться, если только воля хочетъ слѣдовать своему естественному назначенію, вытекающему изъ ея природы, а не навязанному ей извнѣ.

Для чего собственно Канту понадобилась чистая или только формальная воля? Установленіемъ этого понятія онъ хотѣлъ спасти то, что придаетъ нравственности ея высшее значеніе, т. е. ея абсолютный, безусловный характеръ. Нравственное дѣйствіе предполагаетъ абсолютную цѣль, между тѣмъ какъ каждая эмпирическая цѣль, есть цѣль относительная и, слѣдовательно, если мы погружаемся въ этотъ міръ относительныхъ цѣлей, если мы имѣемъ дѣло съ эмпирической волей, мы не найдемъ тамъ ничего такого, что бы могло имѣть безусловный и абсолютный характеръ, не найдемъ тамъ никакой цѣли, которая не была бы чѣмъ нибудь обусловлена. Но въ такомъ случаѣ мы не найдемъ тамъ и нравственности. Значитъ нравственность, если имѣть въ виду только эмпирическую волю, представится не болѣе, какъ иллюзіей лишенной всякаго значенія. Если нравственность еще гдѣ либо существуетъ и возможна, то это только при одномъ условіи, что кромѣ эмпирической воли, которая себѣ ставитъ только эмпирическія цѣли, возможна еще чистая воля, воля свободная отъ всякихъ эмпирическихъ побужденій, и надъ такой то только волей и можетъ имѣть силу безусловная цѣль, для такой только воли можетъ быть возможна нравственность.

Такимъ образомъ, идея чистой воли нужна для того, чтобы сохранить безусловный характеръ нравственности, чтобы защитить ее, какъ абсолютную цѣль. Но нуждается ли нравственность въ подобной защитѣ и развѣ нѣтъ возможности спасти абсолютный характеръ нравственности и не выходя за предѣлы дѣйствительной, реальной, эмпирической воли, не создавая фиктивное понятіе чистой воли, которое не можетъ быть реализовано въ нашемъ сознаніи никакимъ усиліемъ мысли? Это оказывается вполнѣ возможнымъ и именно при принятіи принципа гармоніи цѣлей, въ которомъ въ слитной формѣ получаетъ свое полное выраженіе, какъ абсолютный, такъ и относительный характеръ нравственности. Каждая цѣль въ отдѣльности имѣетъ условное и относительное значеніе, но вся система цѣлей, взятая какъ одно единое гармоническое цѣлое, имѣетъ безусловное значеніе; она, какъ безусловная цѣль, служитъ оправданіемъ и для каждой отдѣльной относительной цѣли, которую мы ставимъ въ нашей жизни. И въ той мѣрѣ, въ какой при постановкѣ той или другой отдѣльной эмпирической цѣли принята во вниманіе вся гармонически связанная внутри себя система цѣлей, въ той мѣрѣ и эта эмпирическая цѣль принимаетъ безусловный характеръ, т. е. характеръ нравственной цѣли. И въ этомъ смыслѣ каждая эмпирическая цѣль можетъ принять такой характеръ, т. е. получить

значеніе нравственной цѣли, а вся дѣятельность человѣка—характеръ нравственной дѣятельности. И такимъ образомъ относительное и абсолютное здѣсь сливаются въ одно цѣлое; будучи относительной, каждая цѣль въ то же время можетъ имѣть и абсолютный характеръ, если только она единовременно является, какъ членъ всей системы гармонически между собою связанныхъ цѣлей. Абсолютное здѣсь не можетъ быть иначе реализовано, какъ только при посредствѣ относительнаго, нравственная воля не можетъ получить своего выраженія иначе, какъ только въ эмпирической волѣ. Только будучи эмпирической, она можетъ быть въ то же время и нравственной: внѣ эмпирической воли нѣтъ никакой нравственности. Нравственность не по ту сторону жизни, но въ самой жизни, въ самомъ процессѣ ея, это высшее выраженіе, котораго процессъ жизни достигаетъ, будучи гармонизированъ непрерывной дѣятельностью разумной воли, т. е. воли, дѣйствующей подъ вліяніемъ идеи цѣльности, гармоніи и единства всей системы цѣлей человѣческой жизни. И все это вполнѣ согласуется съ тѣмъ пониманіемъ безусловнаго или абсолютнаго, какое придаетъ ему Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума" въ примѣненіи къ области теоретическаго познанія. Безусловное тамъ у него обозначаетъ направляющую идею, т. е. идею, сообразно которой должно развиваться наше опытное знаніе. Оно обозначаетъ границу или цѣль, къ которой опытъ долженъ стремиться, но которой онъ, какъ опытъ, никогда не можетъ достигнуть и не долженъ достигнуть. Если бы существовалъ безусловный или послѣдній принципъ опыта, полагаетъ Кантъ, то въ этомъ принципѣ всѣ опытныя сужденія имѣли бы свою общую основу, и въ такомъ случаѣ всѣ опытныя науки составляли бы только *одну* науку, и система человѣческаго знанія замыкалась бы въ нѣкоторое *единство*. Опытъ долженъ стремиться къ этой цѣли, т. е. долженъ *расширяться* и при томъ расширяться постоянно. Опытъ никогда не можетъ и не долженъ достигнуть этой цѣли, т. е. онъ не можетъ никогда закончиться, не можетъ дойти въ своемъ постепенномъ ходѣ до такого пункта, гдѣ бы онъ прекратился, какъ довершенный. Если же, такимъ образомъ, опытъ долженъ постоянно расширяться, не будучи никогда въ состояніи закончиться, то ясно, что царство и непрерывность опыта безграничны, какъ время и пространство. Опытъ долженъ стремиться къ этой недостижимой цѣли, т. е. при всякомъ расширеніи онъ долженъ имѣть въ виду единство своихъ познаній и постоянно стараться соединить всѣ свои части въ одно цѣлое науки. Эта идея цѣлаго или разумнаго единства составляетъ цѣль, стоящую передъ опытною наукою, — цѣль, къ которой она стремится, но которой никогда не достигаетъ, цѣль, которая требуетъ постояннаго расширенія нашего эмпирическаго знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же постояннаго соединенія эмпирическаго познанія въ одно правильно связанное цѣлое.

Вотъ великія и глубоко вѣрныя мысли, которыя развиваетъ

Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“ и намъ остается только примѣнить ихъ не къ области теоретическаго познанія, а къ области практическаго дѣйствія, и мы тогда неизбѣжно придемъ къ принципу цѣльности, единства и гармоніи цѣлей, какъ къ той безусловной цѣли, которая должна руководить насъ въ области чисто практической дѣятельности, которая должна быть высшимъ закономъ нашей воли. Безусловная цѣль и въ области нравственности можетъ обозначать только направляющую идею, т. е. идею, сообразно которой должна развертываться наша практическая дѣятельность. Она обозначаетъ границу, къ которой наша практическая дѣятельность должна стремиться, но которой она никогда не можетъ достигнуть. Если бы возможно было достигнуть безусловной цѣли нашей дѣятельности, осуществить практически послѣдній принципъ ея, то въ такомъ случаѣ всѣ отдѣльныя, частныя, опредѣленныя, особенныя, относительныя цѣли, всѣ наши эмпирическія цѣли составили-бы только одну гармоническую систему цѣлей. Наша практическая дѣятельность должна стремиться къ этому, т. е. должна расширяться и притомъ постоянно расширяться, чтобы захватывать въ свою область всѣ тѣ отдѣльныя цѣли, которыя только находятся въ предѣлахъ силъ человѣка, на которыя простирается могущество его воли. И этотъ процессъ расширенія человѣческой дѣятельности, расширенія системы цѣлей человѣческой жизни никогда не можетъ дойти до такой точки, гдѣ бы онъ прекратился, какъ законченный и довершенный. Царство цѣлей и непрерывный рядъ ихъ также безграничны, какъ пространство и время. Но, несмотря на то, что дѣятельность человѣка и область его цѣлей, такимъ образомъ, непрерывно расширяется, при всякомъ своемъ расширеніи разумная человѣческая дѣятельность должна имѣть въ виду единство своихъ дѣйствій, гармонію цѣлей, которыя предполагается достигнуть при посредствѣ этого ряда дѣйствій, должна постоянно стараться соединить всѣ цѣли въ одно гармоническое цѣлое. Эта идея цѣльности, гармоніи, единства безпредѣльно расширяющагося царства цѣлей составляетъ высшую, безусловную цѣль, стоящую передъ человѣческой дѣятельностью, цѣль, къ которой она должна постоянно стремиться, не будучи, однако, никогда въ состояніи ея достигнуть вполнѣ. И въ той мѣрѣ, въ какой эта цѣль постоянно имѣется въ виду отдѣльной личностью въ ея дѣятельности, дѣятельность этой личности пріобрѣтаетъ нравственный характеръ. Тогда каждая относительная цѣль является вмѣстѣ съ тѣмъ и отблескомъ абсолютной цѣли и тѣмъ самымъ на нее какъ бы налагается печать нравственности.

Вотъ путь, который мнѣ представлялся бы наиболѣе правильнымъ и естественнымъ съ точки зрѣнія самого Канта, въ вопросѣ объ опредѣленіи абсолютной цѣли и который неизбѣжно приводитъ насъ къ принципу гармоніи и единства цѣлей, какъ верховному принципу нравственности. Но Кантъ избралъ здѣсь другой путь и взялъ понятіе абсолютнаго въ совершенно дру-

томъ смыслѣ, въ которомъ оно заводитъ насъ въ цѣлую сѣть противорѣчій и приводитъ къ односторонним и ложнымъ выводамъ, стоящимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ міромъ дѣйствительной жизни.

Вмѣсто того чтобы разсматривать абсолютную цѣль, какъ направляющую идею, какъ границу, къ которой стремится постоянно развитіе воли, не будучи однако никогда въ состояніи ее достигнуть, какъ идеальное требованіе, которое мы въ качествѣ разумныхъ существъ предъявляемъ себѣ,—онъ придалъ ей значеніе дѣйствительности, вмѣсто того, чтобы видѣть абсолютное въ никогда не завершающемся единствѣ всѣхъ безпредѣльно расширяющихся цѣлей человѣческой жизни, онъ придалъ значеніе абсолютнаго только нѣкоторымъ изъ этихъ цѣлей человѣческой жизни. Такимъ образомъ, онъ пришелъ, какъ это совершенно вѣрно замѣчаетъ Іодль, къ немыслимому понятію „цѣли самой по себѣ"; хотя эта цѣль необходимо желаема всякимъ, но при этомъ существованіе ея съ точки зрѣнія результата не имѣетъ для насъ никакой цѣны, и именно поэтому она одна, какъ „абсолютная цѣнность" только и можетъ служить общимъ практическимъ закономъ. *) Всѣ остальныя цѣли являются относительными: онѣ представляютъ собою нѣчто цѣлесообразное, полезное, приложимое, онѣ имѣютъ значеніе средства. Напротивъ та цѣль, которая по природѣ своей никогда не бываетъ средствомъ, а всегда только цѣлью, будетъ въ отличіе отъ этихъ послѣднихъ абсолютною. Такимъ образомъ, абсолютная цѣль получила здѣсь значеніе, какъ одна изъ возможныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ человѣкъ въ ряду другихъ цѣлей жизни. Что же, по мнѣнію Канта, является такою абсолютною цѣлью? Нѣтъ ни средствъ, ни относительныхъ цѣлей безъ поставляющаго цѣли существа, т. е. безъ воли или практическаго разума. Разумное существо есть *лицо.* Лицо есть принципъ всѣхъ относительныхъ цѣлей, условіе, при которомъ только и возможны средства. Поэтому лицо никогда не бываетъ средствомъ, а всегда есть цѣль, абсолютная цѣль, само себѣ цѣль: лицо, какъ разумное существо, слѣдовательно человѣкъ, насколько онъ лицо, или способенъ быть лицомъ, слѣдовательно каждый человѣкъ. Лицо имѣетъ значеніе само по себѣ, его цѣна состоитъ въ самомъ существованіи его, а не въ той пользѣ, которую оно приноситъ другимъ: эта чисто моральная стоимость есть достоинство лица, человѣческое достоинство. Съ точки зрѣнія такого понятія объ абсолютной цѣли нравственный законъ принимаетъ у Канта форму такого предписанія: „поступай такъ, чтобы человѣчество, какъ въ твоемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого, служило тебѣ не средствомъ только, а вмѣстѣ и цѣлью". Эта формула нравственности представляетъ, по мнѣнію Іодля, такую же двусмысленную пустоту, какъ и другая формула нравственнаго предписанія, данная Кантомъ: „поступай такъ, какъ если бы пра-

*) Ф. Іодль. Исторія этики въ новой философіи, томъ II, стр. 16.

вило твоего дѣйствія должно было стать общимъ закономъ природы". Принципъ, данный въ этой формулѣ, „теряетъ всякое реальное основаніе, если отвлечься отъ того, какое значеніе нарушеніе его могло бы имѣть для общихъ и необходимо желаемыхъ цѣлей человѣчества,—т. е. для его благополучія и совершенствованія". *)

Остановимся болѣе подробно на всей этой цѣпи разсужденій у Канта, которую мы привели выше, и посмотримъ въ какихъ она нуждается поправкахъ съ точки зрѣнія этики гармоніи цѣлей. Мы уже выяснили, въ какомъ значеніи этика гармоніи цѣлей принимаетъ понятіе объ абсолютной цѣли. Исходя изъ этого понятія, эта этика считаетъ невозможнымъ то понятіе объ абсолютной цѣли, которое придаетъ ему Кантъ, и то, что онъ въ ряду другихъ цѣлей человѣческой жизни отличаетъ, какъ абсолютную цѣль, она считаетъ такою же относительною и эмпирическою цѣлью, какъ и всѣ прочія цѣли и въ равной мѣрѣ, какъ и всѣ прочія, подлежащею оцѣнкѣ и обусловленною идеею о гармонической совокупности всѣхъ цѣлей человѣческой жизни. Но признавая въ этомъ смыслѣ ея относительный характеръ, она тѣмъ не менѣе считаетъ полезнымъ и необходимымъ выдѣлить эту цѣль изъ области всѣхъ другихъ цѣлей, какъ обладающую особенно важнымъ и огромнымъ значеніемъ по сравненію со всѣми другими цѣлями человѣческой жизни, какъ такую относительную цѣль, которая стоитъ выше всѣхъ другихъ относительныхъ цѣлей. И съ этой точки зрѣнія она считаетъ полезнымъ то разграниченіе, которое Кантъ дѣлаетъ въ области цѣлей. Но однако и здѣсь она принуждена внести поправки и дополненія, чтобы избѣжать той „двусмысленной пустоты", которою страдаютъ формулы Канта. Очевидно, что изъ всѣхъ цѣлей человѣческой жизни наибольшее значеніе должны имѣть тѣ, въ которыхъ имѣется въ виду самъ человѣкъ, какъ разумное существо, какъ лицо, какъ практическій разумъ или воля, какъ источникъ постановки цѣлей и ихъ гармоническаго соединенія въ одно цѣлое. Эта цѣль, входя въ общую систему цѣлей и опредѣляясь ею, цѣлостностью и гармоніей этой системы, изъ всѣхъ отдѣльныхъ цѣлей представляется самой важной, такъ какъ она является главнымъ основнымъ средствомъ къ расширенію самой системы цѣлей и къ установленію въ этой системѣ наибольшей гармоніи. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія принципа гармоніи цѣлей изъ всѣхъ эмпирическихъ и относительныхъ цѣлей должно быть отдано предпочтеніе развитію воли, какъ все расширяющейся способности къ постановкѣ все болѣе и болѣе широкаго ряда цѣлей, а также какъ способности къ объединенію этого ряда цѣлей все въ большей и большей степени въ одно гармоническое цѣлое. Воля, эмпирическая воля, которая постоянно обнаруживается въ жизни, со всѣмъ неисчерпаемымъ богатствомъ заключающихся въ ней цѣлей, а не „чистая воля" въ смыслѣ

*) Тамъ-же, стр. 16.

Канта, „которая собственно ничего не хочетъ, не имѣетъ никакихъ цѣлей, кромѣ той, чтобы ея правило стало общимъ правиломъ“, *) является одною изъ первыхъ цѣлей человѣческой жизни. Эту волю мы должны развивать, какъ въ самихъ себѣ, такъ и въ каждомъ другомъ человѣкѣ, въ которомъ только она можетъ быть развита, потому что чѣмъ больше воля будетъ развита въ насъ и во всѣхъ другихъ людяхъ, тѣмъ шире будетъ царство цѣлей и тѣмъ больше въ немъ будетъ цѣльности, единства и гармоніи. Нравственная личность есть личность, въ которой воля развита въ наибольшей возможной степени, которая ставитъ наибольшее возможное количество цѣлей, связывая ихъ въ одно гармоническое цѣлое. Развитіе подобной личности есть эмпирическая цѣль, которая не можетъ сравниться по своему значенію ни съ какими другими эмпирическими цѣлями, она глубоко и неизмѣримо ихъ превосходитъ. Существованіе такой личности означаетъ ея непрерывную дѣятельность надъ расширеніемъ царства цѣлей, установленіемъ царства цѣлей и установленіемъ въ этомъ царствѣ гармоніи; внѣ дѣятельности, внѣ цѣлей, которыя личность сама себѣ ставитъ, она не имѣетъ еще какого либо другого существованія, которое обладало-бы еще какою-нибудь цѣнностью. Если понимать нравственную личность такъ, т. е. со всѣмъ тѣмъ богатствомъ цѣлей, которое она въ себѣ заключаетъ, со всѣмъ тѣмъ вліяніемъ, которое она оказываетъ на себя и другихъ, то можно признать, что она имѣетъ абсолютную цѣну. Но эту абсолютную цѣну она имѣетъ именно, какъ живое, непрерывное осуществленіе великаго нравственнаго закона гармоніи цѣлей, который неизгладимыми буквами начертанъ въ волѣ человѣка. Подымаясь во все выростающей и выростающей лѣстницѣ, до верхнихъ ступенекъ этой послѣдней, въ направленіи къ безусловному, человѣческая личность все въ большей степени начинаетъ озаряться тѣмъ уходящимъ въ даль огонькомъ, который горитъ на самой послѣдней ступени. И чѣмъ ярче она озаряется этимъ огнемъ, тѣмъ болѣе безусловную цѣну она получаетъ.

Понятіе объ абсолютной цѣнности нравственной личности есть опять таки не болѣе, какъ направляющая идея, т. е. идея, которая указываетъ, въ какомъ направленіи должно совершаться развитіе личности, чтобы она могла пріобрѣсти безусловную цѣнность, причемъ однако эта безусловная цѣнность не можетъ быть никогда осуществлена, въ направленіи къ ней можно безконечно приближаться, никогда однако ее не достигая. Безусловную цѣнность личность могла-бы пріобрѣсти только въ томъ случаѣ, если бы она могла безконечно расширить область своихъ цѣлей и въ этой области установить полную гармонію, если бы она могла хотѣть все то, что хотятъ другія разумныя существа, т. е. все человѣчество, ставшее разумнымъ, и даже всѣ другія

*) Іодль, т. II. стр. 16.

разумныя созданія въ мірѣ, если только они существуютъ, если бы она могла сдѣлать цѣли всего человѣчества и вообще цѣли всемірнаго союза всѣхъ разумныхъ существъ своими цѣлями и въ этой безпредѣльно расширенной сферѣ цѣлей установить цѣльность, единство и гармонію, тогда-бы личность пріобрѣла и безусловную цѣнность. Но это только путеводная звѣзда, въ направленіи которой должно совершаться развитіе нравственной личности. Такимъ образомъ, нравственный законъ мы формулируемъ въ нѣсколько иныхъ словахъ, чѣмъ это дѣлаетъ Кантъ. Мы бы выразили его такъ: „Стремись объединиться съ возможно большимъ количествомъ разумныхъ существъ въ одно цѣлое, такъ, чтобы цѣли этихъ существъ стали и цѣлями твоей жизни, развивай волю въ себѣ и въ возможно большемъ количествѣ другихъ живыхъ существъ, стремись къ тому, чтобы человѣчество составило одно цѣлое и чтобы воля всего человѣчества и твоя воля слились въ одномъ гармоническомъ единствѣ; работай надъ расширеніемъ въ средѣ человѣчества и вообще въ мірѣ царства цѣлей и надъ установленіемъ въ этомъ послѣднемъ все большей цѣльности, единства и гармоніи!“

Прежде чѣмъ кончить настоящую статью мы считаемъ необходимымъ остановиться еще болѣе подробно на самомъ процессѣ расширенія системы цѣлей и на доказательствѣ того, что это расширеніе постоянно и необходимо совершается, такъ какъ оно обусловливается природою самой воли. Принципъ гармоніи цѣлей только тогда можетъ быть правильно понимаемъ, если постоянно имѣется въ виду этотъ непрерывный процессъ расширенія самой системы цѣлей.

Всякое волевое дѣйствіе въ истинномъ смыслѣ этого слова всегда отличается характеромъ новизны. Оно, какъ это прекрасно показываетъ Пьеръ Жанэ, и какъ это подробно изложено нами въ другомъ мѣстѣ (см. наши статьи „Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія“ и „Формула развитія жизни“) представляетъ своего рода актъ творчества. Первая стадія въ этомъ актѣ творчества есть объединеніе или синтезъ, выражаясь научнымъ языкомъ, извѣстной совокупности образовъ (представленій), соотвѣтствующихъ тому, что должно быть исполнено нами или достигнуто нами, т. е. представляющихъ воспроизведеніе въ сознаніи ряда тѣхъ дѣйствій, которыя мы должны совершить, и того конечнаго состоянія, которымъ долженъ завершиться этотъ рядъ. Все это есть не что иное, какъ представленіе цѣли. За этимъ уже слѣдуетъ вторая стадія, т. е. совершеніе всего того ряда дѣйствій, который мы себѣ представляли.

Въ волевомъ актѣ самой важной является первая стадія, т. е. постановка цѣли или образованіе той объединенной совокупности образовъ (синтеза ихъ), которая служитъ для ея выраженія, и сосредоточеніе всѣхъ силъ сознанія на ясномъ, отчетливомъ представленіи этой цѣли. Усиліе воли должно быть затрачено именно въ этой области. Волевой актъ въ собственномъ смыслѣ этого

слова является актомъ внутреннимъ и заключается въ томъ, чтобы создать цѣль и удержать ее въ ясной отчетливой формѣ въ сознаніи, не давъ другимъ представленіямъ оттѣснить ее на задній планъ. Для этого требуется большое усиліе и это усиліе и есть собственно усиліе воли. Что же касается самаго выполненія цѣли, т. е. совершенія того ряда дѣйствій, который мы себѣ представляемъ, то оно носитъ механическій характеръ и должно быть отнесено не столько къ области воли въ собственномъ смыслѣ, сколько къ области психологическаго автоматизма. Этотъ рядъ дѣйствій развертывается самъ собою, если только цѣль въ ясной, отчетливой, опредѣленной формѣ удерживается нами въ сознаніи. Выполненіе этого ряда дѣйствій покоится на томъ законѣ, что всякій образъ, всякое представленіе имѣетъ тенденцію выразиться въ соотвѣтствующемъ ему движеніи, всякая идея дѣйствія самопроизвольно стремится перейти въ соотвѣтствующее дѣйствіе. Такого рода дѣйствія называются идеомоторными и они имѣютъ вполнѣ автоматическій характеръ. Попробуйте сосредоточить все свое вниманіе на мысли о какомъ-нибудь движеніи, напримѣръ на мысли о томъ, что ваша правая рука сгибается, и вы увидите, что рука дѣйствительно начнетъ сама собою сгибаться. Вся трудность волевого акта заключается именно въ постановкѣ цѣли и въ сосредоточеніи вниманія на ней, а остальное все является второстепеннымъ. Если бы даже движеніе и не послѣдовало по тѣмъ или другимъ причинамъ, напримѣръ, вслѣдствіе какихъ нибудь разстройствъ въ двигательномъ механизмѣ, то всетаки про человѣка, который обладаетъ способностью ставить цѣль и концентрировать на ней всю силу своего сознанія, т. е. сосредоточивать на ней все свое вниманіе, мы скажемъ, что онъ обладаетъ сильной волей.

Итакъ истинно труднымъ и самымъ важнымъ является въ волевомъ процессѣ актъ постановки цѣли и сосредоточенія на ней всѣхъ силъ сознанія. Постановка цѣли есть, какъ мы видѣли, творчество цѣли. Волевой актъ является волевымъ только вслѣдствіе своей новизны, только новое сочетаніе образовъ, новый синтезъ ихъ требуетъ затраты той психической энергіи, которую мы называемъ волевымъ усиліемъ и чѣмъ новѣе это сочетаніе, тѣмъ съ бо́льшимъ трудомъ оно можетъ быть создано и удержано въ сознаніи, тѣмъ напряженнѣе должно быть усиліе воли. Если сочетаніе образовъ является старымъ, если оно уже было создано нами ранѣе, то дѣйствіе утрачиваетъ свой волевой характеръ и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ чаще это сочетаніе образовъ, эта цѣль въ связи съ слѣдующимъ за ней рядомъ дѣйствій, возникала въ сознаніи. И такимъ образомъ то, что прежде являлось результатомъ воли, впослѣдствіи становится результатомъ психологическаго автоматизма, а волевое усиліе затрачивается на образованіе новыхъ психическихъ сочетаній, новыхъ цѣлей.

Изъ природы самой воли вытекаетъ необходимость возникно-

венія новыхъ цѣлей, т. е. цѣлей, которыя хотя бы въ какомъ нибудь отношеніи имѣли характеръ новизны. Если мы предположимъ, что это творчество новыхъ цѣлей изсякло и прекратилось, то мы въ сущности предположимъ не что иное какъ исчезновеніе самой воли. Но, пока воля существуетъ, необходимо должны возникать все новыя и новыя цѣли и такимъ образомъ расширяться сфера того, что человѣкъ достигаетъ при посредствѣ своей дѣятельности.

Эти новыя цѣли будутъ становиться все болѣе и болѣе сложными. Это обусловлено тѣмъ, что въ качествѣ элементовъ ихъ могутъ войти психическія сочетанія, соотвѣтствующія старымъ цѣлямъ и принявшія автоматическій характеръ. Чтобы понять вполнѣ ясно этотъ процессъ усложненія цѣлей достаточно взять въ качествѣ примѣра процессъ обученія какому нибудь искусству, напримѣръ, игрѣ на рояли, и прослѣдить, что при этомъ происходитъ. Когда ребенокъ учится играть на рояли, ему приходится первоначально затрачивать громадныя усилія воли, чтобы произвести опредѣленный ударъ тѣмъ или другимъ пальцемъ по клавишѣ, чтобы отыскать на клавіатурѣ ту или другую ноту, изображенную на нотной бумагѣ. Затѣмъ каждая нота имъ легко разыскивается, не требуется больше особенныхъ усилій и для того, чтобы произвести тѣмъ или другимъ пальцемъ надлежащій ударъ; эти дѣйствія принимаютъ автоматическій характеръ. И чѣмъ болѣе они принимаютъ этотъ автоматическій характеръ, тѣмъ болѣе дѣлается возможнымъ для воли перейти къ другимъ болѣе сложнымъ задачамъ. Ребенокъ, уже не думая о каждой нотѣ въ отдѣльности и о каждомъ пальцѣ, учится исполнять сначала несложныя сочетанія звуковъ, которыя очень часто встрѣчаются въ музыкальныхъ произведеніяхъ. Скоро исполненіе и этихъ сочетаній становится автоматическимъ. Гаммы, аккорды, арпеджіо и т. д. исполняются легко и безъ особеннаго усилія воли и тогда волевое усиліе уже можетъ быть направлено на исполненіе пьесъ, трудность и сложность которыхъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Сравните теперь цѣли, если только спеціально имѣть въ виду игру на рояли, того, кто только еще начинаетъ учиться и того, кто достигъ въ этомъ искусствѣ такого совершенства, что съ легкостью исполняетъ самыя трудныя сонаты Бетховена, и вы увидите, какое здѣсь получается неизмѣримое разстояніе въ отношеніи сложности, широты и количества цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени. И все это благодаря тому, что волевое дѣйствіе, вслѣдствіе частаго повторенія, становится автоматическимъ, все болѣе легкимъ и быстрымъ, требуетъ все меньшей и меньшей затраты психической энергіи. Усиліе воли, которое прежде затрачивалось на это, получаетъ возможность перейти къ новымъ болѣе широкимъ и сложнымъ цѣлямъ, такъ какъ прежнія цѣли, достиженіе которыхъ совершается съ все большею и большею легкостью, могутъ войти какъ элементы въ цѣли болѣе широкаго

и сложнаго порядка. Механизированіе волевыхъ дѣйствій, увеличеніе области психологическаго автоматизма съ необходимостью влечетъ за собою также и усложненіе волевыхъ дѣйствій, усложненіе цѣлей, обогащеніе системы цѣлей цѣлями болѣе сложными и широкими.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе и еще на одно обстоятельство, которое съ необходимостью тоже обусловливаетъ процессъ расширенія системы цѣлей. Чѣмъ больше устанавливается гармоніи между всѣми цѣлями человѣка, тѣмъ больше является возможности и для расширенія самой системы цѣлей. Потому что, чѣмъ больше гармонія цѣлей и связанныхъ съ ними дѣйствій, тѣмъ меньше психической энергіи пропадаетъ безплодно. Если цѣли противорѣчатъ другъ другу, то каждая изъ нихъ достигается въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ, чѣмъ это могло бы быть въ томъ случаѣ, когда цѣли соотвѣтствовали бы другъ другу: то, что достигается однимъ волевымъ дѣйствіемъ, то до нѣкоторой степени уничтожается другимъ. Если это противорѣчіе будетъ устранено, то понадобится меньшее волевое усиліе на достиженіе старой системы цѣлей и такимъ образомъ воля можетъ направиться на расширеніе самой этой системы. Это все равно какъ если бы мы уменьшили треніе между частями какой-нибудь машины, мы тѣмъ самымъ увеличили бы ея продуктивность, потому что часть силы, которая пропадала прежде безплодно при треніи, пошла бы на производительную работу, для совершенія которой построена данная машина. Такъ и всякое установленіе гармоніи между нашими дѣйствіями, между цѣлями нашей жизни, уменьшаетъ треніе между ними, ведетъ къ сбереженію и экономіи того запаса волевой энергіи, который находится у человѣка, и даетъ возможность затратить ее болѣе производительнымъ образомъ, соотвѣтственно ея назначенію, т. е. на творчество новыхъ цѣлей, болѣе сложныхъ и широкихъ. Какое значеніе въ этомъ процессѣ расширенія системы цѣлей играетъ окружающая человѣка среда, изложено нами подробно въ статьѣ „Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія“ и мы здѣсь касаться этого вопроса не будемъ, такъ какъ онъ не имѣетъ существеннаго значенія для основной задачи этой статьи, заключающейся въ обоснованіи принципа гармоніи цѣли, какъ верховнаго принципа нравственности, а въ данномъ мѣстѣ намъ важно было только показать необходимость расширенія самой системы цѣлей, но мы вовсе не имѣли въ виду прослѣдить этотъ процессъ расширенія во всемъ его объемѣ.

Константинъ Вентцель.

Философія моды.

(Одежда какъ отраженіе идей эпохи).

Можетъ-ли одежда служить характернымъ идейнымъ символомъ эпохи? Можно-ли вложить въ одежду какую-нибудь преобладающую въ извѣстную эпоху идею?

Странное явленіе представляетъ изъ себя мода; она легко мѣняется, капризна, но въ то же время деспотична, словно тиранъ, держитъ людей въ своихъ тискахъ. Дикарь считаетъ своею обязанностью проткнуть себѣ носъ и вдѣть въ него кольцо; китаянка сдавливаетъ себѣ ногу; высоко цивилизованная европейка сдавливаетъ себѣ въ рюмочку талію, и т. д. Спросите ихъ—зачѣмъ они это дѣлаютъ—всѣ одинаково серьезно отвѣтятъ вамъ, что они не могутъ этого не дѣлать, такъ какъ иначе люди будутъ показывать на нихъ пальцемъ. Отвѣтъ справедливый, но далеко не убѣдительный.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, между общественнымъ мнѣніемъ и, хотя бы, стягиваніемъ таліи въ корсетъ, логичной, непосредственной связи не существуетъ, но, тѣмъ не менѣе, даже европейка, забывая, что ее учили логично мыслить, сознательно совершаетъ нелогичности. Издѣваться надъ цивилизованнымъ человѣкомъ, болѣе того, какъ это дѣлаетъ мода, намъ кажется, и невозможно, она заставляетъ его продѣлывать разныя глупости съ добросовѣстностью, достойною болѣе серьезныхъ дѣлъ.

Философская истина—все то, что существуетъ, то разумно—примѣнима и къ модѣ, но только съ измѣненіемъ въ этой фразѣ одного слова, что дастъ намъ другую истину: все то, что существуетъ, то послѣдовательно. Человѣкъ никогда не мыслитъ скачками (хотя намъ это иногда и кажется), его мысли двигаются, хотя и не всегда логично, но зато всегда послѣдовательно, одна мысль послѣдовательно рождаетъ другую. Развѣ музыка неаполитанской Canzone d'amore не можетъ совершенно послѣдовательно напомнить вамъ неаполитанскаго извозчика, который васъ надулъ? Преемственной, логичной, непосредственной связи между извоз-

чикомъ и Canzone d'amore нѣтъ, а послѣдовательность въ мысляхъ очевидна. То же самое мы видимъ и въ модѣ на одежду; мы не беремся объяснить происхожденіе моды какими нибудь логичными доводами, но послѣдовательная связь моды съ мыслями, которыя люди весьма часто въ нее вкладывали, поддается нѣкоторому изслѣдованію. Это мы имѣемъ въ виду сдѣлать въ нашемъ очеркѣ.

Мысль преслѣдуетъ въ модѣ три цѣли: *практическую* (платье, приноровленное къ роду занятій, къ сезону), *символическую* (своеобразно завязанный галстухъ художника, мнящаго въ себѣ своеобразный талантъ), и *эстетическую* (платье красиво облегающее формы). По мѣрѣ того какъ развиваются мысли, мѣняется и характеръ моды; но такъ какъ эволюція мысли никогда не совершается скачками, причемъ всякая новая мысль никогда не спадаетъ съ небесъ, а есть только новая, оригинальная комбинація всего того, что уже было, точно такъ же и мода, идущая вслѣдъ за мыслью, вытекаетъ послѣдовательно одна изъ другой, представляя каждый разъ оригинальный выводъ изъ всего того, что уже было; и тотъ, кто даетъ ей первый толчокъ, всегда сумѣетъ словами *) передать то, что онъ хотѣлъ ею сказать. Если уродливо узкое платье, явившееся сейчасъ же вслѣдъ за фижмами временъ Людовика XV, и кажется намъ скачкомъ, то эта рѣзкая перемѣна такъ же послѣдовательна, какъ послѣдовательна мысль о честномъ человѣкѣ, сейчасъ же возникающая, коль скоро заговорятъ о подлецахъ.

Успѣхъ въ преслѣдованіи людей этихъ трехъ цѣлей находится въ большой зависимости отъ промышленности, отъ техники даннаго времени; а промышленность и техника, зорко слѣдя за природнымъ инстинктомъ человѣка подражать другимъ, не отставать отъ другихъ, пользуется имъ какъ средствомъ, наиболѣе благотворно вліяющимъ на развитіе многихъ отраслей промышленности. Въ результатѣ, достигаются этимъ двѣ цѣли: одна благотворная—сотни тысячъ людей получаютъ на фабрикахъ занятія, другая же печальная—инстинктъ подражанія ростетъ, изощряется; такъ что инстинктъ подбадриваетъ промышленность, а промышленность подбадриваетъ инстинктъ; дѣло идетъ у нихъ дружно.

Объ этомъ политико-экономическомъ значеніи моды не будемъ распространяться и предоставимъ этотъ вопросъ на рѣшеніе этики и политической экономіи, спорящихъ между собой о томъ, есть ли мода учрежденіе безнравственное или благотворное. Насъ интересуетъ совсѣмъ другой вопросъ—можетъ ли человѣкъ вложить въ моду выдающіяся мысли своей эпохи, можетъ ли костюмъ разсказать намъ что нибудь изъ своей эпохи?

Въ преслѣдованіи *практической* цѣли, всѣ народы, болѣе или менѣе, сходятся въ своихъ вкусахъ; всѣ согласны съ тѣмъ, что костюмъ для гимнаста долженъ быть легкій, удобный; никто

*) Будутъ ли его слова умныя или глупыя—это вопросъ другой.

не будетъ спорить съ тѣмъ, что когда холодно, то шерстяной костюмъ цѣлесообразнѣе бумажнаго, что на экваторѣ шляпа съ широкими полями предпочтительнѣе шляпы безъ полей, и т. д. Но въ преслѣдованіи остальныхъ двухъ цѣлей—*символической* и *эстетической*— человѣкъ вкладываетъ въ нихъ, кромѣ того, еще очень многое изъ своей психики, очень много разныхъ постороннихъ мыслей, много фантазій изъ области искусства, онъ хочетъ модой что-то изобразить, хочетъ что-то сказать. На символизмъ и на эстетику моды обратимъ въ нашемъ очеркѣ особенное вниманіе; но скажемъ нѣсколько словъ и о практическихъ идеяхъ, вкладываемыхъ въ моду.

Всякая одежда, первымъ дѣломъ, должна прикрывать наготу, а потому она должна служить чувству стыдливости, далѣе должна соотвѣтствовать климату и не должна стѣснять человѣка во время работы. Старѣйшую форму прикрытія наготы, мы находимъ у современныхъ жителей трудно доступнаго для европейца, центральнаго, лѣсистаго Цейлона—у веддовъ, которыхъ осталось всего только не болѣе двухъ тысячъ; они прикрываютъ себя только передникомъ, искусно сдѣланнымъ изъ листьевъ. Уже въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи чувство стыдливости заставляетъ людей прикрываться звѣриными шкурами, тоже искусно сшитыми, какъ это мы видимъ у современнаго дикаря, изъ маленькихъ шкуръ. Затѣмъ появляются ткани, извѣстныя, какъ это показываютъ египетскія раскопки и свайныя постройки, уже доисторическому человѣку.

Одѣяніе древнихъ ассирійцевъ, вавилонянъ, египтянъ, грековъ, какъ это мы можемъ заключить по рисункамъ на глиняной посудѣ изъ тѣхъ эпохъ, состояло изъ четырехугольныхъ кусковъ ткани, которыми они, разными способами, прикрывали свое тѣло. Такимъ образомъ, ассирійцы, вавилоняне, египтяне обвивали ткань плотно около тѣла, а у грековъ, ткани висѣли свободно на тѣлѣ, но только онѣ въ таліи перетянуты кушакомъ, а въ извѣстныхъ мѣстахъ скрѣплены пряжками, крючками, застежками. Такой видъ имѣлъ греческій хитонъ, послужившій прототипомъ всѣмъ послѣдующимъ одеждамъ, включительно до современнаго фрака и современнаго моднаго женскаго платья.

Первобытный греческій хитонъ былъ вовсе не удобенъ какъ защита отъ холода, вѣтеръ забирался между несшитыми кусками ткани, руки были обнажены, а у мужчинъ, носившихъ короткій хитонъ, были, кромѣ того, обнажены и ноги; женскія же ткани, спущенныя до земли, мѣшали свободному передвиженію. Уже позднѣе, когда стали разрѣзать ткани на куски, и затѣмъ снова ихъ сшивать, получилось нѣчто болѣе удобное, чѣмъ хитонъ, получилась блуза, похожая на славянскую рубашку; она надѣвалась черезъ голову и одновременно служила и одеждой и рубашкой.

Греческій хитонъ уже позднѣе появляется у римлянъ подъ именемъ туники; а затѣмъ въ IX столѣтіи и у франковъ, т. е.

у европейцевъ, поселившихся въ портахъ Леванта. Мужская римская туника доходила до самыхъ ногъ, и въ такомъ видѣ, съ маленькими измѣненіями, она сохранилась до XIV столѣтія, принявъ въ Германіи видъ полукафтана—нѣчто въ родѣ подрясника. Въ XIV столѣтіи появляется въ Европѣ мода на все короткое и узкое; полукафтанъ, который вѣчно болтался между ногъ, надоѣдаетъ, укорачивается и превращается сперва въ куртку, которую надѣваютъ на себя уже не чрезъ голову, а которую застегиваютъ спереди; а затѣмъ эта куртка превращается въ узкій камзолъ съ короткими полами и прорѣзанными рукавами, въ которомъ обыкновенно изображаютъ солдатъ изъ лагеря Валленштейна.

Во Франціи, при дворѣ Людовика XIV, этотъ камзолъ назывался just-au-corps; поверхъ него французы надѣвали платье съ удлиненными и закругленными полами, но уже не съ разрѣзанными, какъ у just-au-corps, рукавами; a just-au-corps обратился въ нѣчто вродѣ нашего удлиненнаго жилета, такъ какъ его рукава, оказавшіеся уже лишними, были срѣзаны. Такимъ образомъ, мужской греческій хитонъ преобразовался въ нашъ фракъ и жилетъ.

Метаморфозъ греческаго женскаго хитона въ современное европейское женское платье совершился гораздо проще; онъ тоже перешелъ изъ Греціи въ Италію, а затѣмъ далѣе на Левантъ и въ Германію. Въ этой послѣдней, уже съ XII столѣтія, онъ сталъ измѣняться подъ вліяніемъ идей рыцарства, стремившагося идеализировать внѣшній обликъ женщины. Тяжелыя ткани, мѣшкообразно облегавшія станъ женщины, были замѣнены болѣе легкими, болѣе прозрачными, болѣе удобными для складокъ, для сборокъ. Хитонъ укоротился и перетянулся въ таліи поясомъ, что отдѣлило верхнюю часть хитона отъ юбки и сдѣлало болѣе видимымъ женскій станъ. Одновременно съ этимъ перехватывается въ таліи поясомъ и мужской рыцарскій хитонъ; а желаніе нравиться женщинамъ заставляетъ рыцарей сбрить себѣ бороды, отпустить себѣ длинные волосы и завивать ихъ въ ниспадающіе на плечи локоны.

Въ сущности, въ современномъ покроѣ женскаго платья проглядываетъ покрой женскаго хитона временъ рыцарства, тема та же, но только варіація другая. Подобной, сравнительно незначительной разницы, мы не замѣчаемъ въ мужскихъ костюмахъ этихъ двухъ эпохъ, разница между облаченіемъ рыцаря и нашимъ пиджакомъ громадная. Въ отношеніи удобства платья, мужчины подумали о себѣ гораздо болѣе, чѣмъ женщины, платье которыхъ и по сіе время не изъ особо удобныхъ. Оно иначе и быть не могло, мужчина соприкасается съ большею дѣятельностью чѣмъ женщина, а потому у всякаго мастерового, пахаря, охотника, рыболова, горнаго ходока, ѣздока верхомъ и проч., у всѣхъ собственный, удобный, приспособленный костюмъ. Въ то время, когда женщина еще обматывала себя кусками несшитой матеріи, мужчина уже давно смекнулъ, что рабочему человѣку невозможно обойтись

безъ сшитаго платья; оттого число мужскихъ костюмовъ значительно больше, чѣмъ женскихъ.

Укороченіе, ради удобства ношенія, мужского хитона, было обусловлено занесеннымъ съ сѣвера германцами обычаемъ предохранять ноги отъ холода при помощи двухъ отдѣльныхъ полотнищъ, сшитыхъ узкимъ цилиндромъ, и надѣваемыхъ по одному на каждую ногу. Затѣмъ, съ появленіемъ очень короткихъ камзоловъ, пришлось эти оба цилиндра сшивать вмѣстѣ, и уже дать имъ отдѣльное названіе: *пара панталонъ*, сохранившееся до нашего времени.

Вторую цѣль, которую мысль человѣка преслѣдовала въ модѣ, можно назвать *символической*; платье уже должно нѣчто изъ себя изображать, оно уже должно само за себя говорить. Стремленіе къ подобному символизму коренится въ человѣкѣ такъ глубоко, что мы его замѣчаемъ даже въ голомъ дикарѣ, а именно, въ обычаѣ татуировать свое тѣло; этимъ онъ хочетъ всѣмъ показать, что онъ или охотникъ, или воинъ, или же принадлежитъ къ извѣстному племени; онъ заставляетъ говорить за себя свою внѣшность. Если стремленіе къ символизму, ради желанія что-то сказать, выразилось такъ сильно въ татуированіи, то оно не могло не отразиться, съ этою же цѣлью, и на одеждѣ. Это стремленіе къ символизму, желаніе вложить въ одежду мысль, живетъ въ насъ и по сіе время.

Во всѣ времена, одежда, кромѣ практической цѣли, имѣла еще и другую, она служила для *отличія* однихъ людей отъ другихъ; у негровъ главу племени сейчасъ же можно узнать по одеждѣ; въ Индіи разныя касты имѣли разное одѣяніе; въ Римѣ рабы носили платье совсѣмъ другое, чѣмъ люди свободные. Средніе вѣка изобилуютъ внѣшними отличіями въ одеждѣ, да и въ настоящее время, уже не говоря о совсѣмъ обособленномъ внѣшнемъ видѣ священника, чиновника, военнаго, мы видимъ, что дѣтей одѣваютъ иначе, чѣмъ взрослыхъ, женщинъ сейчасъ же можно, по одеждѣ, отличить отъ дѣвушки, и т. д.. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, положеніе человѣка обусловливаетъ характеръ одежды; но весьма часто, кромѣ того, мы вкладываемъ въ нее и извѣстныя идеи, которыя тоже могутъ повліять на ея внѣшній видъ. Если бы намъ удалось собрать всѣ шляпы, которыя были носимы за послѣднія два столѣтія, то мы не знали бы, чему больше удивляться, внѣшнему ли ихъ безобразію, или чудачеству людей, сумѣвшихъ ихъ придумать; а между тѣмъ большая ихъ часть имѣла свою собственную исторію появленія и развитія, исторію не случайную, а обоснованную преобладающими идеями соотвѣтствующей эпохи.

Возьмемъ для примѣра эпоху тридцатилѣтней войны (17 стол.). Во всей Европѣ законодателями модъ въ концѣ XVI столѣтія были испанцы; въ то время они носили маленькую съ маленькими полями шляпу, которою они, держа ее въ рукахъ, граціозно жестикулировали, какъ бы аккомпанируя своей рѣчи. Нравы на-

чала XVII столѣтія значительно измѣнились и въ своихъ воинственныхъ стремленіяхъ даже одичали: первую роль сталъ играть солдатъ. Воинственность, распущенность нравовъ отразились и въ головномъ уборѣ. Не признавая никакихъ стѣсненій, солдатъ временъ Валленштейна (17 стол.) полюбилъ мягкую, поярковую шляпу, которой онъ могъ придавать, согласно своему прихотливому настроенію, самыя вызывающія формы; поля шляпы были расширены до нескромныхъ, какъ и самъ характеръ солдата, размѣровъ; цвѣтныя, уродливо длинныя перья прихотливо спускались назади съ шляпы. По формѣ, которую онъ придавалъ своей шляпѣ, онъ давалъ знать другимъ о своемъ душевномъ настроеніи. Счастливецъ, буянъ, забіяка надѣвалъ шляпу на затылокъ въ контрастъ скромному гражданину, который носилъ ее просто, надвинутой на лобъ; когда же у него становилось темно на душѣ, тогда онъ надвигалъ ее не только на лобъ, но даже на носъ, желая тѣмъ прикрыть свое недовольное лицо. Такимъ образомъ, въ то разнузданное время поярковая шляпа становится зеркаломъ настроенія; она была по своей мягкости очень удобна для того, чтобъ гармонировать съ измѣнчивымъ, безшабашнымъ духомъ того времени.

Эта мягкая, безформенная поярковая шляпа переходитъ изъ Германіи во Францію, гдѣ въ то время при дворѣ Людовика XIV царствовалъ принужденный этикетъ; нѣмецкая шляпа оказывается, по своему характеру, не совсѣмъ пригодной: то, что подходило подъ дикій нравъ германскаго солдата или французскаго реакціонера, завезшаго во Францію эту моду, то вовсе не мирилось съ изысканною вѣжливостью французскихъ придворныхъ. Французы дѣлаютъ въ шляпѣ измѣненія: они уничтожаютъ въ ней вызывающій характеръ тѣмъ, что ея форма дѣлается болѣе твердой, болѣе опредѣленной; поля остаются хотя и той же величины, но ихъ загибаютъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, а вмѣсто висящаго длиннаго пера, появляется красивый, небольшой пучекъ перьевъ. Такимъ образомъ образовалась треугольная шляпа временъ Людовика XV, совсѣмъ опредѣленной формы, исключающая всякій индивидуальный произволъ въ измѣненіи ея формы, и вполнѣ гармонирующая съ абсолютизмомъ того времени.

Этой треуголкѣ суждено было вскорѣ же измѣниться, появилась мода на парики, мода, прекрасно отражающая въ себѣ то жалкое духомъ время, въ которое на первый планъ ставилась не здоровая мысль, а все то, что надуто, высокопарно, напыщенно, то время, въ которое любили все обрамлять, любили всякую мысль облекать въ вычурную форму, а какую-нибудь невозможную идею въ витіеватые орнаменты. Въ такое напыщенное время, весьма понятно, явилось у французовъ желаніе обрамить и свое лицо—они придумали парикъ съ локонами, который придалъ ихъ лицу глупо-самодовольное, напыщенное выраженіе.

Парикъ былъ, самъ по себѣ, хорошимъ теплымъ головнымъ уборомъ, треуголка оказалась неудобной и даже лишней. Вмѣ-

сто нея появилась такая маленькая шляпа, которую уже нельзя было носить; она сдѣлалась уже не головнымъ уборомъ, а предметомъ, который держали въ рукахъ ради приличія, и который, постоянно переходя изъ одной руки въ другую, помогалъ висящимъ безъ дѣла рукамъ, быть граціозными въ ихъ движеніяхъ. Эта мода привилась только къ высшимъ классамъ временъ обоихъ Людовиковъ; но въ войскахъ и внѣ салона носили треуголку весьма схожую съ нашею морской или правовѣдской. Эта треуголка носилась во Франціи до самой Революціи, во время которой къ ней совсѣмъ неожиданно подкрался врагъ, сумѣвшій ее побѣдить, и вытѣснить. Въ то время мягкую поярковую шляпу временъ тридцатилѣтней войны, о которой мы выше говорили, не переставали носить ни въ революціонной Германіи, ни въ Англіи.

Воинствующая партія въ Англіи, къ которой принадлежалъ и король, носила эту шляпу свободно, прихотливо, всякій по своему вкусу; но противная партія независимыхъ республиканцевъ-пуританъ, стремившихся къ упорядоченію режима, откинула въ шляпѣ длинное, уродливое перо и упорядочила внѣшній видъ шляпы тѣмъ, что ея поля были укрѣплены. Въ такой измѣненной формѣ пуритане и квакеры перевезли вмѣстѣ съ собой эту шляпу въ Америку. Этой квакерской шляпѣ суждено было снова вернуться въ Европу въ то время, когда Америка боролась съ англичанами за свою независимость. Вся Европа симпатизировала Америкѣ, и ея симпатіи выразились, между прочимъ, въ томъ, что европейцы стали носить квакерскую шляпу. Но за время пребыванія въ Америкѣ, эта шляпа успѣла преобразиться въ цилиндръ; и вотъ этотъ цилиндръ переѣзжаетъ черезъ Атлантическій океанъ на свою родину, гдѣ его, конечно, не узнаютъ, но, тѣмъ не менѣе, пріемлютъ какъ символъ либеральныхъ идей и политическаго, соціальнаго либерализма. Таковымъ приняла его и Французская Революція. Этотъ цилиндръ и былъ тотъ врагъ, который незамѣтно подкрался къ всѣми носимой въ XVIII столѣтіи во Франціи треуголкѣ. Въ настоящее же время цилиндръ украшаетъ, между прочимъ, и головы похоронной прислуги. Sic transit gloria mundi!

При открытіи во Франціи въ 1789 году національнаго собранія, цилиндръ покрывалъ головы tiers - etat (третье сословіе, непринадлежащее ни къ дворянству, ни къ церкви); лицамъ, принадлежащимъ къ этому сословію, цилиндръ служилъ вывѣской, политическимъ отличіемъ, и, благодаря силѣ этого сословія, онъ распространился во Франціи весьма быстро. Въ Германіи, среди консерваторовъ, цилиндръ возбуждалъ ужасъ; Курфюрстъ Гессенскій не могъ равнодушно видѣть людей въ цилиндрѣ, а въ Россіи въ то время модниковъ въ цилиндрѣ просто высылали за границу. Но во Франціи онъ держался стойко и ему даже удалось пробраться въ салонъ и вытѣснить изъ него старую сложенную треуголку.

Къ цилиндру совсѣмъ привыкли и онъ пересталъ служить символомъ крайняго либерализма. Тогда появляется, какъ deus ex machina, шляпа подъ именемъ Карбонари и вступаетъ съ нимъ въ открытую борьбу. Эту шляпу называли по имени секретнаго политическаго общества, возникшаго въ Италіи въ началѣ XIX столѣтія, и особенно сильно распространившагося во Франціи во время Реставраціи.

Сперва политическій, а затѣмъ и отстаивающій свои гражданскія права, противникъ цилиндра—карбонарская мягкая, войлочная шляпа, то черная, то сѣрая, то коричневаго цвѣта, имѣла въ Италіи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ, значеніе чего то непримиримаго, чего то революціоннаго. Многіе должны хорошо помнить, какъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія арестовывали лицъ, носившихъ карбонари; теперь же эту карбонари, измѣненную весьма незначительно, носитъ весь міръ!

Исторія мужской шляпы намъ показываетъ, какое большое вліяніе на характеръ одежды могутъ имѣть разныя міровыя событія; они отражаются въ ней какъ въ зеркалѣ, если и не всегда, то, по крайней мѣрѣ, весьма часто. Многіе приписываютъ моду случайной прихоти единичныхъ людей; исторія шляпы ясно показываетъ, что это мнѣніе не совсѣмъ вѣрное; мы видимъ, что ея исторія была обусловлена самыми разнообразными обстоятельствами и была подвержена такой же эволюціи, какъ и мысль, за которою она шла вслѣдъ; шляпа точно такъ же, какъ и мысль, боролась за свое существованіе, вытѣсняла своихъ противниковъ, побѣждала ихъ, и. т. д..

То же самое, и даже болѣе, можно сказать и объ одеждѣ; на ней еще яснѣе отражаются выдающіяся идеи эпохи.

Въ XIV столѣтіи всюду въ Европѣ была страшная чума; духъ народа былъ очень удрученъ. Но зато, когда она пропала, народъ словно сорвался съ цѣпи, ибо иначе, какъ только необычайно веселымъ настроеніемъ, нельзя объяснить появленіе странныхъ, даже смѣшныхъ костюмовъ, сшитыхъ изъ разнообразныхъ, разноцвѣтныхъ тканей и украшенныхъ бубенчиками, колокольчиками; сапоги походили на длинный птичій клювъ; женщины носили на головѣ чепчики, въ родѣ длинной, остроконечной сахарной головы, съ вершины которыхъ спускались платки, вуали.

Въ началѣ XVI столѣтія этотъ общій европейскій карнавалъ начинаетъ понемногу утихать. Распространеніе пороха въ Европѣ, начавшееся съ XIV столѣтія, заставляетъ рыцарство блекнуть, личная храбрость уже не играетъ такой выдающейся роли. Реформація, возрожденіе наукъ, открытіе Америки, а главное изобрѣтеніе книгопечатанія направляетъ общественное вниманіе на вопросы болѣе серьезные, чѣмъ шутовскіе костюмы. Серьезность настроенія не могла не отразиться и въ одеждѣ, сперва въ мужской, а затѣмъ и въ женской. Потѣшные костюмы пропадаютъ, ихъ замѣняетъ достойное, внушающее къ себѣ уваженіе платье,

въ которомъ художники изображаютъ членовъ магистрата того времени.

Послѣ Реформаціи центръ тяжести въ Европѣ переходитъ къ первой въ то время державѣ (XVI стол.)—Испаніи, дворъ которой отличался пышностью, великолѣпіемъ и натянутостью. Покрой величаваго, съ плюмажемъ около шеи платья испанскаго гранда, живо передался всей Европѣ; оказалось, что grandezza была присуща не однимъ только испанцамъ.

Царствованіе испанской grandezza было непродолжительное; духъ реакціи началъ стирать ее съ земли, онъ не только перекроилъ географическую карту Европы, но перекроилъ и платье *). Вата, пакля, шерсть, которыми было подбито платье жидкаго испанца, желавшаго казаться Аполлономъ, фижмы, брыжжи, все это было брошено; человѣкъ стремился принять свой естественный обликъ; на картинахъ изъ эпохи Валленштейна можно видѣть этого обновленнаго человѣка.

Въ концѣ тридцатилѣтней войны (XVII стол.), камертонъ въ Европѣ даетъ уже Франція временъ Людовика XIV. Снова появляется натянутость, этикетъ, а вслѣдъ за ними вычурность въ одеждѣ, парики, пудра. Людовикъ XV вводитъ стиль рококо, отличающійся особенно сильнымъ попираніемъ всего того, что естественно, всего того, что натурально; вычурность, искусственность увеличиваются.

Версаль былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ уродовалась природа, гдѣ искусственно подстригались деревья, кустарники, газонъ, гдѣ придумывались разные гроты, гдѣ изъ пасти золоченыхъ изображеній жабъ била вода, и проч. Въ то время, когда человѣкъ, сравнительно, еще слабо владѣлъ силами природы, ему казалось, что въ своихъ выдумкахъ и затѣяхъ онъ забиралъ ее въ свои руки; какой нибудь кустъ, искусно подстриженный въ видѣ жирафы или лошади, его тѣшилъ и укрѣплялъ въ немъ убѣжденіе, что онъ покорилъ природу. Тотъ же характеръ искусственности передался и общественной жизни, передался и одеждѣ. Узкіе корсеты, высочайшіе каблуки, неудобный сжатый сапогъ—ради уменьшенія размѣра ноги, румяны—ради скрытія лѣтъ, и проч., все это характеризуетъ неестественность того времени. Дворъ короля катался лѣтомъ на конькахъ (roulettes) по катку, усыпанному солью какъ бы снѣгомъ; дѣтей одѣвали какъ взрослыхъ и тѣшились ихъ наивными, вовсе неподходящими къ ихъ возрасту разговорами; придворныя фрейлины переодѣвались пейзанками и разыгрывали пастораль, и т. д.

Великая Французская Революція вымела помеломъ весь этотъ ancien régime, и между прочимъ, создала одѣяніе, характеръ котораго, въ своемъ основаніи, сохранился вплоть до нашего времени. И въ этомъ платьѣ временъ Революціи, одинаково какъ

*) Голландія отдѣлилась отъ Испаніи; одновременно въ Германіи началась 30-ти—лѣтняя война; немного позже въ Англіи разразилась революція.

и въ предшествующія эпохи, проглядываютъ идеи соотвѣтствующей эпохи; революція, сравнявъ всѣ сословія, приравняла общій костюмъ къ костюму, носимому тогда третьимъ сословіемъ, игравшимъ преобладающую роль въ рѣшеніи дѣлъ страны; въ выборѣ костюма, она, видимо, руководилась идеей, которую и мы преслѣдуемъ въ настоящее время въ нашей одеждѣ, но нѣсколько въ иной формѣ, а именно, мы боимся, изъ скромности, отличаться отъ другихъ или цвѣтомъ, или покроемъ платья; мы боимся того, что какимъ нибудь особеннымъ костюмомъ, въ которомъ удобства принесены въ жертву красотѣ, мы обнаружимъ стремленіе къ ничегонедѣланію, стремленіе къ пользованію чужимъ трудомъ. Это чувство, хотя мы его часто и не сознаемъ, невидимо сопутствуетъ всякому нашему стремленію къ измѣненію въ модѣ. *) Врядъ ли теперь мыслима такая мода, которая была бы предназначена только для высшаго или только для низшаго, неимущаго класса; всякій современный человѣкъ, даже самый имущій, желаетъ, чтобъ его считали способнымъ на всякую работу, ему будетъ обидно, если его сочтутъ неспособнымъ исполнить то, что дѣлаетъ человѣкъ гораздо ниже его стоящій; если онъ и не работаетъ самъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ хочетъ все знать, все умѣть сдѣлать. Но подобный складъ мыслей современнаго интеллигентнаго человѣка не можетъ не вліять, по крайней мѣрѣ, въ мужскомъ одѣяніи, на характеръ измѣненій въ модѣ.

Наши желанія вложить въ одежду идеи, проявляются въ самыхъ мелкихъ ея подробностяхъ, для траура и для праздниковъ; не только у насъ, но и у полуцивилизованныхъ народовъ, существуютъ особыя платья, посредствомъ которыхъ мы желаемъ высказать сочувствіе. Ради гостя, которому мы желаемъ выразить большое уваженіе, мы надѣваемъ на себя внѣшніе знаки, указывающіе на наше къ нему особенное вниманіе. Кромѣ оказанія, посредствомъ одежды, вниманія, она намъ помогаетъ, въ особенности актерамъ, художникамъ, болѣе характерно изобразить человѣка; имъ было бы не безполезно болѣе подробно изучить связь, весьма часто встрѣчаемую въ жизни, между характеромъ одежды и идеями, въ нее вложенными. Сухой аккуратный судья, человѣкъ коммерческій, много наживающій и много проживающій, педантъ - учитель, студентъ - забулдыга, непризнающій никакихъ стѣсненій, художникъ, мнящій въ себѣ своеобразный талантъ, а потому и завязывающій свой фантастичный галстухъ какимъ нибудь совсѣмъ особеннымъ способомъ: у всѣхъ у нихъ есть, на ихъ одеждѣ, какой то трудно уловимый отпечатокъ или аккуратности, или распущенности, или оригинальности, отпечатокъ, который сразу выдаетъ характеръ человѣка.

Мы уже упомянули выше, что мужское платье, въ силу раз-

*) Этотъ ходъ мыслей чисто мужской; женщины, напротивъ того, стремятся отличиться одна отъ другой костюмомъ; въ этомъ отношеніи онѣ менѣе насъ добры и скромны, всегда готовы жертвовать удобствомъ ради красоты, и всегда готовы утопить другъ друга.

нообразія мужскихъ работъ, и разнообразнѣе и типичнѣе; далѣе мы сказали, что современное женское платье, въ своемъ основаніи, есть тотъ же хитонъ, который женщины, несмотря на малоизмѣняемость его типа, сумѣли разнообразить не столько по формѣ, сколько по внѣшней его отдѣлкѣ, на которую онѣ тратятъ столько денегъ, и въ которую вкладывается столько вкуса цивилизованнымъ европейцемъ. Однако, несмотря на консерватизмъ формы женскаго платья, оно значительно чаще, чѣмъ мужское платье подвергается измѣненіямъ моды. Многіе готовы сдѣлать изъ этого заключеніе, что женщины энергичнѣе мужчинъ двигаютъ дѣло моды; но это будетъ неправильно. Мы видѣли, что общій стиль, общій характеръ одежды находится въ зависимости отъ міровыхъ идей данной эпохи; но идеи либерализма, реакціонерства, этики, гигіены и проч., охотно вкладываемыя въ одежды, исходятъ не столько отъ женщинъ, сколько отъ мужчинъ; а потому толчокъ къ измѣненію моды даютъ преимущественно мужчины. Если же женскія моды измѣняются сравнительно чаще, то это надо объяснить только тѣмъ, что законодатели модъ умѣютъ пользоваться однимъ качествомъ, развитымъ въ женщинахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ мужчинахъ, а именно: женщины любятъ чваниться собственно не собой, не своими личными качествами, а чѣмъ то совсѣмъ другимъ, не имѣющимъ никакой непосредственной связи съ ихъ личностью, какъ, напр., положеніемъ мужа, его орденами, знакомствомъ, капиталомъ, а между прочимъ и своей одеждой. Частыя перемѣны моды даютъ имъ и чаще возможность давать другъ другу почувствовать различіе ихъ между собой. Модное женское платье гораздо болѣе поражаетъ женщинъ чѣмъ мужчинъ, если женщина обращаетъ особенное вниманіе на свой туалетъ, относительно новизны модъ, то она это дѣлаетъ болѣе для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ, которые, по своему характеру, не только не любятъ рѣзкихъ отличій въ своемъ платьѣ отъ другихъ членовъ общества, но этого даже избѣгаютъ.

Третью цѣль, преслѣдуемую модой, можно назвать *эстетической*.

Эстетическое наслажденіе, которое даетъ намъ мода, состоитъ въ реакціи нашихъ чувствъ, мы сравниваемъ вкусы законодателя моды съ нашими вкусами, поражаемся превосходствомъ его вкусовъ надъ нашими, мы видимъ, что онъ болѣе насъ живетъ въ мірѣ красоты, то, что онъ намъ указываетъ, мы сейчасъ же понимаемъ, ибо это намъ знакомо, но сами мы до этого не додумались, и вложить столько оригинальной прелести, новизны, свѣжести, сколько онъ вложилъ въ свое произведеніе, мы не можемъ; зритель начинаетъ слѣдить за вложенной въ нее идеей, за послѣдовательностью тоновъ, за удачными сочетаніями красокъ, ему нравится плавность, закругленность линій, онъ пораженъ гармоніей костюма съ внѣшностью того лица, кто его носитъ и т. д.. Въ этомъ то созерцаніи и заключается вся прелесть

эстетическаго чувства, которое, какъ и всякое эстетическое чувство, обязательно должно быть пріятнымъ, радостнымъ, легкимъ.

Въ эстетическое чувство, доставляемое модой, входитъ масса самыхъ разнообразныхъ дѣятелей, и историческихъ, и наслѣдственныхъ, и атавистическихъ, и психическихъ, и физическихъ; оно весьма измѣнчиво и зависитъ отъ циркулирующихъ, въ данный моментъ, въ обществѣ идей и вкусовъ. То почему-то, всюду въ одеждѣ преслѣдуютъ идею удобства, не то вдругъ полюбятъ все узкое, неудобное, и на первый планъ выплываетъ желаніе выдать наружу формы тѣла. Такъ, напр. въ началѣ XIX вѣка русскій воинъ былъ съ головы до ногъ обтянутъ мундиромъ и лосинами; въ то время высоко цѣнилась развитая мускулатура, которую любили выдавать наружу; затѣмъ появляется болѣе широкій мундиръ, преслѣдующій уже не грубую идею силы, а удобство.

Бывало маленькая нога у мужчинъ считалась пластичной красотой; легко возможно, что эта мода преслѣдовала два спеціально мужскихъ качествъ—большую силу и ловкость, необходимые, чтобъ уравновѣсить тѣло на маленькой ногѣ. Затѣмъ появляется совсѣмъ противоположная мода — всѣмъ начинаетъ нравиться большая нога, какъ залогъ основательности, а идея ловкости забывается.

Въ Римѣ, въ Греціи, гдѣ во времена хитона вовсе не существовало портняжескаго искусства, тамъ обращали вниманіе только на внѣшную красоту хитона, на болѣе сложную, болѣе богатую его отдѣлку. Но когда хитонъ стали стягивать въ таліи кушакомъ, когда появились портные, тогда сталъ развиваться и эстетическій вкусъ въ одеждѣ, которую стали кроить такъ, чтобъ красивыя формы тѣла были бы видны, обнаружены. И до сихъ поръ не покидаетъ моду идея выдаванія всего того, чѣмъ богато одарила человѣка природа и идея скрыванія того, чѣмъ она его обидѣла.—Такимъ образомъ въ то время, когда нравилась тонкая женская талія, придумали фижмы, чтобъ еще болѣе усилить впечатлѣніе, производимое ею; ватированные рукава старинныхъ испанскихъ костюмовъ округляли руку, каблукъ уменьшалъ размѣры ноги, которая стала упираться уже не на всю ступню, какъ нога медвѣдя или обезьяны, а только на пальцы и на пятку; нога поднялась и сдѣлалась какъ бы воздушнѣе. Широко разставленныя на верху военнаго мундира пуговицы, стали дѣлать впечатлѣніе широкой груди, и. т. д.

Въ преслѣдованіи эстетическихъ идей мужской костюмъ не отставалъ отъ женскаго; такъ напр. два качества, красящія мужчину—сила и ловкость, эластичность, нашли себѣ въ покроѣ костюма выраженіе; сила чаще проявляется въ человѣкѣ коренастомъ, крѣпко сбитомъ, а эластичность—въ тонкомъ, высокомъ, гибкомъ, а потому, идея силы была вложена въ широкій, куцый пиджакъ, а длинный, плотно облегающій сюртукъ, какъ нельзя

лучше подходилъ подъ идею гибкости.—Въ общемъ же можно сдѣлать такой выводъ: мужчина, первымъ дѣломъ, преслѣдуетъ въ своемъ платьѣ практичность, удобство; затѣмъ онъ обращаетъ вниманіе на моду, а уже подъ самый конецъ на пластику.

У женщинъ же дѣло обстоитъ иначе; у нихъ на первомъ планѣ пластика, а затѣмъ ужъ все остальное. Вытекаетъ это изъ глубоко сидящаго въ женщинѣ чувства—желанія нравиться, желанія быть замѣченной, ради чего она легко мирится какъ съ неудобствами костюма, такъ часто даже и съ дурнымъ вкусомъ— она любитъ одѣваться въ невозможно пестрые цвѣта, которые подошли бы для мужчины развѣ только для костюма скомороха.

Любовь къ яркимъ краскамъ, хотя и отзываетъ атавизмомъ, но съ этимъ еще можно кое-какъ помириться, тѣмъ болѣе, что намъ приходится нерѣдко любоваться въ природѣ весьма яркими красками.

Но мода дѣлаетъ иногда поразительныя безумія, грѣшитъ не только противъ эстетики, но и противъ гигіены; такъ что получается анти-эстетическое чувство, чувство чего то непріятнаго, не легкаго, не радостнаго, чего то даже очень противнаго.

Случаи, въ которыхъ мода наиболѣе заблуждается чаще всего повторяются въ области *украшеній*, въ области желанія *уродливо выдать* одну изъ частей своего тѣла, и въ области *неумѣлаго, неумѣстнаго примѣненія* моды.

Есть *украшенія*, которыя имѣютъ или символическое значеніе, или служатъ какой нибудь цѣли; напр. крестикъ, какъ религіозный символъ, медальонъ съ портретомъ дорогого лица, булавки, брошки, пряжки и проч.; все это имѣетъ нѣкоторое право на то, чтобъ человѣкъ удѣлялъ бы на это извѣстную долю своей эстетической фантазіи. Но какую пластическую идею желаетъ высказать человѣкъ, надѣвшій на свои пальцы массу дорогихъ колецъ? Не напоминаетъ ли онъ дикаря, проткнувшаго свой носъ палкой, или дикарку, всунувшую въ свое ухо старую гильзу, брошенную путешественникомъ? Въ подобнаго рода украшеніяхъ европеецъ гораздо грѣховнѣе дикаря, такъ какъ средства для того у него значительно разнообразнѣе.

Желаніе выдать какую нибудь одну изъ частей тѣла, принимаетъ весьма уродливыя формы даже у культурнаго европейца, который сумѣлъ изуродовать легкій перехватъ греческаго хитона, и придумать инквизиціонный хомутъ въ видѣ корсета. Къ этому отдѣлу надо отнести ножку китаянки, зады у Готтентотовъ, сдавленные черепа и проч.

О *неумѣніи* пользоваться эстетической стороной моды нечего и говорить; мы это видимъ на каждомъ шагу и часто вспоминаемъ римскую поговорку; quod licet Iovi, non licet bovi. *) Происходитъ же это оттого, что эстетическій вкусъ весьма мало развитъ въ массѣ, люди слышатъ звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ,

*) Что разрѣшено Юпитеру, то не разрѣшено быку.

другими словами, не понимають идеи, вложенной художникомъ въ моду.

Если мы повторимъ то, что говорятъ о модѣ многіе политико-экономы, а именно, что ею распоряжается, исключительно, промышленность, видящая въ ней, съ одной стороны, наживу, а съ другой, возможность дать заработокъ милліонамъ фабричнаго народа, то это будетъ односторонне и не совсѣмъ справедливо. Если же мы скажемъ, что въ модѣ надо искать только отраженія преобладающихъ идей данной эпохи, или идей эстетическихъ, то и этотъ взглядъ будетъ не совсѣмъ вѣрный, такъ какъ, кромѣ участія промышленности и желанія отразить въ модѣ идеи, существуютъ еще другіе стимулы, толкающіе человѣка постоянно измѣнять свой внѣшній видъ. Мы забываемъ объ одной психологической чертѣ, которая особенно сильно стала въ насъ развиваться съ тѣхъ поръ, какъ люди стали духовно сравниваться, а именно: какъ людей ни ровняй, а все-таки въ нихъ сидитъ желаніе отличить себя отъ другихъ. Мы знаемъ, что по платью принимаютъ, а по уму провожаютъ; вотъ мы и стараемся, на первыхъ порахъ, хотя бы по платью, отличить себя отъ людей, которыхъ мы почему то считаемъ ниже насъ. Но наши старанія весьма скоро парализуются—не проходитъ и года, какъ какой нибудь оригинальный воротничекъ на нашей рубашкѣ, которымъ мы думали отличить себя отъ другихъ, благодаря паденію цѣнъ, дѣлается уже общимъ достояніемъ. Тогда появляется опять что нибудь новомодное, и, такимъ образомъ, одинъ классъ стремится къ внѣшнему отличію отъ другого, а другой стремится къ сравненію съ первымъ, боится отъ него отстать

Результаты этой общей скачки, въ которой одинъ стремится отличиться, а другой старается не остаться за флагомъ, весьма неутѣшительны. Во-первыхъ, ради того, чтобъ не быть похожимъ на массу, модники часто бросаютъ то, что удобно, что практично; а затѣмъ промышленность, чтобъ дать подражателямъ возможность угоняться за модниками, выкидываетъ на рынокъ всякую дешевую имитацію, а хорошія матеріи, не выдерживая конкурренціи, исчезаютъ.

Среди мужчинъ, эта погоня совершается менѣе энергично, чѣмъ среди женщинъ; для мужчины внѣшнее отличіе не такъ важно, какъ для женщины, онъ и безъ того имѣетъ не мало средствъ и случаевъ себя выказать; для женщинъ же, какъ мы уже упомянули выше, желаніе отличаться есть насущная потребность.

Не будемъ разбирать вопросъ о томъ, насколько эта погоня нравственна, скажемъ только, что идеи, вложенныя въ стремленіе отличаться отъ другихъ, узки, недостойны, малосерьезны, смѣшны, но, тѣмъ не менѣе, человѣчество сильно охвачено этимъ стремленіемъ.

Въ Европѣ мальчики счастливѣе дѣвочекъ, ихъ учатъ разнымъ физическимъ работамъ, разнымъ спортамъ, въ которыхъ они черпаютъ обновленіе духа, и въ которыхъ опытные педагоги

уже давно узрѣли средство для отвлеченія молодежи отъ многаго дурного, нежелательнаго. Дѣвочки въ этомъ отношеніи обижены, ихъ затягиваютъ въ модный хомутъ, берегутъ ихъ нѣжныя руки, пріучаютъ ихъ дома ходить одѣтыми, а въ общество ѣздить обнаженными, пріучаютъ ихъ любить разныя безнравственныя идеи, которыя имѣютъ почетное мѣсто въ европейскихъ модахъ и проч. Доколѣ мода будетъ понимать женственность въ этомъ смыслѣ, доколѣ она будетъ стѣснять женщину въ ея движеніяхъ и наталкивать ее на бездѣятельность, до тѣхъ поръ мы имѣемъ право назвать ее безнравственной.

Изъ нашего очерка, мы видимъ, что мода часто грѣшитъ противъ хорошаго вкуса, противъ здраваго смысла, противъ здоровья, противъ нравственнаго чувства. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что всякое нововведеніе въ модѣ слѣдуетъ изгонять?

Намъ кажется, что всякое стремленіе человѣка символизировать мысль, всякое его стремленіе вложить въ окружающую жизнь какую нибудь характерную мысль, есть уже благородное стремленіе, есть полетъ фантазіи, стѣснять которую мы не имѣемъ права. Но мысль часто ошибается, а вслѣдъ за ней ошибается и мода; какъ мысль нельзя уничтожить, точно такъ же нельзя уничтожить и желаніе человѣка видѣть ее вложенной въ искусство, между прочимъ и въ одежду.

А. А. Берсъ.

Жуковскій, какъ педагогъ.

„Наша литература—говоря прекрасными словами г. Венгерова—никогда не замыкалась въ сферѣ чисто-художественныхъ интересовъ и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово. Всѣ крупные дѣятели нашей литературы въ той или другой формѣ отзывались на потребности времени и были художниками-проповѣдниками“. Но обращаясь со своимъ „учительнымъ словомъ“ къ взрослымъ людямъ и содѣйствуя развитію въ нихъ самосознанія, русскіе писатели не позабывали и подрастающихъ поколѣній. Вопросы воспитанія и обученія, въ той или иной формѣ, интересовали почти всѣхъ выдающихся дѣятелей русской литературы, начиная съ Кантемира, который посвятилъ цѣлую сатиру изложенію своихъ педагогическихъ взглядовъ, сложившихся подъ вліяніемъ „Мыслей о воспитаніи“ Локка, и кончая Львомъ Толстымъ, которому выпало на долю поработать на „нивѣ народной“ въ качествѣ сельскаго учителя и составителя широко-распространенныхъ „Книгъ для чтенія“ и „Новой азбуки“, не говоря уже о теоретической разработкѣ вопросовъ педагогіи и народнаго образованія въ журналѣ „Ясная Поляна“ и въ позднѣйшихъ статьяхъ.

Среди первоклассныхъ художниковъ русскаго слова, интересовавшихся, болѣе или менѣе горячо, педагогическими вопросами, одно изъ первыхъ мѣстъ должно быть отведено Жуковскому. И въ ранней молодости, и въ зрѣломъ возрастѣ, и на закатѣ своихъ дней онъ много занимался теоріей и практикой воспитанія и обученія. Уже на школьной скамьѣ, во время обученія въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, Жуковскій является облеченнымъ своего рода педагогической миссіей. Какъ одинъ изъ первыхъ „во благонравіи и прилежаніи“, онъ долженъ былъ, по порученію пансіонскаго начальства, руководить внѣкласснымъ чтеніемъ своихъ товарищей, читать и объяснять имъ нравоучительныя книги и даже „всевозможно внушать имъ духъ покорности и почтенія не только къ наставникамъ своимъ и по-

печителямъ, но и къ старшимъ по лѣтамъ и ученію товарищамъ своимъ, дабы съ самыхъ юныхъ лѣтъ научились они уважать заслуги и симъ уваженіемъ поощряли другъ друга къ прямо благородному поведенію и отличнымъ успѣхамъ" *).

Учился въ пансіонѣ Жуковскій прекрасно, судя по тому, что каждый годъ онъ награждался книгами, „одобрительными листами", серебряными и золотыми медалями, а, по окончаніи курса, имя его было занесено на почетную доску. Но очень скоро по выходѣ изъ пансіона Жуковскій убѣдился въ крайней недостаточности своихъ знаній. Впослѣдствіи онъ высказывалъ сожалѣніе, что школа не дала ему „фундаментальнаго знанія" исторіи, географіи и „натуральной исторіи". Точно такъ же онъ „часто сѣтовалъ на свое совершенное невѣжество въ латинскомъ и греческомъ языкѣ". Къ сознанію большихъ пробѣловъ въ своемъ образованіи на первыхъ порахъ присоединяются у Жуковскаго и религіозныя сомнѣнія, возбужденныя въ немъ и знакомствомъ съ французскимъ раціонализмомъ XVIII вѣка, и смертью Андрея Тургенева, лучшаго друга и „брата" нашего поэта. И религіозныя сомнѣнія, и пробѣлы въ знаніяхъ заставляютъ Жуковскаго особенно много трудиться надъ самообразованіемъ. Онъ задается цѣлью прочитать „во всякомъ родѣ лучшія книги и сочиненія", дѣлая изъ нихъ „экстракты". На первыхъ порахъ Жуковскій читаетъ иностранныхъ поэтовъ и моралистовъ, при чемъ при помощи послѣднихъ думаетъ составить собственную „моральную систему въ отношеніи къ Богу, къ ближнему, къ самому себѣ". Позднѣе Жуковскій обращаетъ особенное вниманіе на исторію, которую считаетъ „изъ всѣхъ наукъ самою важнѣйшею", даже „важнѣе философіи", особенно для литератора и поэта. Толчкомъ къ самообразованію послужили для Жуковскаго и уроки, которые онъ въ 1805 году вызвался давать своимъ племянницамъ Протасовымъ. Онъ составилъ для нихъ довольно обширную программу, въ основу которой были положены исторія, философія и изящная словесность. Относительно каждой науки Жуковскій предпологалъ сначала давать „приготовительныя свѣдѣнія", а затѣмъ прямо приступать къ чтенію „классиковъ". Особенное вниманіе было обращено на языки и изящную словесность.

Хотя преподаваніе Жуковскаго и отличалось „поэтическимъ характеромъ", хотя самъ учитель во время своей педагогической дѣятельности откровенно признавался, что ему самому „всего нужнѣе ученье", такъ какъ онъ „совсѣмъ ничего не знаетъ", тѣмъ не менѣе труды поэта не пропали даромъ. „Доказательствомъ тому—говоритъ Зейдлицъ—служатъ сами ученицы Жуковскаго, которыя впослѣдствіи вступили въ такой кругъ общества, гдѣ требованія относительно образованности были велики. Я имѣлъ счастіе знать ихъ обѣихъ въ цвѣтѣ ихъ жизни. Хотя въ теченіе многолѣтней врачебной практики я видѣлъ многихъ прелестныхъ

*) Сочиненія Тихонравова, т. III. ч. I, сс. 402—406, М. 1898.

и отлично образованныхъ женщинъ въ разныхъ кругахъ общества, но образы Маріи и Александры Андреевенъ, прежде-временно оставившихъ свѣтъ и друзей своихъ, живы въ моей памяти до старости“ *).

Что касается самого Жуковскаго, то съ нимъ повторилась исторія Абеляра: онъ страстно полюбилъ старшую изъ своихъ ученицъ, но не могъ на ней жениться вслѣдствіе сопротивленія ея матери. Кромѣ того, обученіе племянницъ лишній разъ показало Жуковскому недостаточность его образовательной подготовки, что заставило поэта отправиться въ концѣ 1806 года въ Москву съ намѣреніемъ „цѣлый годъ посвятить порядочному ученію, пройти исторію и философію“. Педагогическія занятія Жуковскаго не могли также не обратить его вниманія на вопросы воспитанія, тѣмъ болѣе, что въ составленную имъ для своихъ ученицъ програму входила въ качествѣ самостоятельнаго предмета и педагогія. Черезчуръ строгое обращеніе Протасовой со своими дочерьми также заставляло Жуковскаго вооружаться на защиту своихъ ученицъ книгами о воспитаніи. „Прочту нѣсколько книгъ о воспитаніи—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, который читала и Протасова—сравню то, что въ нихъ предписано, съ тѣмъ, что вы дѣлали, воспитывая дѣтей, и предложу вамъ свое мнѣніе о томъ, что осталось дѣлать“ **).

Какія именно книги о воспитаніи были прочитаны въ это время Жуковскимъ, мы не знаемъ; но его интересъ къ вопросамъ воспитанія и любовь къ педагогическому труду не подлежатъ сомнѣнію. Это обстоятельство тѣмъ болѣе дѣлаетъ чести Жуковскому, что сто лѣтъ тому назадъ педагогическая дѣятельность, даже на университетской каѳедрѣ, считалась унизительнымъ для дворянина занятіемъ. Жуковскій же настолько былъ чуждъ этого предразсудка, что въ 1806 году не прочь былъ сдѣлаться „какимъ нибудь директоромъ училища“ въ Москвѣ.

Сдѣлавшись, вмѣсто руководителя учебнаго заведенія, редакторомъ „Вѣстника Европы“, Жуковскій получилъ возможность содѣйствовать просвѣщенію на болѣе широкомъ поприщѣ, но и вопросы воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова не потеряли для него своего интереса. Въ статьѣ „Письмо изъ уѣзда“, излагающей взгляды Жуковскаго на задачи журнала, между прочимъ, высказывается желаніе возвратить „отнятыя права“ воспитанію „высокой, пренебреженной обязанности человѣка въ святѣйшемъ званіи отца, сближающей его съ Творцомъ, который и счастіемъ, и несчастіемъ воспитываетъ человѣческій родъ“. Особенно сильно подчеркиваетъ Жуковскій образовательное значеніе чтенія. Онъ негодуетъ на страсть публики къ чтенію разнаго рода ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ и моральныхъ романовъ, наводнявшихъ въ то время русскій книжный рынокъ. Жу-

*) Зейдлицъ. Жизнь и поэзія Жуковскаго, с. 31. Спб. 1883.

**) Дневники В. А. Жуковскаго, с. 26. Спб. 1901. Приложеніе къ журналу „Русская Старина“.

ковскій хочетъ, чтобы чтеніе сдѣлалось одной изъ „важнѣйшихъ и самыхъ привлекательныхъ обязанностей образованнаго человѣка“, чтобы оно возвышало духъ, озаряло умъ, давало сердцу „свободу, благородство и смѣлость“ и привязывало бы человѣка „ко всему доброму и прекрасному“. Развивать „охоту“ къ такому чтенію Жуковскій считалъ главной задачей своего журнала. Результаты же разумнаго и толковаго чтенія хорошихъ книгъ представлялись молодому журналисту въ самомъ радужномъ свѣтѣ: „просвѣщеніе исправитъ понятіе о жизни, о счастіи; лучшая, болѣе благородная дѣятельность оживитъ умы... состоянія должны прійти въ равновѣсіе... одинакія понятія о наслажденіяхъ жизнію соединятъ чертоги и хижины“ и т. д. *).

Чтеніе книгъ Жуковскій считалъ главнымъ средствомъ просвѣщенія не только для образованныхъ сословій, но и для низшихъ слоевъ народа. Онъ считалъ просвѣщеніе необходимымъ для человѣка „во всякомъ состояніи“ и благодѣтельнымъ „въ самой хижинѣ земледѣльца“, хотя въ то же время и находилъ для ремесленниковъ и земледѣльцевъ вреднымъ „излишество въ образованіи“. Онъ требовалъ для простолюдиновъ „ограниченнаго, приличнаго ихъ скромному жребію просвѣщенія, которое научило бы ихъ наслаждаться жизнію въ томъ самомъ кругу, въ которомъ помѣщены они судьбою, и наслаждаться достойнымъ человѣчества образомъ“. Онъ желалъ, чтобы простой народъ „по мѣрѣ распространенія понятій своихъ, болѣе и болѣе привязывался къ своему жребію, научался понимать его преимущества, ими наслаждаться, или сносить несчастія, необходимо съ нимъ соединенныя“. Однимъ словомъ, Жуковскій мечталъ о такомъ просвѣщеніи для народа, которое примиряло бы его даже съ крѣпостнымъ правомъ. Но и при такомъ узкомъ взглядѣ на народное образованіе, поэтъ считалъ недостаточнымъ одно только школьное обученіе и жалѣлъ о томъ, что „мы не имѣемъ еще полезныхъ для простолюдина книгъ“. Правда, существовали въ русской литературѣ романы и историческія сочиненія, но книги подобнаго рода Жуковскій считалъ для народа безполезными и даже вредными. „Какую пищу—спрашиваетъ поэтъ—найдетъ простолюдинъ въ исторіи, представляющей ему такія происшествія, въ которыхъ ему несвойственно принимать участіе?“ Романы же для народа, по мнѣнію Жуковскаго, прямо вредны, такъ какъ переносятъ его воображеніе „въ такой міръ, изъ котораго *навсегда* онъ исключенъ судьбою; и могутъ научить его не уважать самого себя въ ограниченномъ своемъ состояніи“.

Жуковскій высказываетъ желаніе, чтобы нашлись писатели, которые рѣшились бы пренебречь славой и посвятить нѣсколько лѣтъ жизни своей единственно тому, чтобъ языкомъ простымъ и понятнымъ проповѣдывать счастіе въ хижинахъ земледѣльца, въ обителяхъ нищеты и невѣжества, чтобъ разбудить въ простыхъ

*) Сочиненія Жуковскаго, с. 805–806. Изд. 10-е. Спб. 1901.

и грубыхъ сердцахъ благородныя чувства и познакомить ихъ съ наслажденіями истинными“. Далѣе Жуковскій проектируетъ цѣлый рядъ книгъ, которыя полезны для простолюдина и должны составлять его библіотеку. Самыми необходимыми для простолюдина Жуковскій считаетъ слѣдующія книги: *Катихизисъ морали*, *Общія понятія о натурѣ, о главныхъ ея законахъ, о нѣкоторыхъ явленіяхъ небесныхъ*, *Энциклопедія ремесленниковъ и земледѣльцевъ*, *Повѣсти и сказки* съ героями изъ состоянія низкаго, *Общія правила, какъ сохранять свое здоровье*, и, наконецъ, *Народныя стихотворенія*, въ которыхъ воображеніе поэта украсило бы природу, непривлекательную для грубыхъ очей простолюдина: „Желаю—говоритъ Жуковскій—чтобы нѣкоторые изъ соотечественниковъ моихъ, воспламененные человѣколюбіемъ, соединились для распространенія благодѣтельнаго свѣта въ умахъ бѣдныхъ своихъ согражданъ, осужденныхъ проводить всѣ дни свои въ тяжкомъ трудѣ и ограничившихъ всю дѣятельность свою сохраненіемъ одной тѣлесной жизни! Мы имѣемъ академію наукъ и художествъ, почему же не имѣть академіи для просвѣщенія простолюдиновъ?“ *)

Интересомъ Жуковскаго къ вопросамъ воспитанія объясняется и то вниманіе, которое онъ удѣлилъ педагогическимъ взглядамъ Кантемира въ своей статьѣ о его сатирахъ: „Кантемиръ—говоритъ Жуковскій—имѣлъ самыя основательныя понятія о семъ важномъ предметѣ (т. е. воспитаніи), и нѣкоторыя мысли его должны быть аксіомами для всякаго воспитателя“. Особенно понравились Жуковскому мысли сатирика о громадномъ воспитательномъ значеніи примѣра и о предпочтеніи нравственнаго воспитанія умственному.

Глубокій интересъ къ народному образованію Жуковскій раздѣлялъ съ лучшими изъ своихъ современниковъ, начиная съ императора Александра I, издавшаго указъ объ учрежденіи приходскихъ училищъ. Разсужденія же Жуковскаго о пользѣ чтенія и о такомъ просвѣщеніи народа, которое сдѣлало бы его довольнымъ своей участью, непосредственно примыкаютъ къ взглядамъ Карамзина. Именно, отъ Карамзина узналъ Жуковскій о существованіи будто бы „въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностью, вкусомъ, мирно и тѣмъ счастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе“.**) Осуществленіе подобной идилліи, созданной воображеніемъ сентиментальнаго путешественника, такому мечтателю, какимъ былъ Жуковскій, казалось возможнымъ и въ Россіи, даже и при существованіи крѣпостного права. Отъ Карамзина же Жуковскій услышалъ, что „сочиненія нравственнаго катихизиса для приходскихъ школъ достойно перваго генія въ Европѣ“, и выступилъ съ проектомъ объ учрежденіи цѣлой „академіи“ для составленія популярныхъ книгъ.

*) Сочиненія Жуковскаго, сс. 824—826.
**) Сочиненія Карамзина, III, сс. 350—351, Спб. 1848.

Самъ Жуковскій не приступилъ къ составленію книжекъ для народнаго чтенія, но зато одно время онъ мечталъ „о путешествіи въ Швейцарію, о двухъ-трехъ годахъ, проведенныхъ у Песталоцци, для того, чтобы завести что нибудь подобное его институту въ Россіи и быть черезъ то истинно полезнымъ“*). Но прежде, чѣмъ учить другихъ, ему пришлось позаботиться о собственномъ самообразованіи. Какъ прежде занятія съ племянницами, такъ теперь не особенно удачное редактированіе журнала заставило Жуковскаго снова подумать о томъ, чтобы „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Сдѣлавши въ 1810 году открытіе, что онъ, „совершенный невѣжда въ исторіи“ и „грубая невѣжда во всемъ“, Жуковскій старается составить „хорошій и экономный планъ, такой, чтобы не было употреблено пустого труда и время не пропало даромъ“. Онъ собирается прочитать „всѣхъ классиковъ-историковъ“, но предварительно, чтобы не потеряться въ массѣ подробностей, онъ считаетъ необходимымъ самостоятельно составить „общій планъ всѣхъ происшествій въ связи“. Предполагалось начать съ небольшихъ курсовъ исторіи и, проходя ихъ по отдѣламъ, составлять историко-географическія карты, а также хронологическія и синхронистическія таблицы, по образцу картъ Шлецера-сына и таблицъ Габлера. Точно такъ же предполагалъ Жуковскій начать и изученіе русской исторіи съ тѣмъ, чтобы отъ общаго плана, за неимѣніемъ „историковъ-классиковъ“, перейти непосредственно къ источникамъ и погрузиться „въ океанъ лѣтописей“.

Вообще, исторія сильно интересуетъ Жуковскаго, но не сама по себѣ, а какъ основаніе „моральной философіи“ и какъ процессъ воспитанія отдѣльныхъ народовъ Провидѣніемъ. „Политическія событія—пишетъ онъ Тургеневу—можно назвать воспитаніемъ того отвлеченнаго существа, которое называютъ *націею*. Читая исторію въ этомъ отношеніи, то есть наблюдая, какимъ образомъ воспитатель могучій народовъ (Судьба, Провидѣніе, Творецъ) образовалъ ихъ характеръ, увидишь и средства, какимъ образомъ можно исправить то, что испорчено воспитаніемъ, дополнить недоконченное, воспользоваться выгоднымъ, уничтожить вредное“.**)

Кромѣ того, Жуковскій считаетъ, что „латинскій и греческій языки нужны для воспитанія“, и одновременно съ изученіемъ русской и всеобщей исторіи приступаетъ къ изученію латинскаго языка. Онъ находитъ удовольствіе въ заучиваніи примѣровъ изъ латинской грамматики и мечтаетъ о томъ, какъ онъ будетъ читать Виргилія и Тацита въ подлинникѣ. Въ то же время Жуковскій „съ восхищеніемъ“ думаетъ о греческомъ языкѣ, считаетъ знаніе его необходимымъ для усовершенствованія русскаго языка и желаетъ имѣть греческую грамматику, чтобы изрѣдка загляды-

*) „Русскій Архивъ“ 1900 г., III, 9.

**) Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, с. 59. М. 1895. Приложеніе къ журналу „Русскій Архивъ“.

вать въ нее и пріучать свои глаза къ „греческимъ каракулькамъ". Къ этому времени, по всей вѣроятности, относятся и сохранившіяся въ бумагахъ Жуковскаго тетрадь съ упражненіями по латинскому языку и начало греческой грамматики, расположенной въ таблицахъ, а также нѣкоторыя историческія карты и таблицы. Система наглядныхъ таблицъ и всякаго рода мнемоническихъ пособій, испробованная Жуковскимъ на собственномъ опытѣ, впослѣдствіи легла въ основу его педагогическихъ занятій при царскомъ дворѣ.

Въ самый разгаръ занятій самообразованіемъ, въ 1811 году, Жуковскій получилъ отъ Уварова предложеніе занять мѣсто профессора въ Педагогическомъ институтѣ; но скромный поэтъ счелъ себя недостаточно подготовленнымъ къ этому званію и попросилъ дать ему „время, нужное для приготовительнаго, ученическаго труда". Обстоятельства помѣшали Жуковскому и впослѣдствіи воспользоваться предложеніемъ Уварова и сдѣлаться профессоромъ, но интересъ къ вопросамъ воспитанія не былъ заглушенъ въ немъ ни „грозой двѣнадцатаго года", ни борьбой за счастіе съ любимой дѣвушкой—борьбой, доводившей Жуковскаго временами до полнаго отчаянія.

Въ концѣ 1814 года, собираясь переселиться вмѣстѣ съ Протасовыми въ Дерптъ и набрасывая планъ своихъ литературныхъ занятій среди новой обстановки, Жуковскій думалъ, между прочимъ, написать „Письма о воспитаніи и нравственности" и составить какую то „начальную книжку для наставленія." Эти проекты, по всей вѣроятности, находились въ связи съ заботами Жуковскаго о приготовленіи младшей своей племянницы, вышедшей замужъ за Воейкова, къ исполненію материнскихъ обязанностей. Задуманныя Жуковскимъ сочиненія педагогическаго характера не были написаны, но зато въ Дерптѣ онъ познакомился съ практическимъ примѣненіемъ педагогической системы Песталоцци въ школѣ Асмуса. Эту школу Жуковскій часто посѣщалъ и восхищался широкимъ примѣненіемъ въ ней принциповъ наглядности и самодѣятельности.

Въ это же время Жуковскій сильно интересовался и воспитаніемъ сыновей своей племянницы, извѣстныхъ впослѣдствіи славянофиловъ, братьевъ Кирѣевскихъ. Онъ искалъ для нихъ воспитателя среди дерптскихъ педагоговъ, при чемъ отдавалъ преимущество постоянству и терпѣнію передъ такими блестящими качествами, какъ величайшія способности, прекрасная душа и обширныя познанія.

Выбранному Жуковскимъ дерптскому педагогу не удалось сдѣлаться воспитателемъ будущихъ вождей славянофильства, такъ какъ А. П. Кирѣевская поторопилась нанять въ гувернеры къ своимъ сыновьямъ перваго попавшагося подъ руку нѣмца. Не пришлось также и самому Жуковскому взять на себя воспитаніе даровитыхъ мальчиковъ, о чемъ онъ неоднократно намекалъ въ письмахъ къ своей племянницѣ. „При свиданіи будемъ

говорить о томъ,—писалъ Жуковскій въ одномъ письмѣ—что для меня есть одно *изъ главныхъ дѣлъ жизни*, о воспитаніи нашихъ дѣтей. Я ждалъ и жду плана, и право *не даромъ* сказалъ, что въ этотъ планъ входитъ много моего будущаго".—„Что же было бы лучшаго—говорится въ другомъ письмѣ Жуковскаго—какъ потрудиться для нашихъ милыхъ дѣтенковъ." *)

По плану Жуковскаго, Кирѣевскіе должны были дома, подъ благотворнымъ вліяніемъ матери и при помощи хорошихъ наставниковъ, приготовиться къ поступленію въ университетъ, „если можно нѣмецкій". Такимъ образомъ, Жуковскій думалъ соединить „выгоды домашняго воспитанія съ воспитаніемъ публичнымъ". Воспитаніе нравственное въ этомъ планѣ стояло на первомъ мѣстѣ. „Дѣло не въ томъ,—писалъ Жуковскій—чтобы ихъ (Кирѣевскихъ) сдѣлать скороспѣлками, выучить тому и другому, что они современемъ забудутъ, а въ томъ, чтобы ихъ сдѣлать *людьми*"**). Что касается отдѣльныхъ предметовъ, то Жуковскій считалъ необходимымъ учить мальчиковъ не только новымъ, но и обоимъ древнимъ языкамъ, и, кромѣ того, обратить особенное вниманіе на исторію, географію и естественныя науки.

„Великій замыселъ Жуковскаго" сдѣлаться воспитателемъ Кирѣевскихъ—не осуществился вслѣдствіе назначенія его учителемъ русскаго языка къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Для скромнаго и неувѣреннаго въ своихъ силахъ поэта и тутъ дѣло не обошлось безъ колебаній. „Довольно ли имѣть—спрашиваетъ онъ Тургенева,—стихотворный талантъ и быть хорошимъ писателемъ, чтобы учить, какъ должно языку своему? Я знаю языкъ свой болѣе по рутинѣ, но на экзаменѣ едва ли выдержу пробу. Искусства учить не требуетъ ли особеннаго навыка, особеннаго дарованія? Что, если я возьмусь за такое дѣло, котораго не исполню, какъ должно, то есть такъ, чтобы я самъ могъ быть доволенъ?" *) Рѣшеніе этого вопроса Жуковскій предоставилъ Тургеневу и Карамзину, и, благодаря лестному отзыву послѣдняго, въ судьбѣ нашего поэта произошелъ рѣзкій поворотъ.

Обученіе русскому языку Жуковскій велъ переводно-грамматическимъ методомъ. Для своей ученицы онъ написалъ по-французски краткую грамматику русскаго языка и составилъ цѣлый рядъ грамматическихъ таблицъ съ объясненіями на французскомъ языкѣ. „Грамматическія занятія, сухія и не поэтическія", отняли у Жуковскаго массу времени. Особенно много пришлось ему поработать надъ таблицами спряженія русскихъ глаголовъ.

Но таблицы эти не принесли особенной пользы ученицѣ Жуковскаго, которая впослѣдствіи отзывалась о своемъ учителѣ не особенно лестно. По отзыву императрицы Александры Ѳеодоров-

*) Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго, с. с. 4—5. Приложены къ собранію его сочиненій. М. 1861.
**) Русскій Архивъ 1864 г., с. 461.
***) Письма къ Тургеневу, с. 178.

ны, Жуковскій былъ слишкомъ поэтъ, чтобы быть хорошимъ учителемъ" („trop poète pour être bon maître"). „Вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ изученіемъ грамматики,—говоритъ императрица въ своихъ воспоминаніяхъ,—какое нибудь отдѣльное слово рождало идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила предметомъ для бесѣды; такимъ образомъ проходили уроки. Поэтому русскій языкъ я постигла плохо, и, несмотря на мое страстное желаніе изучить его, онъ оказывался настолько труднымъ, что я въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣла духу произносить на немъ цѣльныхъ фразъ." *) Виноватъ въ этомъ, конечно, не столько русскій языкъ, сколько учитель, который перенесъ центръ тяжести занятій на изученіе грамматики и на переводы. Но если практическіе результаты педагогической дѣятельности Жуковскаго оказались не особенно блестящими, зато онъ имѣлъ возможность сблизиться съ великокняжеской четой, которая по достоинству оцѣнила высокія душевныя качества поэта и впослѣдствіи поручила ему воспитаніе наслѣдника русскаго престола.

Занятія Жуковскаго съ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ начались еще въ царствованіе императора Александра I. Въ 1818 году поэтъ привѣтствуетъ появленіе въ свѣтъ будущаго „царя-освободителя" и предсказываетъ ему „обильный честью вѣкъ", а въ 1824 году мы уже видимъ Жуковскаго за составленіемъ азбуки. Въ слѣдующемъ году онъ уже съ головой погруженъ въ свои педагогическія занятія съ маленькимъ великимъ княземъ „Онъ, право, сдѣлался великимъ педагогомъ—увѣдомлялъ А. Тургеневъ князя Вяземскаго о Жуковскомъ:—сколько прочелъ дѣтскихъ и учебныхъ книгъ! Сколько написалъ плановъ и самъ обдумалъ нѣкоторые!... Онъ вложилъ свою душу даже въ грамматику и свое небо перенесъ въ систему міра, который объясняетъ своему малюткѣ. Онъ сдѣлалъ изъ себя какого-то дѣтскаго Аристотеля и знаетъ теперь все, чему прежде учился; но знаетъ по своему и передаетъ сіи знанія также по особеннымъ, имъ изобрѣтеннымъ или найденнымъ въ другихъ методамъ"**).

Первоначальныя занятія Жуковскаго съ великимъ княземъ были настолько успѣшны, что онъ убѣдился къ своей способности „преподавать такимъ образомъ, чтобы привязывать воспитанника къ труду, развивать его умъ и внушать ему охоту къ занятіямъ". Но скромный поэтъ никогда и не думалъ о томъ высокомъ довѣріи, которое оказалъ ему молодой императоръ вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ. „Не думавши, не гадавши—писалъ Жуковскій своей племянницѣ Зонтагъ—я сдѣлался наставникомъ наслѣдника... Не ошибайтесь—прибавляетъ Жуковскій въ скобкахъ,—наставникомъ, а не воспитателемъ—за по-

*) „Русская Старина" 1896 г., октябрь, с. 32—33.
**) „Остафьевскій архивъ." III, 106. Спб. 1899.

слѣднее никогда бы не позволилъ себѣ взяться!“ *) Только повинуясь волѣ императора, согласился Жуковскій взять на себя трудную и отвѣтственную должность руководителя учебными занятіями цесаревича. Чувствуя всю важность возложеннаго на него дѣла, Жуковскій рѣшился вложить въ него всю свою душу, посвятить ему всѣ свои силы и всю свою жизнь. Какъ ни трудно ему было отказаться отъ поэзіи и побѣдить свою природную лѣнь, но онъ, можно сказать, превзошелъ себя и съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ для образованія монарха великой имперіи!

„Можетъ быть, послѣ добродѣтельнаго Фенелона—говоритъ Плетневъ—ни одно лицо не приступало къ исполненію этой должности съ такимъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ Жуковскій... Не довѣряя легкомысленно одной опытности своей, своимъ только знаніямъ и живому постиженію прекраснаго своего ума, онъ читалъ все, что могъ найти полезнаго по этой части, совѣтовался съ извѣстнѣйшими въ столицѣ педагогами и совершенствовалъ планъ свой день ото дня лучше и прочнѣе“ **). Однимъ изъ педагоговъ, съ которыми совѣтовался Жуковскій при составленіи своего плана, былъ содержатель лучшаго частнаго пансіона въ Петербургѣ, пасторъ Муральтъ, ученикъ Песталоцци.***) Послѣдователемъ знаменитаго швейцарскаго педагога является и Жуковскій въ составленномъ имъ для цесаревича „планѣ ученія“

Въ основу этого плана положены такія „предварительныя понятія“: „Цѣль воспитанія вобще и ученія въ особенности есть образованіе для добродѣтели“...

„Ученіе образуетъ для добродѣтели, знакомя питомца: 1) съ тѣмъ, что окружаетъ его, 2) съ тѣмъ, что онъ есть, 3) съ тѣмъ, что онъ быть долженъ, какъ существо нравственное, 4) съ тѣмъ, для чего онъ предназначенъ, какъ существо безсмертное. Въ постепенномъ разрѣшеніи сихъ четырехъ вопросовъ заключается весь планъ ученія“. На подробностяхъ воспитанія Жуковскій не останавливается, въ своемъ планѣ онъ говоритъ только о подробностяхъ обученія, такъ какъ ему было поручено наблюденіе за учебною частью, нравственное же воспитаніе наслѣдника было возложено на Мердера, человѣка высокихъ нравственныхъ качествъ, по признанію самого Жуковскаго. Обученіе цесаревича Жуковскій распредѣляетъ на три главныхъ періода: первый пе-

---

*) Сочиненія и переписка Плетнева, III, стр. 92. Спб. 1885.

**) Плетневъ, III, 92.

***) Во время своего путешествія по Швейцаріи въ 1821 году Жуковскій могъ бы лично познакомиться съ Песталоцци, но изъ дневниковъ поэта не видно, чтобы онъ посѣтилъ Иверденъ, хотя, наслаждаясь швейцарской природой, Жуковскій интересовался также школами, подробно осматривалъ въ Гохвилѣ воспитательныя учрежденія Фелленберга и съ любопытствомъ слушалъ разсказы Бонстеттена о самомъ Песталоцци, о его душевной чистотѣ, его образованіи, разговорѣ, экономіи, знакомствѣ съ мадамъ Сталь и т. д. (Дневники Жуковскаго, с. 137). По всей вѣроятности, не составлявшее тайны рѣзкое разногласіе теоріи и практики у Песталоцци удержало Жуковскаго отъ посѣщенія Ивердена.

ріодъ—отрочество (отъ 8 до 13 лѣтъ)—„ученіе приготовительное“; второй періодъ—юношество (отъ 13 до 18 лѣтъ)—„ученіе подробное“; третій періодъ—первые годы молодости (отъ 18 до 20 лѣтъ)—„ученіе примѣнительное“. Первый періодъ Жуковскій сравниваетъ съ приготовленіемъ къ путешествію, для чего надо дать компасъ, познакомить съ картой и снабдить орудіями для пріобрѣтенія свѣдѣній и для открытій. Компасъ—это предварительное образованіе ума посредствомъ практической логики и „образованіе сердца“, т. е. развитіе нравственнаго чувства посредствомъ религіи. Карта—эта краткія, но связныя и ясныя свѣдѣнія, дающія отвѣтъ на „четыре вопроса жизни: гдѣ я? что я? что я быть долженъ? и къ чему предназначенъ?“ Орудія это языки. Второй періодъ обученія Жуковскій сравниваетъ съ самымъ путешествіемъ. Въ этотъ періодъ предполагалось подробное преподаваніе наукъ, нужныхъ воспитаннику какъ члену просвѣщеннаго общества, и болѣе подробное преподаваніе такихъ наукъ, которыя нужны ему, какъ будущему монарху. Такими науками Жуковскій считалъ „науки антропологическія“: исторію, географію (этнографію и статистику), политику и философію, и „науки онтологическія“: математику, естественную исторію, „технологію“, т. е. физическую географію, и физику. Наконецъ, третій періодъ обученія сравнивается съ окончаніемъ путешествія. „Въ этомъ періодѣ—говоритъ Жуковскій—воспитанникъ болѣе дѣйствуетъ самъ, нежели пріобрѣтаетъ отъ наставника. Онъ уже не занимается никакою наукою отдѣльно, онъ самъ составляетъ для себя коренныя правила жизни, которыя не иное что, какъ произведеніе всего, что дали ему воспитаніе и ученіе. Этотъ періодъ долженъ быть посвященъ занятіямъ собственнымъ и чтенію немногихъ истинно-классическихъ книгъ, предпочтительно такихъ, кои могутъ познакомить питомца съ высокимъ его назначеніемъ и страною, которой онъ долженъ посвятить жизнь свою“.

Особенно подробно разработанъ Жуковскимъ планъ обученія цесаревича въ первомъ періодѣ. Въ основу курса положена „система приготовительныхъ знаній“. Для отвѣта на вопросы—гдѣ я и что меня окружаетъ?—даются свѣдѣнія изъ астрономіи, физической географіи, физики, химіи, минералогіи, геологіи, ботаники и зоологіи. Для отвѣта на вопросъ—что я?—служатъ общія понятія о строеніи человѣческаго тѣла, общія понятія психологіи, „технологіи“, начатки политики, исторія, географія и статистика. На третій вопросъ жизни даютъ отвѣты мораль и политика, на четвертый—метафизика и религія. Рядомъ съ этими „главными предметами“, но независимо отъ нихъ, должны были итти „практическая логика“, „теоретическая логика“, языки, „пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ пріятныхъ талантовъ“ и развитіе тѣлесныхъ силъ. Въ составъ „практической логики“ входили основанія геометріи, „счетъ“ (по таблицамъ Песталоцци) и „философическая грамматика, примѣненная къ русскому языку“ (по ру-

ководству Саси *). Подъ „теоретической логикой“ Жуковскій понималъ библейскую исторію и начала нравственности, основанной на ученіи Христа.

Изъ иностранныхъ языковъ цесаревичъ долженъ былъ изучать только новые:—французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій. Жуковскій хотѣлъ было ввести еще преподаваніе и латинскаго языка, но встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны императора Николая I. Изъ остальныхъ учебныхъ предметовъ мы находимъ въ планѣ рисованіе, архитектуру, музыку, гимнастику и ручной трудъ. Наконецъ, рядомъ съ ученьемъ должно было итти „пріятное“ и „наставительное“ чтеніе избранныхъ книгъ, которыя, съ одной стороны, „пріятно бы занимали умъ, говорили воображенію, оживляли нравственное чувство и образовали вкусъ“, а съ другой—служили бы дополненіемъ къ учебнымъ предметамъ

Такимъ образомъ, Жуковскій въ своемъ планѣ не упустилъ изъ виду ни физическаго, ни умственнаго, ни нравственнаго воспитанія. Особенно характернымъ въ его планѣ является введеніе естественныхъ наукъ, педагогическое значеніе которыхъ Жуковскій сумѣлъ оцѣнить, несмотря на свое увлеченіе классицизмомъ. „Я увѣренъ — говоритъ онъ въ сокращенномъ планѣ воспитанія—что ребенокъ всегда гораздо лучше пойметъ, что говоритъ его глазамъ, чѣмъ то, что говоритъ только его уму. Разсуждая объ опытѣ, представляютъ нѣчто реальное, осязаемое, пріучаютъ думать, заинтересовывая вниманіе и возбуждая любознательность. Даже исторія не можетъ имѣть для ребенка столько привлекательности, какъ физика и естественная исторія. Его душа не развита еще настолько, чтобы интересоваться судьбой людей и народовъ, которыхъ онъ можетъ видѣть только въ воображеніи, тогда какъ физическіе и химическіе опыты происходятъ передъ его глазами, произведенія природы на лицо, и въ любое время дня онъ можетъ найти случай приложить то, чему его учили, къ тому, что его окружаетъ“. Интересны также и отдѣльныя подробности „плана“, знакомящія насъ съ педагогическими взглядами его составителя. Жуковскій заботился о томъ, чтобы главные предметы ученія преподавались „въ ихъ естественной связи, не совокупно, а по порядку, съ сохраненіемъ надлежащей постепенности, переходя отъ легкаго къ трудному“, „отъ извѣстнаго къ неизвѣстному“. Далѣе считалось необходимымъ „возбужденіе собственной дѣятельности воспитанника, чтобы онъ какъ можно болѣе находилъ самъ, а не механически затверживалъ чужое“. Поэтому рекомендовалось „доводить постепенными вопросами ученика до того, чтобы онъ самъ выражалъ съ надлежащей ясностью то, о чемъ ему предлагать желаемъ“. Такъ,

*) „Principes de grammaire générale“—сочиненіе французскаго оріенталиста Сильвестра де-Саси. Эту грамматику одно время думалъ издать въ русскомъ переводѣ Бѣлинскій.

напримѣръ, при преподаваніи геометріи надо было доводить ученика вопросами до разрѣшенія теоремъ, при изученіи грамматики считалось необходимымъ „извлеченіе правилъ изъ упражненій практическихъ". Даже правила нравственности должны были извлекаться „изъ фактовъ". Считалось необходимымъ также во всемъ соблюдать „надлежащую мѣру", избѣгая излишнихъ подробностей и всего того, что впослѣдствіи можетъ быть забыто. „Дѣло не въ томъ—говоритъ Жуковскій—чтобы сдѣлать много, а въ томъ, чтобы сдѣлать мало, да хорошо. То, что ученикъ потеряетъ въ количествѣ полузнаній, онъ выиграетъ въ способности пріобрѣтать впослѣдствій основательныя знанія самостоятельно... Дѣло не въ томъ, чтобы блистать показными успѣхами. Мы должны думать только о томъ, чтобы положить солидныя основанія. Надо дать ясныя идеи, хорошо связать ихъ между собою и вызвать охоту къ ученію. Однимъ словомъ, то, что мы теперь потеряемъ въ быстротѣ, мы выиграемъ въ основательности, и потерянное время вдвойнѣ будетъ наверстано впослѣдствіи". Для облегченія труда въ планѣ рекомендовались „пособія, порядокъ и метода", а также „пріятность преподаванія". „Механическое изученіе наизусть" не одобрялось, а для утвержденія въ памяти преподаваемаго рекомендовалось „соединеніе чувственнаго съ умственнымъ" посредствомъ рисунковъ, картъ и таблицъ, частое повтореніе, но „съ новой стороны того же предмета", окруженіе воспитанника предметами, напоминающими ему и въ свободное время о томъ, что онъ изучалъ въ классной комнатѣ, соединеніе самыхъ игръ съ ученіемъ, напримѣръ, при помощи волшебнаго фонаря. Даже изученіе иностранныхъ языковъ привлекалось для закрѣпленія въ памяти „системы знаній": воспитанникъ на чужомъ языкѣ долженъ былъ слышать и говорить о томъ, что ему было сообщено по-русски.

Особенное вниманіе было обращено Жуковскимъ на то, чтобы обученіе было обставлено всевозможными наглядными пособіями. Въ спискѣ „пособій" мы находимъ библіотеку, заключающую избранныя книги, лучшія и новѣйшія карты, виды городовъ, мѣстъ, зданій, портреты знаменитыхъ людей, костюмы древніе и новые, историческія и миѳологическія картины, рисунки по естественной исторіи, физическій, минералогическій и технологическій кабинетъ, модели, рельефы и т. д. Позже предполагалось воспользоваться прогулками для обозрѣнія „разныхъ публичныхъ заведеній, зданій, кабинетовъ, мануфактуръ и пр.".

Обученіе, по мысли Жуковскаго, должно было быть не только развивающимъ въ умственномъ отношеніи, но и воспитывающимъ въ нравственномъ отношеніи. Даже на гимнастику онъ смотрѣлъ какъ на средство не только для развитія и укрѣпленія физическихъ силъ, но и для пріобрѣтенія, „мужества и способовъ владѣть собою во всѣхъ обстоятельствахъ жизни". „Великій князь—говоритъ Жуковскій—не долженъ ничего дѣлать безъ правилъ: каждый предметъ его ученія долженъ безпрестанно напоминать

ему, что во всемъ главное есть *правило*". Конечная цѣль воспитанія цесаревича—сдѣлать его „не ученымъ, а просвѣщеннымъ". „Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ—говорится въ планѣ—есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностью. Человѣкъ знающій, но не нравственный—будетъ вредить, ибо худо употребитъ извѣстные ему способы дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать, что дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо оно одно даетъ способы властвовать благотворно".

Наиболѣе развивающимъ въ нравственномъ отношеніи и наиболѣе необходимымъ для государя учебнымъ предметомъ Жуковскій, подобно Лагарпу, воспитателю Александра I, считаетъ исторію. „Сокровищница воспитанія царскаго — говоритъ онъ — есть исторія, наставляющая опытами прошедшаго, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною наукою наслѣдника престола. Исторія, освѣщенная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству, и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской". Правила эти слѣдующія: „Вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога... Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства... Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли; мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый—безсиленъ. Окружай себя достойными помощниками: слѣпое самолюбіе царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога. Она защититъ душу твою отъ пре-

зрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей“ *).

Для осуществленія намѣченнаго плана Жуковскій считалъ необходимымъ придерживаться строжайшаго порядка, который не долженъ былъ нарушаться даже самимъ императоромъ. „Ученіе по предложенному плану—говоритъ онъ—тогда только можетъ имѣть успѣхъ совершенный, когда ничто ни въ какомъ случаѣ не будетъ нарушать порядка, одинъ разъ навсегда установленнаго, когда и особа, и время, и все окружающее великаго князя—будутъ, безъ всякаго ограниченія, подчинены тѣмъ людямъ, которымъ его высочество будетъ порученъ довѣренностью государя. Государь императоръ, конфирмовавъ сей планъ, да благоволитъ быть первымъ безпрекословнымъ его исполнителемъ“. „Дверь учебной горницы—говорится дальше—въ продолженіе лекціи должна быть неприкосновенна; никто не долженъ себѣ позволять въ нее входить въ то время, которое великій князь будетъ посвящать занятію; изъ этого правила не должно быть ни для кого исключенія. Великій князь пріучится дорожить своимъ временемъ, когда увидитъ, что имъ дорожатъ и другіе и что въ порядкѣ часовъ соблюдается строжайшая точность. Его высочество въ продолженіе своего воспитанія долженъ привыкнуть не почитать ничего выше своихъ обязанностей“.

Жуковскій считаетъ своимъ долгомъ вмѣшаться даже въ отношенія самого императора къ своему сыну. Въ планѣ говорится, что государь не долженъ никогда хвалить сына за прилежаніе. Даже выраженіе удовольствія ласковымъ обращеніемъ, допускается только изрѣдка: „чѣмъ будетъ оно рѣже, тѣмъ болѣе будетъ имѣть цѣны, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствіе“. Все это нужно для того, чтобы цесаревичъ привыкалъ „видѣть въ исполненіи своихъ обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакого особеннаго одобренія“. Даже подарковъ императоръ не могъ дѣлать сыну безъ вѣдома и согласія воспитателя.

Въ планѣ не только до мельчайшихъ подробностей распредѣлено учебное время цесаревича, но даны указанія и относительно вакацій, которыя, по мысли Жуковскаго, слѣдовало посвятить практическому изученію военнаго искусства. Жуковскій предлагалъ подражать примѣру Петра Великаго: образовать „потѣшный полкъ“, превратить царскосельскій прудъ „въ океанъ“ и даже обучать великаго князя кораблестроенію. „Такимъ обра-

*) Жуковскій желалъ, чтобы съ уроками исторіи согласовались и уроки религіи. По мнѣнію поэта, для государя нужна „религія сердца“, „религія просвѣщенная, благодушная, проникнутая уваженіемъ къ человѣчеству“, такая религія, которая уяснила бы государю, что „пользоваться всемогуществомъ не значитъ царствовать“, которая подчинила бы его долгу и внушила бы ему „уваженіе къ праву, справедливости, свободѣ, просвѣщенію, однимъ словомъ, такая религія, которая научила бы „царствовать для блага народа, а не ради своего могущества“ (См. письмо Жуковскаго къ императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ отъ 1 января 1827 года. Сочиненія Жуковскаго, VI, 271—272. Спб. 1885).

зомъ—говоритъ Жуковскій—великій князь, играя и переходя всѣ степени военнаго человѣка, отъ солдата до генерала, познакомился бы со всѣми подробностями службы военной". Но и военныя игры должны преслѣдовать нравственную цѣль. „И здѣсь—говорится въ планѣ—цѣлью было бы не одно знаніе фрунта, механически пріобрѣтаемое, но и дѣятельное пробужденіе высокихъ человѣческихъ качествъ—смѣлости, терпѣнія, расторопности, присутствія духа, осторожности, рѣшительности, хладнокровія, словомъ—всего, что составляетъ воина въ истинномъ, прекрасномъ знаменованіи сего слова". Сообразно съ этою цѣлью и руководитель военными играми „долженъ быть не простымъ знатокомъ фрунта, привыкшимъ видѣть въ солдатѣ одну машину, но просвѣщеннымъ знатокомъ военнаго дѣла, способнымъ понимать, что во власти его душа будущаго повелителя милліоновъ, можетъ быть—назначеннаго нѣкогда стать передъ русскою арміею и рѣшить судьбу народовъ... При выборѣ такого наставника надобно смотрѣть не на одни знанія военныя, но и вообще на просвѣщеніе и характеръ нравственный, дабы наставляя, онъ могъ и воспламенять душу ко всему великому и героическому". „Однимъ словомъ—прибавляетъ Жуковскій—сію часть воспитанія великаго князя почитаю одною изъ самыхъ важныхъ,—симъ способомъ онъ можетъ или быть навсегда испорченъ, то есть обращенъ въ мелочнаго солдата, или быть образованъ для истиннаго героизма, для чести своего вѣка, для твердаго блага Россіи" *).

Педагогическіе взгляды Жуковскаго, изложенные имъ въ „Планѣ ученія", вскорѣ послѣ опубликованія этого документа, подверглись довольно рѣзкому разбору со стороны недавно умершаго Льва Поливанова. Московскій педагогъ усмотрѣлъ въ планѣ Жуковскаго „крайнее увлеченіе" идеями Песталоцци и „неполное пониманіе" или „неудачное измѣненіе" этихъ идей. „Планъ Жуковскаго—говоритъ Поливановъ—страдаетъ именно тѣмъ, что въ основу его положена метода, возникшая подъ руками знаменитаго педагога для удовлетворенія нуждъ школы *народной*, элементарной, которая, по самой сущности своей, есть учрежденіе, сообщающее знанія скороспѣлыя, пойманныя въ короткій срокъ школьнаго времени, для бѣднаго люда всегда крайне краткаго. Остановиться на результатахъ этой школы въ системѣ созиданія идей... значитъ подавить мышленіе массою знаній, разсѣивающихъ умъ и обременяющихъ память". „Второй коренной недостатокъ плана, по мнѣнію Поливанова, заключается въ томъ, что языки разсматриваются въ немъ исключительно... какъ *орудіе*". „Знанія гуманистическія,—говоритъ Поливановъ о второмъ періодѣ обученія—не подкрѣпленныя серьезнымъ языкоученіемъ, неминуемо получаютъ характеръ поверхностнаго дилетантизма и подчиненія случайнымъ теченіямъ идей, въ потокѣ которыхъ незака-

---

*) „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества", т. XXX, сс. 1—37. Сочиненія Жуковскаго, VI, 328—369, Спб. 1885.

ленное мышленіе учащагося безсильно проложить самостоятельный путь мыслей, творчески построяемыхъ окрѣпшимъ на языкоученіи мышленіемъ“ *).

Замѣчаніе Поливанова о крайнемъ увлеченіи Жуковскаго идеями Песталоцци, конечно, въ значительной степени справедливо. „Катехизированье насчетъ отвлеченныхъ понятій“ Песталоцци считалъ „простымъ попугайскимъ повтореніемъ непонятныхъ звуковъ“. Жуковскій же, какъ можно думать, такимъ именно путемъ и хотѣлъ доводить своего воспитанника, въ первый періодъ обученія, до отвлеченныхъ понятій политики, морали и религіи. Что касается второго недостатка, указаннаго Поливановымъ, то его могутъ признать одни только педагоги-классики. Но какіе бы недостатки ни заключались въ „Планѣ“ (при составленіи котораго были приняты во вниманіе и личные взгляды императора Николая I), во всякомъ случаѣ, педагогическіе взгляды Жуковскаго стояли неизмѣримо выше тогдашней, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и современной школьной рутины. Если же принять во вниманіе самоотверженную преданность Жуковскаго своему дѣлу и его горячую любовь къ своему воспитаннику, то придется признать, что лучшаго воспитателя для наслѣдника русскаго престола едва ли можно было и найти три четверти вѣка тому назадъ.

Согласно плану, выработанному Жуковскимъ надзиратель за ученіемъ великаго князя въ первый періодъ обученія долженъ былъ взять на себя почти всѣ учебные предметы, кромѣ иностранныхъ языковъ, искусствъ и гимнастики. Во второмъ періодѣ „надзиратель“ долженъ былъ присутствовать при главныхъ урокахъ цесаревича, учиться вмѣстѣ съ нимъ, служить для него репетиторомъ и помогать ему „преподаваемое учителями обращать въ свою собственность“. Кромѣ того, и въ этомъ періодѣ Жуковскій бралъ на себя преподаваніе русскаго языка и упражненіе цесаревича въ русскомъ слогѣ. Въ третьемъ періодѣ обученія Жуковскій долженъ былъ помогать своему воспитаннику составить обозрѣніе всего пройденнаго и подвести итогъ подъ суммы, собранныя во всѣ годы его ученія. Такимъ образомъ, Жуковскій взялъ на себя массу работы, особенно въ первомъ періодѣ обученія. Самоотверженіе поэта въ данномъ случаѣ окажется еще большимъ, если напомнить, что здоровье его въ это время было сильно разстроено. Кромѣ того, Жуковскій брался за преподаваніе такихъ предметовъ, съ которыми онъ самъ, по собственному его признанію, не былъ еще знакомъ въ достаточной степени.

Прежде чѣмъ приступить лично къ осуществленію своего плана, Жуковскій уѣхалъ за границу для возстановленія своего здоровья, а также для приготовленія къ своему „святому дѣлу“ и для пріобрѣтенія учебныхъ пособій. Отсутствіе Жуковскаго

*) Загаринъ (Левъ Поливановъ). В. А. Жуковскій и его произведенія, сс. 405—411. М. 1883.

продолжалось полтора года, и бо́льшая часть этого времени была посвящена приготовительнымъ трудамъ. Вездѣ, гдѣ только можно было, въ Парижѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ и другихъ городахъ, Жуковскій пріобрѣталъ учебныя пособія для цесаревича. Въ одномъ Лейпцигѣ было пріобрѣтено на четыре тысячи талеровъ книгъ. Не полагаясь на одни свои знанія, Жуковскій привлекалъ къ себѣ на помощь и русскихъ, и заграничныхъ своихъ друзей и знакомыхъ. Такъ, въ выборѣ пособій ему помогали братья Александръ и Николай Тургеневы (послѣдній жилъ въ Лондонѣ), извѣстный французскій историкъ и политическій дѣятель Гизо, извѣстный филантропъ Дежерандо, извѣстный педагогъ аббатъ Николь и др. Живя и путешествуя за границей, Жуковскій старался также знакомиться съ заграничными педагогами и съ новѣйшими педагогическими сочиненіями и запасаться разнаго рода техническими знаніями, для чего онъ посѣщалъ музеи, фабрики и заводы. Особенно много работалъ Жуковскій для приготовленія къ своимъ занятіямъ въ Дрезденѣ, гдѣ онъ провелъ зиму 1826—1827 годовъ. „Здѣсь я былъ безпрестанно занятъ своими приготовленіями къ будущему, писалъ поэтъ изъ Дрездена Елагиной,—по плану ученія великаго князя, мною сдѣланному все главное лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходиться въ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія, другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете изъ этого заключить, сколько мнѣ нужно приготовиться, чтобы лекціи могли итти безъ всякой остановки“.

Между прочимъ, въ Дрезденѣ Жуковскій составлялъ „историческія таблицы“ и откровенно признавался, что эта сухая работа имѣетъ для него всю прелесть прежнихъ его занятій поэзіей. Въ это время Жуковскій чувствовалъ себя почти совершенно счастливымъ; его смущала только мысль о собственной неподготовленности къ тому важному дѣлу, которое было на него возложено. Съ обычной своей скромностью онъ откровенно признается императрицѣ, что его знаній и способностей достаточно для воспитанія частнаго лица, но слишкомъ мало для воспитанія монарха великой имперіи. „Чтобы преподавать царевичу науку— писалъ Жуковскій императрицѣ 1/13 іюля 1827 года,—недостаточно быть только ученымъ. Слѣдуетъ быть ученымъ въ наукѣ человѣчества съ точки зрѣнія всѣхъ временъ и въ особенности настоящей эпохи, наблюдать его во всѣхъ положеніяхъ, испытать борьбу человѣческихъ страстей, въ особенности на поприщѣ политическомъ, гдѣ онѣ въ нашъ вѣкъ бываютъ такъ сложны и такъ бурны, слѣдуетъ пройти этотъ курсъ наукъ не по книгамъ, но по событіямъ и выработать изъ этихъ практическихъ наблюденій нравственныя правила, однимъ словомъ, слѣдуетъ имѣть общественное значеніе, твердо основанное столько же на познаніяхъ, усвоенныхъ въ тиши кабинета, сколько и на знаніи свѣта—не того мелкаго свѣта, называемаго обществомъ, гдѣ разыгрываются мелкія страсти, волнуемыя ничтожными интересами,

но того свѣта, который обнимаетъ вселенную, который состоитъ изъ необъятнаго собранія царей и народовъ, гдѣ идетъ дѣло о великихъ интересахъ, о счастіи цѣлыхъ поколѣній, о славѣ всего человѣчества". „Мы съ Мердеромъ—продолжаетъ Жуковскій—можемъ быть пригодны только для мелочей. Вы можете положиться на нашу преданность; но намъ нужна личность, которая могла бы въ общихъ чертахъ наблюдать за нами, направлять наши труды къ ихъ главной цѣли, словомъ, придать имъ тотъ окончательный отпечатокъ, который мы не въ силахъ имъ сообщить, по совершенной неспособности нашей въ этомъ смыслѣ" *). Такой идеалъ воспитателя, по мнѣнію Жуковскаго, воплощался въ графѣ Каподистріи. Но желаніе поэта имѣть своимъ руководителемъ знаменитаго противника политической системы Меттерниха не могло осуществиться.

Готовясь къ своей педагогической дѣятельности, Жуковскій въ то же время изъ-за границы слѣдилъ и за воспитаніемъ наслѣдника, переписываясь съ Мердеромъ и Жиллемъ, преподавателемъ французскаго языка. Между прочимъ, узнавъ изъ газетъ, что въ Москвѣ цесаревичъ явился верхомъ на смотру, Жуковскій въ письмѣ къ императрицѣ высказалъ рѣзкій протестъ противъ преждевременной военщины. Онъ называетъ этотъ эпизодъ совершенно излишнимъ въ той „прекрасной поэмѣ", надъ которой трудятся воспитатели наслѣдника престола. „Долженъ ли онъ быть только воиномъ—писалъ Жуковскій императрицѣ,—дѣйствовать только въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будемъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность!—Государыня, простите моимъ восклицаніямъ; но страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу: онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ казарму. Мы видѣли плоды этого: арміи не составляютъ могущества государства или государя. Если царь занятъ однимъ устройствомъ войска, то оно годится только на то, чтобы произвести 14-е декабря" **).

Въ октябрѣ 1827 года Жуковскій возвратился въ Петербургъ, а съ начала слѣдующаго года начались его занятія съ цесаревичемъ. Въ 1828 году всѣ учебные предметы, кромѣ закона Божія, ариѳметики, иностранныхъ языковъ и искусствъ, лежали на Жуковскомъ. Съ 1829 года помощниками его явились Липманъ, преподаватель всеобщей исторіи, и Триніусъ, преподаватель естественныхъ наукъ. Но, въ общемъ, главная тяжесть обученія лежала на Жуковскомъ, который въ теченіе перваго періода считалъ нужнымъ перерабатывать лекціи своихъ помощниковъ по соб-

*) Сочиненія Жуковскаго, VI, 280—281. Спб. 1885.

**) Сочиненія Жуковскаго, VI, 261—362. Совершенно иначе отнесся къ этому эпизоду воспитатель цесаревича Мердеръ. Разсказавъ въ своихъ „Запискахъ" о ловкости, которою восьмилѣтній цесаревичъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, Мердеръ прибавляетъ: „Сколь мнѣ было пріятно видѣть то впечатлѣніе, которое производитъ великій князь на народъ, выразить невозможно". (Русская Старина, 1885 г.. февраль, с. 347).

ственной методѣ. Теперь у меня на рукахъ—писалъ онъ Тургеневу въ началѣ 1829 года—исторія, естественная исторія и христіанское ученіе. Изъ трехъ предметовъ надобно составлять одно цѣлое. Кромѣ собственныхъ грамматическихъ лекцій и кромѣ переработки чужихъ лекцій по собственной методѣ, Жуковскій тратилъ массу времени на приготовленіе таблицъ и всякаго рода наглядныхъ пособій, нужныхъ какъ для цесаревича, такъ и для великихъ княженъ, обученіе которыхъ также было поручено руководству нашего поэта. *)

„Жуковскій былъ неутомимъ, говоритъ Плетневъ,—въ изысканіи средствъ, которыя бы, облегчая пріобрѣтеніе, въ то же время и укрѣпляли его въ умѣ и памяти. Его жилище превратилось въ мастерскую ученаго художника, гдѣ по особеннымъ планамъ готовились всѣ пособія для классныхъ комнатъ". Особенно много составлено Жуковскимъ пособій для изученія исторіи въ первомъ и во второмъ періодахъ обученія наслѣдника. Въ бумагахъ поэта, переданныхъ его сыномъ въ Публичную Библіотеку и описанныхъ г. Бычковымъ, находится цѣлый рядъ историческихъ картъ, географическихъ, хронологическихъ и генеалогическихъ таблицъ по русской и всеобщей исторіи. Кромѣ того, сохранились исписанныя рукою Жуковскаго тетради, въ которыхъ заключаются всевозможныя подготовительныя свѣдѣнія, напримѣръ: краткія замѣтки о религіи римлянъ, египтянъ и другихъ народовъ Востока, матеріалы для составленія таблицъ по исторіи скульптуры, живописи и архитектуры, матеріалы для составленія таблицъ по естествовѣдѣнію и т. д. Сохранились также исполненныя самимъ Жуковскимъ рисунки въ краскахъ для объясненія физики и физической географіи. **)

Помимо разнаго рода таблицъ и наглядныхъ пособій, Жуковскій работалъ надъ курсомъ русской исторіи, надъ переводомъ отрывковъ изъ „Иліады" и надъ составленіемъ „Собирателя" (въ 1829 г.) и „Муравейника" (въ 1831 г.), двухъ рукописныхъ журналовъ, предназначавшихся для поощренія царскихъ дѣтей къ практическимъ занятіямъ русскимъ языкомъ ***).

Легко представить, какую массу труда и времени отнимали у Жуковскаго его педагогическія занятія. „Нельзя вести одно-

---

*) Впослѣдствіи Жуковскій руководилъ учебными занятіями и младшихъ сыновей Императора Николая.

**) Большая часть задуманныхъ Жуковскимъ таблицъ не была доведена до конца, да и вполнѣ приготовленныя таблицы не принесли особенной пользы при обученіи цесаревича. Ни одинъ изъ учителей—писалъ впослѣдствіи Жуковскій—не могъ ихъ (таблицы) какъ должно употребить въ дѣло: привыкши къ собственному ходу, ни одинъ не могъ пойти новымъ, указаннымъ ему ходомъ, и хотя этотъ ходъ былъ самый простой, логическій и образовательный, но онъ не могъ быть такимъ для тѣхъ, которые уже имѣли свою долговременную рутину преподаванія. (Сочиненія Жуковскаго. VI. 501—502).

***) Между прочимъ, въ „Собирателѣ" были напечатаны приведенные выше взгляды Жуковскаго о пользѣ исторіи для государей.

образнѣе моей жизни: я по уши въ лекціяхъ"; „всѣ минуты мои заняты"; „время все захвачено". Такія признанія сплошь и рядомъ встрѣчаются въ письмахъ Жуковскаго конца двадцатыхъ годовъ.

Въ это время Жуковскій не разставался со своимъ воспитанникомъ даже въ періодъ лѣтнихъ каникулъ, при чемъ онъ много хлопоталъ о томъ, чтобы въ душу царевичу не запало „пристрастіе къ военному" и не „помѣшало многому". Онъ хотѣлъ развить въ великомъ князѣ другое „пристрастіе"—охоту къ чтенію, такъ какъ былъ убѣжденъ, что „хорошія книги—вѣрнѣйшіе друзья частнаго человѣка и настоящіе совѣтники государей: онѣ не льстятъ, а заставляютъ мыслить, и возбуждаютъ уваженіе ко всему человѣческому".

Напряженный трудъ пагубно отразился на здоровьѣ Жуковскаго, и лѣтомъ 1832 года онъ вынужденъ былъ искать спасенія въ заграничномъ отпускѣ. И во время этого отсутствія изъ Петербурга, такъ же, какъ за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, Жуковскій не забывалъ главнаго дѣла своей жизни и „изъ прекраснаго далека" не переставалъ слѣдить за своимъ воспитанникомъ. Между прочимъ, изъ-за границы Жуковскій написалъ рядъ писемъ, въ которыхъ на ряду съ разсказами о его путешествіи и со свѣдѣніями о состояніи его здоровья, встрѣчаются нравственные совѣты цесаревичу. Такъ, напримѣръ, Жуковскій писалъ о необходимости для государя нравственнаго достоинства. „Мы живемъ въ такое время—писалъ онъ цесаревичу—въ которое нужна бодрость, нужно твердое, ясное знаніе своихъ обязанностей и правилъ, помогающихъ исполнять оныя, правилъ, извлеченныхъ изъ вѣрнаго знанія того, что справедливо, и соединенныхъ съ живымъ стремленіемъ къ общему благу, внушаемымъ тою любовью, которую проповѣдуетъ намъ религія". „Знайте только одно—говоритъ Жуковскій въ томъ же письмѣ—что въ наше бурное время необходимѣе, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнію, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею справедливостію, своею чистою любовію общаго блага были образцами на землѣ и стояли выше остального міра. Нравственная сила непобѣдима; она въ душѣ государей хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя и во всякое время влечетъ ихъ къ тому, что назначилъ имъ Богъ, то есть къ вѣрному благу, неразлучному съ человѣческимъ достоинствомъ. Толпа можетъ имѣть силу матеріальную, но сила нравственная въ душѣ государей: ибо они могутъ быть дѣятельными представителями справедливости и блага.*)

Въ слѣдующемъ письмѣ, поздравляя своего воспитанника съ новымъ годомъ, Жуковскій желаетъ цесаревичу „чистоты и высокости мыслей, званія долга, дѣятельности для блага и смиренія передъ Богомъ". Въ томъ же письмѣ Жуковскій знакомитъ своего

*) Сочиненія Жуковскаго, VI, 387.

воспитанника съ собственной „горной философіей“, сложившейся въ немъ подъ вліяніемъ чтенія и размышленія въ швейцарскомъ уединеніи. Въ концѣ письма будущему императору даются такія совѣты: „Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его. Не толкай горы съ мѣста, но и не стой передъ нею, когда она падаетъ: въ первомъ случаѣ самъ производишь разрушеніе, въ послѣднемъ не отвратишь разрушенія, въ обоихъ же неминуемо погибнешь. Но работая безпрестанно, неутомимо, наряду со временемъ, отдѣляя отъ живого то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое, или уничтожишь старое, уже безплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и давай жить; а паче всего блюди Божію правду!“ *)

Болѣе года провелъ Жуковскій за границей и, по возстановленіи своего здоровья, опять вернулся къ своему „святому дѣлу“, опять заперся „въ своемъ кабинетѣ и въ своей учебной горницѣ“ и погрузился въ составленіе разнаго рода таблицъ, которыя должны были облегчать цесаревичу усвоеніе отдѣльныхъ наукъ.

Воспитаніе наслѣдника закончилось путешествіемъ по Pоссіи и по западной Европѣ въ сопровожденіи Жуковскаго. Вскорѣ послѣ того поэтъ оставилъ придворную службу и уѣхалъ за границу, гдѣ и провелъ послѣдніе годы своей жизни. Но связь его съ цесаревичемъ не прекратилась. Жуковскій до конца жизни считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ давать наслѣднику русскаго престола всякаго рода совѣты, представляющіе повтореніе и развитіе тѣхъ совѣтовъ, которые давались и раньше, устно и письменно. На ряду съ совѣтами піэтистическаго и славянофильскаго характера (напримѣръ: „мы можемъ обойтесь безъ Европы“, „ходъ Россіи не есть ходъ Европы“), въ заграничныхъ письмахъ Жуковскаго встрѣчаются также совѣты уважать человѣка, слѣдить за успѣхами литературы и науки, доискиваться правды и покоряться ей „мыслью и дѣломъ во благо народа русскаго“, любить и уважать противорѣчія и „произвольно покоряться власти убѣжденія и справедливости“, подавать подданнымъ примѣръ личной нравственности, такъ какъ „высокая нравственность есть палладіумъ государя самодержавнаго“, хранить „святыню самодержавія во всей ея неприкосновенности“, но въ то же время помнить, что „самовластіе... губитъ истинную власть“, не стремиться къ завоеваніямъ, которыя намъ „не только не нужны, но и вредны“, цѣнить силу нравственную болѣе, чѣмъ силу физическую, и т. д., и т. д. Лучшимъ образцомъ и примѣромъ для подражанія Жуковскій въ 1828, и въ 1845 году выстав-

*) Сочиненія Жуковскаго, с. 890.

лялъ Александра Невскаго, который положилъ „душу свою за людей своихъ во исполненіе воли небеснаго царя своего“.

Подобнаго рода совѣты оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ императора Александра II, и чтеніе біографіи „царя-освободителя“ не разъ заставляетъ вспомнить о его гуманномъ наставникѣ, который главной своей задачей считалъ развитіе въ сердцѣ будущаго государя „уваженія къ людямъ“, а впослѣдствіи больше всего гордился тѣмъ, что цесаревичъ „не презиралъ людей“. „Сѣмена правды и добра,—говоритъ біографъ гуманнѣйшаго изъ русскихъ царей—вложенныя въ его отзывчивую душу... въ особенности Жуковскимъ, разрослись въ ней пышнымъ цвѣтомъ. Возвышенному идеалу человѣчности Александръ II остался вѣренъ до конца. Имъ воодушевлены были его помыслы и дѣйствія“ *).

Не менѣе замѣчательны и тѣ совѣты, которые давалъ Жуковскій въ письмахъ къ великому князю Константину Николаевичу. „Прежде всего будьте человѣкомъ,—писалъ Жуковскій въ 1840 году двѣнадцатилѣтнему царскому сыну—имѣйте ясныя мысли высокія чувства, теплоту сердца и любовь къ правдѣ, тогда слогъ вашъ будетъ выраженіемъ прекраснаго“. „Никто не родился совершеннымъ:—писалъ Жуковскій въ слѣдующемъ письмѣ:—но достигнуть совершенства есть цѣль нашей жизни... То, что сдѣлалъ Демосѳенъ для того, чтобы быть ораторомъ, каждый изъ насъ долженъ дѣлать для того, чтобы быть человѣкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова. И ничего не можетъ быть выше на землѣ, какъ царь или сынъ царя, достойный имени человѣка“. Въ послѣдующихъ письмахъ Жуковскій совѣтуетъ великому князю „принимать участіе во всемъ, что входитъ въ составъ общественной жизни“, не пренебрегать тѣмъ, что „облагораживаетъ душу“ дорожить „минутами и часами“, которые должны быть посвящены на счастье и пользу русскому народу; стремиться не къ „дѣламъ славы“, а къ „дѣламъ правды, благодѣтельнымъ для всѣхъ и каждаго“, не къ расширенію границъ, а къ тому, чтобы „и народъ пріобрѣлъ всѣ блага общежитія“ и т. д. Въ своихъ совѣтахъ великому князю Константину Николаевичу Жуковскій является болѣе прогрессистомъ, чѣмъ въ совѣтахъ цесаревичу. Опредѣленной программы „великихъ реформъ“ въ этихъ совѣтахъ мы не найдемъ, но зато самое слово *реформа*, какъ средство предотвращенія революціи, было сказано Жуковскимъ въ письмѣ отъ $^{2}/_{14}$ марта 1850 года. И слово это очень скоро перешло въ дѣло у обоихъ царственныхъ воспитанниковъ гуманнаго поэта**). Такимъ образомъ, педагогическая дѣятельность Жуковскаго можетъ быть поставлена въ связь съ одной изъ самыхъ знаменательныхъ эпохъ русской исторіи.

---

*) Русскій біографическій словарь. I, 889. Спб. 1896.

**) Письма Жуковскаго къ великому князю Константину Николаевичу напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года и перепечатаны въ седьмомъ изданіи сочиненій поэта (Спб. 1878, т. VI). Письма великаго князя къ Жуковскому напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 года.

Закончивъ главное дѣло своей жизни, Жуковскій не охладѣлъ въ вопросамъ воспитанія. Еще до окончанія педагогической дѣятельности при императорскомъ дворѣ онъ мечталъ переселиться на родину и остатокъ своихъ дней посвятить поэзіи и воспитанію дѣтей своихъ любимыхъ племянницъ. Мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться, но вопросы воспитанія занимаютъ Жуковскаго и за границей. Въ 1845 году онъ даетъ совѣты цесаревичу относительно воспитанія его дѣтей. Такъ какъ „всякое воспитаніе начинается съ колыбели", то поэтъ совѣтуетъ своему бывшему воспитаннику „стоять на часахъ у дѣтской колыбели" не допускать къ ней „главнаго, злѣйшаго врага младенческихъ лѣтъ—худой привычки" и развивать въ ребенкѣ „главную добрую привычку"—привычку покорности, въ которой „сѣмя всѣхъ добрыхъ привычекъ". Далѣе Жуковскій выражаетъ желаніе, чтобы цесаревичу удалось найти для воспитанія своихъ дѣтей достойнаго человѣка, „знающаго сердце человѣческое вообще и душу ребяческую въ особенности, хорошо, не поверхностно, не односторонне-образованнаго, любящаго свѣтъ науки, православнаго христіанина не по одному только имени, знающаго Европу и Россію, русскаго умомъ и сердцемъ, но русскаго безъ фанатическаго презрѣнія ко всему иноземному, даже и хорошему, потому только, что оно не наше, безъ уродливаго энтузіазма ко всему своему, даже и худому, потому только, что оно свое". Жуковскій совѣтуетъ сдѣлать выборъ воспитателя заблаговременно, чтобы дать ему время приготовиться къ своему званію, а подъ этой подготовкой Жуковскій разумѣлъ „очищеніе своего ума и сердца и своихъ правилъ", обогащеніе и приведеніе въ порядокъ своихъ знаній и непосредственное ознакомленіе съ Россіей, Европой и даже Азіей. Въ томъ же самомъ письмѣ Жуковскій сообщаетъ, что ему хотѣлось бы на старости лѣтъ сдѣлать что-нибудь и для сыновей своего воспитанника. Онъ желалъ бы на досугѣ обработать хотя главные учебные предметы по той системѣ, по которой онъ преподавалъ цесаревичу. Кромѣ того, Жуковскій желалъ бы „собрать лучшія дѣтскія учебныя книги", которыя будутъ нужны для дѣтей цесаревича, а также гравюры, которыя обнимали бы весь курсъ предварительнаго обученія. Всѣми этими средствами Жуковскій мечталъ облегчить трудъ будущаго воспитателя и обезпечить примѣненіе своего собственнаго метода. „Я твердо увѣренъ—писалъ Жуковскій—что моя метода можетъ быть практически весьма полезна, что она образовательна для ума, крѣпительна для памяти и весьма способствуетъ къ тому, чтобы логически привести въ одно цѣлое всѣ разные предметы преподаванія" *).

Вскорѣ Жуковскому пришлось думать и о воспитаніи собственныхъ дѣтей. Въ 1850 году онъ уже началъ учить свою дочь чтенію, письму и счету. „Если бы вы,—писалъ Жуковскій Плетневу,—невидимою тѣнью посѣтили меня въ моемъ кабинетѣ—за чѣмъ

*) Сочиненіе Жуковскаго, VI, 498—506. Спб. 1885.

бы меня застали? За азбукою и четырьмя правилами ариѳметики: за приведеніемъ въ порядокъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ живописной азбуки, за облегченіемъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ полнаго систематическаго курса домашняго ученія, который систематически долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучить дома, отъ самихъ родителей. Съ новаго года—продолжаетъ Жуковскій—я началъ учить дочь. Занятіе сухое: русскія буквы и склады писать по-русски, считать. Но по той методѣ, которую я себѣ составилъ, мое милое дитя учится не только прилежно, но и весело".

Какъ раньше во время занятій съ цесаревичемъ, такъ и теперь, при обученіи собственной дочери, въ Жуковскомъ съ прежнею силою проснулся не умиравшій въ немъ никогда духъ педагога. „Не горюйте—писалъ онъ Плетневу—что я, отложивъ поэзію, принялся за дѣтскую азбуку. Въ этомъ занятіи глубокая жизнь. Первое воспитаніе, первыя понятія дѣтей принадлежатъ, какъ святѣйшее, нераздѣлимое ни съ кѣмъ сокровище, отцу и матери. Кому можемъ мы уступить эту прелесть перваго знакомства съ первыми проявленіями душевной и мысленной жизни нашего младенца... Нѣтъ мой милый, это педагогическое занятіе не есть просто механическое преподаваніе азбуки и механическій счетъ: это педагогическая поэма, въ которую все входитъ и которой никто не можетъ сочинить съ такимъ единствомъ, какъ самъ отецъ, если только онъ имѣетъ къ тому призваніе. И мнѣ совсѣмъ не скучна и не суха моя работа, хотя я и долженъ приводить въ систему буквы и цифры" *).

По своей „мнемонико-логической" методѣ Жуковскій хотѣлъ составить такой курсъ домашняго систематическаго ученія, которымъ могли бы пользоваться отцы и матери, „не прибѣгая къ помощи наемниковъ". Въ это педагогическое наслѣдство Жуковскаго должны были войти „живописная азбука", грамматическія таблицы, „живописная священная исторія", „мнемоническая ариѳметика" и атласъ по древней исторіи. Всѣ эти пособія престарѣлый поэтъ предполагалъ окончить до возвращенія въ Россію и напечатать ихъ еще при своей жизни. Слѣпота, постигшая Жуковскаго лѣтомъ 1851 года, помѣшала ему довести до конца свой педагогическій трудъ, хотя онъ старался работать надъ нимъ даже послѣ потери зрѣнія, при помощи особой изобрѣтенной имъ машинки.**) Всего за полгода до своей смерти онъ просилъ Плетнева пріискать „образованнаго классически русскаго", который могъ бы помочь при составленіи задуманнаго поэтомъ учебнаго курса. И въ послѣдніе дни своей жизни Жуковскій не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать объ изо-

*) Сочиненія и переписка Плетнева, III, 628, 647—649.

**) Сохранилась тетрадь, гдѣ Жуковскимъ, при помощи машинки, набросаны мысли о преподаваніи, о грамматикѣ, а также отрывки изъ „живописной священной исторіи". (Бумаги Жуковскаго, сс. 179—180).

брѣтенной имъ педагогической системѣ со своимъ духовникомъ о. Базаровымъ.

Не только практика, но и теорія воспитанія занимала Жуковскаго въ послѣдніе годы его жизни. Въ 1847 году была имъ написана статья „Что такое воспитаніе?“, примыкающая по общему духу къ той „моральной системѣ“, которую Жуковскому удалось составить въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ основу которой положены развившіеся въ немъ до крайней степени мистицизмъ и піэтизмъ.

„Цѣль воспитанія—говорится въ этой статьѣ—есть та же, какъ и цѣль жизни человѣческой. Сама жизнь здѣшняя не иное что, какъ воспитаніе для будущей, а вся будущая—не иное что, какъ безконечное воспитаніе для Бога... Человѣкъ образуется здѣсь воспитаніемъ не для счастія, не для успѣха въ обществѣ, не для особеннаго какого-нибудь званія, даже не для добродѣтели; онъ образуется для вѣры въ Бога (для вѣры христіанской) и для безусловнаго преданія воли своей въ высшую волю (въ чемъ истинная человѣческая свобода). Изъ этого истекаетъ всякое другое счастіе, успѣхъ, нравственность, добродѣтель. Воспитаніе должно образовать человѣка, гражданина, христіанина. Человѣкъ—здравая душа въ здравомъ тѣлѣ. Гражданинъ—нравственность, просвѣщеніе, искусства, самостоятельность. Христіанинъ—подчиненіе всего человѣка вѣрѣ“.

Главной задачей воспитанія Жуковскій считаетъ образованіе хорошихъ привычекъ, при чемъ основой всѣхъ другихъ привычекъ онъ считаетъ привычку къ повиновенію, сначала родителямъ, а потомъ волѣ Божіей. „Все основано на привычкѣ—говоритъ Жуковскій:—Дарованіе добрыхъ привычекъ и устраненіе худыхъ есть дѣло воспитанія“. Для того же, чтобы воспитатель легче и скорѣе могъ образовать хорошія привычки, онъ долженъ знать не только физическую и духовную природу человѣка вообще, но, кромѣ того, „особенную природу“ каждаго воспитанника въ отдѣльности. Отсюда необходимость дополненія и даже измѣненія общихъ теорій „частными наблюденіями“.

Приведенные взгляды на привычку вообще и на привычку къ покорности въ частности находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ педагогическими идеями Руссо, и Жуковскій въ своей статьѣ не жалѣетъ рѣзкихъ, но въ то же время справедливыхъ словъ по адресу автора „Эмиля“. „Многія отдѣльныя замѣчанія Руссо—говоритъ Жуковскій—весьма справедливы и убѣдительны; но изъ всѣхъ сихъ отдѣльно справедливыхъ замѣчаній выходитъ въ цѣломъ что-то чудовищное“. Его Эмиль—„что-то несбыточное, существо, какого нѣтъ и быть не можетъ, созданіе парадоксальнаго ума, который все портилъ по своей системѣ и никогда не зналъ существеннаго Система Руссо, такъ называемая система природы, есть уродство; онъ образуетъ своего Эмиля для такого порядка, котораго нѣтъ, никогда не бывало и быть не можетъ“.*)

*) Сочиненія Жуковскаго, сс. 944—945.

Не только при набрасываніи своихъ мыслей о воспитаніи, не только при обработкѣ своего педагогическаго курса, но и трудясь надъ переводомъ „Одиссеи“, Жуковскій думалъ о подрастающихъ поколѣніяхъ. Онъ считалъ, что „Одиссея“, „можетъ быть полезною образовательною книгою въ рукахъ юношества“, и очистилъ поэму Гомера отъ „всѣхъ грѣховъ“, чтобы сдѣлать ее „самою здоровою и поэтическою пищею для нашихъ молодыхъ читателей“. Жуковскій былъ убѣжденъ, что „совершенное незнаніе классиковъ есть великая прорѣха въ умственномъ образованіи“, и совѣтовалъ декабристу фонъ-Бриггену приняться за составленіе избранной библіотеки древнихъ историковъ, а своей „Одиссеей“ онъ думалъ „распространить вкусъ къ классической поэзіи, которая у насъ слишкомъ забыта“. Наконецъ, Жуковскій написалъ въ 1848 году четыре стихотворенія для своихъ дѣтей: „Птичка“, „Котикъ и козликъ“, „Жаворонокъ“ и „Мальчикъ съ пальчикъ“, которыя въ настоящее время можно встрѣтить почти во всякой русской учебной книгѣ.

Нѣтъ, конечно, надобности доказывать, что и все поэтическое наслѣдство, оставленное Жуковскимъ, и самая его личность имѣютъ важное значеніе для педагога. „Поэзія Жуковскаго даетъ учителю могучее средство вызвать въ юной душѣ ту вѣру въ идеалъ, съ которою каждый образованный гражданинъ долженъ вступить въ жизнь общественной дѣятельности. Жизнь Жуковскаго, столь часто являвшагося покровителемъ страждущихъ, представляетъ намъ такія черты, изъ которыхъ слагается образъ честнаго гражданина. Педагогическая дѣятельность Жуковскаго есть незабвенная заслуга предъ отечествомъ. Его воспитанникъ былъ на царскомъ престолѣ человѣколюбивѣйшимъ монархомъ. Давая такое воспитаніе, всецѣло направленное къ одной возвышенной цѣли, мы всегда доставимъ отечеству добрыхъ и дѣятельныхъ гражданъ... Такимъ образомъ, и поэзія, и жизнь, и дѣятельность Жуковскаго даютъ намъ то, что нужно для педагога, чтобы стать на высоту своего призванія“.—Эти прекрасныя строки находятся въ привѣтствіи отъ петербургскихъ педагоговъ, прочитанномъ 30 января 1883 года въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ.

С. Ашевскій.

Очеркъ исторіи развитія англійской журналистики.

(*Продолженіе*).

Газеты, однако, очень медленно прогрессировали послѣ революціи 1688 года. Правда, число ихъ увеличилось и онѣ достигли нѣкоторой независимости даже въ періодъ царствованія цензуры, но тѣмъ не менѣе газеты того времени представляли не что иное какъ маленькіе листки, грубаго вида, выходящіе два или три раза въ недѣлю, крайне безсодержательные и довольствовавшіеся лишь сухимъ изложеніемъ фактовъ, да и то не всегда вѣрныхъ. Злобы дня почти не затрогивались газетами или же затрогивались вскользь, и преимущественно сообщались заграничныя новости. Но даже и въ такомъ несовершенномъ видѣ газеты пользовались большою популярностью.

Тотчасъ же послѣ отмѣны цензуры возникли нѣсколько новыхъ газетъ. Однако, съ уничтоженіемъ цензуры, печать все-таки не отъ всѣхъ стѣсненій избавилась. Парламентъ не дозволялъ газетамъ печатать пренія палатъ или даже политическія корреспонденціи. Журналисты подвергались строгимъ взысканіямъ, если осмѣливались печатать отчеты о засѣданіи палаты и особенно если они называли по имени ораторовъ. Поэтому то, несмотря на возникновеніе довольно большого числа газетъ, все-таки имъ было трудно конкуррировать съ политическими корреспонденціями. Нѣкоторыя изъ газетъ придумали вслѣдствіе этого выходить двумя листками, одинъ—печатный, другой—чистый. Этотъ послѣдній предназначался для письма и такимъ образомъ газета отправлялась вмѣстѣ съ письмомъ. Газеты съ такимъ удобнымъ приспособленіемъ стоили два пенса (около 8-ми копѣекъ). Самою распространенною газетою этого рода въ тѣ времена была „Dawk's Hews letter“. Издатель ея, Дайеръ, однако, не избѣгъ преслѣдованій. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ два раза не задолго до упраздненія цензуры и затѣмъ, послѣ ея упраздненія, его призывали въ палату общинъ, гдѣ ему было сдѣлано внушеніе по по-

воду того, что онъ „позволилъ себѣ разсуждать о парламентскихъ засѣданіяхъ“. Это былъ первый случай выведенія на сцену „парламентскихъ привилегій“, которыя, какъ увидимъ ниже, привели къ многочисленнымъ распрямъ и разнымъ мелочнымъ преслѣдованіямъ, сдѣлавшимъ своею жертвою журналистику. Палата общинъ не ограничилась только внушеніемъ; она вотировала резолюцію, по которой ни одинъ писатель не имѣлъ права касаться въ своихъ статьяхъ преній въ парламентѣ или иныхъ парламентскихъ дѣйствій.

На Дайера это внушеніе, впрочемъ, не очень сильно подѣйствовало. Такъ же мало оказали дѣйствія и другія внушенія, которымъ онъ подвергся со стороны нѣкоторыхъ изъ парламентскихъ дѣятелей, чьи имена были имъ упомянуты въ газетѣ. Лордъ Мохунъ и нѣкоторые другіе, оскорбленные въ своемъ парламентскомъ достоинствѣ Дайеромъ, пустили въ ходъ самый убѣдительный аргументъ—палку, чтобы заставить замолчать неугомоннаго журналиста.

Парламентъ, хотя и не желалъ (или не могъ) возстановить прежнюю тиранію, тѣмъ не менѣе стремился наложить узду на печать и особенно настаивалъ на своей неприкосновенности для печати, не дозволялъ не только критиковать свои поступки, но даже просто сообщать о нихъ въ печати. Редакторы подвергались аресту и штрафамъ. Въ парламентѣ даже поднималась рѣчь о возобновленіи цензуры и даже внесенъ былъ соотвѣтствующій билль, но времена были уже не тѣ и билль провалился. Но тѣмъ не менѣе парламентъ поступалъ совершенно въ духѣ этого билля и по смерти Вильгельма III въ мартѣ 1702 года торіи, пользовавшіеся покровительствомъ королевы Анны, тиранизовали печать насколько могли, но по счастью они не могли сдѣлать многаго.

Несмотря, однако, на враждебное отношеніе парламента къ журналистикѣ, она все же продолжала развиваться, и царствованіе королевы Анны можно считать началомъ настоящихъ политическихъ газетъ. Много способствовали этому извѣстныя общественныя условія. Война за испанское наслѣдство занимала умы, общественное любопытство было возбуждено, двѣ могущественныя партіи, виги и торіи, оспаривали власть и такъ какъ борьба велась не только при дворѣ, но и въ парламентѣ, то общественное мнѣніе должно было принять участіе въ этой борьбѣ и это естественнымъ образомъ отразилось на журналистикѣ. Въ 1702 году появилась первая ежедневная газета „Daily courant“. Правда, газета эта была очень скромнаго вида, печаталась лишь на одной сторонѣ въ двухъ столбцахъ и содержала лишь переводныя статьи, да внѣшнія извѣстія безъ всякихъ комментарій. Издатель ея Маллетъ объявилъ въ первомъ номерѣ своимъ читателямъ, что онъ уменьшилъ объемъ своей газеты наполовину затѣмъ, чтобы предохранить публику по крайней мѣрѣ хоть отъ половины того безстыдства, которымъ отличаются обыкновенныя газеты. Что же касается

того, что онъ сообщаетъ внѣшнія извѣстія безъ всякихъ комментарій, то дѣлаетъ онъ это потому, что считаетъ такіе комментаріи совершенно лишними, полагая, что каждый обладаетъ достаточнымъ умомъ, чтобы сдѣлать ихъ самому.

Маллетъ преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, цѣли удешевленія изданія, но все же не могъ продержаться долго и черезъ полтора мѣсяца уступилъ свою газету типографщику Самюэлю Боклею, который расширилъ ее, сталъ печатать на двухъ страницахъ и помѣщалъ не одни только внѣшнія извѣстія, а и внутреннія и иногда критическія статьи. Газета въ такомъ видѣ существовала болѣе 30 лѣтъ и затѣмъ слилась съ другою газетой „Daily Gazettees".

Въ провинціяхъ особенно нуждались въ газетахъ и поэтому онѣ мало по малу стали появляться во всѣхъ большихъ провинціальныхъ городахъ. Въ Лондонѣ выходило 18 политическихъ газетъ и какъ прежде въ названіяхъ газетъ преобладало слово „Mercurius" такъ теперь большинство газетъ называлось „Post" „Postboy", „Flying Post" „Englich Post" „Postman" и т. д. Но газеты все же продолжали заниматься гораздо болѣе заграницей нежели Англіей и лишь робко позволяли себѣ говорить объ общественныхъ дѣлахъ, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ парламента. Вообще журналисты того времени находились въ постоянной опасности и не разъ даже платились жизнью за то, что осмѣливались упомянуть въ своей статьѣ о комъ нибудь изъ сильныхъ міра сего, которые безъ церемоніи, въ такихъ случаяхъ, посылали наемныхъ убійцъ къ провинившемуся писателю. Но всеобщее движеніе умовъ, вызванное политическою борьбою, помогло журналистикѣ сбросить свою сдержанность и робость и открыто заговорить о государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Первый примѣръ правильной полемики по поводу государственныхъ дѣлъ былъ поданъ Даніелемъ Дефоэ, но, къ сожалѣнію, Дефоэ, выступившій на арену политической журналистики вполнѣ честнымъ борцомъ за правду, въ концѣ концовъ сдѣлался продажнымъ журналистомъ и сталъ служить той партіи, которая находилась въ силѣ. Но все же заслуги Дефоэ въ началѣ его писательской дѣятельности были настолько велики, что ихъ не могло смыть его позднѣйшее предательство. Дефоэ началъ издавать свой журналъ „Revue", находясь въ Ньюгэтской тюрьмѣ, гдѣ онъ искупилъ свой памфлетъ: „способъ всего скорѣе покончить съ диссидентами", за который ему пришлось также простоять у позорнаго столба. „Revue" выходилъ разъ въ недѣлю отдѣльными номерами, составленными по весьма широкому плану: реформа нравовъ, обсужденіе государственныхъ мѣропріятій, статьи противъ пьянства, игры, дуэли, распущенность общества и театра, политическіе вопросы—все это входило въ программу журнала Дефоэ. Журналъ просуществовалъ девять лѣтъ, пока Дефоэ снова не попалъ въ Ньюгэтъ. Съ появленіемъ этого журнала собственно и начинается политическая роль печати въ Англіи. Увеличеніе значенія журналистики

въ ту эпоху подтверждается тѣмъ, что многіе знаменитые писатели и высокопоставленныя лица выступали на ея поприщѣ и принимали участіе въ политической борьбѣ посредствомъ журнальной полемики. Многіе изъ выдающихся писателей того времени были даже редакторами газетъ. Лордъ Болингброкъ печаталъ статьи противъ правительства въ «Examiner», и ему отвѣчалъ самъ лордъ-канцлеръ въ другой газетѣ. Выйдя изъ министерства, Болингброкъ печаталъ полемическія статьи въ газетѣ „Craftsman" за подписью „An occasional writer" (Случайный писатель). Вмѣстѣ съ Болингброкомъ выступали и другія знаменитости на журнальномъ поприщѣ: Свифтъ, Стиль, Аддисонъ и др. Литература, философія, этика и искусство занимали въ журналахъ столько же мѣста, сколько и полемика. Большимъ вліяніемъ и распространеніемъ пользовался журналъ „Tatter" (болтунъ), основанный Стилемъ, прибѣгнувшимъ къ хитрости для того, чтобы обезпечить успѣхъ своего журнала—онъ заимствовалъ псевдонимъ у Свифта (Isaac Bickerstaff), подъ которымъ послѣдній издалъ свои три юмористическія брошюры, имѣвшія огромный успѣхъ. Свифтъ тоже сначала принималъ участіе въ газетѣ Стиля, но затѣмъ, соблазненный выгодными обѣщаніями, примкнулъ къ торіямъ и сталъ, вмѣстѣ съ Болингброкомъ, издавать политическую газету „Examiner". Стиль также, поощренный успѣхомъ своего журнала „Tatter", основалъ ежедневную газету „Spectator", въ скоромъ времени получившую всемірную извѣстность. Успѣхъ этой газеты съ самаго начала превзошелъ даже смѣлыя ожиданія Стиля.

Возростающее вліяніе печати очень не нравилось парламенту, въ рукахъ котораго сосредоточивалась тогда власть. Палата общинъ, ставившая Стюартамъ въ упрекъ ихъ преслѣдованія печати, сама, въ свою очередь, возстала противъ гласности. Малѣйшій намекъ на парламентскія пренія, появлявшійся въ печати, всякое обсужденіе рѣчей и неодобреніе парламентскихъ мѣропріятій вмѣнялось въ преступленіе, наказуемое штрафами, тюремнымъ заключеніемъ и позорнымъ столбомъ. Въ такихъ случаяхъ не спасала даже парламентская неприкосновенность. Парламентъ исключилъ изъ своей среды одного изъ своихъ членовъ за то, что тотъ издалъ книгу, которая была признана оскорбительной для христіанской религіи. Почти ни одна сессія не обходилась безъ того, чтобы кто нибудь изъ журналистовъ не былъ препровожденъ въ Ньюгэтъ. Конечно, и Стиль не могъ не поплатиться за свои сарказмы. Въ декабрѣ 1712 года онъ смѣло выступилъ на политическую арену и былъ выбранъ въ слѣдующемъ году въ парламентъ. Тогда-то онъ сталъ издавать новый журналъ, выходившій три раза въ недѣлю, „Englishman", который отличался особенною смѣлостью рѣчей. Въ одномъ изъ номеровъ этого журнала онъ, напримѣръ, писалъ: „Я не могу приписать политическія бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ страна, ничему другому, какъ только привычкѣ министровъ льстить честолюбію принцевъ и внушать имъ мнѣніе, что они выше законовъ, ко-

торые собственно предназначены лишь для того, чтобы связывать слабыя руки глупыхъ подданныхъ могущественнаго монарха, а никакъ не его самого"...

Такая манера министровъ, по словамъ Стиля, неминуемо должна повести къ тому, что какъ народъ, такъ и принцъ начнутъ испытывать безпокойство, возникнетъ недовѣріе другъ къ другу, а когда нарушится окончательно взаимное довѣріе, то мѣсто его заступитъ враждебность—принцъ рѣшитъ, что народъ не стоитъ его покровительства, а народъ придетъ къ убѣжденію, что ему надо самому защищать свою свободу...

Разумѣется, это были очень смѣлыя рѣчи для того времени, когда, въ виду приближающейся смерти королевы Анны, составлялись, съ вѣдѣнія Болингброка, самые отчаянные планы для ниспроверженія существующаго акта о престолонаслѣдіи и возведенія на престолъ Англіи наслѣдника Якова II, Георга Ганноверскаго, вмѣсто принцессы Софіи или ея сына. Неудивительно, что Стиль былъ привлеченъ парламентомъ къ отвѣтственности за эти рѣчи, и его не спасла отъ исключенія изъ состава парламента даже поддержка Уальполя и всей партіи виговъ. Мы нѣсколько остановимся на дѣлѣ Стиля, такъ какъ оно очень характерно для той эпохи.

Въ февралѣ 1714 года королева, открывая парламентъ тронною рѣчью, пожаловалась на инсинуаціи, появлявшіяся въ печати, и въ мартѣ того же года палатѣ общинъ было предложено принять во вниманіе эту часть тронной рѣчи и подумать о мѣрахъ „къ пресѣченію безчинствъ печати". Аудиторъ Фолей прибавилъ къ этому, что если не будетъ найдено средство къ обузданію печати и къ огражденію лицъ, имѣющихъ честь находиться въ администраціи, отъ злобной и скандальной клеветы, то эти лица, обладающія всѣми нужными качествами и способностями для того, чтобы служить королевѣ и странѣ, откажутся отъ общественныхъ должностей и службы. Другой членъ парламента, сэръ Уильямъ Уиндгэмъ, прямо указалъ на произведенія Стиля, какъ на такія, которыя заключаютъ въ себѣ много оскорбительныхъ выраженій по отношенію къ королевѣ и проникнуты духомъ возмущенія. Затѣмъ въ палату общинъ была представлена уже формальная жалоба отъ имени правительства на Стиля за его писанія, и Стиль получилъ приказаніе явиться для объясненій. Слѣдующій день была суббота, и парламентъ былъ переполненъ публикой, явившейся послушать, какъ будутъ читать и обсуждать выдержки изъ инкриминированныхъ статей Стиля. Послѣ того, какъ нѣсколько ораторовъ произнесли рѣчи, строго осуждающія поведеніе Стиля, онъ былъ приглашенъ представить свои объясненія. Вызванный Стиль сказалъ, что такъ какъ на него нападаютъ съ разныхъ сторонъ, то онъ проситъ парламентъ дать ему недѣлю отсрочки для того, чтобы приготовить свою защиту. Но противъ отсрочки возстали аудиторы Фолей и Гарлей, требовавшіе немедленнаго обсужденія. Такъ какъ они оба въ моло-

дости были пресвитеріанцами, то до сихъ поръ сохранили привычку говорить нараспѣвъ, эта привычка какъ то особенно рельефно выразилась въ ихъ громоносныхъ рѣчахъ противъ Стиля, которыя они произнесли какимъ то пѣвучимъ, жалобнымъ тономъ. Искушеніе сдѣлать ихъ посмѣшищемъ было слишкомъ велико для Стиля, и онъ не могъ сдержаться, чтобы не выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ передъ палатою. Искусно подражая ихъ тону, Стиль началъ говорить, что онъ видитъ себя вынужденнымъ „съ покорностью и сокрушеніемъ сердца признать себя великимъ грѣшникомъ". Но онъ надѣется, что „члены парламента, говорившіе передъ этимъ, пользующіеся вполнѣ заслуженною репутаціей примѣрнаго благочестія, не захотятъ участвовать въ увеличеніи числа тяготѣющихъ надъ нимъ грѣховъ, заставляя его нарушить субботній день, принадлежащій Господу Богу, чтеніемъ профанирующихъ статей, которыя могутъ служить ему для его оправданія".

Остроумная выходка Стиля такъ развеселила палату, что его просьба была принята во вниманіе, и разбирательство его дѣла было отложено до вторника. Въ этотъ день въ парламентъ не допустили никого изъ постороннихъ, за исключеніемъ Аддисона и еще нѣсколькихъ лицъ, которымъ было дозволено принимать участіе въ допросѣ. Стиля спросили, признаетъ ли онъ себя авторомъ инкриминированныхъ статей. Стиль безъ всякаго колебанія заявилъ, что да и такъ же весело и смѣло прочелъ въ палатѣ всѣ тѣ мѣста статей, которыя навлекли на себя гнѣвъ властей. Послѣ того въ палатѣ возникли горячія пренія. Сначала рѣшено было удалить Стиля и не позволить ему присутствовать при преніяхъ, но затѣмъ это рѣшеніе было отмѣнено и Стилю разрѣшили выслушать доводы своихъ противниковъ и затѣмъ сказать рѣчь въ свою защиту. Стиль сказалъ блестящую рѣчь, длившуюся три часа, и опровергнулъ всѣ доводы своихъ противниковъ, но, разумѣется, убѣдить заранѣе предубѣжденныхъ не могъ.

Уальполь произнесъ краснорѣчивую рѣчь въ защиту Стиля. „Развѣ долженъ авторъ отвѣчать передъ парламентомъ за тѣ вещи, которыя онъ пишетъ какъ частное лицо?—воскликнулъ Уальполь. Если онъ подлежитъ за это наказанію закономъ, то и предоставьте это закону. Вѣдь такимъ путемъ парламентъ, который долженъ служить лишь бичомъ дурныхъ министровъ, скоро сдѣлается въ рукахъ министровъ бичомъ для подданныхъ. Но вѣдь министры и такъ обладаютъ достаточною властью. Они могутъ награждать и наказывать, могутъ располагать средствами секретнаго фонда, могутъ миловать и могутъ присуждать къ позорному столбу за мятежныя писанія... Свобода печати не подлежитъ ограниченію никакимъ закономъ. Какъ же законодательное собраніе можетъ брать на себя наказывать какъ преступленіе то, что не признается таковымъ ни однимъ изъ законовъ, установленныхъ парламентомъ? Съ какой статя палата становится орудіемъ для такой отвратительной цѣли!"

Но краснорѣчіе Уальполя не помогло—Стиль былъ изгнанъ изъ парламента. Впрочемъ, никакому другому наказанію онъ не подвергся. Все это ясно указываетъ какая перемѣна произошла въ журналистикѣ за тѣ двадцать лѣтъ, которыя протекли со времени упраздненія цензуры. Корона уже не высказывала притязаній подвергнуть печать своему контролю, но за то палата общинъ яростно возмущалась противъ новой силы, явившейся въ лицѣ журналистики, противъ контроля печати, у которой парламентъ оспаривалъ право руководить политическимъ мнѣніемъ. Наскучивъ преслѣдовать журналистовъ и видя, что это мало помогаетъ, парламентъ рѣшилъ непосредственно дѣйствовать на журналы. Ежегодно въ парламентѣ обсуждались проекты разныхъ мѣръ противъ „Grubstrect"—ироническое прозвище журналовъ,—имѣющихъ въ виду положить предѣлъ ихъ „злословію о дѣлахъ государства". Опять возбужденъ былъ вопросъ о цензурѣ, но возобновить ее не рѣшились. Предложено было требовать подписи автора подъ каждою статьею, но и эта мѣра была отвергнута. Въ 1712 году придумали, наконецъ, „наидѣйствительнѣйшій" способъ стѣснить журналистику—это обложить тяжелою пошлиною всѣ журналы и брошюры. Палата вотировала штемпельный сборъ со всѣхъ журналовъ въ полълиста и въ одинъ листъ и съ объявленій.

Дѣйствительно эта мѣра сразу отразилась неблагопріятно на журналистикѣ. Мелкія газеты тотчасъ же прекратили свое существованіе и Аддисонъ охарактеризовалъ этотъ періодъ „паденіемъ газетъ". Но затѣмъ придумали способъ обходить законъ. Нѣкоторыя газеты стали выходить въ форматѣ, представляющемъ нѣчто среднее между цѣлымъ листомъ и полълистомъ, и на этомъ основаніи отказывались платить штемпельный сборъ, опираясь на то, что вѣдь въ законѣ ничего не упоминается о журналѣ именно такого формата. Число такихъ газетъ, избавлявшихся хитростью отъ уплаты штемпельнаго сбора, такъ возросло, что парламентъ счелъ нужнымъ сдѣлать добавленіе къ прежней редакціи закона и присоединить еще налогъ на объявленія и на бумагу. Это уже дѣйствительно нанесло тяжелый ударъ журналистикѣ. Многіе журналы тотчасъ же прекратили свое существованіе, другіе должны были повысить цѣну и тѣмъ лишились части своихъ кліентовъ; нѣкоторые слились вмѣстѣ. Существованіе журналовъ сдѣлалось непрочнымъ вслѣдствіе фискальныхъ тягостей. Мало по малу газеты замѣнились листками, въ которыхъ печатались разныя извѣстія; политическіе же и литературные журналы уменьшились въ объемѣ, стали выходить еженедѣльно и даже ежемѣсячно. Нѣкоторые изъ нихъ стали помѣщать каррикатуры и превратились въ сборники, называвшіеся „Magazine".

Но какъ ни тяжело отразился законъ о штемпельномъ сборѣ, остававшійся въ силѣ въ теченіе 32 лѣтъ, на положеніи журналистики, все-таки онъ не могъ совершенно задержать ея развитіе. Въ эпоху Уальполя политическое значеніе журналистики особенно возросло, чему много способствовалъ Уальполь, кото-

рый предпочиталъ подкупъ преслѣдованію и не только имѣлъ свой собственный органъ—„Daily Gasetter", но выдавалъ субсидіи многимъ газетамъ, полагая, что наградами онъ скорѣе привлечетъ на свою сторону печать нежели притѣсненіями и наказаніями. Когда послѣ паденія Уальполя секретный комитетъ, назначенный парламентомъ, занялся разслѣдованіемъ его дѣйствій, то оказалось, что онъ роздалъ газетамъ въ теченіе десяти лѣтъ болѣе 50,000 фунтовъ стерлинговъ. Однако, несмотря на то, что Уальполь способствовалъ увеличенію политическаго значенія журналистики, практиковавшійся имъ подкупъ въ широкихъ размѣрахъ дѣйствовалъ на нее въ то же время растлѣвающимъ образомъ и много понадобилось времени, прежде чѣмъ продажность перестала занимать выдающееся мѣсто въ журналистикѣ.

Самымъ ярымъ и опаснымъ противникомъ Уальполя въ журналистикѣ былъ лордъ Болингброкъ, основавшій газету „Craftsman", въ которой, подъ псевдонимомъ „Гемфри Ольдкэстль", онъ писалъ статьи противъ Уальполя и противъ системы подкупа, которую тотъ ввелъ въ журналистикѣ. „Craftsman" былъ аккредитованнымъ органомъ торіевъ и помогъ имъ одержать побѣду на выборахъ и явиться въ парламентъ въ довольно опасномъ большинствѣ.

Парламентъ очень долго и упорно велъ борьбу съ печатью, не допуская ни малѣйшей гласности своихъ преній. Всякій отчетъ о парламентскихъ преніяхъ, напечатанный въ газетахъ, считался прямымъ нарушеніемъ прерогативъ парламента. Въ 1729 году парламентъ издалъ постановленіе, воспрещающее даже отдаленнѣйшій намекъ на дѣйствія парламента. Однако это постановленіе нарушалось постоянно и въ газетахъ, то тамъ, то сямъ, появлялись кой-какія скудныя свѣдѣнія о засѣданіяхъ парламента. Но и въ такомъ видѣ они не нравились ему и поэтому въ парламентѣ постоянно поднимался вопросъ о томъ, какъ заставить молчать печать. Въ защиту печати выступилъ Уальполь, въ бытность свою первымъ министромъ, и высказался въ пользу того, чтобы печати было предоставлено право помѣщать парламентскія пренія, ибо запрещать ей это значитъ посягать на ея свободу. Мало по малу и парламентъ долженъ былъ уступить давленію общественнаго мнѣнія.

Первымъ журналомъ, начавшимъ печатать правильные отчеты о засѣданіяхъ былъ „Gentleman's Magazine" выходившій разъ въ мѣсяцъ. Вначалѣ эти отчеты были очень скудны. Обыкновенно приводилось резюме рѣчей двухъ-трехъ главныхъ ораторовъ, о другихъ не упоминалось вовсе. Отчеты печатались въ безличной формѣ, во избѣжаніе называть по имени ораторовъ, что считалось оскорбленіемъ парламентскихъ привилегій. Вмѣсто именъ ставились лишь заглавныя буквы и т. д., и хотя все-это было очень прозрачно, но тѣмъ не менѣе форма была всетаки соблюдена. Разумѣется, такіе отчеты оставляли желать многаго и тѣмъ болѣе лишались значенія, что появлялись слишкомъ поздно. Издатель „Gentleman's Magazine", чтобы помочь дѣлу, пустилъ въ

ходѣ разныя средства и ему удалось придумать остроумный способъ обойти парламентскія строгости. Прежде всего онъ добился, вѣроятно посредствомъ подкупа, того, что двое его друзей получили доступъ въ парламентъ, гдѣ притаившись въ укромномъ уголкѣ, они записывали все что видѣли и слышали въ парламентѣ. Затѣмъ въ ближайшей гостиницѣ они читали свои записи и затѣмъ уже эти записи поступали къ Гуттри, который составлялъ изъ нихъ правильные отчеты. Но для того чтобы оградить себя отъ возможныхъ непріятностей издатель „Gentleman's Magazine" предпослалъ своимъ отчетамъ примѣчаніе, въ которомъ говорилось, что все что печатается въ журналѣ о парламентскихъ преніяхъ, относится къ царству лиллипутовъ. Врядъ ли кого нибудь могла обмануть эта уловка издателя, но такъ или иначе, она дѣйствительно служила ему защитою отъ парламентскаго гнѣва,—до того англичане придерживаются формы! Подъ прикрытіемъ царства лиллипутовъ издатель могъ уже болѣе или менѣе безнаказанно помѣщать свои отчеты. Къ этому же времени относится слѣдующій курьезный анекдотъ.

Должность Гуттри, состоявшая въ составленіи правильныхъ отчетовъ изъ отрывочныхъ свѣдѣній доставляемыхъ ему, была съ теченіемъ времени передана извѣстному лексикографу доктору Джонстону, который, какъ оказалось потомъ, давалъ широкую волю своей фантазіи, составляя отчеты. Такъ однажды на обѣдѣ, который былъ данъ актеромъ Футъ разнымъ литературнымъ знаменитостямъ, зашла рѣчь объ изумительномъ краснорѣчіи, которое выказалъ старшій Питтъ, судя по отчету въ „Gentleman's Magazine". Всѣ восхищались этою рѣчью, напечатанною въ журналѣ и цитировали изъ нея отрывки. Докторъ Джонстонъ, присутствовавшій на обѣдѣ сначала слушалъ и молчалъ, но затѣмъ, когда толки и восхищеніе сдѣлались особенно восторженными, онъ сказалъ: „Эту рѣчь я написалъ, находясь на чердакѣ одного дома въ „Exeterstreet". Общество было поражено этимъ заявленіемъ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ всѣ глядѣли другъ на друга въ молчаливомъ изумленіи. Затѣмъ кто-то спросилъ Джонстона, какъ онъ могъ написать такую рѣчь. „Сэръ, отвѣчалъ Джонстонъ, я только однажды былъ въ галлереѣ палаты общинъ. Издатель Кавъ подкупилъ привратника и поэтому могъ попадать туда вмѣстѣ со своими друзьями. Они то и сообщили мнѣ предметъ преній, имена ораторовъ, ихъ точку зрѣнія, порядокъ произнесенія рѣчей, вмѣстѣ съ примѣчаніями относительно различныхъ аргументовъ, выдвинутыхъ на сцену во время преній. Изъ всего этого я и составилъ рѣчи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были напечатаны въ журналѣ".

Присутствующіе разсыпались въ похвалахъ доктору Джонстону. Кто-то воскликнулъ: „Да вы превзошли самого Демосеена!" Другіе хвалили его за безпристрастіе, за то, что онъ поровну распредѣлилъ между обѣими противными сторонами умъ и краснорѣчіе. На это Джонстонъ скромно замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ

все что могъ, но все-таки онъ позаботился о томъ, чтобы преимущество не было на сторонѣ виговъ.

Впослѣдствіи докторъ Джонстонъ нѣсколько раскаивался въ этихъ поступкахъ и передъ смертью заявилъ, что если онъ о чемъ и сожалѣетъ въ своей жизни, то лишь о парламентскихъ отчетахъ, которые прежде составлялъ.

Несмотря на то, что „царство лиллипутовъ" служило хорошимъ прикрытіемъ Каву, онъ все-таки, вмѣстѣ съ издателемъ другого журнала „London Magazine", навлекъ на себя гнѣвъ палаты лордовъ, за напечатаніе отчета о процессѣ одного лорда, обвинявшагося въ государственной измѣнѣ. Обоихъ призвали въ палату лордовъ, гдѣ они должны были повиниться, просить прощенія и обѣщать исправиться. Продѣлавъ все, что отъ него требовали, Кавъ все-таки не угомонился и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, печатать свои отчеты. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ парламентъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы, затѣмъ въ 1760 году снова возобновилъ резолюцію 1729 года, согласно которой нарушители парламентскихъ привилегій должны были подвергнуться строжайшимъ взысканіямъ. На этомъ основаніи издатели четырехъ главныхъ газетъ должны были явиться въ палату, выслушать выговоръ и на колѣняхъ принести покаяніе. Однако все же парламентъ чувствовалъ, что ему трудно долѣе противиться давленію общественнаго мнѣнія, требовавшаго гласности парламентскихъ преній, такъ какъ, несмотря ни на какія взысканія, парламентскіе отчеты продолжали печататься въ газетахъ. Послѣдняя попытка парламента удержать свои привилегіи окончилась довольно таки несчастливо для него и отбила у него охоту къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ въ этомъ направленіи. Парламентъ отдалъ приказаніе арестовать издателя газеты „Evening Post", который не явился принести покаяніе въ палатѣ. Но тутъ парламентъ столкнулся съ лордъ-мэромъ, который не разрѣшилъ арестъ издателя, какъ гражданина Сити, иначе какъ если приказъ объ арестѣ будетъ подписанъ кѣмъ-нибудь изъ членовъ магистрата Сити. Сопротивленіе лордъ-мэра дало поводъ къ крайне бурнымъ дебатамъ въ палатѣ и въ первый моментъ парламентъ грозилъ всевозможными наказаніями и взысканіями тому, кто осмѣливается итти наперекоръ его авторитету, но въ концѣ концовъ результатомъ этой борьбы была все-таки побѣда корпораціи Сити и съ этого времени вопросъ о правѣ газетъ печатать отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ совершенно сошелъ со сцены; право это было безмолвно признано, хотя формальнаго заявленія объ этомъ и не было сдѣлано.

Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ впервые начали появляться въ „Coventgarden Journal" въ 1746 году. Журналъ этотъ былъ основанъ Генри Фильдингомъ, извѣстнымъ писателемъ и романистомъ. Послѣ возмущенія 1745 года Фильдингъ основалъ одинъ за другимъ четыре журнала, преслѣдовавшіе всѣ одну и ту же цѣль—поддержаніе царствующей династіи.

Съ воцареніемъ Георга III политическое значеніе печати не только упрочилось, но въ годы долгой и спорной борьбы за политическую свободу, журналистика явилась не только выразительницею общественнаго мнѣнія, но и защитницею народныхъ правъ, въ виду усилій короны и ея совѣтниковъ удержать власть и учрежденія, сдѣлавшіяся совершенно невыносимыми для всей націи. Къ выдающимся журналамъ этого періода слѣдуетъ причислить: „Middlesex Journal“ смѣло проповѣдывавшій самыя либеральныя идеи, всеобщую подачу голосовъ и т. д.—и „Monitor“ бывшій настоящею грозою министровъ. Но самая выдающаяся роль въ яростныхъ политическихъ распряхъ того времени принадлежитъ газетамъ: „Briton“, „North Briton“ и „Public Advertiser“.

„Briton“ былъ правительственнымъ органомъ и ни для кого не было тайной, что эта газета, будто бы издававшаяся Смоллетомъ, въ сущности служила лишь цѣлямъ фаворита, шотландскаго лорда Бьюта, дававшаго деньги на ея изданіе. Газета эта, впрочемъ, просуществовала недолго, всего лишь полгода, но значеніе она пріобрѣла потому, что вызвала появленіе въ свѣтъ своего антагониста—газеты „North Briton“ во главѣ которой стоялъ Джонъ Уилькзъ, выдвинутый условіями той эпохи на первое мѣсто и стяжавшій репутацію защитника народа отъ произвола королевской власти и министровъ. Какъ извѣстно, Георгъ III былъ очень высокаго мнѣнія о королевской власти и ставилъ для себя образцомъ нѣмецкихъ государей, желая такъ же какъ и они управлять государствомъ. Его вмѣшательство въ государственныя дѣла вызвало, какъ извѣстно, удаленіе старшаго Питта изъ министерства и вообще дало поводъ къ ожесточенной внутренней борьбѣ и къ проведенію такихъ мѣръ, которыя породили недовѣріе въ народѣ и къ королю, и къ министерству и къ самому парламенту, такъ какъ нѣкоторые министры, изъ угожденія королю, проводили въ парламентѣ желаемыя имъ мѣропріятія, пользуясь поддержкою своихъ друзей.

Джонъ Уилькзъ, на долю котораго выпала такая замѣтная роль, происходилъ изъ зажиточной семьи диссидентовъ. Отецъ его былъ такъ преданъ революціоннымъ принципамъ, что не пожелалъ отдать своего сына ни въ одинъ изъ англійскихъ университетовъ, гдѣ онъ могъ бы пріобрѣсти политическую окраску, а воспитывалъ его дома и затѣмъ, когда ему минуло двадцать два года, его женили на весьма благочестивой и богатой леди, бывшей на десять лѣтъ старше его. Мать этой леди хозяйничала у нихъ въ домѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что пылкій и живой юноша нашелъ семейную жизнь при такихъ условіяхъ очень тягостной для себя и сталъ искать развлеченій на сторонѣ. Скоро онъ примкнулъ къ обществу молодыхъ безпутныхъ членовъ англійской аристократіи, предоставлявшихъ старшимъ „дѣлать политику“ и проводившихъ время въ оргіяхъ и самыхъ разнузданныхъ увеселеніяхъ. Уилькзъ пустился во всѣ тяжкія и былъ

членомъ основаннаго сэромъ Френсисъ Детвудъ „клуба повѣсъ“. Написанная имъ въ то время поэма „опытъ о женщинахъ“ конечно принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, которыхъ долженъ стыдиться каждый порядочный человѣкъ, но Уилькзъ явился въ ней лишь вѣрнымъ изобразителемъ распущенныхъ взглядовъ и развратныхъ наклонностей господствовавшихъ въ англійской аристократіи въ эту эпоху. Поворотъ жизни Уилькза произошелъ тогда, когда онъ промоталъ все свое состояніе и его знатные товарищи, какъ это всегда бываетъ, отвернулись отъ него. Ему впрочемъ помогли сдѣлаться членомъ парламента, да шерифомъ Бекингемскаго графства, но все это не могло удовлетворить честолюбивыхъ стремленій Уилькза. Онъ просилъ о мѣстѣ посланника въ Константинополѣ или губернатора въ Квебекѣ, но не добился ничего и, приписавъ свою неудачу, справедливо или нѣтъ, лорду Бьюту, удерживавшему всѣ лучшія мѣста для торіевъ и шотландцевъ, рѣшилъ отмстить ему и въ отместку основалъ газету „North Briton“. Съ этого момента Уилькзъ становится великимъ демагогомъ и начинаетъ играть выдающуюся политическую роль.

Газета „North Briton“ весьма скоро пріобрѣла значеніе благодаря смѣлости своего языка и своихъ нападокъ на правительство. Уилькзъ не одинъ писалъ въ своей газетѣ; ему помогали его друзья и въ числѣ ихъ находились лордъ Тэмпль и поэтъ Черчилль. Газета быстро получила большое распространеніе во всей странѣ. Для того чтобы противодѣйствовать ея вліянію правительство основало еще кромѣ „Briton“, новый журналъ „Auditor“, но ни тотъ, ни другой успѣха не имѣли и скоро прекратили свое существованіе. Между тѣмъ популярность „North Briton“ росла не по днямъ, а по часамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возростала и его смѣлость. Популярность эта достигла своего апогея, когда Уилькзъ возсталъ въ ноябрѣ 1762 года противъ отсрочки открытія парламента прежде чѣмъ будутъ объявлены условія, на которыхъ покончена семилѣтняя война. Уилькзъ осуждалъ правительство за его антипатріотическое и антиконституціонное поведеніе въ этомъ случаѣ. „Какъ! восклицалъ Уилькзъ. Неужели на рубежѣ мира, и такого мира, который долженъ или упрочить страну, или же погубить ее навсегда, возможно откладывать великій совѣтъ націи?.. Правда, что этотъ совѣтъ не имѣетъ права заключать миръ, но онъ имѣетъ несомнѣнное право изслѣдовать условія мира и если найдетъ ихъ невыгодными или же безчестящими, то имѣетъ право посовѣтовать тѣмъ, кто предлагаетъ такой миръ, глубже вникнуть въ это дѣло“.

Несмотря однако на энергичный протестъ Уилькза, парламентъ все-таки былъ отложенъ. Однако онъ снова собрался въ концѣ ноября для обсужденія Парижскаго мира, на который сильно нападала оппозиція. Благодаря королевскому и придворному давленію на членовъ парламента, политика министерства была одобрена большинствомъ почти голосовъ на одинъ голосъ

оппозиціи, такъ что не помогло и краснорѣчіе Питта. „Въ самомъ дѣлѣ, мой сынъ король!“ воскликнула мать Георга III, узнавъ о результатѣ и дѣйствительно Георгъ III былъ довольно близокъ въ этотъ моментъ къ осуществленію своей мечты абсолютизма. Однако, если члены парламента и оказались не на высотѣ положенія, то во всякомъ случаѣ иначе отнеслась къ этому нація и особенно граждане Лондона. Послѣ Парижскаго мира негодованіе противъ лорда Бьюта въ обществѣ такъ возросло, что онъ долженъ былъ уступить и отказаться отъ управленія министерствомъ. Конечно Уилькзъ не мало способствовалъ его удаленію своими рѣзкими статьями. Когда на мѣсто лорда Бьюта вступилъ Гренвилль, то Уилькзъ выразилъ надежду, что въ политикѣ министерства произойдетъ перемѣна. Гренвилль былъ младшимъ братомъ лорда Тэмпля, участвовавшаго въ газетѣ Уилькза и поэтому понятны надежды Уилькза на перемѣну направленія. Но надежды оказались несбыточными; Гренвилль пошелъ по стопамъ прежняго министерства. Убѣдившись въ этомъ изъ тронной рѣчи, Уилькзъ напечаталъ въ 45-мъ номерѣ своей газеты достопамятную статью, въ которой смѣло, рѣзко и убѣдительно, разбирая по пунктамъ тронную рѣчь, обвинялъ короля и министровъ въ недобросовѣстности и публичной лжи передъ парламентомъ.

Статья вызвала бурю. Разумѣется, министры и король желали примѣрно наказать дерзкаго журналиста, но, ослѣпленные гнѣвомъ, нарушили въ своемъ преслѣдованіи Уилькза нѣкоторыя формальности и тѣмъ самымъ вручили ему оружіе противъ себя. Лордъ Галифаксъ, государственный секретарь, такъ же какъ и министры, по внушенію которыхъ онъ дѣйствовалъ, забылъ, что въ Англіи уже нельзя было поступать съ журналистами такъ, какъ поступали съ ними въ то время вездѣ въ другихъ странахъ. Уилькзъ же былъ, кромѣ того, членомъ парламента и слѣдовательно съ нимъ было еще труднѣе. Все это было забыто въ гнѣвѣ и государственный секретарь отдалъ приказаніе арестовать издателя, типографщика и редактора газеты, произвести у нихъ обыскъ и конфисковать документы и бумаги, какъ у виновниковъ въ государственномъ преступленіи и возбужденіи къ мятежу. Первое упущеніе заключалось въ томъ, что въ приказѣ объ арестѣ не было обозначено ни имени Уилькза, ни преступленія, въ которомъ онъ обвиняется и которое служило бы оправданіемъ его ареста. Притомъ лордъ Галифаксъ поторопился и вмѣсто того, чтобы передать дѣло Уилькза, т. е. его статьи, разсмотрѣнію судебныхъ лицъ, которыя затѣмъ уже должны были постановить рѣшеніе о преданіи его суду, онъ, просто на просто, приказалъ разыскать авторовъ инкриминированныхъ статей и типографщика и арестовать ихъ. Уилькза арестовали, но его сотоварищъ по изданію, Черчилль избѣжалъ ареста, благодаря уловкѣ Уилькза. Пока Уилькзъ спорилъ съ посланными короля о томъ, что они не имѣютъ права сажать его подъ арестъ, такъ какъ онъ членъ парламента, вошелъ къ нему Черчилль, тоже разыскиваемый

властью. Посланные его не знали въ лицо, а поэтому Уилькзъ какъ только увидалъ его, воскликнулъ: „Здравствуйте мистеръ Томсонъ! Какъ поживаетъ ваша жена? Гдѣ она обѣдаетъ сегодня?“ Черчилль понялъ намекъ и началъ отвѣчать въ тонъ Уилькзу. Такимъ образомъ, онъ могъ уйти совершенно безпрепятственно и, придя домой, забралъ свои бумаги и скрылся.

Уилькзъ былъ отправленъ въ Тоуэръ, а у него произведенъ обыскъ и захвачены всѣ бумаги. Друзья Уилькза, конечно, не замедлили воспользоваться тѣми несоблюденіями формальностей, въ которыхъ провинились власти, спѣша отмстить Уилькзу. Они потребовали, чтобы дѣло Уилькза было разсмотрѣно обыкновеннымъ судомъ (Court of Common Pleas), т. е. чтобы судья рѣшилъ вопросъ о законности его ареста. Потому ли что судья, какъ и всякій англичанинъ, отличался пристрастіемъ къ формализму, или же потому что онъ былъ на сторонѣ Уилькза—онъ рѣшилъ дѣло въ его пользу, объявивъ арестъ его, какъ члена парламента, незаконнымъ, вслѣдствіе несоблюденія тѣхъ-то и тѣхъ-то формальностей и Уилькзъ былъ выпущенъ на свободу.

Король и министры должны были покориться и въ этомъ дѣлѣ блистательно подтвердилось владычество закона въ Англіи. На основаніи этого закона верховный судья постановилъ, что членъ парламента не можетъ быть арестованъ за памфлетъ, который онъ пишетъ какъ частное лицо, а лишь за уголовное преступленіе и открытый бунтъ. Выпущенный изъ Тоуэра Уилькзъ, съ помощью лорда Тэмпля, и другихъ пріятелей, возбудилъ противъ правительства судебное преслѣдованіе за свое незаконное заключеніе въ тюрьму и захватъ своихъ бумагъ. Послѣ долгихъ отлагательствъ дѣло это, наконецъ, было рѣшено въ пользу Уилькза и такъ какъ, кромѣ него, еще издатель и типографщикъ возбудили процессъ противъ правительства, то общая сумма, къ уплатѣ которой было приговорено правительство, достигла 100.000 ф. ст. Такимъ образомъ, правительству пришлось довольно дорого заплатить за свое необдуманное увлеченіе гнѣвомъ.

Одержанная надъ правительствомъ побѣда, конечно, еще только раззадорила Уилькза, популярность котораго, благодаря преслѣдованіямъ, сильно возросла въ Лондонѣ. Для лондонскихъ гражданъ Уилькзъ сдѣлался настоящимъ героемъ и его прежнее непохвальное поведеніе было забыто. Парламентъ, однако, не захотѣлъ признать себя побѣжденнымъ и уже соблюдая всѣ формы, возбудилъ снова процессъ противъ Уилькза по обвиненію его въ клеветѣ. Уилькзъ опять таки попробовалъ выдвинуть на сцену свою неприкосновенность какъ члена парламента, но это не помогло. Министры потребовали отъ преданнаго имъ парламента, чтобы былъ изданъ особый законъ, по которому 45-й номеръ „North Briton“, заключавшій въ себѣ нападки на короля и министровъ, былъ бы признанъ пасквилемъ и присужденъ къ сожженію рукою палача. Отъ парламента требовалось укрощеніе „своевольнаго духа, противнаго началамъ прекрасной англійской

конституціи" („our happy constitution") и возбуждавшаго народъ къ мятежу. Несмотря на все краснорѣчіе Питта и др., парламентъ большинствомъ голосовъ принялъ предложеніе, обвинявшее Уилькза, послѣ очень долгихъ и бурныхъ преній.

Дѣло Уилькза сильно волновало умы, тѣмъ болѣе, что король сдѣлалъ изъ него личное дѣло и тѣмъ самымъ увеличилъ политическое значеніе Уилькза. Напримѣръ, король объявилъ, что лица, принимавшіе участіе въ пиршествахъ и торжествахъ въ честь Уилькза, не будутъ принимаемы на службу, такъ же какъ и тѣ, кто выражалъ удовольствіе по поводу того, что судъ не страшится ни министерства, ни его агентовъ. Разумѣется, все это способствовало тому, что весь англійскій народъ волновался и возводилъ Уилькза на пьедесталъ. Когда палачъ собрался привести въ исполненіе приговоръ парламента и сжечь 45-й номеръ „North Briton" то толпа выхватила у него изъ рукъ этотъ номеръ и съ тріумфомъ понесла его, а вмѣсто газеты бросила въ огонь ботфорты и женскую юбку, какъ эмблему лорда Бьюта и матери короля Георга, съ которой лордъ Бьютъ находился въ связи.

Изъ важныхъ резолюцій, принятыхъ противъ Уилькза парламентомъ, одна касалась его исключенія изъ парламента. Во время преній по поводу этой резолюціи, нѣкто Самюэль Мартонъ, орудіе министерства, такъ отзывался объ Уилькзѣ, что послѣдствіемъ этого явилась дуэль, въ которой Уилькзъ былъ тяжело раненъ, и жизнь его находилась нѣкоторое время въ большой опасности. Нѣсколько оправившись Уилькзъ уѣхалъ въ Парижъ, и уже во время его отсутствія состоялось его исключеніе изъ парламента и приговоромъ суда королевской скамьи, преслѣдовавшаго его какъ автора пасквильной и грязной поэмы „опытъ о женщинахъ", Уилькзъ былъ объявленъ внѣ закона.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти постановленія были вызваны непосредственнымъ вліяніемъ самого короля Георга, а также лорда Бьюта и другихъ лицъ въ министерствѣ, обиженныхъ Уилькзомъ. Уилькзъ пробылъ въ изгнаніи четыре года и затѣмъ снова вернулся въ Лондонъ, что дало поводъ къ новымъ волненіямъ. Уилькзъ требовалъ отмѣны указа, объявляющаго его внѣ закона. Посаженный въ маѣ въ тюрьму, онъ былъ освобожденъ толпой и послѣ того не разъ происходили по его поводу столкновенія между толпою и военною властью. Однако Уилькзъ добровольно сдался и по старому обвиненію (за 45-й номеръ „North Briton" и поэму) былъ приговоренъ къ 22-хъ мѣсячному тюремному заключенію и уплатѣ тысячи фунтовъ. Пока онъ отбывалъ свой срокъ въ тюрьмѣ, „North Briton" издавался его пріятелемъ, книгопродавцемъ Бинглеемъ, который впрочемъ скоро также попалъ въ тюрьму, вмѣстѣ со многими другими приверженцами Уилькза. Находясь въ тюрьмѣ, Уилькзъ написалъ въ „St. James Chronicle" очень рѣзкое письмо, обвинявшее Уеймуза за его приказаніе войскамъ произвести нападеніе на толпу, устраивавшую демонстраціи въ честь Уилькза.

За эту смѣлую замѣтку Уилькзъ былъ снова привлеченъ къ отвѣтственности, когда вышелъ изъ тюрьмы. Послѣ того Уилькзъ нѣсколько разъ попадалъ въ парламентъ, такъ какъ Миддльсексъ выбиралъ его своимъ представителемъ, но вслѣдъ затѣмъ немедленно же изгонялся оттуда. Такимъ образомъ, эта „трагикомедія, по выраженію Берка, была разыграна нѣсколько разъ".

Посаженный въ тюрьму вторично, Уилькзъ предоставилъ своимъ друзьямъ вести агитацію въ его пользу. Въ лондонскомъ Сити, гдѣ Уилькзъ былъ избранъ альдерменомъ, устроилась для него подписка и митинги, поддерживающіе его претензіи, становились съ каждымъ днемъ въ болѣе и болѣе бурными. Вообще волненіе было сильно и даже палата лордовъ обратила вниманіе на Уилькза. Нѣкоторые изъ пэровъ высказали даже порицаніе тѣмъ произвольнымъ мѣрамъ, которыя примѣнялись палатою общинъ къ Уилькзу. Лордъ Чэтемъ высказалъ мнѣніе, что Уилькзъ, какъ и всякій англійскій подданный, пользуется извѣстными правами, данными ему закономъ и поэтому только законъ и можетъ отнять у него эти права, а никакъ не произволъ парламента.

Вообще раздраженіе лондонскихъ гражданъ противъ парламента было очень велико. Въ 1769 году они отправили петицію къ королю, указывающую на противозаконныя дѣйствія парламента. Отвѣта не послѣдовало. Тогда они снова составили петицію, и пользуясь правомъ личной аудіенціи у монарха, отправили лордъ-мэра Бекфорда, шерифовъ и двѣсти альдерменовъ къ королю, съ тѣмъ, чтобы эта грандіозная депутація словесно заявила ему, что палата общинъ лишаетъ народъ его самыхъ дорогихъ правъ и т д. и что поэтому граждане требуютъ, чтобы король возстановилъ конституціонное правительство и успокоилъ народъ, распустивъ парламентъ, и навсегда удалилъ бы отъ себя своихъ дурныхъ министровъ.

Король Георгъ отвѣтилъ на это, что считаетъ такое требованіе неуважительнымъ для себя, оскорбительнымъ для парламента и несогласнымъ съ конституціей, и затѣмъ повернулся къ пришедшимъ спиной и громко расхохотался. Это было въ мартѣ, а въ маѣ лордъ-мэръ снова отправился къ королю съ петиціей, составленной въ еще болѣе рѣзкихъ и смѣлыхъ выраженіяхъ и когда король опять поднялъ его на смѣхъ, то лордъ-мэръ отвѣтилъ ему тѣми самыми смѣлыми словами, которыя вырѣзаны золотыми буквами на памятникѣ, сооруженномъ ему благодарными лондонскими гражданами. Бѣдный лордъ-мэръ черезъ недѣлю послѣ того умеръ и весьма вѣроятно, что смерть его была ускорена тѣми волненіями, которыя выпали на его долю въ этой борьбѣ. Надо замѣтить, что Бекфордъ находился уже въ это время въ довольно преклонномъ возрастѣ.

Но Уилькзъ былъ живъ, хотя и находился въ тюрьмѣ, и поэтому было кому продолжать борьбу. Какъ только онъ вышелъ изъ тюрьмы, то немедленно возобновилъ борьбу съ королемъ и парламентомъ. Сначала онъ былъ выбранъ шерифомъ Лондона

и Миддльсекса и затѣмъ въ свою очередь—что было явнымъ выраженіемъ протеста противъ тираніи двора и парламента—былъ сдѣланъ лордъ-мэромъ въ 1774 году. Въ томъ же году была распущена палата общинъ, изъ состава которой онъ былъ исключенъ четыре раза. Состоялись новые выборы и онъ опять, какъ представитель Миддльсекса, былъ возвращенъ въ палату. На этотъ разъ враги его уже не рѣшились болѣе изгонять его. Конечно онъ прежде всего потребовалъ, чтобы резолюція парламента была вычеркнута изъ журналовъ палаты, какъ „противорѣчащая правамъ всего корпуса избирателей". Предложеніе Уильквза не прошло въ палатѣ, онъ тогда послѣдовательно вносилъ его во всѣ слѣдующіе года, 1776, 1777, 1779 и 1781 и наконецъ въ 1782 году его упорство побѣдило и предложеніе было принято. Уилькзъ могъ считать себя удовлетвореннымъ, такъ какъ добился признанія тѣхъ правъ, которыя до этой поры произвольно игнорировались парламентомъ.

Уилькзъ прожилъ до 1797 года, но дальнѣйшая дѣятельность его не дѣлаетъ ему много чести (какъ извѣстно онъ покинулъ прежнюю партію) и во всякомъ случаѣ не имѣетъ значенія для исторіи журналистики. Впрочемъ, его собственная роль въ журналистикѣ кончилась съ послѣднимъ номеромъ „North Briton'a" и улаженіемъ споровъ и столкновеній, вызванныхъ его знаменитою статьей. Но заслуги его въ исторіи журналистики велики уже потому, что онъ первый поднялъ политическое значеніе печати на небывалую высоту и принудилъ парламентъ уступить напору общественнаго мнѣнія и окончательно признать право печати судить о парламентскихъ дѣлахъ. Въ періодъ самой ожесточенной борьбы Уилькза съ парламентомъ, одна изъ газетъ „London Evening Post" попробовала, сначала робко, затѣмъ все смѣлѣе и смѣлѣе печатать разныя подробности о бурныхъ засѣданіяхъ парламента. Сначала парламентъ, въ пылу борьбы, не обратилъ на это вниманія, но затѣмъ вдругъ спохватился, когда и другія газеты послѣдовали примѣру „London Evening Post" и немедленно издалъ указъ объ арестѣ типографщиковъ и издателей провинившихся газетъ. Уилькзъ тогда былъ альдерменомъ лондонскаго Сити и побудилъ лордъ-мэра выпустить на свободу арестованныхъ, ибо парламентъ поступилъ съ ними незаконно, нарушая привилегіи лондонскаго Сити. Конечно это вызвало бурныя пренія въ парламентѣ, но въ концѣ концовъ парламентъ уступилъ и такъ какъ новая палата не возобновляла борьбы, то право печатать парламентскіе дебаты осталось навсегда за журналистикой. Отношеніе самихъ парламентскихъ дѣятелей къ журналистикѣ постепенно измѣнилось и вскорѣ молчаніе печати о комъ нибудь изъ парламентскихъ ораторовъ стало считаться обиднымъ, тогда какъ прежде, наоборотъ, оскорбительнымъ признавалось даже одно только упоминаніе въ газетахъ имени ораторовъ.

„Донъ Кихотъ“ и рыцарскій романъ.

Кто приступаетъ къ чтенію и анализу романа Сервантеса безъ предубѣжденія, не станетъ оспаривать, что главной и основной задачей автора было разрушеніе авторитета рыцарскихъ книгъ, чтеніе которыхъ приводило къ пагубнымъ явленіямъ, даже иногда вело за собой всегда смѣшную, а нерѣдко печальную, моду подражанія отошедшимъ въ вѣчность нравамъ и обычаямъ. Только эта, а не другая цѣль, имѣлась въ виду Сервантесомъ и, если результатъ превзошелъ ожиданія, то это случилось помимо желанія автора. Въ прологѣ къ 1-ой ч. „Д. К.“ Сервантесъ заставляетъ своего собесѣдника произнести слѣдующее: „Такъ какъ ваше сочиненіе имѣетъ цѣлью разрушить авторитетъ и господство рыцарскихъ книгъ среди образованныхъ и необразованныхъ, то незачѣмъ вмѣшивать изреченій философовъ, совѣтовъ Св. Писанія, выдумокъ поэтовъ, рѣчей риторовъ, чудесъ святыхъ“. Во второй части своего романа, въ заключительныхъ словахъ авторъ еще рельефнѣе подчеркиваетъ основное положеніе своего сочиненія: „У меня не было иного желанія, какъ предать посмѣянію людей лживыхъ и нелѣпыя рыцарскія исторіи, которыя, будучи поражены на смерть исторіей моего настольнаго Донъ Кихота, стали уже прихрамывать и скоро навѣрное совсѣмъ упадутъ“. *)

Аналогичныя замѣчанія могутъ быть указаны и въ другихъ мѣстахъ „Д. К.“, относительно этого пункта не можетъ быть сомнѣній, и всѣ позднѣйшія предположенія критиковъ, будто Сервантесъ задавался цѣлями общественной или политической сатиры не находятъ никакого подтвержденія въ его собственномъ признаніи. Мы знаемъ, что Сервантесъ въ главнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ говоритъ весьма ясно и опредѣленно объ основныхъ задачахъ своего творчества и въ этомъ смыслѣ составлены почти всѣ его замѣчательные прологи (къ „Д. К.“, „Примѣрнымъ

---

*) Выдержки изъ «Д. К.» приводятся изъ рукописнаго перевода автора статьи по изданію Фицмориса-Келли.

Л. Ш.

новелламъ“, „Персилесу и Сигизмундѣ“, комедіямъ). Современники Сервантеса видѣли въ „Д. К.“ ничто иное, какъ сатиру на рыцарскія книги. Врагъ Серв. Авелланеда замѣчаетъ по поводу цѣли, преслѣдуемой его романомъ: „Онъ (С.), пожалуй, будетъ жаловаться, что я лишилъ его прибыли отъ второй части „Донъ Кихота“, но во всякомъ случаѣ онъ будетъ вынужденъ согласиться, что мы оба стремились къ одной цѣли: уничтоженію пагубной привычки чтенія рыцарскихъ книгъ, столь распространенной у бездѣятельныхъ людей“.

Всякій изъ нашихъ читателей, безъ сомнѣнія, помнитъ ту превосходную характеристику рыцарскихъ книгъ, которую представилъ Сервантесъ въ VI гл. „Д. К.“. Приводимъ ее, чтобы вспомнить главныхъ враговъ, противъ которыхъ ратовалъ безсмертный романистъ: „Первымъ сочиненіемъ, которое далъ ему (священнику) лисенсіатъ Николай, оказалось: „Четыре книги Амадиса Гальскаго“. Священникъ замѣтилъ: кажется удивительнымъ, что, насколько я слышалъ, эти книги были первой рыцарской книгой, напечатанной въ Испаніи, и всѣ прочія берутъ начало и происхожденіе именно у этой; мнѣ кажется, что ее слѣдуетъ безъ объясненія сжечь, какъ основателя столь вредной секты“. „Нѣтъ сеньоръ, сказалъ цирюльникъ, я слышалъ, что она лучшая изъ всѣхъ книгъ, которыя когда-либо были сочинены въ этомъ родѣ, и ей слѣдуетъ простить, какъ единственной въ своемъ родѣ“. „Это правда, сказалъ священникъ, а потому на этотъ разъ слѣдуетъ пощадить ея жизнь. Посмотримъ, какая тамъ рядомъ съ нею“. „Это, сказалъ цирюльникъ, *подвиги Эспландіана*, законнаго сына Амадиса Гальскаго“. “Воистину, замѣтилъ священникъ, не поможетъ ему доблесть отца; возьмите, госпожа экономка, откройте окно и выбросьте его во дворъ; пусть онъ будетъ вожакомъ—бараномъ стада, которое за нимъ послѣдуетъ“. „Слѣдующая книга, сказалъ цирюльникъ, *Амадисъ Греческій*, и всѣ съ этой стороны, какъ мнѣ думается изъ того-же рода Амадисовъ“. „Пусть они отправятся во дворъ, сказалъ священникъ, такъ какъ за удовольствіе сжечь царицу Пантикиніестру и пастуха Даніила, эклоги и чертовски запутанныя разсужденія автора, я согласился-бы сжечь даже отца, если-бы онъ появился въ видѣ странствующаго рыцаря“. „Такого-же мнѣнія и я, замѣтилъ цирюльникъ“; „и я, сказала племянница“. „Что это за бочка? спросилъ священникъ“. „Это, отвѣтилъ цирюльникъ, *Донъ Оливанте де Лаура*“. „Авторъ этой книги, сказалъ священникъ, тотъ же, что сочинилъ и *Садъ цвѣтовъ*; въ самомъ дѣлѣ я не могу опредѣлить, какая изъ этихъ двухъ книгъ болѣе достовѣрная или, лучше сказать, менѣе лживая; могу лишь сказать, что, безсмысленная и грубая, она также пойдетъ на дворъ“. „Слѣдующая за ней „*Флорисмарте Гирканскій*, сказалъ цирюльникъ“. „А, вотъ гдѣ господинъ Флорисмарте, замѣтилъ священникъ; онъ скоро украситъ собой дворъ, въ виду его страннаго рожденія и вычурныхъ приключеній; жесткость и сухость слога не дала ему никакихъ преимуществъ; во дворъ съ нею и ей подобными, госпо-

жа экономка“. „Все это *Рыцарь Платиръ*, сказалъ цирюльникъ“. „Это древняя книга, отвѣтилъ священникъ; я въ ней не нахожу ничего достойнаго пощады; присоединить ее безъ разговоровъ къ другимъ“. Такъ и было сдѣлано. Открыли новую книгу и увидѣли, что ея заглавіе было *Рыцарь Креста*. „Изъ за столь священнаго заглавія книги можно извинить ея невѣжество, однако существуетъ пословица, что за крестомъ скрывается діаволъ, а потому бросьте ее въ огонь“. Цирюльникъ взялъ слѣдующую книгу и прочелъ заглавіе: *Зерцало рыцарства*. „Я знаю его милость, пояснилъ священникъ; тамъ идетъ сеньоръ Рейнальдосъ Монтальбинскій со своими друзьями и товарищами, ворами хуже самого Кака и 12 пэрами и правдивымъ историкомъ Турпиномъ; я готовъ осудить ее лишь на вѣчное изгнаніе хотя бы потому, что она дала поводъ славному Матео Боярдо сочинить свою поэму, а изъ нея взялъ канву христіанскій поэтъ Людовикъ Аріостъ“. Послѣ характеристики испанскаго перевода поэмы Аріоста, вѣрной и остроумной, Сервантесъ продолжаетъ замѣчанія относительно рыцарскихъ романовъ и произведеній карловингскаго и артурова цикловъ; онъ осуждаетъ всѣ послѣдней категоріи, дѣлая исключеніе лишь для *Бернардо дель Карпіо* и поэмы *Ронсеавесъ*. Изъ рыцарскихъ романовъ осужденію подвергаются: *Пальмеринъ де Олива* и *Пальмеринъ Англійскій*. „Пусть эта *олива*, говоритъ священникъ, будетъ сейчасъ расколота на дрова и сдѣлается добычей пламени, а изъ нея не останется даже золы; *пальма*-же англійская пусть сохранится, какъ предметъ единственный въ своемъ родѣ; слѣдуетъ сдѣлать для нея такой-же ларецъ, какой нашелъ Александръ въ сокровищахъ Дарія, предназначенный имъ для храненія произведеній Гомера. Эта книга, кумакекъ, важна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она очень хороша, во-вторыхъ, про нее говорятъ, что ее сочинилъ одинъ мудрый португальскій король. Всѣ приключенія замка Мирагварда очень хороши и искусно описаны, рѣчи учтивы и ясны, прилично и умно все высказывающія. Я предлагаю, даже вопреки вашему мнѣнію, сеньоръ Николай, чтобы эта книга и Амадисъ Гальскій остались свободными отъ огня. Что-же касается до остальныхъ, то пусть онѣ погибнутъ даже безъ осмотра“. „Нѣтъ, сеньоръ, отвѣтилъ цирюльникъ, я держу не ихъ, а славнаго *Дона Беліаниса*.“ Этотъ, замѣтилъ священникъ, со второй, третьей и четвертой частями нуждается въ *ревенѣ* чтобы очиститься отъ чрезмѣрной своей раздражительности; необходимо выкинуть изъ него замокъ славы и другія важнѣйшія безсмыслицы; изъ за нихъ онъ получилъ прозвище *Заморскаго*, а такъ какъ романъ впослѣдствіи освобождается отъ этой небылицы, то слѣдуетъ и съ нимъ поступить милостиво и справедливо; держите его, кумъ, въ вашемъ домѣ, но не позволяйте никому читать“. Экономка стала выбрасывать прочія книги. Одна изъ нихъ случайно упала; оказалось, что это была *Исторія славнаго рыцаря Тиранта Бѣлаго*. „Слава Богу, вскричалъ священникъ,

вотъ мы нашли и *Тиранта Бѣлаго*. Подайте его сюда, кумъ, я разскажу, какое сокровище веселія и родникъ развлеченія я нашелъ въ немъ. Здѣсь есть господинъ Киріельсонъ Монтальбанъ, доблестный рыцарь, и его братъ Ѳома Монтальбанъ, рыцарь Фонсека, и битва, которую храбрый Тирантъ имѣлъ съ аланомъ и остроты дѣвицы *Радость моей жизни* (Placerdemevida) съ любовными похожденіями и обманомъ вдовы *Репозада* (отдыхающая), съ разсказомъ о сеньорѣ императрицѣ, влюбленной въ своего пажа Ипполита. Я вамъ говорю правду, кумъ, что, по своему слогу, это лучшая въ мірѣ книга: здѣсь рыцари ѣдятъ и спятъ и умираютъ въ постеляхъ и дѣлаютъ передъ смертью завѣщаніе; всего этого недостаетъ въ рыцарскихъ книгахъ. При всемъ этомъ, говорю вамъ, тотъ, кто сочинилъ умышленно столько глупостей, заслуживаетъ, чтобы его сослали на галеры на всю жизнь".

Эта характеристика рыцарскихъ романовъ служитъ показателемъ тѣхъ весьма опредѣленныхъ мнѣній, которыя Сервантесъ составилъ о рыцарскихъ романахъ, а также опредѣляетъ степень его начитанности, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ указанныя сочиненія были имъ прочитаны. Принимаясь за свою исторію славнаго Ламанчскаго рыцаря, Сервантесъ исходилъ изъ пародіи на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но прежде чѣмъ приступить къ указаніямъ, въ какихъ именно случаяхъ и въ какой формѣ выразилась эта пародія, мы постараемся опредѣлить, насколько была важна сама по себѣ задача дискредитировать рыцарскія книги, предавъ ихъ осмѣянію, и насколько рельефно было ихъ пагубное вліяніе. Что рыцарскія книги были по меньшей мѣрѣ безполезны, ясно для всякаго, кто когда-либо заглядывалъ въ эти скучныя и длинныя исторіи, съ нѣкоторыми эпизодами которыхъ мы познакомимся ниже. Интересно опредѣлить, насколько онѣ были популярны, т. е., насколько онѣ читались, и насколько могли оказывать непосредственное вліяніе на умы читателей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что количество изданій является довольно вѣрнымъ показателемъ популярности книги, особенно въ интересующій насъ періодъ, когда читатель крайне дорожилъ книгой и одинъ экземпляръ удовлетворялъ цѣлый кружокъ читателей. По самому скромному подсчету всѣхъ изданій Амадиса Гальскаго въ XVI ст. было восемнадцать (1-е 1510, посл. 1587; цифра внушительная, свидѣтельствующая о ходкости книги. Мы не упоминаемъ о передѣлкахъ и переводахъ *Амадиса* на другихъ языкахъ. Продолженіе *Амадиса*—Sergus de Eslangian выдержало съ XVI ст. 8 изд. (1521-1588). Амадисъ Греческій выдержалъ шесть изд. (1535—1596) Florismarte de Hircania—2 изд. Espej'o de Cavallerius первая ч.—4 изд. въ XVI ст. (1533—1586), 2-я ч.—3 изд. того же стол. (1536—1586) 3-я ч. 3 изд. (1558—1586); Palmerin de Oliva—восемь изд. (1511—1577); Palmerin de Inglaterra 4 изд. XVI ст. (1547—1592); Belianis—5 изд. (1547—1587). *Тирантъ* (Historia del Famoso Cavallero Tirante del Blanco).

Изъ простого перечня изданій ясно, какова была популярность той литературы, на которую ополчился Сервантесъ. Непосредственное знакомство современнаго читателя съ рыцарскимъ романомъ могло бы получиться лишь путемъ подробнаго анализа содержанія одного изъ нихъ. Однако крайняя безсвязность фабулы, исключительное преобладаніе вставного эпизода, лирическихъ отступленій, своеобразность стиля дѣлаютъ невозможной бѣглую характеристику одного изъ нихъ, а подробное изложеніе заняло бы много страницъ. Мы можемъ къ тому-же сослаться на блестящую правдивую пародію на рыцарскіе романы, сдѣланную самимъ Сервантесомъ въ XXI гл. его романа („Д. К.“) Очевидно, уму рыцарскіе романы не давали никакой пищи, а развращали воображеніе безсмысленными и шаблонными измышленіями и иногда неприличными эротическими сценами.

Интересно выяснить, каково было вліяніе рыцарскаго романа на нравы и обычаи современнаго Сервантесу испанскаго общества. Стремясь къ такому выясненію, мы должны быть крайне осторожными и тщательно отмѣчать лишь литературныя вліянія въ бытовыхъ условіяхъ. Намъ представляется это далеко нелегкимъ, такъ какъ политическое прошлое Испаніи настраивало эту страну въ XVI ст. въ героическомъ и рыцарскомъ духѣ. Продолжительныя войны съ маврами, подвиги любимыхъ героевъ, кажущіеся въ легендарномъ освѣщеніи грандіозными, эпическія преданія способствовали выработкѣ особаго міросозерцанія, которое трудно назвать иначе какъ рыцарскимъ. Когда жизнь перестала питать содержаніе этого міросозерцанія, осталась пустая и безсодержательная форма, продолжавшая долго влачить свое существованіе послѣ исчезновенія фактической основы. Благодаря литературному таланту нѣкоторыхъ авторовъ, подвиги прошлаго облеклись въ изысканныя и причудливыя очертанія и модное повѣствованіе настраивало въ извѣстномъ направленіи менѣе устойчивые и склонные къ фантастическимъ выходкамъ натуры. Миражи занимаютъ мѣсто дѣйствительности. *Истинные* подвиги сдѣлались театральными упражненіями. „Истинное рыцарство, говоритъ одинъ современникъ Сервантеса, состоитъ въ томъ, чтобы, услышавъ о присутствіи безстыднаго тирана и грабителя или маврскаго князя, или еретика-врага церкви взяться за оружіе, чтобы покорить и смирить ихъ. Рыцарь, съ разрѣшенія короля, имѣетъ своимъ долгомъ выйти на дорогу и подвергать себя и все, полученное отъ предковъ, опасности, согласно данному при крещеніи обѣщанію“. Въ разсужденіяхъ на рыцарскія темы много говорилось о преимуществахъ того или другого странствующаго рыцаря. Особенно доблестнымъ считался Амадисъ. Одинъ трактатъ, напр., замѣчаетъ. „Нѣтъ нужды знать болѣе для подражанія подвигамъ Амадиса (чѣмъ даетъ эта книга), которые будучи описаны въ сказочной книгѣ, все же даютъ намъ примѣръ того, что мы должны дѣлать, чтобы явиться благородными.“

Церковь какъ нельзя болѣе способствовала развитію и укрѣпленію рыцарскихъ нравовъ. Она освятила своимъ ритуаломъ обрядовую сторону рыцарства, напр., посвященіе въ это званіе въ стѣнахъ храмовъ, она помѣщала рядомъ со святынями доспѣхи рыцарей, отличившихся боевыми подвигами или отдавшихъ церкви серіозныя услуги. Въ числѣ напр., святынь, похищенныхъ королемъ Генрихомъ Англійскимъ, упоминается Lorica Guidonis di Grangimonti.

Извѣстны *судебные* поединки, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій бывшіе настоящимъ бѣдствіемъ рыцарскаго сословія. Не говоря объ обыкновенныхъ судебныхъ тяжбахъ, эти поединки въ Испаніи были замѣчательны и тѣмъ, что являлись инстанціей для разрѣшенія религіозныхъ и династическихъ вопросовъ. Такъ, въ царствованіе Альфонса IX произошла знаменитая дуэль, которая должна была рѣшить вопросъ о преимуществѣ того или другого типа литургіи

Комедіи Плаща и Шпаги, безчисленныя пьесы испанскихъ драматурговъ золотого вѣка отражаютъ рыцарскіе нравы. Испанскіе рыцари вывозили съ собою любовь къ рыцарскимъ разсказамъ, изображеніямъ рыцарскихъ подвиговъ далеко за предѣлы Испаніи; такъ въ Неаполѣ одинъ знатный испанецъ (конца XVI в.) распорядился изукрасить свои покои изображеніями подвиговъ Амадиса.

Г-жа Д. Ольной, мемуары которой являются цѣнной иллюстраціей испанскихъ обычаевъ XVII ст., передаетъ много интересныхъ случаевъ, ясно свидѣтельствующихъ, какъ глубоко было пристрастіе ко всему рыцарскому въ мадридскомъ обществѣ.

Въ Мадр. Нац. Библ. существуетъ интересный документъ, впервые напечатанный извѣстнымъ сервантистомъ *Тубино*, нѣчто вродѣ воззванія или даже обвинительнаго вызова, брошеннаго двумя рыцарями своимъ товарищамъ по оружію. Рыцари скрывавшіеся подъ псевдонимами (Felix, Cyane, Venganza), сообщаютъ, что въ Испаніи плохо соблюдаются законы истиннаго рыцарства, а потому они рѣшили защищать это отрицательное положеніе съ оружіемъ въ рукахъ всюду, гдѣ понадобится, для чего и будутъ дежурить въ указанные дни и часы въ опредѣленныхъ пунктахъ. Это объясненіе относится къ декабрю 1581 г. и было разрѣшено властями.. Аналогичное объявленіе, къ тому же времени относящееся, мы читаемъ отъ имени одного рыцаря въ Сарагоссѣ, вызывавшаго на поединокъ всякаго рыцаря, который посмѣлъ бы не признать, что дама, изображеніе которой онъ носитъ въ сердцѣ, самая прекрасная въ мірѣ. Далѣе слѣдуетъ указаніе времени и мѣста поединка, а также имена судей.

Столь же интересный документъ, помѣченный числомъ 2-го мая 1587 г., составленъ отъ имени рыцаря, который говоритъ, что плѣненному Амуру насталъ срокъ освобожденія и вызываетъ на состязаніе съ собою всѣхъ желающихъ. Въ 1599 г. въ Сарагоссѣ праздновалось съ необычайнымъ торжествомъ прибытіе ко-

роля. По этому поводу состоялся турниръ, показавшійся сказкой рыцарскихъ книгъ, такъ какъ глазамъ зрителей представился великолѣпный кортежъ, состоящій изъ миѳологическихъ и комическихъ фигуръ, а на площади была устроена гора, 159 локтей вышины, доходящая до облака, въ которомъ показался самъ Юпитеръ, сидящій на орлѣ и низвергающій громъ и молнію. Судьями были боги, Геркулесъ, Меркурій и короли Филиппъ II и Филиппъ III; изъ пещеръ устроенныхъ въ горѣ, выходили различныя животныя, сатиры и кентавры.

Епископъ Нурсеры Пауло Ховіо напечаталъ въ концѣ XVI ст. книгу подъ заглавіемъ „Діалогъ о любовныхъ и рыцарскихъ подвигахъ", гдѣ перечисляетъ лицъ, на обоихъ поприщахъ отличившихся. Хуанъ Гинесъ Сепульведа, историкъ Карла V, разсказываетъ въ своей книгѣ о подвигахъ севильянца Мануэля де Леонъ, который отправился въ Африку въ поиски приключеній и рыцарской славы, расклеивая по всей Мавританіи объявленія о вызовѣ на бой, *„какъ то было въ обычаѣ"*, и вступая въ сраженія съ высказавшими на то готовность; онъ убилъ 7 человѣкъ,—другіе же, видя опасность, отказались отъ поединка. Рыцарь, довольный успѣхами, вернулся на родину, гдѣ прославился на всю жизнь.

Въ 1599 г. валенскіе рыцари устроили турниры въ Денбѣ подъ руководствомъ будущаго герцога Лермы, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года такой же турниръ состоялся въ Валенсіи.

Въ 1602 г. аналогичные турниры происходили въ Торо, Саморѣ и Валлядолидѣ въ присутствіи знатнѣйшихъ грандовъ Испаніи. Въ 1605 г. этого рода празднества привлекали особенно много знати; таковы на первомъ мѣстѣ герцогъ Сесса, графы Альба, Саладаньо, Геловенъ.

Въ 1606 г. турниры повторились въ Мадридѣ. По случаю канонизаціи св. Тересы произошелъ турниръ въ Сарагоссѣ. Одинъ изъ рыцарей, усердный поклонникъ этой святой, выходилъ на поединокъ въ защиту святости своей соотечественницы съ нѣсколькими идальгами, прибывшими изъ Франціи.

Трезвые элементы общества боролись и до Сервантеса съ рыцарскими романами; но ни запреты, на нихъ налагаемые, ни законодательныя мѣры (эдиктъ Карла V, запрещающій привозъ рыцарскихъ романовъ въ Америку, ходатайство Кортесовъ въ 1555 предъ королемъ о сожженіи всѣхъ рыцарскихъ книгъ) не привели ни къ чему.

Немногое, приведенное выше о рыцарствѣ, даетъ намъ право сдѣлать 2 вывода. 1) Рыцарство было модой, весьма распространенной, въ Испаніи въ XV, XVI и XVII ст. 2) Этой модѣ подчинялись знатный и средній дворянскій классъ общества—крестьянъ же и торговыхъ людей эта мода не коснулась. Отсюда понятно, почему романъ Сервантеса возбудилъ страстное негодованіе среди знати, которая, опасаясь показаться смѣшной, ограничилась замалчиваніемъ объ исторіи Донъ Кихота. Оставляя пока вопросъ о вне-

чатлѣніи романа Сервантеса на современниковъ въ сторонѣ, обратимся къ разсмотрѣнію, въ какой степени романъ Сервантеса можетъ считаться подражаніемъ или пародіей рыцарскихъ книгъ. Умѣстно вспомнить нѣкоторыя основныя черты характера ламанчскаго героя.

Д. К., какъ извѣстно, былъ до момента встрѣчи съ нимъ читателя вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ, ведшимъ методически правильную жизнь до пятидесятилѣтняго возраста и сошедшимъ съ ума благодаря нелѣпымъ рыцарскимъ книгамъ. Онъ задается цѣлью воскресить на своемъ примѣрѣ странствующее рыцарство во всемъ его блескѣ. Фантазія должна у него стать дѣйствительностью. Можно-бы ожидать, что Сервантесъ заставитъ своего героя довести до абсурда подвиги какого либо наиболѣе популярнаго рыцаря. Однако авторъ „Д. К.“ предпочелъ другой, болѣе художественный пріемъ. Его герой усвоиваетъ *общія* положенія странствующаго рыцарства; проникнутый идеями, когда-то одушевлявшими лучшихъ представителей этого класса, онъ выступаетъ на борьбу во имя этихъ идей, причемъ содержаніе подвиговъ предполагается совершенно новое — старой остается лишь форма въ которую облекаются эти подвиги. Измѣнилось содержаніе жизни. Въ вѣчность отошли тѣ условія, при которыхъ боролись и торжествовали странствующіе рыцари. Сущность заблужденій Д. К. въ *анахронизмѣ*. Съ необыкновеннымъ мастерствомъ Сервантесъ противополагаетъ реализмъ бытовыхъ условій, среди которыхъ вращается ламанчскій рыцарь, полному иллюзій его внутреннему міру. Отсюда получается контрастъ иногда комическаго, иногда трагикомическаго характера.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что мы должны отказаться отъ мысли видѣть въ „Д. К.“ пародію на какой-либо опредѣленный рыцарскій романъ (Амадисовъ, Беліаниса, Тиранта и пр.); вліяніе популярныхъ рыцарскихъ книгъ сказалось въ „Д. К.“ на фабулѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, на отдѣльныхъ моментахъ мыслей Д. К., — общій же фонъ картины выдержанъ въ строго реальномъ духѣ. Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи рыцарскихъ книгъ къ „Д. К.“ сведется лишь къ сходству отдѣльныхъ эпизодовъ, къ аналогіи психическихъ моментовъ настроенія героя романа Сервантеса съ настроеніемъ вымышленныхъ героевъ бретонской и другихъ династій.

Съ первой и до послѣдней главы „Д. К.“ такое отношеніе автора къ своему сюжету выдержано вполнѣ послѣдовательно. Подвиги „Д. К.“, конечно, неподражаемы, и оригинальность вымысла автора въ этомъ отношеніи не подлежитъ спору. Сервантесъ никому не подражалъ, что очевидно для всякаго непредубѣжденнаго читателя. Внѣшній міръ, окружающій Д. К., и міръ рыцарскихъ романовъ не представляютъ никакихъ аналогій, никакой аналогіи нѣтъ между условіями, въ которыхъ находились царственные Амадисы и бѣдный ламанчскій идальго. Аналогія, хотя и неполная,—въ душевномъ настроеніи героя Сервантеса

и тѣхъ героевъ, которые намъ извѣстны изъ рыцарскихъ книгъ.

Чтобы обосновать высказанныя положенія, вспомнимъ содержаніе нѣкоторыхъ эпизодовъ одного, наиболѣе популярнаго рыцарскаго романа, возбуждавшаго Сервантеса къ подражанію,—Амадиса Гальскаго. Сервантесъ неоднократно подчеркиваетъ, что его рыцарь особенно усердно подражалъ Амадису и его подвигамъ. И дѣйствительно: наибольшее число всѣхъ эпизодовъ романа Сервантеса, гдѣ послѣдній пародируетъ тѣ или другіе моменты рыцарскихъ романовъ, падаетъ на Амадиса Гальскаго. Достаточно, однако, бѣглаго знакомства съ содержаніемъ послѣдняго романа, чтобы исключить всякую мысль о его сходствѣ съ „Д. К.“ Мы не считаемъ возможнымъ приводить въ доказательство этого положенія полное содержаніе длиннаго, изобилующаго отступленіями и вставными эпизодами романа—ограничимся сопоставленіемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе существенныхъ моментовъ. Само собою разумѣется, что мелкія частности не будутъ принимаемы во вниманіе.

Между генеалогіей ламанчскаго рыцаря и Амадиса Гальскаго нѣтъ ничего общаго. Это и понятно. Сервантесъ задался цѣлью вывести средняго по общественному положенію смертнаго и показать на дѣлѣ пагубныя послѣдствія чтенія рыцарскихъ книгъ. Мы полагаемъ, что недалеки отъ истины тѣ критики, которые утверждаютъ, что Д. К. былъ портретомъ съ оригинала, хорошо знакомаго Сервантесу (можетъ быть, прототипомъ его былъ даже самъ Сервантесъ), а также и тѣ, которые считаютъ вѣроятнымъ присутствіе автобіографическихъ признаній въ разсказѣ ламанчскаго рыцаря. Черты сходства съ романомъ Амадиса мы находимъ во многихъ главахъ „Д. К.“, — но это сходство дальше внѣшности не идетъ.

Существенныя аналогичныя „Амадису“ черты мы находимъ уже во II-ой гл., гдѣ Д. К. задается мыслью принять посвященіе въ рыцари отъ перваго встрѣчнаго, подобно тому, какъ Галаоръ, братъ Амадиса, совершенно случайно принялъ посвященіе. Еще болѣе сходства между ролью Д. К. и Амадиса мы находимъ въ III гл., въ сценѣ посвященія въ рыцари. Здѣсь почти пародируются слова Амадиса Гальскаго, котораго въ IV гл. этого романа король Періонъ посвящаетъ въ рыцари. Въ другой главѣ этого романа (LVIII) рѣчь Д. К. весьма близко подходитъ къ рѣчи Патина, взывавшаго къ любви за помощью и содѣйствіемъ: „Любовь! любовь! Многимъ я тебѣ обязанъ за высоту, на которую ты меня вознесла выше другихъ рыцарей... Теперь, по весьма счастливому стеченію обстоятельствъ, ты заставила меня полюбить дочь лучшаго изъ королей, прекрасную Оріану, неимѣющую равной себѣ на всемъ свѣтѣ. Ее, любовь, ты заставила меня полюбить; снабди меня силами, чтобы служить ей“. Слѣдующій эпизодъ, сходный съ однимъ изъ эпизодовъ „Амадиса“, мы находимъ въ VII гл. „Д. К.“ Эпизодъ этотъ — описаніе племянницей дракона, будто бы похитившаго книги дяди. Въ „Амадисѣ“ (гл.

CXXIII, CXVI) мы встрѣчаемъ совершенно аналогичныя описанія дракона. Въ VIII гл. Д. К., въ подражаніе Амадису, проводитъ ночь, не смыкая глазъ и думая лишь о своей красавицѣ Дульсинеѣ,—Амадисъ такъ поступаетъ въ LXXV гл. Стилистическая обработка этого эпизода представляетъ въ обоихъ романахъ полную аналогію: „Всю эту ночь Д. К. не спалъ, раздумывая о своей сеньорѣ Дульсинеѣ, примѣняясь къ тому, что онъ читалъ въ своихъ книгахъ, когда рыцари проводили многія ночи безъ сна въ лѣсахъ и пустыняхъ, занятые мыслями о своихъ госпожахъ". „Рыцарь Зеленой шпаги (Амадисъ) приказалъ Гандалину смотрѣть за лошадьми, а самъ укрылся подъ большія деревья, недалеко растущія, чтобы наединѣ лучше раздумывать о своемъ положеніи и своей госпожѣ". Въ упомянутомъ эпизодѣ VIII гл. оба рыцаря проводятъ ночь подъ деревьями—образъ, навѣянный Сервантесу Амадисомъ. Въ этой же гл. (VIII) „Д. К." мы находимъ эпизодъ, еще болѣе изобличающій подражаніе „Амадису". Именно послѣ мнимаго освобожденія бискайской дамы ламанчскій рыцарь приказываетъ ей отправиться въ Тобосо для представленія Дульсинеѣ. Амадисъ въ LXV гл. отдаетъ такой же приказъ освобожденнымъ рыцарямъ и дамамъ, направляя ихъ отъ своего имени къ королевѣ Бризенѣ.

Въ концѣ VIII гл. мы находимъ весьма характерную подробность, свидѣтельствующую о томъ, что Сервантесъ первоначально задумалъ и планъ своего романа по аналогіи съ „Амадисомъ". Именно, въ подражаніе „Амадису" онъ предположилъ подраздѣлить свою исторію на 4 книги и оборвалъ первую, быстро измѣнивъ сюжетъ разсказа. Впослѣдствіи онъ забудетъ о дѣленіи на книги и ограничится дѣленіемъ на главы.

Въ X гл. послѣ отступленія въ сторону мы читаемъ о дальнѣйшемъ ходѣ борьбы бискайца съ Донъ-Кихотомъ и находимъ рядъ чертъ, напоминающихъ рыцарскіе романы, по преимуществу „Амадиса". Таковы: цѣлованіе края одежды Д. К. Санчо Пансой, упоминаніе о королевствахъ Dinamarca и Sobradisa и другія, еще болѣе мелкія черты. Въ XIII гл. мы находимъ намеки, весьма прозрачные, на „Амадиса", именно тамъ, гдѣ говорится объ обычаѣ обращаться за помощью къ своему оруженосцу съ слѣдующими словами: „Когда я умру, возьми мое сердце и снеси его къ сеньорѣ Оріанѣ и скажи ей, что... такъ какъ оно всегда ей принадлежало, пусть она держитъ его на память о томъ, кому оно принадлежало". Даже тогда, когда Д. К. повидимому уклоняется отъ обычныхъ рыцарскихъ правилъ, онъ слѣдуетъ примѣрамъ, до него существовавшимъ. Такъ, вступивъ въ сраженіе съ табунщиками, нашъ рыцарь слѣдовалъ примѣру Амадиса Гальскаго, который однажды сразился съ нѣсколькими разбойниками (Гл. XV „Д. К." и XXVIII Ам.) Разрѣшивъ Санчо Пансѣ сражаться съ непосвященными въ рыцарство, Д. К. имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, оруженосца Амадиса (CLXVIII). Въ той же, XV гл., Д. К., разсказывая о злоключеніяхъ и опасностяхъ, ко-

торымъ подвергались странствующіе рыцари, на первомъ мѣстѣ ставитъ Амадиса, гдѣ его указаніе въ этомъ случаѣ не можетъ быть названо точнымъ. Эпизодъ съ ночнымъ посѣщеніемъ Мариторны почти совпадаетъ, конечно, въ пародіи, съ посѣщеніемъ матерью Амадиса, Элисеней, короля Періона. Въ XVIII гл. „Д. К.“ находимъ нѣсколько намековъ на Амадиса, особенно въ эпизодѣ съ баранами, въ которыхъ рыцарь хотѣлъ видѣть двѣ арміи.

Яркую аналогію между „Д. К.“ и „Амадисомъ“ мы находимъ въ XX гл. перваго романа CXX и LXXIII втораго. Приготовляясь къ подвигамъ, его ожидающимъ, ламанчскій рыцарь призываетъ Санчо подождать его три дня. Санчо приходитъ въ ужасъ и начинаетъ плакать: такъ прощался Амадисъ съ окружающими и такъ оплакивалъ его вѣрный Гандалинъ.

Въ той же (XX) гл. „Д. К.“ Гандалинъ приводится въ примѣръ Санчо, какъ получившій отъ Амадиса за заслуги обѣщанное графство.

Въ XXI гл. Д. К., изображая Санчо встрѣчу рыцаря въ владѣльческомъ замкѣ весьма прозрачно намекаетъ на одинъ изъ эпизодовъ „Амадиса“, именно введеніе и первую главу этого романа. Такой-же намекъ можно видѣть и нѣсколько ниже, въ разсказѣ объ испытаніи въ бою доблести рыцаря и о любовныхъ отношеніяхъ между нимъ и принцессой (гл. XXIV).

Въ XXII гл. „Д. К.“ рыцарь, освободивъ каторжниковъ, приказываетъ имъ отправиться въ Тобосо на поклонъ къ Дульсинеѣ. „Благородныхъ людей удѣлъ — быть благодарными за полученныя благодѣянія, и одинъ изъ величайшихъ грѣховъ, оскорбляющихъ Всевышняго—неблагодарность. Я это говорю такъ какъ всѣ, сеньоры, видѣли на послѣднемъ опытѣ, что всѣ отъ меня получили; въ воздаяніе за это я желаю, и такова моя воля, чтобы въ той цѣпи, которую я снялъ съ васъ, всѣ отправились въ путь въ Тобосо и тамъ представились сеньорѣ Дульсинеѣ Тобозской и передали, что ея рыцарь, *Печальнаго Образа*, свидѣтельствуетъ ей свое почтеніе; затѣмъ вы разскажете шагъ за шагомъ о томъ славномъ приключеніи, которое окончилось вашимъ освобожденіемъ; сдѣлавъ это, всѣ отправитесь, куда пожелаете, въ доброй часъ! Амадисъ, освободилъ около сотни рыцарей и дамъ изъ власти гиганта Мадарка. „Всѣ они съ большимъ смиреніемъ подошли цѣловать руки Амадиса, говоря что ждутъ, что онъ прикажетъ имъ сдѣлать. Амадисъ сказалъ имъ: „Друзья; самое пріятное будетъ для меня, если всѣ отправитесь къ королевѣ Бризенѣ и скажете, что васъ посылаетъ ея рыцарь Твердаго Острова, если облобызаете ея руки отъ моего имени“. (LXV). Въ XXIV главѣ мы находимъ комическій эпизодъ о королевѣ Мадазинѣ, честь которой горячо защищаетъ Д. К. Этотъ эпизодъ заключаетъ рядъ указаній на „Амадиса“ (Гл. CXXVIII, LXXIII, LXXX, LXXIII, XXVIII, LXXII).

XXV глава „Д. К.“ составляетъ пародію на искусство Амадиса, назвавшаго себя *Мрачнымъ красавцемъ*. Въ дѣйствитель-

ности аналогіи между положеніемъ Д. К. и Ам., по остроумному наблюденію Санчо, нѣтъ, и это лишь усугубляетъ комическое впечатлѣніе. Искусъ Амадиса привелъ его къ полученію прощенія отъ Оріаны, противъ которой онъ провинился (гл. XXI, XL, XLV и др.).

Мы опасаемся прискучить читателю сопоставленіями эпизодовъ этихъ двухъ романовъ. Число этихъ сопоставленій можетъ быть увеличено въ нѣсколько разъ, хотя, начиная со второй части „Д. К.", сходныхъ эпизодовъ между двумя романами окажется меньше. Мы желали подойти къ разрѣшенію вопроса: составляетъ-ли „Д. К." Сервантеса пародію рыцарскаго романа вообще и „Амадиса"—въ частности? Если составляетъ, то вопросъ о композиціи и стилѣ романа Сервантеса становится чрезвычайно легкимъ. Вышеприведенныя и аналогичныя сопоставленія не даютъ намъ права отвѣтить на поставленный вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Сходство между „Амадисомъ" (и другими рыцарскими книгами) и „Д. К." ограничивается лишь сходствомъ частностей, привлекаемыхъ для усугубленія комическаго впечатлѣнія. Этого сходства ни въ планѣ ни въ композиціи мы не видимъ. Планъ и композиція „Д. К." не могутъ быть выводимы, вопреки мнѣнію критиковъ, изъ рыцарскаго романа; особенности ихъ раскроются намъ послѣ внимательнаго знакомства съ процессомъ творчества Сервантеса и изученныхъ имъ произведеній эпической поэзіи великихъ итальянцевъ, ему современныхъ. Къ этому вопросу мы подойдемъ въ другой разъ.

Л. Шепелевичъ.

Развитіе жизни въ природѣ и обществѣ.

(*Продолженіе*) *).

IV.

Мы показали, что общественныя формы принадлежатъ къ обширному *роду*—біологическихъ приспособленій. Но этимъ мы еще не опредѣлили области общественныхъ формъ: для опредѣленія надо установить не только *родъ*, но и *видъ*; надо выяснить не только общія черты данныхъ формъ съ другими, имъ родственными, но и отличительныя ихъ черты, выдѣляющія ихъ среди этихъ другихъ формъ. Требуется точная *характеристика* общественныхъ формъ.

Въ своей борьбѣ за существованіе люди не могутъ объединяться иначе, какъ при помощи *сознанія*: безъ сознанія нѣтъ общенія. Поэтому *соціальная жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ есть сознательно-психическая*. Эта мысль не нуждается въ спеціальномъ доказательствѣ: достаточно того, что просто нельзя представить себѣ такого соціальнаго факта, который происходилъ бы безъ участія сознанія.—Употребляются, правда, отдѣльныя выраженія, которыя какъ-будто, противорѣчатъ этому,—напр. „физическій трудъ", „безсознательныя дѣйствія толпы", и т. под., но легко видѣть, что такія выраженія не слѣдуетъ понимать буквально: и физическій трудъ слагается изъ ощущаемыхъ, т. е. сознаваемыхъ движеній, направленныхъ къ представляемой, т. е. сознаваемой цѣли; онъ только отличается тѣмъ, что производитъ „физическія" измѣненія во внѣшней средѣ; и безсознательныя дѣйствія толпы происходятъ не за предѣлами сознанія дѣйствующихъ, а только не находятъ въ этомъ сознаніи ясной мотивировки. Вообще, соціальность нераздѣльна съ сознательностью. *Общественное бытіе и общественное сознаніе, въ точномъ смыслѣ этихъ словъ, тожественны.*

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы все въ сознаніи было соціально. Область сознанія шире области соціальнаго, и заклю-

*) См. „Образованіе" № 4.

чаетъ ее въ себѣ; но остается еще масса сознательно-психическихъ явленій, которыя вовсе не соціальны, напр., всѣ непосредственныя ощущенія, порождаемыя физіологической жизнью, всѣ чувства, эмоціи, дѣйствія, направленныя не соціально, или даже анти-соціально, и т. под.

Теперь мы должны выяснить характеръ тѣхъ сознательно-психическихъ явленій, изъ которыхъ слагается общественный процессъ.—Соціальная борьба людей за ихъ существованіе есть дѣятельность вполнѣ опредѣленнаго типа: во всѣхъ своихъ проявленіяхъ это дѣятельность, направленная къ достиженію *цѣлей*. Во всѣхъ формахъ дѣятельности людей, имѣющихъ соціальное содержаніе, выступаетъ эта общая черта: въ матеріальномъ производствѣ, въ словесномъ общеніи, въ изслѣдованіи, въ правовой, въ нравственной жизни, человѣкъ дѣйствуетъ постоянно ради какой-нибудь представляемой цѣли. Такого рода дѣятельность называется *трудомъ*. Итакъ, общественный процессъ есть процессъ *трудовой*.

Здѣсь опять нужно поясненіе. Всякое проявленіе общественной жизни имѣетъ трудовой характеръ, но не всякое проявленіе трудовой жизни имѣетъ общественный характеръ. Существуетъ трудъ не соціальный, и даже анти-соціальный, напр., трудъ паразитическаго потребленія, или трудъ безполезнаго убійства и разрушенія, вообще такой, который не входитъ въ общественную борьбу людей за жизнь, или даже стоитъ съ ней въ противорѣчіи. Область труда шире области соціальнаго бытія, и заключаетъ ее въ себѣ, какъ цѣлое часть.

Трудъ тогда является соціальной дѣятельностью, когда онъ, прямо или косвенно, направленъ къ сохраненію и развитію *не одного трудящагося, но и другихъ людей*, когда онъ полезенъ не только индивидуально, но и соціально. Производитель, изслѣдователь, исполнитель правовыхъ нормъ, своими дѣйствіями создаютъ приспособленность не для себя однихъ, но и для другихъ членовъ общества; поэтому ихъ дѣйствія входятъ въ сферу соціальной жизни, это общественно-трудовыя приспособленія.

Отдѣльное общественно трудовое приспособленіе бываетъ полезно иногда для болѣе широкаго, иногда для болѣе узкаго круга людей: для всего общества, для класса, для группы, для семьи; въ этомъ выражается широта или узость общественной связи въ тѣхъ или другихъ частныхъ ея проявленіяхъ. Приспособленіе, полезное для однихъ членовъ общества, можетъ быть вредно для другихъ, какъ наблюдается при борьбѣ классовъ, при конкурренціи и т. п.; въ этомъ обнаруживается неполное единство общества, какъ сложнаго сочетанія сравнительно отдѣльныхъ группъ, не во всемъ приспособленныхъ одна къ другой.

Резюмируемъ выводы этой главы. Общественныя приспособленія представляютъ изъ себя формы трудовой дѣятельности человѣка въ его борьбѣ за существованіе, притомъ дѣятельности, направленной къ пользѣ не только самого трудящагося, но и дру-

гихъ людей. Короче—это *формы трудовой совмѣстности людей*; а общество, какъ цѣлое, есть *система сотрудничества* въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

V.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ типовъ общественныхъ приспособленій. Мы должны выяснить ихъ различія, и установить ихъ взаимную связь по генезису и жизненному значенію. При этомъ намъ придется начать съ самыхъ широкихъ подраздѣленій.

Уже въ предыдущемъ намѣчались, хотя только мимоходомъ, двѣ обширныя группы общественныхъ приспособленій: техническія, которыя направлены къ *непосредственной* борьбѣ общества съ внѣшней природой, къ *прямому* воздѣйствію на нее, и затѣмъ идеологическія, которыя имѣютъ болѣе *косвенное* значеніе для этой борьбы, хотя, какъ увидимъ, значеніе очень часто не менѣе важное. Люди, которые рубятъ дерево, выполняютъ техническій процессъ; люди, которые обсуждаютъ, какимъ образомъ удобнѣе срубить дерево, выполняютъ процессъ идеологическій. Для первыхъ объектомъ дѣйствія являются предметы внѣшней среды—дерево, топоръ; для вторыхъ—понятія и сужденія, сложившіяся на основѣ прежняго труда: такія-то деревья удобнѣе всего рубить такимъ-то способомъ, начинать слѣдуетъ съ такого-то мѣста, остерегаться при этомъ слѣдуетъ того-то, и т. д. Оба трудовыхъ процесса могутъ сливаться такъ тѣсно, что ихъ трудно раздѣлить даже въ абстракціи; но бо́льшая или меньшая непосредственность отношенія къ внѣшней природѣ всегда придаетъ каждому изъ нихъ ясный оттѣнокъ того или другого типа.

Остановимся пока на техническихъ приспособленіяхъ. Это группа очень обширная, въ которой объединяются вещи, на первый взглядъ довольно разнородныя. Сравнимъ, напр., техническую жизнь на раннихъ ступеняхъ развитія культуры, и въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Тамъ—человѣкъ лазаетъ на деревья за плодами, собираетъ моллюсковъ на берегу, вырываетъ палкою коренья изъ земли, охотится за мелкими животными при помощи камня; здѣсь—онъ выполняетъ сложнѣйшія воздѣйствія на безконечно разнообразныя средства производства, отъ дѣвственной почвы до автоматическаго механизма включительно. И все-таки мы имѣемъ полное основаніе соединять настолько различныя приспособленія подъ общее понятіе „техническихъ“, потому что ихъ значеніе для жизни дѣйствительно однородно: всѣ они представляютъ формы непосредственныхъ отношеній человѣка къ средѣ, непосредственной борьбы общества съ внѣшней природой.

Здѣсь намъ надо устранить одно изъ обычныхъ недоразумѣній. Нерѣдко терминъ „техническое приспособленіе“ примѣняютъ

къ средствамъ производства—орудіямъ, машинамъ и т. п. Но это—не точное, переносное употребленіе слова, непригодное для нашихъ цѣлей. Только живое приспособляется, только формы жизни могутъ быть формами приспособленія. Орудія, машины, матеріалы труда—это *элементы внѣшней природы*, которые человѣкъ, приспособляясь, располагаетъ наиболѣе выгоднымъ для себя образомъ. „Приспособленіе" заключается здѣсь въ умѣньи человѣка такъ воздѣйствовать на внѣшніе предметы, что изъ нихъ получается цѣлесообразная комбинація, въ видѣ, напр., топора или двигательнаго механизма, и затѣмъ въ умѣньи пользоваться этой комбинаціей; слѣдовательно, „техническія приспособленія" находятся *въ психикѣ людей*, а не внѣ ея. Разумѣется, если отнять у человѣка орудія труда, то онъ будетъ „технически неприспособленъ", какъ будто у него отняли самыя приспособленія; но въ сущности приспособленія эти у него останутся, т. е. онъ по прежнему будетъ способенъ пользоваться орудіями, а будутъ отняты только внѣшнія условія, необходимыя для того чтобы проявить эту способность. Точно такъ же земледѣлецъ окажется неприспособленъ, если отнять у него землю, которую онъ пахалъ; но никто же не назоветъ эту землю „приспособленіемъ". Техническія приспособленія земледѣльца—умѣнье пахать, сѣять и т. д.—продолжаютъ сохраняться въ его психикѣ, но они не находятъ примѣненія, потому что для этого не хватаетъ одного необходимаго, хотя и внѣшняго условія—не хватаетъ земли. Если это условіе снова окажется на-лицо, т. е. земледѣлецъ опять получитъ землю, то его техническія приспособленія вновь пойдутъ въ дѣло; иначе они могутъ черезъ нѣкоторое время утратиться, какъ атрофируется органъ, который долго не функціонировалъ.

Я боюсь, что порядкомъ наскучилъ читателю этимъ тщательнымъ выясненіемъ понятій; но что дѣлать, точность прежде всего. По крайней мѣрѣ, мы можемъ теперь съ большей увѣренностью сдѣлать шагъ дальше.

Въ предыдущемъ было, между прочимъ, установлено, что исходной точкой всякаго развитія жизни служатъ измѣняющіяся отношенія жизненныхъ формъ къ ихъ средѣ въ процессѣ борьбы за существованіе. Если это такъ, то уже a priori слѣдуетъ признать, что изъ числа общественныхъ приспособленій *первично должны возникать и развиваться именно техническія*, такъ какъ они имѣютъ наиболѣе близкое, наиболѣе непосредственное отношеніе къ внѣшней средѣ общества. Это пока теоретическій выводъ, но онъ вполнѣ подтверждается наблюденіями надъ фактическимъ соціальнымъ развитіемъ.

Въ жизни современнаго культурнаго общества насъ поражаетъ ея чрезвычайное богатство идеологическими формами. Громадная масса приспособленій познавательныхъ, безконечная сложность и разнообразіе проявленій жизни правовой и этической заполняютъ собою очень значительную часть общественнаго про-

цесса, очень значительную даже при сравненіи съ колоссальнымъ развитіемъ жизни технической, непосредственнаго производства. Но если итти назадъ по пути развитія культуры, переходя къ ея болѣе и болѣе низкимъ ступенямъ, то отношеніе измѣняется. Идеологическая жизнь все болѣе суживается, и притомъ быстрѣе, чѣмъ техническая. Чѣмъ ниже культура, тѣмъ болѣе выступаетъ на первый планъ *непосредственная* борьба человѣка съ природой, *прямое* воздѣйствіе на нее. На этихъ стадіяхъ развитія человѣкъ сравнительно гораздо меньше разсуждаетъ, обсуждаетъ, оцѣниваетъ, сравнительно гораздо больше реагируетъ стихійно на внѣшнюю среду. По мѣрѣ приближенія къ мыслимому, неизвѣстному началу общественной жизни, содержаніе труда сводится къ простой, не осложненной отвлеченными идеями и нормами борьбѣ за существованіе: жизнь идеологическая исчезаетъ передъ технической.

Это соотношеніе является настолько постояннымъ въ предѣлахъ извѣстной намъ исторіи человѣчества, что мы съ полнымъ основаніемъ можемъ представить его продолженнымъ и на болѣе ранніе, пока недоступные наукѣ періоды общественнаго развитія. При этомъ окажется, что въ своей наиболѣе первобытной формѣ, какая можетъ только логически мыслиться, общественная жизнь должна вся сводиться къ *техническому* процессу, который и приходится, слѣдовательно, признавать *исторически-первоначальной областью соціальнаго бытія людей*.

Но и на всѣхъ позднѣйшихъ стадіяхъ развитія первичный характеръ техническихъ приспособленій находитъ себѣ достаточныя подтвержденія. Именно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ жизнь идеологическая подвергается существеннымъ преобразованіямъ и переворотамъ, при достаточномъ изслѣдованіи всегда удается найти предшествующія измѣненія въ области технической, и удается показать, что эти послѣднія измѣненія могли и должны были послужить *исходной точкой* перемѣнъ въ идеологіи. Такъ реформаціи предшествовало быстрое расширеніе производства и улучшеніе его способовъ, а также развитіе торговли (основную часть торговаго дѣла составляетъ *техническій* процессъ перемѣщенія товаровъ); и въ исторической литературѣ много разъ указывалось, какимъ образомъ этотъ прогрессъ въ производственной жизни вызывалъ прогрессъ идеологическаго сознанія *). Перевороты конца XVIII и первой половины XIX вѣка такимъ же образомъ связываются съ развитіемъ капиталистической техники; связь эта признается, въ значительной мѣрѣ, даже очень многими историками совсѣмъ не монистическаго направленія. Примѣровъ можно было бы привести гораздо больше; въ общемъ слѣдуетъ признать, что всюду, гдѣ съ надлежащей полнотой и

*) Особенно хорошо излагается это въ произведеніяхъ К. Каутскаго. Въ русскомъ переводѣ есть „Вѣкъ гуманизма и реформаціи" въ „Очеркахъ и этюдахъ" и „Общественныя движенія въ Ср. Вѣка и въ эпоху реформаціи", переводъ подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова.

ясностью обнаружена связь фактовъ общественнаго развитія, движущая сила этого развитія оказывается исходящей именно изъ области непосредственнаго производства, изъ сферы техническаго процесса *).

Итакъ, въ ряду общественныхъ приспособленій техническія первичны по генезису и развитію. Признавши это, мы тѣмъ самымъ ставимъ передъ собой такую задачу: показать, какимъ образомъ на основѣ техническаго процесса развивается сложная система общественнаго бытія, съ ея разнообразіемъ элементовъ и единствомъ цѣлаго. Само собой разумѣется, что попытка рѣшенія этой задачи можетъ быть дана здѣсь только въ самыхъ общихъ, самыхъ основныхъ чертахъ.

VI.

Мы начнемъ съ небольшого отступленія въ область біологіи. Какъ увидимъ, это будетъ только кажущееся отступленіе.

Изъ всѣхъ сложныхъ формъ жизни (организмъ, семья, видъ, общество и т. под.) ни одна не обладаетъ *совершеннымъ* внутреннимъ единствомъ. Высшіе организмы отличаются наибольшей цѣлостностью жизненнаго процесса, наибольшей связью частей и гармоніей ихъ взаимныхъ отношеній; однако, даже они не лишены извѣстныхъ „внутреннихъ противорѣчій“, иногда ничтожныхъ, едва замѣтныхъ, иногда значительныхъ, опасныхъ для жизни цѣлаго. Отправленія различныхъ органовъ, тканей, клѣтокъ никогда не бываютъ *вполнѣ* приспособлены взаимно, а временами серьезно мѣшаютъ одни другимъ. Уже при обычныхъ условіяхъ усиленная дѣятельность, напр., пищеварительнаго аппарата затрудняетъ и ограничиваетъ работу психики тѣмъ, что отвлекаетъ часть питанія отъ высшихъ нервныхъ центровъ. Аналогичнымъ образомъ, чрезмѣрное развитіе половой жизни ведетъ къ стѣсненію и даже разстройству жизнедѣятельности всѣхъ другихъ системъ организма. Клѣтки соединительной ткани постоянно пользуются уменьшеніемъ жизнеспособности другихъ тканей, чтобы вытѣснять и замѣщать ихъ собою—это чистая причина деградаціи организмовъ при заболѣваніяхъ, и одна изъ основныхъ причинъ физіологической „старости“. Въ психической жизни одни образы, стремленія, идеи непрерывно борятся съ другими за преобладаніе, и менѣе устойчивые изъ этихъ элементовъ устраняются болѣе устойчивыми, притомъ далеко не всегда къ выгодѣ всего организма.

*) Читатель видитъ, что мы старательно избѣгаемъ термина „производительныя силы“, а предпочитаемъ говорить о „техническихъ приспособленіяхъ“. Понятіе „производительныхъ силъ“ слишкомъ неопредѣленно и двойственно по содержанію, такъ какъ охватываетъ и матеріальныя средства производства, и психическія приспособленія производителей. Такое понятіе удобно лишь на раннихъ стадіяхъ анализа; для нашихъ цѣлей нужно болѣе строгое разграниченіе, при которомъ элементы общественной психики не смѣшивались бы съ элементами матеріальной среды общества.

Чѣмъ сложнѣе какая-нибудь форма жизни, чѣмъ многочисленнѣе, разнообразнѣе и самостоятельнѣе ея элементы, тѣмъ, очевидно, легче могутъ выступать между ними жизненныя противорѣчія, тѣмъ чаще должно случаться, что нѣкоторые изъ этихъ элементовъ будутъ подрывать жизнеспособность другихъ, и стало быть также жизнеспособность цѣлаго. Развитіе должно устранять такую непріятность. Это и достигается особыми *организующими приспособленіями*

Для высшихъ организмовъ такими приспособленіями служатъ нервные центры. При ихъ посредствѣ достигается гармоническое объединеніе жизнедѣятельности различныхъ органовъ и тканей цѣлаго: цѣлесообразно распредѣляется питаніе, такъ чтобы одни элементы не отнимали его у другихъ (трофическіе и сосудодвигательные центры), вырабатываются наиболѣе выгодныя для организма сочетанія отдѣльныхъ мускульныхъ сокращеній и воспріятій (чувствительные и двигательные центры) и т. под. Приспособленіе конечно, не бываетъ и здѣсь совершеннымъ: въ извѣстныхъ предѣлахъ борьба за питаніе между частями организма продолжается, и постоянно нѣкоторые, хотя бы немногіе элементы, чрезмѣрно развиваются за счетъ другихъ; сокращенія отдѣльныхъ мускульныхъ волоконъ далеко не всегда соединяются гармонично, благодаря чему движенія организма не достигаютъ наибольшей мыслимой силы и цѣлесообразности, и т. д. Но все же только организующая дѣятельность нервныхъ центровъ даетъ организму, при всей сложности его строенія, высокое жизненное единство и цѣлостность.

Въ болѣе сложныхъ формахъ жизни наблюдаются организующія приспособленія иного типа. Для семьи животныхъ, для стада, для стаи такую роль играютъ опредѣленные инстинкты, семейные и стадные, объединяющіе особей въ коллективное цѣлое; они дополняются еще системой сигналовъ, которая позволяетъ особямъ наиболѣе гармонично соединять свои дѣйствія въ борьбѣ за существованіе. Всѣ такія приспособленія являются психическими, развиваются, слѣдовательно, изъ приспособленій той же системы, которая служитъ организующей формой для жизни особи. Это и вполнѣ естественно, разъ вообще коллективныя формы какъ семья, стадо и т. под., слагаются именно изъ особей.

Человѣческое общество есть одна изъ самыхъ сложныхъ, если не самая сложная форма подобнаго строенія. Очевидно, здѣсь мы должны найти и особенно сложныя организующія приспособленія. Такъ оно и оказывается въ дѣйствительности.

Отдѣльные люди, даже взятые въ совокупности, еще не составляютъ общества. Въ понятіи „общества" уже заключается идея организованности, объединенія жизненной совмѣстности особей. Такимъ образомъ, чтобы имѣло смыслъ самое употребленіе слова „общество", необходима наличность опредѣленнаго организующаго приспособленія. Это приспособленіе—соціальный инстинктъ.

Соціальный инстинктъ не есть нѣчто неизмѣнное, всегда себѣ

равное, одинаковое во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни: онъ имѣетъ свою исторію развитія, и выступаетъ въ различныхъ видахъ.—Изслѣдовать его происхожденіе здѣсь не приходится; можно только въ самыхъ общихъ чертахъ указать его мѣсто среди біологическаго міра. Несомнѣнио, что его прямыми предшественниками являются инстинкты стадный и семейный, столь распространенные въ жизненномъ царствѣ; несомнѣнно и то, что въ своихъ первоначальныхъ проявленіяхъ онъ не составляетъ привилегіи человѣка, а встрѣчается также у цѣлаго ряда другихъ соціальныхъ животныхъ. Но у человѣка инстинктъ этотъ достигаетъ наибольшаго развитія, какъ въ смыслѣ ширины—въ наше время онъ до извѣстной степени объединяетъ все человѣчество,—такъ и въ смыслѣ сложности и разнообразія проявленій—имъ окрашены въ различной мѣрѣ самые разнородные элементы общественно-трудового процесса. Человѣкъ есть существо соціальное по преимуществу.

Уже въ первичной своей формѣ соціальный инстинктъ представляетъ довольно сложное жизненное явленіе. Сущность его заключается въ *стремленіи человѣка держаться вмѣстѣ съ другими людьми и дѣйствовать совмѣстно съ ними и одинаково съ ними* *). Стремленіе это составляетъ психическую основу всякой общественности.

Техническія формы, содержаніе которыхъ заключается въ воздѣйствіи человѣка на природу, сами по себѣ, очевидно, могли бы быть вовсе не соціальны, если бы не ихъ неразрывная связь съ соціальнымъ инстинктомъ. Человѣкъ собираетъ плоды съ деревьевъ; что тутъ соціальнаго? Но это дѣйствіе пріобрѣтаетъ соціальный характеръ, если возникаетъ путемъ подражанія, т. е. стремленія дѣйствовать *одинаково съ другими людьми*, или если выполняется *совмѣстно съ этими другими*, или, наконецъ, *для нихъ* (въ послѣднемъ случаѣ мы, впрочемъ, имѣемъ уже болѣе развитую форму соціальнаго инстинкта, о которой придется говорить въ послѣдующемъ). Техническія приспособленія становятся соціальными постольку, поскольку соціальный инстинктъ проникаетъ ихъ собою, входя нераздѣльнымъ элементомъ въ ихъ психическое содержаніе.

То же относится и къ формамъ идеологическимъ, но, какъ увидимъ, съ той разницей, что самое ихъ возникновеніе предполагаетъ уже существованіе и формъ техническихъ, и соціальнаго инстинкта. Къ идеологіи мы теперь и переходимъ.

---

*) *Подражаніе* мы, такимъ образомъ, относимъ къ первичнымъ проявленіямъ соціальнаго инстинкта; и дѣйствительно, его постоянно приходится наблюдать уже на первыхъ ступеняхъ соціальности, напр., среди соціальныхъ животныхъ. О біологическихъ и психологическихъ основахъ подражанія см. нашу работу „Сознаніе съ истор. точки зр.“ (стр. 109—113).

VII.

Значеніе соціальнаго инстинкта заключается въ томъ, что онъ связываетъ, объединяетъ людей, какъ членовъ общества. Но этого еще недостаточно для гармонической жизни и гармоническаго развитія соціальнаго цѣлаго. Просто объединеніе не устраняетъ возможности противорѣчій, и даже тѣсная связь элементовъ можетъ соединяться съ ихъ взаимной неприспособленностью. Отсюда потребность еще въ иныхъ организующихъ приспособленіяхъ. Таковы именно идеологическія формы. Онѣ укладываются въ нѣсколько основныхъ типовъ, которые мы и разсмотримъ, начиная съ наименѣе сложнаго.

Отдѣльные организмы, входящіе въ составъ общества, обладаютъ въ своихъ жизненныхъ процессахъ довольно большой самостоятельностью. Она то и является первымъ источникомъ взаимной неприспособленности людей въ ихъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствія человѣка въ борьбѣ съ природой зависятъ, прежде всего, отъ тѣхъ вліяній среды, которыя онъ въ данный моментъ испытываетъ, отъ тѣхъ воспріятій, которыя они ему даютъ: если человѣкъ видитъ волка или ощущаетъ его зубы, онъ старается убѣжать, если видитъ плоды—старается завладѣть ими, и т. д.—опредѣленныя воспріятія вызываютъ опредѣленныя дѣйствія. Но, положимъ, дѣло обстоитъ такъ: одинъ человѣкъ видитъ звѣря, а другой, находящійся вблизи, не видитъ; тогда дѣйствія обоихъ могутъ оказаться взаимно неприспособленными,—одинъ, убѣгая, подвергаетъ другого, предоставивши его неожиданному нападенію хищника; или даже погибнутъ оба человѣка, сначала одинъ, потомъ другой, тогда какъ дѣйствуя сообща они могли бы одолѣть врага и спастись. Точно также, если одинъ нашелъ дерево съ плодами, а другой его не замѣтилъ, то первый, можетъ быть, окажется не въ состояніи поѣсть всѣ плоды, тогда какъ второй потратитъ массу труда на отысканіе пищи, а все-таки останется голоденъ.—Вообще, если того, что видятъ, слышатъ, ощущаютъ, словомъ—*переживаютъ* одни, если того не видятъ, не ощущаютъ—*не переживаютъ* другіе, то всегда можно ожидать, что ихъ дѣйствія окажутся взаимно вредны или безполезны, т. е. взаимно неприспособлены, и ужъ во всякомъ случаѣ приспособлены не въ наибольшей мѣрѣ.

Отсюда возникаетъ та потребность, которая порождаетъ первый рядъ идеологическихъ приспособленій—формы мимики и рѣчи, формы выраженія. Мимика и рѣчь представляетъ изъ себя систему знаковъ, посредствомъ которыхъ переживаемое одними людьми передается другимъ, такъ что, „переживанія" людей *обобществляются*. Никакой совмѣстный трудъ не могъ бы итти успѣшно и развиваться, если бы люди не умѣли сообщать другимъ то, что они видятъ, слышатъ, чувствуютъ, желаютъ: взаимная помощь была бы въ массѣ случаевъ невозможна, и гораздо чаще дѣйствія людей только мѣшали бы одни другимъ. Попро-

буйте представить себѣ производство, организованное безъ словъ или, по крайней мѣрѣ, мимическихъ жестовъ.

Итакъ, рѣчь и мимика служатъ орудіемъ взаимнаго приспособленія человѣческихъ дѣйствій, организующимъ приспособленіемъ для системы общественнаго труда. Приспособленіе это, разумѣется, далеко не вполнѣ совершенное: для взаимной гармоніи въ дѣйствіяхъ различныхъ людей обыкновенно еще не достаточно того, что они сообщаютъ другъ другу свои переживанія; но все-же это первое, необходимое условіе такой гармоніи. Ея дальнѣйшія условія мы разсмотримъ потомъ, въ связи съ другими формами идеологіи.

Такъ какъ первичной областью общественнаго бытія является процессъ техническій, то, очевидно, именно онъ прежде всего и даетъ содержаніе для формъ рѣчи и мимики. На самыхъ низкихъ ступеняхъ общественнаго развитія, какія намъ извѣстны, почти весь лексиконъ сводится къ небольшому количеству словъ, означающихъ техническія дѣйствія, а затѣмъ внѣшнія условія этихъ дѣйствій—матеріалы, орудія труда, вообще—важные въ борьбѣ за жизнь элементы внѣшней среды.

По мѣрѣ того какъ надъ жизнью технической развивается идеологическая, и для этой послѣдней создаются такія же организующія приспособленія—слова, мимическіе знаки. При посредствѣ рѣчи передаются, напр., пріобрѣтенныя знанія, организуясь въ систему общественнаго опыта, сложившіеся обычаи, организуясь въ систему обычнаго права, и т. под. Идеологическія переживанія точно такъ же должны передаваться отъ однихъ людей другимъ, какъ техническія, потому что первыя имѣютъ по сравненію со вторыми, вообще говоря, не меньше, а только *иное* значеніе для общественной борьбы за жизнь.

Такимъ образомъ, рѣчь служитъ организующей формой для всей системы общественнаго труда, во всѣхъ его видахъ. Естественно, что развитіе рѣчи идетъ въ соотвѣтствіи съ общимъ развитіемъ этой системы. Легче всего видѣть такое соотвѣтствіе со стороны количественнаго развитія рѣчи: чѣмъ шире становится область общественнаго труда, чѣмъ разнообразнѣе его проявленія, тѣмъ болѣе лексиконъ употребляемыхъ словъ и другихъ знаковъ. Существуютъ всѣ переходныя ступени отъ такихъ нарѣчій, какъ бушменскія, папуасскія, съ нѣсколькими сотнями словъ, до такихъ языковъ, какъ современные англійскій, нѣмецкій, со многими десятками, даже сотнями тысячъ обозначеній; и эти переходныя ступени приблизительно совпадаютъ со ступенями развитія трудовой дѣятельности, отъ ея простѣйшихъ пріемовъ охотничьяго періода до сложнѣйшей, колоссально развитой техники и идеологіи капиталистическаго общества.

Не менѣе ясна связь формъ рѣчи и формъ труда еще въ другомъ отношеніи. На раннихъ стадіяхъ жизни человѣчества трудовая жизнь людей слагается въ наибольшей мѣрѣ изъ *привычныхъ* дѣйствій, т. е. такихъ, которыя постоянно повторяются

приблизительно въ одинаковомъ, неизмѣнномъ видѣ; очень рѣдко и медленно создаются новые пріемы труда, новыя сочетанія и варіаціи прежнихъ дѣйствій. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ, и при этихъ условіяхъ вполнѣ достаточенъ языкъ, состоящій изъ однихъ неизмѣнныхъ словъ (корней), каковы, повидимому всѣ наименѣе развитыя нарѣчія.—Но по мѣрѣ того, какъ формы труда становятся измѣнчивы, пластичны, изъ нихъ легко образуются новыя производныя; возникаютъ приставки, суффиксы, флексіи. Такъ, формы склоненія и спряженія были первично порождены, можно думать, именно измѣняющимися, усложняющимися, трудовыми отношеніями людей къ внѣшней природѣ и между собою. Напр., что выражаетъ повелительное, а въ болѣе древнихъ языкахъ также желательное наклоненіе, какъ не вполнѣ опредѣленный типъ трудовыхъ отношеній, такой типъ, въ которомъ одинъ человѣкъ управляетъ или стремится управлять дѣйствіями другого? Что означаетъ винительный падежъ, какъ не отношеніе человѣка къ внѣшнему объекту его дѣйствій, прежде всего—матеріалу его труда? Въ нѣкоторыхъ грамматическихъ терминахъ такая связь выражена съ полной ясностью, напр. въ такихъ какъ „творительный орудія“ (латинскій и русскій), „винительный отношенія“ (греческій) и т. под.

Все это, разумѣется, только иллюстраціи—большаго здѣсь и невозможно дать,—но онѣ, какъ мы думаемъ, достаточно выясняютъ нашу мысль. Мысль эта и безъ того, впрочемъ, не особенно сложна: рѣчь есть организующее приспособленіе для общественнаго труда во всѣхъ его проявленіяхъ; поэтому ея развитіе должно слѣдовать за развитіемъ общественнаго труда, приспособляясь къ его потребностямъ.

Съ развитіемъ мимики и рѣчи, въ зависимости отъ него, выступаетъ новая фаза въ развитіи соціальнаго инстинкта. Соціальный инстинктъ принимаетъ форму стремленія передать другимъ свои переживанія и воспринять то, что переживаютъ они—жить совмѣстно съ ними въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Этотъ обмѣнъ переживаемаго приводитъ къ тому, что человѣкъ начинаетъ къ чужимъ переживаніямъ относиться, до извѣстной степени, какъ къ своимъ собственнымъ: во многихъ случаяхъ онъ дѣйствуетъ *за* другихъ людей и *для* нихъ; онъ, напр., защищаетъ другого, какъ защищалъ бы себя. Возникаетъ *альтруизмъ* въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ *).

Итакъ, благодаря тому объединенію человѣческихъ переживаній, которое достигается путемъ мимики и рѣчи, соціальный инстинктъ изъ простѣйшей первоначальной формы преобразуется въ болѣе высокую форму альтруизма. Безъ мимики и рѣчи немыслимо *пониманіе* чужой души, немыслима и борьба за ея жизнь и развитіе, какъ за свои собственныя.

---

*) Нѣтъ надобности спеціально пояснять, что высшія формы общественнаго инстинкта не исключаютъ собою низшихъ—тѣ и другія постоянно наблюдаются рядомъ.

VIII.

Взаимной передачи непосредственно переживаемаго отъ однихъ людей другимъ далеко еще не достаточно для вполнѣ гармоничнаго объединенія человѣческихъ дѣйствій. Дѣйствія эти зависятъ не только отъ того, что люди въ данный моментъ непосредственно переживаютъ, но также и отъ того, что они переживали раньше: дѣйствія людей основываются на ихъ предыдущемъ трудовомъ опытѣ. Въ опытѣ жизни у человѣка вырабатываются цѣлесообразные пріемы труда, которые онъ затѣмъ и примѣняетъ; чѣмъ шире, разнообразнѣе, совершеннѣе этотъ опытъ, тѣмъ успѣшнѣе человѣкъ приспособляется въ дальнѣйшемъ, тѣмъ „производительнѣе" его трудъ.

При какихъ бы то ни было общественныхъ формахъ, трудовой опытъ различныхъ людей всегда до извѣстной степени различенъ: одни обладаютъ болѣе богатымъ или болѣе удачнымъ опытомъ, чѣмъ другіе, или болѣе способны его усваивать и имъ пользоваться; наконецъ, опытъ однихъ развертывается просто нѣсколько иначе, въ иныхъ направленіяхъ, чѣмъ опытъ другихъ, особенно при раздѣленіи труда, когда люди занимаются различными работами.

При такой неоднородности опыта неизбѣжно является потребность въ его гармоническомъ объединеніи. Прежде всего, въ тяжелыхъ условіяхъ первобытной борьбы за жизнь, когда все общество въ цѣломъ едва въ силахъ поддерживать свое существованіе, недостатокъ опыта, неумѣлость однихъ членовъ общества должны ложиться угнетающимъ бременемъ на жизнь другихъ: болѣе способные и искусные принуждены затрачивать массу лишняго труда, чтобы сохранить жизнь менѣе способныхъ и искусныхъ; элементы наиболѣе жизнеспные оказываются стѣснены въ своемъ развитіи наименѣе жизненными.—Затѣмъ, благодаря неоднородности опыта, люди могутъ настолько различно пользоваться одними и тѣми же условіями, что легко сталкиваются и мѣшаютъ другъ другу; напр., одинъ дикарь, на основаніи своего опыта, считаетъ полезнымъ беречь данное дерево, потому что на немъ растутъ хорошіе плоды, а другой, на основаніи своего опыта, считаетъ цѣлесообразнымъ употребить это дерево для топленія,—ясно, что изъ этого можетъ получиться большая взаимная неприспособленность ихъ дѣйствій.

Наконецъ, что всего важнѣе и всего очевиднѣе,—наибольшая приспособленность людей не можетъ быть достигнута, если ихъ трудовой опытъ остается необъединеннымъ, если въ этой сферѣ то, что пріобрѣтено одними, безслѣдно пропадаетъ для другихъ, если каждый долженъ всему учиться самъ по себѣ и самъ для себя.

Все это вмѣстѣ порождаетъ необходимость въ такомъ приспособленіи, которое объединяло бы разнородные трудовые опыты

людей, и устраняло бы противорѣчія, вытекающія изъ этой разнородности, словомъ, порождаетъ необходимость въ организующей формѣ для общественно-трудового опыта. Такой организующей формой служитъ *познаніе.*

Трудовыя переживанія отдѣльной личности, кристаллизуясь въ ея психикѣ, образуютъ ея *индивидуальный опытъ.* Это еще не есть познаніе. Но свой личный опытъ человѣкъ выражаетъ словами и передаетъ другимъ людямъ, а отъ нихъ воспринимаетъ, также въ формѣ рѣчи, выраженія ихъ опыта: *опытъ обобществляется.* Тогда онъ становится *познаніемъ.* Только тѣ продукты опыта, которые могутъ быть выражены словами и стало быть переданы отъ однихъ людей другимъ, входятъ въ область познаній. То, что не находитъ себѣ выраженія въ словахъ, то еще не принадлежитъ къ познанію. Элементъ познанія есть *понятіе,* которое обозначается словомъ, и не можетъ существовать безъ этого обозначенія. Познаніе есть обобществленный опытъ; и орудіемъ его обобществленія служитъ рѣчь *).

Очевидно, что область познанія, со всѣмъ ея содержаніемъ, *вполнѣ опредѣляется* областью общественнаго опыта; а эта послѣдняя совпадаетъ съ областью общественнаго труда людей **). Поэтому развитіе познанія необходимо должно *слѣдовать* за развитіемъ общественнаго труда, и должно ему *соотвѣтствовать.* То и другое, несомнѣнно, наблюдается въ дѣйствительности. Для поясненія, мы приведемъ нѣсколько общихъ иллюстрацій.

Познаніе первобытнаго общества такъ же узко, ограниченно, несовершенно и ненадежно, какъ его трудъ. Въ жизни преобладающее значеніе имѣетъ процессъ техническій, и соотвѣтственно этому познаніе здѣсь сводится къ небольшому количеству свѣдѣній непосредственно практическаго характера. Исключенія не составляютъ и такъ называемыя „суевѣрія“ первобытнаго человѣка: это тоже обыкновенно чисто практическія свѣдѣнія, и основное ихъ содержаніе сводится къ условіямъ успѣха или неуспѣха охоты, рыбной ловли, посѣва,—вообще, того или иного производственнаго процесса. Отличіе „суевѣрій“ отъ вѣрныхъ практическихъ знаній въ томъ, что первыя представляютъ *неудачное* познаніе: граница успѣшнаго трудового опыта всегда есть также граница успѣшнаго познанія; трудовая неприспособленность обусловливаетъ познавательную, господство стихійной среды надъ человѣкомъ порождаетъ заблужденіе.

*) Здѣсь не приходится излагать подробнаго доказательства этой мысли. Къ счастью, она принимается въ наше время большинствомъ авторитетныхъ мыслителей; укажемъ на такихъ различныхъ по воззрѣніямъ философовъ, какъ А. Риль („Der philosophische Kriticismus„) и Р. Авенаріусъ („Kritik der reinen Erfahrung“).

**) По вопросу о границахъ познанія А. Лабріола (въ одномъ изъ „Писемъ къ Сорелю“) говоритъ: „Ни a priori, ни a posteriori нельзя установить абсолютныхъ границъ для познанія; ибо *въ процессѣ труда, который есть опытъ, и опыта, который есть трудъ,* человѣчество познаетъ все, что ему нужно и полезно знать“ (курсивъ мой. А. Б.).

Каждый шагъ въ развитіи общественнаго труда расширяетъ область познанія. Современное познаніе, съ его безконечно разнообразнымъ матеріаломъ, съ его спеціализаціей, съ его широкими, но еще не объединенными вполнѣ обобщеніями, есть вѣрное отраженіе современной трудовой жизни общества, съ ея колоссальнымъ развитіемъ техники, безконечно разнообразными средствами производства, спеціализаціей различныхъ его отраслей, тѣсной связью всѣхъ элементовъ этой системы, и въ то же время ея неорганизованностью въ ея цѣломъ. Какъ и производство, познаніе развивается въ наше время въ сторону болѣе и болѣе тѣснаго объединенія разнородныхъ элементовъ, въ сторону большей и большей организованности, болѣе и болѣе полнаго „монизма".

Самый характеръ познанія измѣняется въ строгой зависимости отъ характера общественнаго труда. Такъ, въ тѣ эпохи, когда формы труда были устойчивы, консервативны, когда трудовая жизнь укладывалась почти всецѣло въ рамки привычныхъ дѣйствій,—познаніе было *статическимъ*, т. е. на всѣхъ понятіяхъ и идеяхъ лежалъ отпечатокъ представленія о *неподвижномъ*, о *неизмѣнномъ* въ природѣ; природа являлась уму человѣка системой самостоятельныхъ, прочныхъ, консервативныхъ *вещей*. Наоборотъ, когда формы труда сдѣлались подвижны и измѣнчивы, когда его пріемы начали быстро развиваться и прогрессировать, когда дѣйствія людей стали пластичны,—тогда познаніе начало измѣняться въ сторону *историзма*, во всѣ элементы познанія стало проникать представленіе о прогрессѣ, развитіи, измѣненіи; природа въ сознаніи людей преобразовалась въ непрерывный рядъ *процессовъ*. Познаніе приспособилось къ новому типу труда, и само сложилось по новому типу *).

Чѣмъ больше возникаетъ рядомъ съ техническими формами формъ идеологическихъ, организующихъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ познаніе направляется также на идеологическую жизнь и ея отношенія. Въ самомъ познаніи понятія высшія, болѣе отвлеченныя, идеи болѣе общія, болѣе широкія служатъ „организующими приспособленіями" для понятій низшихъ, болѣе конкретныхъ, для идей болѣе узкихъ, болѣе частныхъ, которыя приводятся ими въ связь и гармоническое единство. Проявленія обычая, жизнь правовая, нравственная, составляютъ обширнѣйшую область познанія, даютъ матеріалъ для массы понятій, сужденій, мнѣній, теорій, для цѣлаго ряда наукъ.—Но вполнѣ естественно и понятно, что познаніе, имѣющее своимъ матеріаломъ идеологическую жизнь, сферу вторичныхъ приспособленій, отстаетъ отъ того познанія, въ основѣ котораго лежатъ первичныя приспособленія, жизнь

*) Подробнѣе разсматривать связь формъ труда и формъ познанія здѣсь не приходится. До извѣстной степени это сдѣлано въ нашей работѣ „Познаніе съ историч. точки зрѣнія" (стр. 194—213). Что касается до обстоятельной разработки вопроса, то онъ потребовала бы обширной спеціальной работы. Въ этой же статьѣ дѣло идетъ только объ *основной точкѣ зрѣнія* на различныя области общественнаго процесса, въ томъ числѣ—на область познанія.

техническая: „точными науками“ до сихъ поръ являются только техническія и ихъ производныя—естественныя науки.

И въ области технической, и въ области идеологической роль познанія, какъ организующаго приспособленія, существенно одна и та же: гармоническое объединеніе общественно-трудового опыта.

Дѣятельность познавательная также неразрывно связана съ соціальнымъ инстинктомъ, такъ же имъ проникнута, какъ всякій иной общественно-трудовой процессъ. Но здѣсь инстинктъ этотъ преобразуется еще въ новую форму: въ форму стремленія передать другимъ людямъ свой трудовой опытъ, и воспринять ихъ опытъ. Такое стремленіе всегда присутствуетъ во всякомъ познаніи, хотя далеко не всегда при этомъ отчетливо сознается. Нѣтъ и никогда не было такого „чистаго“ познанія, которое было бы совсѣмъ лишено этого соціальнаго элемента; такое познаніе даже вообще немыслимо: изслѣдуя явленія, расширяя свой опытъ, человѣкъ всегда стремится къ истинѣ; а истина именно и означаетъ *общеобязательное въ познаніи*, то, что обязательно для всякаго познающаго, а не только для даннаго лица; слѣдовательно, стремленіе къ истинѣ есть въ сущности стремленіе къ познанію для всѣхъ, хотя бы самъ познающій не сознавалъ этого; не даромъ же всякій, кто мыслитъ и изслѣдуетъ, чувствуетъ непреодолимую потребность такъ или иначе *выразить* результаты своего познанія, т. е. придать имъ соціальную форму. *Идеализмъ истины есть одно изъ превращеній соціальнаго инстинкта.*

IX.

Рѣчь и познаніе, объединяя, какъ непосредственныя переживанія людей, такъ и ихъ сложившійся трудовой опытъ, являются могущественными организующими приспособленіями въ жизни общества,—но полной, совершенной организованности они сами по себѣ еще не создаютъ. Они устраняютъ недостатокъ связи между людьми въ ихъ трудовой жизни, но не устраняютъ тѣхъ несовершенствъ, которыя могутъ быть свойственны самой *формѣ* этой связи, ея *строенію*. При самомъ тѣсномъ общеніи между людьми въ ихъ трудовой жизни возможно, что ихъ взаимныя отношенія окажутся по своему характеру противорѣчивы, дисгармоничны.

Положимъ, что нѣсколько дикарей, членовъ одной родовой группы, охотятся въ одномъ и томъ же лѣсу. Одинъ изъ нихъ выслѣдилъ живую добычу и подкрадывается къ ней, а другой, увидавши это со стороны, самъ бросается и хватаетъ добычу, при чемъ весь трудъ перваго, очевидно, пропадаетъ даромъ. Или, положимъ, тѣ же дикари вмѣстѣ наткнулись на сильнаго, опаснаго хищника, и принуждены защищаться отъ него; но нѣкоторые изъ нихъ обращаются въ бѣгство, при чемъ остальнымъ оказывается гораздо труднѣе и бороться съ врагомъ, и убѣжать отъ него. Наконецъ, положимъ, по окончаніи охоты нѣкоторые захватываютъ

себѣ изъ общей добычи такъ много, что другимъ достается меньше необходимаго... Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ передъ нами выступаетъ взаимная неприспособленность въ трудовой жизни, но зависитъ она, какъ видимъ, не отъ простого недостатка связи между людьми, а отъ несовершенной формы этой связи, отъ ея нецѣлесообразной организаціи.

Для устраненія такой неприспособленности возникаетъ третій рядъ идеологическихъ приспособленій—*обычаи*. Устанавливается, напр., обычай не мѣшать другъ другу на охотѣ, помогать другъ другу въ опасности до послѣдней крайности, не брать лишняго изъ общей добычи, и т. под. Если отдѣльное лицо пытается нарушить обычай, остальные члены группы стремятся помѣшать ему въ этомъ, или даже удаляютъ его изъ своей среды.—Слѣдовательно, сущность обычая заключается въ томъ, что люди привыкаютъ признавать извѣстныя отношенія за нормальныя, и всюду, гдѣ наблюдаютъ уклоненіе отъ этихъ нормальныхъ отношеній, стараются воспрепятствовать ему или прекратить его. Такъ достигается большая гармонія и цѣлесообразность въ отношеніяхъ трудового процесса.

Идеологическая форма обычая уже предполагаетъ познаніе, и заключаетъ въ себѣ его элементы, какъ познаніе предполагаетъ рѣчь и заключаетъ въ себѣ ея элементы. Именно, обычай немыслимъ безъ *понятій* и *сужденій* объ отношеніяхъ людей: признавать тѣ или иныя отношенія за нормальныя значитъ прежде всего знать ихъ, и затѣмъ опредѣленнымъ образомъ судить о нихъ; то и другое совершается при помощи познавательныхъ актовъ, хотя конечно, не одни только они образуютъ содержаніе обычая. Но объ этомъ намъ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ.

Первичный матеріалъ для обычаевъ должны были дать отношенія техническаго процесса, какъ основного въ общественной борьбѣ людей за ихъ жизнь и развитіе. Дѣйствительно, таковы въ наибольшей и главной своей части обычаи первобытныхъ народовъ; примѣромъ могутъ служить хотя бы тѣ изъ нихъ, которые фигурируютъ въ нашихъ предыдущихъ иллюстраціяхъ.—По мѣрѣ того какъ развивается жизнь идеологическая, обычай начинаетъ регулировать и ея отношенія; напр., онъ предписываетъ людямъ опредѣленныя мнѣнія въ сферѣ религіи и познанія вообще, а также въ сферѣ нравственныхъ убѣжденій, и преслѣдуетъ все, что уклоняется отъ этихъ мнѣній и противорѣчитъ имъ. На раннихъ ступеняхъ культуры эта „вторичная" область развитія обычаевъ, разумѣется, сравнительно очень узка.

Впрочемъ, весьма нелегко провести строгую границу между тѣми обычаями, которые организуютъ отношенія людей въ техническомъ трудѣ, и тѣми, которые организуютъ процессъ идеологическій. Такъ напр., „суевѣрный" обычай дикихъ племенъ щедро дѣлиться пищей съ умершими предками всякій съ перваго взгляда склоненъ будетъ отнести къ такимъ обычаямъ, содержа-

ніе которыхъ дано „идеологіей“; а въ дѣйствительности это одинъ изъ того же ряда обычаевъ, который организуетъ распредѣленіе продуктовъ между живыми членами группы: первобытный человѣкъ просто еще не выработалъ спеціальныхъ отношеній къ мертвымъ сотрудникамъ, и дѣлится съ ними, какъ съ живыми.

Отъ обычая беретъ начало цѣлый рядъ однородныхъ съ нимъ идеологическихъ приспособленій. Таково обычное право, право культурныхъ народовъ, нравственность. По своему жизненному значенію они не отличаются отъ обычая: они также направлены къ гармонической организаціи взаимныхъ отношеній между людьми въ соціальномъ процессѣ, сущность ихъ также составляетъ признаніе извѣстныхъ отношеній за нормы и стремленіе устранить все, что отъ этихъ нормъ уклоняется. Что означаетъ, напр., право собственности? Общественное признаніе того, что опредѣленное лицо можетъ безпрепятственно и исключительно пользоваться опредѣленными вещами, и общественное стремленіе помѣшать всякой попыткѣ нарушить это отношеніе. Что означаетъ нравственная обязанность сильнаго помогать слабымъ? Признаніе за норму такихъ отношеній, при которыхъ сильные поддерживаютъ слабыхъ, и стремленіе противодѣйствовать отношеніямъ иного рода.

Обычное право отличается отъ первобытнаго „обычая“ тѣмъ, что осуществляется съ меньшей стихійностью, и имѣетъ свой спеціальный органъ—ту или иную „власть“. Въ первобытной группѣ нарушеніе обычая вызываетъ непосредственное, чисто стихійное воздѣйствіе на нарушителя со стороны всей группы, какъ боль вызываетъ рефлекторное движеніе со стороны организма; между тѣмъ, напр., въ патріархально-родовой группѣ или въ федерально-организованномъ племени нарушителя обычнаго права сначала „судятъ“, и осуществляется это право черезъ опредѣленныхъ лицъ—черезъ патріарха рода, черезъ совѣтъ старѣйшинъ племени, и т. под.

Собственно „право“, возникающее въ широкихъ государственныхъ организаціяхъ, отличается отъ обычнаго права еще меньшей стихійностью: оно еще въ гораздо меньшей степени имѣетъ характеръ общественной привычки, такъ что обыкновенно нуждается для строгаго и точнаго сохраненія въ письменныхъ знакахъ—право писанное; и осуществляется оно посредствомъ цѣлаго ряда спеціально созданныхъ органовъ—властей судебныхъ и исполнительныхъ. Обыкновенно, такое право устанавливается господствующими группами общества и упрочиваетъ тѣ отношенія, которыя именно этими группами признаются за нормальныя, т. е. вообще говоря, выгодныя для нихъ отношенія.

Въ противоположность праву, нравственность стоитъ по своему типу ближе къ первобытному обычаю: она слагается также на основѣ привычныхъ отношеній, также не имѣетъ въ обществѣ своихъ спеціальныхъ, отдѣльныхъ органовъ, и такъ же стихійна, непосредственна по своему характеру; нравственная

оцѣнка, такъ сказать, рефлекторна, тогда какъ правовая основывается на обсужденіи. Но въ развитомъ обществѣ, гдѣ существуетъ система права, нравственность стѣснена въ своихъ проявленіяхъ, и не можетъ выражаться въ прямомъ, стихійномъ воздѣйствіи на нарушителя нормы, иначе она могла бы на каждомъ шагу столкнуться съ принудительной силой права. Поэтому непроизвольное воздѣйствіе на нарушителя нормы здѣсь ослабляется до степени простого порицанія: безнравственно для данной группы или класса то, что вызываетъ порицаніе со стороны „общественнаго мнѣнія“ этого класса, этой группы. Именно отсутствіе прямого, грубаго воздѣйствія на нарушителя нормы придаетъ нравственному стремленію характеръ особенной „духовности“.

Отсюда становится понятна возможность перехода нормъ нравственныхъ въ правовыя, и правовыхъ въ нравственныя. Когда нравственная идея, напр., о томъ, что ростовщичество есть зло, получаетъ поддержку принудительной силы государства она становится правовымъ установленіемъ (запрещеніе ростовщичества); когда правовая норма, положимъ, право кровной родовой мести, теряетъ принудительную поддержку, она, если стала настолько привычной, что еще сохраняется въ сознаніи людей, можетъ пріобрѣсти характеръ нравственной нормы (какъ это и наблюдается по отношенію къ кровной мести у нѣкоторыхъ отсталыхъ племенъ, входящихъ въ составъ культурнаго государства) *).

Къ области обычая и права относятся многія изъ такъ называемыхъ „экономическихъ отношеній“, именно отношенія имущественныя, форма собственности и распредѣленіе собственности въ обществѣ: какъ мы уже мимоходомъ указывали, сущность всякой собственности заключается въ ея общественномъ признаніи и поддержкѣ принудительной силой общественной организаціи. Читатель могъ видѣть, что мы избѣгали въ своемъ изложеніи самаго термина „экономика“; дѣйствительно, то понятіе, которое онъ выражаетъ, не можетъ считаться удобнымъ для точнаго историческаго анализа: оно объединяетъ съ одной стороны такія отношенія *техническаго* процесса, какъ раздѣленіе труда, кооперація, вообще—формы сотрудничества, а съ другой—такія *идеологическія* отношенія, какъ отношенія собственности. Въ спеціальномъ изслѣдованіи экономиста эта двойственность основного понятія можетъ не представлять затрудненій, въ виду особенно тѣсной жизненной связи обоихъ элементовъ „экономики“;

*) Когда нравственная идея облекается въ форму правового учрежденія, она, конечно, еще не теряетъ отъ этого свой „нравственный“ характеръ, примѣненіе принудительной силы къ нарушителю нормы можетъ итти рядомъ съ общественнымъ порицаніемъ этого нарушенія; большинство преступленій противъ права въ то же время „безнравственны“. Но когда правовое учрежденіе лишается поддержки принудительной силы, оно очевидно, перестаетъ быть „правомъ“ въ строгомъ смыслѣ этого слова, и въ крайнемъ случаѣ сохраняетъ значеніе „нравственнаго права“.

но когда дѣло идетъ о выясненіи общихъ законовъ историческаго развитія, тогда требуется особенная опредѣленность понятій, особенно строгое разграниченіе разнороднаго.

Но мы нѣсколько уклонились въ сторону. Возвращаясь къ нашему предмету изложенія, мы резюмируемъ въ немногихъ словахъ жизненное значеніе только что разсмотрѣнныхъ нами идеологическихъ формъ.—Обычай, право, нравственность представляютъ изъ себя особый рядъ организующихъ приспособленій, направленныхъ къ достиженію наиболѣе гармоничныхъ взаимныхъ отношеній между людьми въ общественно-трудовомъ процессѣ.

Соціальный инстинктъ въ сферѣ разсмотрѣнныхъ „нормальныхъ“ приспособленій подвергается новому преобразованію. Онъ выражается здѣсь въ стремленіи осуществлять и защищать нормальныя отношенія, въ которыхъ, какъ мы знаемъ, воплощаются жизненные интересы общества или группы. Но стремленіе это, при всемъ своемъ глубоко-соціальномъ характерѣ, можетъ и должно направляться противъ отдѣльныхъ членовъ общества — нарушителей нормы. Нерѣдко стремленіе это направляется въ отдѣльномъ лицѣ даже противъ этого самаго лица, когда носитель нормы является въ то же время ея нарушителемъ. Человѣческая психика не обладаетъ безусловнымъ единствомъ и, какъ всякая сложная форма жизни, часто заключаетъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. „Борьба долга и чувства“, а затѣмъ „угрызенія совѣсти“ по случаю нарушенія долга означаютъ именно стремленіе человѣка воспрепятствовать тому нарушенію нормы, которое онъ самъ предпринимаетъ (въ „угрызеніяхъ совѣсти“ стремленіе это соединяется съ сознаніемъ невозможности его осуществить, что еще увеличиваетъ интенсивность внутренняго противорѣчія).

Такимъ образомъ, получается своеобразное явленіе: соціальный инстинктъ порождаетъ борьбу однихъ людей противъ другихъ, и даже противъ самихъ себя; и это возможно именно потому, что ближайшей цѣлью соціальнаго стремленія выступаютъ здѣсь опредѣленныя нормальныя отношенія, а не сами люди, которые за ними скрываются. Отсюда возникаетъ особаго рода фетишизмъ: въ общественномъ сознаніи „нормы“ или „принципы“ права, нравственности, обособляются отъ самихъ людей, и представляются, какъ нѣчто самостоятельное; таковы фетиши „священной традиціи“, „сословной чести“, „абсолютнаго долга“, „чистой справедливости“, ради которой можно погубить міръ, и т. под. Всего меньше такого фетишизма въ формахъ обычая, которыя соотвѣтствуютъ еще довольно несложнымъ, и потому понятнымъ отношеніямъ между людьми; всего больше—въ „абсолютной“ морали новѣйшихъ временъ.

Во всякомъ случаѣ, фетишизмъ этотъ неизбѣженъ только тамъ, гдѣ нормативныя приспособленія реально недостаточны, не устраняютъ жизненныхъ противорѣчій общества, и гдѣ со-

ціальный инстинктъ, вслѣдствіе этого, порождаетъ борьбу между людьми. Гдѣ устраняется эта борьба, тамъ нѣтъ мѣста и фетишизму. Тамъ идеализмъ права и справедливости, эта высшая изъ извѣстныхъ намъ формъ соціальнаго инстинкта, долженъ преобразоваться въ иную форму, еще болѣе совершенную, но ясную и прозрачную для человѣческаго сознанія...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

А. Богдановъ.

Очеркъ развитія экономическихъ ученій въ XIX вѣкѣ.

(*Окончаніе*).

Родбертусъ-Ягетцовъ всю свою дѣятельность отдалъ изученію соціальнаго вопроса, но онъ не примкнулъ всецѣло ни къ одной изъ политическихъ партій, въ своихъ общественныхъ взглядахъ онъ не отличался послѣдовательностью и въ его общественно-научной физіономіи своеобразно перемѣшаны черты различныхъ и прямо противоположныхъ классовыхъ идеологій.

Владѣлецъ крупнаго рыцарскаго помѣстья и проповѣдникъ т. н, научнаго соціализма, горячій защитникъ рабочаго класса и его правъ на первенство и въ то же время пламенный проповѣдникъ сплоченія крупныхъ землевладѣльцевъ.

Соціализмъ Родбертуса носилъ характеръ соціализма съ верху, онъ былъ проникнутъ вѣрой въ бюрократизмъ, въ мощь государства и голыхъ юридическихъ нормъ. Родбертусъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей научнаго соціализма, писалъ въ то же время воззванія, подъ которыми обѣими руками подписался бы прусскій аграрій:

„Среди насъ (землевладѣльцевъ) царитъ разъединеніе и рознь. У насъ не хватаетъ инстинкта матеріальнаго интереса, не достаетъ намъ и классоваго интереса, во имя котораго поднимается какъ одинъ человѣкъ трудъ. Капиталъ не упускаетъ изъ виду свою прибыль, онъ добылъ себѣ доказательство, обезпечивающее за нимъ эту прибыль и сдѣлался теперь всемогущимъ, потому что уже не встрѣчаетъ больше противодѣйствія. Трудъ начинаетъ группироваться около своей естественной рабочей платы, и та энергія, съ которою онъ принялся за это дѣло, обезпечиваетъ успѣхъ и за нимъ. Послѣдуемъ же и мы ихъ примѣру! Соберемся же и мы около нашего естественнаго дохода, сплотимся около нашей ренты! Отчего не удастся намъ то, что удалось капиталу и удается труду? Въ соціальномъ отношеніи мы вѣдь желаемъ не больше того, что добыли себѣ капиталъ и трудъ, а съ національ-

ной точки зрѣнія мы имѣемъ преимущественно передъ ними обоими право пріобрѣсть то, чего мы добиваемся.... Организуясь для того, чтобъ пріобрѣсти соотвѣтствующее природѣ нашего достоянія законодательство, мы землевладѣльцы не дѣлаемъ ничего, кромѣ того, что уже сумѣлъ сдѣлать капиталъ и что не сегодня-завтра сдѣлаетъ трудъ. Да, тогда мы не только спасемъ самихъ себя—мы вмѣстѣ съ тѣмъ поможемъ возстановленію равновѣсія въ обществѣ. Ни капиталъ, ни трудъ не пріобрѣтутъ себѣ тогда вреднаго преобладанія, государство не будетъ тогда служить исключительно ни тому ни другому."

Это настоящій манифестъ феодальной партіи. Постоянныя колебанія Родбертуса отъ точки зрѣнія безхозяйнаго производителя къ точкѣ зрѣнія землевладѣльца-феодала, преобладаніе въ его творчествѣ абстрактнаго юридическаго элемента надъ живымъ соціально-экономическимъ дѣйствовали отталкивающе на сторонниковъ соціализма, а соціализмъ Родбертуса настраивалъ противъ него враждебно буржуазныхъ ученыхъ. Результатъ получился тотъ, что до сихъ поръ Родбертусу не было воздано должное по его очень крупнымъ научнымъ заслугамъ.

Основы своихъ соціально-экономическихъ взглядовъ Родбертусъ формулировалъ еще въ 1857 году въ статьѣ „Требованія рабочихъ классовъ" („Die Forderungen der arbeitenden Klassen") Присматриваясь къ современной капиталистической эволюціи, Родбертусъ отмѣчаетъ какъ ея наиболѣе характерное явленіе необычайное развитіе производительности труда. Этотъ быстрый ростъ производительности труда чѣмъ дальше тѣмъ больше обгоняетъ крайне малый и медленный ростъ заработной платы и въ силу этого доля рабочаго въ производимомъ имъ продуктѣ относительно быстро падаетъ, а рука объ руку съ этимъ паденіемъ растетъ классовая рознь и противорѣчіе классовыхъ интересовъ. Такимъ образомъ пауперизмъ какъ тѣнь неотступно слѣдуетъ за развитіемъ капитализма.

Въ 1842 году Родбертусъ выпускаетъ свое во многихъ отношеніяхъ замѣчательное сочиненіе Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände," въ которомъ уже вполнѣ систематически развиты его соціальные и экономическіе взгляды.

Родбертусъ указываетъ на то явленіе, что цѣнность продукта создается трудомъ, между тѣмъ трудъ получаетъ сравнительно ничтожное вознагражденіе. Причину этого Родбертусъ видитъ въ современномъ частно-капиталистическомъ строѣ и соотвѣтственно этому предлагаетъ рядъ реформъ. Центральное значеніе здѣсь имѣютъ т. н рабочія деньги. Государство должно выпустить бумажныя „рабочія" деньги и снабдить ими капиталистовъ. Капиталисты будутъ уплачивать этими деньгами рабочимъ, а послѣдніе покупать на нихъ же нужные продукты.

Такимъ образомъ достигнется то, что рабочій получитъ столько сколько онъ произвелъ. Если рабочій доставитъ продуктъ двухъ дней труда, то онъ получитъ расписку на право

получить продуктъ двухъ-дневнаго труда. Благодаря этому общая цѣнность продуктовъ всегда будетъ совпадать съ количествомъ труда потраченнаго на ихъ изготовленіе. Такъ какъ далѣе право полученія даннаго продукта будетъ выдаваться только тому кто пустилъ въ обращеніе равноцѣнный продуктъ собственнаго труда, то помѣченная въ распискѣ цѣнность всегда будетъ находиться въ распоряженіи общества. Какъ бы ни развилось раздѣленіе труда, но при строгомъ слѣдованіи этому правилу „сумма наличныхъ цѣнностей должна быть въ точности равна суммѣ, засвидѣтельствованной на распискѣ. А такъ какъ сумма засвидѣтельствованыхъ цѣнностей есть вмѣстѣ съ тѣмъ, сумма выданныхъ ассигновокъ и необходимо должна совпадать съ количествомъ наличныхъ цѣнностей, то всѣ требованія будутъ удовлетворены и ликвидація совершится правильно“.

Цѣлый рядъ англійскихъ и французскихъ экономистовъ пришелъ къ той же самой утопіи рабочихъ денегъ, которая развивается въ переданныхъ словахъ Родбертусомъ. Всѣ эти попытки „конституировать“ неподвижныя цѣнности посредствомъ рабочихъ денегъ сводятся въ результатѣ къ утопической идеѣ устранить современную анархію производства путемъ искусственнаго закрѣпленія ея показателя—колебанія цѣнностей и уклоненія отъ трудовыхъ цѣнностей. По существу дѣла утопія рабочихъ денегъ не лучше идеи устранить колебанія температуры посредствомъ реформы термометровъ.

Замѣтимъ еще, что даже въ своей утопіи Родбертусъ счелъ нужнымъ удержать и поземельную ренту и прибыль. Для содержанія землевладѣльцевъ и промышленниковъ должна будетъ сохраниться и прибавиться цѣнность, норму которой Родбертусъ устанавливаетъ въ 200%! Такимъ образомъ, если рабочій проработаетъ двѣнадцать часовъ въ день, ему выдадутъ расписку не на 12, о лишь на 4 часа, цѣнность же, произведенная въ остальные восемь часовъ должна пойти на содержаніе экономически-непроизводительныхъ, но неустранимыхъ, по мнѣнію Родбертуса, классовъ.

Энгельсъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что, слѣдовательно рабочія записки Родбертуса будутъ просто лгать и что „капиталистическое производство становится невозможнымъ, разъ его фокусы, переведенные на такой наивный языкъ, являются ничѣмъ не прикрытымъ грабежомъ. Каждая выданная рабочему расписка была бы прямымъ призывомъ къ возстанію и подходила бы подъ 110 § германскаго Имперскаго Уголовнаго Кодекса“.

Перейдемъ теперь къ чисто экономическимъ возрѣніямъ Родбертуса. Они сжато сформулированы имъ самимъ въ пяти теоремахъ въ сочиненіи „Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände“ (1842). Приведемъ эти пять теоремъ:

1) Всѣ хозяйственныя блага представляютъ продуктъ труда и только труда.

2) Если бы цѣнность продукта всегда равнялась его трудовой цѣнности, то трудъ былъ бы лучшимъ мѣриломъ цѣнности.

3) Рента на землю и капиталъ имѣетъ общимъ источникомъ нетрудовой доходъ, получаемый въ силу обладанія собственностью; обособленіе земельной ренты вытекаетъ при наличности особаго класса капиталистовъ и достаточной цѣнности сырья изъ обычнаго исчисленія прибыли на капиталъ.

4) Если цѣнность продуктовъ равна трудовой цѣнности и если притомъ производительность труда даетъ возможность существованія нетрудового дохода (ренты въ широкомъ смыслѣ) то эта цѣнность содержитъ въ себѣ какъ ренту на капиталъ и на землю, такъ и возмѣщеніе затраченнаго капитала.

5) При такой организаціи, когда бы цѣнность продуктовъ всегда была равна трудовой цѣнности, возможно было бы установить новый денежный знакъ, который служилъ бы мѣриломъ цѣнности и орудіемъ обращенія, не будучи ни вещественнымъ продуктомъ, ни даже представителемъ вещественной монеты.

Такимъ образомъ уже въ первой своей теоремѣ Родбертусъ провозглашаетъ теорію трудовой цѣнности. Но, какъ показываютъ его дальнѣйшія разсужденія онъ придавалъ этой теоріи очень своеобразный характеръ. Въ трудовой теоріи онъ видѣлъ великую народно-хозяйственную *идею будущаго*, а не фактъ настоящаго, онъ считалъ, что продукты будутъ обмѣниваться въ будущемъ сознательно-организованномъ хозяйствѣ по количеству затраченнаго на ихъ производство труда, но никогда онъ не утверждалъ, что въ неорганизованномъ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ товары фактически обмѣниваются по трудовымъ затратамъ.

„Въ современномъ самомъ себѣ предоставленномъ мѣновомъ хозяйствѣ нормальная (т. е. трудовая) цѣнность представляетъ лишь силу, къ которой притягивается рыночная цѣнность.“ Родбертусъ не сомнѣвается, такимъ образомъ, что мѣновая цѣнность продуктовъ всегда отклоняется отъ ихъ трудовой цѣнности, трудъ, по его мнѣнію, представлялъ бы только тогда мѣрило цѣнностей, если бы хозяйство было организовано и рабочій былъ бы не только формально, но и въ дѣйствительности равноправенъ съ капиталистомъ. Но при существованіи собственности, приносящей ренту, говоритъ Родбертусъ, это не можетъ быть осуществлено, трудовую цѣнность надо еще конституировать путемъ отмѣны частной собственности на землю и орудія производства; въ современномъ же обществѣ трудовая теорія имѣетъ значеніе только по отношенію ко всему національному продукту, имѣетъ значеніе не съ частно-хозяйственной, а съ народно-хозяйственной точки зрѣнія. „Положеніе, говоритъ онъ, что цѣнность, исчисленная по количеству затраченнаго труда, достаточна для возмѣщенія капитала и выдачи заработной платы и рентъ, примѣнимо къ современному экономическому порядку только въ общемъ. Въ частности же, т. е. въ каждой отрасли промышленности

и на каждой ступени раздѣленія труда, продуктъ не можетъ обмѣниваться точно по количеству затраченнаго на него труда." Въ своихъ письмахъ къ Рудольфу Мейеру Родбертусъ упрекаетъ Маркса за то, что послѣдній считаетъ трудовую цѣнность уже реализованной при современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, тогда какъ на самомъ то дѣлѣ она будетъ реализована лишь послѣ правовой реформы путемъ отмѣны частной собственности на землю и орудія производства.

Такую законодательную реформу Родбертусъ считаетъ вполнѣ возможной и даже рисуетъ ея схему въ своемъ четвертомъ соціальномъ письмѣ. Однако современное общество онъ считаетъ еще не достаточно зрѣлымъ, для того чтобы могла быть произведена подобнаго рода законодательная реформа. Современное общество, по мнѣнію Родбертуса, еще не созрѣло до того, чтобы обойтись безъ понужденія къ труду, вытекающаго изъ института частной собственности, для ближайшаго будущаго Родбертусъ довольствуется болѣе скромными реформами, направленными къ тому чтобы „превратить жестокій законъ пониженія доли рабочихъ въ продуктѣ въ законъ прямо противоположнаго содержанія".

Какое же значеніе имѣетъ трудовая теорія цѣнности у Родбертуса, если онъ открыто признаетъ, что ее еще надо „установить", что она не объясняетъ механизма обмѣна капиталистически произведенныхъ товаровъ, если она требуетъ предпосылкой устраненіе капиталистическаго строя? Не лишаютъ ли разсужденія Родбертуса трудовую теорію всякаго значенія для объясненія этого капиталистическаго строя?

Если требовать отъ теоріи трудовой цѣнности точнаго объясненія пропорцій, въ которыхъ мѣняютъ товары, *мѣновой* цѣнности всякаго товара, то тогда теорія цѣнности развиваемая Родбертусомъ должна будетъ быть признанной неудовлетворительной. Но самъ Родбертусъ придавалъ своей теоріи не реальное, а скорѣе методологическое значеніе, онъ видѣлъ въ ней регулятивный принципъ, безъ котораго былъ совершенно не въ состояніи разобраться въ явленіяхъ изучаемыхъ экономическою наукою.

Родбертусъ проводитъ въ своей теоріи цѣнности замѣчательное подраздѣленіе на двѣ точки зрѣнія:—существенную и хозяйственную. Съ хозяйственной точки зрѣнія всѣ блага *разсматриваются* лишь постольку, поскольку они суть продукты человѣческаго труда, всѣ остальныя блага представляютъ интересъ съ естественно-исторической, но не хозяйственной точки зрѣнія.

Наши потребности неограничены, наши силы, наше время, наши источники благосостоянія ограничены, изъ столкновенія неограниченныхъ потребностей съ ограниченными средствами ихъ удовлетворенія и зарождается хозяйственная дѣятельность. Лишь съ тѣмъ, что ограничено въ своемъ количествѣ начинаютъ *хозяйственно* обращаться, лишь это втягивается въ хозяйственный круговоротъ.

Чтобы создать эти блага или сдѣлать ихъ доступными человѣческому потребленію, необходимо затратить трудъ.

„Почти всѣ блага, говоритъ Родбертусъ, не стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ человѣку и могутъ быть поставлены въ это отношеніе только посредствомъ человѣческой дѣятельности... Несмотря на все многообразіе этой дѣятельности, она по существу всегда одинакова: она вездѣ есть подчиненіе, посвященіе силъ и времени человѣка присвоенію опредѣленной вещи, она поэтому вездѣ есть жертва и насиліе надъ его свободой, словомъ она есть вездѣ—*трудъ*."

Фактически въ производствѣ продукта участвуетъ не только человѣческій трудъ, наряду съ нимъ стоитъ земля, природныя силы, трудъ животныхъ, но съ хозяйственной точки зрѣнія учитывается лишь человѣческій трудъ, лишь субъективный факторъ производства. Политическая экономія, какъ особая наука, изучаетъ лишь производительную дѣятельность людей во всѣхъ ея проявленіяхъ, трудъ животныхъ, дѣятельность силъ природы интересуютъ ее лишь постольку, поскольку они служатъ условіями приложенія человѣческаго труда.

„Стоятъ всѣ хозяйственныя блага только человѣческаго труда. Нужно только, говоритъ Родбертусъ, выяснить понятіе „стоитъ", чтобы признать эту истину. Въ этомъ понятіи заключено нѣчто большее, чѣмъ признаніе необходимости чего либо для производства чего либо другого. Существенною его особенностью служитъ во-первыхъ необходимость затраты, которая уже не можетъ быть больше употреблена для чего либо другого и во-вторыхъ то обстоятельство, что затрата эта дѣлается субъектомъ, который на себѣ несетъ эту невозможность повторенія затраты; изъ послѣдняго видно, что лишь человѣку что-либо можетъ стоить."

Силы природы участвующія въ производствѣ лишены критерія стоимости, ибо сила природы безконечна и неисчерпаема. Конечно, матеріалъ употребляемый для производства даннаго продукта, не можетъ быть уже употребленъ на производство другого продукта, но говорить при этомъ о затратѣ это значитъ олицетворить природу. Матеріалъ не входитъ въ затраты, дѣлаемыя человѣкомъ, а стоимость опредѣляется лишь тѣми затратами, которыя дѣлаетъ онъ, человѣкъ. „Въ каждомъ производствѣ человѣку помогаютъ силы природы". Но съ хозяйственной точки зрѣнія всякій продуктъ, который превращается трудомъ въ потребительное благо разсматривается нами исключительно, какъ продуктъ человѣческаго труда, потому именно, что трудъ является единственною первичною силою и единственною первичною затратою, при помощи которой человѣкъ ведетъ свое хозяйство, вслѣдствіе этого тамъ, гдѣ природа оказываетъ человѣческому труду бо́льшую помощь, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, съ хозяйственной точки зрѣнія лишь трудъ считается болѣе производительнымъ и ни въ коемъ случаѣ нельзя отнести часть продукта къ произведенію силъ природы.

Родбертусъ былъ первымъ экономистомъ пытавшимся развить теорію ренты изъ теоріи трудовой цѣнности. Сущность этой теоріи сводится къ слѣдующему.

Норма прибыли устанавливается въ экономическомъ оборотѣ промышленностью и уже отсюда закономъ конкурренціи переносится въ земледѣліе. А между тѣмъ затраты капитала въ промышленности и земледѣліи существенно различны. Промышленность должна пользоваться доставляемымъ ей земледѣліемъ, она должна затратить значительный капиталъ на покупку этого сырья, тогда какъ земледѣльцы непосредственно перерабатываютъ свое сырье, поэтому органическое строеніе земледѣльческаго капитала ниже органическаго строенія промышленнаго капитала. Вслѣдствіе этого равенство нормы прибыли для земледѣльческаго и промышленнаго предпріятія при различіи въ величинѣ затраты капиталовъ для этихъ двухъ родовъ хозяйственной дѣятельности приводитъ къ возникновенію избыточной прибыли въ земледѣліи, которая и представляетъ собою земельную ренту, достающуюся землевладѣльцу.

Рикардо, какъ мы видѣли, создалъ теорію дифференціальной ренты, по которой ренту приносятъ лишь болѣе плодородные участки. Въ противоположность Рикардо Родбертусъ считаетъ, что существуетъ абсолютная рента, что ренту приноситъ всякая земля, независимо отъ ея плодородія.

Земельная рента не существовала бы только тогда, когда бы продукты земледѣлія продавались ниже ихъ цѣнности и такимъ бы путемъ уравнялась та избыточная прибыль земледѣлія, которая дается отсутствіемъ затраты капитала на покупку сырья.

Мы познакомились съ основными политико-экономическими теоріями Родбертуса-Ягетцова, въ заключеніе отмѣтимъ особыя черты этого замѣчательнаго экономиста.

И сила и слабость Родбертуса заключается одновременно въ силѣ его абстрактнаго анализа. Этотъ сильный абстрактный анализъ позволилъ Родбертусу вскрыть въ хозяйствѣ глубокія пружины, дѣйствіе которыхъ не отражается на самой поверхности экономической жизни, формулировать законы, которые лишь только, такъ сказать, пробиваются къ осуществленію. Вполнѣ ясно сознавая, что трудовая теорія цѣнности не можетъ быть признана формулировкой правилъ обмѣна капиталистически-произведенныхъ продуктовъ, Родбертусъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно вѣрно указалъ на необходимость, на неизбѣжность принятія трудовой теоріи, какъ регулятивной идеи, какъ требованія экономическаго мышленія, онъ показалъ, что для теоретика экономиста неизбѣжна точка зрѣнія трудовой цѣнности.

Но эта же самая сила абстрактнаго анализа привела къ чрезмѣрному развитію у Родбертуса формально-юридическаго анализа въ ущербъ конкретно-экономическому. Это въ особенности сказалось на ученіи Родбертуса о капиталѣ; здѣсь Родбертусъ оперируетъ не съ историческими, а съ вѣчными категоріями; совре-

менный капиталъ для него лишь простое искаженіе чистаго понятія капитала и онъ прямо ставитъ себѣ задачей въ своемъ четвертомъ соціальномъ письмѣ къ Кирхману, изданному подъ названіемъ „капиталъ“ установить это чистое понятіе капитала, освобожденное отъ всякихъ историческихъ случайностей, изслѣдовать не капиталъ въ его историческихъ проявленіяхъ, а капиталъ an sich.

Въ результатѣ его теорія капитала страдаетъ крупнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ историзма. Экономисты, говоритъ онъ, согласны въ томъ, что палка, которой дикарь сбиваетъ плодъ, чтобы затѣмъ выбросить ее, точно также представляетъ капиталъ какъ и тысячи центнеровъ хлопчатой бумаги, прочныхъ зданій и машинъ современной прядильной фабрики.

Здѣсь съ особой рельефностью сказалось отсутствіе у Родбертуса исторической точки зрѣнія и чрезмѣрная абстрактность его теоріи.

Эта чрезмѣрная абстрактность помѣшала Родбертусу выяснить основной характеръ капиталистическаго производства. Его теорія цѣнности справедлива лишь при общественно-организованномъ хозяйствѣ, если притомъ разсматривать общество состоящимъ изъ одного хозяйствующаго землевладѣльца, одного хозяйствующаго капиталиста и одного рабочаго, тогда какъ ни одного изъ этихъ условій нѣтъ въ наличности современнаго капиталистическаго хозяйства.

Къ недостаткамъ теоріи Родбертуса относится и его преувеличенная оцѣнка роли законодательства, правового строя. Онъ, напр., готовъ объяснять все капиталистическое хозяйство не существованіемъ частной собственности, а распредѣленіемъ продукта произведеннаго однимъ классомъ рабочихъ между тремя классами: землевладѣльцами, капиталистами и рабочими, и при этомъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ выясненіе превращенія рабочей силы въ товаръ, безъ чего современный, капиталистическій строй не понятенъ.

Мы видѣли, что Родбертусъ, съ гордостью заявлявшій, что онъ не хочетъ составлять надписей для рабочихъ знаменъ, не можетъ быть признанъ вполнѣ послѣдовательнымъ представителемъ т. н. научнаго соціализма, его справедливѣе было бы причислить къ замѣчательнѣйшимъ представителямъ государственнаго соціализма, соціализма каѳедры, а не рабочей трибуны. Точно также нельзя признать Родбертуса и типичнымъ представителемъ трудовой теоріи цѣнности.

Наиболѣе замѣчательнымъ и оригинальнымъ представителемъ научнаго соціализма и трудовой теоріи долженъ быть признанъ Карлъ Марксъ, который ведетъ свою научную родословную отъ классической школы.

Однако, отъ классической школы Марксъ заимствовалъ лишь основную идею, подвергнувъ ее въ своихъ трудахъ коренной переработкѣ и связавъ ее съ совершенно инымъ общественнымъ и научнымъ міровоззрѣніемъ.

Прежде чѣмъ принять наслѣдство отъ классиковъ, Марксъ долженъ былъ окончательно покончить съ тѣмъ наивнымъ реализмомъ и абсолютизмомъ, на точкѣ зрѣнія котораго всецѣло стояли эти классики.

Всѣ экономическія категоріи классики разсматривали объективно, какъ факты внѣшняго міра, существующіе совершенно независимо отъ нашего сознанія. Цѣнность капитала, рента—все это были для нихъ врожденныя свойства вещей, такія же ихъ качества какъ запахъ, цвѣтъ, вкусъ. Считая, что всѣ экономическія явленія и категоріи вытекаютъ изъ сущности вещей и ее собою выражаютъ, классики-экономисты игнорировали общественно-историческій характеръ хозяйственныхъ явленій; эти явленія они считали независимыми отъ условій времени и мѣста—существующіе экономическіе факты и теоріи считались ими вѣчными, неизбѣжными. Они не отрицали классовыхъ противоположностей, не отрицали извѣстнаго вліянія культурныхъ и политическихъ условій, но поскольку эта борьба, эти условія были направлены на измѣненіе существующихъ экономическихъ отношеній, они считали ихъ безсмысленными мечтаніями, такъ какъ для нихъ они означали борьбу съ сущностью, неизмѣнной природой хозяйства.

Понадобилось долгое развитіе производственныхъ отношеній въ полную форму товарнаго производства, прежде чѣмъ экономисты, главнымъ образомъ въ лицѣ Давида Рикардо—пришли къ убѣжденію, что всѣ виды труда въ основѣ своей представляютъ нѣчто однородное и сводятся къ чисто количественнымъ отношеніямъ, безсознательно устанавливаемымъ обществомъ. Этимъ классики-экономисты заложили основу трудовой теоріи цѣнности. Но ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ раскрыть фетишизма товарнаго производства. Всѣ они стояли на точкѣ зрѣнія, мѣтко названной Марксомъ фетишистской, полагавшей, что внѣ субъекта и совершенно независимо отъ него существуютъ экономическія вещи, предметы, какъ въ зеркалѣ отражающіеся въ сознаніи хозяйствующихъ субъектовъ.

Раскрытіе этого фетишизма и его ниспроверженіе составляетъ одну изъ крупнѣйшихъ заслугъ Маркса. Онъ говоритъ:

„Опредѣленное общественное отношеніе людей между собою въ ихъ (классиковъ) глазахъ принимаетъ фантастическую форму отношеній между предметами. Чтобы найти аналогію подобныхъ отношеній, надо обратиться въ туманную область народныхъ вѣрованій, гдѣ произведенія человѣческаго ума кажутся независимыми существами, одаренными жизнью и вступающими въ отношенія между собою и людьми. То же самое происходитъ и въ товарномъ мірѣ съ продуктами рукъ человѣка. Это я называю фетишизмомъ, присущимъ продуктамъ труда, разъ они производятся въ видѣ товаровъ, а потому неотдѣлимымъ отъ товарнаго производства“.

Отдѣльный товаропроизводитель познаетъ свою общественную связь со всѣмъ хозяйствующимъ обществомъ только тогда, когда

обмѣнивается съ членами этого общества продуктами своего труда: общественный характеръ его труда проявляется лишь въ актѣ обмѣна товаровъ. Этимъ создается грубый оптическій обманъ: отъ отношенія вещей зависитъ отношеніе людей, и товарное обращеніе кажется сознанію товаропроизводителя какъ вещественное отношеніе между людьми и общественное отношеніе между вещами.

Марксъ показалъ, что за фетишистской оболочкой отношенія „вещей“ скрывается реальное отношеніе людей въ процессѣ ихъ общественнаго производства, что товары, какъ объективныя вещи, не содержатъ въ себѣ никакихъ экономическихъ свойствъ. Химическимъ анализомъ товарнаго тѣла, мы не найдемъ въ немъ ни цѣны, ни цѣнности, ни издержекъ производства. Всѣ эти категоріи суть продукты извѣстнаго отношенія людей въ процессѣ ихъ общественнаго труда, отношенія объективирующагося въ товарахъ, служащихъ вещественной оболочкой общественныхъ отношеній. Разоблаченіе товарнаго фетишизма составляетъ одно изъ крупнѣйшихъ завоеваній во всей исторіи политической экономіи, его значеніе для послѣдней можно сравнить со значеніемъ открытія Коперника для астрономіи, со значеніемъ перехода отъ геоцентрической системы Птоломея къ геліоцентрической системѣ Коперника.

Въ этомъ главное методологическое значеніе и оригинальность теоріи Маркса, эта точка зрѣнія служитъ центральнымъ пунктомъ освѣщающимъ всю экономическую систему марксизма.

Отсутствіе соціально-исторической точки зрѣнія не дало возможности классической школѣ раскрыть общественное отношеніе производителей, скрывающееся за цѣнностью, присутствіе этой точки зрѣнія у Маркса позволило ему на ряду съ анализомъ мѣновой цѣнности вывести формулу цѣнности, которая и превращаетъ цѣнность въ мѣновую цѣнность.

„У цѣнности, говоритъ Марксъ, не написано на лбу, что она такое. Цѣнность, наоборотъ, превращаетъ каждый продуктъ труда въ общественный гіероглифъ. Потомъ уже люди пытаются разгадать этотъ гіероглифъ, проникнуть въ тайну своего собственнаго общественнаго продукта, такъ какъ опредѣленіе предметовъ потребленія какъ цѣнностей есть такой же общественный продуктъ какъ языкъ“.

Такимъ образомъ, въ полную противоположность классикамъ, цѣнность у Маркса играетъ роль не внутренняго качества вещей, а проявленія общественнаго отношенія людей въ процессѣ ихъ производства, въ противоположность классикамъ Марксъ съ одной стороны показалъ, что цѣнность не есть только мѣновое отношеніе, а съ другой—вывелъ форму цѣнности.

Дальнѣйшей задачей было выясненіе *трудовой* цѣнности. Сущность его въ общемъ сводится къ слѣдующему.

Чтобы получить продукты, способные удовлетворять потребности, человѣкъ въ той или иной формѣ долженъ затратить

трудъ, но все ростущее раздѣленіе труда все болѣе специализируетъ всякаго отдѣльнаго человѣка на опредѣленнаго рода трудѣ, а для удовлетворенія своихъ разнородныхъ потребностей онъ долженъ обратиться къ продуктамъ труда другихъ людей.

Что однако будетъ положено въ основу масштаба при обмѣнѣ продуктовъ самой разнородной и качественно несоразмѣримой дѣятельности? Что *общаго* между продуктами труда ювелира и столяра, на основаніи чего между этими качественно разнородными продуктами установится мѣновая пропорція? Очевидно, что потребительная цѣнность, заставляющая вступить въ обмѣнъ продуктовъ, мѣриломъ цѣнности этихъ продуктовъ служить не можетъ, такъ какъ потребительныя цѣнности несоизмѣримы вообще, какъ можно сравнить потребность въ часахъ съ потребностью въ дровахъ и какое дѣло мѣняющимся субъектамъ до потребностей другъ друга? При обмѣнѣ они, конечно, будутъ смотрѣть, чтобы мѣна была выгодная, т. е. взять столько же сколько отдалъ, чтобъ не отдать вещи дешевле чѣмъ она „стоитъ", чтобы обмѣнъ возвратилъ „затраты".

Общей всѣмъ производителямъ затратой является трудъ, всѣ они для того чтобы получить продуктъ затратили извѣстное количество трудовой энергіи, въ обмѣниваемыхъ продуктахъ скристаллизована эта трудовая энергія и всѣ продукты, несмотря на все ихъ различіе, имѣютъ общимъ то, что они продукты труда. Трудъ, такимъ путемъ, получаетъ значеніе мѣрила цѣнностей, благодаря своей количественной соизмѣримости.

Трудъ, который равномѣрно овеществленъ въ продуктахъ долженъ самъ также быть однообразнымъ, однороднымъ, простымъ трудомъ, которому въ такой же мѣрѣ безразлично, проявляется ли онъ въ золотѣ, въ желѣзѣ, пшеницѣ или шелкѣ, въ какой безразлично для кислорода, проявляется ли онъ въ ржавчинѣ желѣза, въ воздухѣ, въ соку винограда или въ крови человѣка" (Марксъ).

Природа сама не даетъ человѣку достаточно продуктовъ для удовлетворенія его потребностей, это заставляетъ его трудиться. Изъ ограниченности продуктовъ и неограниченности человѣческихъ потребностей рождается необходимость трудиться и хозяйственно, т. е. экономно обращаться съ продуктами. Что произведено трудомъ то трудомъ же можетъ быть воспроизведено, потому для хозяйствующаго общества безразлично имѣть ли въ своемъ распоряженіи продуктъ или опредѣленное количество рабочаго времени, нужное для производства этого продукта. Поэтому при разсмотрѣніи всякаго продукта оно отвлекается отъ вещественнаго проявленія труда, каковымъ этотъ продуктъ является и видитъ въ немъ лишь сгустокъ абстрактнаго человѣческаго труда.

Трудъ, такимъ путемъ, получаетъ значеніе количественнаго измѣренія качественно различныхъ вещей.

Но, можетъ показаться, что тогда неловкій и неумѣлый производитель, тратящій на производство даннаго продукта несрав-

венно больше труда, чѣмъ ловкій и умѣлый, создаётъ тѣмъ самымъ и бо́льшую цѣнность. Это было бы такъ, если бы рѣчь шла о конкретномъ и индивидуальномъ трудѣ. Но общественный характеръ обмѣна эту конкретность и индивидуальность погашаетъ. Даже уже и тогда, когда возникаетъ обмѣнъ только между двумя лицами складывается требованіе средне-ловкаго и средне-необходимаго труда. Неловкій и неумѣлый рабочій можетъ конечно требовать, чтобы цѣнность созданнаго имъ продукта измѣрялась *имъ* затраченнымъ количествомъ труда, но необходимость вступить въ обмѣнъ заставляетъ его считаться съ точкою зрѣнія и другого лица, этому другому лицу нѣтъ дѣла до того, сколько фактически затрачено на производство даннаго продукта, для него рѣшающее значеніе имѣетъ соображеніе о томъ, сколько *должно* быть затрачено средняго труда на производство даннаго продукта. Отдѣльный производитель даже при самомъ простомъ актѣ обмѣна между двумя лицами пріучается разсматривать обмѣнъ не какъ индивидуальный, а какъ соціальный фактъ, когда же цѣлое общество связано хозяйственными отношеніями, устанавливается извѣстная общественная оцѣнка; конкретный, индивидуальный трудъ отдѣльнаго производителя оцѣнивается съ общественной точки зрѣнія, какъ абстрактный трудъ, какъ масса рабочей энергіи, потенціально могущая быть превращенной въ любой продуктъ.

Такимъ образомъ, не всякій трудъ опредѣляетъ цѣнность продукта, а лишь общественно-необходимый трудъ, общественно же необходимъ лишь тотъ трудъ, который вызванъ потребностями общества и соотвѣтствуетъ достигнутому уровню техники и достигнутой производительности труда.

Тѣ производители, которые будутъ работать отсталыми орудіями принуждены будутъ продавать продукты своего труда ниже ихъ индивидуальной, конкретной трудовой цѣнности, если, напр., столяръ изготовитъ шкафъ въ четыре дня, а по современнымъ условіямъ техники онъ можетъ быть изготовленъ въ два дня, то тогда шкафъ этотъ долженъ будетъ быть проданнымъ вдвое ниже своей индивидуальной трудовой цѣнности.

Однако, трудъ тоже бываетъ качественно различнымъ. Трудъ ломового и трудъ скульптора различны по существу, какимъ же образомъ они соизмѣряются? Для объясненія этого явленія можно сослаться лишь на практику—безсознательно устанавливается взглядъ на различные роды труда, какъ на различные количества одного и того же абстрактнаго труда, болѣе искусный, болѣе обученый трудъ разсматривается какъ умноженный въ нѣсколько разъ простой трудъ.

Если капиталистъ покупаетъ трудъ рабочаго и затѣмъ употребляетъ этотъ трудъ на производство продуктовъ, то казалось бы что между созданной и купленной капиталистомъ цѣнностью должно быть равенство, откуда тогда берется прибыль капиталистовъ? Мы уже видѣли въ началѣ этого очерка, что этой про-

блемы не могла разрѣшить классическая школа, а соціалисты-утописты двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ нашли этой экономической проблемѣ лишь этическое разрѣшеніе.

Разъясненіе этого вопроса было впервые дано Марксомъ, благодаря проведенному имъ строгому различенію между трудомъ и рабочей силой.

Ни одному изъ представителей классической школы не удалось устранить противорѣчіе теоріи трудовой цѣнности съ фактомъ образованія прибыли, остающимся полною загадкою, разъ мы признаемъ, какъ это дѣлали классики, что заработная плата выражаетъ цѣнность труда. Отождествленіе цѣнности труда съ заработной платой, вытекавшее изъ неразличенія между трудомъ и рабочей силой, заводило всѣхъ классиковъ въ густую сѣть противорѣчій и приводило ихъ вмѣсто трудовой теоріи къ теоріи издержекъ производства.

Классики-экономисты, въ особенности Давидъ Рикардо, знали и говорили, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ „трудъ" является товаромъ, но то же *роковое* отождествленіе труда съ рабочей силой не позволило имъ выяснить особенныхъ свойствъ этого товара, въ процессѣ потребленія котораго и создается прибыль капиталиста.

Рабочій выноситъ на рынокъ единственный имѣющійся у него товаръ—рабочую силу. Капиталистъ покупаетъ этотъ товаръ и оплачиваетъ его, какъ онъ оплачиваетъ всякій другой товаръ, т. е. по цѣнѣ „стоимости" этого товара, по цѣнѣ издержекъ, необходимыхъ для воспроизведенія и поддержанія рабочей силы. Разъ товаръ проданъ или отданъ на извѣстный срокъ опредѣленнаго пользованія, собственникъ утрачиваетъ на него всѣ права. Если я отдаю на годъ въ наемъ свой домъ, я утрачиваю на этотъ годъ право распоряжаться своимъ домомъ. Точно также происходитъ съ рабочимъ, онъ отдаетъ какъ бы въ наемъ свою рабочую силу капиталисту на пользованіе ею въ продолженіи опредѣленнаго числа часовъ въ день. На это время собственникомъ этой рабочей силы и всего ею созданнаго становится уже капиталистъ.

Положимъ, что рабочій продалъ капиталисту свою рабочую силу при условіи десяти-часоваго ежедневнаго пользованія ею. Въ ея конкретномъ проявленіи рабочая сила становится трудомъ. Для того чтобы произвести цѣнность, равную цѣнности воспроизведенія и поддержанія рабочей силы, т. е. покрыть расходы капиталиста на наемъ этой силы, на заработную плату, рабочему, положимъ, необходимо трудиться ежедневно 4 часа, эти четыре часа составятъ необходимый трудъ. Но согласно условію, рабочій долженъ работать еще 6 часовъ, въ эти шесть часовъ прибавочнаго труда онъ уже создаетъ прибавочную цѣнность, идущую всецѣло капиталисту, на покрытіе остальныхъ издержекъ производства и на чистую прибыль.

Такимъ образомъ, источникомъ прибыли, представляющей кон-

кретное проявленіе, реализацію прибавочной цѣнности, является потребленіе своеобразнаго товара—рабочей силы.

„Въ непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ каждый товаръ представляетъ собою непосредственное средство обмѣна для своего владѣльца, а для не владѣльца эквивалентъ, но лишь постольку, поскольку онъ является для него потребительною цѣнностью.

Предметъ обмѣна, слѣдовательно, не получаетъ еще никакой формы цѣнности, независимой отъ его собственной потребительной цѣнности, т. е. отъ индивидуальной потребности лицъ, совершающихъ обмѣнъ" (К. Марксъ). Но съ возростаніемъ числа и увеличеніемъ разнородности вступающихъ въ мѣновое отношеніе товаровъ появляется необходимость этой формы. Всегда при развитомъ обмѣнѣ существуетъ нѣкоторый товаръ, служащій для сравненія и опредѣленія мѣновыхъ цѣнностей другихъ товаровъ. Этотъ товаръ, служащій эквивалентомъ для другихъ товаровъ, постепенно пріобрѣтаетъ всеобщую или общественную эквивалентную форму. „Эта всеобщая эквивалентная форма рождается и исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ временнымъ общественнымъ соприкосновеніемъ, которое вызвало ее къ жизни. Попеременно и бѣгло оно пріурочивается то къ одному, то къ другому товару. Но съ развитіемъ товарнаго обмѣна, оно связывается исключительно съ однимъ особеннымъ товаромъ или кристаллизуется въ денежную форму". (Марксъ).

Такимъ образомъ, Марксъ даетъ объясненіе денежному кристаллу, вытекающее всецѣло изъ анализа формы цѣнности—и это одна изъ крупнѣйшихъ заслугъ Маркса.

Въ полномъ согласіи и неразрывной связи съ теоріей цѣнности развиваетъ Марксъ и свою теорію капитала.

Большинство теорій капитала еще въ большей степени лишевы историчности, чѣмъ теоріи цѣнности. Для большинства экономистовъ капиталъ такое же древнее понятіе, какъ и самъ человѣческій родъ. У Рикардо первобытные дикари выступаютъ въ роли капиталиста, для другихъ экономистовъ первымъ капиталомъ послужила палка дикаря, съ помощью которой онъ сбивалъ плоды, Кэри считаетъ первичнымъ капиталомъ даже камень, съ помощью котораго обезьяна разбиваетъ орѣхи. Экономисты обыкновенно считаютъ капиталомъ всѣ орудія и матеріалы, употребляемые при производствѣ.

Это то же самое замѣчаетъ Марксъ въ „Lohnarbeit und Kapital" (1849 г.) („Наемный трудъ и капиталъ"), что на вопросъ, что такое рабъ-негръ отвѣтитъ: „Рабъ-негръ—это человѣкъ черной расы".

Негръ вообще есть негръ, а не рабъ. Лишь при опредѣленныхъ отношеніяхъ онъ становится рабомъ. То же самое и съ матеріалами и орудіями для производства. Прядильная машина есть просто прядильная машина, а не капиталъ. Лишь при опредѣленныхъ соціально-экономическихъ отношеніяхъ она стано-

вается капиталомъ. Внѣ этихъ отношеній она также мало представляетъ капиталъ, какъ мало золото само по себѣ является деньгами, а сахаръ самъ по себѣ—цѣною сахара.

Капиталъ, какъ и цѣнность, есть общественно-историческое понятіе, выражающее собою опредѣленную организацію производительныхъ силъ въ капиталистической формѣ ихъ эксплуатаціи.

Капиталъ появляется лишь тогда, когда въ процессъ товарообращенія, этого кровообращенія капиталистическаго организма вовлекается новый товаръ—рабочая сила. При простомъ товарномъ хозяйствѣ, процессъ обращенія продуктовъ выражается въ формулѣ Т—Д—Т, т. е. товаръ—деньги—товаръ. Товаръ не имѣющій для владѣльца потребительной цѣнности, обмѣнивается на товаръ, имѣющій для него потребительную цѣнность, причемъ посредникомъ обмѣна служатъ деньги. Командующая роль принадлежитъ при этомъ потребленію, удовлетворѣнію потребностей, ради котораго и затѣвается весь актъ обмѣна. При сложномъ же товарномъ производствѣ за деньги покупаютъ товаръ, который снова приноситъ деньги, но уже въ увеличенномъ количествѣ. Формула обращенія получаетъ видъ: Д—Т—Д. Различіе между двумя крайними членами этой формулы обязано своимъ возникновеніемъ особому свойству новаго товара—рабочей силы, которая въ процессѣ ея потребленія капиталистомъ, какъ это мы выше показали, создаетъ новыя цѣнности. Здѣсь уже командующая роль отъ потребленія перешла къ производству, въ процессѣ котораго создается прибавочная цѣнность. Хозяйство уже ведется не для удовлетворенія потребностей, а для увеличенія состоянія, для полученія возможно большей прибыли. Такимъ образомъ, категорія капитала могла появиться лишь на исторической почвѣ превращенія рабочей силы въ товаръ, т. е. отдѣленія орудій производства отъ рабочаго и, соотвѣтственно этому, функція капитала заключается въ прибавочной цѣнности.

Эта прибавочная цѣнность создается въ процессѣ производства, реализуется же она въ процессѣ обращенія, принимая при этомъ форму прибыли.

Классики и соціалисты-экономисты до Маркса, если и говорили о прибавочной цѣнности, то видѣли въ ней лишь извѣстную часть цѣнности *продукта*, выводили ее изъ этого продукта, а не изъ способа производства. И классики и Родбертусъ исходили въ ихъ анализѣ изъ *готоваго продукта* и видѣли особенность капиталистическаго производства въ томъ, что этотъ продуктъ дѣлится между тремя классами—землевладѣльцами, капиталистами и рабочими, Марксъ же исходитъ не отъ условій обращенія, а отъ условій производства, отъ того способа производства, когда рабочая сила превращается въ товаръ. Смѣшивая процессъ производства съ процессомъ обращенія и перенося центръ тяжести въ послѣдній, Родбертусъ неизбѣжно долженъ былъ приписать преувеличенное значеніе распредѣленію и законодательству и стре-

миться къ уничтоженію капиталистическаго хозяйства путемъ юридической реформы.

Въ ученіи о рентѣ Марксъ тоже является наслѣдникомъ Давида Рикардо. Только помимо измѣненій внесенныхъ Марксомъ въ теорію дифференціальной ренты Рикардо, Марксъ на ряду съ этой дифференціальной рентой признаетъ еще существованіе абсолютной ренты, подъ которой подразумѣвается рента съ наихудшаго участка земли и наименѣе производительнаго приложенія капитала.

Предположимъ, говоритъ Марксъ въ третьемъ томѣ „Капитала", что въ распоряженіи общества имѣется четыре участка земли различной степени плодородія, при затратѣ на нихъ одинаковаго количества труда и капитала (по 60 шиллинговъ на участокъ) мы получимъ различное количество продукта, положимъ 1, 2, 3 и 4 квартера. Итого 10 квартеровъ по общей цѣнѣ производства $(60 \times 4) = 240$ шиллинговъ. Слѣдовательно, цѣнность квартера будетъ равна 24 шил., рыночная же его цѣнность по теоріи дифференціальной ренты будетъ равна 60 шил. Мы видимъ, такимъ образомъ, что рыночная цѣнность продукта отклоняется отъ трудовой. Если бы вмѣсто неорганизованнаго капиталистическаго хозяйства существовало организованное общественное, тогда бы 10 квартеровъ по своей трудовой цѣнности равнялись бы какъ разъ 240 шил. Общество не платило бы за этотъ земледѣльческій продуктъ въ $2^1/_2$ раза больше его трудовой цѣнности и въ силу этого долженъ былъ бы исчезнуть классъ землевладѣльцевъ. Рикардо, создавшій теорію дифференціальной ренты, считалъ, что рента эта создается трудомъ земледѣльческихъ рабочихъ, Марксъ же показываетъ, что дифференціальная рента есть вообще не трудовой доходъ и что поэтому она представляетъ ложную или мнимую цѣнность, всецѣло вытекающую изъ капиталистическаго строя.

Къ какому же выводу приходитъ въ третьемъ томѣ Марксъ при разсмотрѣніи абсолютной ренты?

Когда говорятъ, что въ продуктъ худшаго участка земли не входитъ рента, то предполагаютъ, что рыночная цѣна продукта этого участка достигаетъ до такой высоты, что приложеніе капитала къ обработкѣ этого участка приносило бы обычную среднюю прибыль. Если бы дѣло зависѣло только отъ капиталиста, то разсужденіе было бы справедливо. Но дѣло въ томъ, что число такихъ участковъ тоже ограничено и они находятся въ рукахъ землевладѣльца. Поэтому все это предположеніе „покоится на абстракціи отъ земельной собственности, наличность которой какъ разъ и составляетъ преграду для затраты капитала и для производительнаго приложенія его въ земледѣльческой промышленности" (Марксъ).

Абсолютная земельная рента не только переносится, благодаря существованію частной собственности, изъ однѣхъ рукъ въ другія, но здѣсь земельная собственность сама создаетъ ренту, такъ

какъ при ея отсутствіи цѣны продуктовъ были бы ниже и рента не имѣла бы мѣста.

Такимъ образомъ, въ теоріи ренты Марксъ рѣшительно призналъ рѣзкое отклоненіе рыночныхъ цѣнностей отъ трудовыхъ (для земледѣльческихъ продуктовъ) и указалъ, что теорія трудовой цѣнности, по крайней мѣрѣ для земледѣльческаго производства, справедлива лишь по отношенію къ сознательно организованному общественному хозяйству, а не безсознательно сложившемуся капиталистическому. Съ выходомъ третьяго тома вопросъ о томъ, имѣетъ ли вообще *реальное* значеніе теорія трудовой цѣнности въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ сталъ на очередь для политической экономіи.

При изслѣдованіи капиталистическаго производства, Марксъ воспользовался методомъ изолирующей гипотезы. Въ первомъ томѣ „Капитала" онъ изложилъ процессъ производства въ его чистомъ видѣ, абстрагируясь отъ условій обмѣна и сбыта; во второмъ томѣ изложенъ былъ опять таки изолированно процессъ обмѣна и лишь въ третьемъ томѣ былъ изложенъ процессъ капиталистическаго производства въ его цѣломъ и были зарегистрованы тѣ коррективы, которые постоянно вырабатываетъ жизнь по отношенію къ чистымъ формамъ и типамъ устанавливаемымъ теоріей и въ своемъ чистомъ, идеальномъ видѣ существующимъ лишь въ мышленіи ученаго теоретика.

Однако уже и въ первомъ томѣ „Капитала" Марксъ прямо указывалъ на несовпаденіе цѣнности съ цѣною, т. е. ея денежнымъ выраженіемъ, и на отклоненіе рыночныхъ цѣнностей отъ трудовыхъ: „Цѣна или денежная форма товаровъ, какъ и ихъ форма цѣнности вообще есть форма, отличная отъ ихъ видимой реальной тѣлесной формы, есть, слѣдовательно, только идеальная или мысленно представляемая форма" (К. Марксъ). „Возможность количественнаго несовпаденія между цѣной и величиной цѣнности, или уклоненіе цѣны отъ величины цѣнности, лежитъ въ самой формѣ цѣны. Это не составляетъ недостатка этой формы, а напротивъ, дѣлаетъ ее вполнѣ подходящей формой для способа производства, въ которомъ правило можетъ обнаруживаться только въ видѣ слѣпо дѣйствующаго средняго закона, выражающаго отсутствіе всякой правильности".

Анализъ капиталистическаго производства въ его цѣломъ, сдѣланный въ третьемъ томѣ, заставилъ Маркса признать еще большія отступленія отъ трудовой теоріи.

Дѣло въ томъ, что капиталистическое хозяйство не знаетъ хозяйствующаго общества, а знаетъ лишь хозяйствующіе капиталы, а послѣдніе требуютъ себѣ равнаго вознагражденія, не считаясь ни съ какими трудовыми цѣнностями. Отсюда возникаетъ конфликтъ между нормой прибыли и закономъ трудовой цѣнности.

Уже классики-экономисты отмѣтили тенденцію къ равенству нормы прибыли во всѣхъ отрасляхъ производства. Если бы какая либо отрасль производства приносила бо́льшую прибыль на

капиталъ чѣмъ другая, то капиталы бы прилили къ первой отрасли и отхлынули бы отъ второй. Благодаря этому въ первой отрасли конкурренція бы повысилась и норма прибыли бы упала, а во второй конкурренція бы уменьшилась и норма прибыли повысилась бы. Такимъ путемъ законъ конкурренціи, приливъ и отливъ капиталовъ постепенно устанавливаетъ одинаковую норму прибыли для всѣхъ предпріятій, точнѣе говоря, устанавливаетъ тенденцію къ уравненію прибыли.

А между тѣмъ, какъ мы знаемъ, прибыль есть реализація прибавочной цѣнности, создающейся лишь живымъ трудомъ. Такимъ образомъ, законъ цѣнности требуетъ, чтобы норма прибыли соотвѣтствовала лишь размѣрамъ затраты живого труда, а законъ равной нормы прибыли устанавливаетъ соотвѣтствіе не съ затратою труда, а съ затратою капитала. Въ различныхъ предпріятіяхъ трудъ и капиталъ участвуютъ въ различныхъ пропорціяхъ. Если капиталъ состоитъ изъ значительной доли перемѣннаго капитала (труда) и незначительной постояннаго (матеріаловъ, орудія, и т. д.) то тогда Марксъ называетъ такой капиталъ капиталомъ низкаго строенія, а капиталъ, гдѣ обратное отношеніе между перемѣннымъ и постояннымъ капиталомъ—капиталомъ высшаго строенія.

Законъ цѣнности требуетъ чтобы капиталы низшаго строенія, вырабатывающіе несравненно бо́льшую прибавочную цѣнность, приносили и бо́льшую прибыль, законъ же равной нормы прибыли требуетъ, наоборотъ, чтобы капиталы высшаго строенія приносили и бо́льшую прибыль. Въ результатѣ столкновенія этихъ двухъ тенденцій получается искаженіе трудовыхъ цѣнностей и образуются вмѣсто нихъ цѣны производства. Въ цѣломъ вырабатываемая во всемъ капиталистическомъ обществѣ прибавочная цѣнность и прибыль соотвѣтствуютъ всей затратѣ живого труда, но *распредѣляется* эта общая прибыль (прибавочная цѣнность) между отдѣльными капиталистами сообразно сдѣланной ими затратѣ капитала. Такимъ образомъ, отдѣльные капиталисты являются какъ бы дольщиками, акціонерами всего капиталистическаго предпріятія; общая прибыль распредѣляется между ними соотвѣтственно величинѣ ихъ акцій—капиталовъ.

Намъ въ заключеніе придется сказать нѣсколько словъ о томъ, какое значеніе сохраняетъ теорія трудовой цѣнности, несмотря на ея искаженія, а теперь намъ надо обратиться еще къ одной школѣ, оспаривающей у марксизма господство въ политической экономіи и представляющей на ряду съ марксизмомъ единственную цѣльную и стройную теорію. Мы говоримъ о такъ называемой психологической школѣ.

Психологическое или субъективное направленіе въ политической экономіи не въ наши дни началось; ученіе о трудовой цѣнности носило у Адама Смита, какъ мы видѣли, явно субъективистскую окраску, вся старая теорія спроса и предложенія, проповѣдывавшаяся напр. Маклеодомъ, по существу дѣла ничѣмъ не отличается отъ ученія современныхъ субъективистовъ. Совре-

менная психологическая школа дала только остроумное психологическое объясненіе мотивовъ, заставляющихъ хозяйствующихъ субъектовъ вступать въ актъ обмѣна.

Психологическую школу въ политической экономіи часто называютъ еще австрійской школой, такъ какъ наиболѣе послѣдовательныхъ и рѣшительныхъ защитниковъ она нашла себѣ въ средѣ австрійскихъ ученыхъ. Но распространена она теперь рѣшительно по всѣмъ странамъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ. Въ Австріи ея рѣшительными сторонниками являются Менгеръ, Бемъ-Баверкъ, Визеръ, Заксъ и др.; въ Англіи талантливѣйшій изъ современныхъ англійскихъ экономистовъ Стэнли Джевонсъ (Jevons) еще въ 1871 г. въ своемъ сочиненіи „Theory of Political Economy“ провозгласилъ теорію предѣльной полезности, высказалъ идею, что „цѣнность вполнѣ и исключительно зависитъ отъ пользы“, т. е. ту идею, которая лежитъ во главѣ угла всей психологической теоріи цѣности. Кромѣ Джевонса въ Англіи склоняются къ психологическому направленію проф. Marschall („Principles of Economics“ London 1890) и проф. Edgewith („Elements of Economics of Industry“ London 1892), стремящіеся лишь примирить ее съ классической теоріей издержекъ производства. При этомъ, по ихъ теоріи, цѣнность рѣдко встрѣчающихся благъ опредѣляется исключительно ихъ пользою, спросъ же на блага, производство которыхъ не ограничено, опредѣляется пользою, а предложеніе—издержками производства. Въ Америкѣ эта теорія проповѣдуется Паттеномъ (Patten „Theory of Dynamic Economic“ 1892), подчеркивающимъ лишь вліяніе потребленія на цѣнность благъ. Въ Швейцаріи ея защитникомъ является Вольрасъ (Wolras), во Франціи — Cournot, въ Швеціи — Knut Wicksell. Мы привели лишь имена наиболѣе рѣшительныхъ и выдающихся сторонниковъ этой школы, въ большей же или меньшей степени къ ней склоняется теперь огромное большинство оффиціальныхъ представителей экономической науки. Какъ извѣстно въ послѣднее время эта теорія начинаетъ находить себѣ сторонниковъ и среди русскихъ экономистовъ.

Марксъ въ развитіи трудовой цѣнности исходитъ изъ мысли, высказанной еще Аристотелемъ—обмѣнъ не можетъ происходить безъ извѣстнаго равенства между двумя предметами, равенство же не можетъ быть безъ соизмѣримости этихъ двухъ предметовъ. Разыскивая, что же можетъ лечь въ основу этого равенства, съ какой стороны качественно различные предметы могутъ быть соизмѣримы, Марксъ методомъ исключеннаго третьяго приходитъ, какъ мы видѣли, къ формулированію трудовой теоріи цѣнности.

Эту исходную точку зрѣнія Маркса рѣшительно отвергаетъ глава психологической школы—Бемъ-Баверкъ. Австрійская школа, въ полную противоположность марксизму, исходитъ изъ неэквивалентности обмѣнивающихся благъ.

Ученіе объ эквивалентности обмѣнивающихся благъ Бемъ-Баверкъ считаетъ и несовременнымъ и нереалистичнымъ „Тамъ,

говоритъ онъ, гдѣ господствуетъ полное равенство и равновѣсіе, не можетъ наступить никакого измѣненія. Если поэтому при обмѣнѣ товары мѣняютъ своихъ владѣтелей, то это первый признакъ, что здѣсь сыграло роль какое либо неравенство, какое либо нарушеніе равновѣсія, которыя только и могли вызвать это измѣненіе, точно также какъ между составными частями расположенныхъ другъ около друга сложныхъ тѣлъ можетъ образоваться новая химическая комбинація не тогда, когда „химическое сродство" между соединившимися составными частями двухъ различныхъ тѣлъ и составными частями одного и того же тѣла одинаково, а только тогда, когда оно различно".

Все это разсужденіе австрійской школы о неэквивалентности обмѣниваемыхъ благъ, служащее исходной точкой ея критики и ея догматики, основано на сплошномъ недоразумѣніи. Прежде всего маленькая хронологическая поправка:

Ученіе объ эквивалентности обмѣнивающихся благъ Бемъ-Баверкъ называетъ „схоластически (?) древнимъ", а свою теорію современной.

Но вотъ что писалъ уже Кондильякъ въ сочиненіи „La Commerce et le Gouvernement". „Невѣрно, будто бы при товарномъ обмѣнѣ обмѣниваютъ одну цѣнность на другую равную цѣнность. Наоборотъ, каждый изъ обоихъ контрагентовъ даетъ всегда меньшую цѣнность за бо́льшую".

Въ этихъ словахъ уже вполнѣ ясно сформулирована исходная точка зрѣнія психологической школы, а написаны они въ 1776 году. Такъ что „современная" теорія Бемъ-Баверка имѣетъ довольно почтенный возрастъ.

Замѣтимъ еще, что съ этой же точки зрѣнія критиковалъ Маркса еще въ семидесятыхъ годахъ консервативный либералъ и либеральный консерваторъ Б. Чичеринъ въ статьѣ о нѣмецкихъ соціалистахъ въ „Сборникѣ государственныхъ знаній подъ редакціей В. П. Безобразова (Спб. 1878 т. VI). Онъ писалъ здѣсь:

„Если мы спросимъ: что есть общаго между товарами, которые обмѣниваются? то всякій здравомыслящій человѣкъ навѣрное отвѣтитъ: то что оба полезны; поэтому они и мѣняются. Одному болѣе нужно одно, другому другое, но оба равно нужны. Если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ различной ихъ пользы, то останется общій элементъ полезности, потребительная стоимость вообще... При всякой мѣнѣ человѣкъ сравниваетъ ту пользу, которую онъ даетъ, съ тою, которую онъ получаетъ, это и служитъ ему побужденіемъ для мѣны".

Мы нарочно дали слово г. Чичерину, такъ какъ его формулировка раскрываетъ ясно, что этотъ споръ основанъ на недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что въ ученіи объ эквивалентности обмѣнивающихся цѣнностей, Марксъ говорилъ о мѣновыхъ цѣнностяхъ, представители же австрійской школы съ ихъ ученіемъ о неэквивалентности, говорятъ о потребительной цѣнности. А объ этой потребительной цѣнности Марксъ вотъ что говорилъ въ I т.

„Капитала“: „Что касается потребительной цѣнности, то ясно, что выигрываютъ оба контрагента. Оба отчуждаютъ товары, которые имъ не нужны, и получаютъ товары, въ потребленіи которыхъ они нуждаются. И эта выгода можетъ быть не единственной. А, продающій вино и покупающій хлѣбъ, производитъ, можетъ быть, больше вина, чѣмъ могъ бы произвести за это же время производитель хлѣба, а производитель хлѣба В въ то же время могъ бы произвести больше хлѣба, чѣмъ винодѣлъ А. А получаетъ, такимъ образомъ, за ту же мѣновую цѣнность больше хлѣба, а В больше вина, чѣмъ каждый изъ нихъ могъ бы произвести для себя безъ обмѣна“. Поэтому съ точки зрѣнія потребительной цѣнности „обмѣнъ есть сдѣлка, говоритъ Марксъ, въ которой обѣ стороны выигрываютъ. Иначе обстоитъ дѣло съ мѣновой цѣнностью“.

И съ мѣновою цѣнностью дѣло обстоитъ дѣйствительно иначе, какъ это мы уже разъясняли, когда говорили о теоріи цѣнности Маркса.

Психологическая школа, такимъ образомъ, объясняетъ процессъ обмѣна различіемъ во взглядахъ на цѣнность двухъ вступающихъ въ обмѣнъ субъектовъ, проблема цѣнности для нея есть проблема оцѣнки. Изложимъ сначала догму этого ученія.

По этой теоріи цѣнность есть значеніе блага, вытекающее изъ нашего сознанія способности этого блага удовлетворить той или иной нашей потребности. Оцѣнка нами даннаго рода блага зависитъ отъ того, какую изъ нашихъ многочисленныхъ потребностей удовлетворитъ это благо и какова настоятельность этой потребности. Настоятельность же потребности зависитъ въ свою очередь отъ средней важности этой потребности и степени ея удовлетворенности: она прямо пропорціональна первой и обратно пропорціональна второй.

Одинъ и тотъ же предметъ способенъ удовлетворять моимъ различнымъ потребностямъ и одной и той же потребности въ различной степени, въ зависимости отъ ея настоятельности. Положимъ, что въ силу того или иного обстоятельства я лишаюсь одного экземпляра предмета, предназначеннаго для удовлетворенія моей потребности. Я принужденъ буду одну изъ своихъ потребностей оставить безъ удовлетворенія. Понятно, что при этомъ я выберу ту потребность, неудовлетвореніе которой доставитъ мнѣ наименьшее страданіе. Такимъ образомъ, отъ имѣющагося въ наличности количества продуктовъ зависитъ низшая изъ всѣхъ удовлетворяемыхъ этимъ количествомъ потребностей. Вслѣдствіе этого цѣнность продукта опредѣляется низшей предѣльной полезностью, которая отъ него зависитъ.

Пояснимъ это примѣромъ Бемъ-Баверка.

Возьмемъ одного живущаго и хозяйничающаго колониста. Предположимъ что въ это лѣто ему удалось собрать 5 мѣшковъ зерна. Одинъ мѣшокъ ему неизбѣжно нуженъ для того, чтобы поддержать до новой жатвы свое существованіе. Второй мѣшокъ нуженъ

ему, чтобы поддержать свое здоровье и бодрость, третій—для корма птицы, четвертый—для гонки напитковъ, пятый же мѣшокъ онъ употребляетъ на кормъ содержимыхъ имъ ради забавы попугаевъ. Какую же цѣнность будетъ имѣть для колониста одинъ мѣшокъ зерна? Это зависитъ отъ того, какъ отзовется на немъ потеря одного мѣшка. Потеря этого мѣшка поведетъ къ тому, что онъ откажется отъ удовлетворенія предѣльной полезности, т. е. наименѣе важной, въ данномъ случаѣ отъ содержанія попугаевъ. Потеря второго мѣшка заставитъ его отказаться отъ удовлетворенія болѣе важной предѣльной полезности—приготовленія крѣпкихъ напитковъ, потеря третьяго мѣшка заставитъ его отказаться отъ содержанія домашней птицы, потеря четвертаго мѣшка заставитъ его голодать, о потеря пятаго—умереть съ голоду.

Мы видимъ, такимъ, образомъ, что уменьшеніе количества единицъ цѣнности ведетъ къ тому, что приходится отказываться отъ удовлетворенія все болѣе и болѣе насущной потребности и повышать предѣльную полезность, т. е. все выше цѣнить данный товаръ. Одинъ изъ видныхъ представителей психологической школы Эмиль Заксъ такъ поясняетъ теорію субъективной цѣнности въ соч. „Die neuesten Fortschritte der nationalökonomischen Theorie (1889):

„Теплоту, возбужденіе матеріи, мы измѣряемъ по ея дѣйствію, напр., по расширенію ртутнаго столбика. Цѣнность, возбужденіе души, мы тоже измѣряемъ по его дѣйствію—на обмѣнѣ благъ, вызываемыхъ имъ. Поэтому тѣ, которые утверждаютъ, что сущность цѣнности заключается въ количественныхъ отношеніяхъ между обмѣнивающимися благами впадаютъ въ ту же ошибку, въ какую впалъ бы физикъ, еслибы вздумалъ опредѣлить теплоту какъ расширеніе ртутнаго столбика!... Если ртутный столбикъ въ одномъ мѣстѣ поднялся на 10 градусовъ надъ нулемъ, а въ другомъ—на двадцать, то тогда мы знаемъ, что въ послѣднемъ мѣстѣ теплота вдвое болѣе чѣмъ въ первомъ. Точно также если кто либо за одно благо даетъ 20 марокъ, а за другое—всего 10, то мы знаемъ, что цѣнность первой вещи для даннаго человѣка вдвое выше цѣнности второй. Денежныя единицы служатъ для насъ точно такими же единицами массы для величины цѣнности, какъ градусы термометра являются единицами массы для величины теплоты“. Величина цѣнности поэтому обратно пропорціональна силѣ потребности индивидуума, которой она должна удовлетворить.

„Цѣнность, говоритъ одинъ изъ родоначальниковъ психологической школы, не только по своей сущности, но и по своей величинѣ носитъ *субъективный* характеръ. Блага имѣютъ цѣнность лишь для опредѣленныхъ хозяйственныхъ субъектовъ и для нихъ лишь опредѣленную цѣнность“ (Менгеръ въ „Grundsätze der Volkswirthschaftslehre, Wien 1871).

То же самое доказываетъ, точнѣе утверждаетъ Бемъ-Баверкъ: „Всякая вещь можетъ быть благомъ лишь для опредѣленныхъ

субъектовъ; никакое благо не является абсолютнымъ благомъ... собственно, никогда не слѣдуетъ говорить о благахъ вообще, всегда нужно имѣть въ виду лишь понятіе о благахъ для А, для Б, словомъ о благахъ для опредѣленныхъ субъектовъ".

Впрочемъ Бемъ-Баверкъ на ряду съ субъективной цѣнностью признаетъ существованіе и объективной цѣнности. Между ними онъ проводитъ слѣдующее дѣленіе.

1) Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ есть то значеніе, которое имѣетъ благо или совокупность благъ для хозяйственнаго благополучія субъекта. Въ этомъ смыслѣ мы скажемъ, что благо имѣетъ для насъ цѣнность, если мы сознаемъ, что обладаніе имъ необходимо для удовлетворенія какой нибудь нашей потребности; безъ этого блага мы должны были бы страдать отъ неудовлетворенія потребности, лишились бы какой нибудь пользы или удовольствія; поэтому мы придаемъ ему значеніе, мы *цѣнимъ* его, оно имѣетъ для насъ *цѣнность*.

2) Наоборотъ, цѣнность въ объективномъ смыслѣ есть сила или способность блага произвести извѣстный объективный результатъ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о питательной цѣнности извѣстнаго рода пищи, о цѣнности дерева и угля въ качествѣ источниковъ тепла и т. п. Въ подобномъ значеніи цѣнность равносильна понятіямъ силы и способности и не содержитъ въ себѣ никакого отношенія къ пользѣ и вреду субъекта. Но для экономиста изъ всѣхъ объективныхъ способностей благъ важнѣе всего объективная мѣновая цѣнность, т. е. объективное значеніе блага въ обмѣнѣ или способность блага получить взамѣнъ за себя извѣстное количество другихъ благъ.

Но на дѣлѣ представители психологической школы совсѣмъ забываютъ даже объ этомъ дѣленіи и оперируютъ исключительно съ субъективною цѣнностью.

На тѣхъ же субъективныхъ началахъ строитъ Бемъ-Баверкъ и свою теорію въ своемъ остроумномъ и талантливомъ трудѣ „Geschichte und Kritic d. Kapitals—und Kapitalszinstheorie".

Краеугольнымъ камнемъ всей теоріи дохода на капиталъ, развиваемой Бемъ-Баверкомъ, является мысль о соотносительномъ значеніи настоящаго и будущаго въ народномъ хозяйствѣ. „Какъ общее правило, говоритъ Бемъ-Баверкъ, блага настоящаго являются по техническимъ причинамъ болѣе совершеннымъ средствомъ удовлетворенія нашихъ потребностей и вслѣдствіе этого имѣютъ для насъ болѣе высокую предѣльную полезность, чѣмъ блага будущаго." Въ силу этого хозяйствующіе субъекты выше цѣнятъ блага настоящаго, блага будущаго — ниже. Таковъ основной мотивъ хозяйственной дѣятельности человѣка: какое бы хозяйство мы ни взяли, въ немъ всегда блага настоящаго будутъ выше цѣниться чѣмъ блага будущаго. Въ силу техническихъ условій благо, пущеное раньше въ процессъ производства, принесетъ въ данную минуту больше, чѣмъ благо, пущеное въ оборотъ позже. Въ силу этого мы всегда будемъ стараться заполучить благо воз-

можно скорѣе, чтобы раньше пустить его въ оборотъ и чтобы къ опредѣленному сроку оно успѣло пробыть возможно дольше въ процессѣ производства. Положимъ, что въ настоящее время мнѣ предлагаютъ столярный инструментъ, работая этимъ инструментомъ годъ, я къ концу срока покрою всю стоимость инструмента, все свое содержаніе и, быть можетъ, еще и деньгами припасу кое-что. Такимъ образомъ, обладаніе инструментомъ въ настоящемъ является источникомъ моего дальнѣйшаго благополучія, и не естественно ли что инструментъ въ настоящемъ я цѣню выше, чѣмъ инструментъ въ будущемъ. Это въ одинаковой степени справедливо и по отношенію къ предметамъ потребленія. Если я въ настоящее время достаточно обезпеченъ предметами потребленія, то нужда не заставитъ меня выбирать менѣе длинные и вслѣдствіе этого менѣе выгодные пути производства.

Отсюда уже становится яснымъ возникновеніе ссуднаго процента. Все дѣло здѣсь въ томъ, что заимодавецъ за свои блага настоящаго получаетъ благо будущаго: онъ ссужаетъ въ настоящемъ, а расплачиваются съ нимъ въ будущемъ. Въ виду этого и разумно и справедливо, что заимодавецъ требуетъ, чтобы ему въ будущемъ возвратили больше, чѣмъ онъ даетъ въ настоящемъ. Но такъ какъ и для должника блага настоящаго болѣе цѣнны, чѣмъ блага будущаго, то намъ легко согласиться на эту сдѣлку. Такова психологическая причина существованія процента на капиталъ. Основною причиною образованія предпринимательскаго дохода на капиталъ служитъ все та же психологическая черта хозяйствующихъ субъектовъ. Для процесса производства капиталисты покупаютъ, главнымъ образомъ, такіе предметы, которые сейчасъ не могутъ быть употреблены для удовлетворенія потребностей—сырье, машины, рабочія силы. Такія блага Бемъ-Баверкъ называетъ благами высшихъ порядковъ—они въ то же время, очевидно, блага будущаго. Покупая эти блага будущаго за благо настоящаго, капиталисты отдаютъ больше, чѣмъ получаютъ. Средства производства, употребляемыя капиталистомъ въ качествѣ благъ будущаго, въ настоящемъ цѣнятся ниже, чѣмъ будутъ въ будущемъ цѣниться произведенные ими продукты. Въ силу этого цѣнность произведенныхъ капиталистомъ продуктовъ всегда будетъ превышать цѣнность издержекъ производства. Этотъ излишекъ и составляетъ доходъ на капиталъ; получаемыя предпринимателемъ въ процессѣ производства блага будущаго (орудія производства), представляющія въ настоящемъ меньшую цѣнность, постепенно съ процессомъ изготовленія продуктовъ созрѣваютъ въ блага настоящаго и этимъ повышаютъ свою цѣнность. Таковъ источникъ предпринимательской прибыли.

Съ этой же точки зрѣнія Бемъ-Баверкъ объясняетъ и заработную плату. Онъ справедливъ. Требованіе рабочихъ получить полную цѣнность за продуктъ своего труда онъ признаетъ вполнѣ справедливымъ. Но затѣмъ оказывается слѣдующее: всякій можетъ требовать, чтобы „за продаваемое имъ *въ настоящемъ* благо ему

въ настоящемъ же уплачивали за него полную цѣнность. Но зато никто не имѣетъ права требовать, чтобы ему *въ настоящемъ* платили полную цѣнность за благо, которое лишь въ будущемъ поступитъ въ продажу. Рабочіе продаютъ капиталисту свой трудъ, который лишь въ будущемъ даетъ цѣнный продуктъ, слѣдовательно, они отчуждаютъ капиталисту благо будущаго. А между тѣмъ вознаградить ихъ надо раньше, чѣмъ будетъ оконченъ производственный процессъ, т. е. въ настоящемъ. Итакъ, капиталистъ получаетъ отъ рабочихъ благо будущаго платитъ имъ благомъ настоящаго, а такъ какъ блага будущаго, и настоящаго не равноцѣнны и первыя выше вторыхъ, то, естественно, за одно и то же количество благъ будущаго, получаемыхъ отъ рабочихъ, капиталистъ по справедливости долженъ уплатить имъ меньшую сумму благъ настоящаго, какъ болѣе цѣнныхъ. Вслѣдствіе этого, хотя рабочіе и не получаютъ полной цѣнности за будущій продуктъ своего труда, но при этомъ справедливость не нарушается, ибо отчуждаемое имъ *будущее* благо цѣликомъ вознаграждается. Соціалисты же требуя чтобы за 100 руб. будущаго рабочему давали сто же руб. въ настоящемъ, нарушаютъ этимъ самую элементарную справедливость. И въ соціалистическомъ государствѣ не будетъ уничтоженъ процентъ на капиталъ. Рабочему понадобится одинъ день для посадки столѣтняго дуба. Стало быть рабочій имѣетъ право требовать, чтобы ему за одинъ день труда выплатили всю цѣнность, которую принесетъ трудъ въ теченіе своего вѣкового существованія? Конечно, говоритъ Бемъ-Баверкъ, и въ соціалистическомъ государствѣ ему не уплатятъ всей этой цѣнности. Ею воспользуются другіе. А значитъ и тамъ будетъ существовать процентъ на капиталъ.

Мы изложили основныя воззрѣнія представителей австрійской школы, обратимся теперь къ ихъ общей оцѣнкѣ.

На первомъ планѣ стоитъ вопросъ о значеніи психологіи для политической экономіи. Это значеніе крайне преувеличено и совершенно невѣрно опредѣлено австрійской школой. Адольфъ Вагнеръ и Эмиль Заксъ прямо называютъ политическую экономію прикладной психологіей, т. е. лишаютъ ее всякаго самостоятельнаго характера. Политическая экономія оперируетъ съ человѣкомъ, какъ уже психически обособленнымъ приматомъ съ наличностью уже сложившихся основныхъ потребностей; наличность психической дѣятельности его *предполагается уже*, но не самое содержаніе спеціально-экономическаго опыта. Психологія имѣетъ для политической экономіи значеніе a priori, т. е. предпосылки, предварительнаго и неизбѣжнаго условія, но не вліяетъ на дальнѣйшее эволюціонирующее содержаніе экономическаго опыта, имѣетъ словомъ формальное, а не матеріальное значеніе. Англійскій экономистъ Джонъ Невиль Кейнсъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „Экономистъ не ищетъ объясненій физическихъ законовъ, отъ которыхъ зависитъ качество почвы, равно какъ не вдается въ анализъ тѣхъ эгоистическихъ

движеній въ душѣ земледѣльца и фермера, которыми опредѣляются условія заключаемой ими сдѣлки. И то, и другое для него факты, которые онъ долженъ не анализировать и объяснять, а констатировать и принять къ свѣдѣнію; и то и другое—не объектъ его изслѣдованія, а основанія для его построенія."

Каждый отдѣльный субъектъ долженъ считаться съ цѣнностью, какъ съ явленіемъ не отъ него зависящимъ и носящимъ принудительный характеръ. Изслѣдователь долженъ выяснить объективный законъ производства, формирующій цѣнности, но даже если заняться мотиваціей чувствъ отдѣльныхъ хозяйствующихъ субъектовъ то и тогда мы найдемъ, что субъекты эти считаютъ цѣнность свойствомъ товаровъ, а не выраженіемъ ихъ желаній, въ ихъ сознаніи объективный законъ цѣнности принимаетъ фетишистскую форму.

Конечно, „въ концѣ концовъ" цѣнность понятіе субъективное, т. е. человѣческое, но дѣлать изъ этого выводъ, что цѣнность зависитъ отъ субъективныхъ потребностей отдѣльнаго лица это то же самое, что изъ „субъективизма" Канта дѣлать выводъ, что міръ—это фантазія любого человѣка.. Зиммель мѣтко выразился по этому поводу:

„Какъ о принципѣ божества было замѣчено, что послѣ того, какъ оно сотворило элементы міра и одарило ихъ силами, оно отступило и предоставило все игрѣ взаимоотношенія силъ, также точно и въ области хозяйственной жизни мы, наградивъ вещи извѣстной цѣнностью, какъ бы ихъ собственнымъ качествомъ, затѣмъ предоставили ихъ процессу обмѣна, т. е. объективному механизму, взаимоотношенію безличныхъ силъ, который творятъ продукты, способные удовлетворять нашимъ потребностямъ."

Мы уже видѣли, что необходимость обмѣна погашаетъ субъективность оцѣнокъ и выравниваетъ субъективные оцѣнки въ объективную цѣнность. Необходимость выразить свои субъективныя потребности въ чисто количественной разницѣ денежныхъ знаковъ ведетъ къ нейтрализаціи субъективности.

Вторымъ крупнѣйшимъ недостаткомъ теоріи австрійской школы является ея неисторичность и ея игнорированіе общественныхъ факторовъ хозяйства.

Представители австрійской школы постоянно игнорируютъ, что современная экономическая теорія должна выяснить экономическіе законы современной организаціи производительныхъ силъ въ капиталистической формѣ ихъ эксплуатаціи. Любимыми персонажами у нихъ выступаютъ путешественники по пустынѣ съ опредѣленнымъ запасомъ воды и сухарей, одиноко-хозяйничающіе колонисты, охотники съ опредѣленнымъ запасомъ пищи и т. д.

Бемъ-Баверкъ, какъ мы видѣли, строитъ свою теорію дохода съ капитала на полномъ игнорированіи общественно-историческаго момента. Вѣдь онъ ставитъ полученіе процента въ зависимость отъ формы нашего мышленія—категоріи времени. А такъ какъ человѣкъ всегда существуетъ во времени, и такъ какъ бла-

годаря этому всегда существуетъ различіе между настоящимъ и будущимъ, то естественно, что и процентъ на капиталъ и самъ капиталъ существовалъ съ сотворенія міра или, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ вкусилъ отъ древа познанія. При этомъ Адамъ, если быть послѣдовательнымъ, долженъ быть признанъ Бемъ-Баверкомъ первымъ капиталистомъ: для него вѣдь тоже существовала категорія времени и затѣмъ „настоятельность потребности“ поведшая къ грѣхопаденію.

Удивительно ли послѣ всего сказаннаго, что Бемъ-Баверкъ приходитъ къ заключенію, что „даже въ одинокомъ хозяйствѣ Робинзона по необходимости должно было быть явленіе процента. Вѣдь и у него происходило возрастаніе цѣнности благъ, предназначенныхъ служить будущему.“ А такъ какъ, далѣе, и „въ соціалистическомъ государствѣ время не будетъ стоять, то и здѣсь блага будущаго будутъ постепенно созрѣвать въ блага настоящаго, и въ результатѣ дадутъ прибавочную цѣнность.“

Вся теорія предѣльной полезности исходитъ изъ предположенія, что передъ одиноко хозяйничающимъ субъектомъ находится опредѣленный, неподлежащій увеличенію запасъ благъ. Тогда конечно этотъ субъектъ будетъ оцѣнивать благо вполнѣ субъективно. руководясь предѣльною полезностью. Но какое же значеніе имѣетъ это по отношенію къ современному *мѣновому* хозяйству, гдѣ главные товары могутъ быть произведены въ любомъ количествѣ?

Австрійская школа выставляетъ положеніе, что цѣна продуктовъ тѣмъ ниже, чѣмъ больше ихъ количество и тѣмъ выше, чѣмъ количество ихъ меньше, ибо чѣмъ больше имѣется экземпляровъ товаровъ даннаго рода, тѣмъ полнѣе могутъ быть удовлетворены соотвѣтствующія потребности, тѣмъ менѣе важны послѣднія, еще подлежащія удовлетворенію потребности, которыя останутся неудовлетворенными, если однимъ экземпляромъ товара станетъ меньше, словомъ предѣльная полезность опредѣляетъ цѣнность.

На этомъ выводѣ дешевизны товаровъ изъ ихъ количества обнаруживается весьма частая ошибка теоретиковъ предѣльной полезности—смѣшеніе слѣдствія съ причиной. Почему, въ самомъ дѣлѣ, дешевые товары наиболѣе многочисленны? Огромное ли ихъ количество служитъ причиною ихъ дешевизны или, наоборотъ дешевизна ихъ ведетъ къ изготовленію ихъ въ огромномъ количествѣ? Краснорѣчивый и исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ „Нищетѣ философіи“ (1847) К. Маркса:

„Хлопокъ, картофель и водка, пишетъ Марксъ, представляютъ собою наиболѣе распространенные предметы потребленія. Картофель породилъ золотуху; хлопокъ въ большинствѣ случаевъ вытѣснилъ ленъ и шерсть, хотя эти послѣдніе продукты во многихъ отношеніяхъ—напр. съ чисто гигіенической точки зрѣнія—гораздо полезнѣе хлопка; водка взяла верхъ надъ пивомъ и виномъ, и хотя по общему признанію водка оказывается ядомъ,

однако же она употребляется въ качествѣ питательнаго вещества. Втеченіе цѣлаго вѣка правительства тщетно боролись съ этимъ европейскимъ опіемъ. Экономія побѣдила, она продиктовала законы потребленію.

„Почему же хлопокъ, картофель и водка стали краеугольнымъ камнемъ буржуазнаго общества? Потому что ихъ производство требуетъ наименьшаго труда и они имѣютъ вслѣдствіе этого наименьшую цѣну. А почему минимумъ цѣны обусловливаетъ максимумъ потребленія? Ужъ не вслѣдствіе ли абсолютной внутренней полезности дешевыхъ вещей, ихъ способности наилучшимъ образомъ удовлетворять потребностямъ рабочаго, какъ человѣка, а не человѣка какъ рабочаго? Нѣтъ, это потому, что въ обществѣ, основанномъ на нищетѣ, самые нищенскіе продукты имѣютъ роковое преимущество служить для потребленія массы“.

Въ силу сказаннаго и показаннаго теорія предѣльной полезности не въ состояніи объяснить намъ возникновеніе общественной организаціи людей въ процессѣ производства и ея историческихъ формъ.

Слабость психологической теоріи особенно ярко сказывается въ ея неумѣніи разобраться въ денежномъ кристаллѣ. Функція денегъ въ современной организаціи производительныхъ силъ служитъ самымъ яркимъ символомъ переживаемой нами стадіи экономической эволюціи; она знаменуетъ собою переходъ отъ непосредственной связи между потребителемъ и продуктомъ, отъ подчиненія производства потребленію къ діаметрально противоположнымъ отношеніямъ, когда потребителя отдѣлили отъ продукта рядомъ промежуточныхъ звеньевъ, когда главнокомандующая роль перешла въ хозяйствѣ отъ потребленія къ производству. Денежное хозяйство въ его развитой формѣ знаменуетъ собою господство безличныхъ, общественныхъ, объективныхъ условій производства надъ субъективными стремленіями и желаніями производителя. Поставивъ всѣ товары въ зависимость отъ рынка, давъ имъ всѣмъ одного и того выразителя—деньги, современный экономическій строй этимъ самымъ создалъ какъ бы центральную нервную систему капиталистическаго организма и этимъ возможность общаго разстройства отправленій всего этого организма. Поэтому теперь ни одна экономическая теорія не можетъ обойтись безъ объясненія значенія и появленія общаго эквивалента—денегъ. И вотъ, тогда какъ ученіе о деньгахъ составляетъ у Маркса одинъ изъ самыхъ блестящихъ отдѣловъ, у субъективной теоріи—это слабѣйшій пунктъ. Здѣсь эта теорія бьется въ замкнутомъ кругу.

Изложеніемъ и оцѣнкой ученія психологической школы мы заканчиваемъ очеркъ экономическихъ ученій XIX в.

За послѣдніе годы, правда, появилось много экономистовъ, пытавшихся, отчасти изъ остатковъ старыхъ теорій, отчасти изъ новыхъ началъ построить новыя теоріи. Въ частности появились многія замѣчательныя попытки дать синтетическую теорію изъ ученія Маркса и ученія теоретиковъ предѣльной полезности. Эти

попытки представляютъ очень большой научный интересъ, но въ *историческомъ* очеркѣ развитія экономической мысли, мы не можемъ заняться ихъ разсмотрѣніемъ.

Прежде всего, всѣ эти попытки находятся еще въ періодѣ броженія, онѣ выражаютъ скорѣе извѣстное настроеніе, чѣмъ разработанную теорію. Если имъ суждено вылиться въ форму законченныхъ теорій, то этими теоріями придется ужъ заняться историку экономической мысли *XX-аго* вѣка.

А намъ въ заключеніе этого очерка придется еще сказать нѣсколько словъ по вопросу о томъ, какія требованія вообще могутъ предъявляться экономической теоріи, такъ какъ по нашему мнѣнію, выясненіе этого вопроса способно устранить большинство недоразумѣній между современными экономическими ученіями. Начало девятнадцатаго вѣка застаетъ восходъ трудовой теоріи цѣнности, конецъ этого вѣка ознаменованъ безчисленными попытками доказать полный упадокъ этой теоріи. Вотъ по поводу этой именно новѣйшей оппозиціи противъ трудовой теоріи приходится поднять вопросъ—что же вообще можно требовать отъ научной экономической теоріи?

Трудовая теорія цѣнности отвергается въ настоящее время многими за ея абстрактность, несоотвѣтствіе пестрой, конкретной дѣйствительности. Указаніе это совершенно вѣрно, но при этомъ забываютъ, что безъ абстракцій мы вообще шагу не можемъ ступить въ наукѣ, и всѣ безъ исключенія науки построены на абстракціяхъ. Мы бы никогда не сумѣли разобраться въ безконечномъ хаосѣ милліоновъ воспріятій, если бы нашъ разумъ не вмѣшивался въ качествѣ законодательной власти въ этотъ хаосъ и не устанавливалъ въ немъ „порядка“, путемъ абстрагированія, классификаціи и вообще создаванія предметовъ спеціальнаго познанія. Можно, пожалуй, мечтать о наукѣ, которая бы познала дѣйствительность во всей ея конкретности и индивидуальности, но это—интеллектуальная утопія. Дѣйствительность, подобно французской республикѣ, едина и нераздѣльна и для „идеальнаго“, „божественнаго“ ума должна была бы существовать лишь одна наука. Къ этой утопіи постоянно стремится, ломая себѣ крылья, метафизика; нашъ же бѣдный человѣческій умъ не въ силахъ познать дѣйствительность въ ея единствѣ и нераздѣльности и вотъ нашъ умъ такъ сказать съ административною цѣлью искусственно отвлекаетъ, абстрагируетъ отдѣльные однородные стороны и элементы и создаетъ изъ нихъ объекты познанія для отдѣльныхъ наукъ. Такъ поступаетъ всякая наука и точно такъ же поступаетъ и объективная политическая экономія, и когда ей указываютъ, что ея абстракціи не совпадаютъ съ конкретною дѣйствительностью, то она можетъ только напомнить слова Гегеля: „Abstraktionen in Wirklichkeit gelten zu lassen, heisst die Wirklichkeit zerstören“.

Даже такая точная наука, какъ математика, поступаетъ не иначе. „Прямая линія является идеаломъ, подобно совершенному

газу. Поскольку я этотъ идеалъ считаю достигнутымъ, постольку прямая опредѣляется двумя точками. Съ тѣмъ же приближеніемъ, съ какимъ я могу или хочу разсматривать углы при основаніи треугольника какъ равные, я могу считать противолежащія стороны тоже равными. Другого смысла геометрическія теоріи не имѣютъ“ (Э. Махъ).

Поэтому указаніе на то, что фактически товары не обмѣниваются по трудовой цѣнности, также мало опровергаютъ эту теорію, какъ указаніе на то, что тѣла фактически не падаютъ по закону паденія, не опровергаетъ самого этого закона.

Многіе изъ новѣйшихъ противниковъ трудовой теоріи открыто признаютъ, что эта теорія была бы справедлива при идеальномъ обществѣ, если существовали бы не индивидуально хозяйничающіе капиталы, но раціонально и сознательно хозяйничающее общество. *Но признаніе значенія теоріи трудовой цѣнности при идеальныхъ условіяхъ означаетъ въ то же время признаніе научнаго значенія абстрактной трудовой теоріи*, такъ какъ—повторяемъ—всякая абстрактная теорія, всякій законъ, справедливъ лишь при идеальныхъ условіяхъ. Законъ паденія выводится лишь при предположеніи существованія тяготѣнія земли и массы даннаго тѣла, при этомъ совершенно абстрагируются отъ вліянія атмосферы, т. н. пертурбаціонныхъ вліяній. Эмпирически паденіе тѣла отклоняется отъ формулы абстрактнаго закона. То же самое наблюдаемъ мы и съ теоріей цѣнности. Она справедлива лишь при идеальныхъ условіяхъ, т. е. лишь тогда, когда хозяйствующее общество стоитъ лишь передъ природой, но въ эмпирической дѣйствительности приходится принять во вниманіе модифицирующее вліяніе, такъ сказать, соціальной атмосферы и создаваемое ею вліяніе соціальной зависимости. Выражаясь словами Дюринга „сверхъ сопротивленія, представляемаго природою, существуетъ и другое, чисто соціальное препятствіе, затрудняющее снабженіе человѣка нужными ему предметами. Между людьми и природой становится препятствующая сила въ лицѣ человѣка же. Изолированный человѣкъ свободенъ въ борьбѣ съ природою. Естественные матеріалы и силы безвозмездно состоятъ въ его распоряженіи; никто не заграждаетъ ему доступа къ природѣ и не требуетъ платы за пользованіе естественными силами. Но положеніе измѣняется, если мы представимъ себѣ другого человѣка, который, съ мечемъ въ рукахъ, охраняетъ путь къ природѣ и ея силамъ и требуетъ какого-либо рода платы за допущеніе къ нимъ“.

Еще одно обстоятельство огромной важности должно быть принято во вниманіе всѣми занимающимися абстрактной политической экономіей. Мы говоримъ о вовлеченіи въ область политической экономіи неэкономическаго, о приданіи экономической формы неэкономическаго содержанія.

„Такъ какъ существуетъ всеобщее раздѣленіе труда, только часть котораго составляетъ хозяйственное раздѣленіе, такъ какъ производители „матеріальныхъ благъ“ трудятся для производи-

телей „нематеріальныхъ благъ“, такъ какъ и тотъ и другой трудъ одинаково можно назвать производительнымъ, то благодаря этому область политической экономіи распространили на всю сферу общаго раздѣленія труда и нематеріальныя блага низвели до степени хозяйственныхъ благъ. Но политическая экономія охватываетъ только ту часть всеобщаго раздѣленія труда, которая состоитъ въ раздѣленіи труда для матеріальнаго производства, и если ея сфера охватываетъ также и матеріальные продукты, которые достаются на долю производителей нематеріальныхъ благъ, то, во всякомъ случаѣ, она не охватываетъ того эквивалента, который они даютъ за тѣ блага“. (Родбертусъ).

По образу мѣновыхъ цѣнностей, замѣчаетъ по этому поводу Марксъ, выражающихъ общественную организацію производительнаго труда, облекаются *въ форму* мѣновыхъ цѣнностей объекты, таковой организаціи сами по себѣ не выражающіе: товарную форму пріобрѣтаютъ такія напр. „нематеріальныя блага“, какъ совѣсть, честь и т. д., отчуждающіяся за деньги, и такія блага какъ земля, которая тоже продается какъ товаръ.

Эти факторы и вліянія отклоняютъ фактическую пропорцію, въ которой обмѣниваются товары отъ трудовой цѣнности, и приводятъ къ возникновенію ложныхъ или мнимыхъ цѣнностей. Экономистъ, озабоченный выведеніемъ эмпирическаго закона долженъ будетъ *внимательно учесть* эти факторы и вліянія, экономистъ, строящій абстрактную теорію долженъ *отвлечься* отъ существованія этихъ модифицирующихъ факторовъ и вліяній. А теорія трудовой цѣнности не эмпирическое обобщеніе, а абстрактный законъ.

П. Берлинъ.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Дѣла давно минувшихъ дней...

Профессоръ казанскаго университета Е. А. Бобровъ въ прошломъ и настоящемъ году напечаталъ въ видѣ приложенія къ ученымъ запискамъ университета три тома, собранныхъ имъ изъ разныхъ источниковъ историческихъ матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в.“. Содержаніе этого сборника, который, надо думать, будетъ еще продолжаться, относится къ нашей умственной жизни въ первой половинѣ минувшаго столѣтія и, преимущественно,—къ 20-мъ, 30-мъ и 40-мъ годамъ; но, несмотря на эту сравнительную отдаленность отъ нашего времени, представляетъ большой интересъ. Иногда небезполезно бываетъ оглянуться назадъ и сравнить прошлое съ настоящимъ, нѣсколько поразобраться въ свѣдѣніяхъ о томъ „старомъ времени“, которое, по привычкѣ, принято называть „добрымъ“, и посмотрѣть, совсѣмъ ли оно отошло отъ насъ въ область исторіи и можемъ-ли мы, подобно гетевскому Вагнеру, самодовольно говорить о томъ

Wie wir's dann zuletzt so herrlich weit gebracht!

Наибольшій интересъ представляютъ тѣ изъ собранныхъ и комментированныхъ почтеннымъ профессоромъ фактовъ, которые относятся къ старой университетской и, вообще—учебной жизни. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ эпизодъ изъ исторіи московскаго университета 30-хъ гг. или, вѣрнѣе, исторія одного изъ молодыхъ и талантливыхъ профессоровъ этого университета,—В. С. Печерина, ставшаго эмигрантомъ и священникомъ іезуитскаго ордена. Какъ извѣстно, въ прежнее время у насъ совсѣмъ не рѣдкостью были случаи перехода русскихъ людей въ католическую вѣру— и среди этихъ людей бывали не однѣ только скучающія свѣтскія барыни, увлекаемыя ловкими проповѣдниками, попадались люди и очень серьезные, очень развитые, стоявшіе головой выше окружающаго ихъ русскаго общества. Душевная исторія этихъ людей, въ большинствѣ случаевъ, остается для насъ загадкой, и

даже внѣшніе факты ихъ жизни очень мало кому извѣстны. Тщательнымъ подборомъ свѣдѣній о Печеринѣ проф. Бобровъ до нѣкоторой степени освѣщаетъ эту душевную исторію, приподнимая край той завѣсы, которая скрываетъ отъ насъ внутренній процессъ, приводившій къ подобнымъ обращеніямъ. Съ этой точки зрѣнія Печеринъ представляетъ большой интересъ не какъ личность, а какъ типъ человѣка, оказавшагося „лишнимъ“ у себя на родинѣ; онъ пришелся „не ко двору“—и вынужденъ былъ, очертя голову, бѣжать съ этого двора, куда глаза глядятъ, лишь-бы не видѣть и не слышать того, что дѣлается кругомъ.

Молодой ученый еще въ ранней юности, на студенческой скамьѣ, обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями и основательнымъ знаніемъ классической филологіи, которой онъ и рѣшилъ посвятить свои занятія. Превосходный эллинистъ, ученикъ знаменитаго въ свое время Грефе, Печеринъ, вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, былъ командированъ для научнаго усовершенствованія въ Берлинъ. Къ этому времени онъ успѣлъ зарекомендовать себя и въ литературѣ нѣсколькими прекрасными переводами изъ Шиллера и изъ греческой антологіи. Вообще, это былъ человѣкъ, неспособный погрузиться всецѣло въ сухую науку,—человѣкъ, душа котораго была раскрыта для всѣхъ впечатлѣній жизни и жадно стремилась къ истинѣ и свѣту. И вотъ, прямехонько изъ „грибоѣдовской“ Москвы молодой ученый, еще не видавшій настоящаго свѣта, попадаетъ въ Европу. Здѣсь, прежде всего, поражается онъ непріязненнымъ отношеніемъ европейцевъ къ русскимъ: въ Россіи всѣ видятъ силу могучую, но враждебную духовной культурѣ; „ненависть къ русскимъ—повсемѣстная и вопіющая; часто приходится скрывать свою національность, чтобы встрѣтить привѣтливый взглядъ и ласковое слово иностранца; насъ считаютъ гуннами, грозящими Европѣ новымъ варварствомъ; пр..фессора провозглашаютъ это съ каѳедръ...“ Таковы были рѣзкія впечатлѣнія, поразившія не одного только Печерина, но и другихъ тогдашнихъ „студентовъ профессорскаго института“, его товарищей по заграничной командировкѣ.

Лѣтомъ 1835 г. Печеринъ вернулся въ Россію. Никитенко хлопоталъ, чтобы его оставили въ Петербургѣ, но начальство отправило его въ Москву,—мѣсто для него совершенно новое, гдѣ, вдобавокъ, еще рѣзче нежели въ Петербургѣ бросались въ глаза неевропейскія черты и явленія. Такимъ образомъ — „изъ Европы онъ былъ заброшенъ въ Азію“.

Молодой профессоръ въ самое короткое время составилъ себѣ блестящую репутацію глубокаго знатока древности и увлекательнаго лектора. Но въ немъ уже подготовлялась та внутренняя буря, которая скоро должна была привести его къ катастрофѣ. Печеринъ не могъ, да и не хотѣлъ приспособиться къ окружавшей его профессорской средѣ. Онъ глубоко презиралъ своихъ коллегъ по университету, какъ людей безнравственныхъ, отсталыхъ

въ наукѣ, раболѣпныхъ предъ начальствомъ, жадныхъ до денегъ и отличій, не имѣющихъ никакихъ идеальныхъ интересовъ и мотивовъ. И что въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ,— это видно изъ того, что даже и такой неразборчивый человѣкъ, какъ Погодинъ, и тотъ называлъ своихъ товарищей по профессорству „дуботолками“ и разсказывалъ, какъ они берутъ взятки даже полотенцами, содержатъ пансіонеровъ, готовя ихъ къ университетскимъ экзаменамъ. А одинъ изъ этихъ старыхъ „дуботолковъ“, когда при немъ стали хвалить молодого преподавателя, только-что вернувшагося изъ Италіи, пренаивно отвѣчалъ: „Ну, не хвалите прежде времени,—поживетъ съ нами, такъ поглупѣетъ!“.

Въ началѣ профессорской дѣятельности Печерина, его нѣсколько еще поддерживала вѣра въ науку, любовь къ классической филологіи; изъ міра окружавшей его пошлости, невѣжества, раболѣпства онъ уходилъ въ завѣтный міръ греческаго искусства и поэзіи и тамъ искалъ утѣшенія и свѣтлыхъ впечатлѣній. Но скоро и это послѣднее убѣжище перестало привлекать его: онъ разочаровался въ своей наукѣ, потому-что по натурѣ своей не могъ обратиться въ узкаго спеціалиста, и мало-по-малу пришелъ къ отрицанію науки съ точки зрѣнія общественности и нравственности, а это сознаніе не могло не привести его къ мысли, что въ русскомъ обществѣ, которое еще не доросло до науки, онъ —„лишній“. Проф. Бобровъ замѣчаетъ, что „не ѣзди Печеринъ заграницу,—жизнь его приняла-бы, несомнѣнно, другой, болѣе *нормальный* оборотъ, и онъ, быть можетъ, принесъ-бы болѣе пользы родинѣ“. Мы не совсѣмъ ясно понимаемъ это замѣчаніе; вѣдь, мы знаемъ, въ чемъ состоялъ *нормальный* оборотъ жизни тогдашняго русскаго образованнаго человѣка: если онъ не бѣжалъ отъ окружавшихъ его условій въ кабакъ, то, махнувъ на все рукой, становился „какъ всѣ“ и рѣшалъ, подобно цитируемому въ той-же статьѣ профессору Іовскому, что иначе и нельзя, потому что „съ нашими подлецами ничего не подѣлаешь“. Такая же перспектива представлялась, вѣроятно, и Печерину,—„не ѣзди онъ заграницу“; но можно-ли было-бы отъ этого ожидать большей пользы для родины?

Какъ Чацкій, который тоже съѣздилъ въ свое время заграницу и, вернувшись въ родную Москву, долженъ былъ бѣжать изъ нея, — „искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“, —такъ не выдержала и впечатлительная, пылкая натура Печерина. Лѣтомъ 1836 г. онъ отправился на лѣтнія вакаціи заграницу—и покинулъ Россію навсегда. Профессоръ Бобровъ не обратилъ вниманія на одно замѣчательное совпаденіе: Печеринъ уѣхалъ изъ Россіи въ то самое время, когда разыгралась печальная исторія надеждинскаго „Телескопа“, гдѣ Чаадаевъ, въ своемъ знаменитомъ „Философскомъ письмѣ“, бросилъ своей родинѣ рѣзкое названіе „города мертвецовъ“. Настроеніе Печерина и Чаадаева было совершенно одинаково: и тотъ и другой пришли въ отчаяніе и не въ силахъ были хоть чѣмъ-нибудь

его смягчить, хоть гдѣ-нибудь разсмотрѣть слабый проблескъ свѣта. „Кругомъ—глушь, молчаніе,—все было безотвѣтно, безчеловѣчно, безнадежно и притомъ — чрезвычайно плоско, глупо и мелко“,—такъ характеризуетъ эту пору нашей жизни одинъ современникъ Печерина, говоря о причинахъ его бѣгства изъ Россіи. „Взоръ, искавшій сочувствія, встрѣчалъ лакейскую угрозу или испугъ; отъ него отворачивались или оскорбляли его. Печеринъ задыхался въ этомъ неаполитанскомъ гротѣ рабства; имъ овладѣлъ ужасъ, тоска, надобно было бѣжать, во что бы то ни стало“.

Черезъ нѣкоторое время бывшій профессоръ написалъ попечителю, графу Строганову, письмо, гдѣ увѣдомлялъ о томъ, что больше не воротится въ Россію. Благодаря Строганова за себя лично и прощаясь съ нимъ, Печеринъ говорилъ о невыносимой духотѣ, отъ которой онъ бѣжалъ, и заклиналъ его беречь молодыхъ профессоровъ, обреченныхъ своимъ развитіемъ на тѣ-же страданія, быть ихъ щитомъ отъ ударовъ грубой силы. Онъ говоритъ, что возвращался на родину убаюкиваемый сладкими мечтами, но на границѣ прозрѣлъ ожидавшую его будущность, прочиталъ зловѣщую надпись надъ вратами дантова Ада. „Вы призвали меня въ Москву... Ахъ, графъ! Сколько зла вы мнѣ сдѣлали, сами того не желая! Когда я увидѣлъ эту грубоживотную жизнь, эти униженныя существа, этихъ людей безъ вѣрованій, безъ Бога, живущихъ лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться какъ животныя,—этихъ людей, на челѣ которыхъ напрасно было бы искать отпечатка ихъ Создателя—когда я увидѣлъ все это, я погибъ! Я видѣлъ себя обреченнымъ на то, чтобы провести съ этими людьми всю мою жизнь, я говорилъ себѣ: кто знаетъ? быть можетъ, время, привычка, приведутъ тебя къ тому же результату; ты вынужденъ будешь спуститься до уровня этихъ людей, которыхъ ты теперь презираешь; ты будешь валяться въ грязи ихъ общества; ты станешь, какъ они, благонамѣреннымъ старымъ профессоромъ, насыщеннымъ деньгами, крестиками и всякой мерзостью. Тогда моимъ сердцемъ овладѣло глубокое отчаяніе, неизлечимая тоска. Мысль о самоубійствѣ, какъ черное облако, носилась надъ моимъ умомъ. Я поклялся въ ненависти вѣчной, непримиримой ко всему, меня окружавшему... Я сталъ въ прямой разрѣзъ съ вещественною жизнью: я началъ вести жизнь аскетическую; я питался хлѣбомъ и оливками, а ночью у меня были видѣнія... Я извлекъ изъ своего измученнаго сердца нѣсколько капель крови и подписалъ окончательный договоръ съ дьяволомъ, а этотъ дьяволъ — *мысль*!..“

Покинувъ Россію, Печеринъ, повидимому, хотѣлъ сначала примкнуть къ соціальнымъ и революціоннымъ движеніямъ. Онъ изъ Лугано переселился въ Парижъ, а оттуда—въ Цюрихъ, гдѣ добивался натурализаціи. Но дѣло, кажется, нѣсколько неожиданно для него самого, разрѣшилось переходомъ его въ католи-

чество, принятіемъ монашества и поступленіемъ въ іезуиты. Последнюю половину своей жизни онъ провелъ въ Ирландіи, гдѣ сталъ въ ряды ревностныхъ поборниковъ „воинствующей церкви" и публично, на площади, жегъ протестантскія библіи. Но въ этомъ, конечно, не могла найти успокоенія его изстрадавшаяся душа. Проф. Бобровъ приводитъ характерное стихотвореніе Печерина, въ которомъ сказалась эта вѣчно неудовлетворенная душевная жажда, его сгубившая: „Ахъ, повѣрь, — и мнѣ не чужды были ласки матери родной, и друзья мнѣ счастіе сулили, и звѣзда свѣтила надо мной! Но я слышалъ гласъ красы незримой: этотъ гласъ меня очаровалъ; я отца и мать, и край родимый,—все на жертву ей отдалъ! Гдѣ ты? гдѣ краса небесная? гдѣ? въ какой странѣ тебя найду? за горами ли высокими? за морями ли широкими? — всюду за тобой пойду! Предо мной вездѣ она мелькала и манила за собой; я—за ней, она вдругъ исчезала, будто призракъ въ тьмѣ ночной. И теперь бездомнымъ сиротою по міру одинъ брожу, сладкаго вездѣ ищу покою — и нигдѣ не нахожу!"

Печеринъ умеръ,кажется, въ началѣ 80-хъ годовъ: достовѣрно неизвѣстно; да и, вообще, его біографія,—по крайней мѣрѣ, для насъ—не существуетъ. Кусочки, старательно подобранные изслѣдователемъ, словно куски разбитой статуи, далеко не даютъ возможности возстановить ее въ цѣльномъ видѣ...

Исторія Печерина вскрываетъ передъ нами, такъ сказать, идейную изнанку „добраго стараго времени". Фактическая изнанка этой поры обнаруживается изъ другой исторіи, также изложенной проф. Бобровымъ по документамъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Историческаго Вѣстника", въ статьѣ г. Малиса „Пироговъ и Булгаринъ", мимоходомъ упоминается о томъ, какъ, отдана была въ солдаты петербургская медико-хирургическая академія, переданная изъ вѣдомства гражданскаго въ вѣдѣніе военнаго министерства и спеціально — въ департаментъ военныхъ поселеній, подъ властную руку ученика и сподвижника Аракчеева и достойнаго продолжателя его дѣлъ, графа Петра Андреевича Клейнмихеля. Случилось это въ 1838 году, и проф. Бобровъ подробно разсказываетъ о первомъ мѣропріятіи новаго военнаго начальства относительно ввѣреннаго ему учебнаго заведенія.

Президентъ академіи, знаменитый баронетъ Виллie, когда-то обратилъ вниманіе на способнаго фельдшера изъ поляковъ, Яна Сочинскаго, и зачислилъ его въ казеннокоштные студенты фармацевтическаго отдѣленія. Сочинскій прошелъ полный курсъ фармаціи, но на выпускномъ экзаменѣ „срѣзался" у профессора химіи Нечаева и долженъ былъ остаться на 3-мъ курсѣ на второй годъ. По прошествіи года Нечаевъ опять поставилъ ему неудовлетворительную отмѣтку. Сочинскій, которому въ то время было уже 35 лѣтъ, слезно умолялъ профессора оказать ему снисхожденіе, представляя, что онъ—человѣкъ крайне бѣдный,

что мать и сестра его живутъ въ нищетѣ и что его единственная забота—доставить имъ кусокъ хлѣба, ради чего онъ и стремится получить мѣсто „гезеля" въ какой-нибудь аптекѣ. Нечаевъ согласился дать ему переэкзаменовку, но опять-таки поставилъ неудовлетворительный баллъ. Тутъ Сочинскій, дошедшій до отчаянія, рѣшился погубить себя, но вмѣстѣ—и того, кто довелъ его до этого состоянія. Чтобы избѣжать послѣдствій своего поступка, онъ принялъ яду, но—или за неимѣніемъ средствъ, или по трудности добыть его—прибѣгнулъ къ свинцовому сахару, средству, дѣйствующему медленно и слабо. Принявъ ядъ, онъ вбѣжалъ въ залъ конференціи во время ея засѣданія и со словами: „Варваръ! ты—моя обреченная жертва!" бросился на Нечаева съ перочиннымъ ножемъ. Нечаевъ сталъ защищаться кресломъ, а сосѣдъ его, проф. Калинскій, схватилъ Сочинскаго за руку и получилъ рану въ животъ. Подоспѣвшіе на помощь служители схватили и обезоружили Сочинскаго. У него обнаружились припадки отравленія, но проф. Буяльскій сейчасъ-же далъ ему противоядіе: его необходимо было спасти, чтобы затѣмъ погубить позорно. Судъ приговорилъ Сочинскаго прогнать сквозь строй, черезъ 500 человѣкъ: такое количество шпицрутеновъ считалось въ ту пору *минимальнымъ*. Но для гр. Клейнмихеля было мало этого наказанія одного несчастнаго человѣка: онъ рѣшилъ за преступленіе одного подвергнуть тяжелой нравственной пыткѣ всѣхъ студентовъ академіи. По его приказу, съ нихъ взято было письменное обязательство присутствовать при экзекуціи, подъ угрозой исключенія изъ академіи, съ лишеніемъ права поступить въ какое-либо учебное заведеніе въ предѣлахъ Россіи. Впечатлѣніе, произведенное на студентовъ этимъ зрѣлищемъ казни, было ужасающее: многіе упали въ обморокъ, другіе истерически плакали, третьи скрежетали зубами, сжимали кулаки... Наконецъ кончилась экзекуція, а вмѣстѣ съ нею—и жизнь несчастнаго Сочинскаго. Трупъ его былъ увезенъ въ больницу арестантскихъ ротъ; видѣвшіе его тамъ студенты съ ужасомъ разсказывали, что межреберныя мышцы пробиты были до самой грудной плевы, которую можно было видѣть, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и она была разрушена до самаго легкаго...

Въ видѣ комментарія къ этому разсказу о „добромъ" старомъ времени, проф. Бобровъ приводитъ историческую справку о самомъ наказаніи шпицрутенами или прогнаніемъ „сквозь строй". Наказаніе это изобрѣтено въ 17-мъ вѣкѣ въ Германіи, откуда, въ числѣ другихъ даровъ западной культуры, признанныхъ подходящими для русскаго просвѣщенія, перенесено было и къ намъ. Съ легкой руки Петра Великаго, шпицрутены получили чрезвычайно широкое распространеніе въ уголовной практикѣ нашихъ военныхъ судовъ. Надъ усовершенствованіемъ битья этимъ способомъ трудились государственные люди, занимавшіе очень высокое положеніе, какъ, напр., знаменитый другъ Александра I, Аракчеевъ, которому и удалось довести это наказаніе до такой

степени совершенства, что оно, по свидѣтельству современниковъ, „превосходило все, что человѣкъ могъ придумать звѣрскаго и ужаснаго: всѣ роды смертей и казней, всѣ пытки инквизиціи блѣднѣли предъ этимъ страшнымъ истязаніемъ“, исходъ котораго, обыкновенно, бывалъ смертеленъ,—да и не могъ быть инымъ. Въ недавнее время,—лѣтъ 15 тому назадъ,—одинъ изъ нашихъ ученыхъ юристовъ, приватъ-доцентъ А. Г. Тимофѣевъ, въ своей книгѣ „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ“, пространно разсуждалъ о важномъ значеніи шпицрутеновъ въ Россіи и даже доказывалъ ихъ необходимость: „Появленіе шпицрутеновъ“, говоритъ онъ, „вызвано было не простымъ подражаніемъ западнымъ обычаямъ и порядкамъ, но и существенными домашними потребностями (потребность въ шпицрутенахъ!). Это наказаніе выполнялось не рукою палача, а товарищами осужденнаго, не лишало его добраго имени, а въ то же время было достаточно примѣрно и допускало самое разнооообразное примѣненіе; притомъ, оно употреблялось въ культурныхъ западноевропейскихъ государствахъ, примѣръ которыхъ при начавшемся сформированіи арміи, конечно, долженъ былъ имѣть большое значеніе“, и т. д. Въ эпоху Николая I, за отмѣною кнута, плетей и клейменія для военно-служащихъ, шпицрутены остались главнымъ, даже единственнымъ видомъ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду. Число ударовъ въ мирное время не должно было превышать 6000; но въ видѣ исключенія, съ Высочайшаго утвержденія, могло доходить и до 12 тысячъ. Въ этомъ размѣрѣ оно дѣйствительно и назначалось — взамѣнъ смертной казни. Повелѣвая наказать такимъ образомъ двухъ евреевъ за карантинное преступленіе, императоръ Николай написалъ на рапортѣ: „Виновныхъ прогнать сквозь 1,000 чел. 12 разъ. Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало, и не Мнѣ ее вводить“.

Читая эти повѣствованія о дѣлахъ давно минувшихъ дней, въ сухомъ, документальномъ изложеніи, которое не разбавлено ни однимъ лишнимъ словомъ, невольно припоминаешь слова великаго русскаго мыслителя:

„Медленно идетъ наше развитіе—срывается съ дороги... А какъ пріостановишься, оботрешь потъ съ лица, а иной разъ и слезы, да посмотришь назадъ,—а пути-то сдѣлано много!“

П. Морозовъ.

По вопросу о природовѣдѣніи.

Несмотря на кажущійся серьезнымъ поворотъ въ педагогическомъ мірѣ въ пользу необходимости введенія въ курсъ средней школы природовѣдѣнія, истиннаго педагога беретъ всетаки страхъ не только за гибель начатаго дѣла, но пожалуй и за водвореніе прежняго порядка обученія, завѣщаннаго средневѣковой схоластикой.

„Развѣ возможно“, говорилъ иронически одинъ классикъ, „на какихъ нибудь букашкахъ и таракашкахъ, на тычинкахъ и пестикахъ, на разныхъ камешкахъ развивать умъ и способности учащихся! Развѣ можно думать о формальномъ развитіи, когда ученики, оставивъ классъ, станутъ болтаться по полямъ и лугамъ, по горамъ и лѣсамъ, и заниматься тѣми объектами природы, которые извѣстны имъ съ пеленокъ и которые набили оскомину еще до школы! Одинъ берлинскій ученый, нѣкій Артуръ Шульцъ, проповѣдывалъ даже возможность вести все обученіе на вольной природѣ, а классомъ пользоваться только съ цѣлью записи видѣннаго, да развѣ для отдыха и согрѣва въ ненастное время. Risum teneatis amici...“

Реалисты (по крайней мѣрѣ ихъ большинство), въ которыхъ общество расчитывало найти помощь и поддержку новому естественно-историческому теченію, далеко не оправдываютъ его ожиданій и, съ своей стороны, представляютъ резоны противъ увлеченій и крайностей новоявленныхъ „дарвинистовъ“, „матеріалистовъ“ и тому подобныхъ естественниковъ новѣйшей формаціи. Они изволятъ свысока высказывать, что реформу средней школы признать согласны, но только съ условіемъ, чтобы преподаваніе естествовѣдѣнія велось, по прежнему, въ четырехъ стѣнахъ школы и чтобы экскурсіями въ природу ученики пользовались, pour la bonne bouche, въ концѣ курса, какъ бы въ награду за прилежаніе и усердіе по классныиъ занятіямъ. Надо, по ихъ мнѣнію,

сначала въ классѣ подготовить учащихся къ тому, что ихъ встрѣтить въ общежитіяхъ природы (на лугахъ, рѣкахъ, въ лѣсу и т. д.), а затѣмъ уже отправляться путешествовать на поиски случайныхъ предметовъ и явленій этихъ общежитій, часто невзрачныхъ и бѣдныхъ, да и во всякомъ случаѣ не чреватыхъ какими либо научными благами. Кстати, замѣчаютъ они: занятія на вольной природѣ, экскурсіи грозятъ множествомъ неблагопріятныхъ условій при проведеніи въ жизнь. Онѣ требуютъ увеличенія штата учителей, большихъ расходовъ для заведеній и для экскурсантовъ, грозятъ здоровью учащихся, дисциплинѣ, нравственности и т. п.

Словомъ, было плохо въ школѣ безъ естествознанія, будетъ пожалуй не менѣе, если не болѣе плохо и съ природовѣдѣніемъ. Куда ни кинь, все клинъ. Однако, какъ ни умны и ни опытны гг. классики и реалисты, тѣмъ не менѣе каждый изъ интересующихся дѣломъ школы имѣетъ право усомниться относительно утвержденій этихъ спеціалистовъ. Dubito ergo sum. Требуется провѣрка ихъ воззрѣній. Провѣрка же основывается не только на знакомствѣ съ данными тѣхъ или другихъ словесныхъ или реальныхъ знаній, но непремѣнно на знакомствѣ съ научной педагогіей и пайдологіей (наука о природѣ ребенка).

Все наше наглядное знаніе внѣшняго міра состоитъ только изъ чувственныхъ впечатлѣній и безсознательной работы памяти (Гельмгольцъ). Знаніе это пріобрѣтается при помощи органовъ внѣшнихъ чувствъ и движенія, каковые (органы) упражняются и развиваются главнымъ образомъ на предметахъ и явленіяхъ живой и мертвой, органической и неорганической природы. Вайцъ говоритъ: „Отчетливость и усвоеніе чувственныхъ предметовъ, легкость схватыванія, быстрое и вѣрное распознаваніе отличительныхъ существенныхъ чертъ въ крупномъ цѣломъ, полное расчлененіе всего видимаго на его элементы — все это пріобрѣтается спеціальнымъ упражненіемъ и притомъ только при посредствѣ предметовъ природы“.

По мнѣнію опытнаго въ природовѣдѣніи германскаго педагога Lay'a, „въ цѣляхъ наглядности необходимо, чтобы естественными предметами пользовались по возможности въ присущихъ имъ качествахъ и отношеніяхъ среди вольной природы. На вольной природѣ встрѣчаемъ мы живыя существа, свѣжія краски, самыя естественныя движенія, живѣйшіе голоса, естественное развитіе, гармонію въ зависимости, единство въ разнообразіи, — словомъ, полное цѣлое. Не отдѣльные факты, не отдѣльныя явленія, но непрерывность и однородность опытныхъ данныхъ, — вотъ что производитъ глубокое, рѣшительное вліяніе на душу ребенка“.

„Какое вліяніе вообще“, спрашиваетъ Lay, „на человѣка оказываетъ природа сама по себѣ, видно изъ того, что въ об-

щеніи съ нею онъ научается мыслять и чувствовать. На это указываютъ первѣйшія открытія и изобрѣтенія, естественныя религіи, равно и то обстоятельство, что коренныя слова языковъ первоначально имѣли чувственное значеніе и были наибольшею частью заимствованы изъ природы. Если же мы при преподаваніи не станемъ ограничиваться однимъ только зрительнымъ познаваніемъ (наглядностью), но пожелаемъ дойти до познаванія болѣе совершеннаго, зрѣлаго, то можемъ обогатиться большимъ запасомъ представленій, большею очевидностью и ясностью чувственныхъ элементовъ отдѣльныхъ предметовъ, а благодаря частому упражненію въ отчетливомъ сравниваніи и различеніи, и болѣе точнымъ сужденіемъ касательно чувственныхъ вещей. При чувственной наглядности учащіеся кромѣ того упражняются въ большинствѣ тѣхъ операцій, которыми впослѣдствіи имъ придется подобнымъ же образомъ пользоваться на предметахъ отвлеченныхъ въ цѣляхъ умственнаго развитія, а именно, въ отчетливомъ и вѣрномъ улавливаніи многообразія, въ расчлененіи его на составныя части и въ точномъ сравниваніи съ аналогичными вещами. Всѣ эти дѣятельности при многократномъ упражненіи входятъ въ привычку, становятся потребностью. При всякомъ ассоціаціонномъ процессѣ мы сопоставляемъ понятія, имѣемъ дѣло съ рядами понятій, сужденій, умозаключеній и пр. Все это можетъ происходить только по аналогіи съ пространственными воспріятіями и выполняется тѣмъ лучше, чѣмъ многостороннѣе и опредѣленнѣе усваиваются эти воспріятія: стоитъ вспомнить лишь такія выраженія какъ „смотрѣть", „обозрѣть", „просмотрѣть" въ ихъ примѣненіи къ умственнымъ объектамъ. Благодаря тому же самому, кстати, представляется превосходный случай къ отчетливому и ловкому пользованію языкомъ, и вещественныя неточности и неправильности скорѣе всего могутъ быть обнаружены предъ глазами ученика".

Благодаря знакомству съ естественными явленіями, съ естествознаніемъ совершенствуется важнѣйшая способность ума—наблюдательность, прогрессирующая по мѣрѣ ея упражненія надъ наблюдаемыми предметами и явленіями. Для удобства и упроченія въ памяти наблюдаемаго необходимо знакомиться съ любымъ естественнымъ предметомъ въ связи его съ окружающей средой, со всей его жизненной обстановкой, но не въ изолированномъ, выведенномъ изъ этой связи видѣ.

Естественные предметы и явленія важны, цѣнны для насъ постольку, поскольку они намъ пріятны или непріятны, полезны или вредны, поскольку жизненны, т. е. поскольку входятъ въ тѣсное взаимодѣйствіе съ нами, съ нашимъ тѣломъ и духомъ. Знакомство съ ними интересуетъ, радуетъ, удовлетворяетъ человѣка въ ихъ природномъ, дѣвственномъ состояніи, и потому его еще ребенкомъ влечетъ живая природа, влечетъ тѣмъ скорѣе и сильнѣе, чѣмъ она болѣе непосредственна, первобытна, дика. Съ малыхъ лѣтъ человѣкъ интересуется окружающей природой;

ребенокъ—натуралистъ отъ рожденія. Всѣ внѣшніе признаки животныхъ и растеній, ихъ ростъ и развитіе, ихъ взаимоотношенія между собой, съ атмосферой и почвой—все это заставляетъ человѣка сосредоточивать на нихъ вниманіе, ближе и ближе наблюдать ихъ, знакомиться съ ними и входить въ болѣе и болѣе тѣсное съ ними отношеніе. Такое внѣшнее, пожалуй поверхностное, знакомство съ естественными явленіями и удовлетворяетъ, да и вполнѣ достаточно въ пору ранняго возраста, когда способность къ отвлеченному мышленію, къ глубокому и строгонаучному изученію природы еще не обнаруживается, но только подготовляется, проявляется лишь въ слабомъ, зачаточномъ видѣ. Занятія естественными предметами и явленіями внѣ условій вольной природы, въ четырехъ стѣнахъ лабораторіи или класса, не представляютъ ни интереса, да собственно и пользы въ дѣтскомъ возрастѣ, и прямо можно—сказать относятся къ порѣ послѣднихъ классовъ средней школы, если не исключительно къ порѣ школы высшей. Исключенію подлежатъ развѣ элементарныя явленія физики и химіи. По словамъ Россмеслера, физика и химія скорѣе, чѣмъ ботаника, зоологія и минералогія, годятся для начальнаго обученія, и именно потому, что множество совершаемыхъ по ихъ законамъ явленій встрѣчается ребенку на каждомъ шагу.

Прислушаемся, что говоритъ по отношенію къ ознакомленію съ природою одинъ изъ восторженнѣйшихъ ея поклонниковъ, берлинскій педагогъ Артуръ Шульцъ. „Дѣти“, говоритъ онъ, „стремятся сами собой расширить свой умственный кругозоръ и помимо школы сначала на ближайшемъ окружающемъ, а потомъ и на предметахъ болѣе отдаленныхъ, и такимъ образомъ постепенно переходятъ отъ близкаго къ далекому, отъ легкаго къ трудному. Этихъ указаній природы слѣдовало бы, повидимому, и держаться. Но оказывается на дѣлѣ, что ближайшимъ и легчайшимъ считаютъ чтеніе, письмо, счисленіе, и съ нихъ считаютъ должнымъ начинать обученіе. Далѣе,—въ цѣляхъ движенія, ради наглядности прибѣгаютъ къ помощи раскрашенныхъ картинъ и на нихъ показываютъ рѣку, пароходъ, телѣгу, различныхъ животныхъ, т. е., посвящаютъ ребенка въ тайны жизни и естествознанія. И все это обученіе происходитъ въ четырехъ стѣнахъ, въ спертомъ, испорченномъ воздухѣ, при недостаточномъ свѣтѣ, въ сидячемъ положеніи, за неподходящимъ большею частью столомъ!

„Представленія, какими можетъ вообще обладать человѣкъ, относятся къ отдѣльнымъ предметамъ природы и къ ихъ взаимодѣйствію, затѣмъ къ отдѣльнымъ людямъ и ихъ отношеніямъ въ семьѣ, обществѣ и государствѣ. Чѣмъ глубже и прочнѣе пониманіе природы, тѣмъ лучше узнаемъ мы человѣка, тѣмъ болѣе подходимъ къ уразумѣнію того, отъ чего зависитъ наше умѣніе жить и наше счастье. Вотъ почему необходимо перенести обученіе въ самую природу, благодаря ей могутъ единовременно упражняться и силы тѣлесныя и силы умственныя, не нарушая нравственной стороны.

„Одна прогулка съ дѣтьми, сопровождаемая бесѣдой о встрѣчающихся на каждомъ шагу предметахъ, несравненно будетъ цѣннѣе того, что они пріобрѣтутъ за 20 часовъ, проведенныхъ въ классѣ. Простое описаніе предметовъ въ классѣ или описаніе ихъ объ руку съ ссылкой на рисунки не могутъ идти и въ сравненіе съ нагляднымъ обученіемъ окружающему на мѣстѣ его дѣйствія, съ дѣйствительными предметами.

„Далѣе, надо знать, что никогда дѣти не бываютъ такъ послушны, какъ на загородной экскурсіи. Къ тому же не въ дѣтяхъ, а въ учителѣ коренится причина непослушанія. Когда учитель обладаетъ необходимымъ знаніемъ людей и жизненнымъ опытомъ, когда самъ онъ являетъ собою образецъ дѣловитости, благорасположенія и такта, тогда онъ шутя пріобрѣтаетъ власть и удерживаетъ ее надъ своими питомцами. Да и поведеніе дѣтей въ описанномъ случаѣ улучшается потому, что они понимаютъ, что безъ порядка ничего не подѣлаешь и что приходится волей-неволей подчиняться.

„На свободѣ ученіе хорошо оттого, что понятія обо всѣхъ естественныхъ предметахъ усваиваются безъ особеннаго усилія, и, кромѣ того, усваиваются съ необычайною отчетливостью и ясностью. Для самого учителя не предстоитъ трудности объясненія, такъ какъ предметъ оказывается передъ глазами, а ребенокъ избавляется отъ тягости утомительнаго представленія путемъ чисто-разсудочнымъ, путемъ воображенія.

„Въ школѣ всякая любознательность часто рѣшительно подавляется. Учитель выбивается изъ силъ, отыскивая причины малаго вниманія со стороны учениковъ, а, между тѣмъ, стоило бы ему только задать себѣ вопросъ, отчего эти же ученики до входа въ школу внимательно относятся ко всему, что только ими ни встрѣчается, и тогда разгадка была бы найдена. Дѣти къ природѣ внимательны всегда и, разъ дѣятельность ихъ вниманія удовлетворена, получается и знаніе. Вниманіе неизбѣжно слѣдуетъ само собою; оно присуще здоровью, силѣ разумѣнія; ученіе есть удовольствіе и притомъ удовольствіе безо всякаго принужденія. Конечно, тутъ само-собою разумѣется, что предметъ обученія долженъ отвѣчать способностямъ ребенка.

„Замѣчательно, что именно наивысшія и важнѣйшія понятія естественныхъ наукъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе просты, чрезвычайно наглядны и потому легко усваиваемы. Такъ какъ прошли тысячелѣтія, пока постигли эти высшія понятія, то воображаютъ, что дѣтямъ ихъ надо сообщать послѣдними. Это совершенно ложно. Дѣтямъ-то именно и свойственна простота наглядности, благодаря отсутствію которой человѣчество и дошло такъ поздно до пониманія означенныхъ понятій. Можно даже показать дѣтямъ, какъ понятія эти остаются для насъ скрытыми, если мы не углубляемся въ природу, если мы ее не наблюдаемъ или же, если и наблюдаемъ, то не истолковываемъ.

„При ученіи среди вольной природы дѣленіе спеціальностей

выключается само собою: пріобрѣтается вслѣдствіе того не многознаніе раздѣльныхъ частей, не имѣющихъ между собою духовной связи, а цѣлостное, живое, общее знаніе".

А. Шульцъ имѣетъ въ виду возрастъ дѣтскій и отроческій до 15—16 лѣтъ. Этому возрасту, дѣйствительно, вполнѣ отвѣчаетъ развитіе умственныхъ способностей на предметахъ, доступныхъ предпочтительно органамъ внѣшнихъ чувствъ. Только по истеченіи отроческаго возраста становятся вполнѣ умѣстными знанія отвлеченныя, строго-научныя. Это подтверждается соображеніями теоретической, да и самой практической жизни. То, что до 16 лѣтъ дается съ трудомъ, съ насиліемъ, въ дальнѣйшіе годы пріобрѣтается и легко, и скоро.

Современная система обученія вредитъ тѣмъ, что, сосредоточивая вниманіе на отвлеченныхъ знаніяхъ, совсѣмъ почти упускаетъ изъ виду знанія конкретныя, тѣмъ, что, торопя дѣтей одолѣвать для нихъ непосильное, не даетъ усвоить доступное имъ, тѣмъ вообще, что насилуетъ умственное развитіе. Результаты такой системы повсюду крайне неудовлетворительны; большинство учащихся удаляется изъ школы, не заканчивая ученія; тѣлесное здоровье разстраивается, а нравственное теряетъ устойчивость и выражается въ вялости, развинченности человѣка.

Организація умственнаго труда, по мнѣнію Г. Спенсера, гораздо важнѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе самихъ свѣдѣній; организація же эта, какъ утверждаетъ французскій моралистъ Ж. Пайо, никогда не бываетъ болѣе дѣйствительною, какъ на чистомъ воздухѣ. „Движенія при прогулкѣ, легко обращающаяся кровь, чистый и живительный воздухъ, доставляющій въ большомъ обиліи тѣлу кислородъ,—всѣ эти условія ведутъ къ тому, что мысль, благодаря имъ, пріобрѣтаетъ силу, самоизвольность такія, какія рѣдко можно встрѣтить при работѣ въ сидячемъ положеніи въ четырехъ стѣнахъ".

Детальное, строго-научное, методическое изученіе естественныхъ наукъ не относится къ вѣдѣнію средней, общеобразовательной школы, въ которой, собственно говоря, дѣло идетъ не столько о пріобрѣтеніи обширныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній въ какихъ бы то ни было отрасляхъ знанія, сколько объ обогащеніи учащихся навыками и пріемами, необходимыми для такого пріобрѣтенія. Правда, въ средней школѣ допустимо преподаваніе элементарныхъ, простѣйшихъ фактовъ и явленій изъ области анатоміи и физіологіи животныхъ и растеній: оно можетъ служить къ уясненію предметовъ и явленій, встрѣчаемыхъ на вольной природѣ, однако суть природовѣдѣнія въ средней школѣ должна сосредоточиваться въ ознакомленіи учащихся съ природой во всей ея непосредственности, въ нормальныхъ, обычныхъ условіяхъ ея жизни, т. е. внѣ четырехъ стѣнъ школы.

Прежде чѣмъ приступить къ классному обученію естествознанію, необходимо дать учащимся присмотрѣться къ природѣ, ознакомиться съ крупными ея чертами, заинтересовать ими ре-

бенка, заставить его полюбить *) природу. А какой же можетъ быть лучшій для этого способъ, какъ не тотъ, по которому ребенокъ знакомится съ предметами и явленіями природы въ ихъ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи, въ ихъ дѣйствительной жизни.

Жизнь, вотъ что наиболѣе интересуетъ ребенка. Все жизненное, все напоминающее жизнь увлекаетъ его. А жизнь-то и есть взаимоотношеніе, взаимодѣйствіе между организмами и окружающей средой ради взаимнаго ихъ приспособленія. Инстинктъ влечетъ ребенка къ тому, чтобы знакомиться съ жизнью окружающей среды; инстинктъ заставляетъ его двигаться и работать съ помощью органовъ внѣшнихъ чувствъ надъ каждымъ попавшимся ему цвѣткомъ, насѣкомымъ, птичкой и т. п. Этому инстинкту, этому естественному стремленію нужно только способствовать, нужно его направлять, доставлять и расширять ему поле дѣйствія.

Дайте ребенку сначала ознакомиться со всѣмъ встрѣчаемымъ въ природѣ собственными глазами и руками; дайте ему всмотрѣться въ то, что онъ видитъ, вслушаться въ то, что онъ слышитъ; дайте ему поинтересоваться растеніями, животными, минералами на мѣстѣ ихъ жительства, въ ихъ обычной обстановкѣ; и затѣмъ уже бесѣдуйте съ нимъ о подробностяхъ видѣннаго, да и то не отходя отъ мѣста находки, не отрывая всего встрѣчаемаго изъ связи съ окружающимъ міромъ. Въ цѣляхъ поясненія, а, главное, въ цѣляхъ возбужденія большаго интереса возьмите тотъ-другой экземпляръ данной флоры или фауны и сообщите доступнымъ для пониманія ребенка образомъ существенныя подробности о строеніи или отправленіяхъ взятаго экземпляра. Подобнымъ способомъ ребенокъ будетъ мало-по-малу введенъ въ подробности царства живой природы, заинтересуется ею, сроднится съ нею, станетъ относиться къ ней серьезно, внимательно и почувствуетъ потребность ея изученія.

Описываемый порядокъ ознакомленія съ природою оказывается самымъ естественнымъ и въ смыслѣ научнаго, методическаго ознакомленія съ природою.

Какъ пріобрѣтается любое знаніе?

Сначала идетъ накопленіе фактовъ, наблюденій, путемъ грубаго, простѣйшаго процесса индукціи (первичная индукція); на основаніи всего добытаго напрашивается то или другое объясненіе, обобщеніе, гипотеза (первичная дедукція); затѣмъ слѣдуетъ потребность провѣрки посредствомъ болѣе тщательнаго и подробнаго наблюденія надъ фактами, посредствомъ эксперимен-

*) А. Шульцъ говоритъ: «Благодаря обученію въ условіяхъ природы, является любовь къ самой природѣ, да можно утверждать, что объ руку съ этимъ пріобрѣтается пониманіе искусства. Пониманіе это обусловливается тѣмъ, что представляется возможность дѣлать сравненія, возможность распознать, даетъ ли художникъ истинное представленіе о природѣ или не даетъ».

тированія (вторичная индукція) и, въ заключеніе, подведеніе общихъ положеній въ рядъ частныхъ (вторичная дедукція).

Навиль, аналогично этому, выразилъ процессъ пріобрѣтенія знаній словами: observer, supposer, verifier (наблюдать, предполагать, провѣрять). Проще еще высказывается проф. Левенталь. Онъ говоритъ: „При всякомъ расширеніи нашего умственнаго кругозора происходитъ слѣдующее: сначала воспринимаются болѣе крупныя, болѣе грубыя впечатлѣнія, которыя служатъ къ различенію и сравниванію явленій; затѣмъ, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ послѣдними, улавливаются и утилизируются болѣе и болѣе детальные пункты различенія и сравненія; отъ неопредѣленнаго общаго впечатлѣнія мы переходимъ къ частностямъ, обусловливающимъ это впечатлѣніе, съ тѣмъ, чтобы потомъ эти частности связать въ новое общее, но уже точно опредѣленное впечатлѣніе и дойти до сознательнаго законченнаго представленія. Словомъ, мы не можемъ образовать частнаго понятія, пока нѣтъ у насъ понятія общаго. Сообразно этому мы должны поступать и съ преподаваніемъ исторіи человѣка и природы въ школѣ“.

Наконецъ, въ pendant сказанному приведемъ и мнѣніе почтеннаго нашего педагога, г. Некрасова, попечителя московскаго учебнаго округа, высказанное имъ по поводу программы природовѣдѣнія проф. Кайгородова. „Какова бы научная область знаній ни была“, говоритъ онъ, „а личность ученика, овладѣвающая ею отъ первыхъ шаговъ до конца, проходитъ всегда чрезъ три психологическія ступени, сообразно своему возрасту и развитію. Первая ступень — это состояніе дѣтское, когда явленія воспринимаются суммарно въ ихъ естественномъ состояніи и едва начинаютъ расчленяться по областямъ, ярко, но хаотично воспринимаемымъ душою ребенка; вторая ступень—это анализъ дѣтскаго и юношескаго ума, болѣе и болѣе расчленяющаго эти хаотически воспринятыя области явленій, и это расчлененіе подготовляетъ его къ третьей ступени, которая есть строгая научная дифференцировка явленій и научный ихъ синтезъ (законы). Изъ числа этихъ ступеней въ особенности первую, очень важную, преподаватели естествознанія болѣе или менѣе оставляютъ безъ вниманія и помнятъ хорошо лишь третью ступень, критикуя съ ея точки зрѣнія методику и планъ Кайгородова“.

„Преподаватели естественной исторіи должны расчленять на три ступени дидактику естествознанія и сдѣлать ее въ двухъ первыхъ ступеняхъ достояніемъ средней реальной школы чистаго типа, и тогда третья ступень (университетская) получила бы въ первыхъ ступеняхъ (въ реальной средней школѣ) прочный фундаментъ. Д. Н. Кайгородовъ впервые дѣлаетъ правильное методическое расчлененіе преподаванія естественной исторіи для школы реальной. Конечно, въ средней школѣ нереальной (литературной) обѣ первыя ступени преподаванія естествознанія неосуществимы; но если изъ нихъ взять что-либо и для школы ли-

тературной, то это должно обнимать именно первую ступень (такъ-сказать первоначальную грамоту естествознанія), а отнюдь не вторую, какъ желаютъ нѣкоторые преподаватели естественной исторіи".

Только что означеннымъ требованіямъ логики должно отвѣчать и обученіе природовѣдѣнію. Сначала вообще идетъ подборъ крупныхъ фактовъ на лонѣ самой природы, прогулки, экскурсіи по естественнымъ общежитіямъ, затѣмъ или объ руку съ тѣмъ осторожное, постепенное ознакомленіе съ деталями и, въ заключеніе, ознакомленіе съ теоріею природовѣдѣнія въ формѣ систематическаго подбора естественно-научныхъ свѣдѣній, въ формѣ научной индуктивнаго характера (ботаника, зоологія, минералогія, геологія и пр.) и характера дедуктивнаго (біологія).

Знакомить дѣтей прямо съ естественно научными данными при помощи картинъ, гербарія, чучелъ, анатомированія и т. п. значитъ нарушать нормальный ходъ ознакомленія съ естествознаніемъ и даже рисковать сдѣлать его такимъ же банальнымъ, скучнымъ классныимъ предметомъ, какимъ до сихъ поръ оказывалось обученіе языкамъ.

Животное въ клѣткѣ, говоритъ Lay, растеніе въ ботаническомъ саду, лучшій препаратъ, самая искусная модель, великолѣпнѣйшая картина не доставятъ той полноты и тѣхъ возбуждающихъ вліяній, каковыя доставитъ предметъ на вольной природѣ. Къ сожалѣнію, и въ родительскомъ домѣ, и въ фребелевскомъ саду мы загромождаемъ и развлекаемъ дѣтей рисунками и картинами, и часто даже имъ чуждыми и непонятными. Лучше не надо никакой наглядности, нежели давать ребенку такое пустое знаніе.

Говорятъ, что сперва надо ознакомить учащихся въ классѣ съ предметами и явленіями природы, а потомъ уже вооруженныхъ этими познаніями пускать на естественно-историческія прогулки, экскурсіи. Это—то же самое, что, для ознакомленія съ литературой, сперва выучиться грамматикѣ, риторикѣ и піитикѣ, а затѣмъ начать читать авторовъ или, для ознакомленія съ рисованіемъ, сперва научиться рисовать по клѣткамъ или по трафарету, потомъ по рисункамъ и моделямъ, и въ заключеніе, съ натуры. Однако, въ настоящее время методъ такой отживаетъ свой вѣкъ, и Америка даетъ намъ поучительный примѣръ приближенія къ естественному методу въ преподаваніи всѣхъ предметовъ начальнаго обученія. Если же схоластика исчезнетъ при преподаваніи наукъ словесныхъ и искусствъ, то, понятно, ей не должно быть никоимъ образомъ мѣста при преподаваніи наукъ естественныхъ. Знаменитѣйшіе педагоги (Коменскій, Франке, Руссо, Любенъ, Россмеслеръ, Стой, Кольбахъ и др.) настаиваютъ предпочтительно на экскурсіяхъ (Schülerausflüge) по естествознанію, а нѣкоторые прямо считаютъ это безусловно необходимымъ.

Ребенокъ инстинктивно стремится узнать причину любого

встрѣчаемаго явленія. Его вѣчныя „отчего?", „почему?", „зачѣмъ?" указываютъ лежащую въ природѣ его потребность воспринимать и усвоивать все въ естественной причинной связи и зависимости. Гармонія существующаго поражаетъ его безсознательно; да и интересуетъ его главнымъ образомъ только то, что является ему во всей полнотѣ обстановки и дѣятельности. Предметы изолированные, внѣ отношеній ихъ къ окружающему, внѣ условій обычной ихъ жизни, далеко не столь сильно привлекаютъ его вниманіе и не производятъ на него прочнаго впечатлѣнія. Словомъ, на ребенкѣ, какъ и на взросломъ, повторяется вѣчное стремленіе искать и находить все во взаимной связи, во взаимной зависимости: Только ученый, только теоретикъ изучаетъ отдѣльные, изолированные предметы и явленія, да и то не упуская никогда изъ виду ихъ взаимной связи, зависимости, гармоніи. Мефистофель (въ „Фаустѣ") подсмѣивается надъ ординарнымъ, близорукимъ ученымъ, говоря:

Wer will was Lebendiges erkennen und beschreiben,
Sucht erst den Geist herauszutreiben,
Dann hat er die Theile in seiner Hand,
Fehlt, leider! nur das geistige Band *).

Классное преподаваніе наукъ отличается характеромъ односторонности, неполноты, незаконченности и, будучи допустимымъ въ высшей школѣ, для лицъ взрослыхъ, прошедшихъ среднюю школу, даже и въ ней, высшей школѣ, представляетъ вредныя стороны, если за лекціоннымъ не слѣдуетъ лабораторное, клиническое, практическое преподаваніе. Свойственный классному преподаванію методъ ознакомленія съ предметами и явленіями внѣ связи съ ихъ средой, съ ихъ естественной обстановкой, ведетъ къ соблазну ограничиваться, довольствоваться упомянутымъ незаконченнымъ знаніемъ и грозитъ многими неудобствами и даже вредомъ въ дѣйствительной жизни. Дурная сторона узкой специализаціи въ томъ и состоитъ, что даетъ одностороннее, неполное знаніе, хотя и приводитъ къ строго-научному, детальному ознакомленію съ предметомъ. Понятно, что характеръ спеціализаціи, свойственный университетскому курсу, совсѣмъ не подходитъ къ школѣ средней. Словомъ, старый методъ преподаванія естествознанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ быть замѣненъ такимъ методомъ преподаванія, какой является въ настоящее время въ формѣ природовѣдѣнія, предлагаемаго проф. Д. Кайгородовымъ, и какой представляетъ всѣ условія къ успѣшному проведенію курса естественныхъ наукъ въ среднюю школу.

Кромѣ развитія наблюдательности или способности къ наблюденію явленій природы въ ихъ взаимодѣйствіи съ окружающею средою, занятія на вольной природѣ въ высшей степени важны

*) Когда хотятъ познать и описать живую природу, то, первое, стараются отдѣлаться отъ всего духовнаго. И что же? Всѣ отдѣльныя части оказываются на лицо, да связи то только въ нихъ логической не отыскивается.

по отношенію къ пріученію юныхъ учащихся къ самодѣятельности: къ умѣнію найтись въ новыхъ, неожиданныхъ случаяхъ, къ умѣнію отыскивать новые пути, новыя направленія своимъ движеніямъ и дѣйствіямъ, къ умѣнію легко и скоро приспособляться ко всякому новому положенію, и противодѣйствовать всему нежелательному, безполезному или вредному. Нигдѣ самодѣятельность не находитъ такого свободнаго и обширнаго поля дѣйствій, какъ на лонѣ живой природы. Для болѣе успѣшнаго развитія самодѣятельности нужно только болѣе частое и болѣе внимательное общеніе съ природою, нужны интересъ и любовь къ природѣ, что пріобрѣтается частью личными силами и способностями учащагося, частью же при посредствѣ любящаго природу и могущаго надъ нею господствовать наставника естествоиспытателя.

Методъ ознакомленія съ природовѣдѣніемъ путемъ экскурсій и сосредоточенія вниманія учащихся на естественныхъ явленіяхъ по общежитіямъ природы представляетъ, по нашему мнѣнію, наилучшій способъ занятій естествовѣдѣніемъ для учащихся. Система эта можетъ надежнѣе всего служить къ развитію наблюдательности и самодѣятельности учащихся, т. е. способностей, наиболѣе важныхъ, основныхъ въ дѣлѣ воспитанія не только умственнаго, но и нравственнаго и тѣлеснаго,—способностей, игнорированныхъ въ старинной школѣ, да и въ современной встрѣчающихъ далеко еще не дружелюбное къ себѣ отношеніе со стороны весьма многихъ педагоговъ.

Остановимся еще на взглядѣ, высказываемомъ по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу г-номъ Lay *).

По его мнѣнію, школьныя экскурсіи должны отвѣчать слѣдующимъ требованіямъ:

1. Онѣ должны служить подготовленіемъ, повтореніемъ, дополненіемъ и примѣненіемъ всего того, что дается учащемуся въ классѣ.

2. Онѣ должны быть ведены въ цѣляхъ географическаго естествовѣдѣнія, т. е. имѣть въ виду географическія отношенія, образованія горныхъ породъ, растенія и животныхъ, измѣненія погоды и прочіе естественные процессы. Въ педагогическомъ отношеніи чрезвычайно важно держаться того мнѣнія, что суть заключается не въ серіи различныхъ строго разграниченныхъ естественныхъ наукъ, но исключительно въ самой природѣ, въ единой естественной наукѣ, разнообразныя области которой глубоко проникаютъ одна въ другую, восполняютъ другъ друга и споспѣшествуютъ одна другой. Всякая спеціализація тутъ въ высшей степени вредна и недопустима.

3. Учитель долженъ обладать идеальнымъ пониманіемъ природы и широкимъ взглядомъ на цѣлое; онъ долженъ имѣть въ

*) См. Methodik des naturgeschichtl. Unterrichts und Kritik der Reformbestrebungen auf Grund der neueren Psychologie von W. A. Lay. Karlsruhe. 1899.

виду конечную цѣль воспитующаго обученія и знать пути, какими она достижима: онъ долженъ быть готовъ къ отвѣту на самые разнообразные и многочисленные вопросы.

4. Каждая экскурсія должна преслѣдовать вполнѣ опредѣленную цѣль, цѣль же эта должна занимать строго опредѣленное мѣсто въ методическомъ планѣ естественно-историческаго преподаванія.

5. Предметы, ранѣе пройденные, должны быть проходимы повторно, чтобы можно было знакомиться съ ихъ измѣненіями, происхожденіемъ и теченіемъ въ различныхъ періодахъ.

6. Экскурсіи представляютъ превосходный случай пользоваться добытыми данными для объясненія новыхъ объектовъ въ сходныхъ съ прежними условіяхъ.

7. На экскурсіяхъ должны быть предлагаемы такія задачи для наблюденія, которыя вызывали бы интересъ и правильныя ассимилирующія представленія. Весьма важно, чтобы учащійся наблюдалъ самостоятельно и обогащался практическими навыками. Этимъ путемъ вызывается наклонность къ наблюденію, увлекающая молодого человѣка и развивающая въ немъ самодѣятельность.

8. На экскурсіяхъ необходимо обращать вниманіе на такіе предметы и отношенія, какихъ не встрѣчается въ классѣ; затѣмъ, на нихъ надо слѣдить за объектами, которые наилучше могутъ быть разъясняемы, но не наблюдаемы именно въ зимнее время.

9. Учитель долженъ наблюдать и регулировать отношеніе учащихся къ природѣ.

10. Зимою экскурсіи предпринимаются рѣже, хотя никоимъ образомъ не должны прекращаться. Многочисленныя особенности природы могутъ быть наблюдаемы только въ холодное время года. Пять экскурсій должно признать въ школѣ за минимумъ.

11. Въ подходящихъ случаяхъ чувство природы у учащихся можетъ обнаруживаться въ самостоятельномъ исканіи, разсматриваніи, наблюденіи, опытѣ. О собственныхъ наблюденіяхъ учениковъ учитель можетъ бесѣдовать потомъ въ четырехъ стѣнахъ заведенія.

12. Въ извѣстныхъ мѣстахъ, когда необходимо вниманіе всѣхъ учениковъ разомъ, они по данному знаку быстро собираются около учителя.

13. Число учениковъ не должно превышать 30-ти, даже въ томъ случаѣ, когда классъ считается образцовымъ въ отношеніи дисциплины; допускается впрочемъ и дѣленіе учениковъ по группамъ.

14. Лѣтомъ утренніе часы передъ уроками должны быть по многимъ причинамъ предпочитаемы двумъ свободнымъ на недѣлѣ послѣобѣденнымъ половинамъ дня. Допустимо было бы и то, чтобы преподаватель естественныхъ наукъ пользовался въ одинъ опредѣленный день недѣли цѣликомъ двумя послѣобѣденными часами и употреблялъ все это время на экскурсіи.

Lay вполнѣ вѣритъ въ возможность примѣненія его системы природовѣдѣнія въ школѣ, неудачность же этого примѣненія ставитъ прямо въ вину проводникамъ системы.

„Я вполнѣ увѣренъ,—таковы его слова—что реформенныя стремленія въ сферѣ естественно-научнаго обученія потому главнымъ образомъ не оказываютъ вліянія на практическое примѣненіе, что въ учительскихъ институтахъ не обращается достаточно вниманія на наблюденія, на ознакомленіе слушателей съ легкими, дешевыми опытами, словомъ потому, что не полагаются въ основу *жизненныя*, основныя знанія“.

Д-ръ А. Виреніусъ.

Развитіе соціальнаго чувства дѣтей.

(Die Entwickelung des sozialen Bewusstseins der Kinder. Will. S. Monroe).

Человѣкъ рождается, живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ подобными себѣ. Человѣкъ, какъ отдѣльная, вполнѣ самостоятельная единица, возможенъ только въ воображеніи. Въ дѣйствительности-же съ самаго своего рожденія онъ окруженъ своими родными, знакомыми, обществомъ, вообще какой-либо извѣстной соціальной средой. Въ немъ зарождаются и малу по малу развиваются, укрѣпляются извѣстныя соціальныя чувства, опредѣляющія его отношенія къ окружающему. Эти чувства служатъ основой всего общества, основой того или другого соціальнаго строя.

Психологія уже давно занималась изслѣдованіемъ этого рода чувствъ. Для этого пользовались, главнымъ образомъ, наблюденіями надъ дикарями. Сопоставляя эти наблюденія съ нѣкоторыми историческими достовѣрными фактами и съ наблюденіями надъ культурными народами, дѣлали извѣстные выводы и предположенія относительно хода развитія этихъ чувствъ.

Недавно, съ этою-же цѣлью, т. е. съ цѣлью прослѣдить развитіе соціальныхъ чувствъ, американскій профессоръ Монроэ воспользовался совсѣмъ другимъ методомъ—методомъ коллективныхъ опросовъ, примѣнивъ его къ дѣтямъ. Уже ранѣе соціологи и психологи высказывали мнѣніе, что развитіе соціальнаго чувства у дѣтей идетъ параллельно тому, какъ шло развитіе этихъ чувствъ у цѣлыхъ народныхъ группъ въ продолженіе многихъ столѣтій. Изслѣдованіе проф. Монроэ вполнѣ подтвердило этотъ взглядъ и внесло новый обильный матеріалъ въ науки соціологію и психологію. Свои опросы проф. Монроэ производилъ черезъ учителей и учительницъ, которые задавали школьникамъ обыкновенно письменные вопросы, на которые дѣти должны были немедленно дать самостоятельные отвѣты. Такимъ образомъ было опрошено болѣе 5,000 дѣтей, обоего пола, главнымъ образомъ, штата Массачусетсъ, американскихъ школъ, въ возрастѣ отъ 7—16 лѣтъ. Весь этотъ богатый и интересный матеріалъ былъ

собранъ проф. Монроэ и изданъ въ видѣ небольшой брошюры, нѣсколько въ сжатомъ видѣ, съ очень небольшимъ количествомъ какихъ-либо выводовъ, съ ссылками на другіе источники и съ указаніемъ соотвѣтствующей литературы.

Изложеніе свое Монроэ начинаетъ съ описанія соціальныхъ чувствъ неразумныхъ животныхъ, у которыхъ эти чувства являются прототипомъ нашихъ соціальныхъ чувствъ.

Происхожденіе соціальнаго чувства:

1) у животныхъ; 2) у первобытнаго человѣка; 3) у ребенка.

Зародышами соціальнаго чувства, среди организованныхъ существъ, могутъ считаться инстинктъ и проявленія аффектовъ, которые наблюдаются даже у животныхъ и которые у высшихъ организмовъ уже переходятъ въ чувства соціальныя. Въ широкомъ смыслѣ, соціальными движеніями называются всѣ движенія, происходящія въ обществѣ. „Идея-же общества, по мнѣнію Эспинаса, вызываетъ представленіе о постоянномъ взаимномъ содѣйствіи въ виду одного и того-же дѣла между живыми, отдѣльными индивидами“. Такъ что взаимность услугъ и солидарность являются характерными чертами каждаго общества. Наблюденія надъ жизнью животныхъ указываютъ намъ, что многія изъ нихъ живутъ обществами. Если принять классификацію Рибо, то общества животныхъ могутъ быть раздѣлены на четыре главныя формы:

1) Общество, въ которомъ общественная связь основывается на питаніи и самосохраненіи, напр. у гидрополиповъ. У нихъ соціальный инстинктъ проявляется въ самой простой формѣ—исканіи пищи, защитѣ и нападеніи.

2) Общества, основанныя на размноженіи—домашніе союзы или семьи; въ нихъ мы находимъ первое проявленіе симпатіи (нѣжнаго чувства) и альтруистическаго чувства.

3) Стадное состояніе, т. е. состояніе тѣхъ животныхъ, которыя живутъ стадами или стаями, основывается на влеченіи животныхъ къ себѣ подобнымъ, безъ различія пола, и въ этомъ влеченіи обнаруживаются впервые настоящія соціальныя стремленія. Такое стадное состояніе животныхъ на низкой ступени является въ формѣ непрочныхъ и случайныхъ соединеній, напр. передвиженія гусеницъ шелкопряда, саранчи, перелетъ птицъ и т. д., на болѣе высокой ступени замѣчаются уже болѣе прочныя соединенія, добровольно составленныя и поддерживаемыя въ виду какой нибудь общей цѣли. Здѣсь уже обнаруживаются всѣ признаки общества: общность труда и взаимность услугъ. Такъ, пеликаны ловятъ рыбу сообща, образуютъ собой цѣпь, въ которой рыба оказывается запертой. Волки и дикія собаки охотятся стаями. Но эти общества случайны и непрочны и часто распадаются изъ-за дѣлежа добычи. Болѣе прочными являются общества, ставящія своею цѣлью защиту своихъ членовъ общими усиліями.

Кролики предупреждаютъ другъ друга объ опасности. Многія млекопитающія ставятъ часовыхъ. Обезьяны соединяются въ общество подъ руководствомъ одного вождя, защищаются и нерѣдко рискуютъ своей жизнью для спасенія товарища.

4) Въ высшихъ обществахъ, какъ, напримѣръ, у осъ и муравьевъ, соціальные инстинкты достигаютъ своего высшаго для царства неразумныхъ животныхъ развитія. Здѣсь уже можно наблюдать раздѣленіе труда, солидарность и прочность, которая передается въ цѣлыхъ рядахъ поколѣній.

Изслѣдованіе соціальныхъ стремленій животныхъ доказываетъ, что многіе элементы соціальнаго чувства человѣка могутъ быть выведены оттуда. Гербертъ Спенсеръ указываетъ, что грачи живутъ общинами, гдѣ замѣтна нѣкоторая форма правленія, они признаютъ право собственности, наказываютъ нарушителей существующихъ правилъ и даже часто изгоняютъ изъ общины такихъ преступниковъ. У муравьевъ, на ряду съ раздѣленіемъ труда, существуетъ цѣлая система знаковъ, соотвѣтствующихъ грубому языку, у нихъ есть выработанные пріемы для проведенія подземныхъ ходовъ, прокладки и устройства дорогъ и возведенія построекъ. Спенсеръ же говоритъ, что въ нѣкоторыхъ формахъ стадной жизни можно ясно видѣть нѣкоторое проявленіе общественной организаціи, какъ-то повиновеніе вождямъ, союзъ индивидуальныхъ усилій, выставленіе часовыхъ и подачу сигналовъ, идею собственности, обмѣнъ услугъ, усыновленіе сиротъ и, наконецъ, оказаніе общиной помощи членамъ, находящимся въ опасности. Гудсонъ и Гроссъ, изучавшіе жизнь животныхъ, нашли удивительное сходство между играми нашихъ дѣтей и многихъ животныхъ. Такое сходство дало имъ возможность предполагать, что игра—настоящій инстинктъ и имѣетъ большое значеніе въ развитіи соціальнаго чувства. Гудсонъ описываетъ привычку многихъ птицъ собираться на одномъ мѣстѣ и принимать участіе въ танцахъ и другихъ общественныхъ развлеченіяхъ.

При переходѣ отъ царства неразумныхъ существъ—животныхъ въ міръ существъ разумныхъ, т. е. людей, мы видимъ, что инстинкты и проявленія аффектовъ также являются зародышами соціальнаго чувства.

Нормальные люди никогда не живутъ уединенно, ни на высшей, ни на низшей ступени развитія. Найденные остатки жилищъ доисторическихъ людей вполнѣ подтверждаютъ фактъ, что они жили точно такъ же, какъ живутъ нынѣшніе цивилизованные люди — соединенными соціальными группами, обществами. Соціальныя чувства, появившіяся въ первый разъ безсознательно, удерживаются, сохраняются и, вслѣдствіе присущей имъ пользы, сперва тоже безсознательно, а потомъ уже сознательно воспитываются и передаются по наслѣдству.

Какъ самая первоначальная форма общества — небольшая кочующая орда, такъ и позднѣйшія общественныя единицы: кланы, роды, племена, всегда указываютъ на стремленіе чело-

вѣка жить обществами, и образованіе этого соціальнаго цѣлаго является естественнымъ продуктомъ физіологической и психологической дѣятельности индивида.

Каждое изслѣдованіе соціальнаго чувства, въ его древнѣйшей формѣ, заставляетъ признать его далекое происхожденіе, повсемѣстное распространеніе и постоянство характера,

Если сравнить соціальное развитіе ребенка и первобытнаго человѣка, то мы увидимъ полный параллелизмъ. Это подтвердилось изслѣдованіемъ американца Джонсона, производившаго свои наблюденія надъ одной земледѣльческой школой для мальчиковъ.

Одинъ американецъ подарилъ городу Балтиморѣ участокъ земли около 800 морговъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ воспитывались бѣдные мальчики съ самыхъ маленькихъ лѣтъ до семнадцатилѣтняго возраста. Г. Джонсону пришла мысль изучить аграрныя привычки и организаторскіе инстинкты мальчиковъ, число которыхъ въ это время равнялось 50. Онъ нашелъ, что въ этой школѣ землевладѣніе, законодательство, судопроизводство и ремесла носятъ примитивный характеръ.

Отношенія ихъ къ землевладѣнію прошли слѣдующія стадіи:

1) *Систему общаго владѣнія землей.* Земля дѣлилась по ровну между всѣми мальчиками, и каждый пользовался своей частью и всѣмъ, что тамъ находилось, какъ-то: кроликами, бѣлками и т. п. Ежегодно происходилъ новый раздѣлъ земли. Каждый мальчикъ ставилъ силки и сѣти для ловли птицъ и кроликовъ на опредѣленномъ мѣстѣ, и никто не имѣлъ права взять ихъ отсюда въ теченіе года; на слѣдующій годъ на этомъ же мѣстѣ могъ ставить силки уже другой мальчикъ. Это привело къ

2) *Системѣ временнаго личнаго владѣнія.* Силки и сѣти оставляются на мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, такъ какъ гораздо удобнѣе, чтобы силки и сѣти одного всегда ставились на одномъ и томъ же мѣстѣ. Такой способъ держался много лѣтъ и привелъ къ

3) *Системѣ продолжительнаго личнаго владѣнія.* Нѣсколько мальчиковъ, покидая школу, завѣщали своимъ любимымъ товарищамъ и, такимъ путемъ, черезъ нѣсколько времени земля оказалась въ рукахъ трехъ мальчиковъ. Такимъ путемъ произошла

4) *Система монополизаціи собственности.* Тогда остальные 47 мальчиковъ возмутились противъ собственниковъ, которые принуждены были уступить первымъ менѣе плодородную часть.

Что касается законодательства, то оно носило также въ высшей степени примитивный характеръ. Законы издавались всегда подъ вліяніемъ необходимости. Такъ, напримѣръ, было установлено число для начала жатвы, такъ какъ нѣкоторые мальчики начинали собирать хлѣбъ раньше другихъ и большая часть добычи попадала въ руки немногихъ.

Судопроизводство ихъ напоминало судопроизводство дикарей. Что касается денежныхъ дѣлъ, то вначалѣ средствомъ обмѣна имъ служили естественные продукты: яйца, вишни, виноградъ и т. д. Но сдѣлки такъ осложнились, что дѣти стали рѣже примѣ-

нять непосредственный обмѣнъ и ввели устную передачу своихъ обязательствъ. Это явилось какъ бы зачаткомъ передаточнаго векселя. Далѣе, расточительность нѣкоторыхъ мальчиковъ и невозможность скопить денегъ, пока онѣ находятся при нихъ, привела ихъ къ мысли объ учрежденіи сберегательныхъ кассъ.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе Джонсона доказало, что подростающіе юноши, въ развитіи своихъ соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ представленій, отражаютъ исторію своихъ предковъ и всего человѣческаго рода. И каждый школьникъ, превращаясь въ взрослаго человѣка, олицетворяетъ переходъ изъ дикаго состоянія къ состоянію цивилизованнаго существа, и всякая школа является какъ бы снимкомъ съ исторіи развитія человѣческаго общества.

У ребенка соціальное чувство проявляется впервые, когда онъ начинаетъ узнавать и интересоваться окружающими его лицами, а это происходитъ обыкновенно не ранѣе четвертаго мѣсяца.

Селли совершенно справедливо говоритъ, что дѣти инстинктивно любятъ общество, они, дѣйствительно, даже въ первыя недѣли своей жизни, настолько привыкаютъ къ человѣческому присутствію, что выказываютъ замѣтное неудовольствіе, когда ихъ удаляютъ изъ общества.

Первыя свои познанія объ общественныхъ отношеніяхъ ребенокъ пріобрѣтаетъ въ кругу своей семьи, подражая дѣйствіямъ лицъ, его окружающихъ. Дарвинъ говоритъ, что замѣчалъ, какъ ребенокъ на восьмомъ мѣсяцѣ своей жизни опускалъ углы рта при видѣ слезъ своей кормилицы. Позднѣе, когда ребенокъ достигаетъ 3—4 лѣтъ и вступаетъ въ сношеніе съ другими дѣтьми, кругъ его соціальныхъ интересовъ расширяется. Образуются соціальные интересы болѣе сложнаго характера. Интересы и дѣятельность его товарищей начинаютъ отражаться на его собственной дѣятельности и его личныхъ интересахъ. Если ребенокъ растетъ одиноко, то онъ часто создаетъ себѣ воображаемаго товарища, или превращаетъ палку въ человѣка, куклу въ живого ребенка и т. д. Профессоръ Барелсъ разсказываетъ объ одномъ ребенкѣ, у котораго была цѣлая колонія катушекъ, изображающихъ людей. Онѣ были различной формы и цвѣта и носили имена друзей и знакомыхъ.

Монроэ разсказываетъ объ одной знакомой дѣвочкѣ, которая создала себѣ фантастическую подругу. Когда маленькой Катѣ, такъ звали дѣвочку, было три года, въ домѣ ея родителей гостила дѣвочка, по имени Марія, съ которой Катя постоянно играла. Послѣ ея отъѣзда Катя стала играть съ „маленькой подругой Мови“, вѣроятно, испорченное Марія. Эта фантастическая подруга играла двойную роль: съ одной стороны она была подругой Кати, которой доставляло большое удовольствіе болтать съ ней, посылать ее то туда, то сюда, спорить съ ней. Съ другой стороны, Марія какъ бы воплощала въ себѣ нравственный идеалъ Кати. Когда, напримѣръ, Катя шалила и была непослушной, Марія

всегда была послушна и тиха. Когда Катю учили вѣжливости, она выказывала свою готовность, говоря: „Марія, сдѣлай то или другое". Иногда случалось и наоборотъ: Катя была послушна и вѣжлива, а ея подруга вела себя дурно, въ такомъ случаѣ, очевидно, сознаніе своего собственнаго послушанія возвышалось путемъ разсмотрѣнія этого мнимаго контраста. Отецъ дѣвочки придавалъ большое значеніе этой воображаемой игрѣ для нравственнаго развитія ребенка. Многіе родители разсказываютъ подобные-же случаи; чаще всего это бываетъ съ дѣтьми, ростущими одиноко, это доказываетъ, что стремленіе ребенка къ проявленію своего „Я", какъ соціальнаго существа, настолько сильно, что оно выходитъ изъ круга семьи и, за неимѣніемъ товарищей, ребенокъ начинаетъ создавать въ своей фантазіи отношенія, необходимыя для развитія соціальнаго чувства, соціальныхъ идей.

Новое расширеніе круга соціальныхъ понятій совершается при поступленіи ребенка въ школу.

Здѣсь, онъ находитъ новую соціальную обстановку, передъ нимъ выступаютъ многочисленные и разнообразные интересы. Учитель и школьные товарищи открываютъ ему обширный кругъ для соціальной дѣятельности. Авторъ въ своей работѣ касается главнымъ образомъ этого періода.

Вліяніе соціальной среды. Товарищи.—Занятія.—Общества.

Чтобы опредѣлить нѣкоторые изъ элементовъ, на которыхъ основывается соціальное чувство дѣтей, и выяснить вліяніе этихъ элементовъ на выборъ товарища, дѣтямъ было предложено описать товарища, котораго бы они хотѣли имѣть. Вопросъ былъ предложенъ 2336 дѣтямъ,—школьникамъ въ штатѣ Массачусетсъ въ возрастѣ отъ 7—16 лѣтъ. Изъ нихъ 1068 было мальчиковъ и 1268 дѣвочекъ. Въ большинствѣ случаевъ, дѣти вполнѣ ясно и опредѣленно описали свой идеалъ товарища. Всѣ письменные отвѣты для сравненія были размѣщены по рубрикамъ: возрастъ, полъ, нравственныя, физическія и умственныя качества, привычки и другія слишкомъ „общія качества". Опредѣленнѣе всего дѣти высказались за различныя душевныя качества, и здѣсь первое мѣсто занимаетъ желаніе имѣть товарища съ веселымъ характеромъ. „Веселаго живого товарища", „Шутника", „Товарища, который не легко сердится", „Привѣтливаго и жизнерадостнаго". Но и нравственнымъ качествамъ дѣти придаютъ важное значеніе: 478 человѣкъ желаютъ ласковаго, щедраго и любящаго товарища, 455 откровеннаго, честнаго и справедливаго.

Любовь къ правдѣ занимаетъ третье мѣсто среди тѣхъ качествъ, которыя были высказаны дѣтьми, какъ желаемыя, и въ этомъ отношеніи дѣвочки стоятъ впереди мальчиковъ; вообще-же надо замѣтить, что желаніе имѣть правдиваго товарища съ годами увеличивается. Одинъ 13-лѣтній мальчикъ пишетъ: „другъ, котораго я бы хотѣлъ имѣть, не долженъ никогда обманывать во

время игры въ мячъ“. Затѣмъ слѣдуетъ постоянство: „я хочу имѣть такого друга, который бы хорошо говорилъ обо мнѣ какъ въ глаза, такъ и за глаза“. Это идеалъ дѣвочки. Постоянство и доброта—чисто женскія добродѣтели и высказываются уже болѣе взрослыми дѣтьми. Самоотверженіе занимаетъ пятое мѣсто среди нравственныхъ добродѣтелей, потомъ слѣдуютъ любовь, скромность, послушаніе и храбрость. 5 мальчиковъ и 23 дѣвочки высказываютъ желаніе имѣть религіознаго друга. Любовь къ играмъ, какъ желаемое качество, высказывается сильнѣе мальчиками, и съ годами уменьшается. Чѣмъ дѣти старше, тѣмъ чаще встрѣчаются желанія имѣть „вѣжливаго друга“, „хорошо воспитаннаго“; 36 мальчиковъ и 64 дѣвочки желаютъ товарища, умѣющаго „хранить тайну“; 91 мальчикъ и 8 дѣвочекъ такого, который „не куритъ и не пьетъ“ и 23 мальчика и 17 дѣвочекъ, который „не бранится“.

Что касается возраста, то только 134 человѣка высказались по этому поводу: 107 человѣкъ пожелали ровесника и 27 старшаго или младшаго.

Полъ былъ обозначенъ 591 ребенкомъ: 235 мальчиковъ желаютъ себѣ въ товарищи мальчиковъ же и 20 ч.—дѣвочекъ, а 328 дѣвочекъ желаютъ себѣ подругъ—дѣвочекъ и 28—мальчиковъ.

Прилежаніе не играетъ большой роли, но 36 дѣвочекъ и 23 мальчика хотятъ имѣть товарища прилежнаго.

Среди другихъ, „слишкомъ общихъ“, качествъ мы находимъ „добраго друга“, „милаго“. Эти выраженія слишкомъ неопредѣленны и могутъ обозначать какъ одно, такъ и нѣсколько качествъ сразу; ихъ высказываютъ, главнымъ образомъ, маленькія дѣти, когда у нихъ представленія еще неясны и неопредѣленны.

На основаніи нѣкоторыхъ отвѣтовъ можно заключить, что въ періодъ ранняго дѣтства у дѣтей происходитъ борьба между собственнымъ „я“ и идеальнымъ „я“. Такъ, нѣкоторыми высказывается желаніе имѣть друга, обладающаго качествами, которыхъ у самого ребенка нѣтъ, но которыя кажутся ему наиболѣе желательными. Одна дѣвочка пишетъ, что ей хотѣлось бы имѣть двухъ подругъ: съ одной она могла бы играть, забывая о всемъ, о чемъ она такъ неохотно думаетъ, въ ея присутствіи, съ другой же, которая должна быть серьезной, она могла бы заниматься и та бы ей помогала во многомъ. Нѣкоторыя дѣти называютъ опредѣленныхъ лицъ, которыхъ они хотѣли бы имѣть друзьями, потому что они имъ рисуются идеаломъ, къ которому они сами хотѣли бы приблизиться. Чтобы узнать склонность дѣтей къ различнымъ профессіямъ, а также мотивы, которые руководятъ ими при выборѣ того или другого занятія, 1755 школьникамъ—873 мальчикамъ и 882 дѣвочкамъ штата Массачусетсъ былъ данъ для письменнаго отвѣта слѣдующій вопросъ: „Кѣмъ ты хочешь быть, когда выростешь большой, и почему ты выбираешь это занятіе“.

Въ результатѣ оказалось, что были названы почти всѣ знакомыя дѣтямъ профессіи. Здѣсь были дѣти земледѣльцевъ, много

было дѣтей ремесленниковъ и фабрикантовъ, родители многихъ занимались хозяйствомъ или поденной работой, торговлей, и нѣкоторые принадлежали къ ученой профессіи.

Несмотря на то, что большинство родителей опрашиваемыхъ дѣтей принадлежали къ поденнымъ рабочимъ или домашней прислугѣ, очень не много дѣтей хотятъ посвятить себя этой дѣятельности, всего 6% мальчиковъ и приблизительно столько же дѣвочекъ. Нерасположеніе къ физическому труду высказывается иногда очень опредѣленно: „я не хочу заниматься хозяйствомъ“, „я не хочу заниматься такой то или другой работой“, все это указываетъ, что физическій трудъ не пользуется у школьниковъ большимъ расположеніемъ.

Большинство дѣтей высказалось за учительскую профессію; 43% дѣвочекъ и 4% мальчиковъ говорятъ, что они хотѣли бы учить дѣтей. При этомъ, подобное желаніе высказывается, главнымъ образомъ, маленькими девятилѣтними дѣвочками (34%) и менѣе всего 16 лѣтними (28%). Что касается мальчиковъ, то ихъ желаніе выбрать своей будущей профессіей учительство увеличивается до 10 лѣтняго возраста (10%), начиная съ этого времени, число желающихъ постепенно падаетъ и къ 15 годамъ достигаетъ только 1%.

Если бы по даннымъ отвѣтамъ можно было безошибочно судить о будущей дѣятельности школьниковъ, то мы могли бы сказать, что въ будущемъ учительская профессія будетъ находиться въ рукахъ женщинъ больше, чѣмъ это наблюдается въ настоящее время.

За другія ученыя профессіи, какъ—то: духовную, докторскую и юридическую высказываются 21% мальчиковъ и 8% дѣвочекъ. Далѣе, торговля и занятія при торговлѣ предпочитается мальчиками,—за эту профессію высказались 32% мальчиковъ и 20% дѣвочекъ, при чемъ дѣвочки предпочитаютъ стенографію, бухгалтерію и занятія на пишущей машинѣ, а мальчики торговлю въ лавкѣ. Профессіи машиниста, механика, швеи, модистки составили одну рубрику ремесла и за это высказалось 14% мальчиковъ и 20% дѣвочекъ.

Удивительно, что веденіе хозяйства не выставляется дѣвочками, какъ желаемое занятіе, и среди всѣхъ нашлась только одна дѣвочка, которая заявила о своемъ желаніи быть хорошей хозяйкой и умѣть хорошо готовить кушанья: „это такъ хорошо, когда умѣютъ стряпать и хозяйничать“. Также ни одна изъ 900 дѣвочекъ не отвѣтила, что вмѣсто всякаго занятія она предполагаетъ выйти замужъ, обстоятельство тѣмъ болѣе удивительное, что нашлось 4 мальчика, заявившихъ о своемъ намѣреніи жениться, какъ только они выростутъ большими.

Интересно было также узнать мотивы, которыми дѣти руководствуются при выборѣ той или иной профессіи. Для этого каждаго ребенка спрашивали, почему онъ избираетъ свое занятіе. 30% мальчиковъ и болѣе чѣмъ 44% дѣвочекъ отвѣтили на этотъ

вопросъ, что это занятіе имъ нравится; при этомъ нѣкоторые желали показать своимъ отвѣтомъ, что они пришли самостоятельно къ подобному рѣшенію; другіе давали такой отвѣтъ, потому что не могли подыскать болѣе опредѣленнаго повода. Вторымъ рѣшающимъ мотивомъ служатъ деньги: 44% мальчиковъ и 24% дѣвочекъ избираютъ себѣ занятіе, которое имъ кажется наиболѣе выгоднымъ. Другая работа по тому же вопросу показываетъ, что деньги занимаютъ даже первое мѣсто среди мотивовъ, которыми дѣти руководствуются въ выборѣ своей профессіи. Очевидно, что деньги играютъ уже черезчуръ большую роль въ мечтахъ и стремленіяхъ американскихъ дѣтей.

Слѣдующимъ мотивомъ, еще низшаго качества, является легкость работы: 12% мальчиковъ и 14% дѣвочекъ мотивируютъ свой выборъ тѣмъ, что избранныя ими занятія не требуютъ большихъ усилій. „Я бы хотѣла быть учительницей", пишетъ 14 лѣтняя дѣвочка, „потому что это легко". Мальчикъ хотѣлъ-бы быть священникомъ, потому что тогда придется работать всего только два часа въ день.

Далѣе, 6% мальчиковъ и 9% дѣвочекъ руководствуются филантропическими соображеніями—они хотятъ помогать людямъ, уменьшить страданія, сдѣлать свѣтъ лучше и т. д. Нѣкоторыя дѣти воодушевляются желаніемъ могущества, славы и свободы. И только 3% мальчиковъ и 2% дѣвочекъ хотятъ избрать своей профессіей занятіе своихъ родителей; отчасти это объясняется тѣмъ, что въ семьяхъ часто говорится: „я не хочу, чтобы мой ребенокъ былъ тѣмъ, что я". Но всетаки многія дѣти указываютъ на профессію отца, и это замѣчается чаще всего въ 13 лѣтъ, когда дѣти кончаютъ школу.

Это изслѣдованіе имѣетъ чрезвычайно важное воспитательное значеніе и можетъ принести большую пользу для школы. Изъ него мы узнаемъ, какія стремленія слѣдуетъ поддерживать въ ученикахъ и, наоборотъ, съ какими школѣ приходится бороться. Прежде всего бросается въ глаза ложный взглядъ на трудъ и на связанную съ нимъ отвѣтственность. Поэтому школа должна пріучить учениковъ правильно смотрѣть на трудъ, постараться поднять значеніе многихъ почтенныхъ и полезныхъ занятій, пріучить учениковъ съ уваженіемъ относиться ко всякаго рода дѣятельности, а не стремиться только къ личнымъ выгодамъ и легкости работъ. Многое уже сдѣлано въ этомъ отношеніи школами, но многое остается еще сдѣлать. Личность учителя, несомнѣнно, оказываетъ большое вліяніе на выборъ дѣтьми ихъ профессій, поэтому—онъ можетъ много сдѣлать въ этомъ отношеніи, направляя дѣтей по разумному и здоровому пути.

Г. Шельданъ (Henry Scheldan), заинтересовавшись вопросомъ объ организаторскихъ способностяхъ дѣтей и ихъ значеніи для развитія общественнаго сознанія, просилъ учителей и учительницъ заставить своихъ учениковъ описать, въ формѣ разсказа, общество, которое они хотѣли бы образовать сами, безъ помощи

взрослыхъ. Чтобы устранить всякую возможность обсужденія этого вопроса заранѣе, работа была дана во всѣхъ классахъ одновременно, и учителя не должны были помогать имъ своими разъясненіями. Было собрано 2906 отвѣтовъ, но изъ этого числа многіе пришлось исключить, потому что въ нѣкоторыхъ не былъ указанъ возрастъ дѣтей, на другихъ отразилось вліяніе взрослыхъ; далѣе, у нѣкоторыхъ дѣтей не было никакого понятія объ обществѣ, такъ что въ концѣ концовъ годныхъ отвѣтовъ оказалось всего 1166, которые для удобства были раздѣлены на 7 слѣдующихъ группъ:

1) Общества, которымъ дѣти хотятъ придать нѣкоторый замкнутый, таинственный характеръ. Клубы для искорененія божбы, общества для изготовленія кукольныхъ платьевъ и проч. Число этихъ обществъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, но этотъ родъ обществъ присущъ всѣмъ возрастамъ и преобладаетъ у дѣвочекъ.

2) Общества, преслѣдующія своей цѣлью разбой и добычу. Сюда относятся всевозможныя разбойничьи шайки, охотничьи и рыболовные клубы, арміи, организованные отряды воиновъ, общества для постройки всевозможныхъ домовъ и крѣпостей. Эти общества преобладаютъ, главнымъ образомъ, у маленькихъ мальчиковъ, а съ 12 лѣтъ уступаютъ мѣсто различнымъ атлетическимъ клубамъ съ болѣе прочной организаціей.

3) Всевозможныя увеселительныя общества, преслѣдующія, въ большинствѣ случаевъ, одни только развлеченія. Этотъ видъ обществъ встрѣчается больше у дѣвочекъ, и является довольно постояннымъ элементомъ на протяженіи тѣхъ десяти лѣтъ, которыя въ этомъ изслѣдованіи подвергались изученію; они составляютъ 10% всѣхъ обществъ.

4) Рабочія общества или союзы, преслѣдующія непосредственную, личную выгоду. Чаще другихъ встрѣчаются кружки для совмѣстнаго житья, у дѣвочекъ. Часто бываетъ, что сюда присоединяется какая нибудь второстепенная цѣль, напр. помощь бѣднымъ.

5) Филантропическія общества, которыя бываютъ двухъ родовъ: одни имѣютъ своей цѣлью помощь другимъ, другія служатъ для взаимнаго предохраненія отъ различныхъ пороковъ, напр. божбы, куренья и проч.

6) Далѣе общества, служащія для поощренія литературнаго, художественнаго и музыкальнаго образованія; съ ними мы уже встрѣчаемся болѣе въ юношескомъ возрастѣ, до 13 лѣтъ они играютъ очень незначительную роль.

7) Наконецъ, атлетическія общества, куда входятъ также всевозможныя игры, напр. игра въ мячъ, теннисъ, ѣзда на велосипедахъ и проч. Эти общества создаются по преимуществу мальчиками.

Авторъ, на основаніи своего изслѣдованія, дѣлаетъ слѣдующіе общіе выводы:

1) Американскія дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, стре-

мятся создавать общества. Правда, эти склонности проявляются не у всѣхъ дѣтей безъ исключенія, но все-же онѣ замѣчаются у большинства. Присуща-ли эта склонность дѣтямъ всѣхъ странъ, или она свойственна только американскимъ дѣтямъ и является какъ бы результатомъ демократическаго строя Америки—вопросъ открытый, рѣшить который было-бы чрезвычайно любопытно.

2) Дѣвочки проявляютъ болѣе сильныя альтруистическія стремленія по сравненію съ мальчиками и поддаются болѣе сильному вліянію религіозныхъ и филантропическихъ побужденій.

3) Дѣвочки, при созданіи обществъ, легче поддаются вліянію взрослыхъ. Онѣ устраиваютъ общества, служащія развлеченіямъ, желаютъ возвысить свое собственное вліяніе, желаютъ развить свои высшія способности. Мальчики-же ближе подходятъ къ первобытному человѣку: они объединяются для того, чтобы охотиться, ловить рыбу, путешествовать, сражаться, оспаривать свое физическое превосходство.

4) За исключеніемъ нѣкоторыхъ клубовъ, создаваемыхъ для поддержанія общительности, мы не встрѣчаемся съ обществами, въ которыхъ принимали бы участіе мальчики и дѣвочки вмѣстѣ.

Соціальное значеніе игръ.

Дѣтскія игры являются однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ при развитіи соціальнаго сознанія ребенка. Игры знакомятъ дѣтей съ окружающими предметами, развиваютъ ихъ чувства, способность наблюденія, быстроту соображенія; общественныя игры подготовляютъ дѣтей къ практической дѣятельности. Поэтому-то болѣе близкое знакомство съ этимъ вопросомъ можетъ принести воспитателю большую пользу. Въ виду этого авторъ предложилъ 978 мальчикамъ и 1072 дѣвочкамъ, отъ 7—16 лѣтняго возраста, сообщить ему, какую игру они любятъ больше всего и почему они предпочитаютъ ее всѣмъ остальнымъ. Были названы 332 игры, изъ которыхъ 54 пришлось исключить, какъ названныя только однажды, остальныя 278 были размѣщены на слѣдующія девять группъ: 1) всевозможныя игры въ мячъ; 2) игры, въ которыхъ наблюдаются сильныя физическія движенія; 3) медленныя подвижныя игры; 4) игры—занятія; 5) комнатныя игры; 6) игры, въ которыхъ главнымъ элементомъ является любовь; 7) игры въ загадки; 8) игры въ животныхъ и 9) различныя игры, которыя нельзя было отнести ни къ одной изъ этихъ группъ.

Самыми любимыми играми оказались всевозможныя игры въ мячъ: онѣ составили 32% всѣхъ перечисленныхъ игръ, при этомъ за нихъ высказалось 65% мальчиковъ и 35% дѣвочекъ.

Затѣмъ слѣдуютъ игры, въ которыхъ преобладаютъ сильныя движенія, какъ-то прятки, жмурки, пятнашки (31%).

Многія игры этой группы берутъ свое начало изъ жизни первобытныхъ народовъ. Тэйлоръ приводитъ много примѣровъ, какъ вещи, играющія большую роль въ жизни первобытнаго че-

ловѣка, постепенно утрачивали свое первоначальное назначеніе и обращались въ современномъ обществѣ въ дѣтскія игрушки. Напримѣръ, лукъ и стрѣла служили орудіемъ защиты, теперь-же служатъ только забавой.

Любовь къ медленнымъ ритмическимъ движеніямъ явилась основаніемъ для многихъ подвижныхъ игръ, многія изъ нихъ сопровождаются хоровыми пѣснями, музыкой и танцами. Онѣ составляютъ 18%, и за нихъ высказались главнымъ образомъ дѣвочки.

Группа игръ-занятій оказалась не такъ велика, какъ этого можно было-бы ожидать, всего 5%, но при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что дѣти часто играютъ въ „хозяйство", „въ школу", и не считаютъ это игрой. Подражательный элементъ въ играхъ имѣетъ большое значеніе. Большинство дѣтскихъ игръ американскихъ индѣйцевъ состоитъ въ подражаніи различнымъ занятіямъ взрослыхъ. Одинъ индѣецъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о дѣтскихъ годахъ, проведенныхъ среди дикихъ, что ихъ игры шли по пути, который имъ указывала жизнь, и въ своихъ играхъ они продѣлывали все то, что имъ необходимо было дѣлать, когда они становились взрослыми. Такъ, ихъ играми были различные фокусы съ лукомъ и стрѣлой, состязанія въ бѣгѣ и скачки на лошадяхъ, борьба, плаваніе, всевозможныя военныя состязанія, стрѣльба ледяными сосульками и проч.

Комнатныя общественныя игры составили всего 3%. Сюда относятся шахматы, домино, карты. Такъ какъ рѣчь шла главнымъ образомъ о лѣтнихъ играхъ, то и не удивительно, что число ихъ оказалось незначительнымъ, такъ какъ онѣ по самому своему характеру являются зимнимъ развлеченіемъ.

Благодаря тому, что въ Америкѣ господствуетъ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, число игръ, въ которыхъ преобладающимъ элементомъ является любовь, очень незначительно (3%). Происходитъ это оттого, что кокетство стало черезчуръ обыденнымъ явленіемъ, чтобы играть какую нибудь роль въ играхъ.

Однако около 3% подаютъ свои голоса за эти игры, при этомъ 87% падаетъ на долю дѣвочекъ и 13% на долю мальчиковъ. Возрастъ предпочитающихъ эти игры всѣмъ другимъ приближается къ юношескому.

Игры въ загадки составляютъ 1½% и предпочитаются дѣвочками, игры въ животныхъ ½% и указываются мальчиками. Отгадываніе носитъ всегда случайный характеръ, и у первобытныхъ народовъ было связано съ искусствомъ предсказанія, такъ что эти игры можно разсматривать какъ пережитокъ первобытныхъ вѣрованій прежнихъ народовъ. Игры въ животныхъ состоятъ по преимуществу въ томъ, что дѣти стараются изображать дѣйствіями и голосами различныхъ животныхъ.

Что касается второй половины вопроса — объяснить, почему дѣти предпочитаютъ названную игру всѣмъ другимъ — для многихъ оказалось затруднительно, и 24% мальчиковъ и 30% дѣвочекъ оставили эту часть вопроса безъ отвѣта. Изъ дѣтей семилѣтняго и восьмилѣтняго возраста тоже немногія объясняютъ

свой выборъ, но, начиная съ 13 лѣтъ, большинство дѣтей мотивируютъ свой выборъ,—обстоятельство, показывающее, что съ 13 лѣтняго возраста дѣти начинаютъ сознательно относиться къ своимъ показаніямъ и что способность сужденія начинаетъ играть роль въ духовной жизни ребенка.

Изъ числа всѣхъ, давшихъ отвѣтъ, 50% мотивировали свой отвѣтъ тѣмъ, что игра доставляетъ имъ удовольствіе, что игра приводитъ ихъ въ хорошее настроеніе. Удовольствіе же можетъ состоять въ движеніи, въ извѣстнаго рода дѣятельности, но оно вытекаетъ, главнымъ образомъ, изъ сознанія, что ребенокъ самъ является виновникомъ своего поступка. Здѣсь, такимъ образомъ, удовлетворяется чувство самодѣятельности. Нѣкоторыя дѣти мотивируютъ свое предпочтеніе тѣмъ, что игры производятся на свободѣ, здѣсь находитъ себѣ удовлетвореніе желаніе быть свободнымъ, сознаніе отсутствія всякаго принужденія. Для другихъ мотивомъ служитъ честолюбіе, выигрышъ, желаніе командовать, играть роль. Дѣти этой группы выбираютъ игры, въ которыхъ можетъ лучше проявиться ихъ ловкость. Далѣе, другія предпочитаютъ игры, въ которыхъ можно подражать взрослымъ; сознаніе, что они дѣлаютъ то-же, что и взрослые, служитъ имъ удовлетвореніемъ въ данномъ случаѣ. У нѣкоторыхъ дѣтей въ выборѣ игръ сказывается желаніе общительности, они говорятъ, что любятъ игры, въ которыхъ можно играть съ другими дѣтьми. Нѣкоторые мальчики высказываютъ предпочтеніе рѣзвымъ, шумнымъ играмъ, тогда какъ дѣвочки, наоборотъ, стоятъ за болѣе спокойныя игры.

Такимъ образомъ, это небольшое изслѣдованіе пытается освѣтить вопросъ о томъ, что, главнымъ образомъ, интересуетъ ребенка въ игрѣ. И съ этой стороны подобные опыты несомнѣнно могутъ приносить воспитателю пользу, указывая ему, какіе интересы онъ долженъ поддержать въ ребенкѣ, развивать и, наоборотъ, какіе ему будетъ необходимо подавить или искоренить.

Въ нѣкоторыхъ американскихъ школахъ въ програму школьнаго обученія введены игры. Джонсонъ, занимавшійся вопросомъ о значеніи дѣтскихъ игръ при обученіи, дѣлитъ всѣ игры на 8 группъ, сообразно числу лѣтъ, которыя дѣти проводятъ въ школѣ. Въ первой группѣ, для шестилѣтнихъ дѣтей, мы встрѣчаемся съ хороводными играми, служащими для искорененія застѣнчивости, онѣ развиваютъ чувства общественности и пріучаютъ всѣхъ дѣтей сосредоточивать вниманіе на чемъ нибудь одномъ; 2) игры, въ которыхъ для укрѣпленія памяти повторяютъ имена животныхъ; 3) игры, въ основѣ которыхъ лежитъ наблюденіе и кои служатъ для развитія сообразительности; 4) игры, состоящія въ перестановкѣ буквъ, соединеніи буквъ въ слоги, служащія для развитія интереса къ чтенію; 5) различныя игры со счетомъ, оцѣнка разстояній, математическія загадки—всѣ онѣ являются вспомогательнымъ средствомъ для ариѳметики; 6) игры съ пескомъ: устройство пещеръ, прокладка дорогъ; 7) живыя картины изъ исторіи, литературное лото и проч., какъ пособія при

преподаваніи литературы и исторіи; 8) наконецъ, цѣлый рядъ игръ, служащихъ для физическаго развитія. Результатомъ введенія этихъ игръ были: легкость разговора, которая стала наблюдаться у маленькихъ дѣтей, болѣе живой соціальный интересъ къ школѣ, затѣмъ дѣти стали быстрѣе развиваться въ умственномъ отношеніи и, наконецъ, къ концу рабочаго дня замѣчалась меньшая степень утомленія.

Изучая вопросъ о любимыхъ играхъ, авторъ пришелъ къ интереснымъ выводамъ, наблюдая повсемѣстное распространеніе стишковъ, служащихъ дѣтямъ для счета, когда, напримѣръ, нужно выбрать кого нибудь одного для исполненія извѣстной роли. Оказалось, что подобные стишки извѣстны всѣмъ дѣтямъ, и нѣкоторыя знаютъ до 17 различныхъ видовъ. Въ общемъ же автору удалось познакомиться съ 183 различными стишками.

Несмотря на то, что эти стихи передаются устно изъ одного поколѣнія въ другое, они сохраняютъ свой первоначальный видъ, и это происходитъ, по мнѣнію автора, благодаря консерватизму дѣтей относительно игръ. Во всѣхъ другихъ областяхъ дѣти любятъ новшество, они относятся съ полнымъ пренебреженіемъ къ традиціямъ окружающихъ, но когда дѣло касается игръ, они являются консерваторами до мозга костей. Они всегда строго относятся къ формальной сторонѣ въ игрѣ и всегда бываютъ недовольны, когда дѣлаютъ ошибки въ правилахъ игры. Этимъ-то постоянствомъ и объясняется, что интересы и дѣятельность ребенка въ играхъ оказываются самыми древними вещами на свѣтѣ, и жизнь ребенка является, такимъ образомъ, связанной съ духовной жизнью дикарей и варваровъ.

Сущность школьнаго обученія съ соціальной точки зрѣнія. Пѣніе. Географія. Исторія.

На развитіе соціальнаго сознанія ребенка, помимо товарищей и игръ, благопріятно вліяютъ многіе предметы школьнаго обученія. Среди нихъ первое мѣсто, по всей вѣроятности, должно занимать пѣніе. Вліяніе его на жизнь ребенка авторъ старался также изслѣдовать путемъ опроса дѣтей того же возраста. 1000 мальчиковъ и столько же дѣвочекъ должны были отвѣтить на слѣдующіе вопросы: „какую пѣсню ты предпочитаешь и почему, и вообще какія ты любишь пѣсни и почему?“

Собранные отвѣты были распредѣлены по рубрикамъ и получилось слѣдующее:

1) Общественныя пѣсни, куда входятъ пѣсни народныя, домашнія, пѣсни негровъ, школьныя и пѣсни любовнаго содержанія. Наиболѣе любимыми оказались домашнія и школьныя. Маленькія семилѣтнія дѣти, 22% дѣвочекъ и 12% мальчиковъ, высказались за этотъ родъ пѣсенъ. Максимальное число за эти пѣсни получилось у дѣтей одиннадцатилѣтняго возраста, 18% дѣвочекъ и 15% мальчиковъ. Дѣти семилѣтняго возраста, въ количествѣ

43% обоего пола, стоятъ за школьныя пѣсни, но съ годами любовь къ пѣснямъ этого содержанія падаетъ, и къ шестнадцати годамъ составляетъ только 2% у дѣвочекъ и 5% у мальчиковъ. Всего же, изъ 2000 дѣтей, 19% считаютъ школьныя пѣсни своими любимыми, но болѣе половины этого числа относится къ возрасту ниже десятилѣтняго.

2) Пѣсни религіознаго содержанія, какъ-то: церковныя пѣсни, школьныя воскресныя пѣсни, рождественскія пѣсни. Семилѣтнія дѣти, 16% мальчиковъ и столько же дѣвочекъ, оказались любителями религіознаго пѣнія, число это съ годами постепенно возрастаетъ, при этомъ у дѣвочекъ сильнѣе, чѣмъ у мальчиковъ, такъ что къ 16 годамъ оно достигаетъ 27% у дѣвочекъ и 21% у мальчиковъ.

3) Національныя пѣсни, которыя состоятъ изъ пѣсенъ патріотическаго содержанія и военныхъ, конечно, оказались преобладающими среди мальчиковъ. Въ семилѣтнемъ возрастѣ 13% дѣвочекъ и 18% мальчиковъ высказывается за нихъ: у дѣвочекъ въ 12 лѣтъ оно достигаетъ minimum'a 29%, а у мальчиковъ въ возрастѣ между 9 и 11 годами 40%. Въ общемъ же эти пѣсни оказались любимыми у 20% дѣвочекъ и 35% мальчиковъ.

4) Уличныя пѣсни. У семилѣтнихъ дѣвочекъ число упоминаемыхъ пѣсенъ этого рода выражается въ количествѣ 3%, въ 14 лѣтъ число достигаетъ своего maximum'a 15%, а потомъ у шестнадцатилѣтнихъ падаетъ до 4%. У мальчиковъ въ 7 лѣтъ 5%, 14 лѣтъ—14%, въ 16 лѣтъ—18%, а потомъ спускается до 7%. Отсюда видно, что мальчики выказываютъ предпочтеніе этимъ пѣснямъ болѣе дѣвочекъ.

5) Въ пятую группу вошли пѣсни смѣшаннаго содержанія: опера, морскія пѣсни и другія, которыя дѣтьми упоминаются рѣдко.

Изъ 2000 опрошенныхъ дѣтей только четверо не указали своего вкуса, два мальчика отвѣтили, что они не умѣютъ пѣть и потому у нихъ нѣтъ любимыхъ пѣсенъ, и двѣ дѣвочки не могли указать, такъ какъ у нихъ очень много любимыхъ пѣсенъ.

Дѣтямъ было гораздо легче назвать любимую пѣсню, чѣмъ объяснить свой выборъ. Одинъ шестнадцатилѣтній мальчикъ хорошо высказалъ подобную трудность: „Мнѣ нравится больше всего „Jch weiss dass mein Erloser lebt“ изъ Мессіи Генделя. Гармонія этой пѣсни удивительна и, когда ее поетъ хорошее сопрано, то у меня пробѣгаетъ морозъ по спинѣ“. Gurney въ своей книгѣ „The Power of Saund“ говоритъ по этому поводу: „Если спросить кого нибудь, что ему нравится въ красивомъ зданіи, то онъ дастъ удовлетворительный отвѣтъ; но если спросить, почему нравится какая-нибудь Моцартовская мелодія, то онъ скажетъ: „потому что она красива“ и будетъ еще считать тебя дуракомъ за подобный вопросъ“. Такого взгляда, повидимому, придерживались дѣти (19% дѣвочекъ и 16% мальчиковъ), когда на вопросъ, почему они предпочитаютъ извѣстныя пѣсни, отвѣтили, что они находятъ ихъ красивыми. Слѣдуетъ ли здѣсь по-

нимать, что имъ нравится музыка или что другое—неизвѣстно. Чѣмъ дѣти становятся старше, тѣмъ этотъ мотивъ встрѣчается рѣже, но дѣвочками онъ высказывается чаще, чѣмъ мальчиками.

20% дѣвочекъ и 16% мальчиковъ отвѣтили, что имъ нравятся текстъ и мелодія пѣсни. Эти оба мотива оказались наиболѣе распространенными при выборѣ.

Нѣкоторыя дѣти, 15% дѣвочекъ и 13% мальчиковъ, отвѣтили, что они любятъ названныя ими пѣсни вслѣдствіе того, что они вызываютъ въ нихъ пріятныя представленія, воспоминанія. Такимъ образомъ, ассоціація играетъ значительную роль среди всѣхъ основаній, которыми дѣти руководствуются въ своихъ сужденіяхъ. Въ числѣ основаній фигурируетъ ассоціація пѣсни съ запахомъ. Одинъ мальчикъ пишетъ: мнѣ больше всего нравится „Lied von den Tausies (Анютины глазки, Иванъ да Марья), потому что я люблю этотъ запахъ, и когда я слышу эту пѣсню, то мнѣ кажется, что до меня доносится ихъ ароматъ. Нѣкоторыя дѣти любятъ пѣсни, въ которыхъ упоминается о рѣкахъ, потому что имъ нравится слѣдить за теченіемъ воды. Различнаго рода историческія ассоціаціи играютъ тоже значительную роль. Chorley замѣчаетъ, что когда слышатъ „Eine feste Burg“ или Марсельезу, то никто не будетъ думать о томъ, что онъ слышитъ псаломъ или маршъ, но онъ сейчасъ-же ассоціируетъ первую пѣсню съ образомъ Лютера, а вторую съ французской революціей. Burroughs—американскій изслѣдователь жизни птицъ—говоритъ, что въ основѣ нашей любви къ пѣнію птицъ лежитъ ассоціація; что пѣсня зяблика весной или пѣніе перваго жаворонка не казались бы намъ музыкальными, если бы мы съ этими звуками не соединяли никакихъ представленій.

Въ концѣ изслѣдованія авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы.

Дѣти школьнаго возраста при выборѣ любимыхъ пѣсенъ руководствуются различнаго рода соціальными соображеніями.

Самый сильный интересъ дѣти проявляютъ къ пѣснямъ національнаго характера. Интересъ этотъ ростетъ съ годами и у мальчиковъ сильнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ.

Интересъ къ духовной музыкѣ тоже увеличивается съ возрастомъ, но проявляется сильнѣе у дѣвочекъ.

Что касается домашнихъ и школьныхъ пѣсенъ, то любовь къ нимъ у дѣтей съ годами ослабѣваетъ.

Любовь къ музыкѣ является однимъ изъ могущественныхъ факторовъ, вліяющихъ на вкусъ дѣтей въ музыкальной области.

Народныя пѣсни оказываютъ большое вліяніе на дѣтей и потому должны составлять главную часть музыкальнаго образованія низшихъ школъ.

Преподаваніе исторіи также несомнѣнно должно оказывать большое вліяніе на развитіе соціальныхъ чувствъ. Для того, чтобы выяснить, на чемъ основывается вѣра ребенка въ какой нибудь историческій фактъ и въ чемъ состоитъ вліяніе исторіи,—

двумъ группамъ дѣтей болѣе 3,000 человѣкъ, въ возрастѣ отъ 8—16 лѣтъ, было предложено отвѣтить на два вопроса.

Первая группа должна была отвѣтить, почему они думаютъ, что когда-то жилъ человѣкъ, по имени Георгъ Вашингтонъ.

Другую группу просили назвать какое нибудь событіе, случившееся до ихъ рожденія, которое они считаютъ достовѣрнымъ, и объяснить, на чемъ они основываютъ вѣру въ его достовѣрность.

Изъ сопоставленія отвѣтовъ этихъ обѣихъ группъ можно придти къ заключенію, что у дѣтей есть пять родовъ различныхъ основаній, на которыхъ покоится ихъ вѣра въ извѣстный историческій фактъ, и что всѣ эти основанія относятся къ различнымъ періодамъ ихъ умственнаго развитія.

Дѣти младшаго возраста основываютъ свою вѣру на слухахъ— кто-то имъ разсказывалъ о томъ, что Вашингтонъ жилъ, и они вѣрятъ этому. Разсказы, слышанные ими въ дѣтской, являются главнымъ источникомъ ихъ свѣдѣній, и чаще всего дѣти ссылаются на авторитетъ матери. Но съ годами это основаніе начинаетъ приводиться значительно рѣже.

Вторымъ основаніемъ является чтеніе: дѣти говорятъ, что читали объ этомъ въ книгѣ; съ годами и это основаніе уменьшается, и, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, историческій фактъ не относится ни къ опредѣленному времени, ни къ опредѣленному мѣсту.

Въ жизни ребенка, какъ и въ жизни дикаря, наступаетъ періодъ, когда онъ начинаетъ придавать значеніе достовѣрнымъ извѣстіямъ. Книга въ этотъ періодъ является собраніемъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Это случается, когда у ребенка уже есть извѣстный запасъ историческихъ знаній; въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ это основаніе приводится чаще всего, болѣе 40%.

Многія дѣти основываютъ свою вѣру на какой нибудь видимой связи съ прошлымъ фактомъ. Они ссылаются на какую нибудь картину, памятникъ, празднованіе годовщинъ и т. д. для доказательства правдоподобности событія. Одинъ мальчикъ говоритъ: „я вполнѣ увѣренъ, что Георгъ Вашингтонъ жилъ, потому что я видѣлъ много его портретовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я не думаю, чтобы кто нибудь былъ въ состояніи нарисовать такое прекрасное лицо безъ оригинала“. Дѣвочка пишетъ: „я думаю, что Вашингтонъ жилъ, такъ какъ мы празднуемъ день его рожденія“. Мальчикъ изъ второй группы говоритъ: „я знаю, что была гражданская война, потому что моему отцу оторвало пальцы, и онъ потерялъ одинъ глазъ“. Другой мальчикъ пишетъ: „я думаю, что была война, потому что тамъ былъ мой дѣдушка. Ему оторвало мизинецъ, и онъ получаетъ каждые 3 мѣсяца пенсію“.

Всѣ эти факты указываютъ, что дѣти устанавливаютъ видимую связь съ историческимъ событіемъ,—обстоятельство, указывающее, на то, что при преподаваніи исторіи большую пользу могутъ оказывать разсматриваніе картинъ, гравюръ, посѣщеніе музеевъ, осмотръ всякаго рода памятниковъ и проч.

Приблизительно около 13 лѣтняго возраста у ребенка начинаетъ развиваться способность сужденія, онъ начинаетъ понимать связь между причиной и слѣдствіемъ, и вотъ тогда логическое разсужденіе начинаетъ ему служить основаніемъ его вѣры въ достовѣрность главнѣйшихъ историческихъ событій, 17% дѣтей первой группы объясняютъ свою увѣренность въ томъ, что Георгъ Вашингтонъ жилъ, при помощи логики. Напр. „Онъ былъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, слѣдовательно онъ жилъ“. „Онъ командовалъ войсками во время войны за освобожденіе С. Американскихъ Штатовъ и,—слѣдовательно, жилъ“.

Какъ уже сказано, подобные отвѣты приводятся болѣе взрослыми дѣтьми, и главнымъ образомъ мальчиками.

Съ цѣлью установить характеръ и сущность интереса къ географіи у дѣтей, 4057 мальчикамъ и дѣвочкамъ, въ возрастѣ 8—16 лѣтъ, былъ предложенъ вопросъ: „Если бы ты могъ поѣхать путешествовать — и если бы ты могъ посѣтить то мѣсто (Ort), которое тебѣ больше всего хочется видѣть — куда бы ты поѣхалъ и почему бы ты выбралъ именно это мѣсто?“

Изъ отвѣтовъ видно, что интересъ маленькихъ дѣтей сосредоточивается на болѣе близкихъ мѣстностяхъ, а интересъ къ городамъ у дѣвочекъ сильнѣе, чѣмъ у мальчиковъ. Возможно, что это произошло вслѣдствіе того, что въ вопросѣ стоитъ слово „мѣсто“ (Ort), которое у маленькихъ дѣтей связано съ понятіемъ города, безъ сомнѣнія также слово „городъ“ представляетъ болѣе конкретную, опредѣленную географическую единицу и потому для дѣтей младшаго возраста болѣе понятенъ. Отвѣты указываютъ также на нѣкоторое вліяніе школьнаго обученія, хотя это вліяніе и не такъ сильно, какъ этого можно было ожидать. Съ годами у дѣтей развивается желаніе изучать болѣе отдаленныя мѣстности, другіе штаты и страны, это желаніе, за исключеніемъ восьми и двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей, сильнѣе высказывается дѣвочками. Мы часто встрѣчаемъ желанія посѣтить Канаду и Англію; по всей вѣроятности, это зависитъ отъ того, что родина опрошенныхъ дѣтей — Канада.

Желаніе посмотрѣть какія нибудь мѣстности, интересныя по своему строенію, напр., горы, озера, очень незначительно, оно высказывается только 1/20% всѣхъ дѣтей. Стремленіе посѣтить Калифорнію и Флориду, высказанное 263 дѣтьми, объясняется желаніемъ увидѣть страны съ менѣе суровымъ климатомъ, чѣмъ въ Новой Англіи.

Большаго вниманія, съ педагогической точки зрѣнія, заслуживаютъ мотивы, которыми дѣти объясняютъ свое желаніе посѣтить ту или другую мѣстность. Цифровыя данныя намъ указываютъ, что соціальные и обще-человѣческіе интересы оказываютъ вліяніе почти на половину дѣтей (1829 человѣкъ). При этомъ историческій интересъ является однимъ изъ самыхъ значительныхъ (612). Дѣти выражаютъ желаніе увидѣть мѣстность или предметъ, имѣющіе какое нибудь историческое значеніе.

Наприм., мѣста, связанныя съ войной за независимость или гражданской войной. Далѣе, однимъ изъ главныхъ мотивовъ служитъ желаніе посѣтить друзей и знакомыхъ: 247 мальчиковъ и 351 дѣвочка, послѣднія, слѣдовательно, стоятъ въ этомъ отношеніи нѣсколько впереди мальчиковъ. Большую роль играютъ также желанія познакомиться съ нравами, привычками, стремленіями другихъ народовъ (191 человѣкъ — 106 мальчиковъ и 85 дѣвочекъ). Дѣти желаютъ узнать, что другіе дѣлаютъ, какъ живутъ, что ѣдятъ и проч. Мальчики выказываютъ большой интересъ къ торговымъ отношеніямъ другихъ народовъ, они также интересуются жизнью и событіями другихъ странъ, многіе изъ нихъ хотятъ видѣть войну на о-вѣ Кубѣ.

Эстетическій интересъ въ желаніяхъ дѣтей проявляется тоже довольно опредѣленно: 17% руководствуются имъ въ своемъ выборѣ мѣстности, которую имъ хочется видѣть. У маленькихъ дѣтей подобнаго интереса еще не замѣчается, но съ годами онъ увеличивается и въ 17 лѣтъ достигаетъ 26%. Это даетъ возможность предположить, что эстетическій интересъ развивается постепенно въ школѣ, и рисованіе, несомнѣнно, имѣетъ большое вліяніе на его развитіе.

Авторъ заключаетъ, что это изслѣдованіе какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ существованіи у дѣтей вполнѣ яснаго и сильнаго интереса къ соціальнымъ отношеніямъ. 4057 дѣтскихъ отвѣтовъ указываютъ, что дѣти интересуются жизнью народа, его физическими, духовными и нравственными особенностями, интересуются его исторіей, начиная съ первобытнаго и кончая современнымъ состояніемъ, интересуются его соціальными и религіозными обычаями, языкомъ, которымъ онъ говоритъ, занятіями, которыя онъ избираетъ и т. д.

Что касается практической пользы этого изслѣдованія, то, по мнѣнію автора, результатами этой работы нужно пользоваться при постановкѣ преподаванія географіи въ школахъ. При выборѣ матеріала нужно стараться сообразоваться съ естественными интересами ребенка, которые у него такъ сильны, и тогда только можно достигнуть хорошихъ успѣховъ. Затѣмъ, въ виду того, что дѣти проявили довольно сильный интересъ къ торговымъ сношеніямъ, полезно обращать вниманіе на развитіе промышленности тѣхъ странъ, которыя изучаются. Можно указать, какая промышленность больше всего развита въ данной странѣ, что изъ нея вывозится и куда; и наоборотъ, что служитъ предметомъ ввоза и т. д. Наконецъ, это же изслѣдованіе показываетъ, что при изученіи страны полезно связывать съ ней современныя событія или событія прошлаго. Ребенокъ, несомнѣнно, съ большимъ интересомъ изучитъ географію Южной Африки, если разсказать ему про современную войну Буровъ.

М. Ефремовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Старый школьный вопросъ въ современномъ освѣщеніи.

По поводу книги С. Г. Смирнова. Ученическіе журналы и сборники М. 1902. in 8-vo Стр. 134.

Книжка С. Г. Смирнова посвящена одному изъ интересныхъ школьныхъ вопросовъ нашего времени: быть или не быть ученическимъ журналамъ въ русской средней школѣ. Аналогичный вопросъ былъ поставленъ А. Д. Алферовымъ относительно ученическихъ спектаклей *). Оба автора на поставленные ими вопросы отвѣчаютъ утвердительно. Итакъ, быть въ нашей школѣ и журналамъ, и спектаклямъ... Со спектаклями дѣло обстоитъ гораздо проще, не такъ съ журналами, вслѣдствіе чего послѣднимъ и посвящено г. Смирновымъ цѣлое изслѣдованіе, по которому красною нитью проходитъ стремленіе убѣдить „кого слѣдуетъ", что ученическіе журналы—совсѣмъ не страшная вещь, попутно не забываются и трусливаго десятка педагоги, которые пуще всего на свѣтѣ боятся критики своихъ учениковъ: глубокомысленнаго ревизора за носъ провести не трудно, а вотъ учениковъ ужъ никакъ не надуешь. Г. Смирновъ спѣшитъ успокоить такихъ педагоговъ, что имъ тутъ, собственно говоря, нечего бояться: ученики де критикой вообще не занимаются, а если займутся, такъ и пристукнуть можно. Точь въ точь какъ одинъ педагогъ недавно выразился, переглядывая только что переписанный свѣжій нумеръ ученическаго журнала: „мы сами подъ цензурой ходимъ!" Это означало, что по нумеру слѣдуетъ пустить струю хорошо намъ знакомыхъ красныхъ чернилъ...

Книжка г. Смирнова представляетъ изъ себя бѣглый обзоръ исторіи ученическихъ журналовъ и сборниковъ въ русской школѣ,—обзоръ, проникнутый одною общей мыслью и преслѣдующій опредѣленную цѣль. Собранный авторомъ матеріалъ, какъ впрочемъ и самъ онъ признаетъ, является до нѣкоторой степени случайнымъ; анализъ этого матеріала не идетъ далеко въ глубь и не всегда удовлетворяетъ вдумчиваго читателя, который часто рискуетъ попасть въ просакъ: насколько въ самомъ дѣлѣ авторъ

*) См. въ газетѣ „Русскія Вѣдомости" 1902 г., № 90.

искренно играетъ на случайности матеріала, не является ли порой эта случайность плодомъ тенденціи, результатомъ желанія во что бы то ни стало привлечь на свою сторону „кого слѣдуетъ“? Этотъ вопросъ ни на минуту не покидаетъ читателя и въ концѣ концовъ послѣдній остается замѣтно неудовлетвореннымъ, несмотря на то, что готовъ очень горячо поблагодарить автора за предпринятую интересную работу. Съ первыхъ же строкъ предисловія г. Смирновъ заявляетъ себя врагомъ пренебреженія къ умственной и нравственной индивидуальности учащихся. „То явленіе школьной жизни, которое обыкновенно называютъ *ученическими журналами*, представляется, пишетъ авторъ, очень важнымъ въ этомъ отношеніи: вѣдь это—естественно вырастающая форма яркаго обнаруженія индивидуальныхъ наклонностей и самодѣятельности учениковъ“. Явленіе это до сихъ поръ не изслѣдовано, и г. Смирновъ опубликовываетъ свою работу, подчеркивая какія то благопріятныя условія для развитія школы въ наши дни. Здѣсь авторъ начинаетъ впадать въ область иллюзій, начинаетъ незамѣтно для самого себя отрывать школу отъ дѣйствительности, изъ которой она получаетъ свои питательные соки. Авторъ вѣритъ въ ближайшій расцвѣтъ школы безъ общей бытовой реформы и пишетъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ такую фразу: „Въ настоящее время, когда *духъ жизни* повѣялъ, наконецъ, надъ нашею многострадальною школой, когда рушатся традиціи, созданныя уставомъ гимназій 1871 года, и патентованные столпы толстовской школы съ недоумѣніемъ и не всегда скрытымъ озлобленіемъ смотрятъ на давно небывалое оживленіе въ педагогическомъ мірѣ,—въ настоящее время вопросы индивидуальности ученика получаютъ первостепенное значеніе“. *Духъ жизни* повѣялъ надъ нашей школой—какъ это въ сущности смѣшно читать: откуда могъ взяться этотъ духъ, въ чемъ онъ успѣлъ выразиться, чѣмъ могъ бы питаться? На эти вопросы отвѣта нѣтъ у г. Смирнова. Его духъ жизни—сладкая мечта, обманъ чувствъ; его слова характерны и цѣнны не для нашей школы, а для исторіи нашей общественности. Нѣтъ, отрывать школу отъ общихъ жизненныхъ устоевъ нельзя, и даже вредно: это значитъ закрывать глаза на дѣйствительность и фантасмагорію превращать въ фактъ. Сорвавшись съ почвы здороваго реализма, легко попасть въ данномъ случаѣ въ омутъ компромиссовъ, нежелательныхъ и также вредныхъ. Въ школѣ все должно быть ясно и просто; всякій компромиссъ будетъ отдавать ложью, а лжи учащіеся не простятъ никогда, даже въ томъ случаѣ, если сами сдѣлаются столпами отечества и мастерами лжи. Невѣрная общая характеристика вовлекла г. Смирнова въ рядъ неловкихъ и невѣрныхъ доказательствъ въ пользу допущенія школой ученическихъ журналовъ: авторъ черезчуръ поусердствовалъ, выступивъ на помощь наслѣженному имъ *духу жизни*, который можно было бы иллюстрировать довольно миленькими фактами.

Прежде характеристики упомянутыхъ доказательствъ надо от-

мѣтить вкратцѣ общее содержаніе книжки и выводы, къ которымъ пришелъ г. Смирновъ. Авторъ излагаетъ изученный имъ матеріалъ въ 5 главахъ: 1) „печатные ученическіе журналы и сборники“ (стр. 5—35); 2) „рукописные ученическіе журналы отъ 1804 до 1890 года“ (стр. 36—72); 3) „рукописные ученическіе журналы послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка (стр. 73—114); 4) друзья и враги школьныхъ журналовъ (стр. 114—120) и 5) „какъ должна школа относиться къ ученическимъ журналамъ“ (стр. 120—134). Послѣдняя глава представляетъ общіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ какъ на основаніи знакомства со столѣтней исторіей рукописныхъ ученическихъ журналовъ, такъ и на основаніи собственнаго педагогическаго опыта. Попробуемъ разобраться въ этихъ выводахъ, которые не сведены авторомъ въ опредѣленно выраженныя положенія.

Во первыхъ, ученическіе журналы не должны быть ни запрещаемы, ни искусственно создаваемы; *во вторыхъ*, возможность существованія ученическихъ журналовъ въ средней школѣ должна быть признана разъ навсегда, какъ основной принципъ; *въ третьихъ*, ученическіе журналы должны издаваться непремѣнно открыто, т. е. съ вѣдома начальства учебнаго заведенія и при условіи просмотра ихъ преподавателями; *наконецъ*, тайное изданіе ученическихъ журналовъ и сатирическій элементъ въ нихъ должны быть запрещены безусловно. Запрещеніе издавать тайно ученическіе журналы, запрещеніе прямое и рѣзкое, ничему не поможетъ: журналы все таки будутъ издаваться. Историческая справка г. Смирнова показываетъ, что учащіеся обыкновенно не взирали на то, какъ относится высшая учебная администрація къ журналамъ; они поступали въ этомъ отношеніи такъ, какъ имъ хотѣлось и соотвѣтственно имѣвшимся въ ихъ распоряженіи средствамъ. Разрѣшали издавать, — учащіеся дѣлали свое дѣло открыто; запрещали—они съ еще большимъ рвеніемъ сочиняли и переписывали потихоньку. Такъ будетъ, конечно, и впредь. Слѣдовательно, если признавать тайное изданіе ученическихъ журналовъ явленіемъ весьма нежелательнымъ или, если угодно, вреднымъ въ школѣ, то необходимо создать наиболѣе благопріятную атмосферу для ихъ явнаго существованія. Журналовъ не станутъ издавать тайно, если общія школьныя условія для нихъ не будутъ стѣснительными, если они будутъ наоборотъ облегчать осуществленіе этой ученической затѣи, которая порой обращается въ цѣнное орудіе для поднятія умственнаго уровня учащихся. Г. Смирновъ мелькомъ и блѣдно намекаетъ на стремленіе къ *самообразованію*, обнаруживающееся въ группѣ ученическихъ журналовъ, которую онъ обозвалъ автодидактической. Разъ это стремленіе обнаружилось, тутъ то и нужны благопріятныя школьныя условія: надо, чтобы этотъ порывъ нашелъ себѣ соотвѣтственный исходъ въ лицѣ благороднаго, научно образованнаго и любящаго молодое поколѣніе преподавателя; сами учащіеся пойдутъ къ нему за совѣтами, указаніями и даже критикой на нихъ,

разъ они увѣровали въ его искренность и способность руководить. Тутъ никому и въ голову не пойдетъ тайный журналъ... И выходитъ, что о какой бы частности въ школьномъ быту ни заговорить, всякій разъ приходится твердить одно и то же: долой преподавателя-невѣжду, давайте съ широкимъ научнымъ образованіемъ. А отсюда всего одинъ шагъ до критики нынѣшняго университета, до жалобъ на вопіющую эксплуатацію учительскаго труда...

Нѣкоторымъ пугаломъ для г. Смирнова являются ученическіе журналы *сатирической* группы. Г. Смирновъ полагаетъ, что журналовъ этой группы въ школѣ существовать не должно. Какъ выше г. Смирновъ забывалъ, что школьная реформа можетъ быть или частью общей реформы, или просто ломкой, такъ здѣсь онъ сходитъ съ почвы принципіальныхъ соображеній, а аргументируетъ, становясь на почву компромиссовъ. „Мы, пишетъ г. Смирновъ (стр. 25), не можемъ представить себѣ ученическаго журнала безъ сатирическихъ выходокъ на учителей и начальство; факты, собранные мною, покажутъ, что эти педагогическіе страхи въ значительной степени преувеличены“ (срв. стр. 41, 44, 54, 57, 61, 104, 110 и др.). И вотъ на протяженіи всей книжки г. Смирновъ занятъ успокоиваніемъ что сатирическаго элемента въ журналахъ бояться нечего: сами ученики мало, даже очень мало имъ интересуются; вопросы науки, эстетики, философіи интересуютъ ихъ гораздо больше. Да, наконецъ, этотъ элементъ можно и вытравить; г. Смирновъ преостроумно замѣчаетъ, что „открытое чтеніе журнала учителями, конечно, уничтожило бы его совершенно, такъ какъ онъ не представляется нигдѣ, какъ основная цѣль изданія; изъ за него одного ученики не стали бы затѣвать тайнаго журнала“ (стр. 127). Какъ хорошо разрѣшить ученическіе журналы! Стоитъ только разрѣшить, а тамъ прощай тайный ученическій журналъ, прощай сатира и насмѣшка надъ педагогическимъ чиновникомъ! Да, пусть послѣдніе думаютъ, какъ хотятъ: въ пику имъ мы будемъ утверждать, что и сатира, и тайный журналъ равно возможны во всякомъ случаѣ, будутъ ли журналы воспрещены вовсе, или будутъ разрѣшены только явные. Напрасное лицемѣріе никому здѣсь не поможетъ, и педагогу менѣе всего позволительны такіе пріемы... Мы пойдемъ нѣсколько дальше, и позволимъ себѣ задать вопросъ, да правда ли, что этотъ сатирическій элементъ такъ „вреденъ“, что на него слѣдуетъ ополчиться, уничтожить, вытравить... Авторъ относитъ къ группѣ сатирической тѣ журналы, въ которыхъ обнаруживается „стремленіе къ критикѣ и протесту“ (стр. 123), стремленіе, которое въ среднихъ классахъ можетъ выражаться лишь въ болѣе или менѣе остроумномъ вышучиваніи, высмѣиваніи комическихъ сторонъ въ учителяхъ и порядкахъ школы. Стало быть всякая критика, всякій протестъ вредны. Огульное осужденіе г. Смирнова не выдерживаетъ критики. Нельзя воспитывать дѣтей такъ, чтобы они равно подчинялись съ восторгомъ и добру, и злу; въ жизни они

должны сдѣлаться горячими поклонниками добра, рѣзкими борцами противъ всякаго зла. Неужели вы хотите научить вашихъ учащихся ловко балансировать между тѣмъ и другимъ, лишь бы волки были сыты и овцы цѣлы? Это, во первыхъ. А во вторыхъ, неужели вы думаете, что критика педагогическихъ пріемовъ учащихъ изъ устъ учащихся безполезна для первыхъ. Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Ничто такъ не драгоцѣнно для преподавателя, какъ отзывы о его пріемахъ самихъ учащихся. Какъ хорошо они схватываютъ противорѣчія въ вашихъ поступкахъ, ваши невольные грѣхи противъ справедливости, ваши прорѣхи въ объясненіяхъ! Чѣмъ больше замѣчаній со стороны учащихся будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи учащіе, тѣмъ болѣе тѣснымъ будетъ союзъ между тѣми и другими, тѣмъ горячѣе взаимная любовь и уваженіе къ индивидуальной личности другъ друга. Что же касается „*выходокъ*", противъ которыхъ всѣ готовы ратовать, то ихъ быть не можетъ при нормальныхъ школьныхъ порядкахъ, сами учащіеся ихъ не допустятъ. А остроумную, живую и милую шутку нужно ли гнать? Самъ г. Смирновъ приводитъ въ своей книжкѣ такія выдержки изъ журналовъ сатирической группы, противъ которыхъ ровно ничего нельзя имѣть.

Авторъ выступаетъ въ своей книжкѣ не простымъ апологетомъ ученическихъ журналовъ, исходя изъ самаго факта ихъ постояннаго существованія въ школѣ; онъ готовъ признать въ качествѣ основного принципа возможность ихъ существованія. Это положеніе частью оправдывается у него соображеніями педагогическаго свойства, но главное вниманіе обращено на то, чтобы разсѣять сомнѣнія и страхи относительно ученическихъ журналовъ въ сферѣ, власть имущей. Мы уже видѣли, какъ онъ отнесся къ „стремленію къ критикѣ и протесту" въ ученическихъ журналахъ: но,—говоритъ г. Смирновъ,—это элементъ вредный, да и сами учащіеся къ нему почти не прибѣгаютъ; при чтеніи журналовъ учителями онъ погибнетъ. Ужъ ради одного потопленія сатиры надо разрѣшить изданіе ученическихъ журналовъ. Однако менѣе рѣшительные колеблются: „а ну какъ на развалинахъ поверженной въ прахъ сатиры разовьется, увлеченіе политическими и общественными вопросами," что тогда дѣлать? Противъ такихъ колебаній у автора готовъ подходящій отвѣтъ, ловко почерпнутый имъ изъ исторіи ученическихъ журналовъ въ русской школѣ. На многихъ страницахъ своей книжки г. Смирновъ заявляетъ, что политическіе и общественные вопросы вообще мало занимаютъ *) учащихся, они заслоняются вопросами науки, философіи, эстетики (срв. выше). Бояться, стало быть, нечего. Отвѣтъ г. Смирнова весьма понятенъ и стоитъ въ логической связи съ тѣмъ, что у него говорится относительно журналовъ сатирической группы: разъ нѣтъ интереса къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, не можетъ быть стремленія къ кри-

*) См. особенно стр. 128 и 106.

тикѣ и протесту. Ну а если бы такой интересъ обнаружился, стало быть надо было бы запретить ученическіе журналы?! Развѣ интересъ учащихся къ окружающей ихъ дѣйствительности есть преступленіе? Съ какихъ это поръ любовный, страстный интересъ къ своему отечеству успѣлъ превратиться во что то недостойное? Вы думаете, что разрѣшеніе журналовъ дастъ возможность учащимся трактовать вопросы политическіе и общественные? Такъ что же? Пусть ихъ интересуются лучше этими вопросами, чѣмъ играютъ въ позорную для нихъ игру на тотализаторѣ или обиваютъ пороги кафе-шантановъ. Г. Смирновъ самъ же на стр. 100—101 своей книжки приводитъ прелюбопытныя выдержки изъ одного московскаго ученическаго журнала, которыя свидѣтельствуютъ, что водка и кафе-шантанъ—довольно замѣтное зло среди учащихся. Въ Москвѣ есть крупный кафе-шантанъ подъ соусомъ театра, содержимый пріѣзжимъ французомъ Ш. Омонъ. Авторъ—гимназистъ, въ статьѣ „Наше гимназическое ученіе", между прочимъ пишетъ слѣдующее: „первая группа гимназистовъ увлекается уличною жизнью; подъѣздъ Омона для нея это—таинственная завѣса, за которую направлены всѣ ея мысли, всѣ стремленія; сквернословіе—это ея священный пароль; чудовищно-неприличные стихи и анекдоты—ея литература"— группа эта зовется омонистами и у послѣдней чуть ли не дежурятъ или дежурили по вечерамъ помощники классныхъ наставниковъ для уловленія омонистовъ. Какъ же бороться съ направленіемъ гг. омонистовъ? Можно только путемъ созданія въ нашей школѣ культурной обстановки. А среди *культурной* обстановки всегда будутъ въ умѣренной дозѣ интересы политическіе и общественные на строго *научныхъ* основаніяхъ. Вѣдь только о такихъ интересахъ на *научной* почвѣ и можетъ здѣсь итти рѣчь. Политическіе и общественные вкусы, если только въ данномъ случаѣ о нихъ стоитъ говорить въ угоду разгоряченному воображенію фантастическихъ оппонентовъ г. Смирнова, воспитываются не ученическими журналами, а прежде всего окружающею дѣйствительностью и затѣмъ научнымъ преподаваніемъ исторіи и исторіи литературы: первая даетъ возможность обрисовать послѣдовательное развитіе политическихъ и общественныхъ процессовъ, вторая — отраженіе въ художественной литературѣ настроенія общественной мысли въ тотъ или другой моментъ. Безцѣльно поэтому доказательство г. Смирнова о возможности разрѣшить ученическіе журналы, ибо учащіеся мало интересуются политическими и общественными вопросами. Названными вопросами они хоть и мало, а все таки интересуются и будутъ интересоваться, не взирая на запрещеніе или разрѣшеніе имъ издавать журналы, если же этотъ интересъ кому либо кажется вреднымъ, тогда надлежитъ вовсе уничтожить въ средней школѣ преподаваніе исторіи и исторіи словесности. Больше ничего не придумаешь. Наша же точка зрѣнія будетъ иной: интересъ къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ на *строго научной*

почетъ не только возможенъ, но и желателенъ,—не только не вреденъ, а полезенъ, ибо это—наилучшій путь для того, чтобы наполнять наши высшія учебныя заведенія дѣйствительно зрѣлыми молодыми людьми, способными на серьезное, обдуманное общественное дѣло, а не на шутовскія предпріятія либо на скандалы въ загородныхъ ресторанахъ

Таковы выводы г. Смирнова. Мы не раздѣляемъ его убѣжденія въ какомъ то „духѣ жизни“ въ нашей школѣ, внезапно откуда то низринувшемся, но думаемъ, что ученическіе журналы—явленіе терпимое въ школѣ, и потому станемъ доказывать это исключительно путемъ научно-педагогическихъ соображеній, путемъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ школьной психологіи и опытовъ самихъ учащихся!...

Тенденція автора во что бы то ни стало убѣдить „кого слѣдуетъ“, что ученическіе журналы можно, должно, слѣдуетъ разрѣшить, испортила очень интересную и, скажемъ прямо, цѣнную попытку г. Смирнова разработать матеріалъ ученическихъ журналовъ. Узко, тенденціозно поставлена авторомъ цѣль труда. Все направлено къ тому, чтобы доказывать *апріорно* поставленную мысль, и кто намъ мѣшаетъ думать, что въ виду этого и самый матеріалъ использованъ недостаточно полно и тенденціозно. Неужели изъ изученнаго г. Смирновымъ матеріала можно извлечь только одну эту мысль и ничего болѣе любопытнаго? Позволительно утверждать, что нѣтъ... Міръ этихъ дѣтей, подростковъ и юношей, наполняющихъ наши школы, мы знаемъ очень плохо, литература его замалчиваетъ. Существуютъ особливыя причины, почему этимъ дорогимъ міромъ не интересуются, почему его ни о чемъ не спрашиваютъ. Дѣти, родители, педагоги—въ огромномъ большинствѣ случаевъ три совершенно раздѣльныхъ міра, между которыми лежатъ бездонныя пропасти. Педагогамъ нѣтъ никакого дѣла до родителей, родителямъ до педагоговъ; дѣти часто растутъ, будучи одинаково чуждыми и тѣмъ, и другимъ... Ихъ міръ, міръ учащихся—совсѣмъ особенный міръ; онъ требуетъ внимательнаго изученія... Мы должны горячо любить его, облегчать ему всячески трудный путь ученія, беречь и холить... А что дѣлается вмѣсто того?! Родители бѣснуются, когда мальчикъ приноситъ домой двойку, поставленную порою зря; педагоги, измученные непосильнымъ трудомъ, загнанные нуждой, часто невѣжественные до мозга костей, видятъ въ ученикахъ лишь манекенъ, который они призваны повертывать, какъ вздумается. А учащіеся живутъ, да живутъ своимъ особымъ міромъ, своими особыми настроеніями, среди какого то міровоззрѣнія! Неизмѣнной остается лишь пропасть между ними и педагогами, между ними и высшими экспериментаторами. Надо внимательно и объективно изучать учащуюся среду, надо изучать ея настроенія, запросы, недостатки, достоинства,—изучать безъ ненависти и предвзятой мысли; брать этотъ міръ учащихся такимъ, каковъ онъ есть. Какъ же изучать его, разъ онъ живетъ такою особливою отъ педаго-

говъ жизнью? Во первыхъ, надо постараться педагогическаго чиновника превратить въ друга и наставника учащихся. Во вторыхъ, можно воспользоваться разнаго рода косвенными источниками. Къ числу такихъ источниковъ, безспорно, должны быть отнесены *ученическіе журналы.* Эти журналы имѣютъ цѣну не только въ смыслѣ такого школьнаго явленія, надъ которымъ нужно думать да гадать, допустить его или нѣтъ, разрѣшить его или запретить. Нѣтъ!... Содержаніе ученическихъ журналовъ—это матеріалъ для изученія умственнаго и нравственнаго уровня учащихся, ихъ вкусовъ и запросовъ; отсюда мы можемъ черпать свѣдѣнія о томъ, чего недостаетъ среди учащихся, какое вліяніе оказываетъ на нихъ существующій школьный режимъ и даже въ чемъ выражается недовольство учащихся этимъ режимомъ. Ученическіе журналы до извѣстной степени и представляются намъ такими отвѣтами на наши вопросы, это свидѣтели дѣтскихъ радостей и печалей, до которыхъ школѣ обыкновенно нѣтъ никакого дѣла. Думается, что школьные журналы, сборники, дневники, конспекты и списки прочитаннаго, списки намѣченнаго для чтенія, указанія на наиболѣе читаемое въ русской литературѣ независимо отъ вліяній школы — все это драгоцѣнный матеріалъ и для изученія своеобразнаго міра учащихся, и даже для того, чтобы, пользуясь имъ, намѣтить тѣ или другіе практическіе выводы, долженствующіе проникнуть въ проектъ школьныхъ реформъ. Пора, наконецъ, отвыкнуть отъ мысли, что школьное дѣло можно созидать путемъ мечтаній чиновничества въ канцеляріяхъ. Школьное дѣло есть прежде всего великое общественное дѣло; оно прежде всего должно составлять непрестанную общественную заботу; дѣти—драгоцѣнная часть этого общества, и ихъ слезы или радость должны быть каждую минуту уловлены и, что называется, закрѣплены на картѣ, ибо необходимо слѣдить за каждымъ колебаніемъ въ жизни учащагося поколѣнія.

В. Николаевъ.

Письмо Гл. Ив. Успенскаго.

(Къ матерьяламъ о недавнемъ прошломъ).

Свѣжая могила писателя-страдальца, какимъ всю свою жизнь былъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, вызвала и продолжаетъ вызывать многочисленныя воспоминанія и разсказы о немъ тѣхъ, кто зналъ его. Находя для себя объясненіе въ естественной и непреоборимой душевной потребности, которую испытываетъ всякій человѣкъ послѣ утраты дорогого, духовно родственнаго и близкаго лица, эти разсказы, безъ сомнѣнія, не лишены, въ большей или меньшей мѣрѣ, и объективнаго значенія, представляя собою матерьялы для біографіи писателя, такъ безвременно и жестоко отнятаго судьбою у русской литературы. Полагая, что въ этомъ отношеніи должна быть цѣнна всякая черточка, всякій сколько нибудь характерный штрихъ, я позволю себѣ разсказать здѣсь эпизодъ, къ которому покойный писатель случайно оказался прикосновеннымъ, и приведу цѣликомъ довольно пространное письмо его ко мнѣ. Это письмо само по себѣ, безъ объясненій, не можетъ быть надлежаще понято, и потому мнѣ придется предварительно разсказать читателямъ интимную сторону возникновенія одной скромной идеи недавняго прошлаго,—той самой идеи, по поводу которой и писалъ мнѣ Глѣбъ Ивановичъ. Моя замѣтка, благодаря необходимости такого комментарія, по-неволѣ приметъ нѣсколько личный характеръ, но, пробѣжавъ ее до конца, читатель, надѣюсь, убѣдится, что факты, которыхъ я коснусь, типичны въ своихъ существенныхъ чертахъ для того общественнаго момента, къ которому относится мой разсказъ, и съ этой точки зрѣнія не лишены интереса и сами по себѣ. Только это обстоятельство и создало во мнѣ рѣшимость предложить дальнѣйшія строки общественному вниманію на ряду съ письмомъ Г. И. Успенскаго.

... Это было въ концѣ 80-хъ годовъ. Два юноши—Л. М. М—овъ, нынѣ редакторъ одной изъ провинціальныхъ газетъ, и пишущій эти строки—были заброшены волею независящихъ обстоятельствъ въ разные углы П-ской губерніи на нѣсколько

лѣтъ. Тѣсная дружба, связывавшая насъ до той поры, могла поддерживаться нѣкоторое время только путемъ переписки, и, само собою разумѣется, переписка наша не замедлила принять оживленный характеръ. Едва ли нужно объяснять, что внѣшнія условія существованія были у насъ обоихъ до крайности ординарны и однообразны и что не они составляли содержаніе нашихъ писемъ. Мы оба переживали тогда тотъ чрезвычайно дѣятельный и напряженный душевный процессъ, который принято называть кризисомъ личнаго міросозерцанія,—выраженіе, быть можетъ, нѣсколько стереотипное, но въ сущности вполнѣ правильное. До той поры мы, въ числѣ многихъ, были всецѣло поглощены идеями народническаго радикализма съ его культомъ активной личности и надеждами на безотлагательное общественное обновленіе. Въ періодъ нашей переписки мы впервые стали лицомъ къ лицу съ ничѣмъ не прикрашенной дѣйствительностью, самымъ ощутительнымъ образомъ стали испытывать на себѣ ея непосредственное прикосновеніе и не могли не задуматься... Пищею для нашихъ размышленій служила, впрочемъ, не только инертная и безотрадная дѣйствительность, властно царившая и безжалостно закрывавшая сѣрою пеленою наши радужные идеалы, но еще въ большей степени тотъ научный и литературный матерьялъ, который былъ поглощенъ каждымъ изъ насъ въ эти печальные годы съ ихъ безконечными досугами. Наше юное и, правду сказать, чрезвычайно элементарное, сектантски одностороннее міросозерцаніе значительно осложнилось въ этотъ періодъ, органически воспринявъ въ себя съ одной стороны идеи эволюціи и исторической закономѣрности, а съ другой—тѣ мысли и настроенія, которыя были внесены тогда въ общественное сознаніе молодежи, на ряду съ давнишнимъ вліяніемъ Н. К. Михайловскаго и Г. И. Успенскаго, нѣкоторыми элементами общественной проповѣди Л. Н. Толстого. Въ связи со всѣмъ этимъ предъ нами стоялъ вопросъ о предстоящемъ въ концѣ концовъ выборѣ практической дѣятельности и въ частности—профессіи, вообще того, что называется „опредѣленными занятіями".

Все это нужно было переработать, взаимно согласовать, свести въ систему. Мысль и чувство усиленно работали надъ „переоцѣнкою цѣнностей", въ душѣ происходилъ болевой процессъ ломки недавнихъ упованій и привычекъ мысли. Чрезъ нѣкоторое время намъ показалось, что мы совмѣстными усиліями подошли къ выходу изъ переживаемаго кризиса. Оставаясь на почвѣ прежнихъ общественныхъ идеаловъ, какъ конечнаго пункта прогрессивныхъ стремленій, мы, какъ намъ думалось, выяснили тотъ путь, который долженъ быть избранъ среднимъ человѣкомъ для приближенія къ нимъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ—и это главное—нами сдѣлана была попытка указать способъ, который давалъ-бы возможность сейчасъ-же, не ожидая достиженія далекаго идеала и не уходя „въ келью подъ елью", осуществить *въ своей личной жизни* самую ясную и императивную

сторону этого идеала—*экономическую справедливость* и ея отношенія къ каждой отдѣльной личности. Жить внѣ этой справедливости, какъ повседневнаго руководящаго начала, мы считали невозможнымъ, и поиски за нею привели насъ въ концѣ концовъ къ ряду тезисовъ, которые въ самомъ краткомъ видѣ могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ:

Всякій культурный человѣкъ—должникъ трудовой части общества, экономическими средствами которой онъ пользовался и пользуется въ качествѣ вознагражденія за свой трудъ. Этотъ личный долгъ возрастаетъ, если оплачиваемый обществомъ трудъ въ соціальномъ отношеніи безполезенъ или вреденъ; но при трудѣ общественно-полезномъ личный долгъ можетъ также имѣть мѣсто, и бываетъ это въ томъ случаѣ, когда вознагражденіе, получаемое за трудъ, по своимъ размѣрамъ не соотвѣтствуетъ затрачиваемымъ усиліямъ, превышая справедливую норму. Не только по побужденіямъ совѣсти, но и просто по принципу чести, въ силу самоуваженія, интеллигентный человѣкъ обязанъ экономически поквитаться съ обществомъ и получать отъ послѣдняго только то, что слѣдуетъ, а для этого необходимо установить норму справедливаго вознагражденія вмѣсто фактически дѣйствующихъ въ жизни нормъ, которыя установлены закономъ экономической конкуренціи или житейскимъ произволомъ и, конечно, чужды соціально-этическаго критерія. Въ упомянутой перепискѣ справедливая норма была съ приблизительностью установлена нами и выражалась въ слѣдующей формулѣ: *при настоящей общественной организаціи добросовѣстный и сознательный общественный работникъ имѣетъ нравственное право на вознагражденіе, размѣръ котораго получается отъ дѣленія общей суммы національнаго дохода на число жителей страны съ умноженіемъ затѣмъ частнаго на дробь, числителемъ которой служитъ средняя продолжительность жизни въ странѣ, а знаменателемъ—средняя продолжительность жизни представителей того вида труда, той профессіи, къ которой принадлежитъ трудящійся.* Кто получаетъ больше этого—долженъ передать излишекъ обществу или тому, чье вознагражденіе ниже справедливой нормы.

Какъ видитъ читатель, мы старались старый и расплывчатый принципъ „расплаты съ народомъ“ выразить въ точной, опредѣленной и устойчивой формулѣ, устраивъ нерѣдко сопутствовавшую этому принципу громкую, но безсодержательную, фразеологію и возможность всяческихъ лазеекъ. Изложенное сейчасъ требованіе „нулевого баланса“ въ расчетахъ съ обществомъ являлось въ нашихъ глазахъ тѣмъ соціально-этическимъ *минимумомъ*, ниже котораго не должна спускаться личность; иначе она заѣдала бы чужую жизнь, присвоивала бы себѣ чужую долю экономическихъ благъ. Разумѣется, той-же личности выше этого безусловно обязательнаго минимума предоставлялся самый широкій, безграничный просторъ *свободнаго* моральнаго и обще-

ственнаго творчества. Никакимъ *максимумомъ* мы ее въ этомъ отношеніи не ограничивали. Цѣнность и обаяніе нравственнаго подвига, какъ мы полагали, только выигрывали оттого, что онъ не былъ навязанъ въ качествѣ обязательства, не являлся для человѣка „игомъ закона".

Всѣ эти положенія были подробно развиты мною въ обширной статьѣ, гдѣ, впрочемъ, сейчасъ изложенная формула по разнымъ причинамъ не была приведена цѣликомъ, а были лишь указаны ея основанія и конечный принципъ. На ряду съ ними я пытался дать отвѣты и на нѣсколько другихъ кардинальныхъ вопросовъ, стоявшихъ тогда, какъ мнѣ казалось, не только передъ нами, авторами „справедливой нормы", но и предъ многими изъ нашихъ сверстниковъ,—какъ напр., о задачахъ и формахъ современной общественной дѣятельности, объ организаціи интеллигентныхъ дѣятелей и т. д.

Вотъ эта-то статья, представлявшая плодъ долгихъ юношескихъ думъ и настойчивыхъ исканій доподлинной правды, написанная со всею искренностью молодой мысли, была послана мною въ рукописи правдивѣйшему въ нашихъ глазахъ и искреннѣйшему изъ русскихъ писателей—Гл. Ив. Успенскому, къ которому и Л. М. М—овъ и я относились, можно сказать, съ обожаніемъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ учителей нашего поколѣнія, пользовавшійся исключительнымъ обаяніемъ не только благодаря своему огромному художественному таланту и рѣдкому аналитическому уму, но и изумительной нравственной чуткости, поистинѣ кристальной душевной чистотѣ. Мнѣ страстно хотѣлось знать, одобритъ-ли Глѣбъ Ивановичъ созданную нами программу, и вообще какъ отнесется онъ къ этому результату долгаго больного душевнаго процесса. Я разсказалъ въ письмѣ къ Глѣбу Ивановичу происхожденіе своей работы, внутреннюю, такъ сказать, ея исторію и спрашивалъ, одобряетъ ли онъ мою статью и можетъ ли она, по его мнѣнію, быть съ пользою напечатана въ томъ видѣ, какой я ей сообщилъ своего неопытной рукою.

Черезъ четыре мѣсяца я получилъ отъ Г. И. Успенскаго приводимое ниже письмо.

Мнѣ кажется, что печатая это письмо полностью, я не совершаю никакой нескромности. Письмо носитъ исключительно идейный характеръ интимныхъ сторонъ ничьихъ не касается и содержитъ по моему адресу не только одобрительныя сужденія и лестные отзывы, но и прямое порицаніе. Въ то же время письмо это прибавляетъ, быть можетъ, и небольшой, но яркій и въ высшей степени симпатичный штрихъ къ обаятельному образу незабвеннаго писателя-страдальца. Здѣсь, на протяженіи двухъ почтовыхъ листовъ бумаги, сказалась и его изумительная отзывчивость и трогательное вниманіе къ интересамъ незнакомаго и совершенно посторонняго человѣка, и, наряду съ душевной деликатностью и мягкостью, рѣзкій протестъ противъ того, что каза-

лось ему ненужнымъ компромиссомъ и проявленіемъ оппортюнизма, который, къ слову сказать, дѣйствительно, пропитывалъ тогда общественную атмосферу и находилъ поддержку въ нѣкоторыхъ органахъ прессы, претендовавшихъ на руководящее значеніе.

Вотъ это письмо, написанное Глѣбомъ Ивановичемъ 14 мая 1889 года:

„Крайне опасная болѣзнь моей жены, продолжавшаяся непрерывно въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ,—вотъ причина, почему я до сихъ поръ не могъ не только отвѣтить на ваше письмо, но даже не могъ его и прочитать. Буквально не было минуты, чтобы хоть извѣстить васъ о невозможности исполнить ваше желаніе. Искренно прошу у васъ извиненія и надѣюсь, что вы не будете на меня сѣтовать, если я, пользуясь первой свободной минутой, отвѣчу на ваше письмо не такъ подробно, какъ бы вы этого желали и какъ бы слѣдовало отвѣтить.

„На мой взглядъ, вашъ трудъ непремѣнно былъ бы напечатанъ и прочитался-бы съ большою пользою, еслибы вы ограничили его содержаніе двумя только главами, именно *второй* и *третьей*. Здѣсь толково, дѣльно и тщательно очерчено дѣло современнаго интеллигентнаго человѣка. Вопросы личные и общественные объединены прекрасно, вполнѣ постижимо для цѣлой массы даже и такихъ людей, которые, будучи образованными, однако, не въ силахъ выяснить свои мысли о личномъ и общественномъ дѣлѣ. Въ третьей главѣ подробнѣйшимъ образомъ указаны всѣ роды общественной дѣятельности, возможные въ настоящее время. Словомъ, то, что трактовалось разрозненно на тысячи ладовъ въ тысячахъ статей и книгъ, писалось десятками тысячъ перьевъ, все у васъ переработано такъ сжато и толково, что личныя и общественныя обязанности современнаго интеллигентнаго человѣка могли бы быть широко популяризированы и среди той огромной массы людей просто образованныхъ или даже просто грамотныхъ только, которые теперь чувствуютъ лишь тяготу жизни и не знаютъ, что съ собою дѣлать. Теперь именно такое время, когда человѣку грамотному нужно указать его обязанности къ самому себѣ и обществу. Такая популярная статья, *предоставляя каждому свободу выполнять лежащія на нёмъ обязанности,* была-бы только въ высшей степени полезна для общества.

„Но вы не ограничились указаніемъ интел. обществу его обязанностей, многосложности и разнообразія обязательной для него дѣятельности, — словомъ не ограничились напоминаніемъ ему того, что оно забыло и въ размышленіяхъ о томъ запуталось и сбилось съ толку. Вы, мнѣ кажется, еще болѣе сбиваете его съ толку постояннымъ указаніемъ на *„существующее положеніе“*, на *существующія обстоятельства* и какъ бы рекомендуете дѣйствовать такъ, чтобы дѣятельность интеллигентнаго человѣка не касалась, не трогала этихъ обстоятельствъ. Вы опредѣляете вашъ *минимумъ* такими чертами:

„Намъ кажется, что въ этическомъ отношеніи *удобство* (!)

этого *идеала* заключается именно въ томъ, *что, будучи меньше по размѣрамъ* (ибо онъ есть минимумъ) *и не устраняя идеала болѣе высокаго, онъ имѣетъ предъ послѣднимъ практическое преимущество* (!) своею очевидностью, обязательностью, такъ сказать, ариѳметическою ясностью“ (№ 1).

„Затѣмъ, ниже, вы прибавляете къ удобствамъ идеала еще такую черту:

„Этотъ опредѣленный и точный характеръ идеала, *снимая лишнія нравственныя путы съ личности*... (№ 2).

„И, наконецъ, совершенно неожиданно возносите этотъ минимумъ до небесъ:

„Замѣтимъ лишь, что на ряду съ текущими, такъ сказать, обязанностями у личности есть еще великая обязанность—искупленіе прошлаго (№ 3).

„Какимъ образомъ можно понять это постоянное соединеніе несоединимаго:

(1) Идеалъ удобенъ потому, что (2) *малъ по размѣрамъ*, потому что (3) снимаетъ *лишнія* путы нравств. (путы! даже не обязанности...) и, въ 4-хъ, онъ не просто минимумъ. И въ то же время этотъ же самый минимумъ 1) не устраняетъ идеала болѣе высокаго, 2) въ немъ таится *великая обязанность — искупленіе прошлаго!*.

„А затѣмъ опять:

„Минимумъ, малый по размѣрамъ, имѣетъ ужъ прямо *преимущество* предъ *высокимъ идеаломъ* („имѣетъ предъ послѣднимъ практическое преимущество“).

„Все это можно понять какъ *успокоеніе* для *интеллигентнаго* (!) *человѣка* (!), которому, вѣроятно, вы и сами хорошо понимаете, не сладко съеживаться до вашего минимума. Вы соблазняете и *удобствами* (!) *идеала* (!), и малыми размѣрами, и тѣмъ, что *лишнія нравственныя* путы будутъ сняты съ его личности,—но зная, что интеллигентный человѣкъ не можетъ слушать этихъ увѣщаній безъ нѣкотораго непріятнѣйшаго нравственнаго ощущенія, вы его увѣряете, что минимумъ *не устраняетъ и идеала болѣе высокаго* и что въ немъ таится *великая обязанность—искупленіе прошлаго*.

„Между тѣмъ на каждомъ шагу вы всѣ эти *великіе идеалы* искупленія изображаете, какъ задачи совершенно непрактическія, и на каждомъ шагу твердите *интеллигентному человѣку*, чтобы онъ принялъ во вниманіе *существующія обстоятельства, существующее положеніе*, да не касаясь ихъ, и дѣйствовалъ-бы на общее благо.

„Принимать во вниманіе, пишете вы, *существующее положеніе и изъ него исходить въ реализаціи своихъ стремленій и цѣлей*,—это не только не фантастическій, но, кажется (?), наиболѣе основательный путь для всякаго практическаго дѣла. Не фантазіей-ли будетъ противоположный путь,—*игнорировать данныя обстоятельства и требовать отъ интеллигенціи перемѣны своей дѣятельности безъ всякой помощи* (№ 4).

„Я здѣсь не понимаю ужъ, что такое и *интеллигенція*. Оказывается, что и надъ нею есть кто-то, кто *требуетъ* отъ нея чего-то и не помогаетъ. Я всегда понималъ *интеллигентнаго человѣка* (такого *сословія* нѣтъ) именно какъ такого, который *самъ обязанъ требовать* перемѣнъ въ окружающемъ положеніи, такъ какъ онъ потому и *интеллигентный*, что окружающее положеніе составляетъ его личную печаль. Мужикъ Сютаевъ не запираетъ амбара и тѣмъ не вводитъ бѣдныхъ людей въ грѣхъ воровства: „бери, когда нужно"; это его принципъ, котораго отъ него никто *не требуетъ*, тѣмъ болѣе въ практическомъ примѣненіи; всѣ сютаевскіе сосѣди запираютъ амбары и если чего требуютъ отъ Сютаева, то именно того, чтобы и онъ запиралъ. А онъ, какъ интеллигентный человѣкъ (этотъ типъ *человѣка* не составляетъ сословія), убѣжденный въ неправдѣ такихъ отношеній къ ближнему, переводя это убѣжденіе въ реальное дѣло, не запираетъ, поступаетъ вопреки *требованіямъ* среды, поступаетъ въ смыслѣ несогласія съ *окружающими обстоятельствами и положеніемъ дѣлъ*.

„Въ 3-ей главѣ вашего труда вы указываете на земство, городское управленіе, сельскій сходъ, какъ на органы для практической дѣятельности на пользу народа *). Представьте себѣ, что вы вступаете въ земство, или въ городское управленіе, или на сходъ съ вашимъ *удобнымъ идеаломъ*, съ этимъ минимумомъ и прежде всего изъ *практическихъ цѣлей*,—т. е. во имя яко-бы реальнаго дѣла,—прежде всего оглядываетесь и принимаете во вниманіе *существующія обстоятельства и существующее положеніе*. Но, къ вашему изумленію, окажется, что засѣдающіе въ земскомъ собраніи земцы уже давно *подобраны* изъ тѣхъ самыхъ минимумовъ, которые и думать уже не смѣютъ о какомъ нибудь самоуправленіи, отлично знаютъ, что значитъ идти противъ „окружающихъ обстоятельствъ", и уже не хотятъ идти противъ нихъ, исполняютъ, что прикажутъ, и довольны, что за это даютъ деньги.

„Опытъ жизни лучше всякихъ *теорій* научаетъ наше общество ничего не дѣлать и всего бояться. Писать для этого трактаты, уговаривать его, чтобы оно не фордыбачило, нѣтъ ни малѣйшей надобности. Даже волостной писарь въ деревнѣ такъ утихомиритъ „интеллигента", какъ нельзя лучше, безъ всякихъ программъ и доктринъ. По части приведенія въ „минимумъ" человѣка дѣятелей у насъ (да и вездѣ) видимо-невидимо, и выработывать ихъ еще теоретически, да къ тому-жъ яко-бы „на пользу народа"—это дѣло прямо противуобщественное.

„Такимъ образомъ, широкая картина обязанностей интеллигентнаго человѣка предъ народомъ и указаніе средствъ ихъ реализаціи (точныя и цѣльныя), составляющія содержаніе главы второй

*) Статья моя была написана въ 1888 г., т. е. ранѣе осуществленія такъ называемыхъ контръ-реформъ, которыя, какъ извѣстно, кореннымъ образомъ измѣнили у насъ условія общественной дѣятельности. *А. С.*

и третьей, могли бы сдѣлать большую пользу обществу, освѣживъ, расширивъ и, главное, точно и просто опредѣливъ предстоящія ему общественныя задачи. Это у васъ сдѣлано прекрасно. Но въ то-же время, быть можетъ, просто гуманное желаніе *оградить интеллигентнаго человѣка отъ неудачъ и страданій—чему были примѣры*—заставляетъ васъ на каждомъ шагу дѣлать ему предостереженія, окорачивать его мысль, убавлять нравственныя обязанности (*лишнія* нрав. путы), словомъ, всячески стращать его свободу мысли и дѣйствій *окружающею дѣйствительностью*. Это совершенно непостижимое явленіе въ произведеніи, трактующемъ о благѣ народа".

Хотя послѣ того, что разсказано выше, здѣсь уже нѣтъ надобности распространяться по поводу этого интереснаго. хотя и торопливо набросаннаго письма Г. И. Успенскаго, но для полноты своего разсказа я замѣчу въ двухъ словахъ, что оно, это прекрасное письмо, сдѣлало яснымъ для меня не столько ложность нѣкоторыхъ положеній моей статьи, сколько то, что я неудачно, неумѣло выразилъ ихъ, вслѣдствіе чего и былъ, какъ мнѣ казалось, неправильно понятъ и истолкованъ. Во всякомъ случаѣ, имѣя въ виду цѣнныя указанія покойнаго Глѣба Ивановича, я подвергъ редакціонной переработкѣ нѣкоторыя страницы своей статьи, которая затѣмъ и была напечатана въ осеннихъ книжкахъ „Русскаго Богатства" за тотъ-же 1889 г. (изд. Л. Е. Оболенскаго) съ однимъ или двумя существенными, но не зависѣвшими отъ редакціи пропусками.

Ал. С—скій.

Изъ области знаній.

Золото и золотопромышленность.

Успѣшное добываніе тѣхъ или другихъ богатствъ природы неизбѣжно требуетъ тщательнаго ознакомленія съ ихъ различными естественными свойствами, такъ какъ только при знаніи этихъ послѣднихъ человѣкъ получаетъ возможность добывать ихъ наиболѣе правильными и совершенными пріемами. Помимо этого научное изученіе даннаго вещества и условій, при которыхъ оно встрѣчается въ природѣ, важно также и въ томъ отношеніи, что по обыкновенно сопровождающимъ его признакамъ оказывается возможнымъ съ точностью опредѣлить и самыя мѣстонахожденія его, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они бываютъ скрыты и замаскированы другими породами. Ввиду сказаннаго мы прежде всего коснемся химической характеристики золота, останавливаясь, главнымъ, образомъ, на тѣхъ его свойствахъ, которыя примѣняются для полученія его.

Приступая къ описанію химическихъ свойствъ золота слѣдуетъ указать, что по своему атомному вѣсу оно принадлежитъ къ числу тяжелыхъ металловъ. Атомный вѣсъ этого металла въ настоящее время можетъ считаться довольно точно установленнымъ, именно, по новѣйшимъ даннымъ онъ принимается равнымъ 197. Какъ и большинство тяжелыхъ металловъ, золото обладаетъ крайне незначительною способностью окисляться, что видно изъ того, что кислородъ воздуха не только не дѣйствуетъ на него при обыкновенныхъ условіяхъ, но также не соединяется съ нимъ непосредственно ни при какомъ нагрѣваніи, какъ бы сильно оно ни было; напротивъ того, окись золота, полученная косвенными путями, разлагается при накаливаньи, что указываетъ на непрочность этого соединенія. Изъ газообразныхъ тѣлъ золото реагируетъ при обыкновенной температурѣ только съ хлоромъ и бромомъ, для чего эти газы, послѣ освобожденія

отъ водяныхъ паровъ, пропускаются черезъ порошокъ металла. Эти же элементы могутъ дѣйствовать на золото и при реакціяхъ мокрымъ путемъ въ моментъ выдѣленія, что происходитъ, напримѣръ, при обработкѣ золота царской водкой, причемъ золото растворяется, образуя соединеніе съ хлоромъ. При дѣйствіи раствора ціанистаго кали золото даетъ также двойную ціанистую соль, при накаливаньи оно соединяется съ сѣрой, мышьякомъ и нѣкоторыми другими элементами, даетъ сплавы со свинцомъ, сурьмой и пр., легко растворяется въ ртути, образуя съ ней амальгаму, жидкую при маломъ содержаніи золота и твердую при значительномъ количествѣ его. Этими свойствами золота объясняются тѣ формы, въ которыхъ оно встрѣчается въ природѣ, и нѣкоторыми изъ нихъ, какъ мы уже сказали, пользуются для добыванія его химическимъ путемъ.

Золото по справедливости признается однимъ изъ наиболѣе благородныхъ металловъ, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ его неспособности окисляться при обыкновенныхъ условіяхъ. Дѣйствительно, металлическое золото не измѣняется и въ сыромъ воздухѣ и не теряетъ своего первоначальнаго вида, какъ бы долго оно въ немъ ни находилось, тогда какъ при такихъ условіяхъ поверхность неблагородныхъ металловъ и даже серебра покрывается черезъ большій или меньшій промежутокъ времени слоемъ окисла металла. Въ чистомъ видѣ золото отличается исключительно ему свойственнымъ красивымъ „золотожелтымъ“ цвѣтомъ, который вмѣстѣ съ указаннымъ передъ этимъ свойствомъ долженъ былъ обращать на него особенное вниманіе. Наружный видъ золота, а также и то обстоятельство, что оно часто встрѣчается въ металлическомъ видѣ на поверхности земли, послужили причиной открытія его человѣкомъ еще въ доисторическія времена; именно, оно стало извѣстно въ эпоху бронзоваго вѣка, слѣдующаго за каменнымъ и мѣднымъ и предшествовавшаго желѣзному вѣку. Въ тѣ времена золото, вмѣстѣ съ другими извѣстными человѣку металлами, употреблялось для изготовленія домашней утвари и различныхъ орудій, но впослѣдствіи, когда были найдены другіе металлы, болѣе пригодные для практическихъ цѣлей, золото стало служить матеріаломъ для изготовленія различныхъ украшеній, тѣмъ болѣе, что по своимъ физическимъ свойствамъ, ковкости, тягучести и пр., оно легко поддается переработкѣ въ различныя формы. Въ преданіяхъ нѣкоторыхъ народовъ имѣются указанія на такіе случаи, когда золото привозилось изъ богатыхъ имъ странъ. Къ числу такихъ преданій относится сохранившееся въ греческой миѳологіи повѣствованіе о путешествіи Аргонавтовъ въ Колхиду къ устью рѣки Фазиса за золотымъ руномъ, подъ которымъ слѣдуетъ понимать золото, добывавшееся въ древности въ долинѣ рѣки Фазиса, называющейся теперь Ріономъ; это предположеніе подтверждается

тѣмъ обстоятельствомъ, что въ долинѣ этой рѣки до сихъ поръ сохранились остатки золотыхъ розсыпей. Другой, болѣе поздняго происхожденія, миѳъ о фригійскомъ царѣ Мидасѣ представляетъ собою попытку древнихъ грековъ объяснить въ духѣ своихъ представленій о природѣ то явленіе, что золото часто встрѣчается по берегамъ и въ руслахъ рѣкъ и потоковъ. Въ преданіи о Мидасѣ говорится, что этотъ царь, обладая огромными богатствами, былъ такъ жаденъ, что выпросилъ себѣ у Діониса даръ обращать въ золото все, къ чему бы онъ ни прикоснулся. Діонисъ исполнилъ его просьбу, но быстро убѣдившись въ невозможности жить съ этой чудесной способностью, Мидасъ просилъ бога избавить его отъ нея и тотъ приказалъ ему для этого выкупаться въ рѣкѣ Пактолѣ, послѣ чего Пактолъ сталъ богатѣйшей золотоносной рѣкой Малой Азіи. Укажемъ еще на библейское сказаніе о странѣ Офирѣ, изъ которой послѣ трехлѣтняго плаванья царю Соломону были привезены на корабляхъ золото, драгоцѣнные камни, сандальное дерево и пр. Офирское золото считалось у евреевъ самымъ чистымъ и цѣннымъ, что же касается до мѣстонахожденія этой страны, то на него существуетъ много различныхъ взглядовъ, однако, судя по ветхозавѣтному описанію этой страны, всего вѣроятнѣе предположить, что тутъ дѣло идетъ о южной Аравіи, куда царемъ Соломономъ была отправлена экспедиція для добычи рудъ. Уже и въ древности золото употреблялось также для чеканки монетъ въ видѣ сплавовъ съ другими металлами; такъ, напримѣръ, въ древнегреческую эпоху для этой цѣли пользовались такъ называемымъ электрумомъ, т. е. встрѣчающимся въ природѣ соединеніемъ золота съ серебромъ, при чемъ этого послѣдняго содержится въ немъ до 20%.

Въ минералогическомъ отношеніи золото занимаетъ первое мѣсто среди такъ называемыхъ самородныхъ элементовъ, т. е. такихъ, которые встрѣчаются въ природѣ въ чистомъ видѣ. По своему строенію золото относится къ кристаллическимъ тѣламъ кубической системы, но кристаллы его обыкновенно бываютъ выражены не ясно, въ большинствѣ же случаевъ оказываются искривленными, удлиненными или укороченными, съ разъѣденными плоскостями и закругленными ребрами. Кромѣ того, золото встрѣчается въ природѣ въ формѣ листочковъ и пластинокъ, въ видѣ сѣтокъ, древовидныхъ и мохоподобныхъ проволочныхъ развѣтвленій, а также въ видѣ зеренъ, кусочковъ и болѣе или менѣе крупныхъ кусковъ, которые извѣстны подъ названіемъ самородковъ. Самый большой изъ русскихъ самородковъ, найденный въ южномъ Уралѣ и хранящійся теперь въ музеѣ Горнаго Института, вѣситъ 2 пуда 7 фунтовъ 92 золотника или 43,5 килогр. Въ Калифорніи былъ найденъ самородокъ въ 161 фунтъ (55,9 килогр.) но несомнѣнно первое мѣсто по числу и размѣрамъ найденныхъ

самородковъ принадлежитъ Австраліи, или точнѣе округу Викторіи. Здѣсь, на пространствѣ, равномъ приблизительно нашей Астраханской губерніи, въ промежутокъ времени съ 58 по 81 годъ было найдено очень много крупныхъ самородковъ.

Изъ нихъ наиболѣе замѣчателенъ самородокъ въ 68,045 килогр., считающійся теперь самымъ крупнымъ въ мірѣ, за нимъ по величинѣ слѣдуютъ самородки въ 53,2 и 34,7 килогр, не говоря о весьма значительномъ числѣ болѣе мелкихъ, найденныхъ въ томъ же округѣ. Извѣстныя съ древнихъ временъ песчаныя золотоносныя розсыпи представляютъ собою вторичныя образованія, появившіяся вслѣдствіе разрушенія основныхъ породъ. Что же касается коренныхъ мѣсторожденій золота, на счетъ которыхъ образовались розсыпи, то они далеко не такъ доступны, какъ эти послѣднія; они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ содержащихъ этотъ металлъ кварцевыхъ жилъ и прожилковъ, распредѣленныхъ въ массивныхъ горныхъ породахъ или же залегающихъ въ формѣ чечевицъ, пластовъ и пр. въ кристаллическихъ сланцахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ золото бываетъ вкраплено въ кварцъ въ свободномъ видѣ, но чаще оно встрѣчается въ видѣ химическаго соединенія съ сѣрнымъ колчеданомъ, т. е. двусѣрнистымъ желѣзомъ ($Fe\ _2S$). Иногда золото встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ породахъ, напримѣръ, на Уралѣ въ діоритахъ и серпентинахъ, причемъ оно находится въ нихъ обыкновенно въ соединеніи съ сѣрой, мышьякомъ и различными металлами. Ввиду того, что золото въ коренныхъ породахъ встрѣчается преимущественно вмѣстѣ съ кварцемъ, возникло предположеніе, что оба эти вещества выдѣлились одновременно изъ первоначальныхъ растворовъ. Что же касается самаго процесса выдѣленія ихъ, то онъ могъ произойти слѣдующимъ образомъ. Горячіе растворы различныхъ минеральныхъ веществъ находятся въ болѣе близкихъ къ центру земли областяхъ подъ большимъ давленіемъ и при очень высокой температурѣ. При благопріятныхъ условіяхъ они поднимаются къ поверхности земли, а такъ какъ температура и давленіе здѣсь значительно падаютъ, то содержащіяся въ нихъ вещества выдѣляются изъ раствора въ видѣ осадковъ, заполняя собою трещины коренныхъ породъ. Указаніемъ на возможность такого образованія золотоносныхъ жилъ служитъ процессъ, наблюдаемый въ Стимботъ-Спрингѣ въ Невадѣ, одномъ изъ западныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; здѣсь горячая вода, вытекающая черезъ трещины горныхъ породъ, отлагаетъ кремнеземъ вмѣстѣ съ сѣрнокислымъ желѣзомъ, мѣдью, окисью марганца и металлическимъ золотомъ.

Но подобныя же образованія могли произойти и другимъ путемъ. Въ 1872 году было доказано, что въ водѣ океановъ содержится не только серебро, но и золото. При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ оказалось, что на-

примѣръ вода норвежскихъ фіордовъ содержитъ около 5 миллиграммовъ золота на тонну, т. е. вѣсъ содержащагося въ водѣ золота равняется 5 миллiарднымъ частямъ общаго ея вѣса, другими словами на 1000 пудовъ воды приходится около 2 долей золота. Присутствіе золота въ морской водѣ въ видѣ раствора объясняется тѣмъ, что морская вода содержитъ въ себѣ іодистые металлы, эти же послѣдніе подъ вліяніемъ организмовъ могутъ выдѣлять свободный іодъ, который и содѣйствуетъ растворенію золота. Но съ другой стороны извѣстно, что нѣкоторыя органическія вещества, какъ напримѣръ пробка, а также и колчеданы, т. е. соединенія металловъ съ сѣрою, обладаютъ способностью выдѣлять золото изъ растворовъ въ томъ металлическомъ видѣ и состояніи, въ какомъ оно находится въ кварцевыхъ жилахъ, гдѣ, какъ мы уже говорили, золото часто встрѣчается въ сопровожденіи колчедановъ. Отсюда вытекаетъ предположеніе, что золото изъ морской воды проникало въ видѣ растворовъ въ трещины породъ, лежащихъ на днѣ моря и постепенно осаждалось тамъ указанными реагентами. При дальнѣйшихъ геологическихъ процессахъ эти породы выступали изъ подъ поверхности воды, и такимъ образомъ могли получиться указанныя коренныя мѣсторожденія золота. Согласно этому предположенію золото, находящееся теперь въ водѣ океановъ, является остаткомъ того количества его, которое пошло на образованіе жильныхъ мѣсторожденій. Но и до сихъ поръ количество этого металла въ морской водѣ настолько значительно, что въ настоящее время дѣлаются попытки добыванія золота изъ этого источника.

Какими бы путями ни образовались горныя породы, но находясь на поверхности земли онѣ подвергаются безпрерывному измѣненію, болѣе или менѣе быстрому и зависящему отъ нѣсколькихъ причинъ. Такой процессъ разрушенія горныхъ породъ называется вывѣтриваньемъ ихъ; онъ обусловленъ вліяніемъ климата, живыхъ организмовъ, атмосферы и механической и химической дѣятельностью воды. Вліяніе климата сказывается, главнымъ образомъ въ колебаніяхъ температуры, и чѣмъ рѣзче эти колебанія, тѣмъ сильнѣе они дѣйствуютъ на горныя породы; благодаря имъ эти послѣднія даютъ трещины, отъ нихъ откалываются отдѣльные куски, вслѣдствіе чего твердая порода можетъ постепенно превращаться въ щебень. Это дѣйствіе температуры достигаетъ очень большихъ размѣровъ въ присутствіи воды, которая проникаетъ въ поры и трещины породы и замерзаетъ въ нихъ съ наступленіемъ холода; но ледъ занимаетъ большій объемъ, чѣмъ вода, и потому онъ оказываетъ давленіе на окружающую массу, производя въ ней новыя трещины. Живые организмы дѣйствуютъ на горныя породы благодаря совершающимся въ нихъ химико-біологическимъ процессамъ; поверхность даже самыхъ твердыхъ минераловъ разрыхляется подъ вліяніемъ по-

селяющихся на ней лишаевъ, которые выдѣляютъ щавелевую кислоту и, такимъ образомъ, растворяютъ нѣкоторыя составныя части породы. Разрушительное дѣйствіе атмосферы весьма разнообразно: ея кислородъ окисляетъ многія минеральныя вещества, содержащаяся въ воздухѣ углекислота даетъ съ нѣкоторыми изъ нихъ углекислыя, растворимыя въ водѣ соли; какъ мы уже сказали, атмосферные водные осадки разрушаютъ породы совмѣстно съ измѣненіями температуры, но и помимо того дѣятельность какъ атмосферной воды, такъ и воды рѣкъ, источниковъ и пр. имѣетъ очень широкія размѣры. Вода вымываетъ растворимыя соединенія, заключающіяся въ породахъ, измѣняя, такимъ образомъ, составъ ихъ и разъединяя ихъ нерастворимыя составныя части. Эти послѣднія, а также и продукты разрушенія выше упомянутыхъ агентовъ, вода относитъ отъ ихъ первоначальнаго мѣстонахожденія. Понятно, что при этомъ болѣе крупные и тяжелые куски могутъ быть передвинуты ею только на незначительное разстояніе и откладываются тутъ же, тогда какъ болѣе легкіе продукты разрушенія уносятся дальше и откладываются въ томъ или другомъ мѣстѣ русла въ зависимости отъ своего вѣса. Такимъ образомъ вода сортируетъ увлекаемыя ею твердыя частицы, откладывая въ одномъ мѣстѣ гравій, далѣе болѣе легкій песокъ, и, наконецъ, самыя легкія глинистыя и иловыя частицы. Золотоносныя породы, подвергаясь безпрерывно такому процессу наравнѣ съ прочими, постепенно разрушаются, причемъ въ видѣ окончательнаго продукта распаденія кварцевыхъ породъ получается кварцевый песокъ, который можетъ быть перенесенъ водою на очень значительныя разстоянія и отложиться въ формѣ золотыхъ розсыпей, называемыхъ аллювіальными, т. е. нанесенными водой. Въ зависимости отъ продолжительности вымыванія золотыя розсыпи могутъ имѣть очень различную толщину слоя, начиная отъ нѣсколькихъ дюймовъ и до многихъ футовъ включительно. Водный источникъ, отложившій въ своемъ руслѣ золотоносный песокъ, можетъ съ теченіемъ времени исчезнуть, и оставленное имъ русло можетъ закрыться новыми почвенными наслоеніями, маскирующими золотую розсыпь, которая при такихъ условіяхъ оказывается потомъ лежащей на большой глубинѣ, какъ это мы видимъ на многихъ розсыпяхъ древняго происхожденія.

Мѣсторожденія золота встрѣчаются весьма неравномѣрно расположенными въ различныхъ странахъ. Кромѣ того, очень часто мѣстности, славящіяся одно время своимъ богатствомъ этимъ металломъ, послѣ продолжительной добычи его начинаютъ истощаться и съ теченіемъ времени совершенно забрасываются, на мѣсто же ихъ открываются новыя мѣсторожденія, иногда въ такихъ странахъ, гдѣ прежде и не подозрѣвали о существованіи тамъ золота. По своему богатству славятся сѣверо-американскія золотыя розсыпи Калифорніи, разрабатывающіяся уже съ половины

17-го вѣка и образовавшіяся насчетъ кварцевыхъ золотоносныхъ жилъ, залегающихъ въ гранитныхъ породахъ Сіерра-Невады; эти коренныя мѣсторожденія золота настолько богаты, что и непосредственная разработка ихъ доставляетъ значительное количество благороднаго металла, хотя, вообще говоря, золотыя розсыпи бываютъ обыкновенно несравненно богаче коренныхъ породъ, изъ которыхъ онѣ образовались. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что значительная часть пустой породы, раздѣляющей вкрапленный въ нее металлъ, при вымываніи водою откладывается отдѣльно, тогда какъ золото концентрируется въ образующихся песчаныхъ розсыпяхъ. Кромѣ Калифорніи золото добывается еще въ Колорадо и нѣкоторыхъ другихъ Штатахъ Сѣверной Америки, а также и въ юго-западной части Мексики; и уже въ 1897 году открыты богатѣйшія мѣсторожденія золота въ Клондайкѣ, къ сѣверу отъ Аляски, привлекшія собою массу золотоискателей. Въ Южной Америкѣ мѣсторожденія золота существуютъ въ Бразиліи; здѣсь золотопромышленность достигла наибольшаго процвѣтанія въ 18 вѣкѣ, но теперь она сильно упала. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія были открыты розсыпи въ Австраліи, отличающіяся необыкновеннымъ богатствомъ. Здѣсь, кромѣ округа Викторіи, о которомъ мы уже упоминали, золото встрѣчается въ Новой Зеландіи, Новомъ Южномъ Валлисѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ округахъ. Еще въ древности золото добывалось въ нѣкоторыхъ пунктахъ Африки, какъ, напримѣръ, въ верховьяхъ Нила и на западномъ побережьи материка по рѣкамъ Сенегалу и Гамбіи. Впослѣдствіи древнія мѣсторожденія золота въ Африкѣ были заброшены и только съ половины 19-го столѣтія золотопромышленность достигла здѣсь крупныхъ размѣровъ, послѣ того какъ были открыты золотыя розсыпи по рѣкамъ Лимпопо и Замбезе и мѣсторожденія его въ Трансваалѣ.

Въ западной Европѣ изо всѣхъ прежде существовавшихъ мѣсторожденій когда-то многочисленныхъ и довольно богатыхъ, въ настоящее время заслуживаютъ упоминанія только находящіяся въ Венгріи, именно въ Шемницѣ и Кремницѣ, доставляющія до сихъ поръ нѣкоторое количество золота. До настоящаго времени иногда попадаются небольшія количества этого металла на Рейнѣ, представляющія собою остатки мѣсторожденій, извѣстныхъ въ средніе вѣка. Въ Россіи золото встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ, причемъ главное количество его доставляютъ золотыя розсыпи Въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ золото встрѣчается у насъ на Уралѣ около Березовскаго завода, а также вблизи Невьянскаго, и въ Воицкомъ рудникѣ Архангельской губ., въ Нагольномъ кряжѣ Донецкаго бассейна, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья и во многихъ пунктахъ Сибири.

Размѣры золотыхъ розсыпей бываютъ весьма различны. Иногда слой

ихъ бываетъ очень тонокъ, въ другихъ же случаяхъ достигаетъ 1—2 саженъ толщины, ширина его измѣняется отъ 1 до 50 саженъ, тогда какъ въ длину онъ можетъ простираться и на 50 верстъ, и прекращаться черезъ нѣсколько десятковъ саженъ. Золотыя розсыпи встрѣчаются во многихъ мѣстахъ на Уралѣ, какъ напримѣръ, въ Богословскомъ, Гороблагодатскомъ, Тагильскомъ, Екатеринбургскомъ и Міасскомъ округахъ, изъ которыхъ послѣдній считается наиболѣе богатымъ, а также и въ областяхъ, лежащихъ южнѣе; золотыя розсыпи имѣются въ финской Лапландіи, на Кавказѣ по системамъ Куры и Аракса, но самое большое количество ихъ находится въ Сибири. Въ степной части западной Сибири розсыпи располагаются въ Акмолинской, Семипалатинской и во многихъ мѣстахъ Семирѣченской области. Въ Томской губерніи розсыпное золото встрѣчается, главнымъ образомъ, по системамъ рѣкъ Яи и Кіи и въ предѣлахъ Алтайскаго горнаго округа. Что касается восточной Сибири, то въ Енисейской губ. золото добывается въ розсыпяхъ Минусинскаго, Ачинскаго и Красноярскаго округовъ, особенно же въ Енисейскомъ округѣ, розсыпи котораго отличаются богатствомъ и высокимъ достоинствомъ добываемаго металла; здѣсь главное мѣсто принадлежитъ долинамъ рѣкъ, относящихся къ системѣ Средней Тунгузки, Пита и Ангары. Въ настоящее время Конскіе (Енисейской губ.) и Нижнеудинскіе (Иркутской губ.) золотые промыслы, славившіеся въ 40—50 гг., значительно обѣднѣли, и теперь богатѣйшими розсыпями считаются Олекминскія, Якутской области, лежащія къ сѣверу отъ Яблоноваго хребта между рѣками Витимомъ, Леной и Олекмой. Въ Забайкальской области золотыя розсыпи встрѣчаются почти повсемѣстно, наиболѣе же богаты тѣ изъ нихъ, которыя расположены въ долинахъ рѣкъ Витимкана, Витима, Амалета, Ципы и въ Нерчинскомъ горномъ округѣ. Въ Амурской и Приморской областяхъ розсыпи лежатъ въ бассейнахъ лѣвыхъ притоковъ Амура и раздѣляются на нѣсколько группъ, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются большимъ богатствомъ. Какъ видно изъ предыдущаго, Сибирь можетъ считаться очень богатой страной по количеству залегающаго въ почвахъ ея золота; надо замѣтить притомъ, что еще до сихъ поръ коренныя мѣсторожденія ея сравнительно съ другими странами мало изслѣдованы, а между тѣмъ, судя по количеству розсыпей, ихъ должно быть здѣсь очень много. Сибирская золотопромышленность сосредоточивается почти исключительно на розсыпяхъ, но и здѣсь золото добывается, главнымъ образомъ только грубой отмывкой, при которой въ отбросахъ остается настолько значительная часть металла, что при употребленіи болѣе совершенныхъ пріемовъ оказывается выгоднымъ извлекать изъ нихъ золото. Но, несмотря на это, а также на неблагопріятное географическее положеніе и дурныя климатическія и экономическія условія многихъ золотоносныхъ мѣстностей,

въ настоящее время въ Россіи получается значительная часть изъ общаго количества этого металла, добываемаго во всемъ свѣтѣ. Это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Въ Россіи въ пудахъ.	Во всемъ свѣтѣ въ пудахъ.
1871—75	2023	10539
76—80	2433	10450
81—85	2158	9390
86—90	1958	10060

Въ отношеніи къ общему количеству добываемаго золота въ этотъ періодъ Россія занимала третье мѣсто въ ряду прочихъ государствъ,—первое принадлежало Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, за ними слѣдовала Австралія, потомъ Россія, африканскія государства и затѣмъ уже другія страны. Но съ 92 года этотъ порядокъ начинаетъ измѣняться въ пользу африканскихъ государствъ, производительность которыхъ быстро повышается:

	Добыто килограм. золота въ		
Области добыванія золота:	1891 г.	1892 г.	1893 г.
Соединенные Штаты Сѣв. Америки	45500	45280	49300
Австралія	43060	46470	48500
Африка	20580	34070	44300
Россія	33130	34000	34000

Количество добываемаго въ южно-африканскихъ республикахъ золота продолжаетъ крайне быстро возростать и далѣе, именно въ 94 г. оно равнялось уже 56140 килогр., въ 95 г.—62770 кил. и въ 96 г.—62900 кил., а такъ какъ другія страны доставляли всѣ эти годы приблизительно постоянное количество драгоцѣннаго металла, то можно считать, что Африка по развитію золотопромышленности заняла такимъ образомъ первое мѣсто среди нихъ.

Въ Россіи золото добывается съ половины XVIII вѣка, но сначала полученіе его ограничивалось крайне ничтожными количествами, что объясняется, главнымъ образомъ, монополизаціей казною золотопромышленности.

Въ началѣ 19-го вѣка, послѣ отмѣнымонополіи, русскія мѣсторожденія золота стали давать большее количество металла, постепенно увеличивавшееся до 90 г., когда добыча золота становится болѣе или менѣе постоянной, доставляя около 2500 пудовъ ежегодно, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Годы.	Средняя годовая добыча въ пудахъ.	Годы.	Средняя годовая добыча въ пудахъ.
1816—20	16	1851—55	1510
1821—25	126	56—60	1625
26—30	295	61—65	1470
31—35	406	66—70	1842
36—40	459	71—75	2151
41—45	1076	76—80	2480
46—50	1618	81—85	2165
		86—90	2198

Вторая половина 19-го вѣка ознаменовалась крайне быстрымъ ростомъ золотопромышленности во всемъ свѣтѣ, въ подтвержденіе чего достаточно указать, что за весь періодъ времени съ 1493 по 1850 годъ было добыто приблизительно 288000 пудовъ золота, тогда какъ въ слѣдующія затѣмъ 40 лѣтъ было получено болѣе 437000 пудовъ его. Такое громадное повышеніе количества добываемаго металла является слѣдствіемъ во-первыхъ введенія правильныхъ развѣдокъ, которыя дали возможность открыть много новыхъ мѣсторожденій, и во вторыхъ примѣненіемъ къ разработкѣ ихъ химическихъ методовъ выдѣленія золота, которые особенно широко практикуются въ Южной Африкѣ и употребляются преимущественно въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ золота для извлеченія его изъ остатковъ первоначальной обработки породы обыкновенными способами. Конечно, добыча золота можетъ быть выгодна только въ тѣхъ случаяхъ, если количество получаемаго при этомъ металла превосходитъ въ большей или меньшей степени необходимыя для производства работъ затраты. Поэтому понятно, что богатство мѣсторожденія есть величина относительная, ближайшимъ образомъ зависящая отъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится данная мѣстность; именно, чѣмъ ближе лежитъ она къ населеннымъ центрамъ, чѣмъ дешевле пищевые продукты и чѣмъ лучше пути сообщенія, тѣмъ болѣе повышается относительная цѣнность мѣсторожденія; такъ, напримѣръ, на Уралѣ, гдѣ наемъ рабочихъ и содержаніе ихъ обходится сравнительно недорого, розсыпи, въ которыхъ на 100 пудовъ песку приходится 1 золотникъ золота, считаются богатыми, между тѣмъ какъ разработка розсыпи съ такимъ содержаніемъ золота была бы убыточна въ глухихъ мѣстностяхъ Сибири.

Техническое добываніе золота производится различными способами въ зависимости отъ характера мѣсторожденій и содержанія металла въ почвѣ. Если золото находится въ аллювіальныхъ наносахъ въ видѣ розсыпей, смѣшаннымъ съ пескомъ, глиной и пр., то при достаточномъ содержаніи его употребляется простая промывка, неизбѣжно сопровождающаяся зна-

чительной потерей металла и состоящая въ томъ, что легкія минеральныя частицы,—песокъ и т. п.,—отмываются водой, тогда какъ золото, будучи болѣе тяжелымъ, остается на мѣстѣ. Для этой цѣли употребляются всего чаще приборы двухъ слѣдующихъ типовъ, видоизмѣняющихся и болѣе или менѣе усложненныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ; во первыхъ, промывка можетъ производиться на плоскихъ блюдахъ, которыя наполняются золотоносной породой и подвергаются постоянному вращенію подъ струей воды, при чемъ песокъ вымывается черезъ края блюда, а крупинки золота падаютъ на дно его. Ко второму типу относятся употребляющіеся на Уралѣ такъ называемые вашгерды, т. е. деревянные станки, передняя часть которыхъ, куда помѣщается предназначенный для промывки матеріалъ, дѣлается горизонтальной, переходящей затѣмъ въ наклонный спускъ съ закраинами и прикрѣпленными ко дну его поперечными брусьями, задерживающими тяжелыя частицы металла въ то время, какъ болѣе легкія вещества уносятся водою, которая направляется на промываемую породу. Въ Калифорніи и Австраліи употребляется для промывки золота видоизмѣненіе этого прибора, называемое тамъ люлькой или зыбкой; эта послѣдняя отличается отъ вашгерда тѣмъ, что промывающаяся порода накладывается въ ней не просто на горизонтальную поверхность, а въ грохотъ (рѣшето), помѣщаемый въ передней части прибора. Кромѣ того приборъ во все время промывки подвергается раскачиванью, для чего его или ставятъ на два валька различной толщины, или подвѣшиваютъ на веревкахъ между деревьями, или же наконецъ ставятъ на качалку. Какъ въ вашгердѣ, такъ и въ люлькѣ, золото задерживается поперечными брусьями вмѣстѣ въ крупными зернами песка, но, благодаря постоянному раскачиванью, въ послѣднемъ случаѣ операція совершается гораздо скорѣе и притомъ задержанный брусьями осадокъ оказывается настолько богатымъ золотомъ, что постороннія примѣси отъ него можно отобрать просто руками. Еще болѣе усовершенствованный приборъ представляетъ собою сортировочная машина. Здѣсь золотоносная почва помѣщается въ резервуаръ, гдѣ она медленно перемѣшивается укрѣпленными на центральномъ валикѣ пальцами подъ струей воды, чѣмъ достигается размягченіе и раздробленіе матеріала. Изъ резервуара взмученная порода, или шламъ, стекаетъ на три одно подъ другимъ расположенныя рѣшета, къ низу болѣе частыя, и наконецъ на наклонную плоскость съ поперечными ребрами. На рѣшетахъ остаются большія зерна золота вмѣстѣ съ крупными зернами песка и кварца, бруски же, расположенные на наклонной плоскости, задерживаютъ болѣе мелкія частицы металла. Въ этомъ, а также и во многихъ другихъ приборахъ для промывки золота, на описаніи которыхъ мы не будемъ останавливаться, для улавливанья мелкаго и плавучаго золота часто пользуются

мѣдными амальгамированными листами, располагающимися обыкновенно недалеко отъ выхода промывной воды изъ прибора; золото, приходящее въ соприкосновеніе съ этими листами, образуетъ амальгаму съ покрывающимъ ихъ слоемъ ртути, и такимъ образомъ уменьшается потеря его. Въ Калифорніи обыкновенное рытье песка, представляющее очень трудную и утомительную работу, замѣняется дѣйствіемъ падающей воды. Съ этою цѣлью изъ резервуара расположеннаго метровъ на тридцать выше разрабатываемой почвы, на нее направляется струя воды черезъ рукавъ, отверстіе въ наконечникѣ котораго имѣетъ въ ширину 30—40 миллиметровъ. Предварительно разбитый и взмученный такимъ образомъ золотоносный песокъ увлекается теченіемъ воды въ длинные каналы, въ ближайшихъ частяхъ которыхъ золото откладывается вслѣдствіе своей тяжести.

Въ жильныхъ и кварцевыхъ мѣсторожденіяхъ золото заключается въ сравнительно небольшихъ количествахъ и притомъ часто въ сопровожденіи серебра и другихъ металловъ. При такомъ видѣ залеганія золотоносная порода извлекается обыкновенными рудничными операціями, и затѣмъ подвергается окончательной обработкѣ, имѣющей цѣлью отдѣлить золото отъ прочихъ составныхъ частей породы. При добычѣ жильнаго золота промывкѣ должно предшествовать тщательное измельченіе породы, которое производится въ нѣсколькихъ, спеціально для этого приспособленныхъ машинахъ; при послѣдовательномъ прохожденіи черезъ эти машины порода настолько измельчается, что можетъ быть подвергнута промывкѣ. Обыкновенная промывка золота сопровождается потерей металла благодаря тому, что мельчайшіе листочки и крупинки его уносятся теченіемъ воды; при нѣкоторыхъ условіяхъ потеря золота этимъ путемъ можетъ доходить до 40—50 процентовъ общаго количества его. Во избѣжаніе этого прибѣгаютъ къ помощи амальгамаціи, такъ какъ ртуть задерживаетъ мелкія частицы золота, образуя съ нимъ амальгаму, собрать которую не представляетъ никакого труда. Амальгамація примѣняется для выдѣленія золота изъ песка, шлиха, кварца и обожженныхъ рудъ. Этотъ процессъ можетъ совершаться и попутно, напримѣръ въ дробильныхъ машинахъ, въ резервуары которыхъ вмѣстѣ съ измельчаемой породой помѣщаютъ для этого нѣкоторое количество ртути, или при обмывкѣ золотоноснаго песка, какъ мы уже упоминали, но, кромѣ того, для амальгамаціи примѣняются и особыя машины. Такіе методы обработки, при которыхъ амальгамація производится независимо отъ раздробленія, заслуживаютъ предпочтенія, такъ какъ при нихъ остается только перемѣшивать взмученную водою породу со ртутью, чтобы привести въ соприкосновеніе съ нею содержащіяся въ породѣ частицы золота. Ртуть можетъ растворить количество золота, равное приблизительно $^1/_3$ ея собственнаго вѣса. Когда ртуть становится

менѣе подвижной, что указываетъ на значительное содержаніе въ ней золота, ее вынимаютъ изъ прибора. Для выдѣленія изъ амальгамы золота она предварительно отжимается отъ избытка ртути, подсушивается и прессуется окончательно, давая при этомъ кристаллическую, почти совсѣмъ твердую амальгаму. Послѣ этого ртуть удаляется изъ нея перегонкой въ чугунныхъ ретортахъ, снабженныхъ холодильниками для сгущенія ртути, или же въ особаго типа печахъ.

Если золото встрѣчается въ кварцевыхъ породахъ съ примѣсью другихъ металловъ, выработка которыхъ не оплачивается, то въ такихъ случаяхъ золото извлекается амальгамаціей такъ же, какъ изъ чисто кварцевыхъ жилъ. Но такая обработка становится невозможной, если этотъ металлъ связанъ въ породѣ съ сѣрой, мышьякомъ, сурьмой или теллуромъ, такъ какъ эти вещества, соединяясь со ртутью, дѣлаютъ ее негодною для амальгамаціи. Такія вредныя составныя части должны быть удалены предварительнымъ прокаливаньемъ, которое съ большимъ успѣхомъ производится въ обжигательной печи Штетфельда. Эта послѣдняя представляетъ собою вертикальную шахтенную печь, которая нагрѣвается до раскаленнаго состоянія генераторнымъ газомъ; печь закрывается сверху плоской крышкой съ продѣланными въ ней отверстіями, сквозь которыя непрерывно просѣивается мелко раздробленная золотоносная порода. Благодаря дѣйствію раскаленнаго воздуха вышеуказанныя вещества входящія въ составъ породы, окисляются и улетучиваются, послѣ чего обожженная руда подвергается амальгамаціи для извлеченія золота. Если порода вмѣстѣ съ золотомъ содержитъ и другіе металлы, какъ напримѣръ, свинецъ, серебро и мѣдь, то полученный послѣ промывки металлъ подвергаютъ такъ называемому капелированью. Этотъ процессъ состоитъ въ сплавленіи металловъ съ добавленнымъ къ нимъ свинцомъ въ пористой чашечкѣ съ толстыми стѣнками, приготовленной изъ костяной золы. Образующіяся при сплавленіи окиси свинца и мѣди впитываются въ пористыя стѣнки, тогда какъ золото вмѣстѣ съ серебромъ скопляется на днѣ. Отдѣленіе неблагородныхъ металловъ достигается также сплавленіемъ содержащаго ихъ золота съ бурой или содой и селитрой въ графитовомъ тиглѣ, при чемъ большая часть примѣсей переходитъ въ шлакъ, всплывая на поверхность тигля. Что касается раздѣленія золота и серебра, то оно производится или сплавленіемъ съ поваренной солью, причемъ получается хлористое серебро, или же посредствомъ обработки кипящей сѣрной кислотой, растворяющей серебро, но не дѣйствующей на золото.

Для обработки золотоносныхъ породъ, кромѣ, амальгамаціи, употребляется также способъ хлорированья, впервые предложенный Платнеромъ. Этотъ способъ основывается на способности хлора переводить въ растворимое состояніе металлическое золото. Однако для того, чтобы процессъ этотъ шелъ

желательнымъ образомъ, необходимо подвергнуть породу предварительному обжиганію, которое имѣетъ цѣлью перевести въ окислы могущіе находиться въ ней сѣрнистые и мышьяковистые металлы, какъ, напримѣръ, мѣдь и желѣзо; въ видѣ окисловъ эти металлы не реагируютъ съ хлоромъ, между тѣмъ какъ изъ указанныхъ выше соединеній они могутъ перейти въ хлористыя и осадить золото изъ раствора. Самое хлорированье производится въ большихъ чанахъ посредствомъ газообразнаго хлора, который послѣ нагрузки чана пропускается въ него снизу; обработка хлоромъ продолжается въ теченіи 12—18 часовъ, послѣ чего образовавшееся въ періодъ растворенія хлорное соединеніе золота вымывается водою и потомъ осаждается посредствомъ желѣзнаго купороса; послѣдняя реакція заключается въ томъ, что желѣзный купоросъ, какъ соединеніе закисное, выдѣляетъ хлоръ изъ хлорнаго золота, само даетъ сѣрнокислую и хлористую соль окиси желѣза, а золото выпадаетъ изъ раствора въ видѣ порошка, послѣ чего его сушатъ и сплавляютъ въ слитки.

Способъ Платнера имѣетъ большое значеніе въ томъ отношеніи, что при помощи его впервые стали разрабатываться остатки золотоносныхъ породъ, которые послѣ извлеченія изъ этихъ послѣднихъ болѣе легко выдѣляющейся части золота прежде оставались неиспользованными. Они сваливались въ отбросъ и содержащееся въ нихъ золото пропадало безъ пользы, такъ какъ не было извѣстно достаточно простого и дешеваго способа обработки ихъ. Впослѣдствіи, помимо способа Платнера, для этой же цѣли были примѣнены и другіе методы, изъ которыхъ мы прежде всего остановимся на способѣ извлеченія золота растворомъ ціанистаго калія.

Уже съ середины прошлаго столѣтія было извѣстно, что при дѣйствіи ціанистаго калія металлическое золото переходитъ въ растворъ; ціанистый калій растворяетъ и сѣрнистое золото, а также сѣрнистыя соединенія другихъ металловъ, какъ, напримѣръ, серебра, мѣди, свинца, цинка, желѣза и др. Однако растворимость сѣрнистыхъ соединеній перечисленныхъ металловъ значительно меньше растворимости золота и притомъ она быстро падаетъ при употребленіи болѣе слабыхъ растворовъ, которые ввиду этого и примѣняются для извлеченія золота. Для практическаго примѣненія этой реакціи золотоносная порода стирается въ порошокъ и въ такомъ видѣ размѣшивается въ растворѣ ціанистаго калія въ сосудѣ, приготовленномъ изъ такого матеріала или покрытаго внутри такой прослойкой, на которую этотъ растворъ не дѣйствуетъ замѣтнымъ образомъ. Употребляемое количество ціанистаго калія должно находиться въ постоянномъ отношеніи къ количеству содержащагося въ породѣ золота, или серебра, если извлекается это послѣднее, и при этомъ всегда берется достаточно много воды, чтобы растворъ былъ весьма слабымъ и чтобы такимъ образомъ предупредить из-

влеченіе неблагородныхъ металловъ вмѣстѣ съ золотомъ (или серебромъ). Въ случаѣ породъ, содержащихъ не болѣе 60 гр. золота на тонну обработываемаго матеріала, оказалось удобнымъ пользоваться такимъ растворомъ, въ которомъ вѣсъ воды равнялся бы половинѣ вѣса породы, и на 1000 вѣсовыхъ частей этой послѣдней приходилось бы отъ 1 до 4 вѣсовыхъ частей ціанистаго калія. При обработкѣ болѣе богатыхъ породъ употребляется соотвѣтственно большее количество ціанистаго калія и воды. Послѣ извлеченія золота содержащій его растворъ отфильтровывается отъ пустой породы и тогда благородный металлъ осаждается обыкновеннымъ путемъ; для этого можно выпарить растворъ до суха и сплавить оставшуюся соль, или же осадить золото прямо въ растворъ, напримѣръ, амальгамой натрія. На практикѣ для этой цѣли теперь употребляются цинковыя стружки, прибавляемыя къ раствору, причемъ цинкъ, какъ болѣе энергичный металлъ, вытѣсняетъ золото и становится въ соединеніи на его мѣсто.

Такимъ образомъ мы видимъ, что слабый растворъ ціанистаго калія извлекаетъ только золото (или серебро), тогда какъ неблагородные металлы совершенно или же по большей части остаются при этомъ не измѣненными, напротивъ того, крѣпкіе растворы ціанистаго калія непригодны для извлеченія золота, такъ какъ растворимость неблагородныхъ металловъ, въ этомъ случаѣ, оказывается весьма значительной.

Золото въ породѣ должно находиться въ мелко раздробленномъ состояніи, такъ какъ болѣе крупныя зерна его только очень медленно разлагаются ціанистымъ каліемъ; наконецъ, обработываемый матеріалъ долженъ легко промываться и выщелачиваться, для чего составляющія его частицы должны обладать извѣстной формой и размѣрами. Породы, распадающіяся въ пыль при измельченіи, не годятся для выщелачиванья ихъ ціанистымъ каліемъ, потому что при смачиваньи ихъ онѣ даютъ тѣстообразную массу, не пропускающую ни раствора, ни промывныхъ водъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію процесса обработки золотоносныхъ породъ этимъ способомъ, мы остановимся на выясненіи самаго явленія растворенія золота ціанистымъ каліемъ. Теоретически для растворенія 3 вѣсовыхъ частей золота требуются 2 вѣсовыя части его, между тѣмъ какъ на практикѣ на раствореніе одной части этого металла идетъ 40, или даже больше частей ціанистаго калія. При раствореніи золота въ ціанистомъ каліи получается двойная ціанистая соль этихъ двухъ металловъ ($KAu(CN)_2$, представляющая собой двѣ частицы ціанистаго калія (KCN), въ которыхъ одинъ атомъ калія замѣненъ золотомъ. Такъ какъ калій, выдѣлившійся изъ соединенія, не можетъ оставаться въ свободномъ состояніи, благодаря присущей ему химической энергіи, то онъ образуетъ ѣдкое кали, причемъ или долженъ выдѣлиться водородъ, или же кислородъ будетъ по-

глощенъ изъ воздуха. Соотвѣтственно этимъ двумъ предположеніямъ указанную реакцію можно изобразить слѣдующими двумя уравненіями:

$$2\ Au + 4\ KCN + 2\ H_2O = 2\ KAu(CN)_2 + 2\ KHO + H_2$$

или же

$$4\ Au + 8\ KCN + 2\ H_2O + O_2 = 4\ KAu(CN)_2 + 4\ KHO.$$

Это послѣднее уравненіе признается болѣе близкимъ къ истинѣ, такъ какъ количество участвующаго въ немъ кислорода,—доставляемаго обыкновенно при реакціи различными окисляющими веществами (перекись натрія, бѣлильная известь и пр.),—соотвѣтствуетъ поглощаемому на практикѣ количеству его. Но, несмотря на видимую правильность, это уравненіе не даетъ полнаго понятія объ этой реакціи, вопросъ о которой былъ окончательно разрѣшенъ Бодлэндеромъ. По его наблюденіямъ, ціанистый калій не растворяетъ золота безъ доступа воздуха и при растворенiи его не выдѣляется водорода, что указываетъ на неправильность перваго уравненія. Но и второе уравненіе не представляетъ истинныхъ отношеній реагирующихъ тѣлъ; хотя присутствіе кислорода безусловно необходимо для растворенія золота, но при этомъ, кромѣ двойной ціанистой соли калія и золота, образуется также и перекись водорода согласно слѣдующему уравненію:

$$2\ Au + 4\ KCN + 2\ H_2O + O_2 = 2\ KAu(CN)_2 + 2\ KHO + H_2O_2.$$

Большая часть образовавшейся перекиси водорода, какъ тѣла весьма непрочнаго, разлагается при дальнѣйшемъ процессѣ, въ которомъ раствореніе золота происходитъ безъ участія атмосфернаго кислорода:

$$2\ Au + 4\ KCN + H_2O_2 = 2KAu(CN)_2 + 2\ KHO.$$

Такимъ образомъ, въ результатѣ этого двойного процесса получается тоже самое, что и во-второмъ изъ выше приведенныхъ уравненій, разница заключается только въ ходѣ реакціи. Оба явленія, выраженныя двумя послѣдними уравненіями, слѣдуютъ непосредственно одно за другимъ и поэтому оказывается невозможнымъ собрать сколько нибудь значительное количество перекиси водорода.

Какъ уже было упомянуто, необходимое для выщелачиванья количество ціанистаго калія значительно превосходитъ то, которое требуется для этого по теоретическому разсчету. Причина этого лежитъ въ непрочности KCN, который при дѣйствіи на него атмосфернаго кислорода образуетъ ціановокислый калій:

$$KCN + O = KCNO$$

и далѣе разлагается на углекислый калій, углекислоту и азотъ:

$$2\ KCNO = CO_2 + N_2\ CO_3$$

Свободная сѣрная кислота и сѣрнокислые металлы, образующіеся въ случаѣ обработки содержащихъ колчеданы породъ, разрушаютъ ціанистый

калій съ образованіемъ сѣрнокислаго калія и берлинской ($Fe_7 C_{18} N_{18}$) или турнбульской ($Fe_5 C_{12} N_{12}$) лазури. Въ виду этого, передъ выщелачиваньемъ порода обработывается слабымъ растворомъ щелочи и такимъ образомъ изъ кислой переводится въ щелочную. Эта и другія, отчасти еще не выясненныя, причины объясняютъ большую затрату ціанистаго калія при этомъ процессѣ.

Выщелачиванье породы производится въ круглыхъ чанахъ, вмѣщающимъ отъ 50 до 100 и даже до 400 тоннъ; чаны для выщелачиванья небольшихъ размѣровъ дѣлаются изъ дерева, тогда какъ для большихъ чановъ болѣе употребительны цементныя сооруженія. Нѣсколько выше дна въ этихъ чанахъ устраиваютъ второе фальшивое дно изъ деревянныхъ балокъ, между которыми оставляютъ небольшіе промежутки; сверху эти балки покрываются цыновками и на нихъ насыпаютъ слой крупнозернистаго песка, который служитъ фильтромъ для стекающаго внизъ раствора, содержащаго въ себѣ продукты выщелачиванья. Въ наполненный породой чанъ заливается 0,6—0,8 процентный растворъ ціанистаго калія, который выпускается черезъ 12 часовъ и на мѣсто него заливается еще разъ свѣжій растворъ той же концентраціи, оставляемый тамъ на нѣкоторое время (отъ 6 до 12 часовъ), въ зависимости отъ количества содержащагося въ породѣ золота. Тонна породы требуетъ обыкновенно около полутонны раствора указанной концентраціи. По окончаніи извлеченія второй порціей раствора въ чанъ заливается третья, содержащая отъ 0,2 до 0,4% ціанистаго калія, причемъ и здѣсь также употребляется $^1/_2$ тонны раствора на тонну породы. Выпустивъ и этотъ растворъ послѣ 8—10 часоваго дѣйствія имъ, породу промываютъ чистой водой, и выгрузивъ послѣ того чанъ заполняютъ его новой порціей. Количество расходуемаго ціанистаго калія простирается отъ 1,25 до 1,50 килограмма на тонну породы и даже до 2 килограммовъ въ случаяхъ небольшого содержанія золота въ ней. При обработкѣ доброкачественной породы одинъ и тотъ же растворъ пропускается последовательно черезъ нѣсколько чановъ, и такимъ образомъ достигается возможно болѣе полное использованье ціанистаго калія, благодаря обогащенію раствора большимъ количествомъ золота.

Чтобы дать болѣе ясное представленіе объ извлеченіи золота способомъ ціанистаго калія, мы приведемъ здѣсь краткое описаніе такого рода мастерской, разсчитанной на обработку не менѣе 2000 тоннъ въ мѣсяцъ.

Зданіе, въ которомъ совершаются всѣ относящіяся сюда операціи, располагается въ видѣ трехъ уступовъ, или ярусовъ. Въ верхнемъ изъ нихъ помѣщаются чаны для растворовъ, именно, одинъ для раствора ѣдкаго натра, употребляемаго для нейтрализаціи кислой породы, и два другія для крѣпкаго и слабаго растворовъ ціанистаго калія; между этими послѣдними

и нѣсколько выше ихъ находится еще небольшой чанъ, въ которомъ происходитъ самое раствореніе ціанистаго калія. Во второмъ ярусѣ располагаются шесть чановъ для выщелачиванья, каждый вмѣстимостью на 40 тоннъ породы. Нижній ярусъ занимаютъ три чана, въ которые растворъ спускается послѣ выщелачиванья; изъ нихъ онъ опять накачивается въ верхніе чаны и приводится въ нихъ къ прежней концентраціи ціанистаго калія. Но въ чаны нижняго яруса растворъ попадаетъ уже лишеннымъ содержавшагося въ немъ золота, такъ какъ между чанами для выщелачиванья и этими послѣдними помѣщаются двѣ камеры для выдѣленія дѣйствіемъ цинка извлеченнаго изъ породы золота. Порода предназначенная для загрузки чановъ, подвозится въ вагонеткахъ по рельсовому пути, идущему вровень съ верхнимъ краемъ чановъ для выщелачиванья, тогда какъ другой рельсовый путь, расположенный у ихъ основанія, служитъ для удаленія матеріала, выгружаемаго по окончаніи операціи. Въ послѣднее время этотъ путь прокладываютъ подъ самыми чанами, которые и выгружаются черезъ расположенный въ ихъ днѣ клапанъ. Послѣ выщелачиванья содержащій золото растворъ переводится въ камеры для осажденія цинкомъ, гдѣ и разлагается согласно слѣдующему уравненію:

$$2\,KAu\,(CN)_2 + Zn = K_2\,(CN)_4Zn + 2\,Au.$$

Теоретически одна вѣсовая часть цинка должна осаждать 6 частей золота*); однако въ дѣйствительности цинка идетъ значительно болѣе, именно отъ 60 до 80 вѣсовыхъ единицъ, что зависитъ отъ цѣлаго ряда совершающихся при этомъ побочныхъ реакцій.

При осажденіи золота цинкомъ, изъ раствора выпадаетъ также нѣкоторое количество другихъ извлеченныхъ вмѣстѣ съ золотомъ металловъ, серебра, свинца, цинка, мѣди и пр.; отъ этихъ примѣсей золото освобождается такъ же, какъ и въ описанномъ выше способѣ обработки ціанистымъ каліемъ.

Способъ осажденія цинкомъ представляетъ преимущества значительной дешевизны и простоты процесса, но съ другой стороны количество получаемаго такимъ образомъ золота сильно колеблется и рѣдко превышаетъ 65% всего содержанія его въ породѣ; кромѣ того выплавка цинка изъ золота при окончательной обработкѣ представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Для осажденія золота, кромѣ цинка, были предложены и другіе реагенты, напримѣръ амальгама натрія, которая съ растворомъ ціанистаго золота

---

*) Частичный вѣсъ золота = 197, цинка = 64; согласно приведенному уравненію 2 частицы Au замѣщаются одной частицей Zn, слѣдовательно по вѣсу 197.2 Au отвѣчаетъ 64 Zn, откуда получается отношеніе вѣсовыхъ количествъ $\frac{394}{64}=6{,}15$.

дастъ при электролизѣ амальгаму золота и ціанистый натрій; для той же цѣли можетъ быть употребленъ и аллюминій.

Но при употребленіи аллюминія получается объемистый осадокъ глинозема, который затрудняетъ ходъ операціи и при сплавленіи образуетъ шлакъ, тогда какъ металлическій и ціанистый цинкъ при этомъ улетучиваются. Въ виду этого, а также и очень дорогой цѣны аллюминія по сравненію съ цинкомъ, въ техникѣ примѣняется исключительно этотъ послѣдній.

Общая стоимость извлеченія золота по этому способу, примѣняемому къ остаткамъ породы послѣ того, какъ часть золота выдѣлена изъ нея амальгамаціей, исчисляется приблизительно въ 15 нѣмецкихъ марокъ на тонну матеріала, при благопріятныхъ же условіяхъ можетъ быть понижена до 5—5,5 марокъ.

Въ послѣдніе годы для выдѣленія золота изъ остатковъ золотоносныхъ породъ все чаще начинаетъ примѣняться электролитическій способъ Сименса и Гальске, первоначально введенный этой фирмой на принадлежащихъ ей рудникахъ въ Трансваалѣ. По этому способу золото, выщелоченное очень слабымъ растворомъ ціанистаго калія, выдѣляется изъ раствора слабымъ электрическимъ токомъ. Преимущество этого способа заключается въ томъ, что процессъ совершается здѣсь всегда одинаково ровно, причемъ сравнительно малое значеніе имѣетъ то или другое содержаніе ціанистаго калія, а также и то обстоятельство, имѣетъ-ли растворъ щелочную, кислую или нейтральную реакцію; кромѣ того, здѣсь совершенно исключаются осложненія, которыя въ предыдущемъ способѣ сопровождаютъ выдѣленіе окиси цинка и другихъ примѣсей. Этотъ способъ дѣлаетъ возможнымъ значительное сбереженіе ціанистаго калія и въ то же время при пользованіи имъ постоянно извлекается отъ 70 до 80% содержащагося въ породѣ золота, между тѣмъ какъ результаты выдѣленія по предыдущему способу крайне неравномѣрны и даютъ значительно меньшій процентъ общаго количества металла.

Для того, чтобы электролитическій процессъ шелъ наиболѣе благопріятнымъ образомъ, выщелачиванье производится весьма слабымъ растворомъ ціанистаго калія и въ случаѣ кислыхъ породъ растворъ нейтрализуется ѣдкимъ натромъ или известковымъ молокомъ. Плотность *) гальваническаго тока, употребляемаго для выдѣленія золота, весьма незначительна; при напряженіи тока, равномъ 7 вольтамъ, достаточно плотности въ 0,6 амперъ на квадратный метръ. Поэтому для возбужденія тока требуется только незначительная двигательная сила въ 2400 уаттъ, а такъ какъ 746

*) Плотностью тока называется сила его, дѣйствующая на единицѣ поверхности.

уаттъ соотвѣтствуютъ одной лошадиной силѣ, то слѣдовательно для указанной цѣли требуется $3^1/_2$ лошадиныя силы, хотя на практикѣ эту цифру повышаютъ обыкновенно до 5 силъ. Для того, чтобы выдѣляющіяся частицы золота имѣли по возможности однообразную форму, растворъ, изъ котораго осаждается золото, долженъ подвергаться постоянной циркуляціи въ электролитическихъ ваннахъ, чтобы къ электродамъ непрерывно притекало новое количество жидкости, и для достиженія этой же цѣли катоды должны имѣть возможно большую поверхность.

Сначала въ качествѣ катода пробовали употребить ртуть, но это оказалось неудобнымъ, такъ какъ для полученія большой катодной поверхности потребовалось бы слишкомъ большое количество этого металла; это было бы тѣмъ болѣе затруднительно, что по окончаніи процесса вся эта масса ртути превратилась бы въ очень жидкую амальгаму, изъ которой было бы трудно выдѣлить золото. Въ качествѣ катодовъ пытались также примѣнить амальгамированныя мѣдныя пластинки, которыя должны были бы мало загрязняться по сравненію съ ртутью, благодаря своему вертикальному положенію. Но и онѣ оказались непригодными, благодаря своей ломкости, а также и тому, что образующаяся амальгама золота слишкомъ легко отпадала отъ нихъ. Необходимо было подыскать катоды, которые удовлетворяли бы слѣдующимъ условіямъ: чтобы выдѣляющееся изъ раствора золото приставало къ нимъ и могло быть легко снято по окончаніи осажденія, чтобы катодныя пластинки были возможно тоньше провальцованы и чтобы употребленный для нихъ матеріалъ былъ электроположительнѣе того вещества, изъ котораго приготовлены аноды; это послѣднее условіе необходимо во избѣжаніе возникновенія вторичныхъ токовъ послѣ замыканія главнаго тока.

Наиболѣе подходящимъ къ этимъ условіямъ металломъ оказался свинецъ; онъ употребляется для катодовъ въ видѣ тонкихъ пластинокъ или, какъ это дѣлаютъ въ послѣднее время, въ видѣ свѣжихъ стружекъ съ чистой металлической поверхностью.

Не легко также было найти и подходящій матеріалъ для анодовъ. Уголь оказался непригоднымъ для этой цѣли, такъ какъ онъ быстро распадается въ мелкій порошокъ, который нельзя удалить фильтрованіемъ и который въ то же время дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на ціанистый калій. Желѣзо сначала тоже казалось неподходящимъ, такъ какъ оно образуетъ съ ціанистымъ каліемъ осадокъ берлинской лазури; однако впослѣдствіи, когда былъ найденъ способъ выдѣлять изъ этой соли ціанистый калій, желѣзо было признано наиболѣе удобнымъ матеріаломъ для анодовъ, и теперь часто даже берлинская лазурь не переводится въ ціанистый калій, такъ какъ этотъ послѣдній сталъ значительно дешевле.

При обработкѣ остатковъ золотоносныхъ породъ электролитическимъ спо-

собомъ ходъ производства очень сходенъ съ вышеописаннымъ, приспособленнымъ для метода ціанистаго калія. Здѣсь въ верхнемъ отдѣленіи находятся большіе чаны для выщелачиванья, изъ которыхъ по окончаніи извлеченія профильтрованный черезъ фальшивое дно растворъ отводится по трубамъ въ расположенные ниже чаны для отстаиванья, служащіе резервуарами для содержащаго золото раствора. Изъ этихъ послѣднихъ растворъ такимъ же образомъ переводится въ электролитическія ванны, устроенныя еще ниже. Въ этихъ ваннахъ анодами служатъ желѣзныя пластинки, расположенныя на деревянныхъ подставкахъ, которыя прикрѣпляются ко дну ванны и поддерживаются въ вертикальномъ положеніи укрѣпленными въ стѣнкахъ ванны деревянными брусками. Какъ уже было сказано, для правильнаго хода процесса необходима постоянная циркуляція жидкости. Для достиженія ея каждый второй анодъ помѣщается на днѣ ванны, находясь такимъ образомъ подъ поверхностью жидкости, между тѣмъ какъ промежуточные аноды, расположенные на подставкахъ, выступаютъ нѣсколько выше; при такомъ устройствѣ растворъ, притекающій съ узкаго края ванны течетъ волнообразно по направленію ея длины черезъ образуемыя анодами отдѣленія.

Катодами служатъ тонкія свинцовыя пластинки, которыя прикрѣпляются къ двумъ желѣзнымъ проволокамъ и лежатъ на легкихъ деревянныхъ рамкахъ. Число этихъ рамокъ, расположенныхъ между анодами доходитъ до 87, что даетъ катодную поверхность болѣе 145 квад. метровъ на каждую ванну. Чтобы избѣжать короткаго замыканія тока вслѣдствіе образованія берлинской лазури, желѣзные аноды обертываются кусками парусины.

При электролизѣ не дожидаются обыкновенно полнаго осажденія золота и спускаютъ въ значительной степени освобожденный отъ него растворъ по трубамъ въ ниже лежащіе запасные чаны. Здѣсь онъ приводится къ прежнему содержанію ціанистаго калія, растворяемаго въ тутъ же находящихся небольшихъ чанахъ, и послѣ этого перекачивается насосомъ обратно въ чаны для выщелачиванья.

Съ 96 года въ электролитическій методъ выдѣленія золота внесено существенное улучшеніе, состоящее въ замѣнѣ свинцовыхъ пластинокъ свѣжими свинцовыми стружками, чѣмъ достигается сбереженіе мѣста и значительное увеличеніе катодной поверхности. При такомъ устройствѣ ванны между желѣзными пластинками, служащими анодами, въ проволочныхъ желѣзныхъ сѣткахъ подвѣшиваются свинцовыя стружки, играющія роль катодовъ.

При обработкѣ электролитическимъ способомъ остатковъ золотоносныхъ породъ, содержащихъ органическія вещества или кислыя соли, онѣ предварительно подвергаются нейтрализаціи опредѣленнымъ количествомъ сла-

баго раствора ѣдкаго натра или известковаго молока, чтобы избѣгнуть вызываемаго этими веществами разложенія ціанистаго калія. Нейтрализацію производятъ обыкновенно очень слабымъ растворомъ ціанистаго калія, къ которому прибавляется требующееся количество щелочи, опредѣляемое предварительнымъ испытаніемъ породы. Необходимо также для точнаго разсчета количества ціанистаго калія, требующагося для выщелачиванья, опредѣлить содержаніе золота въ породѣ, причемъ для полученія средней пробы берутъ по небольшому количеству изъ каждой вагонетки, подвозящей породы къ чанамъ.

Послѣ нейтрализаціи производятъ выщелачиванье крѣпкимъ растворомъ ціанистаго калія, потомъ черезъ промежутокъ времени отъ 3 до 5 часовъ въ чаны накачиваютъ слабый растворъ его, вытѣсняющій болѣе крѣпкій и содержащій большее количество золота. По окончаніи выщелачиванья обработываемая порода промывается окончательно опредѣленнымъ количествомъ воды.

При электролитическомъ методѣ Сименса и Гальске потеря ціанистаго калія, благодаря употребленію слабыхъ растворовъ, уменьшается до 12 граммъ на тонну, тогда какъ въ предыдущемъ способѣ она простирается до 113 гр. на то же количество породы.

Какъ мы уже говорили, примѣненіе въ золотопромышленности химическихъ и электролитическихъ методовъ послужило причиной необычайно быстраго развитія ея начиная съ половины 19-го вѣка. Однако добыча золота не можетъ возростать неограниченно, такъ какъ она обусловливается тѣмъ количествомъ этого металла, которое находится въ доступныхъ человѣку областяхъ земной коры. Ближайшимъ источникомъ золота естественно являются золотыя розсыпи, какъ наиболѣе доступныя мѣсторожденія его; по мѣрѣ истощенія ихъ добыча золота должна все болѣе сосредоточиваться на коренныхъ мѣсторожденіяхъ, которыя въ настоящее время, благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ минеральныхъ богатствъ въ большинствѣ странъ, могутъ считаться очень хорошо изученными. Было вычислено, что въ періодъ времени съ 1848 по 75 годъ на долю розсыпей приходилось 87 процентовъ всего добываемаго золота, въ 76 году количество доставляемаго розсыпями золота равняется 65%, и наконецъ въ 90 году изъ этого источника было получено только 44%. Отсюда видно, что главное значеніе въ золотопромышленности постепенно переходитъ къ кореннымъ мѣсторожденіямъ, но съ теченіемъ времени истощаются и эти послѣднія; сначала золото извлекается изъ породы, лежащей недалеко отъ поверхности земли, потомъ же приходится проникать все далѣе въ нѣдра земли, и даже въ настоящее время въ нѣкоторыхъ рудникахъ работы производятся на такой глубинѣ, гдѣ температура достигаетъ 69° C и гдѣ часто при-

ходится встрѣчаться съ горячими потоками воды. Такимъ образомъ, количество добываемаго золота должно постепенно падать по мѣрѣ использованья доступныхъ человѣку мѣсторожденій его, хотя надо замѣтить, что заключающійся въ нихъ металлъ далеко не представляетъ собою всего количества золота, находящагося на земномъ шарѣ. Мы говорили уже о золотѣ, заключающемся въ водѣ океановъ, но, кромѣ того, весьма значительное количество этого металла можетъ содержаться въ центральныхъ областяхъ земного шара вмѣстѣ съ другими тяжелыми элементами. На это указываетъ слѣдующее соображеніе; удѣльный вѣсъ земного шара по отношенію къ водѣ въ среднемъ равняется 5,6, между тѣмъ удѣльный вѣсъ горныхъ породъ, образующихъ земную кору, даетъ въ среднемъ выводѣ около половины этой величины. Отсюда слѣдуетъ, что удѣльный вѣсъ земного шара возрастаетъ по направленію къ центру его, т. е. что въ центральныхъ областяхъ сосредоточено значительное количество веществъ, обладающихъ большимъ удѣльнымъ вѣсомъ, къ числу которыхъ относится и золото. Этотъ послѣдній фактъ, интересный самъ по себѣ, не имѣетъ практическаго значенія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нѣкоторая часть веществъ, находящихся въ нѣдрахъ земли, благодаря геологическимъ процессамъ проникаетъ къ ея поверхности. Не трудно понять, какъ ничтожно можетъ быть выдвинутое такимъ образомъ количество минеральныхъ богатствъ по сравненію съ общимъ количествомъ ихъ на поверхности земного шара, скопившимся въ теченіе цѣлаго ряда геологическихъ періодовъ.

О. М. Прокофьева.

НА ЗАПАДѢ.

(Изъ Германіи).

Изъ жизни «Латинскаго квартала» въ Берлинѣ.

(Письмо третье) *)

VI.

Въ своей книгѣ о „Нѣмецкомъ студентѣ конца вѣка“, проф. Циглеръ говоритъ между прочимъ:

„Активное участіе студентовъ въ политической жизни представляется не желательнымъ. Но значитъ ли это, что студентъ долженъ совершенно сторониться политики? Нѣтъ! Студентъ сынъ своего народа и, какъ только онъ покинулъ университетъ, онъ дѣлается избирателемъ, членомъ государства, маленькимъ колесомъ въ этомъ громадномъ механизмѣ. Онъ долженъ поэтому готовиться къ выработкѣ прочнаго политическаго убѣжденія, что невозможно въ рамкахъ изучаемой имъ спеціальности. Для этого необходимо общее образованіе, необходимо чтеніе газетъ, слушаніе обще-образовательныхъ лекцій (исторія, политическая экономія...)... Для этого, конечно, не обязательно уже на студенческой скамьѣ дробиться на партіи, подобно тому, какъ это происходитъ за стѣнами университета. У студента еще все находится въ процессѣ развитія, между тѣмъ какъ партія предполагаетъ нѣчто законченное, опредѣлившееся...

Студентъ имѣетъ право колебаться въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, мѣнять свои мнѣнія сколько угодно. И это много натуральнѣе и здоровѣе для студента, чѣмъ уже на первомъ семестрѣ воображать себя вполнѣ сложившимся соціалъ-демократомъ или антисемитомъ... Поэтому окунайтесь

---

*) См. „Образованіе“ № 3.

въ жизнь съ открытыми глазами и открытымъ сердцемъ! И тотъ, кто совѣтуетъ вамъ продолжать предаваться отжившимъ идеаламъ старины, а жгучіе вопросы современности предоставлять старикамъ, тотъ даетъ вамъ камни вмѣсто хлѣба и не понимаетъ васъ!..“

Эти мысли страсбургскаго профессора нашли себѣ практическое выраженіе въ созданіи среди студентовъ т. н. соціально-научныхъ обществъ (Socialwissenschaftliche Studentenvereinigungen). Съ паденіемъ исключительныхъ законовъ и съ опубликованіемъ „февральскихъ указовъ“ Вильгельма II въ 1890 году, наступила, какъ казалось тогда, весна для самыхъ лучшихъ стремленій и пожеланій нѣмецкаго общества. Послѣ двѣнадцати лѣтъ длившагося гнета усиленной бисмарковской охраны снова возродилась вѣра въ свободное прогрессивное развитіе, въ благотворное дѣйствіе соціальныхъ преобразованій.

Этимъ свѣжимъ вѣяніемъ начала 90-хъ годовъ не остался не задѣтымъ ни одинъ сколько нибудь отзывчивый слой нѣмецкаго общества. Неудивительно, что оно коснулось также и нѣмецкаго студенчества. Занятіе соціальнымъ вопросомъ сдѣлалось моднымъ и излюбленнымъ предметомъ. Въ большинствѣ нѣмецкихъ университетовъ образовались „соціально-научныя общества“ частью по иниціативѣ профессоровъ и студенческихъ корпорацій, частью же какъ вполнѣ самостоятельныя студенческія организаціи. Къ числу соціально-научныхъ студенческихъ обществъ послѣдняго рода принадлежитъ также и самое популярное изъ нихъ—Socialwissenschaftlicher Studentenverein, основанный въ 1893 году при берлинскомъ университетѣ. Этотъ ферейнъ ставилъ себѣ цѣлью всѣми мѣрами содѣйствовать берлинскому студенчеству въ его занятіяхъ соціальными проблемами. Наблюдая повседневную нѣмецкую жизнь, учредители ферейна видѣли, какъ на аренѣ политической жизни Германіи стали обнаруживаться явные признаки чрезвычайныхъ общественныхъ перемѣнъ и захватывающихъ общественныхъ движеній. Они видѣли, что на основѣ соціальныхъ и соціально-экономическихъ отношеній образуются враждебные общественные лагери и что между этими лагерями растетъ пропасть, въ виду которой одна сторона почти перестаетъ понимать другую. Нѣмецкое студенчество проходило мимо всѣхъ этихъ конфликтовъ или совершенно безучастно, или же обнаруживало въ своихъ сужденіяхъ и отношеніяхъ пристрастіе и предубѣжденность своихъ отцовъ. А между тѣмъ студентъ стоитъ непосредственно передъ началомъ своей политической зрѣлости, слѣдовательно, передъ вступленіемъ въ свои права на участіе и вліяніе на судьбу своей родины. Для питомца науки прежде всего имѣетъ значеніе тотъ фактъ, что соціальныя стремленія современности представляютъ самые вліятельные факторы культурнаго развитія, и что наука призвана указать этому развитію его свободные и надежные пути.

Исходя изъ приблизительно такихъ соображеній, группа студентовъ разныхъ факультетовъ при берлинскомъ университетѣ образовала въ 1893 году соціально-научное студенческое общество. Оно представляло собою организацію, при содѣйствіи которой каждый студентъ имѣлъ возможность слушать соціально-научные рефераты и лекціи и знакомиться съ наиболѣе выдающимися институтами соціальной жизни, какъ фабрики, заводы, образцовыя фермы, разнаго рода общественныя учрежденія и т. п., обыкновенно не доступныя постороннимъ лицамъ. Придавая своей дѣятельности—лекціямъ, экскурсіямъ и пр.—общепонятный и общеинтересный характеръ, общество стремилось привлечь къ себѣ возможно болѣе широкіе круги студенчества, чтобы путемъ академически-научнаго воздѣйствія возбудить въ нихъ живой интересъ къ явленіямъ общественной жизни. При сильно вкоренившемся недовѣріи ко всему, что носило на себѣ „соціальную" этикетку, задача новаго общества была не легка. Это недовѣріе и предубѣжденіе коренится тѣмъ глубже, чѣмъ менѣе данная группа студенчества способна отдавать себѣ отчетъ о природѣ и свойствахъ разныхъ явленій общественной жизни. Въ виду этого общество ставило себѣ цѣлью внести въ ряды студентовъ болѣе близкое знакомство и пониманіе соціальныхъ наукъ и прежде всего науки о народномъ хозяйствѣ. Среди неорганизованнаго и корпоративнаго студенчества имѣлось конечно и раньше большое число лицъ, интересовавшихся общественными науками и жизнью. Но принадлежность къ соціально-научному обществу приводила ихъ въ близкое соприкосновеніе другъ съ другомъ: они стали регулярно собираться на кружковые и членскіе рефераты, основывали отдѣльныя группы для болѣе тщательнаго изученія отдѣльныхъ вопросовъ, создавали фондъ для собственной библіотеки. Главную же свою задачу соціально-научное общество усматривало въ просвѣтительной работѣ среди студенчества, въ разсѣяніи его равнодушія ко всему, что выходитъ изъ рамокъ традиціоннаго студенческаго быта, въ пробужденіи болѣе осмысленнаго чувства отвѣтственности передъ собой и родиной. Кто сколько нибудь знакомъ съ характеромъ переживаемой современной Германіей эпохи и со сложившейся въ ней—Германіи—общественной группировкой, тотъ легко пойметъ всю сизифову трудность такой задачи. Но вновь основанное общество съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ работало надъ ея осуществленіемъ, что имѣло на своей сторонѣ симпатіи и содѣйствіе цѣлаго ряда выдающихся лицъ изъ академическаго и соціально-политическаго міра.

Соціально-научное студенческое общество сумѣло за время своего существованія стать очень замѣтнымъ факторомъ общественной и академической жизни нѣмецкой столицы. Справлявшіяся имъ годовщины своего основанія, т. н. Stiftungsfeste, были праздничными событіями въ самомъ благородномъ смыслѣ слова и каждый разъ служили поводомъ для очень интерес-

ныхъ програмныхъ манифестацій со стороны даннаго „праздничнаго“ оратора. Выдающіеся общественные дѣятели и люди науки охотно выступали въ этихъ торжественныхъ случаяхъ въ качествѣ такого оратора. Большой залъ въ знаменитомъ зданіи ремесленнаго общества,—тотъ самый, въ которомъ еще говорилъ Фердинандъ Лассаль,—наполнялся избранной публикой, а вокругъ длиннаго „почетнаго стола“, вблизи ораторской трибуны, располагалась блестящая „корона“ изъ профессоровъ и доцентовъ университета, депутатовъ, писателей, выдающихся филантроповъ и т. п. Здѣсь въ 1896 году извѣстный пасторъ Науманъ впервые возвѣстилъ свои мысли о „націоналъ-соціальномъ возрожденіи Германіи,—мысли, послужившія основаніемъ для созданія націоналъ-соціальной партіи; здѣсь не менѣе хорошо извѣстный профессоръ бреславльскаго университета Юліусъ Вольфъ воспользовался рѣдкимъ случаемъ, чтобы передъ благодарной берлинской аудиторіей публично отстоять свои сильно раскритикованныя идеи реформированнаго экономическаго либерализма; мюнхенскій профессоръ Луйо Брентано не преминулъ послѣдовать зову общества, чтобы на годовщинѣ 1900 года подробно обосновать аргументацію въ пользу системы свободной торговли,—сюжетъ очень животрепещущій для настоящаго времени горячихъ споровъ о хлѣбныхъ пошлинахъ и торговыхъ договорахъ; здѣсь-же прочелъ недавно и Эдуардъ Бернштейнъ свой знаменитый докладъ о научномъ соціализмѣ,—тотъ самый докладъ, который возбудилъ большіе споры среди „товарищей“ Бернштейна и навлекъ на него гнѣвную резолюцію на любенскомъ партійномъ конгрессѣ; здѣсь, наконецъ, доцентъ берлинскаго университета и генеральный секретарь „Союза сельскихъ хозяевъ“ въ самое послѣднее время излагалъ аграрную программу таможенной политики... Но не только торжественные доклады по случаю празднованія годовщины, а и обычныя очередныя ферейнскія засѣданія всегда привлекали много слушателей и вызывали оживленныя пренія по поводу выслушаннаго реферата. Кромѣ названныхъ лицъ, изъ иногороднихъ профессоровъ имѣли свои доклады въ студенческомъ обществѣ профессора Вернеръ Зомбартъ (Бреславль), Квидде изъ Мюнхена, Тенніесъ изъ Киля. Изъ мѣстныхъ берлинскихъ профессоровъ и доцентовъ читали рефераты Бернгокъ, Брайзигъ, Гарнакъ, Паульсенъ, Ортманъ, Зерингъ, Шмоллеръ, Зиммель, Вагнеръ, Велфлинъ, Ястровъ, Прейсъ и мн. др.; изъ людей практической жизни неоднократно читалъ извѣстный берлинскій фабрикантъ Генрихъ Фрезе; изъ писателей: Гантштейнъ, Шлайкіеръ, Бернгардъ, Юліусъ Гартъ; изъ политическихъ дѣятелей; депутаты Арендтъ, Шиппель, Пахнике, Трюгеръ; изъ публицистовъ: Конрадъ Шмидтъ, фонъ-Герлахъ, Адольфъ Дамашке, д-ръ Францъ Оппенгеймеръ и мн. др.; далѣе цѣлый рядъ выдающихся женщинъ-писательницъ и общественныхъ дѣятельницъ...

Въ программу дѣятельности соціально-научнаго общества студентовъ входили также совмѣстныя экскурсіи для обозрѣнія подъ компетентнымъ руководствомъ разнаго рода примѣчательныхъ институтовъ. Такъ, напр., были осмотрѣны фабрики Шварцкопфа, Сименса и Гальске, Фрезе, Арнгейма, кабельный заводъ Электрическаго Общества, сооруженія по водоснабженію столицы, газовые заводы, центральная бойня, рабочія жилища извѣстнаго строительнаго и сберегательнаго общества въ Берлинѣ, извѣстное воспитательное заведеніе издателя „Berliner Tageblatt'a" Рудольфа Моссе, рабочія колоніи въ предмѣстьѣ Рейникендорфѣ, убѣжища для бездомныхъ, отсидочная тюрьма въ предмѣстьѣ Плецензее, недавно построенный „Домъ труда" берлинскихъ организованныхъ рабочихъ (Gewerkschaftshaus), обширныя пивоварни Шультгейса и т. п.

Но на пути развитія и дѣятельности соціально-научнаго студенческаго общества были разсѣяны не однѣ розы, но и шипы. Мы знаемъ уже, что Socialwissenschaftlicher Studenten-Verein былъ основанъ въ 1893 году. Онъ былъ заявленъ у университетскихъ властей и внесенъ въ списокъ академическихъ организацій. Университетскія власти предоставили ему полную свободу дѣятельности, да и не могли поступить иначе, такъ какъ засѣданія общества были обставлены строго научнымъ образомъ и посвящались предметамъ изъ области политической экономіи и соціальнаго вопроса, которые, какъ извѣстно, входятъ и въ программу оффиціальнаго университетскаго преподаванія. Но вотъ вдругъ, въ концѣ 1894 года, извѣстный и теперь уже умершій заводской „король" Штуммъ вздумалъ сдѣлать вылазку противъ студенческаго ферейна въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей въ рейхстагѣ.

Поводомъ къ тому послужилъ слѣдующій фактъ. „Первый по времени предсѣдатель соціально-научнаго ферейна Карлъ фонъ-Мангольдтъ прочелъ по случаю празднованія первой годовщины въ 1894 году рѣчь о „соціальномъ вопросѣ и имущихъ классахъ общества". Эта рѣчь произвела очень хорошее впечатлѣніе на слушателей и вскорѣ появилась въ печати. Самъ авторъ тѣмъ временемъ сдалъ свой докторскій экзаменъ и поступилъ на службу извѣстнаго „Института общественнаго благополучія" во Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ то же самое время баронъ Штуммъ открылъ въ подвластной ему печати и въ рейхстагѣ жестокую кампанію противъ немилыхъ ему берлинскихъ профессоровъ политической экономіи, противъ такъ называемыхъ катедеръ-соціалистовъ, вродѣ Адольфа Вагнера, Густава Шмоллера и др. Попутно онъ не преминулъ придраться и къ реферату д-ра фонъ-Мангольдта и къ соціально-научному обществу, которое не безъ основанія считалъ продуктомъ и предметомъ особаго попеченія со стороны названныхъ столповъ берлинской профессорской коллегіи. Совершенно несуразныя нападки нервно-

разстроеннаго и ожесточившагося заводчика вызывали въ публикѣ одинъ лишь смѣхъ. Но вліяніе покойнаго „короля“ шло очень далеко и потому задѣло своимъ крыломъ и тогдашняго ректора университета, вообще говоря довольно популярнаго профессора теологіи Пфлейдерера. Не столько по своей собственной инициативѣ, сколько по совѣту злого генія берлинскаго университета, извѣстнаго университетскаго судьи Дауде, ректоръ придрался къ какой-то мелкой формальности, несоблюденной соціально-научнымъ обществомъ, и безъ дальнихъ околичностей объявилъ его закрытымъ. Общество, конечно, не могло успокоиться на такомъ заключеніи: оно обратилось съ жалобой въ академическій сенатъ, а когда сенатъ призналъ себя некомпетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, то апеллировало къ министру народнаго просвѣщенія. Изъ министерства долгое время не приходило никакого отвѣта. Но спустя десять мѣсяцевъ, съ назначеніемъ новаго ректора общество было возстановлено и взяло свою жалобу обратно.

Недовольство среди студентовъ, вызванное совершенно неосновательнымъ распущеніемъ соціально-научнаго общества, приняло тѣмъ временемъ довольно большіе размѣры. Конфликтъ между членами общества съ одной стороны и ректоромъ и университетскимъ судьей съ другой, благодаря сплетенію различныхъ обстоятельствъ, перенесся на отношенія между названными представителями университетской власти и директоріумомъ Академической читальни, который, какъ намъ уже извѣстно изъ предыдущаго, представляетъ собою совершенно автономную инстанцію, избираемую студенчествомъ. Какъ бы въ отместку за распущеніе соціально-научнаго общества, берменское студенчество громаднымъ большинствомъ избрало бывшаго предсѣдателя общества въ предсѣдатели директоріума академической читальни, послѣ того какъ этотъ постъ цѣлыхъ 11 лѣтъ подрядъ находился въ рукахъ антисемитическаго „Ферейна нѣмецкихъ студентовъ“. Вслѣдствіе такого демонстративнаго исхода выборовъ, конфликтъ между указанными сторонами еще болѣе обострился и повелъ наконецъ къ тому, что весь директоріумъ въ составѣ семи лицъ былъ приговоренъ къ заключенію въ карцеръ на 8 дней. Этотъ приговоръ былъ вынесенъ послѣ судебной процедуры, противорѣчившей какъ требованіямъ справедливой юстиціи, такъ равно и статутамъ университета: судьями явились сами обвинители, вмѣсто того, чтобы передать дѣло академическому сенату. Осужденные однако покорились судьбѣ и оставались въ теченіе 8 дней въ карцерѣ, который состоитъ изъ двухъ маленькихъ камеръ и изъ котораго даже при тщательномъ надзорѣ очень легко сбѣжать. За то они въ достаточной степени были вознаграждены заступничествомъ печати. Берлинскія газеты не переставали потѣшаться надъ университетскимъ судопроизводствомъ, а извѣстный „Kladderadatsch“, неоднократно изливавшій ядъ своей бичующей сатиры по поводу университетскаго

инцидента, напечаталъ между прочимъ большое стихотвореніе, каждая строфа котораго заканчивалась стихами:

„O Pfleiderer, o Pfleiderer,
Du thust mir immer leiderer!“

Берлинское общество и печать тепло привѣтствовали вернувшійся изъ заточенія директоріумъ, которому даже не вручили письменныхъ мотивовъ приговора, какъ то требуется университетскими статутами. Но назначеніе новаго ректора избавило его отъ необходимости обращаться къ длинной апелляціонной процедурѣ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Этимъ новымъ ректоромъ былъ извѣстный профессоръ политической экономіи Адольфъ Вагнеръ, громаднымъ большинствомъ избранный на ректорскій постъ. Его избраніе было также демонстративнымъ отвѣтомъ передовой части берлинскихъ профессоровъ на многократные промахи и ошибки предыдущаго ректора, слишкомъ подчинявшагося внушеніямъ черстваго бюрократа судьи и его усердію по части поддержанія университетской дисциплины. Противъ этого усердія проф. Вагнеръ неоднократно и со свойственнымъ ему мужествомъ выступалъ гласно и печатно, и потому профессора его вознаградили теперь его избраніемъ въ ректоры. Въ качествѣ ректора проф. Вагнеръ сумѣлъ самъ опредѣлять свой образъ дѣйствія и воздѣйствія. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонилъ опеку университетскаго судьи надъ своей особой. Судья всячески противился возстановленію соціально-научнаго студенческаго общества, хотя раньше, въ бесѣдѣ съ его членами обѣщалъ не противодѣйствовать этому по прошествіи одного, самое большее—двухъ семестровъ. Бывшій предсѣдатель распущеннаго соціально-научнаго общества Эрнестъ Шульце, сдѣлавшійся вскорѣ докторомъ и освободившійся, такимъ образомъ, отъ университетской дисциплинарной зависимости, не преминулъ открыто напечатать въ „Нѣмецкой университетской газетѣ“ о неисполненіи даннаго судьей Дауде слова. Судья безпрекословно проглотилъ тяжелый упрекъ д-ра Шульце.

Проф. Вагнеръ, сдѣлавшись ректоромъ, немедленно возстановилъ соціально-научное общество и много лѣтъ послѣ того относился къ нему съ самымъ теплымъ участіемъ. Онъ неоднократно высказывалъ убѣжденіе, что не только для студента, изучающаго политическую экономію, но и для будущаго судьи, врача, священника и т. п. въ высшей степени важно возможно близкое ознакомленіе съ соціальными проблемами нашего времени, и что далеко не худшіе элементы среди студенчества тѣ, которые обнаруживаютъ живой интересъ къ такимъ проблемамъ.

Казалось бы, что въ виду такого авторитетнаго заступничества, поддержаннаго цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ ректоровъ, положеніе соціально-

научнаго общества на всегда обезпечено. И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ общество свободно росло и развивалось. Но вотъ вдругъ, въ началѣ только что истекшаго зимняго семестра нежданно-негаданно разразилась надъ нимъ новая гроза. Теперешній ректоръ берлинскаго университета, профессоръ археологіи Кекуле-фонъ-Штрадоницъ, изъ предъявленной ему для утвержденія программы занятій соціально-научнаго общества счелъ нужнымъ вычеркнуть проектированные рефераты двухъ извѣстныхъ писательницъ г-жъ Цеплеръ и д-ра Кэти Ширмахеръ. Уже одинъ этотъ отказъ ректора утвердить дамскіе рефераты шелъ въ разрѣзъ съ практикой большинства его предшественниковъ. Во время ректората профессоровъ Вагнера, Шмоллера, Гарнака и Валдайера референтами въ соціально-научномъ обществѣ совершенно безпрепятственно выступалъ цѣлый рядъ женщинъ писательницъ и общественныхъ дѣятельницъ, какъ, напр., публицистка Елена Симонъ, Софія Дашинская, писательницы и руководительницы женскаго движенія Елизавета Гнаукъ-Кюне, Марія Штритъ, Алиса Саломонъ, Лещинская, Мелліенъ и др. Свои мотивы несогласія на рефераты г-жъ Цеплеръ и Ширмахеръ ректоръ формулировалъ въ слѣдующемъ классическомъ положеніи, когда передъ нимъ о томъ ходатайствовалъ предсѣдатель студенческаго общества: „То, что вамъ скажутъ женщины, мужчины вамъ могутъ сказать гораздо лучше!..“

Недопущеніе ректоромъ женскихъ рефератовъ не имѣло характера общаго вопроса. Оно во всякомъ случаѣ могло распространяться на одни рефераты, а не на участіе женщинъ въ преніяхъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи ни разу не послѣдовало никакого запрета, да и не могло послѣдовать уже по той причинѣ, что берлинскій университетъ открываетъ въ настоящее время доступъ нѣсколькимъ сотнямъ женщинъ, которыя по преимуществу занимаются изученіемъ соціальныхъ наукъ.

Какъ бы то ни было, но соціально-научному обществу ничего не оставалось, какъ принять къ свѣдѣнію запрещеніе профессора Кекуле и изъять не утвержденные рефераты изъ своей семестровой программы. Въ распоряженіи общества не было средствъ обжаловать это запрещеніе, такъ какъ ректора въ такихъ случаяхъ пользуются дискреціонною властью, и о разъ навсегда установившейся практикѣ формальнымъ образомъ не могло быть рѣчи. Но предсѣдатель общества, студентъ Отто Маркусъ счелъ себя въ правѣ опубликовать въ газетахъ сообщеніе, что онъ въ ближайшемъ засѣданіи общества прочтетъ рефератъ о „Соціальныхъ проблемахъ женскаго вопроса“ и что въ преніяхъ по этому реферату могутъ принять участіе и дамы. Такого рода публикація, казалось бы, не могла считаться нарушеніемъ ректорскаго постановленія, такъ какъ оно касалось лишь женскихъ рефератовъ, а не участія женщинъ въ преніяхъ, что, какъ уже было замѣчено, представляло совершенно обычное явленіе. Но ректоръ, очевидно, истолко-

валъ объявленіе студента Маркуса въ демонстративномъ смыслѣ и немедленно распорядился о закрытіи соціально-научнаго общества.

Для всякаго безпристрастнаго человѣка эта крайняя мѣра изъ уголовнаго кодекса академической дисциплины представлялась совершенно несоотвѣтственной обстоятельствамъ самого дѣла. Въ распоряженіи ректора были еще промежуточныя мѣры, какъ выговоръ или же распущеніе общества на срокъ. Если въ этомъ случаѣ и былъ кто виноватъ, то только одинъ предсѣдатель общества, напечатавшій объявленіе по собственному усмотрѣнію, а не по порученію своихъ товарищей изъ распорядительнаго комитета. И предсѣдатель и его товарищи нѣсколько разъ пытались передъ ректоромъ и судьей честнымъ словомъ подтвердить подлинное происхожденіе инцидента, но это „Ehrenwort", столь освященное нѣмецкой академической практикой, въ этомъ случаѣ было отклонено и г. магнификусъ остался при своемъ рѣшеніи. Получалось, такимъ образомъ, впечатлѣніе, что университетскія власти рады были ухватиться за благовидный предлогъ, чтобы нанести смертельный ударъ студенческому обществу, противъ котораго уже давно интриговали реакціонные слои берлинскаго студенчества и о которомъ строгій судья Дауде какъ то заявилъ членамъ общества „При первой оказіи вы будете распущены!"

На обще-студенческомъ собраніи, созванномъ для обсужденія инцидента, большинство ораторовъ склонялось именно къ тому мнѣнію, что самъ ректоръ не могъ бы рѣшиться на такую строгую мѣру. Археологъ Кекуле, хоть и достаточно отсталый человѣкъ, но онъ едва ли могъ пойти противъ цѣлаго ряда своихъ предшественниковъ и коллегъ, которые всегда благоволили къ соціально-научному обществу. Но въ дисциплинарныхъ дѣлахъ ректоръ обыкновенно слѣдуетъ указаніямъ судьи и слѣдуетъ тѣмъ безапелляціоннѣе, чѣмъ менѣе онъ независимъ и освѣдомленъ на счетъ академической жизни. А г. Кекуле именно и принадлежитъ къ разряду такихъ профессоровъ. О дѣятельности соціально-научнаго общества онъ имѣлъ самое слабое представленіе, на его засѣданіяхъ никогда не бывалъ, да и нисколько имъ не интересовался. Это было на руку судьѣ Дауде, у котораго былъ зубъ на названное общество и который не могъ забыть, что оно было возстановлено профессоромъ Вагнеромъ противъ его настоятельнаго желанія. Поэтому былъ вполнѣ правъ тотъ ораторъ, который на упомянутомъ студенческомъ собраніи валилъ всю вину на университетскаго судью Дауде и свои доводы резюмировалъ въ слѣдующемъ осторожномъ каламбурѣ: „Der Rector ist blos Rector, aber Herr Daude ist der spiritus rector!".

Между тѣмъ и Rector и spiritus rector сдѣлались предметомъ неисчерпаемыхъ разговоровъ въ обществѣ и печати—и неистощимаго юмора

въ каррикатурныхъ листкахъ. Очень потѣшна, напр., каррикатура, изображающая, какъ жена и дочь г. Кекуле таскаютъ его за волосы въ наказаніе за его слова: „Что могутъ сказать женщины, то мужчины скажутъ много лучше". Либеральные депутаты прусскаго ландтага, при обсужденіи бюджета министерства народнаго просвѣщенія, также рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ драконовской дисциплины академическихъ властей. Этого инцидента коснулись также нѣкоторые депутаты и въ рейхстагѣ. Профессоръ Вагнеръ, вѣрный своему убѣжденію, напечаталъ въ консервативной „Крестовой Газетѣ" обширную статью, гдѣ самымъ энергическимъ образомъ заступился за соціально-научное общество и объявилъ мѣру противъ него непостижимой.

Но часто бываетъ, что ошибку, какъ бы она ни была осуждена, трудно и не удобно поправить тому, кто ее сдѣлалъ. Вѣроятно, что и въ этомъ случаѣ придется ее поправлять преемнику нынѣшняго ректора, и мѣра, имъ принятая, останется въ силѣ въ теченіе двухъ семестровъ. Этимъ путемъ, вѣроятно, разрѣшится и та апелляція, съ которой закрытое общество обратилось къ министру народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, весь этотъ инцидентъ внесетъ въ академическую жизнь лишь одно ожесточеніе студенчества и обостреніе и безъ того ужъ замѣтно острыхъ конфликтовъ и дисгармоній...

VII.

На томъ обще-студенческомъ собраніи, о которомъ я упоминалъ выше и которое имѣло въ виду выразить протестъ противъ закрытія соціально-научнаго общества, ораторы начинали свои рѣчи необычнымъ для спеціально-студенческихъ собраній обращеніемъ: „Meine Damen und Herren"!.. Такое обращеніе, какъ оказалось, сильно шокировало нѣкоторыхъ присутствующихъ студентовъ національно-консервативнаго направленія, съ которымъ обыкновенно совмѣщаются антифеминистскія тенденціи. Одинъ упитанный юноша съ манерами и внѣшними признаками будущаго пастора попросилъ слова, отрекомендовался студентомъ теологіи и съ нѣсколько безпомощной ораторской жестикуляціей заявилъ:

„Я переселился недавно сюда изъ одного провинціальнаго университета и не могъ себѣ представить, чтобы разложеніе университетскаго быта въ Берлинѣ сдѣлало уже такіе громадные шаги. Слыханное ли дѣло, чтобы на студенческомъ собраніи присутствовала такая масса женщинъ и ораторы-студенты обращались къ своей аудиторіи со словами: meine Damen und Herren! Неудивительно, если академическія власти изыскиваютъ мѣры для противодѣйствія этому грозному вторженію женскаго эле-

мента въ университетскую жизнь и университетскія аудиторіи! Я присоединяюсь поэтому всей душой и къ мѣропріятію начальства по отношенію къ соціально-научному обществу, которое опустилось до женскихъ референтовъ и о которомъ я къ тому же слышалъ много нелестныхъ отзывовъ касательно его соціалъ-демократическихъ поползновеній..."

Въ собраніи и особенно на галлереяхъ, гдѣ было много студентокъ!.. послышались насмѣшливыя восклицанія: ого! ого! и крики: „Довольно Разгнѣванный ораторъ изъ провинціи съ растеряннымъ видомъ поклонился и оставилъ трибуну.

Разложеніе, о которомъ говорилъ богобоязненный женофобъ, длится вотъ уже восьмой годъ. До 1894 года университетскія стѣны не видѣли и не знали женскаго элемента, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ публичныхъ лекцій, къ которымъ допускались и слушательницы. Теперь же студентка очень замѣтное явленіе въ берлинскихъ аудиторіяхъ. Можно себѣ представить удивленіе стараго бурша или „филистера", который заглянетъ въ университетскіе корридоры. Уже въ обширной передней университета, передъ „черными досками" росписаній толпятся многочисленныя студентки бокъ о бокъ съ комилитонами, стараясь занести въ свою тетрадку необходимые курсы. Со студентами въ рядъ выстроились онѣ передъ комнатой университетскаго секретаря, дожидаясь очереди съ своими документами въ рукахъ. Мало расположенный къ женщинамъ секретарь—въ сущности самое суровое университетское начальство и самый неделикатный университетскій кавалеръ. Особенно нелюбезенъ онъ по отношенію къ русскимъ студенткамъ за то, что онѣ являются самыми многочисленными претендентками и что ихъ документы доставляютъ ему много головоломной работы. Но онъ уже усвоилъ даже нѣсколько словъ русскихъ и съ небрежнымъ и недовольнымъ видомъ справляется о „золотой медали", о званіи „домашней учительницы" и „воспитательницы". Студентки научились сносить брюзгливый тонъ секретаря съ философскимъ спокойствіемъ и нерѣдко даже отвѣчаютъ на его претензіи улыбкой, а то и строгимъ внушеніемъ... Скромно одѣтыя, съ клеенчатымъ портфелемъ подъ мышкой, большею частью въ пенснэ или очкахъ студентки разныхъ возрастовъ и національностей снуютъ изъ одной аудиторіи въ другую, занимая обыкновенно переднія скамьи и въ общемъ встрѣчая со стороны студентовъ довольно любезное и предупредительное отношеніе. Лишь какихъ нибудь два—три старыхъ ученыхъ чудака не находятъ возможнымъ пустить къ себѣ въ аудиторіи „дамъ", такъ какъ весь долгій свой вѣкъ читали они однимъ студентамъ и не хотятъ на склонѣ дней своихъ приспособляться къ новымъ слушателямъ изъ среды слабаго и прекраснаго пола. Съ 1894 года эти старые чудаки, впрочемъ, умѣли большею частью переселиться въ лучшій міръ и теперь остаются лишь одни профессора-медики, изъ кото-

рыхъ нѣкоторые упорно держатся предубѣжденія противъ женскаго медицинскаго образованія, а, слѣдовательно, и противъ женскихъ университетскихъ слушателей.

Число учащихся женщинъ въ берлинскомъ университетѣ стало сильно расти въ послѣдніе годы. Въ истекшемъ зимнемъ семестрѣ числилось въ университетскихъ спискахъ 611 слушательницъ, что означаетъ не только относительный, но и абсолютный ростъ на 27% сравнительно съ высшей цифрой слушательницъ въ предшествующіе зимніе семестры. Извѣстно, что именно въ зимніе семестры берлинскій университетъ привлекаетъ наибольшее число слушателей, которые для лѣтнихъ семестровъ обыкновенно предпочитаютъ болѣе идиллическую обстановку и „лоно природы“ провинціальныхъ университетовъ.

Нечего удивляться, если въ виду такого безпрестаннаго роста университетскихъ слушательницъ въ разныхъ кругахъ нѣмецкаго общества то и дѣло слышится тревожный вопросъ, какой цѣли служитъ и къ чему ведетъ это высшее образованіе все болѣе увеличивающагося числа женщинъ. Почти съ началомъ каждаго семестра раздаются голоса болѣе или менѣе откровенныхъ сомнѣній на счетъ серьезности мотивовъ такого образованія и тревожныя опасенія на счетъ возможности приложенія всей женской учености въ практической жизни. Многіе боятся, что изъ всего этого наплыва женщинъ въ университетскія аудиторіи получится только многочисленный женскій образованный пролетаріатъ, для котораго не найдется достаточной полезной дѣятельности и который поэтому не имѣетъ никакого жизненнаго оправданія...

Но обратимся къ фактамъ. Недавно одна берлинская студентка, г-жа Марія Геллеръ, на основаніи оффиціальныхъ университетскихъ отчетовъ подвела очень интересные детальные итоги женскаго образованія при берлинскомъ университетѣ. Эти данныя дадутъ намъ кое какіе отвѣты и на упомянутыя только что сомнѣнія и опасенія. Приведу поэтому наиболѣе характерныя данныя изъ любопытной статьи г-жи Геллеръ (напечатана она въ берлинской газетѣ „Der Tag“ отъ 10 января текущаго года).

Въ лѣтній семестръ 1894 года въ первый разъ открылись женщинамъ двери берлинскаго университета,—впрочемъ, подъ условіемъ особаго на каждый разъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Любопытно, что такого разрѣшенія прежде всего добилась иностранка, — француженка. Нѣмки же находились еще въ большомъ недоумѣніи и не знали, какъ быть съ этой вдругъ открывшейся возможностью высшаго образованія и какія выгоды она сулитъ женщинамъ. Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ одна нѣмка, берлинская учительница, рѣшилась послѣдовать примѣру француженки и подобно ей стала слушать въ университетѣ лекціи по ис-

вымъ языкамъ. Въ слѣдующій зимній семестръ число слушательницъ въ берлинскомъ университетѣ достигло уже четырехъ, среди которыхъ трое были иностранки и только одна нѣмка. Всѣ онѣ также слушали лекціи по новымъ языкамъ.

Въ лѣтній семестръ 1895 года числилось уже 27 студентокъ, среди нихъ только 5 нѣмокъ. Параллельно съ увеличеніемъ числа учащихся женщинъ расширялся и кругъ изучаемыхъ ими предметовъ. Изъ пяти нѣмокъ одна уже слушала лекціи по юриспруденціи и государственнымъ наукамъ, двѣ изучали политическую экономію, одна работала въ физической лабораторіи. Въ слѣдующіе три семестра отношеніе нѣмецкихъ студентокъ къ иностранкамъ составляло 7:37, 18:56 и 35:96. Одновременно съ этимъ замѣчалось, что спеціально нѣмки стали придавать своему университетскому обученію опредѣленныя практическія формы. Изъ 35 нѣмецкихъ слушательницъ зимняго семестра 1896/97 года 26 были учительницами, которыя съ помощью университетскихъ лекцій готовились къ экзамену на старшую учительницу (Oberlehrerin) или—школьную наставницу (Schulvorsteherin). Изъ остальныхъ девяти трое имѣли аттестатъ зрѣлости и на этомъ основаніи были допущены къ изученію медицины, двѣ слушательницы готовились сдать докторскій экзаменъ, и только четверо ставило себѣ задачи общаго образованія.

Въ лѣтній семестръ 1897 года нѣмецкія студентки въ первый разъ достигли абсолютнаго большинства всѣхъ университетскихъ слушательницъ: 62 нѣмки на 54 иностранки. Съ этого времени онѣ продолжали оставаться въ большинствѣ, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

Всѣхъ слушательницъ числилось въ университетѣ:

		иностранокъ:	нѣмокъ:
Зимой	1897—98 г.	94	101
Лѣтомъ	1898 „	66	170
Зимой	1898—99 „	111	130
Лѣтомъ	1899 „	76	110
Зимой	1899—1900 „	198	233
Лѣтомъ	1900 „	150	153
Зимой	1900—01 „	173	282
Лѣтомъ	1901 „	122	196

Сохраняя въ теченіе всего этого промежутка времени количественное преобладаніе надъ иностранками, нѣмки въ то же время съ каждымъ новымъ семестромъ ставили своему университетскому образованію все болѣе точныя и опредѣленныя цѣли. Это не только обнаруживалось на болѣе основательной предварительной подготовкѣ, что сказывалось на увеличи-

вающемся числѣ лицъ съ аттестатомъ зрѣлости, но и на томъ обстоятельствѣ, что большинство слушательницъ прямо добивалось или государственнаго экзамена, или экзамена на старшую учительницу, или же докторскаго диплома. Громадный шагъ впередъ, какъ въ отношеніи своей численности, такъ и конечной научной цѣли нѣмецкія студентки сдѣлали въ истекшій только что зимній семестръ. Изъ общаго числа слушательницъ берлинскаго университета, изъ 611 студентокъ этого семестра на долю нѣмокъ приходилось 422, слѣд., болѣе двухъ третей. Среди нихъ одинъ Берлинъ посылаетъ въ университетъ 175 женщинъ, между тѣмъ какъ 212 студентокъ происходятъ изъ прусскихъ провинцій, и только 35 приходится на долю остальныхъ союзныхъ государствъ Германіи, главнымъ образомъ, на Гамбургъ и Мекленбургъ.

Очень замѣтное сокращеніе среди иностранныхъ слушательницъ объясняется репрессивными мѣрами, которыя были приняты академическими властями въ послѣдніе семестры и которыя заключались въ усложненіи условій допущенія иностранокъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Мѣры эти мотивировались якобы недостаточной образовательной подготовкой иностранокъ и фактически, главнымъ образомъ, обращались противъ притока русскихъ учащихся женщинъ. Но, несмотря на требованіе золотыхъ медалей, званія наставницы и т. п. русскія студентки все же составляютъ наибольшій контингентъ среди иностранныхъ слушательницъ, вѣрнѣе, вольнослушательницъ берлинскаго университета. Въ истекшій зимній семестръ ихъ числилось 90 душъ; слѣдующей по числу категоріей являются американки: 64, на долю Австріи приходилось 7 студентокъ, Англіи—5, Франціи и Норвегіи—по 4, Шотландіи, Испаніи и Швейцаріи—по 3, Австраліи—2, Галиціи, Болгаріи, Голландіи и Индіи по 1 студенткѣ.

Изъ 422 студентокъ-нѣмокъ 35 имѣли образовательную подготовку въ видѣ аттестата зрѣлости, 336—сдали государственный экзаменъ на учительницу, 10 имѣли свидѣтельство старшей учительницы, двѣ имѣли уже докторскій дипломъ другихъ нѣмецкихъ университетовъ, а остальныя учились раньше въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ: художественныхъ школахъ, консерваторіяхъ и т. п. Изъ иностранокъ многія уже посѣщали свои родные университеты, высшіе курсы или окончили женскія гимназіи.

Среди студентокъ берлинскаго университета замѣтно увеличилось число замужнихъ и овдовѣвшихъ женщинъ. Въ зимній семестръ ихъ насчитывалось 56 противъ 8 предыдущаго семестра, при чемъ на долю однихъ нѣмокъ приходилось 48 такихъ женщинъ. Это обстоятельство, несомнѣнно, указываетъ на ростъ нужды въ профессіональной дѣятельности и заработкѣ со стороны женщинъ. На это же указываетъ и увеличеніе предѣльнаго возраста слушательницъ: въ истекшій семестръ онѣ находились въ

возрастѣ между 18 и 65 лѣтами, тогда какъ въ предыдущіе семестры крайній возрастъ студентокъ не превышалъ 60 лѣтъ.

Что касается вѣроисповѣданія 611 студентокъ прошлаго семестра, то 433 изъ нихъ принадлежали къ евангелической церкви, 18—къ римско-католической, 17—къ православной, 116 студентокъ принадлежали къ іудейскому вѣроисповѣданію, 10—къ англиканской церкви, 2—къ унитарской и 6—къ реформатской; далѣе 2 студентки принадлежали къ сектѣ кваккеровъ, 3—къ методистамъ, 1—къ баптистамъ, 1—къ армяно-грегоріанской церкви и, наконецъ, двѣ студентки не принадлежали ни къ какой религіи.

Большинство студентокъ—особенно нѣмецкихъ,—принадлежитъ къ привилегированнымъ классамъ общества. Среди ихъ отцовъ значатся люди разныхъ положеній и званій, въ томъ числѣ—очень высокихъ. Здѣсь имѣются даже два министра, 4 совѣтника министерствъ, предсѣдатель высшаго имперскаго суда, нѣсколько тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, генералъ-губернаторъ, обербургомистры, совѣтники юстиціи, 12 университетскихъ профессоровъ, прокуроры, врачи, адвокаты, банкиры, купцы и даже одинъ сапожникъ.

Отрасли знаній, на которыя распространяются занятія студентокъ, охватываютъ въ настоящее время всѣ факультеты. Нѣкоторыя области стали теперь въ большей противъ прежняго мѣрѣ привлекать къ себѣ вниманіе учащихся женщинъ. Такъ, напр., въ прошлый семестръ 35 студентокъ избрали главнымъ предметомъ своего изученія теологію, что несомнѣнно объясняется большими требованіями, предъявляемыми въ этой области при экзаменѣ на свидѣтельство старшей учительницы. Вѣроятно въ силу тѣхъ же соображеній растетъ число слушательницъ математики и физики.

Различныя отрасли экономической науки какъ въ прежніе семестры, такъ и теперь привлекаютъ значительную часть слушательницъ берлинскаго университета, что объясняется, между прочимъ, и выдающимися корифеями этой науки, какъ Шмоллеръ, Вагнеръ и рядъ болѣе молодыхъ доцентовъ. Въ прошлый семестръ 24 студентки имѣли своимъ главнымъ предметомъ изученія политическую экономію, двѣ изъ нихъ спеціально готовились въ фабричныя инспектрисы. Къ государственнымъ наукамъ и юриспруденціи, напротивъ того, сократился притокъ учащихся женщинъ: только 8 студентокъ исключительно посвящали себя ихъ изученію. Медицину изучали 33 студентки, въ томъ числѣ 18 нѣмокъ, большинство же русскія. Послѣ медицины слѣдуютъ естественныя науки, которыя изучались 22 студентками, въ число которыхъ, впрочемъ, не входятъ 8 студентокъ со спеціальностью по химіи, 5—по ботаникѣ, 2—по анатоміи, 2—по зубоврачебному искусству.

Сильно привлекаютъ учащихся женщинъ занятія по исторіи литературы, которымъ себя посвящали 133 студентки, далѣе—занятія новыми языками, привлекшія 122 женщины, тогда какъ древними языками занимались только 12 женщинъ. Сверхъ того 47 женщинъ изучали исторію искусства, 18—исторію музыки, 14 – педагогику, 7—археологію, 10—исторію культуры и 79—философію.

Мы уже видѣли, что большинство нѣмокъ идетъ въ университетъ, чтобы подготовлять себя къ болѣе успѣшной преподавательской карьерѣ (старшая учительница, школьная наставница и пр.). То же самое имѣется въ виду и при изученіи музыки, искусства, и даже тѣ 80 женщинъ, которыя слушаютъ предметы общаго образованія, нерѣдко преслѣдуютъ при этомъ „Unterrichtszwecke", т. е. учительскія, преподавательскія цѣли.

Приблизительно такимъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ учащимися иностранками: онѣ или изучаютъ какую нибудь спеціальность: медицину, химію,—это преимущественные предметы занятія русскихъ студентокъ, или слушаютъ предметы общаго образованія и добиваются академической степени, въ разсчетѣ добыть этимъ нѣсколько лишнихъ шансовъ для разумнаго употребленія своихъ силъ и для ихъ возможно болѣе цѣлесообразнаго практическаго приложенія.

Изъ приведенныхъ данныхъ можно съ полнымъ основаніемъ заключить, что академическое образованіе женщинъ все въ большей степени служитъ какъ чисто научнымъ задачамъ, такъ, съ другой стороны, цѣлямъ практическаго жизненнаго свойства. Сомнѣнія и тревоги, съ которыми встрѣчаются еще эти стремленія женщинъ къ университетскому образованію, не имѣютъ поэтому ни смысла, ни серьезныхъ основаній. Если, какъ мы видѣли выше, ректора, въ родѣ археолога Кекуле, считаютъ еще нужнымъ объявлять борьбу женскимъ рефератамъ и вторженію женщинъ въ студенческую среду, то отъ этого дѣйствительно отдаетъ чѣмъ-то археологическимъ и анахронистическимъ. Во всякомъ случаѣ, это не болѣе какъ послѣднія издыханія реакціи и оппозиціи противъ высшаго женскаго образованія и потому вызываютъ вполнѣ заслуженный смѣхъ и осужденіе.

Берлинскія студентки, слѣдуя традиціямъ классической стороны ферейнскихъ организацій, уже съ давнихъ поръ образовали особое „Общество учащихся женщинъ", задачи котораго заключаются въ содѣйствіи интересамъ учащихся женщинъ и въ развитіи чувства солидарности между ними, въ содѣйствіи ихъ образованію путемъ рефератовъ и дискуссій на научныя темы и по вопросамъ текущей жизни, въ оказаніи членамъ необходимой помощи путемъ стипендій и т. п. Студентки при этомъ нисколько не смущаются зубоскальствомъ разныхъ насмѣшниковъ, не прекращающихъ сочинять всякія исторіи объ увлеченіи учащимися женщинами культомъ Гамбри-

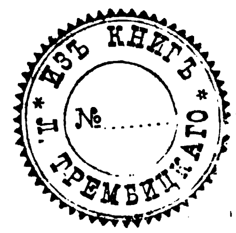
нуса, Саламандры и прочихъ пьянственныхъ боговъ; онѣ твердо и рѣшительно идутъ по разъ завоеванному ими пути.

Не могу въ заключеніе не упрекнуть учащихся нѣмокъ въ черной неблагодарности, которою они теперь отплачиваютъ иностранкамъ и, въ особенности, русскимъ женщинамъ за все то, чѣмъ онѣ этимъ послѣднимъ обязаны. Иностранки были первыми піонерами высшаго женскаго образованія и въ самой Германіи, своимъ примѣромъ расчистивъ свободный путь къ университетскимъ аудиторіямъ. И вотъ мы видимъ, какъ теперь во многихъ нѣмецкихъ университетахъ нѣмки, на ряду съ шовинистически настроенными студентами ведутъ некрасивую агитацію противъ притока иностранныхъ студентокъ. Дѣлается это подъ предлогомъ будто бы недостаточной образовательной подготовки иностранокъ и, спеціально, русскихъ женщинъ. Для каждаго безпристрастнаго человѣка,—а такихъ имѣется много и среди нѣмцевъ,—не подлежитъ сомнѣнію, что это совершенно вздорный предлогъ. Само собою разумѣется, что университетъ не есть убѣжище для бездомныхъ и что допущеніе въ него женщинъ необходимо обусловить извѣстными требованіями, опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ.

Но именно къ русскимъ женщинамъ теперь предъявляютъ такія требованія, что дальше едва ли уже можно итти. А между тѣмъ русскія студентки не только не пользуются правами „имматрикулированныхъ" студентокъ, но и вообще не могутъ воспользоваться тѣми правами по образованію, ради которыхъ нѣмка идетъ въ университетъ. Нелѣпая агитація противъ „иностранныхъ элементовъ" ложится поэтому некрасивымъ пятномъ на репутацію нѣмецкихъ учащихся женщинъ, которыя, вообще говоря, претендуютъ на званіе передового авангарда среди женщинъ современной Германіи...

Г. Гроссманъ.

Изъ жизни и литературы.

«Поворотъ»-ли?

„Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей“.

Лермонтовъ.

Мы съ большимъ интересомъ начали читать новую повѣсть г. Вересаева „На поворотѣ“, печатавшуюся въ первыхъ трехъ книжкахъ „Міра Божія“. Мы знаемъ г. Вересаева, какъ писателя удивительно чуткаго и правдиваго, умѣющаго уловить общественныя настроенія и потому въ его новой повѣсти мы ожидали найти отзвуки того, повидимому, совершающагося въ нашей дѣйствительности поворота, начало котораго чувствуется, но понять который, оцѣнить его пока для насъ невозможно. Мы надѣялись, что чуткость художника поможетъ и намъ читателямъ разобраться въ тѣхъ новыхъ, нѣсколько ошеломляющихъ впечатлѣніяхъ минуты, въ которыхъ разобраться такъ нужно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ трудно. Повѣсть г. Вересаева не вполнѣ оправдала наши надежды: она рисуетъ намъ картину условій создающихъ необходимость „поворота“, но не самый поворотъ, о немъ мы ничего не узнаемъ въ повѣсти, поворотъ остался за рамками ея, и о характерѣ этого поворота мы столь же мало можемъ догадываться, какъ и о дальнѣйшей судьбѣ главнаго героя повѣсти, котораго мы оставляемъ наканунѣ поворота въ его личной жизни.

Въ новой повѣсти передъ нами передовая интеллигенція, преимущественно молодежь. Между отдѣльными представителями этой молодой интеллигенціи расколъ. Но расколъ этотъ не столько идейный, сколько расколъ настроеній. Хотя старшему изъ представителей передовой интеллигенціи въ повѣсти г. Вересаева, Токареву, только „за тридцать“, младшимъ же около 20-ти лѣтъ, тѣмъ не менѣе передъ нами вопросъ „отцовъ и дѣтей“. Это

два поколѣнія: одно усталое, измученное, сходящее со сцены, другое—молодое, полное силъ, задорное, но уже страдающее. Наша жизнь быстро старитъ и тотъ, кто въ 20-ть лѣтъ сталъ мыслить и чувствовать, въ тридцать становится старикомъ.

Такимъ тридцатилѣтнимъ старикомъ является въ повѣсти г. Вересаева Владиміръ Николаевичъ Токаревъ. Когда-то этотъ человѣкъ кипѣлъ, волновался, вѣрилъ, жертвовалъ собой, но все это прошло, онъ усталъ, ни во что не вѣритъ, хотя самъ еще не даетъ себѣ въ этомъ отчета, и представляетъ собой ходячій трупъ, въ которомъ живетъ пока еще одна душевная способность—способность страдать. Токаревъ слабый человѣкъ, онъ умираетъ духовно безъ особеннаго протеста, безъ особенной борьбы. У него даже являются мечты о жизни на буржуазный ладъ, подобной жизни женатаго на старой пріятельницѣ Токарева либеральнаго земца Будиновскаго. Но рядомъ съ Токаревымъ другая представительница умирающаго духовно поколѣнія—фельдшерица Варвара Васильевна Изворова. Эта умираетъ стойко, героически, но не находитъ иного средства предупредить духовную смерть свою, кромѣ смерти физической. Рядомъ съ этими людьми другая группа интеллигентной молодежи,—нѣсколько студентовъ и сестра Токарева, Таня. Съ перваго взгляда они всѣ полны жизни, силъ огня, полны стремленія къ борьбѣ, непримиримы въ ней... но все это только съ перваго взгляда. Въ нихъ есть еще молодая удаль, но чувствуется уже та надломленность, которая въ полномъ развитіи у Токарева и которая погубила непреклонную Варю. Въ концѣ концовъ только одинъ на нѣсколько минутъ появляющійся передъ читателемъ рабочій Балуевъ оказывается сколько-нибудь жизнеспособнымъ.

Такая печальная картина общаго умиранія нарисована нашимъ чуткимъ писателемъ, и мы не рѣшаемся упрекнуть его въ пессимизмѣ, напротивъ, онъ самъ какъ будто не сознаетъ всей мрачности нарисованной имъ картины, которая въ болѣе художественномъ исполненіи была бы еще мрачнѣе и ужаснѣе. Въ повѣсти г. Вересаева многое остается чуть намѣченнымъ, легкимъ наброскомъ, но впрочемъ и того довольно... чтобы прійти въ ужасъ.

Болѣе всѣхъ разработана душевная драма главнаго героя Токарева, въ которой рѣдкій изъ нашихъ мыслящихъ интеллигентовъ не найдетъ близкихъ положеній. Токаревъ человѣкъ-кляча и въ этомъ его значеніе, такъ какъ всѣ мы въ сущности люди-клячи, въ большей или меньшей степени заѣзженныя и годныя только на живодерню.

Но у этого человѣка-клячи не умерли и не могутъ умереть въ душѣ отголоски лучшихъ моментовъ юности, когда мечталось быть совсѣмъ не клячей, а... пегасомъ. Кляча, которая еще не отказалась отъ мысли быть

пегасомъ, это, такъ сказать, символъ современнаго мыслящаго интеллигента, существа въ основѣ своей трагикомическаго, а потому жалкаго и несчастнаго.

Психологія такого рыцаря печальнаго образа, имя же имъ легіонъ, довольно удачно схвачена и воспроизведена г. Вересаевымъ въ образѣ Токарева. Токаревъ прежде всего человѣкъ усталый въ безплодной борьбѣ, борьбѣ, которая въ сущности столь же заслуживаетъ названія борьбы, какъ суета мухи зажатой поймавшимъ ее шалуномъ въ кулакъ и стремящейся вырваться. Токаревъ усталъ и ему, какъ утомившейся въ кулакѣ мухѣ хочется перестать жужжать и добраться до капли варенья и вознаградить себя за потерянное время. Таковы его мечты объ устройствѣ своей жизни по образцу Будиновскаго. Но Будиновскій, находясь въ положеніи такой же пойманной мухи, обладаетъ мудростью щедринскаго пискаря. Онъ логично обсудилъ, что жужжи не жужжи—изъ кулака не вырвешься, пока онъ по тѣмъ или инымъ причинамъ не разожмется самъ, потому онъ, Будиновскій, выбравши мѣсто, гдѣ кулакъ жалъ нѣсколько меньше и гдѣ было немножко варенья, устроился тамъ относительно удобно и даже дѣлился частью принадлежащаго ему по всѣмъ правамъ варенья съ другими мухами. Токаревъ не обладаетъ такой пискариной мудростью и потому, какъ ни хочется ему варенья, какъ ни усталъ онъ, а всетаки ему въ кулакѣ отвратительно и тѣсно. И вотъ онъ чувствуетъ наконецъ, что такъ жить нельзя, что такъ жить гнусно, безсмысленно, безцѣльно, но въ то же время жить онъ любитъ, любитъ нѣсколько животнымъ чувствомъ, чувствомъ самосохраненія. Это противорѣчіе безсмысленности жизни и привязанности къ ней онъ выражаетъ словами „выкатывается душа". Намъ кажется чрезвычайно удачнымъ это выраженіе, оно такъ хорошо передаетъ то настроеніе, когда въ человѣкѣ постепенно умираетъ, глохнетъ все живое, когда онъ чувствуетъ, что не въ силахъ бороться съ этимъ умираніемъ, но въ то же время столь же ясно чувствуетъ, что это умираніе есть его духовная смерть. Эта смерть еще не совершилась, но она неизбѣжна, именно „душа выкатывается", и удержать ее нѣтъ силъ. Мы думаемъ, что всякій помятый жизнью, смирившійся русскій интеллигентъ знаетъ это подлое и мучительное чувство... Это состояніе есть дѣйствительно признакъ близкаго „поворота", но куда? Возможно два исхода: или героическое усиліе, чтобы удержать свою „выкатывающуюся душу", стряхнуть съ себя апатію усталости и искать новыхъ путей,—это удѣлъ немногихъ, или же искать успокоенія на лонѣ пискариной, а то и щучьей мудрости,—это удѣлъ большинства. Какой изъ этихъ путей будетъ удѣломъ Токарева, авторъ не даетъ намъ ясно чувствовать, но онъ слишкомъ мало герой для перваго, слишкомъ старается оправдать второй. Но вернемся къ тому душевному состоянію

Токарева, которое насъ интересуетъ. Любопытно, что оно раздѣляется и Варварой Васильевной Изворовой, у которой, несмотря на ея самоотверженную дѣятельность въ качествѣ фельдшерицы, тоже „душа выкатывается“. Вотъ характерный разговоръ между этими двумя умирающими.

— Вы сказали тогда,—говорила Варвара Васильевна,—что за маленькой душой человѣка стоятъ смутныя и громадныя силы, которыя дѣлаютъ съ нами, что хотятъ. Это такъ страшно и, кажется... такая правда!

Она помолчала и, пересиливая себя, заговорила опять.

— Я уже нѣсколько лѣтъ замѣчаю это на самой себѣ. Что такое дѣлается? Во мнѣ все словно сохнетъ, какъ сохнетъ вѣтка дерева; ея форма, весь наружный видъ,—все какъ будто остается прежнимъ, а между тѣмъ въ ней нѣтъ гибкости, нѣтъ жизни, она мертва до самой сердцевины. Вотъ такъ и со мною. Какъ будто ничего не измѣнилось: взгляды, цѣли, стремленія,—все прежнее, но отъ нихъ все болѣе отлетаетъ духъ...

Такъ описываетъ свое умираніе Варвара Васильевна. По ея мнѣнію, виноваты въ немъ какія то „смутныя силы“, которыя дѣлаютъ съ нами все, что угодно. Это объясненіе характерно для момента, особенно, если сопоставить его съ тѣмъ, что говоритъ уже послѣ смерти Варвары Васильевны Токаревъ, сближающій эти „смутныя силы“ совсѣмъ уже въ декадентскомъ стилѣ съ Мопасановскимъ „Horla“. Мы, признаемся, должны сознаться, что плохо воспринимаемъ все „смутное“, мистическое, что составляетъ атмосферу различныхъ оттѣнковъ декадентства. Для насъ эти разговоры о „смутномъ“ только показатель надорванности души. Объяснять что либо вліяніемъ этого „смутнаго“ мы не можемъ, и разгадка кажется намъ проще и реальнѣе. Не смутныя силы губятъ Варвару Васильевну, а вѣчная трата силъ безъ возстановленія ихъ. Жизнь слишкомъ много брала у нея, но ничего не давала. У нея не было жизни, какъ не было у Токарева, не было и у большинства изъ насъ, слоняющихся по свѣту, скучныхъ и безцвѣтныхъ людей. Жить однимъ самопожертвованіемъ, однимъ отдаваніемъ себя, какъ жила Варвара Васильевна, столь же невозможно, какъ жить безплодной, безсильной борьбой, подобно Токареву, борьбой результатовъ которой не видно самому борящемуся, хотя они можетъ быть и есть, хотя они, какъ результаты самопожертвованія Варвары Васильевны, можетъ быть и накапливаются незамѣтно въ глубинѣ народной жизни, создавая новыя быть можетъ, могучія силы. Но что въ этомъ Токареву и Варварѣ Васильевнѣ? Они не видятъ этихъ результатовъ, кулакъ сжимающій ихъ все тотъ же, личность ихъ все такъ же подавлена, стѣснена. Въ ихъ жизни нѣтъ побѣдъ, нѣтъ тріумфовъ, а они нужны для жизни, для борьбы. Безъ нихъ человѣкъ быстро изнашивается, теряетъ силы и бодрость. Такъ безъ побѣдъ шла жизнь Варвары Васильевны, жизнь брала у нея слишкомъ много и

не давала ничего. Не мудрено, что запасъ чувства въ ней истощился и въ результатѣ получилась душевная пустота.

— И что дѣлать, говоритъ она, чтобъ удержать прежнее? Я бы ни передъ чемъ не остановилась, но оно прошло и его не воротишь. Нѣтъ желанія отдать себя всю, цѣликомъ, хотя вовсе собой не дорожишь, нѣтъ ничего, что дѣйствительно, серьезно бы захватывало, во что готова бы вложить всю душу. Я знаю, въ этомъ—рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, счастье и жизнь, но только во мнѣ этого нѣтъ, и я... я не люблю людей и ничего не люблю!—сказала она, со страхомъ взглянувъ на Токарева.

Опять таки, какъ многимъ должны быть знакомы эти чувства. И не дорожишь своимъ постылымъ существованіемъ и не чувствуешь себя способнымъ на жертву. Нѣтъ въ душѣ любви, хотя есть неутомимая потребность ея. Да, вѣдь это трагедія современнаго человѣка, человѣка безвременья!.. Откуда такое настроеніе? что создаетъ его? Токаревъ пытается объяснить это Варѣ, но не особенно удачно.

— Вы не любите людей—наконецъ медленно проговорилъ онъ, остановившись у стола. Я не знаю, кто же тогда можетъ сказать, что любитъ ихъ? Мнѣ кажется, вы предъявляете къ себѣ ужъ слишкомъ преувеличенныя требованія. Вы хотите каждаго встрѣчнаго человѣка, любить горячо, такъ сказать „конкретно", какъ близкаго, — это прямо невозможно. Возьмите такой случай. Я иду ночью по глухой улицѣ и слышу крики: „караулъ!" Если я знаю, что это кричитъ, положимъ, любимая мною дѣвушка, я все забуду и брошусь на помощь. Если же это такъ, неизвѣстно кто кричитъ, то пойду я очень неохотно, а можетъ быть, даже постараюсь пройти въ сторонкѣ незамѣтнымъ...

Варвара Васильевна подняла голову и удивленно взглянула на Токарева.

— Допустимъ для ясности, что я даже на это способенъ, продолжалъ Токаревъ, какъ будто не замѣчая удивленія Варвары Васильевны и стараясь незамѣтно сгладить впечатлѣніе отъ своего признанія, — допустимъ, что я прошелъ бы мимо. Всетаки это еще ничего не доказываетъ; на страданіе чужого человѣка нельзя отзываться такъ же горячо, какъ на страданія близкаго. Но значитъ ли это, что я не люблю людей? Мнѣ дорого все хорошее, я горячо радуюсь тому, что приноситъ людямъ пользу и счастье, негодую на то, что ихъ давитъ и дѣлаетъ несчастными; при устройствѣ моей личной судьбы я руководствуюсь не собственными выгодами, а тѣмъ, чтобы мое дѣло было *по возможности* полезно для людей. Развѣ бы все это было возможно, если бы мнѣ до другихъ не было дѣла?

Такъ говоритъ Токаревъ, стараясь не столько успокоить Варвару Васильевну, сколько оправдать себя. Въ сущности онъ лукавитъ. И онъ и

Варвара Васильевна дѣйствительно не любятъ людей. Разница между ними есть: Токаревъ болѣе слабый человѣкъ и дѣйствительно способенъ пройти мимо кричащаго о помощи, пройти сторонкой, чтобы его не замѣтили, Варя честнѣе и сильнѣе, она этого не сдѣлаетъ, но вовсе не потому, что любитъ людей. Мало того, ни Токаревъ, ни Варя даже не понимаетъ, что такое любить людей. Любить людей для нихъ, приходить людямъ на помощь, жертвовать для людей собой. Но вѣдь это не есть любовь, по крайней мѣрѣ не вся любовь. Это долгъ и состраданіе, а сострадать можно и не любя. Добрый человѣкъ сострадаетъ даже тѣмъ, къ кому не можетъ побороть враждебнаго чувства. Любовъ точнѣе сказывается въ счастьи, чѣмъ, въ несчастьи. Сочувствовать счастью человѣка можно только любя его. Любовь это извѣстнаго рода духовная связь, заключающая въ себѣ элементъ счастья. Любовь безъ счастья не есть уже любовь, это потребность любви, состраданіе, все, что хотите, но не сама любовь. Любовь тогда только любовь, когда несетъ съ собой хотя бы долю счастья. Любовь къ людямъ въ итогѣ должна быть оптимистична. Кто любитъ людей тотъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ находитъ свою долю счастья, слѣдовательно онъ долженъ ихъ идеализировать. Христіанство въ его первоначальной чистотѣ, съ его взглядомъ на людей, какъ на дѣтей Бога, съ его идеалами вѣчнаго загробнаго счастья, заключало въ себѣ почти идеальныя условія для любви къ людямъ, вотъ почему эта любовь была долго очень жизненной въ христіанствѣ. Счастье необходимо для любви и неразлучно съ нею. Одно счастье даетъ возможность видѣть міръ и людей прекрасными, а только прекрасное можно любить настоящей любовью. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго, какъ теорія объ очищающемъ значеніи страданія; только счастье и возвышаетъ человѣка, конечно счастье разумное. Въ жизни людей безвременья меньше всего счастья, а слѣдовательно и любви къ людямъ. Ни Токаревъ, ни Варя, ни всѣ мы люди безвременья не любимъ ни людей, ни жизни, ничего. Есть среди насъ смѣлые, честные люди, которые съ опасностью для жизни бросятся на помощь, когда кричатъ „караулъ“, но совсѣмъ не потому, чтобы любили кричащаго, а потому, что не сдѣлать это считаютъ гадкимъ, другіе изъ насъ проходя сторонкой при крикахъ о помощи, стараются устроить жизнь, чтобы она была „по возможности полезной людямъ“, но тоже потому, что этого требуетъ ихъ порядочность, наконецъ третьи и объ этомъ не заботятся. Разница между всѣми этими людьми въ честности, а не въ любви. Обсуждая поступки людей нашей эпохи, какъ вообще людей безвременья, о ихъ любви говорить можно только или лицемѣря или по недоразумѣнію. Такъ, по недоразумѣнію говорятъ о любви и наши герои. Недоразумѣніе, особенно со стороны Токарева, полное.

— И главное—вамъ, вамъ обвинять себя въ равнодушіи къ людямъ—

воскликнулъ Токаревъ.—Эхъ, Варвара Васильевна! Ну отвѣтьте по совѣсти: если бы нужно было умереть за какое нибудь хорошее дѣло,—вы-то не пошли бы? Да я голову даю на отсѣченіе, что вы оказались бы въ первыхъ рядахъ".

На это Варвара Васильевна отвѣчаетъ ему совершенно искренно.

— Нѣтъ, я пошла бы... Именно потому, что требовалось бы *умереть*.

Въ отвѣтѣ Варвары Васильевны ясно чувствуется, что ея самопожертвованіе не есть любовь, но Токаревъ не можетъ еще понять этого, онъ все равно принимаетъ честность и Варвары Васильевны и свою за любовь къ людямъ, но любовь „холодную".

— А что такая холодная любовь, о какой я говорю, не можетъ наполнить жизни,—это, конечно, вѣрно,—съ усиліемъ произнесъ Токаревъ.— Говоря правду, со мной происходитъ тоже, что съ вами, только еще въ большей мѣрѣ. Вы вотъ сейчасъ, кажется, удивились, когда я сказалъ, что, слыша крики о помощи, я, можетъ быть, прошелъ бы мимо; а я чувствую себя даже на это способнымъ...

— Мнѣ вообще тяжело заглядывать въ себя,—продолжалъ онъ, чувствуя радость отъ возможности говорить все, не встрѣчая осужденія.—Я вижу, что во мнѣ исчезаетъ что то, исчезаетъ страшно нужное, безъ чего нельзя жить. *Гаснетъ непосредственное чувство,* и его не замѣнить ничѣмъ. Я начинаю все равнодушнѣе относиться къ природѣ, люди все больше отгораживаются отъ меня толстою, непроходимою стѣною, хочется жить для одного себя... Я вотъ теперь много думаю и читаю по этикѣ, стараюсь философски обосновать мораль, констатирую себѣ разныя „категоріи долга". Но въ душѣ я горько смѣюсь надъ собой: почему раньше мнѣ ничего подобнаго не было нужно? Замѣтили ли вы, что вообще у людей дѣйствующихъ мораль поразительно скудна и убога? А вотъ когда человѣкъ остываетъ, тутъ то и начинаются у него настойчивыя мысли объ морали, объ долгѣ. И чѣмъ больше онъ остываетъ, тѣмъ возвышеннѣе становится его мораль и ея обстановка. Долгъ, долгъ! Всегда, когда я говорю или думаю о немъ, у меня въ самой глубинѣ души начинаетъ копошиться стыдъ, какъ будто я собираюсь начать игру фальшивой колодой картъ. Долгъ тащитъ человѣка туда, куда онъ не хочетъ итти самъ, но человѣкъ куда хитрѣе стоящаго надъ нимъ долга и, въ концѣ концовъ, заставляетъ его тащить себя какъ разъ туда, куда ему хочется. Пройдетъ десять лѣтъ, я буду видѣть долгъ въ томъ, чтобы не ссориться съ женой, чтобы пожертвовать десять рублей на народную библіотеку или отказаться отъ третьяго блюда въ пользу голодающихъ. Пройдутъ еще десять лѣтъ, начнетъ старѣть тѣло,—и я создамъ себѣ долгъ въ томъ, чтобы отказаться отъ табаку, отъ вина, стать вегетаріанцемъ... И вѣдь ужасно то,—

я знаю, что это такъ и будетъ, и я буду искренно уважать себя за то, что по мѣрѣ силъ исполняю возложенный на себя долгъ.

Токаревъ думаетъ, что все это происходитъ оттого, что въ немъ ослабѣваетъ любовь къ людямъ. Намъ думается, что у него, кромѣ того, не хватаетъ честности. Это не безупречно честная натура. Долгъ имѣетъ надъ нимъ силу, но онъ стремится его обойти,—это поведеніе не окончательно безчестнаго, но и небезупречно честнаго человѣка. Человѣка, какихъ большинство. При благопріятныхъ условіяхъ такіе люди способны даже на подвиги, въ эпохи безвременья они хитрятъ и виляютъ. Этимъ людямъ нуженъ, болѣе чѣмъ кому нибудь, подъемъ настроенія, обстановка, нужно нѣчто возбуждающее и взвинчивающее. Сами они такимъ возбуждающимъ и взвинчивающимъ быть не могутъ. Въ извѣстной средѣ и въ извѣстный моментъ они герои, внѣ этой среды и въ иной моментъ—пошляки. Въ нихъ самихъ нѣтъ вѣчно горящаго „своего“ огня, свой огонь они заимствуютъ извнѣ. У насъ на Руси очень много такихъ людей и нѣкоторые изъ нихъ играли большую и хорошую роль, но громадное большинство не играетъ ни какой. У Токарева дѣйствительно „исчезаетъ нѣчто весьма нужное“, исчезаетъ тотъ подъемъ, который создала болѣе или менѣе благопріятная обстановка его юности, по которой хватило не надолго.

Для Токарева угасаніе внутренняго огня тяжело и мучительно. У кого разъ въ душѣ загорѣлся этотъ огонь, тотъ никогда его не забудетъ совершенно, какъ бы ни опошлился, ни палъ, всегда будетъ хотя бы изрѣдка тосковать по немъ. Но еще тяжелѣе это угасаніе огня для Варвары Васильевны, у которой этотъ огонь „свой“, внутренній, которая не можетъ жить безъ этого огня. Варвара Васильевна не можетъ, подобно Токареву, хитрить со своимъ долгомъ. Она слѣдуетъ ему непреклонно, но это слѣдованіе не даетъ ей никакого удовлетворенія. Варвара Васильевна не можетъ жить такъ и умираетъ умышленно заразившись сапомъ. Это не слабая заурядная натура вродѣ Токарева, это натура героическая, но и она не сумѣла сохранить свой огонь, и въ ней угасла та искра, которая дѣлала возможной ея жизнь. Итакъ даже героичность натуры Варвары Васильевны не спасла ее. Въ душѣ ея угасъ святой огонь, точно такъ же, какъ и въ заурядной душѣ Токарева. И не любовь одна угасла въ этихъ душахъ; въ нихъ нѣтъ и злобы, нѣтъ даже злобы къ тому, что губитъ ихъ такъ безсмысленно и жестоко. Всѣ чувства атрофировались въ этихъ несчастныхъ опустошенныхъ душахъ, кромѣ способности страдать... У Вари хватило мужества покончить съ этимъ страданьемъ, у Токарева не хватило, и онъ вдается въ декадентщину, толкуя о „смутныхъ силахъ“ владѣющихъ человѣкомъ. Такова картина банкротства этихъ двухъ людей. Не трудно найти причину этого банкротства.—Жизнь слишкомъ мало давала

имъ и много брала. Вѣчное сознаніе торжества зла, придавленности, безпросвѣтныхъ сумерекъ, ни одного свѣтлаго побѣднаго момента—вотъ что сгубило этихъ несчастныхъ людей безвременья, какъ сгубило и губитъ и все ихъ поколѣніе. Нельзя быть здоровымъ, веселымъ и бодрымъ въ вѣчномъ заточеніи въ душной, зловонной тюрьмѣ. Человѣкъ хорошъ, счастливъ и силенъ, когда онъ идетъ, хотя бы и тернистымъ путемъ, хотя бы къ далекому, но къ счастью, пускай это счастье онъ ждетъ не для себя, а для будущихъ поколѣній. Пока это счастье ярко рисуется передъ нимъ, хотя бы въ далекомъ будущемъ, въ немъ есть и силы, есть и огонь, и любовь. Угасла вѣра въ это счастье, и лишенія становятся непосильными, борьба ненужной, жизнь пустой. Вотъ эта вѣра угасла въ душахъ Вари и Токарева, обративъ эти души въ ледяную мертвенную пустыню, какой представляется въ иныхъ предсказаніяхъ конечное будущее земли, а не угаснуть она не могла, потому что слишкомъ мало въ нашей дѣйствительности говоритъ за нее, слишкомъ много противъ...

Но если эта вѣра угасла въ старшей группѣ интеллигентной молодежи, выведенной въ повѣсти г. Вересаева, то можетъ быть запасъ ея великъ въ младшей группѣ?

Наиболѣе ярко очерчены въ повѣсти изъ представителей этой группы братъ Варвары Васильевны, Сергѣй, и сестра Токарева, Таня. Оба они очень молоды. Сергѣй студентъ, волею судебъ—Юрьевскаго университета, Таня только что вышла съ высшихъ курсовъ за годъ до окончанія. Въ отличіе отъ болѣе старшихъ представителей молодежи, склоняющихся къ бернштейніанству, Сергѣй, Таня и другіе ихъ сверстники, выведенные въ повѣсти—правовѣрные марксисты. Такими они по крайней мѣрѣ считаютъ себя. Впрочемъ и марксизмъ и бернштейніанство играютъ здѣсь весьма небольшую роль; тотъ и другое обусловливаются настроеніемъ, а не обусловливаютъ его. Основная разница въ большей бодрости этого молодого поколѣнія, меньшей утомленности жизнью. Представители молодого поколѣнія считаютъ еще себя способными „горы ворочать“; такими считаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, и авторъ, который очень высокаго мнѣнія объ одной изъ своихъ молодыхъ героинь—Танѣ (сестрѣ Токарева). Грѣшнымъ дѣломъ, мы нѣсколько сомнѣваемся въ способности Тани быть побѣдительницей въ жизни. Въ ней мы видимъ только одну молодую экзальтацію, нервность, которая съ годами пройдетъ и вызоветъ реакцію. Авторъ, какъ мы уже сказали, смотритъ иначе. Для Тани, по мнѣнію автора, нѣтъ преградъ: въ началѣ она разыскала, проходивъ по лѣсу всю ночь — въ дождь и грозу, сбѣжавшую у мужика кобылку. Кобылка эта, повидимому, не простая, а символическая, и успѣхъ Тани въ поискахъ ея является какъ бы символомъ другихъ будущихъ успѣховъ Тани, болѣе серьезныхъ и крупныхъ; но чита-

тель вправѣ усомниться въ способности Тани поймать не только символическую, но и простую кобылку. Мы глубоко убѣждены, что это скорѣй удастся тому самому мужику, который потерялъ свою кобылку, чѣмъ героической Танѣ, уже просто потому, что у него больше навыка и выносливости. Вообще этотъ мужикъ безпомощный, не могущій найти свою лошадь, которую находитъ барышня-марксистка, съ одной стороны, эта всемогущая барышня съ другой, намъ кажутся чѣмъ то не жизненнымъ и не правдивымъ, тенденціозно придуманнымъ въ духѣ русскаго марксизма первыхъ лѣтъ его существованія; характерно, впрочемъ, что такое чисто мужицкое дѣло привлекаетъ участіе правовѣрной марксистки. Образъ Тани остается такимъ же не жизненнымъ, условнымъ въ повѣсти до конца. Это скорѣй замыселъ, чѣмъ типъ, какъ замыселъ, довольно интересный, но, какъ художественный образъ, весьма блѣдный. Что виновато въ этомъ? Художникъ ли не справился съ тѣмъ, что давала ему жизнь, или жизнь давала слишкомъ мало соотвѣтствующаго замыслу художника? Мы думаемъ, что г. Вересаевъ не вѣрно оцѣнилъ тѣ жизненныя впечатлѣнія, которыя легли въ основу образа Тани. Молодую экзальтацію онъ принялъ за силу, которой не было, и, думая, что рисуетъ силу, рисовалъ экзальтацію. Отсюда та двойственность въ образѣ Тани, которая, по замыслу художника, должна быть „героиней“, сильной въ борьбѣ за святое дѣло, а вышла просто хорошей экзальтированной барышней.

Если Таню авторъ пытается отдѣлить качествами, долженствующими предохранить ее отъ участи Токарева и Варвары Васильевны, то для другого представителя молодежи, Сергѣя, г. Вересаевъ не дѣлаетъ этого. Сергѣй озлобленный, нервный, пока прямолинейный, но слабый человѣкъ. Слабый не по природѣ, а потому, что такимъ его дѣлаетъ сознаніе безысходности своего положенія, своего рода общественный пессимизмъ. Токаревъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о Танѣ, что она узка, но въ этомъ то ея и сила. Если узость сила весьма относительная, то и этой силы нѣтъ въ Сергѣѣ. Онъ зараженъ самымъ ужаснымъ въ общественномъ смыслѣ ядомъ—сознаніемъ своей ничтожности, „безпочвенности“ сказали бы мы, еслибы это слово не было сильно опошлено. Это состояніе, при которомъ никакая продуктивная работа не возможна, и отъ котораго одинъ шагъ до „выкатыванія души“. Увы! это состояніе присуще чуть ли не всей мыслящей интеллигенціи, хотя не всякій въ немъ себѣ даже сознается, и большинство предпочитаетъ смутно чувствовать это состояніе, не формулируя его даже для себя. Вѣдь тяжело сказать: „да, я вышелъ въ тиражъ!“ Сергѣй формулируетъ свое состояніе довольно опредѣленно. Послѣ свиданія кружка молодежи съ рабочимъ Балуевымъ, Сергѣй такъ формулируетъ свои чувства:

— „Ужасно гнусное впечатлѣніе оставила во мнѣ сегодняшняя встрѣча!— Можетъ ли быть что либо противнѣе? Сидитъ онъ,—спокойный, увѣренный въ себѣ, а мы вокругъ него, — млѣющіе, умиленные, лебезящіе. И какое характерное съ нашей стороны отношеніе: мягкая снисходительность съ высоты своего теоретическаго величія, и въ то же время чисто холопское пресмыканіе передъ нимъ. Какъ же! Вѣдь онъ—„носитель"! А мы—что мы такое? Пустота, которая стыдится себя и тоскуетъ по немъ, „носителѣ". Жизнь, дескать, только тамъ, а тамъ ты чужой, органически не связанъ... Какая гадость! Почему онъ такъ гордо несетъ свою голову, живя самъ собою, а я только вздыхаю и поглядываю на него? Въ концѣ концовъ я самъ по себѣ историческій фактъ. Я интеллигентъ: что же такого? Я не желаю стыдиться этого, я желаю признать себя. Онъ хорошъ, не спорю, я вѣрю въ него и уважаю его, но прежде всего я хочу вѣрить въ себя".

Это признаніе въ отсутствіи вѣры въ себя, признаніе себя пустотой, чрезвычайно характерно для Сергѣя и его поколѣнія. Въ сущности это отсутствіе вѣры въ себя и исканіе „носителя" лежитъ въ основѣ увлеченія нашей интеллигенціи марксизмомъ, увлеченія, противорѣчащаго до извѣстной степени самому марксизму, какъ теоріи классовой борьбы. Безсиліе интеллигенціи, ея „безпочвенность" (это слово снова просится противъ нашей воли) заставило ее искать опору внѣ себя. Противорѣчіе въ положеніи самой интеллигенціи первое время не чувствовалось, но какъ только начало чувствоваться, началось „крушеніе идеаловъ". Въ этомъ отношеніи Сергѣй удивительно близокъ къ Варѣ, хотя не сознаетъ этого.

— А какъ это хорошо, говоритъ Варя, — дѣйствовать, не раздумывая, когда тебя подхватитъ и понесетъ впередъ большая, могучая сила!..

— Оно такъ теперь и есть,—отвѣчала Таня.

Варвара Васильевна помолчала.

— Гдѣ-жъ оно есть?—возразила она.— Такъ, на минуту намъ показалось-было, что что-то есть. Но это оказалось миражемъ. Опять все замутилось, опять темно; все по обычному мелко, вяло и слабо. И нѣтъ того прилива, который бы подхватилъ людей цѣликомъ, нѣтъ бодрящаго воздуха, въ которомъ бы и слабые крѣпли, и падали бы сомнѣнія, и росъ бы духъ. Дорога была найдена, но она оказалась книжной.

— Господи, „книжной"!—воскликнула Таня.— Варя, вы, значитъ, совсѣмъ слѣпы, вы ничего не видите кругомъ!

— Я все, мнѣ кажется, вижу. Робкіе намеки на что то... Помнится, Достоевскій говоритъ о вѣчномъ русскомъ „скитальцѣ" интеллигентѣ и его драмѣ. Недавно казалось, что вопросъ, наконецъ, рѣшенъ, и скиталецъ

пересталъ быть скитальцемъ. Но развѣ это такъ? Конечно, сравнительно съ прежнимъ есть разница очень небольшая: мы по прежнему остаемся царями въ области идеаловъ и безпріютными скитальцами въ жизни.

Сергѣй на эти слова сестры возражаетъ довольно рѣзко:

— Что ты городишь? Я рѣшительно ничего не понимаю.

Но онъ только старается не понять, т. к. понять это для него слишкомъ ужасно. Понявъ, онъ долженъ это принять или отвергнуть: отвергнуть онъ не можетъ, а принять для него— значитъ признать себя банкротомъ. Въ сущности Сергѣй сознаетъ себя столько же „скитальцемъ“, какъ и сестра, но не можетъ сознаться себѣ въ этомъ. Это „скитальчество“ цѣлаго общественнаго класса такъ называемой интеллигенціи есть несомнѣнный фактъ, бывшій затемненнымъ нѣкоторое время для части этой интеллигенціи въ періодъ увлеченія ея марксизмомъ и становящійся постепенно очевиднымъ и для нея. Очевидность эта еще не для всѣхъ одинакова: у Варвары Васильевны она больше, чѣмъ у Сергѣя, но въ сущности и у нея не дошла до полноты. Она находитъ, что теперь дѣло какъ будто измѣнилось къ лучшему, мы бы думали, что *для интеллигенціи* оно, наоборотъ, измѣнилось только къ худшему. Никогда еще интеллигенція не была въ такомъ скитальческомъ положеніи, какъ теперь, когда она принимаетъ доктрину, превращающую ее въ теоріи въ пустоту, когда она на практикѣ теряетъ свое важное преимущество единственнаго мыслящаго класса, когда она оказывается почти—„не у дѣлъ“ въ колоссальномъ исподволь совершающемся процессѣ! Нѣтъ, никогда положеніе интеллигенціи не было такъ тягостно и ложно, какъ въ переживаемую нами эпоху! Если, сходя съ классовой точки зрѣнія, интеллигентъ долженъ констатировать извѣстный, хотя, можетъ быть, и не особенно большой, прогрессъ, то оставаясь на таковой, онъ долженъ испытывать только чувство отчаянія. При такихъ условіяхъ человѣкъ, который говоритъ: „я интеллигентъ и хочу прежде всего вѣрить въ себя“, долженъ отказаться либо отъ своей вѣры, либо отъ марксистской доктрины почти цѣликомъ. Но въ пользу чего онъ можетъ отказаться?— Въ лучшемъ случаѣ въ пользу скептицизма; кромѣ скептицизма онъ можетъ попасть въ объятія развѣ только декадентства, націонализма и другихъ въ итогѣ реакціонныхъ теченій. Скептицизмъ иногда бываетъ весьма животворной силой, расчищая путь къ новому, но далеко не всегда, къ тому же онъ всегда очень тягостенъ.

Въ такомъ приблизительно положеніи находится въ наше время прогрессивная интеллигенція на Руси. Это крайне тяжелое положеніе, которое многихъ чуткихъ людей заставляетъ нерѣдко думать о томъ исходѣ, какой избрала симпатичная героиня повѣсти г. Вересаева—Варвара Васильевна. Дальше, кажется, итти такъ некуда. Нуженъ поворотъ, и весьма возможно

что мы дѣйствительно „на поворотѣ". Но будетъ ли найденъ этотъ поворотъ, не будемъ ли мы безконечно топтаться на одномъ мѣстѣ, изнывая и погибая? Наконецъ, если поворотъ будетъ найденъ, то каковъ онъ будетъ,— обо всемъ этомъ мы не узнаемъ ничего изъ повѣсти г. Вересаева. Подобно большинству нашихъ беллетристовъ и публицистовъ, онъ умѣетъ показать, въ какія дебри мы зашли, но не умѣетъ найти изъ нихъ выхода. Да и есть ли этотъ выходъ?..

Н. Коробка.

Изъ русскихъ изданій.

Двѣ рѣчи Г. Э. Зенгера. Въ газетахъ появились двѣ рѣчи новаго управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ которыхъ онъ излагаетъ свои руководящіе взгляды на предстоящія реформы въ системѣ нашего средняго и высшаго образованія.

„Вступивъ по Высочайшему повелѣнію въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, я засталъ чиновъ большинства центральныхъ учрежденій вѣдомства въ самомъ пылу той напряженной работы, ревностное выполненіе которой гг. служащими засвидѣтельствовано въ прощальномъ приказѣ нашего высокочтимаго недавняго начальника и руководителя генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго.

Такая усиленная работа производится въ министерствѣ уже не первый годъ. Еще покойный министръ Н. П. Боголѣповъ, которому принадлежитъ починъ преобразовательныхъ начинаній по учебному дѣлу, испросилъ въ 1899 году Высочайшее соизволеніе на учрежденіе особой коммиссіи изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, призванной всесторонне обсудить утановленный строй средней школы, выяснить его недостатки и намѣтить мѣры къ ихъ устраненію. Труды коммиссіи, которою руководилъ лично т. с. Боголѣповъ, составили весьма богатый и цѣнный матеріалъ, напечатанный въ 8 томахъ. Труды эти легли въ основаніе проектовъ преобразованія гимназій и реальныхъ училищъ, разработанныхъ уже другою коммиссіею подъ предсѣдательствомъ тогдашняго попечителя кавказскаго учебнаго округа, нынѣ члена государственнаго совѣта, д. т. с. К. П. Яновскаго.

Съ весны 1901 года подготовительныя работы къ пересмотру учебнаго строя среднихъ учебныхъ заведеній [начались сызнова, и въ въ виду Высочайшаго рескрипта 25 марта 1901 года на имя генералъ-адъютанта

Ванновскаго, велись съ чрезвычайною энергіею. Соотвѣтственная коммиссія, учрежденная тоже съ Высочайшаго соизволенія, закончила къ половинѣ іюня 1901 года свои занятія, выработавъ основныя положенія новаго типа средней общеобразовательной школы, и уже 11 іюня 1901 г. Государю Императору благоугодно было разрѣшить, чтобы въ видѣ временной мѣры на одинъ годъ были, въ отступленіе отъ уставовъ, произведены нѣкоторыя видоизмѣненія въ учебныхъ планахъ гимназій и реальныхъ училищъ. Упомянутыя основныя положенія были подвергнуты вторичному коммиссіонному обсужденію осенью 1901 года, при участіи представителей другихъ вѣдомствъ, послѣ чего приступили къ выработкѣ новыхъ проектовъ реформы средней школы. Дѣятельность министерства по данному вопросу привела, стало быть, въ управленіе вѣдомствомъ генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго, къ тому, что составился столь же обильный и важный матеріалъ, какъ возникшій при Н. П. Боголѣповѣ.

По всеподданѣйшему докладу моему воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на то, чтобы и тѣ, и другіе проекты преобразованія средней школы, т. е. и выработанные подъ руководствомъ т. с. Боголѣпова, и подготовленные генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ, поступили на обсужденіе тѣхъ совѣщательныхъ органовъ, коимъ по закону предоставлено разсмотрѣніе дѣлъ, относящихся до внутренняго устройства учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе этого предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ вполнѣ свободное разсмотрѣніе означенныхъ проектовъ въ ученомъ комитетѣ министерства и затѣмъ въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія.

Работа, возлагаемая, такимъ образомъ, на оба учрежденія, увеличится еще отъ того, что имъ же будутъ переданы на заключеніе отзывы педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній и попечительскихъ совѣтовъ о результатахъ произведеннаго въ истекшемъ учебномъ году опыта примѣненія предположеній, выработанныхъ къ половинѣ іюня 1901 года въ министерствѣ. На приведеніе надлежащимъ образомъ въ ясность результатовъ этого опыта мною тоже испрошено Высочайшее соизволеніе.

Если принять, наконецъ, во вниманіе, что съ окончаніемъ нынѣшняго учебнаго года истекаетъ срокъ дѣйствія Высочайшаго повелѣнія 11 іюня 1901 года о различныхъ измѣненіяхъ въ учебныхъ планахъ младшихъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, то нельзя не признать настоятельной необходимости безотлагательно озаботиться правильной постановкой вопроса объ устройствѣ учебной части среднихъ общеобразовательныхъ заведеній на предстоящій школьный годъ. Строго говоря, долженъ бы снова вступить въ силу тотъ порядокъ вещей, который указанъ въ законѣ. Но по соображеніи фактическихъ обстоятельствъ, создавшихся въ школѣ, представляется неизбѣжнымъ установленіе въ ней и на будущій

годъ временнаго устройства. Это временное устройство должно быть осуществлено съ наименьшими для нея потрясеніями, съ возможнымъ соблюденіемъ педагогическихъ требованій и притомъ такъ, чтобы не предрѣшались конечные результаты реформы средней школы. Въ виду того, что министерство не въ правѣ допускать собственною властью отступленія отъ закона, а также въ виду разнообразныхъ техническихъ затрудненій, возникающихъ при разрѣшеніи указаннаго вопроса, я всеподданѣйше испросилъ Высочайшее Государя Императора соизволеніе на образованіе коммиссіи при участіи отъ каждаго учебнаго округа директора гимназіи и директора реальнаго училища для обсужденія наиболѣе цѣлесообразныхъ по сему поводу мѣропріятій. Предположенія коммиссіи поступятъ также на разсмотрѣніе ученаго комитета и совѣта министра, а затѣмъ при невозможности внести ихъ на уваженіе государственнаго совѣта съ такимъ расчетомъ времени, чтобы они по одобреніи ихъ въ законодательномъ порядкѣ могли быть осуществлены въ подлежащихъ учебныхъ заведеніяхъ съ начала будущаго школьнаго года, предположенія эти будутъ непосредственно подвергнуты мною на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе.

Я одушевленъ надеждой, что всѣ учрежденія и лица, которыя будутъ призваны къ участію въ намѣченныхъ работахъ, отнесутся къ своей задачѣ съ тою же горячею преданностью къ дѣлу, какою дѣятельность министерства отличалась въ истекшіе годы. Я убѣжденъ также, что при предстоящемъ намъ изученіи весьма сложныхъ и важныхъ вопросовъ мы сумѣемъ сохранить полное безпристрастіе и тщательно использовать труды нашихъ предшественниковъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ залоговъ плодотворной разработки спорныхъ вопросовъ является уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ. Чѣмъ меньше притязательности и нетерпимости въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе настроеніе его приближается къ тому, при которомъ ищущій истины способенъ воспринять ее. Въ частности разномысліе по школьнымъ вопросамъ не должно приводить къ взаимному отчужденію свѣдущихъ и добросовѣстныхъ людей. Совмѣстная работа роднитъ лицъ, приступившихъ къ ней даже въ то время, когда они стояли на самыхъ различныхъ точкахъ зрѣнія, и это сближеніе особенно облегчается, когда у всѣхъ одна общая цѣль.

Заботы министерствъ, направленныя въ послѣдніе годы на пользу высшаго, промышленнаго и начальнаго образованія, привели къ сосредоточенію въ центральномъ управленіи не менѣе обширныхъ матеріаловъ, нежели составившіеся по вопросамъ, которые касаются средней общеобразовательной школы. Я буду имѣть поводъ особо высказаться о предполагаемомъ планѣ занятій по каждой изъ названныхъ отраслей, а потому ограничусь пока замѣчаніемъ, что намъ и въ этихъ областяхъ предстоитъ неослабно работать.

Кончаю тѣмъ пожеланіемъ, которое высказалъ уже раньше. Да сохранитъ насъ Богъ отъ высокомѣрія и односторонности. Но, прибавлю теперь, да убережетъ Онъ насъ также отъ угодливости шумливому задору легкомыслія! Наше дѣло—высказать спокойно и безъ малодушія зрѣло обдуманное убѣжденіе по совѣсти и крайнему разумѣнію. Господь Богъ—источникъ всякаго разумѣнія и Судья нашей совѣсти, да поможетъ намъ достигнуть цѣли, которую указываетъ намъ одинаковая у всѣхъ насъ любовь къ просвѣщенію, родинѣ и нашему Государю!..“

Рѣчь по вопросу о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ была произнесена Г. Э. Зенгеромъ въ Москвѣ предъ профессорами московскаго университета и гласитъ, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, слѣдующее:

„Прошелъ ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ 29-го апрѣля 1901 года министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, циркулярно просилъ попечителей подлежащихъ учебныхъ округовъ пригласить совѣты университетовъ и равносильныя совѣтамъ учрежденія высшихъ профессіональныхъ заведеній высказать свои соображенія относительно желательныхъ измѣненій въ соотвѣтственныхъ уставахъ и штатахъ, а также сообщить мотивированныя заключенія по цѣлому ряду опредѣленныхъ вопросовъ, касающихся устройства высшей школы. Съ осени 1901 года стали поступать въ министерство ожидавшіеся отзывы и для разсмотрѣнія послѣднихъ, а равно и сопоставленія ихъ въ общій сводъ была образована при министерствѣ особая коммиссія. Коммиссія эта оканчиваетъ нынѣ свои занятія печатаніемъ своей работы. Предстоитъ, слѣдовательно, обсужденіе всего дѣла съ участіемъ представителей университетовъ и высшихъ техническихъ заведеній, а также другихъ вѣдомствъ. Учрежденіе коммиссіи съ этою цѣлью представляется желательнымъ къ самому началу будущаго учебнаго года. Если Государю Императору благоугодно будетъ одобрить это предположеніе, то съ Божьей помощью окончательный проектъ удастся выработать къ такому времени, когда онъ еще можетъ получить дальнѣйшее движеніе безъ значительныхъ перерывовъ. Въ вопросѣ о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній мы стоимъ передъ задачей, важность которой сознаетъ всякій, кому дороги интересы русской науки и русскаго общественнаго развитія. Призванный Высочайшею волею служить ближайшимъ образомъ и этимъ интересамъ въ должности управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, я не могъ подавить въ себѣ потребности привѣтствовать лично на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности старѣйшій русскій университетъ и въ лицѣ его—всю высшую школу Россіи. Примите же отъ меня исходящее изъ глубины души пожеланіе, чтобы намъ общими силами удалалось приблизить къ разрѣшенію предстоящую намъ сложную задачу на пользу русскаго просвѣщенія и благо нашей учащейся молодежи.

Если бы даже наша работа не привела къ такимъ положеніямъ, которыя будутъ осуществлены во всей ихъ полнотѣ, то, во всякомъ случаѣ, у насъ останется нравственное удовлетвореніе отъ сознанія свято исполненнаго долга и убѣжденіе, что для правильной постановки вопроса свѣдущіе люди сдѣлали все отъ нихъ зависящее. Господь да хранитъ васъ, господа! Да процвѣтаетъ непрерывно московскій университетъ, а съ нимъ и прочіе разсадники высшаго образованія въ Россіи. Да будутъ условія вашей работы таковы, чтобы вы черпали въ ней же новыя силы для служенія столь дорогому всѣмъ дѣлу".

Крестьянскіе безпорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Правительственное сообщеніе отъ 29 апрѣля:

„Въ послѣднее время въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, гласитъ это сообщеніе, произошли серьезныя нарушенія общественнаго порядка. Сущность происшедшаго заключается въ слѣдующемъ. Около половины минувшаго марта, въ смежной съ Полтавскимъ уѣздомъ части Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ помѣщичьи экономіи стали являться скопомъ сосѣдніе крестьяне и, ссылаясь на недостатокъ продовольствія, просить о даровой выдачѣ имъ хлѣба и корма для скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же мѣстности замѣтно возросло количество ночныхъ кражъ хлѣба, картофеля и сѣна. Вскорѣ отъ просьбъ крестьяне перешли къ требованіямъ, сопровождавшимся нерѣдко возгласами: „все равно, скоро все наше будетъ", а затѣмъ и къ угрозамъ, что, въ случаѣ отказа, возьмутъ все силою. Всѣ эти явленія наблюдались на сравнительно небольшомъ пространствѣ въ районѣ крупныхъ усадебъ, близь селеній Константиноградскаго уѣзда—Максимовка, Варваровка, Федоровка и Лисичье, изъ коихъ послѣднее, какъ оказывается, было мѣстомъ пребыванія нѣкоторыхъ лицъ изъ числа занимавшихся преступною пропагандою. Возбужденіе среди населенія постепенно усиливалось, и, наконецъ, 28-го марта большая толпа крестьянъ деревни Максимовки и отчасти жителей сосѣднихъ деревень прибыла на подводахъ въ одинъ изъ хуторовъ имѣнія Его Высочества Герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго „Карловка", съ угрозами отняла у управляющаго ключи амбаровъ и вывезла нѣсколько тысячъ пудовъ картофеля. Этимъ въ Полтавскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ начались явныя безчинства. Крестьяне открыто, цѣлыми обозами, иногда до трехсотъ-четырехсотъ подводъ нападали на усадьбы помѣщиковъ и богатыхъ казаковъ, отбивали замки у амбаровъ, сараевъ и кладовыхъ и увозили хлѣбъ, кормъ для скота, сельско-хозяйственныя орудія, а иногда угоняли скотъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ въ толпѣ грабителей

слышались крики: „берите, вы должны сдѣлать, какъ въ книжкѣ написано, это все наше". 30-го марта полтавскій губернаторъ, признавъ необходимымъ для водворенія спокойствія принять чрезвычайныя мѣры, отправился съ тремя батальонами пѣхоты на мѣсто безпорядковъ и 31-го приступилъ къ ихъ прекращенію, идя по слѣдамъ грабителей. Появленіе войска, производя должное впечатлѣніе въ тѣхъ селеніяхъ, которыя оно занимало, не могло сразу возстановить порядокъ въ прочихъ мѣстностяхъ. Въ обоихъ уѣздахъ Полтавской губерніи грабежи продолжались, и 31-го марта была въ числѣ другихъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ разграблена крупная экономія купца Волика, откуда увезено около 20,000 пудовъ хлѣба. Затѣмъ волненіе стало приближаться къ Полтавѣ. 1-го апрѣля толпа крестьянъ произвела нападеніе на отстоящую верстахъ въ 10-ти отъ города мельницу владѣльца Трепке, при селѣ Ковалевкѣ. Командированныя туда полтавскимъ вице-губернаторомъ двѣ роты пѣхоты прибыли на мѣсто уже въ то время, когда крестьяне возвращались изъ имѣнія Трепке послѣ произведеннаго грабежа. Земскій начальникъ, сопровождавшій воинскую команду, арестовалъ 20 человѣкъ и приступилъ къ производству дознанія. Тѣмъ временемъ вооруженная кольями и вилами толпа стала наступать на команду и, на предупрежденіе командовавшаго штабъ-офицера о томъ, что онъ будетъ вынужденъ стрѣлять, отвѣтила камнями и глумленіемъ. Послѣ этого по толпѣ былъ данъ залпъ, коимъ двое грабителей убиты и семь ранены (одинъ изъ раненыхъ умеръ, раны прочихъ не опасны). 2 апрѣля безпорядки въ Константиноградскомъ уѣздѣ, благодаря передвиженіямъ войскъ, усиленныхъ еще четвертымъ батальономъ, высланнымъ изъ Полтавы, стали стихать, хотя нѣсколько усадебъ подъ самой Полтавой были еще разграблены. 3 апрѣля произошла новая вспышка волненій въ Константиноградскомъ уѣздѣ, не имѣвшая особаго значенія, и затѣмъ безпорядки въ Полтавской губерніи были окончательно прекращены. Всего въ этой губерніи разграблено 54 усадьбы. 31 марта волненія перешли въ Харьковскую губ., охвативъ въ ней Валковскій уѣздъ и незначительную часть Богодуховскаго. Послѣ трехдневнаго развитія въ Полтавской губерніи, перейдя въ Харьковскую, безпорядки здѣсь проявились въ еще болѣе разнузданной формѣ: крестьяне, уже не ограничиваясь расхищеніемъ хлѣба, картофеля и сѣна, грабили инвентарь, угоняли скотъ, иногда уносили домашнюю утварь, опустошили нѣсколько усадебъ и двѣ изъ нихъ сожгли.

Донесенія о появленіи грабителей въ Валковскомъ уѣздѣ были получены харьковскимъ губернаторомъ княземъ Оболенскимъ, незадолго передъ тѣмъ вступившимъ въ управленіе губерніею, вечеромъ 31 марта. Въ ту же ночь онъ выѣхалъ на мѣсто безпорядковъ, взявъ батальонъ пѣхоты и

сотню казаковъ. Утромъ 1 апрѣля войска застали грабителей въ имѣніи генерала-отъ-инфантеріи Пердика, отбили у нихъ награбленное имущество, наказали виновныхъ и арестовали около 50 человѣкъ. Захвативъ затѣмъ крестьянъ на грабежахъ въ двухъ сосѣднихъ усадьбахъ Полтавской губерніи, князь Оболенскій узналъ о разграбленіи большого свекло-сахарнаго завода купца Молдавскаго въ селѣ Ново-Ивановскомъ, Валковскаго уѣзда, но успѣлъ придти съ воинскою командою лишь по окончаніи нападенія. Съ завода этого было расхищено до 30,000 пудовъ сахара и всевозможная утварь, а также разобраны по частямъ и увезены машины и уведено сто пятьдесятъ паръ воловъ. Толпа дошла здѣсь до такого неистовства, что кинулась на заводскую больницу, похитила всѣ медикаменты изъ аптеки, вырывала и уносила тюфяки изъ-подъ больныхъ. Въ это время прибылъ губернаторъ съ небольшою горстью казаковъ, задержалъ значительное количество грабителей и, подвергнувъ ихъ наказанію, водворилъ порядокъ. Хотя 1 и 2 апрѣля въ разныхъ мѣстахъ Валковскаго уѣзда безпорядки продолжались, но, благодаря высланнымъ изъ Харькова подкрѣпленіямъ, большая часть нападеній была войсками своевременно застигнута и остановлена. Тѣмъ не менѣе, предупредить случаи разграбленія вездѣ не удалось. 1 числа толпа разграбила усадьбу помѣщицы Гаевской и подожгла ея строенія; въ тотъ же день подверглась нападенію богатая помѣщичья усадьба Кантакузовка. Въ ней разграблены амбары, уведенъ скотъ, расхищена вся дорогая движимость дома и библіотека. Въ имѣніи землевладѣльца Духовского Осиновѣ, крестьяне, расхитивъ всю движимость, разобрали по бревнамъ домъ и увезли съ собою. Къ вечеру 1 апрѣля толпа грабителей приблизилась къ городу Валкамъ. 2 апрѣля на улицахъ этого города появились передовыя группы крестьянъ, шедшихъ на грабежъ, но, по прибытіи губернатора вечеромъ 2 числа, порядокъ былъ установленъ и безчинствующіе наказаны. На этомъ закончились безпорядки въ Валковскомъ уѣздѣ. Всего въ этомъ уѣздѣ разграблено 25 землевладѣльческихъ усадебъ и экономій; приблизительно въ такомъ же количествѣ случаевъ грабежи были предупреждены. Кромѣ того, въ прилегающей къ Валковскому уѣзду мѣстности Богодуховскаго уѣзда были разграблены двѣ усадьбы при селѣ Рябюовкѣ и хуторѣ Благодатномъ; хуторъ же Мирный подвергся нападенію, но былъ во-время спасенъ. Энергичный образъ дѣйствій харьковскаго губернатора и объявленіе имъ народу, что участь добровольно возвратившихъ награбленное будетъ смягчена, заставили участвовавшихъ въ грабежахъ крестьянъ одуматься и въ послѣдовавшіе за прекращеніемъ безпорядковъ дни крестьяне стали представлять въ волостныя правленія, для возвращенія потерпѣвшимъ, похищенное имущество и приносить повинныя, составляя по этому предмету общественные приговоры. Немедленно

по возникновеніи грабежей какъ въ Полтавской, такъ равно и въ Харьковской губерніяхъ, на мѣсто безпорядковъ прибыли представители судебной власти и приступлено было къ производству предварительныхъ слѣдствій. Одновременно съ тѣмъ были возбуждены дознанія черезъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Этими разслѣдованіями выяснено, что въ смежныхъ между собою частяхъ Полтавскаго и Константиноградскаго уѣздовъ, гдѣ хозяйственное положеніе крестьянъ, переживщихъ за послѣдніе годы нѣсколько недородовъ, не вполнѣ удовлетворительно, свила себѣ гнѣздо противоправительственная пропаганда, выразившаяся усиленнымъ распространеніемъ среди крестьянъ преступныхъ брошюръ и изданій на малороссійскомъ языкѣ. Въ этихъ изданіяхъ сельское неселеніе призывалось къ возстанію противъ властей и къ завладѣнію имуществомъ помѣщиковъ.

Къ изложенному необходимо добавить, что распространившіеся въ обществѣ слухи о лицахъ, подвергшихся, будто бы, насилію со стороны крестьянъ, такъ же какъ и о крестьянахъ, засѣченныхъ по распоряженію властей, невѣрны. Основаніемъ къ возникновенію послѣдняго рода толковъ послужило, очевидно, то обстоятельство, что, для прекращенія грабежей, власти были вынуждены примѣнить тѣлесное наказаніе къ вожакамъ возстанія и болѣе упорнымъ его участникамъ. Наказанія эти, оказавъ должное воздѣйствіе на крестьянъ, устранили необходимость въ принятіи болѣе крутыхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ, къ которымъ пришлось прибѣгнуть въ селѣ Ковалевкѣ. При подавленіи безпорядковъ лица, руководившія отдѣльными толпами грабителей, и болѣе виновныя изъ среды послѣднихъ были задержаны; равнымъ образомъ заключены подъ стражу и нѣкоторыя лица изъ числа участвовавшихъ въ преступной среди крестьянъ пропагандѣ.

Въ настоящее время общественное спокойствіе въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ возстановлено; слѣдуетъ полагать, что принятыя мѣры къ усиленію въ этихъ мѣстностяхъ полицейской охраны обезпечатъ сохраненіе тамъ порядка и впредь".

„Полтавскаго губернатора, Двора Нашего въ званіи камергера, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Бельгарда*—Всемилостивѣйше увольняемъ отъ занимаемой должности съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и оставленіемъ его въ придворномъ званіи".

Награждается орденомъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра, 2-й степени—харьковскій губернаторъ, шталмейстеръ Высочайшаго Двора князь Иванъ *Оболенскій*, за отлично-усердную и ревностную службу и примѣрную распорядительность по прекращенію безпорядковъ въ Валковскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи.

Женскій сельско-хозяйственный институтъ. Общество содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію вошло, по сообщенію „Русскихъ Вѣдомостей“, въ министерство земледѣлія съ ходатайствомъ объ одобреніи составленнаго имъ проекта положенія о женскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ и объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на открытіе повсемѣстнаго въ имперіи сбора пожертвованій на покрытіе расходовъ по учрежденію и содержанію такого учебнаго заведенія. Въ объяснительной запискѣ отъ совѣта Общества указывается, что проектируемый институтъ имѣетъ въ виду сообщать свѣдѣнія приблизительно въ объемѣ среднихъ сельскохозяйственныхъ школъ. Но такъ какъ въ институтъ предполагается принимать лицъ со среднимъ общимъ образованіемъ, то преподаваніе въ немъ общеобразовательныхъ предметовъ представляется излишнимъ. Исключеніе дѣлается лишь для богословія и нѣкоторыхъ отдѣловъ математики, которые въ женскихъ общеобразовательныхъ школахъ преподаются въ меньшихъ размѣрахъ сравнительно съ мужскими. Поэтому учебный курсъ въ институтѣ предполагается трехлѣтній. Опытъ показываетъ, что времени этого будетъ совершенно достаточно для усвоенія необходимыхъ спеціальныхъ знаній, а равно естественно-научныхъ основъ и необходимыхъ вспомогательныхъ предметовъ. Институтъ предполагается устроить въ сельско-хозяйственной обстановкѣ при хорошо организованномъ и управляемомъ хозяйствѣ, которое находилось бы по возможности въ центральной полосѣ Россіи, вблизи желѣзной дороги. При институтѣ кромѣ того должны быть устроены такія пособія, какъ библіотека, лабораторія, опытное и учебно-практическое поле, садъ, огородъ, молочное хозяйство и т. п. Затѣмъ необходимо имѣть надлежаще устроенныя аудиторіи, а также помѣщенія для учителей, надзирательницъ и учеництъ. Окончившія курсъ въ институтѣ пользуются званіемъ агронома и правомъ носить особый знакъ. Управленіе институтомъ сосредоточивается въ совѣтѣ Общества для содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію, который избираетъ и директора. Всѣ должности могутъ занимать и лица женскаго пола, если онѣ располагаютъ требуемымъ научнымъ цензомъ. Высшій надзоръ за институтомъ имѣетъ министерство земледѣлія. Цѣлью института является подготовка лицъ женскаго пола, способныхъ самостоятельно управлять цѣлыми хозяйствами или отдѣльными его отраслями, а также преподавательницъ въ низшія сельскохозяйственныя женскія школы. Средства его составляются изъ пожертвованій, собранныхъ Обществомъ для распространенія женскаго сельскохозяйственнаго образованія, изъ пособій казны, платы за ученіе, взимаемой со слушательницъ, и изъ доходовъ отъ хозяйства или вспомогательно-учебныхъ учрежденій института.

Опять чернскій предводитель г. Сухотинъ. Ноздревъ, какъ извѣстно, былъ человѣкомъ „историческимъ",—историческимъ въ томъ смыслѣ, что куда бы онъ ни появлялся, вездѣ непремѣнно происходила какая-нибудь необыкновенная „исторія". Это обстоятельство вспомнилось намъ невольно при чтеніи обошедшей всѣ газеты новой „исторіи" г. Сухотина, за которую онъ получилъ справедливое возмездіе со стороны правительствующаго сената. Не далѣе какъ въ прошлой книжкѣ „Образованія" мы говорили о предпринятомъ г. Сухотинымъ походѣ противъ портретовъ Льва Толстого, Максима Горькаго и другихъ писателей, какъ вдругъ становится извѣстною еще болѣе великолѣпная „исторія", героемъ которой является все тотъ же, отнынѣ „историческій", г. Сухотинъ. Видимо одержимый ораторскимъ зудомъ, г. Сухотинъ произноситъ волостнымъ старшинамъ рѣчь, которой позавидовалъ бы и щедринскій становой; мало того, ораторъ печатаетъ се на гектографѣ и разсылаетъ во всѣ волостныя правленія Чернскаго уѣзда Тульской губерніи. Это удивительное произведеніе заключаетъ въ себѣ, по словамъ газетъ („Смоленскій Вѣстникъ", „Русскія Вѣдомости", „Саратовскій Дневникъ" и др.), слѣдующіе перлы мысли и краснорѣчія:

„Старшины, вы есть ближайшіе сотрудники земскихъ начальниковъ и ближайшіе наблюдатели во всемъ, что происходитъ въ жизни ввѣреннаго вамъ населенія, почему я нахожу, что ваша священная обязанность заключается не въ одномъ изученіи только одной формальной стороны вашихъ обязанностей, но и въ изученіи внутренней жизни каждаго домохозяина ввѣреннаго вамъ населенія; я думаю, многіе изъ васъ, служащіе въ должности старшинъ со дня реформы 1899 года, давно уже сознали необходимымъ это знать, ибо земскому начальнику, на обязанности котораго лежитъ хотя та же обязанность, немыслимо подобнаго рода изученіе ввѣреннаго ему населенія, имѣя въ своемъ распоряженіи до 20,000 человѣкъ, да разбросанныхъ еще на пространствѣ 60 верстъ въ окружности, и въ изученіи ввѣреннаго вамъ населенія настолько близко, чтобы во всякое данное время вы могли бы дать полный отчетъ о каждомъ, каковъ данный человѣкъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. И изучивъ только такимъ образомъ ввѣренное вамъ населеніе, вы можете быть дѣйствительно полезными сотрудниками и помощниками вашихъ земскихъ начальниковъ. Я позволилъ бы себѣ посовѣтовать вамъ, старшинамъ 1) почаще просматривать тѣ законоположенія, которыми вы должны руководствоваться для достиженія этой цѣли, 2) обратить ваше особенное вниманіе на слѣдующіе главные пункты, отъ которыхъ зависитъ, по моему мнѣнію, упорядоченіе ввѣреннаго вамъ населенія въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ: 1) самое важное—это вселеніе въ населеніе сознанія, *что нѣтъ въ мірѣ равноправныхъ*, а потому каждый изъ насъ долженъ оказывать должное

уважениіе старшему себѣ по лѣтамъ, по положенію извѣстному и т. п. причинамъ. Кому изъ насъ неизвѣстно, что гдѣ если верхъ беретъ не происхожденіе, то беретъ верхъ капиталъ, образованіе и т. п., а потому *всѣ эти лжеученія, что передъ Богомъ мы всѣ равные*, а потому другъ съ другомъ мы должны быть равны и быть за панибрата, есть не что иное, какъ одинъ пустой разговоръ, что на каждомъ шагу вы можете видѣть у себя, даже между своимъ сословіемъ: такъ, напримѣръ, крестьянинъ нѣсколько зажиточный пользуется между своими односельчанами извѣстнымъ уваженіемъ и привилегіей, почему же послѣ этого происхожденіе, либо извѣстное общественное положеніе, не можетъ требовать со стороны младшихъ себя и не пользующихся положеніемъ этимъ извѣстнаго уваженія?

„Вы спросите меня, какимъ путемъ достигнуть этого. А вотъ какимъ: воспитаніемъ и образованіемъ ввѣреннаго вамъ населенія. Вы спросите меня, какъ же вы сдѣлаете теперь, когда воспитанія въ этомъ направленіи до сихъ поръ не было. А вотъ какъ: почаще вызывайте къ себѣ сельскихъ старостъ, читайте имъ ихъ обязанности, указанныя 58 и 60 ст. общ. полож., а также уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, правила, которыя проповѣдуете на каждомъ волостномъ сходѣ, внушайте имъ о томъ, чтобы они объяснили своимъ односельчанамъ необходимость въ оказаніи вообще уваженія другъ къ другу, какъ къ личности, къ должностнымъ лицамъ, такъ равно и къ чужому имуществу, а тѣмъ паче къ старшимъ себя, такъ, напримѣръ, дѣтей къ отцамъ, матерямъ и другимъ ближайшимъ старшимъ родственникамъ своимъ, къ нему, сельскому старостѣ и т. д., всѣмъ властямъ, и тѣхъ крестьянъ, которые не будутъ подчиняться этимъ внушеніямъ, не въ силу непониманія, а въ силу умышленнаго желанія оказать неуваженіе къ старшимъ, чтобы они подвергали такихъ лицъ дисциплинарному наказанію въ предѣлахъ, указанныхъ въ 48 ст. общ. полож., *какъ добрый отецъ и мать поступаютъ съ непослушнымъ своимъ ребенкомъ, на котораго ни слово, ни увѣщеванье не дѣйствуютъ, правомъ, которое вамъ дано со дня выхода вашего изъ крѣпостной зависимости, но правомъ, которымъ вы до сего времени не пользовались*. Внушайте убѣжденіе въ старостахъ, что не общество есть у него начальство, а онъ, староста, самъ начальникъ надъ ввѣреннымъ ему обществомъ и постарайтесь вывести изъ разговоровъ подобные неумѣстные отвѣты старостъ „такъ приказало общество". Правда, есть вопросы хозяйственные у общества, гдѣ оно можетъ распоряжаться само, но опять-таки и не во всѣхъ дѣлахъ хозяйственныхъ; такъ напримѣръ, общество пожелаетъ постановить приговоръ не взыскивать повинностей, а начальство будетъ требовать взыскивать, конечно, тутъ является передъ начальствомъ отвѣтственное лицо не общество, а сельскій староста,

а потому онъ долженъ считаться въ данномъ случаѣ хозяиномъ надъ обществомъ и не можетъ въ свое оправданіе говорить, что онъ не исполняетъ приказаній власти потому, что общество это приказало; что же касается поддержанія уваженія, порядка, благочинія и власти въ средѣ общества, то тутъ старосты должны быть полные хозяева надъ ввѣренными имъ обществами и вся отвѣтственность за непринятіе мѣръ къ вселенію въ обществахъ сознанія, что у нихъ староста есть хозяинъ, должно влечь за собою къ признанію такого старосты не соотвѣтствующимъ своему званію, а потому подлежащимъ увольненію отъ должности".

Рѣчь эта, повторяемъ, была разослана г. Сухотинымъ во всѣ волостныя правленія Чернскаго уѣзда, что привело, разумѣется, въ большое недоумѣніе земскаго начальника г. Карпова, какъ, вѣроятно, и многихъ другихъ лицъ. Справедливо опасаясь, что подобные поступки г. Сухотина могутъ быть чреваты всякаго рода „недоразумѣніями" (вѣдь, г. Сухотинъ, очевидно, не вѣдая, что творитъ, дошелъ до отрицанія основнаго принципа христіанскаго ученія о равенствѣ всѣхъ передъ Богомъ и назвалъ этотъ принципъ „лжеученіемъ"), г. Карповъ постарался принять нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы сгладить въ средѣ крестьянъ впечатлѣніе отъ такого, кажется, неслыханнаго по своимъ ультра-крѣпостническимъ тенденціямъ и ужъ прямо безпримѣрной развязности циркулярнаго распоряженія г. Сухотина. Надо замѣтить, что г. Карповъ былъ и раньше у г. Сухотина на „подозрѣніи" въ „иномысліи" съ нимъ, г. Сухотинымъ, на нѣкоторые вопросы „внутренней политики", а это, съ точки зрѣнія г. Сухотина, является такимъ грѣхомъ, который не можетъ быть терпимъ нигдѣ и тѣмъ болѣе у должностного лица и еще тѣмъ болѣе въ Чернскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ, г. Сухотинъ, поставленъ господами дворянами во главѣ ихъ корпораціи... Случилось г. Сухотину ревизовать находящуюся въ участкѣ г. Карпова сукмановскую школу и въ результатѣ предводительской ревизіи г. Карповъ вдругъ получаетъ отъ не по разуму усерднаго ревизора на оффиціальномъ бланкѣ письмо слѣдующаго содержанія:

„При посѣщеніи моемъ сукмановской школы, вы, вѣроятно, видѣли, какъ духовенство, для примѣра темному крестьянскому люду, котораго они учатъ теоретически объ оказаніи должнаго уваженія старшимъ, чтобы это ученіе не шло въ разрѣзъ съ фактической стороной дѣла,—встрѣтило меня, какъ представителя высшаго сословія въ уѣздѣ, на коемъ лежитъ обязанность, въ силу закона, главнаго наблюденія за правильнымъ направленіемъ, даваемымъ въ школахъ. Вы же, свѣтская власть, а именно земскій начальникъ, который обязанъ по своей спеціальной обязанности воспитывать ввѣренное вамъ населеніе въ этомъ направленіи, мало того, что не послѣдовали хорошему примѣру духовенства и не встрѣтили не меня, Сухотина

если онъ вамъ не любъ, а представителя дворянъ и власти, какъ бы это слѣдовало, а умышленно въ то время, когда заслуженный протоіерей вышелъ встрѣчать меня даже на подъѣздѣ, — ушли въ другую комнату и пришли уже послѣ того, когда я поздоровался съ мальчиками. Представьте себѣ, какъ могли объяснить ваше поведеніе тѣ мальчики, которыхъ мы учимъ объ уваженіи къ старшимъ, тѣ же учителя изъ крестьянъ и даже само духовенство, видѣвшее ваше поведеніе по отношенію меня. Думаю, что они вывели такое соображеніе, что, молъ, вѣроятно, предъявленныя требованія предводителемъ дворянства относительно воспитанія юношества въ страхѣ Божьемъ, любви къ Царю и уваженіи къ поставленнымъ Имъ начальникамъ, есть его личное требованіе, что врядъ ли желательно".

По мнѣнію г. Сухотина, г. Карповъ поступилъ такъ изъ нежеланія подчиняться законнымъ требованіямъ начальства, ибо,—пишетъ онъ даже,— „моя ревизія, изъ которой я усмотрѣлъ, что ваша дѣятельность относительно введенія порядка въ участкѣ ограничивается однимъ лишь требованіемъ взысканія повинностей, и то, какъ значится изъ вашихъ предписаній, имѣющихся въ дѣлахъ волости, видно, что вы это дѣлаете не по личной инниціативѣ, а по предписаніямъ губернатора или предсѣдателя уѣзднаго съѣзда, какъ будто бы, если бы этихъ напоминаній не было, то вы лично и не требовали бы взысканія повинностей и не обязаны вселять населенію сознаніе ихъ о необходимости платить повинности безъ всякихъ напоминаній и при томъ своевременно. Что же касается до остальныхъ моихъ требованій, по отношенію введенія порядка благочинія въ деревнѣ, которыя были мною объявлены старшинамъ въ присутствіи всѣхъ членовъ уѣзднаго съѣзда, то мнѣ очень хорошо извѣстно, что вы позволили себѣ разъяснять, что мои требованія неправильны и такимъ не слѣдовать. Находя такія ваши дѣйствія несоотвѣтствующими задачамъ, указаннымъ въ указѣ 1889 г. іюля 12 дня, считаю своимъ долгомъ, какъ представитель дворянъ, которые меня избрали большинствомъ болѣе двухъ-третей голосовъ для водворенія порядка въ уѣздѣ, соотвѣтствующаго правительственнымъ взглядамъ, но нѣсколько поколебленнаго до меня, и какъ представитель власти въ уѣздѣ, на котораго закономъ 12-го іюля 1889 г. возложена обязанность наблюденія за приведеніемъ въ исполненіе реформы, а также и наблюденіе за правильнымъ нравственнымъ воспитаніемъ народа и юношества, указать на всѣ вышеприведенныя неправильныя ваши дѣйствія и предупредить васъ, что если вы будете и впредь продолжать дѣйствовать по своему, а не по требованію начальства и несогласно съ общими дѣйствіями остальныхъ земскихъ начальниковъ, то я буду вынужденъ просить его превосходительство тульскаго губернатора и губернскаго предводителя объ удаленіи васъ отъ должности земскаго начальника, какъ дѣйствующаго въ разрѣзъ

съ требованіями, предъявленными правительствомъ. Зная же вашъ взглядъ на должность свою и ваше несочувствіе этой службѣ, который вы публично высказывали въ комиссіи по рабочему вопросу, вмѣстѣ съ С. Л. Толстымъ, я увѣренъ въ томъ, что вы не послѣдуете моимъ указаніямъ, а потому я просилъ бы васъ не доводить меня до предполагаемаго моего рѣшенія".

На такія дѣйствія г. Сухотина г. Карповъ принесъ жалобу въ правительствующій сенатъ, который, по разсмотрѣніи дѣла, пришелъ къ слѣдующему заключенію:

„Признавъ, что письмо Сухотина къ Карпову имѣетъ и по содержанію, и по формѣ служебный и оффиціальный характеръ, сенатъ нашелъ, что письмо заключаетъ въ себѣ рядъ указаній на неправильныя, по мнѣнію Сухотина, дѣйствія земскаго начальника Карпова и при томъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя представляются неумѣстными даже въ сношеніяхъ начальника съ подчиненными: за симъ изъ сопоставленія предупрежденія Сухотина о томъ, что онъ вынужденъ будетъ, при неподчиненіи Карпова требованіямъ начальства, просить объ увольненіи его отъ должности, съ заключительной частью: „я увѣренъ въ томъ, что вы не послѣдуете моимъ указаніямъ, а потому я просилъ бы васъ не доводить меня до предполагаемаго моего рѣшенія", — можетъ быть сдѣланъ тотъ единственный выводъ, къ коему пришелъ и жалобщикъ, т. е., что ему, Карпову, Сухотинъ предлагаетъ выйти въ отставку. Между тѣмъ на основаніи 66 ст. полож. зем. нач. земскіе начальники подчиняются надзору и руководству мѣстныхъ губернаторовъ и губернскаго присутствія и подвергаются удаленію отъ должности въ порядкѣ, указанномъ статьями 132—142 того же положенія: уѣзднымъ же предводителямъ дворянства, по силѣ ст. 101 того же положенія,— предоставляется лишь ревизировать дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ и подвѣдомственныхъ послѣднимъ волостныхъ и сельскихъ управленій, съ представленіемъ въ подлежащихъ случаяхъ своего заключенія по такимъ ревизіямъ на усмотрѣніе губернскаго присутствія. Засимъ, ни въ Высочайшемъ указѣ 1889 года, іюля 13-го (собр. узак. 1889 года. ст. 690), ни въ Положеніи о земскихъ начальникахъ, ни въ другихъ частяхъ свода законовъ, не установлено подчиненности земскихъ начальниковъ уѣздному предводителю дворянства, какъ начальнику, имѣющему право поставлять на видъ своимъ подчиненнымъ упущенія въ исполненіи ими своихъ обязанностей и предупреждать о возможности удаленія отъ должности. По всѣмъ симъ соображеніямъ слѣдуетъ признать, что пред. двор. Сухотинъ, обращаясь къ земскому начальнику Карпову съ вышеуказаннымъ письмомъ, тѣмъ самымъ вышелъ изъ предѣловъ возложенныхъ на него по закону обязанностей. Равнымъ образомъ представляются неумѣстными какъ тѣ

разъясненія и наставленія, касающіяся ученія православной церкви, съ коими Сухотинъ обращался къ волостнымъ старшинамъ, ибо подобнаго рода поученія относятся къ обязанностямъ представителей духовнаго вѣдомства, но отнюдь не предводителей дворянства, такъ и разсылка волостнымъ старшинамъ литографированныхъ экземпляровъ его рѣчи для прочтенія въ волостныхъ и сельскихъ сходахъ, какъ программы его дѣйствій по должности предводителя дворянства, въ виду того, что основаніемъ дѣятельности всѣхъ состоящихъ на службѣ государственной или общественной должностныхъ лицъ должны служить должностныя узаконенія, а также законныя распоряженія высшей власти и ближайшаго начальства, — посему, не усматривая въ дѣйствіяхъ Сухотина состава преступленія по должности, наказуемаго въ судебномъ порядкѣ,—правительствующій сенатъ опредѣлилъ: поставить чернскому уѣздному предводителю дворянства статскому совѣтнику Сухотину на видъ его неумѣстныя и неприличныя дѣйствія по отношенію къ земскому начальнику Карпову".

Таковъ финалъ этой характерной „исторіи". Комментируя ее, авторъ замѣтокъ „изъ общественной хроники" въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы" справедливо говоритъ:

„Замѣчательно, прежде всего, какія метаморфозы претерпѣваетъ, на хорошо подготовленной почвѣ, идея *начальства.* Она разрастается въ ширь, захватывая собою отношенія, вовсе не подводимыя подъ все закономъ; она разрастается въ глубь, вторгаясь въ частную жизнь, регламентируя не подлежащее регламентаціи. Предводитель дворянства, облеченный однимъ лишь правомъ контроля надъ земскими начальниками, разсматриваетъ ихъ какъ подчиненныхъ, обязанныхъ не только исполнять его распоряженія, законныя и незаконныя, но и оказывать ему особые внѣшніе знаки уваженія: выходить ему на встрѣчу, принимать его на подъѣздѣ зданія, которое онъ удостоиваетъ своимъ посѣщеніемъ. Предсѣдатель коллегіальнаго учрежденія (уѣзднаго съѣзда), имѣющаго закономъ опредѣленный кругъ дѣйствій, единолично декретируетъ для должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и для всѣхъ вообще крестьянъ правила жизни, не вытекающія изъ закона и идущія въ разрѣзъ съ основаніями нравственности. Удивительна уже сама по себѣ мысль о воспитаніи и образованіи народа черезъ посредство волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, съ помощью устава о пресѣченіи и предупрежденіи преступленій; но что сказать о сущности воспитательной системы, считающей лжеученіемъ (!) равенство всѣхъ передъ Богомъ и рекомендующей, какъ нѣчто достойное подражанія, уваженіе ко всякому „нѣсколько зажиточному". Итакъ, стоитъ только возвыситься,—все равно, какими средствами,—надъ уровнемъ деревенской бѣдноты, чтобы получить право на „привилегію", о которой говоритъ г. Сухотинъ? Какимъ извра-

щеніемъ понятій грозило бы распространеніе подобныхъ взглядовъ, если бы они не встрѣчали отпора въ здравомъ смыслѣ народа, въ чувствѣ долга „подчиненныхъ", не отказавшихся отъ „права смѣть свое сужденіе имѣть", и, наконецъ, въ безпристрастіи сената, доказавшаго еще разъ, что къ нему примѣнимы, mutatis mutandis, извѣстныя слова потсдамскаго мельника: „есть еще судьи въ Берлинѣ"!

Богословскія публичныя чтенія въ Нижнемъ-Новгородѣ. О такихъ чтеніяхъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" помѣщена интересная корреспонденція, изъ которой явствуетъ, къ какой иногда своеобразной аргументаціи прибѣгаютъ противники свободы совѣсти, не замѣчая, что въ усердіи своемъ они уподобляются г. Сухотину и посягаютъ на основные принципы христіанскаго ученія.

„Въ теченіе минувшаго поста и пасхальной недѣли, пишетъ нижегородскій корреспондентъ названной газеты, здѣсь устраивались особой коммиссіей, состоящей при епископѣ Назаріи, богословскія публичныя чтенія. Не касаясь тѣхъ изъ нихъ, которыя или ничѣмъ особеннымъ не выдавались или (какъ послѣднее пасхальное, представлявшее собою опытъ популяризаціи философіи Вл. Соловьева д-ромъ Песковскимъ) были въ извѣстной мѣрѣ симпатичны, мы остановимся на чтеніи о. Н. С. Спасскаго. „О свободѣ религіозной совѣсти". Лекторъ очень долго доказывалъ, что сторонники этой свободы, говорящіе, что, гдѣ нѣтъ свободы, нѣтъ искренности, а слѣдовательно, нѣтъ никакой вѣры—ни правой, ни неправой—въ сущности, смѣшиваютъ свободу совѣсти со свободой воли. Безъ послѣдней,—продолжалъ о. Спасскій,—дѣйствительно нѣтъ ни нравственности, ни чести, ни долга, ни добродѣтели, но политическая свобода исповѣданія вовсе не есть краеугольный камень и непремѣнное условіе вѣры. Въ доказательство того, что внѣшнія стѣсненія не препятствуютъ внутренней свободѣ совѣсти, лекторъ оперся на примѣръ дѣйствительно неотразимый, хотя могшій смутить иного слушателя своимъ откровеннымъ краснорѣчіемъ: мученики христіанства,—сказалъ батюшка,—вѣдь исповѣдывали же свои убѣжденія, несмотря на пытки, стало быть, стѣсненія вѣры не мѣшаютъ ея искренности!

Внѣшней свободѣ религіозной совѣсти, т. е. праву безнаказанно исповѣдывать какую угодно вѣру, лекторъ глубоко не сочувствовалъ. Онъ усиленно подчеркнулъ, однако, исконный взглядъ церкви, что истинная вѣра должна быть распространяема не насиліемъ, а убѣжденіемъ. Дѣло объяснилось: онъ подразумѣвалъ только язычниковъ. Но тѣ же христіане,—продолжалъ онъ,—всегда считали спасительными нѣкоторыя стѣсненія въ

„огражденіе вѣры“ въ своей собственной средѣ и, разъ вступивъ въ церковь, подчинялись всѣмъ ея вѣрованіямъ, подчиняясь въ этомъ Самому Христу, такъ какъ вѣдь и вступали то они въ церковь не иначе, какъ добровольно, обращенные словомъ, проникнутымъ искреннимъ убѣжденіемъ.

Изъ болѣе близкихъ къ намъ временъ, чѣмъ I вѣкъ, служившій иллюстраціей „внутренняго огражденія“ добровольно принятой вѣры, лекторъ взялъ только примѣры нетерпимости: Лютера и Кальвина, считавшихъ необходимымъ „заграждать уста еретикамъ“, государственными мѣрами противодѣйствовать распространенію ложныхъ мнѣній, причемъ реформисты часто даже убивали католиковъ (убивать католиковъ о. Спасскій не считаетъ, впрочемъ, по церковнымъ преданіямъ, дозволеннымъ); затѣмъ гоненія на духовныя конгрегаціи во Франціи; цезаропапизмъ въ Англіи и пр. Этимъ онъ доказывалъ, что религіозной свободы нигдѣ не существуетъ.

Обыкновененъ доводъ,—такъ лилась аргументація лекціи,—что гоненія на вѣру безцѣльны, потому что служатъ лишь къ распространенію этой самой вѣры. И въ примѣръ приводится всегда христіанство, распространившееся, несмотря на гоненія.

Что можно было ожидать услышать дальше изъ устъ священника-лектора въ отвѣтъ на этотъ обыкновенный доводъ сторонниковъ свободы религіи?

Вѣроятно, что христіанство—исключеніе, такъ какъ это—религія, Самимъ Богочеловѣкомъ основанная, но что побѣда его надъ гоненіями еще не доказываетъ неизбѣжности такой же побѣды всякой другой вѣры, хотя бы и христіанской ереси?

Такого или подобнаго отвѣта могла ожидать аудиторія въ защиту несимпатичнаго самого по себѣ тезиса о необходимости стѣсненій и гоненій, но она услышала нѣчто совсѣмъ другое: Гоненія на первыхъ христіанъ далеко не были постоянны и систематичны, они отдѣлялись одно отъ другого большими перерывами. (А если бы, стало быть, римскіе императоры съ достаточнымъ постоянствомъ „поналегли“ на христіанъ, они справились бы съ ними, и христіанства бы не было?)

Догадка, пришедшая намъ немедленно, при слушаніи лекціи, на мысль и поставленная здѣсь въ скобкахъ, подтвердилась изъ устъ самого лектора. Дѣйствительно,—продолжалъ онъ,—тамъ, гдѣ гоненія были упорнѣе; какъ, напр., въ Китаѣ, слѣды древняго христіанства, перенесенные туда, исчезли вполнѣ.

Аргументъ по-истинѣ неожиданный!“

Земство и общественная самодѣятельность. Газета сообщаетъ, что въ концѣ іюня въ г. Курскѣ состоится уже разрѣшенная надлежащимъ вѣдомствомъ выставка по народному образованію. Иниціаторомъ этого высокополезнаго дѣла является курское земство, которое, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, дѣятельно готовится къ выставкѣ.

„Между прочимъ, пишетъ въ названной газетѣ г. Бѣлоконскій, составляется немало діаграммъ и картограммъ, характеризующихъ состояніе начальнаго народнаго образованія какъ въ Курской, такъ и въ другихъ земскихъ губерніяхъ и въ Россіи вообще. Среди этихъ діаграммъ обращаетъ на себя вниманіе діаграмма, показывающая *вліяніе земства на общественную самодѣятельность.* Матеріаломъ для нея послужили оффиціальныя данныя, взятыя изъ „Статистическихъ свѣдѣній по начальному образованію въ Россійской имперіи“ министерства народнаго просвѣщенія, изданныхъ въ 1900 году. Изъ этихъ „свѣдѣній“ видно, что во всей Россіи, Азіатской и Европейской, за исключеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, въ 1898 г. существовало:

Обществъ попеченія о начальномъ образованіи — 35, взаимопомощи учащихъ—40, вспомоществованія учащимъ — 7, вспомоществованія учащимся—111, пунктовъ, гдѣ производились народныя чтенія,—4,830, народныхъ читаленъ—3,984, центральныхъ учительскихъ библіотекъ—231, педагогическихъ курсовъ—32.

Если всѣ эти учрежденія распредѣлить между земскими губерніями и прочими губерніями и областями остальной Россіи, включая сѣверо- и юго-западныя и Прибалтійскій край, Царство Польское, Кавказъ и всю Азіатскую Россію, то выясняется, что на земскія губерніи приходится 6,426 учрежденій просвѣтительнаго характера; въ неземской Россіи, куда входятъ такія культурныя и густо населенныя части, какъ Царство Польское и Прибалтійскій край, не считая Сѣверо- и Юго-западнаго краевъ, ихъ насчитывается всего 2,794, т. е. почти втрое меньше. Еще рельефнѣе это различіе выдѣляется, если взять тѣ учебные округа, часть губерній которыхъ имѣетъ земскія учрежденія, а часть не имѣетъ. Возьмемъ учебные округа петербургскій, харьковскій, кіевскій, казанскій и оренбургскій и выдѣлимъ, для сопоставленія, земскія и неземскія губерніи. Въ этихъ округахъ имѣется шесть неземскихъ и 19 земскихъ губерній. Конечно, вторыхъ втрое больше, чѣмъ первыхъ, но, какъ сейчасъ увидимъ, процентныя отношенія въ земскихъ губерніяхъ превышаютъ не втрое, а во много разъ больше. Именно: въ неземскихъ губерніяхъ упомянутыхъ выше учрежденій имѣется 436, а въ земскихъ ихъ—4,475, т. е. болѣе чѣмъ въ 10 разъ больше.

Такое явленіе мы объясняемъ громадною ролью земствъ въ дѣлѣ общественной самодѣятельности.

Будучи разсадникомъ культуры вообще и особенно энергично работая въ сферѣ просвѣщенія, оно, съ одной стороны, несомнѣнно пробуждаетъ общественныя силы, а съ другой —оказываетъ сильную матеріальную поддержку общественной иниціативѣ. Въ періодической прессѣ ежегодно сообщаются свѣдѣнія о солидныхъ ассигновкахъ со стороны земствъ въ пользу различныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, и это, конечно, отражается на бюджетахъ просвѣтительныхъ обществъ земскихъ губерній, что видно изъ тѣхъ же оффиціальныхъ данныхъ.

Такъ, если сложить суммы ежегодныхъ бюджетовъ всѣхъ обществъ, содѣйствующихъ цѣлямъ народнаго образованія, то выходитъ, что ежегодный бюджетъ ихъ во всѣхъ 99 ти губерніяхъ и областяхъ Россіи выражается цифрой 430,021 р. 48 к. и изъ этой суммы 240,547 р. 22 к., или 55,9%, приходится на 44 земскія губерніи, а на всѣ другія губерніи и области Россіи, числомъ 55, остается 41,1%. Нельзя не обратить также вниманія и на число членовъ въ помянутыхъ обществахъ. Всего ихъ насчитывается 24,483, и изъ нихъ 10,157 членовъ, или 41,4%, составляютъ члены просвѣтительныхъ обществъ 44-хъ земскихъ губерній, а на 55 губерній и областей остальной Россіи приходится 58,6%".

Оригинальная „библіотека". Такое, дѣйствительно, оригинальное учрежденіе имѣется въ городѣ Тамбовѣ.

„Это учрежденіе, говоритъ „Саратовскій Дневникъ", имѣетъ свою почтенную исторію, восходящую примѣрно къ началу 40-хъ годовъ. Книги давно уже пожелтѣли, обветшали, брать ихъ, кажется, ужъ никто не рѣшается, а вся сила лишь въ зданіи. А зданіе библіотеки, благодаря своему центральному положенію, очень заманчиво. Оно представляетъ съ внѣшней стороны высокій, но довольно узкій трехэтажный домъ, напоминающій фабричную трубу съ прорѣзанными окошками. Эта труба имѣетъ два нижнихъ этажа каменныхъ и верхній деревянный-стояковый— тоже въ своемъ родѣ рѣдкость. Давно не ремонтированное капитально, зданіе сильно пооблѣзло; пристройки къ нему значительно покосились. Въ подвальномъ помѣщеніи зданія, на которомъ красуется вывѣска: „Публичная библіотека", *помѣщается кухня коннозаводскаго собранія* и оттуда всегда несетъ подгорѣлымъ масломъ или лукомъ.

Но едва ли не самымъ любопытнымъ событіемъ у этой библіотеки является фактъ утраты своихъ владѣльцевъ.

Дѣло въ томъ, что городъ хотѣлъ бы принять библіотеку съ его зданіемъ въ свое завѣдываніе, но встрѣтилъ препятствіе въ отсутствіи нѣкоторыхъ владѣльцевъ. Оказывается, что библіотека и принадлежащее ей

зданіе съ усадьбою составляетъ собственность компаніи, выпустившей при ея основаніи, примѣрно въ 1834 году, акціи. Въ настоящее время находится лишь часть акціонеровъ, а именно: церковь во имя св. Михаила Архангела въ Тамбовѣ, которая владѣетъ 21 акціями, да тамбовская архивная коммиссія, у которой имѣются 2 акціи. Кромѣ того, право собственности на 3-й этажъ зданія заявила также архивная коммиссія, на средства которой этотъ этажъ былъ надстроенъ и въ которомъ она помѣщается. Архивная коммиссія предъявляетъ требованіе, чтобы при переходѣ дома въ собственность города послѣдній принялъ на себя обязательство предоставить этому учрежденію помѣщеніе, равное по размѣру нынѣ ею занимаемому. Кромѣ того, комитетъ публичной библіотеки выразилъ желаніе, чтобы городъ далъ помѣщеніе и музыкальному училищу, которое также находитъ себѣ пріютъ въ этомъ знаменитомъ зданіи. Только клубъ, повидимому, ничего себѣ не выговорилъ, поэтому намѣренъ обдумать вопросъ о постройкѣ собственнаго зданія. Такъ какъ вопросъ о передачѣ библіотеки съ ея зданіемъ и усадьбой въ завѣдываніе города долженъ пойти на Высочайшее соизволеніе, то министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ городу взять на себя всѣ обязательства по удовлетворенію всѣхъ акціонеровъ, какъ нынѣ явившихся, такъ и имѣющихъ явиться въ будущемъ, а также и архивной коммиссіи. Дума согласовала эти требованія министра внутреннихъ дѣлъ и снова возбудила передъ нимъ ходатайство о испрошеніи Высочайшаго соизволенія на переходъ этого злополучнаго зданія съ библіотекой или библіотеки съ зданіемъ въ вѣдѣніе города. Повидимому, скоро эта пресловутая публичная библіотека, *большую часть зданія которой занимаетъ коннозаводское собраніе*, отойдетъ въ область преданій и легендъ".

„Образованіе рабочихъ въ Россіи". Подъ такимъ названіемъ помѣщена въ „Техническомъ образованіи" статья г. Лавриновича, въ которой онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Для образованія какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ, какъ фабричныхъ, такъ и ремесленныхъ рабочихъ въ Россіи сдѣлано слишкомъ мало.

2) Попытка министерства нар. просв. насадить вечерніе и воскресные курсы для рабочихъ (циркуляръ 1895 г.) должна быть признана неудачной, такъ какъ при организаціи курсовъ не были приняты во вниманіе тѣ соціально-бытовыя условія, въ которыхъ находятся русскіе рабочіе.

3) Попытка правительства распространить образованіе въ рабочемъ классѣ при посредствѣ законовъ 1882 и 1884 гг. объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ не вполнѣ достигла цѣли, такъ какъ законами этими хотѣли примирить совершенно противоположные интересы хозяевъ и рабо-

чихъ, а авторитетность законовъ дискредитировали недостаточной категоричностью ихъ положительныхъ постановленій.

4) Въ области образованія ремесленныхъ малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ всѣ попытки свелись къ пожеланіямъ и ходатайствамъ, выраженнымъ съѣздами по техническому и профессіональному образованію и 1-мъ всеросс. съѣздомъ по ремесл. промышленности 1900 г. Если эти пожеланія и ходатайства даже вызовутъ изданіе соотвѣтственнаго закона, то при сохраненіи прежнихъ началъ законодательства этого рода, законъ этотъ постигнетъ судьба фабричныхъ законовъ 1882 и 1884 годовъ.

5) Въ дѣлѣ распространенія образованія среди рабочихъ всѣхъ категорій сильнѣйшимъ тормазомъ служитъ ихъ малограмотность.

6) Всякая попытка частныхъ лицъ или обществъ притти рабочему населенію на помощь доставленіемъ ему духовной пищи подвергается столь сильнымъ стѣсненіямъ со стороны правительства, что въ большинствѣ случаевъ не достигаетъ цѣли.

7) Такъ какъ отъ поднятія умственнаго уровня рабочихъ классовъ прежде и больше всего выиграютъ сами промышленники—хозяева фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ мастерскихъ, то они должны нести и расходы по организаціи просвѣтительныхъ учрежденій для рабочихъ.

8) Въ виду современныхъ неблагопріятныхъ условій полученія народомъ образованія, при которыхъ далеко не всякій рабочій успѣваетъ пройти курсъ даже элементарной школы, въ основу образованія рабочихъ должно быть положено общее образованіе, а не техническое.

9) Лучшимъ образовательнымъ учрежденіемъ для рабочихъ всѣхъ категорій слѣдуетъ признать школы, представляющія подобіе лондонскихъ „политехникумовъ" или „народныхъ дворцовъ", такъ какъ въ нихъ могутъ находить удовлетвореніе самые разнообразные духовные запросы и потребности рабочихъ.

10) Такъ какъ русская интеллигенція всегда шла впереди во всѣхъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ, то образованіе рабочихъ, какъ дѣло національное, должно быть ввѣрено ей въ лицѣ представителей городского и земскаго самоуправленія, общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ дѣятелей, извѣстныхъ своими просвѣтительными трудами.

Воспоминанія о Г. И. Успенскомъ. Этого рода воспоминаніями дѣлится съ читателями въ „Самарской Газетѣ" г. Тейтель.

„Производилъ онъ на меня и на всѣхъ, говоритъ г. Тейтель, замѣчательно пріятное впечатлѣніе и своей наружностью, и своей какой то дѣвической скромностью. Онъ уже и тогда былъ извѣстнымъ писателемъ и поэтому такая скромная манера держать себя импонировала намъ чрезвычайно.

Могу разсказать вамъ объ одномъ случаѣ изъ моего знакомства съ Г. И. Какъ то получаю сообщеніе объ убійствѣ въ д. Сколковѣ. Тамъ же жилъ и Глѣбъ Ивановичъ. Мы заѣхали къ нему съ докторомъ Поповымъ. Разговорились. Глѣбъ Ивановичъ сильно заинтересовался загадочной смертью крестьянина, по поводу которой мы и прибыли въ деревню. Надо сказать, что крестьянинъ этотъ вступилъ зятемъ въ богатую крестьянскую семью. Самъ онъ былъ бѣднымъ, въ семью жены онъ принесъ только свою рабочую силу, и, понятно, его новые родственники начали смотрѣть на пришлеца крайне недоброжелательными глазами. На фонѣ этихъ семейныхъ разногласій происходили разныя стычки, о чемъ дѣлалось извѣстнымъ всей деревнѣ. Когда крестьянинъ этотъ умеръ, то явилось невольное подозрѣніе въ насильственной смерти.

Глѣбъ Ивановичъ присутствовалъ на вскрытіи трупа, разспрашивалъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смерти крестьянина и, помню, онъ, какъ ребенокъ, былъ радъ, что никакого преступленія по разслѣдованіи не оказалось, а мы имѣли дѣло въ данномъ случаѣ со скоропостижной смертью, кажется, на нервной почвѣ.

Могу сообщить также, что къ Глѣбу Ивановичу крестьяне относились съ самой искренней любовью. Въ затруднительныхъ случаяхъ они обращались къ нему. А развѣ мало у крестьянъ этихъ затруднительныхъ случаевъ? Скромный и малоразговорчивый Глѣбъ Ивановичъ съ крестьянами подолгу и охотно бесѣдовалъ.

Вотъ еще случай, подтверждающій сердечную доброту Глѣба Ивановича: у него служилъ нѣкто Осипъ. Когда Глѣбъ Ивановичъ уѣзжалъ изъ нашихъ краевъ, то онъ очень безпокоился о дальнѣйшей судьбѣ Осипа и много хлопоталъ о томъ, чтобы устроить его судьбу".

Артель трудовой помощи въ Ярославлѣ. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" г. Никоновъ помѣстилъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ замѣтку, которую, въ виду ея интереса, мы и приводимъ здѣсь полностью.

„Повсюду у насъ на Руси въ городахъ и даже большихъ селахъ, пишетъ г. Никоновъ, можно встрѣтить „босяковъ", „золоторотцевъ", „зимогоровъ",—вольный гулящій людъ, который живетъ минутой и видитъ всю цѣль жизни только въ пріобрѣтеніи всѣми правдами и неправдами денегъ на водку. Кого только не встрѣчается среди этой „ослабѣвшей" публики: и выключенный изъ университета студентъ, и попъ-разстрига, и поваръ, и офицеръ въ отставкѣ, и фабричный рабочій, конюхъ, купецъ, кочегаръ, мужикъ, наконецъ, который прибылъ въ свое время въ городъ въ поискахъ работы, да загулялъ, пропилъ „и струментъ, и одежду" и покатился по наклонной плоскости до границы человѣчества, дальше которой уже и идти некуда...

Много талантливыхъ и хорошихъ личностей гибнетъ среди этихъ босяковъ, а помочь имъ, выручить ихъ изъ бѣды почти невозможно. Дайте кому-нибудь изъ нихъ денегъ, сдѣлайте приличную одежду, опредѣлите, наконецъ, на мѣсто,—все это безполезно: онъ снова будетъ пьянствовать и, съ радости, пропьетъ все и снова останется такимъ же голякомъ, какимъ былъ.

Въ концѣ 1900 года въ Ярославлѣ среди нѣкоторыхъ лицъ возникла мысль попытаться помочь такимъ босякамъ снова выбраться на нормальной трудовой путь посредствомъ организаціи ихъ въ трудовыя артели довольно своеобразнаго устройства.—Именно возникшее попечительство (преобразившееся въ настоящее время уже въ цѣлое „Общество трудовой помощи"), назначивъ по своему выбору старосту, пригласило (по ночлежнымъ домамъ) босяковъ поступить въ артель подъ условіемъ обязательной работы. Желающихъ сразу оказалось болѣе 30-ти человѣкъ, которые подъ руководствомъ и надзоромъ попечительства и старосты образовали изъ себя артель и сами стали завѣдывать своимъ хозяйствомъ. Скоро нашлась и работа для всѣхъ въ достаточномъ количествѣ. При этомъ попечительство тщательно слѣдило за тѣмъ, чтобы деньги за работу не выдавались самимъ артельщикамъ непосредственно, а шли въ общую артельную кассу. Въ то же время каждому артельщику при его вступленіи въ артель выдается особая расчетная книжка, образца, какой дается фабричнымъ рабочимъ, и въ ней спеціально нанятый (тоже бѣднякъ) конторщикъ ежедневно отмѣчаетъ у каждаго артельщика, сколько тотъ за день заработалъ, расходъ на ѣду и топливо, размѣръ погашенія долга за выданные ему одежду, сапоги или валенки и чистый остатокъ дохода, за вычетомъ 10% въ пользу артели. Чистая выручка артельщика выдается только *при выходѣ* изъ артели, не ранѣе.

Главною задачей организаторовъ артели было *прикрыть благотворительность*, постараться организовать дѣло такимъ образомъ, чтобы артельщики были убѣждены, что они живутъ и кормятся не изъ милости, на средства богатыхъ людей, но на *свой* заработокъ. Уже самая выдача каждому рабочей книжки, признаніе, такъ сказать, за артельщикомъ правъ рабочаго, имѣетъ важное воспитательное значеніе, даетъ ему возможность смотрѣть на себя не какъ на никуда негодный отбросъ человѣчества, но уже какъ на рабочаго, притомъ какъ на лицо, равноправное съ другими артельщиками. Большинство ихъ, увѣренное, что живетъ на средства, добываемыя только артельнымъ трудомъ, стыдится быть захребетниками у своихъ же артельщиковъ и старается усердно работать. А зарабатывая деньгу тяжелымъ трудомъ, артельщики начинаютъ цѣнить трудовыя деньги, постепенно появляются бережливость и соревнованіе съ товарищами въ

томъ, чтобы больше скопить денегъ; тѣмъ болѣе, что рабочая книжка показываетъ ясно, какъ понемногу, но аккуратно у каждаго артельщика увеличивается сумма заработка.

Для помѣщенія артели выстроенъ деревянный баракъ на берегу р. Которосли (притокъ Волги) въ два яруса, съ помѣщеніемъ для 65-ти человѣкъ. Артельщики спятъ на нарахъ, причемъ расположены просторно; тутъ же они обѣдаютъ и тутъ же происходятъ для нихъ по вечерамъ образовательныя, научныя и религіозныя чтенія. Въ баракѣ имѣются кухня и кладовая и отдѣльно контора съ квартирой для конторщика.

Принимаются въ артель люди взрослые, трудоспособные и обѣщающіе вполнѣ подчиняться распоряженіямъ администраціи. Артельщики получаютъ продовольствіе и обязаны выходить на всѣ работы, для нихъ пріисканныя. Въ работѣ для артельщиковъ обыкновенно не бываетъ недостатка, такъ какъ работодатели охотно ихъ приглашаютъ уже въ виду того одного обстоятельства, что они не должны набирать рабочихъ по человѣку, а сразу и быстро получаютъ цѣлую партію и не обязаны рядиться съ каждымъ особо. Изъ заработка удерживается 10% на расходы попечительства, а теперь „Общества трудовой помощи", стоимость продовольствія, стоимость отпускаемой артельщикамъ въ случаѣ надобности одежды, деньги, высылаемыя нѣкоторыми на родину. Сверхъ того по субботамъ выдается каждому артельщику 10% его недѣльнаго заработка на баню и табакъ. Для пользованія больныхъ имѣется врачъ (членъ Общества) и домашняя аптечка. Люди, не выходящіе на работу безъ законной причины и вообще не подчиняющіеся распоряженіямъ администраціи артели, немедленно исключаются изъ артели.

Ближайшій надзоръ за артелью имѣетъ староста, нанимаемый Обществомъ трудовой помощи изъ *постороннихъ* артели людей, такъ какъ опытъ показалъ полную неспособность этихъ „ослабѣвшихъ" людей избирать старосту изъ своей среды. Въ баракѣ артели вывѣшена табель съѣстныхъ припасовъ, полагаемыхъ на каждый день недѣли съ расчетомъ количества на одного человѣка. Независимо отъ того, когда артельщики работаютъ вдали отъ барака, имъ дается ежедневно на завтракъ по 10 к. на каждаго. Распоряженіе этими завтраками производится большею частью работодателемъ или артельнымъ старостой.

Артельщики сами контролируютъ количество и качество припасовъ и и даже повара *нанимаютъ* сами—изъ своей среды или лицо постороннее. Это право контроля и въ особенности найма *себѣ въ услуженіе* очень льститъ самолюбію артельщиковъ, благотворно вліяя на поднятіе въ нихъ чувства собственнаго достоинства.

Продовольственный расходъ, полагая въ томъ числѣ и деньги, давае-

мыя на завтракъ, колеблется, смотря по числу артельщиковъ, отъ 1 р. 60 к. до 1 р. 20 к. въ недѣлю на человѣка. На хорошую и обильную пищу обращено особенное вниманіе, такъ какъ, судя по опыту, въ хорошей ѣдѣ заключается лучшее средство борьбы противъ алкоголизма.

Число артельщиковъ значительно колеблется, смотря по времени года; лѣтомъ и весной, когда всюду великъ спросъ на рабочія руки, артельщиковъ меньше: зимой и осенью почти постоянно полный комплектъ (65 человѣкъ). Минимальное количество артельщиковъ было въ теченіе послѣдняго полугодія 35 человѣкъ. Всего же въ артели съ сентября 1901 года перебывало 109 человѣкъ, изъ числа которыхъ уже многіе, одѣвшись при содѣйствіи артели, поступили на мѣста на жалованье, другіе вернулись на родину. Большинство работало и состояло артельщиками три—четыре мѣсяца, 13 человѣкъ продолжаютъ все это время оставаться въ артели.

Заработная плата колеблется, смотря по времени года, отъ 45-ти к. до 1 р. и даже болѣе въ день; въ среднемъ, обычный заработокъ артельщика 60 коп. въ день или, за вычетомъ прогульныхъ и безработныхъ дней, рублей 10—15 въ мѣсяцъ. Работы, исполняемыя артелью, различны: выгрузка и нагрузка товаровъ на суда и въ вагоны, пилка дровъ, земляныя работы, чистка линій трамвая и желѣзныхъ дорогъ отъ снѣга, переноска и перевозка тяжестей и т. п.

Въ заключеніе—финансовая сторона дѣла. Завѣдующее артелью правленіе Общества трудовой помощи составило слѣдующую смѣту предположенныхъ доходовъ и расходовъ на артель:

Р А С Х О Д Ъ:

Отопленіе, освѣщеніе, ассенизація барака артели (постройка и оборудованіе котораго стоили 3,000 р.) и страхованіе	501 р.
Пріобрѣтеніе инвентаря	200 „
Жалованье старостѣ, конторщику, писцу и канцелярскіе расходы.	799 „
Абонементъ телефона	75 „
Непредвидѣнные расходы	125 „
	1,700 р.

П Р И Х О Д Ъ:

10% отчисленія отъ заработка членовъ артели полагая число артельщиковъ въ среднемъ только 36 человѣкъ, при годичномъ ихъ заработкѣ только 100 р. на каждаго	360 р.
Членскіе взносы	200 „
Субсидія, назначенная губернскимъ земскимъ собраніемъ . .	250 „
Недостающую сумму предполагается покрыть доходами отъ чтеній, концертовъ и т. п.	890 „
	1,700 р.

Смѣта прихода оказалась составленной слишкомъ осторожно, такъ какъ уже въ настоящее время одни членскіе взносы и пожертвованія превышаютъ 600 рублей. Во всякомъ случаѣ на 1,700 р. поддерживать въ теченіе года minimum 150 босяковъ и около половины ихъ возвращать къ честной трудовой жизни—результатъ очень утѣшительный и безусловно окупающій такую ничтожную сравнительно сумму. Считаемъ возможнымъ замѣтить кстати, что въ настоящее время и въ Германіи заинтересовались оригинальною идеей прикрытой благотворительности, легшей въ основу ярославской артели трудовой помощи. Намъ извѣстно, что въ Дрезденѣ, напримѣръ, г. Beck помѣщаетъ нѣкоторыя детали объ этой артели въ статьѣ своей „Ueber russiche Arbeitergenossenschaften", равно какъ ассистентъ извѣстнаго дѣятеля въ области организаціи благотворительныхъ учрежденій Prof. D-r Böhmert'a г. Эразмусъ, по его личному о томъ сообщенію, готовитъ спеціальную статью объ ярославской трудовой артели.

Въ настоящее время на пособіе, выданное отъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ попечительства о домахъ трудолюбія, рѣшено приступить къ постройкѣ новаго дома для второй артели трудовой помощи на станціи Вѣтка особой товарной вѣтви Московско-Ярославской желѣзной дороги, упирающейся въ берегъ Волги въ 4-хъ верстахъ отъ Ярославля. Мѣстность эта, очень населенная и оживленная, имѣетъ промышленныя заведенія и пристани на р. Волгѣ и предъявляетъ постоянно большой спросъ на рабочихъ при хорошей заработной платѣ.

Возникновеніе женскаго движенія на Востокѣ. Корреспондентъ „Новостей" изъ Дамаска сообщаетъ любопытные факты изъ области умственной жизни Востока.

„Одинъ изъ мусульманъ—судья въ Каирѣ, по имени Касымъ-бекъ, недавно написалъ книгу подъ заглавіемъ „Новая женщина", гдѣ весьма краснорѣчиво доказываетъ не только права женщины на равенство съ мужчиной, но указываетъ и на то громадное зло, которое принесла съ собой въ семитическую семью мусульманская религія, освятившая затворничество женщинъ. При этомъ Касымъ-бекъ неизбѣжно коснулся, хотя и весьма осторожно, несостоятельности мусульманства предъ современной наукой, общественными запросами и даже простымъ здравымъ разсудкомъ. Книга произвела громадное впечатлѣніе. Въ невѣжественной средѣ мусульманскихъ фанатиковъ—„ученыхъ" проснулась страшная озлобленность. Они зарылись въ священныя книги, впились въ Коранъ, чтобы набрать оттуда силъ для доказательства ложности мыслей судьи-безбожника. И вотъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ глубины пыльныхъ вороховъ мусульманскихъ

священныхъ книгъ раздался отвѣтный голосъ—вышла въ свѣтъ книга, въ самомъ заглавіи которой уже проглядываетъ худо скрываемое злобное раздраженіе. Книжка въ нѣсколько сотъ страницъ именуется „банкротство дьявола“, т. е. дьявола мысли Касымъ-бека, дьявола противорѣчія священнымъ правиламъ Корана... Но по ироніи судьбы въ ней-то и проявилось въ самомъ яркомъ свѣтѣ банкротство фанатичнаго ислама, банкротство дьявола невѣжества, банкротство книжной мудрости передъ простыми и ясными „не религіозными“ идеями книги Касымъ-бека.

Египетъ, находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ европейской мысли въ лицѣ англичанъ, началъ просыпаться отъ многовѣкового сна. При отсутствіи нетерпимой турецкой цензуры, нынѣшняя литература положила тамъ начало просвѣтительному движенію за освобожденіе женщины изъ тысячелѣтняго рабства, низведшаго ее на степень животнаго, вещи. Появился даже особый журналъ „Женщина въ Исламѣ“, поставившій себѣ цѣлью разработку женскаго вопроса въ мусульманскомъ мірѣ“.

Такимъ образомъ, англичане занимаются въ Африкѣ не одним только истребленіемъ буровъ, какъ то желательно было бы представить нашимъ англофобамъ, но и вносятъ свѣтъ науки и культуры въ такъ долго дремавшую мысль Востока.

Письма изъ провинціи.

Печальная школа.

(изъ Полтавской губерніи).

Допускаются ли еврейскія дѣти въ церковно-приходскія школы?

А если допускаются, то обязаны ли они изучать наравнѣ съ православными дѣтьми Законъ Божій? Уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Золотоношскаго уѣзда разрѣшаетъ принимать въ подвѣдомственныя ему школы мальчиковъ и дѣвочекъ еврейскаго происхожденія, но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дѣти изучали Законъ Божій, т. е. православныя молитвы, Ветхій и Новый Завѣтъ.

Въ извѣстной намъ церковно-приходской школѣ села Скориковки, Золотоношскаго уѣзда, еврейскія дѣти при выпускѣ подвергаются основательному экзамену по Закону Божію. Нечего и говорить, что юные богословы немилосердно искажаютъ Молитву Господню, „Достойно есть“, „Спаси, Господи, люди Твоя“ и др. молитвы, смыслъ которыхъ остается имъ не понятенъ.

Зачѣмъ же родители-евреи отдаютъ своихъ дѣтей въ церковно-приходскую школу? Очень просто—за чѣмъ: некуда отдавать больше. Изъ какой нибудь Скориковки хоть три года скачи, ни до какой школы не доскачешь. Скориковская же церковно-приходская школа очень стоитъ того, чтобы познакомиться съ ней поближе.

Завѣдывающимъ ею состоитъ священникъ о. Стефанъ Устимовичъ, въ распоряженіи котораго находятся два учителя — г. Евстафіевъ и г. Гречановскій. Священникъ о. Устимовичъ не имѣетъ надлежащаго образовательнаго ценза. Учитель Евстафіевъ числится „уволеннымъ изъ 2-го класса Переяславскаго духовнаго училища“. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ расписывается на вѣдомостяхъ, отправляемыхъ въ отдѣленіе. Будучи совершен-

нымъ профаномъ въ педагогическомъ дѣлѣ, онъ начинаетъ свои занятія съ неграмотными малышами сразу чтеніемъ псалтыри. Дѣти водятъ пальцами по непонятнымъ печатнымъ строчкамъ и подобно стародавнему Митрофанушкѣ Простакову усердно твердятъ:

„Азъ есмъ червь, а не человѣкъ...
А не человѣкъ...
Поношеніе человѣковъ...
Поношеніе человѣковъ...“

Черезъ нѣкоторое время дѣти настолько начинаютъ преуспѣвать, что, закрывши глаза, безъ книги могутъ „отхватать“ цѣлый псаломъ Давида пророка, но, увы, ни одной іоты (въ буквальномъ смыслѣ) они не обрящутъ въ книжкѣ, если спросить ихъ въ разбивку. Такъ, неграмотными остаются они до конца года, неграмотными переходятъ въ слѣдующее, второе, отдѣленіе. Всего учащихся 60 человѣкъ, и всѣ 3 отдѣленія ютятся въ тѣсной и душной комнаткѣ. Школьной библіотекой здѣсь называется нѣсколько экземпляровъ житій святыхъ, да двѣ тощихъ книжечки, трактующихъ „о вѣчности мученій“. Находились желающіе пополнить скудную библіотеку, но это имъ не удавалось. Мѣстный интеллигентъ (нѣкто Равичъ) попробовалъ было предложить 50 книгъ, одобренныхъ разными вѣдомствами и разрѣшенныхъ цензурой, но батюшка строго воспротивился раздачѣ, такъ какъ „книжки-де свѣтскаго содержанія“.

Въ учебныхъ же книгахъ и письменныхъ принадлежностяхъ въ Скориковской школѣ нужды не ощущается, такъ какъ изъ *отдѣленія* безплатно присылаются и учебники, и бумага, и перья, и карандаши.

Учители, находящіеся въ распоряженіи батюшки, въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суются, противъ рожна не прутъ и сору изъ избы не выносятъ. Главная причина—жалованье у нихъ очень маленькое: 80 рублей на брата въ годъ. Хорошо, что учителя нетребовательны. Они даже и за такую плату остаются весьма признательны. Изъ признательности одинъ изъ нихъ ведетъ своему начальнику-батюшкѣ разныя бумаги и очень четко и красиво переписываетъ на бѣло клировыя вѣдомости.

И. Орликъ.

Исторія учительскихъ собраній.

Изъ Шенкурскаго уѣзда Арх. г.

Учителя и учительницы какъ министерскихъ училищъ, такъ и церковно-приходскихъ школъ въ количествѣ около 10 человѣкъ, чтобы чаще видѣться и лучше проводить скучное въ уѣздѣ зимнее время, порѣшили собираться каждое воскресенье вмѣстѣ. Сказано-сдѣлано. Около Суландскаго училища, какъ центральнаго относительно разстоянія отъ другихъ, былъ устроенъ на общія суммы катокъ, и учащіе начали каждое воскресенье пріѣзжать кататься на конькахъ и, такимъ образомъ, пользовались самымъ необходимымъ для нихъ въ гигіеническомъ отношеніи развлеченіемъ; кромѣ того, на собраніяхъ учителя и учительницы устраивали пѣніе, танцы, дѣлились своими мыслями, впечатлѣніями, случаями изъ учительской практики, разсуждали о тѣхъ или другихъ учебныхъ пріемахъ и вообще о томъ, о чемъ говорятъ люди, связанные общими интересами. Учащіе собирались еще устраивать для крестьянъ народные безплатные спектакли и между собою чтенія. Но эта часть программы какъ-то плохо прививалась. Такимъ образомъ были организованы полезныя и крайне желательныя учительскія собранія, на которыя учащіе въ сельскихъ училищахъ съѣзжались отдохнуть душою послѣ недѣльнаго упорнаго труда и чтобы хотя нѣсколько разнообразить свою слишкомъ тяжелую трудовую и однообразную жизнь. Но учительскія собранія не были долговѣчны; они появились на свѣтъ Божій, должно быть, нѣсколькими десятками лѣтъ ранѣе для нашего захолустнаго уѣзда и потому обратили на себя излишнее вниманіе и возбудили подозрительные разговоры мѣстнаго духовенства. Сначала начали поговаривать, „что учителя ужъ очень часто съѣзжаются", „что слишкомъ много выписываютъ газетъ и журналовъ" и „вообще проявляютъ духъ свободомыслія". А вѣдь это уже пахнетъ чѣмъ то „нелегальнымъ". Сначала подобные разговоры были робки и не увѣренны и не заходили за предѣлы сплетенъ матушекъ, кумушекъ и прочей братіи. Но со временемъ они приняли эпидемическій характеръ. Вскорѣ организовалась даже „партія оппозиціи" учительскимъ собраніямъ, при чемъ въ „лидеры" „партіи" попалъ мѣстный о. благочинный. „Партія оппозиціи" и „лидеръ" не дремали. Они объявили кампанію и повели правильную аттаку противъ учительскихъ собраній съ цѣлью разстроить ихъ. Одинъ сельскій священникъ донесъ оффиціальной бумагой о. благочинному о существованіи въ его благочиніи „нелегальныхъ сборищъ". Это дало сильный толчекъ и подлило масла въ огонь. Всѣ члены „партіи" съ „лидеромъ" во главѣ заволно-

вались и, не щадя силъ иживота, принялись разрушать „опасныя для общественнаго порядка“ и „государственнаго спокойствія“ „нелегальныя сборища“. Отцы-завѣдующіе церковно-приходскими школами всѣми силами стремились воспрепятствовать церковнымъ учителямъ и учительницамъ посѣщать собранія, а министерскимъ учителямъ и учительницамъ то и дѣло посылались отовсюду совѣты, нерѣдко съ угрозами, прекратить всякія собранія во избѣжаніе худшихъ послѣдствій. Но эти орудія были недостаточны, чтобы сломить крѣпость сельскихъ учителей и учительницъ, отстаивающихъ свои человѣческія права. Тогда, „лидеръ оппозиціи“ и болѣе сильные изъ „партіи“ постарались выдвинуть противъ собраній тяжелую артиллерію въ видѣ учительскаго начальства: инспектора народныхъ училищъ Архангельской губерніи I района и уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ. „Тяжелая артиллерія“ оправдала возложенныя на нее надежды. Какъ инспекторъ, такъ и наблюдатель были вполнѣ солидарны съ „партіей“ въ вопросѣ „о нелегальности“ и „опасности“ учительскихъ собраній и потому, разъѣзжая по ревизіи, приказывали учителямъ и учительницамъ прекратить собранія, „чтобы уступить общественному мнѣнію и прослыть людьми благонадежными“ какъ выразился одинъ изъ „начальства“. Въ подтвержденіе своихъ словъ „начальство“ обѣщалось не замедлить разослать циркуляры, что вскорѣ и было исполнено имъ. Всѣ посѣщавшіе собранія учителя и учительницы министерскихъ училищъ получили изъ дирекціи народныхъ училищъ за № оффиціальную бумагу слѣдующаго содержанія:

„До свѣдѣнія моего дошло, что Вы: учитель Ровдинскаго училища, помощникъ Ровдинскаго учителя, учитель Верхнесуландскаго училища и учительницы Паденьгскаго, Суландскаго, Пуйскаго и Благовѣщенскаго сельскихъ общественныхъ училищъ, устраиваете въ Суландскомъ училищѣ собранія съ танцами, чтеніемъ книгъ, пѣніемъ и музыкой, и что въ этихъ собраніяхъ участвуютъ, между прочимъ, и лица, скомпрометтировавшія себя въ политическомъ отношеніи и состоящія подъ надзоромъ полиціи. Въ виду нелегальности такого рода собраній, на устройство которыхъ не испрошено надлежащаго разрѣшенія и которыя обратили на себя вниманіе мѣстной полиціи, я считаю долгомъ строжайше воспретить Вамъ всякое дальнѣйшее участіе въ означенныхъ собраніяхъ въ Суландскомъ училищѣ и другихъ подобнаго рода собраніяхъ, и предлагаю Вамъ прекратить всякое знакомство съ лицами, состоящими подъ надзоромъ полиціи.

Въ случаѣ неисполненія Вами этого моего распоряженія, Вы подвергнетесь строжайшей отвѣтственности. Директоръ нар. уч. Острогскій“.

„Тяжелая артиллерія“ возымѣла свое дѣйствіе: выпустивъ одну „грозную бомбу“, она разомъ покончила съ учительскими собраніями.

Учителямъ и учительницамъ пришлось хоронить свое дѣтище подъ звуки побѣдной трубы и торжествующіе крики „лидера оппозиціи“ и его „партіи“. Такъ исчезли съ лица земли, только что успѣвъ появиться на свѣтъ Божій, столь симпатичныя учительскія собранія, благодаря уѣзднымъ сплетнямъ, которыя въ данномъ случаѣ сыграли роль высшей инстанціи, откуда учительскому начальству было послано „предписаніе“, исполненное начальствомъ съ чиновничьей аккуратностью.

Подъ конецъ настоящей замѣтки не лишнее будетъ сказать два слова по поводу выше приведенной оффиціальной бумаги г. директора.

Почему г. директоръ считаетъ собранія нелегальными? Что незаконное видитъ онъ въ пѣніи, танцахъ, чтеніи книгъ, катаніи на конькахъ? Какое требуется разрѣшеніе на то, чтобы учителя пріѣзжали другъ къ другу или въ одно какое-либо училище въ гости и проводили въ невинныхъ удовольствіяхъ время? Вотъ рядъ вопросовъ, невольно возникающихъ при чтеніи бумаги г. директора.

Очевидно, въ данномъ случаѣ г. директоръ подражалъ „человѣку въ футлярѣ“, разсуждая: „что не разрѣшено закономъ, то, значитъ, запрещено имъ“. Иначе какъ бы онъ могъ разослать выше приведенный циркуляръ и испугаться одного слуха объ учительскихъ собраніяхъ, дающихъ г. директору ужасный намекъ „на коллективность и корпоративную солидарность“ и потому ставящихъ участниковъ собраній въ разрядъ „не благонамѣренныхъ“; а между тѣмъ на собраніяхъ ни разу не бывало лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, что можно подтвердить документально.

Можетъ быть, „человѣкъ въ футлярѣ“ иначе взглянулъ бы на дѣло, если бы учителя и учительницы каждый разъ, собираясь другъ къ другу въ гости, испрашивали предварительно у полиціи „надлежащее“ разрѣшеніе и приглашали на свои собранія полицейскихъ чиновъ, однимъ словомъ, если бы все было „по закону“. Тогда, можетъ быть, учителя не прослыли бы „неблагонадежными“.

Но учителя и учительницы были настолько „благонамѣренны“, что на собраніяхъ никакъ не могли организовать даже совмѣстныхъ чтеній, а, вмѣсто того, нерѣдко играли въ карты, да учились танцовать.

Какъ видите, совсѣмъ народъ „благонамѣренный“!

Сельскій учитель.

Просвѣтительныя струйки.

Письмо изъ Волоколамска.

За послѣдніе годы нашъ маленькій городокъ по примѣру другихъ провинціальныхъ городовъ сталъ проявлять себя въ просвѣтительномъ направленіи. Съ постройкой Московско-Виндавской дороги и съ появленіемъ въ городкѣ инженеровъ оживилъ свою дѣятельность мѣстный клубъ, гдѣ начали выписываться всѣ лучшіе толстые журналы и газеты, къ пользованію которыми была привлечена вся мѣстная интеллигенція; стали даваться время отъ времени спектакли. Мѣстное земство постановило улучшить учительскую библіотеку, ассигновавъ для этого ежегодно небольшую сумму, и устроило курсы для учителей. Курсы, помимо своего педагогическаго значенія, имѣли послѣдствіемъ то, что между учителями значительно оживилось общеніе, и они, съ цѣлью хоть нѣсколько улучшить свое матеріальное положеніе, организовали общество взаимопомощи. Для привлеченія средствъ въ это общество, осенью прошлаго года въ Волоколамскѣ былъ устроенъ концертъ, а на святкахъ учителями въ селѣ Яропольцѣ, въ помѣщеніи графа Чернышева-Крутикова, данъ былъ народный спектакль. Поставлены были: „Бѣдность не порокъ" А. Н. Островскаго и „Порченый" С. Т. Семенова *). Спектакль прошелъ съ такимъ успѣхомъ, что его рѣшили повторить въ гор. Волоколамскѣ. Кромѣ этого мѣстными жителями составилась изъ пожертвованій сумма для учрежденія народной читальни имени недавно умершаго уѣзднаго врача Дорошкевича. На это пожертвованіе отозвалось и земство и своимъ участіемъ поддержало учрежденіе читальни. Теперь только дѣло за открытіемъ ея, открытіе же замедляется по причинѣ запозданія разрѣшенія на него со стороны губернской администраціи. Но самымъ интереснымъ изо всѣхъ этихъ просвѣтительныхъ явленій для нашего городка можно считать учрежденіе и открытіе въ Волоколамскѣ музея школьныхъ наглядныхъ пособій, имени В. Ѳ. Юрковской.

Организовался музей, тоже какъ и читальня Дорошкевича, на частныя средства. И къ нему пришло на помощь земство, ассигновавъ для этого 200 рублей въ годъ изъ уѣздныхъ суммъ и около этого изъ губернскихъ. Было пожертвованіе и со стороны крестьянъ. Крестьяне деревни Манасеина и Горы собрали у себя 57 рублей, село Буйгородъ собрало 30 рублей.

*) Это уже второй спектакль, устраиваемый для народа учителями. Въ предъидущимъ году на масляницѣ, въ томъ же Ярополцѣ, были, разыграны двѣ піесы тѣхъ же авторовъ: „Не такъ живи какъ хочется" 1-го и „Чужой каравай" 2-го.

На эти небольшія средства музей и обставился и наполнился кое чѣмъ очень сносно. Въ немъ есть отдѣлы по физикѣ, зоологіи, батаникѣ, отдѣлъ географическій, отчасти художественный и др. Правда, содержаніе отдѣловъ не богато, но все таки есть кое чѣмъ хоть не много удовлетворить любознательный умъ.

10 февраля состоялось открытіе музея. Посѣтителей на первый разъ собралось 40 чел. взрослыхъ и 20 дѣтей. Въ этотъ день посѣтителямъ давались объясненія по тремъ таблицамъ Вольн. Экон. Общ. объ устройствѣ и отправленіяхъ человѣческаго тѣла. Слѣдующій разъ посѣтителей было взрослыхъ 14 и дѣтей 42. Объясненій назначено не было, но посѣтители просили показать изображеніе скелета и объяснить его. Въ третій разъ посѣтителей пришло: взрослыхъ 37, дѣтей 36. Объяснялось писчебумажное производство и книгопечатаніе, по картинамъ Эшмера. Просили показать микроскопъ, физическіе приборы и лейденскую банку. Нѣсколько человѣкъ просило произвести опытъ съ физическими приборами. Кромѣ этого спрашивали, гдѣ прочесть о смерчѣ, самумѣ и проч. Четвертый разъ взрослыхъ пришло 41, дѣтей 60. Въ этотъ разъ однимъ изъ посѣтителей пожертвовано пушечное ядро, найденное въ землѣ въ пригородной слободѣ, по всей вѣроятности, сохранившееся со временъ нашествія „литвы", какъ у насъ называютъ нашествіе польскихъ войскъ въ смутное время. Многіе спрашивали, когда же открывается читальня, которая должна находиться въ одномъ помѣщеніи съ музеемъ. Въ пятый разъ взрослыхъ было 29, дѣтей 40. По просьбѣ посѣтителей разсказано было о горахъ и явленіяхъ, происходящихъ съ ними и на нихъ. Шестой разъ, при 85 посѣтителяхъ взрослыхъ и 50 дѣтяхъ, производились опыты съ физическими приборами и давались объясненія о свойствахъ тѣлъ и нѣкоторыхъ законахъ гидростатики и аэростатики. Снова разсказано было о писчебумажномъ производствѣ.

Седьмой разъ музей былъ посѣщенъ женскимъ городскимъ училищемъ. Восьмой разъ посѣтителей было взрослыхъ 51, дѣтей 61. По желанію посѣтителей снова повторено было объясненіе картинъ писчебумажнаго производства и книгопечатанія. Девятый разъ взрослыхъ было 43, дѣтей 40. По таблицамъ Вольн. Эконом. Общ., Залѣсской и Лютца разсказывалось о млекопитающихъ животныхъ, ихъ отличительныхъ признакахъ и проч. Посѣтители просили объяснить теллурій, разсказать: о вулканахъ, отчего идетъ дождь. Спрашивали, когда будутъ объяснять о пчеловодствѣ. Одинъ изъ посѣтителей, разсматривавшій внимательно различные картины и предметы, сдѣлалъ такого рода замѣчаніе: „Вотъ какія штуки есть на землѣ, а мы то тутъ живемъ, ничего не видимъ". Въ десятый разъ при 14 посѣтителяхъ взрослыхъ и 21 дѣтей объясненій не было. Однимъ изъ посѣтителей пожертвованъ кусокъ малахита.

Всего въ теченіе мѣсяца музей былъ открытъ 10 разъ. Посѣтителей было, кромѣ учениць женскаго училища,—взрослыхъ 354, дѣтей 370. Это дѣятельность музея на мѣстѣ; кромѣ этого имъ направлены коллекція картинъ, цѣною каждая въ 30 рублей, въ уѣздъ въ 12 школьныхъ районовъ. Несомнѣнно, организація и дѣятельность музея принесетъ свои плоды и многіе изъ мѣстныхъ жителей получатъ чрезъ него то, что пока не могутъ дать имъ существующія народныя школы и библіотеки.

Имѣется у насъ въ городкѣ съ осени прошлаго года еще одно народно-просвѣтительное учрежденіе, эта чайная читальня попечительства о народной трезвости. Но дѣятельности этого учрежденія до другого письма.

Я. А—скій.

ХРОНИКА.

Отставка генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго.—Желѣзнодорожныя школы.—Нематеріальныя бѣдствія народныхъ учителей.—Праздникъ печати.—Н. Ф. Бунаковъ и педагогическіе курсы.—Жестокій читатель.—Древонасажденіе и антисемитизмъ.—Мелочи.

Наши читатели, безъ сомнѣнія, давно ужъ знаютъ изъ газетъ, что маститый П. С. Ванновскій оставилъ, по разстроенному здоровью, многотрудный и крайне отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія.

Какъ и надо было ожидать, это извѣстіе острой болью отозвалось въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ друзей просвѣщенія, такъ какъ за свое кратковременное управленіе министерствомъ П. С. Ванновскій сдѣлалъ для Россіи чрезвычайно много полезнаго. Уже одно то, что онъ безъ колебанія началъ разрывать ржавыя цѣпи классицизма, опутавшія наше несчастное юношество, и первый открыто осудилъ эту отжившую систему, создаетъ ему безспорное и неотъемлемое право на вниманіе исторіи.

Но это не одно, что сдѣлалъ П. С. Ванновскій. Его выдающаяся заслуга состоитъ, на нашъ взглядъ, еще въ томъ, что онъ съ удивительной смѣлостью и съ свойственной ему прямотой призналъ устарѣвшей всю нашу школьную систему отъ низа и до верха и всюду намѣчалъ реформы, желая обновить, очистить это ветхое зданіе и сдѣлать его доступнымъ притокамъ свѣжаго воздуха. Само собой разумѣется, что работа, лежавшая предъ П. С. Ванновскимъ, была исполинская, и неудивительно, что на первыхъ порахъ дѣятельность маститаго министра носила, такъ сказать, хирургическій характеръ: намѣчая новое и работая надъ нимъ безъ устали, онъ въ то же время отсѣкалъ старое, засохшее, загнившее, протухлое. Съ этого, конечно, и надо было начать, такъ какъ такое больное чадо, какъ наше просвѣщеніе, прежде всего и больше всего нуждалось въ ампу-

таціи. Но, какъ мы сію минуту сказали, дѣятельность П. С. Ванновскаго не ограничивалась однѣми ампутаціями, а носила несомнѣнно и творческій характеръ, по крайней мѣрѣ при немъ работа въ министерствѣ положительно кипѣла и реформы создавались одна за другой.

Это послѣднее обстоятельство нѣкоторые ставятъ въ упрекъ бывшему министру, доказывая, что школа не терпитъ крутыхъ перемѣнъ и что постепенность реформъ—лучшій залогъ ихъ успѣха. Помнится, это мнѣніе высказывала и одна изъ вертлявыхъ петербургскихъ газетъ. Но мы, признаться, не только не можемъ согласиться съ такимъ положеніемъ, но не въ состояніи даже понять его смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы говорилось, что школа не терпитъ необдуманныхъ перемѣнъ, что школа не терпитъ перемѣнъ, быстро слѣдующихъ одна за другою—тогда совсѣмъ иное дѣло: это можно понять и съ этимъ можно согласиться. Но вѣдь рѣчь идетъ просто о быстрой перемѣнѣ, и это не только затемняетъ вопросъ, но дѣлаетъ его безсмысленнымъ. Почему, скажите на милость, перемѣны должны совершаться медленно, если худое мѣняютъ на хорошее? И притомъ, что называется „быстрой“ перемѣной? Можно ли, напримѣръ, назвать „быстрой“ отмѣну классической системы, негодность которой доказывалась чуть ли не на пространствѣ четверти столѣтія? Если можно, то какой же срокъ прикажете считать не быстрымъ—сто, двѣсти лѣтъ? Но вѣдь школьная система не пальто, которое шьется дѣтямъ „на-выростъ“, и при такомъ счетѣ, когда за единицу времени принимается столѣтіе, можно вѣдь до такой степени обноситься, что люди будутъ пальцами тыкать.

Итакъ, быстрая перемѣна худого на хорошее, на нашъ взглядъ, очень желательна не только въ педагогическомъ, но и во всякомъ дѣлѣ. Чего бы, напримѣръ, лучше, если бы та же вертлявая газета, считающая семь пятницъ на недѣлѣ, взяла бы да вдругъ и отказалась отъ всѣхъ лишнихъ пятницъ. Какъ бы круто ни совершился этотъ переломъ, но смѣемъ увѣрить газету, что достоинство ея отъ такой реформы только выиграло бы. Дѣло, однако, не въ перемѣнчивой, какъ погода, газетѣ и какого бы мнѣнія ни придерживалась она о желательной медленности въ школьныхъ реформахъ, заслуга П. С. Ванновскаго оттого не уменьшится: русское общество всегда будетъ ему отъ души и глубоко благодарно за его кипучую, энергичную и неутомимую дѣятельность, которую не могли ослабить ни болѣзни, ни преклонный возрастъ маститаго министра.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что желѣзнодорожныя школы принадлежатъ къ числу наименѣе извѣстныхъ обществу. Онѣ живутъ какой-то особенной своеобразной жизнью, и наша печать, удѣляющая такъ много

вниманія школьному дѣлу, совсѣмъ проглядѣла этотъ чахлый ростокъ просвѣщенія, посаженный на желѣзнодорожныя деньги. А между тѣмъ при громадномъ и безостановочномъ развитіи нашей желѣзнодорожной сѣти, вопросъ о низшей школѣ, предназначенной для желѣзнодорожной мелкой сошки, пріобрѣтаетъ очень важное значеніе, такъ какъ на русскихъ дорогахъ служатъ сотни тысячъ людей и надо же имъ гдѣ-нибудь и какъ-нибудь обучать свою дѣтвору грамотѣ. Притомъ же особенность желѣзнодорожной эксплоатаціи, заставляющая громадный контингентъ служащихъ проживать на линіи, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, создаетъ спеціальныя затрудненія, которыхъ служащая мелкота не можетъ преодолѣть собственными силами. Поэтому, хотя желѣзныя дороги и носятъ названіе культурныхъ артерій, но въ желѣзнодорожномъ быту совсѣмъ не рѣдкость встрѣтить безграмотныхъ дѣтей у грамотныхъ отцовъ: какой-нибудь стрѣлочникъ, ремонтный рабочій, составитель поѣздовъ и прочая мелкая сошка, заброшенная волею начальства на глухую станцію, силою вещей должна оставлять своихъ дѣтей безграмотными, такъ какъ на станціи своей школы нѣтъ, а ближайшее село отстоитъ на 50—100 верстъ.

Казалось бы, что при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ желѣзнодорожная администрація должна бы подумать о своихъ служащихъ и не закрывать имъ доступа къ просвѣщенію, такъ какъ затрудненіе подобнаго рода нельзя же назвать непреоборимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы наши дороги положили за правило на каждыя 50—70 верстъ протяженія рельсоваго пути основывать хотя бы миніатюрную школу, то вопросъ о грамотности дѣтей служащихъ былъ бы вполнѣ разрѣшенъ: дѣти могли бы съ утренними поѣздами ѣздить въ ближайшую отъ нихъ школу, а съ вечерними или дневными возвращаться домой. Содержаніе такихъ школъ, полагая на школу даже 500 руб., при общемъ протяженіи дороги въ 1000 верстъ обошлось бы въ 10 тысячъ рублей въ годъ. Сумма совершенно ничтожная, если принять во вниманіе колоссальность нашихъ желѣзнодорожныхъ бюджетовъ.

Но если бы даже допустить, что желѣзныя дороги не обязаны тратить деньги на просвѣщеніе своихъ служащихъ (чего и закоренѣлые желѣзнодорожные администраторы не допускаютъ), то и тогда было бы чрезвычайно легко выкроить изъ бюджета каждой дороги сумму, необходимую на школьную сѣть, такъ какъ въ смѣтахъ всѣхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ имѣются непроизводительные расходы.

У насъ не рѣдкость встрѣтить, что дорога, протяженіемъ болѣе чѣмъ въ 1000 верстъ, при 10—15 тысячахъ служащихъ (считая и рабочихъ) и при 5 милліонахъ чистаго дохода, отпускаетъ на школы какую-нибудь тысченку, т. е. почти столько же, сколько тратитъ на какой-нибудь коверъ въ каби-

нетѣ начальника дороги и во всякомъ случаѣ въ десять разъ меньше, чѣмъ на отдѣлку начальническаго вагонъ-салона, устраиваемаго съ царственной роскошью.

Хотя эти пожеланія наши касательно устройства желѣзнодорожныхъ школъ сами по себѣ чрезвычайно просты и со стороны логики не встрѣчаютъ, повидимому, никакихъ затрудненій, но на практикѣ дѣло пошло совсѣмъ по другому пути и нѣкоторые желѣзнодорожные администраторы подходятъ къ рѣшенію школьнаго вопроса совсѣмъ съ другой стороны. Такъ, напримѣръ, начальникъ московско-курской, нижегородской и муромской дорогъ недавно издалъ приказъ „о привлеченіи служащихъ на дорогахъ къ участію въ расходахъ по содержанію начальныхъ школъ для дѣтей желѣзнодорожныхъ служащихъ“ въ размѣрѣ 1 проц. съ получаемаго содержанія.

Этотъ приказъ достопримѣчателенъ во всѣхъ отношеніяхъ и является очень яркимъ образчикомъ желѣзнодорожнаго помпадурства. Прежде всего, съ юридической стороны обложеніе служащихъ налогами, хотя бы и на просвѣтительную цѣль, едва ли законно: всякіе налоги могутъ проводиться въ жизнь только компетентной властью и въ порядкѣ, установленномъ закономъ,—начальникъ же дороги въ данномъ случаѣ не можетъ разсматриваться какъ лицо компетентное и уполномоченное закономъ. Затѣмъ и самый налогъ очень грѣшитъ противъ здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, платить его будутъ и лица, получающія приличные оклады, и лица, получающія гроши. Но первые въ правѣ спросить: съ какой стати мы будемъ платить на содержаніе школы, въ которой никогда не будутъ учиться наши дѣти, и почему платить должны именно мы, служащіе, а не дорога? Вторыя же, получающія гроши, просто не будутъ въ состояніи платить ничего, такъ какъ въ ихъ бюджетѣ на счету не только всякій рубль, но всякій гривенникъ. Войдите, въ самомъ дѣлѣ, въ положеніе какой-нибудь барьерной сторожки, получающей 48 руб. въ годъ—можетъ ли она, при такомъ доходѣ, поддерживать еще отечественное просвѣщеніе? Вѣдь тутъ и собственную жизнь очень мудрено поддержать.

Такимъ образомъ, мысль начальника московско-курской дороги на практикѣ должна встрѣтить справедливыя нареканія и мы, съ своей стороны, можемъ только пожелать, чтобы она какъ можно скорѣе провалилась, такъ какъ насаждать школьное просвѣщеніе надо другими способами. Вотъ если бы дороги, отказавшись отъ системы субсидій, выдаваемыхъ теперь министерскимъ и церковно-приходскимъ школамъ, сами завели свои школы и добились бы того, чтобы расходъ на школьную сѣть вошелъ оффиціальнымъ порядкомъ въ смѣту,—тогда другое дѣло, тогда можно было бы сказать, что просвѣтительные интересы колоссальной арміи желѣзнодорожныхъ служащихъ дѣйствительно оберегаются. Въ заключеніе два слова о нынѣш-

немъ порядкѣ воспособленія министерскимъ и церковно-приходскимъ школамъ. Этотъ порядокъ требуетъ серьезныхъ измѣненій. Прежде всего ненормально, что дорога, выдавая субсидіи тѣмъ школамъ, гдѣ воспитываются дѣти служащихъ, не пользуется правомъ наблюдать, какимъ образомъ расходуются ея деньги. Вся ея роль сводится къ уплатѣ денегъ, а прочее все остается внѣ ея компетенціи. Отсюда порождается масса недоразумѣній: дорога ассигновала субсидію на одну школу, а то вѣдомство, которому пересылается субсидія, даетъ деньги другой школѣ или дѣлитъ субсидію на нѣсколько частей между тремя-четырьмя школами. Въ конечномъ результатѣ возникаетъ, разумѣется, ожесточенная переписка: учитель бомбардируетъ желѣзнодорожную администрацію письмами, докладными записками и рапортами, спрашивая, какимъ образомъ могло случиться, что онъ не получаетъ ни копѣйки на ввѣренную ему школу, тогда какъ по смѣтѣ ассигновано столько то рублей. Администрація же дороги, „не входя въ разсмотрѣніе дѣла по существу, имѣетъ честь увѣдомить“, что это не ея дѣло. Другой недостатокъ системы субсидій состоитъ въ слѣдующемъ. Нынче на желѣзныхъ дорогахъ въ большой модѣ такъ называемыя „церкви-школы“: ихъ назначеніе—удовлетворять въ одно и то же время и религіозныя и просвѣтительныя потребности. Церкви-школы сооружаются, разумѣется, по иниціативѣ епархіальной власти, которая обыкновенно добивается усиленныхъ субсидій отъ желѣзныхъ дорогъ. Но такъ какъ сооруженіе храма само по себѣ очень дорого, то экономію стараются наверстать при постройкѣ школы. Оттого сплошь и рядомъ бываетъ, что при благолѣпномъ храмѣ торчитъ мизерная школка, которая не можетъ вмѣстить и половины желающихъ въ ней учиться и которая положительно нищенски обставлена въ отношеніи школьной мебели, школьныхъ пособій и пр.

Конечно, сооруженіе храма — великое дѣло. Но было бы очень желательно, чтобы одно другому не мѣшало, тѣмъ болѣе, что для этого нужно только считаться съ психологіей желѣзнодорожника, чего епархіальныя власти (въ силу понятной ревности въ храмостроительномъ дѣлѣ) не дѣлаютъ. Онѣ сплошь и рядомъ изнурятъ желѣзнодорожника просьбами о воспособленіи на построеніе храма, такъ что, когда дѣло доходитъ до школы, желѣзнодорожникъ становится на дыбы и ворчитъ:

— Что въ самомъ дѣлѣ такое: просили колокола—далъ, просили иконостасъ—далъ, просили старыхъ шпалъ для дома причетнику—далъ, просили досокъ, рельсъ, камня — далъ. А теперь еще на школу требуютъ. Ну, это ужъ извините, господа почтенные.

Наше газетное человѣчество чрезвычайно охотно говоритъ о бѣдственномъ матеріальномъ положеніи сельскихъ учителей, но гораздо рѣже останавливается на бѣдствіяхъ не-матеріальнаго характера и на той все возрастающей личной зависимости учителя отъ различнаго рода наблюдателей, которая теперь замѣчается рѣшительно повсюду. Учитель живетъ какъ бы подъ стеклянным колпакомъ и каждый его шагъ, каждое движеніе на виду и на учетѣ. Это бы, разумѣется, еще не бѣда (мало ли что можно вытерпѣть?) но дѣло въ томъ, что наблюдатели, добровольные и недобровольные, дѣйствуютъ совершенно вразбродъ и не руководствуются никакими опредѣленными правилами и принципами, которые направляли бы наблюдающее око въ благопотребную сторону, не позволяя ему разбрасываться зря. Хочешь наблюдать—наблюдай, но только дай себѣ, по крайней мѣрѣ, трудъ понять, чего собственно ты хочешь, къ чему стремишься и чего добиваешься. А то выходитъ какая то „наблюдательная" черезполосица: одинъ наблюдаетъ, чтобы учителя не катались на конькахъ, другой надзираетъ, чтобы учителя не пѣли и не танцовали, третій слѣдитъ, чтобы не ходили другъ къ другу въ гости, четвертый смотритъ, чтобы учителя поменьше читали. Словомъ, у каждаго своя программа и свои требованія. А есть и такіе, которые, какъ деревенскій староста у Успенскаго, даже не знаютъ, въ чемъ дѣло, но тѣмъ не менѣе велятъ „посматривать":

— „Соваться не суйся, а посматривай!"

Въ концѣ концовъ на этой почвѣ безсистемнаго наблюденія выростаютъ безчисленные конфликты, и жизнь учителя превращается въ сплошной адъ. Не зная, чего отъ него хотятъ, онъ мало-по-малу начинаетъ бояться всего и совершенно забываетъ, что на свѣтѣ существуетъ писанный законъ, который регулируетъ его поведеніе и въ извѣстныхъ случаяхъ даетъ ему защиту и гарантію. Въ свою очередь, и наблюдатели окончательно забыли о существованіи устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и каждый изъ нихъ создаетъ свой уставъ и притомъ всегда въ отмѣну дѣйствующаго.

Вотъ вамъ для образца шенкурскій уставъ учительскаго благочинія. Мѣстные прозорливцы замѣтили, что учителя министерскихъ и церковно-приходскихъ школъ по воскреснымъ днямъ собираются другъ къ другу въ гости, человѣкъ по 5—8. Тотчасъ же изъ этого „факта" создали какую-то уголовщину: явилось и недозволенное „сборище", и „скопъ" и „нелегальныя развлеченія" и пр., полетѣли бумаги, появились статьи въ газетахъ („Сѣв. Край", „Нижегор. Лист." и др.).

— Что вы дѣлаете на этихъ нечестивыхъ сборищахъ?—строго допрашивало одну юную просвѣтительницу народа мѣстное око.

— Что дѣлаемъ? Читаемъ, поемъ, танцуемъ, готовимся къ народному

спектаклю,—отвѣтила беззаботная насчетъ внутренней политики народная просвѣтительница.

— Бѣса тѣшите сатанинскими скаканіями. А читаете что? Можетъ быть, того... не дозволенное?

Просвѣтительница протестуетъ.

Допросъ продолжается...

— Вотъ что, чадо,—наконецъ изрекло око,—отыди отъ зла и сотвори благо. Непристойно вамъ ходить туда... Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста. Не ходите вы на эти собранія.

Собранія продолжались.

Въ городъ полетѣла „бумажка“ о недозволенныхъ сборищахъ учителей.

Событія пошли форсированнымъ маршемъ.

— Изволите собираться по воскресеньямъ?—допрашивали робкаго душою учителя другого училища.

— Да, собираемся!

— Пѣть и танцовать?

— Пѣть и танцовать.

— И почитываете?

Голосъ допрашивающаго упалъ на октаву ниже.

— И по... почитываемъ,—заикнулся учитель, почувствовавшій въ голосѣ собесѣдника недобрыя нотки.

— А еще что дѣлаете?

Учитель въ это время старался выпрямить подгибавшіяся колѣни, но они не слушались.

— Р... рроли учимъ къ народному спектаклю,—неожиданно для самого себя выпрямляясь, почти прошепталъ учитель. У него ужъ зубъ на зубъ не попадалъ.

— Прекратить! Сейчасъ же прекратить! Это нелегальныя сборища... Иначе васъ въ 24 часа уволю и безъ прошенія.

У учителя и ноги подкосились. Собранія какъ вѣтромъ разнесло. („Нижегор. Лист.“).

Примѣръ шенкурскихъ учителей (а такіе примѣры встрѣчаются рѣшительно повсемѣстно) наглядно показываетъ, что учителя въ нашей провинціи ведутъ какое-то полулегальное существованіе. Не то, чтобы они совсѣмъ были лишены правъ состоянія, но около этого: захотѣлъ танцовать—спросись, захотѣлъ пѣть—спросись, вздумалъ у себя въ домѣ просвистать мотивъ „Маргарита, бойся увлеченья“—опять спросись, идешь въ гости—скажись куда, надолго ли и по какой собственно надобности. Словомъ, каждый учитель долженъ руководствоваться не столько писанными законами Рос-

сійской Имперіи, сколько уставомъ щедринскаго Прудентова, и особенно первымъ параграфомъ этого устава: „Всякій, желающій имѣть разговоръ или собесѣдованіе у себя на дому, или въ иномъ мѣстѣ, обязывается наканунѣ дать о семъ знать, куда слѣдуетъ, съ приложеніемъ программы вопросовъ и отвѣтовъ и по полученіи на сіе разрѣшенія, вызвавъ необходимое для разговора лицо, привести намѣреніе свое въ исполненіе“.

Какъ на чей взглядъ, а мы думаемъ, что въ сравненіи съ этими моральными бѣдствіями, бѣдствія матеріальнаго характера могутъ показаться блаженствомъ, ибо что такое въ концѣ-концовъ хлѣбъ насущный: сегодня вы не поѣли—завтра поѣдите, а вотъ если за „Маргариту“, которую вамъ вздумается просвистать, напишутъ бумагу и докажутъ, что вы свищете съ явнымъ намѣреніемъ тѣшить бѣса—тутъ ужъ слуга покорный! Нѣтъ, лучше ужъ вдвое, втрое, вдесятеро уменьшите нашъ учительскій паекъ, но, сдѣлайте милость, „Маргариту“ не троньте!

Представьте себѣ, читатель, что въ какомъ-нибудь Александринскомъ театрѣ должно состояться чрезвычайное торжество, ну хотя бы столѣтній юбилей россійскаго искусства. Объ этомъ торжествѣ идутъ толки, разговоры, дебаты. Но когда день празднества приближается, театральный суфлеръ, реквизиторъ, парикмахеръ и старшій капельдинеръ соединяются вмѣстѣ и составляютъ коллективное письмо всѣмъ актерамъ:

„Милостивые Государи,
Господа служители музъ!

Такъ какъ въ недалекомъ будущемъ предстоитъ юбилей святого искусства, которому всѣ мы, вмѣстѣ съ Вами, служимъ, и такъ какъ сами Вы не имѣете возможности испечь даже именииннаго пирога, то позвольте хлопоты объ этомъ пирогѣ взять на себя намъ, Вашимъ ближайшимъ coll̃eg'амъ по искусству, дабы тѣмъ почтить нашу дорогую Мельпомену и ознаменовать ея поступательное движеніе впередъ.

Къ изложенному долгомъ считаемъ присовокупить, что на устраиваемый нами праздникъ представители Вашей корпораціи могутъ приходить безъ стѣсненія и въ такомъ количествѣ, какъ сами того пожелаютъ. Мы же съ своей стороны просимъ принять увѣреніе, что не будемъ дѣлать никакой разницы между парикмахеромъ и актеромъ, хотя бы даже играющимъ вторыя роли“.

Не правда ли, что, получивъ такое письмо, актеры имѣли бы полное основаніе пожать плечами и расхохотаться.

А между тѣмъ точь-въ-точь въ такое же положеніе попали редакціи петербургскихъ періодическихъ изданій, получившія приглашеніе участвовать въ двухсотлѣтнемъ юбилеѣ русской печати. Приглашеніе исходило отъ об-

ществъ Библіографическаго, Библіологическаго, отъ Общества Печатнаго Дѣла и другихъ разныхъ обществъ. Согласитесь, что какъ ни почтенны сами по себѣ всѣ эти общества, но къ періодической печати они имѣютъ такое же отношеніе, какъ суфлеръ, реквизиторъ и пр. къ театральному искусству. Отнюдь не болѣе, а можетъ быть даже и менѣе, потому что безъ библіографическаго общества періодическая печать не умретъ, а безъ реквизитора и суфлера, пожалуй, и играть нельзя.

Наряду съ прочими редакціями, получили приглашеніе и мы, и изъ чувства любопытства посѣтили совмѣстное засѣданіе перечисленныхъ обществъ, на которомъ шли разсужденія на тему о томъ, въ какой мѣрѣ представители печати могутъ участвовать въ праздникѣ печати.

Собраніе состоялось въ залѣ „Краснаго Креста“, но сколько мы ни присматривались, а такъ-таки и не могли замѣтить среди пришедшихъ ни единаго писателя. По комнатамъ расхаживали какіе-то очень почтенные, но никому невѣдомые люди, оглядывавшіе всѣхъ съ чувствомъ благожелательнаго покровительства.

Чтобы хоть нѣсколько оріентироваться въ этомъ незнакомомъ обществѣ, мы стали спрашивать у сосѣдей:

— Скажите, кто этотъ высокій господинъ?

— А кто его знаетъ.

— А этотъ сѣдой?

— Это г. Прибытковъ, издатель „Ребуса“.

— Тотъ самый, который имѣетъ загробныхъ корреспондентовъ?

— Тотъ самый.

— А этотъ тучный старичекъ?

— Этотъ издаетъ какой-то журнальчикъ объ уходѣ за домашней птицей.

— А этотъ, его сосѣдъ?

— Этотъ тоже издаетъ журнальчикъ о болѣзняхъ растеній.

Въ такомъ родѣ были всѣ отвѣты, пока въ залъ не вошелъ счастливый обладатель „Биржевыхъ Вѣдомостей“ г. Проплеръ. При его появленіи сосѣдъ нашъ быстро повернулся и спросилъ.

— Ну, этого-то, конечно, знаете?

— Еще-бы!

Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя, въ которой высказывалось пожеланіе, чтобы печать приняла участіе въ торжествѣ, такъ какъ, въ сущности, это ея праздникъ и чтобы теперь же были намѣчены члены организаціоннаго комитета, въ который должны войти и писатели. Затѣмъ начались дебаты по вопросу о количествѣ этихъ писателей, причемъ „уходъ за домашней птицей“ нѣсколько пополемизировалъ съ „болѣзнями расте-

ній": „уходъ" говорилъ, что писателей надо бы избрать человѣкъ десять, а „болѣзни" доказывали, что будетъ достаточно и девяти. Впрочемъ, эта полемика сама собой погасла, какъ только поднялся съ мѣста и попросилъ слова въ высшей степени маститый г. Проппѳръ. Всѣ, натурально, замерли, а мы больше всѣхъ, такъ какъ ранѣе того намъ ни разу не доводилось слышать, какъ говоритъ издатель самой распространенной газеты. Должны, впрочемъ, сознаться откровенно, что maître Пропперъ превзошелъ даже наши смѣлыя ожиданія. Что онъ говорилъ—никто путемъ не разобралъ (да и нельзя было разобрать), достовѣрно извѣстно даже, что ничего явно дурного и завѣдомо неприличнаго онъ не произнесъ. Но тѣмъ не менѣе, какъ только г. Пропперъ кончилъ, всѣ переглянулись и сконфузились,—всѣ, кромѣ самого г-на Проппера, который не подождалъ даже, пока остынетъ впечатлѣніе отъ его первой рѣчи, и приступилъ ко второй. Но и на этотъ разъ никто путемъ не разобралъ, что такое говорилъ г. Пропперъ, хотя всѣ опять переглянулись и сконфузились.

Мы рѣшительно затрудняемся угадать причины этого общаго конфуза. Но, вѣроятно, всѣмъ было неловко видѣть человѣка, усѣвшагося въ чужія сани. А, можетъ быть, собравшіеся просто пожалѣли бѣдную русскую печать, которую г. Пропперъ взялъ подъ свою высокую руку и устраиваетъ ей праздникъ. Какъ бы то ни было, а это чувство конфуза не проходило впродолженіе всего вечера, тѣмъ болѣе, что г. Пропперъ вслѣдъ за второй рѣчью сказалъ третью и принялся было за четвертую. Мы, впрочемъ, не нашли въ себѣ присутствія духа дослушать всѣ эти рѣчи до конца и оставили залъ засѣданія. Впослѣдствіи, уже изъ газетъ, стало извѣстно, что на собраніи все таки были выбраны какіе-то делегаты отъ печати. Но затѣмъ на общемъ собраніи кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ этихъ делегатовъ упразднили, и писатели, такимъ образомъ, пришли наконецъ къ благополучному рѣшенію несчастнаго вопроса о юбилеѣ печати, постановивъ, что, не зная намѣреній соединенныхъ обществъ, желающихъ праздноватъ юбилей печати, они, писатели, не считаютъ возможнымъ принять приглашеніе этихъ обществъ.

Въ 1900 году, въ Одессѣ подъ руководствомъ талантливаго и чрезвычайно популярнаго педагога Н. Ф. Бунакова происходили педагогическіе курсы, которые обратили на себя вниманіе особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Особый отдѣлъ остался недоволенъ курсами и призналъ ихъ организованными и веденными несогласно съ установленными правилами 5 августа 1875 г. по слѣдующимъ соображеніямъ.

Во-первыхъ, курсы велись въ зданіи одесской городской аудиторіи, въ то время какъ, по § 10 правилъ, курсы открываются при учительской се-

минаріи или при какомъ-либо иномъ учебномъ заведеніи. Во-вторыхъ, число слушателей на курсахъ было крайне велико, достигая 500 человѣкъ, при чемъ, кромѣ штатныхъ курсистовъ, допущены были учителя и учительницы не только изъ различныхъ мѣстностей херсонской губерніи, но и изъ другихъ губерній. Въ-третьихъ, вопреки § 24 правилъ, требующему лишь живой бесѣды руководителя со слушателями, были чтенія въ формѣ докладовъ. Въ-четвертыхъ, цѣль курсовъ, какъ гласитъ § 1 правилъ, — ознакомленіе учителей начальныхъ училищъ съ лучшими способами обученія, обновленіе и пополненіе ихъ свѣдѣній въ преподаваемыхъ ими предметахъ и вообще усовершенствованіе въ дѣлѣ веденія начальнаго обученія, но не бесѣды и лекціи по общеобразовательнымъ предметамъ. На означенныхъ же курсахъ особый отдѣлъ комитета констатируетъ слишкомъ большое увлеченіе въ сторону вопросовъ, главнымъ образомъ, о воспитательно-образовательныхъ средствахъ воздѣйствія на ученика въ ущербъ первой и прямой задачѣ школы—научить его. Руководитель курсовъ, открывая таковыя, въ своей вступительной рѣчи, отмѣтивъ большое значеніе и широкое примѣненіе въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ психологіи и логики, подчеркнулъ, что въ своихъ занятіяхъ онъ остановится не на внѣшней сторонѣ, не на техникѣ обученія, а на „человѣческой сторонѣ обученія“ (т. е. на вопросахъ примѣненія психологіи и логики въ дѣлѣ воспитанія) и на его соотвѣтствіи съ общими задачами народной школы.

Тотъ же руководитель, какъ отмѣчаетъ особый отдѣлъ ученаго комитета, при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ училищевѣдѣнія затрагивалъ и такія стороны, которыя не входятъ въ сферу компетентности педагогическихъ курсовъ, какъ напр., попытка практическаго разрѣшенія вопроса объ улучшеніи матеріальнаго быта учителей основаніемъ общества взаимопомощи, объ увеличеніи размѣровъ и сокращеніи сроковъ эмеритуры для учащихъ лицъ, о правѣ пользоваться земскими лошадьми и т. п.

Далѣе обращено вниманіе на допущеніе къ обсужденію на курсахъ такихъ предметовъ, какъ проектъ устава майскаго союза охраненія птицъ, доклады о наградахъ и наказаніяхъ въ начальной и средней школѣ, уроки фотографіи для курсистовъ, обученіе грамотѣ взрослыхъ, сообщеніе, сдѣланное статистикомъ Бориневичемъ о важности статистики и о пріемахъ собиранія статистическихъ данныхъ, etc.

При такомъ уклоненіи отъ правилъ 1875 года особый отдѣлъ ученаго комитета призналъ неподдающеюся точному опредѣленію и успѣшность самихъ занятій на курсахъ учителей начальныхъ школъ. Съ этимъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета согласился и г. министръ народнаго просвѣщенія. („Од. Нов.“).

Эта комитетская оцѣнка вызвала со стороны Н. Ф. Бунакова обстоя-

тельный отвѣтъ, напечатанный въ „Од. Нов.“. Отвѣтъ имѣетъ принципіальное значеніе, такъ-какъ даетъ понятіе о тѣхъ рамкахъ, въ которыя поставлены педагогическіе курсы, и потому мы познакомимъ нашихъ читателей и съ основными положеніями Н. Ф. Бунакова.

Указывая, что онъ, дѣйствительно, нашелъ необходимымъ нѣсколько отступить отъ правилъ 75-го года, почтенный педагогъ замѣчаетъ:

„Не я виноватъ, что жизнь не стоитъ 25 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, что за четверть вѣка наша русская народная школа съ ея учительствомъ много выросла и предъявляетъ требованія, которыя уже не удовлетворяются отжившими свое время (да и вообще неудачными) правилами. „Всякому овощу свое время“.

Къ этому необходимо добавить, что упрекъ особаго отдѣла, въ сущности говоря, былъ обращенъ не по адресу, такъ какъ Н. Ф. Бунаковъ, выходя изъ рамокъ, намѣченныхъ правилами, дѣйствовалъ закономѣрно: расширеніе программы ему было разрѣшено подлежащимъ начальствомъ.

„Къ счастью, говоритъ онъ,—курсы въ Одессѣ были разрѣшены учебнымъ начальствомъ на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ велись курсы въ Херсонѣ, происходившіе подъ моимъ руководствомъ въ 1899 г., т. е. безъ точнаго выполненія сказанныхъ правилъ, какъ это очевидно изъ моего печатнаго отчета о херсонскихъ курсахъ, изданнаго херсонскимъ губернскимъ земствомъ. Я и велъ одесскіе курсы согласно съ такимъ разрѣшеніемъ и съ дѣйствительными потребностями мѣстной школы и мѣстнаго учительства, исполняя возложенное на меня дѣло съ возможною добросовѣстностью, съ одушевленіемъ и съ большою затратой силъ (вѣдь я былъ единственнымъ руководителемъ на курсахъ)“.

Еще большее недоумѣніе вызываетъ второй упрекъ особаго отдѣла: Н. Ф. Бунакову было поставлено въ вину, что онъ въ качествѣ руководителя курсовъ увлекался вопросами о воспитательно-образовательныхъ средствахъ воздѣйствія на учениковъ. Это уже совсѣмъ непонятно, такъ какъ воспитаніе и образованіе составляютъ какъ разъ ту цѣль, которую долженъ преслѣдовать всякій педагогъ, а руководитель педагоговъ, собравшихся на съѣздъ, въ особенности. Н. Ф. Бунаковъ такъ и понимаетъ это дѣло.

„Хотя это высказано въ видѣ упрека по моему адресу, но я по совѣсти,—говоритъ Н. Ф.,—принимаю такой упрекъ за лестную и, можетъ-быть, преувеличенную похвалу. Дѣло въ томъ, что никакое увлеченіе въ сказанную сторону у насъ не можетъ быть названо „слишкомъ большимъ“: едва ли можно сомнѣваться, что главною задачей хорошо поставленной народной школы должно быть именно „воспитательно-образовательное“ воздѣйствіе на учащихся, которое у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ долго упускалось изъ вида, а ужъ никакъ не простая выучка грамотѣ и счету.

Но и упражненія въ учительской техникѣ вовсе не отсутствовали на одесскихъ курсахъ: во временной школѣ была проработана съ дѣтьми довольно полная и законченная программа и дано было 68 уроковъ (изъ нихъ 30 мною), которые обстоятельно обсуждались и разбирались. Все это подробно изложено въ моемъ напечатанномъ отчетѣ, изданномъ херсонской губернской земской управой, но, къ сожалѣнію, упреки по моему адресу опираются не на мой, а на какой то другой отчетъ. Такъ велось дѣло и на херсонскихъ курсахъ 1899 года, да и на всѣхъ, какими мнѣ приходилось руководить".

Подписчики русскихъ газетъ и журналовъ принадлежатъ къ числу тѣхъ загадочныхъ существъ, поведенія которыхъ никакъ нельзя предусмотрѣть заранѣе: когда нужно чихнуть—они почешутся, когда нужно почесаться—они чихнутъ. Взять хотя бы вопросъ о возвратѣ подписныхъ денегъ въ случаѣ крушенія изданія. Каждый годъ предпріимчивые издатели, строящіе свой успѣхъ на рекламѣ и беззастѣнчивости, забираютъ подписки и прекращаютъ изданія—и публика молчитъ, или по крайней мѣрѣ не подымаетъ исторій. Но та же публика въ другихъ случаяхъ готова лѣзть на стѣну, защищая свои подписные рубли, и печатать въ газетахъ бранныя письма, направленныя не по адресу. Вотъ вамъ образчикъ. Одинъ изъ подписчиковъ пріостановленнаго на 8 м. „Приднѣпровскаго Края" обнародовалъ въ „Вѣстникѣ Юга" слѣдующій документъ:

„Издателемъ газеты г. Копыловымъ высылается, взамѣнъ прекращеннаго „Приднѣпр. Края", бывшій „Екатер. Лист. Объявл.", стоящій 4 р. въ годъ. При чемъ издатель объявилъ намъ, подписчикамъ, что не желающіе получать „Листокъ" могутъ заявить о томъ, и имъ по возобновленіи, черезъ 8 мѣсяцевъ, будетъ высылаться „Приднѣпр. Край" безплатно.

„Страннымъ является однако то обстоятельство, что о возвратѣ денегъ нежелающимъ получать „Листокъ" или дожидаться возобновленія „Приднѣпр. Края"—не говорится ни слова. Какъ бы выяснить всю эту механику? Подписываясь на „Приднѣпр. Край", я имѣлъ въ виду получать газету, руководимую редакціей извѣстнаго мнѣ направленія. Кто же теперь будетъ вести возобновленный черезъ 8 мѣсяцевъ „Приднѣпр. Край"—я не знаю, а ожидать 8 мѣсяцевъ выясненія всего этого не желаю".

Каждый пишущій человѣкъ, несомнѣнно, съ болью въ сердцѣ прочитаетъ это грубое и жестокое письмо, и каждому оно напомнитъ знаменитыя слова:

„Народъ деньги платитъ,
Смѣяться хочетъ онъ"...

Насъ же, сверхъ того, это письмо наводитъ па грустныя размышленія, такъ какъ лишній разъ подчеркиваетъ, что писатель въ глазахъ заурядного читателя не что иное, какъ таинственный незнакомецъ. Этотъ незнакомецъ какъ-то тамъ пишетъ, какая-то тамъ цензура за нимъ наблюдаетъ, кое-что вычеркиваетъ, кое-что пропускаетъ, и въ результатѣ получаются газеты, журналы, книги. Но настоящаго интереса къ печатному дѣлу у нашихъ читателей еще нѣтъ. И притомъ не только у читателей-простецовъ, но и у интеллигентовъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, случалось очень много разъ видѣть людей образованныхъ, которые, однако, понятія не имѣли о предѣлахъ правъ отечественной печати и поражали даже редакціонныхъ сторожей своей невѣроятной наивностью на этотъ счетъ.

Придетъ такой интеллигентъ въ редакцію и только изумляется да ахаетъ:

— Какъ, вы и объ *этомъ* пишете? а цензура? Неужто позволяетъ? Вотъ не думалъ!

— А почему вы вотъ объ *этомъ* не пишете? Нельзя? А за границей такъ много на этотъ счетъ говорятъ? И пойдетъ, и пойдетъ! Но всѣ вопросы его поражаютъ васъ незнаніемъ истиннаго положенія дѣла, вы видите передъ собой прекраснаго иностранца, который своей наивностью заставляетъ ухмыляться редакціоннаго сторожа: сторожъ въ сравненіи съ нимъ настоящій законовѣдъ, хотя и изучавшій право эмпирическимъ путемъ. Такая легкомысленная наивность и *нежеланіе* знать условій литературнаго труда невольно возмущаетъ всякаго пишущаго человѣка. Такъ и хочется сказать такому легкокрылому интеллигенту:

— Что же это, сударь: въ университетѣ ты учился и даже два факультета окончилъ, за-границу ты ѣздилъ, всѣхъ тамошнихъ мадоннъ осмотрѣлъ, знаешь всѣ чужеземныя достопримѣчательности, а цензурнаго устава и не нюхалъ?

Кто бы могъ подумать, что на почвѣ школьнаго древонасажденія можетъ произрастать антисемитизмъ? А между тѣмъ газеты отмѣтили и такой случай. Онъ произошелъ въ городѣ Гроднѣ. Задумавши устроить древонасажденіе, гродненцы пригласили на торжество всѣхъ школьниковъ и школьницъ, безъ различія возраста и національностей. Но когда дѣти пришли и построились въ ряды, то послѣдовало приказаніе, чтобы гимназистки— еврейки расходились по домамъ, такъ какъ-де въ древонасажденіи могутъ участвовать только христіане. Еврейки и ушли.

Мы не будемъ разрѣшать вопроса, почему этихъ бѣдныхъ дѣвочекъ не предупредили заранѣе, что ихъ національность служитъ препятствіемъ къ

древонасажденію. Не будемъ также разбирать вопроса, за что ихъ публично обидѣли и въ какой мѣрѣ древонасажденію можно придавать значеніе религіознаго обряда. Но не можемъ не отмѣтить, что случай этотъ, уже обошедшій всѣ газеты, засталъ врасплохъ даже наше, видавшее виды, общество. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ, въ сущности, и сказать то ничего нельзя, а можно лишь развести руками да развѣ еще сгорѣть со стыда за гг. гродненцевъ, которые до такой степени не имутъ срама.

Въ Одесскихъ газетахъ сообщается распоряженіе мѣстнаго попечителя учебнаго округа, касающееся реформы гимназій и реальныхъ училищъ. Распоряженіемъ этимъ директоры среднихъ учебныхъ заведеній приглашаются дать отчетъ о характерѣ введенныхъ при П. С. Ванновскомъ преобразованій и указать, какъ эти преобразованія отразились на ходѣ учебныхъ занятій и проч. Всѣ эти данныя съ заключеніемъ попечительнаго совѣта будутъ представлены въ министерство народнаго просвѣщенія и послужатъ матеріаломъ въ трудахъ особой коммиссіи, которая займется пересмотромъ положеній о средней школѣ. Въ составъ этой коммиссіи войдутъ представители и отъ одесскаго учебнаго округа въ лицѣ одного директора гимназіи и директора реальнаго училища. Коммиссія эта будетъ образована въ непродолжительномъ времени и будетъ открыта управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія („Од. Нов.“).

Имѣется ли основаніе считать Сводъ Законовъ Россійской имперіи книгой, дозволенной для народа? Такой вопросъ возникъ, по словамъ сотрудника „Нижег. Л.“, г. Протопопова, въ одной народной читальнѣ, гдѣ со стороны посѣтителей начали поступать требованія на законы.

„Одному нужно заглянуть въ X томъ, другому интересно справиться съ уложеніемъ о наказаніяхъ, третьему необходимъ XIV томъ, четвертому—мировой уставъ, и т. д.

Завѣдующіе читальней призадумались и собрались на совѣщаніе съ наблюдающими за читальней.

— Посѣтители требуютъ Законы. Можно ли купить и выдавать эти книги?

— Посмотримъ въ каталогѣ книгъ, разрѣшенныхъ въ читальняхъ.

— Въ каталогѣ о Законахъ ничего не сказано.

— Въ читальняхъ можно выдавать только разрѣшенное каталогомъ. Законы не указаны, значитъ—ихъ нельзя выдавать.

— Позвольте, но вѣдь въ Законахъ же есть статья—никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ Законовъ.

— А все-таки въ каталогѣ о Законахъ не упомянуто.

— Но по здравому смыслу...

— Мы должны точно держаться каталога.

Толковали, толковали и рѣшили Законы допустить.

Рѣшили въ видѣ исключенія рискнуть отступленіемъ отъ каталога".

Опубликовано Высочайше утвержденное 1-го апрѣля положеніе о церковныхъ школахъ православнаго исповѣданія.

Церковныя школы по новому положенію дѣлятся на двѣ группы: школы начальныя и учительскія. Къ начальнымъ относятся школы грамоты и церковно-приходскія—одноклассныя, двуклассныя и воскресныя (для дѣтей и взрослыхъ), а къ учительскимъ—второклассныя школы и церковно-учительскія. Точно указанъ въ новомъ положеніи и курсъ обученія во всѣхъ этихъ школахъ и образовательный цензъ учащихъ. Ограничиваясь въ школѣ грамоты обученіемъ начаткамъ Закона Божія, чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариѳметики и церковному пѣнію съ голоса, въ церковно-учительскихъ школахъ курсъ расширяется до преподаванія математики, церковной и гражданской исторіи, дидактики и далѣе. Ограничиваясь скромными требованіями образовательнаго ценза желающихъ быть учителями школъ грамоты, положеніе постепенно повышаетъ эти требованія для посвящающихъ себя педагогической дѣятельности въ другихъ церковныхъ школахъ.

Вознагражденія учащимъ установлены соотвѣтствующія ихъ труду и условіямъ сельской жизни. Старшему учителю въ церковно-приходской школѣ опредѣлено вознагражденіе въ 540 руб. въ годъ, учителямъ второклассныхъ школъ въ 480 руб., за преподаваніе пѣнія 200 руб., учителю пѣнія и музыки въ церковно-учительской школѣ — 600 руб. въ годъ, учителю общеобразовательныхъ предметовъ въ этой же школѣ 900 руб. въ годъ, завѣдующему второклассной школой—360 руб., а церковно-учительской 1,500 руб. Послѣдній окладъ соотвѣтствуетъ жалованью инспектора духовной семинаріи. Примѣнительно къ жалованью назначены учащимъ и пенсіи.

Учителя и попечители всѣхъ церковныхъ школъ, а также воспитанники учительскихъ школъ, какъ во время прохожденія курса, такъ и по окончаніи его, освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній. Окончившіе курсъ учительскихъ школъ, за успѣшное исполненіе въ теченіе двѣнадцати лѣтъ обязанностей учителя начальныхъ школъ, возводятся въ званіе личнаго почетнаго гражданина. Двуклассныя церковно-приходскія и учительскія школы,

въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, причисляются ко второму разряду учебныхъ заведеній, а одноклассныя церковно-приходскія школы—къ третьему разряду. Воспитанникамъ, не окончившимъ полнаго курса въ двуклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, предоставляются права по отбыванію воинской повинности окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ третьяго разряда, а учительскихъ школъ — права, принадлежавшія имъ до поступленія въ эти школы. Поступленіе на службу въ войска по вынутому жребію отсрочивается воспитанникамъ церковно-учительскихъ школъ для окончанія образованія, въ случаѣ заявленія ими о томъ желанія, до достиженія 22 лѣтъ отъ роду.

Новымъ положеніемъ разграничены вѣдомства св. синода и министерства народнаго просвѣщенія по организаціи и управленію начальнымъ народнымъ образованіемъ въ Имперіи и точно опредѣлены права и обязанности завѣдующихъ начальными школами въ томъ и другомъ вѣдомствѣ и ихъ взаимныя отношенія. Условія и порядокъ открытія начальныхъ народныхъ училищъ обоихъ вѣдомствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже находится такія школы, опредѣляются правилами, установленными оберъ-прокуроромъ св. синода и министромъ народнаго просвѣщенія по взаимному соглашенію. („Бирж. Вѣд.").

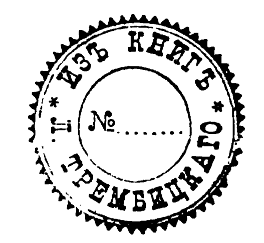
Общество защиты несчастныхъ женщинъ въ Казани задалось прекрасной цѣлью изучить положеніе ученицъ въ женскихъ мастерскихъ и образовало особую коммиссію для собиранія матеріала на мѣстѣ приложенія труда ученицъ.

Коммиссія отнеслась къ своему дѣлу серьезно и собрала значительный матеріалъ, который служитъ новымъ и очень убѣдительнымъ доказательствомъ полной негодности нашего ремесленнаго устава съ одной стороны, и необходимости института ремесленныхъ инспектриссъ съ другой. По словамъ „Волжск. Вѣстн.", собранный матеріалъ свидѣтельствуетъ, что ученицы, вопреки прямому указанію ремесленнаго устава, несутъ обязанности домашней прислуги своихъ хозяевъ; что ученицы, вопреки тому же уставу, подвергаются побоямъ и истязаніямъ, сверхъ силъ обременяются работой и нерѣдко продаются хозяевами для цѣлей разврата.

„Стат. 431 рем. уст. о рабочемъ днѣ въ ремесленныхъ заведеніяхъ не соблюдается, и не только взрослые, но и ученики работаютъ гораздо больше нормы, какъ захочетъ хозяинъ. Ремесленная управа на такія нарушенія закона не обращаетъ вниманія. Когда бываетъ жалоба со стороны хозяевъ на служащихъ, она составляетъ протоколы и возбуждаетъ судебныя дѣла, когда же жалуется на хозяина подмастерье или ученикъ — она старается

склонить стороны къ миру. Вообще, какъ состоящая изъ хозяевъ мастерскихъ, ремесл. управа печется только о хозяйскихъ интересахъ и совершенно игнорируетъ интересы служащихъ и работающихъ въ мастерскихъ".

Уже изъ этого сухого отчета коммиссіи можно безошибочно заключить, что представляетъ собой нашъ ремесленный уставъ, написанный еще во времена plusquamperfectum. Помимо своей юридической негодности, онъ отличается еще тѣмъ, что ни одна статья его не носитъ строго обязательнаго характера, такъ что на практикѣ онъ, въ сущности говоря, никогда не существовалъ и былъ замѣненъ усмотрѣніемъ хозяевъ мастерскихъ при самомъ своемъ появленіи.

Критика и библіографія.

Полуживотное. Романъ Елены Белау. Перев. Н. Дадоновой. Изд. подъ ред. А. Вербицкой. Выпускъ I. М. 1902 г. Ц. 80 к. 173 стр.

Положеніе переводной литературы до сихъ поръ у насъ очень плачевно. Огромное большинство иностранныхъ книгъ, появляющихся на русскомъ языкѣ, переводятся и издаются людьми, которые не имѣютъ ничего общаго съ литературой и преслѣдуютъ свои, совершенно посторонния ей, ремесленныя и коммерческія цѣли. Поэтому нельзя не привѣтствовать начинанія г-жи Вербицкой, предполагающей выпустить цѣлый рядъ изданій съ опредѣленнымъ выборомъ и подъ своею отвѣтственностью за переводъ. При выборѣ художественныхъ произведеній для своего изданія, она хочетъ руководствоваться, какъ сказано въ предисловіи, „ихъ идейнымъ содержаніемъ, существеннымъ элементомъ котораго является критическое отношеніе къ нравамъ и традиціямъ западной буржуазіи“ Первая, предложенная г-жей Вербицкой, книга какъ нельзя лучше отвѣчаетъ этой цѣли. Романъ Елены Белау посвященъ женскому вопросу, стоящему въ тѣсной, неразрывной связи съ обще-соціальнымъ вопросомъ нашего времени. Онъ рисуетъ намъ первое пробужденіе нѣмецкой женщины, до сихъ поръ находившейся на очень низкой ступени развитія и совершенно удаленной отъ участія въ обще-человѣческой жизни.

Отрывочными, но талантливыми штрихами авторъ сразу набрасываетъ передъ нами яркую картину жизни современной нѣмецкой семьи, въ которой жестокій принципъ раздѣленія труда между ея членами доведенъ до уродливой крайности и, благодаря этому, между душевнымъ міромъ мужчины и женщины образовалась непроходимая пропасть. Глава описываемой семьи, прославленный писатель Фрей, какъ и большинство такихъ quasi-интеллигентныхъ мужчинъ въ Германіи, относится къ женщинѣ съ величайшимъ презрѣніемъ. Искать себѣ въ ней подругу по уму и сердцу показалось бы ему дикимъ. Онъ женился только затѣмъ, чтобы имѣть даровую экономку, хозяйку, кухарку, и не пожертвовалъ для этого ни одной каплей свободы. Вся его жизнь протекала внѣ семьи; онъ

возвращался домой лишь затѣмъ, чтобы выспаться и переодѣться; возвращался всегда съ нескрываемымъ отвращеніемъ и брезгливостью и еще возмущался, что домашніе не раздѣляютъ его восторговъ, испытанныхъ имъ тамъ, въ блестящемъ мірѣ, откуда онъ вернулся.

И она его покорно слушала, какъ существо, совершенно отрѣшившееся отъ собственныхъ чувствъ, представленій и желаній. А между тѣмъ, г-жа Фрей совсѣмъ не была глупа, а только „забита, замучена", по вѣрному замѣчанію ея дочери Мари. Душа ея умерла отъ безпрерывнаго униженія и пренебреженія со стороны мужа.

Мари повторила судьбу своей матери, выйдя замужъ за знаменитаго художника Генри Менгерсена, относившагося къ женщинамъ съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и писатель Фрей. Онъ шелъ даже дальше Фрея. Находя, что на женщинахъ лежитъ только одна „обязанность—исполнять физіологическія функціи", онъ умышленно, безъ тѣни чувства, женился на „бархатной обезьянкѣ" Мари, не имѣвшей съ нимъ ничего общаго. Онъ отстранилъ руку любившей его Изольды (сестры Мари), которая ему нравилась, одарена была аналогичнымъ ему артистическимъ темпераментомъ и боготворила его искусство. „Зачѣмъ мнѣ интересная жена?—спрашивалъ онъ съ откровеннымъ цинизмомъ:—къ тому же еще съ артистическимъ вкусомъ, чувствительная, впечатлительная и Богъ знаетъ еще что! нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ!.." Можно себѣ представить, что ожидало слабосильную „обезьянку" Мари въ союзѣ съ такимъ человѣкомъ! Однако, повторивъ участь своей матери, Мари подчинилась ей далеко не безропотно. Она глубоко страдала, горячо возмущалась своимъ унизительнымъ положеніемъ, жаловалась сестрѣ и даже пыталась объявить мужу открытую войну. Но въ самой Мари было слишкомъ мало данныхъ для ея побѣды, и потому изъ завязавшейся между нею и мужемъ борьбы ничего не вышло. Генри хладнокровно указалъ женѣ „ея мѣсто", и обезсилѣвшая Мари только глубоко вздохнула и затѣмъ „вся ушла въ дѣтей".

Не такова была ея сестра, Изольда, гордая, смѣлая и свободная, „какъ горный ключъ". Чуткая, нѣжная и самоотверженная—*истинно-женственная*, она какъ будто самой судьбой была предназначена для того, чтобы выполнить основное назначеніе женщины; но она не унаслѣдовала ни одной капли той рабской покорности мужчинѣ, которую женщины культивировали въ себѣ впродолженіи многихъ вѣковъ, и потому прошла мимо всѣхъ радостей, связанныхъ съ любовью и материнствомъ. Она органически была неспособна поступаться своей личностью.

— Попробовалъ бы кто-нибудь,—съ задоромъ думала она, глядя на жизнь сестры:—поймать меня, запереть, обладать моей красотой, состояніемъ и при этомъ помыкать мною, какъ ему заблагоразсудится! какъ бы не такъ!

Участь матери и сестры и собственная затаенная обида заставили Изольду глубоко задуматься надъ положеніемъ женщины и сдѣлали ее горячей сторонницей женскаго освобожденія.

— Пусть вопросъ объ освобожденіи женщины забьетъ внезапно, какъ могучій ключъ, который долго былъ заваленъ мусоромъ и, наконецъ, пробился!—мечтала она во время засѣданія женскаго конгресса.—Расправьте, какъ насѣдки, свои большія крылья! Устройте для молодой, сильной женщины гнѣздо! Безъ единой искры презрѣнія въ вашихъ глазахъ, позвольте молодой женщинѣ въ неприкосновенной чистотѣ назвать ребенка своимъ собственнымъ. Ребенокъ и трудъ! Дайте имъ *работу, отъ которой расширяется душа, и ребенка, который будетъ радовать имъ сердце.* — Изольда не требуетъ отъ женщинъ, чтобы онѣ уклонялись отъ своего назначенія и уродовали свою природу, но она приглашаетъ ихъ пользоваться жизненными радостями за свой страхъ, независимо отъ мужчины, и даже отвергая его въ томъ случаѣ, если онъ окажется неспособнымъ взглянуть на женщину, какъ на равноправнаго товарища. *Подготовьтесь къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, прокормить себя и своихъ дѣтей собственными силами!* - вотъ тотъ выводъ, который вытекаетъ изъ мыслей Изольды. Отказавшись, въ силу сложившихся обстоятельствъ, отъ всѣхъ радостей въ своей личной жизни, она была глубоко несчастна и неудовлетворена. Но поступать иначе она не могла. Какъ ни были дороги и необходимы ей эти радости, она была неспособна поступиться для нихъ собственнымъ *я*. Въ этомъ — ея особенность, въ этомъ—преимущество *новой* женщины передъ ея предшественницами и ея значеніе.

Когда Генри, видя, какъ Изольда томится одиночествомъ, нанесъ ей еще одно оскорбленіе—сдѣлалъ попытку овладѣть ею силой, она схватила револьверъ и, не колеблясь, выстрѣлила въ нѣкогда любимаго человѣка, съ крикомъ возмущенія:—какъ собаку! Минуту спустя она стояла уже передъ его трупомъ совершенно спокойная и холодная, безъ тѣни раскаянія, „словно совершила простой актъ правосудія“.

Какъ видитъ читатель, романъ нѣмецкой писательницы представляетъ несомнѣнный интересъ; къ тому же онъ написанъ прекраснымъ поэтическимъ языкомъ, не пострадавшимъ въ переводѣ, и потому читается очень легко.

Е. Колтоновская.

Сочиненія графа П. И. Капниста. 2 т. Москва, 1901. Стр. 257 231+148+578. Цѣна 3 р.

Графъ Петръ Ивановичъ Капнистъ представляетъ рѣдкій примѣръ поэта, почти вовсе не печатавшаго своихъ произведеній при жизни, не смотря на то, что лица, которымъ онъ читалъ свои стихи, находили ихъ прекрасными. Но самъ поэтъ былъ того мнѣнія, что его стихи никому не нужны, а если они имѣютъ какое-нибудь достоинство, то будутъ напечатаны и оцѣнены послѣ его смерти. Причиною такого воздержанія отъ печатанія стихотвореній была не одна скромность поэта, но и нежеланіе выступать публично съ произве-

деніями искусства для искусства въ то время, когда даже къ Фету русская критика относилась крайне неблагосклонно. А. Фетъ для гр. Капниста былъ „большой звѣздой", дающей свѣтъ „меньшимъ планетамъ", къ которымъ причислялъ себя и нашъ поэтъ.

Вскорѣ послѣ смерти гр. Капниста его родственники приступили къ изданію его поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій. Въ настоящее время напечатаны его стихотворенія, хотя не всѣ, драмы, а также критическія и публицистическія статьи. Кромѣ того, къ первому тому приложены обширныя, мѣстами наивныя, а мѣстами очень интересныя, воспоминанія дочери покойнаго поэта, содержащія матеріалы для его біографіи и характеристики.

Кромѣ воспоминаній графини Ины Капнистъ, въ I томѣ напечатаны лирическія стихотворенія гр. Капниста, отличающіяся, по мнѣнію его дочери, яркимъ и звучнымъ стихомъ, простотою и художественностью слога, ясными и глубокими основными мыслями, но, на самомъ дѣлѣ, не представляющія ничего особенно выдающагося по сравненію съ произведеніями другихъ поэтовъ чистаго искусства. Общій тонъ этихъ стихотвореній—пессимистическій.

Кромѣ произведеній чистаго искусства, есть у Капниста и стихотворенія публицистическаго и даже обличительнаго характера, въ которыхъ раскрываются его политическіе взгляды. Такъ, въ 1848 году онъ сочувственно относится къ возстанію венгерцевъ и привѣтствуетъ „великій часъ... народовъ вольности и міра возрожденья", Австрію же называетъ „страной измѣнъ", „орудьемъ палача", „убійцею свободы" (I, 170). Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ Капнистъ писалъ сатирическія стихотворенія чисто-некрасовскаго пошиба. Вотъ, напримѣръ:

Петербургская мелодія.

Много жертвъ легло въ работѣ,
Строя городъ на болотѣ,
Въ испареньяхъ тины грязной!
Но погибла ихъ забота:
И въ дворцахъ столицы праздной—
Жизни пошлой, безобразной,
Пахнетъ старое болото!

Кромѣ того, у Капниста есть нападки на земство, нигилистовъ, на Дарвина, на Академію Наукъ, наполненную иностранцами и выбирающую въ почетные члены не за ученыя заслуги, а за высокое положеніе въ администраціи (см. стихотвореніе „Суллукъ", I, 208) и т. д.

Вообще, нашъ поклонникъ чистаго искусства въ области поэзіи и либералъ въ области иностранной политики былъ консерваторомъ и даже реакціонеромъ въ вопросахъ внутренней политики. Онъ сочувственно отнесся къ освобожденію крестьянъ, но вскорѣ явился защитникомъ „охранительныхъ началъ" и сотрудникомъ ультра-дворянской „Вѣсти". Особенно былъ недоволенъ гр. Капнистъ ослабленіемъ при императорѣ Александрѣ II роли дворянскаго со-

словія. Въ 1897 году, незадолго до своей смерти, онъ написалъ записку о дворянствѣ, въ которой рѣзко высказывается противъ „разжиженія“ дворянскаго сословія дослужившимися до извѣстнаго чина и ордена чиновниками. Для поддержанія дворянскаго сословія Капнистъ предложилъ ограничить, насколько возможно, доступъ въ его среду, предоставить дворянамъ „льготу дарового обученія“ во всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, дать дворянству „значеніе *руководящаго* начала въ дѣлѣ насущной потребности всѣхъ сословій и тѣмъ самымъ упрочить въ глазахъ всего народонаселенія уваженіе, довѣріе и симпатію къ доблести, къ просвѣщенію и благонамѣренности дворянства“.

Сочувствіе Капниста къ народу не подлежитъ сомнѣнію. Между прочимъ, оно выразилось въ неоконченной трагедіи „Стенька-Разинъ“. Самъ Некрасовъ подвергся со стороны гр. Капниста рѣзкому упреку за недостатокъ любви и уваженія къ русскому народу. „Ни одинъ заклятый врагъ нашего народа—говоритъ онъ—никогда не бросалъ въ него съ такой злостью и съ такимъ полнѣйшимъ презрѣніемъ грязью и обидой, какъ позволилъ себѣ это, къ истинному сожалѣнію, г. Некрасовъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ
Дрался,—тебѣ и книги въ руки“...

Такимъ образомъ, въ душѣ гр. Капниста уживались симпатіи и къ носителямъ дворянской идеи, и къ Разину, представителю „голытьбы“. Но въ душѣ поэта уживались и не такія противорѣчія. Поклонникъ чистаго искусства, независимаго отъ вліяній мѣста, времени и среды, онъ въ то же время высоко цѣнитъ поэзію Некрасова и самъ пишетъ не только сатиры, но и цѣлыя трагедіи, гдѣ въ угоду своимъ тенденціямъ не останавливается передъ искаженіемъ исторической дѣйствительности. Врагъ большинства модныхъ вѣяній и направленій шестидесятыхъ годовъ, онъ является въ то же время однимъ изъ самыхъ крайнихъ поборниковъ женской эмансипаціи. „Мы предвидимъ въ будущемъ, можетъ быть, недалекомъ—писалъ онъ въ 1895 году во французскомъ журналѣ „Revue des femmes russes“—реабилитацію женщины, ея освобожденіе отъ традиціонной несправедливости. Тогда женщина займетъ мѣсто, котораго она достойна, на ряду съ мужчиной: *въ религіи* она не будетъ считаться только твореніемъ изъ ребра Адама, существомъ низшаго разряда; *въ государствѣ* она займетъ мѣсто, ей подходящее, по ея личному, врожденному призванію, будь это призваніе законодателя, полководца, администратора (какъ мы уже встрѣчали нѣсколько рѣдкихъ примѣровъ); *въ гражданской жизни* она возьметъ тѣ же права, которыми пользуется мужчина, и тогда исчезнетъ постыдный предразсудокъ о безполезности старой дѣвы,—о ея безцѣльномъ существованіи; *въ экономической сферѣ* она получитъ широкую долю дѣятельности на поприщѣ сельскаго хозяйства, торговли, промышленности. Науки и художества станутъ ея достояніемъ. И эта будущность воздастся ей за жалкое прошлое существованіе, исключительно, въ

качествѣ рабочей, механической силы и предмета чувственности или дѣторожденія". „Однако, оговаривается гр. Капнистъ—было бы желательно, чтобы въ своей новой, высшей долѣ женщина не только не потеряла, но еще болѣе упрочила, силой свѣтлаго сознанія, врожденные и присущіе ея природѣ дары: изящество, женственность и драгоцѣнныя сокровища ея сердца".

Во второмъ томѣ сочиненій гр. Капниста, кромѣ трагедій и мелкихъ замѣтокъ, напечатана составленная по оффиціальному порученію большая статья: „Очеркъ направленія русской лирической поэзіи съ 1854 по 1864 годъ включительно". Очень характерна сдѣланная авторомъ этого обзора классификація тогдашнихъ русскихъ поэтовъ. Всѣ они распредѣлены на три группы: 1) „поэты, слѣдовавшіе теоріи свободнаго искусства", 2) „поэты, развивавшіе сперва туманные пріемы нѣмецкаго романтизма, а потомъ усвоившіе себѣ теоріи французскаго соціализма", и 3) „поэты, предметы пѣснопѣній которыхъ суть по преимуществу народъ и разные общественные вопросы". Ко второй группѣ отнесены Огаревъ, Аполлонъ Григорьевъ и Плещеевъ. Поэты третьей группы, въ свою очередь, раздѣляются на 1) славянофиловъ, 2) обличителей, 3) „перелагателей соціализма и пауперизма на русскіе нравы" и 4) „нигилистовъ, эпиграмматистовъ и пасквилистовъ". При этомъ къ третьей подгруппѣ отнесены Некрасовъ, Никитинъ, Вс. Крестовскій, В. Костомаровъ и М. Михайловъ, а къ четвертой—Добролюбовъ, Панаевъ и Минаевъ. Добролюбова гр. Капнистъ аттестуетъ, „представителемъ нигилизма въ нашей критикѣ" и вообще считаетъ его дѣятельность крайне вредной. „Добролюбовъ—по его мнѣнію—не видѣлъ впереди никакого идеала, но стремился только заклеймить презрѣніемъ и отрицаніемъ существующій порядокъ, не предлагая взамѣнъ ничего яснаго. Подъ вліяніемъ его *нигилистическаго* и мертвящаго разочарованія, подъ обаяніемъ его замѣчательнаго таланта, литература наша окончательно отшатнулась отъ своего прямого назначенія и стала служить политической и соціалистической пропагандѣ". Это враждебное отношеніе къ Добролюбову у Капниста соединялось съ глубокимъ уваженіемъ къ Грановскому, Бѣлинскому и Некрасову. Подобно Тургеневу, гр. Капнистъ ставилъ Бѣлинскаго въ примѣръ его послѣдователямъ и жалѣлъ о томъ времени, когда „во главѣ критики былъ такой цѣнитель и горячій блюститель и стражъ искусства, какъ Бѣлинскій", который „не безъ колкостей, не безъ ядовитости, но все-же съ достоинствомъ, безъ злорадства, выводилъ изъ недостатковъ принципы въ назиданіе юнымъ поэтамъ". „Бѣлинскій—говоритъ гр. Капнистъ дальше—доказалъ, что одно изъ самыхъ благородныхъ и высокихъ призваній критика заключается въ томъ, чтобы понять поэта, открыть его, объяснить его и поставить на подобающее ему мѣсто". Отсутствіе такого критика въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ и было едва ли не главною причиной нежеланія гр. Капниста печатать свои произведенія.

С. Ашевскій.

Максъ Нордау. Новые пародоксы. Перевела Э. Ф. Зауэръ. СПБ. 1902. XXIV+305 стр. Цѣна 75 к. Изданiе Ф. Павленкова.

Парадоксомъ называютъ такое утвержденiе, которое противорѣчитъ установившимся, ходячимъ понятiямъ. Когда говорятъ, что данное мнѣнiе парадоксально, то этимъ вовсе не желаютъ сказать, чтобы это мнѣнiе было вѣрно или не вѣрно,—говорятъ только, что это мнѣнiе не согласно съ ходячими взглядами.

Высказывая какую либо совершенно новую мысль, человѣку весьма рѣдко удается не только найти ей вполнѣ точное выраженiе, но и самому себѣ точно ее выяснить. Поэтому, въ громадномъ большинствѣ парадоксовъ, даже и содержащихъ въ себѣ какую либо истину, заключаются и извѣстные ошибочные взгляды, уклоняющiеся отъ истины обыкновенно въ другую сторону, чѣмъ общепризнанные взгляды по тому же вопросу.

Способность не ограничиваться повторенiемъ и пережевыванiемъ избитыхъ истинъ, конечно, сама по себѣ весьма цѣнна. Безъ этой способности человѣчество не далеко бы ушло. Къ тому же парадоксы, которые человѣкъ высказываетъ въ разговорѣ или въ книгѣ, обыкновенно оживляютъ и разговоръ, и книгу, заставляя и собесѣдника и читателя задумываться надъ новыми, не приходившими ему въ голову положенiями, которымъ за содержащуюся въ нихъ крупицу новой вѣрной мысли охотно прощаютъ и односторонность ихъ, и ошибочность въ той или другой части. Зная это, многiе весьма падки на парадоксы; погоня за парадоксами и вымучиванiе ихъ изъ себя являются довольно распространеннымъ видомъ пошлости, равно противной и утомительной и въ разговорѣ, и въ книгѣ.

Настоящая книга М. Нордау написана довольно легко и, не смотря на свое заглавiе, какъ бы обязывающее ее къ тому, не слишкомъ грѣшитъ стремленiемъ во что бы то ни стало сказать что либо неожиданное. Но иногда и въ ней видно стремленiе автора озадачить читателя какимъ либо совершенно неожиданнымъ выводомъ, и тутъ авторъ договаривается, и безъ всякой притомъ нужды, до явныхъ абсурдовъ.

Такъ напр., отмѣтивъ, что въ настоящее время голосъ повременной печати зачастую принимается за выраженiе общественнаго мнѣнiя, М. Нордау вполнѣ резонно указываетъ на невѣрность такого взгляда и на тѣ опасности, которыми онъ грозитъ. Затѣмъ Нордау задается вопросомъ, какимъ образомъ устроить такъ, чтобы сужденiя повременной печати дѣйствительно выражали общественное мнѣнiе страны. Для этого онъ предлагаетъ слѣдующiй планъ: „отъ редактора газеты слѣдовало бы требовать предъявленiя разрѣшенiя,—но не соизволенiя правительственнаго учрежденiя, а полномочiя нацiи. Слѣдовало бы юридически установить, чтобы кандидатъ, ходатайствующiй о редакторскомъ полномочiи..., предсталъ передъ согражданами и требовалъ отъ нихъ выбора въ редакторы. Выборы должны были бы происходить по большинству голосовъ правоспособныхъ избирателей. Журналистъ, запасшiйся пол-

номочіемъ, имѣлъ бы право писать все, что пожелаетъ... Полномочіе было бы дѣйствительно для административнаго округа, главнымъ пунктомъ котораго оно выдано, слѣдовательно для всей страны, если его выдало столичное населеніе;.. журналистъ фактически имѣлъ бы право говорить отъ имени общества. Тогда бы печать дѣйствительно стала... законнымъ органомъ общественнаго мнѣнія" (стр. 271—272).

Неужели отъ того, что редакторъ какой либо газеты былъ бы утвержденъ городскими выборами въ С.-Петербургѣ, каждая статья въ этой газетѣ по любому вопросу являлась бы выраженіемъ общественнаго мнѣнія всей Россіи? До такихъ абсурдовъ можно договориться только изъ желанія оригинальничать.

И о такого рода, правда весьма немногочисленныхъ, проруxахъ нашего автора нельзя не пожалѣть, ибо онѣ до извѣстной степени обезцѣниваютъ всю книгу, въ общемъ весьма симпатичную и съ безусловно правильною основною идеею.

Руководящая мысль книги состоитъ въ томъ, что многіе изъ основныхъ нашихъ взглядовъ, сужденій и нравственныхъ понятій находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ установившимся строемъ общества. Разбираясь въ этомъ противорѣчіи между міровоззрѣніемъ современнаго культурнаго человѣка и старинными, все еще держащимися установленіями, авторъ высказываетъ рядъ въ высшей степени интересныхъ мыслей.

Наиболѣе удалась ему глава, посвященная браку. Тутъ особенно интересны замѣчанія М. Нордау о томъ, какъ, благодаря существующимъ воззрѣніямъ и экономическимъ отношеніямъ, возмутительно тяжело положеніе женщинъ, не вышедшихъ замужъ, и какъ, въ значительной степени именно благодаря этому, въ настоящее время искажено существо брака. Говоря по этому поводу о „женскомъ вопросѣ", М. Нордау находитъ, что простое установленіе равноправности женщинъ и мужчинъ не было бы удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса: „при полномъ уравненіи обоихъ половъ борьба за существованіе приняла бы еще болѣе отвратительныя формы, чѣмъ теперь, и женщина была бы раздавлена" (стр. 70). По его мнѣнію, тутъ нужны болѣе сложныя мѣры.

Затѣмъ весьма интересны замѣчанія, высказываемыя М. Нордау по поводу вмѣшательства государства въ частную жизнь гражданъ, по поводу экономическаго неравенства и ходячихъ объясненій и оправданій его, по поводу дуэлей и др.

Отмѣчая несоотвѣтствіе современнаго политическаго, общественнаго и экономическаго строя нашимъ нравственнымъ воззрѣніямъ, авторъ объясняетъ этимъ несоотвѣтствіемъ тотъ пессимизмъ, то удрученное состояніе духа, которое отличаетъ современнаго цивилизованнаго человѣка отъ жителя странъ съ менѣе сложною культурою.

На вопросъ, какъ же помочь цивилизованной части человѣчества, авторъ отвѣчаетъ, что весьма возможно, „что весь міръ субъективно почувствовалъ бы себя гораздо лучше, если бы удалось

вернуться къ умственному кругозору древности или среднихъ вѣковъ", но заставить человѣческій духъ отрѣшиться отъ завоеванныхъ имъ истинъ—„задача, превосходящая человѣческія силы". „Вѣдь и ребенокъ, еще не отягощенный бременемъ сознанія и отвѣтственности, тоже счастливѣе взрослаго; онъ красивѣе, привлекательнѣе, жизнерадостнѣе; взрослымъ человѣкомъ можно, пожалуй, страстно желать возврата блаженныхъ дней дѣтства, но разъ они миновали, то это на вѣки, и нѣтъ того усилія воли, которое могло бы ихъ вернуть. Взрослаго можно убить, но превратить его въ счастливаго милаго ребенка никто не въ состояніи. Совершенно такъ же невозможно современнаго человѣка превратить въ человѣка, жившаго 1000 лѣтъ назадъ" (Стр. 291). „Благо человѣчества, слѣдовательно, не лежитъ въ прошломъ. Настоящее неудовлетворительно. Вотъ почему человѣчеству необходимо возложить всѣ свои надежды, исключительно, на будущее" (Стр. 292). „Насущною потребностью человѣчества является возможность жить согласно убѣжденіямъ. Традиціонныя формы должны исчезнуть; онѣ должны уступить мѣсто новымъ, удовлетворяющимъ разумъ" (стр. 296). „Для этого достаточно только не создавать препятствій прогрессивнымъ стремленіямъ культурныхъ націй и не затруднять ихъ развитія сохраненіемъ и поддержкой сдавливающихъ и стѣсняющихъ ихъ историческихъ учрежденій, которыя они давно переросли. (стр. 298).

Н. Лазаревскій.

Иванъ Абрамовъ. Въ культурномъ скиту (среди Неплюевцевъ). Спб. 1902. 127 стр. Ц. 75 к.

Въ свое время въ газетахъ и журналахъ достаточно говорилось о педагогической и общественной дѣятельности г. Н. Н. Неплюева, и молва о ней облетѣла даже „по всѣмъ Европамъ", по характерному выраженію самого же г. Неплюева. Предлагаемая книжка г. Абрамова является теперь какъ разъ кстати, такъ какъ она даетъ полную возможность подвести итоги этому необычайному явленію въ педагогическомъ мірѣ; тѣмъ болѣе цѣнна эта книга, что ея авторъ, г. Абрамовъ, самъ провелъ цѣлыхъ пять лѣтъ въ этой школѣ въ качествѣ ученика, а поэтому его и приходится признать болѣе ознакомленнымъ съ интимной стороной неплюевской школьной жизни, чѣмъ тѣхъ г.г. посѣтителей, которые, подобно профессору Н. П. Вагнеру, писавшему объ этой школѣ на страницахъ „Недѣли", ограничились въ этомъ изученіи только лишь поверхностнымъ осмотромъ школъ и ея порядковъ. Чтобы напомнить читателю о характерѣ этой школы и объ ея жизни, я позволю себѣ сдѣлать самое краткое резюме книжки г. Абрамова и начну сейчасъ же съ исторіи ея возникновенія.

„Россія докажетъ изумленной (!!!) Европѣ самобытность мощнаго духа, если мы, люди имущіе, сумѣемъ, какъ нижегородцы во времена

Минина, употребить наши богатства для спасенія родины въ минуту опасности", — воскликнулъ г. Неплюевъ (цитировано по книжкѣ г. Абрамова, изъ труда г. Неплюева, озаглавленнаго „Хлѣбъ насущный", стр. 49), и съ этой благородной мыслью спасти отечество отъ угрожающихъ или могущихъ угрожать ему опасностей, онъ, „не теряя ни минуты", основалъ свою „Воздвиженскую сельско-хозяйственную школу", въ Глуховскомъ у., Черниговской губ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что на помощь къ нему въ этомъ добромъ дѣлѣ пришло и Минитерство Земледѣлія, взявъ въ свое вѣдомство школу и назначивъ ежегодную субсидію въ размѣрѣ 3500 руб., чѣмъ и дало возможность скорѣе пойти на встрѣчу опасностямъ. Явленіе это, т. е. открытіе г. Неплюевымъ школы, далеко не обычное зауряднное явленіе, съ какими мы имѣемъ дѣло въ нашей жизни, оно было вызвано особыми сверхъестественными причинами, которыя не имѣютъ мѣста въ жизни простыхъ людей. Пусть объ этомъ судитъ самъ читатель со словъ того же самаго г. Неплюева, которыя я заимствую у г. Абрамова (стр. 11). „Эта мысль (т. е. основать школу), говоритъ г. Неплюевъ,—была дана мнѣ сновидѣніемъ, въ которомъ я видѣлъ себя въ избѣ, въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, съ которыми бесѣдовалъ. Лица ихъ были какъ бы преображенными, просвѣтленными гармоническимъ сочетаніемъ свѣта, разума и вдохновенія любви!.." „Сонъ этотъ повторялся шесть разъ сряду, и замѣчательно(!!), черезъ пять лѣтъ осуществился на яву въ мельчайшихъ подробностяхъ". Ну, чѣмъ это хуже сновидѣній Жанны д'Аркъ? Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что и самъ г. Неплюевъ—человѣкъ совсѣмъ необыкновенный, нисколько не похожій на всѣхъ другихъ людей. Вотъ какъ онъ о себѣ говоритъ: „Съ ранняго дѣтства я носилъ глубоко въ сердцѣ религію любви и былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ фанатикомъ любви... Не только присутствіе человѣка грубо недоброжелательнаго, но даже присутствіе человѣка равнодушнаго, холоднаго доставляло мнѣ тяжелое, иногда даже невыносимое страданіе; я чувствовалъ, какъ духъ мой *коченѣетъ*, какъ овладѣваетъ имъ *параличъ*, мучительный, какъ смерть... Въ отсутствіи любви я коченѣлъ, замиралъ, сердце наполнялось тоскою и ужасомъ" (Абрамовъ, стр. 10).

Теперь, послѣ такой рекомендаціи, которую даетъ себѣ самъ г. Неплюевъ, мы въ правѣ ожидать отъ него необычайныхъ педагогическихъ талантовъ и, дѣйствительно, мы, читая книжку г. Абрамова, поражаемся все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ читаемъ дальше. По своей программѣ Неплюевская школа ничѣмъ не отличается отъ другихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, но ея индивидуальныя черты не имѣютъ нигдѣ и ничего себѣ подобнаго, если забыть объ іезуитскихъ орденахъ, и все это создано личностью г. Неплюева. Воздвиженская школа представляется какимъ то „братствомъ", или еще лучше—„колыбелью братства". Школа раздѣляется тоже на два братства,—старшій кружокъ и младшій кружокъ, а все это вмѣстѣ называется „братскими кружками воспитанниковъ". Самъ г. Неплюевъ, стоящій во главѣ воздвиженскихъ учрежденій, называется какимъ то страннымъ и совсѣмъ не педагогическимъ прозвищемъ,—„посад-

никъ-блюститель", а въ письмахъ къ „братьямъ" т. е. къ Воздвиженцамъ подписывается „Посадникъ Николай". Вѣдь этакая удивительная фантазія,—назвать себя въ педагогическихъ цѣляхъ такимъ страннымъ словомъ! 75 человѣкъ учениковъ, взятые изъ окрестной крестьянской нищеты, строго классифицируются по ихъ устойчивости на стезѣ добродѣтели, причемъ добродѣтель понимается въ своеобразномъ Неплюевскомъ смыслѣ. Эти таксономическія группы должны слѣдить за нравственностью другъ друга, исправлять другъ друга, а въ случаѣ чего, доносить и по начальству, тогда уже судитъ самъ г. Посадникъ, исправляетъ кого надо, а въ случаѣ надобности и отсѣкаетъ пораненные члены школьнаго организма прочь. Я отсылаю за всѣми подробностями къ книжкѣ г. Абрамова, здѣсь же приведу только лишь отзывъ г. А. Яблоновскаго, который прекрасно резюмируетъ содержаніе данной книжки: „Души (учениковъ) распускаются подъ лучами обыкновеннаго школьнаго соглядатайства и благоухаютъ въ атмосферѣ ханжества, лицемѣрія и благочестивой ябеды".

Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что вся школьная жизнь обставлена особыми помпами. Въ случаѣ, если среди школьныхъ грѣшниковъ оказывается кающійся и его покаяніе заслуживаетъ одобреніе самого „Посадника Николая", то въ школѣ устраивается торжество, дѣло переходитъ въ „спальню-молельню" „Посадника", появляются братскія знамена, одно—красное знамя, которое держитъ непремѣнно маленькій брюнетъ-школьникъ, одѣтый въ цвѣтную шелковую курточку, обшитую парчей, другое—голубое, его держитъ, непремѣнно, блондинъ. Остальные школьники одѣваются въ бѣлоснѣжныя блузы, причемъ на груди у каждаго брата виситъ братскій серебряный крестикъ. Тутъ необходимо дать образцы Неплюевскихъ добродѣтелей и пороковъ. Вотъ примѣръ порочности, которая преслѣдуется въ школѣ. Одинъ (учитель—не ученикъ, а учитель) спрашиваетъ другого, почему онъ выбралъ для чтенія въ классѣ стихотвореніе Некрасова „Школьникъ". „По многимъ причинамъ,—отвѣчаетъ тотъ,—хотя бы по тому, что тамъ говорится о Ломоносовѣ... Вниманіе дѣтей полезно остановить на Ломоносовѣ, потому что въ его лицѣ намъ дается прекрасный примѣръ того, какихъ блестящихъ результатовъ можно достигнуть только при помощи личныхъ усилій и неуклоннаго стремленія къ намѣченной цѣли"... Эти слова не совсѣмъ по вкусу „братьямъ".—Ломоносовъ *былъ историческій пьяница и больше ничего!*—таковъ былъ отвѣтъ учителя „брата". „Андрей! ты говоришь абсурдъ",—возразилъ поклонникъ Ломоносова, и этой слишкомъ деликатной для даннаго случая фразой онъ жестоко оскорбилъ представленіе неплюевцевъ о добродѣтели, онъ совершилъ преступленіе.

Я отсылаю читателя къ книжкѣ г. Абрамова за подробностями: тамъ онъ узнаетъ, какъ „Посадникъ Николай" обращаетъ своихъ послѣдователей на путь истины, нарядившись въ стихарь и произнося имъ въ церкви проповѣдь, которою тѣ, во избѣжаніе гнѣва „Посадника", должны непремѣнно восторгаться какъ верхомъ совершенства; тамъ же читатель можетъ узнать, что „Посадникъ" пользуется для

исправленія учениковъ пріемомъ ругательствъ и оскорбленій и въ исправительныхъ и педагогическихъ цѣляхъ не брезгуетъ даже устраивать истерики, искусственность которыхъ не можетъ ускользнуть отъ вниманія педагогическихъ объектовъ.

Вотъ эта то школа готовитъ работниковъ и дѣятелей для такъ называемой „Братской колоніи", которая представляетъ собой дальнѣйшее естественное продолженіе „Воздвиженской школы" и плоды которой мы уже видѣли въ лицѣ учителя, который осмѣливается назвать Ломоносова не чѣмъ инымъ, какъ великимъ историческимъ пьяницей. Неудивительно, что этимъ людямъ принадлежитъ такая фраза о матери ихъ товарища, которая проводила дни и ночи около постели умирающаго и умершаго сына и которая во всякомъ простомъ человѣкѣ, не считающемъ себя какимъ то „братомъ", вызвала бы самыя обычныя чувства: „Гадкая, отвратительная самка! Она считаетъ свои права надъ сыномъ законными только потому, что родила его и кормила своею грудью" (Стр. 118). Это уже по истинѣ что то гадкое и отвратительное, и что этимъ „доказала Россія", а лучше сказать г. Неплюевъ „изумленной Европѣ",—неизвѣстно: во всякомъ случаѣ, Европа пережила свои средневѣковые нравы, знаетъ свою средневѣковую и іезуитскую педагогику, до которой г. Неплюеву все таки далеко. Во всей этой „Неплюевщинѣ" поразительно только лишь то, что она расцвѣла въ двадцатомъ столѣтіи, да и то это поразитъ только лишь Россію, а Европа видѣла въ своей жизни и худшее, чѣмъ Неплюевщина, и ничѣмъ Неплюевъ ее не удивитъ.

Н. Малышевъ.

„Подъ знаменемъ науки". Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка. М. 1902. стр. XXXV+740. Цѣна 2 р.

Ученики и почитатели Н. И. Стороженка ознаменовали тридцатилѣтіе его профессорской дѣятельности изданіемъ обширнаго и очень содержательнаго сборника. Кромѣ двухъ вступительныхъ статей, содержащихъ „Краткій очеркъ научно-литературной и общественной дѣятельности Н. И. Стороженка" и библіографическій указатель къ печатнымъ его трудамъ, въ сборникѣ напечатано пятьдесятъ пять статей, замѣтокъ и отрывковъ, большая часть которыхъ имѣетъ то или иное отношеніе къ исторіи литературы, какъ русской, такъ и всеобщей, и затрогиваетъ интересныя темы. На первомъ мѣстѣ напечатана въ переводѣ съ французскаго прочитанная въ брюссельскомъ *Новомъ* университетѣ лекція П. Д. Боборыкина. „Эволюція русскаго романа", гдѣ опровергается мнѣніе, что Гоголь создалъ русскій романъ, и что русская *натуральная* школа на тридцать лѣтъ старше французскаго *натурализма.* „Первой крупной вѣхой" въ эволюціи русскаго романа признается „Евгеній Онѣгинъ", и давній споръ о гоголевскомъ и пушкинскомъ направленіяхъ въ русской литературѣ разрѣшается въ пользу Пушкина. Ни Тургеневъ, ни

Толстой, ни Гончаровъ, по мнѣнію г. Боборыкина, и не исходятъ отъ „Мертвыхъ душъ". „Они воспроизводятъ и освѣщаютъ жизнь безъ предвзятыхъ цѣлей моралиста-сатирика". Но вѣдь и Гоголь великъ не какъ моралистъ и даже не какъ сатирикъ, а, главнымъ образомъ, какъ реалистъ, особенно тамъ, гдѣ онъ геніально воспроизводитъ дѣйствительность и гдѣ его художественный инстинктъ оказывается сильнѣе всякихъ „предвзятыхъ цѣлей". Больше связи съ Гоголемъ у Достоевскаго; но его творчество г. Боборыкинъ склоненъ поставить внѣ рамокъ эволюціи русскаго романа, какъ своего рода „наростъ, питаемый талантомъ и натурой слишкомъ индивидуальными". Что касается происхожденія русской натуральной школы, то г. Боборыкинъ подчеркиваетъ, что „первенство почина шло съ запада" въ лицѣ Стэндаля, Мериме, Бальзака, Диккенса, Тэккерея и др. Но русскій романъ вслѣдствіе этого не лишается своей оригинальности и своего важнаго значенія въ эволюціи европейскаго романа. „Въ области искусства, въ художественномъ творчествѣ—говоритъ г. Боборыкинъ—самое большое значеніе имѣетъ не то, *что* воспроизводится, а то *какъ* воспроизводится, и русское *какъ* и есть самое драгоцѣнное наше достояніе,—мы можемъ это сказать безъ всякаго хвастовства".

Къ развивающейся въ послѣднее время отрасли исторіи всеобщей литературы—къ исторіи типовъ—относится интересная замѣтка проф. Алексѣя Веселовскаго „Литературный типъ паразита", гдѣ проводится параллель между органическимъ и соціальнымъ паразитизмомъ и устанавливается тожество античнаго „паразита-хама" съ „паразитомъ-паномъ", являющимся въ новѣйшей литературѣ въ лицѣ Ругонъ-Макаровъ Зола, прусскихъ юнкеровъ Шпильгагена, банкировъ Диккенса, помѣщиковъ и кулаковъ русской литературы, и т. д. Къ другой, еще болѣе развитой отрасли исторіи литературы, къ исторіи странствующихъ сюжетовъ, относятся статьи Варшера—„Исторія одного литературнаго сюжета" и г. Сакулина—„Русская повѣсть о воеводѣ Евстратіи".

Со сходными сюжетами, обработанными у различныхъ писателей независимо или почти независимо другъ отъ друга, знакомятъ насъ статья г. Смирнова „Два Донъ-Жуана" и небольшая замѣтка проф Покровскаго „Дидона Вергилія и Дездемона Шекспира".

Къ исторіи иностранныхъ вліяній въ развитіи національныхъ литературъ относится статья г. Юрія Веселовскаго—„Западно-европейское вліяніе въ литературѣ русскихъ армянъ". Здѣсь же можно упомянуть и статью г. Каллаша „Русскія отношенія Гете", которая, кстати замѣтить, не смотря даже на сдѣланное къ ней въ концѣ книги дополненіе, не исчерпываетъ имѣющихся въ литературѣ данныхъ по этому вопросу и приписываетъ Жуковскому какое-то стихотвореніе на смерть Гете.

Внѣ указанныхъ отраслей исторіи всеобщей литературы стоятъ статьи, посвященныя жизни и сочиненіямъ отдѣльныхъ иностранныхъ писателей. Таковы статьи г. Дегена о Жильберѣ, предтечѣ французскаго романтизма, г. Лазурскаго о Смоллетѣ, англійскомъ

романистѣ XVIII вѣка, г. Саводника о Морисѣ де-Геренѣ, французскомъ романтикѣ, г. Журавскаго о Бомарше, какъ человѣкѣ и писателѣ, г. М. Розанова о Томасѣ Гейвудѣ, актерѣ и плодовитѣйшемъ англійскомъ драматургѣ, современникѣ Шекспира и предшественникѣ позднѣйшихъ англійскихъ сентиментальныхъ писателей; къ этимъ статьямъ, представляющимъ болѣе или менѣе цѣльные очерки жизни и литературной дѣятельности названныхъ писателей, нужно отнести статью г. Янчука о Словацкомъ и статью проф. Брандта „Адамъ Мицкевичъ и основные мотивы его поэзіи". Авторъ этой статьи считаетъ творца „Пана Тадеуша" „вдохновеннѣйшимъ поэтомъ всѣхъ странъ и народовъ" и защищаетъ „Гражину" и „Конрада Валленрода" отъ обвиненій въ проповѣди измѣны.

Изъ числа статей и замѣтокъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ всемірной литературы надо отмѣтить статью г. Брауна, гдѣ намекается на „заурядныя будничныя отношенія" Данте къ женщинамъ, и присланную спеціально для сборника интересную статью Георга Брандеса „Различные стили въ „Фаустѣ" Гете".

Не мало статей посвящено въ разбираемомъ сборникѣ и русскимъ писателямъ. Изъ біографическихъ статей надо отмѣтить отрывокъ изъ біографіи Радищева, составленной или составляемой г. В. Якушкинымъ, такой же отрывокъ изъ біографіи Огарева, принадлежащій перу г-жи Некрасовой. Изъ критическихъ статей заслуживаютъ вниманія статьи проф. Архангельскаго о Баратынскомъ и Н. А. Котляревскаго о гр. А. К. Толстомъ. Проф. Архангельскій въ своемъ очеркѣ „Е. А. Баратынскій и его поэзія" не соглашается съ тѣми, кто считаетъ „пѣвца финляндки молодой" послѣдовательнымъ пессимистомъ, а въ оцѣнкѣ общественнаго значенія его поэзіи сходится съ Бѣлинскимъ. „Знаменитый критикъ—по мнѣнію автора—справедливо увидѣлъ въ поэтѣ полную отсталость, отчужденіе отъ интересовъ и стремленій современнаго русскаго поколѣнія,—боязнь и робость передъ открывшимися запросами мысли и жизни, наконецъ—хулу на это поколѣніе, на науку, на прогрессъ". Г. Котляревскій реабилитируетъ поэзію гр. Толстого и опредѣляетъ ея историческое значеніе. „Это была—по его мнѣнію—попытка охватить и изобразить въ символическихъ образахъ то настроеніе и сущность тѣхъ общихъ гуманныхъ взглядовъ, которые съ такой рѣзкой отчетливостью сказались въ нашемъ обществѣ шестидесятыхъ годовъ въ эпоху реформъ. Какъ бы строгъ ни былъ тотъ судъ, который эта символическая поэзія встрѣтила какъ разъ въ ту эпоху, судъ, отчислявшій поэта чуть ли не въ лагерь ретроградовъ, но поэзія Толстого все таки самое законное дитя своего времени. Она, эта эпикурейская поэзія, какъ ее иногда называли,—родная сестра той гражданской пѣсни, которая славилась въ тѣ годы своимъ ригоризмомъ и стоицизмомъ". Если же представители и поклонники гражданской поэзіи не считали гр. Толстого своимъ единомышленникомъ, то происходило это оттого, что „при весьма сходной этической оцѣнкѣ міропорядка вообще и порядковъ россійскихъ въ частности, Толстой совершенно расходился съ большинствомъ своихъ современниковъ

въ пониманіи общихъ основныхъ философскихъ началъ жизни и главнымъ образомъ во взглядѣ на культурную роль искусства". Это былъ „чистокровный романтикъ, запоздавшій рожденіемъ", „одинъ изъ типичнѣйшихъ романтиковъ, когда-либо жившихъ" и самый типичный изъ русскихъ романтиковъ.

Къ исторіи взаимныхъ отношеній русскихъ писателей относятся статья проф. Кирпичникова—„Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій лѣтомъ 1847 года" и статья проф. Линниченка—„Бѣлинскій въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками". Проф. Кирпичниковъ доказываетъ, что Гоголь во время приготовленія къ печати и печатанія своей пресловутой „Переписки съ друзьями" былъ совершенно здоровымъ человѣкомъ въ психическомъ отношеніи и владѣлъ „всѣми способностями своего глубокаго и тонкаго ума, кромѣ способности творчества". Кромѣ того, проф. Кирпичниковъ думаетъ, что знаменитое письмо Бѣлинскаго изъ Зальцбрунна своей искренностью и убѣдительностью заставило Гоголя „отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей, стать на точку зрѣнія честнаго противника и признать окончательно, что міровоззрѣніе Бѣлинскаго имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и противоположное ему".

Одному изъ преемниковъ великаго критика въ сборникѣ посвящена „страница прошлаго" г. Шумятикова, гдѣ доказывается, что Добролюбовъ не былъ чуждъ индивидуалистическихъ тенденцій и является непосредственнымъ предшественникомъ индивидуалиста-Писарева.

Къ литературѣ воспоминаній въ сборникѣ относятся интересныя воспоминанія объ Огаревѣ бывшаго его крѣпостного крестьянина, гдѣ другъ Герцена является крайне гуманнымъ помѣщикомъ. Интересна также „Глава изъ неизданныхъ записокъ" г-жи Хинъ, гдѣ сообщаются цѣнныя свѣдѣнія о Тургеневѣ и его пребываніи въ Парижѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ противоположность Головачевой-Панаевой и г-жѣ Виницкой, обозвавшей Тургенева на страницахъ „Новаго Времени" Чичиковымъ, г-жа Хинъ изображаетъ знаменитаго писателя въ самомъ привлекательномъ видѣ.

Кромѣ названныхъ статей, слѣдуетъ отмѣтить замѣтки г. Стороженка о Кулишѣ и г. Кони о Загоскинѣ, а также очеркъ г. Шенрока „Профессоръ—словесникъ стараго времени", гдѣ изображается Плетневъ „благородной, сердечной, привлекательной личностью", которую несправедливо стараются выставить „ничтожнымъ карьеристомъ".

Среди очень немногихъ статей, не имѣющихъ отношенія къ исторіи литературы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, заслуживаютъ вниманія статьи г. Иванова „Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ", проф. Сѣченова „Участіе нервной системы въ рабочихъ движеніяхъ человѣка", проф. Новгородцева „Общій взглядъ на развитіе нѣмецкой философіи права отъ Пуфендорфа до Канта", г. Когана „Философъ красивой жизни" (Рескинъ), г. В. Михайловскаго „Комикъ-буфъ" (Живокини) и др. Особенный интересъ представляетъ статья извѣстнаго педагога Д. И. Тихомирова „Творческія силы", посвященная сра-

вненію дореформенной и послѣреформенной школы и изображенію того печальнаго времени, которое новой русской школѣ пришлось пережить въ очень недавнее время.

Таково богатое содержаніе сборника, въ изданіи котораго принимали участіе болѣе ста лицъ.

С. Ашевскій.

Проф. **Іерузалемъ**. Введеніе въ философію, перевелъ съ нѣмецкаго *П. Ѳ. Некрасовъ*. Съ приложеніемъ „Краткаго словаря важнѣйшихъ философскихъ терминовъ", составленнаго переводчикомъ, и „Литературнаго указателя". СПБ, 1902 г., ц. 1 р.

Несмотря на существованіе русскихъ переводовъ книгъ Паульсена и Кюльпе, написанныхъ на ту же тему, и на печатающійся въ двухъ изданіяхъ переводъ „Einleitung in die Philosophie" Вильг. Вундта, небольшая книжка Іерузалема найдетъ себѣ опредѣленное мѣсто въ русской философской литературѣ. За послѣднія 10—15 лѣтъ интересъ къ философіи такъ широко охватилъ русское общество, что къ изученію этой науки приступаютъ люди различныхъ общественныхъ слоевъ съ весьма неодинаковой предварительной подготовкой. Книга Іерузалема предназначается ближайшимъ образомъ для начинающихъ. Вслѣдствіе этого Іерузалемъ не даетъ мѣста въ своей книгѣ отдѣльному историческому очерку развитія философскихъ системъ, какой мы встрѣчаемъ въ книгѣ Вундта; онъ не занимается подробнымъ сопоставленіемъ и разборомъ различныхъ комбинацій философскихъ направленій, какъ то дѣлаетъ Кюльпе; Іерузалемъ не имѣетъ также возможности удѣлять изложенію собственныхъ философскихъ воззрѣній столько мѣста, сколько ему отводитъ Паульсенъ въ своей книгѣ. Нашъ авторъ ограничивается „краткимъ обзоромъ важнѣйшихъ философскихъ проблемъ и оріентированьемъ въ нихъ", а затѣмъ „и намѣчаетъ пути, на которыхъ можно достичь соотвѣтствующаго современнымъ научнымъ требованіямъ рѣшенія этихъ проблемъ". Въ основу своихъ взглядовъ на философскія дисциплины Іерузалемъ кладетъ понятіе о *функціи сужденія* (Urtheilsfunction), развитію котораго онъ посвятилъ раньше отдѣльное изслѣдованіе; онъ говоритъ о ней слѣдующее: „Перенося каждое явленіе на волевой центръ, мы признаемъ тѣмъ самымъ *самостоятельное, независимое отъ насъ существованіе* окружающихъ насъ объектовъ. Приписывая каждому объекту волю, могущую, при случаѣ, противодѣйствовать нашей волѣ и ощущаться нами въ качествѣ сопротивленія, мы разсматриваемъ его (объектъ) такъ же самостоятельнымъ, какъ и самихъ себя. Значитъ, въ функціи сужденія кроется признаніе самостоятельнаго существованія внѣшняго міра". Это весьма цѣнное въ психологическомъ отношеніи объясненіе происхожденія нашей увѣренности въ объективномъ существованіи чего-то внѣ насъ лежащаго; но нельзя не признать, что оно лишь вскрываетъ происхожденіе *нашего* чувства увѣренности въ су-

ществованіи міра объектовъ, а не даетъ еще намъ *критерія* разумной увѣренности въ его существованіи, котораго именно ищетъ теорія познанія. Поэтому такое объясненіе трудно признать достаточнымъ съ точки зрѣнія послѣдней науки. Несмотря на подобную неполноту изслѣдованія, книжка читается съ интересомъ и, если не рѣшеніемъ пробуждаемыхъ ею вопросовъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ постановкой значительно способствуетъ расширенію философскаго міросозерцанія читателя. Переводъ, въ общемъ шероховатый, оставляетъ коечего желать и въ отношеніи вѣрности тексту оригинала; напр., на стр. 75 мы встрѣчаемъ какого-то *Макса* („по формулировкѣ *Макса* (*Machs*)...“ „nach Machs Formulierung“...); нечего и говорить, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ тѣмъ же *Махомъ*, о которомъ авторъ говоритъ одной строчкой выше, гдѣ, однако, имя извѣстнаго вѣнскаго ученаго передано переводчикомъ вполнѣ правильно; послѣдняго, очевидно, затруднилъ переводъ формы родительнаго падежа—Machs. Не слѣдовало бы также безъ нужды измѣнять установившихся терминовъ и переводить „Gnadenlehre“ словами „ученіе о *помилованіи*“ (стр. 149), вмѣсто „ученіе о *благодати*“. Къ переводу присоединенъ „краткій словарь важнѣйшихъ философскихъ терминовъ“—черезчуръ краткій, такъ какъ въ немъ мы не находимъ объясненія такихъ употребительныхъ терминовъ, какъ: „гилозоизмъ“, „акциденція“, „адэкватный“, „гомологія“, „паралогизмъ“ и т. д., и т. д. Типографская сторона изданія вполнѣ удовлетворительна, и цѣну можно признать не высокой.

Мих. Лихаревъ.

С. П. Моравскій. Средневѣковый идеалистъ.—Людовикъ IX Святой. М. 1902. in 8-vo. Стр. 56. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Ц. 20 коп.

Книжка г. Моравскаго издана въ серіи Трудовъ Комиссіи по устройству чтеній для учащихся отъ Педагогическаго Общества въ Москвѣ; она представляетъ собою весьма цѣнный вкладъ въ научно-популярную русскую литературу по всеобщей исторіи; она интересна весьма яркой и опредѣленной постановкой нѣкоторыхъ принціальныхъ историческихъ вопросовъ, а потому совершенно чужда элементовъ мелочной разработки біографіи отдѣльнаго лица. У г. Моравскаго—на первомъ планѣ общая картина западно-европейской дѣйствительности XIII вѣка, а Людовикъ IX-ый выступаетъ въ ней лишь какъ наиболѣе типическое воплощеніе идеаловъ этой дѣйствительности.. Чтеніе книжки знакомитъ читателя прежде всего съ средневѣковымъ строемъ, въ которомъ Людовикъ IX занимаетъ опредѣленное положеніе какъ король и человѣкъ, являясь непосредственнымъ произведеніемъ условій среды и времени. Авторъ подраздѣлилъ свое изложеніе на три главы. Въ *первой* главѣ (стр. 8—19) обрисованъ Людовикъ IX съ точки зрѣнія его отношеній къ средневѣковымъ идеаламъ и средневѣковому міросозерцанію; авторъ старается изобразить здѣсь, что „Людовикъ дѣйствительно воплощалъ

въ себѣ идеалы своего времени: онъ былъ образцовымъ рыцаремъ въ эпоху расцвѣта рыцарства, онъ въ высшей степени отличался набожностью въ тѣ времена, когда религіозность была общеобязательнымъ правиломъ, которому каждый слѣдовалъ, какъ умѣлъ; своими подвигами милосердія и любви онъ примыкалъ къ широкому общественному движенію, во главѣ котораго стоялъ незадолго передъ тѣмъ основанный францисканскій орденъ". Во *второй* главѣ (стр. 20—34) г. Моравскій изображаетъ практическое воплощеніе въ жизни средневѣковыхъ идеаловъ, своеобразный характеръ религіозныхъ идей и представленій въ средніе вѣка въ связи съ низкимъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія. Самъ милосердный и добродушный Людовикъ IX былъ вѣрнымъ сыномъ своей эпохи: онъ покровительствуетъ инквизиціи, преслѣдуетъ евреевъ, не разъ подвергая ихъ поголовному изгнанію и лишенію имущества. Въ его душѣ въ этомъ случаѣ не было мѣста разумному состраданію; въ его время не чувствовали всего позора религіозныхъ преслѣдованій. Идеалы принимали въ дѣйствительности грубую и наивную форму, духовныя понятія получали матеріальную окраску очень невысокаго сорта; въ качествахъ этой матеріальной окраски Людовикъ IX часто не могъ разобраться. Наконецъ, въ *третьей* главѣ (стр. 35—56) авторъ переходитъ къ изображенію Людовика, какъ феодальнаго короля, для чего прежде всего старается познакомить въ сжатой формѣ съ общественнымъ и государственнымъ строемъ въ средніе вѣка. Людовикъ—лучшій представитель современнаго ему общества, но онъ не выше своего времени, а, слѣдовательно, долженъ былъ отразить и его темныя стороны. Какъ король Франціи, онъ „не станетъ производить крупныхъ реформъ и ломать существующій порядокъ, а будетъ лишь стараться неуклонно примѣнять принципы, лежащіе въ основѣ этого порядка; стремясь осуществить свой идеалъ въ дѣйствительности, онъ не впадетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ этой послѣдней, потому что его идеалъ—тотъ самый, который выработался въ полномъ соотвѣтствіи съ этою дѣйствительностью; онъ будетъ понятенъ и дорогъ современникамъ, которые будутъ чтить въ немъ воплощеніе своихъ собственныхъ идеаловъ" (срв. стр. 35 и стр. 7). Людовикъ IX не былъ, такимъ образомъ, смѣлымъ новаторомъ, громко протестующимъ противъ привычныхъ понятій и старающимся передѣлать существующій порядокъ на основаніи чуждаго этому порядку и несоизмѣримаго съ нимъ идеала. Это указаніе въ предложенной г. Моравскимъ характеристикѣ средневѣковаго идеалиста имѣетъ весьма большую цѣну, на него нельзя не обратить особенно серьезнаго вниманія. Крупными рѣзкими красками г. Моравскій выпукло изобразилъ феодальный строй общества и государства въ средніе вѣка. Къ феодальному порядку Людовикъ относился „съ полнымъ уваженіемъ, свято чтя права каждаго, какъ они опредѣлились этимъ порядкомъ, даже въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ"; сознательной борьбы съ феодальнымъ порядкомъ онъ вести не могъ, зато съ особенною энергіей онъ дѣйствовалъ въ области суда въ силу своей особенной

чуткости къ вопросамъ справедливости и права. Это тѣмъ болѣе любопытная черта въ біографіи Людовика IX, что, по справедливому замѣчанію г. Моравскаго, судъ и законодательство XIII вѣка „представляли собой паутину, въ которой запутывался лишь слабый, а сильный смѣло прорывалъ ее". Таковъ общій характеръ изображенія у г. Моравскаго личности Людовика IX, какъ короля и человѣка. Первое мѣсто занимаетъ эпоха и среда, на второмъ планѣ Людовика IX; характеризуя эпоху, авторъ старается все время давать читателю реальные образы.

Съ большимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ книжку г. Моравскаго: она особенно цѣнна стройностью и широтою научнаго міровоззрѣнія, а равно разумными педагогическими пріемами изложенія. Кто знаетъ, какіе еще архаическіе взгляды господствуютъ у насъ въ области популярнаго изображенія прошлаго, тотъ сумѣетъ по достоинству оцѣнить работу г. Моравскаго. Книжка равно пригодна и для учащихся, и для большого читателя. Надо пожелать ей самаго широкаго распространенія въ нашей средней школѣ, гдѣ въ преподаваніи исторіи все еще порою и даже очень часто царитъ духъ колоссальнаго невѣжества.

В. Сторожевъ.

Проф. **Теодоръ фонъ-деръ-Гольцъ**. Аграрный вопросъ и аграрная политика. Пер. съ нѣм. Д. Флексора. СПб. 1902. XII+342 стр. ц. 2 р.

Эта книга представляетъ собраніе отдѣльныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ боннскомъ университетѣ. Происхожденіе книги не могло не отразиться на характерѣ изложенія. Печатныя изданія лекцій являются, вообще говоря, повторительными курсами; главная задача ихъ—помочь слушателямъ возстановить въ своей памяти ту работу, которая была продѣлана въ аудиторіи. Поэтому въ печатныхъ курсахъ предметъ трактуется болѣе или менѣе догматически: читателю предлагаются результаты изслѣдованія, готовые выводы; но самое изслѣдованіе, доводы въ пользу тѣхъ или другихъ положеній, приводившіеся въ аудиторіи, обыкновенно остаются внѣ кругозора читателя. Такъ оно и въ данномъ случаѣ.

Въ книгѣ, посвященной такимъ жгучимъ вопросамъ, какъ вопросы аграрной политики, этотъ недостатокъ въ особенности чувствителенъ. Здѣсь нѣтъ господствующихъ, установившихся взглядовъ; антагонизмъ мнѣній здѣсь самый рѣзкій и непримиримый. Поэтому самое первое требованіе, которое необходимо предъявлять ко всякой книгѣ по аграрному вопросу, заключается въ томъ, чтобы изложеніе было строго критическимъ и оставалось таковымъ въ изслѣдованіи даже самыхъ мелкихъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ вопросовъ.

Между тѣмъ, при знакомствѣ съ книгою Гольца, многимъ читателямъ и въ голову не придетъ, что почти каждое его утвержденіе встрѣчаетъ серьезныя и обоснованныя возраженія. Казалось бы,

что можетъ быть безспорнѣе такихъ положеній: при нормальныхъ условіяхъ каждая страна должна удовлетворять потребности населенія въ сельскохозяйственныхъ продуктахъ,—зависимость Германіи въ этомъ отношеніи отъ другихъ государствъ окажется роковой въ военное время, да и съ точки зрѣнія политической экономіи такая зависимость погубна; или: процентъ молодыхъ людей, годныхъ къ военной службѣ, въ деревнѣ выше, чѣмъ въ городѣ. При той категоричности, съ какой высказываются эти и другія мнѣнія, кто бы могъ подумать, что въ послѣдніе годы въ Германіи велись страстные споры о преимуществахъ „городской“ и „деревенской“ культуры, и что вопросъ остался по меньшей мѣрѣ нерѣшеннымъ (доводы защитниковъ „города“ намъ лично кажутся, впрочемъ, болѣе убѣдительными).

Книгѣ вредитъ дальше то обстоятельсто, что она является трактатомъ по экономической *политикѣ*, и только по экономической политикѣ. Между тѣмъ, нельзя заниматься изслѣдованіемъ какого-либо практическаго вопроса, не выяснивши предварительно соотношенія между экономической теоріей и экономической политикой, теоретической и прикладной политической экономіей, и не установивши хотя бы основныхъ теоретическихъ положеній. Авторъ, нѣтъ сомнѣнія, произвелъ эту предварительную работу, но только для себя. Для читателя она остается невидной, и потому, если у него составилось собственное представленіе о ходѣ экономическаго развитія, рушатся всѣ мѣропріятія, рекомендуемыя Гольцемъ. Авторъ, напр., утверждаетъ, что нѣмецкое сельское хозяйство находится въ угнетенномъ состояніи, потомъ незамѣтно отожествляетъ сельское хозяйство съ сословіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ,— и въ результатѣ, идя такимъ путемъ, вноситъ въ свою аграрную программу почти всѣ требованія нѣмецкихъ аграріевъ, включительно до замаскированнаго прикрѣпленія сельскихъ рабочихъ къ землѣ (надѣленіе ихъ такими участками земли, на которыхъ они не могутъ вполнѣ использовать свою рабочую силу). И опять Гольцу можно бы противопоставить рядъ „свѣтилъ“ нѣмецкой университетской науки, которыя съ богатымъ запасомъ фактовъ доказываютъ, что объ угнетенномъ состояніи сельскаго хозяйства въ Германіи не можетъ быть и рѣчи, что государство не обязано заботиться объ удержаніи ренты на прежнемъ уровнѣ, что мы присутствуемъ при ликвидаціи крупнаго землевладѣнія, что стараться задержать этотъ процессъ—значитъ бросать въ печку народныя деньги, что ближайшая задача аграрной политики заключается въ устраненіи всѣхъ феодальныхъ пережитковъ, всѣхъ помѣхъ аграрному развитію, и т. д. Совершенно другія представленія о ходѣ экономическаго развитія, другіе идеалы, другія программы аграрной политики*).

Какъ типичный аграрій, ф.—д.—Гольцъ съ большой симпатіей

*) Легко замѣтить, что между отдѣльными пунктами этихъ программъ нѣтъ полнаго согласія. Но важно то, что онѣ обосновываются, между тѣмъ какъ Гольцъ совсѣмъ не заботится объ обоснованіи.

отзывается о „черныхъ листахъ“, въ которые сельскіе хозяева вносятъ имена всѣхъ строптивыхъ рабочихъ, лишающихся, благодаря этому, возможности найти работу въ какой либо-другой экономіи. Какъ аграрій, авторъ не забываетъ ни о какихъ мѣрахъ защиты и самозащиты землевладѣльцевъ отъ „несправедливыхъ притязаній“ рабочихъ,—но ни слова не говоритъ ни о государственной защитѣ, ни о самозащитѣ сельскихъ рабочихъ отъ несправедливыхъ притязаній крупныхъ землевладѣльцевъ. Онъ ни словомъ не упоминаетъ о необходимости свободы коалицій для земледѣльческихъ рабочихъ, о томъ исключительномъ положеніи, въ какое ставитъ ихъ Gesindeordnung, прусскій „Уставъ о прислугѣ“, самое названіе котораго является позоромъ для культурной страны.

Всѣ мѣры, предлагаемыя Гольцемъ для поднятія сельскаго хозяйства, диктуются однимъ стремленіемъ: сохранить крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ *сословіе*, обезпечить за ними и на будущее время господствующее положеніе въ общественной и государственной жизни.

Въ своей аграрной программѣ Гольцъ не идетъ такъ далеко, какъ многіе члены пресловутаго „союза сельскихъ хозяевъ“. Въ общемъ, онъ придерживается не наступательной, а оборонительной политики: старается сохранить за сословіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ то, что оно уже имѣетъ, не помышляя о новыхъ серьезныхъ завоеваніяхъ. Но только въ томъ смыслѣ его и можно назвать „умѣреннымъ“ аграріемъ.

Конечно, въ книгѣ разбросано много мѣткихъ и цѣнныхъ замѣчаній,—не даромъ авторъ считается однимъ изъ выдающихся университетскихъ преподавателей. Тѣмъ не менѣе, его книгу нельзя рекомендовать лицамъ, желающимъ выяснить для себя вопросы аграрной политики,—для *выясненія* она даетъ очень немного.

И. Степановъ.

А. А. Кауфманъ. Сибирское переселеніе на исходѣ XIX вѣка. Историко-статистическій очеркъ. Спб. 1901. 100 стр. Ц. 75 коп.

Наше законодательство до самаго послѣдняго времени относилось отрицательно къ переселенческому движенію и употребляло всѣ мѣры для противодѣйствія ему, за исключеніемъ тѣхъ, которыя только и могли бы положить конецъ самой причинѣ этого движенія...

Лежащая передъ нами трудолюбивая работа г. Кауфмана отлично показываетъ, какъ законодательство должно было постепенно склониться передъ стихійнымъ народнымъ движеніемъ и легализировать его.

Работа Кауфмана основана главнымъ образомъ на оффиціальныхъ данныхъ, составленныхъ для всемірной выставки 1900 г. Статистическія данныя этого оффиціальнаго отчета были составлены превосходно, но, какъ и слѣдовало ожидать, представлены въ черезчуръ оптими-

стическомъ свѣтѣ, и этотъ то черезчуръ оптимистическій свѣтъ отразился и въ работѣ нашего автора. Г. Кауфманъ страннымъ образомъ находитъ, что всѣ мучительныя перипетіи, переживаемыя переселенцами и въ изобиліи пестрящія страницы газетъ, „касаются только такихъ ненормальныхъ, исключительныхъ случаевъ, которые именно благодаря своей ненормальности и исключительности, обратили на себя вниманіе корреспондентовъ". „Передвиженіе переселенцевъ обставлено въ общемъ удовлетворительно" (36 стр.).

Всякій знакомый съ дѣйствительностью русскаго переселенческаго движенія едва ли согласится съ этимъ оптимистическимъ воззрѣніемъ автора. Если отбросить этотъ черезчуръ оптимистическій тонъ, представляющій печальную картину русскаго переселенческаго движенія въ черезчуръ розовомъ свѣтѣ, то работа г. Кауфмана должна быть признана дѣльнымъ своднымъ трудомъ съ свѣжими статистическими данными. Въ первой части рѣчь идетъ о новѣйшемъ законодательствѣ и мѣрахъ къ упорядоченію переселеній, вторая же и послѣдняя часть посвящены группировкѣ фактическихъ данныхъ о переселеніи и ходачествѣ.

Сущность обобщеній и критическихъ замѣчаній автора сводится прежде всего къ констатированію пріостановки роста переселенческаго движенія въ Сибирь; это замедленіе роста переселенческаго движенія авторъ ставитъ въ прямую связь съ постепеннымъ исчезновеніемъ у крестьянъ вѣры въ сибирское приволье въ связи съ постепеннымъ насыщеніемъ удобныхъ для колонизаціи мѣстъ. На будущность сибирской колонизаціи авторъ смотритъ нѣсколько пессимистически. Онъ констатируетъ тотъ фактъ, что несмотря на въ два съ половиною раза увеличившіяся издержки на землеотводныя работы, несмотря на вдвое большій составъ занятыхъ ими лицъ, результаты этихъ работъ за послѣднія пять лѣтъ выражаются въ цифрахъ, колеблющихся около одного средняго уровня и значительно уступающихъ цифрамъ перваго двухлѣтія; заготовлять необходимый запасъ земли удается, слѣдовательно, лишь цѣною все возрастающихъ затратъ труда и все увеличивающихся расходовъ; отводъ земли на одного переселенца въ настоящее время обходится приблизительно втрое дороже, нежели въ началѣ періода систематическихъ землеотводныхъ работъ, и одному числу переселенческихъ партій удается отмежевать все меньшее и меньшее количество земли (97).

„Мы можемъ нынѣ—говоритъ авторъ въ заключеніе — съ достаточною увѣренностью сказать, что размѣры переселенія въ Сибирь, достигнутые въ послѣдніе годы, не будутъ превзойдены—что ограниченность земельныхъ запасовъ Сибири уже поставила предѣлъ дальнѣйшему росту если не вообще переселенія, то, во всякомъ случаѣ, движенія въ Сибирь крестьянъ земледѣльцевъ. Въ лучшемъ случаѣ размѣры сибирскаго переселенія продержатся на современной высотѣ въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ, но затѣмъ они неизбѣжно должны будутъ сократиться... Сибирь должна будетъ утратить свое нынѣшнее значеніе главнаго пріемника для избыточнаго населенія черноземной полосы Европейской Россіи".

Намъ думается, что авторъ преуменьшаетъ емкость Сибири: въ Сибири имѣются еще огромныя пространства, не тронутыя сельскохозяйственной культурой и, быть можетъ, еще и неизвѣстныя изслѣдователямъ. Сибирь еще можетъ легко поглотить огромныя волны переселенческаго движенія, все будетъ только зависѣть отъ комбинаціи условій, при которыхъ оно будетъ происходить.

Реформаторскія идеи автора отличаются большою умѣренностью, что и понятно въ виду вышеочерченнаго его оптимистическаго воззрѣнія на современное состояніе переселенческаго дѣла; авторъ ограничивается указаніями на необходимость дальнѣйшей децентрализаціи управленія переселенческимъ дѣломъ и т. п.

Книгу г. Кауфмана можно рекомендовать, какъ дѣльное изложеніе современнаго состоянія переселенческаго движенія въ Сибири.

П. Б—инъ.

В. Шимкевичъ. проф. спб. университета. Біологическія основы зоологіи. 260 рис. Стр. 415+VI. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. СПБ. 1902. Ц. 3 руб.

Вопросы общей біологіи до настоящаго времени представляютъ область, мало еще разработанную. Явленія жизни и развитія организмовъ, болѣе или менѣе изученныя съ внѣшней стороны, не вполнѣ доступны нашему пониманію съ точки зрѣнія ихъ внутренней сущности и причинности. Тѣмъ не менѣе, наука не остановилась здѣсь на одномъ мѣстѣ. Дружными усиліями зоологовъ, эмбріологовъ, физіологовъ, ботаниковъ и т. д. дѣлаются постепенныя завоеванія въ разъясненіи различныхъ принципіальныхъ вопросовъ жизни, казавшихся ранѣе неразрѣшимыми. Сведеніе добытыхъ въ этомъ отношеніи данныхъ въ одно цѣлое представляется въ высшей степени важнымъ, но въ то же время и весьма затруднительнымъ. Прежде всего, требуется громадная эрудиція. Не представляя, по своей всеобъемлемости, привилегіи одной какой либо области знанія, общебіологическіе вопросы получаютъ освѣщеніе со стороны самыхъ различныхъ спеціальностей: чтобы услѣдить за всѣмъ этимъ, нужно быть весьма и весьма начитаннымъ. Съ другой стороны, чтобы не запутаться въ большомъ разнообразіи гипотезъ, догадокъ и предположеній по множеству весьма трудныхъ и запутанныхъ біологическихъ вопросовъ и предохранить себя отъ преждевременнаго увлеченія той или другой красивой теоріей,—требуется исключительная ясность, уравновѣшенность и спокойствіе мысли. И въ томъ, и другомъ отношеніи названная книга проф. Шимкевича производитъ самое благопріятное впечатлѣніе и, безспорно, представляетъ выдающееся явленіе въ общебіологической литературѣ. При указанныхъ внутреннихъ достоинствахъ, она, по своему содержанію, тѣмъ отличается отъ другихъ книгъ по біологіи, имѣющихся на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, что въ ней отведено болѣе широкое мѣсто даннымъ общей физіологіи и, такъ

называемой, механикѣ развитія. Книга распадается на девять главъ. Въ I и II гл. авторъ подробно останавливается на выясненіи общихъ условій, при которыхъ возможна жизнь, на механическомъ и виталистическомъ пониманіи жизненныхъ явленій, на строеніи и физіологическихъ функціяхъ клѣтки, какъ основной біологической единицы, и одноклѣточныхъ организмовъ; при этомъ отводится много мѣста попыткамъ искусственнаго воспроизведенія физической стороны жизненныхъ явленій въ клѣткѣ. Въ III гл. выясняется переходъ отъ одноклѣточныхъ организмовъ къ многоклѣточнымъ и дѣлается общая характеристика послѣднихъ, какъ системы тканей и органовъ. Въ IV гл. представленъ общій очеркъ основныхъ типовъ животнаго царства и выясняется связь между ними, причемъ дается прекрасная картина постепеннаго осложненія организаціи въ животномъ мірѣ. V, VI, VII и VIII главы посвящены вопросамъ общей эмбріологіи. Здѣсь собраны всѣ существенныя свѣдѣнія о живчикѣ, яйцѣ и оплодотвореніи, о формахъ дробленія и образованіи эмбріональныхъ пластовъ, объ уклоненіяхъ отъ нормальнаго пути развитія, о развитіи при искусственныхъ условіяхъ и о безполомъ размноженіи. Наконецъ, IX глава трактуетъ о трансформизмѣ и наслѣдственности. Богатство матеріала, которымъ располагаетъ авторъ, обиліе ученыхъ работъ, на которыя дѣлается указаніе въ текстѣ, все это показываетъ, что „Біологическія основы зоологіи“ есть результатъ самаго обстоятельнаго, профессорскаго знакомства съ литературой по зоологіи и другимъ прикосновеннымъ областямъ. Благодаря ясности и критической силѣ мысли автора, весьма сложный фактическій и теоретическій матеріалъ расположенъ въ строгой системѣ и получаетъ здравое освѣщеніе. Принадлежа самъ къ сторонникамъ механическаго пониманія жизненныхъ явленій, проф. Шимкевичъ не насилуетъ, однако, мысли читателя въ этомъ направленіи, не подбираетъ искусственно въ свою пользу фактовъ и не закрываетъ глазъ на то, что въ этой области весьма многое для насъ еще не понятно, что, напримѣръ, опыты искусственнаго воспроизведенія жизненныхъ явленій одноклѣточныхъ организмовъ представляются лишь „отдаленнымъ подражаніемъ, маріонетками“. Но это безпристрастіе и вполнѣ объективное изображеніе того, какъ, однако, умъ человѣческій постепенно суживаетъ область таинственнаго, наиболѣе всего способны убѣдить читателя, вмѣстѣ съ авторомъ, что таинственному, въ смыслѣ сверхъестественнаго, въ природѣ нѣтъ и не должно быть мѣста. Языкъ книги простой, ясный и точный; рисунки, шрифтъ и бумага прекрасные.

И. Полянскій.

Д-ръ мед. В. А. Лунцъ. Пища и болѣзни желудка. Популярно-научныя бесѣды, съ рисунками въ текстѣ и съ хромолитографированными таблицами. СПБ. 1902. 154 + VIII стр. мал. 8°. Ц. 80 коп.

Въ книжкѣ этой авторъ поставилъ себѣ задачею „изложить общедоступнымъ языкомъ тѣ свѣдѣнія о пищѣ и дѣятельности желудка въ здоровомъ и больномъ состояніи, на основаніи которыхъ въ современной медицинѣ возникло ученіе о леченіи болѣзней желудка діэтою". Точное опредѣленіе, въ чемъ должна состоять діэта — есть задача пользующаго врача, книжка же автора даетъ „лишь общія правила, которыхъ слѣдуетъ придерживаться при выборѣ пищи и всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ поводъ быть недовольнымъ своимъ желудкомъ". Не мало, впрочемъ,—говоритъ авторъ, изъ тѣхъ совѣтовъ относительно пріема пищи, которые мы предлагаемъ вниманію больныхъ, очень и очень не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію и людямъ здоровымъ. На этомъ основаніи мы позволяемъ себѣ рекомендовать нашу книжку и вниманію здоровыхъ людей.

Авторъ имѣетъ въ виду, очевидно, читателей образованныхъ, такъ какъ не особенно стѣсняется терминами, научными выраженіями и ссылками на такія подробности, которыя предполагаютъ со стороны читателя извѣстную подготовку по естествознанію. Излагаетъ онъ предметъ хорошимъ литературнымъ языкомъ и, можно сказать, владѣетъ талантомъ популяризатора. Правда, стараніе быть понятнымъ заставляетъ его подчасъ повторяться, говорить слишкомъ элементарныя, извѣстныя вещи, но, тѣмъ не менѣе, при чтеніи это не производитъ непріятнаго впечатлѣнія. Встрѣчаются, впрочемъ, и неподходящіе пріемы объясненія. „Желудокъ есть часть пищеварительной трубки (пищеварительнаго канала), тянущейся вдоль всего нашего тѣла" (стр. 18). „Слабому желудку легче протолкать въ кишки небольшое количество пищи" (стр. 66). Отъ автора можно было бы ожидать болѣе яснаго толкованія. Равнымъ образомъ, сравниваніе остраго воспаленія пальца (костоѣды) съ острымъ катарромъ желудка нельзя назвать особенно удачнымъ...

Мѣстами попадаются въ книжкѣ даже такія данныя, которыхъ и не обязанъ знать обыкновенный читатель. Такъ, напримѣръ, объ альбумозѣ авторъ говоритъ, какъ о вещи вполнѣ извѣстной (стр. 94, 102), о тепловомъ значеніи пищи (о калоріяхъ) точно также трактуетъ, не стѣсняясь, а между тѣмъ въ популярныхъ руководствахъ прямо избѣгаютъ подобныхъ вопросовъ.

Въ настоящее время, при особенно энергичномъ нападеніи на спиртные напитки, на куреніе табаку, какъ-то странно встрѣчать врача, говорящаго о нихъ снисходительно. А между тѣмъ д-ръ Лунцъ спокойнѣйшимъ образомъ рекомендуетъ больнымъ желудкомъ и легкія французскія вина, и мозельвейнъ, и ложечками коньякъ и т. д. Относительно куренія говорится прямо: „послѣобѣденную сигару можетъ себѣ разрѣшить и человѣкъ со слабымъ желудкомъ. Опытъ показываетъ, что куреніе папиросъ больше вредитъ желудку, чѣмъ сигары" (стр. 63).

„Молоко для больныхъ обязательно должно быть кипяченное: во первыхъ, кипяченное молоко легче переваривается желудкомъ, во вторыхъ, и это еще важнѣе,—въ сыромъ молокѣ могутъ обрѣтаться болѣзненные зародыши“... (стр. 99). Въ послѣдніе годы изслѣдованія бактеріологовъ (Лацарусъ, Даниловъ, Старкъ) приводятъ не только къ совершенно противоположному заключенію, но и обвиняютъ стерилизованное молоко въ вызываніи имъ у дѣтей англійской болѣзни и цынги.

Наконецъ, отмѣтимъ нѣсколько маленькихъ ошибокъ, неиріятно дѣйствующихъ въ книжкѣ, предназначенной для обычнаго читателя. Такъ, норма пищи по Фойту равняется 118 грам. бѣлковъ, 56 грам. жировъ и 500 гр. углеводовъ, въ книжкѣ же стоитъ: 100 грам. бѣлковъ, 60 грам. жировъ и 400 грам. углеводовъ, а, кстати, говорится, что 60 грам. равны 9 золотникамъ—вмѣсто 14 золотниковъ. Терминъ „пищевыя средства“ авторъ смѣшиваетъ съ терминомъ „пищевыя вещества“, т. е. цѣлое уподобляетъ части. „Одно яйцо по питательности почти равняется небольшому стакану молока или золотнику мяса“, тогда как оно приравнивается [напр., Рубнеромъ] 40 граммамъ [болѣе 9 золотн.] мяса.

При слѣдующемъ изданіи книжки автору не мѣшаетъ обратить вниманіе на указанныя погрѣшности, а кстати дополнить или совсѣмъ изъять изъ книжки малодоступные читателю-неспеціалисту подробности о тепловомъ значеніи [калоріяхъ] пищи, о процентномъ отношеніи въ ней пищевыхъ веществъ и т. п.

Несмотря на указанные, сравнительно малочисленные, недостатки, книжка представляетъ значительный интересъ, весьма поучительна и должна найти обширный кругъ читателей, особенно въ настоящее время, столь обильное лицами, одержимыми разстройствомъ пищеваренія.

А. Виреніусъ.

І. О. Петерсонъ.—Наша пища. Какъ надо питаться, чтобы быть здоровымъ. О питаніи для здоровыхъ и больныхъ. Изд. „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. М. 1901 г. Стр. 260. Ц. 90 к.

Редакція изданій „Посредника“ уже съ давнихъ поръ (съ 1893 г.) является въ русской литературѣ энергичной поборницей вегетаріанской пищи въ частности и милосердія къ безсловеснымъ животнымъ вообщѣ, причемъ въ ряду своихъ сторонниковъ она имѣетъ между прочимъ въ качествѣ одного изъ самыхъ страстныхъ борцовъ и гр. Л. Н. Толстого: онъ и дѣломъ, и своимъ могучимъ словомъ не мало послужилъ въ Россіи на пользу этого ученія. Книжка г. Петерсона представляетъ собою попытку съ научной стороны показать состоятельность вегетаріанства, и съ этой цѣлью авторъ довольно подробно разбираетъ химическій составъ различныхъ кушаній какъ вегетаріанскихъ, такъ и не вегетаріанскихъ. Все это приводитъ его къ слѣдующему заключенію, которое формулируется

имъ въ видѣ „двухъ неопровержимыхъ истинъ": „Для бѣдняковъ которые должны заботиться о томъ, чтобы доставить себѣ самую дешевую и здоровую пищу, которая въ тоже время какъ можно лучше поддерживала бы ихъ рабочія силы, пища должна состоять исключительно изъ продуктовъ царства растительнаго съ прибавленіемъ молока". „Для людей состоятельныхъ, для которыхъ стоимость ихъ продовольствія безразлична, наиболѣе здоровую и подходящую пищу составитъ такая, въ которой заключается наименѣе продуктовъ, извлеченныхъ изъ царства животнаго" (Стр.87). Къ этому нужно прибавить, что точка зрѣнія, которой придерживается авторъ разбираемой книжки, расходится съ точкой зрѣнія редакціи „Посредника": авторъ приходитъ къ своимъ выводамъ исключительно съ научной точки зрѣнія, именно изъ того научнаго убѣжденія, что растительная пища является наиболѣе гигіеничной, между тѣмъ „Посредникъ" смотритъ на дѣло главнымъ образомъ съ точки зрѣнія нравственности, признавая убійство животныхъ въ пищу беззаконнымъ дѣломъ. Это и порождаетъ нѣкоторые конфликты между авторомъ и редакціей всякій разъ, какъ авторъ дѣлаетъ послабленія вегетаріанскихъ строгостей.

Наиболѣе цѣнной стороной этой книги должно признать разборъ нашей пищи со стороны ея химическаго состава; эта часть имѣетъ большой интересъ, будетъ ли ея читатель сторонникомъ, или противникомъ вегетаріанства; жалко только лишь, что процессамъ сгоранія пищи въ организмѣ почти совсѣмъ не отведено мѣста. Особенно же интересна большая таблица, приложенная въ концѣ книги: здѣсь приведенъ химическій составъ самыхъ различныхъ пищевыхъ продуктовъ, и, пользуясь этой картой, легко можно оцѣнить самому достоинство того или другого стола со стороны его питательности. Если бы ко всему этому прибавить еще хотя бы краткое изложенія физіологическаго ученія о растительныхъ процессахъ животнаго организма, насколько это необходимо для пониманія сущности питанія, то вегетаріанство и не-вегетаріанство одинаково бы выгадало. Во всякомъ случаѣ, все это было бы несравнимо полезнѣе тѣхъ главъ, которыя назначены дѣйствовать на воображеніе, напр., глава XXI „Пути отреченія", гл. XXII „Сады райскіе", гдѣ „ты увидишь деревья, обремененныя сладостными плодами, родники съ кристально-чистой водой, пестрые цвѣты и птицъ въ ихъ разноцвѣтномъ великолѣпіи... гдѣ зрительный нервъ твой не раздражаютъ гигантскія афиши и объявленія о Либиховскомъ бульонѣ и ванъ-Гаутеновскомъ какао... гдѣ мысли парятъ въ высь..." и т. д. (стр. 232).

Такова общая часть книги, такъ сказать, безотносительная къ основной ея идеѣ. Что же должно сказать объ ея основномъ принципѣ, о необходимости вегетаріанства? Этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ, и новаго къ нему авторъ ничего не прибавляетъ, и даже нѣсколько игнорируетъ уже извѣстные факты. Авторъ совершенно справедливо указываетъ, что по своему анатомическому строенію человѣкъ принадлежитъ къ типу животныхъ травоядныхъ и зерно-

ядныхъ, а отсюда заключаетъ, что привычка къ мясу выработалась искусственнымъ путемъ и что она поэтому является явленіемъ противоестественнымъ. Авторъ поражаетъ новаго читателя тѣмъ фактомъ, что чуть ли не большинство человѣческаго населенія по своему матеріальному положенію принуждено быть вегетаріанцами, и что для всего человѣчества никакъ не можетъ хватить мяса. Но онъ ингорируетъ тотъ фактъ, что такъ называемое убойное питаніе составляетъ, можетъ быть, дурную привычку, выработанную цѣлыми поколѣніями, и что человѣкъ, энергія котораго тратится на жестокую борьбу за существованіе, не можетъ безнаказанно мѣнять вѣками установленный жизненный режимъ.

Книжка „Посредника“, во всякомъ случаѣ, представляется очень полезной и не столько какъ попытка привлечь людей къ вегетаріанству, сколько какъ попытка разумно взглянуть на нашъ пищевой режимъ; этому въ громадной степени помогаютъ тѣ научныя свѣдѣнія, которыя въ ней сообщаются и которыя вносятъ болѣе или менѣе критическое отношеніе къ нашему пищевому режиму.

Н. Малышевъ.

А. Герценъ.—Физіологическія бесѣды. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1901. Стр. 233. Ц. 1 р.

Книжка г. Герцена, профессора физіологіи лозаннскаго университета, очень удачно названа „бесѣдами“: въ ней читатель не найдетъ строго изложеннаго систематическаго курса физіологіи, какъ это, напр., сдѣлано въ прекрасной популярной книжкѣ профессора И. М. Сѣченова „Физіологическіе очерки“. Содержаніе предлагаемой книжки, наоборотъ, очень разнообразно и нерѣдко выходитъ изъ тѣхъ рамокъ, которыя ограничиваютъ собою предметъ физіологіи. Такъ, здѣсь читатель найдетъ и элементарное опредѣленіе физіологіи, какъ науки, и главу о началѣ жизни, о броженіи и заразѣ, — глава, которая съ большимъ правомъ можетъ быть отнесена къ бактеріологіи, чѣмъ къ физіологіи; здѣсь же ему встрѣтится психологическое изслѣдованіе тѣхъ условій, которыя опредѣляютъ человѣческіе поступки и, наконецъ, цѣлая статья о волѣ, свободѣ и нравственности, которая помѣщается въ качествѣ приложенія въ концѣ книги. Въ виду такого подбора матеріала было бы гораздо лучше назвать книжку болѣе общимъ и потому болѣе подходящимъ названіемъ „біологическихъ бесѣдъ“, что болѣе точно выразило бы характеръ ея содержанія.

Выборъ тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящены „бесѣды“, въ большой степени обусловливается не тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ считается съ потребностями читателя, а тѣмъ, что самому автору хочется высказаться по поводу многихъ вопросовъ, которые являлись для него предметомъ настойчивыхъ думъ и научныхъ изслѣдованій. Таковъ вообще литературный обликъ разбираемаго автора, уже заявившаго себя цѣлымъ рядомъ статей въ русской

популярной литературѣ. Такой пріемъ при выборѣ „бесѣдъ", вообще говоря, для популяризатора является довольно опаснымъ: авторъ, изслѣдуя какой-нибудь вопросъ, не имѣющій особенно важнаго значенія вообще, можетъ взглянуть на него съ своей собственной точки зрѣнія и въ ущербъ интересамъ читателя придать ему больше значенія, чѣмъ вопросъ того стоитъ на самомъ дѣлѣ; кромѣ того авторъ въ этихъ случаяхъ считаетъ себя въ правѣ привести собственный взглядъ на дѣло, а это для читателя популярной книжки оказывается невыгоднымъ всякій разъ, когда авторъ удѣляетъ больше вниманія аргументаціи своихъ собственныхъ, еще малоустановленныхъ воззрѣній въ ущербъ тѣмъ, которыя въ наукѣ или, по крайней мѣрѣ, въ учебной литературѣ считаются общепризнанными. По счастію г. Герцену удается болѣе или менѣе счастливо избѣжать этой опасности. Его книжка представляетъ собою довольно удачный разборъ затронутыхъ имъ вопросовъ, причемъ онъ обыкновенно не только даетъ современное научное рѣшеніе этого вопроса, но и тотъ путь, по которому наука пришла къ этому рѣшенію. Научная точность въ выводахъ остается отличительной чертой въ его изложеніи, и авторъ не покидаетъ ея для того, чтобы вести читателя по скользкому пути гипотетическихъ умствованій. Для примѣра укажу на то, какъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о такъ называемомъ самопроизвольномъ зарожденіи организмовъ. Отмѣтивъ историческое возникновеніе этого вопроса, именно—тотъ періодъ, когда еще думали, что угри родятся изъ рѣчного ила, а львы изъ пустыннаго песка подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, авторъ строго опредѣляетъ то время, когда къ рѣшенію этого вопроса приступили во всеоружіи настоящихъ научныхъ методовъ, и очень добросовѣстно описываетъ экспериментальныя изслѣдованія Бастіана, которыя, по общему признанію, мало того заслуживаютъ, и удѣляетъ сравнительно съ заслугами мало вниманія работамъ Пастёра. Этотъ разборъ приводитъ его къ совершенно справедливому выводу, который можно найти на страницахъ любого курса зоологіи: въ настоящее время никогда и нигдѣ не наблюдалось явленія самопроизвольнаго зарожденія организмовъ. Эта же особенность изложенія выступаетъ и въ другихъ мѣстахъ книжки, особенно же хорошо, напр., въ изложеніи ученія о бактеріальномъ характерѣ инфекціонныхъ болѣзней и объ органическомъ предрасположеніи къ заболѣванію заразительными болѣзнями.

Но если авторъ хорошо излагаетъ тѣ факты, которые для науки являются твердо установленными, то эта ясность, точность и простота измѣняютъ ему всякій разъ, какъ только онъ пускается въ область самостоятельныхъ опредѣленій и обобщеній. Если бы онъ въ этихъ случаяхъ оставилъ свое желаніе быть оригинальнымъ и постарался бы только лишь гораздо точнѣе и проще популяризировать факты, уже точно установленные, то его читатель получилъ бы гораздо больше. Въ подтвержденіе этого приведу слѣдующіе примѣры. Въ самомъ началѣ своей книжки авторъ даетъ опредѣленіе предмета физіологіи, другими словами — опредѣленіе самой

жизни. „Жить,—говоритъ авторъ на стр. 2-ой,—это прежде всего и для всѣхъ живыхъ существъ значитъ питаться и размножаться". И затѣмъ: „жить—значитъ также двигаться и чувствовать". Такимъ образомъ, здѣсь критеріемъ жизни взяты чисто физіологическіе факторы: питаніе, размноженіе и движеніе, а такъ какъ все это хорошо извѣстно каждому человѣку, то авторъ ровно ничего не сообщаетъ новаго читателю, да еще, кромѣ того, на время вводитъ его въ заблужденіе относительно жизни растеній, гдѣ движенія заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія, а чувствованія не стоятъ никакого труда со стороны популяризатора, какъ предметъ не благодарный. Совсѣмъ было бы иначе, если бы авторъ взглянулъ на дѣло съ обычной точки зрѣнія и опредѣлилъ жизнь растительную, какъ синтезъ сложныхъ органическихъ веществъ, животную—какъ явленіе ихъ распаденія, сопровождающееся выдѣленіемъ энергіи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Если бы къ такому опредѣленію жизни прибавить біологическое опредѣленіе, разсматривающее жизнь, какъ борьбу за существованіе вида и особи, то въ этомъ случаѣ общее значеніе нервно-мышечной системы въ качествѣ авторегулятора организма было бы очень ясно, а съ этими свѣдѣніями автору было бы очень легко перейти къ изложенію біологической (но никакъ не физіологической) точки зрѣнія на нравственность, чего автору никакъ не удалось сдѣлать.

Кромѣ этого, автору можно поставить въ упрекъ нѣкоторую несвойственную ему рѣшительность, когда онъ трактуетъ о душевной жизни животныхъ, и излишнее довѣріе къ подобнымъ же разсказамъ неизвѣстныхъ лицъ, носящихъ анекдотическій характеръ. Такъ, напр., наблюдавшееся имъ рычаніе одной собаки на другую, которая ѣла вырѣзанную селезенку собаки, находившейся въ это время на вивисекціонномъ столѣ, авторъ объясняетъ какъ выраженіе укора за дурной, совсѣмъ не товарищескій поступокъ. Если о человѣческой душѣ говорятъ, что она—потемки, то о собакѣ лучше было бы ничего не говорить, тѣмъ болѣе, что и читатель отъ этого ровно бы ничего не потерялъ, да и безъ того къ хорошей книжкѣ ничего не прибавляется. А между тѣмъ авторъ далеко не удѣляетъ должнаго вниманія поразительной и захватывающей гипотезѣ синильнаго радикала Пфлюгера, которая ни по широтѣ затрогиваемаго вопроса (о происхожденіи органической жизни на землѣ), и по своему общему интересу нисколько не уступаетъ знаменитой Канто-Лапласовской теоріи.

Въ общемъ книжка г. Герцена является очень желаннымъ явленіемъ въ русской популярной литературѣ: изложена она довольно интересно, и читатель найдетъ въ ней немало для себя поучительнаго.

Н. Малышевъ.

А. Фишеръ.—Лекціи о бактеріяхъ. Библіотека для самообразованія. Перев. А. В. Генерозова. Москва 1902. Стр. 299. Ц. 1 р. 60 к.

Книга проф. Фишера по своему содержанію и по своему изложенію вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ симпатичнымъ задачамъ, которыя себѣ поставила „Библіотека для самообразованія"; въ ней вполнѣ заключенъ „тотъ необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ даннымъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько нибудь основательнымъ". Намъ здѣсь приходится только лишь разъяснить, что это за „необходимый минимумъ познаній", который исчерпываетъ собой содержаніе предлагаемой книги. Бактеріологія въ настоящее время разрослась до громадныхъ размѣровъ, такъ что изъ нея выдѣляютъ даже отдѣльныя отрасли, — медицинская бактеріологія, сельскохозяйственная, техническая и др., пользуясь для этого подраздѣленія чисто практическими примѣненіями данной науки. Книга проф. Фишера охватываетъ собою предметъ во всей его полности, и при этомъ изложеніе остается все время краткимъ, не углубляясь въ утомительныя подробности и касаясь лишь самыхъ общихъ данныхъ, имѣющихъ основное значеніе и большой интересъ. Вотъ это то обстоятельство и является главнымъ достоинствомъ книги, благодаря которому она заслуживаетъ самого широкаго распространенія среди читателей серьезныхъ популярныхъ книгъ. Къ этому присоединяется еще и другое достоинство,—простое и интересное изложеніе.

Въ началѣ книги авторъ знакомитъ вообще съ бактеріальнымъ міромъ, излагая ученіе о строеніи и функціяхъ бактерій; все это написано очень понятно, просто и интересно; затѣмъ дальше онъ довольно подробно ознакомляетъ читателя съ бактеріями вообще, приводя ихъ систематическую группировку, и кончаетъ общимъ положеніемъ ихъ въ системѣ организмовъ. Посвятивъ такимъ образомъ читателя въ научныя основы современной бактеріологіи, ему уже очень легко ознакомить его съ общимъ значеніемъ бактерій въ жизни земли, другими словами, съ ихъ медицинскимъ, сельскохозяйственнымъ и техническимъ значеніемъ. Приведемъ для большаго ознакомленія читателя перечень относящихся сюда главъ: „Бактеріи и круговоротъ азота, бактеріи и круговоротъ угольной кислоты, бактеріи, какъ возбудители болѣзней". Намъ ничего не остается сдѣлать, какъ подписаться подъ слѣдующими словами проф. Н. Н. Худякова, предпосланными этой книгѣ въ предисловіи:

„Я смѣло могу рекомендовать эту книгу всѣмъ, интересующимся бактеріологіей. Она окажется полезной и для натуралиста, пожелавшаго составить себѣ ясное представленіе о современномъ положеніи бактеріологіи, какъ науки, и для того, кто захочетъ познакомиться съ бактеріологіей ради ея прикладной роли въ современной медицинѣ, агрономіи и технологіи".

Н. Малышевъ.

Г. Г. Якобсонъ и В. Л. Біанки. Прямокрылыя и ложносѣтчатокрылыя Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ странъ. Составлено по Dr. R. Tümpel'ю Die Geradflügler Mitteleuropas. Съ 22-мя раскрашенными и 3-мя черными таблицами и со 100 политипажами въ текстѣ. СПб. Изд. А. Ф. Девріена. 40. Вып. 1-ый, стр. 1—80 и табл. I—V.—Вып. 2-ой, стр. 81—160 и табл. VI—IX. 1902 г.

Сочиненіе это будетъ состоять изъ 6 выпусковъ (въ суммѣ ок 480 стр). и является столь необычайнымъ событіемъ въ русской популярно-научной литературѣ, что заслуживало бы обстоятельнаго разсмотрѣнія, на которое у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ мѣста. Книга гг. Якобсона и Біанки составлена по Tümpel'ю, Die Geradflügler Mitteleuropas. Но многочисленныя измѣненія и дополненія, сдѣланныя въ ней, весьма выгодно отмѣчаютъ ее предъ нѣмецкимъ оригиналомъ и, если книга Тюмпеля широко рекомендуется какъ заграничной печатью, такъ и нѣкоторыми русскими спеціальными органами, не только всякому начинающему, но особенно, въ качествѣ справочной книги, всякому спеціалисту, то русское изданіе заслуживаетъ этой рекомендаціи въ еще большей степени и тѣмъ шире, что при ея составленіи не упущено изъ виду, въ извѣстной мѣрѣ, и практическое значеніе трактуемыхъ отрядовъ насѣкомыхъ. Весьма часто, если не обыкновенно, популярно-научныя сочиненія даже въ моментъ выхода ихъ въ свѣтъ грѣшатъ нѣкоторою отсталостью, являются преждевременно устарѣлыми. Насколько можно судить по двумъ вышедшимъ выпускамъ, имъ нельзя сдѣлать этого упрека, по крайней мѣрѣ, можно замѣтить, что авторы принимали во вниманіе и новѣйшую литературу.

Вышедшіе въ свѣтъ первый и второй выпуски представляютъ двѣ прекрасно изданныхъ тетради въ 160 стр. большого quarto, съ 9-ью таблицами рисунковъ, въ изящной обложкѣ. Въ нихъ заключаются: таблица для опредѣленія отрядовъ прямокрылыхъ и ложносѣтчатокрылыхъ насѣкомыхъ, весь первый отрядъ уховертокъ и часть второго, самаго крупнаго,—настоящихъ прямокрылыхъ. Книга гг. Якобсона и Біанки заключаетъ весьма разностороннія свѣдѣнія о прямокрылыхъ и ложносѣтчатокрылыхъ, отвѣчая, съ одной стороны, на разнообразные вопросы человѣка, впервые заинтересовавшагося этими группами насѣкомыхъ, и съ другой—служа весьма солидной справочной книгой для спеціалиста (обширная литература и пр.).

По книгѣ Тюмпеля, положенной въ основу русскаго изданія, въ составъ средней Европы входятъ только Германія и Австро-Венгрія. Едва ли можно согласиться вообще съ такими границами взятой области,—замѣчу мимоходомъ. Но чтобы имѣть форму указанныхъ группъ насѣкомыхъ нашей широкой матушки—Руси, да еще съ сопредѣльными странами, составителямъ пришлось включить длинный рядъ странъ съ ихъ фаунами, не вошедшихъ въ сочиненіе Тюмпеля. Поэтому составителямъ пришлось добавить даже два отряда (термитовъ и эмбій), представителей которыхъ нѣтъ въ

тюмпелевской средней Европѣ, и разсмотрѣть большее число видовъ.

Говоря о сдѣланныхъ русскими авторами дополненіяхъ, слѣдуетъ отмѣтить еще одно весьма существенное, котораго мы вскользь коснулись выше, упоминая о спискахъ литературы. У Тюмпеля приводится всего 171 источникъ (нужно имѣть въ виду, что нѣкоторые повторяются 2 и даже 3 раза). Вышедшая же часть русскаго труда содержитъ 947 №№ литературы, да, кромѣ того, 318 №№ содержатъ списки литературы по вреднымъ представителямъ разсматриваемыхъ насѣкомыхъ, превосходя въ суммѣ уже теперь болѣе, чѣмъ въ 7½ разъ, оригиналъ. Особенно нужно быть благодарнымъ авторамъ книги за самостоятельное составленіе литературы по вреднымъ насѣкомымъ—отдѣла, не имѣющагося вовсе въ нѣмецкомъ оригиналѣ. Наконецъ, въ русскомъ изданіи добавлены двѣ таблицы, изображающія (съ натуры) важнѣйшихъ русскихъ представителей, которыхъ не могло быть въ нѣмецкомъ оригиналѣ; одна изъ нихъ приложена къ первому выпуску, и, нужно сказать, рисунки на ней исполнены живѣе, чѣмъ въ нѣмецкомъ изданіи.

Громадныя дополненія, самостоятельность въ обработкѣ матеріала и рѣдкая добросовѣстность въ выполненіи поставленныхъ задачъ дѣлаютъ выходящую въ свѣтъ книгу положительно новинкой и, смѣемъ думать, не только въ русской литературѣ, и даютъ намъ право пожелать ей возможно полнаго и заслуженнаго успѣха. Подписная цѣна (10 р. 50 к.) не можетъ быть признана высокою, какъ въ виду объемистости книги (около 480 стр 4⁰) и значительнаго числа цвѣтныхъ рисунковъ, такъ и потому, что нѣмецкій оригиналъ, имѣющій всего 308 стр., стоитъ ту же сумму (22 марки) и за границей пользуется успѣхомъ.

Общеобразовательная библіотека подъ редакціей А. Е. Оболенскаго въ изданіи П. П. Гершунина.—Джемсъ Брайсъ. Вильямъ Гладстонъ. Спб. 1902. in. 8-vo. Стр. 64. Ц. 25 коп.

Джемсъ Брайсъ—писатель, хорошо знакомый русской читающей публикѣ. Его превосходныя книги „Священная римская имперія" и „Американская республика" переведены на русскій языкъ и успѣли захватить широкій кругъ читающихъ. Характеристика *„великаго старика"*, которой посвящена брошюра Брайса, представляетъ вдвойнѣ высокій интересъ, выдающееся общеобразовательное значеніе. Критикѣ надлежитъ выразить свое глубокое сочувствіе по поводу прекраснаго по внѣшности и дешеваго по цѣнѣ изданія въ русскомъ переводѣ статьи Брайса о Гладстонѣ и пожелать ей самаго широкаго распространенія. Статья Брайса, личность Гладстона возбуждаютъ въ мыслящемъ русскомъ читателѣ цѣлый міръ своеобразнаго настроенія: такихъ, какъ Гладстонъ, у насъ нѣтъ и не можетъ быть, не можетъ, ибо Гладстонъ—плодъ цивилизаціи, признающей личность человѣка и гражданина; Гладстоны нарождаются тамъ, гдѣ

есть живая жизнь, живое слово, печать свободная и независимая, гдѣ имѣютъ понятіе о законномъ порядкѣ вещей, гдѣ народная воля находитъ свое выраженіе въ закономѣрно дѣйствующихъ представительныхъ учрежденіяхъ... При иныхъ условіяхъ, дарованія Гладстона не нашли бы себѣ выраженія, измотались бы въ адской душевной мукѣ предъ лицезрѣніемъ ежеминутно попираемыхъ началъ права и справедливости. Это надруганіе надъ правомъ и справедливостью было глубоко ненавистно Гладстону, и съ какимъ неподражаемымъ благородствомъ обрисовываетъ Брайсъ эту великую черту „великаго старика" XIX вѣка.. Въ 1851 году Гладстонъ опубликовалъ свое знаменитое открытое письмо къ лорду Эбердину о господствующемъ въ Италіи террорѣ неаполитанскихъ Бурбоновъ... Это письмо дало новое положеніе въ Европѣ вопросу о національномъ движеніи въ Италіи, создало послѣднему поддержку въ англійскомъ общественномъ мнѣніи... Угнетенные народы всегда находили въ немъ мощнаго борца: въ 1876 году онъ дѣлаетъ страшную вылазку противъ Турціи послѣ армянской рѣзни; той же темѣ посвящена и его послѣдняя публичная рѣчь въ 1896 году (стр. 38). Благородные завѣты „великаго старика" прорвались въ самомъ авторѣ характеристики Гладстона, Брайсѣ, произнесшемъ извѣстную рѣчь о войнѣ англичанъ съ бурами въ 1901 году... „Гладстона, пишетъ Брайсъ (стр. 23), вообще болѣе интересовали идеи и вопросы, чѣмъ личныя черты людей: его симпатія съ большей силой и горячностью направлялась къ несчастьямъ и страданіямъ націй или массъ, нежели къ судьбамъ отдѣльныхъ личностей" (срв. стр. 58). Глубоко, искренно религіозный Гладстонъ наканунѣ смерти „съ не меньшей надеждой, чѣмъ въ дни юности, взиралъ на общій прогрессъ, съ не меньшимъ довѣріемъ относился къ благотворному могуществу свободы, увеличивающей счастье родной страны" (стр. 44), говоритъ Брайсъ, обрисовывая его удивительные предсмертные годы и поражая мысль читателя примѣрами рѣдкой независимости и смѣлости политическихъ подвиговъ Гладстона, провозгласившаго декларацію противъ государственнаго характера ирландской церкви въ 1868 году и въ пользу ирландскаго гомъ-руля въ 1886 году. А рѣчь Гладстона, произнесенная въ томъ же году во время одного изъ утомительныхъ парламентскихъ дебатовъ, вызванныхъ отказомъ торійской партіи и нѣкоторыхъ робкихъ либераловъ допустить м-ра Чарльза Брэдло къ присягѣ въ палатѣ общинъ? Строки Брайса (стр. 33—34), посвященныя этой рѣчи, нельзя забыть: онѣ посвящены изумительно благородной минутѣ въ жизни Гладстона, выразившаго взглядъ, что „нравственную цѣнность и значеніе имѣетъ не одна только вѣра въ простое существованіе Божества, но также и форма реализаціи его, какъ Провидѣнія, управляющаго міромъ". Авторъ билля о гомъ-рулѣ 1886 года, этой новой конституціи для Ирландіи, Гладстонъ путемъ законовъ о парламентской реформѣ 1861 и 1884 годовъ и закона о перераспредѣленіи депутатскихъ полномочій 1885 года превратилъ „Великобританію въ демократическую страну"; эти законы глубоко измѣнили характеръ ея правленія, какъ и парла-

ментская реформа 1832 года (стр. 37). Но какъ ошибались тѣ, которые были готовы провозгласить его „демагогомъ, богатымъ на обѣщанія, готовымъ на всякое предложеніе, лишь бы быть услышаннымъ народомъ“. „Нѣтъ, справедливо возражаетъ Брайсъ (стр. 19), никакой великій народный вождь не имѣлъ въ себѣ меньше демагогическихъ наклонностей, чѣмъ Гладстонъ“; онъ только зналъ, что есть „предѣлъ, дальше котораго государственному дѣятелю невозможно бороться съ народной волей, что нужно иногда приспособляться къ ней для того, чтобы ее направлять“. Гладстонъ постоянно учился у фактовъ, проходившихъ передъ его глазами; всю силу своего ума, по словамъ Брайса, онъ направлялъ на вопросъ лишь тогда, когда настоятельность его разрѣшенія становилась очевидной... Всѣхъ оттѣнковъ блестящей характеристики Гладстона, написанной Брайсомъ, не перечтешь... Біографія Гладстона, родившагося 29 декабря 1809 года, есть исторія Англіи съ 1833 по 1895 годъ. Когда 19 мая 1898 года не стало Гладстона, одинъ политическій дѣятель и писатель воскликнулъ словами Гомера, столь любезнаго „великому старику“: „Солнце скрылось съ небесъ“. Характеристика Брайса не даетъ фактической канвы для біографіи Гладстона (см. брошюру г. Каменскаго о Гладстонѣ въ изд. Ф. Ѳ. Павленкова); это—изображеніе генія Гладстона въ семи небольшихъ очеркахъ, схватывающихъ самую суть дѣла: раннія вліянія, парламентская дѣятельность, Гладстонъ какъ ораторъ, его оригинальность и независимость, Гладстонъ въ общественной жизни, литературная дѣятельность, религіозный характеръ. Таковы очерки, въ которые уложена Брайсомъ своеобразно сложная натура Гладстона, его могучая оригинальность. Чѣмъ будетъ Гладстонъ въ потомствѣ? И на этотъ вопросъ находимъ у Брайса любопытной отвѣтъ (срв. стр. 27 и 60). Слава Гладстона, какъ государственнаго человѣка, переживетъ его славу могучаго оратора. Вѣдь ораторы, пользующіеся особой славой среди послѣдующихъ поколѣній, рѣдко тѣ же самые, которые наиболѣе вліяли на свою аудиторію. Надолго въ потомствѣ сохраняется слава только такого государственнаго человѣка, котораго господство надъ современниками было такъ сильно и кому удалось сдѣлаться такимъ необходимымъ элементомъ въ исторіи его народа, что его личный характеръ сталъ руководящимъ факторомъ въ ходѣ событій. Такимъ и былъ В. Гладстонъ.

В. Николаевъ.

„Библіотека для дѣтей и для юношества“ подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

У насъ сейчасъ въ рукахъ шесть книжечекъ „Библіотеки для юношества“, издающейся подъ редакціей И. Горбунова-Посадова, вышедшихъ за послѣдній годъ. Библіотека эта существуетъ уже нѣсколько лѣтъ. Основная задача ея, по словамъ издателя, „состоитъ въ посильномъ подготовленіи (наряду съ другими дѣятелями, работающими въ области литературы для юношества) такого мате-

ріала для чтенія, который въ художественной, по возможности, интересной формѣ способствовалъ бы развитію и укрѣпленію въ юныхъ душахъ широкой, живой симпатіи ко всему живому,—къ человѣку, животному и растенію,—и помогалъ бы, насколько возможно, выясненію лучшихъ сторонъ человѣческой души и лучшихъ цѣлей жизни".

Вся библіотека имѣетъ пять отдѣловъ. Первый отдѣлъ есть отдѣлъ повѣстей и разсказовъ. Это—пока самый обширный отдѣлъ. Въ немъ прелестные сборники, какъ „Рождественская звѣзда", вышедшая уже вторымъ изданіемъ, а также и такія выдающіяся произведенія европейской литературы, какъ „Хижина дяди Тома" Бичеръ-Стоу и „Школьные товарищи" Амичиса.

Всѣ выпуски изданы очень изящно—въ папкахъ или красивыхъ обложкахъ съ картинками—и снабжены множествомъ рисунковъ. Имѣющіяся сейчасъ въ нашихъ рукахъ изданія этой библіотеки принадлежатъ всѣ къ отдѣлу беллетристики. Лучшія изъ нихъ, это—„Золотыя кудри" и „Красавецъ Джой".

„Золотыя кудри" есть переводъ одной изъ повѣстей Джорджа Элліота. Она и раньше уже переводилась на русскій языкъ подъ другимъ заглавіемъ. Ее прочтутъ съ большимъ интересомъ дѣти средняго и старшаго возраста; не безъинтересна она даже и для взрослаго читателя. Въ ней нѣтъ обычныхъ длиннотъ англійскихъ разсказовъ; написана она вся очень живо и занимательно.

„Красавецъ Джой"—тоже переводъ съ англійскаго, сдѣланный Е. Б. Здѣсь разсказъ ведется отъ лица „Красавца Джоя", несчастной, изуродованной злымъ хозяиномъ собаки. Съ обрѣзанными ушами и хвостомъ, красавецъ Джой попадаетъ, наконецъ, въ добрую семью, гдѣ широко развито покровительство животнымъ. Авторъ находитъ, что забота о животныхъ составляетъ одинъ изъ очень важныхъ факторовъ въ воспитаніи дѣтей,—пріучаетъ ихъ заботиться о болѣе слабыхъ существахъ, оберегаетъ молодое поколѣніе отъ эгоизма и себялюбія и вызываетъ въ немъ симпатію ко всему живому. Заботясь о нуждахъ своихъ питомцевъ, дѣти рано пріучаются также къ работѣ и къ серьезному отношенію ко взятымъ на себя обязанностямъ. Много страницъ въ книгѣ посвящено вопросамъ воспитанія и обученія животныхъ. Одна изъ главъ разсказываетъ объ организаціи среди дѣтей „союзовъ милосердія" для защиты животныхъ, что можетъ вызвать подражаніе и у русскаго юношества, объединивъ его уже съ самаго ранняго возраста во имя гуманной и благородной задачи.

Разсказы Кэтъ Дугласъ-Виггинъ гораздо менѣе интересны по содержанію. Это, можетъ быть, даже наиболѣе слабыя вещи во всей библіотекѣ. Герои обоихъ разсказовъ,—Тимоша въ разсказѣ „Веселая рѣчка" и Патси въ „Счастье бѣднаго малыша"—черезъ-чуръ ужъ добродѣтельны и благоразумны для своего возраста, такъ что производятъ впечатлѣніе неживыхъ лицъ. Главная мысль этихъ разсказовъ—это смягчающее вліяніе дѣтей на жизнь взрослыхъ людей, но написаны они очень сентиментально и не безъ нѣкоторой доли

англійскаго ханжества. Такъ, когда маленькій Патси умираетъ, учительница говоритъ ему, что онъ переходитъ отъ здѣшняго, „темнаго міра", гдѣ онъ терпѣлъ спинную боль, брань и припадки, въ лучшій, загробный міръ, въ „свѣтлое царствіе небесное". Почему авторъ такими мрачными чертами рисуетъ дѣтямъ здѣшній, земной міръ? Почему земная жизнь человѣка есть „тьма" въ его глазахъ и смерть есть какое-то путешествіе въ страну, гдѣ царитъ вѣчный свѣтъ?

„Дочь кукольнаго комедіанта" переведено съ нѣмецкаго. Это—довольно миленькій разсказъ, вызывающій въ дѣтскомъ сердцѣ симпатію къ презираемымъ въ обществѣ людямъ. Немножко сентиментально, но очень трогательно изображена привязанность дѣтей другъ къ другу.

„Дружба въ мірѣ животныхъ", разсказы А. Ульяновой. Это—небольшіе разсказы для самыхъ маленькихъ дѣтей о взаимопомощи въ мірѣ животныхъ. Подобные разсказы обращаютъ вниманіе дѣтей на жизнь окружающихъ ихъ животныхъ и звѣрей, развиваютъ ихъ наблюдательность въ этомъ направленіи. Въ упомянутой книжкѣ изображены съ самой симпатичной стороны даже такіе нерасполагающіе къ себѣ звѣри, какъ, напр., волки. Дѣти, вообще, интересуются міромъ животныхъ, и эти разсказы, навѣрное, будутъ прочитаны не безъ интереса. Написаны они просто и снабжены хорошими картинками.

Въ общемъ, можно только отъ всей души пожелать успѣха и возможно большаго расширенія этой „Библіотекѣ для дѣтей и для юношества".

В. Величкина.

Статистика образованія.

Начальное народное образованіе въ Уфимской губерніи.

Въ началѣ 70-хъ годовъ, когда въ губерніи еще не было земства, одинъ изъ мѣстныхъ дворянъ, протестуя противъ ходатайства дворянскаго собранія о введеніи земскихъ учрежденій, съ ужасомъ восклицалъ: „Господа! сейчасъ у насъ нѣтъ—ни школъ, ни больницъ; но если хлопоты наши увѣнчаются успѣхомъ, то все это, къ сожалѣнію, будетъ“.

Собраніе не вняло гласу доблестнаго представителя „правой“, возбудило соотвѣтствующее ходатайство и послѣ долгихъ ожиданій добилось своего—въ 1876 г. въ губерніи было введено земство.

И что-же? Страшный призракъ земства съ больницами и школами оказался въ дѣйствительности далеко не страшнымъ. Начальное народное образованіе до сихъ поръ еще находится въ зачаточномъ состояніи, а представители „правой“ и по сей день не безъ успѣха борются съ развитіемъ школьнаго дѣла, твердя неустанно: „школы вредны, онѣ повышаютъ задолженность населенія“. Не всѣ, конечно, земцы рѣшаются высказывать подобные абсурды; большинство, болѣе воздержное на языкъ, предпочитаетъ—либо прятаться за необходимость экономіи въ расходованіи земскихъ капиталовъ, либо просто замалчивать образовательныя нужды населенія. Представляя собою интересы крупнаго и отчасти средняго дворянскаго землевладѣнія, оно еще не доросло до сознанія того, какъ велико значеніе грамотности въ жизни нашихъ селъ и деревень. Эта черта проходитъ красной нитью черезъ всю двадцатипяти-лѣтнюю дѣятельность уфимскаго земства.

Полнѣйшее пренебреженіе школьнымъ дѣломъ привело къ печальнымъ результатамъ. Ростъ грамотности весьма незначителенъ. „Изъ числа 4013 новобранцевъ,“—пишетъ инспекторъ народныхъ училищъ въ отчетѣ по уфимскому уѣзду—„принятыхъ въ 1878 г. (слѣдовательно, черезъ два года по открытіи земства въ губерніи) на военную службу, было со свидѣтельствомъ

объ окончаніи курса низшихъ учебныхъ заведеній и вообще умѣющихъ читать и писать или только читать 217 человѣкъ, или 5%; въ 1888 г. изъ 4609—452, т. е. 10%; въ 1898 изъ 6756—1016, или 15%, т. е. за 20 лѣтъ существованія земства въ уфимской губерніи % низшаго и начальнаго образованія среди, въ данномъ случаѣ, взрослаго населенія, будучи вообще низокъ, повысился только на 10%". Таковъ абсолютный показатель роста грамотности. Какъ-бы мала ни была его числовая величина, онъ все-таки говоритъ хоть о какомъ-нибудь движеніи впередъ. Зато сравнительный показатель образовательнаго уровня населенія, взятаго въ отношеніи къ другимъ земскимъ губерніямъ, доказываетъ противное. Въ 1878 г. уфимская губернія по проценту грамотныхъ новобранцевъ занимала 33-е мѣсто среди прочихъ земскихъ губерній; теперь, послѣ двадцатипяти-лѣтней дѣятельности земства, она перекочевала на 34-е, т. е. на послѣднее мѣсто. Обращаясь къ даннымъ переписи 1897 г., мы видимъ, что изъ всего населенія въ 2.196.642 д. о. п. (1.089.801 муж. и 1.106.842 жен.) нашлось грамотныхъ только 367.519 д. о. п. (238.192 муж. и 129.327 жен.) т. е. 16%, среди населенія мужского пола—21% и женскаго—12%; такимъ образомъ, процентъ безграмотныхъ въ среднемъ по губерніи выражается колоссальной цифрой—84.

И этому не приходится удивляться, такъ какъ школьное дѣло поставлено здѣсь весьма неудовлетворительно. Передъ нами сейчасъ лежитъ докладъ губернской управы земскому собранію 1900 г.—„О положеніи начальнаго народнаго образованія въ Уфимской губерніи"—содержащій въ себѣ много цѣнныхъ свѣдѣній по интересующему насъ вопросу. Въ виду того, что названный докладъ былъ разсмотрѣнъ только въ сессію 1901 г., а данныя, собранныя въ немъ, являются наиболѣе полными и свѣжими, мы позволимъ себѣ остановить на нихъ вниманіе читателя возможно подробнѣе. Начнемъ съ опредѣленія наличнаго числа школъ. Это дѣло, какъ говорится въ докладѣ управы, оказалось весьма нелегкимъ. Не менѣе труднымъ было также и распредѣленіе свѣтскихъ школъ въ губерніи по вѣдомствамъ, разрядамъ (типамъ) и по мѣсту нахожденія. „Одна и та же школа числилась дирекціей въ своемъ исключительномъ завѣдываніи,—уѣздной управой въ вѣдѣніи уѣзднаго училищнаго совѣта; самый фактъ существованія нѣкоторыхъ школъ становился то весьма сомнительнымъ, то безспорнымъ: школа по свѣдѣніямъ инспекціи въ началѣ сентября числилась несомнѣнно существующей, а во второй половинѣ того-же мѣсяца волостное правленіе сообщало губ. управѣ, что присланный на имя Наритъ-Астинской школы пакетъ доставленъ быть не можетъ, *за несуществованіемъ* таковой школы". Тѣмъ не менѣе управѣ удалось подсчитать наличность 746 школъ разныхъ типовъ и вѣдомствъ: свѣтскихъ 493, и церковныхъ 253. По разрядамъ

онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Въ числѣ свѣтскихъ имѣется 314 земскихъ школъ (259 русскихъ и 55 инородческихъ *) и 179 министерскихъ (26 рус. и 153 инород.), среди церковныхъ насчитывается 140 церковно-приходскихъ, 43 миссіонерскихъ и 70 школъ грамоты.

О группировкѣ наличнаго количества начальныхъ училищъ по отдѣльнымъ уѣздамъ можно судить по нижеприведенной таблицѣ.

Названіе уѣздовъ.	Общее число школъ.	Свѣтскія школы. Число русск. школъ.	Число инородческихъ.	Изъ нихъ земскихъ.	Министерск.	Всего свѣтскихъ шк.	Число школъ духовн. вѣд.
Белебеевскій.	165	45	65	56	54	110	55
Бирскій	163	57	67	77	47	124	39
Мензелинскій	138	52	25	55	22	77	61
Уфимскій	107	46	9	43	12	55	52
Стерлитамакскій	102	35	35	35	35	70	32
Златоустовскій	71	50	7	48	9	57	14
Итого по губерніи	746	285	208	314	179	314	253

Но голыя цифры, взятыя сами по себѣ, мало еще о чемъ говорятъ. Чтобы опредѣлить съ ихъ помощью степень обезпеченности губерніи начальными училищами, необходимо установить показатель отношенія между количествомъ населенія и размѣромъ занимаемой площади съ одной стороны, и числомъ школъ—съ другой. Это—единственный путь, ведущій къ правильному рѣшенію затронутаго вопроса.

Въ Уфимской губерніи, судя по даннымъ переписи 1897 г. (см. изданіе Центр. Статист. Комитета министерства внутреннихъ дѣлъ—„XLV Уфим. губ.“ тетрадь 1, 1901), живетъ, какъ мы уже говорили выше, 2.196,642 д. о. п. на огромномъ пространствѣ въ 107,209 т. кв. в. Беремъ отношеніе приведенныхъ цифръ къ общему числу начальныхъ училищъ. Оказывается, что одна школа должна обслужить образовательныя потребности 2944 уч. о. п., разсѣянныхъ по площади въ 144 кв. в. Комментаріи здѣсь, конечно, неумѣстны. Нелишнимъ, однако, будетъ замѣтить, что нѣкоторые уѣзды въ вопросѣ объ обезпеченности школами представляютъ значительныя

*) Въ программномъ отношеніи инородческія школы мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ. Что касается остальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ развитіемъ начальнаго образованія среди инородческаго населенія, то они, правда, имѣютъ много специфическихъ чертъ, но къ сожалѣнію мы не можемъ выдѣлить ихъ въ особую категорію вслѣдствіе отсутствія необходимаго матеріала. Къ тому же при составленіи настоящаго очерка нами руководило желаніе нарисовать лишь общую картину печальнаго состоянія начальнаго народнаго образованія въ Уфимской губерніи. А. С.

отклоненія отъ сдѣланнаго сейчасъ расчета по всей губерніи; въ распредѣленіи школъ между отдѣльными мѣстностями наблюдается большая неравномѣрность. Есть масса волостей, гдѣ школъ нѣтъ и въ поминѣ; есть и такія волости, въ коихъ имѣется всего лишь по одной школѣ; первыхъ въ губерніи насчитывается 23 съ 420 селеніями и съ 224,756 д. о. п., вторыхъ—29. Недостаточное число начальныхъ училищъ еще рѣзче бросится въ глаза, если оперировать съ организованными только школами, какъ это дѣлается во всѣхъ почти изслѣдованіяхъ по народному образованію. Признавая организованными однѣ свѣтскія школы, мы получимъ всего лишь 493 такихъ школы, т. е. общее число начальныхъ училищъ сразу сократится на 253, или на 33%. Естественно, что при допущенномъ условіи прежнее отношеніе измѣнится, найденные раньше показатели повысятся и необезпеченность губерніи начальной школой будетъ внѣ всякаго сомнѣнія: *одна организованная школа приходится на площадь въ 217 кв. в. съ населеніемъ въ 4456 д. о. п.* Это по губерніи. Но отдѣльнымъ же уѣздамъ мы имѣемъ слѣдующія цифровыя выраженія: въ Уфимскомъ уѣздѣ одна организованная школа приходится на 298 кв. в. съ 6780 д. о. п., въ Белебеевскомъ—на 177 кв. в. съ 3938 д. о. п., въ Бирскомъ—174 кв. в. съ 4014 д. о. п., въ Златоустовскомъ—на *340 кв. в.* съ 3254 д. о. п., въ Мензелинскомъ на 151 кв. в. съ 4935 д. о. п. и, наконецъ, въ Стерлитамакскомъ—*на 267 кв. в. съ 4677 д. о. п.*

Всѣ свѣтскія школы губерніи можно раздѣлить на три типа: двухклассныя, одноклассныя и русскіе классы при медрессе. Преобладаютъ школы второго типа—одноклассныя съ трехгодичнымъ курсомъ обученія, ихъ насчитывается 474 (изъ 493), двухклассныхъ училищъ имѣется только 14, и русскихъ классовъ при медрессе—5. Такимъ образомъ одна двухклассная школа приходится въ среднемъ по губерніи на 34 одноклассныхъ. Есть, конечно, уѣзды, гдѣ это отношеніе выражается болѣе скромными цифрами, но есть и такіе уѣзды, гдѣ оно принимаетъ ужасающіе размѣры. Въ Уфимскомъ уѣздѣ одно двухклассное училище приходится на 16 одноклассныхъ, въ Златоустовскомъ—на 18, въ Бирскомъ—на 30, въ Мензелинскомъ—на 36, въ Стерлитамакскомъ—*на 66* и въ Белебеевскомъ—на 109 (въ сдѣланный расчетъ не вошли русскіе классы при медрессе).

Что касается вопроса о размѣрахъ школъ, имѣющаго громадное значеніе для опредѣленія степени обезпеченности населенія начальными училищами, то о немъ, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ всего необходимаго матеріала; свѣдѣнія, содержащіяся по этому вопросу въ цитированномъ выше докладѣ управы, весьма неполны и не отличаются достаточной точностью, вслѣдствіе чего мы можемъ воспользоваться одною лишь средней по гу-

берніи, согласно которой въ одной организованной, т. е. свѣтской школѣ обучалось къ январю 1900 г. 56 учащихся. Сравненіе этого показателя съ наличнымъ количествомъ дѣтей школьнаго возраста, сирѣчь 9-ти, 10-ти и 11-ти лѣтъ, приводитъ насъ къ печальнымъ выводамъ.

По даннымъ переписи 1897 г., въ губерніи насчитывается 145,993 д. о. п. въ школьномъ возрастѣ. Слѣдовательно на одну организованную школу приходится 296 мальчиковъ и дѣвочекъ, что составитъ въ сравненіи съ наличнымъ числомъ учащихся громадный излишекъ въ 240 дѣтей. Все это говоритъ о томъ, какъ мало школъ въ губерніи и какъ много еще надо поработать для развитія школьнаго дѣла, чтобы удовлетворить образовательную потребность всего населенія.

При настоящихъ условіяхъ, благодаря недостатку начальныхъ училищъ, въ школу попадаютъ только немногіе счастливцы. Судя по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ докладѣ управы, число учащихся въ свѣтскихъ школахъ весьма невелико, именно 25,916 дѣтей обоего пола—19,874 мальчика и 6,042 дѣвочки. Отсюда, естественно, вытекаетъ вопросъ—гдѣ же остальныя дѣти школьнаго возраста, въ числѣ 120,077 д. о. п. (82%)? Имъ нѣтъ мѣста въ начальномъ училищѣ, они остались за порогомъ его и потому обречены на безграмотность. Среди этихъ пасынковъ школьнаго дѣла мы видимъ 54,422 мальчика и 65,655 дѣвочекъ. Послѣднихъ значительно больше, чѣмъ первыхъ; здѣсь то и кроется одна изъ главныхъ причинъ сравнительной отсталости женскаго населенія, изъ коего насчитывается грамотныхъ только 12%, въ то время, какъ грамотныхъ среди мужчинъ—21%. Обращаясь къ отдѣльнымъ уѣздамъ, мы наблюдаемъ незначительныя колебанія сравнительно со средней по губерніи. Нижеслѣдующая группировка уѣздовъ по проценту дѣтей школьнаго возраста, остающихся за порогомъ начальнаго училища, показываетъ, въ какой степени необезпечены школами отдѣльные уѣзды.

Названіе уѣздовъ.	Общее число дѣтей школьнаго возраста.	Число дѣтей, остающихся внѣ школы.	% къ общему числу.	
1) Уфимскій	23.848	20.068	88%	
2) Мензелинскій	25.867	22.000	85%	
3) Белебеевскій	27.463	22.987	84%	
4) Бирскій	33.554	27.712	82%	(82,5)
5) Стерлитамакск. . . .	22.698	18.525	82%	(81,6)
6) Златоустовскій. . . .	12.563	8.785	70%	
Итого по губерніи.	145.993	120.077	82%	

Приведенная таблица нагляднымъ образомъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что школьнаго дѣла въ Уфимской губерніи, строго говоря, нѣтъ: такъ мало здѣсь сдѣлано еще въ этомъ отношеніи. Мѣстные дѣятели совершенно игнорируютъ народное образованіе. А между тѣмъ уже въ XVII столѣтіи раздавались голоса о необходимости открытія возможно большаго количества школъ. Одинъ митрополитъ того времени на вопросъ, что нужно для улучшенія положенія народа, отвѣчалъ: „во 1-хъ училища, во 2-хъ училища и въ 3-хъ училища". Теперь XX-е столѣтіе, но представители Уфимскихъ земствъ до сихъ поръ еще не доросли до сознанія громадной важности школьнаго дѣла. За 25 лѣтъ своего безмятежнаго существованія они успѣли открыть только 314 училищъ, вмѣстѣ съ министерскими въ теченіе этого періода времени открыто всего 429 школъ, естественно, что при подобномъ черепашьемъ ходѣ далѣе недостающія для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста 1940 школъ (сейчасъ требуется всего 2433 школы при 60 челов. на 1 школу, имѣется въ наличности 393 организованныхъ училища; вычтя изъ первой суммы вторую, получимъ недостающихъ 1940 шк.) могутъ быть открыты весьма не скоро, приблизительно черезъ 114 лѣтъ и то въ томъ случаѣ, если не принимать въ расчетъ прироста населенія, которое за 114 лѣтъ, надо думать, удвоится. Ждать такъ долго осуществленія всеобщаго народнаго образованія нельзя. Сама жизнь вопіетъ о неотложности мѣропріятій, ведущихъ къ поднятію культурнаго уровня крестьянскаго населенія, и всякое, самое незначительное даже, промедленіе въ практическомъ разрѣшеніи этого наболѣвшаго вопроса, можетъ способствовать дальнѣйшему росту безчисленныхъ бѣдъ нашихъ селъ и деревень. Въ Уфимской губерніи, какъ мы это доказали выше, школъ очень мало, а всевозможныхъ неустройствъ и народныхъ бѣдствій, вродѣ эпидемій, голодовокъ и т. п.—сколько угодно. Вотъ почему гг. представителямъ мѣстныхъ земствъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе на печальное состояніе начальнаго образованія, которое къ тому же страдаетъ не только вслѣдствіе недостаточнаго количества школъ, но и вслѣдствіе полной дезорганизованности въ самой постановкѣ школьнаго дѣла.

Однимъ изъ важныхъ вопросовъ для всякой школы—высшей, средней и низшей — является несомнѣнно вопросъ о помѣщеніи, устроенномъ по всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ архитектуры и гигіены. Это—аксіома, не требующая доказательствъ. Тѣмъ не менѣе для народной школы Уфимской губерніи вопросъ о помѣщеніи—больное мѣсто.

Значительная часть земскихъ начальныхъ училищъ, судя по даннымъ, имѣющимся въ цитированномъ уже неоднократно докладѣ управы, находятся въ наемныхъ помѣщеніяхъ съ платою въ годъ отъ 31,6 руб. до 81,3 р., въ среднемъ по губерніи наемная плата равняется 58,7 р. Срокъ

найма въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ одногодичный, такъ что очень часто приходится не безъ вреда, разумѣется, для дѣла переносить школу изъ избы въ избу. По процентному показателю собственныхъ школьныхъ помѣщеній (56%) Уфимская губернія занимаетъ 31-е мѣсто среди остальныхъ земскихъ губерній.

Во всѣхъ уѣздахъ наблюдается переполненіе земскихъ школъ на 12%, 13%... и оолѣе, до 31%. „Кромѣ тѣсноты, главныя отрицательныя стороны школьныхъ помѣщеній,—говорится въ докладѣ управы,—ветхость, сырость, угаръ, холодъ, сквозняки и шумъ, происходящій отъ близости или волостного правленія, или другихъ какихъ-нибудь общественныхъ мѣстъ вплоть до винной лавки“. Въ качествѣ иллюстраціи къ этому заключенію въ докладѣ приводится слѣдующая весьма любопытная таблица.

Названіе уѣздовъ.	Холодъ.	Угаръ.	Сырость.	Сквозняки.	Ветхость.
	%	%	%	%	%
Бирскій.	27	9	7	10	—
Белебеевскій.	47	25	26	14	—
Стерлитамакск.	30	25	14	6	4
Уфимскій.	30	5	10	11	7
Златоустовскій	43	6	20	14	14
Мензелинскій.	37	7	17	8	15

Всѣ цифры, вошедшія въ эту таблицу, относятся исключительно къ земскимъ школамъ. Объ училищныхъ помѣщеніяхъ другихъ вѣдомствъ у насъ нѣтъ свѣдѣній.

Чтобъ нарисовать читателю возможно полнѣе ту ужасную обстановку, въ которой приходится вести преподаваніе народному учителю, мы отмѣтимъ въ извлеченіяхъ наиболѣе интересныя сообщенія учащихъ. „На вопросъ—главнѣйшіе недостатки училищнаго зданія, можно отвѣтить то, что школьное зданіе, каково оно есть въ настоящее время, ни въ какомъ случаѣ не можетъ соотвѣтствовать своему назначенію. Въ зимнее, напримѣръ, время, ученики не въ состояніи бываютъ писать по случаю холода и сидятъ въ училищѣ постоянно въ рукавицахъ, которыя употребляются ими во время игры на улицѣ. Рамъ двойныхъ въ училищѣ не имѣется, на стѣнахъ училища въ морозное время около щелей появляется даже снѣгъ, сквозь щели потолка сыплется земля и мѣстами даже съ крыши попадаетъ во время дождя въ училище“. „Школа здѣсь существуетъ лѣтъ 30 и, не смотря на это, здѣсь нѣтъ своего собственнаго школьнаго зданія; чуть-ли не каждый годъ со всѣмъ школьнымъ имуществомъ приходится переходить съ квартиры на квартиру“. Большинство учащихъ, жалуясь на холодъ, тѣсноту и другія неустройства школьныхъ помѣщеній, указываетъ какъ на

причину своихъ бѣдствій, на то обстоятельство, что земство почему-то до сихъ поръ не беретъ на себя все школьное хозяйство, вслѣдствіе чего возникаетъ масса неудобствъ. „Ужасно авторитетъ учителя падаетъ, пишетъ одинъ изъ нихъ, ужасно падаетъ учитель въ глазахъ народа, когда ему приходится изъ-за всякой малости ходить и клянчить чуть не Христа ради у старосты или у схода. Проситъ учитель дровъ, проситъ порядочнаго сторожа, проситъ сдѣлать починку оконъ и пр. и пр., проситъ и въ душѣ проклинаетъ свое дѣло!! Разбилъ ученикъ окно—учитель идетъ умолять старосту починить окно, а это умоленіе не однимъ разомъ кончается, и такъ о всякой малости учитель долженъ просить, просить. Давно бы земству слѣдовало взять все хозяйство школы на себя“.

Однако, довольно выписокъ; ихъ можно было-бы сдѣлать много, но и тѣ, съ которыми мы познакомили читателя, въ достаточной степени ясно обрисовываютъ всѣ отрицательныя стороны существующихъ школьныхъ помѣщеній.

Другимъ важнымъ вопросомъ, имѣющимъ большое значеніе для характеристики положенія начальнаго народнаго образованія въ губерніи, слѣдуетъ признать вопросъ объ учащихся, распредѣленіе послѣднихъ по школамъ, уѣздамъ, полу, возрасту и пр....

Въ настоящее время число учащихся въ начальныхъ школахъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ—по даннымъ дирекціи мѣстныхъ народныхъ училищъ, относящимся къ 1-му января 1900 г., и по „Краткимъ свѣдѣніямъ о состояніи церковныхъ школъ уфимской епархіи въ 1899—1900 учебн. году“—составляетъ 36.500 дѣтей обоего пола, 25,916 дѣтей падаетъ на долю свѣтскихъ школъ и 10,584 дѣтей — на долю церковныхъ училищъ; беря процентное отношеніе приведенныхъ цифръ, получаемъ, что изъ общаго числа учащихся въ губерніи 71% обучается въ свѣтскихъ школахъ и 29%—въ церковныхъ. По поламъ и вѣдомствамъ учащіеся распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ свѣтскихъ школахъ—какъ министерскихъ, такъ и земскихъ—насчитывается 19,874 мальч. (76,6% изъ общаго числа учащихся въ свѣтскихъ школахъ) и 6,042 дѣвоч. (23,4%), въ церковныхъ школахъ—7,720 мальч. (73% изъ общаго числа учащихся въ церковныхъ школахъ) и 2,864 дѣвоч. (27%). Слѣдовательно, по числу учащихся дѣтей обоего пола свѣтскія школы преобладаютъ надъ церковными, но въ отношеніи процента учащихся дѣвочекъ, весьма низкаго вообще по губерніи, первенство принадлежитъ духовному вѣдомству, которое, какъ это видно изъ предыдущаго, обращаетъ большое вниманіе на то, чтобы въ семьѣ была грамотная мать.

Возрастъ учащихся очень разнообразенъ. Семилѣтніе встрѣчаются рѣдко (1,3%), восьми-лѣтніе составляютъ 10,4% общаго числа учащихся, де-

вяти-лѣтніе—20,3%, десятилѣтніе—22,7%, одиннадцати-лѣтніе—17,9%, двѣнадцатилѣтніе—14,1% и т. д.

Въ докладѣ губернской управы — „о положеніи начальнаго народнаго образованія въ Уфимской губерніи"—отмѣчается существованіе особой категоріи учащихся — „выбывшихъ до окончанія курса". „Причины преждевременнаго выхода мальчиковъ и дѣвочекъ изъ школъ кроются въ экономическихъ и вообще бытовыхъ условіяхъ сельскаго населенія... но въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиною выхода изъ школъ служила отчасти и тѣснота ихъ" (изъ отчета инспектора народныхъ училищъ уфимскаго уѣзда). „Въ отношеніи учащихся хорошо-бы было выдавать неимущимъ одежду, такъ-какъ, за неимѣніемъ теплой одежды, многіе изъ учащихся не посѣщаютъ школу въ холода, особенно при дальнемъ разстояніи" (сообщеніе учителя земской школы уфимскаго уѣзда). „Многіе изъ учащихся, живущихъ отъ училища на 2—5 верстъ, пропускаютъ уроки, а иногда и выбываютъ изъ школы, по случаю вьюги и сильнаго холода зимой и вслѣдствіе плохой дороги весной и осенью, а также за неимѣніемъ обуви, теплой одежды и т. п..."

Все это наряду съ тѣми крупными недостатками школьныхъ помѣщеній, о которыхъ мы говорили выше, создаетъ то ненормальное явленіе, что 20% слишкомъ изъ всего числа учащихся (данныя дирекціи за 1899 г.) выбываютъ изъ школы задолго до окончанія полнаго курса; среди мальчиковъ выбываетъ 23%, и дѣвочекъ — 31%. Неудивительно поэтому, если % оканчивающихъ курсъ въ народныхъ училищахъ оказывается весьма низкимъ; колеблясь по отдѣльнымъ уѣздамъ между 11,9% и 16% (взято отношеніе ко всему числу учившихся), онъ въ среднемъ по губерніи достигаетъ всего 12,8% (окончившіе мальчики составляютъ 13,5%, дѣвочки—10,5%). Показатель крайне неутѣшительный. Сравните его съ нормальнымъ процентомъ оканчивающихъ, т. е. съ 33%, принятымъ для типичной земской школы, и вы увидите, какъ много нужно еще сдѣлать для того, чтобы количество оканчивающихъ въ начальныхъ училищахъ Уфимской губерніи поднялось на надлежащую высоту. Но этого можно будетъ достигнуть только тогда, когда будутъ предварительно устранены главныя отрицательныя стороны современной постановки школьнаго дѣла, среди которыхъ, помимо отмѣченныхъ уже нами,—недостаточнаго числа школъ и плохого состоянія училищныхъ помѣщеній, слѣдуетъ отвести также видное мѣсто и вопросу объ учащихъ.

„По свѣдѣніямъ дирекціи народныхъ училищъ, говорится въ докладѣ управы, во всѣхъ, существовавшихъ къ 1 января 1900 г., школахъ, какъ министерскихъ, такъ и земскихъ, состояло учащихъ 920 лицъ обоего пола, причемъ 32,3% этого количества составляли законоучители, 6%—вѣро-

учители, 34,2%—учителя и 27,5%—учительницы. Учащихъ въ церковныхъ школахъ всего было 487 чел., изъ нихъ въ церковно-приходскихъ 301 лицо, въ школахъ грамоты—103 и въ миссіонерскихъ—76; изъ 487 учащихъ школъ духовнаго вѣдомства 39,4% составляютъ законоучители, 30,2%—учителя и 30,4%—учительницы. Всего-же въ губерніи учительскаго персонала было 1407 чел., а безъ законо- и вѣро-учителей—863 ч.“ Изъ числа послѣднихъ на долю организованныхъ школъ приходится 568 лицъ о. п., учителей—315 или 55,5%, и учительницъ 253 или 44,5%. По школамъ они распредѣляются, разумѣется, не совсѣмъ равномѣрно. Управѣ удалось описать въ этомъ отношеніи 409 одноклассныхъ начальныхъ школъ (изъ 479) и въ результатѣ оказалось, что по губерніи.

Съ однимъ учащимъ одноклассныхъ школъ.	321	или	78,5%.
„ двумя учащими. . . . . —.	4	„	1%.
„ тремя „	84	„	20,5%.

Что касается того вопроса, какія школы наиболѣе обезпечены учительскимъ персоналомъ, то, къ сожалѣнію, свѣдѣнія, собранныя по данному поводу въ докладѣ управы, не отличаются желательной полнотой и точностью, вслѣдствіе чего мы, минуя эту сторону дѣла, перейдемъ прямо къ дальнѣйшему выясненію вопроса объ учащихъ.

Семейное положеніе учителей и учительницъ неодинаково; въ то время, какъ среди первыхъ преобладаютъ женатые (58,8%), среди послѣднихъ въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются одинокія (85,2%). По происхожденію учащіе начальныхъ школъ Уфимской губерніи представляютъ собою собраніе лицъ самыхъ разнообразныхъ сословій: тутъ и крестьяне, и лица духовнаго званія, и мѣщане, и дворяне и пр. Количественный перевѣсъ, однако, выпадаетъ на долю учащихъ изъ крестьянъ—51,7%, рѣже всего встрѣчаются среди учительскаго персонала лица купеческаго званія.

Образовательный цензъ учащихъ невысокъ. Учителя съ среднимъ и спеціальнымъ образованіемъ составляютъ 76,4%, съ низшимъ и домашнимъ—23,6%, учительницы-же въ первомъ случаѣ составляютъ 62,1%, а во второмъ—37,9%. Наиболѣе подготовленъ, слѣдовательно, мужской персоналъ. Но если сгруппировать учащихъ въ зависимости отъ степени ихъ подготовки по разрядамъ организованныхъ школъ, какъ это дѣлается въ докладѣ управы, то прежнее заключеніе, невыгодное относительно женскаго персонала, нѣсколько измѣнится. Тогда окажется, что во всѣхъ русскихъ земскихъ школахъ учительницъ съ высокимъ образовательнымъ цензомъ больше, чѣмъ учителей,—въ то время, какъ въ министерскихъ школахъ больше учителей, лучше подготовленныхъ, чѣмъ учительницъ; объяснить это можно численнымъ преобладаніемъ въ разрядѣ министерскихъ училищъ,

такъ называемыхъ, школъ инородческихъ, куда зачисляютъ въ качествѣ учащихъ преимущественно тѣхъ лицъ, кои кончили курсъ спеціальныхъ инородческихъ учительскихъ семинарій, закрытыхъ для женщинъ.

Вознагражденіе учащихъ очень низкое. Годичное жалованіе колеблется между 120 р. и 450 р. Большинство получаетъ отъ 240 до 300 р. въ годъ. Мужской трудъ оплачивается выше женскаго. Въ болѣе выгодныя условія относительно вознагражденія поставлены учащіе земскихъ русскихъ школъ. Несмотря на жалкую по своимъ размѣрамъ оплату учительскаго труда, на учителя возлагаются нерѣдко прямо таки непосильныя и очень тяжелыя обязанности. Объ этомъ можно судить уже потому, что на одного учащаго въ среднемъ по губерніи приходится 46 учащихся, а въ нѣкоторыхъ школахъ и больше, очень часто число учащихся доходитъ до 60—70 человѣкъ.

Но полная матеріальная необезпеченность, осложненная нерѣдко большой семьей,—не является единственнымъ зломъ въ жизни народнаго учителя. Есть масса другихъ объстоятельствъ, дѣлающихъ существованіе учащихъ невыносимымъ и чрезмѣрно тяжелымъ. Сюда можно отнести и отвратительныя квартирныя условія, и отдаленность мало-мальски культурныхъ городовъ и отсутствіе интеллигентнаго общества и постоянную нравственную пытку, происходящую отъ ежедневныхъ столкновеній съ окружающимъ невѣжествомъ и бѣднотой, противъ которыхъ у нашего труженика нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ борьбы. А о духовной жизни и говорить нечего; даже книги самаго обыкновеннаго содержанія—и той нѣтъ у учащаго, газеты и журналы—это уже роскошь, на которую онъ можетъ рѣшиться не иначе, какъ обрекая себя на временное голоданіе и лишеніе самыхъ примитивныхъ жизненныхъ удобствъ.

Чтобы нарисовать читателю всю ужасающую обстановку жалкаго существованія народнаго учителя въ Уфимской губерніи, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ доклада управы, собравшей массу весьма характерныхъ свѣдѣній отъ самихъ учащихъ. Возьмемъ первыя попавшіяся въ глаза сообщенія.

„Изба низкая, грязная, безъ вентиляціи, съ русской печью, въ этой-же избѣ помѣщается хозяйка съ тремя дѣтьми, вмѣшивается въ занятія, благодаря неопытности своей... Страшная духота, такъ какъ изба небольшая, а учащихся 40 человѣкъ, приходится отворять дверь, чтобы сколько-нибудь очистить воздухъ. [Отворивъ дверь, боишься за учениковъ (сидятъ около самой двери). Отопленіе плохое, потому что отъ общества: топятъ соломой, угаръ ежедневный, запахъ невыносимый. Учебныхъ принадлежностей мало. На прислугу денегъ отъ земства не получаю, а потому при школѣ никакой прислуги нѣтъ: на 20 р. жалованья отоплять школу, содержать прислугу,

освѣщать школу и самой содержаться—невозможно. Еще одинъ недостатокъ—плохое сообщеніе съ земствомъ, хотя почтарю заѣзжать въ школу было-бы околицы версты 4 (земск. шк.)". „Положеніе наше не очень завидное: изъ 20 р. жалованья на самое скромное содержаніе уходитъ 12 р. въ мѣсяцъ, на прислугу 5 р., остается 3 р. на мелкіе расходы, одежду, что семейному человѣку очень тяжело. Гдѣ тутъ думать выписать газетку или журналъ?! (земск. шк.)". „Учительская квартира для житья совершенно непригодна, живу въ углу раздѣвальной школы... Необходимы учительскія съѣзды, они, мнѣ кажется, еще полезнѣе педагогическихъ курсовъ, потому что на съѣздахъ учителя должны сами своей головой работать и разсуждать о школьномъ дѣлѣ, какъ иногда маленькіе ученики лучше понимаютъ другъ друга, чѣмъ учителя (земск. шк.)". „У меня крайняя нужда въ томъ, что не имѣю средствъ къ образованію дѣтей своихъ. Учительствуя 23 года, я сталъ слабъ здоровьемъ, занимаюсь уже съ трудомъ, а если за это мнѣ откажутъ отъ службы, тогда я куда съ семьей? Это меня очень безпокоитъ, (земск. шк.)". „Болѣя уже нѣсколько лѣтъ хроническимъ катарромъ желудка и невральгіей, вслѣдствіе 20-лѣтняго учительства въ сырыхъ, холодныхъ помѣщеніяхъ, и разныхъ лишеній, испытываю затрудненія въ медицинской помощи".

„Положеніе мое такое: пока есть сила — работаешь и съ трудомъ существуешь, а вотъ, проработавъ 20 лѣтъ, часто приходится прихварывать, и уже сила не та, а тамъ, пожалуй, попросятъ уйти на покой. Надѣнь суму и проси подъ окномъ своихъ бѣдныхъ питомцевъ. Положеніе приказчика винной лавки — лучше народнаго учителя". „О горькомъ положеніи сельскаго учителя такъ много пишутъ и говорятъ всегда правду одну, такъ что не къ чему объ этомъ спрашивать. А лучше бы было, если бы я былъ малограмотнымъ солдатомъ и поступилъ въ казенную винную лавку на 25 р. жалованья, чѣмъ кончить въ учительской школѣ и получать 20 рублей". „Такъ какъ трудъ народныхъ учителей очень обременительный, благодаря чему народный учитель либо преждевременно заболѣваетъ (большей частью чахоткой: школа моя открыта 12 лѣтъ тому назадъ, а померли 2 учителя, оба чахоткой) и поневолѣ оставляетъ свою должность; либо переходятъ въ другое вѣдомство, что замѣчается со времени введенія винной монополіи. Дабы прекратить подобныя перемѣщенія, а главное, помочь бѣдственному, неустойчивому, обезсиливающему положенію народнаго учителя, весьма полезно было бы производить черезъ извѣстные періоды службы увеличеніе окладовъ жалованья..."

Такова безотрадная жизнь народныхъ учителей и учительницъ. Непосильная борьба изъ-за куска чернаго хлѣба, безъ малѣйшей надежды на лучшую долю, составляетъ единственный стимулъ ихъ жалкаго существо-

ванія. Неудивительно поэтому, если возрастъ учащихъ колеблется въ большинствѣ случаевъ отъ 20 до 30 лѣтъ, весьма рѣдко достигаетъ 40 л. и почти никогда 50-ти лѣтъ. Въ докладѣ управы говорится, что „изъ учащихъ доживаютъ до 50-ти лѣтняго возраста лишь 1,3%: изъ мужчинъ 2,1%, а изъ женщинъ еще меньше, именно 0,5%". „Очевидно, поясняетъ докладъ далѣе, тяжелая работа или сводитъ учащихъ въ могилу до достиженія ими 50-лѣтняго возраста, или буквально выбрасываетъ на улицу, доведя до полной неспособности къ труду". Невыносимыми условіями учительскаго труда объясняется также и то ненормальное явленіе, что продолжительность педагогической дѣятельности въ губерніи весьма коротка, большею частью 6 лѣтъ, свыше 15-ти лѣтъ работаютъ — изъ учителей 16%, изъ учительницъ—28%.

Необходимость самыхъ крупныхъ улучшеній въ бытѣ учащихъ сама собою напрашивается и является насущнѣйшей потребностью школьнаго дѣла, успѣхи котораго всецѣло зависятъ отъ степени обезпеченности начальныхъ училищъ хорошимъ педагогическимъ персоналомъ, поставленнымъ въ нормальныя жизненныя условія—какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ духовномъ. Эта сторона вопроса до сихъ поръ не обращала на себя вниманія ни земства, ни другихъ учрежденій, вѣдающихъ народное образованіе. Средній размѣръ жалованья учащихъ весьма незначителенъ, учительскихъ кассъ, эмеритуръ, обществъ взаимопомощи и т. п. нѣтъ и въ поминѣ, библіотеки и педагогическія курсы находятся еще въ сферѣ неосуществленныхъ проектовъ земства, словомъ, для учащихъ въ Уфимской губерніи ничего не сдѣлано, даже самаго необходимаго, составляющаго основу болѣе или менѣе сноснаго существованія.

Въ началѣ своего письма мы отмѣтили невѣроятно высокій процентъ безграмотныхъ въ губернія, достигающій, по даннымъ переписи 1897 г., 84%. Иныхъ результатовъ, болѣе утѣшительныхъ, и нельзя было ждать при тѣхъ крупныхъ недостаткахъ въ организаціи школьнаго дѣла, какіе наблюдаются въ настоящее время. Къ тому же въ губерніи плохо поставлено внѣшкольное образованіе, вслѣдствіе чего рецидивъ безграмотности явленіе нерѣдкое, констатируемое многими лицами, близко стоящими къ сельскому населенію. Въ докладѣ управы—„объ участіи губернскаго земства въ мѣропріятіяхъ по народному образованію"—зарегистрировано всего лишь 307 небольшихъ библіотекъ при начальныхъ училищахъ и 49 библіотекъ-читаленъ,—изъ нихъ 37 при чайныхъ попечительства о народной трезвости. Воскресныхъ школъ и повторительныхъ вечернихъ занятій очень мало; предоставленныя частной инициативѣ, онѣ встрѣчаются, какъ пріятныя исключенія. Всѣ отрицательныя стороны современной постановки въ губерніи школьнаго дѣла обусловливаются крайне ничтожными средствами,

расходуемыми на нужды начальнаго образованія. Губернская управа опредѣляетъ общій расходъ на школы русскія и инородческія въ 217.985 р., уѣздныя земства затрачиваютъ 136.348 р. т. е. 62,1°/o всей суммы. Бирское земство расходуетъ 15,5°/o своей общей годичной смѣты, Златоустовское—14,3°/o, Белебеевское—13,4°/o, Мензелинское — 11,4°/o, Стерлитамакское—9,5°/o и Уфимское—8,5°/o.

Что касается губернскаго земства, то до этого времени оно воздерживалось отъ активнаго участія въ мѣропріятіяхъ по начальному народному образованію, довольствуясь небольшими ассигновками по подготовкѣ учительскаго персонала. На все народное образованіе, высшее, среднее, профессіональное и начальное, имъ израсходовано за 25 лѣтъ существованія съ 1875 г. по 1900 г. только 487.055 р., что составитъ въ отношеніи къ общей расходной смѣтѣ за этотъ періодъ времени ни больше ни меньше, какъ 6,7°/o. Благодаря такому индифферентизму губернскаго земства къ нуждамъ школьнаго дѣла, стоимость одного учащагося въ свѣтской школѣ не превышаетъ 8 р. въ среднемъ по губерніи, а расходъ на одного человѣка въ школьномъ возрастѣ едва достигаетъ 93 коп. По отдѣльнымъ же уѣздамъ мы получимъ еще болѣе краснорѣчивые показатели, свидѣтельствующіе о той непростительной безучастности, съ какой уфимскіе земцы относятся къ насущнымъ потребностямъ представляемаго ими населенія.

Названіе уѣздовъ.	Стомость 1-го учащагося въ свѣтской школѣ.	Расходъ на образоват. потреб. 1 чел. въ школьн. возрастѣ.
Златоустовскій	7,2 р.	1 р. 81 коп.
Бирскій	10,4 „	98 „
Мензелинскій	7 „	85 „
Белебеевскій	8,5 „	83 „
Уфимскій :	8,3 „	78 „
Стерлитамакскій	8,1 „	75 „

Вопросъ о необходимости активнаго участія въ мѣропріятіяхъ по народному образованію неоднократно уже дебатировался на губернскихъ земскихъ собраніяхъ, начиная чуть-ли не съ 1875 года, но только въ послѣднюю очередную сессію губернское земство рѣшилось, наконецъ то, выйти изъ многолѣтняго бездѣйствія. Собраніе признало въ принципѣ необходимымъ участіе губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія и постановило: 1) образовать особый фондъ для выдачи безпроцентныхъ ссудъ на постройку и улучшеніе школьныхъ зданій, внося ежегодно, начиная съ 1902 г., въ расходную смѣту по 15,000 р., и присвоить этому фонду наименованіе „фонда уфимскаго губернскаго земства въ память сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“;

2) внести теперь же въ смѣту 1902 г., на второе полугодіе, 9000 р. на субсидированіе вновь отстраивающихся школъ по 250 р. на каждую съ тѣмъ, что каждое уѣздное земство будетъ тратить на ту же школу не менѣе 250 р.; 3) распространить силу перваго постановленія и на инородческія школы, открываемыя министерствомъ при субсидіи земства; 4) возбудить ходатайство о разрѣшеніи безпроцентной ссуды изъ страхового капитала въ размѣрѣ 150,000 р. на нужды школьнаго дѣла; 5) возбудить ходатайство о пониженіи крѣпости казеннаго вина на одинъ градусъ съ тѣмъ, чтобы могущіе получиться отъ этой операціи барыши были отданы въ распоряженіе земства для удовлетворенія нуждъ начальнаго образованія; 6) ходатайствовать передъ правительствомъ о допущеніи представителей земствъ къ участію въ пересмотрѣ „положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ“; 7) ассигновать на устройство книжнаго склада 150,000 р. и, наконецъ, 8) организовать въ городѣ Уфѣ въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1902 г. педагогическіе курсы для учителей и учительницъ земскихъ школъ.

Предлагаемыя вниманію читателя постановленія послѣдняго очередного собранія открываютъ собою новую эру въ исторіи школьнаго вопроса въ Уфимской губерніи. Отнынѣ можно надѣяться, что та живая потребность въ образованіи, которая стала съ особенной силой чувствоваться послѣ печальной памяти 1891 и 1892 г. и которая теперь все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ—какъ продолжающимися хроническими голодовками, такъ и усложняющимися условіями сельской жизни, не будетъ оставляться губернскимъ земствомъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи, какъ это было до настоящаго времени, и невысокій нынѣ процентъ грамотныхъ среди мѣстнаго населенія станетъ повышаться болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ въ предшествующее двадцатипятилѣтіе безплоднаго существованія уфимскаго земства. Будемъ надѣяться также, что принятыя собраніемъ рѣшенія относительно школьнаго дѣла не замедлятъ въ концѣ концовъ привести гг. гласныхъ къ мысли о всеобщемъ народномъ образованіи, которое является, собственно говоря, единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ въ борьбѣ съ безчисленными бѣдствіями деревенской жизни. Это особенно относится къ Уфимской губерніи, гдѣ сельское населеніе, погрязшее въ невѣжествѣ, оказывается совершенно безсильнымъ въ своихъ повседневныхъ столкновеніяхъ съ экономическими и иными невзгодами, вслѣдствіе чего ему приходится постоянно, чуть-ли не каждый годъ, безропотно переносить и недоѣданіе, и тифъ, и цынгу, и другія тяжелыя послѣдствія „неблагопріятно сложившихся метеорологическихъ условій“.

Ал. Свидерскій.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

Въ апрѣльской книжкѣ „Образованія“, отд. III („Изъ жизни и литературы“), въ статьѣ „Праздникъ искусства“ замѣчены слѣдующія опечатки:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
107	15 сн.	økohomъ	окномъ
111	4 св.	Молчановъ	Мочаловъ
116	10 сн.	воцарятъ	воцаряется
118	2 —	грамота	громада
120	7 —	такого	такою
121	8 св.	такъ всѣ	такъ какъ всѣ
—	22 —	нелюдимаго	нелюбимаго
123	20 —	пустъ	пусть
128	21 —	Артемовымъ	Артемомъ

Книжный листокъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ *).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: 1) „*Herodoti* Historiarum liber I. Текстъ съ словаремъ и приложеніемъ объ іоническомъ діалектѣ Геродота, составленными Я. Кремеромъ. М. 1877. Стр. XXIV+114+106. Цѣна 75 коп."—2) „То же. Liber III. М. 1879. Стр. XXIV+92+194. Цѣна 75 коп."—3) „*Demosthenis* Orationes Philippicae quattuor (Olynthiecae III, Philippica I). Текстъ съ словаремъ, составленнымъ Я. Кремеромъ. Изданіе седьмое. М. 1899. Изданіе В. Думнова. Стр. 107. Цѣна 50 коп."—допустить въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Эфтифронъ, діалогъ Платона. Съ примѣчаніями и словаремъ издали Захарбековъ и Гайшманъ. М. 1872. Изданіе бр. Салаевыхъ. Стр. 70 Цѣна 45 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книжку: „А. О. Корниловичъ. Нравы русскихъ при Петрѣ Великомъ Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая библіотека. № 330). Спб. 1901. Въ 16 д. стр. 88. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 28 коп., въ перепл. 35 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „И. Е. Забѣлинъ. Женщина въ допетровскомъ обществѣ. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая библіотека № 331). Спб. 1901. Въ 16 д. стр. 122. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 28 коп., въ перепл. 35 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Рѣчи М. Туллія Цицерона за поэта Архія и за Кв. Лигарія. Объяснилъ Ю. Фелькель. Изданіе 3-е. М. 1877. Изданіе Ѳ. И. Салаева. Стр. 127. Цѣна 50 коп."—2) „Рѣчь М. Туллія Цицерона за Л. Мурену. Объяснилъ Ю. Фелькель. М. 1875. Изданіе бр. Салаевыхъ. Стр. XVIII+117, Цѣна 80 коп."—допустить въ качествѣ учебныхъ пособій для гимназій и прогимназій.

— Книжку: „Н. И. Новиковъ. Кошелекъ. Еженедѣльный журналъ. Вос-

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв. № 2.

произведеніе изданія 1774 года. Спб. 1900. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая библіотека. № 239). Стр. VI+81 in 16°. Цѣна 12 коп., въ папкѣ 20 коп., въ перепл. 27 коп." — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Труды С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Выпускъ I-й. **Декартъ.** Метафизическія размышленія. Переводъ **В. М. Невѣжиной.** Подъ редакціей и со статьей проф. **А. И. Введенскаго:** Декартъ и раціонализмъ. Спб. 1901. Стр. 53+96. Цѣна 1 р."—допустить въ ученическія старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Мелисса (Per aspera.—Тернистыми путями). Историческій романъ **Георга Эберса.** Спб. 1892. Стр. 531 Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги цѣна ея была понижена.

— Книгу: „**А. А. Коринфскій.** Народная Русь. М. 1901. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. XII+724. Цѣна 2 р. 50 к.—допустить въ ученическія средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ, и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „**А. И. Ширяевъ.** Элементарный атласъ діаграммъ цвѣтковыхъ растеній. М. 1902. Цѣна 75 коп.„—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „**Жозефъ Бертранъ.** Алгебра. 2-я часть, пересмотр. **Жозефомъ Бертраномъ** и **Генрихомъ Гарсе.** Переводъ **М. В. Пирожникова.** Спб. 1901. Стр. VII+359. Цѣна 2 руб."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Deutsches Lesebuch für die mittleren Lehranstalten. Herausgegeben von **Christian Böhm.** Neu herausgegeben von **Max Böhm.** 1. Teil. 5-te verbess. Auflage. Reval. Verlag von Franz Kluge. 1901. XVI+320 S. Preis 80 Kop."—допустить какъ учебное пособіе для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книги: 1) „**П. Вольногорскій.** Растенія—друзья человѣка. М. 1901. Изданіе К. И. Тихомирова. Стр. VIII+666. Цѣна 3 руб. въ папкѣ." — 2) „**П. Вольногорскій.** Растенія—друзья человѣка. Въ 6 выпускахъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1901. Цѣна за выпускъ отъ 40 до 60 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „**E. Despréaux.** Histoire abrégée de la Littérature française à l'usage des étrangers. Riga. Librairie N. Kymmel. 1901. Pages 300. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для нѣмецкихъ училищъ и вообще для всѣхъ учебныхъ заведеній министерства, въ которыхъ исторія французской литературы преподается какъ особый предметъ.

— Книгу: „**В. М. Сысоевъ.** Водяной мірокъ. М. 1902. Изданіе М. Т.

Клюкина. Стр. 28. Цѣна 20 коп." —допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книгу: „Рѣчь **М. Туллія Цицерона** за царя Деіотара. Объяснилъ **Ю. Фелькель**. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. М. 1874. Стр. XV+35. Цѣна 40 коп."— допустить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Сборникъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, составленный примѣнительно къ латинской грамматикѣ Эллендта-Зейфферта **В. Зубковымъ**. Изданіе 5-е. М. 1897. Стр. IV+204+46. Цѣна 1 руб." —допустить къ употребленію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Латинская грамматика доктора **Мадвига**, сокращенная для гимназій докторомъ **П. Тишеромъ**. Переводъ съ нѣмецкаго **В. Васова**. Изданіе 4-е. М. 1873. Изданіе бр. Салаевыхъ. Стр. III+291+1 табл. Цѣна 85 коп."—допустить въ ученическія библіотеки гимназій и прогимназій.

— Книгу; „Книга упражненій по латинской этимологіи. По Везенеру составили **К. Павликовскій** и **В. Исаенковъ**. Изданіе 4-е. М. 1891. Изданіе В. Думнова. Стр. VIII+351. Цѣна 1 руб."—допустить къ употребленію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Книга упражненій къ латинской грамматикѣ д-ра Фердинанда Шульца, составленная **Ю. Ходобаемъ** и **П. Виноградовымъ**. М. 1898. Часть I. Изданіе 13-е. Стр. II+291. Цѣна 1 р. 20 коп.—Часть II. Изданіе 10-е. Стр. II+204+46. Цѣна 1 руб."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Рѣчь **М. Туллія Цицерона** за Т. Аннія Милона. Объяснилъ **Ю. Фелькель**. Изданіе 2-е. М. 1877. Изданіе Салаева. Стр. 206. Ц. 80 к."— допустить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

— Брошюру: „**А. А. Кордюковъ**. Матеріалы для изученія Воронежской флоры. Воронежъ. 1901. Стр. IX+58. Цѣна 20 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній Харьковскаго учебнаго округа.

— Книги: 1) „Учебникъ по русской грамматикѣ. I. Этимологія. Составилъ **И. Бѣлоруссовъ**. Изданіе 15-е. Орелъ. 1901. Стр. IV+96. Цѣна 40 коп."—2) „То же. II. Синтаксисъ. Орелъ. 1901. Стр. 80. Цѣна 40 коп."— допустить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Изданіе: „**В. Шекспиръ**. Король Іоаннъ. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ **Дмитрія Мина**. Изданіе А. С. Суворина (Дешевая библіотека № 323). С.-Пб. 1901. Стр. XVIII+136. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 40 к."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „А. С. Пушкинъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Изъ рѣчей и статей о Пушкинѣ. Состав. **Н. Покровскій**. М. 1901. Стр. 165. Цѣна 75 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „**Н. И. Ширманъ**. Краткій учебникъ латинскаго языка (примѣнительно къ медицинѣ) для сестеръ милосердія, фельдшеровъ, фельд-

шерицъ, акушерокъ, учениковъ зубовр. школъ и вообще для всѣхъ лицъ медицинской профессіи, не получившихъ классическаго образованія. Изданіе I. И. Золотарева. Елизаветградъ. 1899. Стр. II+176. Цѣна 75 коп."—допустить въ библіотеки тѣхъ фельдшерскихъ школъ, которыя находятся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ прямолинейной тригонометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Я. Блюмбергъ. 3-е изданіе. С.-Пб. 1901. Стр. IV+100. Цѣна 1 руб."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Примѣры и задачи по начальной алгебрѣ. Состав. Е. Н. Тихомировъ. 3-е изданіе. М. 1901. Изданіе В. В. Думнова. Стр. VIII+384 Цѣна 1 р. 25 коп."—допустить условно въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Элементарная геометрія въ объемѣ гимназическаго курса. А. Давидова. Изданіе 20-е. М. 1901. Изданіе В. Думнова. Стр. 348. Цѣна 1 р. 35 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Латинская грамматика, преимущественно по руководствамъ д-ра Фердинанда Шульца обработанная Юріемъ Ходобаемъ. Курсъ гимназическій. Изданіе 11-е, лит. В. М. 1899. Изданіе В. Думнова. Стр. IV+300. Цѣна 1 р. 20 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Г. Бендеръ. Краткій очеркъ исторіи римской литературы. Перевели студенты-филологи Л. Ц. Н. М. 1886. Стр. II+100. Цѣна не обозначена."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Латинская хрестоматія съ русскими упражненіями для трехъ низшихъ классовъ. Состав. С. Радецкій и, В. Соколовъ. Изданіе 4-е. М. 1899. Изданіе В. Думнова. Стр. XI+161+III. Цѣна 1 руб."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Латинская грамматика Ходобая въ обработкѣ Андрея Адольфа. Курсъ гимназическій. Изданіе 15-е. М. 1899 Изданіе В. Думнова. Стр. VIII+217. Цѣна 1 руб."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій.

— Брошюру: „(А. Залдкинъ) А. С. Пушкинъ какъ литературный критикъ. (Къ 100-лѣтію со дня рожденія). Тифлисъ. 1899. Стр. 81. Цѣна не обозначена."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Спутникъ правописанія. Краткія правила съ подробнымъ ореографическимъ словаремъ. Составилъ И. К. Ганъ. Изданіе 5-е. Вильна. 1901 Стр. VI+106. Цѣна 30 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книжку: „Воспитаніе здоровыхъ привычекъ. М. И. Покровской. С.-Пб. 1901. Стр. 76+I. Цѣна 50 коп,"—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и

въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи цѣна книжки была понижена.

— Книгу: „Генералиссимусъ князь Суворовъ. А Петрушевскаго. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. VIII+810. Цѣна 4 р.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и признать заслуживающею рекомендаціи, особымъ циркулярнымъ предложеніемъ министерства, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки средних учебныхъ заведеній министерства и для выдачи учащимся въ старшихъ классахъ сихъ заведеній въ награду.

— Книгу: „Труды Я. К. Грота. IV. Изъ русской исторіи. Изслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890). Изданы подъ ред. К. Я. Грота. С.-Пб. 1901. Стр. VI+768. Цѣна 3 руб.“—признать заслуживающею рекомендаціи министерства народнаго просвѣщенія, посредствомъ особаго циркулярнаго предложенія, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Петръ Великій. Историческая Хроника въ 5 дѣйствіяхъ и 13 картинахъ. Сочиненіе Виктора Крылова. С.-Пб. 1901. Стр. IV+168+II. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: В С Игнатовичъ Manuel concentrique de la langue française. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Часть I. Курсъ элементарный, (2-й классъ). Изданіе 18-е. С.-Пб. 1901. Стр. X+159. Цѣна 50 коп.—Часть II, Курсъ элементарный (3-й классъ). Изданіе 15-е. С.-Пб. 1899. Стр. VIII+167. Цѣна 60 коп.—Часть III. Курсъ среднихъ классовъ гимназій и прогимназій, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ объясненій по исторической грамматикѣ. Изданіе 12-е. С.-Пб. 1900. Стр. XVIII+294+87. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, въ коихъ не примѣняется натуральный методъ обученія французскому языку.

— Книгу: „Собраніе геометрическихъ теоремъ и задачъ. Составилъ Е. Пржевальскій. Изданіе 7-е. М. 1901, Стр. VI+2+376. Цѣна 1 руб. 60 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „В. Покровскій. Сокращенная историческая хрестоматія. Часть VI. Стр. VIII+773. Цѣна 1 руб. 25 коп,“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Иностранные поэты. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ М. 1901. Цѣна каждой книжки 10 коп.“: 1) Робертъ Соути. Стр. 48.“—2) Альфредъ де Мюссе. Стр. 48.“—3) „Людвигъ Кондратовичъ (Сырокомля) Стр. 64.„—4) „Альфредъ де Виньи. Стр. 48.“—5) „Викторъ Гюго. Стр. 48“—6) „Людвигъ Уландъ. Стр. 48.“—7) „Фридрихъ Шиллеръ. Стр. 48.“—8) „Генрихъ Гейне. Стр. 48.“—9) „Томасъ Муръ. Стр. 48.“—10) „Адамъ Мицкевичъ. Стр. 48.“—11) „Гансъ-Христіанъ Андерсенъ. Стр. 48.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Изданія Школьной картопечатни, подъ общимъ заглавіемъ „Экскурсіонныя карты Россіи": 1) „Царское Село. С.-Пб. 1901. Цѣна 10 к."— 2) Царскосельскій паркъ. С.-Пб. 1901. Цѣна 10 коп."—3) „Павловскъ. С.-Пб. 1901. Цѣна 10 коп."—4) „Павловскій паркъ. С.-Пб. 1901. Цѣна 10 коп."—5) „Шуваловскій паркъ. С.-Пб. 1901. Цѣна 10 коп."—6) „Юкки. С.-Пб. 1901. Цѣна 10 коп."—7) „Лѣсной. С.-Пб. 1901, Цѣна 10 коп."—8) „Сестрорѣцкъ. Курортъ. Лисій Носъ. С.-Пб. 1901. Цѣна 15 коп."—9) „Петергофъ и Ораніенбаумъ. С.-Пб. 1901. Цѣна 15 коп."—10) „Петергофскій паркъ. С,-Пб. 1901. Цѣна 15 коп."—11) „Кронштадтъ. С.-Пб. 1901. Цѣна 15 коп."—12) „Общая карта. С.-Пб. 1901. Цѣна 30 коп."—13) „Экскурсія въ Царское Село. Составилъ А. Чеботаревъ. С.-Пб. 1901. Стр. 15. Цѣна 10 коп. (брошюра)"—допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ, а также и учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

— Книгу: „Очерки по исторіи древне-русской письменности. Отъ начала письменности до XVIII вѣка. Составилъ Н. Протопоповъ. Изданіе 2-е. М. 1902. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. VI+252. Цѣна 1 руб."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Учебная книга сравнительной всеобщей географія. Курсъ повторительный. Составилъ А. Чеважинскій. С.-Пб. 1901. Стр. IX+165. Цѣна 1 руб."—допустить въ ученическія, средняго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Путешествія М. Н, Пржевальскаго. Составилъ по подлиннымъ сочиненіямъ А. В. Зеленинъ. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1899—1900. Томъ I. Стр. 464.—Томъ II. Стр. 495. Цѣна за 2 тома 4 руб."— допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Разсказы про дикаго человѣка. Д. А. Коропчевскаго Изданіе 6-е М. 1901. Изданіе К. И. Тихомирова. Стр. IV+305. Цѣна 2 руб."— допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Е. П. Гребенка. Записки студента. Повѣсть. Путевыя записки зайца. М. 1901. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. 120. Цѣна 15 коп."— допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе Школьной картопечатни: „Административная карта Россіи къ началу XX вѣка. Административное и судебное устройство. Военные округа. Составилъ А. Е. Рябченко. Цѣна для школъ съ наклейкой и пересылкой 4 руб."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Курсъ всеобщей исторіи (элементарный). Составилъ И. Беллярминовъ. Изданіе 8-е. С.-Пб. 1901. Стр. 270. Цѣна 80 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства IV и V классовъ реальныхъ училищъ.

— Книжку: „Николай Васильевичъ Гоголь. Составилъ А. Г. Филоновъ.

С.-Пб. 1901. Изданіе Н. С. Аскарханова. Стр. 48. Цѣна 8 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ.

— „Темы, расположенія и матеріалы для сочиненій въ старшихъ классахъ. Составилъ **И. Гавриловъ**. Изданіе 5-е. Спб. 1899. Стр. IV+IV+168. Цѣна 1 р."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Подъ ред. **А. К. Владиміровой (А. Европеусъ)**. 2-е изданіе. Спб. 1894. Изданіе В. И. Губинскаго. Стр. IV+323. Цѣна не обозначена,"—въ ученическія младшаго и средняго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1899 г. Составилъ **В. В. Сабанинъ**. Томъ I. Январь—іюнь 1899 г. Вып. I, Книги на русскомъ языкѣ. Спб. 1901. Изданіе Статистико-библіографической Коммиссіи при Русскомъ Обществѣ Дѣятелей Печатнаго Дѣла. Стр. 12 ненум.+554 in 4°"—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

—„Басни **Лафонтена** (полное собраніе) въ переводахъ русскихъ баснописцевъ и современныхъ писателей. Съ біографіей Лафонтена и примѣчаніями подъ ред. **Арс. И. Введенскаго** Спб. 1901. Томъ I. Стр. in 4, XXIV+344.—Томъ II. Стр. 345—626. Цѣна за 2 тома 6 руб."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**М. А. Орловъ**. Учебникъ исторіи русской словесности. Часть I, Спб. 1900. Стр. VIII+176. Цѣна 60 коп.—Часть II. Спб. 1901. Стр. VI+202. Цѣна 80 коп."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**М. М. Волкова и В. Д. Вельфсонъ**. Курсъ гигіены для женскихъ гимназій. Изданіе 2-е. Спб. 1899. Изданіе В. Думнова. Стр. II+256+III. Цѣна 1 руб."—въ ученическія библіотеки мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства. „Краткій учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. I. Этимологія. II. Синтаксисъ, составилъ **С. Бердинъ**. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. 160. Цѣна 45 коп."—въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**Н. Останнинъ**. Факторы дѣтскаго счастья. Педагогическіе очерки. Одесса. 1901. Изданіе Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла. Стр. X+248 in 8°. Цѣна 1 р. 25 коп."—въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Латинская стилистика **Негельсбаха**, приспособленная для русскихъ школъ **Александромъ Страховымъ**. М. 1875. Стр. XVII+617. Цѣна 2 р." — въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки гимназій.

— „Римской исторіи **Т. Ливія** книга V съ объясненіями и введеніемъ, составленными **И. Страховымъ**. Изданіе 2-е. М. 1898. Изданіе Б. Думнова. Стр. VI+114. Цѣна 65 коп."—въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій.

— 1) „Начальная латинская хрестоматія. Составилъ **Е. Сыроѣчковскій** Выпускъ 1-й. Курсъ 1-го класса. Изданіе 3-е. М. 1898. Стр. V+86 (въ

текстѣ)+50 (въ отдѣльномъ вокабуляріи). Цѣна за обѣ книжки 45 коп.“—2) „То же. Выпускъ II. Курсъ 2-го класса. Изданіе 2-е. М. 1894. Стр. II+96 (въ текстѣ) +96 (въ отдѣльномъ вокабуляріи). Цѣна за обѣ книжки 65 коп.“—въ качествѣ учебныхъ пособій при преподаваніи латинскаго языка въ младшихъ классахъ гимназій и прогимназій.

— „Статьи для перевода съ латинскаго языка на русскій въ 1-мъ классѣ гимназій. Добавленіе къ книгѣ упражненій Ф. Шмиса. Переводъ Н. Баталина. Мѣсто и годъ изданія не обозначены. Стр. 15. Цѣна 10 коп.“—въ качествѣ учебнаго пособія при начальномъ обученіи латинскому языку.

— „C. Iulii Caesaris commentarii de bello Gallico. Текстъ съ объяснительнымъ словаремъ и приложеніемъ карты Галліи. Издалъ М. Блюсъ. Изданіе 5-е. М. 1896. Стр. II+148+196. Цѣна 1 р. 40 коп.“—въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

— „А. И. Красницкій. Вѣрнымъ путемъ. Повѣсть изъ современной жизни. Спб. 1899. Изданіе П. П. Сойкина. Стр. 228. Цѣна 50 коп.“—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ библіотеки учительскихъ семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Н. М. Загоскинъ: 1) „Рославлевъ или русскіе въ 1812 году. Спб. 1901. Стр. 2 нен.+417. Цѣна 90 коп.“—2) „Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году. Спб. 1900. Стр. 3 нен.+338+4 нен. Цѣна 1 р. 25 коп.“—3) „Кузьма Рощинъ. Спб. 1901. Стр. 3 нен.+87. Цѣна 40 коп.“—4) „Брынскій лѣсъ. Изданіе 3-е Спб. 1901. Стр. 3 нен.+300. Цѣна 75 коп.“ — 5) „Кузьма Петровичъ Мирошевъ. Спб. 1901. Стр. 3 нен.+409. Цѣна 90 коп.“—6) „Русскіе въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія. Спб. 1901. Стр. 3 нен.+228. Цѣна 75 коп.“ — 7) „Аскольдова могила. Спб. 1901. Стр. 3 нен.+336. Цѣна 75 коп.“ (Изданія Т-ва М. О. Вольфъ)—въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ, и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Рисованіе пейзажей. Понятія о перспективѣ для быстраго кроквированія видовъ съ натуры. Составилъ Н. Деманже-Кнокъ, перевелъ Бѣлявковъ. Спб. Складъ Б. А. Березовскаго. Paris. Librairie Nony et Cie. 1900. Стр. XI+60. Цѣна не обозначена.“—въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Дружба въ мірѣ животныхъ. Разсказы А. Ульяновой. М. 1901. („Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова“). Стр. 48. Цѣна 25 коп.“—въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Русская школа. Общепедагогическій журналъ для школы и семьи издаваемый ежемѣсячно подъ редакціей Я. Г. Гуревича. Десятый годъ изданія. Спб. 1899. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки 7 руб. въ годъ, съ доставкою 7 р. 50 к.; для иногородныхъ съ пересылкою 8 руб. съ пересылкою за границу 9 руб. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз. журнала, пользуются уступкою въ 15%. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за 6 руб. въ

годъ съ разсрочкой уплаты въ два срока."—въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ учительскія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

— „Сочиненія К. С. Аксакова. Томъ I. Сочиненія историческія. М. 1889. Стр. 599+II. Цѣна 2 руб. 25 коп.—Томъ II. Сочиненія филологическія. Часть I. М. 1875. Стр. XII+660+I. Цѣна 3 р.—Томъ III. Сочиненія филологическія. Часть II. Опытъ русской грамматики. М. 1880. Стр. XXXVI+XIII+II+470+151. Цѣна 2 руб. 75 коп." — въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Нужна ли церковь христіанину? Психологическое оправданіе церкви. Петръ Кремлевскій. Спб. 1901. Стр. IV+159. Цѣна не обозначена."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Г. И. Клейнъ. Популярная астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Перевелъ М. Э. Гюнсбургъ. С.-Пб. 1901. Стр. 238+2+2 стр. звѣздной карты. Цѣна не обозначена."—въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Магнитный потокъ и его дѣйствія. 6 лекцій И. И. Боргмана. 2-е изданіе. („Электро-техническая библіотека. Томъ II"). Изданіе журнала „Электричество". С.-Пб. 1900. Стр. IV+148. Цѣна 1 р. 80 коп."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Краткій курсъ естествовѣдѣнія. Составилъ А. Я. Гердъ. Въ 3 частяхъ. Изданіе 11-ое, заново пересмотрѣнное и дополненное В. А. Гердомъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. С.-Пб. 1901. Стр. 344+IV. Цѣна 1 р. 25 коп."—условно въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій министерства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были устранены недостатки ея.

— „Электричество. Популярное изложеніе Л. Греца. Переводъ В. Чепинскаго. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1900. Стр. 253. Цѣна 1 р. 20 коп."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Современное ученіе объ электричествѣ въ элементарно-математической обработкѣ. Д-ра Шумана. Переводъ Н. Державина. (Электро-техническая библіотека. Томъ VI). Изд. журнала „Электричество". С.-Пб. 1902. Стр. XIII+223. Цѣна 2 р. 50 коп."—въ ученическія, старшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Образцы обученія письму. Составилъ Ѳ. В. Грековъ. Часть 1-я Первоначальное русское и церковно-славянское письмо. Изданіе 7-е. М. 1902. Цѣна 10 коп.—Часть 2-я. Французское и нѣмецкое письмо. Изданіе 4-е. М. 1901. Цѣна 15 коп. Часть V. Письмо шрифтами рондо, готическимъ, фрактурнымъ, славянскимъ и др Изданіе 4-е. М. 1901. Цѣна 40 коп."—въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а первую часть, сверхъ того, и для городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ.

— „Жизнь и царствованіе Императора Александра III. Составилъ К. Корольковъ. Кіевъ. 1901. Стр. 270. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к."—

въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни.

1) „Русскія миссіи на окраинахъ. І. Бѣляева. С.-Пб. 1900. Стр. 308. Цѣна 50 коп.“—2) „Наши заграничныя миссіи. С. А. Архангелова. С.-Пб. 1899. Стр. III+208. Цѣна 25 коп.“—3) „С. И. Кенчилевичъ. Бытовые очерки современной Палестины. С.-Пб. 1900. Стр. 159. Цѣна 25 коп.“ (Изданія П. П. Сойкина. подъ общимъ заглавіемъ „Дешевая библіотека Русскаго Паломника“).—въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Составилъ И. П. Матченко. Изданіе 3-е. Кіевъ. 1901. Стр. IV+112. Цѣна 50 коп.“—въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ.

— „Серре, (І.-А.). Прямолинейная тригонометрія. Переводъ М. В. Пирожкова. С.-Пб. 1902. Стр. VI+131. Цѣна 60 коп.“—въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Геометрія. Сборникъ задачъ, предлагавшихся въ конкурсныхъ экзаменахъ въ Институтахъ: Инженеровъ Путей Сообщенія, Горномъ Технологическимъ и др. Составилъ Владиславъ Вроблевскій. С.-Пб. 1902. Стр. 228. Цѣна 1 р.“—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Начальная латинская хрестоматія для 3 первыхъ классовъ гимназій. Составилъ И. Я. Сигъ. Выпускъ I. Курсъ перваго класса. 3-е изданіе М. 1899. Стр. 115. Цѣна 50 коп.—Выпускъ II. Курсъ второго класса. 2-е изданіе. М. 1899. Стр. 129. Цѣна 50 коп.—Выпускъ III. Книга упражненій. а) Курсъ 1-го класса. С.-Пб. 1887. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“—къ употребленію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, первые два—въ качествѣ учебнаго руководства, а третій—въ качествѣ учебнаго пособія.

— „Краткій учебникъ русской исторіи въ біографическихъ очеркахъ. Составилъ А. Н. Сальниковъ. 5-е изданіе. С.-Пб. 1902. Изданіе В. И. Губинскаго. Стр. 140. Цѣна 35 коп.“—въ качествѣ учебнаго руководства для III класса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— В. Г. Бѣлинскій. О воспитаніи умственномъ и нравственномъ. Составилъ А. Н. Сальниковъ. С.-Пб. 1898. Изд. В. И. Губинскаго, стр. 160. Цѣна 50 коп.—въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ *).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено допустить нижеслѣдующія изданія:

— „Ив. Савенковъ. Учитель русской народной школы и его обязанности. Дидактическій сборникъ. Варшава. 1900. Стр. VIII+490+XXII. Цѣна

*) См. Ж. М. Н. Пр. № 2.

не обозначена." — въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— „Родная природа. А. А. Чоглокъ. Звѣри, птицы и гады Россіи. 16 разсказовъ изъ жизни животныхъ. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина, С.-Пб. 1900. Изданіе Акціон. Общ. печ. дѣла „Издатель". Стр. 204. Цѣна не обозначена."—въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданныя Д. П. Ефимовымъ Э. Вернеръ: 1) „Горная фея. Романъ Переводъ съ нѣмецкаго С. П. Москва. 1899. Стр. 365. Цѣна 1 р. 25 коп."— 2) „Освобожденный отъ проклятія. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Перелыгиной. М. 1899. Стр. 405. Ц. 1 р. 50 к."—3) „Герой пера. (Ein Held der Feder) Голоса родины. (Heimatsklang). Переводъ съ нѣмецкаго. А. Заблоцкой. М. 1899. Стр. 376. Цѣна 1 р. 25 коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Карманный Словарь иностранныхъ словъ. Составилъ Н. Я. Гавкинъ. Изданіе 14-е. Кіевъ. 1901. Изданіе Ф. А. Іогансона. Стр. 745 въ 16 д. Цѣна 60 коп."—въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „А. В. Круглевъ. Изъ дневника православнаго мірянина М. 1901. Изданіе И. М. Ѳаддеева. Стр. 136. Цѣна 30 коп."—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Методика начальнаго преподаванія ариѳметики и сборникъ упражненій въ умственномъ счетѣ. Н. А. Бобровникова. Изданіе 2-е. Казань. 1898. Стр. LXVIII+99. Цѣна 50 коп."—въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— „Отечествовѣдѣніе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ. Томъ VI. Туркестанскій край. Составилъ Д. Д. Семеновъ. М. 1887. Изданіе насл. бр. Салаевыхъ. Стр. IV+248. Цѣна 1 р."— въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— 1) „Сергѣй Мечъ. Россія. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. 6-е изданіе. М. 1899. Стр. 382. Цѣна 1 р."— 2) „Русскіе инородцы. А. Максимова. М. 1901. Стр. 109+II. Цѣна 20 коп."—3) „Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ, Аннамъ, Сіамъ и Бирманія. М. 1901. Стр. IV+115. Цѣна 25 коп." — 4) „Японія и японцы. М. 1901. Стр. 178+II. Цѣна 35 коп. (№№ 2—4 изданія ред. журн. „Русская мысль": „Новая библіотека")—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, первую и третью же, сверхъ того, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— „Краткій учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. I. Этимологія. II. Синтаксисъ. Составилъ С. Бородинъ. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. 159. Цѣна 45 коп."—условно къ классному употребленію въ городскихъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи учебникъ былъ исправленъ согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— „Методическое рѣшеніе типическихъ ариѳметическихъ задачъ въ начальныхъ училищахъ. Составилъ А. Ф. Комаревъ. Изданіе 6-е. М. 1899.

Изданіе К. И. Тихомирова. Стр. 108.+II. Цѣна 40 коп."—въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— „Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями Н. А. Бобровникова. Изданіе 2-е. Казань. 1901. Изданіе А. А. Дубровина. Стр. 142. Цѣна 50 коп."—въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— „К. Стефановскій. 1) Таблица типовъ ариѳметическихъ задачъ на простые проценты. Кіевъ. 1899." — 2) „Таблица ариѳметическихъ задачъ на учетъ векселей. 1899."—въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.

— „Изданіе Саратовскаго Губернскаго Земства: Таблица метрическихъ мѣръ. Составилъ В. К. Самсоновъ."—къ классному употребленію въ низшихъ училищахъ.

— Изданныя В. В. Думновымъ: 1) „Начальная русская грамматика. Опытъ конспективнаго изложенія грамматическихъ правилъ съ приложеніемъ соотвѣтственныхъ письменныхъ работъ. Составилъ Ив. Зерновскій. Изданіе 3-е. М. 1900. Стр. VIII+107+24. Цѣна 35 коп." — 2) „Самостоятельные провѣрочные диктанты. Пособіе къ изученію начальнаго русскаго правописанія. Составилъ Ив. Зерновскій. М. 1900. Стр. IV+33. Цѣна 10 коп."—къ классному употребленію въ низшихъ училищахъ и въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданныя А. Я. Панафидинымъ подъ общимъ заглавіемъ „Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ. Н. А. Александрова:" 1) „Степи. Башкиры. Чтеніе для народа. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—2) „Степи. Бессарабія. Молдаване. (Румыны). (Чтеніе для народа). М. 1900. Стр. 30. Цѣна 10 коп."—3) „Степи. Калмыки. (Чтеніе для народа). М. 1901. Стр. 61. Цѣна 10 коп."—4) „Буряты. (Чтеніе для народа). М. 1900. Стр. 40. Цѣна 10 коп.—5) „Татары. (Чтеніе для народа). М. 1899. Стр. 61. Цѣна 15 коп."—6) Ногайцы. (Чтеніе для народа). М. 1900 Стр. 31. Цѣна 10 коп."—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Изданныя А. Я. Панафидинымъ: 1) „Болгарія. (Чтеніе для народа). Составлено Н. Д. Александровымъ. М. 1900. Стр. 47. Цѣна 15 коп."—2) Корея (страна утренней ясности). Составила В. Колокольникова. М. 1900. Стр. 24. Цѣна 10 коп."—3) „Вода въ воздухѣ. М. 1901. Стр. 40. Цѣна 15 коп."—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Журналъ: „Волшебный фонарь. Редакторъ-издатель Н. А. Пашковскій. Елисаветградъ. 1900. № 3—4 (іюнь—октябрь). 1901. № 1—4. (Январь, апрѣль, іюнь—октябрь). Цѣна по подпискѣ 1 р. въ годъ"—въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Текстъ къ картинамъ по алкоголизму. Чтеніе I-е. Красный платокъ, 12 картинъ. Чтеніе II. Исторія пьяницы, 9 картинъ. Чтеніе III-е. Соблазнъ водки, 15 картинъ. Чтеніе IV-е. Десять ночей въ трактирѣ, 24. картины. Изданіе журнала „Волшебный фонарь". Елисаветградъ. 1900. Стр. 16. Цѣна 15 коп."—для публичныхъ чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ, а также въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**А. Кузьминъ.** Запорожская сѣчь. Историческій и бытовой очеркъ Изд. А. Д. Карчагина. М. 1902. Стр. 96. Цѣна 40 коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Ковка лошади. Составилъ **Е. В. Турнинъ.** Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1900. Стр. V+162. Цѣна 1 р. 25 коп."—въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Русскіе писатели. Маленькая хрестоматія. III. Содержаніе. **К. Р.** Севастіанъ-мученикъ.—**Г. П. Данилевскій.** Вечеръ въ теремѣ Царя Алексѣя.—**А. С. Пушкинъ** и **А. Н. Апухтинъ.** Стихотворенія.—**Ѳ. М. Достоевскій.** Столѣтняя. Изданіе 2-е. Изданіе Н. С. Аскарханова. Спб. 1901. Стр. 62. Цѣна 10 коп."—условно въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, именно—съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— „Практическое руководство къ пчеловодству. Оренбургъ. 1900. Стр. 76. Цѣна 50 коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Болѣзни растеній. **А. Франкъ.** Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею **М. А. Энгельгардтъ.** Вып. 1-й. Стр. 258. Безплатное приложеніе къ журналу „Хозяинъ" за 1899 г.—Вып. 2-й. Спб. 1899. Стр. 287. Цѣна 60 коп. (Книжки Хозяина №№ 8 и 9)"—въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Народные разсказы, **А. Г. Коваленской:** 1) „Баранчикъ. Изданіе 3-е. М. 1898. Стр. 31. Цѣна 10 коп."—2) „Дядя Власъ. Изданіе 3-е. М. 1898. Стр. 31. Цѣна 10 коп."—3) „Исаевна. Изданіе 3-е. М. 1898. Стр. 64. Цѣна 10 коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Во время оно (Бенъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства. Передѣлано съ англійскаго **В. Ларіоновой.** (Ben-Hur by *Lewis Wallace*). Изд. А. С. Суворина (Дешевая библіотека № 153). Спб. 1901. Стр. 408. Цѣна 25 коп."—въ учительскія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— „Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. **И. Горбунова-Посадова.** М. 1901.": „Книжка 3-я. Объ улучшеніи крестьянскаго молочнаго скота. **Ив. Попова.** Стр. 31. Цѣна 3 коп."—„Книжка 4-я. О крестьянской рабочей лошади. **Ив. Попова.** Стр. 32. Цѣна 3 коп."—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни.

— Изданныя редакціей журнала „Досугъ и Дѣло": 1) „Жизнь въ морскихъ водахъ. Спб. 1901. Стр. 64. Цѣна 25 к., съ перес. 30 к."—2) „Жизнь въ рѣчныхъ и озерныхъ водахъ. Спб. 1901. Стр. 68. Цѣна 25 коп."—3) „Насѣкомыя. Прямокрылыя. Спб. 1900. Стр. 19. Цѣна 10 коп."—4) „Насѣкомыя. Сѣтчатокрылыя и жесткокрылыя. Спб. 1901. Стр. 64. Цѣна 25 коп."—5) „Насѣкомыя. Перепончатокрылыя. Пчелы, шмели, осы и муравьи. Спб. 1901. Стр. 69. Цѣна 25 коп."—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— „**Н. А. Лейкинъ.** Липочка. Пустой домъ. Разсказы доктора. Спб. 1901. Стр. 260. Цѣна 75 коп." — въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**П. Н. Надеждинъ.** Кавказскій край. Природа и люди. 3-е изданіе. Тула. 1901. Стр. 521. Цѣна 2 р. 50 к."—въ ученическія, старшаго возра-

ста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**М. Т. Ярошевская.** „Въ помощь учебникамъ". Географическая хрестоматія съ картинами. Часть III. Страны Западной Европы. М. 1902. Стр. VI+290. Цѣна 1 р. 90 к."—условно въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты къ руководству всѣ замѣчанія ученаго комитета.

— „**Ю. Вагнеръ.** 1) „Разсказы о воздухѣ. № 410. М. 1901. Стр. 53. Цѣна 15 коп."—2) „Разсказы о водѣ. № 411. М. 1901. Стр. 54. Цѣна 15 коп."—въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— „Методика учебныхъ предметовъ начальной школы. Составилъ **В. Архангельскій.** Симбирскъ. 1901. Стр. 373. Цѣна 1 р."—въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и, въ качествѣ учебнаго пособія, въ учительскія семинаріи.

— Изданныя Харьковскимъ Обществомъ распространенія въ народѣ грамотности: 1) „№ 55. Разсказы о жизни звѣрей. Составлено по Бр-му **А. Колесниковой.** Харьковъ. 1900. Стр. 32. Цѣна 1½ коп."—2) „№ 68. Отважный путешественникъ Фритьофъ Нансенъ. **Евгенія Сно.** Харьковъ. 1900. Стр. VII+103. Цѣна 5 коп."—3) „№ 54. О полярныхъ странахъ. Составилъ **А. Н. Красновъ.** Харьковъ. 1900. Стр. 46. Цѣна 3 коп."—4) „№ 61. Бесѣда о пользѣ отъ занятія пчеловодствомъ. **А. М. Кириллова.** Харьковъ. 1900. Стр. 32. Цѣна 1½ коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки первую же и вторую, сверхъ того, и для публичныхъ чтеній.

— „Хижина дяди Тома и жизнь среди рабовъ. Романъ **Гарріеты Бичеръ-Стоу.** Полный переводъ **Е. Ландини.** 4-е изданіе. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1899. Стр. 456. Цѣна 1 р. 20 коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданныя В. А. Березовскимъ: „Солдатская библіотека. 12-й комплектъ. №№ 221—240. 13-й комплектъ. №№ 241—260. Спб. 1899—1901". 1) „Покореніе Каракайтага. **В. Потто.** Стр. 35. Цѣна 9 коп."—2) „Походъ въ Казикумыкъ. **В. Потто.** Стр. 34. Цѣна 9 коп."—3) „Подъ свѣтлый день. **Н. И. Соловьевъ.** Стр. 39. Цѣна 15 коп."—4) „Въ омутѣ. **Н. И. Соловьевъ.** Стр. 44. Цѣна 12 коп."—5) „Подъ старость—радость. **Н. И. Соловьевъ.** Стр. 83. Цѣна 20 коп."—6) „Кавказскій плѣнникъ. Графъ **Левъ Толстой.** Стр. 44. Цѣна 11."—7) „Не спросясь броду, не суйся въ воду. **А. Васильковскій.** Стр. 19. Цѣна 5 коп."—8) „Гривенникъ. **А. Васильковскій.** Стр. 11. Цѣна 3 коп."—9) „Солдатскій самосудъ. **М. Ф. Карауловъ.** Стр. 9. Цѣна 3 коп."—10) „**Б. Адамовичъ.** Кексгольмскіе разсказы. I. Серебряныя трубы за взятіе Берлина въ 1760 г. Стр. 32. Цѣна 12 коп."—11) "То же. II. Защита знамени. Стр. 10. Цѣна 3 коп."—12) „То же. III. Взятіе турецкаго флага. Стр. 9. Цѣна 3 коп."—13) „Ахалкалаки. **В. Потто.** Стр. 24. Цѣна 6 коп."—14) „Русскіе подъ Ахалцыхомъ. I. (Битва 5-го августа 1828 г.). **В. Потто.** Стр. 22. Цѣна 6 коп."—15) „То же. II. (Битва 9-го августа 1828 года). Стр. 25. Цѣна 7 коп."—16) „Приріонскій край и его народныя сказанія. Стр. 21. Цѣна 5 коп."—17) „Переходъ черезъ Саганлугскія горы. **В. Потто.** Стр. 26. Цѣна 6 коп."—18) „На высотахъ Саганлуга. **В. Потто.** I. Битва при Каинлы

(19-го іюня 1829 г.). Стр. 20. Цѣна 5 коп."—19) „То же. Бой у Миллидюза. (20-го іюня 1829 г.). Стр. 15. Цѣна 4 коп."—20) „Геройская защита Баязета. (1829 г.). В. Потто. Стр. 21 Цѣна 5 коп."—21) „Всѣмъ деньщикамъ—деньщикъ. П. Герасимовъ. Стр. 47. Цѣна 12 коп."—22) „Въ деревнѣ забота—въ городѣ опаска. Стр. 42. Цѣна 9 коп."—23) „Колдунъ. М. Карауловъ. Стр. 28. Цѣна 7 коп."—24) „Осада и штурмъ Ахалцыха. В. Потто. Стр. 39. Цѣна 10 коп."—25) „Битва при Дигурѣ и Чаборіо. В. Потто. Стр. 23. Цѣна 8 коп."—26) „Покореніе Арзерума. В. Потто. Стр. 31. Цѣна 8 коп."—27) „Послѣдній бой подъ Бейбуртомъ. В. Потто. Стр. 23. Цѣна 6 коп."—28) „Переселеніе христіанъ изъ Турціи. В. Потто. Стр. 28. Цѣна 7 коп."—29) „Пушкинъ на Кавказѣ. В. Потто. Стр. 37. Цѣна 9 коп."—30) „Воспоминанія Суворовскаго солдата. Аустерлицъ. Н. И. Н. Стр. 24. Цѣна 6 коп."—31) „То же. Турція. Стр. 18. Цѣна 5 коп."—32) „То же. 1812-й годъ. Стр. 22. Цѣна 6 коп."—33) „То же. Отставка. Стр. 35. Цѣна 9 коп."—34) „Быль молодцу не въ укоръ. М. Карауловъ. Стр. 34. Цѣна 8 коп."—35) „Перехитрили! М. Карауловъ. Стр. 14. Цѣна 3 коп."—36) „Владиміръ Красное-Солнышко. В. Андреевская. Стр. 32. Цѣна 8 коп."—37) „Преданіе о Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. В. Андреевская. Стр. 10. Цѣна 3 коп."—38) „Ермакъ. В. Андреевская. Стр. 44. Цѣна 11 коп."—39) „Станичникъ. Д. Н. Логофетъ. Стр. 20. Цѣна 5 коп."—40) „Находка. М. Ф. Карауловъ. Стр. 26. Цѣна 6 коп."—въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Литературно-художественный сборникъ „На трудовомъ пути". Къ 35-ти-лѣтію литературно-педагогической дѣятельности Д. И. Тихомирова 1866—1901. Москва. Стр. XIV+790+12. Цѣна 2 руб."—въ учительскія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Изданныя Т-вомъ Сытина и М. В. Клюкинымъ: 1) „Любимые друзья Сборникъ разсказовъ Клавдіи Лукашевичъ. Изданіе Т-ва Сытина. М. 1900. Стр. 127. Цѣна 75 коп."—2) А. В. Кругловъ. Первое говѣнье. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1900. Стр. 63. Цѣна 40 коп."—3) „М. Васильевъ. Изъ дѣтства. Воспоминанія и разсказы. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1901. Стр. 71. Цѣна 30 коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, а также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Прочти и разскажи! Сборникъ статей для пересказа и стихотвореній для заучиванія наизусть. Составила Н. Красильникова. С.-Пб. 1901. Стр. 84. Цѣна 40 коп."—условно въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи изложеніе ея было исправлено по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— „Краткая практическая грамматика русскаго языка для сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ русскій языкъ не родной. III-й и IV-й годъ обученія. Составилъ А. Лайминь. Рига. 1897. Изданіе Я. Бригадера. Стр. 88. Цѣна 30 коп."—къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа.

— „Хоръ Н. В. Гоголю. По случаю 50-лѣтія со дня его смерти. 1852—1902. Слова К. К. Случевскаго. Музыка В. И. Главача. Изданіе Ю. Г. Циммермана. С.-Пб. 1902. Стр. 8. Цѣна: Партитура и голоса 1 р., каждый

голосъ отдѣльно по 10 коп."—въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданныя М. В. Клюкинымъ, подъ общимъ заглавіемъ „Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа": 1) „Аполлонъ Коринфскій. Пасха царя Алексѣя. М. 1901. Стр. 15. Цѣна 5 коп."—2) „Душевный человѣкъ. (Изъ волжскихъ сказаній) Н. А. Соловьева-Несмѣлова. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 5 коп."—въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Здоровье и польза". Стѣнной народный календарь на 1902 годъ. Съ краткими совѣтами и наставленіями о подаваніи первой помощи пострадавшимъ. Изданіе Еппе. С.-Пб. Цѣна 15 коп."—въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Въ сѣверныхъ лѣсахъ. Разсказы А. В. Круглова. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая библіотека № 184). С.-Пб. 1895. Стр. 72. Цѣна 15 коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданныя Д. П. Ефимовымъ: 1) „М. Юрьева. Юный работникъ. Разсказъ для дѣтей. М. 1901. Стр. 40. Цѣна 25 коп."—2) „Н. И. Перелыгинъ. Неожиданный гость. М. 1901. Стр. 29. Цѣна 20 коп."—3) „І. А. Любичъ-Кошуровъ. Ничипоръ Бородай. Изъ украинскихъ преданій. М. 1901. Стр. 55. Цѣна 30 коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, первую же, сверхъ того, и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— „Ив. Митропольскій. Изъ жизни. Разсказы для дѣтей. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1899. Стр. 76. Цѣна 40 коп."—въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданныя М. В. Клюкинымъ подъ общимъ заглавіемъ „Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа": 1) „Ив. Митропольскій. Мятель. Разсказъ. № 30. М. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп."—2) „Л. Ф. Черскій. Божья воля. Разсказъ-быль. № 34. М. 1899. Стр. 31. Цѣна 5 коп."—3) „А. Н. Сальниковъ. Антонъ рыбакъ. Разсказъ. Изданіе 2-е. М. 1899. Стр. 16. Цѣна 5 коп."—въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, первую же, сверхъ того, въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— 1) „Принцъ и нищій. Разсказъ для юношества всѣхъ возрастовъ. Марка Твэна. Переводъ Н. С. Вѣтвина. Съ предисловіемъ М. Н. Никольскаго. Изданіе Т-во М. О. Вольфъ. („Золотая библіотека"). СПб. и М. 1901. Стр. IV+392. Цѣна 1 р. 50 коп."—2) „Просвѣтитель сибирскихъ странъ, Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій. Составила Зинаида Барсукова. С.-Пб. 1901. Стр. 91. Цѣна 50 коп."—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, вторую же, сверхъ того, и въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданныя издательскимъ комитетомъ Харьковскаго общества грамотности: 1) „№ 80. Біографія и избранныя сочиненія Н. В. Гоголя. Къ 50-тилѣтію со дня кончины. Харьковъ. 1902, Стр. XL+432. Цѣна 35 руб. сотня и 40 коп. 1 экземпляръ".—2) „№ 82. Біографія Н. В. Гоголя. Къ 50-лѣтію со дня кончины. Харьковъ 1902. Стр. XL. Цѣна 3 руб. сотня и 4 коп. 1 экземпляръ".—3) „№ 83. Сорочинская ярмарка. Повѣсть Н. В. Гоголя. Харьковъ. 1901. Стр. 27. Цѣна 3 коп. коп."—4) „№ 84. Ночь передъ Рождествомъ. Повѣсть Н. В. Гоголя. Харьковъ 1901. Стр. 44. Цѣна 4 коп."—5) „№

85. Вій. Повѣсть Н. В. Гоголя. Харьковъ. 1901. Стр. 39. Цѣна 4 коп"—6) „№ 86. Старосвѣтскіе помѣщики. Повѣсть Н. В. Гоголя. Харьковъ. 1901. Стр. 24. Цѣна 3 коп."—7) „№ 87. Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Повѣсть Н. В. Гоголя. Харьковъ. 1901. Стр. 50. Цѣна 5 коп."—8) „ № 88. Тарасъ Бульба. Повѣсть Н. В. Гоголя. Харьковъ. 1901. Стр. 122. Цѣна 10 коп."—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія. Подъ ред. А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтеръ и М. В. Довнаръ-Запольскаго. Владиміръ Мономахъ. Очеркъ Г. Шмелева. Изданіе Д. И. Тихомірова. М. 1901. Стр. 42. Цѣна 5 коп."—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „В. М. Сысоевъ, Наши друзья и враги. Разсказы и очерки изъ жизни животныхъ. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1901. Стр. 159. Цѣна 80 к. въ папкѣ 1 р."—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— *) Книги: 1) „Н. Я. Горовая. Гигіеническіе очерки. I. Пыль и воздухъ жилыхъ помѣщеній. С.-Пб. 1897."—2) „Князь Курбскій. Историческій романъ временъ Іоанна Грознаго. Бориса Федорова. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1883. Изданіе В. И. Губинскаго."—3) „П. Н. Полевой. Непокупное Повѣсть. С.-Пб. 1898. Изданіе А. Ф. Маркса."—4) „Приключенія мальчика. М. 1898."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, первую же, сверхъ того, въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а третью и четвертую въ ученическія библіотеки (младшаго возраста) среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Марко Вовчокъ. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Саратовъ. 1896."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Курсъ педагогики. Часть II. Методика учебныхъ предметовъ начальной школы (примѣнительно къ программѣ духовныхъ семинарій и епархіальныхъ женскихъ училищъ). К. Смирнова. М. 1900. Стр. V+119. Цѣна 60 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „По Уралу. Разсказы и очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка. М. 1900. Стр. 185. Цѣна 50 коп. Изданіе ред. журн. „Дѣтское Чтеніе."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Новый Учебникъ Пѣнія по американской методѣ. Составилъ Н. М. Ерошенко. Одесса. 1901. Стр. 23. Цѣна 30 коп."—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи пѣнію, въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книги: 1) „Краткая исторія Кавказа. Составилъ Ѳ. А. Смирновъ. С.-Пб. 1901. Стр. 64. Цѣна 25 коп."—2) „В. Желиховская. Кавказъ и Закавказье. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. 138. Цѣна 25 коп. Изданіе К. И. Тихомирова."—3) „Разсказы и черты изъ жизни русскихъ Императоровъ, Императрицъ и Великихъ Князей. Составилъ И. В. Преображенскій. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1901. Цѣна 80 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, первую же, сверхъ того, въ ученическія библіо-

*) См. Ж. М. Н. Пр. 1902 г. № 3.

теки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и въ учительскія библіотеки прочихъ начальныхъ школъ, а вторую въ ученическія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ.

— Книжку: „**Е. Яковлева**. Начало. Букварь. Тверь. 1901. Стр. 67. Цѣна 10 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книги изданія В. Думнова: 1) „Руководство для сельскихъ учителей, съ приложеніемъ образцовыхъ уроковъ по русскому языку, родиновѣдѣнію, отечествовѣдѣнію, естествовѣдѣнію и чистописанію. **И. Бѣловъ**. Изданіе 3-е. М. 1877. Стр. VI+111. Цѣна 75 коп."—2) „То же. Выпускъ II. Изданіе 2-е. М. 1887. Стр. 107+111. Цѣна 50 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „**И. Н. Потапенко**. Великое въ маломъ. Москва. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. 285. Цѣна 1 руб."—допустить условно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета относительно внѣшнихъ недостатковъ книги.

— Книгу: „Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. I-й годъ. 7-е испр. изданіе. Составилъ **Д. Поповъ**. М. 1901. Стр. 126. Цѣна 15 коп. Изданіе В. В. Думнова"—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книгу: 1) „**М. Бубликовъ и Н. Гольденбергъ**. Русская школа. Книга для обученія русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ поступающіе не умѣютъ говорить по-русски. Часть 2-я. Второй годъ обученія. С.-Пб. 1901 Стр. 96+II. Цѣна 30 коп."—2) То же. Часть 3-я. Третій годъ обученія С.-Пб. 1901. Стр. 162+II. Цѣна 50 коп."—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Брошюру: „Томаты. Какъ ихъ вырастить, приготовить изъ нихъ консервы и какъ съ выгодою продать. **М. Ошанинъ**. Ростовъ-Ярославскій. 1901. Стр. 19. Цѣна 25 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Сестры Фабіолы. Повѣсть изъ исторіи гоненія на христіанъ **К. И. Семенова**. С.-Пб. 1899. Изданіе П. П. Сойкина (Дешевая Библіотека Русскаго Паломника). Стр. 143. Цѣна 25 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры изданія А. Я. Панафидина: 1) „Сказочная страна (Индія) Состав. **В. Колокольникова**. М. 1901. Стр. 93. Цѣна 15 коп."—2) „Кашгарія, Джунгарія и Манчжурія. Сост. **Колокольникова**. М. 1900. Стр. 76. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Бесѣды по школьной гигіенѣ. Д-ра **Ф. А. Касторскаго**. М 1901. Изданіе ред. журн. „Русская Мысль" (Новая библіотека). Стр. 52 Цѣна 15 коп."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „**Бичеръ-Стоу**. Хижина дяди Тома. Сокращенный переводъ

Ѳ. Н. Поповой. С.-Пб. 1900. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. 96. Цѣна 25 коп."— допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „**Сергѣй Мечъ**. Россія. Учебникъ отечественной географіи. 10-е изданіе. М. 1900. Стр. 158. Цѣна 50 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Изданіе: „Пропись прямымъ шрифтомъ. **М. Савеловъ**. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1902. Стр. 16. Цѣна 8 коп."—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Брошюру: „Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ. Степи и горы. Кавказъ (Сѣверный Кавказъ). I. Черкесы и кабардинцы. **Н. А. Александрова**. М. 1901. Изд. А. Я. Панафидина. Стр. 61. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки изданія М. В. Клюкина: 1) „**Сизова**, Князь Вячко. 1206—1224. Историческая повѣсть. М. 1900. Стр. 44. Цѣна 40 коп."—2) „**Ив. Бѣлоусовъ**. Росинки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. М. 1900. Стр. 70. Цѣна 35 коп."—3) „Добрыя души. Стрѣлочникъ Лизъ. Изъ записокъ **Дженни Ледлау**. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 5 коп."—4) „Добрыя души. № 51. Первые подвижники земли русской. **Е. А. Разиной**. Изданіе 2-е. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—5) „Добрыя души. № 38. Графъ **Левъ Толстой**. Кавказскій плѣнникъ. М. 1899. Стр. 46. Цѣна 5 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, 4-ю и 5-ю же, сверхъ того, и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу: „**Д. Д. Семеновъ**. Даръ слова. Классная книга для практическихъ упражненій въ родномъ языкѣ съ дѣтьми 10—12 лѣтъ. 9-е изданіе. М. 1899. Изданіе В. Думнова. Стр. 190. Цѣна 40 коп."—допустить условно къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги замѣчанія ученаго комитета были приняты къ руководству.

— Книги: 1) „Дѣтскіе годы. Сборникъ разсказовъ. **К. Лукашевичъ** („Библіотека маленькихъ дѣтей. Подъ редакціей **Н. В. Т—ва**"). М. 1901 Стр. 118. Цѣна 50 к."—2) „Изъ недавняго прошлаго". Сборникъ разсказовъ и повѣстей **Клавдіи Лукашевичъ**. („Чтеніе для старшаго возраста Отдѣлъ Н. В. Т—ва"). М. 1901. Стр. 234. Цѣна 80 коп."—3) „**Л. Медвѣдевъ**. Первые шаги. Разсказы для дѣтей. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1900. Стр. 72. Цѣна 30 коп."—4) „**Е. Вэръ-Чистякова**. Разсказы для дѣтей. М. 1901. Изданіе 2-е. М. В. Клюкина. Стр. 83. Цѣна коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „Практическіе курсы русскаго правописанія. Концентрическій сборникъ образцовъ для систематическаго диктанта. Составилъ **И. М. Сиротъ**. Часть I-я. Курсъ приготовительный. (1-й и 2-й годы обученія). Изданіе 2-е. Одесса. 1900. Стр. 106+VI. Цѣна 40 коп."—2) „Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей. Составили **К. Кузьминъ** и **В. Покровскій**. Изданіе 6-е. М. 1900. Изданіе М. Д. Наумова. Стр. 103. Цѣна 50 к."—допустить къ употребленію въ качествѣ учебныхъ

пособій,—первую—въ начальныя народныя училища, вторую—въ городскія и уѣздныя училища и учительскія семинаріи.

— Изданіе: „Стѣнныя таблицы для чистописанія. Пособіе для обученія письму. Изданіе 3-е. I ступень обученія. Составилъ В. Блиновъ. Изданіе Акціон. Южно-Русск. О-ва Печатнаго дѣла въ Одессѣ. Табл. 35. Цѣна 3 руб."—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

— Изданіе: „Русскій сельскій календарь на 1902 годъ. Годъ IX. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Стр. 80. Цѣна 20 к."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Естественно-историческая учебная таблица по пчеловодству. Составлена Ѳ. Мочалкинымъ. Москва. 1901. Цѣна не обозначена."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Н. Малининъ. Бесѣды о наглядномъ обученіи и отечествовѣдѣніи. Изданіе 3-е. М. 1833. Изданіе наслѣдн. бр. Салаевыхъ. Стр. X+202. Цѣна 75 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книги изданія М. Д. Наумова: 1) „К. Козьминъ. Грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. Изданіе 10-е. М. 1899. Стр. 111. Цѣна 50 коп."—2) „К. Козьминъ. Церковно-славянская хрестоматія. Изданіе 3-е. М. 1900. Стр. 104. Цѣна 40 коп."—допустить первую въ качествѣ руководства, вторую—какъ пособіе—къ употребленію въ городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ.

— Книгу: „А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Выпускъ I-й. Книги для дѣтей младшаго и средняго возраста. Нижній-Новгородъ 1901. Стр. 90. Цѣна 40 к."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— „Книгу: „А. Я. Гердъ. Міръ Божій. Книжка I. Земля, воздухъ и вода. 5-е изданіе. С.-Пб. 1901. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Стр. 74. Цѣна 25 коп."—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства въ младшихъ классахъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу „Н. А. Борисовъ. Отовсюду. Пересказы и переводы для юношества. С.-Пб. 1894. Изданіе М. М. Ледерле и К. Стр. 132. Цѣна 50 коп.—допустить *условно* въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты къ руководству замѣчанія ученаго комитета.

— Изданіе: „Крестьянскій и сельско-хозяйственный календарь Н. Макѣева. Годъ I-й. М. 1901. Стр. XXXII+64. Цѣна 15 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки, составленныя Сергѣемъ Мечомъ: 1) „Альпы, 4-е изданіе М. 1897. Стр. 88. Цѣна 30 коп."—2) „Австралія и Тасманія. 3-е изданіе М. 1898. Стр. 150. Цѣна 50 коп."—3) „Гренландія. Географическій очеркъ страны и разсказъ о путешествіи Ф. Нансена. 3-е изданіе. М. 1898. Стр. 103. Цѣна 50 коп."—4) Кавказъ. 5-е изданіе. М. 1898. Стр. 126. Цѣна 50

коп."—5) „Палестина и Аравія. Публичныя лекціи для учащихся. 4-е изданіе. М. 1899. Стр. 64. Цѣна 30 коп."—6) „Сахара и Нилъ. 4-е изданіе. М. 1898. Стр. 86. Цѣна 30 коп."—7) „Финляндія. 2-е изданіе. М. 1898. Стр. 128. Цѣна 50 коп."—8) „Центральная Азія. 5-е изданіе. М. 1898. Стр. 72. Цѣна 30 коп."—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги: 1) „Родныя картинки. Сборникъ стихотвореній. Составленъ кружкомъ учительницъ С.-Петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Спб. 1901. Изданіе Е. П. Лавровой и Н. А. Попова („Библіотека нашихъ дѣтей № 36"). Стр. 158. Цѣна 35 коп."—2) „То же. Дешевое изданіе. Цѣна 10 коп."—допустить къ употребленію въ начальныхъ школахъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Методика обученія правописанію. Григорій Дьяченко. М. 1881. Изданіе наслѣдн. бр. Салаевыхъ. Стр. IV+IV+216. Цѣна 60 коп."—допустить въ библіотеки учительскихъ семинарій.

— Изданіе: „Земля и люди Россіи. Географическая хрестоматія. Составилъ Д. Тимковскій. Выпускъ 1-й. На крайнемъ Сѣверѣ, среди лѣсовъ и среди озеръ. М. 1898. Стр. 96.—Выпускъ 2-й. Поволжье и Уралъ. М. 1898. Стр. 134.—Выпускъ 3-й. Въ Бѣлоруссіи. Въ Малороссіи. Въ Крыму. На Кавказѣ. М. 1899. Стр. 158.—Выпускъ 4-й. Въ Сибири и въ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ. М. 1900. Стр. 229."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „И. Плетеневъ Учебникъ всеобщей географіи. 5-е изданіе. С.-Пб. 1901. Изданіе Д. Д. Полубояринова. Стр. 169. Цѣна 60 коп."—допустить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

— Брошюры: 1) „Тетради словъ и фразъ для первыхъ упражненій въ русскомъ чтеніи и для звуковой диктовки. И. С. Соломоновскій. Житоміръ, 1900. Стр. 40. Цѣна 5 коп."—2) „Наставленіе для учителей церковныхъ школъ Волынской Епархіи о томъ, какъ учить русской грамотѣ по Тетрадямъ словъ и фразъ. Житоміръ. 1889. Стр. 28. Цѣна не обозначена."—допустить первую къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ, вторую же въ учительскія библіотеки тѣхъ же школъ.

— Книгу: „Д-ръ М. Гофманъ. Бактеріи и дрожжи въ сельскохозяйственной практикѣ. Перев. съ нѣмецкаго А. И. Набокихъ. С.-Пб. 1900. Изданіе А. Ф. Девріена. Стр. 176. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Методика ариѳметики. Составилъ Т. Лубенецъ. 3-е изданіе. С.-Пб. 1901. Изданіе П. В. Луковникова. Стр. 111. Цѣна 45 коп." — допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Брошюры: 1) „Ядовитыя растенія. Общедоступное чтеніе для школы и народа. Е. Бороздиной. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1902. Изданіе П. В. Смирнова. Стр. 51. Цѣна 30 коп."—2) „И. Селивановскій. Праздникъ древонасажденія. М. 1901. Изданіе К. И. Тихомирова. Стр. 24. Цѣна 7 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки; первую же, сверхъ того, и въ учениче-

скія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а вторую - въ ученическія библіотеки начальныхъ школъ.

— Книгу: „**Монгомери**. Его не поняли. Повѣсть для дѣтей. Переводъ **А. Рѣпиной**. М. 1901. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. 128. Цѣна 45 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Значеніе и польза Пчеловодства. Составилъ **Г. А. Кузьминъ**. Кострома. 1901. Стр. 15. Цѣна 10 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Составилъ **И. Беллярминовъ**. Изданіе 29-е. С.-Пб. 1901. Стр. 379. Цѣна 90 коп.“ — допустить къ классному употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

— Книгу: „Петръ Великій. Историческая Хроника въ 5 дѣйствіяхъ и 13 картинахъ. Сочиненіе **Виктора Крылова**. С.-Пб. 1901. Стр. 168+II. Цѣна не обозначена“. — допустить для публичныхъ народныхъ чтеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги изданія М. Д. Наумова: 1) „Объяснительный словарь церковно-славянскаго языка. Составилъ **Аѳ. Ѳ. Соколовъ**. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. VI+57. Цѣна 10 коп.“—2) „Церковно-славянская азбука и первая книга для церковно-славянскаго чтенія. Составилъ **Аѳ. Ѳ. Соколовъ**. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. 74 Цѣна 15 коп.“ —3) „Вторая книга для церковно-славянскаго чтенія. Составилъ **Аѳ. Ѳ. Соколовъ**. М. 1901. Стр. 62 Цѣна 15 коп.“—допустить къ классному употребленію въ низшихъ училищахъ.

— Книгу: „**В. Раевскій**. О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ училищахъ. Изданіе 2-е К. И. Тихомирова. М. 1901. Стр. 72. Цѣна 35 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Грамматика съ письменными работами для начальныхъ училищъ. Составилъ **И. С. Виноградовъ**. 8-е изданіе. М. 1899. Изданіе В. Думнова. Стр. VIII+256. Цѣна 25 коп.“—допустить условно къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе всѣ замѣчанія ученаго комитета.

— Книгу: „**Джеромъ К. Джеромъ**. Собраніе сочиненій. Т. I. Впечатлѣнія странника и другіе разсказы. Переводъ съ англійскаго **Н. д'А**. Подъ редакціей **В. Львовича**. Москва. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. 335. Цѣна 85 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. Сочиненіе **В. Зимницкаго**. Изданіе 11-е. М. 1901. Изданіе К. И. Тихомирова. Стр. 93. Цѣна 55 коп.“—допустить условно въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, именно съ условіемъ тщательной переработки книги при слѣдующемъ ея изданіи согласно указаніямъ ученаго комитета и значительнаго пониженія продажной цѣны ея.

— Книгу: „**Клеменсъ Юноша**. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Переводъ съ польскаго **В. М. Лаврова**. М. 1892. Изданіе ред. журн. „Русская Мысль“. Стр. 155. Цѣна 50 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Великій угодникъ Божій, святитель Николай Чудотворецъ, архіепископъ Мирликійскій. Описаніе его жизни и чудесъ, состав. **А. В. Кругловымъ**. М. 1901. Изданіе В. С. Спиридонова. Стр. 60. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „**Джеромъ К. Джеромъ**. Памяти Джона Ингерфильда и его супруги Анны. Переводъ съ англійскаго. М. 1901. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. 54. Цѣна 25 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „**В. А. Колесниковъ**. Троицынъ день въ селѣ Гаряхъ и Чай безъ церемоніи. Два разсказа. Ярославль. 1901. Стр. 32. Цѣна 4 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Въ дремучемъ лѣсу. Разсказъ дѣдушки внучкамъ. Для дѣтей младшаго возраста. **В. Д. Корзина**. М. 1897. Складъ при книжномъ маг. В. В. Думнова. Стр. 72. Цѣна 50 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія: 1) „**С. Макарова**. Отголоски старины. Изданіе 2-е. М. 1902. Изданіе В. Д. Карчагина. I. Волховецъ и Полиста. Стр. 47. Цѣна 30 коп.—II. Ефанда. Стр. 51. Цѣна 30 коп.—III. Прекраса. Стр. 95. Цѣна 40 коп.—IV. Красное солнышко. Стр. 80. Цѣна 40 коп.—V. Братья враги. Стр. 67. Цѣна 40 коп.“—2) „За Вѣру, Царя и Отечество. Сборникъ избранныхъ стихотвореній. Составилъ **И. Котовъ**. Изданіе 2-е. М. 1893. Изданіе В. Думнова. Стр. VII+296. Цѣна 80 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія: 1) „Пѣніе въ начальной народной школѣ. Дидактико-методическія замѣтки. Составилъ **Василій Лебедевъ**. Тамбовъ. 1900. Стр. 89. Цѣна 35 коп.“—2) „Сборникъ пѣсенъ для школьнаго хора. Изданіе **В. Лебедева**. Изданіе 2-е. Сб. 1897. Стр. 50. Цѣна 1 руб.“—3) „**Дмитрій Яичковъ**. Дѣтскій хоръ. Классное пособіе при обученіи пѣнію въ народныхъ школахъ и младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. 2-е изданіе. Рига. 1900. Изданіе К. Г. Зихмана. Стр. 38. Цѣна 15 коп.“—допустить первое въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, а второе и третье въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюры изданія Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ при Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія: 1) „Житіе Святаго Іоанна архіепископа Новгородскаго. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 2 коп.“—2) „Священно-мученикъ Климентъ, Папа Римскій, ученикъ Святаго Апостола Петра. (25-го ноября). Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. 31. Цѣна не обозначена“.—3) „Св. благовѣрный князь Муромскій Давидъ и Святая супруга его княгиня Евфросинія. Въ иночествѣ Петръ и Февронія (25-го іюня). М. 1901. Стр. 16. Цѣна не обозначена.“—4) „Житіе Святаго Апостола и Евангелиста Марка. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 1 коп.“—5) „Православному христіанину для бесѣды съ молоканами. (Самая бесѣда). М. 1901. Стр. 40. Цѣна не обозначена“.—6) „Игра въ карты. **Свящ. Кременскаго**. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 1 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Научно-популярная библіотека

для народа. Составилъ В. Лункевичъ. С.-Пб. 1899—1901. Изданіе Ф. Павленкова": 1) „№ 1. Земля. Стр. 32. Цѣна 8 коп."—2) „№ 2. Небо и звѣзды. Стр. 32. Цѣна 8 коп."—3) „№ 3. Громъ и молнія. Стр. 48. Цѣна 12 коп."—4) „№ 6. Зеленое царство. Бесѣды о томъ, какъ живетъ растеніе. Стр. 61. Цѣна 16 коп."—5) „№ 7. Бичи земли и чудеса природы. Стр. 60. Цѣна 16 коп."—6) „№ 8. Землетрясенія и огнедышащія горы. 2-е изданіе. Стр. 60. Цѣна 16 коп."—7) „№ 9. Два великихъ царства природы. Стр. 96. Цѣна 25 коп."—8) „№ 10. Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ. Стр. 80. Цѣна 20 коп."—9) „№ 12. Жилища и постройки животныхъ. Стр. 60. Цѣна 16 коп."—10) „№ 13. Семейная жизнь животныхъ. Стр. 54. Цѣна 15 коп."—11) „№ 14. Общественная жизнь животныхъ. Стр. 48. Цѣна 12 коп."—12) „№ 15. Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. Жизнь муравьевъ. Стр. 52. Цѣна 15 коп."—13) „№ 16. Обезьяны. 2-е изданіе. Стр. 56. Цѣна 15 коп."—14) „№ 17. Пчелы, осы и термиты. Стр. 68. Цѣна 18 коп."—15) „№ 18. Вода. Стр. 111. Цѣна 28 коп."—16) „№ 19. Подводное царство. Стр. 80. Цѣна 20 коп."—17) „№ 20. Воздухъ. Стр. 56. Цѣна 15 коп."—18) „№ 21. Степь и пустыня. Стр. 71. Цѣна 18 коп."—19) „№ 22. Тайга и тундра. Стр. 52. Цѣна 14 коп."—20) „№ 23. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Стр. 95. Цѣна 24 коп."—21) „№ 24. Четвероногіе и пернатые хищники. Стр. 68. Цѣна 18 коп."—22) „№ 25. Четвероногіе слуги человѣка. Стр. 88. Цѣна 23 коп."—23) „№ 26. Враги и друзья человѣка. Стр. 112. Цѣна 28 коп."—24) „№ 27. Животныя—кровопійцы и дармоѣды. Стр. 56. Цѣна 15 коп."—25) „№ 28. Растенія дармоѣды и растенія хищники. Стр. 52. Цѣна 15 коп."—26) „№ 29. Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія? Стр. 54. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, при чемъ №№ 2, 6, 7, 10, 13, 14, 19 и 25 условно, именно съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ихъ изданіи были приняты къ руководству замѣчанія ученаго комитета.

— Книжки: 1) „Къ свѣту. Повѣсть Клавдіи Лукашевичъ. М. 1901. Изданіе И. Д. Сытина. Стр. 107. Цѣна 8 коп."—2) „Курскій астрономъ-самоучка Өедоръ Алексѣевичъ Семеновъ. Біографическій очеркъ Клавдіи Лукашевичъ. М. 1901. Изданіе И. Д. Сытина. Стр. 70. Цѣна 5 коп."—3) „Бѣдный родственникъ. Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. М. 1901. Изданіе И. Д. Сытина. Стр. 53. Цѣна 5 коп."—4) „Молись, дитя! Е. Тучкова. М. 1901. Изданіе А. Я. Панафидина. Стр. 29. Цѣна 10 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „П. Барышниковъ. Русская хрестоматія. Часть 1-я (Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія). Курсъ 1-го отдѣленія городскихъ и сельскихъ училищъ. 5-е изданіе. М. 1898. Изданіе К. И. Тихомірова. Стр. 112. Цѣна 30 коп.—Часть 2-я. Курсъ 2-го отдѣленія городскихъ и сельскихъ училищъ. 5-е изданіе. М. 1898. Стр. IV+160. Цѣна 45 коп.—Часть 3 и 4-я. Курсъ 3-го и 4-го отдѣленій городского училища. Изданіе 5-е. М. 1899. Стр. IV+208. Цѣна 60 коп.—Часть 5 и 6-я. Курсъ 5-го и 6-го отдѣленій городского училища. Изданіе 3-е. М. 1898. Стр. IV+293. Цѣна 75 коп."—допустить къ классному употребленію въ городскихъ, уѣздныхъ и начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Родная нива. Хрестоматія для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, а также городскихъ, уѣздныхъ и 2-классныхъ начальныхъ училищъ. Часть 1. Составила **М. А. Гусева**. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1900. Стр. XIV+340. Цѣна 85 коп."—допустить къ классному употребленію въ городскихъ, уѣздныхъ и 2-классныхъ начальныхъ училищахъ и въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „**П. П. Надеждинъ**. Какъ читать словесныя произведенія. Практическое руководство для начинающихъ изучать словесныя произведенія. 2-е изданіе. Тула. 1900. Стр. 148+III. Цѣна 25 коп."—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія, въ учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „**Клавдія Лукашевичъ**. Холодное сердце. Повѣсть. М. 1901. Изданіе С. Курнинъ и К°. Стр. 101. Цѣна 60 коп."—2) „**Клавдія Лукашевичъ**. Изъ предмѣстья. Разсказъ. М. 1901. Изданіе С. Курнинъ и К°. Стр. 40. Цѣна 25 коп."—3) „**Клавдія Лукашевичъ**. Бѣднота. (Разсказъ). М. 1901. Изданіе С. Курнинъ и К°. Стр. 38. Цѣна 25 коп."—4) „Одинъ изъ многихъ и другіе разсказы для дѣтей средняго возраста. **Клавдія Лукашевичъ**. М. 1901. Изданіе И. Д. Сытина. Стр. 86. Цѣна 45 коп."—допустить въ ученическія (младшаго возраста) библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Первая учебная книга церковно-славянскаго языка. Составилъ **С. Ѳ. Грушевскій**. 23-е изданіе. М. 1894. Цѣна 35 коп."—исключить изъ „Каталога книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія".

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено *):

1. Допустить слѣдующія книги:

— „**М. М. Гайдовскій-Потаповичъ**. Спутникъ собирателя грибовъ. Варшава. 1901. Стр. 36+29 табл. Цѣна 50 коп."—въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**К. К. Абаза**. Завоеваніе Туркестана. С.-Пб. 1902. Стр. IV+310+II. Цѣна 1 р. 25 коп."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ библіотеки городскихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни.

— „**А. Геннель**. Школьный ботаническій атласъ. II. Анатомія и физіологія растеній. Изданіе Подвижного Музея учебныхъ пособій при Импера-

*) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1902 г. № 4.

торскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ. С.-Пб. 1902. 14 табл. формата 14×18 вершковъ съ текстомъ. Цѣна 4 р." — въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**Епифаній Нестеровскій**. Литургика или Наука о богослуженіи православной церкви. Часть I-я (общая). Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1901. Стр. 239. Цѣна 1 р."—въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**А. М. Никольскій**. 1) Уроки жизни. (Очерки изъ жизни животныхъ). М. 1902. Стр. 100. Цѣна 60 коп.—2) Сѣверный олень. Очеркъ. М. 1902 г. Стр. 16. Цѣна 5 коп.—3) Наши ядовитыя змѣи. Очеркъ. М. 1902 г. Стр 16. Цѣна 5 коп.—4) Морской бобръ и морской котикъ. Очеркъ. Стр. 16. Цѣна 5 коп. (Всѣ изданы М. В. Клюкинымъ)"—въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**О. Н. Попова**. Естественно-историческая хрестоматія. Приложеніе къ „Родному міру". Годъ I-й. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+363. Цѣна 1 р."—въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства, въ томъ числѣ учительскихъ институтовъ и семинарій, и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**Аполлонъ Коринфскій**. Д. Н. Садовниковъ и его поэзія. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1900. Стр. 112. Цѣна 50 коп." — въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— „**М. А. Мензбиръ**. Начальный курсъ зоологіи. Часть I-я: позвоночныя. М. 1901. Стр. XV+303. Цѣна 1 р. 50 коп."—въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства и для учительскихъ институтовъ и семинарій.

— „**Вальтеръ-Скоттъ**. Иллюстрированные романы. Изданіе П. В. Луковникова. 1) Антикварій. Полный переводъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. XVII + 447. Цѣна 1 р. 50 к. — 2) Гай Маннерингъ или Астрологъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. XXIII+392. Цѣна 1 р. 50 к."—въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.

— „**А. Бардовскій**. Чтеніе о „Запискахъ охотника" И. С. Тургенева. Изданіе В. В. Думнова. М. и С.-Пб. 1899. Стр. 47. Цѣна 35 к."—въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— „**Левъ Поливановъ**. Русская хрестоматія. Часть II. Для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 17-е, испр. М. 1902. Стр. XXII+448. Цѣна 1 р. 20 к."—въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**К. Кролюницкій**. Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Изданіе 2-е, пересм. и дополн. Изданіе Акціон. Общ. печатн. дѣла „Издатель". С.-Пб. 1899. Стр. 435 + X. Цѣна 1 р. 80 коп." — въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**Н. Каразинъ**. 1) Въ камышахъ. Повѣсть. 3-е изданіе. Изданіе А. Ф Маркса. С.-Пб. 1901. Стр. 302 + IV. Цѣна 1 р. 50 к.—2) Двуногій волкъ Романъ. 3-е изданіе. С.-Пб. 1901. Стр. 312+IV. Цѣна 1 р. 50 коп."—в

ученическія, старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.

— „**Гете**. Фаустъ. Трагедія въ двухъ частяхъ. Переводъ **А. Фета**. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1901. Стр. 321 + CVIII. Цѣна 1 руб. 75 коп." — въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.

— „E. G. **Lessing**. Minna von Barnhelm oder Das Soldatenglück. Ein Lustspiel in 5 Aufzügen (**Лессингъ**. Минна фонъ Барнгельмъ). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ **К. Ө. Ганъ**. Изданіе 3-е, пересм. и испр. Изданіе С. А. Манштейна. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія, подъ редакціей **С. А. Манштейна**). С.-Пб. 1901. Стр. 160 (въ текстѣ)+36 (въ отдѣльномъ словарѣ). Цѣна со словаремъ 40 коп."—въ качествѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— „**И. Н. Захарьинъ (Якунинъ)**. Къ столѣтію присоединенія Грузіи. Кавказъ и его герои. Изданіе Б. Н. Звонарева. Спб. 1902. Стр. 487. Цѣна 1 р. 50 коп."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**Э. Жебаръ**. Пія и Викторинъ. Историческая повѣсть изъ временъ борьбы императоровъ съ папами. Перевела **В. Кошевичъ**. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1901. Стр. 198 + I. Цѣна 1 р." — въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.

— „**Сигизмундъ Либровичъ**. Гроза гимназіи. Разсказы изъ школьной жизни. С.-Пб. 1892. Стр. 8 нен.+174+I. Цѣна 75 коп."—въ ученическія, средняго и младшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**Н. А. Муратовъ**. Очерки грамматики старо-словенскаго языка съ приложеніемъ текста изъ Остромирова Евангелія, руководящей статьи о языкѣ и правописаніи этого памятника и словаря малоизвѣстныхъ словъ. Изданіе 2-е, испр. и дополн., В. В. Думнова. М. 1897. Стр. 18 + XXIV + (25—160). Цѣна 1 р."—въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства при прохожденіи русской и древне-славянской грамматики въ IV классѣ и для грамматическихъ разъясненій при чтеніи образцовъ въ послѣдующихъ классахъ.

— „**Джонъ Тиндаль**. Звукъ. Въ общедоступномъ изложеніи путемъ опытовъ. Съ послѣдняго, 7-го, англійскаго изданія перевелъ **Е. А. Предтеченскій**. Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1902. Стр. X + 424. Цѣна 1 р. 25 к."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**Левъ Поливановъ**. Русская хрестоматія для 2 первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 21-е. М. 1901. Стр. XII+370+VI. Цѣна 70 коп."—къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія, въ двухъ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**Джонъ Леббокъ**. Красоты природы и ея чудеса. Переводъ **А. Нико-**

лаева. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 208+I. Цѣна 65 коп."— въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**В. Никифоровъ.** Латинская грамматика. По Штегману. Изданіе 9-ое. М. 1901. Стр. IV+291. Цѣна 1 р."—въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій министерства.

— „**Ар. Турцевичъ.** Русская исторія (въ связи съ исторіей Великаго Княжества Литовскаго). 6-ое изданіе. Вильна. 1901. Стр. VIII+157. Цѣна 50 к."—въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— „**М. Острогорскій.** Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. 6-ое изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. IV+139. Цѣна 60 коп."—въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „W. Hauff. Das Bild des Kaisers. Снабдилъ примѣчаніями и словаремъ **Л. К. Якобсонъ.** С.-Пб. 1901. Стр. 177. Цѣна 50 коп."—въ качествѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Русская Школа. Общепедагогическій журналъ для школы и семьи. Издаваемый ежемѣсячно подъ редакціей **Я. Г. Гуревича.** С.-Пб. 1900. Цѣна по подпискѣ 7 руб."—къ выпискѣ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и для библіотекъ учительскихъ институтовъ, не только за разсмотрѣнный 1900 годъ, но и впредь.

— „**Н. В. Гоголь.** Сочиненія. Редакція **Н. С. Тихонравова.** Изданіе 16-ое въ 12 томахъ (6 книгахъ), А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1901. Цѣна не обозначена."—Въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**Георгъ Грекъ.** Очерки исторіи англійскаго языка. Переводъ **Н. Виноградова.** М. 1901. Стр. 125. Цѣна 1 р."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**В. М. Михеевъ.** Отрокъ мученикъ. Углицкое преданіе. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1898. Стр. 131. Цѣна 2 р. 50 коп."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**В. П. Авенаріусъ.** Дѣтскіе годы Моцарта. По Герiберту Рау. Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1901. Стр. 64. Цѣна 20 коп."—въ ученическія, младшаго и средняго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника. Морфологія, анатомія и физіологія растеній. Переводъ подъ ред., съ примѣчаніями и дополненіями **С. И. Ростовцева.** Съ предисловіемъ **К. А. Тимирязева.** Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. (Серія учебниковъ по біологіи). М. 1901. Стр. XX+703. Цѣна 3 руб."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— „**В. П. Авенаріусъ.** Дѣтскія сказки. Изданіе 4-ое, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1901. Стр. 230. Цѣна 1 р. 25 коп." — въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**В. Куликова.** Володя Колосовъ. (Очеркъ изъ жизни гимназиста). С.-Пб. 1902. Стр. 117. Цѣна 75 к." — въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**А. Сливицкій.** Новичокъ. Разсказъ. М. 1900. Стр. 59. Цѣна 30 к." — въ ученическія, младшаго и средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Сэръ **Джонъ Леббокъ.** Радости жизни (The pleasures of life by Sir John Lubbock). Переводъ **М. Ловцовой.** Съ предисловіемъ **А. Михайлова.** 3-е изданіе, В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1899. Стр. 295. Цѣна 90 коп." — въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**М. Н. Соболевъ.** Коммерческая географія Россіи. 2-е изданіе, испр. и дополн. Томскъ. 1902. Стр. 244. Цѣна 1 р. 25 коп." — въ качествѣ учебнаго руководства для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ и вообще для тѣхъ учебныхъ заведеній министерства, въ коихъ проходится курсъ коммерческой географіи Россіи.

— „**Сигизмундъ Либровичъ.** Семнадцать дочерей. С.-Пб. 1902. Стр. III+158+II in 32°. Цѣна 60 к." — въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки женскихъ гимназій, прогимназій и пріютовъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— „**А. Н. Сальниковъ.** Русскіе поэты за сто лѣтъ (съ Пушкинской эпохи до нашихъ дней) въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1901. Стр. XIV+599+II. Цѣна 1 р. 65 коп." — въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**Э. Ю. Петри.** Учебный географическій атласъ. 3-е изданіе, испр. и дополн. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. Годъ не обозначенъ. Цѣна 2 р." — въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**С. А. Бобровскій.** Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка. (Опытъ народной гигіены). Изданіе 6-е, испр. и дополн., В. В. Думнова. М. 1899. Стр. 110. Цѣна 35 к." — въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**Ю. Вагнеръ.** Разсказы о животныхъ. № 413. М. 1901. Стр. 56. Цѣна 15 коп." — въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „**Д. А. Коропчевскій.** Прежде и теперь. Очерки домашней жизни. Изданіе ред. журн. „Всходы". С.-Пб. 1901. 392 столбца. Цѣна 1 р." — въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

2. Допустить условно слѣдующія книги:

— „Иностранные поэты. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1901. 1) Робертъ Бёрнсъ. Стр. 48.—2) Альфредъ Теннисонъ. Стр. 48.—3) Іоганнъ Вольфгангъ Гёте. Стр. 48.—4) Фридрихъ Шиллеръ. Стр. 48.—5) Георгъ Краббъ. Стр. 48.—6) Андрей Шенье. Стр. 48.—7) Вальтеръ Скоттъ. Стр. 48.—8) Генри Лонгфелло. Стр. 48—9) Альфонсъ де Ламартинъ. Стр. 48. Цѣна каждой книжки 10 коп." — въ ученическія, стар-

шаго возраста, библіотеки мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— „**М. Варавва.** Начальный курсъ анатоміи и физіологіи человѣка и гигіены. Изданіе 4-е. М. 1897. Стр. 144. Цѣна 75 коп."—въ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ проходятся анатомія и физіологія, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги былъ опущенъ отдѣлъ гигіены, представляющій въ настоящемъ изложеніи излишній балластъ, и чтобы книга была вообще исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— „**Ѳ. Гиляровъ.** Этимологія церковно-славянскаго языка. Съ упражненіями и текстомъ Остромирова Евангелія. Изданіе 4-е, В. Думнова, М. 1898. Стр. VIII+116. Цѣна 60 коп."—къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства въ качествѣ учебнаго руководства съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга эта была тщательно исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— „**К. Ѳ. Ярошевскій.** Учебникъ ботаники. Изданіе 9-е. М. 1902. Стр. 296+I. Цѣна 1 р. 50 коп."—въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи систематическая часть книги была сокращена, а физіологическая нѣсколько расширена, и чтобы было обращено надлежащее вниманіе на корректурную исправность книги.

— „**П. Перевлѣсскій.** Славянская грамматика съ изборникомъ. Изданіе 14-е, В. Думнова. М. 1896. Стр. VIII+216. Цѣна 80 коп."—въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи ея былъ исправленъ отдѣлъ фонетики.

— „**Евгеній Гененъ.** Новая Франція. Переводъ **Б. П. фонъ-Дитмаръ.** Изданіе А. Я. Панафидина. М. 1901. Стр. VII+633. Цѣна 1 р. 25 коп."—въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи переводъ былъ тщательно свѣренъ съ подлинникомъ и исправленъ.

— „**Н. Баталинъ.** Краткая славянская грамматика съ задачами для упражненій. Изданіе 2-е. М. 1890. Стр. 56. Цѣна 30 коп."—въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— „Paul Gläser und Ernst von Pezold. Lehrbuch der deutschen Sprache für russische Schulen. Teil I. 2-е изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+159. Цѣна 90 коп."—въ качествѣ учебнаго руководства для двухъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданій книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. министромъ, постановлено:

— Сочиненіе: „**Н. М. Павловъ.** Русская исторія до новѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362 гг.). Томъ 1-й. М. 1896. Стр. VIII+405.—Томъ 2-й. М. 1899. Стр. VI+356.—Томъ 3-й. М. 1900. Стр. VI+426.—Вторые пять вѣковъ перваго тысячелѣтія. (1362—1862 гг.). Томъ 1-й. М. 1902. Стр. IV+446. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп."—

рекомендовать, посредствомъ особаго циркулярнаго распоряженія министерства, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, а равно и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „**А. Ѳ. Кони.** Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. 2-е изданіе, А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1901. Стр. 174. Цѣна 50 коп.“— признать заслуживающею рекомендаціи министерства, посредствомъ особаго циркулярнаго предложенія, для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ, и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества, подъ ред. **В. П. Семенова** и подъ общимъ руководствомъ **П. П. Семенова** и **В. И. Ламанскаго**. Томъ VI. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. 549+50. Цѣна 2 р. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 р. 75 коп., въ переплетѣ 3 р.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и признать все названное изданіе заслуживающимъ особой, посредствомъ циркулярнаго предложенія министерства, рекомендаціи для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ и въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и для выдачи учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ награду.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

— „**Вас. И. Немировичъ-Данченко.** За далекихъ братьевъ. Повѣсть изъ послѣдней русско-турецкой войны. Изд. журн. „Всходы“. С.-Пб. 1901. Стр. 167. Цѣна 80 коп.“—въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**Ю. Д. Головнина.** На Памирахъ. Записки русской путешественницы. М. 1902. Стр. VIII+244. Цѣна 1 р. 50 коп.“—въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— 1) „**В. Д. Беневскій.** Церковное осмогласіе. (Пѣніе гармоническое). I. Стихиры воскресны „на Господи воззвахъ“ съ запѣвами Богородичны и стихиры на стиховнѣ Кіевскаго и обычнаго роспѣвовъ. II. Тропари вос-

кресны„ на Богъ Господь“ съ Богородичны разныхъ роспѣвовъ. Положенные для 4-хъ голоснаго женскаго, или мужского хора. М. 1899. Стр. 100. Цѣна 1 р. 50 коп.“—2) „Тебѣ, нашъ добрый Царь!“ Пѣсня для дѣтскаго или женскаго хора съ фортепіано. Слова **П. И. Смирнова**, музыка **В. Д. Хорошевичъ-Терницкаго (Беневскаго)**. М. 1900. Стр. 7. Цѣна 40 коп.“—3) „Два хора съ аккомпаниментомъ фисгармоніи для дисканта, альта, тенора и баса. № 1-й. Молитва. Слова **Н. А. Некрасова**. № 2-й. Добрая ночь. Слова **С. И. Миропольскаго**. Музыка **В. Д. Хорошевичъ-Терницкаго**. М. 1899. Стр. 5. Цѣна 30 коп.“—4) **В. Д. Беневскій**. Школьный другъ. Сборникъ дѣтскихъ подвижныхъ игръ съ пѣніемъ и хороводомъ. Выпускъ I. М. 1901. Стр. 79. Цѣна 1 р. 50 коп.“—въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „Дешевая научно-популярная библіотека для всѣхъ. Подъ ред. **Н. В. Т—ва**. Изданіе И. Д. Сытина. 1901. 1) **С. Фишеръ**. Какъ кровь движется по нашему тѣлу и какая намъ отъ нея польза. Стр. 35. Цѣна 5 коп.—2) **Его же**. Чѣмъ и для чего мы питаемся. Стр. 53. Цѣна 5 коп.—3) **Его же** Чѣмъ и для чего человѣкъ дышитъ. Стр. 35. Цѣна 5 коп.—4) **Его же**. Наши пять чувствъ. Стр. 36. Цѣна 5 к.—5) **Его же**. Отъ чего болѣютъ и мрутъ наши дѣти. Стр. 54. Цѣна 5 коп.—6) **Его же**. Что такое зараза и какъ должно отъ нея оберегаться. Стр. 53. Цѣна 5 коп.—7) **Его же**. Что такое чахотка и какъ отъ нея уберечься. Стр. 35. Цѣна 5 коп.—8) **Его же** Что такое хирургія или какъ лѣчатъ ножомъ. Стр. 36. Цѣна 5 коп.—9) **Его же**. Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки (водка, вино, пиво) на человѣка. Стр. 35. Цѣна 5 коп.—10) **Его же**. Что такое сифилисъ и какъ съ нимъ бороться. Стр. 35. Цѣна 5 коп.“—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „**Петрушевскій, В. Г.** Сборникъ духовныхъ пѣсенъ, избранныхъ изъ Богогласника и переложенныхъ для хора. Выпускъ I. Изданіе Подольскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. М. 1899. Стр. 47. Цѣна 35 коп.—Выпускъ II. С.-Пб. 1901. Стр. 33. Цѣна 50 коп.“—въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній въ губерніяхъ Западнаго и Юго-западнаго края.

— „**Е. И. Смирновъ**. Былинка. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Изданіе С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. VI+157. Цѣна 60 к.“—въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Изданія С. Курнина и К°: 1) „**Клавдія Лукашевичъ**. Ужасные дни. Быль. М. 1901. Стр. 44. Цѣна 25 коп.“—2) „**Н. Позняковъ**. Дѣти золотой глуши. М. 1901. Стр. 31. Цѣна 20 коп.“—3) „**Его же**. Въ сельской школѣ. Очеркъ. М. 1901. Стр. 37. Цѣна 25 коп.“—въ ученическія библіотеки начальныхъ школъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— „Доступная библіотека. № 30. Свято-Троицкая Реконская пустынь и возстановитель ея схимонахъ о. Амфилохій. С.-Пб. 1901. Стр. 20. Цѣна 15 коп.“—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни.

— 1) „**Клавдія Лукашевичъ**. Тихонъ Михайловичъ. Быль. Изданіе С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 63. Цѣна 25 коп.“—2) „**К. Лукашевичъ**. Баринъ и Слуга. Разсказъ. Изданіе С. Курнинъ и К°. М. 1901. Стр. 56. Цѣна 25 коп.“—3) „**К. Лукашевичъ**. Старый Памфилычъ. Разсказъ. Изданіе